ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXIV. — ТОМЪ CCCLXXV. — 1/13 ЯНВАРЯ 1900.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1900

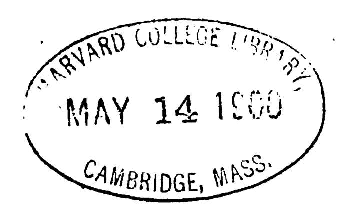
2872

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1900.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1900 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)



КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЕГО ДВИЖЕНІЕ, ЗА ПОСЛѢДНІЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія состоялся рядъ законодательныхъ распоряженій и мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта сельскаго населенія.

Всѣ эти мѣры могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: во-первыхъ, мѣры, касающіяся устройства земельныхъ отношеній крестьянъ, и, во-вторыхъ, мѣры, клонящіяся къ улучшенію ихъ экономическаго положенія посредствомъ облегченія лежащей на нихъ податной тяготы.

Изъ мѣръ первой категоріи — законы о семейныхъ раздѣлахъ, о передѣлахъ и о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли были уже разсмотрѣны нами прежде [1]); о вышедшемъ же въ послѣднее время законѣ объ устройствѣ быта сибирскихъ крестьянъ будетъ сказано далѣе.

Теперь же обратимся къ разсмотрѣнію мѣръ второй категоріи и постараемся опредѣлить, въ какой мѣрѣ можно ожидать нихъ измѣненія къ лучшему крестьянскаго дѣла.

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы", 1895 г.: май, 5; іюнь, 469; окт., 461; 1898 г.; іюль, 5 стр.

I.

Положеніемъ 19-го февраля 1861 года выкупъ усадебныхъ и полевыхъ земель былъ предоставленъ соглашенію крестьянъ съ помѣщиками.

Къ сожалѣнію, однако, дѣло не осталось на этой факультативной почвѣ.

Рядъ обстоятельствъ достаточно извѣстныхъ, и на которыя потому было бы излишне вновь указывать, побудилъ правительство постепенно перейти къ обязательному выкупу крестьянскихъ земель различныхъ категорій.

Лучшей критикой введеннаго въ дѣло обязательнаго начала могло служить то обстоятельство, что, вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе выкупной операціи, начали накопляться на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ недоимки выкупныхъ платежей, достигавшія уже къ началу 1880 года значительной цифры—шестнадцати съ половиною милліоновъ рублей, составлявшей болѣе 38% всего, лежавшаго на крестьянахъ, выкупного долга.

Вслѣдствіе того, съ самаго начала проявилась необходимость дарованія крестьянамъ различныхъ льготъ по выкупнымъ платежамъ. Въ исключительныхъ случаяхъ приходилось разсрочивать и слагать недоимки. Постоянный ростъ послѣднихъ, даже въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не было ни неурожаевъ, ни другихъ исключительно неблагопріятныхъ обстоятельствъ, свидѣтельствовалъ, однако, о продолжающейся несоразмѣрности—по цѣлымъ мѣстностямъ—выкупныхъ окладовъ съ достоинствомъ надѣла и средствами крестьянъ и о недостаточности подобныхъ исключительныхъ льготъ.

Существовавшая несоразмѣрность объяснялась тѣмъ, что крестьянскіе оброки, послужившіе основаніемъ для исчисленія выкупныхъ платежей, взимались не съ одной цѣнности земли, но и въ нѣкоторой мѣрѣ съ личнаго труда крестьянъ. Понудительныя мѣры взысканія, принимавшіяся по отношенію къ неплательщикамъ, при существованіи подобной несоразмѣрности обязательныхъ платежей со средствами плательщиковъ, только еще болѣе разстроивали ихъ экономическое положеніе. Въ виду всего вышеизложеннаго, было предположено даровать крестьянамъ нѣкоторое платежное облегченіе для поставленія ихъ обязательствъ въ соразмѣрность съ ихъ средствами. Но, вмѣсто ограниченія льготъ кругомъ дѣйствительно нуждающихся крестьянъ, правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости дарованія льготы

всѣмъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, потому что эти крестьяне, составляя половину сельскаго населенія Россіи, находились, по отношенію къ лежавшимъ на нихъ выкупнымъ платежамъ, въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ другая половина того же населенія, состоявшая главнымъ образомъ изъ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ въ платежи первыхъ вошелъ отчасти и выкупъ личной зависимости. Для устраненія этой очевидной несправедливости и было рѣшено распространить нѣкоторую часть пониженія на всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, допустивъ, кромѣ того, нѣкоторое дальнѣйшее пониженіе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, наиболѣе нуждавшихся въ облегченіи. Общую сбавку рѣшено было произвести въ размѣрѣ *одного рубля* съ каждаго обложеннаго выкупнымъ платежемъ душевого надѣла въ губерніяхъ великороссійскихъ; въ мѣстностяхъ же, состоявшихъ на малороссійскомъ мѣстномъ положеніи— въ размѣрѣ 16 копѣекъ съ каждаго рубля оклада выкупныхъ платежей. На это пониженіе было ассигновано три милліона рублей; кромѣ того было назначено еще девять милліоновъ на добавочное облегченіе наиболѣе нуждавшихся крестьянъ. Все пониженіе достигло, такимъ образомъ, цифры двѣнадцати милліоновъ. Подобная же мѣра была распространена въ 1884 г. на крестьянъ могилевской губерніи и бѣлорусскихъ уѣздовъ витебской губерніи.

Изъ этой суммы на нечерноземныя губерніи было израсходовано на общее и добавочное пониженіе 7,5 милліоновъ и на черноземныя 3,5 милліона рублей; около милліона оставалось, затѣмъ, въ запасѣ на дальнѣйшія потребности. Замѣчательно, что въ то время наиболѣе нуждавшимися считались еще нечерноземныя губерніи, между тѣмъ какъ въ настоящее время въ категорію наиболѣе нуждающихся перешелъ черноземный районъ.

Результаты закона, въ смыслѣ сокращенія недоимочности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, оказались въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ крайне различными. При однообразномъ пониженіи оклада со всѣхъ крестьянъ, пониженіемъ воспользовались и такія мѣстности, которыя въ немъ совершенно не нуждались; самый поразительный фактъ, въ этомъ отношеніи, проявился въ нѣкоторыхъ селеніяхъ могилевской и витебской губерній. Эти селенія были переведены на обязательный выкупъ въ ноябрѣ 1863 года; но, за отсутствіемъ въ упомянутомъ законѣ указанія на размѣръ пониженія для этихъ селеній и вслѣдствіе продолжительной переписки, вызванной необходимостью опредѣлить этотъ размѣръ сообразно съ окладами прежнихъ платежей крестьянъ, перешед-

шихъ на выкупъ по добровольному соглашенію съ помѣщиками,— общее пониженіе части, причитавшейся на этихъ крестьянъ, состоялось только въ 1894 г. А такъ какъ закономъ 1884 года было постановлено произвести это пониженіе съ 1882 года,— крестьяне же вносили въ теченіе всего означеннаго періода времени всѣ оклады безнедоимочно,—то за истекшія одиннадцать съ половиною лѣтъ у нихъ образовалась переплата столь значительная, что нѣкоторыя сельскія общества не только освободились отъ выкупныхъ платежей на все послѣдующее время, но, сверхъ того, получили еще право на возвратъ изъ казны излишне внесенныхъ ими денегъ. Наоборотъ, многіе крестьяне, особенно нуждавшіеся въ пониженіи вслѣдствіе исключительной высоты ихъ платежей, получили облегченіе не въ той мѣрѣ, въ какой это требовалось дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла.

Независимо отъ вышеизложеннаго, достиженію полной соразмѣрности препятствовало требованіе закона,—чтобы окладъ выкупныхъ платежей помѣщичьихъ крестьянъ не уменьшился ниже размѣра оброчной подати, вносимой бывшими государственными крестьянами сосѣднихъ селеній, несмотря на совершенно другія иногда экономическія условія.

При такихъ условіяхъ, между тѣмъ какъ въ однѣхъ губерніяхъ выкупныя недоимки значительно уменьшились, въ другихъ губерніяхъ онѣ не только не уменьшались, но продолжали даже рости, какъ, напр., въ губерніяхъ владимірской, вологодской, воронежской, казанской, московской, нижегородской [1]).

Не имѣло въ этомъ отношеніи существеннаго значенія и состоявшееся около этого времени уничтоженіе подушной подати.

Съ преобразованіемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ 1886 году, устранилось всякое различіе между ними и прежними помѣщичьими крестьянами. Несмотря на сравнительно льготныя условія этого преобразованія, и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, вскорѣ послѣ реформы, стали появляться значительныя недоимки.

Въ 1889 году былъ установленъ однообразный для всѣхъ

---

[1]) Съ теченіемъ времени законъ остался, однако, не безъ вліянія и на многія изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ вначалѣ онъ, повидимому, не оказалъ никакого благотворнаго вліянія. Какъ мы видѣли, спеціальное пониженіе восьмидесятыхъ годовъ коснулось преимущественно нечерноземныхъ губерній, считавшихся въ то время особенно недоимочными; въ настоящее время многія изъ этихъ губерній, напр. смоленская, калужская, тверская, почти вышли изъ числа недоимочныхъ и исправно вносятъ свои оклады.

вообще сельскихъ обывателей порядокъ разрѣшенія ходатайствъ о льготахъ по взносу недоимокъ.

Всѣ эти мѣры не могли, однако, дать удовлетворительнаго результата. Высшій предѣлъ льготы, по этому закону, ограничивался отсрочкою до пяти лѣтъ, съ послѣдующею затѣмъ разсрочкою еще на пять лѣтъ; подобная льгота оказывалась далеко не достаточною для всѣхъ тѣхъ сельскихъ обществъ, недоимки коихъ равнялись годовымъ окладамъ платежей или даже превосходили ихъ, такъ какъ указанныя условія разсрочки установляли, по истеченіи первыхъ пяти лѣтъ, надбавку къ ежегоднымъ платежамъ въ размѣрѣ около одной-пятой части оклада, между тѣмъ какъ неурожаи, вызывавшіе недоимки, не могли не причинять разстройства крестьянскихъ хозяйствъ, застигнутыхъ ими въ такой мѣрѣ, что даже уплата одного оклада оказывалась для нихъ обременительною; это выказалось съ особенною силою послѣ неурожая 1891 года: всякая надбавка къ окладу представлялась для нихъ окончательно невозможною.

Вслѣдствіе того, въ 1894 году, было постановлено, что—по ходатайству мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ—могутъ быть допускаемы отсрочки и разсрочки недоимокъ безъ ограниченія суммы и продолжительности льготы, съ тѣмъ чтобы ежегодные на погашеніе недоимки взносы сельскаго общества не превосходили одного годового оклада, и чтобы недоимки, отсроченныя на послѣдующее по окончаніи выкупной операціи время, погашались путемъ продленія срочныхъ платежей въ прежнемъ размѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ покрыта вся числившаяся за ними недоимка.

Примѣненіе закона 1894 года потребовало производства обширныхъ изслѣдованій различныхъ недоимочныхъ мѣстностей имперіи. Эти разслѣдованія доставили весьма богатый матеріалъ для разъясненія крестьянскаго дѣла. Оказалось, что по всѣмъ обслѣдованнымъ мѣстностямъ недоимки превышали годовой окладъ, составляя два, три и даже до десяти окладовъ. Уже это одно обстоятельство давало основаніе заключить, что причиною столь крупныхъ недоимокъ должны были служить не одни только случайныя бѣдствія, влекшія за собою обыкновенно временную неисправность крестьянъ, но еще и причины органическаго характера, а именно несоразмѣрность въ отдѣльныхъ случаяхъ окладныхъ платежей со средствами крестьянъ, несмотря на всѣ дарованныя уже облегченія. Мѣстныя учрежденія, производившія изслѣдованія, свидѣтельствовали, что накопленіе недоимокъ объяснялось—мѣстами—недостаткомъ надѣльной земли, въ виду на-

копленія населенія, вынуждавшимъ крестьянъ арендовать окрестную землю по высокой цѣнѣ, а мѣстами—отсутствіемъ луговъ и пастбищъ въ надѣлахъ, вызывавшимъ невозможность содержать необходимое число скота; мѣстами—плохимъ качествомъ надѣльной земли, отсутствіемъ заработковъ и тому подобными, постоянно дѣйствовавшими, неблагопріятными условіями.

При такъ условіяхъ одна отсрочка недоимки, въ какихъ бы широкихъ размѣрахъ она ни практиковалась, очевидно не могла устранить обременительности лежавшихъ на крестьянахъ платежей. Отсюда вытекало указаніе на необходимость принятія дальнѣйшихъ мѣръ къ тому, чтобы посредствомъ измѣненія самихъ окладовъ создать для плательщиковъ возможность вносить исправно слѣдовавшіе съ нихъ платежи. Къ этому побуждали еще и соображенія нравственнаго характера: сознаніе затруднительности, несмотря ни на какія условія, выйти изъ постоянной задолженности, не могло не вести къ полному равнодушію крестьянъ по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей.

Изыскивая дальнѣйшіе способы облегченія сельскихъ обывателей, правительство исходило, однако, изъ той мысли, что новое обложеніе не должно было имѣть характеръ безвозвратнаго сложенія части выкупного долга. Если подобная мѣра и была въ свое время примѣнена къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, то одною изъ главныхъ къ тому причинъ служила, какъ мы видѣли, существовавшая тогда неравномѣрность платежнаго бремени названныхъ крестьянъ, сравнительно съ бывшими государственными крестьянами, явившаяся послѣдствіемъ крѣпостного права, такъ какъ въ выкупныхъ платежахъ помѣщичьихъ крестьянъ заключался отчасти и выкупъ ихъ личной зависимости. Причины этой, за послѣдовавшимъ пониженіемъ ихъ окладовъ, уже не существовало. Поэтому правительство не считало возможнымъ налагать на казну новыя значительныя жертвы. Насколько велики были уже принесенныя казною пожертвованія, видно изъ того, что изъ 891.739.000 руб. выкупной ссуды, было сложено съ крестьянъ—вслѣдствіе пониженія выкупныхъ платежей—184.808.000 руб. капитальнаго долга. Не меньшія жертвы были принесены и по отношенію къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ уже потому, что преобразованіе лежавшей на нихъ оброчной подати въ выкупной платежъ было исчислено въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ податными окладами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, даже за дарованнымъ послѣднимъ пониженіемъ.

II.

При такихъ условіяхъ, послѣ принесенныхъ уже жертвъ и въ виду выпуска, для выдачи выкупныхъ ссудъ, процентныхъ бумагъ на громадную сумму, правительство не считало себя въ правѣ отказаться отъ возмѣщенія крестьянами полностью состоявшаго за ними выкупного долга.

Пониженіе крестьянскихъ окладовъ, съ соблюденіемъ указаннаго условія, могло быть достигнуто только путемъ нѣкотораго удлинненія выкупного періода. Останавливаясь на подобномъ рѣшеніи вопроса, правительство имѣло въ виду еще то соображеніе, что безвозвратнымъ сложеніемъ долга въ населеніи могли бы быть возбуждены неосновательныя и нежелательныя надежды на новыя льготы.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, правительство остановилось на мысли о пересрочкѣ выкупныхъ платежей—нуждающимся въ томъ селеніямъ—на новый выкупной періодъ. Этимъ путемъ являлась возможность уменьшить текущіе платежи сельскаго населенія до необременительнаго для нихъ размѣра и въ то же время получить полностью остающуюся часть выкупного долга.

Подобная пересрочка не могла почитаться противорѣчащею постановленіямъ дѣйствующаго законодательства о выкупѣ, установившаго 49-лѣтній срокъ выкупа. Означенный срокъ налагалъ на крестьянъ обязанность окончательно погасить выкупной долгъ, въ теченіе означеннаго періода времени. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда установленный платежъ превышалъ платежныя силы крестьянъ, было основаніе допустить, по ихъ желанію, пересрочку выкупного долга на болѣе продолжительный срокъ. Практическая невозможность безусловнаго соблюденія установленнаго срока была уже признана закономъ 1894 года, разрѣшившимъ отсрочку *недоимки* на послѣдующее по окончаніи выкупного періода время.

При допущеніи пересрочки, очевидно, представлялось практически невозможнымъ принятіе для каждаго отдѣльнаго случая особеннаго срока, такъ какъ это повело бы къ крайнему разнообразію и запутанности въ разсчетахъ.

Съ другой стороны, невозможно было остановиться и на одномъ срокѣ. Проектируемое мѣропріятіе было направлено не къ достиженію внѣшней равномѣрности погашенія выкупного долга, которая заключалась бы въ одинаковой продолжительности

выкупныхъ періодовъ для каждаго сельскаго общества, а къ равномѣрности внутренней, требующей поставленія всѣхъ нуждающихся крестьянъ въ такое положеніе, чтобы они имѣли возможность разсчитываться съ казною по лежащимъ на нихъ обязательствамъ безъ особаго для себя отягощенія. Эта послѣдняя цѣль могла быть достигнута назначеніемъ нѣсколькихъ сроковъ, изъ коихъ самый продолжительный примѣнялся бы преимущественно къ крестьянамъ, недавно переведеннымъ на выкупъ, а меньшіе—къ крестьянамъ, ранѣе къ нему приступившимъ. Наиболѣе продолжительнымъ срокомъ полагалось принять 56 лѣтъ, съ одновременнымъ пониженіемъ роста до 4% и погашенія до ½%. Наименьшею нормою полагалось установить 28 лѣтъ при 4% роста и 2% погашенія; наконецъ, среднимъ срокомъ опредѣленъ 41 годъ при 4% роста 1% погашенія. Такимъ образомъ, правительство остановилось на трехъ срокахъ, не считая, однако, необходимымъ вводить въ законъ какія-либо обязательныя по этому поводу правила, и полагая возможнымъ предоставить мѣстнымъ дѣятелямъ сообразоваться, при выборѣ сроковъ, съ желаніемъ крестьянъ и степенью ихъ дѣйствительной нужды.

Продленіе выкупного срока до 56 лѣтъ—въ связи съ уменьшеніемъ текущаго %—въ значительномъ большинствѣ случаевъ должно было оказаться вполнѣ достаточнымъ облегченіемъ даже для тѣхъ крестьянъ, которые, сравнительно, недавно приступили къ выкупу своихъ надѣловъ. Тѣмъ не менѣе, можно было предвидѣть случаи, когда—по исключительному разстройству крестьянскаго хозяйства—потребуется еще дополнительная льгота, сверхъ даруемой пересрочкою. Наиболѣе удобнымъ для того средствомъ представлялась пересрочка по предположеннымъ правиламъ не всего непогашеннаго еще долга, а лишь той его части, которая могла быть пополнена срочными платежами безъ обремененія плательщиковъ, съ тѣмъ чтобы вся остальная часть была отсрочена на послѣдующее время, по окончаніи вновь установляемаго выкупного періода. Опредѣленіе нынѣ же порядка погашенія отсроченной части представлялось невозможнымъ, при невозможности предусмотрѣть будущія экономическія условія крестьянскаго быта, и разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса необходимо было оставить до времени.

Согласно со всѣми такими предположеніями и состоялся законъ 13-го мая 1896 года.

III.

На основаніи этого закона установлялась пересрочка долга на 56, 41 и 28 лѣтъ, съ соотвѣтственнымъ платежемъ роста и погашенія въ $4^1/_2$, 5 и $6^0/_0$. Въ случаѣ недостаточности означенной льготы, сумма остающагося выкупного платежа подлежала дѣленію на двѣ части. Уплата первой части разсрочивалась согласно вышеуказанному правилу; а уплата остальной части отсрочивалась до окончанія вновь установляемаго срока, съ тѣмъ, чтобы порядокъ погашенія этой части былъ опредѣленъ впослѣдствіи. На отсроченную часть выкупного долга проценты не должны были начисляться до наступленія срока, когда наступитъ время погашенія ея срочными взносами. Распоряженія мѣстныхъ властей по примѣненію означенныхъ облегченій должны основываться на просьбахъ о томъ сельскихъ обывателей и на подробномъ разслѣдованіи ихъ хозяйственнаго положенія и платежныхъ силъ, по каждому отдѣльному селенію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, прежде дарованная, по закону 1894 года, отсрочка *недоимки* ни въ чемъ не подлежала нарушенію новымъ закономъ; напротивъ того, законъ постановлялъ, что если для селеній, воспользовавшихся уже отсрочкою недоимки, по окончаніи срока выкупа, потребуется продленіе срока выкупныхъ платежей, то ко взысканію отсроченной недоимки имѣетъ быть приступлено только по окончаніи вновь назначеннаго срока, и самый размѣръ подлежащихъ ежегодному пополненію недоимокъ платежа имѣетъ быть установленъ не по старому, а по вновь установленному окладу.

Такимъ образомъ, законъ 1896 года представлялъ два существенныхъ облегченія: во-первыхъ, разсрочку и отсрочку самыхъ *окладовъ*,—не ограничиваясь однѣми недоимками,—и, во-вторыхъ, пониженіе роста до $4^0/_0$.

На основаніи закона 1894 года, изъ числа 31.200 селеній, накопившихъ недоимку свыше годового оклада, по 1898 годъ было разрѣшено льготъ 22.700 селеніямъ, по коимъ сумма отсроченныхъ и разсроченныхъ *недоимокъ* составляла 62.440.000 р.; изъ нихъ только около семи милліоновъ было разсрочено, а все остальное отсрочено по конецъ выкупной операціи.

Законъ 1894 г. касался, какъ мы видѣли, только недоимки, между тѣмъ какъ законъ 1896 г. пошелъ еще далѣе, распространяя льготу и на самые *оклады*. Несмотря на то, примѣненіе послѣдняго закона шло чрезвычайно медленно. По собран-

нымъ, вслѣдъ за изданіемъ означеннаго закона, свѣдѣніямъ, число селеній, нуждавшихся въ облегченіи по платежу текущихъ окладовъ, опредѣлялось въ 20.000—между тѣмъ, по конецъ 1898 г. было возбуждено ходатайство о льготахъ по окладнымъ платежамъ только со стороны 2.136 селеній, т.-е. не болѣе 10% всѣхъ нуждавшихся въ томъ селеній. Только подворные хозяева курляндской и ковенской губерній воспользовались въ большемъ размѣрѣ дарованною льготою,—съ ихъ стороны поступило 7.739 ходатайствъ.

Медленность осуществленія предполагаемой льготы обусловливалась различными причинами.

Прежде всего,—незнакомствомъ крестьянъ съ содержаніемъ новаго закона и непониманіемъ сущности дарованныхъ облегченій, при недостаточномъ разъясненіи вопроса мѣстными властями; затѣмъ, къ числу причинъ слѣдуетъ отнести нежеланіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ самихъ крестьянъ ходатайствовать объ указанной льготѣ, въ виду того, что при пересрочкѣ выкупного долга происходитъ удлинненіе выкупного періода сравнительно со срокомъ, остающимся, при настоящихъ условіяхъ, до конца выкупа; при этомъ крестьяне не обращали вниманія на то, съ одной стороны, что пересрочкой они могутъ обезпечивать себя отъ принудительнаго взысканія непосильнаго имъ размѣра платежей, а съ другой, что отъ нихъ зависитъ во всякое время, при улучшившихся экономическихъ условіяхъ, внести какую угодно сумму въ досрочный платежъ и тѣмъ сократить остающійся срокъ взносовъ. Во многихъ случаяхъ заявленію ходатайства о льготахъ противодѣйствовали зажиточные хозяева селенія; не желая продленія своихъ выкупныхъ платежей, они противодѣйствовали составленію приговоровъ о дарованіи пересрочки, сколько бы отъ этого ни страдали остальные, менѣе зажиточные хозяева. Не слѣдуетъ при томъ терять изъ виду, что стѣсненное положеніе малоимущихъ членовъ общества давало имъ возможность держать послѣднихъ въ постоянной отъ себя экономической зависимости. Наконецъ, въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ окладъ выкупныхъ платежей являлся особенно тяжелымъ и въ которыхъ потому накопилась крупная недоимка, постоянная задолженность вела къ полному равнодушію по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей, въ надеждѣ, что все-же съ нихъ не будетъ произведено взысканія.

При такихъ условіяхъ казалось справедливымъ приступить къ примѣненію обязательной разсрочки, не ожидая ходатайства самихъ крестьянъ, разъ они не въ состояніи платить тѣ вы-

купные оклады, которые на нихъ возложены. Правительство, однако, не рѣшилось на такую категорическую мѣру, по слѣдующимъ соображеніямъ.

Право разсрочки и отсрочки было даровано крестьянамъ въ 1896 г. въ видѣ Высочайшей милости,—милость же немыслимо примѣнять принудительно. Можно было даже опасаться, что означенная льгота, съ обязательнымъ характеромъ, будетъ принята населеніемъ какъ мѣра насильственная и произведетъ тяжелое впечатлѣніе на крестьянъ, которые часто относятся весьма сознательно къ вопросу о выкупѣ своей земли. Предоставленіе же административной власти права измѣнять основныя условія погашенія выкупного долга, не спрашивая согласія плательщиковъ, являлось бы въ нѣкоторой степени нарушеніемъ порядка, установленнаго положеніемъ о выкупѣ. Съ другой стороны, ограниченное число примѣненій закона 1896 г. еще не давало основанія заключать о необходимости измѣненій самой его постановки. Со времени изданія „Положенія“ прошло еще не много времени, а потому ограниченность примѣненія означеннаго закона могла, главнымъ образомъ, быть приписана недостаточному знакомству населенія съ характеромъ дарованной льготы. Это подтверждалось уже тѣмъ, что послѣ предложенія, въ 1897 году, мѣстнымъ властямъ внимательно разъяснять крестьянамъ сущность означеннаго законоположенія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ по московскому уѣзду,—число ходатайствъ увеличилось вчетверо.

При такомъ положеніи дѣла, казалось достаточнымъ ограничиться распоряженіемъ, чтобы въ селеніяхъ, находящихся въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ, производилось, не ожидая заявленія крестьянъ, мѣстное разслѣдованіе о ихъ экономическомъ положеніи, съ разъясненіемъ на сходѣ какъ сущности предлагаемыхъ льготъ, такъ и остающагося за крестьянами права—при улучшеніи ихъ хозяйственнаго положенія, ходатайствовать объ увеличеніи ежегоднаго оклада выкупныхъ платежей въ цѣляхъ сокращенія выкупного періода.

Можно было предположить, что подобное распоряженіе будетъ достаточнымъ для устраненія существующихъ затрудненій. Установленіе обязательнаго—при наличности опредѣленныхъ признаковъ—разслѣдованія хозяйственнаго положенія особенно недоимочныхъ селеній, ни въ чемъ не затрогивая ихъ имущественныхъ правъ, должно было принести несомнѣнную пользу и существенно содѣйствовать достиженію имѣвшейся въ виду цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставленіе крестьянамъ права впослѣд-

ствіи достигнуть болѣе быстраго погашенія выкупного долга, посредствомъ увеличенія размѣра ежегодныхъ платежей, должно было имѣть для нихъ значеніе въ томъ отношеніи, что, по дѣйствующему закону, особые, сверхъ оклада, взносы не приближали времени окончательнаго погашенія долга, а уменьшали только размѣръ послѣдующихъ выкупныхъ платежей. Такой порядокъ былъ согласованъ съ первоначальными условіями выкупной операціи; съ допущеніемъ же удлинненія первоначально установленнаго срока оказывалось справедливымъ допустить плательщикамъ возможность и сокращать его.

Независимо отъ сего, при примѣненіи закона 1896 г., на практикѣ обнаружилось, что установленныя имъ условія пересрочки выкупного долга не вполнѣ были согласованы съ положеніемъ дѣла у тѣхъ сельскихъ обывателей, которые позже перешли на выкупъ. Разрѣшая пересрочку всего непогашеннаго долга на 28, 41 и 56 л., законъ 1896 г. допускалъ, при недостаточности этихъ льготъ, отсрочку части долга на послѣдующее время лишь при пересрочкѣ первой части на 56 лѣтъ. При изданіи закона, имѣлось въ виду примѣнять эту послѣднюю мѣру только какъ исключеніе, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Между тѣмъ, крестьянскія учрежденія нѣкоторыхъ губерній стали ходатайствовать о примѣненіи этой мѣры и къ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, переведеннымъ на выкупъ, только съ 1887 г., для которыхъ потому допущеніе отсрочки части долга только при пересрочкѣ остальной части на 56 лѣтъ отдаляло бы окончательное погашеніе на слишкомъ продолжительное время, доводя его до ста и болѣе лѣтъ.

Вотъ почему казалось умѣстнымъ допускать отсрочку части долга на послѣдующее время даже при пересрочкѣ остальной части на 28 лѣтъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда бы оказывалось недостаточнымъ одного уменьшенія текущаго оклада путемъ пересрочки. Наконецъ, представлялось еще цѣлесообразнымъ съ точностью опредѣлить минимальный размѣръ пересрочиваемой части долга, постановивъ, что такой размѣръ не долженъ быть менѣе половины.

Совокупность вышеизложенныхъ предположеній заключала въ себѣ залогъ существеннаго облегченія въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Въ тѣхъ же совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда и эти мѣры оказались бы недостаточными, за правительствомъ оставалась возможность примѣнить и исключительныя мѣры облегченія.

Согласно вышеизложенному и состоялось изданіе закона 1899 года. Этимъ законоположеніемъ постановлялось слѣдующее.

Въ случаѣ недостаточности означенной въ ст. 1-й закона 1896 г. льготы (о пересрочкѣ непогашеннаго выкупного долга)—сверхъ пересрочки можетъ быть допускаема отсрочка не менѣе половины всей суммы непогашеннаго долга, съ такимъ разсчетомъ, чтобы взносъ новыхъ срочныхъ платежей не былъ непосильнымъ для крестьянъ, по ихъ хозяйственному положенію. Въ этомъ случаѣ уплата первой части должна подлежать пересрочкѣ на 28 лѣтъ; уплата же второй части отсрочивается до окончанія этого срока. Условія и порядокъ погашенія послѣдней части имѣютъ быть опредѣлены ко времени окончательнаго погашенія первой части, сообразно хозяйственному къ тому времени положенію сельскихъ обывателей. Представленія о дарованіи указанныхъ льготъ должны быть основаны на просьбахъ о томъ сельскихъ обществъ и сопровождаться подробнымъ изслѣдованіемъ хозяйственнаго положенія просителей.

По тѣмъ селеніямъ, которыя въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ ни разу не уплатили существовавшаго полнаго оклада, или по коимъ ежегодное поступленіе за тотъ же періодъ времени не превышалъ въ среднемъ 80% полнаго оклада, установленныя мѣстныя учрежденія принимаютъ собственною властью распоряженіе о производствѣ подробнаго разслѣдованія хозяйственнаго положенія этихъ селеній.

Если при этомъ будетъ удостовѣрено, что существующій окладъ оказывается для плательщиковъ непосильнымъ, то производящія разслѣдованіе лица разъясняютъ на сходѣ право плательщиковъ ходатайствовать о предоставленіи имъ вышеуказанныхъ льготъ, объясняя въ подробности ихъ сущность.

Добытыя разслѣдованіемъ данныя, а равно и приговоръ сельскаго общества, возбудившаго ходатайство о льготахъ, препровождаются по принадлежности, разсматриваются безъ всякаго промедленія и разрѣшаются министромъ финансовъ.

Сельскимъ обществамъ и подворнымъ владѣльцамъ, воспользовавшимся льготами, предоставляется ходатайствовать о сокращеніи выкупного періода съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ выкупныхъ платежей, въ случаяхъ улучшенія ихъ хозяйственнаго положенія или значительнаго уменьшенія установленнаго оклада, вслѣдствіе досрочнаго погашенія части выкупного платежа, при отчужденіи, напримѣръ, надѣльной земли для государственной или общественной потребности.

Тѣмъ сельскимъ обывателямъ, которые уже воспользовались

льготами на основаніи Положенія 1896 г., допускается измѣненіе установленныхъ условій пересрочки и отсрочки, на основаніи Правилъ 1899 г., съ тѣмъ, чтобы назначенные въ силу закона 1896 г. оклады платежей не были повышаемы въ теченіе первыхъ 28 лѣтъ.

При дарованіи всѣхъ вышеуказанныхъ льготъ—мѣстнымъ властямъ поручено слѣдить за своевременнымъ и исправнымъ взносомъ причитающихся платежей.

Послѣднимъ указаніемъ имѣлось несомнѣнно въ виду выразить, что—за дарованными уже льготами—сельскимъ обывателямъ не слѣдуетъ разсчитывать на какія-либо дальнѣйшія новыя облегченія.

IV.

Всѣ вышеприведенныя мѣропріятія касались до сихъ поръ облегченія крестьянъ путемъ разсрочки, отсрочки и даже отчасти сложенія накопившихся недоимокъ и самыхъ окладовъ. Но этимъ желаемая цѣль—поднятіе крестьянскаго благосостоянія и его платежной способности—достигалась только отчасти; главная сущность нестроенія въ этой области заключалась *въ самой податной системѣ*, вызывая необходимость реформы способа взиманія платежей.

Въ какой формѣ проявляется налогъ—это крестьянина мало интересуетъ; его интересуетъ только степень соразмѣрности налога съ его платежными силами и самый способъ взиманія податей.

Названіе окладной подати и предметъ, который ею обложенъ, является для крестьянина чисто отвлеченнымъ понятіемъ; какой бы ни былъ установленъ налогъ съ селенія, крестьяне всегда распредѣлятъ его между отдѣльными домохозяевами по своему крестьянскому домашнему кадастру, оцѣняя обыкновенно весьма правильно платежную способность каждаго. Главное для крестьянина—*способъ взиманія податей.*

Существовавшее до сихъ поръ податное положеніе отличалось крайнею неопредѣленностью. Многія стороны податного вопроса имъ не затрогивались, но зато практика выработала въ этомъ отношеніи вполнѣ опредѣленные пріемы; къ сожалѣнію, эти именно пріемы и вносили въ дѣло взиманія податей такой порядокъ, который прямо велъ къ разстройству крестьянскаго благосостоянія, какъ на то уже было указано въ предъидущихъ нашихъ статьяхъ. Даже тѣ гарантіи противъ крайняго произ-

вола взиманія, которыя заключались въ существовавшемъ законѣ, не соблюдались въ дѣйствительности. Вліяніе административнаго воздѣйствія—и именно воздѣйствія низшихъ органовъ администраціи—получило гораздо бо̀льшее значеніе, нежели то имѣлось въ виду по закону. Одну изъ причинъ такого положенія дѣла слѣдовало искать во всецѣломъ предоставленіи этого дѣла *полиціи*.

Пока податной надзоръ входилъ въ кругъ вѣдѣнія мировыхъ посредниковъ, стоявшихъ близко къ крестьянскому населенію, взиманіе окладныхъ сборовъ производилось довольно разумно и попечительно. Этотъ характеръ оно сохранило и до сихъ поръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уцѣлѣлъ штатъ мировыхъ посредниковъ. Но съ 1874 г. податное дѣло перешло—въ большей части Россіи—въ руки уѣзднаго исправника. Это измѣненіе существовавшаго порядка имѣло роковое значеніе для всей постановки дѣла. Съ тѣхъ поръ въ этой области мало-по-малу воцарился произволъ, который имѣлъ весьма вредныя для крестьянскаго благосостоянія послѣдствія. Учрежденіе должности податного инспектора не измѣнило положенія вещей, ибо ему не было предоставлено надлежащаго вліянія по наблюденію за взысканіемъ податныхъ сборовъ. Равнымъ образомъ и преобразованіе въ 1889 г. крестьянскихъ учрежденій не принесло въ этомъ отношеніи существенной пользы; права и обязанности, которыя были предоставлены земскому начальнику въ податномъ дѣлѣ, были крайне ограничены и неопредѣленны.

Итакъ, послѣ приведенія, вышеизложенными законодательными мѣрами, податной тяготы по возможности въ соотвѣтствіе съ платежными силами крестьянъ,—потребность проявлялась не столько въ коренномъ преобразованіи податной системы, сколько въ преобразованіи способа взиманія податей.

Коренная реформа окладныхъ сборовъ, въ которой пока и не представлялось особенной потребности, оказывалась, притомъ, при данныхъ условіяхъ неосуществимою по слѣдующимъ причинамъ.

По тѣсной связи окладного вопроса съ прочими законоположеніями, нормирующими крестьянскій бытъ и условія сельской жизни, проектъ податного преобразованія долженъ былъ сообразовываться съ существующимъ въ этомъ отношеніи порядкомъ. Существующія же законоположенія о крестьянахъ требуютъ пересмотра, какимъ трудомъ и занято въ настоящее время правительство. Только по завершеніи этой важной работы, находящейся еще въ подготовительномъ положеніи, можно будетъ приступить, если

то окажется нужнымъ, къ преобразованію существующей окладной системы, въ видахъ согласованія ея съ тѣми началами, которыя будутъ положены въ основу новаго крестьянскаго законодательства.

Въ такихъ предѣлахъ и состоялось изданіе закона 1899 года: „О порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель“.

Вопросъ, о которомъ столько лѣтъ писали и судили, получилъ, наконецъ, свое разрѣшеніе. Хотя это разрѣшеніе и нельзя еще считать окончательнымъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что постановленія закона 1899 года, въ томъ видѣ, какъ они въ немъ выразились, отвѣчаютъ существенной потребности, и какимъ бы этотъ законъ ни оказался въ практическомъ примѣненіи, одно появленіе его,—какъ попытку урегулированія такого вопроса, къ которому до сихъ поръ такъ боялись прикоснуться на практикѣ,—слѣдуетъ считать весьма отраднымъ явленіемъ.

Законъ 1899 года касается взиманія поземельнаго налога, выкупныхъ платежей и земскаго сбора съ земель, поступившихъ крестьянамъ въ надѣлъ.

Какъ бы ни было желательно распространить дѣйствіе издаваемаго закона и на порядокъ взиманія волостныхъ и сельскихъ мірскихъ сборовъ, а также урегулировать имъ взиманіе разныхъ страховыхъ сборовъ,—въ виду несомнѣнной пользы установленія однообразнаго порядка взиманія съ сельскихъ обывателей всѣхъ причитающихся съ нихъ денежныхъ повинностей,—но, прежде установленія порядка взиманія мірскихъ сборовъ, необходимо было ближайшее опредѣленіе самыхъ основаній означенной частной повинности. Въ этой области, до сихъ поръ не подчиненной точно опредѣленному контролю правительственной власти, господствуетъ полная неопредѣленность; расходы, покрываемые мірскими сборами изъ года въ годъ, ростутъ въ необычайныхъ размѣрахъ. По существующимъ свѣдѣніямъ, эти сборы повысились въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи, за послѣднее время, съ 45-ти милліоновъ въ 1891 году—до 61-го милліона въ 1894 году, т.-е. увеличились въ три года почти на 50%. Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать и то явленіе, что, не взирая на принимаемыя правительствомъ мѣры къ облегченію сельскимъ обывателямъ платежа государственныхъ сборовъ, тяжесть лежащаго на нихъ податного бремени, въ общемъ, мало измѣнилась. Значеніе льготъ, предоставляемыхъ крестьянамъ правительственною властью, парализуется неудержимымъ ростомъ мірскихъ сборовъ, обложеніе которыми не нормировано никакими твердыми правилами и носитъ нерѣдко совершенно случайный ха-

рактеръ; а потому прежде всего необходимо твердо опредѣлить въ законѣ, на какихъ основаніяхъ и на какіе предметы могутъ быть производимы расходы изъ мірскихъ сборовъ.

Въ этихъ видахъ указомъ сенату, отъ 23-го іюня 1899 г., предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, войти въ обсужденіе вопросовъ: о примѣненіи правилъ новаго положенія къ волостнымъ и мірскимъ сборамъ и объ измѣненіи дѣйствующаго порядка обложенія крестьянъ означенными сборами; предположенія же свои по симъ предметамъ внести на разсмотрѣніе установленнымъ порядкомъ.

До времени осуществленія означеннаго порученія, на земскихъ начальниковъ возложено наблюденіе за тѣмъ, чтобы распоряженія волостныхъ и сельскихъ сходовъ по обложенію сельскихъ обывателей мірскими денежными или натуральными повинностями производились по мѣрѣ дѣйствительной потребности и не клонились къ ущербу платежныхъ силъ сельскихъ обывателей; податнымъ же инспекторамъ поручено—если они усмотрятъ, что обложеніе сельскихъ обывателей мірскими денежными или натуральными повинностями не отвѣчаетъ вышеуказаннымъ требованіямъ,—сообщать о томъ земскому начальнику, который обязанъ или принимать надлежащія мѣры, или, въ случаѣ своего разногласія, вносить въ теченіе двухнедѣльнаго срока, предметъ разногласія на разрѣшеніе уѣзднаго съѣзда.

V.

Главныя постановленія вышеуказаннаго закона 1899 года заключаются въ слѣдующемъ.

По новому закону, въ началѣ года во всѣ селенія и части селеній, имѣющія отдѣльное владѣніе надѣльной землей, имѣютъ быть разсылаемы отдѣльные окладные листы, съ показаніемъ въ нихъ причитающихся съ данной единицы казенныхъ и земскихъ сборовъ.

Распредѣленіе податного оклада между селеніями, владѣющими надѣломъ сообща, предоставляется приговору сельскаго схода, а раскладка между отдѣльными домохозяевами—сельскому или сходу селенія. Эта раскладка должна быть произведена не позже двухъ недѣль по полученіи окладного листа и, по возможности, одновременно съ раскладкой мірскихъ сборовъ.

Сходы селеній не были предусмотрѣны „Крестьянскимъ Положеніемъ“, но они выработались жизнью и были освящены рѣ-

шеніемъ сената. Въ сельскомъ обществѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ селеній, за сельскимъ сходомъ осталась только разверстка податей и повинностей между селеніями; внутренняя же раскладка падающихъ на отдѣльныя селенія окладовъ, между мѣстными домохозяевами, перешла естественно въ компетенцію сходовъ отдѣльныхъ селеній. По дѣламъ о своей землѣ никогда ни одно общество не допуститъ распоряжаться другому обществу, а потому сельскіе сходы—въ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній,—и лишились сами собою способности распредѣлять земли и раскладывать подати между домохозяевами отдѣльныхъ селеній.

При выкупѣ земли отдѣльными домохозяевами, выкупные платежи не должны подлежать раскладкѣ, такъ какъ размѣръ ихъ опредѣляется актами владѣнія отдѣльныхъ домохозяевъ.

Раскладка должна производиться уравнительно, съ примѣненіемъ ко всѣмъ домохозяевамъ одинаковаго основанія обложенія. Опредѣлять самыя основанія раскладки предоставляется сходу, который можетъ принять за основаніе—какъ распредѣленіе надѣльной земли, такъ и другіе признаки; но при раскладкѣ не должно быть принимаемо въ соображеніе недвижимое имущество, могущее принадлежать отдѣльнымъ членамъ общества, внѣ надѣльной земли, и инвентарь, находящійся на этомъ имуществѣ. Сельскому и сходу селеній предоставляется понижать платежи тѣхъ домохозяевъ, которые по маломощности не въ состояніи платить полнаго оклада. Приговоры о раскладкѣ имѣютъ быть вносимы въ книгу. Земскому начальнику и податному инспектору предоставляется обжаловать раскладку уѣздному съѣзду,—первому, если онъ найдетъ раскладку составленною несогласно съ закономъ; а второму—если онъ найдетъ, что при составленіи ея допущены неправильности, клонящіяся къ нарушенію казеннаго интереса.

Предоставленіе сходу полной свободы въ выборѣ основаній раскладки совершенно соотвѣтствуетъ тому, что̀ теперь существуетъ и что̀ выработалось самою жизнью; — весьма полезнымъ прибавленіемъ составляетъ требованіе однообразнаго примѣненія принятаго основанія раскладки ко всѣмъ домохозяевамъ. Точно также возможность пониженія оклада для отдѣльныхъ маломощныхъ крестьянъ составляетъ естественное право общества, котораго оно не могло быть лишено. На практикѣ льготы вдовамъ, малолѣтнимъ дѣтямъ и маломощнымъ крестьянамъ производятся, однако, обыкновенно не въ видѣ пониженія оклада, а при посредствѣ распредѣленія земельнаго надѣла.

Основаніемъ раскладки крестьяне почти вездѣ принимаютъ надѣльную землю. Если, напр., по числу ревизскихъ душъ надѣльная земля дѣлится на 30 участковъ, и окладъ податей, лежащій на селеніи, составляетъ, примѣрно, 300 руб., то съ каждаго душевого участка будетъ причитаться 10 руб., и сколько душевыхъ участковъ будетъ надѣлено домохозяину, столько разъ 10 руб. ему и полагается платить. Это въ сущности—сохраненіе прежней тягловой системы, но только съ замѣной семейнаго тягла душевымъ тягломъ:—земля тянетъ подать. Распредѣленіе душевыхъ тяглъ не всегда соотвѣтствуетъ числу наличныхъ душъ въ хозяйствѣ. У крестьянина можетъ быть такое число ревизскихъ душъ, по которому ему причитаются три надѣла. Но если его души малолѣтнія, и онъ потому справиться съ тремя надѣлами не въ состояніи, то онъ беретъ только одинъ надѣлъ, а остальные два надѣла разбираются или вновь образующимися хозяйствами, путемъ семейнаго раздѣла, или болѣе богатыми крестьянами, которые могутъ совладать съ бо̀льшимъ надѣломъ противъ того, который причитался бы на нихъ по числу душъ.

Такимъ же путемъ происходитъ и дарованіе льготъ малолѣтнимъ и маломощнымъ крестьянамъ. Имъ дается на прокормленіе частица земли безъ всякаго за нее платежа или съ половиннымъ, напримѣръ, за нее платежемъ. Затѣмъ итогъ подати, слѣдующей съ общества, распредѣляется уже за вычетомъ такихъ льготныхъ участковъ. Если предположить, что въ данномъ примѣрѣ, между разными нуждающимися, общество распредѣлило два душевыхъ участка, то платящихъ участковъ останется только 28, и тогда каждое платящее душевое тягло обложится уже не 10 рублями, а 10 рублями 70 копѣйками, т.-е. нѣсколько бо̀льшею суммою, для восполненія того, что̀ причиталось бы съ льготныхъ участковъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такое дарованіе льготныхъ участковъ не составляетъ въ селеніяхъ общаго правила.

Сельскому сходу предоставляется также опредѣлять частные сроки, въ которые сборы должны быть вносимы въ теченіе года; причемъ такихъ сроковъ должно быть назначаемо не менѣе двухъ, съ установленіемъ послѣдняго срока не позже 1 декабря. Установленные сходомъ сроки подлежатъ утвержденію уѣзднаго съѣзда.

Требованіе взноса податей по частямъ совершенно раціонально,—этимъ значительно облегчается платежъ; но, съ другой стороны, надо принять въ соображеніе, что, при неопредѣленности времени поступленія крестьянскихъ доходовъ, весьма строгое

соблюденіе частныхъ сроковъ едва ли возможно, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ деньги добываются путемъ заработковъ. Крестьяне заняты въ лѣсу рубкою и вывозкою дровъ для подрядчика; наступаетъ срокъ 1-го октября, но они еще не получили разсчета, а получатъ заработанныя деньги черезъ двѣ или три недѣли; очевидно, имъ въ этомъ случаѣ должна быть дана отсрочка, безъ примѣненія къ нимъ какихъ-либо понудительныхъ мѣръ взысканія. Мы увидимъ дальше, въ главѣ о льготахъ, насколько эта потребность принята въ соображеніе новымъ закономъ.

Самая существенная часть закона касается, во-первыхъ, вопроса о взысканіи недоборовъ и о круговой порукѣ, и, во-вторыхъ, вопроса о надзорѣ за поступленіемъ податей, т.-е. о передачѣ этого надзора изъ рукъ полиціи въ руки земскаго начальника и податного инспектора.

По дѣйствовавшему закону, каждое сельское общество, какъ при общинномъ, такъ и при участковомъ или подворномъ пользованіи землей, отвѣчало круговою порукою за исправность поступленія податей. Только въ 1869 году въ этомъ отношеніи было допущено нѣкоторое изъятіе. Примѣненіе круговой поруки было сосредоточено въ селеніяхъ или частяхъ селеній, получившихъ особый надѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, по взиманію податей и повинностей были совершенно освобождены отъ круговой поруки селенія, въ которыхъ числилось менѣе 40 душъ; освобожденіе это не распространялось, однако, на выкупные платежи, за исключеніемъ подворныхъ владѣльцевъ и государственныхъ крестьянъ. Такъ какъ взысканіе производилось обыкновенно со всѣхъ окладовъ огульно, то освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ въ селеніяхъ менѣе 40 душъ отъ круговой поруки по взиманію однѣхъ только податей, въ сущности, не имѣло для нихъ никакого значенія.

Во времена прежняго крѣпостного быта круговая порука почти не примѣнялась, потому что помѣщики имѣли прямое вліяніе на распредѣленіе тяглъ между отдѣльными домохозяевами. Хотя, съ отвлеченной точки зрѣнія, и нельзя отрицать нѣкоторой органической связи между общиннымъ владѣніемъ и круговою порукою, въ виду предоставленія обществу полной свободы въ распредѣленіи надѣла и раскладки подати,—но все-же практически круговая порука возникла у насъ на фискальной почвѣ.

Составители „Положенія 19-го февраля 1861 года", устанавли-

вая круговую поруку, руководились, главнымъ образомъ, слѣдующими соображеніями.

Съ одной стороны, они имѣли въ виду оградить интересы помѣщика и избавить его отъ всякихъ разсчетовъ съ отдѣльными крестьянами, а съ другой — оградить по возможности и общество временно-обязанныхъ крестьянъ отъ всякаго вмѣшательства помѣщика во внутреннее ихъ управленіе и хозяйственные распорядки. Соглашаясь на установленіе круговой поруки, большинство членовъ редакціонныхъ коммиссій допускало ее, однако, только какъ временное средство для устраненія могущихъ быть столкновеній между помѣщиками и освобожденными крестьянами. Большинство сознавало, что при круговой порукѣ приходится отдать человѣка въ произвольное распоряженіе массы; что круговая порука ведетъ неминуемо къ вмѣшательству общества въ самую домашнюю жизнь человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обезпечиваетъ отдѣльнаго плательщика отъ имущественныхъ взысканій, связанныхъ съ началомъ личной отвѣтственности. Принимая во вниманіе, что круговая порука большею частію не существовала въ крѣпостныхъ имѣніяхъ, большинство членовъ губернскихъ комитетовъ полагало, что она будетъ нововведеніемъ, о которомъ нельзя впередъ рѣшить—какое въ дѣйствительности оно получитъ примѣненіе, и насколько означенная мѣра окажется въ состояніи отвратить накопленіе недоимокъ.

Почти сороколѣтнее существованіе круговой поруки доказало, что отвратить значительныхъ недоимокъ она была не въ состояніи; дѣйствительно, исправность поступленія податей обезпечивается развитіемъ благосостоянія въ средѣ народа, а не тѣмъ или другимъ способомъ взысканія.

Сама по себѣ, круговая порука представляетъ несомнѣнно большія неудобства. Понужденіе податного лица, полностью внесшаго свой окладъ, платить еще и за недоимщика, установляетъ совершенную неопредѣленность размѣра подати, подлежащей взысканію съ отдѣльнаго лица, и потому не можетъ не дѣйствовать вредно и на хозяйственную дѣятельность отдѣльнаго лица, и на расположеніе его къ аккуратному взносу слѣдующаго съ него оклада подати. Съ другой стороны, круговая порука обрушивается всею своею тяжестью и на несостоятельныхъ домохозяевъ, потому что болѣе состоятельные крестьяне, такъ называемые богачи или богатыри, уплачивая окладъ за недоимщиковъ, вознаграждаютъ себя отобраніемъ отъ нихъ части земли

или покосовъ, стоимостью обыкновенно превосходящей размѣръ уплаченной за нихъ податной недоимки.

Съ отвлеченной точки зрѣнія, однако, какъ мы уже указали, нельзя не допустить нѣкоторой органической связи между общиннымъ владѣніемъ и круговою порукою. Правительство, передавая раскладку подати въ руки общества, можетъ имѣть дѣло только съ обществомъ; но всякое даже правильное начало, доводимое до послѣднихъ логическихъ предѣловъ, становится вреднымъ. При всей правильности мысли о существующемъ соотношеніи между круговою порукою и общиннымъ владѣніемъ,—разъ *безусловное* примѣненіе этого, повидимому, и раціональнаго начала вызываетъ вредныя послѣдствія—является необходимость въ нѣкоторой мѣрѣ ограничить его примѣненіе, съ установленіемъ одновременно нѣкотораго правительственнаго контроля надъ раскладкою.

До сихъ поръ сельскія общества весьма разумно пользовались предоставленною имъ свободою раскладки. Нельзя, однако, не замѣтить, что гарантіею правильности раскладки, казалось бы, являлось именно существованіе круговой поруки. Зная, что при произвольной раскладкѣ сельское общество будетъ отвѣчать за неисправныхъ плательщиковъ, сельскій сходъ естественно былъ заинтересованъ въ правильности раскладки и въ соразмѣреніи тяжести платежей отдѣльныхъ домохозяевъ съ хозяйственнымъ ихъ положеніемъ. Не будь этого опасенія, самая раскладка могла бы происходить на несправедливомъ основаніи, съ возложеніемъ главной тяжести платежей на домохозяевъ, неспособныхъ ее вынести, при соотвѣтственномъ облегченіи другихъ, болѣе состоятельныхъ членовъ общества. Одновременно съ совершеннымъ уничтоженіемъ круговой поруки, оказалось бы необходимымъ подчинить раскладку подробному контролю, что̀ имѣло бы послѣдствіемъ стѣсненіе самостоятельности міра и вызвало бы необходимость крайне увеличить число правительственныхъ агентовъ, которымъ будетъ порученъ этотъ контроль.

Независимо отъ сего, препятствіемъ къ совершенной отмѣнѣ круговой поруки служило еще и то соображеніе, что при существующей системѣ объектомъ обложенія является не одна земля, но еще и личный трудъ, заработки податного лица; такимъ образомъ, существующій налогъ носитъ смѣшанный характеръ налога имущественнаго и налога личнаго,—самая же земля, при общинномъ владѣніи, не можетъ подлежать отчужденію въ постороннія руки, при неуплатѣ лежащаго на ней оклада.

Не рѣшаясь потому приступить въ настоящее время уже

къ окончательному уничтоженію круговой поруки, правительство считало, однако, возможнымъ, въ виду многихъ вредныхъ сторонъ этого установленія, значительно съузить границы его примѣненія и видоизмѣнить, кромѣ того, самый способъ примѣненія, въ смыслѣ устраненія тѣхъ сторонъ, которыя отзываются особенно пагубно на народномъ благосостояніи.

Въ первомъ отношеніи было признано возможнымъ сократить слишкомъ обширные размѣры податныхъ единицъ, по которымъ будетъ примѣняться круговая порука, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ совершенному изъятію изъ круговой поруки слишкомъ мелкихъ единицъ.

Въ этихъ видахъ установлено въ сложныхъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній, примѣнять круговую поруку только въ границахъ каждаго отдѣльнаго селенія, такъ чтобы одно селеніе не подвергалось отвѣтственности за другое. Что же касается наименьшаго размѣра, признано возможнымъ поднять его съ 40 до 60 душъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ круговой поруки по всѣмъ платежамъ, а не только по казеннымъ повинностямъ. Наконецъ, безусловно освобождены отъ круговой поруки всѣ подворные владѣльцы.

Еще болѣе заслуживаетъ вниманія вопросъ о формѣ проявленія круговой поруки. Особенно пагубное вліяніе ея на благосостояніе народа происходитъ въ настоящее время отъ того, что нерѣдко она примѣняется въ видѣ огульной, безъ всякаго разбора производимой полиціею распродажи движимаго имущества всего недоимочнаго селенія, за недоимки отдѣльныхъ домохозяевъ. Проявленіе круговой поруки въ этой формѣ нельзя не признать особенно пагубнымъ для народнаго благосостоянія. Продажа безъ разбора и безъ уравнительности перваго попавшаго подъ руку имущества исправныхъ крестьянъ за недоимки неисправныхъ влечетъ за собою нерѣдко полное разореніе недоимочнаго селенія. Имущество поселянъ идетъ за безцѣнокъ, крестьянинъ лишается иногда послѣдней коровы и послѣдней лошади.

Состоятельные домохозяева, зная, что имъ придется отвѣчать, безъ всякаго ограниченія, за неисправныхъ, можетъ быть по нерадѣнію, сочленовъ, въ свою очередь нерѣдко уклоняются отъ платежа повинностей, выжидая момента, когда нагрянетъ понудительное взысканіе и одинаково пострадаетъ и правый, и неправый.

Никто при такомъ порядкѣ не увѣренъ въ возможности сохранить добытый тяжкимъ трудомъ достатокъ. Такое поло-

женіе дѣла не можетъ не отражаться на народномъ трудолюбіи и предпріимчивости, задерживая ростъ благосостоянія сельскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ порядокъ оказывается убыточнымъ и для государственнаго казначейства; за каждый лишній рубль, добытый такимъ способомъ, казна лишается, быть можетъ, десятковъ рублей, которые поступили бы при болѣе бережливомъ отношеніи къ платежнымъ силамъ народа.

Вслѣдствіе того, признавалось необходимымъ, по крайней мѣрѣ, ослабить въ границахъ возможности вредныя послѣдствія круговой поруки—нѣкоторымъ упорядоченіемъ способа ея примѣненія. Прежде всего представлялось цѣлесообразнымъ сообразовать принудительныя мѣры взысканія съ моментомъ самаго взысканія, т.-е. подраздѣлить ихъ на мѣры, принимаемыя въ теченіе окладного года, и на мѣры, принимаемыя по истеченіи его. Въ случаѣ невзноса крестьянами платежа въ теченіе частныхъ сроковъ, полагалось предоставить сельскому сходу право налагать на недоимщиковъ различныя, точно опредѣленныя въ законѣ взысканія. Затѣмъ, по истеченіи 1-го декабря, было признано возможнымъ предоставить сельскому сходу принятіе еще нѣкоторыхъ другихъ, болѣе строгихъ мѣръ взысканія, относительно недоимщиковъ, какъ, напримѣръ, отобраніе части полевыхъ угодій и т. п. Затѣмъ уже вся невнесенная къ 1-му января часть платежей подлежала бы раскладкѣ на началахъ круговой поруки между состоятельными домохозяевами. Въ началѣ года сходъ былъ бы обязанъ составить приговоръ о дополнительной разверсткѣ недоимки, съ точнымъ указаніемъ причитающейся съ каждаго домохозяина доли дополнительнаго платежа. Копія съ этого приговора представлялась бы податному инспектору. На основаніи такого приговора, недоборъ подлежалъ бы пополненію къ 1-му февраля, а затѣмъ уже взысканіе недоимки, распоряженіемъ сельскихъ властей, считалось бы оконченнымъ и дѣло переходило бы въ руки полиціи. За дѣйствіями послѣдней не полагалось, однако, сохранять прежняго огульнаго характера, продажи всякаго имущества безъ разбора; недоимка подлежала бы взысканію съ каждаго отдѣльнаго домохозяина только въ опредѣленномъ съ него раскладкою размѣрѣ, такъ что полиція имѣла бы дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ. Къ полицейскому взысканію полагалось, однако, прибѣгать только при превышеніи недоимки 5% оклада; всякая недоимка, не достигающая этого размѣра, подлежала бы просто присоединенію къ окладу слѣдующаго года.

Затѣмъ, могутъ быть случаи, когда, несмотря на всѣ эти

мѣры взысканія, недоимка не будетъ пополнена,—такимъ образомъ являлся вопросъ, какъ поступить въ такомъ случаѣ.

Идти далѣе и приступить къ огульной продажѣ имущества домохозяевъ безъ различія—равнялось бы, очевидно, разоренію въ корень всего селенія. Если, несмотря на довольно строгія мѣры взысканія, всѣ недоимки не могли быть пополнены, то это являлось доказательствомъ, что крестьяне болѣе уплатить въ данный моментъ не въ состояніи. Если бы въ числѣ ихъ и оставались еще состоятельные домохозяева, то—послѣ уплаты приходившейся на нихъ, по дополнительной раскладкѣ, части,—налагать на нихъ еще второй дополнительный платежъ было бы, очевидно, верхомъ несправедливости. Это значило бы продолжать раскладку до безконечности, до окончательнаго разоренія послѣдняго состоятельнаго крестьянина. Потому оставалось только одно изъ двухъ. Неплатежъ могъ происходить или вслѣдствіе совершенной невозможности платить, или вслѣдствіе временнаго затрудненія, отсутствія заработковъ и т. п.; въ первомъ случаѣ, оставалось только сложить такую недоимку, по безнадежности, со счетовъ, а во второмъ—перенести ее, путемъ соотвѣтственной разсрочки, на слѣдующій годъ, для взысканія ея на общемъ основаніи. Хотя и въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ состоятельнымъ домохозяевамъ, уплатившимъ свой окладъ, все-же пришлось бы участвовать въ дальнѣйшемъ платежѣ, но въ этой формѣ это представляло бы все-же значительное облегченіе, особенно въ виду возможности сложенія всей или части остающейся недоимки, при дѣйствительной невозможности взысканія безъ разоренія домохозяевъ. Наконецъ, въ случаѣ еслибы податной инспекторъ нашелъ дополнительный приговоръ составленнымъ неправильно, на него могла быть возложена обязанность, при непоступленіи платежа, прибыть въ недоимочное селеніе и составить, при участіи схода, новую, исправленную разверстку.

VI.

Переходя къ вопросу объ организаціи надзора за поступленіемъ сборовъ, мы полагали бы цѣлесообразнымъ вовсе устранить уѣзднаго исправника,—на котораго, съ 1874 года, перешли податныя обязанности, лежавшія на мировыхъ посредникахъ,—отъ податного дѣла, въ качествѣ самостоятельнаго распорядительнаго органа; за нимъ необходимо было бы оставить только исполнительныя дѣйствія по непосредственному указанію и подъ от-

вѣтственностью податного инспектора. При такомъ положеніи дѣла, принятіе мѣръ взысканія относительно неплательщиковъ могло быть предоставлено, въ теченіе окладного года, сельскому сходу и должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго управленія, причемъ главное наблюденіе за ихъ дѣйствіями лежало бы на земскомъ начальникѣ, которому порученъ надзоръ за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ. Послѣ же 1-го февраля, съ превращеніемъ недобора въ податную недоимку, взысканіе ея легло бы на обязанность правительственныхъ органовъ.

Вопросъ заключался только въ томъ — кому предоставить преобладающую роль въ податномъ дѣлѣ: земскому начальнику или податному инспектору. Въ пользу той и другой постановки дѣла могли быть приведены весьма существенные доводы.

Въ виду того, что платежи, лежащіе на крестьянахъ, сохраняютъ еще въ значительной мѣрѣ характеръ личнаго налога, и потому не могутъ не отражаться и на самыхъ способахъ взысканія,—могло казаться, что принятіе подобныхъ мѣръ не будетъ соотвѣтствовать положенію фискальныхъ органовъ. По дѣйствующему закону волостные старшины и сельскіе старосты обязаны въ необходимыхъ случаяхъ принимать мѣры понужденія относительно неплательщиковъ, подвергая ихъ взысканіямъ—денежному штрафу, аресту и т. п. Такими же мѣрами обезпечивается и надлежащее исполненіе обязанностей по податному надзору и самими сельскими должностными лицами, такъ какъ земскому начальнику предоставлено право подвергать ихъ также денежному взысканію и аресту, за неисполненіе ими лежащихъ на нихъ обязанностей. На практикѣ своевременное взысканіе податей нерѣдко достигается именно указанными пріемами. Трудно было бы потому обойтись безъ участія, въ дѣлѣ взиманія податей, того правительственнаго органа, которому по закону ввѣренъ надзоръ за крестьянскимъ управленіемъ. Отсюда выясняется необходимость поставить земскаго начальника въ такое положеніе, чтобы онъ былъ въ состояніи осуществить предоставленную ему власть самостоятельно. Мировые посредники, которые были замѣнены земскими начальниками, пользовались обширными полномочіями по надзору за взиманіемъ казенныхъ сборовъ; они пользуются ими и нынѣ въ губерніяхъ, которыхъ не коснулась реформа 1874-го года.

Съ другой стороны, нельзя было не принять въ соображеніе, что только путемъ предоставленія органу фиска прямого вліянія на податное дѣло можно успѣшно идти къ его усовершенствованію. Только въ томъ случаѣ, когда за поступленіемъ взимае-

мыхъ съ населенія сборовъ будутъ слѣдить спеціалисты этого дѣла, а не агенты общей администраціи, для которыхъ надзоръ за взысканіемъ податей является побочною обязанностью,—можно будетъ разсчитывать на то, что правильному отношенію къ платежнымъ силамъ народа будетъ удѣлено то вниманіе, котораго оно заслуживаетъ. Коренныя улучшенія въ податной области только и возможны при этомъ условіи. Надо еще принять въ соображеніе, что, при учрежденіи въ 1889 году должности земскаго начальника, имѣлось въ виду тщательно оберечь попечительный характеръ этой должности, избѣгая по возможности возложенія на земскихъ начальниковъ несвойственныхъ имъ функцій полицейско-фискальнаго характера. На практикѣ, правда, происходили попытки привлечь земскаго начальника къ активному участію въ наблюденіи за поступленіемъ податей, но эти попытки далеко не вездѣ увѣнчались успѣхомъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго, было признано наиболѣе цѣлесообразнымъ раздѣлить обязанности по надзору за поступленіемъ податей между этими двумя органами, поручивъ земскому начальнику наблюденіе за всѣми распоряженіями сельскихъ властей по разсылкѣ окладныхъ листовъ, по составленію раскладки и т. п. дѣйствіями, близко соприкасающимися съ хозяйственнымъ бытомъ сельскаго населенія,—а на податного инспектора возложить наблюденіе за правильнымъ учетомъ и счетоводствомъ и за своевременнымъ поступленіемъ податныхъ окладовъ и недоимокъ.

VII.

Сообразно съ вышеизложенными соображеніями, статьи закона 1899 года, касающіяся наблюденія за взысканіемъ податей, понудительныхъ мѣръ, допускаемыхъ льготъ и опредѣленія характера дѣятельности земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ, выразились слѣдующимъ образомъ.

Взиманіе окладныхъ сборовъ возлагается непосредственно на волостное и сельское общественное управленіе подъ руководствомъ земскаго начальника и податного инспектора, на слѣдующемъ основаніи.

На земскаго начальника возлагается наблюденіе за своевременною разсылкою волостными правленіями окладныхъ листовъ и за исполненіемъ сельскими сходами и сходами селеній правилъ о раскладкѣ окладныхъ сборовъ. На немъ же лежитъ постоянное въ теченіе окладного года побужденіе всѣхъ установленій и долж-

ностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія къ точному выполненію лежащихъ на нихъ обязанностей по взиманію съ сельскихъ обывателей окладныхъ сборовъ по частнымъ срокамъ. Наконецъ, на него же возложено, какъ мы уже выше замѣтили, наблюденіе за тѣмъ, чтобы распоряженія волостныхъ и сельскихъ сходовъ по обложенію сельскихъ обывателей мірскими денежными или натуральными повинностями производились въ мѣрѣ дѣйствительной потребности и не клонились къ ущербу платежныхъ силъ сельскихъ обывателей.

На податного инспектора возлагается наблюденіе за ходомъ поступленія окладныхъ сборовъ по частнымъ срокамъ. О недоборахъ податной инспекторъ сообщаетъ срочныя вѣдомости управляющему казенною палатой, съ краткимъ объясненіемъ причинъ сихъ недоборовъ и принятыхъ для исполненія ихъ мѣръ. На него же возлагается попеченіе о правильномъ счетоводствѣ по окладнымъ сборамъ въ селеніяхъ и волостяхъ, и съ этою цѣлью ему предоставляется производить повѣрку учетныхъ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ.

Въ случаѣ обнаруженія податнымъ инспекторомъ растраты сельскими должностными лицами суммъ, поступившихъ въ уплату окладныхъ сборовъ, онъ принимаетъ мѣры къ взысканію растраченныхъ суммъ и сообщаетъ о семъ земскому начальнику.

Въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ волостного или сельскаго управленія по взиманію окладныхъ сборовъ, или неисполненія ими возложенныхъ на нихъ обязанностей, податной инспекторъ сообщаетъ объ этомъ земскому начальнику, для направленія дѣятельности сихъ лицъ и для наложенія на нихъ, въ подлежащихъ случаяхъ, соотвѣтственныхъ взысканій. О своихъ распоряженіяхъ земскій начальникъ доводитъ до свѣдѣнія податного инспектора. Если же земскій начальникъ не приметъ въ данномъ случаѣ необходимыхъ мѣръ къ устраненію замѣченныхъ упущеній, то податной инспекторъ доноситъ о томъ управляющему казенною палатою.

Разногласія между податнымъ инспекторомъ и земскими начальниками представляются земскимъ начальникомъ на разрѣшеніе уѣзднаго съѣзда въ теченіе двухнедѣльнаго срока. Если, по постановленію уѣзднаго съѣзда, послѣдуетъ особое мнѣніе податного инспектора, то объ этомъ представляется губернатору, который, по истребованіи заключенія управляющаго казенной палатой, либо вноситъ дѣло въ губернское присутствіе,—если признаетъ особое мнѣніе податного инспектора заслуживающимъ уваженія,—либо оставляетъ его безъ послѣдствій.

При общинномъ пользованіи въ селеніяхъ или частяхъ селенія, получающихъ отдѣльный окладной листъ, всѣ домохозяева отвѣчаютъ круговою порукою въ исправности платежа установленныхъ сборовъ, если селенію или части селенія отведенъ надѣлъ въ 60 или болѣе ревизскихъ душъ.

Въ селеніяхъ менѣе 60 душъ, а также въ подворно-владѣльческихъ селеніяхъ, уплата окладныхъ сборовъ возлагается на отвѣтственность каждаго домохозяина.

Въ теченіе года окладные сборы вносятся въ частные сроки, установленные сельскимъ сходомъ.

Невнесенная въ частный срокъ доля платежа считается недоборомъ. Понужденіе ко взысканію недобора возлагается на сходъ въ мѣстностяхъ съ круговою порукою, а въ остальныхъ мѣстностяхъ—на должностныхъ лицъ сельскаго управленія.

Для взысканія недобора примѣняются слѣдующіе мѣры: обращеніе взысканія на арендную плату за сданныя неисправнымъ хозяиномъ строенія или землю; наложеніе ареста на заработную плату (въ размѣрѣ не болѣе одной трети заработка холостого рабочаго и одной четверти семейнаго); опредѣленіе къ неисправному домохозяину опекуна; продажа части *движимаго* имущества.

Аресту на пополненіе недобора не подлежатъ ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе полей, страховое вознагражденіе, пенсіи. Продажѣ изъ движимаго имущества не подлежатъ: иконы, знаки отличія, ежедневная одежда, необходимая домашняя утварь, хлѣбъ и овощи, необходимые для прокормленія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, одна корова, или двѣ козы и овцы, съ соотвѣтствующимъ кормомъ, топливо на три мѣсяца, необходимыя земледѣльческія и промысловыя орудія, соотвѣтственное количество рабочаго скота, съ необходимымъ для него кормомъ, и сѣмена, необходимыя для посѣва на надѣльной землѣ. Опись и оцѣнка предметовъ, подлежащихъ продажѣ, должны быть утверждены земскимъ начальникомъ. На произведенные торги составляется торговый листъ; если сумма подлежащаго сбора будетъ внесена до окончанія торговъ, то торги отмѣняются.

Послѣ 1-го декабря сходу или мѣстнымъ должностнымъ лицамъ предоставляется примѣнить къ неплательщикамъ еще слѣдующія мѣры взысканія: сдачу въ аренду части полевой земли на сроки до трехъ лѣтъ; отобраніе части или всего надѣла, и продажу строеній, не составляющихъ необходимости въ хозяйствѣ. Земля неисправнаго домохозяина сдается въ аренду не иначе, какъ съ торговъ. Жалобы на неправильное производство торговъ приносятся земскому начальнику. Непополненный къ

1-му января недоборъ разверстывается—въ селеніяхъ, подлежащихъ круговой порукѣ, сходомъ—между всѣми домохозяевами. *Недоборъ*, не уплаченный къ 1-му февраля, считается *недоимкой*.

Податной инспекторъ, по полученіи изъ казначейства списка недоимщиковъ, заботится о пополненіи недоимки прежде всего изъ мірскихъ суммъ, если такія имѣются, и сносится по этому предмету съ земскимъ начальникомъ. Если недоимка не превышаетъ 5$^0/_0$ оклада, то она можетъ быть просто причислена къ окладу слѣдующаго года. Въ противномъ случаѣ, списки недоимщиковъ препровождаются податнымъ инспекторомъ уѣздному исправнику, для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ взысканія; а онъ вслѣдъ за тѣмъ дѣлаетъ распоряженіе о составленіи описи подлежащаго продажѣ имущества у каждаго домохозяина сообразно лежащей на немъ недоимкѣ—и приступаетъ къ самой продажѣ, съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ условій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда неисправность крестьянъ происходитъ отъ уклоненія ихъ отъ обработки надѣльной земли или отъ нераспредѣленія части ея между домохозяевами, податной инспекторъ, по сношеніи съ земскимъ начальникомъ, дѣлаетъ распоряженіе о сдачѣ всей или части надѣльной земли, не обработываемой крестьянами, въ аренду съ торговъ.

Если, и послѣ принятія вышеуказанныхъ мѣръ взысканія со стороны полиціи, недоимка не будетъ пополнена, то, при согласіи податного инспектора съ приговоромъ схода о разверсткѣ недобора, который составляется въ концѣ года, какъ выше указано, недовнесенная сумма присоединяется къ окладу даннаго селенія на слѣдующій годъ; но казенной палатѣ предоставляется, вмѣсто причисленія ея къ окладу, слагать недоимку, по безнадежности, со счетовъ на всякую сумму. Въ случаѣ же несогласія податного инспектора на приговоръ схода о разверсткѣ недобора, инспекторъ обязанъ прибыть въ недоимочное селеніе и произвести на мѣстѣ, при участіи схода, исправленную разверстку остатка недоимки между домохозяевами селенія. Затѣмъ съ нихъ уже производитъ взысканіе полиція указаннымъ порядкомъ, а недовзысканная сумма присоединяется къ окладу слѣдующаго года или слагается со счетовъ.

Въ селеніяхъ въ которыхъ круговая порука не примѣняется, взысканіе производится сдачею въ аренду полевой земли недоимщика. Земля эта можетъ быть взята въ аренду или всѣмъ селеніемъ, или отдѣльными лицами. Въ случаѣ безуспѣшности взысканія этимъ путемъ, приступается къ продажѣ принадлежа-

щихъ недоимщику строеній, а затѣмъ, если и этимъ путемъ не будетъ достигнута цѣль, можетъ быть приступлено и къ продажѣ подворнаго участка, причемъ участвовать въ торгахъ могутъ только лица, приписанныя къ сельскимъ обществамъ.

Въ случаѣ временнаго затрудненія отдѣльныхъ домохозяевъ въ уплатѣ причитающейся по частному сроку доли оклада, земскому начальнику предоставляется, по соглашеніи съ податнымъ инспекторомъ, пріостановить взысканіе недобора до одного изъ слѣдующихъ частныхъ сроковъ. Если вслѣдствіе бѣдствія, постигшаго селеніе, уплата всего оклада въ теченіе года окажется непосильною, то, по ходатайству схода, земскій начальникъ представляетъ казенной палатѣ объ отсрочкѣ части причитающагося съ селенія оклада за предѣлы окладного года. Управляющему казенной палаты, по соглашеніи съ губернаторомъ, предоставляется отсрочить или разсрочить текущій окладъ не свыше половины его и на срокъ до трехъ лѣтъ, пріостановивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленное взысканіе. Въ случаѣ необходимости льготы въ бо́льшемъ размѣрѣ, вопросъ разрѣшается министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

VIII.

Главная сущность содержанія новаго закона заключается въ передачѣ всего дѣла изъ рукъ полиціи въ руки земскаго начальника и податного инспектора, и затѣмъ—въ измѣненіи способа примѣненія круговой поруки.

Нельзя не привѣтствовать ограниченія роли полиціи въ податномъ дѣлѣ, съ оставленіемъ за нею только характера исполнительнаго о́ргана. Обремененный множествомъ другихъ важныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, уѣздный исправникъ былъ поставленъ дѣйствующимъ закономъ въ такое положеніе, что добросовѣстное исполненіе всѣхъ предъявленныхъ къ нему требованій по завѣдыванію податнымъ дѣломъ являлось для него фактически непосильнымъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣла былъ переходъ этого завѣдыванія большею частью въ руки низшихъ полицейскихъ чиновъ, становыхъ и урядниковъ, не представлявшихъ достаточной гарантіи справедливаго веденія дѣла. Этимъ объясняется то одностороннее и вредное направленіе, которое приняло взысканіе податей. Стремленіе обезпечить успѣшное поступленіе сборовъ было главною заботою полиціи, нерѣдко при полномъ забвеніи правильно понятыхъ интересовъ самаго фиска,

требовавшихъ охранительнаго отношенія къ экономическому положенію плательщиковъ. Позволительно ожидать, что земскіе начальники и податные инспекторы отнесутся къ дѣлу болѣе раціональнымъ образомъ, сознавая, что благосостояніе государства, а потому и успѣшность поступленія податей, зависятъ главнымъ образомъ отъ благосостоянія населенія.

Круговая порука значительно ограничена изъятіемъ всѣхъ селеній общиннаго владѣнія до 60 душъ, а также всѣхъ подворныхъ владѣльцевъ. Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что дѣйствіе ея до извѣстной степени распространяется тѣмъ, что до сихъ поръ круговая порука примѣнялась крайне нераціонально и разорительно, но зато она примѣнялась не всегда, а какъ бы случайно: были цѣлыя губерніи, гдѣ почти не знали круговой поруки. Теперь она урегулирована; сплошная продажа имущества деревни уже не будетъ имѣть мѣста, но зато организованное и урегулированное примѣненіе круговой поруки будетъ происходить повсюду въ селеніяхъ, лишь только недоимка превзойдетъ 5% оклада. Какъ бы правильно ни была сдѣлана раскладка,—разъ является недоимка, она въ концѣ года будетъ влечь за собою неминуемо примѣненіе круговой поруки.

Начало круговой поруки обусловлено общиннымъ владѣніемъ и правомъ, предоставленнымъ обществу производить раскладку податей по своему усмотрѣнію. Потому казалось бы вполнѣ цѣлесообразнымъ и справедливымъ сохранить круговую поруку—только въ видѣ угрозы за неправильное и пристрастное составленіе раскладки. Разъ послѣдняя признана податнымъ инспекторомъ справедливою, дальнѣйшая отвѣтственность состоятельныхъ членовъ общества за несостоятельныхъ должна бы прекратиться.

Настоящій законъ не составляетъ, впрочемъ, послѣдняго слова по этому предмету, и является только переходною ступенью, такъ какъ вышеупомянутымъ указомъ сенату предоставляется министру финансовъ, по истеченіи года послѣ введенія въ дѣйствіе настоящаго узаконенія, войти въ соображеніе вопроса о возможности отмѣны круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ, и предположенія свои по сему предмету внести на законодательное разсмотрѣніе установленнымъ порядкомъ.

IX.

Окончательно намъ остается еще войти въ разсмотрѣніе недавно изданнаго „Положенія“ о земельномъ устройствѣ крестьянъ четырехъ сибирскихъ губерній (тобольской, томской, иркутской и енисейской) и о преобразованіи платимой ими подушной подати въ поземельный оброкъ.

Въ 1896 г. послѣдовало утвержденіе главныхъ началъ о поземельномъ устройствѣ сибирскихъ крестьянъ въ этихъ губерніяхъ.

Этими правилами разрѣшались, главнымъ образомъ, два существенныхъ вопроса: объ основаніяхъ отвода поселянамъ земельныхъ надѣловъ, и о характерѣ права владѣнія надѣльными землями.

Сохраненіе за сторожилами всѣхъ тѣхъ земельныхъ угодій, которыя находились въ дѣйствительномъ ихъ владѣніи, было признано основнымъ началомъ. Но затѣмъ возникалъ вопросъ о томъ, что̀ считать дѣйствительнымъ владѣніемъ, и можно ли вышеуказанное основное начало принять безъ всякаго ограниченія, или слѣдуетъ допускать въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъятія.

Надѣлы, которыми пользуются поселяне, двухъ родовъ: надѣлы, которые имъ отведены установленнымъ порядкомъ, мѣстными властями,—и надѣлы, которые имъ не были отведены властями, и которыми они пользуются только фактически, въ силу заимочнаго права.

Отношеніе законодателя не могло быть одинаково къ тѣмъ и другимъ. Въ первомъ случаѣ приходилось считаться съ формально пріобрѣтеннымъ правомъ, кѣмъ бы изъ начальствующихъ лицъ ни былъ произведенъ отводъ. Принципъ закрѣпленія установившихся, съ содѣйствіемъ правительства, отношеній къ землѣ, строго проведенный въ „Положеніи“ о государственныхъ крестьянахъ,—настолько важенъ, что имъ невозможно было жертвовать, въ виду какихъ-либо другихъ соображеній. Вслѣдствіе сего было признано, что надѣлы, *отведенные* поселянамъ, должны быть оставлены имъ въ пользованіе, независимо отъ размѣра такихъ надѣловъ, безъ всякой отрѣзки и безъ обязательства принимать новоселовъ. Съ другой стороны, предусматривались случаи, когда отведенные надѣлы окажутся ниже площади, необходимой для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія: въ этихъ случаяхъ предполагалось допустить, по ходатайству подлежащихъ обществъ, прирѣзку къ надѣлу до общей, закономъ установлен-

ной, нормы. Для сохраненія права владѣнія всѣмъ отведеннымъ участкомъ, необходимо, однако, чтобы онъ былъ отведенъ *въ натурѣ*, т.-е. отграниченъ отъ земель, находящихся въ непосредственномъ распоряженіи казны.

Переходя къ землямъ фактическаго пользованія, имѣлось въ виду по возможности сохранить за поселенцами состоящія въ ихъ пользованіи постоянныя угодья, а также и тѣ площади малоцѣнныхъ лѣсныхъ зарослей и неразработанныхъ земель, которыя пришлось бы оставить въ надѣлѣ, для устраненія чрезполосности, или которыя могутъ служить къ выпрямленію границъ надѣла. Но все-же полагалось необходимымъ положить нѣкоторый предѣлъ размѣру этихъ послѣднихъ угодій, опредѣливъ максимальную величину надѣловъ тѣми же 15 десятинами, которыя уже были приняты временными правилами [1]).

Необходимость установленія предѣльной нормы вызывалась крайней разнообразностью пользованія землею сибирскими поселянами. Надѣлы не имѣлось, однако, въ виду отводить обрубами, а полагалось обезпечить за населеніемъ владѣніе разработанными участками, а равно и такими площадями, отобраніе которыхъ могло бы затруднять разселеніе и пастьбу скота. Къ числу разработанныхъ земель полагалось отнести: сады, огороды, пашни, передѣляемые покосы и сѣнокосныя расчистки; а къ числу послѣднихъ, т.-е. дополнительныхъ площадей: усадебныя и пріусадебныя земли, присельные выгоны и выпуски, равно какъ и нѣкоторые лѣсные участки, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Но при этомъ возникалъ вопросъ:—какъ оставаться въ предѣлахъ максимальной 15-ти-десятинной нормы, при сохраненіи всѣхъ вышеуказанныхъ угодій за живущими на нихъ поселянами?.. Въ виду такого положенія дѣла, было признано необходимымъ возложить на крестьянскія общества—во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сохраняемая за ними площадь земли будетъ превышать 15-ти-десятинную норму, обязанность *допринимать* такое число душъ переселенцевъ, которое будетъ соотвѣтствовать усиленному отводу количества земли. Такое приселеніе представлялось единственно возможнымъ рѣшеніемъ трудной задачи примирить душевую норму съ принципомъ сохраненія существующаго землепользованія,—тѣмъ болѣе, что большею частью сохраненіе сверхнормальнаго надѣла будетъ вызываться не избыткомъ культиви-

---

[1]) Для иркутской и енисейской губерній полагалось предоставить, въ видѣ исключенія, министру земледѣлія, по заявленію генералъ-губернатора, повышать, въ случаѣ необходимости, земельную норму до размѣровъ существующаго пользованія.

рованныхъ угодій, а избыткомъ лежащихъ между ними еще неразработанныхъ земель.

Практическая цѣлесообразность подобнаго рѣшенія подтверждалась самымъ ходомъ дѣла уже за предшествующее время. Изслѣдованіе, произведенное еще въ 1894 году въ трехъ округахъ томской губерніи, обнаружило многочисленные случаи, когда старожильскія общества охотно соглашались принять въ свою среду новоселовъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ, именно въ виду сохраненія тѣхъ пространствъ земли, которыми они пользовались, и которыя по отводу на наличныя души могли не войти въ черту надѣла. То же изслѣдованіе привело къ убѣжденію, что въ массѣ случаевъ притѣсненія новоселовъ, тамъ, гдѣ это имѣло мѣсто, были послѣдствіемъ безправія непричисленныхъ къ обществу новоселовъ, и что, напротивъ того, тамъ, гдѣ новоселы причислялись къ обществу, являясь полноправными его членами, подобныя притѣсненія всегда могли быть устраняемы при надлежащемъ наблюденіи со стороны мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій.

Необходимымъ условіемъ успѣшности подобнаго процесса приселенія слѣдуетъ, однако, считать—сохраненіе за такимъ приселеніемъ вполнѣ характера добровольной сдѣлки, какъ по отношенію къ приселяющимся, такъ и по отношенію къ обществамъ, принимающимъ приселенцевъ. Въ этихъ видахъ полагалось предоставлять старожиламъ, пользующимся землею сверхъ нормы, каждый разъ на выборъ—приселеніе или отрѣзку излишней земли. Необходимость приселенія проявляется съ особенною настоятельностью при устройствѣ мелкихъ поселковъ, расположенныхъ вдали отъ болѣе значительныхъ селеній, среди лѣсовъ и пустопорожнихъ земель—такъ называемыхъ *заимокъ*. Заимка является всегда зародышемъ будущаго болѣе значительнаго поселенія, которое разростается и путемъ естественнаго прироста, и путемъ подселенія. Если разсматривать каждую заимку какъ особый поселокъ и отводить ей надѣлъ по наличному числу лицъ, то это повело бы къ пресѣченію возможности приселенія къ уже существующимъ заимкамъ, и тѣмъ самымъ крайне затруднило бы процессъ заселенія пустопорожнихъ земель Сибири. Самое надѣленіе слишкомъ мелкихъ участковъ можетъ встрѣтить даже затрудненія техническаго характера; одинъ только присельный выгонъ при заимкѣ занимаетъ нерѣдко пространство, превышающее 15 дес. на душу, а потому, для соблюденія должной пропорціи между угодьями, пришлось бы отводить такимъ заимкамъ надѣлы совершенно несоразмѣрные съ душевою нормою.

Въ европейской Россіи, путемъ добровольнаго выкупа, кото-

рый потомъ преобразовался въ обязательный, всѣ крестьяне, какъ частновладѣльческіе, такъ и государственные, постепенно становятся собственниками отведенныхъ имъ надѣловъ. При всей несомнѣнной плодотворности вліянія начала собственности на культуру земли, это начало, при извѣстныхъ условіяхъ и при данномъ развитіи народа, можетъ имѣть и вредныя послѣдствія. Эта обратная сторона медали не замедлила проявиться и въ Россіи. Разныя несомнѣнно вредныя послѣдствія существовавшаго порядка побудили правительство рѣшиться на нѣкоторое ограниченіе права крестьянской собственности; послѣдовало воспрещеніе отчуждать надѣльныя земли въ постороннія руки и обременять ихъ долгами. Такое ограниченное право собственности мало отличается отъ права безсрочнаго владѣнія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, за крестьянами обезпечивается вѣчное право пользованія; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они ограничены въ правѣ распоряженія землею. Такимъ образомъ вся разница, въ сущности, сводится къ тому, что при правѣ безсрочнаго владѣнія—за правительствомъ остается возможность нѣкотораго регулирующаго вліянія на характеръ крестьянскаго хозяйства и на способъ распредѣленія между крестьянами земли. Чтобы судить о томъ, полезно или вредно подобное вліяніе, достаточно сравнить экономическое положеніе крестьянъ до и послѣ обязательнаго выкупа.

Можно бы возразить, что при непредоставленіи крестьянамъ собственности на землю, за правительствомъ остается право повышать со временемъ арендную за нее плату,—но эта возможность, хотя и въ другой формѣ, всегда будетъ оставаться у правительства, потому что и собственная земля будетъ подлежать поземельному налогу, какъ и всякая другая собственность, и при развитіи благосостоянія правительство всегда будетъ имѣть возможность повышать поземельный налогъ.

Какъ уже прежде было на то указано, собственность имѣетъ несомнѣнно важное цивилизующее и культурное вліяніе; но только для того, чтобы это право дѣйствительно цѣнили, для того, чтобы оно могло имѣть вышеуказанное вліяніе,—необходимо, чтобы она пріобрѣталась по доброй волѣ, сознательно и съ нѣкоторыми жертвами. Если же она навязывается всѣмъ и каждому, то не только она нерѣдко будетъ оставаться безъ всякаго полезнаго, культурнаго вліянія, но иногда будетъ имѣть даже вредныя послѣдствія. Все, что̀ пріобрѣтается безъ труда, рѣдко идетъ въ прокъ. Если даже въ европейской Россіи сохраненіе за крестьянами полной собственности на землю оказалось невозмож-

нымъ, то можно ли было признать благоразумнымъ установленіе въ Сибири права собственности поселенцевъ, какъ старожиловъ, такъ и новоселовъ, на земли, предоставляемыя въ ихъ пользованіе. При данныхъ условіяхъ право собственности на надѣльныя земли въ Сибири должно оставаться за государствомъ; поселенцамъ же должно быть предоставлено право постояннаго и неотъемлемаго пользованія землями, которыми они надѣлены.

Такое воззрѣніе на дѣло совершенно соотвѣтствуетъ тому, что̀ уже существуетъ въ Сибири. По точному смыслу ст. 515-ой зак. гражд., право собственности на сибирскія земли принадлежитъ государству. То же начало вновь подтверждено статьею 8-ю „Правилъ" о добровольныхъ переселеніяхъ сельскихъ обывателей на казенныя земли, по силѣ коей казенныя земли въ губерніяхъ томской, тобольской и въ областяхъ семирѣченской, акмолинской и семипалатинской предоставлялись пересенцамъ въ постоянное, безсрочное пользованіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, законодатель не могъ, однако, не принять во вниманіе, что сибирская окраина переживаетъ нынѣ переходное время. Проведеніе сибирской желѣзной дороги не можетъ не вызвать коренныхъ измѣненій въ экономической жизни и хозяйственномъ бытѣ сибирскаго населенія. При такихъ условіяхъ, было еще невозможно съ точностью предвидѣть, какъ выразится въ будущемъ жизнь сибирскихъ поселенцевъ, а потому и трудно было предрѣшить окончательно, на какихъ основаніяхъ въ будущемъ окажется необходимымъ опредѣлить основанія землепользованія въ краѣ; вотъ почему и было признано цѣлесообразнымъ не касаться этого вопроса въ „Положеніи", чтобы не закрѣплять его окончательно, тѣмъ болѣе, что до поры до времени дѣло достаточно будетъ регулироваться существующими постановленіями. Чтобы вопросъ оставался дѣйствительно открытымъ и не предрѣшался косвенно названіемъ того документа, который имѣлось въ виду выдавать поселенцамъ, для закрѣпленія за ними отводимыхъ имъ надѣловъ,—акту этому было рѣшено присвоить названіе не *владѣнной* записи, какъ въ европейской Россіи, а *отводной* записи. Вмѣстѣ съ тѣмъ признавалось, однако, полезнымъ оговорить, что надѣльныя земли не могутъ быть ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами.

Кромѣ земельнаго надѣла, было рѣшено надѣлять переселенцевъ еще и лѣсными угодьями, по три десятины на душу, съ уплатою за лѣсной надѣлъ дополнительнаго оброка. Въ виду опасенія, однако, чтобы такое надѣленіе не повело къ усиленной рубкѣ лѣса, было признано необходимымъ одновременно вос-

претить продажу крестьянами лѣса изъ своихъ надѣловъ на срубъ [1]).

X.

Въ началѣ 1898 года вышелъ законъ о замѣнѣ взимаемыхъ въ Сибири подушныхъ сборовъ—государственнаго оброчнаго и поземельнаго—податями.

Переложеніе подушной подати на землю—состоялось на слѣдующихъ основаніяхъ.

Съ 1-го января 1899 г. отмѣняется существовавшая до того подушная и оброчная подати, ясачный сборъ и сборъ на межеванія и податная подать, за исключеніемъ Алтайскаго горнаго округа, При-амурскаго края и нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностей Сибири: Березовской, Нарымской, Туруханской и др. [2]).

Бродячіе и кочевые инородцы остаются при обложеніи прежнимъ порядкомъ, и только въ случаѣ отвода имъ земельныхъ надѣловъ переходятъ отъ подушной къ оброчной подати.

Въ замѣнъ отмѣняемыхъ податей устанавливается взиманіе за отведенные казною надѣлы *государственной оброчной подати*, а за земли, принадлежащія крестьянамъ и инородцамъ въ собственность—*поземельной подати*.

Сумма государственной оброчной подати устанавливается для каждой изъ четырехъ сибирскихъ губерній на пять лѣтъ; она распредѣляется между округомъ и разверстывается между отдѣльными селеніями съ такимъ разсчетомъ, чтобы сумма государственной подати въ каждой округѣ не была уменьшена или увеличена противъ взимавшейся до того суммы душевыхъ сборовъ болѣе чѣмъ на 25%, и болѣе 50% въ данномъ обществѣ или селеніи. Способъ раскладки и разверстки различными мѣстными учрежденіями съ точностью опредѣляется въ законѣ.

Причитающіеся съ отдѣльныхъ обществъ или селеній оклады государственной оброчной подати, при каждомъ причисленіи къ

---

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что уже нынѣ сибирскіе поселяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стараются регулировать пользованіе ростущими на ихъ надѣлахъ лѣсными насажденіями. Такъ, напримѣръ, въ южной части тобольской губерніи, гдѣ лѣсъ цѣнится очень дорого, крестьяне проявляютъ особенную заботливость къ сбереженію своихъ лѣсовъ; мѣстами у нихъ заведены даже охраняемыя заказныя рощи. Почти вездѣ охраняются насажденія кедроваго лѣса, такъ называемые *кедровики* или *сады*.

[2]) Порядокъ производства замѣны подушныхъ сборовъ государственною оброчною податью и надѣленія угодьями поселенцевъ на Алтаѣ получилъ окончательное опредѣленіе закономъ 1899 года.

нимъ новыхъ членовъ изъ переселенцевъ, уменьшаются въ соотвѣтствіи съ числомъ вновь заселяемыхъ душевыхъ надѣловъ—въ первые три года послѣ переселенія на всю причитающуюся съ означенныхъ надѣловъ сумму, а въ послѣдующіе три года—на половину этой суммы.

Переселенцы, водворяемые правительствомъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ, облагаются, по истеченіи установленнаго для нихъ льготнаго срока, государственною оброчною податью—по соразмѣрности съ окладами сосѣднихъ селеній старожиловъ, находящихся въ одинаковыхъ съ переселенческими поселками условіяхъ. Платежи переселенцевъ, которые въ разныхъ мѣстностяхъ ко дню обнародованія закона уже будутъ опредѣлены установленнымъ порядкомъ, остаются безъ измѣненія до истеченія установленнаго для нихъ срока; эти послѣдніе сборы не включаются въ раскладку государственной оброчной подати и исчисляются сверхъ общихъ, назначенныхъ на каждую губернію, суммъ этой подати.

Поземельная подать съ земель, принадлежащихъ крестьянамъ и инородцамъ на правахъ собственности, исчисляется въ подесятинныхъ окладахъ въ размѣрѣ одной трети среднихъ подесятинныхъ окладовъ государственной оброчной подати, взимаемой съ одинаковыхъ по достоинству земель, отведенныхъ отъ казны сосѣднимъ обществамъ и селеніямъ.

Разница между среднимъ годовымъ окладомъ ясачнаго сбора и душевой оброчной податью съ инородцевъ, взимавшимися въ пользу Кабинета Е. И. В. за 1895—98 гг., и окладомъ означеннаго сбора и подати, имѣющими поступить въ доходъ Кабинета, въ 1899 г.,—эта разница подлежитъ возмѣщенію ежегодно съ 1899 года изъ средствъ государственнаго казначейства.

Наконецъ, въ томъ же 1898 году послѣдовало законодательное утвержденіе правилъ о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства поземельно-устроительныхъ работъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ и объ отводѣ лѣсныхъ надѣловъ. Этимъ закономъ постановлялось слѣдующее.

Порядокъ пользованія крестьянами и инородцами отведенныхъ имъ надѣловъ опредѣляется существующими въ каждомъ обществѣ или селеніи обычаями. Сходамъ крестьянъ и инородцевъ предоставляется передѣлять угодья, а тамъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе землею, замѣнить его участковымъ или подворнымъ пользованіемъ, съ согласія двухъ-третей домохозяевъ.

Земельные надѣлы отводятся каждому селенію особо, за

исключеніемъ случаевъ, когда всѣ угодья или часть пашенъ или сѣнокосовъ находятся въ общемъ пользованіи нѣсколькихъ селеній, и если о томъ будетъ заявлено желаніе въ установленномъ приговорѣ. Раздѣлъ угодій общаго пользованія нѣсколькихъ селеній, о сохраненіи коего не будетъ заявлено въ приговорѣ, производится на точномъ основаніи соглашеній, состоявшихся по этому предмету на соединенныхъ сходкахъ. Если такого соглашенія не состоится, то раздѣлъ производится на основаніи данныхъ, собранныхъ о бывшемъ землепользованіи надѣляемыхъ селеній, съ возможнымъ соблюденіемъ интересовъ каждаго селенія; при этомъ разрѣшается производить добровольные обмѣны земель между селеніями. При несогласіи на добровольный обмѣнъ допускается, для уничтоженія чрезполосности и выпрямленія границъ, понудительная замѣна мелкихъ чрезполосныхъ, не свыше 5-ти-десятинныхъ участковъ другими участками.

Во владѣніи крестьянъ и инородцевъ должны быть сохраняемы надѣлы, уже прежде имъ отведенные и отграниченные отъ другихъ казенныхъ земель, а также образованные переселенческими отрядами сполна заселенные переселенческіе участки.

Надѣлы отводятся по близости къ селеніямъ, по возможности въ общей чертѣ. Если же это оказывается, по мѣстнымъ условіямъ, неисполнимымъ, то разбросанные среди необработанныхъ пространствъ мелкіе участки должны быть, по возможности, сведены въ болѣе крупные обрубы. Для сего, сверхъ добровольнаго и принудительнаго обмѣна, разрѣшается еще прирѣзка къ надѣламъ малоцѣнныхъ лѣсныхъ площадей и иныхъ неразработанныхъ земель.

Уменьшеніе надѣловъ до 15-ти-десятинной нормы на счетъ постоянныхъ угодій допускается только въ случаѣ несогласія общества на приселеніе новоселовъ, предусмотрѣнное временными правилами; на счетъ же угодій непостоянныхъ—въ томъ случаѣ, если излишнія земли будутъ признаны необходимыми для прирѣзки другимъ селеніямъ, или если будутъ усмотрѣны препятствія къ удовлетворенію ходатайства о допринятіи новыхъ членовъ. Постоянными угодьями считаются тѣ же, которые опредѣлены временными правилами. При отрѣзкѣ земель положено наблюдать, чтобы отрѣзка производилась, по возможности, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе найдетъ это для себя наименѣе неудобнымъ и стѣснительнымъ. Въ случаѣ отрѣзки расчищенныхъ изъ подъ лѣса пашенъ и сѣнокосовъ, они остаются въ безплатномъ пользованіи расчистившихъ ихъ, на срокъ не свыше пяти лѣтъ; прочія пахотныя земли остаются въ пользованіи преж-

нихъ владѣльцевъ на два года, считая съ 1-го января слѣдующаго за отграниченіемъ надѣла года.

Мірскія оброчныя статьи включаются въ составъ надѣловъ. При наличности особыхъ уваженій, въ составъ надѣловъ могутъ быть включаемы расположенные среди нихъ оброчныя статьи, не принадлежащія къ числу мірскихъ. Рыболовныя воды, не входящія въ черту надѣловъ, но находившіяся въ пользованіи населенія, могутъ быть оставляемы въ его пользованіи. Когда земельныя угодья въ отводимыхъ надѣлахъ примыкаютъ къ судоходнымъ и сплавнымъ рѣкамъ, то казнѣ предоставляется устроивать въ предѣлахъ означенныхъ надѣловъ пастбища, лѣсныя пристани и лѣсовозныя дороги, съ выдачею подлежащимъ обществамъ денежнаго вознагражденія.

Увеличеніе, по ходатайству обществъ и въ указанныхъ закономъ случаяхъ, до пятнадцати десятинъ какъ самыхъ надѣловъ, такъ и пространствъ земель и угодій, подлежащихъ включенію въ надѣлы,—производится, если возможно, на счетъ свободныхъ казенныхъ земель или пустопорожнихъ пространствъ, удобныхъ для обращенія въ сельскохозяйственныя угодья, а при отсутствіи ихъ—изъ состава надѣла смежныхъ обществъ, или изъ не сполна заселенныхъ переселенческихъ участковъ.

Далѣе, опредѣляется порядокъ разсмотрѣнія споровъ, заявляемыхъ при отводѣ надѣловъ, самый порядокъ отграниченія надѣловъ, опредѣленія внѣшнихъ границъ участковъ въ натурѣ, формы составленія актовъ, ихъ содержаніе.

Относительно надѣленія лѣсными участками, постановляется слѣдующее: лѣсные надѣлы отводятся каждому селенію отдѣльно по числу душъ, считая по 3 дес. на душу. Совмѣстное надѣленіе нѣсколькихъ селеній допускается при ходатайствѣ о томъ самихъ поселенцевъ.

Въ составъ лѣсныхъ надѣловъ включаются сплошныя, занимающія значительныя площади насажденія, расположенныя среди отведенныхъ надѣловъ, за исключеніемъ заказныхъ рощъ и семейныхъ участковъ, а равно ближайшіе къ селеніямъ казенные лѣса. Селеніямъ, которымъ были отведены окончательно отграниченные надѣлы, имѣющіеся въ нихъ лѣса могутъ быть зачисляемы въ лѣсной надѣлъ, но съ прирѣзкою означеннымъ селеніямъ къ земельному надѣлу пространства земли, равнаго зачисленному въ лѣсной надѣлъ. Въ случаѣ недостатка лѣса въ данной мѣстности, лѣсной надѣлъ можетъ быть назначаемъ и менѣе трехъ десятинъ, а при совершенномъ отсутствіи лѣса полагается отказаться отъ всякаго отвода. При молодости или

истощенности лѣсонасажденій, рубка въ нихъ лѣса можетъ быть воспрещаема или ограничиваема на извѣстное число лѣтъ. Лѣсные чины назначаютъ вообще для каждаго надѣла возможное безъ истощенія лѣса количество ежегодной вырубки, о чемъ составляется приговоръ, излагающій согласіе крестьянъ на такое лѣсопользованіе; въ случаѣ же несогласія ихъ на установляемый порядокъ, дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе управляющаго государственными имуществами.

Размѣръ ежегоднаго лѣсного налога за лѣсной надѣлъ опредѣляется соотвѣтственно одной четверти стоимости разрѣшеннаго къ ежегодной вырубкѣ лѣса, по дѣйствующей таксѣ, но съ тѣмъ, чтобы эта сумма не превышала причитающейся на десятину земельныхъ угодій суммы оброчной подати. Сумма лѣсного налога остается неизмѣнною на двадцатилѣтній срокъ. При запрещеніи или ограниченіи рубки на извѣстный срокъ, крестьяне освобождаются на это время отъ лѣсного налога или вносятъ его въ уменьшенномъ размѣрѣ. Обращеніе отведеннымъ селеніямъ лѣсныхъ надѣловъ въ другія угодья, а также продажа ростущаго лѣса на корнѣ—воспрещается. Отводныя записи составляются на основаніи окончательнаго отграниченія земельнаго и лѣсного надѣловъ и выдаются каждому селенію особо.

Такимъ образомъ, порядокъ земельнаго и податного устройства сельскаго населенія Сибири получилъ окончательное законодательное закрѣпленіе.

Ѳ. Тернеръ.

ОДНОЙ ПОРОДЫ

ПОВѢСТЬ.

I.

Низкія осеннія облака обволокли густымъ мракомъ родовую усадьбу графовъ Волгиныхъ.

Шелъ мелкій, иглистый дождь, и въ полумерзлой темнотѣ только и слышался его назойливый гулъ. Вѣтеръ то затихалъ, то начиналъ качать промоклыя вѣтви вѣковыхъ липъ и кленовъ барскаго сада, встряхивать ставнями и вертѣть ржавымъ флюгеромъ надъ каменнымъ колодцемъ, въ глубинѣ двора.

Старыя хоромы стояли полукругомъ, въ два этажа. Ихъ очертанія смутно отдѣлялись отъ хмураго неба. Позади и съ боковъ чернѣли голыя деревья сада.

Внизу, въ нѣсколькихъ окнахъ, сквозь рѣшетчатыя ставни, мерцалъ свѣтъ. Въ верхнемъ этажѣ, къ одному углу, два окна стояли слабо освѣщенныя, съ опущенными сторами. Ставень на нихъ не было.

Изъ-за низкаго, каменнаго забора, со стороны поселка, по извилистой, изрытой дорогѣ тяжело поднимался въ гору крытый экипажъ, тройкой, съ дышломъ и одной пристяжной.

Тащили бричку ямскія лошаденки. Отъ нихъ шелъ паръ. Рядомъ съ ямщикомъ высился небольшой дорожный сундукъ.

Изъ-подъ опущеннаго сверху фартука выглядывала пара глазъ и озиралась, точно стараясь пронизать все густѣющую мокрую и студеную мглу.

— Куды, сударыня, подъѣзжать? Къ парадному?—спросилъ ямщикъ, обернувшись къ кузову.

— Да, къ парадному,—отвѣтилъ не сразу, и какъ бы нерѣшительно, еще молодой женскій голосъ съ чуть замѣтной картавостью.

Дама ѣхала одна со станціи желѣзной дороги. Тамъ ей приготовилъ крытую бричку мѣстный землевладѣлецъ—товарищъ ея дѣтства. Онъ вызывался и проводить ее до усадьбы; но она не согласилась. Не хотѣла она „осложнять“ свое прибытіе въ тотъ домъ, гдѣ она не бывала около двадцати лѣтъ.

Малодушной тревоги она не ощущала, но жуткое чувство не проходило и все замѣтнѣе приливало къ груди.

Смущало ее и то, что было уже — по деревенски—поздно. Напрасно она не осталась переночевать на станціи, какъ и предлагалъ ей тотъ же товарищъ дѣтства.

Въ этотъ часъ—въ домѣ еще не всѣ легли. Но больного—если онъ еще можетъ спать—навѣрное уложили.

„Кто?“—спросила она мысленно, когда бричка, забравшись на изволокъ, стала поворачивать вправо, все еще вдоль низкой ограды.

Анна думала о „своихъ“—о братьяхъ и сестрѣ, и ихъ дѣтяхъ. Кого-нибудь да найдетъ она въ Зарѣчномъ — такъ называлась родовая усадьба графовъ Волгиныхъ, гдѣ ея отецъ, графъ Георгій Александровичъ, случайно заѣхавъ въ концѣ лѣта, заболѣлъ—теперь лежитъ уже второй мѣсяцъ, и всѣ ждутъ его кончины.

Всего тяжелѣе было бы ей найти около него свою старшую и единственную сестру, Марью Георгіевну, княгиню Ахметову.

Та, навѣрное, прилетѣла первая—какъ только зачуяла опасность кончины—съ дочерью, а можетъ быть и съ мужемъ. Волгиныхъ—братьевъ и племянника, сына старшаго брата—ей было бы все-таки менѣе непріятно встрѣтить. Но все это неизбѣжно. Она не могла же не откликнуться на зовъ умирающаго отца!...

Бричка въѣхала въ ворота. Они и на ночь не запирались.

Она приподняла немного верхній фартукъ и крикнула ямщику:

— Держите поправѣе!

Собственный голосъ показался ей страннымъ. По-русски она давно не говорила съ прислугой. И самый звукъ она какъ будто не узнавала.

Подъѣздъ приходился съ праваго бока зданія — съ желѣзнымъ стариннымъ навѣсомъ и выступомъ низкой и широкой лѣстницы. Ступенекъ было четыре—Анна хорошо это помнила.

Гдѣ-то залаяла цѣпная собака. Но дворъ, шедшій также полукругомъ, стоялъ совершенно пустой. Никто не вышелъ на мягкій шумъ колесъ, шлепавшихъ по мокрому песку.

„Неужели ужъ за полночь?“—подумала Анна, и ей стало досадно, что она не переночевала на станціи.

Ямщикъ не сразу придержалъ тройку и задѣлъ заднимъ колесомъ о выступъ.

Анна съ трудомъ застегнула верхній фартукъ на крючки, вошла на крыльцо и попробовала—заперта ли дверь.

Половинка двери подалась кнаружи, когда она взялась за ручку. Внизу, въ просторныхъ сѣняхъ и прежде никто не сидѣлъ. Надо подняться по лѣстницѣ—тамъ передняя.

Въ сѣняхъ висѣлъ фонарь съ керосиновой лампочкой. Фитиль чадилъ.

Она—еще легкимъ шагомъ—поднялась по лѣстницѣ и отворила дверь въ переднюю, гдѣ сохранились старинные „лари“, вдоль двухъ стѣнъ.

Тамъ горѣла висячая лампа. Кто-то выглянулъ справа, изъ маленькой комнатки, служившей прежде для ламповщика.

Какъ близорукая, она не сразу разглядѣла—кто это.

Къ ней подошелъ малый, вродѣ истопника или кухоннаго мужика, въ короткой сибиркѣ. Онъ былъ спросонокъ, смотрѣлъ хмуро и простовато, съ кудельно-свѣтлыми волосами, сбившимися на лбу.

— Всѣ почиваютъ? — полушопотомъ спросила Анна, отряхивая свой дорожный плащъ.

— Не могу знать. А вамъ кого?

— Леонтій при графѣ? — вспомнила Анна имя отцовскаго камердинера.

— Левонтій Кузьмичъ никакъ къ себѣ ушедши.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Внизу, въ дѣтскихъ комнатахъ.

— Проводите меня къ нему.

Ей неловко было бы говорить ему „ты“. Она совсѣмъ отстала отъ этого за границей.

Парень поправилъ волосы и, стуча сапогами, пошелъ впередъ.

Они спустились въ сѣни. Анна прекрасно помнила—гдѣ были „дѣтскія“ комнаты. Тамъ помѣщалась и ея комнатка, когда они пріѣзжали всѣмъ домомъ на лѣто. Надо было повернуть отъ лѣстницы влѣво, черезъ маленькій корридоръ. Направо шелъ также рядъ такихъ же низкихъ комнатъ для гостей, для гувернантокъ и—когда-то—для заслуженныхъ дворовыхъ старухъ.

Парень постучалъ въ дверь. Въ корридорчикѣ было совсѣмъ темно.

— Я подожду въ сѣняхъ,—сказала Анна и, отворивъ дверь на подъѣздъ, крикнула ямщику, чтобы онъ внесъ сундукъ и дорожный мѣшокъ, лежавшій въ бричкѣ.

Больше съ ней не было ничего. Она поднялась на-легкѣ, да и вообще отвыкла брать съ собою много багажа.

Ей пришлось пождать. Видно, камердинеръ уже спалъ.

Левонтій вышелъ въ пиджакѣ, съ приподнятымъ воротникомъ, тотчасъ же призналъ „барышню" и сталъ извиняться.

— Графъ васъ ждутъ не дождутся,—сталъ быстро шептать камердинеръ.—Да какъ же это вы, матушка, не дали знать... депешей—насчетъ экипажа?

Онъ покачалъ своей курчавой, уже сѣдой головой.

Анна обрадовалась ему, хотя никогда особенно не любила этого довѣреннаго лакея, считала его съ хитрецой—„и нашимъ, и вашимъ".

— Вамъ папà приказали приготовить боскетную... наверху... около ихъ спальни.

— А въ какомъ графъ положеніи? — умышленно суховато спросила Анна о здоровьѣ отца.

Весь этотъ быстрый разговоръ вполголоса происходилъ еще въ сѣняхъ.

— Немножко какъ будто полегчало... съ понедѣльника.

— Докторъ живетъ здѣсь?

— Какже-съ. Фіалковскій Василій Ермиловичъ. Они имъ довольны.

Анна, узнавъ, что здѣсь уже съ недѣлю живетъ ея старшая сестра съ дочерью, не захотѣла помѣститься сейчасъ же наверху, подъ тѣмъ предлогомъ, что она боится безпокоить больного.

— Дѣтскія комнаты свободны?—спросила она.

— Какже, ваше сіятельство... Одна совсѣмъ готова... ждемъ пріѣзда молодого графа. Семенъ Георгіевичъ долженъ быть также—и съ супругой.

— Такъ я переночую въ дѣтской. Прикажите имъ снести туда вещи.

Камердинеръ распорядился, и черезъ десять минутъ Анна уже совсѣмъ устроилась въ одной изъ дѣтскихъ. Разбудили какую-то „женщину", спавшую около кухни; но она ее вскорѣ услала.

„Дѣтская" оказалась ея комнатка. И даже отдѣлка осталась почти та же. Козетка и стульчики изъ корельской березы

съ ситцевой обивкой—птицами и букетиками, узкое зеркало съ бронзой, пузатенькое бюро, на стѣнахъ—уже съ другими обоями—англійскія гравюры въ деревянныхъ рамахъ подъ красный карандашъ.

Со свѣчой въ рукѣ, уже раздѣтая, она обошла всю комнатку и оглядѣла каждую картинку.

Вотъ дама въ платьѣ „empire“ и съ длиннымъ шарфомъ, спущеннымъ на руки, въ шляпѣ „Paméla“, провожаетъ своего мужа—онъ сбирается ѣхать верхомъ. По бокамъ ея бѣгутъ дѣти—мальчикъ и дѣвочка, въ локонахъ, съ серсо. Джентльменъ—въ лосинныхъ рейтузахъ и сапогахъ съ отворотами, въ короткомъ сюртукѣ съ пелериной и въ свѣтлой шляпѣ—къ тульѣ шире.

Одна эта гравюра—и все дѣтство пронеслось передъ ней, и первые годы дѣвичества. И взрослой дѣвушкой, когда живала въ деревнѣ, она помѣщалась въ этой же комнатѣ.

Сколько лѣтъ! Больше полжизни. Теперь ей уже подъ-сорокъ. Давно волосы ея стали сѣдѣть, и прежняя красивость облика пропала, и глаза потеряли блескъ. Осталась только нервная сила. Ее не подломили еще совсѣмъ никакія передряги и никакія утраты.

Аккуратно Анна достала изъ сундука ночное бѣлье и туфли и стала укладываться. Въ домѣ—ни звука. Ее радовало то, что никого не разбудилъ ея пріѣздъ, если только отецъ не слышалъ шума экипажа и голосовъ въ передней, когда она говорила съ парнемъ.

Но завтра надо будетъ пройти—прежде всего—черезъ разговоръ съ старшей сестрой. Та, навѣрное, перехватитъ ее передъ ея свиданіемъ съ отцомъ.

Отъ Левонтія она узнала также, что при больномъ „сестра“, выписанная изъ города, уже болѣе трехъ недѣль назадъ.

Дорога растрясла Анну; но сонъ не приходилъ.

Она потушила свѣчу и въ полномъ мракѣ лежала на спинѣ, прикрываясь до шеи одѣяломъ. Въ комнатѣ было свѣжо, даже немного сыровато. Тишина стояла глубокая, почти жуткая, точно въ подвалѣ.

Мысли Анны не могли не обратиться назадъ, ко всему, что она пережила—и здѣсь, и вдалекѣ отъ „отчаго дома“.

Это русское заглавіе облетѣвшей весь свѣтъ нѣмецкой пьесы пришло ей сейчасъ на память. И она беззвучно выговорила его съ невольной усмѣшкой. Здѣсь она родилась—именно здѣсь, а

не въ Петербургѣ,—здѣсь произошелъ крутой поворотъ въ ея судьбѣ; здѣсь похоронена и ея мать.

А этотъ „домъ“, этотъ „родной очагъ“ нe согрѣвалъ ее. Прежней связи она не могла чувствовать,—развѣ въ видѣ чего-то неизбѣжнаго и горькаго.

Но все-таки же не скрутила ее жизнь. Она все такая же, какою была и пять, и десять лѣтъ назадъ; только стала менѣе увѣрена въ своихъ силахъ, устала, и на многое смотритъ съ той терпимостью, какой прежде у нея не было. И нѣтъ у нея больше личнаго счастья.

Отсюда, изъ этой усадьбы, она—двадцать лѣтъ назадъ или около того—„бѣжала“.

Куда? Зачѣмъ?

Учиться! Предлогъ былъ приличный:—слабое здоровье. Ее отпустили не одну, а съ компаньонкой. Матери уже не было на свѣтѣ—она скончалась годомъ раньше, и тѣло ея лежало здѣсь же, на погостѣ, около ихъ домовой церкви.

Ученье повело далеко — къ полному разрыву съ домомъ, съ ея „породой“.

Вотъ это слово въ ея семействѣ повторяютъ съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ. Это—высшая похвала и „ultima ratio“ всего—по понятіямъ отца, братьевъ, сестры, всѣхъ, кто съ ними однихъ сословныхъ чувствъ. А она, должно быть, явилась на свѣтъ „выродкомъ“. Не нашлось въ ней что-то никакихъ задержекъ пойти на проломъ. И она пошла. Все ея ренегатство сводилось тогда еще къ одной жаждѣ знать, мыслить, найти въ себѣ „личность“, поскорѣе и навсегда стряхнуть съ себя то, что неминуемо повело бы ее къ тому же культу „породы“.

Первыя схватки она храбро вынесла. Круто приходилось, когда она показала свои карты и наткнулась на отпоръ отца. Тогда онъ стоялъ на самой вершинѣ. Сановникъ, чуть не спаситель отечества — такъ, по крайней мѣрѣ, онъ смотрѣлъ на себя.

И вдругъ его дочь—графиня Волгина—вмѣсто того, чтобы ждать момента, когда ее представятъ и подарятъ „шифръ“—очутилась чуть не бѣглой, въ студенткахъ и, какъ дерзкая, непокорная дочь, осмѣлилась требовать себѣ какихъ-то „правъ“.

И вторая полоса жизни—на своихъ ногахъ—не сломила ее. Вотъ она—дочь графа Георгія Александровича—очутилась въ „нелегальныхъ“, выслана въ глухой городишко. Протянулось нѣсколько лѣтъ. Ее простили—изъ-за отца. Это было ей обидно. Она не смирилась.

Третья полоса пролетѣла быстро... ужасно быстро. И она спрашиваетъ себя: неужели около десяти лѣтъ прошло съ того дня, какъ она, во второй разъ, переѣхала границу? Черная нужда, потомъ встрѣча съ тѣмъ, кто такъ беззавѣтно отдался ей... Потеря мужа, нестерпимое одиночество, полный разрывъ съ своими, продолжавшійся долгіе годы... И вотъ она здѣсь, въ Зарѣчномъ, по вызову умирающаго отца.

II.

Анна привыкла за границей вставать рано. Еще не пробило восьми, а она уже была на ногахъ.

И наканунѣ, и теперь ее немного тревожило одно: встрѣча и разговоръ съ старшей сестрой—прежде чѣмъ она повидается съ отцомъ.

Она не боялась сестры, и вообще никого не боялась изъ своихъ, не исключая и старшаго брата—графа Семена Георгіевича, котораго и отецъ сталъ побаиваться—въ послѣдніе годы. Но она не желала встрѣчи съ сестрой, до свиданія съ отцомъ.

Всѣ „господа" еще спали, когда она была уже одѣта. Та „женщина", которую Левонтій добылъ вчера ночью, принесла ей воды, а черезъ полчаса пришелъ камердинеръ—уже во фракѣ и бѣломъ галстухѣ—и доложилъ ей вполголоса, что „его сіятельство" просятъ ихъ пожаловать теперь же, какъ только „откушаютъ" чай.

Левонтій доложилъ также, что графъ чувствуетъ себя сегодня „особенно хорошо", только „не были довольны" тѣмъ, что Анна Георгіевна „не изволили дать знать депешей о своемъ прибытіи".

Передъ тѣмъ, какъ идти къ отцу, Анна сѣла къ „уборному" столику и немного занялась своимъ туалетомъ.

Она не носила короткихъ волосъ и одѣвалась безъ умышленной небрежности, но постоянно въ черное.

Въ это самое овальное зеркало стариннаго столика глядѣлась она молоденькой дѣвицей, двадцать лѣтъ тому назадъ.

На нее смотрѣло теперь изъ овала зеркала худощавое лицо, на видъ сорокалѣтней женщины, съ поблекшимъ цвѣтомъ кожи, съ большими сѣрыми глазами—безъ прежняго блеска, съ порѣдѣлыми русыми волосами, гладко зачесанными за уши—какъ она чесалась и дѣвушкой—и съ замѣтной просѣдью.

Эта, еще не совсѣмъ старая, женщина—мало похожа на

русскую. Скорѣе—на англичанку или нѣмку. Ее можно принять и за профессіональную женщину.

Но въ выраженіи лица, въ складѣ губъ, въ поворотѣ головы—что-то осталось „Волгинское". Она этого сама не сознавала или не хотѣла признать.

Съ дѣтства у нея было всего больше сходства съ старшимъ братомъ—и это ей никогда не было пріятно: тотъ же удлинненный къ низу хрящеватый носъ, съ крупно вырѣзанными ноздрями, и линія бровей, и цвѣтъ глазъ, и овалъ лица. Въ послѣдній разъ—когда онъ имѣлъ съ ней въ Лозаннѣ дипломатическое свиданіе — это было больше пяти лѣтъ назадъ — сходство еще сильнѣе обозначалось.

Она надѣла свое хорошее платье. Всего у нея было три туалета, кромѣ блузы. Ей не хотѣлось слишкомъ и „прибѣдниваться", и давать сестрѣ и остальнымъ предлогъ говорить потомъ, что она нарочно желаетъ разжалобить отца, и разлетѣлась сюда—непрошенная—просить у него прощенья, въ разсчетѣ на какую-нибудь „благостыню".

Ей ничего не надо. Ни на что она не разсчитываетъ, ни къ чему не подбирается. Она въ тысячу разъ богаче и—главное—свободнѣе всѣхъ своихъ породистыхъ родныхъ.

Когда отецъ хотѣлъ ее „выдѣлить" и „откупиться" отъ нея капиталомъ, но съ тѣмъ, чтобы она не предъявляла никакихъ претензій до его смерти,—она не согласилась. Этимъ, конечно, воспользовались и сестра, и братья. Кажется, отецъ хотѣлъ прислать ей что-то вродѣ проклятія.

Жизнь взяла свое, и вотъ она здѣсь по его вызову. Она ему нужна.

Но все-таки, когда она накинула на себя мантилью, покрыла голову вязанымъ платкомъ и пошла наверхъ,—она ощутила волненіе.

Не отъ боязни за дни отца. Давно покончились всѣ ея счеты съ нимъ. Она сжилась съ своимъ равнодушіемъ къ нему, хотѣла бы смотрѣть на него потеплѣе, но не могла,—ни на него, ни на его сановныя заслуги. Уже слишкомъ хорошо она его знала, и для нея онъ былъ самымъ яркимъ олицетвореніемъ ненавистныхъ ей порядковъ въ той странѣ, которую она не переставала любить, но чаще возмущалась и многое твердо и сознательно ненавидѣла.

Въ передней ее уже ждалъ Левонтій. Было еще хмуро въ комнатахъ. На дворѣ стояла такая же погода, какъ и вчера ночью.

— Пожалуйте, матушка!—заговорилъ онъ все такъ же въ полголоса.—Графъ изволили уже умыться и чашку молока выкушали.

— Графъ одинъ?

— Сидѣлка при нихъ безсмѣнно. Можетъ, сейчасъ только отлучилась.

Своимъ тономъ и особенной игрой глазъ Левонтій хотѣлъ ей доложить, что ему „все" доподлинно извѣстно, и она можетъ быть покойна—онъ ее не выдастъ.

Но она не знала, что̀ это „все", и ей стало непріятно отъ этого тона: точно она какая-то сообщница, и ее чуть не тайно впустятъ сейчасъ къ отцу.

Анна ничего не сказала камердинеру, и когда онъ пріотворилъ дверь въ спальню графа—она не сразу вошла, а пріостановилась позади ширмъ, поставленныхъ поперекъ, для защиты отъ наружнаго воздуха.

— Кто тамъ?—раздался голосъ больного.

Она бы не узнала отцовскаго голоса—глухого и прерывающагося.

По этимъ двумъ словамъ она признала, что дыханіе у него сильно затруднено.

— Анна Георгіевна! — доложилъ сзади Левонтій и, поведя правой рукой, сказалъ ей шопотомъ: — Пожалуйте, матушка... никакъ „сестра" ушѐдши.

Въ высокой комнатѣ о трехъ окнахъ — бывшій кабинетъ отца—стоялъ еще сѣрый полусвѣтъ. Стѣны, выкрашенныя, по старинному, въ синюю краску—совсѣмъ почернѣли,—и тѣ же два высокихъ шкапа. Отъ нихъ все смотрѣло еще строже и неуютнѣе.

Лекарственный воздухъ наполнялъ комнату. У Анны вступило въ виски, и она на секунду закрыла глаза.

Кровать стояла влѣво отъ входа, безъ полога, широкая. На высоко взбитыхъ подушкахъ голова больного еле отдѣлялась отъ цвѣта полотна—такъ лицо было бѣлесовато-желто и значительно опухшее. Лысый черепъ—съ двумя короткими сѣдыми прядями на полуголыхъ вискахъ—выступалъ впередъ, и изъ-подъ облѣзлыхъ бровей глядѣли два большихъ темныхъ глаза пристально и старались улыбнуться. Борода была коротко подстрижена.

Графъ лежалъ въ фланелевой рубашкѣ съ открытымъ воротомъ. Затрудненное дыханіе поднимало воротъ. Одѣяло шло до подмышекъ.

У ногъ приставлено было низкое кресельце—должно быть, для сидѣлки.

— Ah! Mon enfant! — встрѣтилъ графъ дочь и протянулъ свободную правую руку, стараясь немного приподняться.

Анна наклонилась и поцѣловала руку отца. Рука была холодная, также припухлая, съ синими жилами — рука водяночнаго.

Ее вдругъ схватило за сердце, и она сама почувствовала влажность глазъ.

— Ты видишь... совсѣмъ patraque!

Манера говорить осталась та же... и та же игра въ губахъ— тонкихъ, съ извилистой линіей верхней губы. И такъ же блеснула вставная челюсть, какъ и въ послѣдній разъ, когда они видѣлись.

Но больной былъ тяжелый. Отекъ груди, рукъ,—а стало быть и ногъ—шелъ, навѣрное, отъ болѣзни сердца, на которую отецъ жаловался—и двадцать лѣтъ назадъ. И тогда ему было уже сильно за пятьдесятъ, а теперь, кажется,—подъ восемьдесятъ.

— Сядь!—указалъ графъ ей на креслице.

Анна опустилась, все еще охваченная невольнымъ волненіемъ.

— Спасибо... дружокъ.

Онъ ласково улыбнулся.

Для дочери все это было такъ ново, хотя она и должна была ожидать „перемѣны фронта".

Отецъ вызвалъ ее черезъ стороннее лицо—того друга ея дѣтства, сосѣда Загарина, который вчера выѣхалъ къ ней на встрѣчу. Она ему послала депешу; но просила—въ усадьбѣ никого, къ ночи, не тревожить.

Она нужна отцу. Оттуда и такой тонъ. Это—„купля-продажа". Не могла она такъ не думать; но ее это огорчало. Она хотѣла бы бросить всякіе счеты... Смерть всѣхъ должна примирять...

— Вамъ трудно говорить?—тихо спросила она.

— Будемъ на „ты"... какъ прежде,—остановилъ ее графъ.— Развѣ ты не дочь моя? Que diable!.. Кто старое помянетъ...

И онъ опять протянулъ руку.

Она не поцѣловала.

Онъ гораздо меньше французилъ, чѣмъ прежде; только его французскіе возгласы и словечки остались тѣ же.

— Спасибо,—повторилъ онъ съ удареніемъ, сдѣлалъ усиліе, чтобы подняться, прилегъ на бокъ и тотчасъ же закашлялся.

Столикъ, около кровати, былъ весь покрытъ стклянками и коробочками. Тутъ же, отдѣльно, стоялъ и аппаратъ для вдыханія чего-то—должно быть, кислорода.

— Вонъ... то питье... темноватое, — задыхаясь, говорилъ графъ.

Послѣ нѣсколькихъ глотковъ, онъ скоро успокоился и съ усмѣшкой сказалъ:

— Подежурь... Пока моя дѣвица... пьетъ чай.

— Ваша сидѣлка?—спросила Анна.

— „Сестра“,—протянулъ онъ, и глаза его игриво заискрились.

Зная отца, Анна сообразила, что, должно быть, „сестра“ ему приглянулась.

— Я ей разрѣшилъ не приходить до девяти. И мы можемъ... поговорить.

Онъ себя перебилъ и гораздо тише спросилъ:

— Ты не видала Мари?

— Нѣтъ, папà.

— A merveille! Присядь поближе... Если не брезгаешь— вотъ сюда.

Она присѣла на самый край широкой—бывшей двуспальной—кровати, съ старинной рѣзьбой.

— Они не знаютъ о томъ, что ты прибудешь сюда.

„Они“—значило: всѣ остальныя его дѣти.

Анна взглянула на отца, какъ бы желая сказать ему:—„Я не желаю являться точно контрабандой“.

Онъ это сейчасъ же понялъ.

— Скрываться тебѣ нечего. Разъ ты здѣсь... у постели больного отца.

Онъ не сказалъ: „умирающаго“. Страсть къ жизни не могла у него пропасть. До послѣдней минуты онъ будетъ гнать отъ себя образъ смерти, до полной потери сознанія.

Волненіе Анны прошло. Она собралась слушать то, что ей скажетъ отецъ, почти какъ посторонняя. Она готова оказать ему услугу, если это не будетъ насиловать ея совѣсть. Иначе— нѣтъ!

Она прикусила губы и задержала дыханіе, сидя съ опущенной головой.

Глядѣть на отца ей дѣлалось тягостно: до того предсмертная болѣзнь наложила на него свою лапу.

Это напомнило ей искаженныя черты мужа въ послѣдніе дни его жизни.

— Позволь...—началъ опять графъ другимъ, болѣе дѣловымъ тономъ:—Твои дорожные расходы... я, само собою, принимаю на себя.

— Зачѣмъ это, папà?

— Какъ же иначе? При твоихъ скромныхъ средствахъ...

Она попросила его—съ удареніемъ—объ этомъ не говорить, зная, что это ему очень понравится. Не можетъ онъ,—и разставаясь съ жизнью,—круто измѣниться; а его скупость, переходившая давно уже въ скаредность, сдѣлалась „притчей" во всемъ ихъ кругу.

— Enfin!—выговорилъ онъ и сдѣлалъ глубокую передышку.—Это—детали. Главное—ты здѣсь. Прошу тебя, другъ мой, по христіанской заповѣди простить мнѣ... если я давалъ тебѣ поводъ имѣть ко мнѣ недоброе чувство.

Анна продолжала сидѣть съ опущенной головой на краю кровати.

— Ты увидишь,—онъ сталъ говорить еще тише:—какъ я... хоть и поздно... цѣню... прямоту твоего нрава... ton intégrité, mon enfant!—выговорилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ.—И я прошу тебя... не какъ отецъ... а какъ твой ближній... по евангельскому закону... поддержать меня... безпомощнаго.

„Вотъ оно что̀!"—подумала Анна и опять затаила дыханіе.

Графъ оглянулся въ обѣ стороны, взялъ ее за руку и прошепталъ:

— Je n'ai personne... entends-tu... qui ne soit contre moi!

Она ждала—что̀ будетъ дальше.

— Personne!—выговорилъ онъ и злобно повелъ глазами.

Много вопросовъ тѣснилось въ ея головѣ; но она не хотѣла ни прерывать его, ни какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ его счеты съ его почтительными и корректными дѣтьми, она—отщепенка, изъ-за которой весь „родъ" такъ долго краснѣлъ.

— На тебя... вся надежда моя,—протянулъ графъ.—Сейчасъ... я не могу сказать всего... что̀ бы хотѣлъ. Видишь... заливаетъ грудь. Но ты теперь знаешь... Tu es avertie, mon enfant. И я увѣренъ—оправдаешь мое довѣріе.

Точно прислушиваясь къ чьимъ-то шагамъ, онъ опустилъ голову на подушку и, не выпуская руки Анны, проговорилъ съ паузами:

— Надо немножко дипломатіи... Сдѣлай это для меня. Будь съ ними помягче... Прошу тебя, Анна.

И онъ сдѣлалъ быстрый жестъ, точно хотѣлъ потереть рука объ руку; но онѣ у него тотчасъ же опустились на одѣяло.

— Il faut les mettre dedans!

Однимъ глазомъ онъ подмигнулъ.

„Въ чемъ провести ихъ?"—спросила про себя Анна—и ей стало жутко отъ той роли, какую отецъ собирался поручить ей.

III.

Изъ дверцы,—незамѣтной между двумя книжными шкафами—съ легкимъ скрипомъ ботинокъ вошла „сестра“ Битягова.

Она пріостановилась, придерживая ручку дверцы.

Больной первый обернулся въ ту сторону.

— La soeur Xénie... — отчетливо выговорилъ онъ и опять, на особый ладъ, повелъ своимъ ртомъ любителя женщинъ.—Une fine mouche...—прибавилъ онъ потише.

— А докторъ?—спросила его Анна.

— Сейчасъ явится... Онъ живетъ во флигелѣ.

— Можно?—звонкимъ голосомъ окликнула „сестра“.

Анна встала и оглядѣла ее.

Высокая, брюнетка, городки волосъ изъ-подъ бѣлой повязки, съ кокетливо опущенными назадъ концами, широколицая, съ короткимъ носомъ и густыми бровями,—красивая и франтоватая особа, сильно перетянутая въ тальѣ, свѣжая, безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія отъ своей службы.

— Войдите, войдите, Ксенія Агаповна! — пригласилъ ее графъ.—Вотъ моя младшая дочь, Анна Георгіевна.

И, обращаясь къ Аннѣ, онъ, съ игрой въ глазахъ, прибавилъ:

— Сестра превосходно знаетъ свое дѣло. И съ большой выдержкой. Я ее побаиваюсь.

— Что вы это, графъ?!—откликнулась Битягова, поведя плечами.

Она тотчасъ же посмотрѣла на часы и сказала мягкимъ, но дѣловымъ тономъ:

— Надо вдыхать.

— Но мнѣ сегодня совсѣмъ хорошо.

— Я оттуда слышала, графъ, изъ кафешенской,—вы сильно закашлялись.

— Слушаю-съ. Извольте.

— Мнѣ лучше удалиться?—спросила Анна.

— Да. Это возня. Да и докторъ на меня разворчится за большіе разговоры.

Прерывая себя, графъ, быстро и съ движеніемъ облѣзлыхъ бровей, спросилъ:

— Ainsi, tu n'as pas encore vu ta soeur?

— Non, père.

— Eh bien! Il faut avaler la pilule. До свиданія, мой дру-

жокъ. Я пришлю за тобой. Надо пользоваться такимъ днемъ, какъ сегодня.

— Ахъ, ваше сіятельство! — отозвалась съ своего мѣста „сестра“:—сегодня ужасная погода.

— А я вотъ, добрѣйшая Ксенія Агаповна, не чувствую... должно быть, на радостяхъ.

— Это конечно, графъ.

Когда Анна собралась уходить, отецъ еще разъ удержалъ ее за руку и сказалъ ей, глядя на нее пристально:

— И пожалуйста... перейди сюда. Тебѣ приготовлена боскетная. Ты помнишь?

— Леонтій мнѣ говорилъ, папà. Но, можетъ быть, я стѣсню...

— Кого это, милая моя?—громче окликнулъ онъ.—Кто же здѣсь имѣетъ право распоряжаться?

Это было сказано не спроста. Онъ никогда ничего *такъ* не говорилъ. „Сестра“ могла передать его слова княгинѣ Марьѣ Георгіевнѣ и прочимъ членамъ семьи, про которыхъ графъ не сказалъ или не хотѣлъ сказать Аннѣ еще ни одного слова.

Сестра Битягова навѣрное привезена или выписана княгиней. Графъ съ ней заигрываетъ; но съ какимъ-то оттѣнкомъ — или совсѣмъ не довѣряетъ, или желаетъ сдѣлать изъ нея своего человѣка.

— Fais-moi l'amitié,—сказалъ онъ вслухъ Аннѣ:—de déménager de suite.

Въ передней Левонтій, опять съ тѣмъ же конфиденціальнымъ видомъ, доложилъ Аннѣ, что „ея сіятельство княгиня Марья Георгіевна—въ столовой“.

Онъ, при этомъ, спросилъ ее глазами—угодно ли ей, чтобы онъ доложилъ княгинѣ о ея пріѣздѣ, или нѣтъ?

У отца она не успѣла спросить: извѣщена ли княгиня о ея пріѣздѣ? Кажется, нѣтъ.

Но она задумалась не надолго.

Чего же ей бояться? Какъ бы сестра ее ни встрѣтила—она съумѣетъ отвѣтить ей и вести себя съ достоинствомъ.

— Княгиня въ столовой?—переспросила она.

— И княжна съ ними.

— Больше никого нѣтъ?

— Изъ дѣтей?—подсказалъ Левонтій выраженіемъ стараго двороваго.

— Да.

— Никакъ нѣтъ-съ. Я уже докладывалъ вашему сіятельству... ждемъ молодого графа... а потомъ и прочіе должны прибыть.

Этотъ титулъ „ваше сiятельство“, который камердинеръ употребилъ по старой привычкѣ, а можетъ быть и съ намѣренiемъ— непремѣнно вызвалъ бы въ ней протестъ.

Но она его не поправила. Что-то такое какъ будто мелькнуло у нея въ головѣ. Пускай онъ и при княгинѣ такъ обмолвится. Она прiѣхала не кающейся грѣшницей, не бѣглянкой, а равноправной дочерью графа Георгiя Александровича Волгина.

— Доложите княгинѣ,—сказала она тономъ барыни,—о моемъ прiѣздѣ, если она еще не знаетъ. А потомъ пошлите ко мнѣ ту женщину... такъ, черезъ четверть часа.

— Изволите сюда переходить?.. Въ боскетной все приготовлено. Графъ еще вчера освѣдомлялись...

Левонтiй пошелъ впередъ и, растворивъ половину двери въ столовую, громко выговорилъ:

— Анна Георгiевна!

Это вышло немножко торжественно; но Анна нашла, что такъ лучше.

Ея старшая сестра—княгиня Марья Георгiевна—сидѣла съ дочерью у чайнаго стола.

Первая поднялась княгиня.

Анна не видалась съ ней около десяти лѣтъ. Княгиня осталась все такой же почти пышной, при крупномъ ростѣ, съ широкой грудью, сильно затянутая, въ сѣроватомъ фланелевомъ платьѣ. Лицо потолстѣло, и двойной подбородокъ сталъ пухлѣе. Она еще не такъ давно считалась красавицей.

Дочь ея, въ девятнадцать лѣтъ, смотрѣла „вторымъ изданiемъ“ матери—какъ называли ее habitués ихъ дома; только у нея очертанiя глазъ и носа были съ восточнымъ оттѣнкомъ — въ отца.

— Toi!.. Anna! Est-ce possible!

Въ этихъ возгласахъ княгини звучало изумленiе; но она съ утра знала о прiѣздѣ Анны.

Онѣ поцѣловались. Потомъ княгиня подвела къ теткѣ свою дочь, и та, по-англiйски, пожала ей руку.

Съ княгиней Анна не переписывалась. Между ними не было разрыва „avec esclandre“; но когда-то за границей у нихъ вышелъ весьма рѣшительный обмѣнъ взглядовъ и чувствъ.

По дѣланному тону и кисловато-слащавой усмѣшкѣ Марьи Георгiевны, она ясно видѣла, что той ея неожиданный прiѣздъ— поперекъ горла. Княгиня должна была сейчасъ же зачуять тутъ какую-нибудь „комбинацiю“, придуманную отцомъ.

— Хочешь чаю?

Княгиня сдѣлала знакъ головой пожилой женщинѣ — вродѣ экономки,—которая стояла около серебрянаго самовара.

Отъ чая Анна отказалась. Онѣ сѣли одна противъ другой, у круглаго края стола, и княгиня повела разговоръ въ возбужденномъ тонѣ и съ такимъ оттѣнкомъ, какого Анна не ожидала.

Что-то такое ея сестра сразу сообразила и стала держаться съ нею такъ, точно будто у нихъ не было никакого прошедшаго.

— Нина... ты вѣдь совсѣмъ не знаешь твоей тетки?—почти игриво спросила она дочь.

Та сдѣлала неопредѣленный жестъ головой.

— Прошу любить да жаловать!—продолжала княгиня такой же точно интонаціей, какъ ея отецъ, указывая Аннѣ рукой на племянницу.

Немного пониже звукомъ она спросила ее:

— Ты уже видѣла отца?

— Я сейчасъ была у него.

— И какъ ты его находишь?

Это было сказано по-французски.

— Я не могу судить сразу,—отвѣтила Анна.—Я не знаю главной причины болѣзни.

— Ихъ нѣсколько.

Оглянувшись, княгиня встала, взяла сестру за руку и предложила перейти въ гостиную, давая понять, что тутъ ей не свободно говорить, при дочери и экономкѣ.

Анна пошла за ней, испытывая уже то непобѣдимое раздражающее чувство, какое ея сестра и братья всегда вызывали въ ней — похожее на нервное покалыванье въ кистяхъ рукъ и въ пальцахъ. Ей хотѣлось—когда онѣ остались вдвоемъ въ сыроватой, неуютной гостиной—сказать ей напрямикъ: — „Зачѣмъ ты со мной фальшивишь? Ты уже заподозрила меня въ чемъ-нибудь нехорошемъ, потому что ты сама—вся изъ самыхъ закоренѣлыхъ инстинктовъ барства и сухой, жадной суетности".

Въ гостиной княгиня посадила сестру возлѣ себя на большой жесткій диванъ, обитый отцвѣтшимъ малиновымъ штофомъ, взяла ее за обѣ руки и хотѣла привлечь къ себѣ.

Анна не сразу поддалась на это.

— Забудемъ прошлое,—заговорила та по-французски.—Я тебя ни о чемъ не буду разспрашивать.

— О чемъ же?—остановила ее Анна и хотѣла освободить руки; но воздержалась.

— Согласись,—продолжала княгиня:—твое внезапное появ-

ленiе... Я очень рада, что отецъ захотѣлъ помириться съ тобою, Анна, но все-таки... напрасно ты такъ мало довѣряешь и мнѣ, и братьямъ твоимъ, и не дала никому знать...

— Позволь,—остановила ее Анна движенiемъ руки и очень пристально поглядѣла на нее. — Опасная болѣзнь отца—не со вчерашняго дня?

— Ты хочешь сказать—мы тебя не извѣстили? Но куда? Я и до сихъ поръ не знаю—гдѣ ты живешь за границей. И братья, и я, имѣли право думать, что ты окончательно разорвала всякую связь съ своимъ отечествомъ.

Княгиня опять взяла Анну за руку.

— De grâce, chère Anna! — воскликнула она. — Бросимъ всякiе счеты. Отецъ такъ тяжело боленъ... Если ты прiѣхала по его желанiю,—подчеркнула княгиня,—и я, и братья, можемъ только радоваться этому.

— И прекрасно, — выговорила Анна по-русски, и, освободивъ свою руку, провела ею по лбу и волосамъ праваго виска.

Ей было тяжко, почти тошно отъ этихъ ненужно-фальшивыхъ объясненiй. Быть съ нею откровенной она не хотѣла. Если отцу она понадобилась „pour les mettre dedans",—ей вспомнилось выраженiе графа,—то она его выдавать не будетъ.

Сдержанный тонъ Анны внутренно бѣсилъ княгиню, и она въ какихъ-нибудь десять минутъ нѣсколько разъ мѣняла свой тонъ.

— Ты чего-то точно боишься?—спросила Анна по-русски, давая понять сестрѣ, что ей не нужно—„pour les gens"—прибѣгать къ иностранному языку.

— Ахъ, Боже мой!—княгиня приложила платокъ къ своимъ толстоватымъ, слегка уже подкрашеннымъ губамъ.—Ты, быть можетъ, ничего не знаешь?! И, наконецъ, ты отдѣлила себя отъ насъ китайской стѣной. Я говорю это не въ видѣ упрека, сестра. Но я должна же—te mettre au courant—того, что̀ было въ послѣднiе годы.

Она заговорила почти шопотомъ.

— Неужели до тебя ничего не доходило въ послѣднiе двa-три года?

— О комъ?

— Да объ отцѣ же!—совсѣмъ по-барски, съ нетерпѣливой гримасой, подсказала княгиня.

— Ничего.

— Я тебѣ вѣрю. Значитъ, ты за границей и не встрѣчалась съ нимъ?

— Нѣтъ, не встрѣчалась.

Это выходило что-то похоже на допрашиванье. Княгиня опять перемѣнила тонъ, глаза ея замигали, стали вдругъ красны, и она продолжала все тѣмъ же полушопотомъ, въ жалобно-скандованныхъ переливахъ голоса.

— Ты знаешь... какой отецъ всегда былъ... экономный... до послѣдней степени. Enfin... il avait la réputation d'avarice sordide. И съ годами это дѣлалось все хуже и хуже.

Анна слушала съ такимъ выраженіемъ, что для нея все это— дѣло отца, и возмущаться его скупостью она считаетъ теперь лишнимъ.

— И что же?!.. Une gueuse... une fille...—почти задыхаясь, продолжала княгиня и еще ближе присѣла къ ней.—Une fille... une misérable... de la dernière espèce... такъ имъ овладѣла, что онъ на нее спустилъ навѣрно больше милліона... слава Богу... франковъ, а не рублей!

Восклицаніе: „слава Богу!"—почти разсмѣшило Анну: такъ оно выдавало княгиню, такую же падкую на деньги, какъ и ея отецъ.

— И что̀ же потомъ?—спокойно спросила Анна.

— Et cette créature... хотѣла разлетѣться сюда... ты можешь себѣ представить?.. Il ne manquerait plus que ça!

Щеки княгини пошли пятнами, нижняя губа оттопырилась и весь ротъ, съ передними вставными зубами, принялъ почти четырехугольную форму.

— Но братъ Simon... при его положеніи... могъ, слава Богу, принять мѣры.

— Какія же?

— Ее не пустили... et voilà tout!

— Насильно?—вырвалось у Анны.

— Une misérable de cette espèce!

— Она француженка?—спросила Анна, чтобы не выдать себя и сейчасъ же не протестовать.

— Венгерка... жидовка... Que sais-je! Еслибъ отецъ не пріѣхалъ по дѣламъ... прошлой весной... Ce serait fait de toute sa fortune personnelle!

— Ты понимаешь,—заговорила она еще нервнѣе, взявъ Анну опять за руку:—теперь онъ совсѣмъ выживаетъ изъ ума. Я обязана была поставить тебя... au courant. Только имѣнье матери онъ не можетъ ни продать, ни заложить. А остальное... принадлежитъ ему... И все, что̀ онъ такъ долго копилъ... Каковы бы ни были твои чувства, сестра... но есть обязанности. Il y va de notre honneur, il y va de notre patrimoine!

Она быстро оглянулась на дверь. Выставилась голова сестры милосердія Битяговой.

— Графъ проситъ Анну Георгіевну пожаловать на минуту. Тамъ теперь и докторъ.

— Иди, иди! А то онъ взбѣсится!

Княгиня вышла вмѣстѣ съ ней и на ходу шепнула:

— La suite au prochain numéro!

IV.

Часа за два до обѣда, въ „боскетной" — круглой комнатѣ, расписанной деревьями, съ глубокой нишей, отгороженной ширмами,—сидѣли—на двухъ старинныхъ козеткахъ—два друга дѣтства: Анна и сосѣдъ по Зарѣчному, Петръ Павловичъ Загаринъ, тотъ, что выѣзжалъ къ ней на станцію желѣзной дороги.

Съ нимъ она тоже не видалась долгіе годы; но они не прекращали совсѣмъ переписки.

И теперь вызовъ отца она получила черезъ него же.

Анна смотрѣла на Загарина съ грустной, ласковой усмѣшкой. Онъ очень измѣнился. На станціи, при свѣтѣ керосиноваго фонаря, она могла бы и не узнать его.

Сегодня онъ немного попріодѣлся,—кажется, даже подстригъ себѣ волосы. Они были съ сильной просѣдью, курчавые. Когда-то они торчали вверхъ шапкой, а теперь на лбу порѣдѣли. Бороду онъ носилъ длинную, съ мéньшей сѣдиной, мужицкими прядями. Глаза—когда-то красивые и съ огнемъ—поблекли, точно выцвѣли, получили желтоватый оттѣнокъ. Морщины, краснота кожи, подъ глазами подтеки, ротъ съ гнилыми зубами.

А было время, Петруша Загаринъ—студентомъ—былъ такой красивый, съ золотистыми кудрями, стройный, ловкій. И ея сердчишко пятнадцатилѣтняго подростка билось сильно, когда онъ бралъ ее за талью и вертѣлъ въ вальсѣ, или ловилъ ее въ горѣлкахъ, или они оба качались, сидя рядомъ, плотно бокъ-о-бокъ, въ зеленомъ креселъцѣ. Долго, лѣтъ до пятнадцати—онъ уже кончалъ курсъ въ гимназіи—она была съ нимъ на „ты"; да и потомъ они не сразу отстали отъ этой привычки. И маленькими они постоянно играли вмѣстѣ, ссорились, мирились, цѣловались и давали другъ дружкѣ тукмаки; чаще она его обижала, хотя и была моложе, и слабѣе силами.

И вотъ передъ ней сидитъ отживающій, а можетъ быть и совсѣмъ отжившій мужчина, старше ея всего на какихъ-нибудь

три-четыре года. Ей пошелъ сороковой; стало быть, ему сорокъ-четвертый, не больше.

Анна только въ общихъ чертахъ знала, какъ прошла его жизнь. Загаринъ не любилъ, въ письмахъ своихъ, говорить о своихъ „дефектахъ". Около десяти лѣтъ онъ женатъ, и есть у него двое дѣтей.

Сегодня онъ пріѣхалъ только къ ней. Къ тѣмъ „дамамъ" онъ являлся рѣдко; но о здоровьѣ графа навѣдывался раза два въ недѣлю, и тотъ его всегда принималъ, если чувствовалъ себя получше. Обыкновенно онъ останавливался у доктора, съ которымъ велъ „компанію", игралъ съ нимъ въ карты—въ „палки", по маленькой—и оба немного выпивали.

Аннѣ стало его, сразу, обидно-жалко. И лицо его, и какъ онъ сидѣлъ, сгорбившись, и сосалъ одну папиросу за другой, и небрежность его туалета, и глухой, точно надтреснутый голосъ—все это говорило о „незадачѣ" его жизни.

Но она его ни о чемъ интимномъ разспрашивать не стала.

Загаринъ смотрѣлъ на нее все время съ хмурой и трогательной лаской, и она чувствовала въ немъ „преданнаго пса", какъ онъ иногда въ письмахъ называлъ себя. Между ними, опять, съ первыхъ словъ, установился чисто-товарищескій тонъ. Заговори онъ съ ней на „ты", назови, какъ тридцать лѣтъ назадъ, „Анниньской"—это бы ее еще больше согрѣло.

Первый его вопросъ былъ, когда они сѣли другъ противъ друга на двухъ маленькихъ бѣлыхъ козеткахъ:

— Какъ обошлось все?

И Анна поняла, что подъ этимъ онъ разумѣетъ не отца, а, главное, княгиню.

Она ему, въ нѣсколькихъ словахъ, передала всѣ свои впечатлѣнія за день.

— Дипломатію, значитъ, пустила въ ходъ княгинюшка? Дайте срокъ! И братцы будутъ держаться той же линіи. Первый—его сіятельство графъ Семенъ Георгіевичъ. А если что—такъ онъ не затруднится... и сестрицу препроводитъ за кордонъ.

О старомъ графѣ Загаринъ говорилъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Анна знала, что отецъ никогда не былъ ему симпатиченъ; но онъ привыкъ говорить о немъ почтительно, и теперь чувствовалъ къ нему жалость, какъ къ человѣку „поконченному".

И тутъ онъ спросилъ Анну—какъ ей „показался" докторъ Фіалковскій.

— Мы съ нимъ пріятели; но вы, голубушка, пожалуйста не стѣсняйтесь... говорите мнѣ все, какъ вашему наперснику.

— Онъ показался мнѣ дѣльнымъ и умнымъ,—искренно отвѣтила Анна.

— Но себѣ на умѣ?—подсказалъ Загаринъ. — Это есть... Вы, вотъ, присмотритесь къ нему. Экземпляръ „sui generis". Характерный семинàръ...

— Чтò?—не сразу поняла Анна.

— Семинаристъ,—хотѣлъ я сказать.

— Онъ духовнаго званія?

— Несомнѣнно. И фамилія, и вся его повадка показываютъ вамъ. Какъ видите... держитъ себя съ достоинствомъ. И больной ему довѣряетъ.

— Но какъ же, до сихъ поръ, не былъ вызванъ какой-нибудь извѣстный... профессоръ?

— Объ этомъ шла рѣчь... Но сестрица ваша не настаивала. Развѣ, вотъ, графъ Семенъ Георгіевичъ—больше для очистки совѣсти—когда пожалуетъ сюда. Фіалковскій нѣсколько разъ—въ томъ числѣ и въ моемъ присутствіи—говорилъ графу Георгію Александровичу, что онъ не можетъ брать на себя всей отвѣтственности.

— И что же отецъ?

— Вы его манеру знаете... и прочія свойства. Въ шутливомъ тонѣ повторяетъ все: „Зачѣмъ лишніе расходы? Если пришелъ мой конецъ—не все ли равно?" А я такъ понимаю, что графъ увѣровалъ въ своего доктора, и смерти—вотъ того, что она придетъ не нынче-завтра—еще не боится.

— Но не можетъ же онъ самъ не видѣть... опасности своего положенія? Водянка—въ сильномъ градусѣ... Отъ порока сердца...

— Можетъ быть, и сознаетъ. А при его цѣпкости къ жизни, пріѣздъ знаменитости... рѣшительный консиліумъ... это значитъ—приговоръ безъ апелляціи. Будь я на мѣстѣ графа, я, пожалуй, въ точно такихъ же былъ бы чувствахъ. А къ тому же... и экономія.

И подумавъ, онъ прибавилъ, взглянувъ на нее взглядомъ „преданнаго пса":

— Если вы пожелаете этого, голубушка, я готовъ въ такомъ именно смыслѣ настроивать и доктора. Для него это было бы даже пріятнѣе. Въ своей діагнозѣ онъ увѣренъ и леченіе считаетъ правильнымъ. Пріѣзжая знаменитость только одобритъ и то, и другое; а отвѣтственность—на половину—съ плечъ долой!

Послѣ сильной затяжки дымомъ папироски, Загаринъ протянулъ къ ней руку, желая пожать ея, и досказалъ:

— Все это—какъ судьбѣ угодно будетъ. Конецъ—не за

горами: вы сами это видите. Для меня во всемъ этомъ, другъ мой неизмѣнный,—выговорилъ онъ съ сильнымъ пожатіемъ,—на первомъ планѣ стоите вы, и никто больше. Возрадовалось сердце мое и возвеселилось, когда отецъ вашъ призвалъ меня, сталъ разспрашивать, гдѣ вы и какъ живете, и, выславъ изъ комнаты сидѣлку, продиктовалъ мнѣ письмо къ вамъ и собственноручно подписалъ его. Вы теперь здѣсь—первый нумеръ, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока у Георгія Александровича сохранятся сознаніе и воля.

— Развѣ это мнѣ нужно, Загаринъ?—остановила его Анна, махнувъ рукой.

— Однако! Нужно-съ, во всякомъ случаѣ... Въ лицѣ вашемъ побѣдила личность, и это огромно!—протянулъ онъ.

— Я понадобилась...

Загаринъ тряхнулъ остатками своихъ кудрей.

— Поняли? — повторилъ онъ потише.—Это такъ... Графъ даромъ ничего не сдѣлаетъ. Вы его достаточно знаете. Но какъ бы тамъ ни было—вы будете имѣть въ рукахъ своихъ... какъ это говорится по-французски...

— La clé de la situation?—подсказала Анна.

— Именно. Вамъ извѣстенъ уже инцидентъ... о нѣкоторой особѣ, которую не допустили ни сюда, ни въ предѣлы имперіи! Вы, конечно, возмутились... такимъ насиліемъ. Но повторяю— братецъ вашъ Семенъ Георгіевичъ въ состояніи и съ вами обойтись, какъ съ этой иностранной мадамой.

— На здоровье!

— А для меня, голубушка, было бы великимъ праздникомъ, еслибъ вы ихъ всѣхъ... оставили при печальномъ интересѣ... не изъ корыстныхъ видовъ... Но въ отплату за все ихъ пакостное отношеніе къ вамъ... За то, что̀ они изъ себя представляютъ. И въ этомъ я вашъ сообщникъ—безусловно!

— Отецъ желаетъ... les mettre dedans,—выговорила Анна, чувствуя, какъ что-то похожее на злорадство проникаетъ въ нее.

— Нѣтъ, Загаринъ,—продолжала она строже:—никакой личной роли я не хочу и не буду играть. Нужна я отцу для чего-нибудь, на что онъ имѣетъ право—я не могу отказать ему въ моей поддержкѣ.

— Только, ради Создателя, дорогая Анна Георгіевна,—не извольте вы выдавать себя по первому абцугу! Ихъ—благородствомъ не проймешь. Уйдите въ свою раковину—и благо вамъ будетъ!

— Слушайте, Загаринъ!—остановила его Анна:—не знаю, какъ ваша личная жизнь, а моя уже покончена.

— Почему такъ?

— Гоняться за женскимъ счастьемъ... поздно... Вонъ, мы оба съ вами—уже старые, сѣдые... Не думать же намъ о романахъ.

Загаринъ опустилъ голову полу-шутливымъ жестомъ.

— Особенно мнѣ!

— Да и мнѣ также. Правда, кромѣ личной, есть еще и общая жизнь. То, за что молодой дѣвушкой я, что̀ называется, пострадала, отошло. И ничего оно не принесло, во что̀ мы тогда такъ живо вѣровали.

— Не зря! Не пропало это безслѣдно! Не говорите такъ, голубушка.

— Не знаю. Мой мужъ счастливъ... Онъ сошелъ въ могилу съ вѣрой, что послужилъ своей идеѣ.

— А то нѣтъ?

— Не знаю, Петръ Павловичъ. Не смотрите на меня такъ. Вы думаете, что я—ренегатка?!

— Сохрани Боже!

— Нѣтъ. Я даже и не озлоблена. А просто устала. И пока я опять на родинѣ,—проговорила она съ косой усмѣшкой,—я останусь зрительницей. У меня здѣсь не можетъ быть никакого личнаго интереса. И вамъ нечего бояться за меня. Ни рисоваться благородствомъ, ни открывать свои карты—мнѣ нечего и не изъ чего!

Она встала и прошлась по комнатѣ, съ руками въ карманахъ своего короткаго пальтеца мужского покроя.

— Все-таки,—возразилъ Загаринъ, слѣдя за нею оборотомъ головы,—вы здѣсь дочь графа Георгія Александровича, и вы имѣете всѣ права.

— Какія? Матеріальныя? Это меня не тревожитъ—увѣряю васъ. Да и стыдно было бы вашей пріятельницѣ дрожать надъ тѣмъ, какой кусокъ достанется ей послѣ графа Георгія Александровича!

— Пить-ѣсть, однако, надо, голубушка.

— По-міру не пойду. Что̀ у Андрея было—онъ мнѣ оставилъ. Я смотрю на это наслѣдство—какъ на вкладъ на храненіе. При моихъ теперешнихъ привычкахъ, съ меня и процентовъ довольно.

Анна остановилась сбоку отъ него и, наклонившись совершенно по-мужски, положила ему руку на плечо.

— А помните, въ какомъ палаццо вы меня нашли въ богоспасаемомъ городѣ Варнавинѣ?

— Какже не помнить!

— Вотъ съ того времени я и привыкла жить Робинзономъ.

Она присѣла на прежнее мѣсто и протянула ему руку.

Загаринъ наклонился и поцѣловалъ ее.

— Не надо! — она тихо отдернула руку: — я отъ этого отвыкла. Да, вы одинъ пріѣхали тогда... въ распутицу... по дебрямъ и зажо̀рамъ? Этого я никогда не забуду. А вѣдь мы были только пріятели. Влюбленности между нами вѣдь не было никакой. А?

— Давно ужъ это было, — какъ-то глухо откликнулся Загаринъ и опустилъ голову.

— Обо мнѣ довольно... О всемъ, что̀ судьба послала въ послѣдніе годы... вы знаете изъ моихъ писемъ. Лучше о васъ поговоримъ. Вы вѣдь, другъ, не охотникъ о себѣ писать. И для меня, въ эту минуту, вы почти что знакомый незнакомецъ.

— Что̀ обо мнѣ!.. моя пѣсенка пропѣта.

— Съ какой же стати? Вотъ теперь мы опять сосѣди. Я — ваша гостья. Введете меня въ вашу семью... Познакомите съ женой...

Загаринъ откинулся назадъ и махнулъ ладонью правой руки.

— Нѣтъ, голубушка, избавьте меня отъ этого!

— Почему же?

— Когда-нибудь... позднѣе, если такой стихъ найдетъ, вашъ товарищъ, Петруша Загаринъ, придетъ къ вамъ на исповѣдь; а сегодня... на радостяхъ... освободите меня.

По его письмамъ она кое о чемъ догадывалась. Счастье врядъ-ли пришло къ этому добряку и неудачнику.

— А дѣти?

— Что-жъ дѣти! Лучше бы ихъ не было — ей Богу!

Онъ всталъ и, дымя папиросой, ушелъ въ уголъ, откуда рослая, но уже согнутая фигура и большая курчавая голова показались вдругъ Аннѣ чѣмъ-то глубоко печальнымъ.

— Я хочу все знать! Если такой хорошій человѣкъ, какъ вы — мается...

— Въ другой разъ! — просительно остановилъ онъ ее. — „Маячу“, какъ мужики говорятъ. Подчасъ и самъ себѣ въ тягость... А убѣжать — не хватаетъ духу. Да и куда? У себя дома вездѣ одна сладость... одни порядки. А въ чужихъ краяхъ коптить небо стыдно... да и не на что! Вотъ теперь у меня есть

радость—вашъ пріѣздъ, голубушка; а моя персона?!.. Право, не стоитъ ею заниматься.

— Ну хорошо, ну хорошо.

Ей стало его такъ жаль, что она, подойдя къ нему близко, чуть не сказала ему, какъ въ дѣтствѣ:—Полно, Петруша! Не огорчай меня!

— Сегодня вѣдь порядочная погода?—другимъ, бодрымъ тономъ спросила она.

— Ничего. Дождя нѣтъ... мягко.

— Меня душитъ сидѣнье въ комнатахъ. Пойдемъ, я провожу васъ до флигеля. И съ докторомъ еще поговорю. Пройдемся паркомъ, или туда, къ погосту.

— Къ вашимъ услугамъ, голубушка.

Ему самому такъ было пріятнѣе. Онъ тотчасъ же бросилъ окурокъ папиросы.

— Вы меня обѣдать не оставляете?—тихо сказалъ онъ, помогая Аннѣ надѣть пальто.

— Да вѣдь я здѣсь не хозяйка.

— Княгиня Марья Георгіевна еле выноситъ меня.

— Мы, другъ Петръ Павловичъ, будемъ здѣсь жить своей особой жизнью.

— Такъ, такъ, голубушка! Ручку за это пожалуйте!

— Послѣ...—веселѣе отвѣтила Анна, и они вышли вмѣстѣ.

V.

Они прошли заднимъ крыльцомъ изъ сѣней въ паркъ. Только по одной дорожкѣ, вдоль дома, можно было идти. Остальныя стояли сильно запущенными. Лужи виднѣлись повсюду. Должно-быть, и лѣтомъ не чистили дорожекъ. Кучи гнилого листа и хвороста валялись безъ всякаго призора.

— А управитель—нѣмецъ!—сказалъ Загаринъ, кивнувъ головой на все это.

— И давно это такъ?—спросила Анна.

— Давно. Никто сюда не ѣздилъ. Графъ лишнихъ расходовъ не любитъ.

Заднiй фасадъ дома побурѣлъ и облупился. Во многихъ мѣстахъ штукатурка обвалилась. И все это было промочено осеннимъ ненастьемъ. Чувствовалось, что эти хоромы—ни къ чему; что хозяинъ ихъ—или очень старый, или скупой человѣкъ. Такъ все это смотрѣло сѣро, хмуро, печально, особенно послѣ той

природы, откуда пріѣхала Анна, изъ городка итальянской Швейцаріи, съ береговъ озера, гдѣ стояла еще райская погода.

Никогда не вставало такъ передъ ней вырожденіе вѣкового уклада „вотчинной“ жизни, какъ въ эту минуту. Эти хоромы, этотъ паркъ, вся усадьба — говорили о чемъ-то, потерявшемъ всякій смыслъ. И такъ все это было неприглядно, и бѣдно, и некультурно. Всякій мелкій буржуа, въ любомъ уголкѣ Германіи или Швейцаріи, живетъ на небольшой виллѣ красиво, удобно, съ хорошенькимъ садикомъ, съ прекраснымъ видомъ, сознавая себя владѣльцемъ и хозяиномъ, зная, чѣмъ онъ пользуется и для чего онъ работалъ и копилъ тридцать лѣтъ, чтобы устроиться въ собственной виллѣ.

А вѣдь это—усадьба очень богатаго, родовитаго сановника, гдѣ онъ самъ родился, гдѣ жили его предки, гдѣ они лежатъ—вонъ тамъ, на погостѣ.

Анна посмотрѣла въ сторону заката. Сквозь облака пробивалась свѣтло-оранжевая полоса свѣта. Тамъ зеленѣла луковица церкви во имя св. Георгія Побѣдоносца, построенной въ самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка, съ „шатромъ“ и крытымъ ходомъ въ приподнятый надъ грунтомъ корпусъ съ двумя боковыми небольшими куполами.

Этотъ „погостъ“—по мѣстному выраженію—не былъ приходской церковью. Но изъ окрестныхъ поселковъ приходило сюда когда-то много народу.

Въ этой округѣ большихъ селъ нѣтъ, ни даже крупныхъ деревень; а все поселки въ пять, въ шесть дворовъ и „фольварки“.

Такъ было съ поконъ вѣка.

— Боже, какъ печально здѣсь! — съ горечью вырвалось у Анны.—А тамъ, у крестьянъ, я думаю, еще безотраднѣе.

Ея спутникъ промолчалъ.

Это ее немного удивило.

— Вы, Загаринъ, какъ хозяйничаете?

— Да никакъ. Сдаю. Есть пустая запашка... да и то одна канитель. Тошно!—протянулъ онъ.—Не глядѣли бы глаза!..

— И здѣсь большая нужда у крестьянъ?

Она читала постоянно русскія газеты, и знала, что̀ дѣлается въ деревняхъ.

— Какъ же иначе можетъ быть? Особенно у насъ... съ нашей дрянной землишкой? Прежде ленъ спасалъ и барина, и мужика. А теперь? Чѣмъ же навозить, когда на пять дворовъ одна лошадь?.. Безъ отхожихъ промысловъ была бы хроническая голодовка.

— Да вѣдь прежде здѣсь водились кустари?!.

— Кустари! Ха, ха!

Онъ задорно посмотрѣлъ на нее и остановился.

Стала и она—и вопросительно взглянула на него.

— Кустари!—повторилъ той же нотой Загаринъ.—Ахъ, голубушка Анна Георгіевна... Надо бросить всю эту игру въ палліативы!..

— Почему?—строго спросила Анна.

— Никакой у насъ самостоятельной народной промышленности нѣтъ! Все это старыя погудки. Кустарь вездѣ, не то что у насъ, гдѣ самый грошевый промыслъ, а и въ прославленныхъ кустарныхъ мѣстахъ—въ рукахъ скупщика... стало быть, все того же капитала. И это не что̀ иное, какъ домовый фабричный трудъ: такъ нѣмцы называютъ.

— А-а!—остановила его Анна.—Вотъ что̀!

Она быстро сообразила, что̀ заставляетъ ея товарища такъ говорить. Не очень давно, не больше десяти лѣтъ назадъ, онъ былъ убѣжденный народникъ, воевалъ въ земствѣ всегда за крестьянъ, былъ популярный въ уѣздѣ мировой судья; кажется, даже дѣлалъ попытки, по выходѣ изъ университета, завести хозяйство чисто мужицкаго типа, увлекаясь примѣромъ одного тогдашняго профессора.

И вдругъ—такой поворотъ!

— Послушайте, — продолжала Анна, держа его за бортъ пальто:—неужели и вы сектантъ?

— Какой? Увольте!

— Я хочу сказать—адептъ школы, ну, вы понимаете—какой?..

— Зачѣмъ непремѣнно ярлыкъ, голубушка? Я клички никакой не боюсь—ни зубоскальной, ни въ серьёзъ. Ну, марксисты тамъ, что-ли, или фанатики экономическаго матеріализма... Все это—слова̀. Дѣло въ томъ—кто видитъ самую суть, а кто зады повторяетъ.

— Стало быть, и я ихъ повторяю? — спросила она полушутливо.

— Не знаю, голубушка. Вы тамъ, за границей, не стояли съ глазу на глазъ съ нашей милѣйшей дѣйствительностью.

— Присядемъ. Я васъ такъ не могу отпустить отсюда.

Они сѣли на скамью, подъ навѣсомъ задняго крыльца.

— Кто же мнѣ васъ подмѣнилъ, Загаринъ?

Шутливый тонъ ея прикрывалъ совершенно искреннее волненіе.

Кто-то несомнѣнно подмѣнилъ ей ея товарища.

— Кто меня подмѣнилъ?—серьезно и немного сердито выговорилъ Загаринъ.—Будто это надо сейчасъ же излагать?

— Да, сейчасъ же.

— Милая вы барыня... Все такая же пылкая... и—какъ господа газетчики пишутъ—прямолинейная. Душой вы совсѣмъ юная. Вотъ это-то въ васъ такъ и привлекательно.

— Не нужно подслащиванья, Загаринъ. Я жду!

Онъ закурилъ папиросу, приподнялъ, почему-то, свою скомканную шляпу-либералку, изъ сѣраго войлока, и вбокъ поглядѣлъ на нее, какъ бы прося извиненія за то, что̀ онъ скажетъ.

— Со мной вышло то, что̀ многіе изъ людей нашего поколѣнія пережили въ послѣдніе годы. Вовсе не одни мальчишки... студентики тамъ или гимназисты ударились въ это. Далеко нѣтъ! Молодежь сильнѣе прочувствовала, раньше тѣхъ, кому, какъ мнѣ, пора ужъ забастовывать. Но душевный процессъ—одинъ и тотъ же, и самый понятный.

Анна нетерпѣливо стала трясти ногой. Загаринъ зналъ этотъ жестъ.

— Простите, голубушка. Вы желаете получить отвѣтъ... въ пять словъ. Это трудно! Вамъ угодно было выслушать мою исповѣдь: я и стараюсь. Во-первыхъ, милая моя подружка, *обиду* почувствовали многіе, въ томъ числѣ и я—безталанный. Такую же обиду, какъ и тѣ студенты, которые, въ первый голодъ, кинулись съ братскими объятіями къ народу.

— Ну и что-жъ?

— А то, что и въ годину самой тяжкой безхлѣбицы, и раньше, когда было полегче жить въ деревнѣ—народъ остался съ тѣмъ же камнемъ за пазухой.

— *Вы* это говорите, Загаринъ?

— Да, я. Иначе и быть не могло. Двадцать лѣтъ я и всѣ мнѣ подобные—тѣшили мы себя иллюзіями, возлагали надежды на мужика, создали изъ него себѣ кумира и подобіе, распинались за его общину, за артель, за кустарей... за всю эту маниловщину!...

— Приберите другое слово!—подсказала Анна.

— Простите, если оно васъ задѣло; но я говорю отъ души. Ну, и я кормилъ голодныхъ, и я открывалъ столовыя, и собиралъ подписки... и все это съ полнымъ увлеченіемъ.

— И жили тогда полной жизнью?

— Сгоряча, пожалуй. Можетъ, и суетность закралась. „Благодѣтель!“—„Кормилецъ!“—А мальчишки-то, которымъ те-

перь потѣшную кличку придумали—сразу раскусили, въ чемъ дѣло, и насъ—старѣющихъ сантиментальщиковъ—уму-разуму научили. „Вотъ, молъ, она, ваша хваленая деревня. Обречена на вѣчную голодовку. Нищета, заброшенность, одичаніе, заразныя болѣзни. И не выбраться никогда вашему пресловутому крестьянскому міру изъ этого вырожденія“.

— Откуда же спасеніе?—вскричала Анна.—Настроить фабрикъ, развести батраковъ безъ земли, сдѣлать всѣхъ рабами капитала?

— Жалкія слова, голубушка!—горячо крикнулъ Загаринъ, и глаза его разгорѣлись.—Жалкія слова! Плоше уже быть не можетъ. Стало быть, чѣмъ скорѣе рухнетъ этотъ мужицкій обманъ—тѣмъ лучше.

Голосъ его звучалъ сильно, лицо было напряженное, глаза вызывающе оглядывали кругомъ.

— И это ваше послѣднее слово?—спросила Анна.

— А то какъ же? Положимъ, я человѣкъ, сданный жизнью въ архивъ. Но я еще могу мыслить, сознавать—куда мы идемъ. И всѣ доводы мнѣ извѣстны противъ ненавистнаго и мнѣ когда-то капитализма. Они на меня теперь не дѣйствуютъ. Пускай мужикъ потеряетъ землю,—ну и будетъ батракъ!...

— Вы шутите, Загаринъ!...

— Нѣтъ, не шучу, Анна Георгіевна. Вотъ, извольте оглянуться!—онъ показалъ рукой на домъ:—вся эта усадьба рухнетъ, ее не изъ чего будетъ поддерживать. Послѣ графа Георгія Александровича земельныя угодья разойдутся по рукамъ. Хозяйничать, какъ слѣдуетъ—не на что; а если и найдутся деньги—онѣ пойдутъ не на такую агрономію, о какой молодежь мечтаетъ. Еще тридцать, много пятьдесятъ лѣтъ—и повсемѣстно капиталъ выкуритъ жалкое мужицкое хозяйство, и дворянское—на придачу.

— Неужели вы этому радуетесь, Загаринъ?

— Такъ будетъ!

Анна не хотѣла больше спорить съ нимъ. Не вѣрить его искренности она не имѣла повода; но не могла и поддакивать ему. Она считала бы это измѣной памяти своего мужа, который умеръ съ тѣмъ же „credo“, за какое онъ ратовалъ до самой смерти.

— Да и что же васъ это такъ удивляетъ?—заговорилъ Загаринъ.—Коли это повѣтріе, такъ оно идетъ отъ васъ же, съ Запада.

— Я знаю!—все такъ же горячо возразила Анна.—Но почему же каждый изъ насъ обязанъ накидываться—какъ на манну

небесную—на ученье, потому только, что оно модное и привозное съ Запада?...

— Голубушка!—Загаринъ взялъ ее за обѣ руки.—Простите! Я не хотѣлъ съ вами препираться. Вы меня сами вызвали на этотъ разговоръ. Вотъ вѣдь отечество наше какое злосчастное!.. Сейчасъ вопросы... сейчасъ все съ корня выворачивать. Я такъ несказанно радъ, что вижу васъ! Дайте хоть около васъ забыть всѣ прелести россійскаго житья!...

— Нѣтъ, Загаринъ,—все еще взволнованно возразила Анна: —это слишкомъ важно. Если это проповѣдывать, такъ лучше уже превращаться въ чистаго анархиста.

— Въ пору и имъ быть, Анна Георгіевна.

Онъ всталъ и весь отряхнулся.

— Конечно, въ пору,—промолвила Анна упавшимъ голосомъ. —Стало-быть, Загаринъ, вы теперь въ полномъ равнодушіи ко всему, что̀ дѣлается вокругъ васъ... и все по формулѣ:—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше?

— Прекратимъ этотъ разговоръ, голубушка... ну, хоть на сегодня. Не вѣрите мнѣ... извольте присмотрѣться къ тому, что̀ у россійскихъ „пейзанъ“ дѣлается и куда все идетъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Здѣсь, разумѣется, въ Зарѣчномъ, нѣтъ ничего... ни больницы, ни школы?

— Школа есть земская... въ Дятловѣ... помните? Амбулаторію папенька вашъ когда-то завелъ... кажется, въ сорокалѣтнюю годовщину своей службы... Потомъ похерилъ ее.

— А докторъ Фіалковскій?

— Онъ приглашенъ изъ города. Ходятъ къ нему... онъ не отказываетъ. А въ уѣздѣ земство влачитъ постыдное существованіе.

Анна, ничего не говоря, встала, и они пошли къ воротамъ. Церковь выступила теперь вся—по ту сторону двора—тоже запущенная, давно не бѣленая, съ обвалившимися столбами ограды.

— Неужели отецъ Евменій живъ?—спросила Анна.

— Представьте... живъ... Еле бродитъ, а еще служитъ.

— Совсѣмъ одинъ?

— Вѣдь вы помните... онъ всѣхъ въ холеру потерялъ?... Кажется, немножко сталъ уже забываться.

— Онъ былъ интересный старикъ... сколько я помню.

Анна думала о могилѣ матери. Тѣло ея лежало тутъ же, въ общемъ фамильномъ склепѣ. Навѣрное, сестра ея уже отмѣтила то, что „безбожная крамольница“ не подумала отслужить

панихиду по матери—чего и сама еще не сдѣлала, хотя жила уже въ Зарѣчномъ больше двухъ недѣль.

Сегодня она не пойдетъ на погостъ, а, проводивъ Загарина во флигель, завернетъ, быть можетъ, къ старику священнику.

— Гдѣ же вы будете обѣдать?—спросила она Загарина.

— Да вѣдь я уже ѣлъ. Обѣдъ у меня ранній, въ два часа. А теперь у Василія Ермилыча чего-нибудь перехвачу.

Не доходя до флигеля, она остановила Загарина и простилась съ нимъ.

— Не зайдете, значитъ? — упавшимъ голосомъ выговорилъ онъ и поглядѣлъ на нее просительно.—Огорчилъ я васъ, голубушка?

— Не могу еще я, Загаринъ, разобраться во всемъ этомъ... И обвинять васъ не имѣю права. Дайте мнѣ передышку — дня въ два. Пріѣзжайте пораньше. Спорить мы не будемъ. Но я хочу знать о васъ самихъ... все.

Они простились около крылечка одноэтажнаго флигеля, гдѣ жилъ докторъ.

VI.

Темно было подъ сводами домовой церкви. Обѣдня кончалась. Кромѣ священника, отца Евменія Меморскаго, и его стараго дьячка, въ тулупѣ и, по старинному, съ косичкой, да сторожа, отставного унтера,—тоже очень стараго человѣка,—въ углу, у придѣла, молилась женщина, въ кацавейкѣ и темномъ платкѣ—должно быть, какая-нибудь запоздавшая умереть старушка изъ бывшихъ графскихъ дворовыхъ.

Глухо, съ замѣтнымъ эхомъ, разносился вздрагивающій, довольно еще сильный и очень задушевный голосъ отца Евменія.

Съ молодыхъ лѣтъ онъ славился своей „службой", умѣньемъ произносить молитвы и возглашенія — истово и съ чувствомъ. Теперь его голосъ сталъ гораздо глуше, и въ немъ слышалось старческое дрожаніе; но пошибъ службы остался тотъ же.

Отецъ Евменій служилъ заупокойную обѣдню по просьбѣ Анны. Она посылала Левонтія сказать ему, что будетъ къ концу обѣдни, а потомъ отстоитъ панихиду.

Старикъ всегда любилъ меньшую дочь графа и давалъ ей уроки, когда они живали, по лѣтамъ, въ Зарѣчномъ. Онъ хвалилъ — и за глаза — ея „острыя способности" и „преизрядный даръ изложенія"—и на словахъ, когда она разсказывала ему

„своими словами“ изъ Священной Исторіи, по книжкѣ Анны Зонтагъ, и на письмѣ.

Память ея матери—графини Поликсены Алексѣевны—онъ чтилъ неизмѣнно, и самъ, каждый годъ, служилъ панихиду и литію на могилѣ два раза: и въ день тезоименитства, и въ день рожденія. Она была его „благодѣтельницей“, и со смертью ея жизнь его пошла сильно на ущербъ. И теперь онъ доживаетъ въ своей „берлогѣ“, пока Господу Богу не угодно будетъ „прибрать его“.

Анна вошла въ церковь, когда священникъ произносилъ слова: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“...

Отецъ Евменій видѣлъ, что она только-что вошла, и ей стало какъ бы неловко.

Навѣрное онъ подумаетъ: „Хороша дочка! Не могла выстоять всей заупокойной обѣдни по матери, а еще сама заказала ее“.

Вставала она рано и могла поспѣть къ началу службы, а не сдѣлала такъ сознательно, съ намѣреніемъ.

Той дѣвочки, что разсказывала батюшкѣ по книжкѣ Анны Зонтагъ—давно уже въ ней не было. Они не видались больше пятнадцати лѣтъ. Не было ей раньше ни повода, ни возможности познакомить своего бывшаго духовника съ тѣмъ, что̀ сталось съ ея душой, съ ея вѣрованіями.

Онъ бы, конечно, огорчился и очень сильно, потому что не переставалъ ее любить.

А лгать она не захотѣла бы. И сегодня рѣшила идти къ самому концу обѣдни, чтобы не присутствовать при совершеніи таинства—безъ полной вѣры въ него.

Рано она оборвала связь съ пониманіемъ міра отца Евменія, искала страстно и бурно, испытала сильную ломку, прошла черезъ полосу безусловнаго отрицанія, потомъ испугалась, терпимѣе стала къ тому, что̀ долго было для нея „пустой метафизикой“ или „философскимъ романомъ“, какъ она любила тогда выражаться. И кончила своимъ „credo“—вѣрою во всемірную жизнь души, въ одухотворенную природу, во всеобъемлющій психизмъ. Безъ этого ей было бы слишкомъ горько и безотрадно на свѣтѣ, особенно послѣ смерти мужа.

Онъ оставался вѣренъ научному „credo“—до послѣдняго мига. Личнаго безсмертія онъ не признавалъ, и она не могла найти утѣшенія въ надеждѣ—свидѣться съ нимъ когда-нибудь въ надзвѣздныхъ сферахъ. Но она повторяла ему, стоя у его кровати:

— *Всѣ* мы не умремъ, не можемъ умереть.

Послѣднія его слова были:

— Анна... прощай! Навсегда! Навсегда!

Они—до сихъ поръ—леденятъ ей сердце. И вотъ здѣсь, заслышавъ голосъ отца Евменія и готовясь къ панихидѣ, она вспомнила эти леденящія слова.

На панихиду по матери она смотрѣла какъ на нѣчто, получившее общечеловѣческое значеніе памяти о дорогомъ существѣ. Присутствуя при ней, она не будетъ обвинять себя ни въ чемъ кощунственномъ, ни въ какомъ ренегатствѣ или неуваженіи къ чужимъ вѣрованіямъ.

Мать ея была чрезвычайно набожна, съ оттѣнкомъ суевѣрнаго благочестія, носила ладонки, кусочки мощей, молилась совсѣмъ „не по-дворянски", всегда на колѣняхъ, со слезами и страстными воздыханіями, что не мѣшало ей быть суетной и слабой во всемъ, какъ женѣ, какъ матери, какъ женщинѣ высокаго положенія, по мужу.

Уже подросткомъ, когда Анна любила читать Евангеліе и разговаривать о христіанскихъ идеалахъ, она находила вѣру своей матери на половину идолопоклонствомъ.

Въ памяти ея сохранилась одна подробность — какъ мать взяла ее съ собою въ усадьбу, гдѣ лежали ея родители, въ другой губерніи. Онѣ ѣздили вдвоемъ, на одинъ день, только чтобы поклониться ихъ праху. Точно живая, встала передъ ней вся сцена. Погостъ, насыпь въ оградѣ, позади алтаря, и двѣ плиты. Передъ могилой бабушки мать ея упала, распласталась на старомъ, облѣзломъ дернѣ и зарыдала—совсѣмъ какъ деревенская баба.

Ее—дѣвочку по пятнадцатому году, уже съ „протестантскими" идеями—это захватило. Она сама не могла удержаться, громко заплакала и упала на колѣни, рядомъ съ матерью.

Никогда—ни въ Россіи, ни за границей, ни у дамъ изъ высшаго круга, ни въ женщинахъ изъ простого народа—не слыхала она такихъ звуковъ, такого пылкаго и скорбнаго вопля, которымъ сердце человѣческое оплакивало свою жалкую долю жалкаго существа, обреченнаго на вѣрную гибель, на неизбѣжную потерю всего, что оно любило.

Такъ и она сама не зарыдаетъ сегодня, когда отецъ Меморскій будетъ минорными нотами возглашать, на литіи, у могильной насыпи, гдѣ лежитъ ея мать: „Еще молимся о упокоеніи души болярыни Поликсены и о еже проститися ей всякому прегрѣшенію, вольному же и невольному"...

Вотъ сейчасъ отойдетъ обѣдня. Раздались первыя слова молитвы: „Благословляя благословящіе Тя, Господи"...

Она смотрѣла на рослую, но уже согнутую фигуру отца Евменія въ старенькой фелони изъ чернаго плиса, кое-гдѣ закапанной воскомъ. Подрясникъ виднѣлся слишкомъ на четверть ниже и былъ все-таки коротокъ для его роста. Изъ-подъ края подрясника выступали тяжелые деревенскіе сапоги, нечищенные, мужицкой формы. Огромная голова, съ сѣдыми-изжелта, длинными прядями волосъ по плечамъ, высилась надъ верхомъ облаченія и дрожащій голосъ старика раздавался подъ сводами на двухъ нотахъ—все такъ же истово и благообразно.

Послѣ обѣдни, передъ тѣмъ какъ поставить столъ для панихиды, дьячокъ поднесъ Аннѣ просфору.

Отецъ Евменій не вышелъ къ ней, и это было похоже на него. Онъ никогда не любилъ, въ перерывы службъ, вести себя „по свѣтскому обычаю", и являться на поклонъ къ господамъ, даже и къ самому графу.

Графъ Георгій Александровичъ, когда живалъ въ Зарѣчномъ, только въ царскіе дни являлся къ молебну, съ причтомъ держался сухо и не любилъ никакихъ „нѣжностей", т.-е., чего бы то ни было выше „положеннаго".

Къ кресту Анна не прикладывалась и только во время панихиды немного ближе подошла къ мѣсту, гдѣ шла служба; но стояла въ тѣни столба, отдѣлявшаго средину церкви отъ лѣваго придѣла.

Безъ дьякона панихида прошла скорѣе. Отецъ Евменій не тянулъ; но и не торопился. Голосъ его сильнѣе дрожалъ на заупокойныхъ моленіяхъ и на имени „болярыни Поликсены".

Анна стояла съ полузакрытыми глазами. Минорныя ноты и печальныя слова похоронной службы настроивали ее не уныло, а скорѣе тихо-торжественно. Она, со смерти мужа, часто чувствовала себя готовой на все, и мысль о смерти—когда приходила—не подавляла ее. Напротивъ! Слушая теперь молитвы, которыя старый ея законоучитель такъ задушевно выговаривалъ, она находила въ нихъ что-то почти бодрящее и глубоко-человѣчное. Равенство всѣхъ передъ финаломъ жизни заставляло все прощать. Еслибъ, въ эту минуту, вошли въ церковь ея сестра Марья и братья—они бы показались ей менѣе противными, а только болѣе жалкими.

Отошла и панихида. Отецъ Евменій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ея сторону, ступая грузно по каменному полу.

— Съ пріѣздомъ... Анна Георгіевна... И вы къ намъ пожаловали?

Подъ благословеніе она не подходила, да онъ и не заносилъ руки съ обычнымъ жестомъ.

Анна ласково поздоровалась съ нимъ.

Они говорили въ полголоса—точно тутъ стояло тѣло покойницы.

— Прикажете литію на могилѣ графини? — спросилъ онъ, нагнувшись къ ней.

Онъ былъ на нѣсколько вершковъ выше ея. Тутъ только она разсмотрѣла его. Лицо потемнѣло и пошло все рѣзкими морщинами. Брови—еще темныя—разрослись и сурово оттѣняли впадины глазъ, не потерявшихъ блеска. Борода—съ такой же желтизной, какъ и пряди волосъ по плечамъ—порѣдѣла.

Говорилъ онъ немного шамкая, чего, во время службы, не было замѣтно, на нѣкоторомъ разстояніи.

— Прикажете?—повторилъ онъ—насчетъ литіи.

— Нѣтъ, батюшка, зачѣмъ же вамъ безпокоиться?

— Помилуйте... въ память родительницы...

— Погода дурная... Я пройду одна къ могилѣ.

— Какъ угодно.

Онъ не сталъ настаивать. У него—какъ и прежде—былъ рѣдкій въ человѣкѣ его сословія, да еще деревенскомъ священникѣ—тактъ и чувство мѣры, съ большимъ сознаніемъ своего сана.

У Анны были приготовлены деньги за службу. Но ей вдругъ стало стыдно, по-дѣтски стыдно—совать ему тутъ же бумажку въ большую, мозолистую руку, обросшую волосами.

„Отдамъ послѣ... у него",—подумала она.

— Такъ, позвольте, я... причетнику скажу, чтобы онъ васъ проводилъ.

— Не нужно, отецъ Евменій!.. Я помню дорогу... Оттуда я къ вамъ въ гости напрошусь... если позволите.

— Чтò это вы... ваше сіятельство!— обмолвился онъ, по старой памяти.—Много порадуете меня... Я вѣдь келейнымъ старцемъ живу.

— Совсѣмъ одни?

— Какъ перстъ. Работница—такая же старая старуха, какъ и я.

Его глаза затуманились.

— Запоздалъ я... Анна Георгіевна... Сильно запоздалъ... Не ропщу, а только такъ, къ случàю говорю.

— Отецъ Евменій... васъ не затруднитъ... дадите мнѣ чашку чаю?

Онъ усмѣхнулся.

— Постнаго, Анна Георгіевна,—коли не побрезгаете.

— Да, постнаго, въ прикуску, какъ сами пьете.

— Это мы справимъ!

Она хотѣла подать ему руку и воздержалась: онъ былъ въ облаченіи, и это ему, навѣрное, не понравилось бы.

Дьячокъ—въ такихъ же тяжелыхъ сапогахъ, какъ и батюшка—стоялъ на паперти и съ низкимъ поклономъ спросилъ:

— Прикажете проводить?

— Благодарствуйте, я одна найду, — отвѣтила ему Анна и, своей скорой и легкой походкой сбѣжавъ съ высокой паперти, взяла налѣво, по морсткамъ, шедшимъ вокругъ всей церкви. Мостки эти мѣстами подгнили,—вмѣсто четырехъ, оставалось только по три доски.

Могила ея матери была третья отъ угла церкви. Общей усыпальницы не было; а нѣсколько памятниковъ за одной чугунной рѣшеткой темнѣли на фонѣ голыхъ акацій, посаженныхъ полукругомъ. Тутъ лежали отецъ и дѣдъ графа Георгія Александровича, его мать, тетка и еще двое Волгиныхъ—меньшихъ братьевъ его, которыхъ онъ давно пережилъ.

Были тутъ и старыя плиты, и чугунные кресты, и массивные камни изъ сѣраго и черсаго мрамора.

Надъ могилой графини Поликсены Алексѣевны къ гранитной плитѣ придѣланы были черный мраморный крестъ и урна. Нигдѣ ни одного вѣнка. И Анна пришла съ пустыми руками. Оранжереи давно нѣтъ; да она и не собиралась заказывать вѣнокъ. Будь она такая же вѣрующая, какой была ея мать— она бы не принесла цвѣтовъ, и осталась бы съ обычаями древнихъ русскихъ людей, не знавшихъ ни вѣнковъ, ни букетовъ для покойниковъ.

Безъ молитвенныхъ словъ опустилась она на одно колѣно, и осталась такъ съ минуту. Дождь пересталъ; но вбокъ дулъ вѣтеръ, и надъ ней вѣтви обнаженныхъ акацій уныло шуршали. И кругомъ все стояло мокрое и заурядно хмурое: стѣны и окна церкви, ворота погоста, подальше деревянный домикъ священника, еще глубже—флигель, гдѣ жилъ докторъ.

Анна подумала:

„Вотъ и отца снесутъ сюда. А меня гдѣ положатъ?“

И этотъ вопросъ показался ей страннымъ. Никогда онъ не приходилъ ей. Развѣ не все равно, гдѣ лежать? И не лучше ли превратиться въ горсть золы, какъ ея мужъ, завѣщавшій ей свое желаніе, за два дня до кончины?

VII.

Въ деревянномъ, побурѣломъ отъ годовъ домикѣ, въ первой комнатѣ, послѣ маленькой прихожей—за столомъ съ красной скатертью—сидѣли на диванѣ Анна и отецъ Меморскій.

Они уже выпили по одной чашкѣ чаю. Самоваръ посапывалъ—тусклый и съ одного бока подогнутый. И все въ этой зальцѣ было запущено: обои въ нѣсколькихъ мѣстахъ отстали отъ нештукатуренной стѣны, и потемнѣлое дерево бревенъ выглядывало оттуда. Надъ широкимъ диваномъ съ волосяной обивкой висѣли въ рамахъ виды скита съ Аѳонской горы—грубо раскрашенные—и портретъ какого-то владыки. Въ углу стоялъ шкапъ съ посудой—какіе попадаются на постоялыхъ дворахъ. Пять-шесть стульевъ ютились въ простѣнкѣ. Все было пропитано запахомъ дешеваго табаку. Отецъ Евменій курилъ—по старинному—трубку, но какъ бы скрывалъ это.

Онъ сидѣлъ рядомъ съ своей гостьей и пилъ съ блюдечка, подувая на чай. Ему уже трудно было разгрызать сахаръ, и онъ доставалъ ложечкой буроватый, мучнистый медъ съ блюдечка.

На немъ былъ поношенный, изъ зеленоватой шерстяной матеріи, подрясникъ, съ широкимъ поясомъ, расшитымъ шерстями —тоже лѣтъ двадцать назадъ.

Свои длинныя желтѣющія пряди онъ закинулъ за уши, и лицо его смотрѣло отъ этого менѣе высохшимъ.

Аннѣ пріятно было, послѣ холодной и сырой церкви, согрѣться чаемъ. Она—и по приходѣ сюда—не рѣшилась сейчасъ же всунуть отцу Евменію въ руку бумажку; а разсудила положить ее на столъ, когда будетъ уходить.

Они поговорили сначала о графѣ и его болѣзни.

Отецъ Евменій не скрывалъ своихъ опасеній, и сразу сказалъ ей, что надо „готовиться къ исходу“.

Графъ, до сихъ поръ, ни разу не присылалъ за нимъ. Это не удивляло старика.

— Скорблю я, Анна Георгіевна,—заговорилъ онъ медленно, немного шамкая,—что его сіятельству, и въ такую полосу его земного поприща, не угодно подумать о благомъ дѣлѣ... которымъ я неоднократно утруждалъ его.

Анна вопросительно поглядѣла на него.

— Здѣсь, повсемѣстно... въ поселкахъ... и около усадьбы большое количество бездомовныхъ... и все почти изъ прежнихъ дворовыхъ... и ихъ потомства. Въ великой нищетѣ... и никто

ими не хочетъ заняться. Потому они къ сельскимъ общинамъ не приписаны. Чего же бы прямѣе? Въ Зарѣчномъ когда-то челядинцевъ было множество, и всѣ они остались безъ кола, безъ двора.

— При отцѣ?

— Всенепремѣнно, Анна Георгіевна. Батюшка вашъ вводилъ у себя „Положеніе девятнадцатаго февраля". Вамъ тогда было врядъ-ли больше трехъ лѣтъ. Совсѣмъ малюсенькая вы были.

— Вѣдь и приходящая лечебница тоже закрыта?

— И весьма. Больше десяти лѣтъ будетъ. Земскій врачъ сюда наѣзжалъ. Пошли у нихъ съ графомъ нѣкоторыя пререканія... насчетъ размѣровъ вознагражденія. Опять же эпидемія была. Папенька вашъ тогда сюда пріѣхалъ... въ большомъ страхѣ находился онъ. И тотчасъ же всякій пріемъ прекратилъ... чтобы, значитъ, не занесли сюда заразы, пока онъ въ усадьбѣ проживалъ.

Отецъ Евменій поставилъ пустое блюдечко и повелъ головой съ очень выразительной игрой еще острыхъ и вдумчивыхъ глазъ.

Мимику эту не трудно было Аннѣ понять.

Для этого строгой жизни старика отецъ ея былъ и остается до настоящей минуты великимъ грѣшникомъ—и не потому только, что онъ плохой сынъ церкви, а потому, что въ душѣ его всегда царитъ свое тщеславное и себялюбивое „я".

— Вы знаете, Анна Георгіевна, я никогда ни о чемъ до меня лично касающемся не утруждалъ его сіятельство. Къ храму Божьему, его предками воздвигнутому, онъ пребываетъ въ постоянномъ равнодушіи. И все съ годами пришло въ ветхость: утварь... образа. Я молчалъ... хотя и для чести фамиліи это не весьма было лестно. Ну, пущай. Вотъ умру не нынче—завтра. А со мною и церковь наша, безъ всякаго сомнѣнія, закроется.

Онъ жалобно усмѣхнулся и налилъ себѣ еще чашку.

— А богадельня... о какой я вамъ докладывалъ... была бы истинно достойнымъ концомъ его земного поприща.

Анна почувствовала на себѣ его просительный взглядъ.

— Совершенно вамъ сочувствую... отецъ Евменій, — выговорила она тихо.—Но я лично чтò же могу?

— Пути Господни не дано намъ предопредѣлять, сударыня. Теперь папенька, чувствуя приближеніе часа великаго, когда всѣ мы предстанемъ предъ Единымъ Судьею, вызвалъ васъ по собственному желанію. Это что-нибудь да значитъ. И радуюсь я несказанно, видя васъ на родномъ пепелищѣ, и не какъ-нибудь

нелегально, а какъ дочь графа Георгія Александровича... на такомъ же положеніи, какъ и всѣ прочія его дѣти.

Старикъ прикоснулся своей мохнатой и жилистой рукой до ея локтя.

— Вы вѣдь всегда моя любимая были... вамъ это, небось, вѣдомо. Много я о васъ въ ночные часы передумалъ... и молился часто. И если не могу раздѣлять вашихъ теперешнихъ уклоненій отъ Единаго Источника Свѣта, то все-таки же умирать буду съ вѣрой въ то, что и васъ осѣнитъ благодать Спасителя нашего.

Анна слушала съ опущенной головой. Эти слова не задѣли ее. Какъ же могъ онъ иначе говорить? Но въ тонѣ была большая сдержанность и терпимость, рѣдкая въ человѣкѣ его лѣтъ и его званія.

— Сдается мнѣ,—продолжалъ онъ въ полголоса:—его сіятельство желаетъ, быть можетъ, сдѣлать новое предсмертное распоряженіе. Вы меня не обезсудьте, Анна Георгіевна, не примите моихъ словъ за какой-нибудь умыселъ или подходъ. Ежели бы папенька пожелалъ призвать меня, какъ служителя Христова... для исполненія своего христіанскаго долга, я—видитъ Богъ—не заикнулся бы ни о чемъ... вотъ объ этомъ самомъ добромъ дѣлѣ, какъ оно ни близко моему сердцу. Мы не патеры, которые пользуются предсмертнымъ часомъ для воздѣйствія на своихъ исповѣдниковъ... Храни меня, Создатель! Но я вамъ открываюсь тоже какъ на духу, и знаю, что вы—ежели найдете это возможнымъ—исполните мою усердную просьбу...

— Я ничего еще не знаю, отецъ Евменій. Кажется, отецъ что-то держитъ на умѣ. Мое положеніе—щекотливое.

— Особливо при теперешнихъ чувствахъ папеньки къ вашимъ братьямъ и сестрицѣ.

И старикъ особенно взглянулъ на нее. Онъ, должно быть, слышалъ что-нибудь о томъ, что̀ Аннѣ говорила старшая сестра насчетъ той иностранки, которую не пустили въ Зарѣчное и задержали на границѣ.

По его блѣднымъ, тонкимъ губамъ проскользнула усмѣшка. Про него всегда говаривали въ домѣ, что онъ—великій дипломатъ, и отецъ при ней выразился даже: „un fieffé Tartufe“.

Но и тутъ онъ не измѣнилъ себѣ—ни одного лишняго слова не прибавилъ.

— Дѣло ихнее, — заговорилъ онъ, подувая на блюдечко. —Прискорбно, сударыня, то лишь, что въ такіе-то дни тяжкаго недуга... когда Господь соизволилъ прислать, быть можетъ, по-

слѣднее испытаніе... и вдругъ... родитель такъ — съ собственными чадами. Вотъ, Анна Георгіевна, и вамъ надо явить свою благородную душу. Пренебрегите тѣмъ, что ваши кровные въ нехорошихъ чувствахъ къ вамъ. И вы, небось, чтите евангельское слово: „Заповѣдь новую даю вамъ — да злюбите другъ друга"... Въ этомъ вся вѣра, все спасеніе!..

Онъ смолкъ, не докончивъ.

— За роль примирительницы я не возьмусь, батюшка.

Анна выговорила это тихо, но твердо.

— Не потому, чтобы я неспособна была прощать...

— Еще бы!—вырвалось у него.

— А потому, отецъ Евменій, что я не хочу вмѣшиваться во все это. Я не могу отказать отцу, если онъ съ чѣмъ-нибудь обратится ко мнѣ.

— Всенепремѣнно обратится.

— Но я буду только нѣмымъ орудіемъ.

— Господь избираетъ Своихъ служителей не по людскому разумѣнію. Кто можетъ впередъ сказать — кого Онъ сдѣлаетъ сосудомъ благодати Своея?..

Она разсмѣялась.

— Я-то? Хорошъ „сосудъ благодати"!

Лицо отца Евменія измѣнило выраженіе. Онъ опять прикоснулся рукой къ ея локтю.

— Довольно съ васъ было испытаній. Вотъ теперь вы въ полномъ сиротствѣ: потеряли любимаго супруга... И жизнь на чужбинѣ... хотя бы и по своимъ соображеніямъ—не больно-то сладка. Не трудно и впасть въ ожесточеніе.

— Нѣтъ, батюшка,—возразила Анна другимъ тономъ:—я не ожесточилась; я только устала и ни о какомъ личномъ счастьѣ больше не мечтаю. И такъ—лучше. А что мнѣ на родинѣ было бы слишкомъ тяжко — за это меня нельзя строго осуждать.

— Я и не осуждаю, сударыня. И все своимъ скуднымъ умишкомъ разумѣю.

— Мое сиротство, отецъ Евменій,—голосъ Анны слегка дрогнулъ:—ничто—въ сравненіи съ вашимъ. Вы такъ давно одиноки.

Жена его долго была душевно-больной, и онъ держалъ ее при себѣ; два сына оба умерли въ холеру, лѣтъ около тридцати назадъ. Жена жила очень долго, и—временами—онъ самъ впадалъ въ мрачное расположеніе духа.

— Зажился... — вздохнулъ старикъ. — Не угодно, видно, Господу призвать недостойнаго раба Своего. Подумывалъ схиму

принять... да знаете... такой обѣтъ отзывается самомнѣніемъ. Вотъ, молъ, я каковъ... На подвигъ себя обрекаю!

— У васъ и безъ того здѣсь скитъ, — веселѣе замѣтила Анна.

— На что уже въ берлогѣ живу, сударыня, а все не могу отъ міра-то уйти. Вотъ и вѣдомости прочтешь, и зайдетъ кто. Ходитъ всякій народъ. Слышу многое и мысленными очами вижу... по неволѣ. И сокрушаюсь, матушка Анна Георгіевна, сокрушаюсь. Такое повсюдное осудѣніе всего. Такъ все расшаталось—и въ господахъ, и въ крестьянствѣ.

Онъ наклонился къ ней и сталъ говорить въ полголоса:

— Власти предержащія... не въ примѣръ прежнимъ временамъ... оказываютъ всякую поддержку нашему брату... и деньги большія идутъ—на новые храмы, на училища, на воспитаніе нашихъ дѣвицъ... И съѣзды, и миссіонеры, нарочитыя пособія и поощренія. А что̀ видно въ народѣ, среди православныхъ? Хоть бы взять нашу округу? Въ закоренѣломъ язычествѣ пребываютъ — хотя и грамотѣ весьма многіе обучены. Рухнула семья, совѣсти—никакой, распутство даже у женскаго сословія. Городъ тянетъ, фабрика, да и быть иначе не можетъ. Потому—безземеліе, скота нѣтъ, навоза нѣтъ... Глаза бы не глядѣли, когда пройдешься пѣшкомъ, или за требой пришлютъ, вотъ, изъ бездомовыхъ кто... не приписанные къ сельскимъ обществамъ.

Глубоко вздохнулъ старикъ и отеръ влажный лобъ бумажнымъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Вѣдь здѣсь водились молокане?—спросила Анна.

— И посейчасъ водятся. Многіе изъ нихъ перешли въ новое ученіе. Изъ Петербурга наѣзжали проповѣдники. Пашковцами они звались еще не такъ давно; а въ настоящее время баптистами себя называютъ.

— Вы съ ними бесѣдовали?

— Приводилось... раза два. Въ мои обязанности это не входитъ... Я вѣдь заштатный. Да они и сторонятся. Развѣ когда пріѣдетъ миссіонеръ, и ихъ вызываетъ начальство.

Оглянувшись, онъ сказалъ ей почти на ухо:

— Одобрить этого не могу и не вижу въ такомъ усердіи никакой пользы. Спроси меня владыка... или самъ на̀большій тамъ, въ Питерѣ—я бы всенародно отвѣтилъ: заблужденій секта̀торовъ не одобряю; но они— по крайности—знаютъ, чему вѣрятъ, и Евангеліе у нихъ—настольная книга, и живутъ они не какъ дикіе звѣри, а соблюдая христіанскій завѣтъ.

Анну не удивили такія слова. Прежде, отецъ Евменій раз-

суждалъ еще смѣлѣе, за что его и считали въ округѣ „тайнымъ вольнодумцемъ".

— Ну, положимъ, народъ—жалости достоинъ... а господа—нѣшто они не впадаютъ въ повсюдное малодушіе? Возьму я опять сектатора, мужика... молоканинъ онъ или, тамъ, безпоповецъ, или, по новому, баптистъ, что-ли. У каждаго есть нѣчто за душой. А въ просвѣщенномъ классѣ—такое равнодушіе... ко всему, что̀ для человѣка должно быть превыше всего. Это уже горше язычества... Хоть во что-нибудь да вѣруй... Свою философію выдумай... Заблуждайся, но не представляй изъ себя тѣхъ членовъ церкви, про которыхъ Іоаннъ Богословъ говоритъ въ началѣ Апокалипсиса: „Вы, молъ, ни студены, ни горячи; а тепловаты. И я васъ извергаю изъ устъ моихъ". Никакой ни къ чему привязки: ни къ своимъ вотчинамъ, ни къ благоустройству родины, ни къ какимъ-нибудь достойнымъ образованнаго человѣка занятіямъ—ничего! Не слѣдуетъ мнѣ злоупотреблять откровеніемъ Іоанна, но, право, сударыня, не мудрено впасть въ глубокое уныніе, если не уповать на Премудрость, которая ведетъ судьбы вселенной путями неиспытуемыми...

Онъ сдѣлалъ передышку и обернулъ чашку на блюдечко, въ знакъ того, что больше пить не станетъ...

— На моихъ глазахъ... ка̀къ ослабли самые достойные!.. въ комъ и помыслы, и хотѣнія были на благо своихъ соотчичей и однообщественниковъ... Хоть бы перваго взять...

— Загарина? — живо окликнула Анна.

— Въ одно слово! Дѣтскихъ игръ вашихъ сотоварищъ. Изволили съ нимъ повидаться?

— Какже... Черезъ него я и была вызвана отцомъ.

— Это къ чести его отнести слѣдуетъ. И, быть можетъ, Анна Георгіевна, вы его хоть маленько подвинтите... Безъ сомнѣнія, перемѣну въ немъ нашли не малую.

— Нашла.

— И въ обличьѣ... не по лѣтамъ, и во всемъ душевномъ складѣ. Нашъ Петръ Павловичъ теперь—какъ будто—гробъ повапленный... Всегда онъ былъ мнѣ особенно дорогъ. И великія надежды возлагалъ я на него... для всего нашего скуднаго и заброшеннаго края. И всѣмъ этимъ упованіямъ пришлось прочесть отходную, прости, Господи!

— Что̀ же его такъ перевернуло? Онъ не любитъ говорить о себѣ. Мы изрѣдка были въ перепискѣ; но я совсѣмъ не знаю его семейной жизни.

Отецъ Евменій махнулъ рукой и подался назадъ, къ спинкѣ дивана.

— Лучше и не говорить! И слишкомъ ему обидно, и тяжко было бы вводить васъ въ сокровенную своей житейской доли.

— Неудачный бракъ?

— На весь уѣздъ... можно сказать, на всю губернію—притча во языцѣхъ. Я этой госпожи никогда не видалъ, здѣсь она никогда не бываетъ... тамъ, въ церкви, что-ли. И не было мнѣ повода обратиться къ ней. Но неоднократно хотѣлъ усовѣстить ее. Да показалось мнѣ это вторженіемъ въ чужую жизнь... и совѣсть. А съ тѣхъ поръ барыня эта превратилась—Господи, прости!—въ блудницу вавилонскую.

— Да?—огорченно замѣтила Анна.

— Безъ всякаго зазрѣнія.

— И онъ терпитъ?

— Ослабъ... сами, небось, замѣтили—ослабъ и впалъ въ ожесточенность. Отъ народа сердце свое отвратилъ.

— Это я знаю.

— Стало быть, въ объясненіи моемъ не изволите нуждаться.

— Точно мнѣ кто подмѣнилъ Петра Павловича!—въ такомъ же задушевномъ тонѣ выговорила Анна.

— Правильно! Подмѣнили. Словно повѣтріе какое. Не одинъ онъ якобы подмѣненъ... противъ того, чѣмъ былъ еще въ не весьма отдаленное время.—Еще не выкушаете чашечку?

Анна поблагодарила и собралась уходить. Опять ей стало почти по-дѣтски стыдно совать ему въ руку ассигнацію.

Отецъ Евменій поднялся, вышелъ изъ-за стола и приказалъ работницѣ подать барынѣ пальто. Галошъ она, по заграничному, не носила.

— Не нужно, батюшка, я сама надѣну.

Онъ подошелъ къ ней, выпрямился и стоялъ еще изумительно бодрый съ своей огромной, какъ лунь сѣдой головой и бородой иконописнаго угодника.

Въ прихожей они опять поговорили.

— На вашъ взглядъ, — спросилъ онъ: — какъ вы находите папеньку?

— Отёкъ большой... Сегодня ему гораздо хуже.

— Нежели вчера? Само собою. Былъ одушевленъ свиданіемъ съ вами. Онъ—въ хорошихъ рукахъ. Василій Ермиловичъ—большой проницательности и немалаго опыта. А какъ вамъ собственно показался онъ?

— Очень умный... и, кажется, знающій.

— Безъ сомнѣнія. Но хотя и духовнаго званія... отъ вѣры отцовъ своихъ давно отрекся и не безъ смѣлости самъ именуетъ себя книжникомъ... въ древнемъ вкусѣ. А все-таки полагаю, что и для него было бы успокоительно—консультація какого-нибудь столичнаго профессора. Говорили мнѣ, что графъ не находитъ это нужнымъ. Но даже и въ смыслѣ облегченія страданій...

— Я не могу настаивать,—отвѣтила Анна.—Здѣсь княгиня... ожидаютъ пріѣзда братьевъ...

— Воля Господня!

Прощаясь, Анна вспомнила, что бумажки она на столъ не положила, и торопливо и неловко хотѣла ему сунуть въ руку.

— Нѣтъ, матушка, не надо этого!

— Почему же, отецъ Евменій?

— Грѣшно мнѣ... съ васъ... да и надобности не имѣю. Угодно... дадите что-нибудь сами причетнику, на полфунтика чаю. А мнѣ не надо... Вѣдь я вашъ же... придворный, — тихо разсмѣялся онъ.

Почти сконфуженно положила она бумажку въ карманъ пальто.

— Какъ вамъ угодно,—кротко выговорила она.—Мы еще увидимся, батюшка... Не завернете ли ко мнѣ? Я занимаю боскетную... помните, за большой залой, угловая, расписанная въ зеленый цвѣтъ. Времени здѣсь свободнаго много.

— Тронутъ вашей лаской, Анна Георгіевна. Но лучше мнѣ отъ посѣщенія васъ въ барскомъ домѣ воздержаться. А то папенька... и другіе... могутъ принять это за дурное предзнаменованіе. Ужъ коли здоровые—встрѣчи съ рясой весьма недолюбливаютъ... и даже—прямо сказать—чураются, тѣмъ паче тамъ, гдѣ есть тяжелый больной.

„Умница!“—про себя воскликнула Анна.

— Не обезсудьте чудака... вашего когда-то учителя. Но по первому вашему зову, когда вы найдете умѣстнымъ—явлюсь. И всегда вашъ вѣрный пособникъ. Не стану васъ утруждать вторично; но о моемъ предстательствѣ...

— Насчетъ богадельни?

— Именно... Попомните, матушка Анна Георгіевна, не ради меня—недостойнаго, а по человѣчеству, и для доброй памяти самого родителя вашего.

Провожая ее, онъ вышелъ на крылечко, какъ былъ—въ подрясникѣ и съ непокрытой головой.

— Простýдитесь!—заботливо остановила она его.

— И—и!.. Меня и „блѣдна смерть“ не беретъ, какъ вели-

колѣнный Державинъ назвалъ ее, а мы это еще въ бурсѣ наизусть учили...

И, поднявъ правую руку, онъ—по старинному—нараспѣвъ, звучно и торжественно проговорилъ:

„И блѣдна смерть глядитъ на всѣхъ,
„Глядитъ на всѣхъ: и на царей,
„Кому въ державу тѣсны міры,
„Глядитъ на пышныхъ богачей,
„Что въ златѣ и сребрѣ кумиры...
. . . .
„И точитъ лѣзвіе косы"...

— А меня вотъ забыла, ненужнаго, изъ ума выживающаго...

— Вы-то! Ха-ха! Желаю каждому изъ насъ хоть капельку вашего.

Она, еще разъ, крѣпко пожала ему руку и быстро спустилась по ступенькамъ лѣсенки.

Въ давно неиспытанномъ настроеніи возвращалась Анна.

Съ отцомъ Евменіемъ канетъ въ вѣчность вся прежняя жизнь этого вѣкового гнѣзда именитаго рода графовъ Волгиныхъ. Никто здѣсь жить не станетъ. Старшій ея братъ—„изъ принципа"—будетъ сохранять хоромы съ фамильнымъ склепомъ. Но жизнь и теперь ушла — и дворянская, и всякая другая. „Ослабли" всѣ,—повторила она выраженіе отца Евменія, думая о своемъ товарищѣ Загаринѣ:—опустились, обѣднѣли, извѣрились.

Ничего болѣе печальнаго и безвыходнаго она не чаяла—тамъ, откуда она пріѣхала, когда горькая дума налетѣла на нее о своемъ отечествѣ.

VIII.

„Боскетная", гдѣ Анна сидѣла и писала письма подъ высокой лампой съ абажуромъ — въ стилѣ „empire" — отъ лѣтъ совсѣмъ потемнѣла, и вся комната смотрѣла точно высокимъ гробомъ. Ниша была завѣшана зеленой штофной гардиной, на половину спущенной. Тамъ стояла ея кровать.

Четвертый день живетъ она въ хоромахъ Зарѣчнаго, и все еще чувствуетъ себя такъ — какъ будто она случайно попала, дорогой, въ какой-нибудь запущенный итальянскій отель, передѣланный изъ палаццо, и ей отвели вотъ такую точно комнату.

Отецъ еще не высказался. Вчера онъ началъ-было что-то „конфиденціальное", но вошла княгиня. Сегодня ему цѣлый

день гораздо хуже, онъ очень раздражителенъ, три раза посылалъ за докторомъ и бранчиво ворчалъ на „сестру“ Битягову.

Доктора Анна просила, послѣ вечерняго чая, зайти къ ней. Въ ихъ первый разговоръ онъ велъ себя уклончиво, хотя и не скрывалъ, что положеніе—„весьма серьезно“, и самъ намекнулъ на то, что не желалъ бы брать на себя всей отвѣтственности, ожидая пріѣзда обоихъ сыновей графа, особенно старшаго.

Съ сестрой она старалась не видаться. Она ей сказала, еще третьяго дня, что у нея есть свои привычки: она не ѣстъ мяса, обѣдаетъ рано, во второмъ часу, и вечеромъ, въ восемь, немножко закусываетъ.

Теперь она, какъ разъ, поужинала.

Княгиня начала съ ней хитрить, играя въ родственныя чувства; но роли этой не выдержала, и вчера стала подбираться къ тому—какіе у отца съ ней „секреты“.

И что̀ ей было особенно противно, это—постоянное желаніе сохранить „деко̀румъ“ дочернихъ чувствъ, и ни малѣйшей заботы о томъ, чтобы облегчить положеніе больного. Она держалась—явно оскорбленной недовѣріемъ отца, тѣмъ, что онъ не скрываетъ своей „антипатіи“ къ ней.

Но еще тяжелѣе станетъ, когда явятся братья—и младшій, и старшій. Этотъ уже—закоренѣлый врагъ, и не ея одной, а всего того, чѣмъ она жила, чему вѣрила, изъ-за чего добровольно пошла на испытанія.

А это будетъ на дняхъ. Кажется, сначала явится второй братъ, генералъ, занимающій въ провинціи гражданскій постъ.

Вотъ, сейчасъ, она писала своимъ друзьямъ въ Лозанну, и у нея невольно вырвался вопросъ: зачѣмъ она сюда попала?

Пускай лучше считали бы ее—на жаргонѣ ея родныхъ—„une fille dénaturée“; но ей не слѣдовало откликаться на зовъ отца. Не хочетъ она лгать сама себѣ и не способна она обманываться въ чужихъ чувствахъ.

Отцу она понадобилась — и только. Лѣта выѣли въ немъ все, что̀ могло быть похоже на нѣжность или заботу о дѣтяхъ. Онъ теперь живетъ злорадной идеей: „leur faire une niche“—въ отместку за то, что они произвели насиліе съ той „gueuse“, про которую говорила княгиня.

Все это такъ ясно... и такъ низменно, и такъ печально, на фонѣ близкаго конца. И этого конца всѣ *они* ждутъ, и тяготятся, и будутъ разыгрывать комедію семейнаго горя.

И какъ забыть теперь ея отецъ, считавшій себя когда-то чуть не спасителемъ отечества! Давно ли? Какихъ-нибудь пят-

надцать лѣтъ... Она живетъ уже третій день—и ни одной телеграммы не пришло отъ посторонняго лица, или вѣдомства, или обществъ, гдѣ онъ навѣрное состоялъ почетнымъ членомъ.

Ея родина и по этой части — ужасна. Сколько разъ, и въ ссылкѣ, и въ заграничныхъ своихъ скитаніяхъ, она видѣла разительныя доказательства такой всеобщей забывчивости. И не къ запоздалымъ отставнымъ сановникамъ, а къ людямъ таланта и гражданской доблести, даже къ тѣмъ, которыми при жизни всѣ увлекались, создавали себѣ изъ нихъ кумировъ.

Сошелъ въ могилу такой „властитель думъ", похоронили его, напечатали плохенькіе некрологи—и уже черезъ годъ, въ годовую панихиду—и не въ захолустьѣ, а въ столицѣ—съ трудомъ соберется десять человѣкъ. И газеты скорбятъ о такой „постыдной забывчивости", а чаще—черезъ годъ и сама пресса молчитъ, и человѣкъ точно никогда не существовалъ.

Для ея отца такое равнодушіе—лишняя капля яда при его славолюбивой суетности.

Въ долгія недѣли лежанья въ постели, особенно въ безсонныя ночи — онъ долженъ безпрестанно возвращаться къ этому. Ея братьямъ слѣдовало бы хоть чѣмъ-нибудь усладить его послѣдніе дни, похлопотать хоть немного о томъ, чтобы онъ не чувствовалъ себя такимъ забытымъ.

Но и въ обоихъ братьяхъ, и въ сестрѣ, при сословномъ чванствѣ и постоянной памяти о томъ, кто былъ *когда-то* ихъ отецъ—она давно видѣла злобное перебираніе его тщеславія и скаредности.

Дописавъ письмо, Анна встала и заглянула въ залу, увѣшанную фамильными портретами,—въ ту минуту стоявшую въ полумракѣ. Только одинъ старинный „кенкетъ", повѣшанный на стѣну, освѣщалъ ее.

Ей послышались шаги въ залѣ, и она думала, что это—докторъ Фіалковскій.

Но тамъ никого не было. Она вернулась въ свою комнату и нашла доктора, вошедшаго въ другую дверь.

Докторъ входилъ на цыпочкахъ, потирая руки, какъ всегда одѣтый въ черную поношенную пару.

Анна, съ перваго же разговора, третьяго дня, не нашла съ нимъ подходящаго тона. Онъ, для нея, былъ удобенъ, и она считала его честнымъ практикантомъ, природно умнымъ и опытнымъ. Но въ его тонѣ было что-то менѣе ей пріятное.

Небольшого роста, съ маленькимъ смуглымъ лицомъ инородца, этотъ Василій Ермиловичъ держался вбокъ, одно плечо

выше другого, щурилъ часто свои маленькіе, подслѣповатые и острые глаза, и часто усмѣхался, повторяя: „такъ-съ, такъ-съ“...

Отъ Загарина она знала, что докторъ — самыхъ крайнихъ взглядовъ, но ей въ немъ чуялся больше „семинаръ“—какъ его называлъ Загаринъ—съ какой-то особенной злобностью ко всему, что̀ стоитъ повыше, ко всякому виду аристократизма: не только къ сословнымъ вещамъ, титулу, дворянству, но и къ доблестямъ, къ имени, къ популярности, къ таланту, къ тонкости и благородству расы.

То забвеніе, въ какомъ умиралъ ея отецъ,—кажется, особенно тѣшило Василія Ермиловича.

Сдавалось ей, что и на нее самоё, ея прошлое, особое положеніе въ семьѣ, на ея покойнаго мужа—насколько онъ пользовался въ русскихъ передовыхъ кружкахъ сочувствіемъ и уваженіемъ—Фіалковскій смотрѣлъ „съ кондачка“ — одна изъ его любимыхъ прибаутокъ.

— А! Докторъ! А я думала, что вы въ залѣ. Садитесь, садитесь! Извините, что хочу васъ задержать.

Она показала ему мѣсто на диванчикѣ, стоявшемъ у горки съ минералами—какія всегда полагались въ каждой старинной „боскетной“.

Докторъ сѣлъ, поджавъ свои короткія ноги, и сталъ протирать очки, часто мигая.

— Ну, ка̀къ, Василій Ермиловичъ?—въ полголоса спросила Анна.

— Боюсь, ночь будетъ тревожная. Графъ спрашивалъ о васъ. Ему желательно было съ вами побесѣдовать; да я—извините — не позволилъ. Его сіятельство изволили понервничать... Но вы на меня, Анна Георгіевна, не будете въ претензіи?

— Конечно, нѣтъ! Но вы видите новые симптомы?

— Вижу-съ. Особенно одинъ.

— Какой?

Онъ кисловато усмѣхнулся и отвелъ голову въ сторону.

— Несовсѣмъ удобно объяснять дамѣ подробности.

Анна смутно поняла и замолчала.

— Водянка въ груди не опадаетъ?

— Не усиливается; но и не поддается леченію.

Съ характернымъ подергиваньемъ плечъ онъ выговорилъ, наклонивъ низко голову—точно онъ чего-то ищетъ на полу.

— О радикальномъ исцѣленіи и рѣчи быть не можетъ. Я уже докладывалъ вамъ. И теперь еще разъ скажу: хотя каждый врачъ—будь хоть онъ свѣтило первой величины — не поха̀етъ

того, что я предписываю... но мнѣ жутко приходится брать всю отвѣтственность на себя. Опять же и то: уѣздный городишко отъ Зарѣчнаго въ пятнадцати верстахъ, аптека плоховатая, многое надо выписывать изъ губерніи...

— Но перевезти отца невозможно?..

— Абсолютной невозможности нѣтъ; но и согласиться на это осторожный врачъ не можетъ и не долженъ.

— Вы, значитъ, настаиваете на консиліумѣ, докторъ?—выговорила Анна, поглядѣвъ на него попристальнѣе.

— Консиліумъ? Этого слова, Анна Георгіевна, я не произносилъ. Будь это въ большомъ городѣ или столицѣ — другое дѣло. Я, до вашего пріѣзда, уже намекалъ графу насчетъ приглашенія какого-нибудь авторитетнаго практиканта изъ профессоровъ. Это ему не понравилось. Онъ вообще не вѣритъ въ докторовъ, и любитъ повторять, что знаменитости—грабители. Хорошо и то, что онъ, до сихъ поръ, довѣряетъ мнѣ.

Анна присѣла къ нему ближе и заговорила совсѣмъ тихо:

— Но и знаменитость... не поставитъ его на ноги?

— Сомнѣваюсь.

— Вы видите, докторъ, я—человѣкъ выносливый. Нервозности у меня нѣтъ. Мнѣ вы можете все сказать.

— Другими словами—за сколько времени я могу поручиться? Какъ это сказать?... Простые люди говорятъ: всѣ подъ-Богомъ ходимъ. И нашему брату въ своихъ прогнозахъ не слѣдуетъ заноситься.

Онъ оглянулся на дверь и какъ бы прислушивался—нѣтъ ли кого въ сосѣдней комнатѣ.

Его уклончивое резонерство начало раздражать Анну; но она себя сдерживала.

— Видите... не дальше, какъ на дняхъ, когда графъ — по всѣмъ видимостямъ—поджидалъ васъ, онъ мнѣ поставилъ такой же категорическій вопросъ: могу ли я его поддержать... ну, хоть еще недѣли двѣ... Ему это нужно для какого-то распоряженія. И—если позволите—это связано было съ вашимъ пріѣздомъ.

Говоря это, все такъ же тихо, онъ прищурился на Анну изъ-за своихъ очковъ съ дымчатыми стеклами.

— И что же вы ему отвѣтили?

— Разумѣется... обнадежилъ его.

— А внутренно?

— Не очень хитрилъ и внутренно, передъ своей профессіональной совѣстью. Могу ошибаться... но поддержать его— еще на неопредѣленное время — не представляется слишкомъ

замысловатымъ. То же я скажу и вамъ. Но только, Анна Георгіевна, ежели дѣйствительно надо что-нибудь такое сдѣлать— я уже тамъ не знаю что̀—я не наперсникъ вашего батюшки— вѣрнѣе будетъ поторопиться.

— Я не могу сама распоряжаться здѣсь, докторъ.

— Поговорите—если угодно—съ княгиней, насчетъ консиліума.

— Вы ее не предупреждали?

— Можно было бы и сюрпризомъ для самого больного. Вѣдь на дняхъ долженъ быть сюда графъ Семенъ Георгіевичъ. Онъ могъ бы привезти съ собою кого-нибудь... изъ нашихъ тузовъ.

Докторъ вкось усмѣхнулся и тотчасъ же затѣмъ спросилъ:

— Покурить позволите?

— Пожалуйста.

Анна встала и начала ходить по комнатѣ.

Выписать столичную знаменитость она могла бы сейчасъ. Но на чей счетъ? Своихъ денегъ у нея нѣтъ. Телеграфировать старшему брату она не будетъ. Ему прекрасно извѣстно—въ какомъ положеніи отецъ. Это могла бы сдѣлать ея сестра— взять на себя распорядиться, не говоря ничего отцу.

— Хотите сейчасъ же сказать княгинѣ?—спросила она, подойдя къ дивану, гдѣ оставила Фіалковскаго.

— Я не отказываюсь, Анна Георгіевна. Но было бы желательно заручиться и вашей поддержкой.

— Повторяю, докторъ, здѣсь у меня руки не развязаны, и я не могу смотрѣть на себя какъ на полноправнаго члена семьи. Но, если нужно, я поддержу васъ.

Она знала, что въ это время сестра пьетъ съ дочерью чай, но не въ столовой, а во второй гостиной, гдѣ онѣ, до поздняго часа, болтали или читали англійскіе романы.

Левонтій сходилъ доложить княгинѣ Марьѣ Георгіевнѣ, что докторъ желаетъ ее видѣть.

Княгиня тотчасъ же прибѣжала. Она воспользовалась предлогомъ быть у Анны—въ ея комнатѣ.

Съ утра онѣ видѣлись всего одинъ разъ, на нѣсколько минутъ. Анна, передавъ ей, въ короткихъ словахъ, свой разговоръ съ докторомъ, дала понять, что она не желаетъ ни во что вмѣшиваться.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула княгиня, съ обычной своей аффектаціей:—Какіе же могутъ тутъ быть...—она не нашла

сразу русскаго слова и сказала:—des scrupules! Намъ всѣмъ одинаково дорогъ отецъ!

Все это она говорила для Фіалковскаго; но тотъ сидѣлъ, подобравъ свои короткія ноги подъ край дивана и прищуривая глаза отъ дыма папиросы, которую держалъ въ правой рукѣ.

— Доктору слишкомъ тяжела отвѣтственность, — сказала Анна.

— Я объ этомъ докладывалъ княгинѣ,—откликнулся Фіалковскій.

— Но вы знаете графа! Я ему уже пробовала намекать. Онъ разсердился... Ему такое приглашеніе кажется безумной и глупой тратой.

Какъ только княгиня начинала говорить объ отцѣ—у нея сейчасъ же являлись раздраженныя нотки, плохо прикрытыя тономъ дочерней заботы.

— То же графъ и теперь скажетъ... ежели къ нему обратиться вотъ сію минуту,—неторопливо вымолвилъ Фіалковскій.

— Что же я говорю, докторъ!—почти закричала княгиня.

— Василій Ермиловичъ — замѣтила Анна — находитъ, что можно было бы и не предупреждать отца.

— Y penses-tu?—остановила ее княгиня.—Это будетъ ужаснѣйшая исторія.

— Но какъ же быть?

Этотъ вопросъ Анны прозвучалъ очень вѣско и значительно въ темной, странно отдѣланной комнатѣ.

— J'y perds mon latin!—съ жестомъ головы откликнулась княгиня.

— Графъ Семенъ Георгіевичъ, какъ слышно, скоро будетъ здѣсь?—спросилъ Фіалковскій.

— Да... долженъ былъ выѣхать на этой недѣлѣ, но его задержали по службѣ.

— Чего же прямѣе, княгиня... вы бы пустили телеграммочку графу. И онъ могъ бы привезти сюда.

— Но кого?

— Кто поѣдетъ изъ тамошнихъ свѣтилъ. А то можно было бы удовольствоваться и просто врачомъ, съ хорошей практикой. Если угодно, я могу назвать нѣсколько именъ.

— Все это прекрасно, докторъ, но вы знаете характеръ отца?!

Анна видѣла—что безпокоитъ княгиню. Вопросъ: кто заплатитъ пріѣзжему консультанту? На отца нельзя разсчитывать: онъ самъ не пригласитъ его, а потомъ откажетъ наотрѣзъ въ

такихъ деньгахъ, какія „заломитъ“ знаменитость—особенно одна, самая главная—московская, которую „поднимаютъ“, какъ Иверскую.

Это можетъ обойтись въ тысячу рублей, а то и больше.

Княгиня—жадная, да у нея и нѣтъ такой свободной суммы. Она съ мужемъ всегда жалуется на то, что „не на что жить“. Старшій братъ получалъ отъ отца скудно, за что у нихъ выходило „охлажденіе“, тянувшееся годами. У него теперь прекрасный окладъ, но онъ живетъ выше средствъ. Къ тому же, онъ—тайный чувственникъ, и у него, навѣрное, есть на сторонѣ интрига, а то и цѣлая незаконная семья.

Впередъ—онъ не выдастъ такой суммы, да и здѣсь, въ усадьбѣ, можетъ уклоняться. Какъ же тогда быть? Не заплатитъ ее и другой ея братъ, генералъ.

— Такъ или иначе,—сказала все такъ же вѣско Анна, обращаясь больше къ Фіалковскому:—надо рѣшить этотъ вопросъ.

— Еще бы!—вырвалось у княгини—какъ будто искреннимъ звукомъ.

— Поговорите съ батюшкой,—предложилъ Аннѣ Фіалковскій.

— Я просила бы... не выдвигать меня. Говорю такъ вовсе не изъ уклончивости.

— На себя я тоже не могу взять этого. Отецъ меня не послушаетъ, разсердится, и выйдетъ сцена, очень опасная въ его положеніи...

Княгиня что-то еще хотѣла сказать, но въ дверь просунулась голова сидѣлки.

— Василій Ермиловичъ здѣсь?—тревожно окликнула она.

— Здѣсь. А что?

Докторъ всталъ и пошелъ къ двери.

— Войдите!—крикнула „сестрѣ“ княгиня.

— Графу... очень нехорошо. Требуетъ васъ... Я не могу одна справиться, Василій Ермиловичъ.

Голосъ у нея перехватывало отъ волненія.

Фіалковскій застегнулъ сюртукъ и двинулся за „сестрой“.

— Вы пришлете за нами, если графу очень худо,—успѣла сказать ему вслѣдъ княгиня.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только кивнулъ головой.

— S'il se meurt?—шопотомъ спросила княгиня.

— На ея лицѣ было безпокойство, но никакой печали.

Анна не испугалась. Въ ней почему-то было такое чувство, что отецъ не умретъ раньше извѣстнаго срока. Она не могла

и не умѣла намѣренно настроивать себя въ извѣстномъ тонѣ, какъ ея старшая сестра. Къ отцу у нея явилось болѣе мягкое чувство, чѣмъ она ожидала, когда ѣхала сюда. А всѣмъ *имъ*—и первой княгинѣ—онъ былъ въ тягость. И если сестра ея чего-нибудь испугалась, то навѣрное изъ какихъ-нибудь фамильныхъ соображеній.

— Послушай,—сказала она Аннѣ, подходя къ ней очень близко:—это, можетъ быть, конецъ?

— Надо на все быть готовымъ.

— Но около насъ никого нѣтъ. Мужъ мой не можетъ быть раньше будущей недѣли. Simon—также. О Модестѣ ничего неизвѣстно.

Княгиня посадила Анну подлѣ себя, на томъ диванчикѣ, гдѣ она, передъ тѣмъ, сидѣла съ докторомъ.

— Мы будемъ все знать черезъ нѣсколько минутъ,—тѣмъ же спокойнымъ тономъ выговорила Анна.

— Сестра... въ такую минуту намъ грѣшно было бы имѣть какіе-нибудь счеты... Если отецъ болѣе довѣряетъ тебѣ...

— ...То я не должна этимъ злоупотреблять!—досказала Анна.

— Вотъ видишь! Ты враждебно настроена... Грѣхъ тебѣ...

— Полно!—остановила Анна и поднялась.—Если ты такъ волнуешься... пойдемъ... узнаемъ.

— Онъ меня не выноситъ.

— Подождемъ.

— Войди ты первая.

— Изволь.

Онѣ пошли тихонько черезъ пустую, полутемную залу, съ цѣлымъ рядомъ портретовъ. Раздавшіеся куски паркета скрипѣли подъ ногами.

У спальни графа не видно было камердинера.

Анна первая пріотворила половину двери и заглянула.

Докторъ стоялъ спиной, у изголовья. „Сестра"—лицомъ къ дверямъ, правѣе, около ночного столика.

— Подите сюда!—въ полголоса крикнулъ Фіалковскій:—приподнимемъ больного.

Они приподняли его и посадили въ постель, прямо, подбивъ подъ спину двѣ тугихъ подушки.

Графъ не охалъ и не кашлялъ, а только моталъ головой. Лицо было оплывшее и бѣлое. На лбу проступили капли пота.

— Теперь полегче, ваше сіятельство?—спросилъ Фіалковскій, наклоняясь надъ больнымъ.

— Да, отпустило,—громкимъ шопотомъ отвѣтилъ онъ.

Въ эту минуту вошла Анна. Отецъ сейчасъ увидалъ ее.

— Ничего... Живъ еще курилка... Pas de fausse alarme!

Но какъ только онъ разглядѣлъ—позади ея—фигуру старшей дочери, онъ махнулъ обѣими руками и крикнулъ:

— Рано меня отпѣвать, матушка! Можете не безпокоиться!

Жестъ руки дополнилъ смыслъ этой фразы.

Княгиня, ретируясь, выразительно взглянула на сестру, какъ на виновницу такого пріема.

IX.

Проползли еще три дня.

Припадокъ, случившійся съ графомъ, длился до полуночи. Анна провела всю ночь рядомъ, не раздѣваясь. Но катастрофы не случилось. Оба слѣдующіе дня больной чувствовалъ себя обыкновенно, и даже въ груди отекъ сталъ немного меньше. И нѣсколько разъ онъ посылалъ за Анной и все хотѣлъ запираться съ ней для чего-то „конфиденціальнаго“. Но докторъ не позволялъ ему говорить.

Съ княгиней у Анны не было никакихъ новыхъ объясненій. Но та дала ей понять, своими минами и словечками, что видитъ насквозь ея „игру“. По три раза въ день она посылала къ ней дочь, справляться, „quel est l'étât du grand père“, показывая этимъ, что Анна заняла совершенно особое положеніе въ домѣ, она—опальная, бѣглянка, осрамившая весь ихъ родъ, а княгиню Ахметову, безупречную во всѣхъ смыслахъ, отецъ не желаетъ пускать на глаза.

Это заставило Анну попросить сегодня утромъ отца принимать княгиню хоть разъ въ день.

— Qu'elle vienne, — сказалъ онъ безъ раздраженія:—mais sans simagrées...

Ея племянница—когда приходила отъ княгини справляться о дѣдѣ—не показывала ни малѣйшей охоты поближе познакомиться съ теткой. У нея былъ довольно-таки брезгливый тонъ. Эта дѣвица—уже на возрастѣ—была ясна для Анны. Ей и мать, и отецъ передали свои родовыя черты, и въ наружности, и въ душевномъ складѣ.

Барышенъ изъ высшаго „монда“ Анна встрѣчала за границей и въ послѣдніе годы. Но и тѣ не были такъ „замаринованы“, какъ эта дѣвица. Точно въ ея отечествѣ все оставалось такъ, какъ было сорокъ лѣтъ назадъ. Разница только одна—

прежде были крѣпостные, а теперь ихъ нѣтъ. И жилось тогда людямъ „ихъ круга“—легче. Но и теперь она—княжна Ахметова, внука графа Георгія Александровича Волгина, будетъ всегда „very smart“—новое англійское словечко!—должна получить шифръ, выйти замужъ за флигель-адъютанта, а главное—за богача. Деньги нужны прежде всего—и добывать ихъ не такъ удобно, ничего не дѣлая, какъ было сорокъ лѣтъ назадъ.

И Анна видѣла впередъ: какъ эта барышня будетъ—въ лѣта ея матери—такая же фальшивая, суетная, чванная, падкая на всякую чувственную приманку; но въ новомъ англійскомъ стилѣ и съ прибавкой слегка восточнаго профиля—отъ своего отца, князя Ираклія Абрамовича, вмѣстѣ съ его грузинской важностью и низкими контральтовыми нотами въ голосѣ.

И она сама была бы такая же, еслибъ не та ячейка въ мозгу, которая заиграла къ годамъ физической зрѣлости и заставила „разсуждать“ — слово ненавистное, до сихъ поръ, ея братьямъ и старшей сестрѣ—а потомъ и возмущаться, и горѣть желаніемъ положить свою душу за „святое дѣло“.

Ей захотѣлось сегодня сравнить свою племянницу съ ея кузеномъ—сыномъ графа Семена Георгіевича. Онъ пріѣхалъ вчера поздно, и она его не видала еще съ утра.

Она почти не помнила этого Валерія, единственнаго сына своего старшаго брата.

Когда ее „удалили“ изъ Петербурга, гдѣ графъ Семенъ Георгіевичъ занималъ менѣе важный постъ—мальчику было лѣтъ восемь. Онъ еще и не поступалъ въ то сословное заведеніе, откуда вышелъ, кажется, первымъ ученикомъ, съ чиномъ девятаго класса.

Его пріѣздъ она объяснила тѣмъ, что вѣроятно сестра Марья телеграфировала, три дня назадъ, графу Семену Георгіевичу, чтобы онъ торопился, не столько чтобы захватить отца въ живыхъ, сколько затѣмъ, чтобы оказать ей поддержку противъ нея—„l'intruse“, какъ она, навѣрное, ее называетъ въ своихъ письмахъ и мужу, и братьямъ.

А эта „intruse“, эта „непрошенная гостья“ до сихъ поръ не знала, зачѣмъ ее вызвали, и что на нее возложатъ, предвидя навѣрное, что это порученіе отца еще больше возстановитъ противъ нея ея „кровныхъ“.

Свой ранній обѣдъ она съѣдала очень быстро или въ боскетной, или въ угловой комнатѣ, гдѣ когда-то была „кафешенская“, передѣланная позднѣе въ курильную.

И сегодня—за полчаса до ея обѣда—лакей съ неизвѣстнымъ

ей лицомъ, постучавшись, явился къ ней съ поклономъ и доложилъ, что графъ Валерій Семеновичъ спрашиваютъ—могутъ ли они пожелать добраго утра Аннѣ Георгіевнѣ?

Племянникъ начиналъ со знаковъ родственнаго почтенія. Она сейчасъ же приняла его.

Къ ней вошелъ тихо, короткими шажками, небольшого роста, худощавый брюнетикъ, совсѣмъ бритый, безъ усовъ и бакенбардъ, съ гладкими волосами, приподнятыми на лбу кокомъ. Черты лица—мелкія, цвѣтъ кожи—матово-бѣлый. Во всей фигурѣ, и въ голосѣ, и въ движеніяхъ—что-то условно-мягкое, но разсчитанное, и взглядъ темнокарихъ глазъ — твердый и не совсѣмъ пріятный.

На немъ былъ синій шевіотовый сьютъ. Высокій воротничокъ съ галстухомъ „Louis Philippe“ подпиралъ его узкій, немного выдающійся подбородокъ.

Онъ внесъ съ собою запахъ тонкихъ духовъ.

Сейчасъ же онъ подошелъ къ ручкѣ и поцѣловалъ ее съ оттѣнкомъ родственной почтительности. На пальцахъ маленькой руки блестѣли два перстня.

Для Анны этотъ петербуржецъ былъ совсѣмъ „незнакомцемъ“. Но она узнала бы въ толпѣ иностранцевъ, на парижскихъ бульварахъ, на площадкѣ передъ источникомъ гдѣ-нибудь въ Карлсбадѣ, Киссингенѣ или Эмсѣ, что это—русскій барченокъ самаго новаго пошиба, прошедшій черезъ чиновную и гостинную выправку, съ тѣмъ налетомъ серьезности, какого, въ ея молодые годы, не было у питомцевъ тѣхъ заведеній, которыя доставляли государственныхъ людей, послѣ долголѣтняго искуса у Дюссо и Бореля.

Она сейчасъ же распознала въ немъ „молодого старика“, и какъ только онъ раскрылъ ротъ и выговорилъ свою первую фразу, уже подумала:—„Ну да, и голосъ у тебя долженъ быть именно такой“.

Голосъ былъ тѣмъ, что̀ пѣвцы называютъ: „бѣлый“—головной, не очень высокій, но теноровый, съ примѣсью чего-то деревяннаго и съ чрезвычайно отчетливымъ произношеніемъ всѣхъ слоговъ—точно онъ диктуетъ кому вслухъ.

Графъ Валерій заговорилъ съ ней по-русски и ни разу не сбился на вставку французскихъ фразъ, словечекъ и цитатъ, на „сорочью“ болтовню русскихъ — какъ называлъ всегда ея покойный мужъ.

Это показалось ей „новымъ штрихомъ“. Такое явно намѣренное употребленіе только русскаго языка вѣроятно должно было

значить: „Вы, любезная тетушка, демократка, вы презираете русскихъ, которые держатся привычки болтать по-французски—въ послѣднее время съ прибавкою англійскихъ словъ,—и я желаю вамъ сразу показать, что не менѣе цѣню родной языкъ, чѣмъ вы, и владѣю имъ въ совершенствѣ, и какъ въ этомъ, такъ и во всемъ прочемъ, считаю себя вѣрнымъ и убѣжденнымъ сыномъ своего отечества, горжусь моей родиной, ея величіемъ и могуществомъ“...

— Вы, тетушка, изволили пріѣхать прямо изъ-за границы?—спросилъ онъ послѣ первыхъ фразъ, которыя старые французы называли: „les civilités usuelles“.

И на ея утвердительный жестъ онъ продолжалъ:

— Тяжело вамъ себя чувствовать, тетушка?

Она вопросительно взглянула на него.

На его овальномъ благообразномъ лицѣ съ обтянутой кожей и узкимъ красивымъ ртомъ скользила полу-жалостная улыбка.

— Не легко разрывать съ своимъ отечествомъ.

И онъ наклонилъ свою маленькую, въ вискахъ придавленную голову нѣсколько вбокъ.

„А!.. ты вотъ куда?!“—подумала Анна, и у нея сейчасъ же внутри заклокотало. Она давно не испытывала этого чувства, здѣсь ни разу, даже при самыхъ фальшивыхъ выходкахъ своей старшей сестры.

— А кто же вамъ сказалъ, племянничекъ,—отвѣтила она ему въ тонъ,—что я разорвала всякую связь съ моей родиной?

Онъ немного выпятилъ губы.

— Я полагаю, въ вашемъ положеніи...

— Какое же мое положеніе?

Тутъ она стала говорить съ нимъ, какъ тетка съ молодымъ племянникомъ.

— Вы меня... что же... считаете здѣсь... контрабандой?

— Зачѣмъ же?!

Въ его глазахъ мелькнула усмѣшка, которая ее еще болѣе задѣла.

„Погоди, миленькій, я тебя посажу на надлежащее мѣсто“,—подумала она и взглянула на часы.

— Черезъ десять минутъ я пойду обѣдать.

— Извините, тетушка, я не буду васъ утруждать.

— Но у насъ есть еще довольно времени. Я, мой милый, привыкла, чтобы со мной всѣ—и старые, и такіе молодые, какъ вы—говорили прямо, безъ всякихъ намековъ и... circonlocutions...

— Обиняковъ,—подсказалъ онъ.

— Благодарю! Вы меня считали, должно быть, эмигранткой и слышали это отъ вашего отца и моего брата, графа Семена Георгіевича.

— Почему же непремѣнно отъ него?

— Ну, все равно. Я не эмигрантка и въ Россіи я не контрабандой. Я пріѣхала—представьте себѣ!—съ паспортомъ.

— Извините.

— Дайте мнѣ досказать, чтобы потомъ не было между нами никакихъ ненужныхъ недоразумѣній.

— Въ добрый часъ! Но если я не ошибаюсь... вашъ покойный супругъ...

— Мой покойный супругъ... Андрей Ивановичъ Клунинъ— жилъ за границей и тамъ умеръ. Но онъ не бѣжалъ, а уѣхалъ изъ Россіи и рѣшилъ больше въ нее не возвращаться. Я говорю это вамъ не затѣмъ, чтобы его выгораживать. Онъ могъ быть и въ другомъ положеніи... я бы одинаково любила его и преклонялась передъ его личностью. Но факты—факты, и вамъ— такому не по лѣтамъ, какъ я вижу, основательному молодому человѣку—надо называть вещи по ихъ именамъ.

— Я не позволилъ себѣ, тетушка, ни однимъ словомъ задѣть ваши привязанности? Я сказалъ только, что тяжело разрывать съ своимъ отечествомъ.

— Это до меня не относится, мой милый.

Эти два слова: „мой милый“, внутренно покоробили графа Валерія Семеновича, но онъ только сучилъ слегка ногами и поднималъ вверхъ подбородокъ, который ему все сильнѣе подпиралъ высокій воротникъ рубашки.

— Я знаю-съ,—уже порядочно окрысился онъ.—Я знаю-съ. Но почему же я не могу высказать моего мнѣнія? Я душевно радъ, тетушка, что вы, повидимому, въ совершенно другихъ чувствахъ.

— Моихъ чувствъ я вамъ не открывала. Если вы хотѣли сказать, что я перемѣнила мои убѣжденія, то это неправда.

— Да-а?—протянулъ онъ и снизу вверхъ поглядѣлъ на нее. Это протянутое „да-а?“ было самое лукаво-злобное, что̀ онъ до той минуты сказалъ.

— И тѣ, кто прожили болѣе половины жизни, какъ я, вдали отъ своего отечества—не отрекаются отъ него, а разрываютъ только съ тѣмъ, что̀ въ немъ есть печальнаго и ненавистнаго.

Голосъ ея зазвучалъ нервно, и она почувствовала легкую дрожь—вѣрный признакъ того, что она взволнована.

„Стоитъ ли... съ этимъ благонамѣреннымъ щенкомъ?“—сдѣлала она на себя окрикъ и сразу поостыла.

— Все это превосходно, тетушка,—отвѣтилъ онъ, перемѣнивъ позу, а ноги онъ теперь вытянулъ: — но я незнакомъ съ тѣмъ, что̀ вы изволите считать у насъ печа̀льнымъ и ненавистнымъ? Я боюсь, что наши вкусы, по этой части, не совпадутъ.

— Если вы—въ вашего отца, то, конечно, нѣтъ.

— Я и съ отцомъ моимъ во многомъ не солидаренъ.

— Что-жъ... онъ слишкомъ либераленъ для... васъ?

Она чуть-было не сказала: „тебя“.

— Это иронія? — спросилъ онъ, тихо приподнимаясь. — Пускай... Я гдѣ-то читалъ у вашего Герцена... кажется, въ какомъ-то письмѣ его, что ироніей и сатирой ничего не докажешь. И то, и другое, не можетъ быть выраженіемъ истинной любви къ человѣчеству, ни къ своимъ соотечественникамъ. Человѣчество слишкомъ обширно, ma tante,—въ первый разъ назвалъ онъ ее по-французски.—Племянникъ вашъ—не „общечеловѣкъ“. Онъ гордится тѣмъ, что родился подъ сѣнью русской державы и укрѣпилъ себя въ незыблемыхъ охранительныхъ началахъ.

— На доброе здоровье!—весело вскричала Анна.—Спасибо, что сразу открыли свои карты.

— Вамъ пора кушать... Извините... Но, я надѣюсь, этотъ обмѣнъ мнѣній не испортитъ вашего аппетита.

Онъ засмѣялся дробнымъ, стариковскимъ смѣхомъ и, наклонивъ голову, сталъ выдвигаться изъ комнаты.

— Отецъ вашъ скоро будетъ?—спросила его Анна.

— Онъ хотѣлъ выѣхать въ эту субботу.

И беззвучно графъ Валерій скрылся за дверью.

X.

Второй день Анна чувствовала себя несовсѣмъ хорошо. Она не знала, гдѣ простудилась; но докторъ запретилъ ей выходить изъ комнаты.

— Можетъ подкрасться инфлуэнца, — сказалъ онъ внушительно:—а эта гостья въ такое время года—штука скверная.

Но она вѣрила собственному самочувствію. Опасной болѣзни она не боялась, и ей скорѣе пріятно было считаться больной и никуда не выходить изъ боскетной.

Княгиня приходила съ дочерью сегодня—справиться о ея здоровьѣ. Отецъ присылалъ сидѣлку нѣсколько разъ. Онъ про-

должалъ чувствовать себя лучше, и его безпокоило ея нездоровье — конечно, не само по себѣ, а потому, что оно задержитъ ея отъѣздъ.

Она уже знала, что ей придется ѣхать въ Петербургъ.

Но сегодня ей было гораздо лучше, и она, одѣтая, сидѣла у окна и читала. Хотя докторъ и запретилъ ей выходить, но она пойдетъ къ отцу попозднѣе, въ тѣ часы, когда подадутъ ему вторую ѣду—около двухъ.

Дѣвушка, приставленная къ ней, дочь какихъ-то бывшихъ дворовыхъ, по имени Фелицата, которую княгиня уже научила стучаться въ дверь,—съ мѣстнымъ акцентомъ, немножко на *онъ*, доложила:

— Семякинскій баринъ желаютъ васъ видѣть.

Такъ звали Загарина по его деревнѣ—Семякино.

Анна очень обрадовалась. Она уже нѣсколько дней не видала своего пріятеля, собиралась даже посылать къ нему нарочнаго—узнать о его здоровьѣ.

Петръ Павловичъ вошелъ съ мокрымъ отъ „погоды" лицомъ, въ большихъ сапогахъ и въ тирольской курткѣ съ зелеными отворотами.

— Можно ли къ вамъ, голубушка, — съ вѣтру и слякоти? Мнѣ сейчасъ сказали, что вы хвораете. Инфлуэнція, что-ли?

— Ничего. Пока ничего у меня нѣтъ, кромѣ легкой головной боли.

— Я вотъ здѣсь присяду... на почтительномъ разстояніи отъ васъ.

Онъ отеръ лицо и сѣлъ ближе къ двери, на очень неудобный стульчикъ, съ изображеніемъ лиры, вмѣсто спинки.

— Курить я не буду.

— Отчего же?

— Докторъ забранитъ... за васъ. Не знаю, какъ его особа вамъ нравится, но онъ къ вамъ относится съ особеннымъ сочувствіемъ. Ни разу ни одной кислосладкой семинарской шпильки.

— Очень рада; а я думала совсѣмъ напротивъ. Я держусь съ нимъ такого тона, который можетъ быть ему и не по вкусу.

— Онъ умница. Все сразу распознаетъ. А доказательство, что онъ уже вашъ человѣкъ... я вѣдь по его вызову явился сюда... и въ такой ранній часъ.

— А сами развѣ не желали меня провѣдать? Я думала — вы заболѣли?

— Я тоже два дня провалялся. Но не это главное... Сказать правду?

— Говорите.

— Немножко я заднимъ числомъ испугался того, какъ я съ вами говорилъ въ послѣдній разъ.

— Вѣдь это было искренно?

— Понятное дѣло! Но я пустилъ слишкомъ густо. И вы могли счесть меня брехуномъ, фразеромъ, который свою личную незадачу въ жизни изволитъ теперь прикрывать моднымъ ученьемъ.

— Съ какой стати! — возразила Анна и подошла поближе къ нему.—Что ваше теперешнее настроеніе огорчило меня— это правда. Я не хочу скрывать, Загаринъ, именно въ васъ...

— Патентованномъ народникѣ восьмидесятыхъ годовъ! — полушутливо подсказалъ онъ.

— Зачѣмъ смѣяться?

— Простите. Не буду больше. Бросимъ мы эту матерію. Не стою я особеннаго интереса.

— Полноте, Загаринъ. Всего хуже играть въ прятки съ друзьями своими. Я не упрекаю васъ... Вы слишкомъ скромны. Да и зачѣмъ, безъ пользы, растравлять свои душевныя раны?

Она присѣла къ нему.

— Не нужно, голубушка. Какъ мужики говорятъ: „не замайте меня“ —до поры до времени. Рѣчь идетъ не обо мнѣ, а о васъ. Я—вашъ вѣрный сеидъ. И вотъ тогда, въ паркѣ, когда мы съ вами вдались въ общіе итоги и я васъ такъ огорчилъ моимъ теперешнимъ, какъ вы называете, настроеніемъ,—главнаго-то я вамъ и не сказалъ. Русская болтливость проклятая... Ненужный лиризмъ и, если хотите, рисовка. Записка доктора меня отрезвила... И вотъ я отъявился.

— Чтò же это такое?

Загаринъ пересѣлъ на другое мѣсто, на тотъ узкій диванчикъ, гдѣ Анна на-дняхъ бесѣдовала съ Фіалковскимъ, и сталъ говорить гораздо тише.

— Докторъ, еще до пріѣзда вашего, сообщилъ мнѣ, подъ секретомъ, что графъ Георгій Александровичъ просилъ его и еще другого свидѣтеля подписаться подъ его... духовнымъ завѣщаніемъ.

— Ну и чтò же?—совершенно спокойно остановила Анна.

— Завѣщаніе это... новое,—кажется, по счету, третье или четвертое... какое онъ пишетъ. Тогда онъ могъ еще писать... и все сдѣлалъ самъ.

— Это его право, Загаринъ.

— Конечно. Но вотъ въ чемъ загвоздка. Другой свидѣтель былъ нашъ земскій...

— Исправникъ?

— Вамъ этотъ терминъ еще неизвѣстенъ. Такъ по-просту зовутъ начальника. Знаете... тѣ шерифы, въ аглицкомъ вкусѣ, которые теперь хозяйничаютъ въ уѣздѣ, подтягиваютъ православное хрестьянство, творятъ судъ и расправу, послѣ упраздненія мировыхъ.

— Знаю! Знаю! Земскій начальникъ?—переспросила Анна.

— Пространно—да, а по-мужицки—земскій... Это—мой ближайшій сосѣдъ... Порфирій Николаевичъ Охотинъ.

— Такой фамиліи я здѣсь что-то не помню.

— И не можете помнить. Онъ—вновѣ. Имѣнье досталось ему по женской линіи. Владѣлица была старушка Мухторская. Помните, къ вамъ въ церковь ѣздила... въ такихъ шляпкахъ старомодныхъ... и считалась немного тронутой?

— Помню!

— Такъ вотъ послѣ нея онъ и получилъ это имѣнье... Баландино.

Анна продолжала смотрѣть на своего пріятеля, желая понять—куда онъ клонитъ.

— Графъ далъ маху. Ему не слѣдовало обращаться къ Охотину. Меня онъ не просилъ. Должно быть, я ему казался тогда невнушающимъ довѣрія. Потомъ-то онъ же прислалъ ко мнѣ Левонтія и далъ порученіе насчетъ васъ. А этотъ земскій можетъ кое-что шепнуть молодому графу.

— Моему племяннику?

— Они съ Охотинымъ въ большихъ ладахъ. Оба лицеисты. Только графъ — петербургскій; а нашъ земскій — московскій. Самый характерный представитель „ликея"!

— Ну и пускай!

— Не говорите такъ, голубушка. Если земскій шепнетъ молодому графу, княгиня, и братцы ваши, и зятекъ, и вся банда могутъ подложить вамъ свинку... извините за выраженіе.

— При чемъ я тутъ?

— Старый графъ не нынче-завтра дастъ вамъ порученіе... Мнѣ онъ ничего не открывалъ, но докторъ все знаетъ. Отъ вашей сестрицы, да и отъ братцевъ, можно многаго ждать.

— Чего же?

— Какъ чего? Первый графъ Семенъ Георгіевичъ, коли на то пошло, возьметъ да и препроводитъ васъ туда... по направленію къ Эйдткунену... и въ Петербургъ не допуститъ.

— Это его дѣло.

— Ахъ, голубушка! Вы все такъ лаконически изрекаете. Но до этого не слѣдуетъ допускать!

— Чтò же я могу сдѣлать? Смѣстить графа Семена Георгіевича съ его поста?

— Выиграть время! Вотъ чтò-съ! Земскій еще не видался съ молодымъ графомъ. Но кто его знаетъ... Онъ могъ ему написать. Вы племянника вашего уже видѣли?

— Имѣла это удовольствіе.

— Значитъ, оцѣнили—какого это пошиба охранитель. Изъ молодыхъ, да ранній. А банда уже собирается. И зятекъ вашъ долженъ быть съ петербургскимъ поѣздомъ.

— Князь?

— Онъ—положимъ—грузò.

— Какъ вы назвали?

Анна разсмѣялась.

— Это я въ Эссентукахъ лечился. Такъ тамъ русскіе краснобаи такъ князей зовутъ — „грузò". Онъ хоть и не выдумалъ пороху, но на что-нибудь пригодится.

Слушая Загарина, Анна припомнила обмѣнъ мнѣній, вышедшій у нея третьяго дня съ племянникомъ. И ей стало непріятно, почти обидно за себя. Какъ могла она съ нимъ „пикироваться"? Должно быть, и въ ней еще не замерла все та же родовая закваска.

— Все это прекрасно, Загаринъ,—замѣтила она пріятелю:— но вы слишкомъ уже тревожитесь изъ-за меня. Здѣсь я—лицо страдательное. Развѣ я чего-нибудь добиваюсь? Интригую... для себя или для другихъ?

— Но вамъ, голубушка, могутъ сдѣлать какой-нибудь подвохъ.

— Выслать меня? Это еще не большое несчастье!

У нея вырвался этотъ возгласъ; но еслибъ ее, вотъ, сейчасъ взяли и отправили на границу—неужели у нея ничего бы не дрогнуло внутри? Вѣдь это равнялось бы, быть можетъ, полному изгнанію изъ отечества... до конца ея жизни.

— Вы сообразите только,—продолжалъ Загаринъ, все такъ же въ полголоса:—когда вся банда соберется и будетъ извѣстенъ фактъ новаго духовнаго завѣщанія—разумѣется, его приведутъ въ прямую связь съ вашимъ возвращеніемъ.

— А потомъ?

— Нужды нѣтъ, что папá вашъ былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, когда составлялъ его... ежели только въ этой

духовной онъ распорядится своимъ благопріобрѣтеннымъ въ пользу вашу—подвохи неизбѣжны.

— Стало быть, надо узнать сначала волю моего отца, а потомъ уже злобствовать на меня?

— Это не мѣшаетъ сдѣлать вамъ гадость и теперь... пока отецъ вашъ живъ.

— Я не думаю,—возразила Анна, остановившись посреди комнаты.—Добиться этого можетъ только графъ Семенъ Георгіевичъ. Теперь,—подчеркнула она слово,—онъ этого не сдѣлаетъ. Онъ слишкомъ „feiner Konditor" для того, — употребила она шутливое нѣмецкое выраженіе.—Декорумъ онъ соблюдалъ всегда гораздо ловчѣе, чѣмъ моя сестра Марья Георгіевна. Вы правы, мой другъ. Мнѣ достанется похмелье въ чужомъ пиру. И съ каждымъ днемъ мнѣ здѣсь тяжелѣе, я этого не скрываю. Съ радостью я бы сейчасъ уложилась. Но это было бы слишкомъ малодушно!

Загаринъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Но мы съ докторомъ должны были васъ предупредить. И это еще не все.

— Ахъ, Господи! Чтò же еще?

Онъ усадилъ ее рядомъ съ собою на диванъ и сталъ говорить еще тише:

— Василій Ермиловичъ васъ попугалъ насчетъ инфлуэнціи. Онъ мнѣ признался, что тутъ умыселъ былъ.

— Какой еще?

— Въ вашемъ интересѣ... За васъ онъ боится. Только не насчетъ простуды. Графу хотѣлось сегодня васъ къ себѣ звать и запереться съ вами... давать инструкціи... и какъ можно скорѣе отправить.

— Куда?

— Въ Петербургъ же. А вотъ тамъ-то для васъ и можетъ быть западня.

Анна стала слушать съ нѣкоторымъ невольнымъ волненіемъ.

— Навѣрно... графъ Семенъ Георгіевичъ уже извѣщенъ по телеграфу.

— Почемъ же онъ знаетъ, что отецъ пошлетъ меня туда, когда я и сама не знаю до сихъ поръ—зачѣмъ я ему нужна?

— Мало ли чтò! Теперь у сестрицы вашей, я думаю, воображеніе-то кàкъ разыгралось! И тамъ онъ васъ выждетъ и выпроводитъ. Почему же это не можетъ случиться? Чтò въ этомъ несбыточнаго, вздорнаго?

— Чтò же вы хотите, чтобы я сдѣлала?

— За васъ я рѣшать не могу, голубушка. Мое дѣло было—предостеречь васъ. И ежели вы рѣшите ѣхать—а съ вашимъ характеромъ вы не спасуете—то вы хоть меня возьмите туда.

Онъ сложилъ руки просительнымъ жестомъ, и такой преданности полны были его глаза, что Анна сама взяла его за обѣ руки и стала трясти.

— Вѣрная вы душа! Спасибо! Вы меня глубоко тронули. Но не слишкомъ ли вы съ докторомъ труса празднуете?

— Такъ возьмете?

— Можетъ быть, отецъ потребуетъ, чтобы все было въ абсолютной тайнѣ.

— Да зачѣмъ же ему говорить? Вы меня не берете. Я самъ поѣду. Этого никто не можетъ мнѣ запретить. И ужъ если ѣхать—такъ скорѣе. Докторъ завтра позволитъ графу принять васъ.

Загаринъ поцѣловалъ у нея обѣ руки и вдругъ заторопился.

— Бѣгу перехватить Василія Ермиловича передъ его вторымъ визитомъ.

Оставшись одна, Анна почувствовала себя хуже: вступило въ голову, ощущеніе озноба начало перебѣгать изъ поясницы въ ноги. Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ она что-нибудь схватила болѣе серьезное.

И на душѣ у нея было нехорошо. Никогда она, во всю свою боевую жизнь, среди крупныхъ испытаній, не попадала въ такое положеніе страдательнаго лица, ввязаннаго во что-то ей крайне чуждое и почти ненавистное.

XI.

Послѣ вечерняго чая, вся семья, кромѣ Анны, сидѣла во второй—угловой—гостиной. Топился каминъ. На кругломъ столѣ горѣла лампа.

Княгиня, дочь ея и графъ Валерій Семеновичъ расположились у стола. Только-что пріѣхавшій князь Ираклій Абрамовичъ Ахметовъ—мужъ Марьи Георгіевны—сидѣлъ у камина, грѣлъ вытянутыя къ огню ноги и курилъ сигару.

На видъ ему трудно было дать болѣе пятидесяти. Коренастый, небольшого роста, съ овальнымъ обликомъ закавказскаго уроженца, крупнымъ носомъ, молодецкими усами и круглой лысиной, точно вставленной въ ободокъ черныхъ, еще не сѣдѣющихъ волосъ.

На князѣ плотно сидѣла генеральская тужурка. Рейтузы онъ носилъ очень узкіе и даже дома не снималъ шпоръ. На той рукѣ, которою онъ держалъ сигару, изъ-подъ обшлага, блестѣлъ мягкій браслетъ, въ видѣ цѣпи. Онъ сильно душился, и запахъ его духовъ смѣшивался съ дымомъ крѣпкой сигары.

Своей породой князь очень дорожилъ, производилъ себя чуть не отъ Артаксеркса и всего чувствительнѣе былъ къ тому, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что онъ изъ тѣхъ Ахметовыхъ, которые только выдаютъ себя за грузинъ; а въ сущности—„армяшки“. На этомъ пунктѣ его щекотливость могла доходить до пароксизмовъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ разъ мгновенно пырнулъ кинжаломъ какого-то князя, осмѣлившагося усомниться въ его чисто грузинскомъ происхожденіи. Это было за ужиномъ, гдѣ-то въ Мингреліи, послѣ безконечныхъ „алаверды“, которыя предлагалъ изобрѣтательный распорядитель пирушки, по мѣстному обычаю—„тулумбашъ“.

Князь Ираклій воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и по-французски говорилъ безъ восточнаго акцента, а какъ чистый русскій, чѣмъ немало гордился. И по-русски онъ давно усвоилъ себѣ манеру говорить хриплымъ баскомъ, растягивая—по барски—слогѝ, съ разными гвардейскими словечками и съ корнетскаго чина вырабатывалъ изъ себя русскаго каламбуриста; но въ присутствіи жены не рѣшался пускать „во всю“. Онъ пріобрѣталъ каламбуры не только въ ресторанахъ и въ офицерскихъ клубахъ, у первоклассныхъ остряковъ, но вычитывалъ и въ старыхъ водевиляхъ. Еще недавно онъ пустилъ на одномъ юбилейномъ обѣдѣ каламбуръ изъ стараго водевиля „Отелло на пескахъ“, гдѣ на слово: „Невой“, былъ окрикъ: „не вой!“

Въ Зарѣчное онъ пріѣхалъ безъ отпуска, фрондируя и непосредственное начальство, и своего зятя Семена Георгіевича, за то, что тотъ, при его связяхъ и кредитѣ, не поддерживалъ его домогательства — получить кавалерійскую дивизію, на которую долго „зàрился“, и долженъ, до сихъ поръ, коптѣть „бригаднымъ“ въ „дырѣ“, которая ему пріѣлась „хуже горькой полыни“. Его „дамы“ проводили всегда половину зимняго сезона въ Петербургѣ, куда и онъ часто наѣзжалъ.

А у стола разговоръ и шелъ о его beau-frère. Княгиня—„toute oreille“—слушала неспѣшныя, обстоятельныя сообщенія своего племянника.

Разговоръ шелъ исключительно по-французски. Графъ Валерій Семеновичъ только у тетки своей Анны Георгіевны выдерживалъ „стиль“ патріота и поклонника „отечественной рѣчи“,

но здѣсь говорилъ въ униссонъ съ дамами, тѣмъ очищеннымъ, лишеннымъ всякаго оригинальнаго пошиба, петербургскимъ „argot“, который не мѣшаетъ держаться мнѣнію, что мы говоримъ—„какъ истые парижане“.

Валерій — тономъ конфиденціальнаго сообщенія — разбиралъ шансы отца занять тотъ постъ, на который онъ имѣетъ давно всѣ права.

Князь Ахметовъ не возражалъ съ своего мѣста, но про себя думалъ:

„И пускай поводятъ подольше. Такъ ему—важнюшкѣ—и надо!“

И княгиня не особенно была восхищена такимъ повышеніемъ старшаго брата. Она также дулась на него за мужа, а главное за то, что онъ не настоялъ на томъ, чтобы мѣсяцъ тому назадъ, когда болѣзнь отца усилилась, его перевезли въ Петербургъ,—и самъ не пріѣхалъ, и никого не прислалъ сюда.

— И если назначеніе состоится, — процѣживалъ Валерій, точно читалъ по готовому тексту,—то онъ долженъ будетъ сейчасъ отправиться въ командировку, чтобы выяснить, наконецъ, дѣйствительно ли тамъ,—и онъ сдѣлалъ жестъ своей маленькой ручкой съ двумя перстнями,—дѣйствительно ли тамъ такъ ужасно, какъ кричатъ газетчики,—онъ сказалъ: „les gazettiers“,—или это тенденціозное вранье... des bourdes.

— Des ga-zetiers!—подхватилъ вдругъ князь и беззвучно засмѣялся животомъ.

Этотъ старый каламбуръ изъ „Grande duchesse de Gérolstein“ онъ давно не пускалъ.

Княгиня поглядѣла на него, въ спину, съ гримасой, которая значила:

„Хоть бы вы удержались здѣсь, черезъ двѣ комнаты отъ постели моего умирающаго отца!“

— Et alors quoi? — съ громкой передышкой спросила она племянника, наклоняясь надъ столомъ въ его сторону.

И княгиня, и ея дочь, вышивали что-то на узкихъ полоскахъ батиста, натянутыхъ на кусочки клеенки.

— Et alors, ma tante!..

Валерій сжалъ губы, потомъ показалъ полоску своихъ бѣлыхъ, мелкихъ зубовъ и сталъ объяснять — чѣмъ это пахнетъ.

— Отецъ получитъ подъемныхъ по старому закону.

И онъ, прищурившись, выговорилъ количество лошадей и верстъ.

Мать и дочь переглянулись; а князь щелкнулъ языкомъ, стряхнулъ пепелъ въ каминъ, и у него вылетѣлъ возгласъ:

— Saperlipopette!

— И тогда сестры могутъ поѣхать на цѣлый мѣсяцъ въ Парижъ.

— Обѣ?—сдавленнымъ звукомъ спросила княжна.

— Маруся съ мужемъ и Додо при нихъ.

— Счастливицы!

Княжна переглянулась съ матерью.

„Этакій жадный!—подумала княгиня.—Ce Simon est vraiment infecte“.

И никто изъ нихъ, даже смутно, не почувствовалъ неловкости отъ этой новости, сообщенной Валеріемъ.

Послѣ внутренняго возгласа: „Ce Simon est vraiment infecte“,— княгиня положила свое шитье на столъ и, поглядѣвъ въ сторону мужа, окликнула его:

— Ираклій!

— Здѣсь!—отвѣтилъ онъ игриво.

— Сядь сюда! Ужасно неловко такъ говорить.

— Кому, chérie? Мнѣ очень ловко.

— Оставь, пожалуйста, свои...

Она хотѣла сказать „глупости“. Князь, вѣроятно, такъ и понялъ.

— Сядь къ столу. Надо поговорить серьезно.

Княгиня понизила голосъ, хотя не было опасности, чтобы кто-нибудь сталъ подслушивать. Разговоръ пошелъ опять только по-французски.

— Mes enfants!—начала княгиня, обводя всѣхъ взглядомъ:— Надо рѣшить сегодня же, что̀ дѣлать съ отцомъ. Нужно ли настаивать, чтобы онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ.

— Онъ не поѣдетъ,—отозвался князь, бросая окурокъ сигары въ каминъ.

Валерій повелъ своимъ красивымъ ртомъ и пока ничего не сказалъ.

— Препятствіе... не самъ онъ. Но интриганъ докторъ... le séminariste fieffé,—назвала она его, смакуя эти слова.

— Не соглашается?—лѣниво переспросилъ князь.

— Они всѣ здѣсь въ заговорѣ,—продолжала стремительно княгиня: — докторъ, эта дрянь Загаринъ и моя дорогая сестра Анна,—выговорила она, улыбнувшись глазами.

— C'est la chère tante, qui est la cheville ouvrière,—произнесъ ей въ тонъ Валерій.

— Тутъ готовится какая-то махинація,—продолжала княгиня и положила оба локтя на столъ.

— Да что же именно? Ты говоришь точно о тайнахъ инквизиціи,—замѣтилъ князь.

— Tais-toi!—почти крикнула на него жена.—Кому же не ясно, что отецъ не сталъ бы—тайно отъ всѣхъ насъ—выписывать ее изъ-за границы, еслибъ не задумалъ какой-то „coup de théâtre“?

— Насчетъ чего же? Новое завѣщаніе составилъ?—жирнымъ басомъ пустилъ генералъ.

— Охотинъ... здѣшній земскій начальникъ... на что-то мнѣ уже намекалъ. Валерій,—обернулась княгиня къ племяннику:—ты съ нимъ хорошъ... Ты долженъ—le faire jaser.

— Я уже посылалъ къ нему вчера, ma tante. Его вызвалъ за чѣмъ-то губернаторъ.

— Положимъ—завѣщаніе. Какъ же тутъ быть?

Князь выпялилъ свои круглые глаза, глядя въ упоръ на жену.

— Это не отвѣтъ,—остановила его княгиня.—Что-то тутъ готовится.

— Если ты знаешь что—произведи на свѣтъ, не тяни!—выговорилъ князь съ тихимъ смѣхомъ и по-русски.

Въ другое время княгиня дала бы на него окрикъ: такъ выражаться въ присутствіи дѣвушки дочери!..

— Что я знаю,—заговорила она, точно захлебываясь, и щеки ея пошли пятнами: — это то, что положеніе мое — старшей дочери—здѣсь, въ родномъ домѣ—совершенно невозможное!

И она начала, въ лицахъ, представлять сцену, какъ—до пріѣзда племянника и мужа, когда съ графомъ сдѣлался вечеромъ припадокъ—онъ чуть не выгналъ ее.

— C'est insoutenable!—громкимъ шопотомъ вскричала она.—C'est ignoble!

Ей трудно было оставаться на мѣстѣ, и она забѣгала по комнатѣ—привычка, общая съ сестрой.

— И я позволю себѣ спросить васъ, ma tante,—заговорилъ Валерій, поворачивая голову за нею:—Нельзя же, при жизни дѣда, выпроводить отсюда его дочь?

Княгиня подбѣжала къ его креслу и, облокотясь о спинку, заговорила съ еще бо́льшимъ пыломъ:

— Твой отецъ могъ бы давно все это разстроить.

— Pardon, ma tante!—остановилъ Валерій.—Онъ только изъ вашей депеши узналъ, что она внезапно пріѣхала сюда.

— Но съ тѣхъ поръ прошло уже около недѣли. Онъ при-

слалъ тебя. И то хорошо. Но ты не имѣешь его положенія, ты не можешь...

— Отправить ее во свояси? — подсказалъ князь. Самое бы было радикальное средство.

— И пока мы разсуждаемъ, она...—и княгиня указала рукой на стѣну въ сторону боскетной.

— „Свои пріемлетъ мѣры", — продекламировалъ Валерій стихъ изъ „Бориса Годунова".

— Et nous serons flambés!—докончила княгиня.

Никто изъ нихъ ничего не договаривалъ вполнѣ.

Имъ всѣмъ одинаково была ненавистна та „крамольница", засѣвшая тамъ, въ боскетной, и что-то противъ нихъ замышляющая.

Ни у кого не хватало, однако, смѣлости поставить вопросъ: ка́къ можетъ ихъ всѣхъ поддѣть—„les mettre dedans" — умирающій глава фамиліи? Княгинѣ всего сильнѣе хотѣлось бы сейчасъ, при умномъ и солидномъ племянникѣ, установить наконецъ: какую сумму наличнаго капитала можетъ имѣть отецъ?!

Съ его скаредной скупостью онъ могъ, за тридцать слишкомъ лѣтъ, скопить добрый милліонъ. Извѣстно, что онъ купилъ два имѣнія, на Волгѣ и въ западномъ краѣ, гдѣ ему оно досталось, послѣ возстанія, почти что задаромъ; а теперь оно должно давать прекрасный доходъ.

На свою „créature", которую они не допустили въ Россію,— онъ, по слухамъ, спустилъ больше милліона франковъ. Но княгиня не вѣрила въ эту цифру. Какъ бы она ни овладѣла имъ, даже и свой старый грѣхъ не могъ онъ искупить такой цифрой. Навѣрно, и та „sale grue", при всемъ своемъ пройдошествѣ, не выпытала у него—сколько послѣ него останется наличными.

— Значитъ,—спросилъ генералъ жену:—ты боишься, какъ бы она все не ампошѝровала?

И онъ сдѣлалъ выразительный жестъ ладонью руки, въ видѣ кренделя, сверху въ карманъ своей тужурки.

Князь сказалъ это по-русски; но слово: „ампошировала"— нарочно съ носовымъ звукомъ.

Княжна подняла на него свои толстыя вѣки и подумала по-французски: „Que mon père est insuportable!"

Княгиня даже и не повернулась въ его сторону и, наклонясь къ племяннику, взяла его за руку, у кисти.

— Если твой отецъ не пріѣдетъ на дняхъ, онъ—и княгиня кивнула головой—способенъ будетъ всѣхъ насъ выгнать отсюда.

— Vous exagérez, chère tante!—замѣтилъ Валерій.

Ему было несовсѣмъ пріятно, что тетка такъ невоздержна въ проявленіяхъ своего страха за „наличныя“. Въ немъ не было ея жадности; но онъ съ особеннымъ удовольствіемъ далъ бы почувствовать той „тетушкѣ“, что сидитъ или лежитъ теперь въ босветной,—что она изображаетъ собою въ глазахъ такихъ охранителей, какъ онъ. Еслибъ отецъ рѣшилъ ее отправить туда... въ Эйдткуненъ—онъ не сталъ бы прямо одобрять эту мѣру. Пускай бы она оставалась здѣсь до смерти дѣда; но „восчувствовала“ бы—какое она безпочвенное и жалкое существо, мнящее себя выше того, чѣмъ, по его глубочайшему убѣжденію, велико его отечество.

— Вотъ и Модестъ не ѣдетъ.—начала менѣе раздраженно княгиня.—И депеши отъ него нѣтъ.

Графа Модеста Георгіевича ждали со дня на день. Но онъ долженъ былъ пріѣхать не изъ Петербурга, а со своего поста, совсѣмъ по другому направленію.

— Все это не то!

На возгласъ князя жена его не возражала. Она прислушивалась. Какъ будто, на дворѣ глухой шумъ экипажа, по подмерзлой къ ночи мостовой.

Она позвонила. Вошелъ лакей, привезенный княземъ.

— Узнайте, кто пріѣхалъ... Поскорѣе.

Лакей скрылся.

— Это, можетъ быть, твой отецъ? — обрадованно сказала она Валерію.

— Нѣтъ, сегодня ни въ какомъ случаѣ.

Всѣ поднялись въ ожиданіи.

XII.

Внизу, въ дѣтскихъ, графъ Валерій жилъ въ той комнатѣ, гдѣ ночевала Анна, а рядомъ двѣ побольше были приготовлены для графа Модеста Георгіевича.

Это былъ звукъ его экипажа по мерзлой грязи двора, который первая услыхала княгиня.

Сегодня онъ всталъ довольно рано—раньше своего племянника. Ихъ спальни были смежныя.

Его камердинеръ, въ деньщицкой формѣ, подалъ ему, въ половинѣ девятаго, чай. Онъ его пилъ съ газетой, привезенной съ собою, которую не успѣлъ прочесть дорогой.

Запахъ дорогого турецкаго табаку и духовъ уже ходилъ по обѣимъ его комнатамъ.

Графъ Модестъ всегда славился своей моложавостью, мягкими манерами и особымъ военнымъ изяществомъ. Онъ былъ блондинъ—единственный въ семьѣ—съ нѣсколько нѣмецкимъ обликомъ. Свѣтлорусые волосы еще курчавились на вискахъ, довольно коротко остриженные. Лобъ обнажился, но не перешелъ еще въ настоящую лысину. Онъ носилъ подстриженную бороду и усы не закручивалъ по прусскому образцу, считая это непорядочнымъ. Его немного мутные голубые глаза смотрѣли всегда благосклонно, съ выраженіемъ полной увѣренности въ себѣ и въ обаяніе его тона и манеръ. Года подкрасили на щекахъ нѣсколько жилокъ и подъ глазами образовали еще мало замѣтные мѣшочки; но въ общемъ онъ, на нѣкоторомъ разстояніи, могъ легко сойти за сорокапятилѣтняго мужчину; а ему было уже за пятьдесятъ. Онъ былъ почти на пятнадцать лѣтъ старше Анны; а между ними родилась Марья.

Воспитывался онъ тамъ же, гдѣ и князь Ахметовъ. Они были почти что одного выпуска, и тотъ, еще пажемъ, ходилъ по воскресеньямъ къ нимъ въ домъ. Но графъ Модестъ считался уже и въ корпусѣ предназначеннымъ „по ученой части". Онъ прошелъ черезъ академію, долго былъ „штабнымъ"; серебряные эксельбанты и бархатный воротникъ сохранялъ во всѣхъ видахъ службы, гдѣ только ни бывалъ.

Теперь онъ занимаетъ гражданскій постъ на окраинѣ, и на него смотрятъ въ томъ вѣдомствѣ, гдѣ его братъ занимаетъ постъ выше его, какъ на самаго серьезнаго соперника графа Семена Георгіевича.

Послѣ долгой холостой жизни съ нѣсколькими романами, онъ женился на вдовѣ, уже въ генеральскомъ чинѣ, и вскорѣ потерялъ ее.

— Графъ Валерій Семеновичъ всталъ?—спросилъ онъ въ полголоса, мягко, слабоватымъ теноромъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство,—отвѣтилъ деньщикъ.

— Доложи графу—не желаетъ ли онъ откушать чаю со мною.

Племянникъ явился сейчасъ же, уже одѣтый въ домашній фланелевый костюмъ и въ лаковыхъ открытыхъ башмакахъ съ бантиками. Шолковая цвѣтная рубашка была повязана бѣлымъ фуляромъ.

Они поздоровались—по-англійски.

Вчера, и на верху,—они разошлись поздно, — и здѣсь, передъ тѣмъ, какъ лечь обоимъ спать—разговоровъ было довольно,

и все на ту же тему. Никого не смущалъ вопросъ—встанетъ ли старый графъ? Они знали прекрасно, что онъ приговоренъ къ смерти.

Графъ Модестъ былъ того мнѣнія и вчера, что надо непремѣнно попытаться убѣдить отца переѣхать отсюда. Если онъ упрется и его будетъ поддерживать докторъ, то сдѣлать консиліумъ, пригласить лучшаго врача изъ губернскаго города и выписать какого-нибудь „prince de la science“ изъ столицы.

Онъ такъ и выразился: „un prince de la science“.

Княгинѣ стало стыдно при немъ поставить вопросъ: „А на чей счетъ выписывать знаменитость, на случай если отецъ откажется самъ платить—что̀ возможно?“

Оставался еще „l'incident-Anna“, какъ графъ Модестъ сейчасъ же окрестилъ пріѣздъ сестры въ Зарѣчное. Тутъ онъ былъ чрезвычайно сдержанъ и больше выспрашивалъ, чѣмъ выражалъ свои мнѣнія.

Онъ давно знаетъ,—съ первыхъ годовъ „эмансипаціи“ его младшей сестры,—что она смотритъ на него съ упорной непріязнью. Много разъ—когда у нихъ были столкновенія—онъ могъ чувствовать ея презирающій взглядъ и особенный тонъ. Разумѣется, онъ дѣлалъ такъ, какъ будто онъ ничего этого не замѣчаетъ.

Въ нѣсколько пріемовъ, въ самыя „печальныя фазы“ ея „égarements“ (онъ такъ выражался и въ письмахъ къ отцу, брату и сестрѣ), онъ готовъ былъ явиться посредникомъ, смягчить, предупредить, найти исходъ, даже „предстательствовать“ за нее; но всегда встрѣчалъ въ ней отпоръ, не позволявшій ему идти дальше, не нарываясь на незаслуженныя оскорбленія.

Впослѣдствіи, когда Анна уже жила за границей, замужемъ за „господиномъ Клунинымъ“, онъ объяснялъ ея чувства къ себѣ какими-нибудь наговорами ея „единомышленниковъ“.

Оправдываться—было бы унижать себя. Въ его служебномъ прошломъ—съ тѣхъ поръ, какъ онъ занимаетъ отвѣтственные посты—не значится ни одного распоряженія, которое могло бы служить поводомъ къ „партійной враждѣ“.

Напротивъ, онъ смотрѣлъ на себя—какъ на великаго дипломата по этой части. Въ той губерніи, гдѣ онъ „хозяинъ“, немало—и въ губернскомъ городѣ, и въ уѣздахъ—разнаго „нелегальнаго“ народа. И кажется—до сихъ поръ—имъ довольны. Онъ смотритъ сквозь пальцы на что̀ только возможно. И, конечно, всѣ эти „подневольные обыватели“—и мужчины, и жен-

щины—не дарятъ его такой непримиримой „morgue“, какъ его сестрица Анна Георгіевна.

— Eh bien, mon petit,—обратился онъ къ племяннику послѣ нѣсколькихъ незначащихъ фразъ:—la grande question n'est pas vidée?

Валерій понималъ, что „grande question“—это „тетушка“, и то, чего можно отъ нея бояться...

Дядѣ казались преувеличенными, какъ и его племяннику, страхи княгини Марьи Георгіевны. Онъ слишкомъ высоко ставилъ себя и вообще, и какъ сынъ графа Георгія Александровича, чтобы такъ волноваться изъ-за такой личности, какъ его сбившаяся съ пути (онъ ее называлъ про себя: „une déclassée“) сестра Анна.

Прихлебнувъ изъ стакана съ подстаканникомъ, онъ выпустилъ тонкую струю хорошо пахнувшаго дыма и перешелъ прямо къ „incident-Anna“.

Онъ похвалилъ племянника за его спокойствіе и тактъ.

— Твоя тетка,—продолжалъ онъ тѣмъ же благосклоннымъ тономъ,—разъ она въ предѣлахъ россійской имперіи—не позволитъ себѣ ничего такого, что̀ могло бы вызвать необходимость какихъ-нибудь экстренныхъ мѣръ.

— Но дѣло не въ ней одной,— осторожно возразилъ Валерій.—Il y a le grand-père.

— Nul ne veut atteindre à sa personne et scruter son for intérieur.

Фраза вышла у него красива и внушительна. Онъ сообщилъ тутъ же племяннику, что далъ уже знать доктору о своемъ пріѣздѣ и желаніи быть у отца. Прямо онъ не желалъ „врываться къ нему“. Но предварительно онъ будетъ говорить съ сестрой Анной, хотя ему это и не очень „улыбается“.

— Il faut toujours, mon ami, aller droit au but.

Въ своей младшей сестрѣ онъ никогда не отрицалъ извѣстныхъ свойствъ—и, прежде всего, правдивости и смѣлости.

— Она не даромъ Волгинской породы, — выговорилъ онъ съ выразительнымъ наклономъ головы.

— Bonne chance!—сказалъ Валерій, когда дядя—въ концѣ ихъ бесѣды—послалъ своего человѣка доложить Аннѣ Георгіевнѣ о своемъ желаніи ее видѣть и спросить,—угодно ли ей принять его у себя, или въ гостиной?

Анна еще вчера вечеромъ знала, что пріѣхалъ графъ Модестъ Георгіевичъ. Но сегодня она не ждала его. Она дорого бы

дала, еслибъ кто-нибудь могъ ее избавить отъ неизбѣжности встрѣчи съ нимъ.

Та презрительная враждебность, которую графъ Модестъ, до сихъ поръ, не можетъ объяснить себѣ, шла съ годовъ ея ранней молодости, почти съ дѣтства.

Она была еще дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати, не больше, какъ разъ, вотъ здѣсь, въ Зарѣчномъ, братъ „Moddy" (такъ его звали дома на англійскій ладъ) сталъ разсказывать, на террассѣ, за вечернимъ чаемъ, о разныхъ эпизодахъ своей службы въ отрядѣ, въ Привислянскомъ краѣ—въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Это было первой „фазой" его службы. Онъ еще не поступалъ въ академію и состоялъ въ прапорщичьемъ чинѣ. А разсказывалъ онъ много лѣтъ спустя.

Анна сидѣла тутъ же, въ сторонкѣ, у широкихъ перилъ террасы, куда поставила свою чашку, и жадно прислушивалась. Она помнила своего брата „Модди" лѣтъ съ четырехъ, какъ разъ когда онъ былъ гвардейскимъ прапорщикомъ, носилъ красный воротникъ и похожъ былъ на красивенькую дѣвицу.

Въ какомъ-то монастырѣ они захватили нѣсколько повстанцевъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ простой свитѣ и выдавалъ себя за крестьянина. Но Модди первый разглядѣлъ, кто этотъ переодѣтый мужикъ, и нашелъ у него зашитыми въ свитѣ письма и документы, изъ которыхъ оказалось, что онъ учился въ Парижѣ, въ политехнической школѣ, и былъ выпущенъ въ артиллерію.

И Модди поручили его допросить. Тотъ сталъ-было запираться; но Модди сказалъ ему своимъ тогда еще высокимъ тенорко̀мъ:

— „Si vous persistez à vous taire, je vous ferai donner la verge".

Эти слова такъ ее тогда поразили, что она чуть не подскочила къ нему и не крикнула:

— Que tu es lâche, Moddy!

Дольше слушать она не захотѣла и ушла въ свою комнату, задыхаясь отъ внутренняго кипѣнія.

И съ тѣхъ самыхъ поръ графъ Модестъ Георгіевичъ сталъ для нея чужимъ, и своихъ чувствъ къ нему она не хотѣла мѣнять.

Его камердинеръ-деньщикъ только-что вышелъ отъ нея.

Анна сказала ему, что она ждетъ графа у себя.

Визитъ былъ для нея, пожалуй, непріятнѣе свиданія со старшимъ братомъ.

Но черезъ это надо было пройти, какъ и черезъ все остальное.

Докторъ уже былъ у нея сегодня, нашелъ ее совсѣмъ здоровой и сказалъ, уходя, что онъ разрѣшилъ отцу „большой разговоръ“ съ ней—до обѣда.

Въ дверь постучали. И въ самомъ звукѣ Анна узнала манеру брата.

Она сама отворила половину двери. Графъ Модестъ стоялъ въ генеральской тужуркѣ и съ благосклонной улыбкой смотрѣлъ на нее сквозь pince-nez.

Въ эти слишкомъ десять лѣтъ онъ—на ея взглядъ—очень мало измѣнился. И прежній тоненькій прапорщикъ, котораго она помнила дѣвочкой по шестому году—всплылъ передъ нею, и въ ушахъ раздалась фраза, кончавшаяся словами: „je vous ferai donner la verge“—въ разсказѣ уже тогда тридцатилѣтняго подполковника.

— Можно?—спросилъ графъ Модестъ, подавшись впередъ головой.

— Пожалуйста,—коротко отвѣтила она, ничего не прибавивъ.

Она не хотѣла быть съ нимъ на „ты“, и онъ это сейчасъ же понялъ.

И онъ—какъ его племянникъ—счелъ какъ бы „нужнымъ“ бесѣдовать съ ней исключительно по-русски.

Войдя, онъ протянулъ ей руку и, не дожидаясь ея пожатія, чуть-чуть приложился губами къ ея лѣвой щекѣ.

— Съ пріѣздомъ, сестра... Душевно радъ. Вы теперь поправились? Слышалъ, были несовсѣмъ здоровы?

— Благодарю.

Она не находила съ нимъ ничего другого, кромѣ такихъ короткихъ отвѣтовъ, сознавая, что такой тонъ сдѣлаетъ еще непріятнѣе ея положеніе въ домѣ.

— Позволите присѣсть?—такъ же мягко выговорилъ онъ.

— Пожалуйста.

Оглянувъ памятную ему комнату, онъ показалъ движеніемъ головы въ ту сторону, гдѣ была теперешняя спальня отца, и потомъ спросилъ:

— Вы видѣли графа?

Онъ такъ всегда называлъ за глаза своего отца.

— Сегодня—нѣтъ.

- Вы будете такъ добры предупредить его.

— О чемъ?

— Онъ, пожалуй, и меня приметъ такъ же, какъ на дняхъ сестру Марью Георгіевну.

И, помолчавъ, онъ—нѣсколько мѣняя тонъ—сказалъ, какъ бы про себя:

— Мы здѣсь, кажется, всѣ подъ опалой обрѣтаемся.

Анна все еще стояла около горки съ камнями. Эта фраза заставила ее стать поближе къ нему.

— При чемъ же я тутъ? Вы это сказали—точно я здѣсь въ какомъ-то привилегированномъ положеніи?

— Повидимому.

— Вы сильно ошибаетесь!

Теперь она уже находила, что ей всего удобнѣе такой тонъ съ братомъ, освобождающій ее отъ какой бы то ни было двойственности родственныхъ формъ.

— Мое положеніе, — продолжала она, — весьма тяжелое. Еслибъ отецъ не былъ такъ серьезно боленъ, я сейчасъ бы уѣхала. У него со всѣми вами есть счеты, въ которые я не желаю входить. И я о нихъ не имѣла понятія... до пріѣзда въ Зарѣчное, куда я была вызвана отцомъ.

— Я это знаю.

— Но врядъ-ли всему вѣрите?—спросила она съ движеніемъ плечъ.

Оно показалось ему очень презрительнымъ.

— Во всякомъ случаѣ... сестра,—заговорилъ онъ другимъ, какъ бы слегка перехваченнымъ голосомъ:—вы сами ничего не забыли и ничему не научились... какъ французскіе эмигранты во время оно. Мнѣ кажется, при такомъ внезапномъ расположеніи къ вамъ графа—вамъ бы не трудно сыграть примирительную, а не какую-либо другую роль.

На это Анна ничего не отвѣтила и спрашивала себя—чего ему отъ нея нужно, и скоро ли онъ отъ нея уйдетъ?

Она долгіе годы не встрѣчалась съ такой русской „особой“, какъ графъ Модестъ Георгіевичъ, стала забывать ихъ обликъ, манеры, костюмъ, всѣ повадки. А тутъ разомъ опять все это воскресло передъ ней и стало еще ненавистнѣе, чѣмъ это было когда-либо.

Ей рѣшительно нечего было говорить ему. Онъ долженъ же былъ понять это.

Положило конецъ томительной паузѣ между ними появленіе въ дверяхъ доктора.

Братъ ея всталъ и пошелъ къ нему на встрѣчу, догадавшись, вѣроятно, кто онъ.

Фіалковскій, не входя въ комнату, сказалъ Аннѣ, поклонившись ему:

— Графъ Георгій Александровичъ проситъ васъ къ себѣ сейчасъ. Ему теперь гораздо свободнѣе говорить.

И тотчасъ же скрылся.

— Идите, идите, сестра, а я подожду, — съ оттѣнкомъ ироніи сказалъ ей вслѣдъ графъ Модестъ.

XIII.

Около больного, ближе къ нижней спинкѣ, за маленькимъ столикомъ, Анна написала послѣднія слова письма, продиктованнаго ей отцомъ.

Онъ сидѣлъ въ кровати, опираясь спиной о подушки, высоко взбитыя. Лицо, за послѣдніе дни, сильно осунулось и потемнѣло. Отекъ былъ гораздо меньше въ лицѣ, чѣмъ въ груди и ногахъ. Встать на ноги онъ уже не могъ.

Но сегодня онъ дышалъ гораздо свободнѣе, и вотъ сейчасъ она написала подъ его диктовку небольшое письмо, по-французски, къ его товарищу по выпуску изъ того сословнаго заведенія, гдѣ воспитывались и его старшій сынъ, и внукъ.

Изъ этого письма Анна поняла, какое порученіе даетъ ей отецъ: отвезти пріятелю въ Петербургъ пакетъ, вѣроятно, съ его духовнымъ завѣщаніемъ, который онъ проситъ того хранить до его смерти у себя или у нотаріуса и тотчасъ же представить, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ закономъ.

Но этимъ ли ограничится ея „миссія“—она еще не знала. Когда она вошла къ нему, онъ тотчасъ же усадилъ ее къ столику, гдѣ все уже было приготовлено.

— Tout y est?—спросилъ онъ ее замѣтно ослабшимъ голосомъ.

— Oui, mon père.

Надо было подписать.

Анна взяла бюваръ, на которомъ лежало письмо, подала ему вмѣстѣ съ перомъ и, ставъ у края постели, крѣпко зажала рукой бюваръ. Графъ держалъ перо довольно твердо и сдѣлалъ подпись крупными буквами, съ красивымъ росчеркомъ, какіе столько лѣтъ выводилъ, когда былъ во власти.

Передавая ей перо, онъ поднялъ голову и вбокъ поглядѣлъ на нее съ улыбкой.

— Mon avant-dernière paraphe,—выговорилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.

Онъ смотрѣлъ, какъ она, вернувшись на свое мѣсто, положила письмо въ конвертъ и заклеила его.

Диктуя адресъ, онъ медленно повторялъ имя, отчество и фамилію.

Но этимъ еще не кончилось.

— Procédons par ordre!—бодро выговорилъ графъ и опустилъ голову немного ниже, на подушку, стоявшую ребромъ.

— Тамъ, въ бюро,—указалъ онъ рукой на письменный столъ, переходя къ русскому языку:—въ лѣвомъ ящикѣ, сверху. Вотъ ключъ.

Графъ выдвинулъ ящикъ ночного столика, пошарилъ въ немъ и вынулъ связку ключей на стальномъ кольцѣ, внимательно перебралъ ихъ, одинъ за другимъ, и взялъ небольшой ключикъ отъ ящика бюро.

— Вотъ этотъ... два раза повернуть.

Во всѣхъ этихъ движеніяхъ сказывалась осторожная и кропотливая привычка скупого человѣка обращаться со всѣмъ, что отзывается храненіемъ цѣнностей.

Пальцы его вздрагивали, но руки—припухлыя въ ладоняхъ—еще не дрожали.

— C'est ça!—одобрительно повторялъ онъ, когда Анна вставила ключикъ въ скважину замка.—C'est ça!

И вдругъ онъ откинулся влѣво, на край постели, и тревожно прошепталъ:

— Дверь на задвижкѣ?

— Какже... я заперла.

— Ну хорошо, ну хорошо.

Обернувшись къ ней, онъ такъ же тихо выговорилъ, и губы его сложились при этомъ въ косвенную злобную усмѣшку.

— C'est la bande,—и онъ кивнулъ головой,—qui va bisquer!

Это слово „bisquer“ было когда-то, во вторую имперію, очень модное въ парижскомъ жаргонѣ, и Анна помнила, какъ отецъ употреблялъ его всегда съ блескомъ въ глазахъ, когда хотѣлъ щегольнуть своимъ bagoût.

— Въ лѣвомъ углу двѣ книжки... такія продолговатыя... Нашла?

— Нашла—отвѣтила Анна, низко нагибаясь надъ ящикомъ.

— Это книжки чековъ. Подай ихъ обѣ сюда.

Графъ взялъ ихъ въ обѣ руки и каждую перелистовалъ,—должно быть, чтобы убѣдиться—всѣ ли листки цѣлы и отмѣчено ли на талонахъ, гдѣ оторваны чеки—сумма и число.

За всю свою жизнь Анна почти не обращалась съ такими

книжками. Дѣвушкой она лично не вносила въ банкъ на текущій счетъ, ни въ Россіи, ни за границей. У ея мужа бывали такія книжки, а съ тѣхъ поръ, какъ она вдовѣетъ, она получаетъ небольшую ренту, и сбереженій ей не изъ чего дѣлать.

Просмотрѣвъ обѣ книжки, графъ бережно оторвалъ продолговатые листки, сначала въ одной и потомъ въ другой.

Онѣ были въ разнаго цвѣта переплетѣ: въ тускло-синеватомъ и въ темномъ глянцевитомъ—изъ конторы государственнаго банка и изъ одного крупнаго частнаго банка.

Опять онъ посадилъ ее за столикъ и сталъ подробно объяснять, что̀ она должна проставить на каждомъ изъ оторванныхъ листковъ. Онъ заставилъ ее сначала написать это на-черно̀ и показать ему.

На чекѣ изъ конторы государственнаго банка стояла цифра въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а на другомъ—значительно больше. Все вмѣстѣ—около полутораста тысячъ.

Когда она переписала и то, и другое, онъ долго разглядывалъ оба чека, близко поднося ихъ къ глазамъ, и руки его сильнѣе вздрагивали, чѣмъ десять минутъ раньше.

Въ лицѣ у него проступило особаго рода смущеніе. Оно не укрылось отъ Анны. Точно ему было стыдно, что, вотъ, у него есть, между прочимъ, такія деньги,—конечно, только часть всего капитала,—а въ послѣдніе годы онъ хоть бы рубль прислалъ дочери.

И не одно это. Чувствовалась стѣсненность скупца, похожая на стыдливость тѣхъ, кто и при близкихъ не останется въ одной рубашкѣ—своего рода цѣломудріе.

— C'est ça! — тѣмъ же одобряющимъ звукомъ выговорилъ онъ, подалъ ей оба чека и жестомъ лѣвой руки опять усадилъ ее за столикъ.

На талонахъ обоихъ чековъ она должна была проставить число и вписать суммы.

И опять надо было ему показать это, послѣ чего она поднесла ему на бюварѣ оба листка, и онъ, съ тѣмъ же замысловатымъ росчеркомъ, подписалъ и тотъ, и другой.

Протянулась небольшая пауза. Онъ что-то соображалъ. Анна, стоя у бюро, ждала.

— Въ томъ же ящикѣ—большой пакетъ. Подай мнѣ его бережно.

Въ пакетѣ было много квитанцій государственнаго банка на разныя акціи, отданныя „на управленіе“.

Долго графъ пересматривалъ ихъ и свѣрялъ со спискомъ на особомъ листѣ, лежавшемъ въ томъ же пакетѣ.

Это взяло добрыхъ полчаса. Изъ пачки квитанцій—все одного формата, съ однимъ и тѣмъ же длиннымъ штемпелемъ наверху —графъ выбралъ четыре; а пакетъ съ остальными положилъ на постель, поверхъ одѣяла.

— Возьми чистый листокъ и пиши.

И онъ въ полголоса, но старательно и отчетливо продиктовалъ ей названія акцій двухъ земельныхъ банковъ и трехъ промышленныхъ предпріятій, о которыхъ она не слыхала, а читая русскія газеты, никогда не заглядывала въ биржевую хронику и ежедневную котировку цѣнностей.

Анна поглядѣла на него, когда приготовилась писать.

Графъ, послѣ названія банка, останавливалъ ее и диктовалъ ей сумму въ круглой цифрѣ, которую она должна была ставить въ скобкахъ.

Между этими диктовками онъ дѣлалъ паузы и въ умѣ подсчитывалъ, какъ бы желая, чтобы на бумагѣ приходилась приблизительно одна и та же цифра. Онъ это дѣлалъ довольно скоро. Вѣроятно, одинъ, про себя, въ тѣ часы, когда ему было легче, онъ уже нѣсколько разъ продѣлалъ эту умственную операцію.

Все написанное на листкѣ онъ еще разъ самъ просмотрѣлъ и остался доволенъ тѣмъ—какъ все было отчетливо обозначено.

Никогда не думала Анна, что ея крупный, чисто мужской почеркъ, который она сама называла „канцелярскимъ“, пригодится—и въ какихъ обстоятельствахъ.

— Не очень ли вы утомились? — спросила она, наклонившись надъ его изголовьемъ.

— Нѣтъ... ничего. Надо пользоваться такимъ днемъ, какъ сегодня... Сядь и, пожалуйста, запиши то, что̀ я тебѣ буду говорить. Возьми еще листокъ бумаги.

Онъ вернулся къ французскому языку.

— Дверь на задвижкѣ?—спросилъ онъ, позабывъ, что уже два раза объ этомъ безпокоился.

Надо было опять его успокоить.

— Parfait... Alors, petite, voila de quoi il s'agit.

И онъ очень подробно, повторяя нѣкоторыя вещи до трехъ разъ, далъ ей инструкціи насчетъ всего, что̀ она должна была исполнить въ Петербургѣ, и попросилъ ее выѣхать если не сегодня вечеромъ, то завтра—непремѣнно.

Сначала—отвезти большой пакетъ къ его пріятелю, вмѣстѣ съ письмомъ, и получить отъ него росписку.

Потомъ—получить по обоимъ чекамъ въ двухъ банкахъ и въ тотъ же день или на другой—купить въ такой-то конторѣ акцій, обозначенныхъ въ ея спискѣ.

Еслибъ вышло какое-нибудь затрудненіе при выдачѣ суммъ по чекамъ—такъ какъ ее тамъ не знаютъ—она обратится къ тому же лицу, кому она доставитъ пакетъ и письмо.

Тутъ Анна его остановила:

— Это слишкомъ отвѣтственно,—выговорила она въ волненіи.—Я не рѣшусь брать это на себя.

— Какой вздоръ!—отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, точно будто рѣчь идетъ о порученіи на какую-нибудь сотню рублей.

Это ее изумило. Всесвѣтно извѣстный скупецъ, графъ Георгій Александровичъ—и поручаетъ ей такую сумму! Значитъ, ей только изъ всѣхъ своихъ дѣтей онъ и вѣритъ. Но вѣдь ее навѣрное заподозрятъ братья, и въ особенности сестра, когда—послѣ его смерти—окажется, что онъ еще кому-то отдалъ крупный капиталъ.

— Совершенные пустяки!—повторилъ онъ по-русски.—Это всякій грамотный артельщикъ исполнитъ.

Она колебалась дать свое согласіе.

И тутъ только всплылъ въ ея головѣ вопросъ: а чтò же дѣлать съ акціями, когда она обмѣняетъ на нихъ сумму, полученную по двумъ чекамъ?

— И я должна буду везти обратно всѣ эти цѣнности?—спросила она по-французски.

— Не цѣнности, а квитанціи.

Ему сдѣлалось труднѣе дышать. Онъ указалъ ей рукой—какого ему дать лекарства, и минуты три лежалъ съ закрытыми глазами.

Ей самой начинало дѣлаться жутко. Она смутно уже догадывалась—кому назначается этотъ капиталъ. Все старикъ обдумалъ: послать ее за наличными—рискъ; потеряетъ дорогой или украдутъ. Отправить прямо тому лицу, кому этотъ капиталъ предназначенъ—также рискованно: его могутъ задержать. Перевести векселемъ, можетъ быть, не желаетъ, чтобы то лицо теперь же получило эти деньги; а если надѣется еще пожить, то зачѣмъ же терять проценты?

Съ какой радостью она сейчасъ бы отказалась отъ такого знака довѣрія отца, который вызвалъ ее не проститься съ нимъ, а сдѣлать изъ нея своего тайнаго агента, зная, что она „до фанатизма честна“.

— Вотъ о чемъ я тебя прошу,—говорилъ онъ сильно упав-

шимъ голосомъ. —И это моя предсмертная воля. Бумаги ты положишь въ государственный банкъ на управленіе... какъ эти акціи были положены въ свой моментъ. Сдѣлай все въ тотъ же день или на другое утро. Не нужно никакихъ формальностей. Тебѣ выдадутъ квитанцію.

— На мое имя?

— Конечно. Ты видишь, Анна, какъ отецъ твой довѣряетъ тебѣ. И онѣ будутъ храниться у тебя... до моей смерти. А послѣ... ты ихъ увезешь съ собой... за границу и передашь тому лицу, которому онѣ назначаются. Имя и адресъ этой особы ты найдешь въ конвертѣ, въ другомъ ящикѣ бюро. Ключъ тотъ же, что и отъ лѣваго ящика.

Она достала и этотъ конвертъ, заклеенный, но безъ всякой надписи.

Ей дѣлалось все жутче.

— Отвѣтственность слишкомъ велика,—промолвила она.

— Ты видишь, какъ отецъ довѣряетъ тебѣ. И ты заслужишь мою благодарность,—выговорилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ.

„Вѣдь это подкупъ",—подумала Анна и вдругъ покраснѣла.

— Отецъ,—остановила она его по-французски:—я готова исполнить ваше желаніе... но въ такихъ формахъ мнѣ было бы слишкомъ тяжело.

— Но почему это?—крикнулъ онъ, и глаза его раздраженно уставились на нее.—Это все такъ легко исполнить.

— Матеріально—да; но нравственно—нѣтъ.

Она отставила столъ и присѣла ближе къ краю постели.

— Вы знаете—какъ семья на меня смотритъ. Это все узнается. Меня будутъ подозрѣвать Богъ знаетъ въ чемъ... Пожалуй, въ воровствѣ. За что же? — взволнованнымъ голосомъ спросила она.—За что же ставить меня въ такое положеніе?

Лицо графа все сморщилось—точно онъ сбирается плакать, и хныкающими звуками онъ началъ жаловаться—и по-русски:

— Къ кому же мнѣ обратиться? Къ попу Меморскому? Или къ волостному старшинѣ? Лежи тутъ, издыхай, какъ собака!

— Полно, папà!

Анна стала говорить ему „ты", какъ бывало въ дѣтствѣ и молодой дѣвушкой. Это пришло само собою.

— Полно!—повторила она, сдерживая себя, боясь говорить слишкомъ рѣзко.—Ты здѣсь—полный хозяинъ... Зачѣмъ тебѣ скрывать что-нибудь?

— Кому же я поручу? Кому?—задыхаясь, говорилъ онъ и весь вздрагивалъ.

— Всякій обязанъ это исполнить... изъ дѣтей твоихъ.

— Tu radotes! — крикнулъ онъ и рѣзкимъ движеніемъ туловища повернулся на бокъ.—Ты сама не знаешь—что̀ говоришь. Пронюхай они только объ этомъ—да они все здѣсь конфискуютъ.

— При мнѣ никакого насилія тебѣ не посмѣютъ сдѣлать.

— Ахъ, ты, Господи!—опять захныкалъ онъ.—Все было такъ хорошо придумано... И вдругъ!.. Изъ-за глупаго каприза!

Анна начала колебаться.

Вся сцена дѣлалась для нея томительной и тошной. Жалокъ былъ этотъ старикъ, который—и уходя изъ жизни—не могъ поступить хотя бы съ внѣшнимъ достоинствомъ. Его страхи—выдуманы. Какъ бы ни была жадна ея старшая сестра—она одна не могла бы, при жизни, ограбить его. Да это и невозможно. Деньги лежатъ въ банкѣ. Надо получить его подпись или поддѣлать ее. Онъ можетъ дать довѣренность—кому угодно. Тому же пріятелю, которому собрался отсылать пакетъ съ завѣщаніемъ.

Но онъ ничего этого не хочетъ. Онъ и боится своихъ дѣтей, и золъ на нихъ—хочетъ „les mettre dedans“.

Онъ—умирающій, а она—дочь его. Исполнить его волю—въ этомъ нѣтъ ничего постыднаго. Кому бы ни назначалъ онъ этотъ капиталъ по двумъ чекамъ—развѣ ей не все равно? Хотя бы и той „créature“, которая уже получила отъ него за границей милліонъ франковъ. Развѣ они для него симпатичнѣе первой попавшейся авантюристки, способной обработать богатаго женолюбиваго старика?

— Ты ихъ боишься?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Я не боюсь. Но и не могу таить отъ нихъ.

— Но я-то не обязанъ разглашать то—ка̀къ я желаю поступить съ моими деньгами. Слезно они ко мнѣ приставали... и только для вида... насчетъ выписки сюда знаменитости. Какъ будто не всѣ эти эскулапы—на одинъ ладъ? Tous—des morticoles! —употребилъ онъ парижскую новую кличку докторовъ.—Хорошо. Я тебя за этимъ вотъ и посылаю въ Петербургъ.

Она хотѣла-было возразить, что это будетъ только маскировка. И ничего не сказала. Если онъ самъ разрѣшаетъ пригласить извѣстнаго консультанта—тѣмъ лучше. До остального—въ концѣ концовъ—никому нѣтъ никакого дѣла. Она—по закону и обычаю—такая же наслѣдница, въ извѣстной долѣ, какъ и сестра ея, и братья. А о довѣріи отца не хлопотала заднимъ числомъ, никого не отстраняла и ни на кого не наговаривала.

По выраженію ея лица онъ сейчасъ увидалъ, что она соглашается, и протянулъ ей руку.

— Voilà tes scrupules écartés!—выговорилъ онъ съ улыбкой.—Это будетъ мнѣ стоить не одну сотню рублей. Что дѣлать! И умирать приходится съ глупымъ расходомъ.

Приподнявшись въ постели, онъ указалъ на столъ и бюро и торопливо сталъ давать ей приказанія—что куда положить.

И пакетъ, и чеки, и списокъ акцій—все должно было оставаться—до ея отъѣзда—въ его комнатѣ.

Когда Анна отставила столикъ къ сторонѣ, она подошла еще разъ къ кровати и присѣла на стулъ.

— Ты будешь еще что-нибудь возражать?—спросилъ графъ.

— Нѣтъ, я исполню все, что ты мнѣ хочешь довѣрить. Но я прошу тебя—еще до моего отъѣзда—принять брата Модеста и племянника. Зачѣмъ же вызывать въ нихъ подозрѣніе? Сдѣлай это, если не для меня, то хоть для себя.

Онъ подобралъ губы и нѣсколько секундъ молчалъ.

— Ну хорошо. Только не сейчасъ. Я усталъ. Отдохну... и послѣ моей ѣды пусть придутъ.

— Ты можешь вѣдь сказать имъ, что, по твоему порученію, я ѣду въ Петербургъ.

— А какъ они пошлютъ депешу Семену, и онъ тебя препроводитъ назадъ?

— Не посмѣютъ они этого сдѣлать!—рѣшительно выговорила Анна и встала.

— И это все... или ты еще что-нибудь выкопаешь?

„А просьба отца Евменія?"—вдругъ вспомнила Анна.

Но говорить теперь было уже поздно. Новое завѣщаніе написано отцомъ. Если онъ ничего не оставитъ на богадельню—для семей бывшихъ дворовыхъ—объ этомъ должна будетъ подумать она.

XIV.

По раннему первопутку, въ господскихъ пошевняхъ, на закатѣ мягкаго зимняго дня съ легкимъ морозцемъ, подъѣзжала Анна къ станціи, откуда она, въ ту ужасную октябрьскую ночь, отправилась въ Зарѣчное.

На облучкѣ сидѣлъ тотъ самый малый, что вышелъ къ ней въ переднюю и позвалъ Левонтія. Горничной Фелицаты она не взяла съ собою.

И собралась она—отецъ настаивалъ—въ одинъ день. При ней былъ у него братъ и племянникъ. Онъ пустилъ къ себѣ и старшую дочь, и держалъ себя съ ними спокойно, не говорилъ ни-

чего лишняго, даже шутилъ и, подъ конецъ, какъ бы между прочимъ, объявилъ, что онъ согласенъ выписать изъ столицы „un morticole de renom“, и поручилъ это Аннѣ, и просилъ ее ѣхать завтра же; а насчетъ выбора—переговорить съ докторомъ.

— Мой старшій сынъ слишкомъ занятъ. Это можетъ обойтись и безъ него. И безъ крайней надобности прошу его не ввязывать.

Послѣ чего онъ сейчасъ же всѣхъ отпустилъ и велѣлъ сидѣлкѣ позвать доктора.

Братъ Модестъ сегодня утромъ что-то такое пытался ей „поставить на видъ“; но она сказала ему безъ обиняковъ, что ей некогда, и не пошла ни на какія объясненія. Княгиня даже не показалась, ни мужъ ея, ни дочь. Эти двое куда-то уѣхали, послѣ завтрака, на тройкѣ.

Племянникъ прислалъ своего человѣка сказать: не угодно ли Аннѣ Георгіевнѣ взять что-нибудь изъ его вещей—дорожное одѣяло или сакъ. Она благодарила. Графъ Валерій воздержался отъ прощальнаго визита.

Съ докторомъ она долго говорила. Они все обсудили: и насчетъ приглашенія профессора, и всего того, что̀ могло случиться въ ея отсутствіе. Она не имѣла повода подозрѣвать его въ двоедушіи; но съ ней онъ говорилъ самымъ искреннимъ тономъ человѣка, которому во всемъ Волгинскомъ домѣ она только и была симпатична.

Загарину она послала нарочнаго и просила выѣхать на станцію: иначе они не увидятся, а откладывать свой отъѣздъ она не можетъ. Про его желаніе проводить ее она совсѣмъ забыла среди волненій послѣднихъ двухъ-трехъ дней.

Бойко бѣжали лошадки. Кругомъ снѣжная пелена покрывала волнистыя поля. Только вчера выпавшій снѣгъ отливалъ отъ заката розоватымъ свѣтомъ. Дышалось вольно. Она испытывала впервые отрадное физическое чувство. Это былъ отдыхъ точно отъ сидѣнья въ подслѣдственной камерѣ. Отсюда ея темная, похожая на высокій гробъ „боскетная“ представлялась ей еще мрачнѣе.

И ни одной свѣтлой минуты не пережила она дома, на той родинѣ, куда не думала возвращаться и по смерти мужа.

То, что̀ она взяла на себя—она больше не перебирала. Все это обойдется, вѣроятно, гораздо проще, чѣмъ она сначала думала. Ничего она не чувствовала теперь ни тяжелаго, ни тревожнаго. Точно она—приказчикъ. Дали ему порученіе въ городъ—

тамъ-то получить деньги, это продать, это купить и какъ можно скорѣе являться назадъ.

Она можетъ, въ сущности, праздновать полную побѣду надъ „Волгинскими принципами“, въ лицѣ отца, который такъ долго „игнорировалъ“ ее, смотрѣлъ какъ на клеймо его имени. И вдругъ, онъ, съ его прославленной скупостью, отдаетъ ей прямо въ руки, безъ клочка бумаги, чеки на большой капиталъ, увѣренный, что ни одна полушка изъ нихъ не пропадетъ.

А будь это пятнадцать лѣтъ назадъ, передъ ея ссылкой, и даже позднѣе, за границей—развѣ она не позадумалась бы: слѣдуетъ ли выполнять роль честнаго приказчика, выпускать изъ своихъ рукъ такія деньги, предназначенныя въ добавочное вознагражденіе любовницѣ стараго развратника, вмѣсто того, чтобы положить ихъ на какое-нибудь „святое дѣло“, которому она отдалась бы всей душой?..

Скоро стало темнѣть, когда повозка спустилась съ холмистой мѣстности въ низины. Станція желтѣла издали—деревянная, одноэтажная, съ садикомъ вокругъ задняго подъѣзда.

Стояли двое крестьянскихъ дровней и господскія сани.

„Это Загаринъ“,—увѣренно подумала Анна.

Малый помогъ ей выйти и внесъ дорожный мѣшокъ и сундукъ.

Въ пассажирской зальцѣ, гдѣ былъ небольшой буфетъ—она, входя, увидала мужчину въ шубѣ мѣхомъ вверхъ.

— Петръ Павловичъ!—почти весело окликнула она его.

Онъ вскочилъ и подбѣжалъ къ ней.

— Голубушка! Какъ вы вдругъ собрались! Спасибо за депешу. Я тоже—живой рукой.

Анна увидала около того стула, гдѣ онъ пилъ чай, дорожный мѣшокъ и пледъ.

— Развѣ вы со мною, Загаринъ?

— А какже... Вѣдь я просился съ вами... Какъ вамъ одной...

Они присѣли на диванъ.

— Неужели не возьмете меня? — съ огорченнымъ лицомъ спросилъ Загаринъ.

— Нѣтъ, не возьму, Петръ Павловичъ, а напротивъ, попрошу васъ не уѣзжать отсюда до моего возвращенія. Но прежде надо взять билетъ и сдать багажъ.

— Позвольте, я... вы не безпокойтесь... я—духомъ!

Видно было, что онъ очень огорчился.

— Да развѣ я сама не могу?

— Позвольте хоть этимъ вамъ услужить.

Загаринъ скинулъ свою шубу и пошелъ къ кассѣ. До поѣзда оставалось около двадцати минутъ. Анна присѣла къ большому столу и машинально спросила себѣ чашку кофе, хотя ей ничего не хотѣлось.

Видъ буфетной комнаты, сонная дѣвица за самоваромъ, грязный буфетчикъ, два сторожа у дверей, колеръ стѣнъ, мебель, пожелтѣлыя герани на окнахъ—все смотрѣло такъ уныло и ординарно, и такъ застыло въ тѣхъ же формахъ и краскахъ, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, когда эта дорога уже была проведена. И ей припомнилась та станція, откуда она двинулась въ Россію, двѣ недѣли назадъ. Какъ тамъ все облито было свѣтомъ, играло на солнцѣ слегка желтѣющей, но еще густой листвой холмовъ и переливами воды въ озерѣ—тамъ внизу, куда сползъ террасами и раскинулся, весь каменный, старинный городокъ итальянской Швейцаріи.

Подошелъ скорый поѣздъ, съ границы—оттуда, изъ Милана. Она попала въ проходной вагонъ прямого сообщенія, въ большое общество туристовъ—все молодежь, шумно-веселая, жадная къ впечатлѣніямъ, быть можетъ, перваго своего перевала черезъ Сенъ-Готардъ.

— Готово!—раздался надъ ней голосъ Загарина.

— А-а!

Она точно проснулась и въ первыя секунды совсѣмъ забыла—гдѣ она, куда ѣдетъ.

— За все заплатили?

— А какже... вотъ вамъ сдачу...

Онъ аккуратно положилъ около нея деньги—двѣ грязныхъ бумажки и старое серебро—билетъ и квитанцію.

— Милый Петръ Павловичъ, вы, я вижу, огорчены.

— И весьма.

— Послушайте...

Она, какъ всегда серьезно, начала разсказывать ему—съ какимъ порученіемъ она ѣдетъ.

— Говорите по-французски,—остановилъ онъ ее.

— И здѣсь нужна осторожность?

— А какже...

Когда она кончила, Загаринъ сталъ ей доказывать, что безъ „ассистента“, какъ онъ—ей не справиться съ такой операціей. Выдадутъ ей на руки такую сумму, и она должна будетъ сейчасъ же ѣхать покупать бумаги и опять ихъ отвозить на храненіе.

— По моему, вся эта процедура,—сказалъ онъ въ полго-

лоса,—придумана зря. Ну, да это дѣло его сіятельства, графа Георгія Александровича. Но вамъ одной опасно все это продѣлывать въ одинъ, въ два дня.

И онъ примолкъ только тогда, когда Анна сказала ему, что обѣщала отцу никого посторонняго во все это не вводить. Да еслибъ она и не надѣялась на себя и свою распорядительность, то и тогда поѣхала бы одна и попросила бы его остаться.

Онъ поднялъ на нее свои добрые—въ эту минуту затуманенные—глаза и тотчасъ же опустилъ голову.

— Вы правы, голубушка. Здѣсь надо быть на чеку вашему вѣрному сеиду. Докторъ—все-таки чужой. А тотъ лагерь теперь почти въ полномъ сборѣ. Вѣрно, вѣрно. А я-то мечталъ объ этой поѣздкѣ. И какъ разъ въ эти дни... такъ жилось скверно, такъ скверно...

Какое-то признаніе просилось наружу. Но онъ точно испугался минуты малодушія, всталъ и кликнулъ одного изъ сторожей—взять вещи барыни.

Анна ѣхала во второмъ классѣ. Загарину это очень понравилось, и въ то же время ему за нее было какъ-бы немного обидно.

Заныль первый звонокъ.

— Пойдемте на воздухъ, — сказала Анна, вставая изъ-за стола.

Ее начинала давить душная и полная разныхъ запаховъ атмосфера залы...

. . . .

Когда поѣздъ, съ сильнымъ толчкомъ, подался впередъ и сталъ ползти, и она—въ послѣдній разъ—поклонилась въ закрытое окно своему пріятелю, одиноко стоявшему на платформѣ въ своей оленьей шубѣ и сѣрой мерлушечьей шапкѣ,—Анна сѣла въ угловое кресло и закрыла глаза.

Внутри у нея было ощущеніе непріятной душевной пустоты. И то бодрящее настроеніе, въ саняхъ, на яркомъ зимнемъ закатѣ—уже кануло. Сумерки падали быстро. И направо, и налѣво тянулись поля, еще рыхло посыпанныя снѣгомъ, и въ вагонѣ было все такъ же сѣро, начиная съ обивки дивановъ.

Хоть бы поскорѣе закачалъ ее поѣздъ!

П. Боборыкинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
СУВОРОВЪ

ОЧЕРКЪ [1]).

По поводу столѣтія со дня его кончины, 6-го мая 1900 года.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Александръ Васильевичъ Суворовъ (род. 13 ноября 1730 г.) принадлежалъ къ дворянскому роду, не знатному, но старому и почтенному. Его отецъ, Василій Ивановичъ, былъ гвардейскимъ офицеромъ, дослужился до чина генералъ-аншефа и затѣмъ вышелъ въ отставку. Не будучи богатымъ, онъ, однако, имѣлъ достатокъ, но отличался скупостью, и потому давалъ на образованіе сына средства недостаточныя, не отвѣчавшія размѣромъ своимъ той жаждѣ знанія, которая была характерною чертою мальчика и которая росла въ немъ съ каждымъ годомъ. Кромѣ того, отецъ предназначалъ сына для поприща гражданскаго, такъ какъ и самъ былъ военнымъ только по названію, да и не считалъ своего сына годнымъ для военной службы: мальчикъ былъ хилъ, слабой ком-

[1]) Изъ сочиненія того же автора: „Генералисимусъ князь Суворовъ“, которое должно выйти вскорѣ вторымъ изданіемъ, въ дополненномъ и совершенно переработанномъ видѣ.—*Ред.*

плекціи и вообще не изъ видныхъ. Такимъ образомъ, скупость отца и желаніе его распорядиться судьбою сына, не сообразившись съ его склонностями, привели въ столкновеніе двѣ воли. Одолѣла воля мальчика, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, но съ ущербомъ для дѣла, такъ какъ образованіе преобразилось въ самообразованіе, и Суворовъ-сынъ сдѣлался, въ сущности, самоучкой, со всѣми невыгодными сторонами самообученія: отрывочностью, безсистемностью, затратою большого количества непроизводительнаго труда и т. д. Мальчикъ, чувствуя въ себѣ неодолимое призваніе къ военному дѣлу, набросился прежде всего на эту отрасль знанія и только потомъ уже перешелъ на самообразованіе въ широкомъ смыслѣ. Въ результатѣ получилось, что у Суворова не спеціальное образованіе было построено на общемъ, а наоборотъ.

Юношѣ нужно было, однако, не одно отвлеченное книжное знаніе, а живое военное дѣло во всѣхъ его видахъ; поэтому, по его настоянію, отецъ заранѣе записалъ его, по обычаю того времени, на службу, и 15-ти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ гвардейскій семеновскій полкъ. Здѣсь онъ не пренебрегалъ никакимъ служебнымъ дѣломъ, не пропускалъ ни одного строевого ученья, ходилъ въ караулъ, самъ чистилъ свое ружье и вообще тянулъ служебную лямку наравнѣ съ простыми солдатами, упражняясь во многомъ, что̀ отъ солдата-дворянина и не требовалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старался закалить свою слабосильную, хилую натуру, съ цѣлью и въ этомъ отношеніи стать заправскимъ солдатомъ, и дѣлалъ это настойчиво, упорно, не торопясь, почему и преуспѣлъ. Безъ малаго девять лѣтъ прослужилъ онъ солдатомъ, настоящимъ, безъ всякихъ льготъ, какъ бы взятымъ изъ крѣпостныхъ, и былъ произведенъ въ офицеры на 24-мъ году, т.-е. въ возрастѣ, когда многіе, при помощи протекціи, бывали штабъ-офицерами и даже генералами. Офицерскую службу онъ несъ также сознательно и необыкновенно ретиво, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ свое научное, теоретическое образованіе и изученіе новыхъ языковъ. На это послѣднее онъ, какъ кажется, налегалъ особенно, и впослѣдствіи, до конца жизни, продолжалъ свои лингвистическія занятія, хотя изъ способа его владѣть чужими языками (да и русскимъ) было видно, что правильнаго изученія не было, такъ какъ онъ добивался до всего самоучкой.

Въ то время Россія ввязалась въ войну съ Пруссіей, такъ называемую „Семилѣтнюю“. Суворова неудержимо потянуло на боевое поле, т.-е., на то поприще, къ которому онъ такъ настойчиво готовился въ теченіе своихъ дѣтскихъ и юношескихъ

лѣтъ, постоянно борясь съ разными препятствіями. Въ армію его назначили, но приставили къ дѣлу не боевому: онъ формировалъ резервныя войска, правилъ должность коменданта, исполнялъ обязанности дивизіоннаго дежурнаго при графѣ Ферморѣ и лишь подъ конецъ войны, въ 1761 году, поступилъ въ летучій конный отрядъ графа Берга, по просьбѣ послѣдняго. Только тутъ наступила для Суворова боевая школа, характера почти исключительно партизанскаго, въ которой, чуть не съ перваго шага, онъ выказалъ свое военное дарованіе и вынесъ со славою послѣднюю зимнюю кампанію съ жестокой стужей, голодовками и всяческими невзгодами. Онъ былъ отличёнъ главнокомандующимъ и аттестованъ какъ лихой кавалерійскій офицеръ, какихъ мало, и съ такой аттестаціей явился, по окончаніи войны, въ Петербургъ, къ имп. Екатеринѣ II, которая въ половинѣ 1762 года только-что взошла на престолъ, послѣ кратковременнаго царствованія Петра III.

Здѣсь получилъ онъ въ свое командованіе полкъ, который сначала квартировалъ въ Петербургѣ, а потомъ въ Новой-Ладогѣ. Съ этого именно времени Суворовъ выработалъ свою собственную, характерную физіономію, отличавшуюся свойствами и качествами, которыя впослѣдствіи получили кличку *Суворовскихъ*. Тогда хотя и существовалъ воинскій уставъ, общій для всей арміи, но полковые командиры пользовались такою долею личной инициативы и самостоятельности, что вели полковое хозяйство и обучали свои полки каждый по своему крайнему разумѣнію, держась обязательнаго для всѣхъ устава лишь въ главныхъ его основахъ, въ виду того, что сила всякаго закона заключается не въ немъ самомъ, а въ способѣ его примѣненія къ дѣлу, къ жизни. Такимъ образомъ, и Суворовъ имѣлъ возможность перенести уставныя правила въ свою собственную, чрезвычайно оригинальную и вѣрную систему военнаго воспитанія и обученія, сдѣлавшуюся тоже вполнѣ *Суворовскою*.

Основное правило Суворовской военно-педагогической системы состояло въ томъ, что войско существуетъ для войны, слѣдовательно и приготовлять его нужно исключительно къ тѣмъ дѣйствіямъ и положеніямъ, изъ которыхъ складывается дѣйствительная война. А какъ военный успѣхъ получается отъ взаимодѣйствія разныхъ факторовъ, въ ряду которыхъ человѣческая душа имѣетъ преобладающее значеніе, то боевое воспитаніе должно стоять во главѣ, а все прочее—ему содѣйствовать и пособлять. Въ военномъ же воспитаніи главными устоями должны быть смѣлость, рѣшимость, настойчивость и упорство. Сообразно

съ этимъ, опасности не слѣдуетъ ожидать, а нужно ей идти на встрѣчу; надо не обороняться, а нападать, не ретироваться, а наступать и атаковать. Все сводилось къ воспитанію въ человѣкѣ души безтрепетной и воли ни передъ чѣмъ не гнущейся, а въ прямой связи съ этимъ вводилось незамѣтно въ сознаніе человѣка, что на войнѣ нѣтъ ничего—или почти ничего—невозможнаго, такъ что многое, принятое считать неисполнимымъ, въ дѣйствительности совершенно сбыточно.

Вотъ эту-то систему Суворовъ, командуя полкомъ, старался провести въ плоть и кровь своихъ подчиненныхъ, приспособляя къ ней программу и пріемы обученія. Обученіе было у него поэтому строго боевымъ, безъ всякихъ плацъ-парадныхъ увлеченій. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ ту же силу, оно выходило очень простымъ, т.-е. немногосложнымъ. Затѣмъ оно было весьма тщательнымъ, ибо, по его мнѣнію, изъ этого условія вытекала увѣренность солдата въ себѣ, а слѣдовательно и храбрость. Наконецъ, въ системѣ Суворова все было строго-логично и послѣдовательно; поэтому не существовало ни ретирады, ни обороны, а только наступленіе, атака, ударъ въ штыки. Зной, стужа, ненастье, мѣстныя препятствія, не только не считались помѣхой для обученія полка, но были, напротивъ, искомыми условіями. Свой суздальскій полкъ Суворовъ училъ и въ знойный день, и въ темную ночь, ненастной осенью и суровой зимой; обучался полкъ полевымъ сраженіямъ, штурмамъ, усиленнымъ маршамъ—безъ обозовъ—по 50-ти верстъ въ сутки, переправамъ черезъ рѣки вбродъ, а иногда и вплавь, ночному бою и проч.

Вводя такимъ образомъ въ сознаніе подчиненныхъ свою военную систему постепенно, но постоянно и непрерывно осуществляя, цѣлымъ рядомъ осмысленныхъ пріемовъ обученія, свои принципы на практикѣ, Суворовъ преслѣдовалъ свою цѣль и съ другой стороны. А именно, онъ задался, насколько то возможно, освѣтить солдатскую душу свѣтомъ вѣры и влить въ нее такимъ путемъ благія побужденія. При сплошномъ и глубокомъ невѣжествѣ и поголовной безграмотности, Суворовъ принялся обучать солдатъ молитвамъ, толкуя ихъ смыслъ, открылъ для дѣтей двѣ школы, самъ поступилъ въ нихъ учителемъ, составилъ коротенькій катехизисъ, учебникъ ариѳметики и молитвенникъ. Его же починомъ выстроены были для обѣихъ школъ домà, полковая церковь, разведенъ садъ, заведенъ для дворянскихъ дѣтей театръ и т. д. Онъ вообще не боялся обременять своихъ людей лишней работой, особенно боялся праздности и ея послѣдствій, считая

фундаментальнымъ условіемъ человѣческаго благосостоянія привычку и любовь къ труду.

Необычная программа и необычные пріемы обученія и вообще совершенно оригинальный, какъ бы исключительный взглядъ на военное дѣло мирнаго времени—обратили на Суворова вниманіе многихъ. Непривычный реализмъ и строгая логичность, можетъ быть даже прямолинейность его военно-воспитательнаго кодекса, въ тотъ вѣкъ всяческихъ эксцентричностей, бросался въ глаза, и Суворовъ прослылъ чудакомъ, блажнымъ искателемъ карьеры. Что Суворовъ былъ чудакъ—это несомнѣнно, но только объявилась въ немъ эксцентричность гораздо раньше, можетъ быть съ самаго дѣтства. Несомнѣнно, однако, и то, что въ его военной системѣ, уже тогда достаточно сложившейся, чудачество не играло никакой роли. И если онъ прибѣгалъ иногда къ такимъ своеобразнымъ пріемамъ, какъ примѣрный штурмъ оказавшагося на дорогѣ монастыря, то это вовсе не вслѣдствіе своей эксцентричности, а исключительно по раціональнымъ практическимъ особенностямъ своего военнаго устава.

II.

Въ подобныхъ занятіяхъ прошло нѣсколько лѣтъ, и осенью 1768 года былъ сказанъ суздальскому полку военный походъ. Открывалась польская конфедератская война, и Суворовъ былъ назначенъ въ составъ отряда, который съ весны слѣдующаго, 1769 года долженъ былъ идти на усиленіе русскихъ войскъ въ Польшѣ, съ цѣлью подавленія возстанія. Въ ноябрѣ и декабрѣ, въ самое ненастное время и бездорожье, онъ прошелъ отъ Ладоги до Смоленска, больше 850 верстъ, въ 30 переходовъ, съ самой ничтожной потерей людей. Въ Смоленскѣ онъ, будучи въ то время уже бригадиромъ, получилъ въ командованіе бригаду, всю зиму употребилъ на обученіе обоихъ полковъ на свой ладъ, и весною выступилъ въ Варшаву. Этотъ походъ по неспокойному краю былъ дѣломъ весьма рискованнымъ при незначительности военныхъ силъ Суворова, но исполненъ блистательно, при помощи обывательскихъ подводъ. Чрезъ 12 дней Суворовъ былъ уже въ Варшавѣ, пройдя больше 600 верстъ; тотчасъ по прибытіи, онъ сдѣлалъ два удачныхъ поиска, помѣшалъ формированію конфедератскихъ бандъ, разбилъ двухтысячную ихъ партію подъ Орѣховомъ и вслѣдъ затѣмъ перешелъ въ Люблинъ—заправлять военными дѣйствіями въ цѣломъ районѣ.

Здѣсь онъ засѣлъ съ резервомъ, а остальныя свои войска, впрочемъ весьма немногочисленныя (всего 3—4.000 человѣкъ) разставилъ по важнѣйшимъ пунктамъ. Трудное было поручено ему дѣло; конфедераты были всѣ на коняхъ, а потому передвигались быстро, находили всюду сочувствіе и помощь въ населеніи, если не явную, такъ тайную, и ни въ чемъ не нуждались. Приходилось вести партизанскую войну, притомъ почти ощупью. Едва Суворовъ разбивалъ конфедератскую банду, какъ она разсыпалась, а дней черезъ пять собиралась вновь, верстахъ во 100 или 200. Кромѣ того, появилась какая-то болѣзнь вродѣ чумы, безпрестанно раздавались жалобы на самоуправство и грабительство войскъ, росли нелады съ генераломъ Веймарномъ, командовавшимъ русскими войсками въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе, благодаря неутомимости, распорядительности и энергіи, Суворовъ содержалъ весь подчиненный ему край въ своей власти.

Тѣмъ временемъ, Франція, съ цѣлью поддержать Польшу, побудила Турцію къ войнѣ съ Россіей и послала знающаго офицера, знаменитаго впослѣдствіи Дюмурьé, чтобы пособить конфедератамъ совѣтомъ и дѣломъ. Его дѣятельность и энергія дѣйствительно оживили конфедерацію, но не надолго, такъ какъ въ бандахъ никакого порядка не было и быть не могло; не было даже главнаго начальника, а каждый изъ частныхъ предводителей дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, и ни на какіе компромиссы съ другими не шелъ. Все-таки конфедераты представляли собою силу упругую и довольно живучую. Весною 1771 года они спустились разомъ съ горъ, гдѣ дотолѣ ютились, напали въ нѣсколькихъ мѣстахъ Краковскаго округа на русскіе отряды, побили ихъ и прогнали. Суворовъ тотчасъ же двинулся имъ на встрѣчу, разбилъ и разогналъ по дорогѣ нѣсколько бандъ, подошелъ къ Ланцкоронѣ съ передними частями своихъ войскъ и, не ожидая заднихъ, атаковалъ конфедератовъ значительно сильнѣйшихъ (ихъ было до 4.000). Бой продолжался всего полчаса. Поляки были совершенно разбиты; Дюмурье бѣжалъ черезъ границу и уѣхалъ во Францію. Вся эта маленькая партизанская эпопея продолжалась 17 дней, въ которые пройдено до 700 верстъ; стычки и бои смѣнялись почти безъ перерыва; не было двухъ дней подъ рядъ безъ битвы.

Ударъ конфедераціи нанесенъ былъ жестокій, но онъ все-таки не сломилъ ее совершенно. Оставалась надежда на Огинскаго, литовскаго короннаго гетмана, который командовалъ въ Литвѣ нѣсколькими коронными полками и имѣлъ свое собствен-

ное небольшое войско. До той поры онъ не приставалъ ни къ одной изъ воюющихъ сторонъ, все колебался и чего-то выжидалъ. Наконецъ, обстоятельства заставили его сдѣлать рѣшительный шагъ, и онъ положилъ примкнуть къ конфедераціи: внезапно напалъ на русскій батальонъ и разбилъ его. Всѣ взоры, всѣ сердца обратились къ Огинскому; еще одинъ удачный ударъ съ его стороны, и вся Литва поднялась бы за конфедератовъ, а мелкія банды уже теперь потянулись къ Огинскому.

Суворову былъ данъ еще раньше отъ Веймарна приказъ— держать наготовѣ отрядъ противъ Огинскаго, но отнюдь его въ Литву не посылать, безъ особаго изъ Варшавы приказанія. То же самое подтвердилъ Веймарнъ Суворову и теперь, а для немедленнаго нападенія на Огинскаго назначилъ другихъ, которые были къ нему, Огинскому, поближе. Однако этотъ послѣдній приказъ не засталъ уже Суворова въ Люблинѣ. Суворовъ понималъ, какая можетъ выросги бѣда, если мало-мальски промедлить съ Огинскимъ, а потому, не зная другихъ распоряженій Веймарна по этому предмету, выступилъ въ походъ 1-го сентября 1771 года, съ горстью людей, не коснувшись ни одного поста въ своемъ районѣ. Онъ надѣялся прихватить изъ попутныхъ мѣстъ сотни двѣ-три людей и разсчитывалъ ударить на Огинскаго быстро и внезапно. Такъ онъ и поступилъ, а помогло ему, между прочимъ, то обстоятельство, что онъ былъ уже генералъ-майоромъ (съ начала 1770 года), слѣдовательно имѣлъ надъ многими старшинство. Однако, какъ ни спѣшилъ Суворовъ, онъ не могъ поспѣть къ Огинскому раньше 11-ти дней, и притомъ имѣя при себѣ всего 800 человѣкъ съ небольшимъ, тогда какъ у Огинскаго было 3.000 или нѣсколько больше.

Въ ночь, съ 11-го на 12-ое сентября, Суворовъ сталъ подходить къ Сталовичамъ, гдѣ стоялъ Огинскій. Небо было заволочено тучами, ночь стояла черная, лишь съ монастырской башни мерцалъ огонь, на который русскіе и шли. Однако, какъ ни осторожно подходили русскіе, поляки ихъ замѣтили, и едва русская пѣхота стала втягиваться на узкую гать, которая вела черезъ болото, поляки открыли огонь во тьмѣ, на авось. Русскіе живо перебрались черезъ болото, захватили непріятельскія пушки, освободили русскихъ плѣнныхъ и погнали поляковъ въ поле. Огинскій едва ускакалъ, а Суворовъ чуть не погибъ отъ пули одного поляка, который въ него выстрѣлилъ, но промахнулся. Тѣмъ временемъ начало свѣтать; стало видно, что поляковъ побито въ Сталовичахъ немного, а большая часть находилась въ полѣ, въ лагерѣ. Стало также видно, что поляки горадо сильнѣе

русскихъ. Чтобы не дать непріятелю опомниться и сообразиться, Суворовъ, не теряя часа времени, принялся бить артиллеріей, а потомъ пѣхотой и конницей. Дѣло было кончено мигомъ. Поляки бѣжали, и къ 11-ти часамъ утра подъ Сталовичами не было уже никого. Убитыхъ русскихъ насчитано немного, а раненыхъ—около сотни, въ томъ числѣ почти всѣ старшіе офицеры; поляки потеряли гораздо больше, въ плѣнъ ихъ попалось до 300, да свыше 400 освобождено русскихъ. Вся польская артиллерія, весь обозъ, много знаменъ досталось русскимъ. А главное—конфедераціи нанесенъ былъ такой жестокій ударъ, отъ котораго она не могла уже оправиться. Суворовъ немедленно тронулся въ обратный путь и пришелъ домой благополучно.

Веймарнъ былъ очень недоволенъ самовольнымъ походомъ Суворова, называлъ его ослушникомъ, обвинялъ въ преднамѣренной (по реляціи) лжи, ставилъ ему въ вину даже то, что онъ, Суворовъ, изъ-подъ Сталовичей, безъ приказанія, возвратился въ Люблинъ. Послана была жалоба въ Петербургъ; но, вмѣсто преданія Суворова суду, императрица наградила его орденомъ Александра Невскаго.

Миновалъ 1771-й годъ. Полковникъ Дюмурьé былъ замѣненъ вновь присланнымъ изъ Франціи генераломъ Віоменилемъ. Онъ принялся энергично устроивать конфедератскія дѣла, и въ началѣ слѣдующаго года открылъ военныя дѣйствія внезапнымъ захватомъ краковскаго зáмка. Суворовъ былъ пораженъ какъ громомъ, ибо захватъ замка могъ быть исполненъ лишь при условіи или измѣны, или небрежнѣйшей службы русскаго гарнизона. Суворовъ двинулся къ Кракову усиленными переходами, пришелъ скоро, и такъ какъ осадной артиллеріи у него не было, то онъ рѣшился на штурмъ. Но штурмъ не удался. Скрѣпя сердце, Суворовъ положилъ дождаться осадныхъ пушекъ, хотя на это требовалось много времени. И точно, краковскій замокъ продержался до половины апрѣля и только тогда положилъ оружіе. Но, зато, это было послѣднимъ, смертельнымъ ударомъ для конфедераціи. Военныя дѣйствія еще продолжались нѣкоторое время, но уже мелкія, малозначащія. Суворову пришлось погрузиться въ дѣятельность другого рода: лавировать между завистниками—сослуживцами и подчиненными, распутывать дипломатическія каверзы, которыя внесли съ собою австрійцы, вступившіе въ Польшу, въ ожиданіи предстоящаго ея раздѣла. Непріятности и неудовольствія этого рода были для него особенно чувствительны, чего онъ и не скрывалъ въ оффиціальной перепискѣ съ новымъ своимъ начальникомъ Бибиковымъ, съ которымъ, кстати

сказать, находился въ хорошихъ отношеніяхъ. Такъ онъ просилъ у Бибикова — „дать ему такое философское мѣсто, чтобы никому не было завидно". Въ другой разъ, выведенный изъ терпѣнія нахальствомъ австрійцевъ, онъ разразился такой выходкой въ письмѣ къ Бибикову: „Честный человѣкъ—со Срѣтеньяго дня не разувался; что у тебя, батюшка, сталъ за политикъ? Пожалуй, пришли другого, чортъ ли съ ними сговоритъ!"

III.

Желаніе Суворова вслѣдъ затѣмъ исполнилось, и онъ былъ взятъ изъ Польши. Его перевели въ Финляндію; но тутъ не оказалось для него дѣла. Осмотрѣвъ шведскую границу по данной ему инструкціи и представивъ донесеніе, онъ сталъ скучать и проситься въ Турцію, гдѣ война тянулась уже нѣсколько лѣтъ. Императрица согласилась охотно, и въ началѣ мая 1773 года Суворовъ былъ уже на Дунаѣ.

Онъ явился въ Турцію, повидимому, новымъ человѣкомъ, но, въ дѣйствительности, ничего новаго для себя тутъ не нашелъ, и учиться ему здѣсь было нечему. Правда, въ Польшѣ ему пришлось вести войну, по преимуществу партизанскую, и его образъ дѣйствій, особенно въ болѣе крупныхъ дѣлахъ, подвергся безпощадному осужденію критиковъ, и во главѣ ихъ былъ Дюмурье́. Но это только обнаруживало односторонность критики. Главная причина успѣховъ Суворова въ Польшѣ заключалась въ томъ, что онъ сразу изучилъ своего противника и сталъ дѣйствовать примѣнительно къ его характеру и свойствамъ, пренебрегая многими такими условіями, которыя при другомъ непріятелѣ было бы опасно игнорировать. Это живое начало онъ принесъ и въ Турцію.

Главнокомандующій, Румянцевъ, назначилъ его въ дивизію графа Салтыкова, а этотъ послѣдній далъ ему въ команду отрядъ въ 2.300 человѣкъ, расположенный на Дунаѣ, подъ Негоештскимъ монастыремъ. Какъ разъ въ ту пору, Румянцевъ замышлялъ перевести армію за Дунай и приказалъ сдѣлать туда предварительно нѣсколько поисковъ. Самый важный изъ нихъ, на городокъ Туртукай, достался Суворову.

Хотя ему предстояла масса подготовительной работы по вооруженію и обученію людей и по снаряженію многочисленной флотиліи для переправы, но онъ все-таки назначилъ поискъ почти тотчасъ же, а именно на 9-ое мая. Въ этотъ самый день, до

разсвѣта, турки, въ числѣ до 1.000 человѣкъ, переправились скрытно на русскую сторону и ударили такъ внезапно на передовой русскій отрядъ, что самъ Суворовъ едва успѣлъ ускакать. Въ концѣ концовъ, они были отбиты съ большою потерей, и хотя видѣли русскихъ въ полной готовности къ переправѣ и дѣйствію, но это не остановило Суворова, и онъ назначилъ поискъ въ первую же ночь. Переправа началась въ самую тьму; люди переѣзжали на лодкахъ; лошади шли вплавь. Турки занимали Туртукай, 3 лагеря и 4 батареи, и были гораздо многочисленнѣе русскихъ. Но диспозиція Суворова отличалась такою ясностью и опредѣлительностью, а атака велась такъ горячо и съ такимъ порядкомъ, что все шло какъ нельзя лучше, батареи и лагери переходили поочередно въ руки русскихъ, и къ 4 часамъ утра все было кончено. У русскихъ убыло убитыми и ранеными до 200 человѣкъ, забраны у турокъ артиллерія, знамена и до 50 лодокъ. Самъ Суворовъ былъ раненъ въ ногу. У турокъ потеря была значительнѣе.

Пользуясь наступившимъ затѣмъ досугомъ, Суворовъ принялся обучать войска на свой ладъ (какъ училъ суздальскій полкъ подъ Ладогой), исправлять амуницію, оружіе, чинить лодки и т. п. Но къ нему привязалась жестокая лихорадка и свалила его съ ногъ. И какъ нарочно, въ это самое время пришелъ отъ Румянцева приказъ—произвести второй поискъ на Туртукай. Суворовъ принялся-было готовиться, но болѣзнь пересилила; попробовалъ поручить дѣло своимъ подручнымъ, но они оказались безъ него—какъ руки безъ головы. Вдобавокъ, высмотрѣвъ турецкія силы, они убоялись, упали духомъ и стали говорить Суворову, что удачи ожидать нельзя. Онъ сильно разсердился и оставилъ поискъ пока безъ исполненія; но какъ только началъ еле-еле волочить ноги—назначилъ его тотчасъ же, а именно ночью съ 16-го на 17-е іюня. Все, начиная съ диспозиціи, походило на майское веденіе дѣла, и исполненіе было почти такое же, вмѣстѣ съ потерями и трофеями, только войскъ у Суворова было немного побольше. Зато самъ Суворовъ не походилъ на себя—до того былъ измученъ лихорадкой. Ходить онъ не могъ, его поддерживали двое подъ руки; говорить громко тоже не могъ, почему при немъ состоялъ офицеръ для передачи его приказаній. При всемъ томъ, побѣда вторично увѣнчала даровитаго военачальника. Императрица пожаловала ему Георгія II-го класса.

Война шла, однако, вяло, и дѣла наши были въ положеніи неблестящемъ. На той сторонѣ Дуная, въ русскихъ рукахъ, оставался одинъ только пунктъ, Гирсово, по положенію своему очень важ-

ный, который надо было удержать во что̀ бы то ни стало. Румянцевъ назначилъ туда Суворова. Но Суворовъ опять заболѣлъ пуще прежняго, разбившись отъ паденія на наружной лѣстницѣ, мокрой отъ дождя, уѣхалъ въ Бухарестъ и только послѣ двухъ-недѣльнаго леченія могъ отправиться къ своему новому посту. Ждать ему тутъ пришлось не долго. Къ полудню, 4-го сентября, подошли турки и, заманенные казаками, якобы обратившимися въ бѣгство, внезапно бросились въ атаку на окопы. Суворовъ, стоявшій впереди вала и съ любопытствомъ смотрѣвшій на турокъ, которые тутъ впервые находились въ регулярномъ строѣ, едва успѣлъ убраться за валъ, къ своимъ. Турецкая атака не удалась; турки были отбиты, разбиты и прогнаны съ большою потерей: именно, у нихъ убыло свыше 2.500 человѣкъ, 7 пушекъ и почти весь обозъ. Русскіе были малочисленнѣе турокъ и потеряли 200 человѣкъ. Румянцевъ велѣлъ отслужить во всей арміи благодарственный молебенъ и объявилъ Суворову благодарность „за храбрость и искусство".

Кампанія 1773 года скоро окончилась, и Суворову пришлось сидѣть безъ дѣла. Онъ отпросился въ Москву, къ отцу, и тамъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, а можетъ быть и для самого себя, женился на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской. По всей вѣроятности, это было сдѣлано по настоянію отца Суворова, ибо самъ Александръ Васильевичъ вовсе не былъ рожденъ для семейнаго быта, имѣлъ въ жизни совсѣмъ другіе идеалы и женщинъ даже побаивался. Обвѣнчавшись и проживъ съ женою немногіе дни, онъ оставилъ ее въ Москвѣ, а самъ возвратился къ арміи, въ Гирсово. Главнокомандующій поручилъ ему наблюдать за крѣпостью Силистріей и сдѣлать, по соглашенію съ сосѣднимъ генераломъ Каменскимъ, поискъ дальше за Дунай, съ цѣлью отыскать тамъ непріятеля и разбить его.

Суворовъ былъ тогда въ чинѣ генералъ-поручика, какъ и Каменскій, но послѣдній былъ старше, и потому, при совокупныхъ дѣйствіяхъ, становился начальникомъ перваго. Суворовъ вовсе этого не желалъ, и потому рѣшилъ—сговориться съ Каменскимъ насчетъ общаго дѣйствія, а дѣйствовать врозь, каждому самому по себѣ. Условились они выступить одновременно и идти двумя разными дорогами къ Козлуджи. Каменскій такъ и сдѣлалъ; но Суворовъ, поджидая запоздавшіе полки, тронулся двумя днями позже и притомъ не по условленной дорогѣ. Хотя 9-го іюня 1774 года они оба соединились за Базарджикомъ, но Суворовъ, желая дѣйствовать самостоятельно, ушелъ впередъ одинъ, по очень дурной лѣсной дорогѣ, въ страшную жару, съ

войскомъ, изнемогавшимъ отъ голода и жажды. Пройдя около 10-ти верстъ до обширной лѣсной поляны передъ Козлуджи, Суворовъ увидѣлъ тутъ непріятеля, расположеннаго въ лагерѣ. Тѣмъ временемъ, проливной дождь освѣжилъ нѣсколько Суворовскія войска. Они были немедленно перестроены въ карé и очень кстати, ибо турки повели на нихъ жестокую атаку, такъ что нѣсколько каре прорвали. Однако, привычныя войска отбили атаку и продолжали движеніе впередъ; подошли къ турецкому лагерю, и артиллерія открыла огонь. Между турками поднялась сумятица, а за нею и паника; не давая имъ прядти въ себя, Суворовъ атаковалъ энергически и обратилъ туровъ въ полное бѣгство. И хотя его войска еле держались на ногахъ отъ изнеможенія, но Суворовъ понесся съ конницей въ погоню за бѣжавшимъ непріятелемъ и возвратился лишь ночью. Туровъ было при Козлуджи до 40.000, русскихъ — впятеро меньше; послѣдніе потеряли убитыми и ранеными отъ 300 до 500, а туровъ выбыло изъ строя приблизительно вдвое; кромѣ того, у нихъ взято до 30 пушекъ, больше сотни знаменъ, множество повозокъ и огромная добыча въ видѣ всякаго добра. Каменскій былъ очень раздраженъ самовольствомъ Суворова, тѣмъ болѣе, что вынужденъ былъ ему помочь противъ своей воли. Румянцевъ обвинилъ ихъ обоихъ, особенно Суворова, сдѣлалъ ему, при свиданіи, жестокій выговоръ и перевелъ опять подъ начальство Салтыкова. Но дальше этого Румянцевъ не пошелъ, ибо побѣда имѣетъ свое обаяніе, особенно такая рискованная. Суворовъ цѣлый день не слѣзалъ съ коня, безпрестанно попадая подъ ядра и пули и даже былъ въ ручномъ бою, подъ саблями и штыками. Понимая, что оставаться тутъ, на прежнемъ положеніи ему нельзя, онъ сдалъ свой отрядъ и уѣхалъ въ Бухарестъ, лечиться отъ лихорадки, которою продолжалъ страдать. Вскорѣ съ Турціей заключенъ былъ миръ.

IV.

Въ это время въ Россіи стояла Пугачевская смута, которая тѣмъ дальше, тѣмъ больше ширилась и наконецъ стала грозить бѣдой. Государыня послала туда главнымъ распорядителемъ графа Петра Панина, съ обширными полномочіями; вытребованы были даже нѣкоторыя войска изъ Турціи. Нуженъ былъ еще хорошій генералъ, подручный Панина, для направленія военной частью; выбрали Суворова, но Румянцевъ не соглашался отпустить его

изъ арміи до тѣхъ поръ, пока не дошло дѣло до замиренія. Получивъ теперь приказъ, Суворовъ поскакалъ въ Москву тотчасъ же, повидался тамъ съ женою и отцомъ, и въ тотъ же день уѣхалъ на перекладныхъ въ деревню, къ Панину, безъ багажа, въ одномъ кафтанѣ. Здѣсь онъ получилъ инструкцію и опять, въ тотъ же самый день, отправился съ конвоемъ, верхомъ, въ Саратовъ, оттуда въ Царицынъ, а затѣмъ, съ нѣсколькими сотнями конныхъ пустился въ заволжскую степь, безлюдную, безлѣсную, безпріютную, гдѣ грозила гибель и безъ непріятеля; не было даже хлѣба и приходилось держать путь днемъ по солнцу, ночью по звѣздамъ. Очень былъ тяжелъ этотъ 9-дневный 600-верстный степной походъ, и все-таки, когда Суворовъ прибылъ наконецъ въ Яицкъ, то Пугачевъ былъ уже выданъ тамошнему начальству. Суворовъ велѣлъ сдѣлать для Пугачева большую клѣтку на четырехъ колесахъ, снарядилъ пѣшій и конный конвой съ пушками, собралъ небольшой гуртъ скота на продовольствіе, но потребнаго запаса хлѣба достать не могъ. Въ Симбирскъ прибылъ онъ 1-го октября и тутъ сдалъ Пугачева графу Панину. Смута улеглась, однако, не сразу; шайки грабителей и убійцъ бродили долго, и умиротвореніе края могло быть исполнено лишь исподволь, въ довольно продолжительный срокъ. Начало этого дѣла было поручено Суворову же, чѣмъ онъ и занимался въ продолженіе всей зимы 1774—75 гг. съ большимъ рвеніемъ, дѣйствуя большею частью путемъ милосердія.

Затѣмъ, начиная съ 1775 года, наступилъ для Суворова длинный періодъ дѣятельности довольно разнообразной, но мелочной и невидной, или такой, которая мало отвѣчала, а то и совсѣмъ не соотвѣтствовала его дарованіямъ и наклонностямъ. Сначала онъ былъ назначенъ въ Крымъ, только-что отошедшій отъ Турціи, но не присоединенный еще къ Россіи, на который оба эти государства смотрѣли съ вожделѣніемъ и содержали тамъ нѣкоторую часть своихъ войскъ. Суворовъ пробылъ тамъ недолго, скучалъ, хворалъ лихорадкой, отпросился въ отпускъ и, наконецъ, добился назначенія на Кубань, гдѣ русскіе содержали пограничную, укрѣпленную линію, ибо тогда кавказскій край Россіи еще не принадлежалъ. Здѣсь Суворовская дѣятельность была чрезвычайно плодотворна и касалась не одной военной части: въ какіе-нибудь 100 дней составлено описаніе края, обучены войска на Суворовскій ладъ, прекращены набѣги за-кубанскихъ татаръ, линія укрѣплена сильнѣе и надежнѣе прежняго. Въ Крыму, напротивъ, росла смута, и Румянцевъ, главный начальникъ этихъ окраинъ, смѣнилъ начальство-

вавшаго въ Крыму князя Прозоровскаго и снова назначилъ на его мѣсто Суворова. Суворовъ согласился охотно, весною 1778 года, ибо назначался онъ уже не подручнымъ, какъ въ первый разъ, а дѣйствительнымъ начальникомъ. Прежде всего, онъ принялся за военное благоустройство, за санитарную часть, за регулированіе отношеній между жителями и войсками. Затѣмъ пришлось возиться съ турками, которые хотя изъ Крыма выбрались, но какъ будто намѣревались снова туда высадиться и всячески сѣяли смуту между своими единовѣрцами-татарами. Суворовъ велъ съ ними переговоры, просилъ, убѣждалъ и грозилъ; не дозволялъ имъ высаживаться на самое короткое время; не пускалъ даже наливаться прѣсной водой. Занялся онъ еще однимъ крупнымъ дѣломъ, ему указаннымъ: уговорить крымскихъ христіанъ (армянъ и грековъ) къ переселенію въ Россію, къ Азовскому морю, а потомъ произвести и самое переселеніе. Это была очень трудная задача во всѣхъ отношеніяхъ; особенно мудрено было согласить на это хана, для котораго выселяемые христіане служили богатѣйшей доходной статьей. Препятствія явились огромныя; народились непріятности отовсюду, даже отъ Румянцева, отъ котораго Суворову пришлось, по его выраженію, „глотать купоросныя пилюли". А крымскій ханъ впалъ даже въ бѣшенство и пытался поднять своихъ татаръ бунтомъ. Однако все это мало-по-малу уладилось, и въ сентябрѣ 1778 года было переселено 31.000 душъ. Скоро въ Крыму стало тихо, были выведены оттуда почти всѣ войска, и Суворовъ выѣхалъ въ Полтаву, гдѣ проживала его семья.

Не долго пришлось ему тутъ пожить на свободѣ: мѣсяца черезъ 3—4 прискакалъ курьеръ съ требованіемъ явиться въ Петербургъ. Оказалась въ немъ—Суворовѣ—нужда въ другомъ мѣстѣ. На Каспійскомъ морѣ прибрежные персидскіе ханы грабили русскихъ купцовъ; предполагалось этихъ хановъ покорить или усмирить, а потомъ, быть можетъ, повести дѣло и дальше. На Суворова возлагались всѣ приготовленія къ этой войнѣ, а потомъ веденіе и самой войны. Суворовъ тотчасъ же поскакалъ въ Астрахань и тамъ горячо принялся за дѣло, но дѣло мало-по-малу оказалось искусственнымъ, дутымъ. Брошено оно было, однако, не сразу; проходили мѣсяцы и годы, такъ сказать, въ толченіи воды; Суворовъ скучалъ сильно, до отчаянія, и сталъ, незамѣтно для себя, погружаться въ тину пустой жизни захолустья; ввязался въ провинціальныя сплетни, пикировался съ мѣстными властями, писалъ на окружавшую его среду сатиры. Къ счастью, изъ Петербурга послѣдовало новое ему назначеніе—

въ казанскую дивизію, куда онъ тотчасъ и отправился, а едва пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ былъ снова перемѣщенъ, въ августѣ 1782 года, въ Крымъ.

Водворившаяся-было тамъ тишина продолжалась не долго. Турецкія козни успѣли опять посѣять смуту снова; татарскіе старшины встали бунтомъ, выгнали хана, угоднаго Россіи, и выбрали своего. Русскія войска захватили новаго хана, поставили прежняго, Шагинъ-гирея, да такъ въ Крыму и остались. Тогда весь югъ Россіи находился въ вѣдѣніи Потемкина; онъ потребовалъ Суворова къ себѣ, въ Херсонъ, и послалъ его не въ Крымъ, а на Кубань. Къ этому времени Шагинъ-Гирей снялъ съ себя ханское достоинство, получивъ за то огромное жалованье, съ разрѣшеніемъ держать при себѣ дворъ и проживать гдѣ угодно. Такимъ образомъ Крымъ и Кубанская сторона были присоединены къ Россіи. Предстояло все населеніе этихъ земель привести къ присягѣ, а это—въ виду смутнаго настроенія и непрекращавшихся турецкихъ козней—было дѣломъ нелегкимъ. Суворовъ, котораго на Кубани знали съ 1778 года и хранили добрую о немъ память, взялся за дѣло умѣлой рукой. Въ степь подъ Ейскомъ прикочевали, по его зову, до 3.000 ногайцевъ, были приняты дружески и угощены на славу. Суворовъ обласкалъ старшинъ и пріятелей; тѣ обѣщались помогать. На второй зовъ прибыло 6.000 кочевниковъ; были стянуты русскія войска и приняты другія мѣры предосторожности. Однако все обошлось спокойно; обѣдъ былъ гомеровскій, ужинъ также; съѣдено 100 быковъ, 800 барановъ, кромѣ разной мелкой живности; выпито 500 ведеръ водки. На другой день опять пиръ, на третій—тоже. Ѣли до отвала, пили до безчувствія; иные тутъ и Богу душу отдали. Суворовъ вездѣ былъ самъ, у всѣхъ на виду, какъ хозяинъ; гости остались имъ очень довольны, приняли присягу, откочевали въ свои мѣста и тамъ привели къ присягѣ остальныхъ. А Екатерина пожаловала Суворову орденъ св. Владиміра 1-ой степени.

Но дѣло съ ногайцами этимъ еще не было окончено: по приказанію Потемкина, надлежало ихъ склонить къ переселенію на Уралъ, за что обѣщаны многія льготы; однако съ самымъ переселеніемъ указывалось повременить до особаго распоряженія. Но такъ какъ турки сѣяли втайнѣ смуту, то, по мнѣнію Суворова, ждать было не только безполезно, а прямо вредно, и слѣдовало приступить къ переселенію безотлагательно. Разсчетъ Суворова оказался невѣренъ: ногайцы на пути одумались, напали на русскую команду, напали и на своихъ, русскихъ сто-

ронниковъ, и повернули назадъ. Суворовъ приказалъ не трогать ихъ, но ногайцы напали на русскихъ вторично. Произошло жестокое побоище, на которомъ полегло до 3.000 ногайцевъ, и въ добычу русскимъ досталось 20.000 головъ лошадей и рогатаго скота. Мятежъ поднялся почти всюду; нѣсколько малыхъ русскихъ отрядовъ было изрублено или прогнано, и ногайцы ушли за Кубань. Потемкинъ двукратно выразилъ Суворову свое неудовольствіе и приказалъ сдѣлать поискъ за Кубань, чтобы наказать измѣнниковъ, нарушившихъ присягу.

Вся трудность этого порученія состояла не въ боевыхъ дѣйствіяхъ, а въ скрытности похода, почему Суворовъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ экстреннымъ: распусканіе ложныхъ слуховъ, ночные походы безъ дорогъ, медленныя и замаскированныя движенія и т. п. Ногайцы были накрыты внезапно, произошелъ бой, вѣрнѣе сказать, бойня; различіе въ вооруженіи и снаряженіи было таково, что безъ большой натяжки одну сторону можно было назвать вооруженной, а другую—безоружной. Русскимъ досталось рогатаго скота до 6.000 головъ, да овецъ 15.000. Мурзы прислали Суворову бѣлое знамя въ знакъ покорности. Весь походъ, особенно обратный на Ейскъ, безъ малаго въ 300 верстъ, осенью, голою степью, когда еле-еле хватало харчевыхъ запасовъ, какъ будто прошелъ незамѣтно, но въ сущности много прибавилъ, въ глазахъ солдатъ, къ военной характеристикѣ Суворова, который служилъ для всѣхъ живымъ, но недосягаемымъ примѣромъ.

V.

Зимою 1783—84 годовъ, переходъ Крыма и Кубанскаго края подъ русскую державу былъ признанъ Турціей, и Суворовъ провелъ слѣдующіе два года въ разныхъ мѣстахъ, командуя войсками; бывалъ онъ и въ Москвѣ; также довольно часто и долго проживалъ въ своихъ имѣніяхъ. Въ это же время сложилась и опредѣлилась въ отрицательную сторону его семейная жизнь. У него съ женой не было ровно ничего общаго; они служили другъ другу не дополненіемъ, а полнѣйшимъ отрицаніемъ; вдобавокъ ко всему она отличалась легкомысленнымъ образомъ жизни. Все это привело къ дурному исходу: Суворовъ дважды просилъ развода, но оба раза было ему духовною властью отказано. По необходимости онъ просто разошелся съ женой въ началѣ 1784 года, и съ той поры ни разу съ нею не видался

до самой смерти. Къ этому же періоду надо отнести усилившееся развитіе въ Суворовѣ причудъ и всякаго рода странностей. Безъ сомнѣнія, одною изъ крупнѣйшихъ тому причинъ была разлука его съ женой и дочерью и наступившее затѣмъ полное одиночество въ средѣ грубой и суровой.

Южныя области Россіи, въ ту пору завоеванныя, управлялись Потемкинымъ, съ полномочіями почти неограниченными. Онъ вѣдалъ заселеніемъ и устройствомъ края, организаціей военной и морской силы, зарожденіемъ и развитіемъ торговли, созиданіемъ всей системы управленія. Задача была обширная, расходы на ея осуществленіе громадные. Немудрено, что при полномъ довѣріи имп. Екатерины къ Потемкину ей все-таки хотѣлось собственными глазами увидѣть,—чтò тамъ сдѣлано, какъ сдѣлано и сколько остается сдѣлать. Съ этою цѣлью она рѣшилась предпринять поѣздку въ новыя области и объявила о своемъ намѣреніи Потемкину. Приготовительныя работы закипѣли немедленно. Потемкинъ хотѣлъ показать императрицѣ товаръ лицомъ, обставляя весь ея путь произведеніями декоративнаго искусства во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ смыслахъ. Одною изъ лучшихъ декорацій, конечно, были войска, и съ этою цѣлью свели въ лагерь подъ Кременчугомъ сильную дивизію, а командованіе ею возложили на Суворова, незадолго передъ тѣмъ произведеннаго въ генералъ-аншефы. Суворовскія строевыя ученья, сравнительно съ другими, наиболѣе напоминали настоящія боевыя дѣйствія. Поэтому, если войска были обучены хорошо, то смотры выходили чрезвычайно эффектны, притомъ не для однихъ профановъ, а также и для знатоковъ дѣла. Въ настоящемъ случаѣ, эта особенность, конечно, была выдвинута на глаза преимущественно.

Императрица выѣхала изъ Петербурга въ началѣ 1787 года и прибыла въ Кременчугъ въ концѣ апрѣля. Здѣсь былъ сдѣланъ войскамъ смотръ и произвелъ эффектъ неожиданный. Въ свитѣ императрицы находилось много иностранцевъ, въ томъ числѣ и военныхъ. Они не могли скрыть произведеннаго на нихъ впечатлѣнія. Тѣмъ довольнѣе и признательнѣе была императрица; выразивъ Суворову свое благоволеніе въ присутствіи огромной свиты, она спросила у него, какую бы онъ желалъ награду. Суворовъ до того уже сроднился съ своими выходками и причудами (*блажью*, по выраженію современниковъ), что нимало не затруднился просить императрицу объ уплатѣ его долга за квартиру, въ количествѣ 3 рублей съ полтиной. И когда, по окончаніи своего путешествія, императрица стала награждать своихъ

вѣрныхъ слугъ за ихъ службу и труды, и пожаловала Суворову богатую табакерку съ вензелемъ, цѣною въ 7.000 рублей, то онъ сталъ всѣмъ хвастать, что получилъ ее „за гулянье".

И точно эта служба была гуляньемъ, сравнительно съ тою, которая наступила вслѣдъ затѣмъ. Турція съ трудомъ выносила то положеніе, въ которое была поставлена миромъ, завершившимъ послѣднюю войну. Она давно производила, какъ можно скрытнѣе, приготовленія къ новой борьбѣ, и теперь, принявъ путешествіе императрицы за косвенный вызовъ, въ августѣ 1787 года, объявила Россіи войну. Главнокомандующимъ большой екатеринославской арміи былъ Потемкинъ; онъ поручилъ Суворову главный районъ, отъ Кинбурна до Херсона. Русская армія не была готова къ немедленной войнѣ, а потому работы было всѣмъ очень много, особенно же Суворову, по важности его поста и по исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ его районъ находился. Начиная съ возведенія укрѣпленій и кончая благоустройствомъ лазаретовъ, разнообразная дѣятельность Суворова не прерывалась ни на мигъ и не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью; самъ главнокомандующій долженъ былъ его удерживать.

На отвоеванной отъ турокъ землѣ, на морскомъ берегу, лежала крѣпость Очаковъ, которая, по мирному договору, оставалась въ рукахъ турокъ. Въ виду ея держался турецкій флотъ, а немного дальше, въ лиманѣ, стоялъ русскій флотъ, гораздо слабѣе. Противъ этого русскаго флота турки и открыли военныя дѣйствія, но вели ихъ такъ вяло, что мѣсяцъ слишкомъ прошелъ безъ результатовъ. Тогда турки рѣшились завладѣть маленькой и слабой, но очень важной крѣпостью Кинбурномъ, лежавшей насупротивъ Очакова, на длинной песчаной косѣ. Нѣсколько дней они бомбардировали Кинбурнъ и хотя безъ особеннаго вреда, но Суворовъ уразумѣлъ, что они что-то замышляютъ, а потому переѣхалъ въ Кинбурнъ.

Октября 1-го дня 1787 года, турки подошли на корабляхъ къ Кинбурнской песчаной косѣ, и на концѣ ея, верстахъ въ 8-ми отъ крѣпости, стали высаживаться, а для прикрытія своихъ судовъ, принялись вбивать противъ оконечности косы, въ морское дно, рядъ свай. Кромѣ того, по мѣрѣ высадки, они стали рыть траншеи поперекъ косы, а изъ приготовленныхъ заранѣе мѣшковъ устроивать по траншеямъ валикъ, наполняя мѣшки землей. Суворовъ былъ у обѣдни и не приказалъ мѣшать туркамъ: „Пускай всѣ вылѣзутъ". Когда же турки, съ помощью траншей, приблизились къ Кинбурну на нѣсколько сотъ шаговъ, Суворовъ ве-

лѣлъ дать залпъ изъ всѣхъ пушекъ и пустилъ первую линію войскъ въ атаку. Турокъ сбили и погнали изъ одной траншеи въ другую, но на десятой они остановились, держались упорно и, несмотря на усиленіе русскихъ второю линіей и кавалеріей, не отступали, а напротивъ, перешли въ наступленіе. Русскіе подались назадъ, самъ Суворовъ чуть-было не попалъ въ руки непріятеля. Дѣло принимало дурной оборотъ, и вдобавокъ Суворовъ былъ раненъ картечной пулей въ бокъ, ниже сердца, и свалился безъ памяти. Скоро, однако, онъ пришелъ въ себя, послалъ поторопить дальніе резервы, которые запоздали, и велѣлъ двинуть на турокъ послѣдніе остатки войскъ, которые оставались еще въ крѣпости. Подмога, хоть и слабая числомъ, ударила съ беззавѣтной храбростью; отступавшіе повернули опять на турокъ. Турки остановились, потомъ попятились и, наконецъ, побѣжали. На оконечности косы они сбились въ одну безпорядочную толпу, по которой русская артиллерія била навѣрняка. Обезумѣвшіе отъ ужаса турки или прятались за свайной стѣной, или пускались вплавь и сотнями тонули. А турецкія перевозныя суда были далеко и помочь не могли: ихъ услали въ лиманъ для того, чтобы высаженные на косу люди дрались упорнѣе и храбрѣе, зная, что спасенія нѣтъ. Разсчетъ оказался плохимъ, хотя дѣйствительно турки дрались съ такимъ упорствомъ, какъ никогда.

Въ сраженіи участвовали 5.300 турокъ; изъ нихъ уцѣлѣло не больше 700. Съ русской стороны въ бою находилось 3.000, убито изъ нихъ 150, да ранено свыше 800, на половину очень легко. Подъ вечеръ, Суворовъ былъ раненъ вторично, ружейной пулей въ лѣвую руку, перевязался галстухомъ и отъ потери крови совсѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безпрестанно терялъ сознаніе. Императрица послала ему два благодарственныхъ рескрипта и орденъ Андрея Первозваннаго. Потемкинъ, впавшій-было въ уныніе и отказывавшійся отъ главнаго начальствованія, повеселѣлъ и оживился. Суворову понадобилось больше мѣсяца, чтобы поправиться сколько-нибудь основательно, и какъ только онъ окрѣпъ, то съ двойнымъ рвеніемъ принялся за исполненіе своихъ разнообразныхъ служебныхъ обязанностей. Въ самую суровую зимнюю пору онъ разъѣзжалъ по войскамъ, не зная утомленія; въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ, онъ сдѣлалъ верхомъ въ продолженіе шести дней больше 500 верстъ. Къ лѣту слѣдующаго 1788 года, онъ, въ предвидѣніи турецкихъ атакъ, построилъ невдалекѣ отъ Кинбурна двѣ замаскированныя батареи, и ближайшія послѣдствія оправдали его взглядъ: турецкій флотъ, послѣ неудачнаго

нападенія на русскую эскадру, попалъ подъ огонь Суворовскихъ батарей и потерялъ 7 судовъ.

Много понесли турки потерь въ первый годъ войны, но отъ своей цѣли не отказались даже и тогда, когда, въ началѣ 1788 г., Австрія объявила Турціи войну. Очевидно, русскіе удары не проникали очень глубоко. Еще ранней весной Суворовъ указывалъ Потемкину на необходимость овладѣть Очаковомъ, и брался это исполнить, но Потемкинъ отказалъ. Государыня также указывала ему на первостепенное значеніе Очакова, но также безполезно. Армія его стягивалась съ чрезвычайною медленностью и лишь 1-го іюля обложила крѣпость. А тутъ на Потемкина напали прежняя слабость, уныніе, колебанія. Суворовъ составлялъ лѣвое крыло Потемкинской арміи. У него болѣла душа отъ медленности дѣйствій и ненужныхъ проволочекъ; въ кругу близкихъ лицъ онъ издѣвался надъ изъянами Потемкинскаго командованія и говорилъ, что однимъ глядѣніемъ крѣпость взять нельзя.

Изъяны эти были видимы и туркамъ, которые сдѣлались поэтому смѣлѣе и стали рѣшаться на вылазки. Въ концѣ іюля 1788 года, нѣсколько сотъ турокъ вышли незамѣтно изъ крѣпости, пробрались лощинами и ударили на передовыя войска Суворова. Суворовъ находился на лицо; онъ остановилъ турокъ съ однимъ батальономъ, потомъ подоспѣлъ другой —турки были сломлены. Но къ нимъ явилась подмога, и такимъ образомъ загорѣлся бой нешуточный, въ который люди рвались такъ, что нельзя было ихъ удержать. Въ это время Суворовъ былъ раненъ пулей въ шею, сдалъ начальство другому и приказалъ ему— понемногу выводить войска изъ боя. Сдѣлать этого не съумѣли, и войска обратились въ безпорядочное бѣгство. Въ результатѣ получилась потеря 500 человѣкъ ранеными, убитыми и плѣнными и, сверхъ всего, сильный гнѣвъ Потемкина съ грозными запросами Суворову. Въ то время весь этотъ эпизодъ построили на томъ, что Суворовъ былъ пьянъ; такъ донесъ Потемкинъ императрицѣ, и такъ разсказывала императрица одному изъ своихъ секретарей. Болѣе просто и вѣрнѣе было бы объяснить неудачу тѣмъ, что Суворовъ и Потемкинъ были представителями совершенно разныхъ военныхъ началъ. Если бы Потемкинъ подкрѣпилъ ввязавшіеся въ бой батальоны, или оттянулъ турокъ къ другому мѣсту то и результатъ получился бы совершенно иной. Какъ бы то ни было, Суворовъ потерялъ расположеніе Потемкина (правда, не надолго) и не могъ оставаться подъ Очаковомъ, чего, впрочемъ, не дозволяла и его рана. Онъ уѣхалъ въ Кинбурнъ совсѣмъ больной; обморокъ слѣдовалъ за обморокомъ, лихорадило,

появилась желтуха. Однако, онъ все-таки, послѣ сна и хорошей перевязки, сталъ понемногу поправляться, а мѣсяца черезъ 1½ улучшеніе было уже очень замѣтно,—но тутъ случилась новая бѣда: взорвало въ Кинбурнѣ артиллерійскую лабораторію, гдѣ снаряжались бомбы. Убитыхъ и раненыхъ насчитано 87 человѣкъ; у Суворова разбило кровать и щепой ранило его въ лицо, грудь, руку и ногу. Леченіе усложнилось и выздоровленіе отсрочилось.

Осада Очакова шла черепашьимъ шагомъ. Наступила осень, за нею зима, а Потемкинъ все чего-то ждалъ. Завернули лютые морозы; смертность развилась чрезвычайная—отъ холода, сырости, недостатка продовольствія, дровъ и проч. Создалось безвыходное положеніе, когда всякія рѣшенія, кромѣ штурма, стали невозможными. Штурмъ и былъ произведенъ 6-го декабря, кровавый, безпощадный, и продолжался всего часъ съ четвертью. Суворовъ оставался въ Кинбурнѣ; по состоянію своего здоровья онъ и не могъ быть дѣйствующимъ лицомъ. По ходатайству Потемкина, ему пожаловано государыней бриліантовое перо въ шляпу, весьма цѣнное, съ буквою „К“.

VI.

Наступилъ 1789-ый годъ, третій годъ войны. Когда подошла весна, Суворовъ былъ на своемъ новомъ посту, на крайнемъ правомъ флангѣ русской арміи, у Карапчешти, въ довольно близкомъ сосѣдствѣ съ лѣвымъ флангомъ австрійцевъ, подъ начальствомъ принца Кобургскаго. Суворову приказано было—не дозволять скопленія передъ собою турецкихъ силъ, а если бы это случилось, то немедленно ихъ атаковать. Согласно съ этимъ, когда турки предприняли наступленіе, и принцъ Кобургскій послалъ къ Суворову просить помощи, Суворовъ тотчасъ выступилъ 16-го іюля въ 6 часовъ вечера, шелъ по самой дурной дорогѣ 28 часовъ, и въ 10 часовъ вечера 17 числа пришелъ къ принцу. Тотъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ,—такъ скоро прибыли русскіе—и пожелалъ повидаться съ Суворовымъ. Но Суворовъ, подъ разными странными и невразумительными предлогами, отказывался принять Кобурга, ибо терпѣть не могъ длинныхъ переговоровъ и считалъ себя слабымъ въ ораторскомъ искусствѣ. Лишь въ 11 часовъ ночи 18-го числа онъ послалъ Кобургу небольшую записку о выступленіи союзниковъ въ два часа ночи, о порядкѣ марша и проч. Переговариваться и спорить было уже поздно, и Кобургъ рѣшился послушаться Суворова, хотя былъ старше его въ чинѣ и имѣлъ право на руководительство.

Союзники выступили 19-го числа, въ три часа ночи, по направленію къ Фокшанамъ, и, подойдя 20-го числа къ туркамъ довольно близко, построились въ боевой порядокъ: русскіе составили лѣвый флангъ, австрійцы—правый. Начались горячія атаки турецкой кавалеріи; они замедлили, но не остановили движенія союзниковъ, которые, подойдя къ непріятельской позиціи на версту, открыли по ней артиллерійскій огонь и затѣмъ пустили въ атаку сначала кавалерію, а за нею пѣхоту. Окопы турецкіе оказались слабыми, и лагерь былъ занятъ мигомъ. Далѣе, невдалекѣ находился укрѣпленный монастырь, въ которомъ засѣло нѣсколько сотенъ янычаръ. Пришлось выбивать ихъ оттуда артиллеріей и пѣхотными атаками; турки оборонялись отчаянно, взорвали пороховой погребъ, но всѣ были переколоты, а монастырь занятъ. За нимъ находился другой монастырь, слабо защищенный: онъ былъ взятъ безъ особеннаго труда австрійцами. Турки бѣжали отовсюду въ полномъ разстройствѣ, бросая по дорогѣ все, что̀ могло облегчить ихъ бѣгство. Десять часовъ продолжался кровавый бой; союзниковъ было 25.000, въ томъ числѣ 7.000 русскихъ; турокъ почти 50.000. Союзники понесли убыль человѣкъ въ 500; трофеи ихъ состояли изъ 12 пушекъ, 16 знаменъ, большого количества скота, 1.000 повозокъ съ запасами, богатаго лагеря и продовольственныхъ магазиновъ; плѣнныхъ насчитано не больше сотни. Потеря турокъ людьми осталась неизвѣстною; по донесенію Суворова, однако, убитыхъ насчитали до 1.500. Кобургъ и Суворовъ съѣхались и крѣпко обнялись; съ этого дня они сдѣлались друзьями по смерть. Отношенія между союзниками оставались безукоризненными даже при дѣлежѣ добычи. Суворовъ получилъ отъ государыни брилліантовый крестъ и звѣзду къ ордену Андрея Первозваннаго, а отъ австрійскаго императора—богатую табакерку.

Послѣ побѣды, русскій корпусъ долженъ былъ возвратиться въ свой районъ; хотя Суворовъ и порывался перейти въ наступленіе, но это не согласовалось съ общимъ планомъ Потемкина. Суворову, однако, было подтверждено—не допускать скопленія непріятеля въ его сторонѣ и, въ случаѣ надобности, атаковать. Онъ продвинулся нѣсколько впередъ и сталъ производить безпрестанныя развѣдки. То же самое дѣлалъ и принцъ Кобургскій, который скоро замѣтилъ наступленіе турокъ и обратился къ Суворову за помощью. Суворовъ получилъ это извѣщеніе 6-го сентября ночью, но усомнился въ его вѣрности и рѣшился обождать. Почти черезъ сутки прискакалъ новый гонецъ отъ Кобурга. Суворовъ увидѣлъ, что медлилъ напрасно, а потому

выступилъ тотчасъ же, въ полночь на 8-ое сентября, и на походѣ получилъ отъ Потемкина подтвержденіе—помочь Кобургу. Походъ былъ чрезвычайно тяжелъ: мостъ оказался наведенъ не на мѣстѣ, проливной дождь испортилъ дороги, наконецъ разразилась буря. Требовался особый спѣхъ, а между тѣмъ войска двигались, по приведеннымъ причинамъ, медленнѣе обыкновеннаго, и Суворовъ переживалъ тревожные часы, но, къ счастью союзниковъ и на свою бѣду, турки также не торопились. Рано утромъ 10-го сентября русская кавалерія подошла къ австрійскому лагерю, а къ полудню пришелъ и весь отрядъ. На этотъ разъ Суворовъ не уклонился отъ свиданія съ Кобургомъ и прямо выразилъ ему свое убѣжденіе въ необходимости атаковать турокъ немедленно. Но Кобургъ не соглашался, приводя разные резоны, между прочимъ, огромный численный перевѣсъ непріятеля. Суворовъ горячо оспаривалъ мнѣніе Кобурга и, наконецъ, объявилъ, что атакуетъ турокъ одинъ. Принцъ нехотя согласился.

Съ рѣки Мильки, гдѣ стояли австрійцы, невдалекѣ отъ Фокшанъ, Суворовъ поѣхалъ впередъ къ р. Рымнѣ, за которой виднѣлись турки, влѣзъ на дерево и осмотрѣлъ всю мѣстность, насколько хваталъ глазъ. Затѣмъ онъ сообщилъ принцу свои наблюденія, обѣщалъ прислать офицера для окончательнаго соглашенія и отправился спать, такъ какъ нѣсколько ночей не смыкалъ глазъ. Какъ только зашло солнце, войска тронулись двумя колоннами—въ правой русскіе, въ лѣвой австрійцы—и шли тихо, безъ сигналовъ и команды, чтобы раньше времени не открыть себя непріятелю. Перешли двѣ рѣки вбродъ, построились въ боевой порядокъ, какъ при Фокшанахъ, и за р. Рымной раздѣлились: русскіе взяли круто вправо, а австрійцы—наискосокъ впередъ и вправо; въ промежуткѣ между ними помѣстился полковникъ Карачай, съ коннымъ отрядомъ. Турки стояли въ нѣсколькихъ лагеряхъ; тотъ, противъ котораго шелъ Суворовъ, выслалъ впередъ конницу и открылъ огонь, а конница подвезла на спинахъ своихъ лошадей 3.000 пѣхоты. Русскіе тутъ встрѣтили сильное сопротивленіе, но Суворовъ распоряжался такъ мастерски, что турки, наконецъ, ударились въ бѣгство безъ оглядки, по два всадника на конѣ. Тѣмъ временемъ, въ промежутокъ между русскими и австрійцами направилась громадная масса турецкой конницы, тысячъ въ 15 или 20, и стала производить жестокія атаки одна за другою. Каре дрожали подъ этими ударами, иногда даже турки прорывались внутрь, но храбрыя войска выстаивали и отбивали натиски на славу, а Суворовъ передвигалъ батальоны такъ, что турки попадали подъ перекрестный

ихъ огонь. Истомившись отъ напрасныхъ усилій, турки всею массою отхлынули назадъ.

Истомились и союзники. Какъ бы по взаимному соглашенію бой затихъ на полчаса, а потомъ возгорѣлся съ новою энергіей. Австрійцы продолжали вести атаку на опушку лѣса, усиленную длиннымъ окопомъ. Суворовъ повелъ своихъ на дер. Боксу, правѣе окопа. Несмотря на сильный огонь турецкой артиллеріи и на ежеминутные налеты конницы, Бокса была взята, и Суворовъ примкнулъ, наконецъ, своимъ лѣвымъ флангомъ къ правому флангу австрійцевъ, чего Кобургъ давно ждалъ, посылая къ Суворову офицера за офицеромъ, ибо ему было очень тяжело. Теперь союзники повели совмѣстную атаку на турецкій ретраншаментъ, который, къ ихъ счастью, далеко не былъ оконченъ. За нѣсколько сотъ саженъ, союзная конница, находившаяся въ интервалахъ первой атакующей линіи, вынеслась впередъ и помчалась на ретраншаментъ; пѣхота продолжала наступать удвоеннымъ шагомъ. Оборонявшіе ретраншаментъ янычары бились отчаянно, но не могли долго удержаться и полегли на мѣстѣ, или ударились бѣжать. Союзная кавалерія горячо ихъ преслѣдовала, причемъ отбила нѣсколько тысячъ повозокъ. Тутъ полегло турокъ гораздо больше, чѣмъ въ сраженіи, особенно при переправѣ черезъ Рымникъ. Принцъ Кобургскій, съ огромной свитой, пріѣхалъ къ Суворову; оба они молча и крѣпко обнялись. Но сдѣлано было еще не все. Правда, главный турецкій лагерь, на 70.000 человѣкъ, былъ союзниками уже занятъ, и побѣда не подлежала сомнѣнію, но ее слѣдовало довершить. Верстахъ въ четырехъ за Рымникомъ находился еще лагерь поменьше; его захватили, и затѣмъ бой превратился въ преслѣдованіе.

Въ этомъ знаменитомъ сраженіи турокъ находилось 100.000 человѣкъ, даже, можетъ быть, нѣсколько больше; союзниковъ же, какъ и при Фокшанахъ, всего 25.000. Потеря турокъ простиралась до 15.000; кромѣ того, взято у нихъ 80 пушекъ, до сотни знаменъ, нѣсколько тысячъ повозокъ съ разнымъ добромъ, цѣлыя стада скота. Потеря союзниковъ была безъ сравненія меньше и, можетъ быть, не доходила до 1.000. Легко понять, какое впечатлѣніе эта блестящая побѣда произвела на обѣ воюющія стороны. Суворовъ получилъ графское достоинство съ прозваніемъ Рымникскаго, орденъ Георгія I-го класса, богатую шпагу, бриллiантовый эполетъ и перстень, а отъ австрійскаго императора—титулъ графа Священной Римской Имперіи. Кобургу, произведенному императоромъ въ фельдмаршалы, Екатерина пожаловала бриллiантовую шпагу.

Послѣ рымникской побѣды, Суворовъ опять хотѣлъ двинуться за Дунай, но Потемкинъ снова отказалъ. Такимъ образомъ, на зиму 1789—90 г. онъ остался на своемъ посту, въ Бырладѣ, разъѣзжая по войскамъ, для ихъ осмотра и обученія. Въ Бырладѣ онъ занимался чтеніемъ и, между прочимъ, изученіемъ корана и турецкаго языка. Иногда къ чтенію приглашались офицеры Суворовскаго штаба и другія лица; устроивалось нѣчто вродѣ научныхъ бесѣдъ или состязаній, преимущественно по исторіи. Близкія къ Суворову лица, да и посторонніе, терпѣть не могли этихъ собесѣдованій, потому что, за малыми исключеніями, были люди невѣжественные. Вообще, Суворовскіе приближенные не пользовались хорошею репутаціей; они были въ значительной долѣ лица ниже посредственности, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, такъ что онъ самъ съ ними не очень церемонился и обращался пренебрежительно. Образъ его жизни и вся обстановка на зимнихъ квартирахъ были простые и скромные, до отрицанія всякаго понятія о комфортѣ, а въ дѣятельное время кампаніи нисходили до уровня солдатскаго обихода. У него, напр., вовсе не было столоваго бѣлья и посуды, а доставалъ ихъ камердинеръ его, Прохоръ, гдѣ попало. Онъ не имѣлъ также ни экипажа, ни лошадей, да и верховую лошадь бралъ обыкновенно казачью. Относительно же странностей и причудъ, Суворовъ во вторую турецкую войну прослылъ уже „чудакомъ“ вполнѣ сформировавшимся.

VII.

Между тѣмъ австрійская политика сдѣлала крутой поворотъ, и Австрія примирилась съ Турціей. Русскимъ приходилось дѣйствовать только на пространствѣ отъ моря до р. Серета, согласно статьѣ перемирія Австріи съ Турціей. На Нижнемъ-Дунаѣ предстояло завладѣть турецкими укрѣпленными пунктами и уничтожить рѣчныя непріятельскія суда. Большая часть этого плана была исполнена безъ особеннаго труда; къ концу ноября 1790 года оставалась у турокъ одна крѣпость — Измаилъ. Его крѣпостной валъ тянулся на 6 верстъ, вышиною до 3—4 саженъ, глубина рвовъ доходила до—4, а ширина до—6; число крѣпостныхъ орудій превосходило 200. Потемкинъ послалъ туда отряды достаточной силы, но подъ начальствомъ разныхъ генераловъ, такъ что общаго командованія не было; время уходило на безконечные и безплодные совѣщанія и споры, и дѣло не

двигалось. Настало осеннее ненастье, въ продовольствіи и топливѣ оказался недостатокъ, развились болѣзни, стали появляться признаки деморализаціи. Генералы пришли къ рѣшенію—разойтись на зимнія квартиры. Но прежде, чѣмъ это рѣшеніе дошло до Потемкина, онъ рѣшилъ послать подъ Измаилъ Суворова; однако, при всемъ желаніи взять Измаилъ штурмомъ, далъ Суворову полномочіе—поступать по своему усмотрѣнію. Суворовъ собирался недолго; послалъ отступавшимъ изъ-подъ Измаила войскамъ приказаніе возвратиться, велѣлъ туда же отправиться нѣкоторымъ изъ своихъ войскъ, самъ выѣхалъ верхомъ и прибылъ подъ Измаилъ 2-го декабря, въ сопровожденіи одного казака. Осмотрѣвшись на мѣстѣ, онъ увидѣлъ, что дѣло предстоитъ очень трудное, ибо въ Измаилѣ сидѣло 35.000, а у него самого насчитывалось только 30.000, да и то почти на половину казаковъ; не было большихъ пушекъ, продовольствія слишкомъ мало, а больныхъ много. Тѣмъ не менѣе, Суворовъ понималъ, что исходъ возможенъ только одинъ—штурмовать. Закипѣла работа; насыпали для батарей окопы, заготовляли штурмовыя лѣстницы и фашины, по ночамъ войска обучались штурмованію. Въ это же время велись съ турками переговоры о сдачѣ, но тщетно, ибо два раза русскіе отступали изъ-подъ Измаила—значитъ, можно было разсчитывать и на третій разъ. Суворовъ собралъ военный совѣтъ; въ одинъ голосъ рѣшено—штурмовать. Днемъ штурма назначено 11-ое декабря; объявлена весьма обстоятельная диспозиція; между прочимъ, запрещено врываться внутрь крѣпости, пока не открыты ворота и не впущены резервы; приказывалось, начавъ атаку, не останавливаться, ничего не зажигать, къ пороховымъ погребамъ ставить караулы; дѣтей, женщинъ и безоружныхъ не трогать и т. п.

Декабря 10-го, съ ранняго утра до ночи, съ русскихъ батарей и флотиліи производилась сильная пальба по крѣпости. Спустилась ночь, въ которую мало кто спалъ; не спалъ и Суворовъ. Въ три часа ночи, 11-го декабря, взлетѣла ракета, войска поднялись и стали строиться. Всѣхъ штурмовыхъ колоннъ было 9, изъ нихъ три со стороны Дуная, отъ гребной флотиліи. Въ 6-мъ часу колонны тронулись на приступъ, но атаковали не въ одно время, ибо и путь имъ былъ разной длины, и препятствія встрѣчались неодинаковыя. Турки безпрестанно наскакивали на тылъ штурмующихъ, разрывали штурмовыя колонны; въ двухъ колоннахъ изъ спѣшенныхъ казаковъ, гдѣ не было ружей со штыками, а вмѣсто нихъ пики, перерубали эти пики саблями, и казаки гибли почти безоружные. Но резервы русскіе исполняли

свое дѣло по диспозиціи исправно и являлись, гдѣ нужно, на выручку; когда можно, одна колонна помогала другой, по-товарищески. Въ одномъ полку, гдѣ почти всѣ офицеры были перебиты или переранены, повелъ солдатъ полковой священникъ и первый полѣзъ по лѣстницѣ на валъ, съ крестомъ въ рукѣ. Въ восемь часовъ утра вся крѣпостная ограда была въ рукахъ русскихъ, и они стали двигаться концентрически. Завязавшійся внутри крѣпости бой становился съ каждымъ часомъ все яростнѣе и упорнѣе; каждая площадь и улица представляли собой поле сраженія; дома были обороняемы такъ, что приходилось ихъ штурмовать или разбивать изъ пушекъ. Все было окончено лишь къ 4-мъ часамъ. Двукратная неудача подъ Измаиломъ сдѣлала измаильскій штумъ очень кровавымъ. Убитыхъ у непріятелей оказалось около 26.000, плѣнныхъ вооруженныхъ—до 9.000; знаменъ взято 373, пушекъ—275, судовъ—42, лошадей—до 10.000, и множество запасовъ харчевыхъ и боевыхъ. Войска получили добычи болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей; грабили трое сутокъ, сообразно съ военными обычаями времени. Русскіе понесли потерю также немалую: убитыхъ и раненыхъ у насъ было тысячъ семь или восемь.

Было сдѣлано очень большое и очень трудное дѣло; примѣры подобныхъ подвиговъ въ военныхъ лѣтописяхъ рѣдки. Самъ Суворовъ сказалъ впослѣдствіи, что такой штурмъ можно предпринимать только разъ въ жизни. Впечатлѣніе получилось подавляющее, которое въ Турціи доходило до ужаса и оцѣпенѣнія. Потемкинъ встрѣтилъ въ Яссахъ Суворова восторженно, обнялся съ нимъ, нѣсколько разъ поцѣловался и спросилъ: „Чѣмъ могу я наградить ваши заслуги?“ Суворовъ отвѣчалъ обидчиво: „Ничѣмъ; я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и государыни, никто меня наградить не можетъ“. Потемкинъ поблѣднѣлъ; оба прошлись нѣсколько разъ по комнатѣ рядомъ, раскланялись и разошлись. Случай этотъ нельзя объяснить иначе, какъ характеристикой того вѣка, вѣка искательствъ, лести и кривыхъ путей. Необычайно даровитый Суворовъ успѣлъ состариться прежде, чѣмъ сдѣлался знаменитостью. Путы, мѣшавшія ему развернуть свое дарованіе, онъ могъ сбрасывать лишь съ помощью испытанныхъ пріемовъ вѣка, и то медленно, съ выдержкой. Еще недавно принцъ Кобургскій получилъ фельдмаршальство, а онъ, Суворовъ, главный виновникъ побѣды,—нѣтъ. Зато теперь, послѣ измаильскаго штурма, онъ вздохнулъ свободно, въ твердой увѣренности, что званіе выс-

наго военачальника отъ него не уйдетъ. Но онъ ошибся, вдвойнѣ ошибся, несмотря на то, что зналъ Потемкина хорошо.

Во-первыхъ онъ не подозрѣвалъ, что всѣ предшествовавшія награды, которыя онъ получилъ, продиктованы имп. Екатеринѣ Потемкинымъ, даже графское достоинство. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ знать, что Потемкинъ не потерпитъ около себя равнаго по положенію, да еще съ громаднымъ перевѣсомъ дарованія. Такимъ образомъ, Суворовъ разсчиталъ невѣрно и создалъ себѣ жестокаго врага изъ прежняго протектора. А императрица Екатерина, какъ и прежде, наградила Суворова, посовѣтовавшись съ Потемкинымъ. Она приказала выбить въ честь его медаль, назначила его подполковникомъ въ преображенскій полкъ, гдѣ она сама числилась полковникомъ, а по заключеніи мира пожаловала ему, уже собственной инйціативой, похвальную грамоту, эполетъ и перстень, украшенные бриліантами, и, наконецъ, Георгія 3-й степени, для возложенія, по его усмотрѣнію, на достойнѣйшаго.

VIII.

Изъ Яссъ Суворовъ поѣхалъ въ Петербургъ, представился императрицѣ, но затѣмъ оставался тамъ безъ всякаго дѣла. Пріѣхалъ и Потемкинъ; на него посыпались милости и разные знаки благоволенія; Суворовъ оставался въ тѣни. У Потемкина готовился великолѣпный праздникъ въ ознаменованіе славныхъ минувшихъ событій; Суворова удалили, давъ порученіе въ Финляндію—объѣхать шведскую границу и проектировать систему пограничныхъ укрѣпленій. Суворовъ тотчасъ поѣхалъ и меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ исполнилъ порученіе. Имп. Екатерина одобрила проектъ и назначила самого Суворова къ его исполненію и къ командованію тамошними войсками. Странность оставалась странностью: продолжалась война съ Турціей, а единственный военачальникъ, бившій турокъ постоянно и доведшій это искусство до виртуозности, былъ приставленъ къ постройкѣ крѣпостей. Суворовъ, однако, принялся за дѣло ретиво, переносился съ мѣста на мѣсто, какъ молодой человѣкъ, слѣдилъ за работами и осматривалъ строительные матеріалы, строилъ кирпичные заводы, сооружалъ грузовыя суда, чинилъ артиллерію. Дѣло шло очень негладко и съ постоянными для Суворова непріятностями, но все-таки налаживалось: укрѣпленія выростали, каналы вытягивались, и имп. Екатерина благодарила Суворова не одинъ разъ. Работы дѣйстви-

тельно шли быстро, но, между прочимъ, потому, что онѣ надоѣли Суворову сильно, и онъ торопился отъ нихъ отвязаться, чтобы перейти на иную службу, въ иномъ мѣстѣ и уйти отъ непріятностей, которыя, впрочемъ, касались не одной строительной его дѣятельности. Въ Финляндіи русскія войска издавна страдали многими болѣзнями, при значительной смертности отъ суроваго климата, дурной пищи, худыхъ условій квартированія, и несли громадную убыль отъ бѣговъ, вслѣдствіе близости шведской границы. Суворовъ принялся исправлять эти изъяны и во многомъ видимо успѣлъ, но достигались улучшенія съ неимовѣрнымъ трудомъ и далеко не въ такихъ размѣрахъ, какихъ онъ добивался.

Непріятностей было много, потому что у Суворова было немало недруговъ. Принадлежали они большею частью къ высшему слою общества; причиною ихъ нерасположенія къ Суворову была или зависть, или задѣтое самолюбіе, такъ какъ онъ поднималъ ихъ на смѣхъ и клеймилъ безпощадными желчными сарказмами. Въ Финляндіи, до свѣдѣнія его стало доходить, что въ Петербургѣ носятся слухи, будто войска его наги и босы, что рабочихъ на укрѣпленіяхъ дурно кормятъ и, сверхъ того, мучатъ непосильными строевыми ученьями. Особенно донимали его нападками за эвакуацію госпиталей, которыхъ онъ дѣйствительно не любилъ и считалъ гнѣздами заразы. Суворовъ сердился, отбивался отъ клеветы цифрами, называя распускаемую про него ложь „прибасками кабацкаго ярыги", грозился, что потребуетъ удовлетворенія, какъ частный человѣкъ; въ оффиціальномъ письмѣ назвалъ составленную своимъ предшественникомъ вѣдомость „безтолковою", упрекалъ его въ „недоуміи". Сверхъ того, онъ написалъ своему довѣренному лицу въ Петербургѣ, Хвостову (извѣстному бездарному стихотворцу, женатому на его племянницѣ), письмо, съ ѣдкими выходками въ стихахъ и прозѣ противъ своихъ недоброжелателей, и письмо это, по неосторожности Хвостова, стало циркулировать въ копіяхъ по Петербургу.

Но не однѣ эти непріятности отравляли его существованіе въ Финляндіи. Ревнивый къ славѣ другихъ до зависти, онъ съ особеннымъ, болѣзненнымъ чувствомъ слѣдилъ за всѣмъ, что̀ дѣлали другіе, и что̀, по его искреннему убѣжденію, долженъ былъ дѣлать онъ, потому что онъ сдѣлалъ бы лучше. Одна война, вторая турецкая, гдѣ онъ единолично блестѣлъ, какъ звѣзда, кончилась безъ его участія; другая, вторая польская, завершившаяся вторымъ раздѣломъ, подготовлялась, велась и окончилась также безъ него. Сидя въ Финляндіи, надъ кирпичами, на-

вестью, подрядчиками, контрактами, Суворовъ метался какъ левъ въ клѣткѣ, подозрѣвая всѣхъ въ зложелательствѣ, въ интригахъ, въ подвохахъ

„Коли нельзя играть въ кегли, играйте въ бабки“,—писалъ онъ Хвостову, но этого мудраго правила къ самому себѣ примѣнить не могъ. „Баталія мнѣ лучше, чѣмъ лопата, известь и пирамида кирпича“,—писалъ онъ тому же Хвостову: „мнѣ лучше 2—3.000 человѣкъ въ полѣ, чѣмъ 20—30.000 въ гарнизонѣ“. Онъ даже рѣшился обратиться къ императрицѣ съ просьбою о назначеніи его въ Польшу, но Екатерина отвѣчала, что польскія дѣла не такъ важны, да и приходятъ къ концу. Это его не успокоило; онъ собирался подать въ отставку или просить разрѣшенія поступить въ иностранную службу; однако, его успѣли отъ этого намѣренія отговорить, хотя и съ большимъ трудомъ. Суворовъ сталъ все чаще и чаще мечтать о переходѣ на югъ, къ турецкой границѣ, хотя увѣрялъ, что одинаково готовъ отправиться въ Камчатку, Мекку, Мадагаскаръ или Японію. Къ концу 1792 года горячее желаніе его было исполнено, и его перемѣстили въ Херсонъ.

IX.

Въ Херсонѣ онъ скоро убѣдился, что тутъ то же самое, что въ Финляндіи, только еще хлопотливѣе: надо укрѣплять границу, приводить войска въ готовность къ войнѣ, завѣдывать гребной флотиліей, улучшать санитарное состояніе войскъ, преслѣдовать казнокрадство и проч. За всѣ эти дѣла Суворовъ принялся очень горячо, даже слишкомъ горячо, такъ что скоро превысилъ свои полномочія на 90.000 руб. и думалъ-было прибѣгнуть къ продажѣ своихъ деревень. Къ счастью, дѣло обошлось безъ этого. Съ реформою госпиталей онъ долженъ былъ поступать какъ можно осторожнѣе, помня финляндскія непріятности; улучшеніемъ санитарнаго состоянія войскъ занялся съ особеннымъ вниманіемъ и многостороннимъ изслѣдованіемъ причинъ. Всѣ причины, въ сущности, у него сводились къ одному положенію: санитарное состояніе войскъ находится въ прямой зависимости отъ степени заботливости начальниковъ объ ихъ подчиненныхъ.

Вскорѣ дѣла стали поправляться; особенно понизились цифры бѣглыхъ и умирающихъ, но радикальнаго улучшенія, по краткости времени, добиться было невозможно. Къ тому же,

вниманіе Суворова, по временамъ, отвлекалось совсѣмъ на другой предметъ, именно за границу. Тамъ разыгрывались французскія революціонныя войны, составлялись коалиціи. Суворову надоѣло въ высшей степени чинить суда, строить крѣпости, возиться съ гнилымъ провіантомъ, комплектовать военныя аптеки и т. п. Лѣтомъ 1793 года онъ не выдержалъ, послалъ императрицѣ просьбу объ увольненіи его—„по здѣшней тишинѣ"—волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ. Государыня не согласилась по причинамъ, которыя остались невыясненными, и Суворовъ какъ будто успокоился. Только не надолго онъ успокоился; терпѣлъ приблизительно съ годъ, а потомъ опять рѣшился „перейти чрезъ Рубиконъ" и, на зло „тиранству судьбы", повторить императрицѣ свою просьбу. Екатерина, однако, и на этотъ разъ не согласилась, но неудовольствія не выказала, а только иронически отозвалась о неудачахъ принца Кобургскаго, Суворовскаго ученика, который „за Рейнъ убирается".

Въ дѣйствительности, Суворовъ въ Херсонѣ не скучалъ и не грустилъ, какъ можно было, повидимому, думать, а жилъ весело, пользовался разными развлеченіями въ своемъ вкусѣ и былъ всѣми любимъ. Но неудовольствіе у него несомнѣнно существовало и росло подъ напоромъ событій. Послѣ двукратнаго раздѣла Польши, въ средѣ поляковъ-эмигрантовъ зародилась и созрѣла мысль—вызвать революцію и новую войну, а руководительство этимъ дѣломъ возложить на пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и любовью литвина Ѳаддея Косцюшко. Въ мартѣ 1794 года онъ прибылъ изъ-за границы въ Краковъ и поднялъ возстаніе. Война загорѣлась. Косцюшко одержалъ побѣду надъ русскимъ отрядомъ; въ апрѣлѣ поднялась Варшава; русскія войска, тамъ находившіяся, съ трудомъ пробились за городъ, потерявъ много убитыми и ранеными; не мало было перебито и безоружныхъ. Стало неспокойно и въ областяхъ, отошедшихъ отъ Польши по раздѣламъ. Императрица поручила оборону русской границы двоимъ: сѣверную часть Репнину, а остальную, до самой Турціи—Румянцеву. Дѣла въ Польшѣ затягивались; становилось видно, что съ поляками до зимы не покончить. Суворовъ мучился, рвалъ и металъ, видя, какія неумѣлыя руки орудуютъ на театрѣ войны, и съ тоскою писалъ племяннику Хвостову: „Въ Польшѣ я бы въ сорокъ дней кончилъ". Наконецъ, Румянцевъ рѣшился, на свой страхъ и рискъ, послать въ Польшу Суворова, хотя ему было гораздо дальше къ театру войны, чѣмъ Репнину. Именно, Румянцевъ приказалъ Суворову идти къ Бресту, оттянуть польскія войска отъ другихъ мѣстъ и разбить ихъ.

Суворовъ выступилъ изъ Немирова 11-го августа 1794 года, съ отрядомъ въ 4.500 человѣкъ; обоза взялъ небольшую часть; для своего багажа ограничился одной кибиткой; изъ прислуги назначилъ въ походъ двухъ человѣкъ; самъ отправился верхомъ. Безъ малаго 300 верстъ сдѣлалъ онъ безъ дневокъ, а затѣмъ еще 150. Онъ шелъ такъ скрытно, что подъ Дивиномъ въ его руки попалъ передовой польскій отрядъ, человѣкъ въ 150, а немного дальше, подъ Кобриномъ, перебито или забрано живьемъ изъ польскаго авангарда до 400 человѣкъ. По пути, онъ усилился разными частями русскихъ войскъ, и когда подходилъ къ Крупчицамъ, у него было уже 11 тысячъ. Поляки, подъ командою Сѣраковскаго, стояли за болотомъ, по которому протекалъ ручей; впереди было нѣсколько батарей, вправо и влѣво—лѣсистые холмы, сзади—Крупчицкій монастырь. Суворовъ попытался-было начать атаку съ коннымъ полкомъ, но завязъ въ болотѣ; тогда, по его приказу, пѣхота разобрала нѣсколько избъ и съ великимъ трудомъ, по бревнамъ и доскамъ, перешла болото, таща 4 пушки. Выстроившись, она ударила въ штыки; Сѣраковскій сталъ медленно отступать. Тѣмъ временемъ русская конница перебралась черезъ топь, ведя лошадей въ поводу, и стала налетать на поляковъ съ фланговъ, а пѣхота била въ штыки. Но поляки, благодаря своей сильной артиллеріи, успѣли передъ солнечнымъ закатомъ втянуться въ густой лѣсъ, гдѣ гнать и бить ихъ уже было нельзя. Все-таки они понесли очень большую потерю убитыми, ранеными и плѣнными, тысячъ до трехъ, когда у нихъ въ строю было всего не больше 12—13.000. Всѣ очень устали, а больше всѣхъ Суворовъ; однако, нельзя было успокоиться на лаврахъ, ибо хотя поляки были сильно побиты, но не совсѣмъ разбиты. Отдохнувъ немного, онъ пообѣдалъ, объѣхалъ войска, благодарилъ за побѣду, посѣтилъ раненыхъ, и когда полки подкрѣпились и отдохнули, поднялъ ихъ на ноги, около двухъ часовъ ночи. Былъ отданъ короткій приказъ: „патроновъ не мочить", что̀ обозначало предстоящій переходъ рѣки вбродъ, и дѣйствительно два раза перешли вбродъ Мухавецъ, одинъ разъ Бугъ и утромъ стали строиться въ боевой порядокъ невдалекѣ отъ Бреста.

Поляки ожидали русскихъ совсѣмъ съ другой стороны, а потому, чтобы встрѣтить ихъ лицомъ къ лицу, перемѣнили направленіе своего фронта. Они открыли артиллерійскій огонь, который русскимъ былъ очень чувствителенъ. Суворовъ распорядился, чтобы пѣхота атаковала прямо, а конница охватила бы непріятеля справа и слѣва и частію съ тыла. Но Сѣраковскій,

не надѣясь справиться съ противникомъ, опять велѣлъ своему корпусу перейти въ отступленіе тремя большими колоннами. Суворовъ приказалъ кавалеріи немедленно атаковать, а пѣхотѣ спѣшить ей на поддержку. Войска двинулись; но Сѣраковскій успѣлъ тѣмъ временемъ занять выгодную позицію. Артиллерія польская дѣйствовала искусно, такъ что отбила двѣ атаки русской конницы; зато третья удалась. Было захвачено нѣсколько польскихъ пушекъ, кавалерія прогнана, а пѣхота сильно разстроена. Сѣраковскій, замѣтивъ, что русская пѣхота подходитъ, велѣлъ продолжать отступленіе. Поляки двинулись къ ближнему лѣсу, думая спастись, какъ при Крупчицахъ, но это имъ не удалось. Подоспѣла вторая половина русской конницы и вмѣстѣ съ первою произвела сильную атаку. Поляки оборонялись отчаянно; но когда подоспѣли русскіе егерскіе батальоны, спѣша такъ, что людямъ едва хватало дыханія,—польское дѣло было окончательно проиграно. Спаслись немногіе, едва ли больше 1.000, да въ плѣнъ попало немного больше 500, а въ строю поляковъ состояло до 10.000. Русскіе потеряли сравнительно немного, именно до 1.000 человѣкъ и столько же лошадей. Въ дѣлѣ участвовала половина Суворовскаго корпуса, т.-е. 5.000 человѣкъ; остальные не поспѣли. Суворовъ донесъ Румянцеву, что корпусъ Сѣраковскаго подъ Брестомъ „конченъ". Императрица пожаловала ему дорогой алмазный бантъ на шляпу и три пушки изъ числа отбитыхъ у поляковъ 28-ми. Но, зато, съ самаго этого дня, 8-го сентября, Суворовъ засѣлъ въ Брестѣ надолго, конечно, не по своему желанію; войска его стали тутъ лагеремъ и пошли ученья.

Все это произошло оттого, что войскъ у Суворова, за разсылками по разнымъ надобностямъ, оставалось 5.000 съ небольшимъ; идти съ такимъ числомъ впередъ—было дѣломъ рискованнымъ, тѣмъ болѣе, что оставалось неизвѣстнымъ, куда идти. Въ Брестъ пришла вѣсть, что прусскій король, стоявшій подъ Варшавой съ арміей, вдругъ все бросилъ и спѣшно пошелъ домой, такъ какъ тамъ поляки подняли возстаніе. Слухъ былъ справедливъ, а также и то, что русскій корпусъ Ферзена, находившійся при королѣ, направился къ русской границѣ. Но затѣмъ не получалось никакихъ вѣстей: гдѣ Ферзенъ, куда держитъ путь, что съ нимъ сталось? Посланы были разъѣзды; но собранные ими слухи были такъ лживы и даже нелѣпы, что только сбивали съ толка. Прошло не мало времени, пока пришло отъ Ферзена донесеніе, что онъ перешелъ Вислу и идетъ къ Бресту. Но Косцюшко также не дремалъ: чтобы не дать Ферзену соединиться съ Суворовымъ, онъ бросился имъ на пере-

рѣзъ, вступилъ въ бой съ Ферзеномъ 28-го сентября, былъ имъ разбитъ на голову и попалъ въ плѣнъ раненый. Только теперь, получивъ эту вѣсть, Суворовъ почувствовалъ свои руки свободными, и съ глазъ его свалилась повязка. Онъ рѣшилъ идти впередъ, въ Варшаву. У него скопилось къ этому времени до 8.000 человѣкъ; Ферзену онъ послалъ приказъ—двинуться къ Прагѣ; такой же приказъ отправилъ къ Дерфельдену, состоявшему въ командѣ Репнина, и, такимъ образомъ, составилъ себѣ армію, пользуясь однимъ правомъ старшинства.

Невдалекѣ отъ Варшавы Суворовъ соединился съ Ферзеномъ, и по слуху—будто вблизи, въ Окуневѣ и Кобылкѣ, стоятъ польскія войска,—онъ послалъ въ первый Ферзена, а во второй пошелъ самъ. Авангардъ Исаева дѣйствительно ихъ нашелъ въ лѣсу, на обширной полянѣ; тутъ было тысячи три или четыре; пѣхота стояла по срединѣ, конница по краямъ; фланги обороняли изъ лѣса пушки и стрѣлки. Прискакалъ Суворовъ, осмотрѣлся и послалъ приказъ—конницѣ идти шибко, безъ отдыха, а за ней торопиться и пѣхотѣ. Какъ только подошли передовые эскадроны, Суворовъ велѣлъ атаковать фланги. Польская конница была сбита, а пѣхота построилась въ двѣ колонны и начала отступать. Одна колонна, поменьше, потерявъ много людей, скоро сдалась; къ другой тѣмъ временемъ подоспѣли два русскихъ егерскихъ батальона почти бѣгомъ; остальная русская пѣхота оставалась еще далеко позади. Суворовъ послалъ часть своихъ войскъ непріятелю въ тылъ, такъ что полякамъ пришлось и отбиваться отъ однихъ, и пробиваться сквозь другихъ. Непріятель дрался съ храбростью отчаянною и, можетъ быть, спасся бы, если бы не находился въ этомъ именно мѣстѣ самъ Суворовъ. Нѣсколько эскадроновъ спѣшились и о-бокъ съ егерскимъ батальономъ ударили на польскую пѣхоту въ сабли и палаши. Польская пѣхота полегла лоскомъ. Бой продолжался недолго и кончился полнымъ разгромомъ поляковъ; спаслось ихъ нѣсколько сотенъ; вся артиллерія, 9 орудій—остались въ рукахъ русскихъ. Русская потеря ограничилась сотнями-двумя людей, да втрое бо̀льшимъ количествомъ лошадей; число участвовавшихъ въ бою было съ обѣихъ сторонъ приблизительно одинаковое.

Дня черезъ три или четыре прибылъ Дерфельденъ; подъ начальствомъ Суворова, такимъ образомъ, собралось 25.000 человѣкъ съ 86 орудіями. До Варшавы было очень близко, но ее загораживалъ укрѣпленный пунктъ—обширное предмѣстье Прага — по сю сторону Вислы. Прага соединялась съ Вар-

шавой длиннымъ мостомъ, который прикрывался небольшимъ укрѣпленіемъ, и была обнесена стариннымъ землянымъ валомъ; въ разномъ отъ него разстояніи, отъ 1/2 до 2 верстъ, тянулся длинный ретраншаментъ, надъ которымъ варшавскіе жители работали цѣлое лѣто. Между ретраншаментомъ и валомъ былъ расположенъ лагерь польскихъ войскъ; по ту сторону Вислы и на островѣ находилось нѣсколько земляныхъ батарей. На окопахъ стояло свыше 100 артиллерійскихъ орудій—большею частью крупнаго калибра; въ лагерѣ находилось около 20.000 человѣкъ. Октября 22-го, Суворовъ былъ уже подъ Прагой; тотчасъ началась постройка батарей, и на утро онѣ открыли огонь. Приготовленія къ штурму были окончены быстро, и 23-го числа вечеромъ прочитанъ въ ротахъ приказъ, въ которомъ говорилось почти то же самое, что четыре года тому назадъ подъ Измаиломъ: работать быстро и храбро, въ дома не забѣгать, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, ребятъ не трогать и т. п. Диспозиція къ штурму тоже напоминала измаильскую, но штурмовыхъ колоннъ назначено только семь; при каждой колоннѣ стрѣлки, рабочіе и шанцовый инструментъ, за колоннами резервы; назначены часы выступленія, указано—кому бить непріятеля, а кому обходить его и отрѣзывать, и т. д.

Пока шли эти приготовленія, въ Варшавѣ было неспокойно и тревожно. Выбранный вмѣсто Косцюшки главнокомандующимъ генералъ Вавржецкій былъ человѣкъ честный, обладалъ многими достоинствами, но не блисталъ особенными военными дарованіями и, во всякомъ случаѣ, равносильнымъ замѣстителемъ Косцюшки не могъ быть. Король не имѣлъ и тѣни власти; всѣмъ правилъ и вѣдалъ народный совѣтъ. Король, главнокомандующій и совѣтъ очень часто тянули въ разныя стороны; варшавское населеніе увеличивало рознь уличными смутами. Правда, огромное большинство хотѣло мира, но добиваться его всякій думалъ по-своему. Вавржецкій стоялъ за войну, но защиту Праги считалъ гибелью Варшавы. Подъ постояннымъ давленіемъ этой мысли онъ въ ночь съ 23-го на 24-ое октября поѣхалъ изъ Варшавы въ Прагу, чтобы сдѣлать распоряженія объ очищеніи Праги; но едва началъ отдавать соотвѣтствующія приказанія, какъ съ внѣшняго ретраншамента раздались выстрѣлы и начался штурмъ. Русскія колонны двинулись на приступъ въ пять часовъ утра. Ихъ встрѣтилъ жестокій ружейный огонь и перекрестные пушечные выстрѣлы; кромѣ того, пришлось подъ этимъ огнемъ одолѣвать многоразличныя препятствія: то тащиться по глубокому, сыпучему песку, то рубить палисады, то проби-

раться черезъ нѣсколько рядовъ волчьихъ ямъ. Поляки дали отпоръ сильный, мѣстами очень сильный, но все-таки внѣшній ретраншаментъ перешелъ въ русскія руки скоро. Затѣмъ наступленіе продолжалось съ величайшей энергіей, безъ малѣйшей потери времени. Тутъ отпоръ былъ силенъ только мѣстами и временами, такъ что поляки были сбиты и преслѣдуемы въ самую Прагу, гдѣ имъ заранѣе отрѣзали путь отступленія за Вислу. Вавржецкій съ частью войскъ перебраться черезъ мостъ успѣлъ, но ихъ не могло быть много. Въ Прагѣ началось кровавое побоище, которое еще усилилось и дошло до крайнихъ предѣловъ кровопролитія вслѣдствіе того, что изъ домовъ стали по русскимъ стрѣлять и бросать каменьями и разными тяжестями. Всѣ гибли безъ разбора; многіе бѣжали къ Вислѣ, но мостъ былъ уже закрытъ; бросались въ лодки, но ихъ было мало, и онѣ тонули отъ чрезмѣрнаго груза; пускались вплавь, но это кончалось тѣмъ же. Суворовъ не ожидалъ такого сильнаго ожесточенія, вызваннаго апрѣльскими событіями въ Варшавѣ. Мостъ, по его приказанію, оберегался, но эта гарантія становилась недостаточной, а разгромъ Варшавы разъяренными войсками въ его планы вовсе не входилъ. Онъ приказалъ—тотчасъ же разрушить мостъ съ нашей стороны; мостъ запылалъ и путь въ Варшаву былъ закрытъ. Немедленно послѣ того запылалъ онъ и съ варшавской стороны, потому что Вавржецкій пытался это давно сдѣлать, но выстрѣлы русской артиллеріи его отбивали. Стало быть, оба главнокомандующіе, русскій и польскій, сошлись на одной и той же мѣрѣ по однимъ и тѣмъ же соображеніямъ.

Между Варшавой и Прагой грохотала канонада; но отъ русской батареи Варшава несла меньше матеріальный, чѣмъ нравственный вредъ, въ видѣ ужаса, что̀ совершенно отвѣчало намѣреніямъ Суворова. Но, къ несчастью, уничтоженіе моста спасло Варшаву, зато Прагѣ причинило зло, ибо за огнемъ не усмотрѣли: онъ перекинулся съ моста на сосѣднія постройки и пошелъ гулять по Прагѣ. Помогли ему еще бомбы варшавскихъ батарей. Прага обратилась въ огненное море; совершенно сгорѣли три улицы. Въ то же время шелъ грабежъ; только поживиться тутъ мало кому удалось, потому что въ Прагѣ жилъ народъ бѣдный, который, притомъ, заранѣе былъ оповѣщенъ Вавржецкимъ объ ожидавшемся штурмѣ, съ совѣтомъ выбираться вонъ; значитъ, было время вывезти вещи дорогія и негромоздкія. Тотчасъ послѣ боя, Суворову разбили простую солдатскую палатку, къ которой собрались всѣ главные начальники; призваны были

и плѣнные польскіе генералы, которымъ Суворовъ пожалъ руки и обошелся съ ними очень привѣтливо. Къ обѣду приглашены были и плѣнные штабъ-офицеры, послѣ чего всѣ разошлись отдохнуть, тѣмъ болѣе, что почти всѣ главные начальники, начиная съ Суворова, были въ этотъ день больны, хотя и на ногахъ. Потери обѣихъ сторонъ можно опредѣлить лишь очень приблизительно. Непріятеля убито, умерло отъ ранъ и утонуло до 9—10.000; въ плѣнъ вооруженныхъ, безоружныхъ и раненыхъ попалось 11—13.000; пушекъ досталось 100 съ небольшимъ. Русская потеря должна быть не ниже 2—3.000 убитыхъ и раненыхъ. Особенно кровопролитнымъ штурмъ былъ потому, что въ немъ участвовали войска Ферзена, бывшія очевидцами варшавской рѣзни безоружныхъ русскихъ. Да и другіе послѣдовали ихъ примѣру и, дорвавшись до Праги, кричали другъ другу: „смотрите же, братцы, пощады никому!“ При всемъ томъ, прагскій штурмъ вовсе не доходилъ до такихъ чудовищныхъ крайностей, которыя ему намѣренно приписываются. Въ военномъ отношеніи представляя собою чрезвычайно вѣрно составленный планъ боевого предпріятія, прекрасно задуманнаго и образцово исполненнаго, онъ, однакоже, не можетъ равняться съ измаильскимъ. Но зато прагскій штурмъ имѣетъ историческое значеніе, несравненно выше измаильскаго: революція была подавлена, война подсѣчена въ корнѣ и затѣмъ послѣдовалъ третій раздѣлъ Польши.

Октября 25-го, вскорѣ послѣ полуночи, депутація варшавскаго магистрата, по порученію верховнаго совѣта и съ письмомъ короля, прибыла въ Прагу съ предложеніемъ капитуляціи. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ тотчасъ приготовилъ свои условія: всякое оружіе сложить въ условленномъ мѣстѣ и сдать; мостъ починить тотчасъ же; польскія войска распустить по сложеніи оружія; при этомъ, именемъ императрицы, гарантированы личная свобода и имущество каждаго, какъ военныхъ, такъ и мирныхъ обывателей. Прочитавъ предложеніе магистрата и письмо короля, Суворовъ вручилъ депутатамъ свои условія, коротенькій отвѣтъ королю, и отпустилъ ихъ обратно, въ Варшаву. Пріемъ его былъ чрезвычайно привѣтливый, любезный, и сопровождался радушнымъ угощеніемъ. Затѣмъ пошли переговоры; поляки затягивали дѣло, въ надеждѣ выторговать что-нибудь въ свою пользу; но Суворовъ, понимая, что въ настоящемъ случаѣ быстрота и твердость выше всего, развилъ свои весьма умѣренныя требованія больше прежняго и требовалъ немедленнаго исполненія. Очень трудно было все это полякамъ, потому что при

ихъ многоначаліи (король, верховный совѣтъ, главнокомандующій, магистратъ) вмѣшивалась въ дѣло и вліяла на его ходъ еще варшавская чернь. А замедленія дѣла больше всего желалъ Вавржецкій, которому нужно было время для вывода изъ Варшавы войскъ и вывоза ихъ имущества. Кончилось тѣмъ, что 28-го октября, передъ разсвѣтомъ, явились къ Суворову магистратскіе депутаты и просили его о скорѣйшемъ вступленіи русскихъ войскъ въ Варшаву, такъ какъ много въ ней было неспокойныхъ элементовъ.

Октября 29-го, утромъ, состоялось вступленіе русскихъ войскъ въ Варшаву. Магистратъ ожидалъ на варшавскомъ концѣ моста, съ ключами и хлѣбомъ-солью. Суворовъ братски обнялся съ членами магистрата, а многимъ другимъ, тутъ находившимся, пожималъ руки. Вошли въ городъ и прошли его благополучно; не только выстрѣловъ, но и другихъ громкихъ манифестацій не было, ибо наиболѣе горячіе и непримиримые оставили городъ раньше. Войска заняли свои лагерныя мѣста; магистратъ представилъ Суворову плѣнныхъ пруссаковъ, австрійцевъ и русскихъ, всего 2.000 человѣкъ безъ малаго, которымъ не разъ грозила смерть. Такимъ образомъ, Варшава была въ рукахъ Суворова, и слова его сбылись: не считая 29 дней, что онъ просидѣлъ въ Брестѣ не по своей волѣ, весь его походъ, отъ перехода польской границы до взятія Варшавы, продолжался 45 дней.

Изъ всей системы Суворовскихъ распоряженій, какъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдующихъ, видно, что его руководящею мыслью было—милосердіе и забвеніе старыхъ провинностей. Но мягкость принциповъ и пріемовъ въ однихъ дѣлахъ шла рядомъ съ необычайной энергіей и настойчивостью въ другихъ, и это свидѣтельствовало не слабость всей системы, а ея силу. Особенно былъ любезенъ, уступчивъ и мягокъ Суворовъ съ королемъ, которому онъ искренно симпатизировалъ. Такъ, на просьбу короля объ освобожденіи изъ плѣна одного изъ близкихъ ему лицъ, Суворовъ предложилъ ему освободить не одного, а 500 человѣкъ, и дѣйствительно это сдѣлалъ. Такимъ онъ былъ и во множествѣ другихъ дѣлъ. Но совершенно инымъ представлялся онъ въ случаяхъ другого рода,—наприм., при обезоруженіи польскихъ войскъ. Именемъ императрицы, онъ объявилъ имъ амнистію, но на условіи немедленнаго разоруженія. Еще до вступленія въ Варшаву, онъ послалъ генераловъ Ферзена и Денисова гнаться за польскими полками, нигдѣ не давая имъ покоя и принуждая къ сдачѣ; а если будутъ упорствовать, то

бить безъ пощады. Амнистія пришлась польскимъ войскамъ очень по душѣ; имъ давно прискучила война и связанныя съ нею тревоги, безпокойства, разореніе. Они давно бы разошлись по домамъ, если бы не препятствовали генералы да нѣкоторые изъ офицеровъ. Генералы были, впрочемъ, только временной задержкой, потому что почти у каждаго изъ нихъ были насчетъ будущаго свои планы. А русскія войска гнались неутомимо, не давая полякамъ одуматься. Одного ихъ появленія бывало довольно, чтобы поляки положили оружіе или встали бунтомъ, даже на глазахъ у самого Вавржецкаго, съ пушечной и ружейной пальбой. Вавржецкій, наконецъ, убѣдился, что не къ порѣ и не къ мѣсту питать себя несбыточными надеждами, и послалъ Суворову обѣщаніе—сдаться. Но онъ все еще тянулъ, торговался, выпрашивалъ новыя льготы. Наконецъ, 7-го ноября, генералъ Денисовъ накрылъ его съ другими четырьмя польскими генералами и предложилъ ѣхать въ Варшаву,—конечно, подъ карауломъ. Волей-неволей надо было согласиться. Четверо получили паспорты на жительство, гдѣ пожелаютъ; пятый, Вавржецкій, отказался дать подписку о спокойномъ пребываніи, а потому былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до своего освобожденія около двухъ лѣтъ. Такъ, въ какіе-нибудь 10 дней польская армія растаяла совершенно, а она была не мала: 30.000 человѣкъ. И сдѣлано все безъ излишняго пролитія крови, сочетаніемъ милосердія съ энергіей.

Легко понять, какое сильное впечатлѣніе произвела во всей Европѣ эта блестящая и кратковременная кампанія, которая потомъ привела къ колоссальнымъ результатамъ. Въ Петербургѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ имя Суворова было на всѣхъ устахъ. Особенно торжественно отпраздновано окончаніе войны въ Петербургѣ, такъ какъ она была дѣломъ русскихъ войскъ и русскаго полководца. Служили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, во дворцѣ былъ большой съѣздъ, парадный обѣдъ, во время котораго Суворовъ пожалованъ въ фельдмаршалы, его здоровье пили стоя при 201 пушечномъ выстрѣлѣ; посланъ ему фельдмаршальскій жезлъ въ 15.000 руб., пожаловано одно изъ столовыхъ имѣній польскаго короля, въ 7.000 душъ. Прусскій король и австрійскій императоръ также оказали ему свое особенное вниманіе и любезность: первый пожаловалъ ордена Краснаго и Чернаго Орла, а второй — свой портретъ, украшенный бриллліантами. Но самый эффектный и неожиданный сюрпризъ шелъ Суворову отъ Варшавы: магистратъ поднесъ ему золотую табакерку, обдѣланную въ брилліанты, съ польскою надписью: „Варшава—своему

избавителю" и съ обозначеніемъ дня штурма Праги, когда зажженный мостъ прервалъ сообщеніе между Прагой и Варшавой. Суворовъ чуть не заболѣлъ отъ всѣхъ этихъ торжествъ, причемъ и чудачествамъ его не было конца. Самая причудливая его выходка состояла въ томъ, что онъ разставилъ въ линію съ интервалами нѣсколько стульевъ, и именно столько, сколько генералъ-аншефовъ онъ обогналъ своимъ повышеніемъ; всѣ эти стулья онъ перепрыгнулъ одинъ за другимъ, приговаривая послѣ каждаго прыжка: „обошелъ такого-то". Но чѣмъ полнѣе былъ успѣхъ Суворова, тѣмъ болѣе онъ затрогивалъ личныя самолюбія и распалялъ зависть. Имп. Екатерина это предвидѣла, а потому рѣшеніе свое о производствѣ Суворова въ фельдмаршалы не сообщала до времени никому, даже управляющему военнымъ департаментомъ. И точно, повышеніе это произвело большую и непріятную сенсацію между очень многими, и два генералъ-аншефа, старше Суворова, подали въ отставку.

X.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, появились у Суворова и затрудненія, которыхъ онъ не предвидѣлъ. Кампанія была ведена и окончена такъ скоро, что ему не успѣли дать наставленій насчетъ направленія и смысла его послѣдующихъ распоряженій, и Суворовъ повелъ дѣло по собственному усмотрѣнію. Онъ, во-первыхъ, объявилъ амнистію; во-вторыхъ, дозволилъ отчасти возродиться правительству, существовавшему до революціи, и особенное свое вниманіе обратилъ на уничтоженіе военной силы и на забраніе всего военнаго имущества побѣжденной Польши. Когда же были присланы къ нему инструкціи для дѣйствій и распоряженій, то оказалось, что они не во всемъ сходятся со сдѣланнымъ, или не могутъ быть точно исполнены. Суворовъ въ такомъ смыслѣ и отвѣчалъ. Онъ писалъ, что члены верховнаго совѣта—Закржевскій, Потоцкій и Мостовскій—будутъ отправлены въ Петербургъ, какъ оттуда требуютъ, но надо имѣть въ виду, что они обнадежены помилованіемъ. Наложить на Варшаву контрибуцію—не только большую, но и малую—совсѣмъ невозможно, ибо городъ совершенно обѣднѣлъ и еле пропитывается, такъ что онъ, Суворовъ, распорядился только забираніемъ скарбовыхъ доходовъ. Перемѣщать войска на новыя мѣста, какъ указано, онъ не станетъ, ибо теперь зима, передвиженія затруднительны и безпокойны. Варшаву онъ, Суворовъ,

считаетъ возможнымъ и полезнымъ сохранить въ нашихъ рукахъ, а не отдавать прусскому королю, ибо для этого не нужно много войскъ и не будетъ затрудненій въ ихъ продовольствіи. Поэтому прусскому королю имъ, Суворовымъ, сообщено, чтобы онъ войскъ своихъ въ Варшаву не присылалъ, ибо городъ сданъ ему не будетъ. Все это, конечно, условно,—т.-е., если не состоится новаго повелѣнія, въ смыслѣ прежняго. Въ такомъ же родѣ Суворовъ поступалъ и отвѣчалъ по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ, спокойно и увѣренно, такъ что въ Петербургѣ по неволѣ помирились съ совершившимися фактами, утѣшая себя тѣмъ, что новый фельдмаршалъ „не нашелся“ вò-время; что онъ слишкомъ много напортилъ, чтобы можно было все имъ сдѣланное исправить; что Суворовъ взялъ на себя „видъ слишкомъ большой кротости“ и проч. И все это говорилось и писалось тогда, когда Суворовская система умиротворенія самымъ нагляднымъ образомъ доказывала свою практическую пригодность и преимущество предъ другими способами дѣйствій. И онъ продолжалъ держаться той же системы не только въ общемъ, но и въ частностяхъ. Почти невозможно перечислить всѣ представленія и ходатайства Суворова о полякахъ разныхъ общественныхъ положеній, о ихъ женахъ, семействахъ и проч. Онъ сносился даже съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а число его писемъ по этому предмету къ Платону Зубову, по истинѣ, громадно. Одну онъ сдѣлалъ крупную ошибку—дозволивъ себѣ предстательствовать предъ имп. Екатериной за польскаго короля. Это ходатайство королю не принесло пользы, а недоброжелателямъ Суворова дало въ руки лишнее оружіе.

Затѣмъ, когда Суворова успѣли снабдить инструкціями, наставленіями и приказаніями, его распоряженія въ Польшѣ уже получили характеръ передаточный. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ занятъ много и постоянно. Очень велики были, между прочимъ, заботы по продовольствію войскъ, такъ какъ край былъ разоренъ войною, да и санитарная часть требовала большого къ себѣ вниманія, а къ обученію войскъ онъ могъ приступить лишь гораздо позже. Вообще, невозможность отдавать все свое время однимъ войскамъ (какъ это дѣлалось прежде) породила множество злоупотребленій, коренившихся именно въ недостаткѣ надзора и ревизіи. Какъ уже сказано, въ направленіи и смыслѣ гражданскаго управленія, Суворовъ обязанъ былъ руководиться петербургскими указаніями; между тѣмъ, въ Варшавѣ этого не знали, или не хотѣли знать, и его заваливали просьбами и ходатайствами возможными и невозможными. Такъ однажды при-

была къ нему депутація по дѣлу, въ которомъ Суворовъ былъ безсиленъ. Освѣдомившись о содержаніи просьбы, Суворовъ вышелъ къ депутаціи, сталъ посреди пріемной, поднялъ руку вверхъ и, прыгнувъ какъ можно выше, сказалъ: „Императрица вотъ какая большая!“—затѣмъ присѣлъ къ землѣ на корточки, пояснивъ: „а Суворовъ вотъ какой маленькій!“—поклонился и вышелъ. Депутаты поняли и ушли. Да и какъ было не понять, когда объявленная Суворовымъ отъ имени имп. Екатерины амнистія не была соблюдена во всей святости. Это обстоятельство не давало Суворову покоя и возмущало его совѣсть. Изъ неоффиціальной переписки Суворова за это время видно, что хотя Потоцкій, Мостовскій, Закржевскій, Капустасъ и Килинскій содержались въ Петербургѣ хорошо, но это его не удовлетворяло, ибо данное имъ, Суворовымъ, слово нарушено. „Стыдно Россіи бояться, ниже отступаться“,—пишетъ онъ:—„Польша обезоружена, пора имъ домой“. Ничего нѣтъ мудренаго, что это обстоятельство, въ связи и съ другими многочисленными непріятностями, крупными и мелкими, дѣйствительными и мнимыми, утомляли и раздражали его до такой степени, что онъ сталъ, наконецъ, находить „жалкую сухость въ своемъ апоѳеозѣ“ и упоминать про необходимость „спасти свою честь на склонѣ дней“.

XI.

Прошелъ годъ мирной дѣятельности Суворова въ завоеванной Польшѣ. Окончательный раздѣлъ ея былъ рѣшенъ, и Суворову тамъ дѣлать было уже нечего. Его вызвали въ Петербургъ, для полученія другого назначенія,—„гдѣ мы въ спокойствіи не столь удостовѣрены“. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы въ концѣ декабря 1795 года; на всемъ пути готовились ему торжественныя встрѣчи, но онъ ихъ запретилъ или отклонилъ. Не могъ онъ такъ поступить только въ Петербургѣ, да, конечно, и не хотѣлъ. Пріемъ имп. Екатерины былъ благосклонный, торжественный и пышный; она совершенно очаровала Суворова милостивымъ вниманіемъ и обхожденіемъ, приняла въ соображеніе даже его причуды—и велѣла завѣсить зеркала въ пріемныхъ комнатахъ, такъ какъ онъ ихъ не любилъ. Суворову и его свитѣ назначенъ былъ для жительства Таврическій дворецъ; велѣно было заранѣе разведать всѣ привычки Суворова и сообразно съ ними устроить его домашній обиходъ. Но чудачество его сдѣлало новые успѣхи, и онъ не скупился на выходки ни при какихъ условіяхъ, даже

въ присутствіи императрицы, да и въ обращеніи съ нею онъ отличался неограниченною ничѣмъ откровенностью, лагерной безцеремонностью и своеобразными воззрѣніями на приличія. Императрица всегда цѣнила его, но въ тоже время находила его, здѣсь, въ Петербургѣ, при дворѣ, не на мѣстѣ; а теперь онъ сдѣлался совершенно невозможнымъ. Вѣроятно, онъ зналъ это, чувствовалъ и сознавалъ, потому что все чаще бывалъ не въ духѣ, сдѣлался несносенъ и придирчивъ ко всему до такой степени, что находилъ, напримѣръ, неприличнымъ, что великій князь Александръ Павловичъ употребляетъ въ театрѣ лорнетку. Поэтому онъ, конечно, былъ очень доволенъ, когда императрица нашла ему дѣло: сначала поручила опять осмотрѣть финляндскую границу, а потомъ назначила командующимъ войсками въ пяти губерніяхъ на югѣ, куда онъ и выѣхалъ въ половинѣ марта 1796 года, выбравъ себѣ штабъ-квартирою Тульчинъ.

Прибывъ на мѣсто и осмотрѣвшись, Суворовъ увидѣлъ, что прежніе его приказы и наставленія забылись совершенно. Пришлось приниматься съ азбуки почти за все, особенно за санитарную часть. Превосходительные поставщики наживались безсовѣстно; рекруты прибывали босые, голодные; казармы были до того холодны и сыры, что ни согрѣваться, ни обсушиваться въ нихъ было невозможно; бѣглыхъ за границу было огромное число; жалобы мирныхъ жителей на своевольство войскъ не переводились. Много энергіи и неустанной заботливости пришлось потратить Суворову, а успѣхомъ приходилось довольствоваться медленнымъ и неполнымъ. Въ сердцѣ его, на первыхъ же порахъ, появились неудовольствіе и горечь, которыя его темпераментъ удвоивалъ и утроивалъ. А именно, Суворовъ находилъ свое полномочіе недостаточно обширнымъ, а потому приготовленіе военной части къ войнѣ—неудовлетворительнымъ и неполнымъ. Не подчинены ему флоты, парусный и гребной; не поручены въ завѣдываніе крѣпости. Оттого флоты гніютъ, крѣпости ветшаютъ. Да еще носились смутные слухи о приготовленіи корпуса войскъ для войны съ Франціей, и командиромъ этого корпуса молва назначала не его. Кромѣ того, состоялась персидская экспедиція, съ цѣлью утвердить русское владычество на берегахъ Каспійскаго моря. Суворовъ отъ нея отказался, и главное начальство было ввѣрено брату фаворита, Валеріану Зубову, 25-лѣтнему юношѣ. Суворова это озадачило, а потомъ его взяло раздумье, наконецъ и раскаяніе, что отказался; но дѣло было уже непоправимо. Требовательный, неуживчивый старикъ, принужденный вынашивать въ себѣ ѣдкое, болѣзненное чувство, становился совсѣмъ невыносимымъ

для окружающихъ, точно онъ предчувствовалъ близость катастрофы, дѣйствительно надъ нимъ вслѣдъ затѣмъ разразившейся и измѣнившей весь смыслъ его жизни. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому перевороту, надо, для полноты представленія о Суворовѣ въ эту пору, ознакомиться съ его семейными обстоятельствами.

XII.

Когда онъ разошелся съ женою, въ началѣ 1784 года, у него была девятилѣтняя дочь, Наталья, которая тогда уже около пяти лѣтъ находилась на воспитаніи въ Смольномъ-монастырѣ. Затѣмъ, въ августѣ того же года, у него родился сынъ, Аркадій, который остался у матери па долгое время. Переписка Суворова съ дочерью становится извѣстна лишь съ 11-ти или 12-лѣтняго ея возраста; она отличалась большою нѣжностью съ его стороны и поддѣланною, даже излишне, подъ уровень ребячьяго пониманія дочки. Письма эти были извѣстны чуть не всему Петербургу и сдѣлали „Суворочку" нѣкотораго рода знаменитостью. Когда она кончила въ Смольномъ-монастырѣ курсъ и была выпущена, императрица пожаловала ее во фрейлины и взяла во дворецъ, но вскорѣ она перешла подъ попечительство Хвостова, мужа ея кузины, Аграфены Ивановны. Отецъ безпокоился о ней постоянно, по своей всегдашней мнительности, и особенно старался отдалить ее отъ двора. Это настолько, наконецъ, его утомило, что онъ все чаще сталъ останавливаться на мысли о женихѣ. Графиня Наталья Александровна была не особенно даровита, нехороша собой и вообще обладала немногими изъ тѣхъ женскихъ качествъ, которыя доставляютъ успѣхъ въ свѣтѣ. Не была она тоже очень богата, такъ какъ ей были завѣщаны отцомъ одни благопріобрѣтенныя имѣнія, всего около 850 душъ мужескаго пола. Но положеніе ея отца было до того почетное, что въ женихахъ у нея не могло быть недостатка. А отецъ ея, свыкнувшись съ мыслью о замужествѣ дочери, сталъ потомъ этого усиленно желать и, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію о необходимости какъ можно скорѣе привести свое желаніе въ исполненіе. Онъ считалъ свои руки связанными, свою волю пригнетенною, имѣя на своей шеѣ Наташу; ему трудно было рѣшиться на смѣлые шаги, вродѣ отставки или заграничной службы, на все то, что̀ онъ называлъ „переходомъ чрезъ Рубиконъ". Нѣсколько разъ брачный союзъ налаживался то съ однимъ, то съ другимъ, и нѣсколько разъ расходился (помимо воли претендентовъ); нако-

нецъ, совершенно неожиданно явилось и принято сватовство человѣка, который вовсе не былъ у Суворова на счету жениховъ дочери—съ графомъ Николаемъ Зубовымъ, братомъ фаворита. Онъ былъ человѣкъ самый ординарный, но лучше своихъ братьевъ, несъ службу добросовѣстно, не задавался выспренними задачами, не страдалъ самомнѣніемъ. Суворовъ зналъ его нѣсколько лѣтъ, но въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ никогда не состоялъ. Какъ навернулось это сватовство и наладился бракъ—доподлинно неизвѣстно, но можно съ достовѣрностью догадываться, что мысль объ этомъ брачномъ союзѣ навѣяна Суворову извнѣ, съ вѣдома императрицы, притомъ въ самый разгаръ военныхъ операцій Суворова въ послѣднюю польскую войну. Свадьба состоялась въ Петербургѣ, въ концѣ апрѣля 1795 года, т.-е. тоже въ отсутствіе Суворова.

Но онъ не остался вполнѣ одинокимъ и не избавился отъ семейныхъ заботъ: на смѣну дочери—явился сынъ. Аркадій находился до 11-лѣтняго возраста у матери, въ Москвѣ, и оттуда вызванъ въ началѣ 1796 года, съ назначеніемъ камеръ-юнкеромъ къ великому князю Константину. Однако взять сына къ себѣ и заняться его воспитаніемъ и образованіемъ—было для Суворова немыслимо; у него не было на то ни склонности, ни способности, да пожалуй и физической возможности. Онъ поручилъ Аркадія сестрѣ и ея мужу, приставилъ воспитателя, пріискалъ учителей и требовалъ довольно частыхъ извѣщеній о ходѣ занятій. Тѣмъ не менѣе, подготовленіе Аркадія къ жизненному поприщу шло отрывочно, неполно и неправильно. Все-таки, такимъ способомъ, Суворовъ, какъ ему казалось, пріобрѣталъ хоть нѣкоторую свободу дѣйствій, но онъ упустилъ изъ виду, что чрезъ это дѣлался доступнѣе эксплоатаціи своихъ племянниковъ и племянницъ, а также своихъ приближенныхъ, не-родственниковъ. Они образуютъ вокругъ него какъ бы сферу, гдѣ происходитъ борьба самолюбій, личныхъ интересовъ и самыхъ низменныхъ страстей, зарождается и назрѣваетъ интрига, осуществляются нерѣдко нечестные и своекорыстные замыслы. Было это и раньше, но теперь много выросло. Предаваясь, по мѣрѣ своихъ военныхъ успѣховъ, мечтамъ и замысламъ честолюбія и славолюбія, Суворовъ все меньше интересовался житейскою стороною жизни, предоставляя ее—а съ нею и самого себя—въ распоряженіе своихъ приближенныхъ. А тѣ дѣйствовали въ его пользу лишь постольку, поскольку она совпадала съ ихъ собственной; они заставили его войти въ сношенія съ извѣстной Марьей Савишной Перекусихиной и съ камердине-

ромъ императрицы, Зотовымъ; направляли его поступки въ ту или другую сторону, соотвѣтственно своимъ интересамъ, и вообще такъ хорошо его изучили, что въ весьма многихъ отношеніяхъ владѣли имъ, какъ послушнымъ орудіемъ, если поступали не сгоряча, а съ осторожностью и сноровкой.

Не все, конечно, подпадало подъ ихъ могущественное вліяніе: военное дѣло, напримѣръ, не допускало прикосновенія къ себѣ ничьей руки; точно также и отношенія Суворова къ лицамъ сильнымъ, вліятельнымъ и высоко стоящимъ. Личная польза приближенныхъ Суворова требовала, чтобы у него былъ миръ и ладъ съ могущественными людьми, а дѣйствительность представлялась зачастую въ смыслѣ совершенно противоположномъ. Особенно это приложимо къ самому могущественному лицу того времени, князю Зубову. Отношенія между нимъ и Суворовымъ, портившіяся мало-по-малу, едва замѣтно, къ описываемому времени измѣнились въ худую сторону рѣзко. Виноваты въ томъ были, конечно, обѣ стороны. Но у Суворова непріязненное чувство съ Платона Зубова распространилось и на всѣхъ его братьевъ, не исключая Николая, мужа Натальи Александровны, ибо отъ свойственниковъ больше требовалось, а меньше получалось. Все-таки обостреніе отношеній Суворова къ князю Платону было замѣтнѣе всего. Князь Платонъ былъ человѣкъ очень ординарный, безъ всякихъ государственныхъ способностей и дарованій, какъ, напримѣръ, то было у Потемкина. Карьера князя Платона Зубова выросла исключительно на личномъ расположеніи имп. Екатерины; голова его закружилась на той высотѣ, куда занесла его судьба, и, по своей заносчивости и самомнѣнію, онъ сдѣлался человѣкомъ невозможнымъ. Суворовъ началъ относиться къ нему саркастически въ своей частной перепискѣ, и сарказмы его становились все злѣе. Онъ называлъ его „козломъ, который и съ наученіемъ не будетъ львомъ"; говорилъ про него, что онъ „тихъ, благочестивъ и безстрастенъ, какъ будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи". Суворовъ пояснялъ, что у Платона Зубова нѣтъ „царя въ головѣ"; что онъ отличается „малоуміемъ" и что его высокое положеніе грозитъ опасностью Россіи, ибо хотя „Вольтеромъ правила кухарка, но она была умна, а здѣсь государство". Наконецъ, дошло до того, что Суворовъ рѣшился прекратить съ временщикомъ сношенія и сталъ обращаться къ самой императрицѣ.

Не надо, однако, забывать, что такія и подобныя треволненія и непріятности вовсе не были главнымъ матеріаломъ, изъ котораго слагалась жизнь Суворова въ Тульчинѣ. Это были

блики, клочки свѣта или тѣни, аксессуары, а не самая картина его жизни. Сущность его существованія теперь, какъ и всегда, заключалась въ его военной профессіи, безъ которой и внѣ которой для него бытіе было немыслимо.—„Я только военный человѣкъ и всякихъ другихъ дарованіевъ чуждъ“,—говорилъ онъ не одинъ разъ. И хотя теперь, какъ и всегда, настоящей его сферой была война и военное время, но у него существовало занятіе производительное и благодарное и въ мирное время, а именно обученіе войскъ. Всѣ досуги у него уходили на этотъ предметъ. Въ особенности обученіе войскъ получило развитіе въ Тульчинѣ, когда побѣдный ореолъ Суворова возросъ до небывалыхъ еще размѣровъ, и Суворовъ получилъ убѣжденіе въ непогрѣшимости своей военной теоріи, особенно ея воспитательная сторона. Подкрѣпило его въ томъ, косвеннымъ образомъ, одно обстоятельство: имп. Екатерина рѣшилась, наконецъ, принять участіе въ войнѣ противъ французовъ, приказала сформировать для этого армію въ 52.000 человѣкъ и ея главнокомандующимъ назначила Суворова. Никогда еще онъ не занимался обученіемъ войскъ такъ усиленно, какъ теперь. Но судьба была и тутъ противъ него: въ ноябрѣ 1796 года, императрица Екатерина II скоропостижно скончалась; на престолъ вошелъ императоръ Павелъ I—и тотчасъ же отмѣнилъ всѣ приготовленія къ войнѣ...

А. Петрушевскій.

„ФЛИРТЪ“

РАЗСКАЗЪ.

„Life is a comedy for those who think, a tragedy for those who feel“.

Пробило три часа. Лекція кончилась, и Петръ Николаевичъ Павловъ, молодой профессоръ, филологъ, быстро вышелъ изъ аудиторіи.

Передъ университетомъ онъ на минуту остановился и плотнѣе застегнулъ пальто. Безпривѣтный осенній день склонялся къ вечеру. Желтовато-сѣрое небо такъ и давило, и, казалось, вотъ-вотъ опустится еще ниже и, наконецъ, всей тяжестью ляжетъ на землю. Петръ Николаевичъ легкимъ кивкомъ головы отвѣчалъ на поклоны студентовъ, гурьбою выходившихъ изъ университета. Это, впрочемъ, никого не удивляло. Его всѣ знали. Серьезный, сосредоточенный взглядъ его, какъ бы обращенный въ самого себя, обличалъ въ немъ человѣка, для котораго все внѣшнее не представляетъ особеннаго значенія, и которому духовный міръ и духовная жизнь даютъ достаточно пищи уму и чувству.

Возвращаться домой ему было далеко. Онъ занималъ со старушкой-матерью скромную квартирку въ пятомъ этажѣ большого, мрачнаго дома въ противоположной части города. На вопросы, почему онъ не поселится ближе къ университету, онъ отвѣчалъ, что поступаетъ такъ изъ гигіеническихъ соображеній. Не будь необходимой далекой прогулки, онъ бы вообще не дышалъ свѣжимъ воздухомъ.

Во многихъ отношеніяхъ это былъ странный человѣкъ и жилъ онъ почти отшельникомъ. Зимою и лѣтомъ, въ дни будніе и праздничные, сидѣлъ онъ надъ книгами, не помышляя о ка-

кихъ бы то ни было развлеченіяхъ. Свѣтскія удовольствія, впрочемъ, и не развлекли бы его, онъ бы растерялся, какъ застѣнчивый ребенокъ, въ чуждой ему сферѣ, и его бы тянуло назадъ, въ тишину и уединеніе рабочаго кабинета. Здѣсь, среди книгъ, въ неутомимомъ умственномъ трудѣ, ему было легко; здѣсь онъ чувствовалъ себя сильнымъ и мощнымъ, здѣсь онъ переживалъ минуты полнаго, чистаго наслажденія.

Старушка-мать давно привыкла къ его странностямъ. Это была скромная, безропотная женщина. Весь смыслъ, вся цѣль ея жизни сосредоточивались на немъ одномъ. Она знала, что абсолютная тишина и покой были условіемъ его счастья, и изгоняла все шумливое изъ своего маленькаго царства. Вечеромъ, послѣ дневныхъ работъ, въ немъ окончательно все умолкало. Лишь въ столовой, гдѣ она сидѣла за шитьемъ, ясно раздавалось мѣрное тиканье часовъ, да на кухнѣ мурлыкалъ котъ, свернувшись клубочкомъ у ногъ кухарки Ѳеклы.

Однѣ субботы оживляли нѣсколько это вѣчное однообразіе. По субботамъ Анну Сергѣевну Павлову навѣщала Ольга Морозова, молодая дѣвушка, недурная собою, но блѣдная и хрупкая, какъ большинство выросшихъ и безвыѣздно живущихъ на окраинѣ шумнаго города. Покойная мать ея, подруга Анны Сергѣевны, передъ смертью просила ее не оставлять сироту безъ совѣта и ласки. Ольга жила съ больнымъ отцомъ тутъ же, недалеко отъ нихъ. По субботамъ дальняя родственница замѣняла ее у больного, и эти немногіе свободные часы казались ей свѣтлымъ лучомъ на сѣромъ жизненномъ горизонтѣ. Въ эти часы нужда и заботы, безотлучные ея спутники, отступали и какъ бы блѣднѣли и стушевывались.

Петръ Николаевичъ зналъ завѣтную мечту матери сосватать ему Ольгу. Онъ зналъ, что—умри Морозовъ не сегодня—завтра, —а врачи давно это предсказывали,—оно такъ и будетъ, и произойдетъ все это совершенно естественно и просто. Онъ никогда не говорилъ ей о любви,—въ этой роли онъ самъ себѣ показался бы смѣшнымъ, — но и безъ словъ между ними все было ясно. Ольга была серьезная, глубокая натура. Ставъ его женою, она не внесла бы въ его жизнь большихъ перемѣнъ, бурныхъ страстей, а одну лишь тихую, беззавѣтную дружбу и привязанность.

Сегодня была суббота, и утромъ, уходя въ университетъ, онъ услышалъ отъ матери обычную фразу:

— Не опоздай, Петя! Оленька у насъ обѣдаетъ.

Путь былъ далекъ. Надо было спѣшить. Дулъ сильный за-

падный вѣтеръ, и на мосту пѣшеходы съ трудомъ подвигались впередъ.

Элегантная, легкая пролетка поровнялась съ Павловымъ. Въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, уткнувшись носомъ въ бобровый воротникъ щегольской шинели. Замѣтивъ Петра Николаевича, онъ вдругъ быстро приподнялся и, давъ кучеру знакъ остановиться, выскочилъ изъ экипажа.

— Павловъ! Петя!

Павловъ не слышалъ и все ускорялъ шаги.

— Господи, оглохъ ты, что-ли? Петя!

Онъ пустился бѣгомъ и, наконецъ, поймалъ его за рукавъ.

— Петя! Уфъ! Ну, и улепетываешь же ты! Что̀, не узнаёшь?

Павловъ испуганно обернулся.

— Не узнаёшь, дружище?

Его раскраснѣвшееся лицо сіяло отъ удовольствія.

— Барбиковъ? ты? — съ нѣкоторымъ колебаніемъ спросилъ Павловъ.

— Ну, конечно, я! Андрей Барбиковъ, твой старый другъ и пріятель! Ужъ какъ я радъ, какъ радъ!..

Они крѣпко пожали другъ другу руку.

— Ты тутъ при университетѣ?—освѣдомился Барбиковъ.

— Да, съ августа.

— Слыхалъ и не разъ даже собирался черкнуть тебѣ пару теплыхъ словъ. Да оно всегда такъ выходитъ: собираешься, собираешься, а въ результатѣ — ноль. Не даромъ говорятъ, что дорога въ адъ вымощена благими намѣреніями. Итакъ, ты поселился здѣсь, въ этомъ гнѣздѣ всевозможныхъ микробовъ?

— А тебя откуда Богъ несетъ?

— Я тоже второй мѣсяцъ тутъ путаюсь. Ce que femme veut—Dieu le veut, mon cher! Въ деревнѣ мнѣ было хорошо, какъ у Христа за пазухой, да вотъ горе, у жены отъ скуки пошли мигрени. Я и привезъ ее сюда,—авось здѣсь вылечится.

— Ты женатъ?

— Цѣлыхъ четыре года. Скажи пожалуйста, неужели ты не зналъ? Да, прошло блаженное время! Эхъ, бывало, свободенъ какъ птица, лети куда знаешь! А помнишь, какъ не разъ, послѣ веселой безсонной ночи, я забирался къ тебѣ! Какъ, лежа на твоемъ диванѣ, могъ объ одномъ лишь молить:—соленаго бы чего-нибудь!—Онъ хлопнулъ Павлова по плечу.—Петя, голубчикъ, свела насъ-таки судьба! Такъ разскажи же про себя. Однако, постой, экая у меня голова! Что̀ намъ шлепать по лужамъ!—

Онъ остановился и подозвалъ кучера.—Садись, поѣдемъ ко мнѣ! Мы выпьемъ по рюмочкѣ и потолкуемъ о прошломъ и настоящемъ.

— Не могу,—сопротивлялся Павловъ:—никоимъ образомъ! Меня ждутъ.

По лицу Барбикова скользнула лукавая улыбка.

— Кто это тебя ждетъ, голубчикъ?

— Мать.

— Мать? Ну, это не бѣда. Если ты во-время не вернешься, она и безъ тебя обойдется. А ты пообѣдаешь съ нами. Жена будетъ рада съ тобою познакомиться. Я ей часто про тебя разсказывалъ.

— Не могу,—повторялъ Павловъ.

— Какой ты несговорчивый! Вернешься домой, обнимешь мамашу, поцѣлуешь ручку, и будетъ—all right! Ты меня не обижай; а то я подумаю, что ты забылъ и меня, и нашу дружбу.

Павловъ все еще колебался.

— Ну, живѣй, безъ разговоровъ!—Барбиковъ откинулъ фартукъ пролетки и, подсадивъ Павлова, сѣлъ рядомъ съ нимъ.—Пошелъ! домой!

Рысакъ сильно рванулъ впередъ, и они быстро покатили, обдавая грязью пѣшеходовъ.

— Вотъ и прекрасно!—засмѣялся Барбиковъ.—Воображаю, какъ Лиля удивится! Рѣдкаго звѣря я везу ей сегодня! А насчетъ матушки не сокрушайся. Въ случаѣ чего, пошли ей записку съ посыльнымъ. Вѣдь я не красавица,—не влеку тебя на вѣрную погибель.

Сначала Павлова безпокоила мысль, что Ольга напрасно будетъ ждать его, но мало-по-малу беззаботная веселость стараго товарища заразила его.

Андрей Барбиковъ, славный, добродушный mauvais sujet! Единственный его другъ и, собственно, послѣ матери, единственный близкій ему человѣкъ! Въ товарищескомъ кругу ихъ дружба всегда считалась какимъ-то феноменомъ. Казалось непонятнымъ, что̀ могло быть общаго между жизнерадостнымъ, богатымъ весельчакомъ, баловнемъ женщинъ,—и серьезнымъ, строгимъ аскетомъ. Они и сами не отдавали себѣ въ этомъ отчета, однако Барбиковъ часто просиживалъ у Павлова цѣлые вечера. Красавицы-пріятельницы его не мало бы удивились, если бы знали, какого рода было „важное, неотложное дѣло“, заставлявшее его „съ прискорбьемъ отказаться“ отъ ихъ интереснаго общества и изысканнаго ужина. Онѣ бы не узнали элегантнаго Донъ-Жуана въ человѣкѣ, по цѣлымъ часамъ лежащемъ на узкомъ, жесткомъ

диванчикѣ, съ папиросой въ зубахъ, между тѣмъ какъ хозяинъ тѣсной комнатки усердно поскрипывалъ перомъ. Когда, наконецъ, это долгое молчаніе становилось Барбикову въ тягость, онъ начиналъ тормошить Павлова. Тогда они садились за вечернюю трапезу, состоявшую изъ чая, булокъ и, въ исключительныхъ случаяхъ, куска колбасы. Но безконечные разговоры и споры уносили ихъ далеко, въ иной, лучшій міръ, чѣмъ міръ минутнаго блеска, пустоты и бездѣлья. И когда Барбиковъ далеко за̀-полночь возвращался къ себѣ, онъ себя чувствовалъ лучшимъ человѣкомъ, болѣе способнымъ отдаться общимъ, высокимъ идеямъ. Положимъ, онъ имъ никогда не отдался, не окончилъ даже курса въ университетѣ, путался нѣсколько лѣтъ по Европѣ, и только въ послѣдніе годы поселился въ своихъ помѣстьяхъ въ тамбовской губерніи. Но и безъ служенія общему благу онъ не сбился съ пути, остался порядочнымъ человѣкомъ, и этимъ всецѣло былъ обязанъ вліянію Павлова.

— Вотъ мы и пріѣхали, — сказалъ Барбиковъ, когда они остановились передъ большимъ, красивымъ домомъ на одной изъ аристократическихъ улицъ.—Ты мнѣ сегодня больше ненуженъ,— обратился онъ къ кучеру:—я никуда не поѣду.

Швейцаръ кинулся открывать двери, и они поднялись по теплой, устланной коврами лѣстницѣ. Дверь въ квартиру Барбикова была открыта, такъ какъ снизу былъ поданъ звонокъ.

— Барыня дома?—спросилъ Андрей Ивановичъ лакея.

— Дома-съ.

Барбиковъ ввелъ Павлова въ гостиную.

— Ты меня извини на минутку, я сейчасъ вернусь.

Оставшись одинъ, Петръ Николаевичъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Роскошная мягкая мебель, пушистый коверъ на всю комнату, на стѣнахъ цѣнныя картины, на этажеркахъ и столахъ множество дорогихъ бездѣлушекъ. Во времена студенчества онъ только изрѣдка заходилъ къ родителямъ Барбикова, а съ тѣхъ поръ и вовсе не видалъ богатой обстановки. Онъ вспомнилъ собственную скромную квартирку, и чувство неувѣренности охватило его.

Легкое шуршаніе шолковой юбки, тонкій запахъ фіалокъ— передъ нимъ стояла Елизавета Александровна Барбикова и съ любезной улыбкой протягивала ему бѣлую, украшенную кольцами руку.

— Очень рада съ вами познакомиться. Андрей мнѣ много и часто про васъ разсказывалъ.

Она была высокая, стройная блондинка, голубоглазая, съ

темными бровями, одѣта съ той изысканной простотой, какою иногда любятъ щегольнуть кокетки высшаго свѣта.

Онъ смутился, неуклюже расшаркался и невнятно пробормоталъ нѣсколько словъ. Въ эту минуту вошелъ Андрей Ивановичъ. Съ души Павлова будто камень свалился.

— Обнимемся, Петя, дружище! Десять лѣтъ не видались! А знаешь, ты совсѣмъ не перемѣнился, все такой же! Какъ увидѣлъ тебя на мосту, у меня сердце такъ и ёкнуло. Цари небесные, думаю, вѣдь это онъ, Петя! Все по прежнему глядитъ себѣ подъ ноги! Направо, налѣво, хоть все сгинь и пропади— ничего не видитъ!

Павловъ улыбнулся.

— Да и ты все тотъ же,—кричишь, шумишь.

— Почему бы и нѣтъ? Чѣмъ судьба моя не хороша? И жинка славная...

— Жинка, которая тебя балуетъ и сквозь пальцы смотритъ на всѣ твои продѣлки,—перебила она.

— Совѣсть моя чиста, какъ у новорожденнаго.

— Ну, ужъ, пожалуйста, не хвастайся! Благодари судьбу, что я тебя еще не накрыла. Мужъ мнѣ положительно напоминаетъ страуса: спрячетъ голову и воображаетъ, что его никто не видитъ,—полушутливымъ тономъ возразила она.

— Клевета, вопіющая несправедливость! Ну, постой же, Лиля!

— Петръ Николаевичъ, надѣюсь, вы съ нами пообѣдаете?— обратилась она къ гостю.

— Еще бы! Зачѣмъ спрашивать?—воскликнулъ Барбиковъ:— въ немъ опять возникнутъ сомнѣнія, и онъ, пожалуй, сбѣжитъ. Лучше пойди и похлопочи о шампанскомъ къ обѣду.

Барбиковъ пригласилъ товарища въ кабинетъ, и здѣсь, съ глазу на глазъ, они вспомнили минувшіе дни, перебирая въ памяти всѣ мельчайшія подробности совмѣстной студенческой жизни. Барбиковъ былъ веселъ, смѣялся и радовался какъ школьникъ. Такъ и сыпались вопросы:—а помнишь? не забылъ?—Давно уже Павловъ не чувствовалъ себя такъ хорошо.

Однако, садясь за богато сервированный столъ, имъ снова овладѣла прежняя неловкость. Страннымъ и чуждымъ ему казалось все: и лакей во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, и тяжелое серебро, и гастрономическія блюда, и любезная, красивая хозяйка. Ему казалось, что все это видитъ и переживаетъ не онъ самъ, а какой-то посторонній, незнакомый ему человѣкъ.

Въ веселомъ, оживленномъ разговорѣ онъ почти не принималъ участія. Онъ больше слушалъ и удивлялся. Удивлялся тому,

что Андрей дразнилъ жену ея побѣдами въ обществѣ, и прямо недоумѣвалъ при ея шутливыхъ намекахъ, на его собственную слабость къ интригамъ за кулисами театра. При его серьезномъ взглядѣ на жизнь, такія отношенія между супругами были ему непонятны.

Когда подали шампанское, настроеніе еще болѣе оживилось. Ему то-и-дѣло приходилось чокаться съ хозяевами.

— Надѣюсь, вы насъ часто будете навѣщать,—сказала Елизавета Александровна:—посмотрите на мужа, какъ онъ радъ!

Очутясь, наконецъ, послѣ десяти часовъ на улицѣ, Павловъ былъ какъ въ чаду. Накрапывалъ мелкій дождь. Длинный рядъ фонарей тускло отражался въ цѣломъ морѣ лужъ. Рѣдкіе прохожіе, въ неуклюжихъ галошахъ и подъ зонтиками, спѣшили куда-то съ угрюмыми лицами. Павловъ ничего не замѣчалъ. Шампанское, хорошія сигары, запахъ фіалки, шуршаніе шолка при каждомъ движеніи красивой хозяйки отуманили ему голову.

Неужели все это была дѣйствительность, а не странный и невѣроятный сонъ?

Тѣмъ временемъ, въ его скромной квартиркѣ Анна Сергѣевна и Ольга съ тоскою ждали его возвращенія. Исчерпавъ тему о здоровьѣ старика Морозова, обѣ женщины замолкли и напряженно стали прислушиваться, не раздастся ли въ передней звонокъ. Возвращеніе домой Петра Николаевича всегда было для нихъ какъ бы отголоскомъ внѣшняго міра. Онъ сообщалъ имъ новости изъ университетской жизни, приносилъ новыя книги или интересныя газетныя статьи и, послѣ обѣда, читалъ имъ вслухъ. Анна Сергѣевна съ любовью прислушивалась къ звуку его голоса, не вдумываясь въ значеніе словъ, но зато Ольга умомъ и душою слѣдовала за нимъ въ область мысли.

Пробило пять часовъ. Онъ не возвращался.

— Онъ опоздалъ, онъ вѣрно сейчасъ придетъ, — замѣтила Анна Сергѣевна.

Время шло. Тикъ-такъ, тикъ-такъ!..—однообразно стучали стѣнные часы. Стрѣлка медленно подвигалась впередъ.

— Оленька, можетъ быть у нихъ экстренное засѣданіе сегодня? Онъ, вѣрно, забылъ сказать. Странно,—онъ меня всегда предупреждаетъ.

— Придетъ!—утѣшала Ольга.

Опять наступило молчаніе. Въ шесть часовъ Анна Сергѣевна велѣла подать обѣдъ. Имъ обѣимъ было жутко, словно на нихъ надвигалось что-то зловѣщее.

Первая скучная суббота! Уже давно Ольгѣ пора было уйти, но она не хотѣла оставить старушку одну.

Наконецъ, въ половинѣ одиннадцатаго, громко и рѣзко задребезжалъ звонокъ. Онѣ встрепенулись. Слава Богу!

Петръ Николаевичъ вошелъ въ столовую и поздоровался съ ними.

— Гдѣ ты былъ, Петя! Мы такъ безпокоились.

— Прости, мама, — онъ поцѣловалъ ей руку: — виноватъ, мнѣ слѣдовало дать болѣе энергичный отпоръ. Отгадай, у кого я былъ?

Послѣ шампанскаго, съ непривычки, онъ говорилъ быстрѣе и громче обыкновеннаго.

Ольга озабоченно посмотрѣла на него.

— Гдѣ же мнѣ-то знать, голубчикъ!—ласково отвѣтила Анна Сергѣевна. Она забыла уже свое безпокойство и только радовалась, что онъ вернулся къ ней цѣлъ и невредимъ:—у ректора, можетъ быть?

— У ректора? Боже упаси!

— У кого же? Право, не знаю.

— У Барбикова, Андрюши!

Анна Сергѣевна всплеснула руками.

— Господи, гдѣ это ты его вдругъ нашелъ?

— Не я его, а онъ меня. Онъ обогналъ меня на мосту, посадилъ въ свой экипажъ и повезъ къ себѣ. Я отговаривался, да ничего съ нимъ не подѣлаешь.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Порядочно далеко. Громадная квартира, чудная обстановка, жена...

— Онъ женатъ?

— Какже, какже.

— Вотъ чтò! Какая же она изъ себя?

— Великосвѣтская барыня, молодая, бѣлокурая, красивая.

— А обѣдъ? Хорошій?

— Еще бы! Барбиковъ всегда любилъ поѣсть. Отличныя вина, шампанское...

— Чтò ты?! Шампанское? Въ будній-то день?

— Въ честь нашего свиданія.

Анна Сергѣевна умилилась.

— Какой онъ добрый, хорошій! Онъ тебѣ вѣрный другъ. Еслибъ ты знала, Оленька, какой это былъ славный, веселый молодой человѣкъ. Познакомилась я съ нимъ, когда пріѣхала сюда изъ деревни навѣстить Петю. Они оба еще студенты

были. Помнишь, Петя, какъ онъ меня, старуху, смѣшилъ? Бывало, просто до слезъ. А ужъ какъ я люблю его за дружбу къ тебѣ!

— Да, душа-человѣкъ. И, кажется, онъ дѣйствительно былъ радъ меня видѣть.

Петръ Николаевичъ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Онъ все еще не могъ успокоиться и разобраться въ новыхъ впечатлѣніяхъ. Старый товарищъ былъ ему очень дорогъ: при мысли о немъ теплое чувство овладѣвало имъ. Однако онъ предпочелъ бы видѣть его въ прежней обстановкѣ. Богатство и роскошь казались ему неподходящей рамкой для ихъ дружбы. Въ особенности же несимпатичны и чужды были ему поверхностные свѣтскіе разговоры въ присутствіи Елизаветы Александровны— то ли дѣло ихъ длинныя, бывало, бесѣды за скромнымъ чайнымъ столомъ! Нѣтъ, не въ блескѣ—смыслъ и цѣль жизни...

Его взглядъ невольно остановился на матери и Ольгѣ. Обѣ прилежно шили, низко склонясь надъ работой. Чистыя, безхитростныя натуры, мужественно несущія свою долю и исполняющія жизненный долгъ! Да, только въ этомъ—истина, разрѣшеніе великаго вопроса бытія!..

Ему захотѣлось крѣпко обнять ихъ! Онъ вдругъ остановился передъ Ольгой. Она подняла голову, и глаза ихъ встрѣтились. Въ ея глубокомъ умномъ взглядѣ не было и тѣни кокетства и притворства, но зато такъ много любви! Онъ еле сдержалъ себя. Время еще не настало,—онъ долженъ былъ молчать. Но Ольга инстинктивно поняла его мысль. Краска горячей волной залила ея щеки, и на темныхъ рѣсницахъ задрожали слезы.

Вернувшись домой, въ свою холодную, непривѣтливую каморку, куда изъ сосѣдней комнаты доносился удушливый кашель больного отца, ея сердце замирало въ сладкомъ сознаніи быть любимой.

Чѣмъ дальше Павловъ раздумывалъ надъ встрѣчей съ Барбиковымъ, тѣмъ сильнѣе пробуждалось въ немъ нерасположеніе къ его нынѣшней средѣ. Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ совершенно иного склада, и зналъ, что вообще играетъ смѣшную, неловкую роль въ кругу свѣтскихъ людей. Ему становилось совѣстно и досадно.

Когда, послѣ ухода Павлова, Барбиковы остались одни, Андрей Ивановичъ съ живостью обратился къ женѣ:

— Ну, Лиля, какъ онъ тебѣ нравится?

— Развѣ объ этомъ можетъ быть рѣчь?—возразила она:— такіе люди мало нравятся. Но въ немъ есть что-то особенное, онъ какой-то странный, совсѣмъ не похожъ на другихъ.

— Онъ лучше другихъ. Такихъ честныхъ принциповъ нынче ни у кого другого не сыщешь. И, главное, имѣть честные принципы не такъ еще трудно, а вотъ ни на іоту отъ нихъ не отступать—это не всякій сможетъ. Это—святой человѣкъ.

Елизавета Александровна съ любопытствомъ взглянула на мужа.

— Скажи, пожалуйста, Андрей, какъ онъ собственно живетъ? Неужели онъ все сидитъ у себя и никого не видитъ?

— Никого. Мать у него ведетъ хозяйство.

— Неужели это возможно? Вѣдь онъ молодъ. Развѣ нѣтъ у него знакомствъ, развѣ онъ ни за кѣмъ не ухаживаетъ?

Барбиковъ громко расхохотался.

— Петя—и ухаживаніе за женщинами! Какъ это смѣшно! Ха, ха, ха...

— Чего ты хохочешь? Вѣдь онъ же не ребенокъ!

Барбиковъ продолжалъ смѣяться.

— Notre ami Pierre en cette situation! Ха, ха, ха...

— Какъ же это? Даже ты, старый грѣшникъ, не испортилъ его своимъ примѣромъ?

— Пробовать-то я пробовалъ. Помню, мы какъ-то сговорились съ Камскимъ,—знаешь, который потомъ служилъ въ Варшавѣ въ гусарахъ. Тогда еще онъ былъ студентомъ второго курса. Мы затащили Петю въ ресторанъ. Cabinet particulier, cela va sans dire, ужинъ съ француженками... Была тамъ одна, какъ теперь вижу—пикантная такая рожица, называли ее: la petite mouche... ее мы и науськали на него. Ты думаешь, онъ попался въ ловушку? Какое! И въ первый разъ онъ серьезно тогда на меня разсердился.

— Чтò же онъ сказалъ?

— Сказалъ, чтобы его оставили въ покоѣ и не вмѣшивались въ его частную жизнь, какъ и онъ не вмѣшивается въ жизнь другихъ.

— А petite mouche—чтò?

— Ну, ей это было безразлично. А мы его съ тѣхъ поръ и не трогали.

— Забавный человѣкъ!—сказала Елизавета Александровна и задумалась.

Прошло больше недѣли. Жизнь Павлова вошла въ обычную

однообразную колею, и вечеръ, проведенный у Барбиковыхъ, все болѣе стушевывался въ его памяти.

Однажды,—онъ только-что вернулся изъ университета,—послышался въ передней звонокъ. Старуха Ѳекла, шлепая туфлями и ворча себѣ подъ носъ, пошла открывать дверь. Она недоумѣвала, кто бы это могъ быть.—На холодной, тускло освѣщенной лѣстницѣ стоялъ изящный господинъ.

— Петръ Николаевичъ дома?

— Пожалуйте... Петръ Николаевичъ! васъ спрашиваютъ,—громко позвала она.

Кабинетъ его былъ рядомъ съ передней, и онъ тотчасъ вышелъ.

— Здравствуй, Петя. Что это тебя совсѣмъ не видать? Я соскучился.

— Андрей! Милости просимъ, войди.

Когда дверь за ними закрылась, Барбиковъ оглянулся въ комнатѣ.

— Боже, какъ повѣяло стариною! Точно мы опять молоды, и я пришелъ къ тебѣ поболтать. Тотъ же диванъ, тотъ же шкафъ... Да постой,—онъ подошелъ къ столу:—ну, и тотъ же столъ. Вотъ и мой вензель! Я его вырѣзалъ какъ-то въ азартѣ. Эхъ, наши споры,—Петя, помнишь? Какъ съ годами все мѣняется! Кажется, съ тѣхъ поръ я ни съ кѣмъ такъ много и такъ горячо не спорилъ.

— Жизнь идетъ впередъ, интересы мѣняются,—задумчиво отвѣтилъ Павловъ.

— Кабы только это! Но мы-то сами какъ-то притупляемся. Пропадаетъ юношескій пылъ, пропадаетъ непосредственность, съ какою мы относимся къ жизни, къ людямъ. Иной разъ отъ холоднаго душевнаго равнодушія самому дѣлается тошно.

— Мнѣ не жаль, что время летитъ. Напротивъ, мы становимся болѣе зрѣлыми. Мы расширяемъ свои познанія, мы становимся болѣе способными къ полезному труду.

— Да, съ твоей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія неутомимаго труженика. Я же смотрю на жизнь съ чисто эгоистической стороны. Прежде, когда я могъ еще увлекаться какой-нибудь идеей, я былъ счастливъ, я чувствовалъ въ себѣ силу, огонь. Всѣ впечатлѣнія были интенсивнѣе. Вотъ эту-то интенсивность годы и уносятъ съ собою. И это больно.

— Но зато мы получаемъ взамѣнъ другое: спокойствіе и душевное равновѣсіе.

— Пустяки, какое тамъ душевное равновѣсіе! Прямо, сожалѣніе, что остылъ человѣкъ, перегорѣлъ.

— Развѣ ты недоволенъ своею судьбой?

— Напротивъ! Въ сущности, это только минутный пессимизмъ, который проходитъ. А въ общемъ—я счастливъ. Знаешь, я очень люблю жену, мы отлично сходимся. Воображаю, однако, какого ты о ней мнѣнія. Да ужъ не отнѣкивайся! Вѣдь я знаю твои мысли: „вотъ угораздило его жениться на пустой, поверхностной куклѣ!“ Это не удивительно. Съ перваго взгляда тебѣ должно такъ казаться, но на самомъ дѣлѣ она вовсе не такъ поверхностна. Она очень неглупая и прямая женщина. Конечно, въ ней нѣтъ простоты обращенія, это что̀ и говорить. Это общество на всѣхъ накладываетъ извѣстную печать. Да, я люблю ее, и часто съ ужасомъ думаю: что̀ бы со мной было, если бы я ее потерялъ!

— Значитъ, ты теперь вполнѣ остепенился?

Барбиковъ сконфуженно засмѣялся.

— Вижу, жизнь тебя еще не смягчила! Ты все тотъ же строгій, неумолимый судья. Мои невинныя похожденія не имѣютъ ничего общаго съ моимъ чувствомъ къ Лилѣ. Простая шалость, минутный капризъ—не грѣхъ, пока сердце молчитъ. Впрочемъ, она давно меня прозрѣла и настолько умна, что ничуть этимъ не тревожится. А propos, она мнѣ дала порученіе къ тебѣ.

— Кто? Твоя жена?

— Да.

— Ко мнѣ?

— Ну, да. Что это ты такъ удивляешься! Она эти дни часто тебя вспоминала. Кажется, ты заинтересовалъ ее. Узнавъ, что я собираюсь навѣстить тебя, она мнѣ поручила привезти тебя съ собою. Пообѣдаемъ вмѣстѣ, а потомъ отправимся въ театръ.

— Какъ это ни любезно со стороны Елизаветы Александровны, но я, право, не могу.

— Что за вздоръ! Чѣмъ ты такъ занятъ? У насъ хорошая ложа...

— Завтра лекція. Я еще ея не приготовилъ. Нѣтъ, ни за что не поѣду, не могу! Да и, наконецъ, я отшельникъ, куда мнѣ ѣздить по театрамъ! Сидѣть въ одной ложѣ съ твоей красавицей-женой — это просто диссонансъ. Нѣтъ, Андрей, не проси, я не поѣду.

— Она мнѣ голову свернетъ, если я вернусь безъ тебя.

— Не говори, что я не хотѣлъ. Свали все на лекцію. Она пойметъ.

— Ничего она не пойметъ.

— Не могу, оставь ты меня!

— Ну, какъ знаешь; но завтра пожалуйте къ барынѣ съ повинной.

— Завтра? Не могу! Раньше воскресенья и думать нечего.

— Прекрасно. Значитъ, въ воскресенье. Я доложу о томъ кому слѣдуетъ.

— Навѣщай меня, однако, Андрей; я думаю, намъ будетъ здѣсь удобнѣе бесѣдовать, чѣмъ у тебя.

— Чудакъ! Только на тебя и сердиться нельзя.

Перспектива визита у Елизаветы Александровны камнемъ легла на душу Павлова. Но онъ далъ обѣщаніе и долженъ былъ сдержать его.

Скрѣпя сердце, онъ въ слѣдующее воскресенье отправился къ Барбиковымъ. Въ дверяхъ гостиной онъ столкнулся съ молодымъ гусаромъ, который какъ разъ собирался уходить.

Елизавета Александровна познакомила ихъ:

— Monsieur Павловъ, monsieur Бобровъ.

Бобровъ звякнулъ шпорами и окинулъ Павлова быстрымъ удивленнымъ взглядомъ, будто хотѣлъ спросить: „какъ это ты сюда попалъ? отъ тебя такъ и вѣетъ мертвой книжной наукой!"

— Петръ Николаевичъ, я должна васъ побранить,— сказала Елизавета Александровна, усаживаясь въ кресло:—это совсѣмъ не по рыцарски: дать дамѣ отказъ. Я мужу намылила голову, и рѣшила, что онъ совсѣмъ не годится въ дипломаты. Онъ защищался, увѣрялъ, что вы непобѣдимы.

Павловъ сконфузился. Онъ не привыкъ къ такому тону.

— Я никакъ не могъ быть,—проговорилъ онъ.

Чуть замѣтная, нетерпѣливая гримаска промелькнула по ея лицу.

— Андрей сегодня дѣлаетъ визиты, — сказала она, минуту спустя, уже серьезнѣе.—Онъ къ вамъ такъ привязанъ, вы совсѣмъ обворожили его. Жаль, что вы не были съ нами въ театрѣ. Шла интересная пьеса. Надѣюсь—въ другой разъ. Можетъ быть, во время вакацій, когда вы будете свободнѣе. Или вы предпочитаете музыку? Мы абонированы и въ оперѣ. Въ обществѣ друзей всегда веселѣе. Супруги успѣютъ наговориться и дома. Тѣмъ болѣе, что у Андрея такъ много свободнаго времени... По моему, нехорошо, что у него нѣтъ занятія. Вы не находите? Мужчина непремѣнно долженъ работать,—иначе онъ вмѣшивается всюду не въ свои дѣла.

— Если вы того мнѣнія, что Андрею необходимо занятіе,

почему же вы убѣдили его переѣхать въ городъ? — спросилъ Павловъ:—въ деревнѣ у него было бы много работы.

Она покраснѣла.

— Боже, вы просто не знаете и вовсе незнакомы съ деревенской жизнью. Такое однообразіе, такая убійственная скука! Кто старъ и сѣдъ, кому ужъ нечего ожидать отъ жизни—à la bonheur! Но пока человѣкъ молодъ—спасибо!

— И вы бы могли найти занятіе въ деревнѣ. Если хозяйство васъ не интересуетъ, почему бы вамъ не читать: вѣкъ живи, вѣкъ учись!

— Питаться книгами? Merci! Я хочу изучать живыхъ людей; это гораздо интереснѣе.

— Я съ вами не согласенъ. Въ книгахъ вы еще можете найти добро, между тѣмъ какъ въ обществѣ рѣдко встрѣтите человѣка съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь. Да если бы и встрѣтили, то хорошее въ немъ не будетъ видно за банальными фразами поверхностнаго, свѣтскаго разговора.

— Это вѣрно. Большинство подлаживается подъ общій тонъ, и никогда не знаешь, каково собственно ихъ истинное убѣжденіе.

— Вотъ видите. А книги можно выбирать по вкусу.

— А если у меня нѣтъ вкуса, или онъ не развитъ?

— Въ такомъ случаѣ пусть вами руководятъ другіе.

— Гдѣ мнѣ найти такихъ руководителей?

— А вашъ мужъ?

— Мужъ? Онъ мнѣ дастъ въ руки французскій романъ, скажетъ, что это „dernière nouveauté“, которую надо знать.

— Прежде онъ читалъ не одни французскіе романы.

— Не знаю, что̀ было прежде. Можетъ быть, вы на него вліяли... Впрочемъ, не судите насъ слишкомъ строго. Наша жизнь такъ безпокойна, общество предъявляетъ къ намъ столько требованій, мы должны столько видѣть, слышать, что, право, нѣтъ времени собраться съ мыслями...—Она вдругъ оборвала и послѣ паузы продолжала:—Скажите, Петръ Николаевичъ, какъ, собственно, складывается ваша жизнь? Неужели вы все сидите дома и занимаетесь только наукой?

— Да я только у васъ и бываю.

Елизавета Александровна улыбнулась.

— Пока еще я не скажу, что вы у насъ „бываете“, но надѣюсь, что отнынѣ вы будете нашимъ частымъ гостемъ. Мы отъ васъ многому можемъ научиться. Знаете, вѣдь это тоже долгъ своего рода—сѣять добро въ своемъ кругу. Тотъ, кто отъ этого уклоняется—эгоистъ. Не правда ли?

Онъ засмѣялся.

— Какіе у васъ искусные доводы! Боюсь, однако, что мое общество вамъ скоро наскучитъ. Я—медвѣдь.

Она бросила ему кокетливый взглядъ.

— Критику предоставьте намъ. Я очень—sans façon, и всегда явно показываю свою симпатію и антипатію. Какъ только человѣкъ мнѣ надоѣстъ, я ему даю понять:—довольно, милѣйшій!

— Если это правда, то она за васъ не говоритъ. Надѣюсь, вы клевещете на себя.

— То-есть, какъ?

— Вы не имѣете права играть людьми. Вы забываете, что они не куклы, что они думаютъ и чувствуютъ. Представьте себѣ, вы отталкиваете человѣка, говорите ему: „довольно, милѣйшій“!—а онъ, можетъ быть, вложилъ въ доброе чувство къ вамъ душу. Что тогда?

— Умный человѣкъ поведетъ дѣло такъ, чтобы никогда не надоѣсть.

— Женскихъ капризовъ нельзя предусмотрѣть.

— Въ рукахъ умнаго мужчины женщина послушна,—и, слегка наклонившись впередъ, Елизавета Александровна пытливо посмотрѣла ему въ глаза.—Развѣ это не задача, надъ которой стоитъ потрудиться?

— Нѣтъ, Елизавета Александровна,—твердо сказалъ Павловъ:—она не достойна умнаго человѣка. У него есть болѣе высокія задачи.

— А вы знаете, что ваши слова—оскорбленіе?

Онъ сконфузился.

— Мнѣ очень жаль, но я никогда не скрываю своихъ убѣжденій. Я вамъ уже сказалъ, что я—медвѣдь. Въ великосвѣтской гостиной я не могу не задѣть чего-нибудь своими неуклюжими лапами.

Она поймала кисточку отъ своего кресла и стала нервно теребить ее. Наступило долгое молчаніе. Отъ времени до времени она исподлобья поглядывала на него. Онъ не былъ красивъ, но его спокойныя черты носили отпечатокъ ума и энергіи. Онъ замѣтилъ эти взгляды, и ему дѣлалось все болѣе неловко. Положеніе стало тягостнымъ. Наконецъ, онъ порывисто всталъ и распрощался. Она его не удерживала.

Полчаса спустя, вернулся Барбиковъ.

— Что же, былъ у тебя нашъ философъ?—весело воскликнулъ онъ, цѣлуя жену:—и о чемъ онъ разсуждалъ?

— Ни о чемъ особенномъ! Все это было довольно мило.

Отъ поры до времени меня забавляетъ разговоръ съ такими оригиналами.

— Онъ чудный человѣкъ!—съ чувствомъ сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Я думаю, когда онъ съ тобой наединѣ, онъ интереснѣе. Меня онъ, кажется, боится...

А Павловъ, между тѣмъ, былъ очень недоволенъ собою. Стоило ему вдаваться въ разсужденія съ этой женщиной! Стоило ему читать ей нравоученія! Какое ему было дѣло до нея? Нѣтъ, онъ не годится для утонченнаго круга, гдѣ говорятъ то, чего не думаютъ, лишь бы оно пріятно звучало.

Черезъ нѣсколько дней Барбиковъ снова навѣстилъ его, но Павловъ не упоминалъ ни о визитѣ, ни о вынесенномъ имъ неблагопріятномъ впечатлѣніи. Они пріятно провели вечеръ, потолковали о томъ, о семъ, какъ въ былые годы. Къ чаю—гостя пригласили въ столовую. Анна Сергѣевна не ударила лицомъ въ грязь: простая скатерть сверкала бѣлизною; пыхтящій мѣдный самоваръ блестѣлъ какъ новый. Барбиковъ давно не былъ такъ веселъ; онъ такъ громко хохоталъ, что даже Ѳекла невольно ухмылялась на кухнѣ.

Вскорѣ, рано утромъ, Павловъ получилъ письмо по городской почтѣ. Почеркъ былъ ему незнакомъ, и онъ въ недоумѣніи вскрылъ изящный, продолговатый конвертъ, отъ котораго повѣяло легкимъ запахомъ фіалокъ.

„Многоуважаемый Петръ Николаевичъ! На этотъ разъ я не желаю получить отказа. Андрей простуженъ и сидитъ дома. Мы оба надѣемся видѣть васъ сегодня къ обѣду.—Преданная вамъ Е. А. Барбикова“.

Павловъ просто разсердился и швырнулъ записку подъ столъ. Эти проклятые духи! Они ему дѣйствовали на нервы... Неужели люди не могутъ оставить его въ покоѣ!

Мрачный, онъ явился къ матери и объявилъ, что не вернется къ обѣду.

— Чортъ знаетъ, что такое!—кипятился онъ.

Анна Сергѣевна ласково потрепала его по плечу.

— Ничего, Петя. Вѣдь они тебя любятъ и радуются, когда ты приходишь. Тебѣ не мѣшаетъ поразвлечься и отдохнуть.

— Это вовсе не отдыхъ! Напротивъ, я только теряю время. Меня задержатъ, и потомъ опять придется работать ночью. Андрей знаетъ, какъ я занятъ,—удивительно, что онъ объ этомъ не думаетъ. И чего эта Барбикова, эта модная кукла, лѣзетъ ко мнѣ! Довольно вертится около нея франтовъ...

Лакей провелъ Павлова прямо въ кабинетъ Андрея Ивановича. Барбиковъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ съ перевязанной щекой и кислой физіономіей. При видѣ Петра Николаевича онъ весь просіялъ и протянулъ ему обѣ руки.

— Хорошо, что ты пришелъ, дружище. А то я ужъ боялся, что ты опять заупрямишься.

— Я сначала и хотѣлъ остаться дома. У меня такая масса работы!

— Пустое! Садись, вотъ тебѣ папироса, полюбуйся на мою красу. Я три дня не выходилъ; разскажи, что̀ творится въ мірѣ.

— У меня все по старому. Работаю.

Андрей Ивановичъ разсѣянно кивнулъ головой.

— Ну, а ты какъ?—спросилъ Павловъ.

— И у меня прежній режимъ: днемъ—визиты; вечеромъ—театръ, концерты, вечера... Лиля неутомима, а я—я добродушный, влюбленный супругъ. Кажется, я тебѣ уже каялся въ этомъ. Съ родными много приходится возиться.

— Кто же здѣсь изъ твоихъ родныхъ?

— Ты не знаешь? Моя теща, madame Яковлева, и младшая belle-soeur. Остальныя всѣ замужемъ. Maman и Sophie постоянно живутъ за границей, и только на эту зиму, въ видѣ исключенія, пріѣхали въ городъ. Sophie—хорошенькая. Не будь ты чудакъ, я бы тебѣ посовѣтовалъ присмотрѣться къ ней. Партія хорошая, а главное, она—милая дѣвушка.

— Господь съ тобою! Неужели ты думаешь, что я бы сталъ искать себѣ невѣсту не въ своей сферѣ?

— Вольно-жъ тебѣ сидѣть въ какомъ-то заколдованномъ кругу! Отчего бы тебѣ не жить какъ всѣ, и не жениться на красивой, богатой дѣвушкѣ?

„Я уже нашелъ невѣсту",—хотѣлъ-было сказать Павловъ, но какая-то застѣнчивость удержала его.

— Ты сегодня познакомишься съ моей belle-soeur,—продолжалъ Барбиковъ.—Теперь сестры сидятъ въ будуарѣ у Лили и обсуждаютъ важный вопросъ, какимъ туалетомъ удивить общество на предстоящемъ балу. Это для нихъ священнодѣйствіе, при которомъ мужчины строго исключаются. Потомъ, сразу, ошеломятъ аршиннымъ счетомъ портнихи! Да, это, такъ сказать, оборотная сторона медали. Впрочемъ, не хочу тебя пугать, супружеская жизнь—дѣло хорошее.

Изъ гостиной послышались звуки вальса.

— Ah, le cri de guerre! Засѣданіе кончилось. Пойдемъ къ моимъ барынямъ.

Софья Александровна Яковлева, красивая дѣвушка лѣтъ двадцати, съ видимымъ любопытствомъ посмотрѣла на неуклюже раскланивающагося Павлова.

Ему было очень не по себѣ, но Елизавета Александровна съ привѣтливой улыбкой тотчасъ же втянула его въ разговоръ. Ея ласковость нѣсколько ободрила его.

За столомъ ораторствовалъ одинъ Андрей Ивановичъ. Дамы большею частью молчали, и Павловъ чувствовалъ, что за нимъ наблюдаютъ. Онъ облегченно вздохнулъ, когда, наконецъ, обѣдъ кончился, и они снова перешли въ гостиную.

— Соня и Андрей, къ рояли! — скомандовала Елизавета Александровна:—а васъ, Петръ Николаевичъ, прошу сюда.

Она направилась въ другой конецъ комнаты и сѣла къ столу, на которомъ стояла лампа подъ краснымъ абажуромъ и лежала начатая богатая вышивка. Павловъ послушно опустился въ кресло противъ нея. Не находя темы для разговора, онъ молча сталъ смотрѣть, какъ ея красивые, тонкіе пальцы перебирали шелкà.

— Но вотъ послышались первые аккорды симфоніи въ четыре руки. Она отодвинула работу и подняла глаза.

— Петръ Николаевичъ, — тихо начала она: — я должна у васъ просить прощенія.

Онъ смутился.

— Не понимаю, чтò вы хотите сказать...

— Помните нашъ разговоръ? Знаете, когда вы ушли, и я спокойно обо всемъ подумала, мнѣ стало такъ стыдно...—она запнулась и закусила губу:—такъ ужасно стыдно! Во-первыхъ, за мои ребяческія слова, а во-вторыхъ, за то, что я разсердилась на васъ. Должна вамъ признаться, что я сильно досадовала. Мы не привыкли слышать правду. Все вокругъ насъ такъ дѣланно, нѣтъ ничего естественнаго. Мы доходимъ до того, что насъ возмущаетъ человѣкъ, который не льститъ намъ. Мы спрашиваемъ себя: „какъ онъ смѣетъ?“... Мнѣ было такъ стыдно!.. Всѣ эти дни я о васъ думала. Меня мучила мысль, что вы меня, можетъ быть, презираете. Я знаю, какое чувство этотъ разговоръ въ васъ возбудитъ: слава Богу, что я не дышу этимъ нездоровымъ воздухомъ. Не такъ ли? По вашимъ глазамъ вижу, что угадала,—вы не умѣете лгать. Ахъ, Петръ Николаевичъ, еслибъ вы только знали, какъ я иногда сама себѣ противна! Съ каждымъ днемъ мой умъ и мое сердце мельчаютъ.

Павловъ взволнованно слушалъ такую неожиданную исповѣдь.

При послѣднихъ словахъ онъ устремилъ на нее свой вдумчивый взглядъ.

— Мельчаютъ? Отъ этого недуга всегда найдется лекарство; стоитъ только захотѣть. Твердое желаніе — первый шагъ къ исправленію.

— Вамъ легко говорить, Петръ Николаевичъ. Но каково тѣмъ, кто дороги не видитъ?

— Учитесь, думайте, читайте.

— Я все равно, что малый, несамостоятельный ребенокъ,— сказала она.

— Неужели такъ трудно найти человѣка, съ которымъ вы бы могли говорить, обмѣниваться мыслями?

— Да, трудно, такъ какъ я должна чувствовать въ такомъ лицѣ авторитетъ.

Нѣжные звуки адажіо, мягко лаская, вкрадывались въ душу. Барбиковъ игралъ мастерски и, сидя за роялью, совершенно забывалъ все окружающее.

На щекахъ Елизаветы Александровны вспыхнулъ легкій румянецъ, и она дѣтски-кротко взглянула на Павлова.

— Петръ Николаевичъ, не знаю, смѣю ли просить васъ... можетъ быть, вы не захотите... вы такъ заняты... Еслибъ вы иногда приносили мнѣ книги... знаете, что-нибудь, что̀ васъ самого интересуетъ, но что̀ бы и я могла понять...

— Я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Правда? Вы серьезно говорите? Какъ я рада! Значитъ, рѣшено: вы будете почаще къ намъ заходить, и мы съ вами будемъ бесѣдовать. Это меня освѣжитъ. Я уже теперь чувствую подъемъ духа.

Вечеръ прошелъ для Павлова незамѣтно, и ночью, по дорогѣ домой, онъ чувствовалъ почти угрызенія совѣсти, что такъ строго осуждалъ Елизавету Александровну. Все, что̀ она говорила, звучало такъ просто и искренно. Теперь она даже казалась ему простой и естественной.—Опять новое доказательство, какъ преждевременно, послѣ перваго неблагопріятнаго впечатлѣнія, бросать камни въ человѣка!—разсуждалъ онъ самъ съ собой.

— Вотъ видишь, Петя, какъ я была права!—довольнымъ тономъ проговорила Анна Сергѣевна, когда онъ на слѣдующее утро расхваливалъ ей Барбиковыхъ.

На Ольгу все болѣе и болѣе восторженные отзывы Павлова производили иное впечатлѣніе. Прежде не было уголка въ его

душѣ, куда бы она не могла заглянуть; теперь же она чувствовала, что онъ ускользаетъ отъ нея, что другіе оттѣсняютъ ее и становятся на ея мѣсто. Въ ней шевелилось чувство ревности, котораго она не могла побѣдить, и тяжело легла на ея душу безъисходная тоска.

— Въ ней хорошіе задатки. Изъ нея можетъ выйти порядочный человѣкъ,—съ веселой улыбкой сказалъ однажды Петръ Николаевичъ· послѣ длиннаго разговора объ Елизаветѣ Александровнѣ.

— Почему вы думаете?—съ замираніемъ сердца спросила Ольга.

— Очень просто. Она рѣшительно жаждетъ жить умственной жизнью. И, представьте себѣ, Ольга Васильевна, она меня сдѣлала своимъ наставникомъ! Я долженъ ее учить уму-разуму. Что это, вы удивляетесь?

Ольга ничего не отвѣтила. Онъ—ея наставникъ! Онъ съ нею читаетъ, онъ съ нею подолгу разговариваетъ! Съ нею, съ этой красивой, безсердечной кокеткой! Шутя и играя, она у нея отниметъ ея единственное счастье, и, натѣшившись вдоволь, отвернется отъ него и найдетъ новую забаву.

Ольгѣ хотѣлось громко вскрикнуть отъ боли и молить:— „Останься, не уходи отъ меня! Ты—моя жизнь! Если я тебя потеряю—и смерть, и могила—мнѣ все равно!"

Но она не смѣла, и ея блѣдныя губы улыбались ему по прежнему съ кроткой любовью. Онъ ничего не видѣлъ, ни о чемъ не догадывался.

И вотъ Петръ Николаевичъ, для самого себя неожиданно, сдѣлался наставникомъ и учителемъ Елизаветы Александровны. Онъ принесъ ей множество популярно изложенныхъ научныхъ сочиненій и обѣщалъ скоро зайти, чтобы поговорить о прочитанномъ. Придя къ ней, онъ обрадовался ея интересу къ серьезному чтенію. Ея живой, воспріимчивый умъ и хорошая память пріятно поразили его. Онъ сталъ приходить чаще. И, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, онъ замѣтилъ, что эти посѣщенія сдѣлались для него потребностью.

Когда у Барбиковыхъ бывали гости, Павловъ не показывался, но зато наединѣ съ ними или въ присутствіи одной Софьи Александровны онъ уже не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія.

Однажды вечеромъ Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его возгласомъ сожалѣнія и объявилъ, что они приглашены и ѣдутъ на

раутъ. Павловъ хотѣлъ-было тотчасъ же уйти; но Барбиковъ удержалъ его.

— Останься, Петя, раньше одиннадцати мы во всякомъ случаѣ не поѣдемъ. Жена теперь одѣвается и скоро выйдетъ. Мы такъ и думали, что ты зайдешь.

Черезъ часъ явилась Елизавета Александровна въ роскошномъ вечернемъ нарядѣ, красивая, обольстительная. Въ нѣмомъ изумленіи и восторгѣ Павловъ впился въ нее глазами и—вдругъ понялъ... Впервые онъ почувствовалъ въ ней женщину, и кровь ударила ему въ голову. Елизавета Александровна знала этотъ внезапно вспыхивающій огонекъ страсти въ глазахъ мужчины и окинула Павлова торжествующимъ взглядомъ...

Андрей Ивановичъ ушелъ въ свою уборную, и они остались одни.

Разговоръ не клеился. Павлову было душно. Онъ хотѣлъ оторвать отъ нея свой взоръ и не могъ. Глухое, невѣдомое дотолѣ чувство давило ему грудь, чувство, котораго онъ не смѣлъ назвать по имени.

Какъ только вернулся Барбиковъ, Петръ Николаевичъ быстро простился и ушелъ.

На слѣдующее утро Павловъ проснулся со свѣжей головой. Вчерашнее волненіе въ немъ улеглось, и онъ объяснилъ себѣ его минутной слабостью, игрою напряженныхъ нервовъ.

Жизнь опять пошла обычнымъ чередомъ.

Но, вотъ, случилось происшествіе, сразу нарушившее его равновѣсіе и толкнувшее его на встрѣчу тому, что̀ ему казалось столь невозможнымъ и даже преступнымъ.

Старикъ Морозовъ скончался. Анна Сергѣевна сообщила ему это извѣстіе, когда онъ однажды вернулся съ лекціи, и прибавила:

— Я рѣшила взять Оленьку къ себѣ. Бѣдняжка вѣдь не можетъ остаться одна въ квартирѣ. Когда она немного оправится, ей придется поискать себѣ мѣста, если ты не...

Она не кончила. Что-то неподвижное въ его взглядѣ заставило ее умолкнуть.

Онъ ее понялъ: теперь онъ могъ жениться на Ольгѣ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, его сердце преисполнилось бы нѣжностью и состраданіемъ; онъ бы заключилъ эту тонкую, хрупкую фигурку въ свои объятія:—„будь спокойна, я тебя не оставлю!“—Сегодня же... сегодня, при одной мысли о чемъ-либо подобномъ, что-то больно кольнуло его въ самое сердце. Нѣтъ, онъ не можетъ стать ея мужемъ! Ему вдругъ почудилось легкое

шуршаніе шолка... запахъ фіалки... ослѣпительныя плечи и руки... горячій румянецъ щекъ и темно-голубые глаза, полные нѣги... Онъ силился отогнать отъ себя эти образы и мысли, но—напрасно. Нѣтъ, онъ не можетъ жениться на Ольгѣ!

Ни слова не говоря, онъ скрылся въ дверяхъ своего кабинета. Анна Сергѣевна печально посмотрѣла ему вслѣдъ.

Петръ Николаевичъ сталъ нервно бродить изъ угла въ уголъ. Неужели онъ любитъ ее? Ее, жену своего друга? Что за безумный самообманъ! Вѣдь это невозможно, вѣдь это было бы чудовищно! Онъ не любилъ Ольги—вотъ и все. Теперь, когда надо было рѣшиться, онъ понялъ, что его связывали съ ней только дружба, привычка, но не любовь. И еслибы Морозовъ умеръ раньше,—онъ раньше бы пришелъ къ тому же заключенію.

Но почему же, несмотря на всѣ доводы, сердце его болѣзненно билось, и чувство безпокойства не покидало его?

Имъ вдругъ овладѣло неудержимое желаніе видѣть Елизавету Александровну.

Онъ засталъ ее одну.

— Андрей вернется къ чаю. Онъ поѣхалъ съ Соней кататься,—сказала Елизавета Александровна, здороваясь съ нимъ.

Она была въ отличномъ расположеніи духа, шутила и смѣялась.

Павловъ съ тоскою глядѣлъ на нее.

Неужели онъ любитъ ее? Какой абсурдъ! Развѣ онъ можетъ стать измѣнникомъ, обмануть своего лучшаго друга, который ему слѣпо довѣряется? Въ открытой борьбѣ отнять у противника то, что̀ ему принадлежитъ по праву, было бы преступно; но нанести ударъ изъ-за угла было бы болѣе чѣмъ преступно, было бы подло!

Безпорядочныя мысли вихремъ кружились въ его головѣ, а она беззаботно болтала о послѣдней новинкѣ на сценѣ французскаго театра. Онъ не понималъ ея словъ, онъ только слышалъ ея голосъ, видѣлъ прелестныя, улыбающіяся губы и чудные глаза, такъ привѣтливо на него устремленные. Эти глаза, казалось, притягивали, манили. Онъ чувствовалъ, что голова у него идетъ кругомъ, въ глазахъ темнѣетъ...

— Петръ Николаевичъ, что̀ съ вами?—вдругъ спросила она, обрывая свой разсказъ:—вы какой-то странный сегодня. Можетъ быть, ваша мамаша...

— Мать здорова,—отрывисто перебилъ ее Павловъ.

— Сегодня я получилъ извѣстіе о смерти одного близкаго человѣка,—прибавилъ онъ, немного погодя.

— Неужели?—съ участіемъ воскликнула Елизавета Александровна:—кто это? Я его знаю?

— Нѣтъ. Я вамъ его никогда не называлъ. Это ужъ былъ старикъ.

— Что, онъ оставилъ семью?

— Дочь.

Она пристально на него посмотрѣла, но, видя, что онъ молчитъ, больше не разспрашивала.

Повинуясь какому-то неясному чувству, онъ у Барбиковыхъ никогда не упоминалъ объ Ольгѣ. Ему казалось лишнимъ распространяться насчетъ своей частной жизни,—кого это могло интересовать?

„Близкій человѣкъ... дочь“...—подумала Елизавета Александровна:—„такъ и у него есть свой jardin secret“? А она полагала, что видитъ его насквозь, что онъ—ея креатура...

Чтобы перевести разговоръ на другую почву, она встала и принесла изъ сосѣдней комнаты нѣсколько тетрадей въ роскошныхъ переплетахъ.

— Посмотрите, какіе чудные рисунки! Я ихъ сегодня купила. Не правда ли, изящно?—они стояли рядомъ, она медленно перевертывала страницы:—вотъ, напримѣръ, Othéro... Красавица!

Павловъ протянулъ руку къ тетради и на мгновеніе коснулся ея руки. Онъ вздрогнулъ, и легкій туманъ застлалъ ему глаза. Елизавета Александровна улыбнулась и отошла на нѣсколько шаговъ. Онъ не смѣлъ взглянуть на нее. Сердце его усиленно стучало.

Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату, веселые, раскраснѣвшіеся отъ мороза, влетѣли Барбиковъ и Соня. Такъ и дохнуло отъ нихъ свѣжимъ, зимнимъ холодомъ.

Громко, перебивая другъ друга, они стали разсказывать.

— Какой вечеръ! Какая луна! какъ хорошо теперь за городомъ!—восклицала Соня.

— Много катающихся?—разсѣянно спросила Елизавета Александровна.

— Въ такое время? Что ты! Это только мы, солидные, выбираемъ такіе часы.

Въ этотъ вечеръ Павловъ рано ушелъ.

Андрей Ивановичъ скоро легъ спать, но Соня еще осталась поболтать съ сестрой.

— Послушай, Лиля,—начала она, въ упоръ глядя на Елизавету Александровну:—неужели ты влюбилась въ эту сову?

— Въ кого? Въ Павлова?—Елизавета Александровна принужденно засмѣялась.—Что за дикая фантазія!

— Да все возможно. Ты, вотъ, ужъ сколько времени съ нимъ возишься. Вѣдь не наукой же ты въ самомъ дѣлѣ увлекаешься. Я сейчасъ подумала: cherchez l'homme. Чего ты, собственно, отъ него хочешь? Такъ, просто, пробрать?

— Отстань! Ничего я отъ него не хочу. Онъ интересный собесѣдникъ,—вотъ и все.

— Сочиняешь! И то нескладно. Будто я тебя не знаю! Ты хочешь его пробрать, ты хочешь видѣть, до чего онъ можетъ дойти. Да онъ ужъ теперь влюбленъ по уши. Только на тебя и смотритъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Еще бы! Ты сама это отлично знаешь.

Елизавета Александровна зажмурила глаза и сонливо потянулась.

— Я устала. Мы вчера такъ поздно вернулись отъ Бобровыхъ,—сказала она.

— Ѳедя Бобровъ за тобой ухаживалъ?

— Конечно. Но у насъ нѣтъ больше прежняго élan. Хочешь, я тебѣ его уступлю?

Соня засмѣялась.

— Онъ мнѣ нравится. Я съ нимъ не кокетничаю только потому, что онъ—твоя собственность.

— Для флирта онъ хорошъ. Но замужъ за него не стоитъ выходить. Я бы тебѣ желала такого мужа, какъ Андрей.

— Андрей тебя никогда не ревнуетъ къ Павлову?

— Еще чего недоставало! Павловъ не опасенъ. Запри его въ одну клѣтку съ первой красавицей въ мірѣ,—ему и то, я думаю, въ голову не придетъ посмотрѣть на нее.

— Ну, не говори! Онъ изъ тѣхъ, которые медленно, но вѣрно могутъ идти къ цѣли.

Павловъ долго не показывался у Барбиковыхъ. Настроеніе его было самое мрачное. Послѣ того знаменательнаго вечера, онъ болѣе не сомнѣвался въ своихъ чувствахъ къ Елизаветѣ Александровнѣ. Онъ себя чувствовалъ жалкимъ и презрѣннымъ, безсильнымъ сопротивляться соблазну. Всѣ тѣ принципы нравственности, которые онъ когда-то проповѣдовалъ, развѣялись какъ дымъ. Въ теоріи, вдали отъ жизни, казалось такъ легко вырвать подобную любовь изъ сердца. Куда же дѣлась эта гордая самоувѣренность?

Онъ рѣшилъ избѣгать встрѣчи съ Елизаветой Александровной. Развѣ онъ бы могъ стать къ ней въ прежнія отношенія, развѣ бы могъ смотрѣть Андрею въ глаза съ сознаніемъ такой тяжелой вины?

Онъ глубоко и искренно страдалъ.

Но время проходило, и въ его утомленномъ мозгу мало-помалу стали возникать иныя мысли.

Пока онъ молча любилъ и страдалъ, пока ея душевный покой не былъ нарушенъ, развѣ онъ совершалъ какое-нибудь преступленіе? А еслибы борьба съ самимъ собою оказалась непосильной, еслибы онъ въ ней погибъ,—кому до этого дѣло! онъ самъ себѣ господинъ. Наконецъ, говорятъ, страданіе искупаетъ вину...

И онъ сталъ попрежнему навѣщать Барбиковыхъ. Только онъ замѣтно осунулся и поблѣднѣлъ.

Это не могло ускользнуть отъ Анны Сергѣевны. Часто она съ безпокойствомъ обращалась къ Ольгѣ:

— Оленька, какъ ты думаешь, Петя боленъ?

— Не знаю, тетя. Онъ сегодня какъ будто больше ѣлъ за обѣдомъ.

Или:

— Оленька, тебѣ не кажется, что онъ сегодня блѣднѣе обыкновеннаго?

Ольга старалась утѣшить старушку, сваливая все на занятія и нездоровый здѣшній климатъ. Но подчасъ и она тревожно спрашивала Анну Сергѣевну, бывалъ ли онъ по временамъ и прежде таковъ, какъ теперь. Она спрашивала, не выслушивая отвѣта. Она знала его недугъ. Она знала, что бездушная красавица завлекла, заманила его и ведетъ съ нимъ жестокую игру. Жгучая ненависть поднималась въ ея душѣ при мысли о сытыхъ, довольныхъ баловняхъ судьбы, которые ни на минуту не задумываются отнять послѣднее у своихъ собратьевъ, обойденныхъ счастьемъ. Разъ бы только увидѣть эту женщину!

Ея желаніе исполнилось. Петръ Николаевичъ какъ-то принесъ ея фотографію. Долго и пристально Ольга вглядывалась въ красивыя надменныя черты, и чувство полнаго безсилія охватило ее. Гдѣ ей было тягаться съ нею! Въ этомъ спокойномъ взглядѣ выражалась одно гордое обладаніе; не было и слѣда сомнѣній и слезъ. Только бы его сердце не разбилось, когда настанетъ роковая минута, въ которую онъ все пойметъ!

Однажды у Барбиковыхъ были гости. Вопреки обыкновенію, явился и Павловъ. Въ многочисленномъ обществѣ онъ могъ не-

замѣтно наблюдать за Елизаветой Александровной. Въ началѣ вечера около нея увивался Бобровъ и, казалось, нашептывалъ ей слащавыя любезности. Она разсѣянно слушала его и, какъ только къ нимъ присоединилась Соня, отошла къ другой группѣ. Молодой гусаръ видимо не особенно былъ огорченъ этимъ и, къ изумленію Павлова, устремилъ на Соню тотъ же пламенный взглядъ, которымъ минутою раньше, казалось, хотѣлъ пронзить Елизавету Александровну. Соня смѣялась и кокетничала. Весь вечеръ они были неразлучны.

Когда всѣ направились въ столовую къ ужину, Павловъ случайно очутился рядомъ съ ними, и услышалъ послѣднія слова Боброва:

— ...Только теперь для меня начинается сезонъ. До сихъ поръ все было такъ блѣдно и пусто...

Петръ Николаевичъ улыбнулся. „Такъ, значитъ, это любовь къ Сонѣ заставляла Боброва искать добраго расположенія ея сестры!“ —подумалъ онъ, и самъ обрадовался своей прозорливости.

За столомъ Барбиковъ усадилъ Павлова рядомъ съ собою. Мѣсто около хозяйки занялъ баронъ Бальценъ, старый другъ ея покойнаго отца.

— Давно мы съ вами не видѣлись, Елизавета Александровна,—ласково обратился онъ къ ней:—вы, вѣрно, много веселитесь?

Она кивнула головой.

— Черезчуръ много.

— Не можетъ быть „черезчуръ много“, пока веселье носитъ простодушный характеръ, и нѣтъ въ немъ примѣси того яда, который въ наше время называютъ „флиртомъ“.

— Вы шутите,—запротестовала она:—что̀ можетъ быть невиннѣе флирта? „Attention without intention“, говорятъ англичане.

— Да, слышалъ и прежде отчасти этому вѣрилъ. Но мои старые глаза многое видѣли. Пока обѣ заинтересованныя стороны смотрятъ на это дѣло какъ на мимолетную забаву и во всякое время могутъ разстаться безъ сожалѣнія—пусть тѣшатся. Однако, кто можетъ заранѣе поручиться, что игра для одного изъ двухъ не перейдетъ въ серьезное чувство? Еще хуже, если тотъ или другой вообще не понимаетъ игры, флирта, и принимаетъ все за чистую монету.. Простите вашему старому другу маленькое замѣчаніе. Я не флиртую, какъ молодежь, не играю въ карты, какъ подобаетъ старикамъ, а сижу себѣ тихонько и наблюдаю. То, что̀ я замѣтилъ сегодня, меня огорчило. Я замѣтилъ взглядъ, который всюду за вами слѣдилъ и въ которомъ

выражалось нѣчто большее, чѣмъ минутное увлеченіе.—Онъ показалъ глазами на Павлова.

На лицѣ Елизаветы Александровны вспыхнула легкая краска.

— Вы ошибаетесь...

— Нѣтъ, я не ошибаюсь, и ваша совѣсть, я вижу, говоритъ вамъ, что я правъ. Жаль бѣднаго человѣка.

— Господи! вѣдь я же тутъ ни-при-чемъ! Развѣ я виновата, что... могла кому-нибудь понравиться? Этого я не искала и никогда не ищу.

— Елизавета Александровна! Это говорите вы, молодая, красивая, женщина!?

— Я съ нимъ никогда даже не кокетничала.

— Разнаго рода бываетъ кокетство. Одинъ попадается на одну удочку, другой на другую. Я называю кокетствомъ ловкое изученіе индивидуальнаго вкуса мужчины и систематическое стараніе раздражать этотъ вкусъ.

Елизавета Александровна невольно взглянула на Павлова. Онъ сидѣлъ сгорбившись, съ впалыми щеками.

— Да, да,—сказалъ баронъ:—тутъ ваша вина.

— Если это дѣйствительно такъ, если онъ меня любитъ, все-же онъ, смѣю думать, никогда не забудется. Онъ заставитъ молчать свои чувства, мало-по-малу успокоится и женится на какой-нибудь честной, хорошей дѣвушкѣ. Порядокъ извѣстный... Наконецъ, все это очень скучно.

— Скучно? Только и всего? Знаете, онъ—герметически закупоренный сосудъ, въ которомъ происходитъ кипѣніе и который въ каждую минуту можетъ лопнуть—а тогда бѣда!

— У васъ пылкая фантазія, Гербертъ Рудольфовичъ.

— Дай Богъ! Я свое дѣло сдѣлалъ, я васъ предупредилъ. Всего раза два-три я видѣлъ этого человѣка, но вполнѣ разгадалъ, что̀ происходитъ въ его душѣ.

Разговоръ на этомъ кончился, но слова барона крѣпко засѣли въ головѣ Елизаветы Александровны.

Гости разъѣхались, весь домъ погрузился въ сонъ, а она еще долго лежала съ открытыми глазами и думала: „Герметически закупоренный сосудъ"... „можетъ лопнуть"... Сравненіе ей понравилось. Она привыкла видѣть въ каждомъ мужчинѣ только объектъ для флирта, и не считала этого предосудительнымъ. Совѣсть ея была чиста, она никогда не шла дальше. „Ваша добродѣтель—единственный вашъ недостатокъ!"—хоромъ говорили ея поклонники. Но какъ ни пламенны были ихъ объясненія въ любви, она понимала ихъ настоящій смыслъ и относилась къ

нимъ равнодушно. Но серьезная страсть Павлова была для нея чѣмъ-то новымъ, чѣмъ-то крайне любопытнымъ. Это—первая его страсть! Страсть сильная, истинная, безъ неестественной нервности вѣка. Какъ это интересно! И притомъ онъ вѣдь вовсе не дуренъ собою! Объяснись онъ когда-нибудь,—она бы напомнила ему, что она—замужняя женщина, что у нея есть обязанности... Какъ честный человѣкъ, онъ бы понялъ, покорился...

Она усмѣхнулась.

Дѣйствительно, интересно! И эта школа ему полезна. Не можетъ же мужчина прожить жизнь, не узнавъ бури! Какая-нибудь простая, добродѣтельная жена, пожалуй, вся пропитанная запахомъ кухни, никогда не сможетъ разжечь въ немъ чувство.

Пикантный, маленькій и, въ сущности, невинный эпизодъ! Совсѣмъ какъ шампанское... Ежедневно его пить не станешь, но изрѣдка оно необходимо. Итакъ—vogue la galère!..

Посторонній зритель не замѣтилъ бы перемѣны въ поведеніи Елизаветы Александровны, но Павловъ почувствовалъ ее. Что̀ означали ея долгіе взгляды, ея нервное возбужденіе, чуть только онъ приближался къ ней? Теперь онъ уже мучился вопросомъ не о томъ, любитъ ли онъ самъ, но любитъ ли она.

Давно онъ уже не затрогивалъ отвлеченныхъ вопросовъ въ разговорѣ съ Елизаветой Александровной. Всѣ интересы науки казались ему такими безцѣльными и мелкими. У него въ мысляхъ было только одно: остаться съ нею наединѣ.

Этотъ день насталъ. Барбиковы опять собирались на вечеръ. Андрей Ивановичъ еще былъ въ своей уборной, но Елизавета Александровна, уже одѣтая, вышла къ Павлову. Въ комнатѣ былъ полумракъ. Горѣла одна только лампа. Портьеры всѣ были спущены.

Не поднимая глазъ, Елизавета Александровна подошла къ столу. Онъ молча прослѣдовалъ за нею. Она чувствовала, что онъ стоитъ рядомъ, глядитъ на нее. Еще минута—и она была въ его объятіяхъ. У него захватило дыханіе. Его поцѣлуи не остались безъ отвѣта. Ихъ обоихъ охватилъ минутный, но могучій, всесокрушающій порывъ долго сдерживаемаго чувства...

Павловъ, наконецъ, отшатнулся. Глаза его глядѣли тускло. Потомъ вдругъ сознаніе вернулось къ нему... Онъ въ отчаяніи схватился за голову и кинулся къ дверямъ.

Часомъ позже, сидя въ каретѣ рядомъ съ мужемъ, Елизавета Александровна все еще испытывала пріятную усталость во всѣхъ членахъ. А рысаки быстро мчали ее къ новому развлеченію, къ новому флирту.

На слѣдующій день Елизавета Александровна встала съ сильною головною болью. Наступила реакція: теперь она не чувствовала ничего, кромѣ отвращенія. Она не боялась, что Андрей что-либо узнаетъ. Павловъ, какъ порядочный человѣкъ, не станетъ болтать, и все обойдется безъ послѣдствій. Но ей было стыдно передъ нимъ. Чтò онъ долженъ думать о ней? Можетъ быть, онъ воображаетъ, что она любитъ его? Пожалуй, оставить его при этой иллюзіи и окружить себя ореоломъ святости, говоря, что во имя долга надо себя побороть? Онъ повѣритъ. Не можетъ же она ему сказать:—я хотѣла только видѣть, умѣете ли вы любить. Узнавъ правду, онъ будетъ ее презирать... Однако, какая глупая исторія! Надо приложить всѣ старанія, чтобы отношенія между нимъ и Андреемъ не измѣнились. Конечно, интересно было вчера, очень интересно, и даже забавно, но воспоминаніе—фу, какъ гадко! Слава Богу, что Андрей по дѣламъ уѣхалъ загородъ и раньше вечера не вернется. Если Павловъ самъ не догадается придти, она ему напишетъ. Какъ все это неловко, какъ глупо!

Въ четыре часа Елизаветѣ Александровнѣ доложили о приходѣ Павлова. Она уже успѣла овладѣть собою и успокоиться; однако, при видѣ его, вся вдругъ похолодѣла: на немъ не было лица. Она растерялась.

— Забудьте,—пробормотала она:—я одна виновна...

— Я виновенъ... Я перешагнулъ границу и васъ заставилъ перешагнуть ее... Возврата нѣтъ. Это ужасно, ужасно!

Павловъ закрылъ лицо руками.

Елизавета Александровна глядѣла на него изумленно тревожными глазами. Къ чему это клонится?

— И разъ оно должно быть,—пусть будетъ скоро! Я знаю, сегодня его нѣтъ, но завтра... завтра скажу ему...

Она все еще не понимала. Чтò онъ хотѣлъ сказать ея мужу? Онъ сошелъ съума, что-ли?

— Андрей намъ не будетъ препятствовать. Я его знаю... Но клянусь,—въ голосѣ его послышалась угроза:—клянусь, что мы съ вами не увидимся раньше, чѣмъ вы будете свободны, совсѣмъ свободны передъ Богомъ и людьми!

Она поблѣднѣла.

— Петръ Николаевичъ, ради Бога, опомнитесь... чтò вы говорите?.. Какая свобода?..

— Петръ Николаевичъ, — торопливо продолжала она, видя его недоумѣніе:—мы должны разстаться. Вчерашняя сцена не должна повториться. Вычеркните ее изъ памяти, забудьте!..

— Вы хотите остаться у мужа, любя другого?—строго проговорилъ Павловъ...

— Время все изгладитъ. Сегодня вы взволнованы. Со временемъ вы сами поймете, что я права.

— Нѣтъ, время ничего не изгладитъ. Откладывать неизбѣжное—только трусость. Завтра же поговорю съ Андреемъ. Прощайте, Елизавета Александровна.

Онъ круто повернулся къ дверямъ.

— Петръ Николаевичъ, подождите!—Она въ отчаяніи бросилась ему вслѣдъ:—Вы меня не понимаете! О, Боже, Боже!.. Я не знаю, что̀ было со мною вчера... вы мнѣ симпатичны, но я васъ не люблю!..

Павловъ на секунду обернулся.

Глаза его широко раскрылись,—точно передъ нимъ выросло что-то чудовищное. Потомъ дверь съ грохотомъ захлопнулась за нимъ.

Изъ боязни, чтобы Павловъ не вернулся, Елизавета Александровна рѣшила поѣхать къ роднымъ. Только въ двѣнадцать она возвратилась къ себѣ.

— Баринъ дома?—спросила она открывшую ей дверь горничную.

— Пріѣхали еще до чаю и спрашивали васъ, барыня. Потомъ имъ принесли записку, и они уѣхали.

— Кто принесъ?

— Посыльный,

— Баринъ ничего мнѣ не велѣлъ передать?

— Ничего не велѣли.

— Хорошо, можете идти. Постойте, Маша,—никто не приходилъ безъ меня?

— Баринъ Бобровъ оставили карточку.

— Больше никто?

— Никто.

Елизавета Александровна пошла въ спальню и стала раздѣваться.

Послышался звонокъ.

„Это Андрей! А что, если онъ уже все знаетъ?“

Барбиковъ быстро вошелъ въ комнату. Онъ былъ блѣденъ и разстроенъ.

— Я была у тети,—робко проговорила она.

— Знаю, Лиля.—Онъ тяжело опустился въ кресло.

„Онъ все знаетъ!“

Она какъ бы окаменѣла. Чего же онъ молчитъ?

Барбиковъ поднялъ голову,—слезы текли по его щекамъ.

— Павловъ застрѣлился,—проговорилъ онъ тихо.

Въ глазахъ Елизаветы Александровны все сразу потемнѣло, закружилось... Она схватилась за спинку стула.

— Сегодня въ восемь часовъ... наповалъ...

— А причина?—прошептала она едва слышно.

— Онъ ничего не оставилъ, ни письма... ничего рѣшительно. Мать въ отчаяніи. Отъ нея ничего не добьешься. Она не хочетъ вѣрить, что онъ погибъ. А та, другая,—ихъ родственница, кажется,—Боже, что̀ съ ней дѣлается! Не говоритъ, не плачетъ, только неподвижно глядитъ. Должно быть, любила его... Одному Богу извѣстно, что̀ съ нимъ случилось. Ахъ, Лиля, еслибъ ты знала, какъ мнѣ больно!..

Всю ночь Елизавета Александровна тряслась какъ въ лихорадкѣ. Зубы ея стучали.

— Господи! Господи!—машинально твердила она, судорожно сжимая руки.

Павлова похоронили въ тихое, ясное утро. Одинъ изъ профессоровъ университета сказалъ рѣчь, восхваляя заслуги покойнаго, какъ ученаго дѣятеля. Какъ человѣкъ, онъ никому не былъ близокъ, и когда церемонія кончилась, уже никто изъ присутствовавшихъ мысленно не возвращался къ безвременно погибшему сотоварищу.

Барбиковъ предложилъ Аннѣ Сергѣевнѣ и Ольгѣ мѣсто въ своей каретѣ и отвезъ ихъ домой.

— Пока я живъ, вы не будете знать нужды,—сказалъ онъ растроганно.

Старушка рыдала.

Елизавета Александровна не явилась на похороны, чувствуя себя нездоровою.

И снова потянулись дни, недѣли. Время безостановочно летѣло впередъ, равнодушно унося въ вѣчность и радость и горе, и самую жизнь человѣка.

Бобровъ и Соня встрѣтились на балу. Подъ увлекательные звуки вальса, пары безъ устали кружились по залѣ. Звенѣли шпоры, бѣлѣли красивыя плечи и руки, мелькали хорошенькія головки... Послѣдній вечеръ сезона! Чувствовалась особенная горячка жить, наслаждаться...

— А слышали вы про самоубійство молодого Павлова?—спросилъ Бобровъ, любуясь въ то же время личикомъ Сони, порозовѣвшимъ отъ танцевъ.

— Ахъ, бѣдный! Мнѣ такъ его жаль!—Соня усиленно обмахивалась вѣеромъ.

— Онъ вѣдь часто бывалъ у Елизаветы Александровны?

— Да, онъ товарищъ моего beau-frère'a по университету.

— Знаете,—и Бобровъ улыбнулся: — говорятъ, ему кто-то вскружилъ голову.

— Какіе люди злые!—воскликнула Соня.—У Павлова, просто, отъ чрезмѣрной умственной работы, выпалъ какой-нибудь винтикъ изъ ученой головы...

— Ну, вотъ, я всегда говорилъ, что наука вредна,—со смѣхомъ перервалъ ее Бобровъ.—Однако, passons dessus! Слышите, играютъ: „Amour et printemps", Вальдтейфеля! L'amour y est, le printemps n'est plus loin...—онъ всталъ:—Позвольте васъ просить!

Соня весело улыбнулась. Онъ обхватилъ рукою ея гибкій станъ, и они понеслись въ вихрѣ вальса...

Е. К. П—ская.

НАРОДНЫЕ ТЕАТРЫ

И

НАРОДНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ

ВЪ ГЕРМАНІИ.

У насъ, въ Россіи, иногда даже и крупные вопросы возникаютъ часто какъ-то неожиданно, почти внезапно. Мы еще не успѣли ни выяснить себѣ всесторонне вопросъ о народныхъ чтеніяхъ, ни ввести ихъ повсюду, мы еще только-что приступили къ насажденію на русской почвѣ движенія „University-Extension", а вопросъ о народномъ театрѣ и разумныхъ народныхъ развлеченіяхъ уже выдвинутъ на первую очередь, и притомъ одновременно съ введеніемъ винной монополіи. Всюду, гдѣ народъ пьетъ теперь казенную водку, учреждены особыя попечительства о народной трезвости, на которыя возложена и организація разумныхъ развлеченій для народа. Что въ этой области уже нѣчто сдѣлано,—читателямъ, вѣроятно, извѣстно изъ газетъ. Короткій срокъ опыта не далъ, конечно, возможности выработать вполнѣ опредѣленные методы и системы въ данной области, а потому, быть можетъ, небезъинтересно будетъ ознакомиться съ методами и системами, уже сложившимися въ Германіи, гдѣ вопросъ этотъ возникалъ и развивался постепенно, и гдѣ удачному разрѣшенію его такъ много помогла *свобода частной иниціативы*, безъ которой едва ли можно обойтись, если желаютъ, чтобы подобное дѣло имѣло прочную будущность и у насъ.

I.

Начнёмъ съ проведенія извѣстной границы между понятіями: „народный театръ“ и „общедоступный театръ“,—выработавшимися съ теченіемъ времени въ *столицѣ* германской имперіи.

Въ восточной части „Аѳинъ-на-Шпрее“, какъ называютъ Берлинъ, гдѣ населеніе рекрутируется почти исключительно изъ рабочаго люда, изъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ,—въ этомъ берлинскомъ „Истъ-Эндѣ“, въ которомъ не ищите, однако, ни грязи, ни нищеты, ни ужасовъ лондонскаго „Уайтчепеля“,—затерялся, среди многоэтажныхъ домовъ, кѣмъ-то мѣтко названныхъ „Miethskasernen“, маленькій, полутемный, полусырой, неудобный и неуютный „Ostend“-театръ. Мы заглянули туда однажды, года два назадъ, любопытства ради. Въ тотъ вечеръ шла пьеса подъ громкимъ названіемъ: „Наша имперская почта“, и уже далеко не въ первый разъ. Это была пьеса изъ рода тѣхъ, которыя называются въ Германіи: „ein Volksstück mit Tanz und Gesang“, а несложное, вмѣстѣ съ тѣмъ живое содержаніе ея таково. Молодой человѣкъ, загриммировавшійся почтеннымъ бюргеромъ, снимаетъ у одной не менѣе почтенной бюргерши комнату, усыпляетъ, на сценѣ, пользуясь отсутствіемъ хозяйки, стараго, честнаго почтальона, разносящаго на домъ денежные пакеты, и вытаскиваетъ изъ его сумки 1.000 марокъ. Почтальона, готовящагося отпраздновать двадцатипятилѣтній юбилей своей непорочной службы, это несчастье очень удручаетъ, и вмѣстѣ съ нимъ страдаютъ его три дочери, изъ которыхъ двѣ влюблены въ почтальоновъ, а третья—въ парикмахера. У послѣдняго и былъ купленъ воромъ парикъ. Въ день юбилея отца дочери его устроиваютъ маленькій маскарадъ. Парикмахеръ случайно надѣваетъ парикъ, схожій съ тѣмъ, который былъ на исчезнувшемъ ворѣ. Старикъ узнаетъ внѣшній обликъ вора, а парикмахеръ вспоминаетъ, кто купилъ у него подобный же парикъ, и молодого человѣка накрываютъ на балу у директора почты, также празднующаго свой двадцатипятилѣтній юбилей. Тотъ же парикмахеръ помогаетъ найти и украденныя деньги, изобразивъ собою чучело, яко бы подаренное директору почты его подчиненными, и за пазуху этому чучелу суетъ воръ украденныя имъ деньги. Такимъ образомъ, порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ, честь стараго почтальона возстановлена, три дочери его выходятъ за своихъ возлюбленныхъ, а въ заключеніе ставится патріотическій, прославляющій имперскую почту,

апоѳеозъ, довольно жалкій на бѣдной сценѣ, лишенной какихъ-либо приспособленій, но вызвавшій въ тотъ вечеръ бурные аплодисменты со стороны непритязательной публики. Послѣ „Нашей имперской почты" директоръ поставилъ около ста разъ новую, тогда „злободневную" пьесу: „Подъ полярнымъ солнцемъ", главнымъ героемъ которой былъ не кто иной, какъ Фритіофъ Нансенъ. Пьеса эта была состряпана въ высшей степени неудачно; декораціи, обстановка и костюмы были, по обыкновенію, жалки; но „Stammpublikum" этого театра, его постоянные посѣтители, рекрутирующіеся изъ окрестнаго мелкаго бюргерства, ремесленниковъ и торговцевъ, оставались, судя по аплодисментамъ, весьма довольны, въ особенности „trick'омъ" пьесы: Нансенъ стрѣлялъ на сценѣ въ чучело, изображавшее бѣлаго медвѣдя, и—безъ сомнѣнія—убивалъ его наповалъ! Дальнѣйшій репертуаръ „Ostend"-театра (для характеристики этого „храма музъ" интересно отмѣтить, что въ день двадцатипятилѣтняго его существованія онъ былъ переименованъ, по имени директора, въ „Ostend-Karl-Weiss-Theater", а въ день „серебряной" свадьбы этого директора—окончательно въ „Karl-Weiss-Theater")—выразился со времени постановки поименованныхъ двухъ пьесъ слѣдующими драматическими произведеніями, о содержаніи и качествѣ которыхъ достаточно повѣствуютъ одни ихъ названія: „На Суматрѣ"; „Чортова мельница"; „Ліана, вторая жена"; „Поджигатель"; „Кубинская героиня" и, наконецъ, „Кончина міра". Только ради гастролировавшей недавно на этой сценѣ нашей русской артистки, Е. И. Горевой, поставлены были по нѣскольку разъ: „Марія Стюартъ" и „Адріенна Лекуврёръ",—но какъ поставлены?! Достаточно будетъ, если я скажу, что исполненіе артистами, привыкшими играть лишь въ пьесахъ низшаго разбора, классической трагедіи Шиллера и популярной французской мелодрамы, при отсутствіи декорацій, сносныхъ костюмовъ, обстановки и свѣтовыхъ эффектовъ,—было, для насъ, ниже всякой критики. Таковъ берлинскій „народный" театръ—нумеръ первый.

Такъ называемый „Alexanderplatz-Theater", только-что переименованный и совершенно преобразованный, стоялъ еще градусомъ ниже „Ostend"-театра, какъ по репертуару, такъ и по общей обстановкѣ. Если въ „Ostend"-театрѣ всегда со сцены дуетъ, въ quasi-паркетѣ немилосердные сквозники, сидѣнья жесткія, неудобныя и немилосердно скрипящія, на занавѣсѣ размалеваны рекламы, а изъ сада доносятся завыванія кафешантанныхъ пѣвичекъ и клоуновъ, то въ театрикѣ на „Alexanderplatz'ѣ" разно-

сили и предлагали зрителямъ кружку пива и бутербродъ. Я заглянулъ однажды и въ этотъ театръ, чтобы ближе присмотрѣться къ его публикѣ, главный контингентъ которой составляли окрестныя горничныя, кухарки, швейки и торговки и солдаты изъ ближайшей казармы. На сценѣ шла въ этотъ вечеръ—въ весьма плохомъ исполненіи — безхитростная, но трогательная драма Анценгрубера: „Der Pfarrer von Kirchfeld". Но подобная пьеса была рѣдкимъ исключеніемъ на сценѣ „Alexanderplatz"-театра. Репертуаръ его былъ иной: на его сценѣ отражалась, главнымъ образомъ, вся скандальная хроника германской столицы. Для примѣра назову надѣлавшую въ прошломъ году столько шуму кражу нѣкоимъ Грюненталемъ, факторомъ государственной типографіи, банковыхъ билетовъ на сумму въ 40.000 марокъ, при самыхъ, что ни на есть, романическихъ обстоятельствахъ: деньги были спрятаны на кладбищѣ; семью свою проворовавшійся факторъ оставилъ на произволъ судьбы; восемнадцатилѣтняя любовница его осталась, послѣ его ареста, безъ всякихъ средствъ, съ ребенкомъ на рукахъ; за нѣсколько дней до суда, факторъ покончилъ самоубійствомъ, бросившись съ тюремной лѣстницы въ пролетъ, и т. д. Въ какихъ-нибудь два-три дня состряпана была „др-р-раматическая" пьеса подъ сенсаціоннымъ названіемъ: „Der Fall Grünenthal", и не мало слезъ, вѣроятно, скатилось въ тѣ дни въ стѣнахъ „Alexanderplatz"-театра на принесенныя изъ дому „Stullen" и въ кружки съ пивомъ! Когда же въ скандальной хроникѣ Берлина наступалъ временный перерывъ, или полицейская цензура воспрещала постановку той или другой ультра-сенсаціонной пьесы,—драматурги „Alexanderplatz"-театра черпали, обыкновенно, свое вдохновеніе за-границей, и на афишахъ долгое время красовалось названіе пьесы, излагавшей въ сугубо-драматической формѣ убійство однимъ высокопоставленнымъ болгарскимъ офицеромъ своей любовницы, кафешантанной пѣвички. Репертуаръ „Alexanderplatz"-театра разнообразился еще время отъ времени постановкой оперетки вродѣ „Маленькихъ овечекъ", главный „trick" которой состоялъ въ томъ, что пансіонерки-„овечки" появлялись въ ночныхъ рубашкахъ, или же такой „новинки", какъ передѣлка „Наны" Зола̀...

Въ „Friedrich-Wilhelmstädtisches Theater" мнѣ приходилось быть нѣсколько чаще, чѣмъ въ первыхъ двухъ, главнымъ образомъ потому, что въ репертуарѣ его проскальзывали иногда болѣе или менѣе интересныя пьесы. Такъ, директоръ, г. Замстъ, ставилъ, года три назадъ, первую по времени пьесу Гауптмана: „Предъ восходомъ солнца", вызвавшую въ свое время много ожесто-

ченныхъ споровъ и привлекавшую теперь въ названный театръ всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ составить себѣ самостоятельное мнѣніе объ этомъ первомъ опытѣ автора „Потонувшаго колокола“. Года два назадъ, долгое время продержалась на сценѣ этого театра пьеса Баррета: „Новый міръ“, обильно снабженная всѣми аксессуарами мелодрамы, но все-же стоящая неизмѣримо выше пьесъ репертуара „Ostend“-театра или театра на „Alexanderplatz'ѣ“. Вообще, этотъ театръ нѣсколькими градусами выше и ярче первыхъ двухъ: чистенькій, уютный зрительный залъ, сносная обстановка на сценѣ, недурныя силы среди артистовъ. Но репертуаръ этого театра, къ сожалѣнію, сильно палъ за послѣднее время. Пьесы все ставятся „сенсаціоннаго“ характера: сначала аляповатая передѣлка „L'assomoir“ Зола̀, съ trick'омъ въ видѣ перестрѣлки между жандармами и стачечниками; затѣмъ, „злободневное“ „Путешествіе на Чортовъ островъ“, и, наконецъ, тотчасъ по окончаніи надѣлавшаго столько сенсаціи процесса картежниковъ, основавшихъ въ Берлинѣ „клубъ беззаботныхъ ребятъ“, появилась на сценѣ этого театра не менѣе „злободневная“ драма: „Klub der Harmlosen“. Вспоминаю еще, что когда, послѣ появленія извѣстнаго письма Зола̀— „J'accuse!“ —и его перваго процесса, началось въ Германіи движеніе въ пользу пересмотра процесса Цитена, приговореннаго, за недоказанное убійство жены, къ пожизненному заключенію въ каторжной тюрьмѣ,—директоръ Замстъ хотѣлъ воспользоваться моментомъ и поставить состряпанную нѣкоимъ Гаазомъ драму на этотъ сюжетъ подъ названіемъ „Право“; но полиція тогда не разрѣшила постановки ея, не потому, конечно, что эта пьеса—верхъ макулатурнаго издѣлія (я видѣлъ ее случайно въ Штуттгартѣ), но потому, что можно было ожидать демонстрацій публики въ театрѣ.

Мы поднимемся еще одной ступенью выше, если заглянемъ въ такъ называемый „Thalia-Theater“ или „Luisen-Theater“. Оба они также лежатъ въ периферіи Берлина, но публика, посѣщающая эти театры, какъ и „Friedrich-Wilhelmstädtisches Theater“, чистенькая, бюргерская,—главнымъ образомъ, если даже не исключительно, это—окрестные жители. Публика большихъ театровъ въ оба только-что названныхъ театра никогда не заглядываетъ, но не потому, что они лежатъ далеко отъ центра и, чтобы добраться до нихъ изъ западной части Берлина, дающей главный контингентъ театральной публики, нужно около часу. Нѣтъ, „Residenz-театръ“ и „Central-театръ“ также лежатъ въ периферіи Берлина, но туда съѣзжается богатая и фешенебельная публика: въ первый—любители легкой французской комедіи, а во второй—лю-

бители оперетки,—и публику этихъ или другихъ лучшихъ драматическихъ театровъ не интересуетъ, главнымъ образомъ, репертуаръ Thalia-театра или Luisen-театра: его составляютъ исключительно Volksstücke, веселые водевили, легкія комедійки съ куплетами и изрѣдка наивныя драмы, вродѣ: „Новое Гетто", д-ра Герцля, или „Трильби", въ одной изъ многочисленныхъ передѣлокъ одноименнаго популярнаго романа. Еще до недавняго времени точно такой же репертуаръ господствовалъ и на сценѣ „Belle-Alliance"-театра, выстроеннаго на границѣ Берлина и его южныхъ предмѣстій. Теперь его отдаютъ исключительно гастролирующимъ труппамъ.

Таковы мѣстные третьестепенные театры, куда зажиточная, фешенебельная или аристократическая (смотря по роду зрѣлищъ) публика большихъ берлинскихъ театровъ не ходитъ, окрестивъ ихъ полупрезрительной кличкой „Volkstheatern". Кличка эта здѣсь настолько укоренилась, что дирекція театра имени Шиллера, составляющаго какъ бы переходную ступень между только-что описанными театрами и большими, имѣющими крупное художественное значеніе, берлинскими сценами, гораздо охотнѣе именуетъ свой институтъ „общедоступнымъ", нежели „народнымъ", тѣмъ болѣе, что она придерживается, какъ мы увидимъ то ниже, слѣдующаго основного принципа: „нѣмецкій народъ не нуждается въ какой-либо особой „народной" литературѣ, „народныхъ" пьесахъ и „народныхъ" картинахъ; онъ можетъ понять и оцѣнить лучшія произведенія классиковъ, современныхъ писателей и драматурговъ, геніальныхъ композиторовъ и выдающихся мастеровъ въ области кисти и красокъ". Поэтому къ исчисленнымъ выше театрамъ „Шиллеръ"-театръ примыкаетъ только лишь по вполнѣ общедоступнымъ цѣнамъ и по составу своей публики, о чемъ опять-таки рѣчь будетъ ниже, но репертуаръ этого театра вполнѣ художественный,—репертуаръ большихъ берлинскихъ и нѣмецкихъ сценъ. „Шиллеръ"-театръ выстроенъ уже довольно давно, носилъ названіе „Wallner"-театра и ставилъ, главнымъ образомъ, „Berliner Volksstücke". *Народнымъ* же театромъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ сталъ лишь въ концѣ 1894 г., когда перешелъ въ руки акціонернаго общества, организованнаго д-ромъ Лёвенфельдомъ, занимающимъ понынѣ постъ директора названнаго театра.

Д-ръ Лёвенфельдъ, извѣстный и у насъ въ Россіи, какъ переводчикъ Толстого и авторъ біографіи его, поставилъ своей задачей дать недостаточному классу населенія возможность посѣщать хорошо обставленный театръ и знакомиться съ лучшими произведеніями классическаго репертуара, при условіи взноса

незначительной платы за входъ. Я вспоминаю, что когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, появилось составленное въ этомъ смыслѣ воззваніе д-ра Лёвенфельда съ просьбой о поддержкѣ его начинанія, оно было встрѣчено сочувственно многими тысячами народа, которыя составили впослѣдствіи постоянную публику „Шиллеръ“-театра, и для которыхъ цѣны на мѣста въ другихъ театрахъ были слишкомъ высоки. Тѣмъ не менѣе, планъ д-ра Лёвенфельда встрѣченъ былъ скептически многими лицами, болѣе или менѣе причастными къ театру. Гласно и негласно обсуждали они два основныхъ вопроса: выдержитъ ли и покроетъ свои расходы театръ этотъ въ матеріальномъ отношеніи, и подходитъ ли для народа тотъ репертуаръ, который былъ предварительно намѣченъ д-ромъ Лёвенфельдомъ? Пятилѣтняя практика „Шиллеръ“-театра дала на оба эти вопроса положительный отвѣтъ; но тогда, когда рѣчь еще только шла объ основаніи художественно-общедоступнаго театра въ Берлинѣ, д-ръ Пауль Шлептеръ, извѣстный рецензентъ газеты: „Vossische Zeitung“, нынѣ директоръ вѣнскаго „Бургъ“-театра, писалъ на страницахъ виднаго еженедѣльнаго журнала „Die Nation“, что, во-первыхъ, драматическое искусство, хотя бы въ одномъ главномъ городѣ, должно быть поставлено на недосягаемую высоту, и что, во-вторыхъ, второстепенная постановка классическихъ произведеній не только не поможетъ народу луше понимать искусство, но даже, наоборотъ, понизитъ престижъ искусства. Почтенный критикъ сказалъ тогда въ своей статьѣ буквально слѣдующее: „косвенное вліяніе высшаго искусства для народа всегда болѣе благодѣтельно, чѣмъ непосредственное вліяніе того рода искусства, которое находится въ услуженіи у толпы“.

Д-ръ Лёвенфельдъ не оставилъ, конечно, этой статьи одного изъ основателей „Свободной сцены“ безъ возраженій. Въ одной своей брошюрѣ: „Die Dichter-Abende des Schiller-Theaters“, онъ спрашиваетъ иронически:—неужели почтенный художественный судія и знатокъ искусства полагаетъ въ самомъ дѣлѣ, что его сапожникъ, желающій за свои трудовыя деньги „плакать или смѣяться, содрогнуться въ душѣ или унестись мечтой за границы обыденнаго“, скорѣе достигнетъ своей цѣли, если онъ, критикъ, пойдетъ въ королевскій драматическій театръ и напишетъ съ полнымъ пониманіемъ искусства прекрасную статью, нежели если бы онъ, сапожникъ, самъ лично отправился въ театръ, видѣлъ бы тамъ, за доступную ему плату, прекрасныя сценическія картины и слышалъ бы звучные стихи Шиллера хотя и не изъ устъ придворныхъ артистовъ? Нѣтъ,

пусть сегодня „Коварство и любовь“ возвыситъ душу этого сапожника; пусть завтра онъ поразмыслитъ надъ истиннымъ изображеніемъ жизни въ „Банкротствѣ“ Бьёрнсона; а послѣ-завтра пусть посмѣется отъ души надъ комическимъ изображеніемъ современной бюргерской жизни въ какомъ-нибудь фарсѣ, вродѣ—„На маневрахъ“! Д-ръ Лёвенфельдъ возмущается тѣмъ, что д-ръ Шлептеръ называетъ тѣхъ многочисленныхъ людей, которые не имѣли счастья получить высшее образованіе, которые чувствуютъ непреодолимое влеченіе къ театру, но не могутъ платить высокихъ цѣнъ,—толпой („Pöbel“—означаетъ даже „сволочь“), и продолжаетъ: если слѣдовать рецепту д-ра Шлептера, то необходимо было бы также уничтожить фотографическія или печатныя воспроизведенія творчества великихъ мастеровъ кисти, какъ нѣчто понижающее престижъ искусства. Сапожнику незачѣмъ вѣшать у себя въ домѣ на стѣнѣ снимокъ съ Рафаэлевской Мадонны: съ него достаточно, что художественный критикъ съѣздитъ въ Дрезденъ, полюбуется оригиналомъ, напишетъ въ своей—ему, сапожнику, недоступной—газетѣ прекрасную статью и тѣмъ поможетъ пониманію народомъ высшаго искусства. „Да,—соглашается д-ръ Лёвенфельдъ съ д-ромъ Шлептеромъ:—вы были бы правы, еслибы каждый сапожникъ могъ ѣздить въ Дрезденъ и ходить въ королевскіе театры! Но пока въ наше время еще существуетъ колоссальная имущественная разница между богатыми и бѣдными, надо дать возможность и сапожнику видѣть „Донъ-Карлоса“, если не въ наилучшемъ исполненіи, то все же при условіи правильнаго пониманія актерами идей автора и хорошей передачи созданныхъ имъ образовъ на сценѣ. Непосредственное вліяніе „Донъ-Карлоса“ на маленькаго человѣчка будетъ всегда очень плодотворно и составитъ чуть ли не эпоху въ его однообразной жизни“. Назвавъ, въ заключеніе, взгляды д-ра Шлептера „Bildungsdünkel“, д-ръ Лёвенфельдъ, въ другомъ мѣстѣ,—въ своемъ первомъ отчетѣ дирекціи „Шиллеръ“-театра за 1894—95 г.,—говоритъ о томъ, чѣмъ онъ руководствовался, намѣчая будущій репертуаръ „Шиллеръ“-театра. По его словамъ, его задачей было создать „мѣсто образованія и благороднаго наслажденія для тысячъ небогатыхъ и недостаточныхъ согражданъ“... „Въ нашу задачу не входитъ проводить извѣстную литературную программу,—продолжаетъ д-ръ Лёвенфельдъ:—и еще менѣе помышляемъ мы о томъ, чтобы выборомъ пьесъ навязать нашимъ посѣтителямъ какія-либо политическія убѣжденія. Нѣтъ, мы хотимъ лишь показать имъ въ хорошемъ исполненіи все то прекрасное и высокое, что̀ создано нѣмецкими и

иностранными драматургами. Мы не клянемся быть приверженцами ни идеализма, ни реализма. Для насъ все то имѣетъ право на постановку, чтò въ красивой формѣ выражаетъ благородныя мысли. О тенденціи пьесъ, которыя увидятъ наши друзья, позаботились сами авторы: каждый великій драматургъ имѣетъ вѣдь свое міросозерцаніе". Увѣренный въ томъ, что каждое хорошее произведеніе окажетъ свое вліяніе на умы и сердца зрителей, д-ръ Лёвенфельдъ такъ формулируетъ свою программу: „Сегодня Шиллеръ и Кальдеронъ, завтра Геббель и Ибсенъ; сегодня Софоклъ, завтра Шекспиръ; сегодня „Фаустъ", завтра фарсъ Мозера".—Этимъ сопоставленіемъ „Фауста" и фарса Мозера д-ръ Лёвенфельдъ хотѣлъ показать, что художественно-общедоступный театръ долженъ охватывать всѣ роды драматическаго искусства. Онъ исключаетъ только одно: фривольное, въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Д-ръ Лёвенфельдъ разсказываетъ въ той же брошюрѣ, что когда онъ ставилъ Шиллера и Клейста, ему говорили: „Браво! Это, именно, то, чтò вы должны ставить"; но еще чаще порицали его, когда онъ ставилъ какой-либо фарсъ Мозера или Бенедикса. „Какъ!—говорили тогда ему:—вы хотите создать воспитательный институтъ для народа, и ставите подобныя пьесы?!" Д-ръ Лёвенфельдъ не могъ признать этихъ упрековъ основательными и напоминалъ, что ни одна воспитательная система не обходится безъ дѣленія на часы труда и часы отдыха, и если въ отдыхѣ нуждается беззаботное дитя, то онъ необходимъ и для взрослыхъ лицъ, трудящихся изо дня въ день въ потѣ лица своего. Наконецъ, театръ вовсе не есть воспитательный институтъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ лица, упрекавшія его, д-ра Лёвенфельда, въ непослѣдовательности. Воспитательное вліяніе искусства—не непосредственное. Драматургъ является воспитателемъ только въ высшемъ смыслѣ этого слова: онъ облагораживаетъ наши чувства и мысли, но никоимъ образомъ не оказываетъ давленія на нашу нравственность той сухой моралью, которую мы, зрители, могли бы выжать изъ его произведеній. Посѣтитель изъ народа, приходящій въ театръ, чтобы отдохнуть умомъ и душою, не можетъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за высокой трагедіей и только за трагедіей. Онъ хочетъ видѣть и слышать и кое-что живое, веселое; онъ хочетъ разнообразія. Д-ръ Лёвенфельдъ не только не соглашается съ тѣми, кто утверждаетъ, будто въ общедоступномъ театрѣ для народа не должны ставиться фарсы и комедіи, но полагаетъ, что легкій репертуаръ является какъ бы переходной ступенью къ болѣе серьезному, и что, постепенно пріучая зри-

теля изъ народа къ вдумчивому отношенію, къ умѣнью сосредоточиться, можно достигнуть возможности предложить народу и высшія формы драматическаго искусства. Д-ра Лёвенфельда въ свое время поддержалъ покойный уже Густавъ Фрейтагъ, авторъ такой классической комедіи, какъ „Журналисты“, сказавшій д-ру Лёвенфельду,—когда тотъ сообщилъ ему, что предполагаетъ ставить на-ряду съ „Фаустомъ“ и фарсы, но фарсы умные, литературные, полные остроумія и лишенные чего-либо циничнаго или двусмысленнаго,—буквально слѣдующее: „Пусть не относятся такъ пренебрежительно къ Мозеру. Онъ, конечно, далеко не великій драматургъ, но сдѣлалъ много для нашего театра, такъ какъ именно въ то время, когда нѣмецкія сцены заполнены были двусмысленнымъ французскимъ товаромъ, онъ мило и весело изобразилъ нашу обыденную жизнь. Его произведенія доставляютъ тысячамъ и десяткамъ тысячъ удовольствіе и наслажденіе, а это что-нибудь да значитъ“. И Густавъ Фрейтагъ правъ. Въ театръ идутъ не только для того, чтобы учиться, но и для того, чтобы развлечься, скорѣе даже развлечься, нежели учиться, и уже по этому одному въ репертуаръ общедоступнаго театра должны входить фарсы и легкія комедіи.

„Шиллеръ“-театръ открытъ былъ, 30-го августа 1894 г., постановкой, какъ и слѣдовало ожидать, одного изъ произведеній Шиллера, именно „Разбойниковъ“. Въ первомъ нумерѣ такъназываемыхъ „Zwanglose Hefte“, вручаемыхъ каждому посѣтителю вмѣстѣ съ афишкой, — объ этомъ рѣчь будетъ ниже,— д-ръ Лёвенфельдъ писалъ слѣдующее: „Есть люди, которые вотъ уже сколько лѣтъ не были въ театрѣ, которые въ теченіе десятилѣтій не видѣли благородныхъ произведеній нашихъ классиковъ, знакомыхъ имъ только изъ школьнаго изученія или изъ чтенія за семейнымъ столомъ. Да и не каждый образованный человѣкъ, называющій Гёте и Шиллера своими величайшими учителями, научившійся изъ произведеній Лессинга терпимости и вдохновляющійся патріотическими произведеніями Клейста, видѣлъ олицетвореніе любимыхъ своихъ героевъ на сценѣ, ибо большинство изъ нихъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ, чтобы позволить себѣ эту роскошь. Для этихъ-то лицъ мы и основали „Шиллеръ“-театръ“. И вотъ что̀ далъ этимъ лицамъ „Шиллеръ“-театръ въ теченіе пяти лѣтъ своего существованія: раньше всего „Разбойниковъ“ Шиллера, затѣмъ другія его трагедіи; далѣе,—Лессинга, Гёте, Шекспира, Гуцкова, Ибсена, Бьёрнстьерне-Бьёрнсона, Грилльпарцера, Анценгрубера, Генриха Лаубе, Генриха фонъ-Клейста, Вильбрандта, Фрейтага, Поля Гейзе, Фритца Рейтера,

Поля Линдау; „Антигону“, Софокла, въ обработкѣ Вильбрандта; „Наталію“, Тургенева; „Димитрія“, Шиллера, съ окончаніемъ, написаннымъ Отто Сиверсомъ; народную драму знаменитаго штирійскаго писателя Розеггера; комедіи Людвига Фульды; „Король“, Рихарда Фосса; „Стражъ добродѣтели“ и „Прекрасная уроженка Толедо“, Лопе де-Вега, въ обработкѣ Цабеля; Кальдерона де-ля-Барки „Судья изъ Заламеи“, въ обработкѣ Вильбрандта; „Галеотто“ Хозе Эчегарая, въ передѣлкѣ Поля Линдау; пьесы Вильденбруха, Гауптмана, Блументаля, Зудермана, и цѣлый рядъ фарсовъ. Послѣдней „новинкой“ (въ минувшемъ ноябрѣ) была неувядаемая „Орлеанская дѣва“. Время отъ времени въ „Шиллеръ“-театрѣ ставились, вмѣсто многоактной пьесы, четыре одноактныхъ пьески различныхъ авторовъ, а однажды д-ръ Лёвенфельдъ поставилъ четыре водевиля, иллюстрирующіе четыре разнообразныхъ эпохи въ жизни нѣмецкаго бюргерства. Необходимо также отмѣтить поставленную для дѣтей на Рождество драматическую сказку: „Der verwunschene Prinz“, со вставкой „Die sieben Geislein“—сказкой, музыкально иллюстрированной Гумпердинкомъ.

II.

Само собою разумѣется, что такой общедоступный театръ, какъ „Шиллеръ“-театръ, взимающій за самое дорогое мѣсто въ ложѣ только 2 марки 70 пфенниговъ., а за самое лучшее мѣсто въ паркетѣ (по нашему — въ партерѣ)—только лишь 1 марку 70 пфенн., не можетъ уже изъ-за матеріальныхъ соображеній посвящать изо дня въ день всѣ свои силы высокой трагедіи или серьезной драмѣ. Репертуаръ народнаго театра,—не принимая въ соображеніе не только требованій и запросовъ его публики, но даже и времени года, праздничнаго или будничнаго настроенія зрителей,—создать невозможно. Высокую трагедію можно ставить почти исключительно въ долгіе зимніе вечера, и опытъ показалъ, что „Король Лиръ“ въ жаркій лѣтній вечеръ не привлекаетъ много публики, да и не производитъ на ту же самую публику того впечатлѣнія, какое производилъ зимой. Между тѣмъ „театръ, работающій при условіи такихъ незначительныхъ цѣнъ, какія назначены „Шиллеръ“-театромъ, долженъ имѣть постоянно полные сборы, во избѣжаніе крупныхъ убытковъ“,—это повторяетъ не разъ д-ръ Лёвенфельдъ въ своихъ брошюрахъ и отчетахъ. Постановка высокой трагедіи требуетъ, по его словамъ, крупныхъ расходовъ на декораціи, костюмы и обстановку, и если бы

„Шиллеръ"-театръ, существующій, правда, не для принесенія доходовъ его акціонерамъ, но имѣющій все-же опредѣленный бюджетъ, ставилъ исключительно Шиллера, Гёте и Шекспира, онъ давно обанкротился бы. Непомѣрные расходы на постановку „Гёца фонъ-Берлихингена", или „Вильгельма Телля", должны быть покрыты и покрываются значительнымъ успѣхомъ того или другого фарса излюбленнаго публикой „Шиллеръ"-театра. „Если бы мы пожелали быть идеалистами до конца, во что бы то ни стало, мы стали бы уже давно самоубійцами",—пишетъ д-ръ Лёвенфельдъ, и поясняетъ свою мысль: „Нашъ театръ поставилъ себѣ идеальныя цѣли, и уже ради достиженія ихъ мы не имѣемъ права подрывать его матеріальныхъ успѣховъ. Главное—это найти правильныя границы, которыхъ мы должны держаться".

Я полагаю, что д-ръ Лёвенфельдъ нашелъ правильныя границы, предлагая публикѣ „Шиллеръ"-театра самый разнообразный репертуаръ, начиная съ античной трагедіи до забавнаго фарса. Постановка классическихъ трагедій облегчается для „Шиллеръ"-театра значительно тѣмъ, что дирекціи не приходится въ данномъ случаѣ платить „тантьèмъ" авторамъ-драматургамъ. Скромный бюджетъ „Шиллеръ"-театра почти не отягощенъ также и постановкой новинокъ. Постановка каждой новой пьесы вызываетъ извѣстные, подчасъ довольно крупные расходы. Успѣхъ же той или иной пьесы очень часто столь же трудно предсказать, какъ и погоду на завтра. Если пьеса проваливается, если пьеса не выдерживаетъ болѣе двухъ-трехъ представленій,—вся сумма, затраченная на постановку ея, словно въ воду канула. Съ другой стороны, авторы съ громкимъ именемъ и крупнымъ талантомъ, заранѣе гарантирующими извѣстный успѣхъ ихъ произведеній, не даютъ своихъ пьесъ „Шиллеръ"-театру, такъ какъ послѣдній не можетъ имъ гарантировать наибольшій успѣхъ ни въ идеальномъ (ансамбль въ „Шиллеръ"-театрѣ прекрасный, но все-же не первостепенный), ни въ матеріальномъ отношеніи. Вслѣдствіе скромнаго бюджета, „Шиллеръ"-театръ не можетъ платить высокихъ „тантьèмъ", да и преслѣдуя идеальныя цѣли—не можетъ ставить пьесу больше 12—15—20 разъ, въ то время, какъ другіе театры имѣютъ возможность и ставятъ пьесу по 100 и 200 разъ, если только она дѣлаетъ полные сборы.

На основаніи вышеизложеннаго, д-ръ Лёвенфельдъ ставитъ, кромѣ классическаго репертуара, главнымъ образомъ, тѣ пьесы, которыя уже ставились въ свое время на другихъ берлинскихъ или германскихъ сценахъ, имѣли бо̀льшій или мѐньшій успѣхъ и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ задачамъ и стремленіямъ

„Шиллеръ“-театра,—но только „главнымъ образомъ“, какъ сказалъ я выше. Д-ръ Лёвенфельдъ находитъ, что именно общедоступный театръ долженъ ставить такія пьесы, которыя изображаютъ современную жизнь нѣмецкаго народа. Поэтому онъ ставитъ, время отъ времени, и новинки, и если въ первое время на его зовъ откликались лишь малоизвѣстные авторы, то въ послѣднее время ему удалось привлечь къ „Шиллеръ“-театру и драматурговъ съ болѣе или менѣе громкимъ именемъ. Нельзя упрекнуть, конечно, Гауптмана, Зудермана, Вильденбруха и Фульду въ томъ, что они отдаютъ свои новѣйшія произведенія для первой постановки одному изъ первоклассныхъ берлинскихъ театровъ, тѣмъ болѣе, что Гауптманъ разрѣшилъ „Шиллеръ“-театру возобновить постановку его „Ганнеле“, Зудерманъ—его „Чести“, Вильденбрухъ—его „Менонита“ и „Каролинговъ“, и т. д.,—т.-е., тѣхъ пьесъ, которыя еще не такъ давно шли на сценахъ лучшихъ берлинскихъ и германскихъ театровъ. Кто случайно не видалъ „Чести“, Зудермана, лѣтъ 9—10 назадъ, или „Ганнеле“, Гауптмана, года 3—4 назадъ, тотъ отправляется посмотрѣть эти пьесы въ „Шиллеръ“-театръ, и въ его фойѐ можно очень часто встрѣтить не только посѣтителей изъ народа, но и людей, посѣщающихъ лучшіе берлинскіе театры. Не всѣмъ удается видѣть и ту или другую пьесу болѣе стараго происхожденія на сценѣ одного изъ крупныхъ берлинскихъ театровъ. Кто не видалъ „Принца Гамбургскаго“, Клейста, въ „Berliner-театрѣ“, „Норы“ Ибсена въ „Нѣмецкомъ театрѣ“, „Журналистовъ“ Фрейтага въ „Королевскомъ драматическомъ театрѣ“, но хочетъ составить себѣ опредѣленное и самостоятельное мнѣніе объ этихъ пьесахъ, тотъ идетъ и въ „Шиллеръ“-театръ; и именно потому, что этотъ театръ возобновляетъ всегда хорошія старыя пьесы, онъ имѣетъ много друзей и среди завсегдатаевъ большихъ берлинскихъ театровъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу опредѣлились границы, которыхъ долженъ держаться „Шиллеръ“-театръ, и которыхъ онъ, дѣйствительно, держится, завоевавъ себѣ своимъ репертуаромъ, въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ крупный моральный и даже скромный, сравнительно, матеріальный успѣхъ.

Мы коснемся теперь матеріальной стороны дѣла. Выше я указывалъ, что отсутствіе необходимости платить высокія „тантьѐмы“ авторамъ съ громкими именами и частая постановка пьесъ классическаго репертуара, не обложенныхъ контрибуціей въ пользу авторовъ и ихъ наслѣдниковъ, нѣсколько облегчаетъ бюджетъ „Шиллеръ“-театра. Но есть пункты, которые отягощаютъ бюджетъ, и съ которыми не должна считаться дирекція того или

иного берлинскаго театра изъ числа крупныхъ. Напримѣръ, „Шиллеръ"-театръ платитъ всему своему персоналу жалованье въ теченіе полныхъ двѣнадцати мѣсяцевъ (причемъ каждый артистъ или служащій имѣетъ разъ въ году отпускъ на одинъ мѣсяцъ), въ то время какъ другіе театры, обыкновенно, закрываются на два, на три и даже на четыре лѣтнихъ мѣсяца. Дирекція „Шиллеръ"-театра не можетъ, конечно, платить по двадцати или тридцати тысячъ въ годъ артистамъ съ весьма громкимъ именемъ, какъ это дѣлаютъ другіе берлинскіе театры, но все-же платитъ первымъ персонажамъ по восьми тысячъ въ годъ, причемъ артисты на третьестепенныя или выходныя роли получаютъ въ „Шиллеръ"-театрѣ большій гонораръ, нежели въ тѣхъ театрахъ, дирекція которыхъ платитъ огромныя суммы звѣздамъ и любимцамъ публики. Въ тѣхъ же большихъ театрахъ артистки обязаны сами заботиться о своихъ туалетахъ, требующихъ весьма часто крупныхъ и очень крупныхъ расходовъ: артистка на героическія роли должна заказывать для себя дорогія одѣянія на средневѣковой или восточный манеръ; артистка на роли салонныхъ дамъ вынуждена одѣваться по послѣдней модѣ и имѣть въ запасѣ большой выборъ свѣжихъ туалетовъ. Имъ обѣимъ остается или жить впроголодь, тратя весь свой гонораръ на туалеты, или же искать побочныхъ доходовъ, вызывающихъ вопль возмущенія у той самой филистерской толпы, которая требуетъ отъ артистки блестящихъ туалетовъ. Крупную заслугу снискала себѣ поэтому дирекція „Шиллеръ"-театра, покрывающая изъ кассы театра расходы всѣхъ своихъ артистокъ на ихъ туалеты, необходимые имъ для сцены.

Бюджетъ „Шиллеръ"-театра очень мало отягощаетъ то обстоятельство, что онъ находится въ рукахъ акціонернаго общества, если не считать расхода въ первый годъ существованія общества въ размѣрѣ 1.200 мар., уплаченныхъ казнѣ, какъ налогъ на выпущенныя акціи. На печатаніе отчетовъ и балансовъ, протоколированіе засѣданій акціонеровъ и т. п. тратятся ежегодно только незначительныя суммы. Здѣсь будетъ кстати отмѣтить, что акціонеры [1]) „Шиллеръ"-театра дали де-

---

[1]) Изъ числа акціонеровъ отмѣчу только лицъ, составлявшихъ и составляющихъ такъ называемый „наблюдательный совѣтъ": тайнаго совѣтника и докладчика въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, д-ра Макса Іордана; профессора Ферстера; оберъ-режиссера королевскихъ театровъ Макса Грубе; бывшаго прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ Геррфурта; члена магистрата, д-ра Вебера; директора „Лессингъ"-театра, Отто Нейманъ-Гофера; извѣстнаго издателя, д-ра Германа Петеля; знаменитаго драматурга Германа Зудермана; нотаріуса Штерна, трехъ купцовъ: Геймана, Кауфмана, Шиммельпфеннига и др.

негъ на организацію общедоступнаго театра, во всякомъ случаѣ, не въ надеждѣ на крупные дивиденды. Они, очевидно, руководствовались, главнымъ образомъ, желаніемъ создать общеполезный институтъ, который могъ бы доставить тысячамъ и десяткамъ тысячъ народа развлеченіе, отдыхъ и художественное наслажденіе, если постановили съ самаго начала, параграфомъ 28-мъ своихъ статутовъ, что при наличности чистой прибыли дивидендъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ превышать пяти процентовъ. Несмотря на чрезвычайные расходы и противъ предсказаній лицъ, пессимистически настроенныхъ, „Шиллеръ"-театръ далъ уже въ первый годъ своего существованія извѣстную прибыль, которая, по уплатѣ только-что указаннаго пятипроцентнаго дивиденда акціонерамъ, распредѣлена была между пятнадцатью артистами и служащими театра въ видѣ сверхсмѣтнаго и въ контрактахъ неоговореннаго вознагражденія. Оно было, конечно, скромныхъ размѣровъ: такъ, двое получили по 600 марокъ наградныхъ, остальные—меньше. Съ тѣхъ поръ „Шиллеръ"-театръ заканчиваетъ каждый свой отчетный годъ съ избыткомъ, который, опять-таки по уплатѣ пятипроцентнаго дивиденда, уходитъ на добавочное вознагражденіе артистамъ и служащимъ, отчасти и на постепенное улучшеніе декорацій, обстановки и костюмовъ, бывшихъ, впрочемъ, уже съ самаго начала дѣятельности „Шиллеръ"-театра вполнѣ приличными.

Д-ръ Лёвенфельдъ писалъ въ одномъ изъ отчетовъ по поводу всего только-что изложеннаго мною, что въ задачу дирекціи входило также желаніе доказать, что „въ театрѣ вовсе не долженъ обязательно господствовать духъ спекуляціи, но что, наоборотъ, и безъ спекуляціи, только при помощи правильнаго коммерческаго разсчета, театръ можетъ быть обращенъ въ художественный вполнѣ институтъ". Это утвержденіе д-ра Лёвенфельда не исключаетъ, конечно, того обстоятельства, что театръ, спекулирующій на вкусы публики, можетъ быть, благодаря имѣющимся въ его распоряженіи артистическимъ силамъ, прекраснымъ художественнымъ институтомъ, какъ и того, что театръ, дирекція котораго не занимается спекуляціей, можетъ занимать лишь второстепенное мѣсто. Д-ръ Лёвенфельдъ хотѣлъ, очевидно, цитированными словами сказать, что коммерческія основы „Шиллеръ"-театра лишены спекулятивнаго духа, а потому прочны и хороши. Залогъ прочности основъ „Шиллеръ"-театра д-ръ Лёвенфельдъ видитъ и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ является не владѣльцемъ театра, а только директоромъ, что̀ даетъ ему возможность работать на пользу театра безъ опасенія поте-

рять много и безъ надежды на чрезмѣрные барыши, чѣмъ—опасеніемъ и надеждой—исключительно руководятся директора-собственники большихъ театровъ. Онъ же, въ качествѣ директора театра, получаетъ опредѣленный гонораръ за свой трудъ и несетъ отвѣтственность непосредственно предъ упомянутымъ выше „наблюдательнымъ комитетомъ“. Само собой разумѣется, что д-ръ Лёвенфельдъ имѣетъ, какъ и директоръ любого другого театра, цѣлый штабъ помощниковъ и сотрудниковъ: своего ближайшаго совѣтника и замѣстителя, д-ра Кюстера; своего секретаря; завѣдующаго бюро театра; лектора и библіотекаря; трехъ режиссеровъ; двухъ лицъ, завѣдующихъ художественно-обстановочной и сценической частью,—не говоря уже о многочисленномъ низшемъ, служебномъ и техническомъ персоналѣ. Всѣ три режиссера, чередующіеся въ постановкѣ той или другой пьесы, принадлежатъ сами къ числу артистовъ „Шиллеръ“-театра. Постоянный ансамбль его не особенно великъ: 10—12 артистокъ и человѣкъ 20 артистовъ; но этотъ составъ вполнѣ достаточенъ для репертуара „Шиллеръ“-театра, тѣмъ болѣе, что дирекція имѣетъ къ своимъ услугамъ значительное число артистовъ на выходныя роли и статистовъ, постоянный хоръ (мужской и женскій) и, въ случаѣ необходимости, оркестръ.

Какъ и во всѣхъ большихъ берлинскихъ театрахъ, музыки въ „Шиллеръ“-театрѣ нѣтъ, ни до начала спектакля, ни между актами. „Пауза“ устроивается, какъ и въ большихъ театрахъ, только одна, послѣ второго или третьяго акта, смотря по количеству актовъ, по характеру пьесы и по количеству лежащей на артистахъ работы: надо дать, конечно, артистамъ отдыхъ, но и нельзя сдѣлать „паузу“—десятиминутный антрактъ—послѣ второго акта, если пьеса достигаетъ высшей точки своего развитія только въ третьемъ. Между остальными актами перерывъ длится лишь минуту-двѣ, сколько необходимо на перемѣну декорацій. Этотъ обычай ставить два-три акта подъ-рядъ уже давно укоренился въ Германіи и оказалъ самое благотворное вліяніе: не говоря уже о томъ, что спектакли, начинающіеся въ половинѣ восьмого, оканчиваются въ десять или въ половинѣ одиннадцатаго, смотря по пьесѣ,—нѣмецкая публика пріучилась внимательно и напряженно слѣдить за происходящимъ на сценѣ въ теченіе приблизительно часа, иногда нѣсколько меньше, но иногда и больше. Длятся же публичныя лекціи или литературныя чтенія часъ или свыше часу! Почему же въ театрѣ публика, будто бы, нуждается каждые полчаса или каждыя 20—25 минутъ въ десяти-пятнадцатиминутномъ отдыхѣ? Я не говорю уже о томъ, что музыка

въ антрактахъ у насъ, въ Россіи, способствуетъ развлеченію и умственному отдыху публики, но—вредитъ цѣльности впечатлѣнія. Д-ръ Лёвенфельдъ рѣшилъ не отступать отъ только-что изложенныхъ, имѣющихъ крупное воспитательное значеніе, обычаевъ нѣмецкихъ театровъ, также и въ своемъ общедоступномъ, *народномъ* театрѣ, и если у него въ „Шиллеръ"-театрѣ спектакли начинаются не въ $7^1/_2$, какъ всюду, а въ 8 час. вечера, то это сдѣлано въ интересахъ публики „Шиллеръ"-театра,—люда, главнымъ образомъ, трудового, освобождающагося отъ повседневныхъ занятій только часовъ въ 6 или 7...

Отсутствіе духа спекуляціи въ „Шиллеръ"-театрѣ сказалось еще и въ урегулированіи вопроса о храненіи верхняго платья. Во всѣхъ большихъ берлинскихъ театрахъ всѣхъ безъ исключенія зрителей приглашаютъ или—что̀ въ данномъ случаѣ одно и то же—заставляютъ снимать и сдавать на храненіе верхнее платье; и если въ двухъ-трехъ театрахъ съ посѣтителей верхнихъ мѣстъ взимаютъ только по десяти или пятнадцати пфенниговъ, то обычная такса во всѣхъ театрахъ за храненіе верхняго платья — двадцать - пять пфенниговъ съ персоны, будь то полный гардеробъ или одна палка или шляпа. Конечно, мокрое отъ дождя или грязное верхнее платье портитъ мебель; но кто знаетъ обычную обстановку верхнихъ мѣстъ въ берлинскихъ театрахъ, тотъ согласится со мной, что тамъ, собственно, и портить нечего. Обязательная сдача платья на храненіе — это, въ сущности, лишняя контрибуція съ публики, такъ какъ „вѣшалка", какъ и ресторанъ, представляютъ собой доходную статью театра, эксплоатируютси ли они дирекціей, или сдаются въ аренду. Въ „Шиллеръ"-театрѣ, работающемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ ниже, съ основной таксой за билетъ въ одну марку, взимать за храненіе платья 25 пфенн., т.-е. четверть цѣны за право входа, значило бы искусственно повысить недорогія, въ сущности, цѣны. Дирекція „Шиллеръ"-театра взимаетъ поэтому съ посѣтителей всѣхъ мѣстъ только по 10 пфенниговъ за храненіе платья, и какъ въ сущности ни незначительны цѣны, существующія въ „Шиллеръ"-театрѣ, онѣ включаютъ плату уже и за храненіе платья, и за афишку. Послѣдняя засчитывается посѣтителямъ по пяти пфенниговъ, въ виду того, что съ лицъ, получающихъ даровые билеты (напр., сотрудники мѣстныхъ газетъ, иногородные и иностранные корреспонденты, лица, причастныя къ театру, и др.), взимается все-же въ кассѣ по 15 пфенниговъ. Такимъ образомъ, посѣтитель другого большого берлинскаго театра платитъ за мѣсто въ паркетѣ 5 или 6 ма-

рокъ, и сверхъ того 25 пф. за храненіе верхней одежды и 10, 15 и 20 пфенн. за афишку, смотря по услужливости биллетера; а посѣтитель паркета въ „Шиллеръ"-театрѣ платитъ въ кассѣ 1 м. 70 пф., находитъ на билетѣ нумерокъ вѣшалки, на которой хранится его верхнее платье, и получаетъ у входа афишку изъ рукъ биллетера, на лицѣ котораго не видно подобострастія, такъ какъ онъ, биллетеръ, получаетъ опредѣленное жалованье и не зависитъ матеріально отъ милости посѣтителей. Афишки „Шиллеръ"-театра носятъ характеръ журнала, нумера котораго выходятъ „zwanglos", ко дню постановки каждой новой пьесы. Эти афишки содержатъ въ себѣ, кромѣ обычнаго списка дѣйствующихъ лицъ и исполнителей, нѣкоторый, тщательно подобранный литературный матеріалъ, а также сжатую характеристику пьесы, которую зрителямъ придется сейчасъ увидѣть, краткую біографію ея автора, иногда передачу и оцѣнку беллетристическаго произведенія, положеннаго авторомъ въ основу его пьесы, иногда статью извѣстнаго критика о поставленной „Шиллеръ"-театромъ пьесѣ, а время отъ времени портреты авторовъ или имѣющіе отношеніе къ данной пьесѣ рисунки. Объявленіямъ въ этихъ афишкахъ отведено особое, послѣднее мѣсто, въ то время какъ въ афишкахъ другихъ театровъ объявленія чередуются съ текстомъ, почти всегда макулатурнымъ. Афишка, затерявшаяся среди рекламъ—явленіе обычное въ Берлинѣ, и здѣсь существуетъ даже нѣсколько подобныхъ изданій. Двумъ-тремъ изъ нихъ приданъ характеръ журнальчиковъ со вклеиваемыми каждый день свѣжими афишками того или другого театра, у дверей которыхъ эти журнальчики продаются, по десяти пфенниговъ штука. Альфа и омега этихъ журнальчиковъ — доходъ съ объявленій, печатаемыхъ въ текстѣ и внѣ его. На содержаніе журнальчиковъ ни одна изъ редакцій особаго вниманія не обращаетъ, да и текста, въ сущности, за отсутствіемъ антрактовъ, никто не читаетъ. Во время единственной паузы (въ иныхъ театрахъ, впрочемъ, паузы дѣлаются, въ интересахъ ресторанной торговли, послѣ второго и четвертаго акта) почти никто не остается на мѣстѣ: всѣ гуляютъ въ фойе или пьютъ пиво въ ресторанѣ, и я считаю нужнымъ отмѣтить, что ресторанъ при „Шиллеръ"-театрѣ, сообразно составу и средствамъ его публики, взимаетъ минимальныя цѣны: за кружку пива 15 пфенн. (въ другихъ мѣстахъ 15, 20, 25 и 30 пфенн.) и за бутербродъ 10 и 20 пфенниг. (въ другихъ театрахъ—30, 40, 50 и 60 пф.). Какъ видите, театръ во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ „общедоступный".

Мы уже не разъ указывали, какъ низки, сравнительно съ цѣнами другихъ театровъ, цѣны „Шиллеръ"-театра. Тѣмъ не менѣе, при условіи абонемента на пять или шесть спектаклей, дирекція дѣлаетъ еще значительныя уступки.

Абонементныя книжки продаются зрителямъ не меньше чѣмъ на пять или шесть спектаклей, смотря по плану постановки новыхъ пьесъ, выработанному дирекціей „Шиллеръ"-театра впредь на „кварталъ" (четверть года). Условія абонемента—самыя несложныя. Дирекція театра заботится, чтобы каждый абонентъ, въ указанный на билетѣ день, видѣлъ новую пьесу, которая уже будетъ опять-таки замѣнена другою, когда абонентъ снова придетъ въ театръ, ровно чрезъ двѣ недѣли, въ обозначенный на билетѣ день. Замѣчу здѣсь же, что „Шиллеръ"-театръ имѣетъ въ лѣтнее полугодіе, обыкновенно, до 5.000, а въ зимнее—до 6.000 абонентовъ. Конечно, вмѣстить подобное количество абонентовъ въ одинъ вечеръ всѣхъ разомъ театръ не можетъ: а такъ какъ дирекція театра должна, конечно, оставлять ежедневно значительное число мѣстъ для продажи въ кассѣ, то уже обозначеніемъ датъ на билетахъ она распредѣляетъ абонентовъ на 12 группъ (2 недѣли=14 дней, а за исключеніемъ двухъ воскресныхъ дней=12). Благодаря подобному распредѣленію, каждая новая пьеса должна, конечно, ставиться не меньше двѣнадцати разъ, и если какая-либо пьеса не имѣетъ успѣха, дирекція ставитъ, вмѣсто снятой съ репертуара, еще одну новую пьесу, по счету шестую (или седьмую) за „кварталъ". Такимъ образомъ, если первая группа видѣла въ понедѣльникъ (на воскресные дни абонементы не выдаются), 2-го октября, „Разбойниковъ"; въ понедѣльникъ, 16-го октября, „Менонита"; въ понедѣльникъ, 30-го октября, „Банкротство"; въ понедѣльникъ, 13-го ноября, фарсъ Мозера, и въ понедѣльникъ, 27-го ноября, комедію Анценгрубера,—то вторая группа видѣла во вторникъ, 3-го октября, „Менонита"; во вторникъ, 17-го октября, „Банкротство"; во вторникъ, 31 октября, фарсъ Мозера; во вторникъ, 14 ноября, комедію Анценгрубера, и во вторникъ, 28 ноября, „Разбойниковъ"; третья группа смотритъ тѣ же пьесы по средамъ, 4-го и 18-го октября, 1-го, 15 и 29 ноября и т. д., пока всѣ двѣнадцать группъ посмотрятъ всѣ пять (или шесть) пьесъ, идущихъ въ данный „кварталъ". Кромѣ только-что разъясненнаго, дирекція ввела еще три рода абонементовъ: первый, не связанный съ какимъ-либо опредѣленнымъ днемъ, такъ что абонентъ можетъ использовать его въ теченіе недѣли или нѣсколькихъ мѣсяцевъ; книжка содержитъ шесть билетовъ, опять-таки не именныхъ, по

цѣнамъ, включая гардеробъ и программы: паркетъ—7 м. 80 пф. (за всѣ шесть спектаклей) и балконъ 1-го яруса—6 мар. Второй родъ абонемента опять-таки не именной, но связанъ съ опредѣленнымъ днемъ, и дѣйствительный только для цикла изъ семи или восьми пьесъ Шиллера, которыя ставятся дирекціей одна за другой съ небольшими промежутками. Наконецъ, третій родъ абонемента—праздничный, выпускаемый, обыкновенно, предъ Рождествомъ и дающій возможность недостаточному люду побывать во время праздниковъ нѣсколько разъ въ театрѣ за самую незначительную плату.

Чтò же удивительнаго, если при такихъ условіяхъ зрительный залъ „Шиллеръ"-театра почти всегда полонъ. Въ лучшемъ случаѣ, „Шиллеръ"-театръ имѣетъ 35.000 посѣтителей, за мѣсяцъ, а въ худшемъ—22.000 посѣтителей. Точныхъ свѣдѣній о составѣ публики „Шиллеръ"-театра дирекція его не имѣетъ, такъ какъ при записи на абонементъ о родѣ занятій не спрашиваютъ. Въ воскресенье днемъ, когда спектакли идутъ по пониженнымъ цѣнамъ, чуть ли не равнымъ абонементнымъ цѣнамъ, публика „Шиллеръ"-театра рекрутируется, за немногими исключеніями, изъ недостаточныхъ классовъ, которые, однако, даютъ лишь половину контингента посѣтителей въ будни, и именно здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить, что дирекція „Шиллеръ"-театра, желая, чтобы билеты попадали въ надлежащія руки, входитъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми крупными берлинскими организаціями, какъ, напримѣръ, съ „ферейномъ народныхъ учителей", „ферейномъ ремесленниковъ", „ферейномъ приказчицъ" и т. д. Желая установить еще болѣе тѣсную связь между „Шиллеръ-театромъ" и этими организаціями, и въ то же время обезпечить театру извѣстный контингентъ публики, д-ръ Лёвенфельдъ, отдавая ферейнамъ условленное число абонементныхъ книжекъ по извѣстнымъ уже читателямъ цѣнамъ, дѣлаетъ еще скидку: въ 10% тѣмъ ферейнамъ, которые оказали поддержку „Шиллеръ"-театру со времени его открытія, и въ 5%—ферейнамъ, изъявившимъ впослѣдствіи желаніе воспользоваться выгодами подобнаго соглашенія съ дирекціей,—съ тѣмъ, однако, чтобы сумма скидки поступала полностью въ больничную кассу или инвалидный фондъ ферейна, заключающаго условіе съ дирекціей „Шиллеръ"-театра.

III.

Теперь познакомимся съ организаціей народныхъ театровъ совершенно иного типа.

Берлинскіе рабочіе, создавшіе на-ряду со своими превосходными политическими организаціями свою собственную высшую школу, не пожелали ждать, пока пресытившееся театромъ бюргерство броситъ имъ кость, въ видѣ случайнаго спектакля по значительно удешевленнымъ цѣнамъ,—сплотились въ количествѣ до 6.000 человѣкъ и создали, еще въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, свой собственный театръ, показавъ бюргерству еще разъ свою сплоченность, свое умѣнье объединяться и доводить свои начинанія до высокой сравнительно степени развитія. Этотъ рабочій театръ, такъ называемая „Свободная народная сцена“ (Freie Volksbühne) основанъ былъ по инціативѣ д-ра Бруно Вилле, довольно популярнаго въ Берлинѣ писателя и общественнаго дѣятеля, не принадлежащаго, однако, къ соціаль-демократическому лагерю. Въ мартѣ 1890 г., въ газетѣ „Berliner Volksblatt“ (нынѣ „Vorwärts“) появилось его воззваніе къ недостаточнымъ классамъ берлинскаго населенія, главнымъ образомъ—къ рабочимъ. Горячо и краснорѣчиво обосновывая необходимость созданія свободной народной сцены съ назначеніемъ: „быть источникомъ высокаго художественнаго наслажденія, служить для нравственнаго подъема духа и давать толчокъ къ размышленіямъ по поводу крупныхъ проблемъ нашего времени“, д-ръ Бруно Вилле заканчивалъ свое воззваніе призывомъ къ рабочимъ объединиться и создать свой собственный театръ. Это воззваніе пало на плодородную почву: на него не только обратили вниманіе,—чего могло и не случиться,—но десятки ферейновъ и сотни отдѣльныхъ лицъ спѣшили выразить д-ру Вилле свою готовность къ содѣйствію въ созданіи свободной народной сцены. Поощренный подобнымъ успѣхомъ своего воззванія, д-ръ Вилле, вмѣстѣ со своими друзьями-писателями: Вильгельмомъ Бёльше, Юліусомъ Гардтомъ, д-ромъ Конрадомъ Шмидтомъ и др., разработалъ планъ созданія свободной народной сцены и созвалъ—для утвержденія и обсужденія его—народное собраніе. Предъ аудиторіей въ 2.000 человѣкъ развилъ онъ снова свою идею о созданіи народной сцены и говорилъ, между прочимъ: „Искусство должно существовать для всего народа, но никакъ не составлять привилегію одной части населенія, одного класса общества. Существующіе театры—большей частью, лишь коммерческія предпріятія, назначеніе кото-

рыхъ—приносить доходъ. Въ этихъ театрахъ ставятся не тѣ пьесы, которыя внутренней и внѣшней своей красотой поднимаютъ уровень эстетическихъ вкусовъ народа, но тѣ, которыя набиваютъ золотомъ карманы директоровъ. А объ искусствѣ и его идеалахъ нѣтъ и рѣчи. Къ тому же, уже высокія цѣны дѣлаютъ эти театры для рабочихъ недоступными. Будущая свободная народная сцена должна быть общедоступной и имѣть своимъ назначеніемъ воспитательное вліяніе на публику, на рабочихъ, на весь народъ"...

Слова д-ра Вилле были покрыты бурными апплодисментами, и въ тотъ же вечеръ основанъ былъ ферейнъ „Freie Volksbühne". Д-ръ Бруно Вилле, избранный предсѣдателемъ ферейна, началъ со своими друзьями самую дѣятельную пропаганду, благодаря которой въ самое короткое время члены ферейна насчитывались уже тысячами, такъ что въ сентябрѣ 1890 г., чрезъ какихъ-нибудь полгода по опубликованіи перваго воззванія д-ра Вилле, „Свободная народная сцена" уже начала функціонировать. Въ теченіе перваго года ея дѣятельности устроено было 22 драматическихъ представленія и свыше двадцати научно-популярныхъ лекцій и литературныхъ вечеровъ. Число членовъ ферейна чрезъ годъ послѣ его основанія превышало 4.000; рекрутировались они преимущественно изъ числа организованныхъ рабочихъ. Это обстоятельство не давало покоя президенту берлинской полиціи. На основаніи нѣкоторыхъ, правда, неудачныхъ, но тенденціозно полиціей истолкованныхъ, выраженій членовъ ферейна, онъ былъ объявленъ политическимъ, и полиція стала со всею строгостью примѣнять по отношенію къ ферейну мѣры, предписанныя закономъ для политическихъ организацій. Регулярная дѣятельность „Свободной народной сцены" была на нѣкоторое время нарушена, но вскорѣ опять возстановлена, такъ какъ судъ, къ которому обратилось съ жалобой правленіе ферейна, разрѣшилъ споръ въ его пользу. Спектакли возобновились, число членовъ возростало съ каждымъ мѣсяцемъ, но ферейнъ принялъ яркую соціаль-демократическую окраску, что̀ побудило д-ра Бруно Вилле, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими основателями ферейна, удалиться не только изъ состава правленія, но и изъ числа членовъ ферейна. Эти лица основали немедленно же новый ферейнъ подъ названіемъ: „Новая свободная народная сцена" („Neue Freie Volksbühne"), съ тѣмъ же старымъ основнымъ принципомъ: „Искусство для народа!", но съ нѣсколько расширенной программой, такъ какъ на-ряду со спектаклями и литературными вечерами рѣшено было устроивать и музыкальные

вечера. Такъ существовали и функціонировали на-ряду другъ съ другомъ оба эти ферейна, принося пользу и наслажденіе тѣмъ восьми тысячамъ („Freie Volksbühne“ имѣла къ тому времени до 6.000 членовъ, а „Neue freie Volksbühne“—около 2.000) рабочихъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, которые являлись посѣтителями спектаклей, устроиваемыхъ той и другой народной сценой. Но и берлинская полиція не дремала, придираясь къ каждой мелочи и предъявляя тѣ или другія требованія, какія предъявляются исключительно къ политическимъ ферейнамъ. Въ то время какъ правленія того и другого ферейна полагали и указывали полиціи, что спектакли носятъ вполнѣ ферейнскій характеръ и ставятся исключительно для опредѣленнаго круга лицъ, полиція объявляла эти спектакли публичными и пользовалась предоставленнымъ ей закономъ правомъ воспрещать постановку той или другой пьесы. Правленіе „Свободной народной сцены“, во главѣ которой стояли тогда соціалистическій публицистъ Францъ Меритъ и режиссеръ Юліусъ Тюркъ, обратилось съ жалобой на постановленія полиціи въ судъ, но проиграло процессъ и сочло наиболѣе цѣлесообразнымъ добровольно прекратить существованіе „Свободной народной сцены“. Правленіе „Новой свободной народной сцены“ рѣшило, наоборотъ, бороться до послѣдней возможности, испробовавъ всѣ пути къ правосудію и всѣ допускаемыя закономъ средства борьбы. Жалоба на полицію доведена была до высшей инстанціи, но процессъ окончился неудачей, не говоря уже о томъ, что затянулся на долгіе мѣсяцы. Лишенное возможности устроивать самостоятельно драматическія представленія, правленіе „Новой свободной народной сцены“ ограничивалось устройствомъ литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ для членовъ ферейна, а также входило въ соглашеніе съ дирекціей основаннаго уже къ тому времени „Шиллеръ“-театра, откупая для членовъ своего ферейна извѣстное число билетовъ въ опредѣленные дни. Такъ прошло чуть ли не года два, пока не выяснилось, что процессъ ферейна противъ полиціи окончательно проигранъ. Оставалось или повиноваться постановленіямъ полиціи—а это означало ограничиваться и впредь устройствомъ лишь литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ, или же поискать выхода въ реорганизаціи ферейна. Конечно, правленіе предпочло второй исходъ и, съ согласія общаго собранія членовъ ферейна, реорганизовало его такъ, что полиція, съ одной стороны, не имѣла больше повода объявить ферейнъ политическимъ, а съ другой стороны, не могла никоимъ образомъ считать спектакли ферейна публичными. Число членовъ ферейна изъ-за этой реорганизаціи,

конечно, не уменьшилось, такъ какъ члены ферейна всегда разсматривали свой ферейнъ какъ театрально-драматическій, но отнюдь не политическій, и въ сентябрѣ 1896 г. ферейнъ возобновилъ устройство драматическихъ спектаклей.

Отсутствіе поводовъ ко вмѣшательству полиціи подало мысль возобновить и большую „Свободную народную сцену", измѣнивъ кореннымъ образомъ ея статуты и придавъ ея спектаклямъ болѣе замкнутый, чѣмъ прежде, характеръ. Попытка удалась: ферейнъ „Freie Volksbühne" вновь организовался и возобновилъ свою дѣятельность въ апрѣлѣ 1897 г., причемъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ членами возрожденнаго ферейна записалось до 2.440 человѣкъ. Согласно статутамъ ферейна, каждый членъ имѣетъ право посѣтить одинъ разъ въ мѣсяцъ устроиваемый „Свободной народной сценой" спектакль, но число членовъ возродившагося ферейна было сразу настолько велико, что единовременное посѣщеніе ими одного спектакля было немыслимо. Поэтому члены ферейна, какъ они дѣлали это и раньше, раздѣлились на три группы, для каждой изъ которыхъ устроивался разъ въ мѣсяцъ особый спектакль, и не только неполная въ началѣ третья группа быстро пополнилась, но число членовъ ферейна возросло вскорѣ до того, что пришлось организовать четвертую, а затѣмъ, при наличности уже 5.400 членовъ, и пятую группу. А такъ какъ вскорѣ число членовъ превысило 6.000 (послѣдній отчетъ отмѣчаетъ наличность 6.100 членовъ къ апрѣлю текущаго года), то пришлось съ января 1899 г. организовать и шестую группу.

Репертуаръ „Свободной народной сцены" составился за последніе два года изъ такихъ пьесъ, какъ: „Венеціанскій купецъ" Шекспира; „Матери" Гиршфельда; „Der G'wissenswurm" Анценгрубера; „Юность" Гальбе; „Бартель Туаразеръ" Лонгманна; „Cyprienne" Сарду; „Ткачи" Гауптмана; „Сбродъ жуликовъ" Вольцогена; „Дикая утка" Ибсена; „Неро и Лендръ" Гриллькарцера; „Забава" Шницлера; „Галеотто" Эчегарая; „Нора" Ибсена; „Воспитаніе къ браку" Гартлебена; „Одинокіе люди" Гауптмана; „Ревизоръ" Гоголя; „Женщина-докторъ" Макса Дрейера; „Укрощеніе строптивой" Шекспира; „Валленштейнъ" Шиллера, и нѣсколько новинокъ мало извѣстныхъ авторовъ. Извѣстный публицистъ, докторъ Конрадъ Шмидтъ, состоящій теперь во главѣ „Свободной народной сцены", говорилъ на одномъ изъ послѣднихъ генеральныхъ собраній, что, къ сожалѣнію, постановка классическихъ пьесъ (нѣкоторые члены ферейна выражали желаніе видѣть „Юлія Цезаря" Шекспира, „Натана Мудраго", „Орлеанскую дѣву" и др.) весьма затруднительна, такъ

какъ артисты тѣхъ двухъ театровъ, услугами которыхъ пользуется ферейнъ, подготовлены лишь къ исполненію современныхъ пьесъ. Такъ, постановка столь поэтической вещи, какъ „Неро и Леандръ“, Грилльпарцера, не стояла на должной высотѣ, и поэтому правленіе рѣшило ставить только современныя пьесы. Тѣмъ не менѣе, текущій зимній сезонъ начатъ былъ постановкой требующаго не менѣе, если не болѣе сложной постановки „Фауста“ Гёте, на-ряду съ которымъ поставлены были „Журналисты“ Фрейтага, „Минна фонъ-Барнгельмъ“ Лессинга и „Зимняя спячка“ Макса Дрейера. Конечно, какъ принимающіе участіе въ спектакляхъ артисты, такъ и директорà театровъ, въ которыхъ ставятся спектакли „Свободной народной сцены“, получаютъ извѣстное, хотя и скромное вознагражденіе. Что касается, вообще, финансовой стороны дѣла, то первый годъ по возобновленіи далъ 34.976 мар. дохода, а второй годъ (по апрѣль т. г.)—уже 45.883 марки. Это объясняется, конечно, раньше всего указаннымъ уже выше постояннымъ возростаніемъ количества членовъ, такъ какъ главнѣйшую статью доходовъ составляютъ взносы членовъ ферейна. Раньше они платили 60 пф. въ мѣсяцъ; въ послѣднее время платятъ 65, причемъ вмѣсто росписки вклеиваются въ имѣющуюся у каждаго члена карточку особыя марки. Статьи доходовъ составляютъ еще остаточныя суммы отъ устройства вечеровъ (въ послѣднемъ году 802 марки) и продажи журнала „Freie Volksbühne“ (въ послѣднемъ году 1.703 марки). Расходы въ послѣднемъ отчетномъ году были таковы: a) на устройство спектаклей 39.180 мар.; b) побочные расходы, связанные съ устройствомъ спектаклей—639 мар.; c) на устройство вечеровъ—345 мар.; d) на агитацію, рекламы и объявленія—774 мар.; и e) на веденіе всего дѣла избранными лицами—2.965 мар.; въ общемъ—до 40.000 марокъ. Въ кассѣ наличными было къ 1-му апрѣля до 2.000 мар. Резервнаго фонда не имѣется.

Когда членъ ферейна приходитъ въ опредѣленный и объявленный заранѣе день въ театръ,—наклеенная въ упомянутой уже карточкѣ марка, обыкновенно, контроля ради, продырявливается у входа въ театръ. Тамъ же каждый членъ ферейна беретъ изъ закрытой урны свой билетъ, который можетъ оказаться мѣстомъ въ ложѣ, кресломъ въ первомъ ряду или мѣстомъ на галереѣ,—смотря по счастью. Устроено, конечно, такъ, что желающіе получаютъ по два и три билета рядомъ, вытаскивая ихъ изъ другой урны. Точно такое же метаніе жребія происходитъ и до начала спектаклей „Новой свободной народной сцены“, съ тою лишь разницей, что во второмъ ферейнѣ спектакль устроивается

для всѣхъ членовъ вмѣстѣ,—вслѣдствіе не особенно значительнаго числа ихъ,—а въ первомъ—для каждой группы особо. Сначала поступали такъ: одна и та же пьеса ставилась пять разъ подъ-рядъ въ теченіе пяти недѣль, пока ее увидятъ всѣ бывшія тогда пять группъ. Это вызывало крупныя неудобства въ томъ смыслѣ, что пятая группа смотрѣла мартовскій спектакль въ началѣ апрѣля, апрѣльскій—въ срединѣ мая, и т. д. Теперь дѣло поставлено иначе и лучше: одна группа смотритъ въ такомъ-то театрѣ одну пьесу, въ то время какъ вторая группа смотритъ въ другомъ театрѣ другую пьесу. Въ слѣдующее воскресенье на смѣну первой и второй группѣ приходятъ члены третьей и четвертой, которыхъ чрезъ недѣлю смѣняютъ уже члены пятой и шестой группъ. Затѣмъ, первыя три группы смотрятъ поочередно вторую пьесу, а остальныя три группы—первую. Въ свободное воскресенье устроиваютъ литературно-музыкальные вечера для всѣхъ членовъ или научно-популярныя лекціи. Такъ, еще недавно д-ръ Мейеръ, основатель научнаго театра „Уранія", читалъ для членовъ „Свободной народной сцены" сопровождавшуюся туманными картинами лекцію—„Путешествіе вокругъ земли отъ полюса до полюса", и несмотря на то, что лекція была прочитана въ одномъ изъ самыхъ большихъ залъ Берлина, онъ былъ биткомъ набитъ. Тысячи членовъ ферейна собираются и на „весенній" или „зимній" праздникъ, когда имъ дается возможность услышать въ превосходномъ исполненіи и „Прелюдію" Баха-Гуно, и „Колыбельную пѣсню" Брамса, и арію изъ оперы Генделя „Езіо", и квартетъ D-moll Шуберта, и мн. др., не говоря уже о нумерахъ литературнаго характера. Подобные же вечера устроиваетъ и „Новая свободная народная сцена", только въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, обусловливаемыхъ мѐньшимъ числомъ членовъ. Члены этого ферейна платятъ, при вступленіи своемъ въ ферейнъ, 50 пфенниговъ и вносятъ ежемѣсячно лишь по 20 пфенн., платя за спектакли особо 50 пфенн. за любое мѣсто, вытянутое ими изъ урны. И здѣсь примѣняется система вклеиванія и продыравливанія особыхъ марокъ. Этотъ ферейнъ, какъ и „Свободная народная сцена", издаетъ аккуратно ко дню своихъ спектаклей и раздаетъ у входа въ театръ всѣмъ членамъ безплатно небольшія тетрадки журналовъ. Журналъ „Свободной народной сцены" носитъ, какъ я уже упомянулъ выше, названіе по имени ферейна и редактируется д-ромъ Конрадомъ Шмидтомъ, а журналъ „Новой свободной народной сцены" носитъ характерное названіе: „Die Kunst dem Volke", и редактируется предсѣдателемъ ферейна, упомянутымъ уже не разъ д-ромъ Вилле.

Тетрадки обоихъ журналовъ содержатъ, обыкновенно, кромѣ нѣкотораго литературнаго матеріала, критическую оцѣнку той пьесы, которая въ этотъ день ставится, афишку, сообщенія и отчеты правленія.

Первый ферейнъ располагаетъ достаточными средствами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможностью приглашать опытнаго режиссера и хорошихъ исполнителей, чтобы время отъ времени поставить какую-либо пьесу, еще не появлявшуюся на подмосткахъ ни одного берлинскаго театра. Благодаря этому, въ члены ферейна записываются и рецензенты, которые должны дать отзывъ о новой пьесѣ; и знатоки сцены „интересующіеся новымъ драматическимъ произведеніемъ и его судьбой"; и директора театровъ, надѣющіеся открыть въ незнакомомъ публикѣ авторѣ крупный талантъ; наконецъ, друзья автора,—записываются потому, что лицамъ, не состоящимъ членами того или иного ферейна, входъ на устроиваемые ими спектакли воспрещенъ, да и билетовъ нигдѣ купить нельзя. Полиція строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы билеты попадали исключительно въ руки членовъ устроивающаго спектакль ферейна; да и правленіе ферейна, наученное горькимъ опытомъ, заботится о томъ, чтобы спектакли носили вполнѣ „замкнутый" характеръ. Причина этому слѣдующая. Какъ это ни странно, въ то время какъ книги и газеты давно освобождены въ Германіи отъ предварительной цензуры, всѣ ставящіяся на открытыхъ сценахъ драматическія произведенія подвержены еще цензурѣ, хотя, въ сущности, печать имѣетъ значительно больше шансовъ грѣшить въ данной области. Если газеты высказываютъ свои взгляды безъ всякой предварительной цензуры милліонамъ читателей, то почему нельзя того же позволить театрамъ, имѣющимъ не столь обширную аудиторію? Къ тому же, драматическая цензура находится въ вѣдѣніи полиціи. Почему, именно, полиціи и насколько компетентна она, не говоря уже о многосложности ея занятій, цензировать драматическія произведенія, объ этомъ надо было бы спросить прусскихъ законодателей начала истекающаго столѣтія. Да и весь институтъ этотъ покоится, въ сущности, даже не на законѣ, а на распоряженіи по полиціи, изданномъ въ 1851 г. и противоконституціонно возстановляющемъ старинный законъ. Уже не разъ, юристы сомнѣвались въ законной силѣ этого распоряженія, но высшіе суды въ Пруссіи находили, что старинный законъ не отмѣненъ, и что полиція имѣетъ право воспретить постановку пьесы, если есть опасеніе, что порядокъ будетъ нарушенъ, или же будетъ поступлено противъ принциповъ нравственности. Тягость этого закона

облегчаютъ слѣдующіе моменты: недовольнымъ постановленіемъ полицейской цензуры предоставлено право обратиться къ цѣлому ряду судебныхъ инстанцій; постановленія полиціи имѣютъ значеніе только для даннаго города; разрѣшеніе дается, обыкновенно, въ одинъ—два дня; наконецъ, въ спектакляхъ, носящихъ „замкнутый“ характеръ, можно ставить какую угодно пьесу и безъ всякой санкціи полиціи. На послѣдней почвѣ и разыгрывались конфликты „Свободной народной сцены“ съ полиціей, когда правленіе желало ставить пьесу, воспрещенную полиціей для публичной постановки. Теперь возможность подобныхъ конфликтовъ исключена, такъ какъ на спектакли ферейна, кромѣ его членовъ, никто не допускается.

Правленіе второго ферейна новинокъ не ставитъ, но довольно часто входитъ и теперь въ соглашеніе съ дирекціей какого-либо театра,—преимущественно „Шиллеръ“-театра, и даетъ возможность членамъ ферейна видѣть, за самую незначительную плату, классическія пьесы или интересныя новинки. Скромныя средства, которыми располагаетъ ферейнъ, не позволяютъ ему пока еще приступить къ выполненію второй части намѣченной программы: къ устройству оперныхъ спектаклей. Репертуаръ „Новой свободной народной сцены“ сложился точно такъ же, какъ и репертуаръ перваго, большого ферейна: ставятся или классическія драмы, или современныя пьесы, вродѣ „Забавы“ Шницлера или „Матерей“ Гиршфельда, въ которыхъ просто, но талантливо изображена жизнь маленькихъ людей, жизнь, полная труда и лишеній, горя и разбитыхъ надеждъ въ перемежку съ тихими радостями искренней любви или семейной жизни. Правленію перваго ферейна ставили не разъ въ вину постановку имъ такихъ якобы тенденціозныхъ пьесъ, какъ „Ткачи“ Гауптмана, или сильно написанная драма изъ жизни рабочихъ-стачечниковъ—„Бартель Туразеръ“. „Свободную народную сцену“ даже называли и называютъ соціалистическимъ предпріятіемъ. Это вѣрно лишь постольку, поскольку касается принадлежности членовъ ферейна къ соціаль-демократической партіи, къ косвенной поддержкѣ ферейна партіею (поддержка эта выражается печатаніемъ отчетовъ и объявленій въ „Vorwärts“'ѣ, а также подробнымъ рецензированіемъ спектаклей) и къ способу распредѣленія мѣстъ. Но при выборѣ пьесъ политическія тенденціи членовъ правленія не играютъ никакой роли, и лучшее доказательство тому—на-ряду съ „Ткачами“ ставилась трагедія Грилльпарцера: „Геро и Леандръ“; на-ряду съ „Бартелемъ Туразеромъ“—„Укрощеніе строптивой“. Правленія обоихъ ферейновъ руководятся не политическими, а исключи-

тельно художественными и, по необходимости, матеріальными соображеніями, и девизъ обѣихъ организацій прекрасно выраженъ цитированными уже словами: „Искусство для народа“.

То же самое можно съ правомъ сказать и про гамбургскій ферейнъ „Freie Volksbühne“, члены котораго также, большей частью, организованные рабочіе, и который имѣлъ еще недавно двухъ столь могущественныхъ враговъ, какъ мѣстная полиція и покойный „гофратъ“ Поллини, „володѣвшій“ всѣми гамбургскими театрами и видѣвшій въ „Свободной народной сценѣ“ только лишняго конкуррента. Въ Мюнхенѣ, наконецъ, организовался въ самое послѣднее время по образцу берлинскихъ народныхъ сценъ ферейнъ „Münchener Volks-Bühne“, во главѣ котораго стоитъ извѣстный драматургъ Максъ Гальбе. Въ задачу ферейна входитъ устройство не только девяти или десяти спектаклей въ годъ, но и народныхъ лекцій, музыкальныхъ вечеровъ и экскурсій въ музеи и на художественныя выставки. Этимъ только-что организовавшимся ферейномъ приходится заключить коротенькій списочекъ „народныхъ сценъ“ въ Германіи: больше ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и народныхъ театровъ, подходящихъ къ типу „Шиллеръ“-театра, какъ нѣтъ и другого рода организацій, задающихся цѣлью устроивать регулярно спектакли для народа.

О нѣкоторыхъ драматическихъ представленіяхъ, устроенныхъ тамъ и сямъ для недостаточныхъ классовъ населенія, но носившихъ лишь случайный характеръ, я упоминаю ниже. Здѣсь же сообщу кое-что только еще объ опытѣ, сдѣланномъ въ эрфуртскомъ городскомъ театрѣ, по иниціативѣ гласныхъ мѣстной думы. Поставлено было спеціально для народа, въ воскресные дни послѣ обѣда, два драматическихъ произведенія: „Разбойники“ и „Ромео и Джульета“, и одно музыкальное: опера Вебера—„Фрейшютцъ“. Какъ это ни странно, трагедія Шекспира привлекла гораздо меньше публики, нежели юношеское произведеніе Шиллера или мелодичная опера Вебера. Цѣна каждому билету была назначена только въ 40 пфенн., причемъ билеты вынимались опять-таки изъ урны, на счастье. По наблюденіямъ директора театра, посѣтители изъ народа (нѣкоторые изъ нихъ, по ихъ признанію, еще никогда не были въ театрѣ) слѣдили за всѣмъ происходящимъ на сценѣ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ, причемъ въ то время, какъ обѣ трагедіи вызывали знаки одобренія и восторга чуть ли не съ первой сцены,—ни увертюра „Фрейшютца“, вызывающая всегда бурные аплодисменты у обыденной театральной публики, ни сцены перваго акта, не произвели на посѣтителей изъ народа сколько-нибудь силь-

наго впечатлѣнія. Позже не было и на этотъ разъ недостатка въ аплодисментахъ и выраженіяхъ восторга; наивная публика принималась аплодировать и посреди исполненія какой-либо аріи или другого музыкальнаго нумера. Опытъ, во всякомъ случаѣ, оказался удачнымъ, и въ текущемъ сезонѣ, по выраженному гласными желанію, спектакли эти будутъ устраиваться регулярно, съ репертуаромъ исключительно классическимъ.

Перейдемъ теперь къ засѣданіямъ перваго конгресса нѣмецкихъ дѣятелей въ области разумныхъ народныхъ развлеченій, состоявшагося въ ноябрѣ въ берлинской ратушѣ, — городской Думѣ.

Берлинъ.

М. Сукенниковъ.

ИЗЪ ЮЖНАГО АЛЬБОМА

1.

Прозрачныя капли все рѣже и рѣже
Съ зарею стучатся въ стекло.
Какъ листья омытые—ярки и свѣжи!
Какъ солнце сіяетъ свѣтло!

Роса на куртинахъ, безмолвіе—въ домѣ;
Я тихо схожу на крыльцо,
И вѣтеръ, забывъ о полдневной истомѣ,
Прохладою вѣетъ въ лицо.

Вдали выступаютъ въ сіяньѣ багряномъ
Вершины синѣющихъ горъ,
И дышетъ акаціи запахомъ прянымъ
Окрестный просторъ.

Безлюдно въ аллеяхъ тѣнистаго парка;
Ольховка шумитъ межъ камней;
Высокихъ деревьевъ зеленая арка
Сплетается гуще, плотнѣй.

Но солнце внезапно ее пронизало
Сверкающей сѣтью лучей;
Для многихъ желанное утро настало,
О счастьѣ лепечетъ ручей.

Быть можетъ, ужъ близко дыханіе бури,
Но прочь я сомнѣнья гоню;
Я вѣрю душою сіянью лазури,
Я вѣрю грядущему дню!

2.

Изъ бѣлаго камня ступени
И садъ нашъ—во тьмѣ потонули,
Сгустились вечернія тѣни
И звѣзды блеснули.

Чарующей, царственно южной
Онѣ засіяли красою;
Цвѣты задремали,—жемчужной
Омыты росою.

Трепещутъ деревьевъ вершины,
И тихій мнѣ слышится шопотъ...
Не вздохъ ли невольный кручины?
Не сердца ли ропотъ?

Плѣненное звѣздъ красотою,
Не сердце ль отъ сна пробудилось,
И снова, какъ прежде, мечтою
Безумной забилось?

3.

Въ сіяніи полудня млѣя,
Открылись мнѣ вершины горъ;
Высокихъ тополей аллея
Къ себѣ притягиваетъ взоръ.

Онъ любоваться не устанетъ
Рядами стройными стволовъ,
И въ высь его невольно тянетъ,
Въ обитель царственныхъ орловъ.

Высоко въ небу голубому
Подъемлютъ тополи главу
И, погрузясь въ нѣмую дрёму,
О чемъ-то грезятъ на яву.

Въ полдневномъ воздухѣ—мерцанье
И трепетъ солнечныхъ лучей;
И тотъ же трепетъ ожиданья—
Въ душѣ взволнованной моей.

Среди вѣтвей струится зыбко
Потокъ изъ блёстокъ золотыхъ,
И глазъ, какъ небо, голубыхъ—
Мнѣ всюду грезится улыбка.

4.

Какъ древній витязь заколдованъ,
Мой духъ дремотой былъ окованъ,
Томясь безъ воли и безъ силъ;
Но чей-то голосъ чародѣйный,
Будя восторгъ благоговѣйный,
Меня для жизни пробудилъ.

Душа откликнулась на звуки,
И вновь, полна безумной муки,
Дрожитъ и плачетъ, какъ струна.
Конецъ безстрастію нирваны,—
И вѣритъ въ дивные обманы,
И вновь чего-то ждетъ она.

Пускай судьба меня обманетъ,—
Когда послѣдній мигъ настанетъ,
Воспрянетъ духъ мой, смѣлъ и твердъ,
И, какъ въ быломъ, сильны и юны—
Душевныя сольются струны
Въ одинъ ликующій аккордъ!

О. Михайлова.

НОВОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ

Составленіе новаго гражданскаго кодекса для такой страны, какъ Россія, — задача въ высшей степени сложная и трудная, далеко выходящая изъ рамокъ обычной законодательной дѣятельности. Требуется особое сочетаніе различныхъ благопріятныхъ условій, чтобы удачно довести до конца начатое дѣло, связанное съ самыми жизненными и насущными интересами всего населенія.

Появившіеся до сихъ поръ труды редакціонной коммиссіи, учрежденной *въ 1882 году*, не обѣщаютъ еще скораго практическаго успѣха ея работъ. Къ сожалѣнію, коммиссія вынуждена была съ самаго начала отказаться отъ точной и цѣльной программы въ своихъ занятіяхъ; она занялась разработкою двухъ спеціальныхъ законопроектовъ—уставовъ опекунскаго и ипотечнаго — прежде чѣмъ установлены общія начала тѣхъ отдѣловъ будущаго уложенія, къ которымъ относятся эти уставы. Обширный проектъ устава объ опекахъ приготовленъ и напечатанъ въ 1891 году, когда еще не былъ разсмотрѣнъ соотвѣтственный отдѣлъ семейственнаго права; проектъ ипотечнаго или „вотчиннаго“ устава выработанъ и изданъ въ 1893 году, до установленія нормъ, касающихся поземельныхъ и вещныхъ правъ. Теперь оконченъ и появился въ печати проектъ пятой и послѣдней части уложенія, — книги объ обязательствахъ, — когда неизвѣстно еще ничего опредѣленнаго о содержаніи первыхъ четырехъ частей. Такая неравномѣрность въ ходѣ работъ коммиссіи можетъ вредно отразиться на общемъ планѣ будущаго уложенія и на качествахъ различныхъ его отдѣловъ, заранѣе нарушая его единство.

Книга объ обязательствахъ составлена, можно сказать, образцово съ точки зрѣнія формальной и отчасти теоретической; въ пяти томахъ разработанъ и приведенъ въ систему огромный литературный матеріалъ, и многіе комментаріи къ отдѣльнымъ положеніямъ представляютъ собою настоящія юридическія монографіи. Составители приняли во вниманіе всѣ новые и старые иностранные кодексы; они пользовались широко и римскимъ правомъ, и трудами теоретиковъ, и богатой кассаціонной практикой нашего сената, признавая въ то же время въ принципѣ необходимость руководствоваться и народными обычаями. Однако, по содержанію своему, проектъ едва ли можетъ считаться вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ нашего быта; онъ грѣшитъ чрезмѣрною теоретичностью, и хотя часто ссылается на экономическія соображенія, но только въ ихъ обиходной торгово-промышленной формѣ, безъ достаточнаго вниманія къ матеріальнымъ интересамъ большинства населенія.

I.

Новое уложеніе, въ отличіе отъ десятаго тома Свода законовъ, приспособленнаго къ быту крѣпостной, помѣщичьей Россіи, должно впервые установить надлежащія нормы для всѣхъ сословій и классовъ общества, въ томъ числѣ и для крестьянства. Эта особенность новаго уложенія далеко не оцѣнена по достоинству составителями проекта.

Самая важная для народа область правъ, обнимающая поземельныя отношенія, заранѣе пріобрѣтаетъ какой-то странный, спеціально-помѣщичій оттѣнокъ, благодаря присвоенію этимъ правамъ совершенно неподходящаго и устарѣлаго названія „вотчинныхъ". Мало того,—не одни только поземельныя права, но и всѣ вообще права на вещи названы вотчинными, вопреки прямому смыслу этого слова. „Въ дѣйствующихъ законахъ,—говорится въ проектѣ,—выраженія: вотчина, вотчинникъ, вотчинное право, вотчинныя дѣла, встрѣчаются довольно часто, но главнымъ образомъ (вѣрнѣе—исключительно) въ примѣненіи къ недвижимому имуществу. К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ курсѣ гражданскаго права предлагаетъ, вмѣсто укоренившагося въ нашей литературѣ термина: вещный, вещныя права, принять для обозначенія правъ, какъ на недвижимыя имущества, такъ и на вещи движимыя, чистое и выразительное русское слово: *вотчинный*, *вотчинныя права*. Въ проектѣ гражданскаго уложенія слово

„вотчинный“ употребляется въ указанномъ широкомъ его значеніи, причемъ оно послѣдовательно проведено во всей терминологіи проекта“ (т. I, стр. L).

Въ проектѣ ипотечнаго или „вотчиннаго“ устава, обнародованномъ въ 1893 году, не имѣлось еще въ виду распространить понятіе вотчинныхъ правъ на другія имущественныя права, кромѣ поземельныхъ, и мнѣніе К. П. Побѣдоносцева приводилось лишь съ оговорками, въ видѣ особаго личнаго взгляда, подлежащаго спору. „К. П. Побѣдоносцевымъ—сказано тамъ—предложено даже назвать *вотчинными* всѣ вообще вещныя права, въ томъ числѣ и права на движимость. До сихъ поръ, однако, слово „вотчинный“ употреблялось преимущественно въ примѣненіи къ недвижимому имуществу, что̀ дѣлаетъ его особенно пригоднымъ для употребленія въ настоящемъ проектѣ, предметомъ котораго являются именно права на недвижимое имущество“. Поэтому „слово *вотчинный* употребляется не только въ названіи проекта (ипотечнаго устава), но послѣдовательно проводится во всей терминологіи проекта. Права на недвижимое имущество именуются *вотчинными правами*; книги, въ которыхъ они записываются,—*вотчинными книгами*; установленія, ведущія эти книги,—*вотчинными установленіями*; договоры о пріобрѣтеніи вотчинныхъ правъ — *вотчинными актами*, залогодержатели имѣній—*вотчинными кредиторами*“ и т. д. (Проектъ вотчиннаго устава, т. I, стр. 47—8).

Если ипотечный уставъ названъ „вотчиннымъ“ именно вслѣдствіе своей непосредственной связи съ поземельными отношеніями, которымъ присвоено названіе вотчинныхъ, то очевидно нельзя уже послѣ этого примѣнять тотъ же терминъ ко всѣмъ вообще правамъ на вещи,—или надо придумать другое названіе для ипотечнаго устава и установить другую терминологію для поземельныхъ правъ. Въ проектѣ 1893 года вотчиннымъ признается все то, что̀ относится къ правамъ на недвижимое имущество, въ отличіе отъ другихъ категорій вещныхъ правъ, а теперь оказывается, что всѣ права на вещи, какъ движимыя, такъ и недвижимыя, будутъ одинаково называться вотчинными и составятъ одинъ общій отдѣлъ „вотчиннаго права“, въ видѣ третьей части или книги уложенія (т. I, стр. XLVI).

Чѣмъ объяснить это явное противорѣчіе? Гдѣ же тутъ послѣдовательность, на которую указываютъ составители проекта 1899 года? Кажется, что съ 1893 года не произошло ничего такого, что̀ должно было кореннымъ образомъ измѣнить взгляды редакціонной коммиссіи на „вотчинное право“ и превратить

мнѣніе К. П. Побѣдоносцева въ непререкаемый догматъ, обязательный для будущаго гражданскаго кодекса. По замѣчанію сенатора Цеймерна (въ „Трудахъ ипотечной коммиссіи“), слово „вотчинный“ „звучитъ знакомо русскому уху и сблизитъ насъ съ древнимъ порядкомъ“, возстановленіемъ котораго является отчасти вновь вводимая вотчинная (ипотечная) система и при которомъ все производство по регистраціи *земельныхъ* правъ называлось вотчинными дѣлами; но какъ вяжется съ этимъ указаніемъ распространеніе слова „вотчинный“ и на всѣ другія вещныя права, кромѣ поземельныхъ?

Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о простомъ, безразличномъ терминѣ, а о цѣломъ кругѣ понятій, связанныхъ съ „древнимъ порядкомъ“ вотчиннаго землевладѣнія. Такъ какъ въ наше время существуетъ, кромѣ помѣщиковъ, многомилліонный классъ сельскихъ обывателей, владѣющихъ землею не на вотчинномъ правѣ, то мысль о подведеніи нашего поземельнаго быта подъ формулы вотчинныхъ правъ представляется крайне неудачною и даже непонятною. Слово „вотчина“, или „отчина“, выдвигаетъ одинъ только элементъ наслѣдственности, играющій наименьшую роль въ современномъ имущественномъ оборотѣ и не могущій поэтому служить характернымъ признакомъ вещныхъ правъ даже въ области землевладѣнія, ибо послѣднее бываетъ и временнымъ, и пожизненнымъ; называть же вотчинными перемѣнчивыя, переходящія изъ рукъ въ руки права на движимыя вещи—значитъ только злоупотреблять словами, отнимая въ то же время смыслъ у этого термина въ единственномъ возможномъ для него примѣненіи—въ сферѣ поземельной собственности.

Слово „вотчинный“ давно уже не употребляется ни въ разговорномъ языкѣ, ни въ юридическомъ; оно „звучитъ знакомо русскому уху“ только въ кругѣ лицъ, знакомыхъ съ исторіею русскаго права, и хотя оно есть „чистое и выразительное русское слово“, но оно вовсе не выражаетъ того, что̀ содержится въ „правѣ на вещь“, или „вещномъ правѣ“,—выраженіи тоже чисто русскомъ и общедоступномъ, притомъ „укоренившемся въ нашей юридической литературѣ“, по свидѣтельству самой коммиссіи. Составители проекта не приводятъ никакого другого мотива въ пользу введенія новаго термина, кромѣ лишь того, что оно предложено въ курсѣ К. П. Побѣдоносцева; но этой ссылки еще недостаточно для оправданія архаической терминологіи, спутывающей всѣ понятія объ имущественныхъ правахъ. Для обозначенія правъ по землевладѣнію надо было остановиться на самомъ ясномъ и простомъ названіи — *„поземельнаго права“*;

ипотечный или вотчинный уставъ есть уставъ „поземельный“, вотчинныя книги—„поземельныя книги“, какъ это принято и въ иностранныхъ законодательствахъ (нѣмецкое „Grundbücher“),—и никакихъ недоразумѣній тогда не возникнетъ.

II.

Невниманіе къ реальнымъ условіямъ народной жизни,—или бюрократическое отношеніе къ нимъ свысока,—сказывается во многихъ существенныхъ положеніяхъ, выработанныхъ редакціонной коммиссіей. Таковы, между прочимъ, положенія, упраздняющія понятіе аренды и направленныя, какъ будто, къ обезпеченію господства „наймодавцевъ“ (т.-е. владѣльцевъ) надъ нанимателями недвижимыхъ имуществъ. Коммиссія не нашла „уважительныхъ причинъ“ къ установленію различія между арендой и наймомъ,—различія, признаваемаго во всѣхъ законодательствахъ и вытекающаго несомнѣнно изъ природы вещей. По мнѣнію коммиссіи, „въ русскомъ гражданскомъ оборотѣ аренда не сложилась, какъ въ другихъ современныхъ законодательствахъ, въ видѣ особаго договора, отличающагося отъ найма“ (т. II, стр. 3); правильнѣе было бы сказать, что въ нашемъ сводѣ законовъ аренда не могла еще получить надлежащей формулировки, такъ какъ эти законы выработались при крѣпостномъ правѣ, и арендныя отношенія развились въ широкихъ размѣрахъ только послѣ крестьянской реформы. Принимая этотъ естественный пробѣлъ стараго гражданскаго законодательства за черту „дѣйствующаго права“, коммиссія впадаетъ затѣмъ въ другую, болѣе серьезную ошибку; она совершенно произвольно, на основаніи отвлеченныхъ соображеній, рѣшаетъ важные практическіе вопросы, не справляясь съ фактами и вопреки интересамъ и потребностямъ дѣйствительности. Въ видѣ общаго правила устанавливается обязанность нанимателя вносить наемную плату *впередъ*,—„при наймѣ сельскаго имѣнія или иной недвижимости внѣ города на годъ или болѣе—*за шесть мѣсяцевъ*, а при наймѣ на срокъ менѣе года—*за весь срокъ найма*; при наймѣ недвижимости въ городѣ, а также движимыхъ вещей на годъ или болѣе—*за два мѣсяца*, при наймѣ на срокъ менѣе года—за мѣсяцъ, и въ случаѣ найма на срокъ менѣе мѣсяца—за весь срокъ найма“ (ст. 290). Наемъ недвижимости въ городѣ и, въ частности, наемъ квартиры принятъ здѣсь повидимому за образецъ для земельной аренды; но и для найма квартиръ не было надобности назна-

чать плату болѣе чѣмъ за мѣсяцъ впередъ, а при наймѣ земли взносъ арендныхъ денегъ за полгода впередъ немыслимъ уже въ силу особаго хозяйственнаго значенія аренды, предполагающей раздѣлъ полученныхъ продуктовъ между нанимателемъ и собственникомъ. Этотъ элементъ дѣлежа продуктовъ именно и отличаетъ аренду отъ прочихъ видовъ найма имуществъ и не позволяетъ смѣшивать ее съ наймомъ квартиры, какъ это отчасти дѣлаетъ коммиссія. Наемная плата за землю есть не что иное, какъ та доля поземельнаго дохода, которая удѣляется владѣльцу въ силу его права собственности; арендаторъ воздѣлываетъ землю своимъ трудомъ и на свой счетъ, а затѣмъ или дѣлится продуктами съ владѣльцемъ, или уплачиваетъ ему изъ вырученныхъ денегъ точно опредѣленную по условію сумму. Земля не даетъ дохода за полгода впередъ, и, слѣдовательно, объ арендной платѣ за полгода впередъ не можетъ быть и рѣчи,—за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ у насъ случаевъ, когда арендаторами являются капиталисты, располагающіе свободными средствами не только для обработки земли и для веденія хозяйства, но и для взноса денегъ впередъ землевладѣльцу, т.-е. для оказанія ему кредита въ счетъ будущей жатвы.

Удивительно, что именно отсутствіе у насъ класса арендаторовъ-капиталистовъ, существующаго въ западной Европѣ, приводится редакціонною коммиссіею въ доказательство необходимости ввести у насъ принципъ, противорѣчащій общепринятой практикѣ Запада. „По общему правилу, принятому юриспруденціею на Западѣ,—говоритъ коммиссія,—наемная плата предполагается за осуществленное уже пользованіе, а потому, въ случаѣ сомнѣнія, должна быть вносима не впередъ, а по окончаніи срока найма. Такого взгляда придерживалось еще римское право... Большинство современныхъ законодательствъ точно такъ же, въ случаѣ сомнѣнія, опредѣляетъ взносъ наемной платы по истеченіи найма“ (т. II, стр. 39). Но проектъ—говорится далѣе—„не можетъ руководствоваться примѣромъ Запада, гдѣ наемная плата устанавливается за прошедшее время. Тамъ есть почтенное сословіе арендаторовъ, которые располагаютъ капиталами и потому заслуживаютъ довѣрія. Нашъ же мелкій наниматель часто даже не живетъ тамъ, гдѣ онъ нанялъ землю. Когда онъ ушелъ, то все пропало (?). Поэтому, если нужно обезпечивать городскихъ наймодавцевъ, то еще болѣе въ этомъ нуждается сельскій наймодавецъ. Мелкій сельскій наниматель въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакого имущества, на которое наймодавецъ могъ бы имѣть закладное право... При такомъ

положеніи весьма возможно, что если сельскій наниматель будетъ производить наемную плату по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ, а не впередъ, то ко времени наступленія этихъ сроковъ наймодавецъ ничѣмъ не будетъ обезпеченъ. Все имущество, которымъ располагаетъ сельскій наниматель,—это произведенія земли, и если онъ успѣетъ ихъ вывезти, то наймодавецъ останется ни при чемъ" (тамъ же, стр. 40). Отсюда выводъ: для обезпеченія „наймодавца" (терминъ—надо сознаться—неудачный, придуманный коммиссіею для обозначенія хозяина или владѣльца арендуемаго имѣнія), надо со всѣхъ вообще сельскихъ арендаторовъ требовать уплаты денегъ впередъ, т.-е. требовать того, чего они дать не могутъ, по неимѣнію, въ большинствѣ, „никакого имущества", и чего не принято требовать даже съ „почтеннаго сословія" западно-европейскихъ арендаторовъ-капиталистовъ.

Эти соображенія коммиссіи поражаютъ своею странностью. Прежде всего, непонятно, почему законодатель долженъ спеціально безпокоиться объ участи „наймодавцевъ", къ числу которыхъ принадлежатъ вѣдь не одни помѣщики стараго добродушнаго типа, но также люди съ коммерческою жилкою, умѣющіе и безъ того слишкомъ хорошо эксплуатировать всѣ свои преимущества предъ нанимателями. Наше крестьянство, быть можетъ, не столь почтенно, какъ заграничное „сословіе арендаторовъ"; но и наши землевладѣльцы, въ большинствѣ случаевъ, очень мало похожи на иностранныхъ сельскихъ хозяевъ. Ничѣмъ нельзя оправдать то предположеніе недобросовѣстности, которое составители проекта заранѣе бросаютъ въ лицо цѣлому обширному классу нашихъ сельскихъ обывателей. Бѣдность крестьянъ не есть еще достаточный мотивъ къ признанію ихъ не заслуживающими довѣрія, точно также какъ и обладаніе капиталомъ не есть еще доказательство почтенности. Если наниматели не имѣютъ „никакого имущества" и даже опредѣленнаго мѣстожительства, то этому недостатку, очевидно, не поможетъ и преждевременное требованіе съ нихъ арендной платы; но вѣдь ничто и не обязываетъ владѣльца вступать въ сдѣлку съ неимущими бродягами. Гораздо проще—предоставить самимъ „наймодавцамъ" соблюдать осторожность въ выборѣ своихъ арендаторовъ и воздерживаться отъ сдачи земли неизвѣстнымъ или завѣдомо ненадежнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ, по здравому смыслу, отсутствіе денежныхъ средствъ у крестьянъ-арендаторовъ никакъ не можетъ повлечь за собою возложеніе на нихъ закономъ особыхъ, фактически невыполнимыхъ денежныхъ обя-

зательствъ, не вытекающихъ изъ существа арендной сдѣлки. Замѣтимъ еще, что, по проекту, „наемная плата можетъ состоять какъ въ деньгахъ, такъ и въ опредѣленной части произведеній отданнаго въ наемъ имущества (наемъ изъ-полу)“ (ст. 280); а „часть произведеній“, какъ соглашается и коммиссія, можетъ быть отдана владѣльцу только послѣ жатвы. Почему же денежная аренда должна быть поставлена хуже натуральной? Коммиссія нашла неудобнымъ пріурочивать арендные платежи къ уборкѣ урожая, въ виду неопредѣленности, будто бы, этого условія,— такъ какъ „сроки для разсчетовъ по найму несомнѣнно должны быть въ точности опредѣлены“, и притомъ взносы тогда „будутъ все-таки производиться не впередъ, а по истеченіи извѣстнаго времени“ (стр. 41), что признается безусловно нежелательнымъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ. Другими словами, не законы приспособляются къ требованіямъ жизни, а жизнь должна подчиняться желаніямъ и идеямъ составителей законопроектовъ, хотя бы она ломалась при этомъ безпощадно и безцѣльно.

Весьма важный у насъ вопросъ о сбавкѣ наемной платы въ случаѣ неурожая устраняется коммиссіею нѣсколькими общими замѣчаніями, смыслъ которыхъ остается неяснымъ. Французскій кодексъ устанавливаетъ подробныя и точныя правила (ст. 1769—1773) объ освобожденіи арендаторовъ отъ арендной платы или отъ части ея при неурожаѣ,—хотя во Франціи неурожайные годы не имѣютъ характера такихъ стихійныхъ и общихъ бѣдствій, какъ въ Россіи. Проектъ ссылается на сложность французскихъ правилъ, которыя намъ кажутся, напротивъ, чрезвычайно простыми и ясными [1]). „Можно опасаться путаницы въ разсчетахъ сторонъ“; но вѣдь дѣло суда—разобрать эту путаницу,—если она обнаружится,—и разрѣшить возможные споры

---

[1]) Сущность этихъ правилъ сводится къ тому, что въ случаѣ потери не менѣе половины урожая арендаторъ освобождается отъ соотвѣтственной части арендной платы; если же арендный договоръ заключенъ на нѣсколько лѣтъ, то убытки одного года покрываются урожайностью другихъ годовъ, и только при недостаточности такого возмѣщенія потерь къ концу арендаго срока опредѣляется дѣйствительный размѣръ сбавки съ арендной платы; но и до такого подсчета судья можетъ предварительно освободить арендатора отъ взноса части денегъ соотвѣтственно потерянной или недостающей части урожая. Точно такъ же и по итальянскому уложенію (ст. 1617) наниматель можетъ требовать уменьшенія арендной платы, если не менѣе половины годичнаго урожая погибло отъ случайныхъ причинъ.—См. мой докладъ въ „Юридическомъ обществѣ“ 1885 г. о „поземельной собственности съ точки зрѣнія будущаго гражданскаго уложенія“ („Вѣстникъ Европы“, 1885, мартъ и апрѣль), а также статью: „Къ вопросу о новомъ гражданскомъ кодексѣ“ (тамъ же, 1883, августъ).

по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая. Сложность вопроса не оправдываетъ еще устраненія или обхода его въ законѣ, тѣмъ болѣе когда устраненіе или обходъ направлены къ несправедливой выгодѣ однихъ въ ущербъ другимъ. Проектъ находитъ сомнительнымъ даже допущеніе разсрочки наемной платы при неурожаѣ. „Какъ быть, напр.,—спрашиваютъ составители,—когда неурожай имѣлъ мѣсто въ теченіе всего срока найма, заключеннаго на нѣсколько лѣтъ, или же когда наемъ былъ заключенъ на одинъ годъ, который оказался неурожайнымъ?" (стр. 45).

Можно по этому поводу спросить: имѣетъ ли право владѣлецъ требовать своей доли несуществующихъ продуктовъ съ земли, которая по стихійнымъ причинамъ ничего не уродила? Получать съ арендатора часть такого дохода, который уничтоженъ въ зародышѣ независящими отъ человѣка природными бѣдствіями, можетъ только недобросовѣстный „наймодавецъ", пользующійся формальнымъ содержаніемъ договора для незаконнаго обогащенія на чужой счетъ. Если владѣлецъ при неурожаѣ ничего не имѣлъ бы съ даннаго участка земли при собственномъ своемъ хозяйничаньѣ, то онъ очевидно не въ правѣ требовать платы и съ другого лица, которому этотъ участокъ сданъ въ аренду для обработки. На вопросъ, возбудившій почему-то сомнѣніе коммиссіи, данъ прямой и категорическій отвѣтъ французскимъ кодексомъ (ст. 1769 и 1770)—отвѣтъ всецѣло въ пользу арендатора. Рѣшительно недоумѣваемъ, почему постановленія въ пользу крестьянъ, признаваемыя справедливыми и цѣлесообразными въ буржуазной Франціи, считаются неудобными или сомнительными въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ крестьянство составляетъ главную массу населенія.

Основной взглядъ коммиссіи на арендныя отношенія совершенно неправиленъ. Коммиссія полагаетъ, что послѣдствія неурожая не должны касаться владѣльцевъ, сдавшихъ землю въ аренду, такъ какъ „наймодавецъ, отдавая имѣніе въ наемъ, тѣмъ самымъ ограждаетъ себя отъ этихъ случайностей (градобитія, неурожая, падежа скота), а наниматель принимаетъ на себя весь рискъ, изъ сего возникающій, и возможность этихъ бѣдствій обязанъ имѣть въ виду при предложеніи наемной платы" (тамъ же, стр. 45). Этотъ оригинальный и необыкновенно легкій для землевладѣльцевъ способъ ограждать себя отъ бѣдствій неурожая на счетъ пострадавшихъ арендаторовъ противорѣчитъ, однако, элементарнымъ юридическимъ правиламъ, — не говоря уже о справедливости. Во-первыхъ, подобное огражденіе ни въ

какомъ случаѣ не можетъ предполагаться само собою, а должно быть предметомъ особаго условія при заключеніи аренднаго договора, какъ это прямо постановлено, напр., въ французскомъ кодексѣ (ст. 1773), и, слѣдовательно, владѣлецъ, сдавая землю въ наемъ, „тѣмъ самымъ" нисколько не гарантируетъ себя отъ потерь, причиняемыхъ стихійными силами природы: онъ только обезпечиваетъ себѣ обработку земли и полученіе части ея продуктовъ деньгами или натурой. Во-вторыхъ, еслибы собственникъ имѣнія, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ малоземельныхъ крестьянъ, заранѣе выговорилъ себѣ право на полную арендную плату и при неурожаѣ, то онъ легко подпалъ бы подъ дѣйствіе правила, формулированнаго слѣдующимъ образомъ въ другой части проекта: „къ обману приравниваются тѣ случаи, когда кто-либо, злоупотребляя оказываемымъ ему довѣріемъ или принадлежащею ему властью, или пользуясь легкомысліемъ, слабостью воли, неопытностью, нуждою, либо несчастіемъ другого, заключитъ съ нимъ явно невыгодный для него договоръ" (ст. 31). Сбавка арендной платы при гибели жатвы отъ стихійныхъ причинъ не имѣетъ ничего общаго съ „благотворительностью", а разсрочка платежа при неурожаѣ не есть „снисхожденіе" къ нанимателю, какъ думаетъ коммиссія; напротивъ, добывать съ крестьянъ-арендаторовъ доходъ для владѣльца въ голодный годъ —значитъ принуждать ихъ къ благотворительности въ пользу собственника, что на практикѣ даже неосуществимо.

Односторонняя забота объ обезпеченіи интересовъ хозяевъ и „наймодавцевъ" не соотвѣтствуетъ истиннымъ задачамъ общаго гражданскаго уложенія. Законы пишутся не только для землевладѣльцевъ и капиталистовъ, или для какого-либо отдѣльнаго класса лицъ, а для всего народа, въ томъ числѣ и для крестьянъ, арендующихъ землю у владѣльцевъ. Всѣ справедливые интересы, чьи бы они ни были, должны находить себѣ охрану въ законодательствѣ. Статьи проекта о наймѣ сельскихъ имуществъ уничтожили бы у насъ мелкую крестьянскую аренду или сдѣлали бы ее невозможною и разорительною для арендаторовъ, если бы получили обязательное и повсемѣстное примѣненіе въ дѣйствительности; но проектъ предоставляетъ въ этой области широкій просторъ договорнымъ соглашеніямъ и мѣстнымъ обычаямъ, такъ что предположенныя законныя правила могли бы остаться мертвой буквой. Однако, было бы не совсѣмъ логично устанавливать гражданскіе законы, способные вызывать надежду и желаніе, чтобы они какъ можно рѣже примѣнялись на практикѣ.

III.

Рядомъ съ ошибочнымъ представленіемъ о необходимости спеціальной охраны владѣльческихъ интересовъ, замѣчается въ проектѣ чрезмѣрная иногда готовность охранять интересы промышленные и коммерческіе, даже въ ущербъ землевладѣнію.

Такъ, напримѣръ, проектъ „вотчиннаго устава“, изъ уваженія къ требованіямъ кредита, не допускаетъ спора противъ пріобрѣтателей какихъ-либо правъ по имѣнію, когда эти права основаны на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, внесенныхъ въ „вотчинную книгу“. „Положимъ,—говоритъ коммиссія,—продается или закладывается имѣніе лицомъ, которое хотя и числится по вотчинной книгѣ собственникомъ, но которому имѣніе въ дѣйствительности не принадлежитъ. Въ силу общихъ началъ гражданскаго права подобная продажа или залогъ должны быть признаны недѣйствительными, какъ совершенные не собственникомъ. Но въ такомъ случаѣ пострадаютъ интересы лицъ, купившихъ имѣніе или давшихъ деньги подъ залогъ его въ полномъ убѣжденіи, что имѣютъ дѣло съ собственникомъ. Такое убѣжденіе было вызвано въ нихъ вотчинною книгою, и ставить имъ его въ вину, признавъ ихъ права недѣйствительными, было бы несправедливо и значило бы поколебать прочность правъ, пріобрѣтаемыхъ по вотчинной книгѣ, и *отклонить капиталистовъ отъ помѣщенія капиталовъ въ земельной собственности и подъ залогъ имѣній*, что, очевидно, шло бы въ разрѣзъ съ основными цѣлями вотчинной системы“ (Проектъ вотчиннаго устава, т. I, стр. 67—8).

Мысль о привлеченіи капиталистовъ кажется коммиссіи столь существенно важною, что ради этого она находитъ возможнымъ, не задумываясь, пожертвовать не только „общими началами гражданскаго права“, но и реальнымъ правомъ собственника, отнявъ у него даромъ имѣніе. Коммиссія пытается даже оправдать такую мѣру съ точки зрѣнія справедливости. „Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро устройство вотчинныхъ книгъ даетъ каждому возможность слѣдить за тѣмъ, чтобы въ вотчинной книгѣ значилось его право и не вносилось въ нее ничего этому праву противнаго, то невнесеніе даннаго права въ книгу должно быть приписано небрежности обладателя этого права, почему и утрата имъ своего права не является, по отношенію къ нему, несправедливостью, а есть послѣдствіе его собственной вины“ (стр. 69—70). Не слишкомъ ли это суровая кара за предполагаемую небрежность, которой въ дѣйствительности можетъ и не быть? При на-

шихъ разстояніяхъ и при нашихъ путяхъ сообщеній, владѣльцы земель гдѣ-нибудь въ глуши лишены были бы физической возможности слѣдить за веденіемъ „вотчинныхъ книгъ“ въ уѣздномъ городѣ, а малое знакомство обывателей съ законами и безграмотность массы населенія дѣлали бы эту „небрежность“ общимъ правиломъ. Наконецъ, кто отвѣчалъ бы за небрежность или прямыя злоупотребленія чиновниковъ „вотчиннаго установленія“? Коммиссія упустила изъ виду, что „невыгодныя послѣдствія“ спора для пріобрѣтателей имѣній или для закладчиковъ могутъ заключаться лишь въ отмѣнѣ заключенной сдѣлки, съ возвратомъ денегъ и съ правомъ отыскивать убытки съ кого слѣдуетъ,—тогда какъ для владѣльца дѣло идетъ о внезапномъ, ничѣмъ не оправдываемомъ лишеніи собственности и, быть можетъ, всего имущества. Съ одной стороны, капиталисту грозитъ только маленькое неудобство или разочарованіе, безъ денежныхъ потерь, а съ другой—владѣлецъ имѣнія превращается въ нищаго, причемъ его законныя права завѣдомо приносятся въ жертву интересамъ и выгодамъ капиталиста.

Хорошо еще, что составители проекта дѣлаютъ оговорку относительно недобросовѣстныхъ пріобрѣтателей и заимодавцевъ, которымъ заранѣе извѣстна невѣрность данныхъ „вотчинной книги“. По справедливому замѣчанію коммиссіи, „*для цѣлей кредита* нѣтъ никакой нужды покровительствовать недобросовѣстнымъ сдѣлкамъ. Серьезный кредитъ требуетъ лишь поощренія тѣхъ, кто ищетъ помѣщенія свободныхъ капиталовъ въ недвижимой собственности, путемъ ли пріобрѣтенія имѣній, или обезпеченія займовъ, въ предположеніи получить соразмѣрный капиталу эквивалентъ“ (стр. 73). Но дѣло въ томъ, что привлеченіе капиталистовъ къ сдѣлкамъ и оборотамъ, касающимся поземельной собственности, составляетъ весьма сомнительное благо для землевладѣнія и сельскаго хозяйства и во всякомъ случаѣ не должно бы входить въ кругъ заботъ составителей гражданскаго уложенія.

Та же ошибочная промышленная точка зрѣнія выражается и въ нѣкоторыхъ частяхъ книги объ обязательствахъ. Напримѣръ, недобросовѣстный кредиторъ, получивъ отъ должника уплату долга безъ возвращенія ему долгового документа, уступаетъ этотъ документъ за деньги другому лицу, которому ничего не извѣстно о произведенной уже уплатѣ; въ такомъ случаѣ должникъ „не освобождается отъ отвѣтственности передъ добросовѣстнымъ и возмезднымъ пріобрѣтателемъ требованія“ (ст. 144), т. е., онъ обязанъ платить вторично только потому, что пога-

шенное долговое требованіе перешло въ другія руки. Точно также должникъ лишается права „приводить возраженія о безденежности заемнаго письма или иного долгового акта противъ лица, добросовѣстно и возмездно пріобрѣвшаго требованіе по акту“ (ст. 148). Это ограниченіе должника, какъ полагаетъ коммиссія, „необходимо допустить *въ видахъ поддержанія кредита и облегченія обмѣна цѣнностей*“ (т. I, стр. 318).

Въ сущности, продажа оплаченнаго долгового документа, оставшагося почему-либо у кредитора, есть мошенничество, за которое долженъ отвѣчать только продавецъ; такая сдѣлка столь же недѣйствительна, какъ и продажа краденыхъ вещей, и интересы промышленнаго оборота были бы достаточно ограждены несомнѣннымъ правомъ пріобрѣтателя взыскать уплаченную имъ сумму и убытки съ продавца. Должникъ, имѣющій отъ кредитора росписку въ полученіи денегъ, не можетъ по справедливости считаться обязаннымъ платить вторично, и никакія посторонніе соображенія не оправдываютъ признанія его отвѣтственности за незаконный поступокъ бывшаго вѣрителя. Равнымъ образомъ, выданный кѣмъ-либо безденежный актъ не теряетъ своего первоначальнаго характера безденежности—вслѣдствіе перехода документа къ постороннему лицу. Поощреніе дисконтеровъ, занимающихся скупкою чужихъ векселей, принято коммиссіею за „поддержаніе кредита“, а торговля долговыми обязательствами частныхъ лицъ возведена на степень чего-то весьма значительнаго, достойнаго всевозможныхъ мѣръ покровительства. Мы остаемся при убѣжденіи, что заботы объ оживленіи кредита и обмѣна цѣнностей можно бы всецѣло предоставить компетентному по этой части вѣдомству—министерству финансовъ и его экономической политикѣ.

Впрочемъ, проектъ не всегда одинаково относится къ интересамъ промышленнаго оборота;—крайне предупредительный къ дисконтерамъ и закладчикамъ, онъ сурово осуждаетъ биржевую спекуляцію и отказываетъ въ законной защитѣ сдѣлкамъ на срокъ или на разницу (ст. 1001—1002, т. V, стр. 231 и слѣд.), хотя и эти сдѣлки часто способствуютъ „поддержанію кредита“ и живому обмѣну цѣнностей.

Рѣшеніе коммиссіи включить постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ въ общее гражданское уложеніе имѣетъ за себя весьма вѣскіе мотивы; но оно не могло не отразиться на самомъ характерѣ проекта, въ смыслѣ преобладанія, въ нѣкоторыхъ его отдѣлахъ, торгово-промышленной точки зрѣнія, несогласной съ интересами народной массы. Сближеніе торговаго права съ

обще-гражданскимъ послѣдовало въ проектѣ—какъ говоритъ коммиссія—„на почвѣ такихъ правилъ, которыя, удовлетворяя потребностямъ торговаго оборота, въ то же время являются полезными и необходимыми и для всего гражданскаго оборота. По общему признанію, торговому законодательству присуще стремленіе къ установленію правилъ, содѣйствующихъ *быстрому заключенію и исполненію договоровъ*, къ освобожденію отъ *формальностей и ограниченій*, имѣющихъ характеръ опеки, къ предоставленію возможно большаго простора суду,—словомъ, стремленіе къ достиженію матеріальной справедливости и добросовѣстности въ отношеніяхъ сторонъ... Эти цѣли, конечно, не чужды и общегражданскому законодательству; онѣ положены въ основаніе правилъ настоящаго проекта объ обязательствахъ" (т. I, стр. XXXVI). Но „быстрое заключеніе и исполненіе договоровъ", вызываемое условіями дѣятельности торговаго класса, совершенно не отвѣчаетъ потребностямъ хозяйственной жизни остального населенія, особенно земледѣльческаго, и чаще всего усиливаетъ лишь преимущества капиталистовъ и промышленниковъ предъ другими элементами общества. Постановленія, имѣющія характеръ опеки, могутъ оказаться необходимыми для огражденія безграмотнаго крестьянства отъ эксплуатаціи, хотя бы онѣ были и стѣснительны для лицъ торговаго класса; сама коммиссія, какъ мы видѣли, распространяетъ опеку и на ту часть общества, которая можетъ заниматься биржевой игрой, и которая, конечно, наименѣе нуждается въ опекѣ.

IV.

Въ проектѣ очень часто дѣлаются указанія на обычаи, которыми предоставлено руководствоваться при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ на практикѣ; но эти ссылки остаются всегда неопредѣленными и предполагаютъ еще выясненіе сущности тѣхъ нормъ обычнаго права, которыя могутъ быть примѣнены въ данномъ случаѣ. Нигдѣ не видно попытки привести въ извѣстность существующее обычное право и воспользоваться имъ прямо для внесенія какихъ-либо житейскихъ правилъ въ законъ; а многочисленныя изслѣдованія крестьянскаго быта, особенно земскіе статистическіе сборники, давали бы полезный матеріалъ для обобщеній и выводовъ по многимъ вопросамъ гражданскаго права. Извлечь этотъ матеріалъ изъ массы спеціальныхъ изданій было бы въ высшей степени своевременно при предваритель-

ныхъ работахъ по составленію гражданскаго уложенія. Даже въ сборникѣ сенатора С. В. Пахмана, на который нерѣдко ссылается коммиссія, можно бы найти положенія, вполнѣ пригодныя для цѣлей гражданскаго законодательства, и наше обычное право, при всемъ его несовершенствѣ, заняло бы свое законное мѣсто въ числѣ источниковъ уложенія, на ряду съ иностранными кодексами и трудами ученыхъ юристовъ. Простая ссылка на обычай, предполагаемый неизвѣстнымъ, вноситъ только неопредѣленность въ постановленія закона.

Неопредѣленность присуща и многимъ отдѣльнымъ статьямъ проекта. Въ правилахъ о личномъ наймѣ отсутствуетъ указаніе на максимальную продолжительность рабочаго дня; относительно несовершеннолѣтнихъ допускается прекращеніе судомъ договора ранѣе условленнаго срока, „если принятыя несовершеннолѣтнимъ обязательства *непомѣрно тягостны* для него“ (ст. 422); но возможность такихъ непомѣрно тягостныхъ сдѣлокъ была бы отчасти предупреждена положительнымъ ограниченіемъ количества работы, котораго наниматель въ правѣ требовать отъ нанявшагося. Понятіе о „непомѣрно тягостномъ“ весьма растяжимо, и не только несовершеннолѣтніе, но и взрослые рабочіе едва ли въ состояніи были бы доказывать предъ судомъ чрезмѣрную обременительность принятыхъ на себя обязательствъ; обращеніе къ судебной власти было бы рѣдкимъ исключеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно неизбѣжно соединялось бы съ рискомъ неудачи.

Домашняя прислуга, по неточному выраженію коммиссіи, предоставляетъ въ распоряженіе хозяина *„все свое время“* (т. II, стр. 356, 358 и др.), что̀ и немыслимо, и физически неосуществимо. „Прислуга обязана почтительно относиться къ хозяину, членамъ его семьи и лицамъ, которымъ хозяинъ ввѣрилъ надзоръ за прислугою. Въ отношеніи посѣщающихъ хозяина лицъ прислуга обязана соблюдать вѣжливость и услужливость“ (ст. 430). Такое нравственное наставленіе вполнѣ излишне въ законѣ, ибо почтительности и вѣжливости нельзя требовать по суду; притомъ интересы хозяина достаточно гарантируются предоставленнымъ ему правомъ „немедленно уволить прислугу“ въ случаѣ ея грубости, пьянства или буйства (ст. 437). Съ своей стороны, „хозяинъ, въ случаѣ необходимости, долженъ оказывать прислугѣ покровительство и защиту; онъ долженъ хорошо съ нею обращаться и не въ правѣ оскорблять ее дѣйствіемъ или бранными словами. Однако, если хозяинъ употребитъ относительно прислуги *рѣзкія укорительныя выраженія*, вызванныя ослушаніемъ,

нерадѣніемъ или непочтительностью прислуги, то онъ подлежитъ отвѣтственности за обиду лишь въ томъ случаѣ, если употребленныя имъ выраженія позорятъ честь прислуги" (ст. 433). Наклонность употреблять „рѣзкія укорительныя выраженія" относительно подвластныхъ лицъ соотвѣтствуетъ, конечно, нашему „обычному праву", но обычаи этого рода не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые съ пользою могли бы быть внесены въ уложеніе. Возлагая на прислугу обязанность быть вѣжливой, нелогично въ то же время уполномочивать хозяина быть грубымъ и рѣзкимъ; да и не дѣло гражданскаго уложенія отнимать у кого бы то ни было или ограничивать законное право на судебную защиту отъ обидъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ о наказаніяхъ.

Большой заслугой составителей проекта слѣдуетъ считать созданіе нормъ для цѣлаго ряда институтовъ и явленій гражданскаго права, почти не затронутыхъ дѣйствующимъ законодательствомъ или бывшихъ только предметомъ случайныхъ и разрозненныхъ постановленій. Въ проектъ вошли правила объ артеляхъ, о страхованіи, о пожизненной рентѣ, о разныхъ видахъ товарищества, объ обществахъ и клубахъ, о договорахъ по перевозкѣ, объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ за несчастные случаи, о наймѣ приказчиковъ, рабочихъ и прислуги,—равно какъ и о многихъ торговыхъ сдѣлкахъ, имѣющихъ общее значеніе,—напр., о коммиссіи, о чекахъ, бумагахъ на предъявителя и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ разработаны превосходно. Только одно обстоятельство даетъ поводъ къ недоумѣнію: коммиссія старательно трудилась надъ составленіемъ правилъ объ акціонерныхъ обществахъ, и включила эти правила въ проектъ уложенія, снабдивъ ихъ обширными комментаріями (т. IV, стр. 1—400),—тогда какъ одновременно работала по этому же предмету другая коммиссія, назначенная въ 1894 году при министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ г. Цитовича, и успѣвшая уже въ 1898 году обнародовать свой проектъ объ акціонерныхъ компаніяхъ. Упоминая о трудахъ этой параллельно дѣйствовавшей коммиссіи (тамъ же, стр. 6—9), составители проекта гражданскаго уложенія ничѣмъ не объясняютъ этой непонятной двойственности законодательныхъ работъ по одному и тому же вопросу. Въ другомъ случаѣ—относительно вексельнаго устава—коммиссія замѣчаетъ, что „для векселя отведено также мѣсто въ проектѣ, но не постановлено никакихъ правилъ въ виду того, что проектъ вексельнаго устава составленъ уже особою коммиссіею и вносится отдѣльно на ува-

женіе государственнаго совѣта" (т. I, стр. XXXVI). Очевидно, министерство финансовъ приступило къ пересмотру акціонернаго законодательства, не зная, что этимъ дѣломъ занимается уже коммиссія по составленію гражданскаго уложенія, и послѣдняя, въ свою очередь, не имѣла свѣдѣній о законодательной попыткѣ, предпринятой финансовымъ вѣдомствомъ, хотя о коммиссіи г. Цитовича своевременно сообщали всѣ газеты. Разбросанность функцій по изготовленію законопроектовъ въ разныхъ вѣдомствахъ и происходящій отсюда недостатокъ единства и общаго плана въ законодательныхъ работахъ ярко характеризуются указаннымъ фактомъ; но коммиссія по составленію гражданскаго уложенія, разумѣется, нисколько не отвѣтственна за существующія аномаліи въ условіяхъ законодательной дѣятельности,—аномаліи, крайне усложняющія и безъ того трудную задачу коммиссіи.

Л. Слонимскій.

ЛАВИНА

РАЗСКАЗЪ.

— M. Serao, „Racconti".

I.

Преподаватель исторіи Алессандро де-Перута только-что кончилъ свой утренній урокъ въ третьемъ классѣ „Королевскаго женскаго института". Донна Альфонсина Барракарачіолло,—классная дама,—существо блѣдное, худосочное, угрюмое, проводила учителя вдоль по длинному сводчатому корридору, который сбоку огибалъ садъ и кончался большою передней съ монастырской обстановкой,—дубовыми скамьями и широкимъ чернымъ столомъ.

Тутъ классная дама остановилась, тихимъ голосомъ сказала учителю:—Прощайте!—и удалилась, худенькими пальцами своей тонкой руки приглаживая свои жидкіе блѣдно-русые волосы.

Стоя у чернаго стола, Алессандро де-Перута нагнулся надъ нимъ всѣмъ своимъ неказистымъ, золотушнымъ тѣломъ.

Низко наклонилъ онъ надъ бумагой свою большую голову съ желтовато-блѣднымъ лицомъ и принялся медленно выводить свою фамилію на листѣ бумаги, гдѣ росписывались учителя, а привратница Барбарелла продолжала невозмутимо вязать носокъ. Въ ту самую минуту, когда учитель прикладывалъ къ подписи пропускную бумагу, въ сѣняхъ вдругъ появилась учительница рукодѣлія, высокая и толстая донна Клоринда Фазуло. Ея добродушныя, лоснящіяся щеки вѣчно смѣялись, а станъ

былъ до того затянутъ въ платье, плотно облегавшее ея круглыя плечи, что при малѣйшемъ движеніи ея полныхъ рукъ страшно становилось, какъ бы не лопнули швы на лифѣ.

— Здравствуйте! Здравствуйте!—весело привѣтствовала она уходившаго учителя:—Можете вы со мной потолковать минутку?

— Съ удовольствіемъ! — отозвался маленькій, тщедушный человѣчекъ, съ восторженнымъ почтеніемъ любуясь ея дородностью и силой.

— Окажите мнѣ одолженье. Вы знаете банкъ Руффо Сциллы?

— Нѣтъ, синьора, — возразилъ онъ съ неопредѣленною улыбкой:—никакихъ банковъ не знаю.

— Ну, все равно! Вотъ вамъ адресъ; мнѣ кажется, это вамъ будетъ по дорогѣ. Такъ если это васъ не затруднитъ, внесите туда вотъ эти семьсотъ лиръ. Триста лиръ на имя сестры моей, Елизаветы Фазуло, и четыреста—на мое, т.-е. Клоринды Фазуло.

— Значитъ, это сберегательная касса?—Мнѣ придется получить двѣ книжки или одну?

— Нѣтъ, это не касса. Маргерита Ломбарди внесла туда въ прошломъ мѣсяцѣ сто-пятьдесятъ лиръ, и ей дали простую росписку, но со штемпелемъ банка, съ четырьмя или пятью подписями. Наша экономка, Терезина Фарнезе, и Филомена Сконьямиліо (преподавательница въ младшихъ классахъ)—тоже. Обѣ получили простую росписку,—и только. Перваго числа каждаго мѣсяца выдается по двѣнадцати лиръ процентовъ на сто.

— Двѣнадцать процентовъ мѣсячныхъ на капиталъ въ сто лиръ?!..—воскликнулъ пораженный учитель.

— Да, да: двѣ-на-дцать лиръ! — проговорила она, смѣясь такъ громко, что отъ смѣху еще больше покраснѣло и залоснилось ея круглое лицо.

— Но мнѣ это представляется совершенно невозможнымъ!—продолжалъ Перўта.

— А вотъ Маргерита Ломбарди, Терезина Фарнезе и Филомена Сконьямиліо уже получили!—побѣдоносно повторила Клоринда.

— Въ такомъ случаѣ тутъ что-нибудь да нечисто!—робко пробормоталъ историкъ, никогда не произносившій громкимъ голосомъ своихъ категорическихъ мнѣній.

— Ну, вотъ еще! Руффо Сцилла дворянинъ и честный человѣкъ; у насъ воспитываются его двѣ племянницы.

— Но какъ можно давать такіе баснословные проценты?

Клоринда примолкла на минуту; затѣмъ оглянулась вокругъ и тихо, почти на ухо учителю, проговорила:

— Руффо Сцилла ведетъ дѣла съ Ротшильдомъ. Это деньги Ротшильда.

— А!—съ удивленіемъ протянулъ де-Перута.

Тѣмъ не менѣе, его чистая совѣсть и прямота возмущались, и онъ еще попытался возразить:

— Почему вы не пойдете сами внести эти деньги?

— Потому что мы свободны только по воскреснымъ днямъ, но въ эти дни банкъ закрытъ... А жаль! Толпа, должно быть, стоитъ всегда большая у банка... Всякій, я думаю, захочетъ воспользоваться такимъ счастливымъ случаемъ. Мы тоже хотимъ помѣстить туда наши маленькія сбереженія, скопленныя за два года. Вы понимаете, конечно, что при нашемъ жалованьѣ въ тридцать—сорокъ лиръ много не отложишь. Какъ же вы хотите, чтобы мы не вносили эти деньги въ банкъ Руффо Сциллы?

— Я къ вашимъ услугамъ; но, все-таки, я предпочелъ бы, чтобъ вы сами произвели этотъ взносъ. Какъ знать? Можетъ быть, вамъ придется раскаяться; можетъ случиться какая-нибудь бѣда...

— Когда такая „персона" вмѣшается въ дѣло,—прибавила Клоринда съ лукавымъ подмигиваніемъ, которое должно было намекать на отсутствующаго барона Ротшильда:—остальные могутъ спать спокойно.

— Я къ вашимъ услугамъ!—повторилъ въ заключеніе учитель, и принялся натягивать свои вязаныя шерстяныя перчатки.

Во что бы то ни стало, онъ всегда считалъ необходимымъ поддерживать дружескія отношенія съ персоналомъ института. Но, переступивъ за порогъ главнаго крыльца, онъ почувствовалъ, что для него настоящая пытка—ощущать въ карманѣ присутствіе семисотъ лиръ Клоринды Фазуло. Бѣдняга! Когда ему случалось имѣть въ карманѣ такой капиталъ? Никогда въ жизни не было у него въ рукахъ столько своихъ или хотя бы чужихъ денегъ. Занимаясь въ двухъ училищахъ и давая нѣсколько частныхъ уроковъ, де-Перута едва-едва могъ дотянуть свой ежемѣсячный заработокъ до ста-семидесяти лиръ; и на эти деньги ему приходилось, кромѣ самого себя, содержать еще мать и сестру, которыя жили въ Джиффони-Валлепьяно въ Чилентѣ.

Нѣтъ, отроду не видывалъ онъ, жалкій бѣдняга-учитель, такой громадной суммы! Жить ему приходилось въ убогой меблированной комнаткѣ подъ небесами, надъ самой крышей гигантскаго палаццо Каріати, который возвышается на улицѣ

Конкордія, а фасадомъ заворачиваетъ также на „Корсо Виктора-Эммануила". Въ этомъ просторномъ зданіи ютятся два совершенно противоположныхъ міра: міръ богачей и міръ бѣдняковъ.

Несмотря на дальность разстоянія, Алессандро де-Перута плелся себѣ пѣшкомъ, чтобы не тратить на проѣздъ по конкѣ трехъ „сольди", и всю дорогу тревожно ощупывалъ свой карманъ, въ который онъ спряталъ потертый черный кожаный бумажникъ съ деньгами сестеръ Фàзуло.

„Могутъ вѣдь украсть у меня эти семьсотъ лиръ! Я могу ихъ потерять!"

Одна мысль объ этомъ заставляла несчастнаго учителя блѣднѣть, или, вѣрнѣе говоря, отъ нея еще болѣе желтѣло его лицо, выцвѣвшее, какъ пергаментъ, несмотря на сравнительно молодые годы: ему не было еще полныхъ тридцати лѣтъ.

Ему хотѣлось бѣгомъ побѣжать въ банкъ,—прямо въ банкъ, и, не медля ни минуты, внести туда эти деньги, присутствіе которыхъ причиняло ему ужаснѣйшія муки. Но на это надо время, а на такой дальній конецъ, какъ палаццо Фаучитано, въ которомъ помѣщается банкъ на площади делла-Карита̀, времени не хватитъ. Надо сначала зайти дать урокъ ученикамъ второго курса „Нормальнаго" училища и заглянуть въ книжный магазинъ Филиппа Гамбарделла на улицѣ Св. Троицы, чтобы взять на прочтеніе одинъ томъ исторіи Муратори, какъ онъ это дѣлалъ зачастую. Но теперь, даже выжидая, пока ему подадутъ требуемую книгу, онъ только о томъ и думалъ, чтобы придерживать рукой карманъ.

Хозяинъ магазина, связывая веревкой кипы учебниковъ начальной грамматики, слушалъ своего собесѣдника, высокаго, довольно изящно одѣтаго, молодого блондина, Гаэтанино Страче.

— Вотъ я и понесу туда пять тысячъ лиръ по порученію дона Антоніо,—говорилъ послѣдній.

— Еще бы! Онъ можетъ вносить такія суммы, — и даже бо̀льшія,—замѣтилъ какой-то невысокаго роста старичокъ, который во времена Бурбоновъ служилъ въ интендантствѣ и теперь жилъ на пенсію, въ отставкѣ. Каждый день онъ заходилъ въ книжную торговлю дона Филиппа и проводилъ тамъ часа два-три, то сидя, то стоя въ неподвижной позѣ, всегда угрюмый и безмолвный; онъ говорилъ не больше одной фразы въ полчаса.

— А вы, донъ Филиппъ?—заискивающимъ голосомъ спросилъ молодой человѣкъ:—неужели вы такъ ничего и не внесете въ банкъ?

— Мое дѣло—продавать книги!—отозвался Гамбарделла; но въ голосѣ его слышалась нерѣшимость.

— Пари держу, что завтра вы рѣшитесь!—смѣясь, замѣтилъ Гаэтанино:—Хотите, я зайду?

— Что такъ? Вы развѣ тоже банкиръ?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, я не банкиръ,—съ видомъ себѣ на умѣ возразилъ тотъ:—Я другъ Руффо Сциллы. Впрочемъ, это я дѣлаю не столько для его, сколько для вашего успокоенія,—прибавилъ онъ.

— Конечно, конечно...—пробормоталъ старичокъ-отставной: —Двѣнадцать процентовъ—дѣло хорошее!

— Даже слишкомъ хорошее!—пробормоталъ Гамбарделла, все еще сомнѣваясь.

— Намъ нѣчего бояться! Намъ нѣчего бояться! — весело вскричалъ молодой человѣкъ:—Это деньги англійскія; онѣ идутъ изъ Англіи.

— А моего Муратори, вы такъ и не дадите мнѣ сегодня?— перебилъ ихъ де-Перута, въ которомъ опять проснулась его прежняя тревога.

— Минутку терпѣнія, и я къ вашимъ услугамъ,—отозвался книгопродавецъ.

Стараче вышелъ изъ магазина, все еще продолжая смѣяться, и повторяя, что зайдетъ, непремѣнно зайдетъ завтра. Хозяинъ принялся доставать томъ Муратори.

— Вы что-нибудь внесете въ банкъ?—спросилъ его де-Перута.

— Какъ знать?—отозвался тотъ, спускаясь съ лѣстницы:— Можетъ быть и внесу небольшую сумму.

— Вы не боитесь риска?

— Лотерея—тотъ же рискъ, — вмѣшался опять старикъ.— А между тѣмъ, она установлена правительствомъ, и всѣ въ ней участвуютъ. Мнѣ очень бы хотѣлось копить.

— Впрочемъ, вѣдь этотъ банкъ—спекуляція англійская,— шепнулъ Гамбарделла:—А эти англичане деньги лопатами такъ и загребаютъ.

— Англійская спекуляція?! А мнѣ называли Ротшильда,— все еще не довѣряя, возразилъ учитель.

— Ротшильда? Ну, въ такомъ случаѣ тѣмъ лучше! Мы еще тверже стоимъ на этой почвѣ. Вотъ видите, Руффо Сцилла знаетъ, какъ дѣлать дѣла.

Алессандро де-Перута ушелъ, все-таки не успокоенный и не разубѣжденный; а отставной интендантъ остался, думая про себя, что военное министерство сдѣлало бы лучше, еслибъ выдавало отставнымъ не пенсію, а прямо единовременный капиталъ.

„Будь у меня этотъ капиталъ, Руффо Сцилла сдѣлалъ бы меня богачомъ!“—думалъ старикъ.

Между тѣмъ, учитель исторіи добрался до Нормальнаго училища и поднялся вверхъ по сѣрой и мрачной лѣстницѣ, которая такою именно казалась въ это ноябрьское утро. Отъ природы сутуловатый, нервный, болѣзненный, де-Перута чувствовалъ сегодня особенную тяжесть въ своемъ черномъ бумажникѣ, который свинцомъ давилъ ему грудь. Ужъ конечно у него неудачно пройдетъ урокъ на этотъ разъ; у него—такого трудолюбиваго, такого добросовѣстнаго, всегда старающагося, чтобы какъ можно лучше выполнить свою плохо-оплачиваемую службу. Въ конторѣ управленія, такой же мрачной и сырой, какъ всѣ остальныя помѣщенія училища, де-Перута встрѣтился съ преподавателемъ словесности, толстымъ, приземистымъ человѣчкомъ; онъ бесѣдовалъ въ полголоса съ начальникомъ училища, который, наоборотъ, казался еще выше и тоньше въ своей священнической рясѣ.

„Что это значитъ? Какъ будто они прошептали имя Сциллы?“—подумалъ де-Парута.

Или это имя ужъ превратилось у него въ пунктъ помѣшательства? Или это просто галлюцинація слуха?.. Но даже въ перешептываніи учащихся, въ ихъ пересмѣиваніи и перебрасываніи записочками,—вездѣ ему чудилось, что волненію его учениць не совсѣмъ чуждъ вопросъ о банкѣ Сциллы. Глядя на усилія дѣвицъ незамѣтно прочесть записочку и сдержать улыбку, подавляя юношески-безпричинный смѣхъ, — бѣдняку учителю все казалось не спроста.

„Онѣ вѣдь приходящія; онѣ пришли сюда прямо изъ дому и, конечно, у себя въ семьѣ, изъ разговора отца съ матерью, изъ слуховъ, схваченныхъ налету—на улицѣ или въ гостяхъ, ужъ гдѣ-нибудь да слышали про банкъ и его операціи“...

Напрасно просилъ онъ, умолялъ дѣвицъ успокоиться; напрасно звучалъ его голосъ сперва лаской, а затѣмъ даже угрозой. Онъ не могъ побѣдить своей совершенно необычной раздраженности, которая больше всего присуща людямъ слабымъ, обиженнымъ здоровьемъ и судьбою. Рѣшительно ничто не могло обуздать неповиновеніе дѣвицъ. Въ сущности, онѣ его нисколько не боялись: несмотря на его нервность и раздражительность, онѣ знали, что онъ добродушенъ, какъ дитя; его робость и болѣзненная слабость мѣшали ему внушать уваженіе къ учителю въ средѣ этихъ еще юныхъ, но уже смѣлыхъ дѣтей народа. Онъ ждалъ не дождался той минуты, когда урокъ его придетъ къ

концу, и онъ побѣжитъ скорѣй, скорѣй въ палаццо Фаучитано, освободитъ свой карманъ отъ этихъ ужасныхъ денегъ, которыя его такъ тревожатъ. Скорѣй бы внести ихъ въ банкъ и больше не думать о его дерзкихъ, подозрительно смѣлыхъ операціяхъ, которыя тревожили и пугали его совѣсть,—совѣсть честнаго человѣка, никогда не бравшаго на душу ни грѣха, ни какой бы то ни было сомнительной сдѣлки.

О, какъ онъ былъ счастливъ, когда пробило одиннадцать часовъ, и дѣвицы, видя, что учитель встаетъ, сами вскочили, ухватясь за новый предлогъ потѣсниться и пошумѣть:

— До свиданья, г. учитель! До свиданья!—кричали онѣ всѣ за-разъ.

Еще минута, другая, и онъ ужъ летитъ по улицѣ какъ стрѣла, все время чувствуя, что черный бумажникъ давитъ ему грудь и возбуждаетъ въ немъ непрерывную тревогу.

Но вотъ и палаццо Фаучитано. Его роскошный, широкій дворъ и богато отдѣланная лѣстница нѣсколько ободрили бѣдняка-учителя. Еще пять минутъ—и его мука прекратится; а затѣмъ онъ пойдетъ себѣ немножко пройтись передъ тѣмъ, какъ засѣсть въ Публичной библіотекѣ за справки, необходимыя для его большого труда по исторіи, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь.

II.

Поднимаясь вверхъ по роскошной лѣстницѣ банка, Алессандро де-Перута замѣтилъ, что многіе, подобно ему, шли въ банкъ; многіе выходили. Народъ кишмя кишѣлъ въ большой, длинной залѣ, передѣленной пополамъ ясеневой перегородкой, въ которой было три окошечка для пріема вкладовъ и три—для выдачи процентовъ. У первыхъ трехъ—вкладчики давили другъ друга, спѣшили, волновались; у вторыхъ—было почти пусто.

Та часть залы, куда входила публика, была обставлена съ особымъ изяществомъ, въ чисто-финансовомъ вкусѣ—темно-синей бархатной мебелью съ позолотой. Артельщики двигались въ публикѣ; такъ и мелькали ихъ темно-синія ливреи и воротники съ золотыми буквами, гласившими: „Банкъ Руффо Сциллы“. Все прибывавшіе вкладчики тѣснились, высоко поднимая руки съ пучками желтыхъ, голубыхъ, сѣрыхъ и др. бумагъ, которыя пестрѣли въ воздухѣ то въ видѣ отдѣльныхъ листковъ, то плотно затянутыхъ пачекъ. Однѣ изъ бумагъ были поразительно засаленныя, скомканныя, потертыя; другія—такія глянцевитыя, такія

новенькія и нарядныя, точно сію минуту вышли изъ-подъ пресса. Надъ сплошною массою головъ виднѣлись только разноцвѣтныя пачки, пачки и листки.

Скромному учителю стало страшно.

То, что̀ утромъ его ужасало, какъ нѣчто вѣроятное, стояло теперь у него передъ глазами въ могучей, осязательной формѣ. Мало того,—оно захватывало всѣхъ и все, оно увеличивалось, разросталось и набиралось силы съ каждымъ часомъ. Онъ боялся этого кипучаго движенія, этой толпы; онъ отошелъ въ сторону, и, забившись въ уголокъ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не видно было, что онъ считаетъ деньги. Вынувъ изъ бумажника свои злополучныя семьсотъ лиръ, де-Перута раздѣлилъ ихъ на двѣ пачки: въ одну положилъ триста, въ другую—четыреста лиръ, и зажалъ ихъ въ руку такъ, чтобы не спутать; затѣмъ пошелъ и всталъ въ концѣ вереницы, которая, медленно колыхаясь, тянулась у кассы вкладовъ. А между тѣмъ, вся эта процедура была такъ проста!

За рѣшеткой вклады принималъ въ высшей степени изящный молодой человѣкъ съ прической и усами, осыпанными пудрой-брилліантинъ, булавкой съ черной жемчужиной въ галстухѣ, съ большимъ брилліантовымъ перстнемъ на рукѣ. Онъ заносилъ сумму вклада въ небольшую отрывную книжечку, прикладывалъ штемпель и подавалъ квитанцію вкладчику, въ то же время выкрикивая громко и внушительно сумму вклада, имя и фамилію вкладчика, а другой банковскій служащій вписывалъ ихъ въ свою книгу.

Одно за другимъ, такъ и сыпались эти имена:

— Франческо Уадичикко, четыреста-тридцать!

— Пасквале Фодераро, двѣ-тысячи-семьсотъ-семьдесятъ!

— Сальваторе Апричена, сто-двадцать!

— Баронъ Костанцо Вазатуро, семь-тысячъ-девяносто!

Въ глубочайшемъ вниманіи слѣдилъ за этой операціей учитель исторіи, и чувствовалъ безграничное удивленіе. Впрочемъ, это не его одного удивляло; нѣкоторые изъ вкладчиковъ тоже были поражены, до чего скоро и просто дѣлалось это важное для нихъ дѣло. Имъ хотѣлось бы, чтобы оно было обставлено бо̀льшими формальностями, но они видѣли, что большинство отходило отъ кассы съ такимъ удовлетвореннымъ, ликующимъ видомъ, на лицахъ ихъ лежало такъ ясно выраженіе человѣка, съ котораго свалился тяжелый гнетъ, что недовѣріе падало само собою, и они не смѣли ничего возразить.

Чѣмъ крупнѣе была сумма, которую выкрикивалъ пріемщикъ

вкладовъ, тѣмъ больше вытягивались впередъ и поднимались головы въ толпѣ, чтобы разглядѣть счастливаго смертнаго, который могъ внести нѣсколько тысячъ въ банкъ Руффо Сциллы. У нихъ были не тысячи, а только сотни лиръ, и они въ умѣ прикидывали, сколько барышей могли бы загребать, если бы сбереженія ихъ были значительнѣе.

„О, имъ можно позавидовать, этимъ счастливцамъ, которые могутъ вносить такія суммы благодѣтельному Руффо Сциллѣ, чудодѣйственному Руффо Сциллѣ. Какіе крупные проценты они получатъ въ концѣ мѣсяца, а еще того крупнѣе—въ концѣ четверти!"

И нашъ учитель обдумывалъ все это, и его удивленіе все росло, росло; онъ былъ рѣшительно ошеломленъ! Онъ тоже поднимался на цыпочки и вытягивалъ голову повыше, потому что его малый ростъ не давалъ ему спокойно разглядѣть внутренность загородки. Сцѣпленіемъ мыслей, нахлынувшихъ на него прихотливо, воображеніе нарисовало ему картину, давно не приходившую ему на память.

Онъ вспомнилъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, ему случилось быть во Флоренціи, чтобы лично похлопотать о назначеніи его въ ту самую учительскую семинарію, гдѣ онъ теперь давалъ уроки. Окончивъ свою дѣловую бѣготню, Алессандро де-Перута пошелъ разыскивать одного изъ своихъ друзей, неаполитанца, служившаго въ государственномъ банкѣ. Его частный адресъ былъ ему неизвѣстенъ; вдобавокъ, онъ убоялся уличной сутолоки въ большомъ незнакомомъ городѣ, и пошелъ прямо къ знакомому на службу, въ банкъ.

Высокія, блестящія чистотою и ярко-освѣщенныя, просторныя залы произвели на него тогда сильное, внушительное впечатлѣніе. Печи топились; посѣтители двигались тихо, осторожно, избѣгая шума среди глубокой тишины, вѣявшей отъ тяжелыхъ темно-зеленыхъ репсовыхъ занавѣсей и портьеръ, отъ большихъ, тяжелыхъ черныхъ столовъ, отъ роскошныхъ, массивныхъ украшеній изъ лѣпныхъ работъ, мрамора и позолоты, отъ общаго вида всей величаво-строгой обстановки могучаго банка. Алессандро увидѣлъ друга своего въ отверстіе перегородки, за которой, кромѣ него, на высокихъ стульяхъ сидѣло еще множество служащихъ, въ полномъ молчаніи что-то вносившихъ въ громадныя счетныя книги. Они писали сосредоточенно, не спѣша, и порой засовывали за ухо перо, чтобы провѣрить по другой страницѣ ту или другую запись. Внутри служебнаго помѣщенія, за перегородкой, виднѣлись ряды полокъ и шкаповъ,

доходившихъ до потолка, и особой таинственностью вѣяло отъ ихъ сокрытыхъ нѣдръ. Подъ вліяніемъ этой картины, которая глубоко подѣйствовала на него, Алессандро припомнилъ, что онъ невольно понизилъ голосъ, разговаривая съ пріятелемъ. Приглашая его вмѣстѣ зайти вечеромъ въ ресторанъ, чтобы тамъ побесѣдовать на свободѣ, онъ даже стѣснялся, потому что другъ его выросъ въ его глазахъ среди окружавшей его внушительной обстановки, въ которой онъ тоже былъ однимъ изъ колесъ громадной, всемогущей банковской машины.

Вечеромъ, бесѣдуя о томъ, о семъ, друзья заговорили и о банкѣ,—и тотчасъ же оба понизили голосъ, какъ еслибы говорили о какой-то неосязаемой, невидимой, но всемогущей силѣ, о богѣ грозномъ, величавомъ, который одновременно внушаетъ имъ робость и восхищеніе...

Теперь все это вспомнилось ему, какъ рѣзкая противоположность жалкой, возбужденной и безпорядочной толпѣ, въ которой скряга-оборванецъ или трудящійся бѣднякъ толкались бокъ-о-бокъ съ богачами въ изящныхъ нарядахъ. Всѣ были блѣдны и нервно настроены; всѣ были озабочены и торопливо складывали бумажку квитанціи, видимо уходя съ тѣмъ волненіемъ, съ какимъ каждый радъ вырваться поскорѣй изъ игорнаго притона.

Алессандро вглядѣлся попристальнѣе, и его поразило, что въ служебномъ отдѣленіи не было видно ни шкапа, ни полокъ, ни конторки: два-три разрозненныхъ стула, небольшой простой столикъ, за которымъ сидѣлъ второй служащій—вотъ и все! Позади, вдоль стѣнъ—совершеннѣйшая пустота!

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Алессандро прислушался.

— Карлота Бенчивенга, восемьсотъ-девяносто!

— Розаріо Фуортесъ, сто-двадцать!

— Гаэтано Амиранте, двѣнадцать-тысячъ-семьсотъ!..

Этотъ послѣдній, очевидно, былъ провинціалъ: дородный и пузатый, въ рыжеватомъ пальто и рыжеватой войлочной шляпѣ.

Служащій принялъ его вкладъ и принялся пересчитывать внесенныя деньги; посыпались грязныя, засаленныя бумажки; изъ старомоднаго мѣшка (такихъ нынче нигдѣ не увидишь!) покатились старые, давно не виданные піастры самыхъ разнообразныхъ временъ и чеканокъ. Тутъ была, напримѣръ, цѣлая коллекція монетъ царствованія Фердинанда Второго,—но банковскій служащій небрежно швырялъ ихъ съ неопредѣленной и разсѣянной улыбкой. Толстякъ-провинціалъ слѣдилъ глазами за

каждой монеткой, и на лицѣ его была написана тревога и алчность скряги.

— Двѣнадцать-тысячъ-семьсотъ!—повторилъ пріемщикъ, принимаясь писать квитанцію и сваливая деньги въ общую кучу бумагъ, кредитокъ и золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Ясно, что въ этомъ банкѣ не было даже особой шкатулки для храненія вкладовъ во время присутствія.

Въ концѣ концовъ, богачу Амиранте пришлось-таки разстаться со своимъ капиталомъ, и онъ, не спѣша, скрѣпя сердце, удалился, покачиваясь своимъ жирнымъ тѣломъ, какъ откормленный гусь.

Пришла очередь Алессандро де-Перута.

— Вотъ семьсотъ лиръ,—проговорилъ учитель:—Триста на имя Елизаветы Фазуло, и четыреста—Клоринды Фазуло.

— Елизавета и Клоринда Фазуло—семьсотъ!—выкрикнулъ пріемщикъ, отодвигая въ сторону обѣ пачки и приготовляясь писать квитанцію.

— Вы не пересчитали деньги?—спросилъ учитель въ удивленіи.

— Маленькія суммы? Некогда!—отозвался тотъ тономъ, не терпящимъ возраженій, и яркимъ блескомъ сверкнулъ въ воздухѣ его дорогой алмазъ.

Изящнымъ движеніемъ руки онъ оторвалъ квитанцію и подалъ ее вкладчику.

— Вы ошиблись,—съ ледяной холодностью остановилъ его де-Перута.—Я вамъ сказалъ: на имя Елизаветы Фазуло—триста, а Клоринды Фазуло—четыреста лиръ.

Кассиръ-пріемщикъ старался скрыть движеніе неудовольствія.

— Я исправлю ошибку. Подайте назадъ квитанцію.

Онъ зачеркнулъ написанное и сверху сдѣлалъ надпись мелкимъ шрифтомъ.

— Нѣтъ, извините,—настаивалъ профессоръ:—такая квитанція *не дѣйствительна.* Вы обязаны выдать мнѣ два отдѣльныхъ листка, на имя каждой изъ вкладчицъ, въ отдѣльности, и притомъ въ установленной формѣ.

— Вамъ, вѣроятно, ничего не стоитъ терять время!—дерзко заявилъ изящный молодой человѣкъ:—У насъ же каждая минута на счету.

— Мнѣ очень жаль, но я требую, чтобъ вы мнѣ выдали, какъ я и просилъ, *двѣ* отдѣльныхъ квитанціи.

— Вы должны были выражаться яснѣе,—проворчалъ слу-

жащій, пожимая плечами.—Довольно объ этомъ! Я выдамъ двѣ, извольте.

Онъ испустилъ вздохъ нетерпѣнія и, порвавъ на клочки квитанцію, принялся писать двѣ новыхъ, отчеканивая протяжно каждый слогъ, чтобы подчеркнуть свое неудовольствіе.

— Ну, теперь такъ?

— Да, такъ!

— Въ такомъ случаѣ, перейдемъ къ слѣдующему.

— Но въ книгѣ, у себя, вы оставили неточную запись?—все еще не отходя отъ кассы, замѣтилъ ему учитель.

— О, это исправить ничего не стоитъ!—проговорилъ изящный франтъ съ безграничнымъ легкомысліемъ.

Перевернувъ страницу, онъ быстрымъ движеніемъ вырвалъ ее изъ книги.

— Вы испортили счетную книгу?!—въ ужасѣ воскликнулъ историкъ.

— Это васъ удивляетъ?—нахально отозвался тотъ.

— Нисколько!

Разгнѣванный вкладчикъ повернулся къ нему спиною и вышелъ вонъ.

Тогда молодой человѣкъ высунулъ голову въ отверстіе перегородки и хриплымъ, рѣзкимъ голосомъ проговорилъ:

— Прошу васъ, господа, потерпѣть еще минутъ пять-шесть. Я сейчасъ вернусь.

Въ толпѣ пронесся ропотъ неудовольствія; и вкладчики увидали, что изящный молодой человѣкъ разостлалъ на столѣ свой надушенный батистовый платокъ съ ажурной строчкой, свалилъ на него въ безпорядочную кучу кредитныя и процентныя бумаги и завязалъ ихъ въ узелокъ. Нѣсколько штукъ при этомъ вывалилось и упало на полъ; онъ не замѣтилъ или, можетъ быть, нарочно притворился, что не замѣчаетъ. Въ то же время его помощникъ подбиралъ и бросалъ въ какую-то грязную тряпицу золотыя и серебряныя монеты, а мѣдныя отталкивалъ съ презрѣніемъ въ уголокъ. Оба служащіе исчезли за дверь, которая, казалось, для того только и разверзла пасть, чтобы поглотить ихъ самихъ и ихъ ношу—все богатство вкладчиковъ.

Алессандро де-Перута издали тоже посмотрѣлъ имъ во слѣдъ и вышелъ вонъ. Смертельно заныло его сердце при мысли, что эти деньги погибли безвозвратно.

III.

Вдоль по „Корсо Виктора-Эммануила“, по лѣвому его тротуару, откуда открывается видъ на весь Неаполь, шла дама, блондинка. Ни однимъ взглядомъ не подарила она эту прелестную картину, которая имѣла въ себѣ за-разъ морскія, сельскія и архитектурныя красоты. Торопливымъ шагомъ шла она впередъ, не оглядываясь, не отрывая глазъ отъ плитъ у нея подъ ногами. Кутаясь въ свою теплую зимнюю шубку, спустивъ на глаза вуалетку, блондинка прятала въ муфту свои ручки, затянутыя въ черныя лайковыя перчатки, и не глядѣла на прохожихъ.

Впрочемъ, ей все-таки пришлось поднять глаза: она почувствовала, что передъ нею выросла чья-то тѣнь. Дама вскинула на нее свой мягкій и глубокій взглядъ.

— Здравствуйте, синьора Элеонора!—въ полголоса произнесъ молодой человѣкъ, смотря ей въ лицо такъ пристально, пытливо, какъ будто не могъ на нее налюбоваться.

— Здравствуйте, синьоръ Паоло! — отозвалась она такимъ тономъ, что видимо хотѣла пройти мимо.

— Вы не позволите мнѣ хоть минутку васъ сопровождать?— умоляющимъ голосомъ просилъ онъ.—Нѣсколько шаговъ!.. Нѣсколько шаговъ... не больше!

Элеонора наклонила голову, и на ея блѣдномъ, почти прозрачномъ лицѣ приливъ крови вызвалъ легкую окраску.

Они пошли рядомъ, нѣсколько замедляя шагъ, но молча.

— Зачѣмъ вы меня безпрестанно поджидаете на дорогѣ?— неожиданно спросила блондинка, и въ голосѣ ея послышались за-разъ и раздраженіе, и грусть.

— Затѣмъ, что я не могу иначе! — нѣсколько обиженный, возразилъ онъ и низко опустилъ голову.

— Мнѣ это очень не нравится,—прошептала она, но ему показалось, что въ голосѣ ея дрожали слезы и, вѣрно, застилали ей глаза.

— Не говорите такъ со мной! Не говорите!—глухо вырвалось у него.—Я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ васъ прогнѣвать!

Какъ ни тихо были произнесены эти слова, въ нихъ звучала пылкая, но безнадежная любовь. Элеонора молча взглянула на него и пошла скорѣе.

По счастію, въ эту пору, въ холодное зимнее утро, на Корсо было мало народу, и по живописной дорогѣ, которая идетъ надъ

Неаполемъ, проходили только торговцы и торговки фруктами и зеленью, работники и работницы, или люди дѣловые, всецѣло погруженные въ свои личныя заботы и хлопоты. Никто не обращалъ вниманія на эту пару блѣдныхъ, но еще молодыхъ людей, тихо обмѣнивавшихся словомъ-двумя, не глядя другъ на друга и сохраняя въ глазахъ выраженіе подавляющей грусти.

Паоло вынулъ у себя изъ петлички крохотный пучочекъ блѣдныхъ, озябшихъ фіалокъ, немного свернувшихся отъ холода, и попытался тихонько засунуть его въ муфту своей спутницы. Она чувствовала себя въ эту минуту такой несчастной, такой слабой и беззащитной, что у нея не хватило духу оттолкнуть такое смиренное, но благоуханное приношеніе,—и она сама потянула букетикъ въ свою муфточку.

— Я купилъ эти фіалки у дѣвочки, которая шла босикомъ по улицѣ и была чуть жива отъ стужи, — продолжалъ Паоло, какъ бы для того только, чтобы отвлечь себя отъ какой-то другой, назойливой мысли.—Это былъ первый букетикъ, который случилось ей продать сегодня, и, вся дрожа и стуча зубами, она мнѣ сказала, что, можетъ быть, я принесу ей счастье.

— Весь міръ полонъ несчастныхъ! — неопредѣленно проронила Леонора, и глаза ея устремились на далекій горизонтъ.

— Синьора! Вы плакали сегодня утромъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ!—отозвалась она поспѣшно.

— Да, плакали: я въ этомъ увѣренъ! — возразилъ онъ горячо, вглядываясь въ нее съ нѣжною тревогой.

— Да нѣтъ! Чего же ради мнѣ вздумалось бы плакать? Вы, право, ошибаетесь... Увѣряю васъ! — настаивала блондинка, не сводя съ моря своихъ опущенныхъ глазъ, чтобы избѣжать его пытливаго, огорченнаго взгляда.

— Отчего вы хотите скрыть отъ меня свое горе? Но неужели я не съумѣлъ бы самъ все угадать? Неужели я не знаю все, все то, что̀ вы бы скрыли? Я вижу все насквозь и никогда не ошибаюсь, потому что васъ люблю...

— Я запретила вамъ, синьоръ Паоло, произносить это слово!— строго прервала она.—Оставьте меня, прошу васъ!

— Ну хорошо!—прошепталъ онъ.—Хорошо! Никогда больше я не произнесу того, что̀ васъ оскорбляетъ. Но вы, какъ другу, разрѣшили мнѣ, — какъ самому смиренному, самому непризнанному изъ друзей!—принимать въ васъ участіе съ прямыми, невинными цѣлями. Не отнимайте у меня этого разрѣшенія: ничто не оправдало бы подобную жестокость съ вашей стороны.

— Простите меня!—проговорила Леонора, поддаваясь укору

совѣсти.—Но, право, я теперь такъ одинока, я такъ заброшена и такъ несчастна, что всякая помощь, всякое участіе со стороны людей становятся мнѣ подозрительны и задѣваютъ меня за живое. Мнѣ начинаетъ казаться, что все и всѣ сговорились противъ меня; всѣ, одинъ передъ другимъ, стараются только увеличить мои тревоги и горести; всѣ, поголовно: кто меня ненавидитъ, кто меня знать не хочетъ... даже кто меня любитъ! Я несправедлива, это правда... и скоро, я предвижу... скоро у меня никого не будетъ.

— Только смерть оторветъ меня отъ васъ! — твердо и рѣшительно воскликнулъ онъ.

— Не говорите о смерти!—испуганно перебила она.

Но Паоло не отставалъ отъ своихъ разспросовъ:

— Ну, о чемъ же вы плакали?—допытывался онъ.

— Я была въ церкви, и много, долго молилась. Молитва раздираетъ душу, но она же даетъ отраду и смягчаетъ сердце. Никогда насъ такъ не тяготитъ бремя нашихъ мукъ, какъ въ тотъ скорбный часъ, когда мы молимъ Бога, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ нихъ,—избавилъ хотя бы цѣною жизни нашей. Я плакала сегодня потому, что заглянула въ свое сердце, которое уже угасло; но это, все-таки, мнѣ принесло нѣкоторое утѣшеніе.

— *Онъ* васъ обидѣлъ?—грубо и прямо спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Онъ не былъ грубъ со мною, — возразила она съ болью въ душѣ.

— Такъ что̀ же? Можетъ быть... наоборотъ?—воскликнулъ Паоло въ порывѣ ревниваго гнѣва и поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Нѣтъ, нѣтъ! — возразила Леонора своимъ печальнымъ, какъ бы на вѣки разбитымъ голосомъ.

Они и не замѣтили, какъ миновали лѣстницу, по которой надо съ „Корсо Виктора-Эммануила“ спуститься въ палаццо Каріати, гдѣ жила Элеонора. Они прошли даже мимо отеля „Бристоль“ и гостинницы „Бельвю“ и шли теперь по уединенной, такъ сказать, простонародной части дороги. Элеонора первая это замѣтила.

— Пожалуйста, вернемся обратно!—поднимая къ нему свой кроткій, застѣнчивый взоръ, сказала она умоляющимъ тономъ.

— Ну, хорошо: вернемся! — покорно отозвался онъ. — Но съ уговоромъ, что вы мнѣ скажете, что̀ *онъ* вамъ сдѣлалъ и почему вы плакали?

— Да ничего же! Право, ничего!

— Скажите мнѣ, синьора! Скажите вашему самому преданному другу!

— ...Сегодня... онъ не ночевалъ дома и утромъ не вернулся. Вчера утромъ его видѣли въ послѣдній разъ!—въ порывѣ горя, призналась она.

Паоло взглянулъ на нее, но промолчалъ.

— Гдѣ онъ можетъ быть?—продолжала она, какъ бы сама съ собою разсуждая вслухъ. — Гдѣ онъ можетъ быть? Что̀ онъ дѣлаетъ, и почему онъ не возвращается домой? Неужели онъ до такой степени могъ потерять всякую привязанность, всякую порядочность, всякую стыдливость? Или ему угрожаетъ какая-нибудь опасность?.. Если-бъ я только могла разузнать, гдѣ онъ бываетъ? Но я вѣдь ничего не знаю! Ровно ничего! Я—бѣдная, слабая и безпомощная женщина, и ничего, ничего ровно не могу сдѣлать, — ничего ровно, чтобы защитить его или спасти!

Казалось, слова душили ее и судорожно срывались у нея съ языка; она говорила прерывисто и какъ-то вдругъ выкрикивая иное слово, какъ будто она одна дома, у себя,—одна, а не на улицѣ, рядомъ съ человѣкомъ, который боготворитъ ее и преданъ ей беззавѣтно, не надѣясь на взаимность.

— Вы все еще любите вашего мужа,—замѣтилъ Паоло.

— Да! Все еще люблю!—твердо и открыто произнесла она.— Мой долгъ—любить его и уважать.

Паоло не возражалъ, но измѣнился въ лицѣ; глаза его подернулись слезами.

— Это моя обязанность,—повторила она, какъ бы себѣ въ извиненіе.

— Но онъ-то? Исполняетъ ли онъ хоть одну изъ своихъ обязанностей по отношенію къ вамъ? — замѣтилъ ея спутникъ.

— Не все ли мнѣ равно? Если-бъ люди любили только для того, чтобы имъ отвѣчали тѣмъ же... на свѣтѣ слишкомъ много было бы счастливыхъ.

— Вы правы,—со вздохомъ согласился Паоло.

— И наконецъ, какъ знать? Вотъ ужъ нѣсколько дней, что онъ имѣетъ видъ такой разстроенный, смущенный; я даже не смѣю его упрекать, не смѣю ни о чемъ разспрашивать его. Иной разъ, онъ садится гдѣ-нибудь въ уголкѣ, на большой террасѣ и, не проронивъ ни слова, куритъ, куритъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ...

— Я его вижу,—сказалъ Паоло:—изъ моего окна все видно.

— Иной разъ, на него находитъ какое-то безумное, отчаянное настроеніе, какъ будто онъ хочетъ притупить въ себѣ сознаніе, забыться. О, синьоръ Паоло, вѣрно ему грозитъ опасность! Никогда еще не случалось, чтобы онъ не ночевалъ дома.

— Я видѣлъ его вчера вечеромъ,—съ оттѣнкомъ холодности и равнодушія въ голосѣ, замѣтилъ ея собесѣдникъ.

— О, ради Бога, скажите мнѣ скорѣе: гдѣ?—воскликнула Элеонора, всплеснувъ руками умоляющимъ движеніемъ.

— Къ чему я буду вамъ объ этомъ говорить?—почти грубо вырвалось у него. — Развѣ я приставленъ сторожить вашего мужа?

— Вы правы!—Элеонора, огорченная, опустила глаза.— Я много вамъ причиняю огорченій. Но, для моего успокоенія...

— О, вы можете быть вполнѣ спокойны!—съ ироніей объявилъ онъ и улыбнулся.—Вашему мужу не грозитъ ни малѣйшая опасность.

Она уже поддалась робости, которую въ ней пробудило предчувствіе истины, но сама разспрашивать о дальнѣйшихъ подробностяхъ не рѣшалась.

— Да; я его вчера видѣлъ въ „Зимнемъ Саду". Вы никогда тамъ не бывали?

— Нѣтъ. Я нигдѣ не бываю.

— Простите за глупый вопросъ! „Зимній Садъ"—не такое мѣсто, которое посѣщалось бы исключительно порядочными женщинами.

Элеонора поблѣднѣла. Но Паоло продолжалъ говорить съ нѣкоторой небрежностью, какъ бы передавая совершенно зауряднный и нелюбопытный анекдотъ. Онъ такъ весь изстрадался, и такъ привыкъ страдать, что ему какъ будто доставляло ѣдкое чувство отрады—видѣть снова страданія свои и чужія.

— Этотъ „Зимній Садъ"—не то театръ, не то кафе-шантанъ, не то—ресторанъ; послѣ спектакля въ немъ устроиваются веселые ужины. Это—мѣсто свиданій прожигателей жизни,—мужей, независимыхъ отъ женъ, и дѣвицъ, не отличающихся цѣломудренной робостью...

— Я понимаю, понимаю!—повторяла она, все ускоряя шаги, чтобы не слушать его больше.

— Въ настоящую минуту, повидимому, настала для Неаполя пора пышности и денежнаго расцвѣта, — продолжалъ онъ, рѣшившись продолжать до конца.—Теперь всѣ тѣ, которые вѣрятъ въ будущность этихъ банковъ, вдругъ разбогатѣли, а банкиры обратились въ настоящихъ Крезовъ, и каждый вечеръ „Зимній Садъ" биткомъ набитъ веселой и шумливой толпой. Золото льется рѣкою. Вчера супругъ вашъ забавлялся тѣмъ, что пересыпалъ сверкающіе червонцы передъ подмалеванными глазами Лидіи Джойа.

У нея духу не хватило разспрашивать его; но краска стыдливости бросилась ей въ лицо, и нѣжная кожа заалѣла. Они подходили уже почти къ палаццо Каріати, когда ее встревожило еще сомнѣніе.

— Мой мужъ не замѣшанъ въ дѣлахъ этихъ банковъ?— спросила она.

— Насколько я могу судить... да, онъ замѣшанъ. Онъ участвуетъ въ банкѣ Косты.

— А это дѣло... опасное?

— Какъ знать? Пока—всѣ относятся съ довѣріемъ...

— Знаю, знаю... Это всеобщее безуміе...

— Но оно можетъ разрѣшиться катастрофой.

— Катастрофой?!—переспросила въ испугѣ Леонора.

— Конечно! Эти банки — предпріятія фантастическія; они могутъ только возмущать совѣсть въ людяхъ честныхъ и порядочныхъ.

— И... вы говорите, что мой мужъ серьезно причастенъ къ ихъ дѣламъ?

— Да! Сколько мнѣ кажется,—весьма серьезно!

Ознобъ пробѣжалъ по ней отъ страха.

У небольшой лѣстницы, которая шла отъ Корсо въ улицу Каріоти, Элеонора пріостановилась, чтобы проститься съ Паоло.

— Послушайте!—сказала она:—Ваши слова избавили меня отъ большой тревоги, но въ то же время ваши новости больно отозвались у меня на сердцѣ.

— Неужели ваша доброта простирается до того, что вы ревнуете мужа?

— Нѣтъ! — твердо возразила она.—Я *не* ревную. Но эти банковскія дѣла, это беззастѣнчивое пересыпаніе чужихъ денегъ, эта игра, которая, по вашимъ словамъ, такъ опасна,—все это внушаетъ мнѣ большія сомнѣнія и тревогу. Хотите дать мнѣ доказательство вашей истинной дружбы?

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Ну, такъ вотъ что̀: будемъ вмѣстѣ отыскивать средство спасти моего мужа! Я же вамъ сказала: я не ревную,—но я живу подъ *его* кровлей, я ношу *его* имя. Навлекая на себя безчестье, онъ навлекаетъ его и на меня. Постигая его, позоръ, бѣда—постигнутъ въ то же время и меня. Я васъ прошу лишь объ одномъ: чтобы вы разузнали объ этомъ подозрительномъ дѣлѣ какъ только можно подробнѣе, вѣрнѣе. Начните сами слѣдствіе, и попытайтесь добраться до истины, какъ если бы вы были настоящимъ судебнымъ слѣдователемъ. А въ тотъ день,

когда вамъ станетъ извѣстно, что дѣйствительно грозитъ настоящая, осязаемая опасность, — близкая ли, или еще далекая, это безразлично:—въ тотъ день, когда вы узнаете, что есть опасность вообще,—придите и скажите мнѣ это съ искренней, грубой прямотой!

— Я готовъ вамъ повиноваться.

— А я... Тогда я переговорю съ мужемъ... Бываетъ, что онъ иногда слушается меня. Дай мнѣ Богъ тогда найти горячія убѣдительныя рѣчи, чтобы спасти его!

— Вы святая!—прошепталъ Паоло.—Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы вамъ удалось совершить такое чудо!

— Вы, значитъ, думаете, что онъ скомпрометтированъ серьезно?

— Не знаю; но справки я буду наводить съ такимъ же стараніемъ, какъ если бы онъ былъ мнѣ братъ родной,—съ горечью прибавилъ онъ.

Мимо сновали прохожіе, которые, можетъ быть, и догадывались, хоть отчасти, о ихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, Элеонорѣ оставалось только завернуть за уголъ, и она—дòма. Пожавъ руку Паоло своей тонкой ручкой въ изящной перчаткѣ, она сказала:

— Прощайте! Ухожу... на насъ глядятъ.

Онъ на мигъ удержалъ ея руку въ обѣихъ своихъ и возразилъ печально:

— Но мы только и говорили, что о *немъ*.

— Въ этомъ — наше спасенье,—тихо сказала она.—Тогда мнѣ кажется, что я еще не такъ грѣшна! Прощайте, синьоръ Паоло.

— Нѣтъ, скажите: до свиданья!

— До свиданія... а когда—не знаю.

— Какъ только раздобуду вамъ вѣрныхъ новостей.

Онъ смотрѣлъ на нее такъ преданно, такъ нѣжно, что, противъ воли, ея слабое сердце откликнулось на его чувство.

— Значитъ, по вечерамъ, вы тоже ходите туда, въ этотъ... „Зимній Садъ“?—слегка улыбаясь, спросила она.

— Да, иногда... чтобы разсѣяться...—отозвался Паоло, чуть не съ ума сходя отъ радости.

— Но вы бываете вѣдь тамъ одинъ, я полагаю?

И въ голосѣ ея звучала наивная увѣренность.

— Да, одинъ! Одинъ, всегда одинъ, — о, любимая моя!— страстно вырвалось у него.

— Ну, такъ вотъ чтò: не ходите туда больше!

Обворожительная улыбка снова появилась у нея на щекахъ, и она—быстро убѣжала.

Паоло смотрѣлъ ей во слѣдъ, пока она не скрылась за угломъ палаццо Каріати, въ которомъ жилъ онъ самъ, но только въ третьемъ этажѣ, а Элеонора съ мужемъ—во второмъ. Но онъ не осмѣлился послѣдовать за нею; онъ даже не посмѣлъ вернуться сейчасъ же къ себѣ—до того онъ боялся сплетенъ и назойливаго любопытства сосѣдей-жильцовъ, которые могли распустить про нее неблаговидные слухи.

Онъ пошелъ дальше, вдоль по Корсо, и невольно поднесъ къ губамъ ту руку, къ которой прикасалась свѣтлорусая красавица—Элеонора.

Подъ высокимъ и широкимъ сводомъ палаццо Каріати, Элеонора Триджіано встрѣтила своего сосѣда, Алессандро де-Перута, который выходилъ сегодня ужъ вторично на уроки. Она привѣтствовала его милою улыбкой, потому что всегда обращалась ласково съ этимъ бѣднымъ труженикомъ, болѣзненнымъ, изнуреннымъ работой. Для него,—невзрачнаго, застѣнчиваго человѣка,—улыбка женщины была особой, непривычной милостью. Повинуясь притягательной силѣ женской ласки, онъ невольно подошелъ и остановился передъ нею.

Въ то утро было очень холодно, и де-Перута навьючилъ на себя свою длинную, неуклюжую шубу свѣтло-коричневаго цвѣта изъ толстой волосатой матеріи, подбитой грубой фланелью, отъ которой она еще больше отдувалась и торчала. На рукахъ у него красовались толстыя шерстяныя перчатки съ большими, даже гигантскими пальцами, что̀ не мѣшало имъ оставлять голыми кисти рукъ; шляпа его спускалась на глаза. Въ общемъ, бѣдный Алессандро былъ рѣшительно смѣшонъ; тѣмъ не менѣе, онъ по обыкновенію подошелъ къ своей изящной сосѣдкѣ и обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами.

— Вы совершенно здоровы, синьора? — спросилъ онъ съ тревожной поспѣшностью, какъ будто она только-что встала послѣ недавней болѣзни, но, въ сущности, для того, чтобы скрыть отъ нея свое смущенье и свою неловкую застѣнчивость.

— Благодарю васъ,—совершенно. А вы какъ? Все за работой, какъ всегда?

— Да, какъ всегда. Работа для меня—большое утѣшеніе,—прибавилъ онъ, не соображая хорошенько, что̀ онъ такое говоритъ, и чувствуя только, что ему лучше бы всего уйти, но не зная, какъ это удобнѣе сдѣлать.

— А ваша матушка, ваша сестра—здоровы?—спросила мо-

лодая женщина для того только, чтобы сказать ему что-нибудь попривѣтливѣе.

— Благодарю, благодарю!—подхватилъ онъ, растроганный.— Вчера я получилъ отъ сестры длинное-предлинное письмо. Онѣ хотѣли имѣть свѣдѣнія... свѣдѣнія о банкахъ... объ этихъ новыхъ банкахъ,—пробормоталъ онъ, неожиданно смущаясь.

— Ахъ, и онѣ тамъ, тоже?—воскликнула она въ удивленіи, и невольно поблѣднѣла.

— Конечно,—и онѣ! Слухи о банкахъ разнеслись въ провинціи, и... сверхъ того...—прибавилъ онъ, какъ-то теряясь еще больше:—провинціалки—народъ очень любопытный. Онѣ требуютъ, чтобъ мы имъ сообщали обо всемъ самыя подробныя свѣдѣнія; онѣ думаютъ, что мы обязаны знать все и всегда...

— Ужъ не собираются ли и онѣ имѣть дѣло съ банкомъ?— спросила Элеонора, и въ голосѣ ея послышалась тревога.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не думаю...—возразилъ учитель, но слова сдавленно и съ видимымъ усиліемъ срывались у него съ языка.— У нихъ нѣтъ денегъ, а достать — онѣ врядъ ли могутъ гдѣ-нибудь. Вы знаете, мы вѣдь очень бѣдны...

— Да оно, пожалуй, и лучше,—медленно выговаривая каждое слово, замѣтила Элеонора.—И чтò-же? Вы имъ ужъ отвѣчали?

— Да, я сейчасъ же имъ отвѣтилъ. Я имъ такъ и написалъ, что всѣ эти банки—не чтò иное, какъ мошенничество, и, кромѣ наглаго плутовства, ничѣмъ другимъ даже *быть не могутъ*! Такимъ образомъ онѣ, по крайней мѣрѣ, поостерегутся.

— Но вѣдь вы же говорите, что у нихъ нѣтъ... что имъ нѣчего терять?

— Ну, онѣ предостерегутъ другихъ! — возразилъ онъ, но это ему стоило нѣкоторыхъ усилій.

— Прощайте! — вдругъ отрывисто промолвила синьора Триджіано.

Она поспѣшила дальше, все больше блѣднѣя и блѣднѣя, словно охваченная смертельнымъ ознобомъ.

Учитель проводилъ ее глазами, пока она не перешла черезъ дворъ и не исчезла на лѣстницѣ. Едва она пропала изъ виду, онъ, въ свою очередь, тоже пошелъ своей дорогой, только о томъ и думая, чтò за тревожное письмо онъ получилъ отъ сестры: она убѣдительно просила брата сообщить ей свѣдѣнія о новыхъ банкахъ. Положимъ, она оговаривалась, что эти свѣдѣнія нужны ей такъ, вообще... изъ одного только любопытства,—просто такъ, безъ всякой цѣли...

А все-таки брату почудилось въ ея словахъ нѣкоторое смущеніе, неловкость, или какъ бы желаніе что-то скрыть отъ него.

— Да вѣдь у нихъ нѣтъ ровно ничего! — возражалъ онъ самъ себѣ.—Но съ какой бы стати вдругъ такое любопытство?

IV.

Между тѣмъ, Элеонора Триджіано, не спѣша, поднималась по лѣстницѣ, какъ безконечно утомленный человѣкъ, и ей казалось, что ее гнетъ къ землѣ бремя тревоги и заботъ, которое какъ будто еще тяжелѣе навалилось на ея слабыя плечи.

Едва она переступила за порогъ своей квартиры, какъ горничная подала ей записку отъ мужа, нàскоро нацарапанную карандашомъ и отправленную съ желѣзнодорожнаго вокзала. Въ этой запискѣ стояло:

„Дорогая моя Элеонора! Я уѣзжаю въ Салерно по дѣламъ банка. Представляется случай получить много денегъ. Черезъ три-четыре дня я буду обратно. До скораго свиданія.—Карло".

— Вотъ и все! Ни слова ласки; вѣчно этотъ самый банкъ и эти деньги! Весьма возможно, что онъ уѣхалъ не одинъ... А эта женщина,—какъ ее называлъ Паоло? Лидія Джойа! Это вѣрно только ея „nom de guerre"... Она, вѣроятно, уѣхала вмѣстѣ съ нимъ!..

Элеонора скинула съ себя шляпу, накидку и, бросившись на кушетку, закрыла лицо руками. Ревности она больше не чувствовала никакой,—она правду сказала своему другу, Паоло; но ею овладѣло предчувствіе какой-то неминуемой бѣды, которая виситъ у нея надъ головою. Для нея насталъ часъ полнаго духовнаго изнеможенія, когда кажется, что всѣ опоры рушатся, и не за что ухватиться бѣдной, наболѣвшей душѣ, близкой къ отчаянію. Чистосердечно, довѣрчиво отдала она свою жизнь и свое сердце мужу, Карло Триджіано. И этотъ человѣкъ пренебрегъ ея сердцемъ, отдалился отъ нея, отдѣливъ свою жизнь отъ жизни жены въ то время, когда ихъ еще связывали нерасторжимыя узы брака. Элеонора была одинока: у нея не было ни родныхъ, ни дѣтей, ни друзей, никого на свѣтѣ! Впрочемъ, нѣтъ. У нея былъ одинъ единственный другъ, — Паоло Коллеманьо, который любилъ ее уже два года, — любилъ неизлечимо, безнадежно.... горячо. Думая о немъ, она не сомнѣвалась, что въ ней одной заключена вся жизнь его; думая о немъ и объ этой непобѣдимой любви, она ясно видѣла, что передъ нею разверзается

пропасть еще опаснѣе, бѣда еще непоправимѣе,—ужасъ грѣховности и проклятія!

Элеонора Триджіано была женщина искренняя, добрая, нравственная; зло ее пугало, грѣха она боялась. Но ея сознаніе и разсудокъ понемногу грозили ослабѣть, побѣжденные глубокой жалостью.

Да! Жалость! Жалость! Кто пожалѣетъ ее,—одинокую, покинутую?!..

Въ какую мрачную тишину погружена гостиная, въ которой она полулежитъ на кушеткѣ, въ полутьмѣ сѣраго, холоднаго, зимняго утра! Какой онъ весь угрюмый, этотъ обширный дворецъ Каріати, выходящій тремя этажами на Корсо и шестью— на площадь Согласія! Въ немъ двѣ парадныхъ и двѣ черныхъ лѣстницы, и двадцать-четыре квартиры—большихъ и маленькихъ!..

„А мужъ? Гдѣ онъ теперь? Въ Салерно,—и тамъ компрометтируетъ свое доброе имя въ этихъ ужасныхъ дѣлахъ, которыя вовлекаютъ его въ бездну, гдѣ сгинетъ его доброе имя. Да, онъ въ Салерно,—вмѣстѣ съ этой женщиной,—съ этой Лидіей Джойа, у которой подмалеваны глаза! Она весело и беззаботно проѣдаетъ себѣ червонцы, добытые нечестными путями!..

„А Паоло Коллеманьо, гдѣ-то онъ теперь? Вѣрно, неподалеку, въ своей комнаткѣ, въ третьемъ этажѣ; и вѣрно занятъ своимъ любимымъ дѣломъ,—пишетъ мнѣ одно изъ тѣхъ глубоко трогательныхъ писемъ, которыя я всегда оставляла безъ отвѣта, но отказаться отъ которыхъ совершенно—у меня не хватаетъ духу: слишкомъ ужъ его жаль! Или онъ, можетъ быть, вышелъ изъ дому, чтобы повиноваться моимъ горячимъ просьбамъ и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія, чтобы придти на помощь Карло Триджіано? А развѣ это не доказательство его любви?..“

Передъ такимъ глубокимъ, самоотверженнымъ и великодушнымъ чувствомъ Элеонора невольно должна была сознаться, что она глубоко растрогана и связана съ нимъ горячей благодарностью, которая завладѣла ея сердцемъ. Но тотъ, кого она любила, тотъ, который бросился бы къ ней съ горячимъ ликованьемъ и никогда бы ее не оставилъ, того она не имѣла права призвать къ себѣ... Одна! Одна! Одна!..

Когда явилась горничная доложить, что ее желаетъ видѣть донна Кончеттина, Элеонора поспѣшно отозвалась:

— Просите!

„Только бы не оставаться въ этой ужасной тишинѣ! Только бы не быть одной, не поддаваться мучительнымъ мыслямъ!“—думала она.

Эту донну Кончеттину она почти совсѣмъ не знала,—знала только, что всѣ ее зовутъ „ханжой“, и что она живетъ въ четвертомъ этажѣ все того же палаццо Каріати. Элеонора нерѣдко встрѣчала ее,—вѣчно угрюмую, молчаливую; бѣдно одѣтая, съ опущенными глазами, она двигалась безъ шума, словно на войлочныхъ подошвахъ.

„Ханжа“ вошла вкрадчиво, съ притворнымъ смиреніемъ.

На ней было черное шерстяное платье, толстый черный платокъ и черная крепковая шляпа, завязки которой сходились подъ подбородкомъ. Ея изжелта-блѣдныя руки сжимали старый мѣшокъ, на которомъ былъ вышитъ (теперь уже полинявшій) пѣтухъ, распѣвающій во все горло. Лицо у донны Кончеттины было точно восковое и покрытое блѣдностью такого ровнаго оттѣнка, что казалось, будто ни капли крови не было у нея подъ кожей; ея посинѣлыя вѣки осѣняли вѣчно пронырливый, вѣчно подозрительный взглядъ; тонкія губы напоминали лепестки поблекшей розы.

— Слава Христу-Спасителю и Пресвятой Матери Его! — тихимъ голосомъ произнесла она.

— И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!—отвѣтила Элеонора, какъ то полагалось, чтобы докончить привѣтствіе.

— Я вамъ не помѣшала?—спросила „ханжа“, оглядываясь вокругъ и скрещивая свои восковыя руки на мѣшкѣ.

— О, нисколько! — возразила молодая женщина, стремившаяся хоть какъ-нибудь отдѣлаться отъ своихъ невеселыхъ думъ.

— Окажите мнѣ большую милость,—начала „ханжа“.

— Съ удовольствіемъ, если могу,—отозвалась хозяйка дома. Она сама была небогата; но любила помогать бѣднымъ и принимала ихъ нужды къ сердцу.

— Я знаю, вы—добрая душа; вы—святая женщина! Вотъ я и подумала, что вы, можетъ быть, не прочь будете оказать мнѣ одолженіе...

— Ну, говорите же: какое?—повторила бѣлокурая красавица, стараясь не подать виду, что ее тяготитъ такое длинное вступленіе.

— Для матери моей, старушки, и для меня это была бы особая милость. Вы знаете, въ какой мы нищетѣ живемъ; и если бы не наше умѣнье безподобно штопать шолковые чулки и дорогія старинныя кружева, — намъ пришлось бы умереть голодной смертью. О, синьора! Вы не можете себѣ представить, какъ трудно жить честной женщинѣ на бѣломъ свѣтѣ!

— О, да! Очень трудно!—вздохнула синьора, и, глядя на нее своимъ пытливымъ взглядомъ, „ханжа“ продолжала:

— Что-жъ дѣлать? Каждому—свой крестъ. Всѣмъ намъ, бѣднымъ земнымъ созданіямъ, приходится бороться, — однимъ больше, другимъ меньше, въ томъ только и разница. Мы съ матерью боролись изъ-за куска хлѣба всю жизнь, непрерывно; наконецъ, забрезжила надежда на нѣчто лучшее...

— Про что вы говорите?

— Да вотъ... про эти банки...—пролепетала Кончеттина.— Мы—бѣдныя женщины, это правда; но, видно, Богу угодно, чтобы всякій воспользовался хоть каплей золотого дождя,—этой манны небесной, которую Онъ шлетъ намъ съ небеси, на нашъ благословенный Неаполь—хоть онъ того и не стòитъ. А если Господь Самъ попустилъ такое дѣло, какъ эти чудодѣйственные банки, слѣдовательно, они Ему угодны, и нѣтъ грѣха воспользоваться ими.

— Но какъ же...—начала-было съ любопытствомъ Элеонора.

— Сейчасъ скажу,—перебила ее „ханжа“.—Я потому-то къ вамъ и обращаюсь, что вашъ супругъ, донъ Карло, имѣетъ отношенія къ синьору Коста,—къ этому всевластному банкиру, этому благодѣтелю Неаполя. Не можете ли вы быть такъ добры, замолвить ему за меня словечко?

— Но вы мнѣ еще не сказали, чтò вамъ именно нужно отъ этого банкира? Мой мужъ... Да... вѣроятно, онъ тоже знаетъ Косту...

— Еще бы ему да не знать Косты! Онъ—его „сборщикъ“,— „collettore“.

— Какъ вы сказали?

— Сборщикъ, сборщикъ!

Элеонору какъ молотомъ ударило въ грудь это ужасное слово; но она постаралась скрыть свое смущеніе.

Между тѣмъ, не теряя времени, „ханжа“ запустила руку въ свой мѣшокъ съ поющимъ пѣтухомъ и принялась въ немъ шарить, чтобы вынуть (какъ подумала Элеонора) просьбу о небольшомъ вспомоществованіи. Но Кончеттина, послѣ долгихъ усилій, достала толстый бумажникъ изъ папки, мѣстами протершійся и заколотый булавкой, къ которому „ханжа“ прикасалась, точно къ неоцѣненному сокровищу; мѣшокъ свой она опустила на полъ, и онъ мягко расплющился, какъ старая, брошенная тряпка.

— Намъ хотѣлось бы помѣстить наши жалкія сбереженія въ банкѣ Косты, — говорила она, осторожно раскрывая завѣтный пакетъ и не спуская съ Элеоноры своего пытливо-лукаваго взгляда.

— О!—воскликнула та, совершенно ошеломленная.

— Это небольшая, очень небольшая сумма; но тридцать лѣтъ пришлось намъ работать неустанно, во всемъ отказывать себѣ, чтобы ее скопить. Правда, изрѣдка, чтобы выручить знакомаго, мы понемногу давали взаймы; но тяжелыя теперь времена („ханжа" вздохнула), и больше пятнадцати, много двадцати процентовъ въ годъ мы никогда не получали. Вы понимаете, синьора, что мы рѣшились взять обратно розданныя деньги, какъ только узнали, что банкиръ Коста даетъ отъ пятнадцати до восемнадцати процентовъ въ мѣсяцъ. И какъ это намъ тяжело досталось! Сколько молитвъ пришлось возсылать къ небесамъ! Есть вѣдь такіе упорные должники, которые готовы платить хоть всегда проценты, но капитала не хотятъ вернуть! Вотъ, съ помощью молитвъ и добраго малаго-полицейскаго—онъ, какъ никто, умѣетъ принудить должника къ уплатѣ — этотъ Гаэтано Фальконе, по истинѣ, святой человѣкъ!.. Ну, вотъ, я вамъ и принесла нашъ маленькій капиталецъ для передачи вашему супругу.

Въ то же время, она пересчитывала деньги, бумажку за бумажкой, не спѣша. Элеонора съ ужасомъ почувствовала, что ея снова охватила прежняя тревога и какое-то непреодолимое ощущеніе новыхъ грядущихъ бѣдъ, которыя невидимыми, но властными цѣпями опутывали ее, душили...

— Сколько же у васъ тутъ? — спросила она машинально, естественно ожидая нѣсколько сотъ лиръ.

— Немного! Къ несчастію, весьма немного! — вздохнула „ханжа", продолжая считать.

И свистящимъ шопотомъ вылетали изъ ея тонкихъ устъ числа, числа, числа...

Элеонора ждала терпѣливо, и только чуть закрыла глаза, чтобъ не смотрѣть на эту непріятную картину, которая, однако, сильно затянулась.

— Тутъ сорокъ-тысячъ лиръ! — объявила Кончеттина, наконецъ.

— Какъ вы сказали?—переспросила молодая женщина.

— Сорокъ-тысячъ.

— Вашихъ собственныхъ?

— Да; самыхъ трудовыхъ!

— Вы ихъ-то и хотите внести въ банкъ?

— Да; только мы хотимъ, чтобы намъ, въ видѣ снисхожденія, дали полныхъ двадцать процентовъ.

— То-есть, какъ это—въ видѣ снисхожденія?

— Это снисхожденіе можетъ намъ оказать вашъ мужъ! А

банкиръ Коста такъ богатъ, что ему два процента лишнихъ ничего не стòитъ.

— А какъ вы думаете, откуда у нихъ эти деньги?

— Развѣ вы не знаете? Вашъ же мужъ говоритъ всѣмъ и каждому—отъ Франческіелло!

— Кто онъ такой, этотъ Франческіелло?

— Францискъ II-й Бурбонъ. Онъ хочетъ облагодѣтельствовать своихъ неаполитанцевъ; а когда всѣ уже воспользуются его великодушнымъ вниманіемъ, онъ явится самъ среди насъ, и его примутъ съ распростертыми объятіями. „Предоставимъ все Провидѣнію!“—какъ говоритъ нашъ патеръ. Знаете, какую пѣсню тогда будутъ распѣвать?

— Нѣтъ, я ровно ничего не знаю!—въ отчаяніи отвѣчала Леонора.

— „Arapite port'e ffeneste ca chill'amico è leste!“ [1]). А означаетъ она, что тогда можно радоваться и веселиться; что Францискъ Бурбонскій уже близко... Но, милая синьора, намъ съ матерью необходимо,—д-да! *необходимо*!—получить по двадцати процентовъ! У насъ съ нею свои маленькіе разсчеты...

„Ханжа“ пріостановилась, выжидая, чтò ей скажетъ жена дона Карло. А та тихонько возразила:

— Я не возьму вашихъ денегъ; не могу ихъ взять!

— Но почему же? Почему? Вы не довѣряете этимъ банкамъ?

— Нѣтъ; просто я вообще ничего про нихъ не знаю,—да и знать не хочу!

— Синьора! Мы такъ бѣдны, такъ бѣдны, и намъ такъ нужны эти двадцать процентовъ! Мы на нихъ такъ разсчитывали! Намъ безъ этихъ денегъ невозможно!

— Какъ хотите; только я отказываюсь ихъ брать.

— Такъ дайте мнѣ переговорить съ вашимъ мужемъ.

— Онъ въ Салерно и вернется дня черезъ три-четыре,—холодно отозвалась Элеонора.

— Ну, такъ я подожду его,—хоть мнѣ и жаль потерять за эти дни проценты. Вы понимаете, мы такъ бѣдны!..

— Отчего вы сами не снесете въ банкъ свой капиталъ?

— Тамъ каждый день такая давка, что не протолкаться... И, наконецъ, тѣхъ лишнихъ процентовъ, о которыхъ я прошу, мнѣ тамъ не дадутъ. Я лучше подожду вашего мужа.

— А вы увѣрены, что онъ вамъ выхлопочетъ это снисхожденіе?

---

[1]) „Откройте настежъ двери и окна, потому что это другъ проворный!“

— Еще бы! Каждый разъ, когда встрѣчается на лѣстницѣ, онъ мнѣ самъ совѣтуетъ снести въ банкъ мои деньги и деньги всѣхъ нашихъ друзей.

— Хорошо; ждите его, — согласилась Элеонора, и повела плечами, словно желая стряхнуть съ нихъ тяжелое бремя.

— Но вы никому не скажете? Я ужъ вполнѣ на вашу скромность полагаюсь.

— Я никого не вижу и никому не скажу.

— Просвѣти васъ Мадонна!—вставая и уходя, проговорила „ханжа".

— Мадонна да будетъ съ вами!—набожно отвѣтила Элеонора. Голова у нея кружилась.

Пришло время завтрака.

Рафаэлла, служившая за столомъ, уже наливая кофе, рѣшилась, наконецъ, прервать молчаніе.

— Вы мнѣ позволите уйти часа на два? — спросила она свою хозяйку: мнѣ непремѣнно надо быть въ двухъ мѣстахъ по очень важному дѣлу.

По общему ея виду, Элеонора догадалась, что ей хочется поговорить, и знàкомъ показала, что она не прочь ее выслушать. Рафаэлла оживленно продолжала:

— Вы, вѣрно, знаете, синьора, что черезъ три-четыре мѣсяца состоится моя свадьба. Тотонно и я, мы оба, понемногу, давно готовимся зажить своимъ хозяйствомъ; но свадьба обойдется дорого, и за квартиру надо заплатить впередъ. Вотъ, мы съ нимъ и надумали, чтобы собрать всѣ вещи, которыя скопили понемногу—платье и бѣлье, подарки, которые вы были такъ добры, что мнѣ дарили,—и снести все въ ломбардъ, а вырученныя деньги положить въ банкъ на проценты. Если ломбардъ намъ дастъ—положимъ, ну хоть триста лиръ, — это составитъ уже сто-восемьдесятъ лиръ процентовъ. Мы выкупимъ сейчасъ же свои вещи, и въ барышѣ еще останется у насъ сто-восемьдесятъ лиръ... О, у насъ все разсчитано прекрасно!

— Бѣдная Рафаэлла!—сдерживая глубокій вздохъ, проронила молодая женщина.

— Чѣмъ я „бѣдная"? Было бы только самое необходимое и главное: здоровье—и тогда человѣкъ не можетъ больше считаться бѣднякомъ. А съ этими банками, синьора, бѣдныхъ совсѣмъ у насъ не будетъ; вотъ увидите сами!

Элеонора молчала, читая книгу.

— Всѣ, всѣ туда бѣгутъ!—продолжала дѣвушка:—въ ломбардъ, а оттуда въ банкъ. Дженовьеффа, наша привратница, за-

ложила даже серебряную св. Дженовьеффу, свою покровительницу,—а это вѣдь святотатство!

— Иди, иди, бѣдная моя Рафаэлла!—тихо сказала Леонора.

— Прощайте, синьора! Вамъ больше ничего не нужно?

— Нѣтъ. До свиданія!

И Леонора опять одна... одна!

Какъ призракъ, бродитъ она по безлюднымъ, совершенно тихимъ комнатамъ; какъ монашеское суровое одѣянье, облегаетъ ея станъ темный длинный капотъ, перехваченный у пояса шнуромъ, и волочится за нею безъ шума; нѣжная блѣдность лица еще больше выдѣляется на его темно-коричневомъ фонѣ. Мрачно, темно у нея на душѣ. Ей чудится, что ее долго бросала и безпощадно била неумолимая волна, съ которой она больше не въ состояніи бороться. Волна потопила ее,—и вотъ, изнеможенная, обезсилѣвшая въ борьбѣ, она, Элеонора, лежитъ неподвижно, въ состояніи мертваго покоя, на днѣ поглотившей ее, бурной пучины. Спасенья нѣтъ... Все кончено!

Элеонора дошла до балкона и, поднявъ глаза, увидала въ окошкѣ третьяго этажа знакомое лицо съ пытливо-дружескимъ выраженіемъ. Паоло Коллеманьо! Они обмѣнялись слабой улыбкой и долгимъ, долгимъ взглядомъ. Сумерки надвигались—а вмѣстѣ съ ними и ощущеніе чего-то гнетущаго, поражающаго на-смерть.

V.

Вопреки ожиданіямъ, за недѣлю до Рождества установилась мягкая погода. Свирѣпый вихрь „трамонтаны“, который пугаетъ и огорчаетъ неаполитанцевъ, вызывая своей леденящей жестокостью блѣдность лица и красноту глазъ, вдругъ утихъ, и теплый сирокко порадовалъ ихъ своею лаской. Какъ знать? Быть можетъ, онъ откликнулся на призывъ бѣдняковъ и мелкихъ торговцевъ, которые разставляютъ свои передвижныя лавчонки-„ларьки“ и корзины по обѣ стороны троттуаровъ? Оживленіе на улицахъ все росло, и гомонъ толпы съ улицы „Толедо“ поднимался до самаго „Корсо Виктора-Эммануила“.

Элеонора Триджіано сидѣла безвыходно дома—сначала, чтобъ не мерзнуть на улицѣ, а потомъ—просто отъ нравственной усталости, которая окончательно ею овладѣла. Мужъ вернулся домой веселѣе, безпечнѣе прежняго и осыпàлъ ее самыми предупредительными любезностями, какъ человѣкъ, который чувствуетъ свою вину передъ своей же совѣстью, и стремится ее

загладить. Однако, несмотря на его напускную беззаботность, жена замѣтила, что онъ какъ будто чѣмъ-то опечаленъ и встревоженъ. Не разъ онъ предлагалъ ей прокатиться съ нимъ въ Сорренто (эта лѣтняя загородная прогулка была теперь,—зимою,—въ модѣ); но Элеонора отказывалась подъ предлогомъ холода и нездоровья. Мужъ подарилъ ей чудныя брилліантовыя серьги; она едва отвѣтила слабой улыбкой, и надѣла ихъ лишь на нѣсколько часовъ. Впрочемъ, донъ Карло Триджіано не особенно объ этомъ сокрушался и охотно уходилъ изъ дому, весело напѣвая шансонетку, съ сигарою въ зубахъ. Ночь, другую онъ не ночевалъ дома, а на третью даже не подумалъ найти себѣ какой-нибудь оправдательный предлогъ,— что̀ считалъ прежде своимъ долгомъ.

Жена молчала и печально качала головой, продолжая сидѣть цѣлыми днями у окна, съ книгою въ рукахъ. Порой она поднимала голову и украдкой глядѣла въ окно, чтобы увидать хоть издали блѣдныя черты сосѣда, истомленнаго безсонными ночами. По вечерамъ, когда мужъ ея ужиналъ въ „Зимнемъ Саду" или возилъ Лидію Джойа въ театръ „Санъ-Карло", жена его жадно зачитывалась длиннѣйшими письмами, которыя получала ежедневно; у нея больше не хватало силъ отказывать себѣ въ этомъ утѣшеніи.

Въ то утро, когда солнце вдругъ принялось грѣть по весеннему, Рафаэлла не стала топить каминъ и распахнула окно. Въ тихую комнату ворвался теплый воздухъ и веселый гомонъ предпраздничной толпы. Нельзя было устоять противъ его увлекательнаго, живительнаго примѣра;—и Элеонора встала, собираясь подышать чистымъ воздухомъ.

— Вы, синьора, вѣрно собрались за покупками? — болтала Рафаэлла съ добродушной фамильярностью итальянской прислуги.—Нѣтъ? Ну, хоть изъ жалости, купите у бѣдныхъ торговцевъ что-нибудь. Вотъ если бы у васъ былъ свой „pеccerillo" [1]),—вы бы ему накупили всякихъ игрушекъ и восковаго „Іисуса"...

— Не говорите о такихъ вещахъ!—тихо сказала Элеонора, застегивая перчатки, и, наконецъ, послѣ двухнедѣльнаго заключенія, вышла изъ дому.

На Корсо уже была давка; тамъ уличная выставка была въ полномъ разгарѣ. Молодая женщина повернула въ сторону и зашла въ самую маленькую, простенькую церковь, въ надеждѣ

---

[1]) Уменьшительное отъ „piccolo", т.-е. „маленькій", „малютка".

найти тамъ тишину и уединеніе, ближе подходящія къ ея душевному состоянію. Но и тамъ все приняло необычайный, торжественный и ликующій видъ: новая одежда на алтарѣ и на каѳедрѣ, чисто вычищенная серебряная утварь и украшенія, живые цвѣты въ старинныхъ вазахъ,—мѣсячныя розы, поражающія яркостью окраски,—все, все здѣсь вызывало праздничное настроеніе.

Опустившись на колѣни позади скамьи для бѣдныхъ, Элеонора склонила голову и попыталась забыться, углубившись въ молитву. Напрасно! Углубиться ей не удалось, и, наконецъ, къ чему молить Спасителя о чудѣ, которое ей мужа не вернетъ? Если-бъ онъ даже и вернулся къ ней,—сердце ея сковано льдомъ равнодушія и пережитой боли.

„Но тотъ... другой?.. Нѣтъ, нѣтъ! Въ церкви не подобаетъ о немъ думать,—это слишкомъ грѣшно, преступно!"—думала бѣдная женщина. Однако, съ ужасомъ замѣтила она, что эта мысль уже не такъ противна ей, не такъ ужасна, какъ бывало; не такъ смущаетъ ея цѣломудренную совѣсть.

Элеонора поспѣшила на просторъ, на улицу.

„Боже мой! Вдругъ я его встрѣчу!" — вспомнила она и свернула прочь отъ Корсо, гдѣ ее обыкновенно поджидалъ ея почтительный другъ. Дойдя до Пиньясекки,—этого тѣснаго квартала, заселеннаго простымъ народомъ,—она нѣсколько разсѣялась въ его мелочной суетѣ.

— За семь лиръ,—семь лиръ,—прекраснѣйшая рыба!

— Хотите: шесть?—спрашивалъ поваръ.

— Нѣтъ, семь!—весело настаивалъ продавецъ.

— Ну—шесть-пятьдесятъ!

— Семь!

— Ну, все равно,—давай! На что же у насъ Руффо Сцилла?

— Да здравствуетъ Сцилла!—воскликнулъ продавецъ, и вся толпа вокругъ единодушно подхватила:

— Да здравствуетъ Сцилла!..

Куда ни оглянись,—повсюду шумъ и давка, веселый споръ купли и продажи; въ воздухѣ носится какое-то особенное впечатлѣніе довольства и спокойствія за будущее; чувствуется, что всѣмъ вздохнулось свободнѣе, и что праздникъ Христовъ особенно отрадно встрѣчается всѣми... благодаря денежному приливу, нахлынувшему изъ новыхъ банковъ. Всѣ трактиры, всѣ открытыя лавчонки брались приступомъ; изо всѣхъ ларьковъ, которые выставили свои ракеты, бенгальскіе огни, колеса и прочія пре-

лести, принадлежности фейерверковъ,—въ руки прохожимъ совали объявленія.

Близъ Санъ-Джіакомо, у Элеоноры въ рукахъ очутился еще одинъ такой листокъ (на этотъ разъ—краснаго цвѣта), украшенный грубо исполненнымъ изображеніемъ „Фортуны", которая, едва касаясь своего колеса ногою, щедрою рукою сыпала червонцы изъ рога изобилія. А подъ этой многознаменательной картиной крупными буквами стояло:

„22%!

„Двадцать-два процента!

„22%,—*да, именно: двадцать-два процента!*"

а еще ниже: „*Банкъ Пальміери, ул. св. Бригитты, № 114, въ первомъ этажѣ, отъ десяти утра до пяти пополудни*".

И—ни слова больше! За какихъ-нибудь сто шаговъ по Толедо цифра 20 выросла еще на два процента. Вокругъ человѣка, раздававшаго афиши, тѣснилась толпа; изъ рукъ у Леоноры вырывали красный листокъ. За св. Бригиттой народное волненіе постепенно прекращалось; передвижныя лавчонки рѣдѣли и, наконецъ, уступили мѣсто большимъ магазинамъ съ зеркальными окнами и роскошной выставкой. Впрочемъ, прохожіе кучками останавливались передъ только-что наклеенной на стѣну большой афишей, гласившей, что—„благодаря чрезвычайному успѣху за границей, *Банкъ Коста* получилъ возможность выдавать по 23% съ золотой валюты и по 25% съ кредитныхъ бумагъ".

А внизу—подпись: „Банкъ Коста и К°".

Болѣе внушительный и достойный видъ производила эта афиша, нежели мелкіе листки, которые раздавались всякому встрѣчному.

Элеонора зашла въ кондитерскую, чтобы купить конфектъ для прислуги и для бѣдныхъ дѣтей, какъ она привыкла дѣлать ежегодно, чтобы доставить себѣ удовольствіе видѣть ихъ радость; но и въ кондитерской была давка. Всѣмъ нужны были сейчасъ же, непремѣнно, рождественскіе пряники, „sosamiello", на меду съ цукатами, темные, глянцевитые, и „mostacciuolo"—твердыя на видъ мучныя конфекты, но на вкусъ такія нѣжныя, что таютъ во рту, и „королевское тѣсто" всѣхъ цвѣтовъ—розовое, зеленое, бѣлое,—въ видѣ геометрическихъ фигуръ или даже булочекъ—продолговатыхъ, круглыхъ, треугольныхъ... Приказчики суетились; конторщики непрерывно заносили въ книгу заказы въ провинцію.

Молодые люди, изящно одѣтые, которыхъ Элеонора видѣла

на улицѣ, гдѣ они собирали вокругъ себя группы жадныхъ слушателей и, видимо, исполняли должность банковскихъ „сборщиковъ", collettore, тоже заходили въ кондитерскую Кафлиша и убѣждали нерѣшительныхъ кліентовъ щедрымъ угощеньемъ—малагой, ликерами или сластями.

Элеонора, которую здѣсь знали, сдѣлала знакъ приказчику, чтобы онъ отпустилъ ее скорѣе, и замѣтила:

— Какая толпа!

— По сорока-тысячъ франковъ въ день! — отозвался тотъ.

— Да! Всѣ накупаютъ себѣ сластей.

— Банки намъ очень расширили торговлю!—тихо отозвался швейцарецъ.

Уже смеркалось. Въ воздухѣ взвились первыя ракеты; вспыхнули бенгальскіе огни... Толпа еще больше зашумѣла, заволновалась; затрещали хлопушки, запрыгали все чаще и чаще шутихи и римскія свѣчи. Люди давили другъ друга безпощадно среди хохота и визга напиравшихъ на нихъ сосѣдей... Къ вечеру нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей свезли въ больницу Пеллегрино, и всю ночь напролетъ въ Неаполѣ бушевала огненная буря.

Элеонора легла лицомъ въ подушки, чтобъ успокоить хоть немного свои напряженные нервы; но палаццо Каріати дрожалъ и гудѣлъ отъ гомона толпы и отъ огненныхъ взрывовъ, которые безпощадно били ее по нервамъ...

Въ тотъ же день тысячи лиръ, выданныя банками, были пущены на воздухъ въ видѣ фейерверочныхъ ракетъ.

VI.

Въ восемь часовъ утра Рафаэлла вошла, по обыкновенію, въ спальню. Элеонора читала, но ея потемнѣвшее, блѣдное лицо и усталые глаза выдавали тревогу этой ночи, проведенной безъ сна.

Разсѣянно, голосомъ, который привыкъ не выражать ни печали, ни радости, молодая женщина, по обыкновенію, спросила:

— Донъ Карло вернулся?

— Нѣтъ еще,—былъ обычный отвѣтъ, и горничная не подняла глазъ съ досады, что ей не приходится сообщать ничего болѣе пріятнаго за минувшіе четыре дня.

Одиночество постепенно завладѣвало всѣмъ женскимъ существованіемъ Элеоноры; она не ждала больше ничего ни отъ

Бога, ни отъ мужа, ни отъ людей. Она жила теперь изо дня въ день, не пытаясь разбираться въ своемъ положеніи; она старалась не думать, опасаясь, какъ бы порывъ отчаянія не натолкнулъ ее на какую-нибудь крайность. Молодая, прекрасная собой, съ безграничнымъ запасомъ нѣжныхъ и благородныхъ побужденій, она была осуждена пройти свою житейскую дорогу одиноко,—безъ спутника, безъ помощи, безъ утѣшенія.

— Нѣтъ, только бы не думать, не углубляться!—говорила она себѣ, и старалась отдавать все свое вниманіе мелочнымъ фактамъ внѣшней жизни, чтобы не видѣть, какой крупный фактъ совершается у нея на душѣ.

— Гдѣ можетъ быть донъ-Карло?—спрашивала иной разъ Рафаэлла.

— Ѣздитъ по дѣламъ,—кротко отвѣчала его жена; но разспросы становились все чаще, и, наконецъ, однажды, на замѣчаніе своей камеристки, она сухо отозвалась:

— Прошу васъ не вмѣшиваться не въ свое дѣло!

И съ этой минуты больше никто уже не смѣлъ съ нею заговаривать о мужѣ.

Однако, въ то утро Рафаэлла рискнула замѣтить:

— Онъ, можетъ быть, сегодня возвратится?

— Можетъ быть,—задумчиво отвѣтила въ полголоса Элеонора.

Внезапный ливень прервалъ ихъ разговоръ. Теплый, первый дождь несказанно обрадовалъ неаполитанцевъ; на улицѣ забѣгали, засуетились; мальчишки весело запрыгали босикомъ по лужамъ и радовались случаю помокнуть подъ дождемъ, съ восторгомъ выкрикивая:

— Дождикъ! Дождикъ!

Но ей-то, ей,—Элеонорѣ,—что̀ за дѣло, что идетъ дождь, предвѣстникъ теплой, пріятной погоды, вмѣстѣ съ которой пришелъ конецъ холодному времени, особенно жуткому для бѣдняковъ! Для нея нѣтъ больше ничего жуткаго, ничего пріятнаго: вся жизнь ея впереди—сплошная зима, безпросвѣтная, холодная!...

— Вамъ письмо!—объявила Рафаэлла, прерывая ея думы:—Ждутъ отвѣта.

Элеонора равнодушно распечатала конвертъ. Въ этомъ краткомъ посланьѣ говорилось:

„Синьора! Я исполнилъ порученіе, которое вы мнѣ дали. Особѣ, которую вы любите, угрожаетъ опасность; ея спасеніе зависитъ отъ васъ, отъ васъ одной! Время не терпитъ. Ска-

жите, гдѣ я могу сегодня же васъ встрѣтить; не смѣю просить разрѣшенія явиться къ вамъ. Приказывайте, и я буду повиноваться. Примите увѣреніе въ моей глубокой преданности.

„Паоло Коллеманьо".

— „Особѣ, которую вы любите"... Люблю ли я его еще?— спросила себя Элеонора, и ей казалось, что она уже не любитъ ни себя, ни другихъ, ни кого бы то ни было на свѣтѣ. Любовь умерла въ сердцѣ ея навѣки; но она—его жена, она носитъ его имя, и попытается его спасти. Она поспѣшила отвѣтить Паоло:

„Если позднѣе солнце еще будетъ свѣтить, будьте въ паркѣ Каподимонте, въ первой аллеѣ. Я туда приду. Благодарю.

„Елеонора Триджіано".

Какъ знать? Можетъ быть, солнце вовсе не покажется сегодня и, такимъ образомъ, избавитъ ее отъ тяжелой необходимости двигаться, выходить на улицу, окунуться опять въ омутъ необходимой борьбы съ угрожающей, еще невѣдомой бѣдою. Элеонорѣ страшнѣе всего было думать, что она опять очутится лицомъ къ лицу со своимъ преданнымъ, энергичнымъ другомъ; опять увидитъ его открытый, честный взглядъ, услышитъ его умиленный голосъ, который невольно находитъ отголосокъ въ ея сердцѣ... Къ чему ей, слабой женщинѣ, судила судьба опять борьбу съ обстоятельствами, когда у нея больше нѣтъ на это силъ, нѣтъ рѣшимости?!

Дождь рѣже и слабѣе стучалъ въ окна, а въ душѣ Элеоноры пробуждались прежнія тревоги и сомнѣнія. Она возбужденно ходила по комнатѣ; ей было уже слишкомъ жарко въ ея шерстяномъ монашескомъ капотѣ: лихорадочно билась кровь у нея въ жилахъ. Она ходила взадъ и впередъ, въ воображеніи своемъ рисуя самыя трагическія случайности и уже забывая о дождѣ, который уступалъ мѣсто теплу и свѣту...

Время шло,—часы для нея смѣнялись, какъ минуты, въ непрерывной, все возростающей тревогѣ.

„Необходимо дѣйствовать! Опасность угрожаетъ человѣку, котораго я когда-то любила... но не люблю теперь... Нѣтъ, не люблю и не буду любить больше—ни его, ни кого другого!... Но честь надо спасти... да! надо исполнить долгъ, надо дѣйствовать!"

Элеонора послала за каретой и всю дорогу до самаго парка торопила кучера, почему-то мысленно подгоняя себя, словно поддаваясь какому-то внутреннему стремленію. Нѣсколько разъ спускала она окошко, обращаясь къ кучеру; наконецъ, отчаявшись, закрыла глаза и постаралась забыться хоть на время, хоть не

надолго. На пустынной дорогѣ—ни души. Лѣтомъ ее оживляютъ заселенныя дачниками виллы; зимой окна и двери наглухо заколочены; деревья мерзнутъ, обнаженныя, и безнадежной тишиною вѣетъ отъ безмолвныхъ садовъ. На Элеонору, напротивъ, эта тишина и покорность судьбѣ подѣйствовали благотворно: нервы ея улеглись, на душѣ становилось яснѣе...

Карета остановилась передъ воротами парка. Сторожъ, знавшій въ лицо синьору Триджіано, которая нерѣдко пріѣзжала погулять въ тѣнистыхъ аллеяхъ, лишь мелькомъ заглянулъ въ ея билетъ и пропустилъ ее немедля. Элеонора пошла въ королевскій садъ и, не спѣша, пошла по аллеѣ... а на встрѣчу ей уже шелъ ея вѣрный другъ, Паоло Коллеманьо.

Не обмѣнявшись рукопожатіемъ, они только молча обмѣнялись взглядомъ и тихо пошли рядомъ по песку, еще влажному отъ дождя. Прошлогодній листъ не шелестѣлъ у нихъ подъ ногами; снѣгъ больше не скрывалъ блѣдной травки, уже пробивавшейся мѣстами между старой, отжившей травой; деревья подернулись зеленою дымкой. Рядомъ съ вѣрнымъ, преданнымъ другомъ Элеонора чувствовала себя увѣреннѣе, спокойнѣе; ей даже чудилось, что, вмѣстѣ съ оживающей природой, въ душѣ ея, въ самой глубинѣ, оживаютъ какія-то смутныя, но свѣтлыя надежды—юныя и невинныя, какъ эта чуть-зарождающаяся зелень и еще не раскрывшіеся весенніе цвѣты... Съ восторгомъ влюбленнаго, Паоло любовался ея свѣтлорусой головкой, ея стройнымъ станомъ и блѣднымъ лицомъ,—нѣжнымъ, какъ у дѣвочки-подростка. А она, между тѣмъ, не переставала чувствовать свое горе, постепенно становилась хладнокровнѣе, думая лишь о необходимости помочь мужу, исполнить свой послѣдній долгъ по отношенію къ нему.

„Послѣдній долгъ... послѣдній“!—думала она, и это слово: *послѣдній*, назойливо возвращалось и дрожало у нея на губахъ, какъ будто въ немъ была разгадка всего ея существованія.

Дойдя до деревянной скамьи, она опустилась на нее, а Паоло покорно остался стоять на ногахъ передъ нею; кончикомъ своей палки онъ машинально подбрасывалъ камешки.

— Говорите, Паоло!—тихо произнесла Элеонора.

— Нелегко было исполнить ваше порученіе, синьора; но я сдержалъ свое обѣщаніе. Весь городъ, вся провинція охвачена возростающимъ безуміемъ, отъ котораго трудно уберечься въ такомъ южномъ, жаркомъ климатѣ, какъ нашъ, распаляющій воображеніе.

— Но вы доискались истины, не правда ли?—спросила она,

тревожно уставившись на него, какъ будто только онъ все зналъ,—всю правду.

— Да. Съ большими затрудненіями, но все-же доискался. Я разслѣдовалъ это дѣло самъ для себя, но какъ настоящій слѣдователь—очень точно, и теперь могъ бы доставить всѣ данныя тому, кто долженъ будетъ вести этотъ процессъ.

— Процессъ?!—блѣднѣя, повторила Леонора:—Какой процессъ?

— Синьора Элеонора! — почти торжественно проговорилъ онъ:—Эти банки—не что иное, какъ дерзкая ловушка. Банкиры, ихъ служащіе и... *сборщики*—всѣ до одного—плуты.

Въ глазахъ у нея потемнѣло; ихъ заволокло слезами. Она прикусила губы.

— Во всѣхъ этихъ сказкахъ, которыя распространены въ народѣ, нѣтъ ни слова правды,—продолжалъ онъ, разъясняя сказанное.—Ни Ротшильдъ, ни англійскій банкъ, ни Францискъ II Бурбонскій тутъ ни при-чемъ. Нѣтъ на свѣтѣ такихъ денегъ, которыя приносили бы двадцать, пятнадцать или хотя бы десять процентовъ въ мѣсяцъ, какъ ни были бы смѣлы операціи, которымъ ихъ подвергнутъ. Всѣ эти Руффо Сцилла, Коста и безчисленная толпа мелкихъ, остальныхъ — не банки, даже—не спекуляторы: они—безсовѣстные грабители народныхъ денегъ. Грабители, и только! Тѣ грандіозные проценты, которые они выдаютъ вкладчикамъ, они просто отнимаютъ отъ взносовъ, а все остальное разбираютъ по карманамъ сами, проѣдаютъ или сорятъ въ тотъ же вечеръ въ веселой компаніи, стараясь въ чаду бѣшенаго, необузданнаго веселья забыть о неминуемой, роковой развязкѣ, въ которой и женщины, и кутежи, и лошади, и общество, и всѣ эти принадлежности разнузданной жизни...

— Вы говорите, они всѣ—грабители?—машинально перебила Элеонора.

— Всѣ безъ исключенія! Одному деньги нужны на лошадей, другому—на женщинъ, третьему—на ложу въ „Санъ-Карло", или на изысканный столъ, и всѣ они—сообщники плутовъ. Я знаю, что вкладчиковъ прельщаютъ ежемѣсячные крупные проценты; знаю, что презрѣнная страсть къ легкой наживѣ поработила очень многихъ порядочныхъ людей... Но, Боже мой! Какъ много мелкихъ бѣдствій повлечетъ за собою катастрофа, неизбѣжно угрожающая банкамъ! Какое множество скромныхъ, трудовыхъ сбереженій погибнетъ за одинъ разъ въ общемъ крахѣ! Какую нищету повлечетъ онъ за собою!..

— Катастрофа?—робко спросила Элеонора.

— Да, черезъ три-четыре дня. Всѣ нити этого грандіознаго мошенничества уже въ рукахъ правосудія.

— А мой мужъ? Вы думаете, что и онъ скомпрометированъ серьезно?

Паоло съ минуту колебался.

— Да, думаю!—съ трудомъ проговорилъ онъ.

— Вы увѣрены?—настаивала она почти грубо.

— Есть доказательства противъ него.

— И этихъ доказательствъ, явленныхъ на судѣ, довольно для того, чтобы отдать его подъ судъ и засудить?

— Да. Его имя окажется на компрометирующихъ бумагахъ. Необходимо ихъ уничтожить. Какъ только ихъ не будетъ, останутся одни голословныя свидѣтельства лицъ, которыя поручили ему внести деньги въ банкъ. Въ виду отсутствія письменныхъ уликъ, эти свидѣтельства не будутъ имѣть такой цѣны...

— О! — воскликнула Элеонора, оскорбленная его разсужденіемъ.

— Но ничего другого нельзя сдѣлать. Преступленіе сдѣлано; надо разыскать и уничтожить улики. А затѣмъ—необходимо уѣхать изъ Неаполя...

— Бѣжать?

— Да, бѣжать! Преступники ставятъ себѣ за правило—прежде всего—не попадать въ тюрьму. Впослѣдствіи... быть можетъ, все обойдется.

— Честь погибла безвозвратно! — холодѣя, пролепетала Леонора.

— Это несомнѣнно.

— Но что̀ же я должна дѣлать?

— Вы должны убѣдить вашего мужа, что ему грозитъ опасность и что онъ долженъ уничтожить вещественныя доказательства, а затѣмъ—выѣхать за границу. Можетъ быть, вамъ удастся такимъ образомъ спасти человѣка, котораго вы любите.

— Я больше не люблю его!—рѣшительно вырвалось у нея.

Паоло вскинулъ на нее глазами, и въ нихъ сверкнуло выраженіе страсти, оживившее его блѣдное лицо; но благородство этой страсти побудило его замѣтить:

— Все равно, ваша обязанность—его спасти!

— Я попытаюсь,—поникнувъ головой, промолвила она.

— И сейчасъ же, не откладывая. Поймите, что я настаиваю на его спасеніи ради васъ самой. *Васъ* я хочу спасти, и ваше имя, ваше будущее.

— Для меня, Паоло, будущаго нѣтъ, — печально проговорила она своимъ прекраснымъ, тихимъ голосомъ.

— Не говорите этого, Элеонора! И къ вамъ еще могутъ вернуться свѣтлые дни.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы знаете, что все пропало.

— Обѣщайте мнѣ, что сдѣлаете все возможное, чтобы хоть отчасти отклонить катастрофу.

— Какъ я это сдѣлаю?—смущенно глядя на него, промолвила Элеонора.—Вотъ уже четыре дня, какъ онъ не былъ дома.

— И вы не знаете, гдѣ онъ теперь?

— Нѣтъ; сперва онъ говорилъ мнѣ самъ, куда ѣдетъ, а теперь больше не говоритъ.

— Онъ по необходимости вернется...

— Какъ знать?—смущаясь все больше, сказала она.

— Вы должны чувствовать,—твердо сказалъ Паоло Коллеманьо,—что я всегда, непрерывно думаю о васъ въ этой катастрофѣ. Если онъ не уничтожитъ вещественныхъ доказательствъ, если не уѣдетъ, то кромѣ позора—знать, что мужъ въ тюрьмѣ, кромѣ ужасовъ отчаянія за него,—вамъ предстоитъ вынести полицейскій обыскъ, допросъ у слѣдователя и, можетъ быть, необходимость выступить свидѣтельницей на судѣ и испытать всѣ, всѣ эти унизительныя подробности судопроизводства... О, Элеонора, ангелъ мой, святая! Каково вамъ будетъ все это претерпѣть?

— О, Боже! О, Боже!— ломая руки, въ отчаяніи воскликнула бѣдная женщина.

— Бѣдный другъ мой!—проговорилъ Паоло.

Элеонора вдругъ зардѣлась, какъ молодая дѣвушка, которой впервые приходится выслушивать слова любви. Растерявшись, въ отчаяніи, она содрогнулась при мысли, что ея жизнь навѣки связана съ жизнью негодяя... Она вскочила, какъ будто ее кто ударилъ по лицу.

— Хорошо! Я исполню свой послѣдній долгъ!—рѣшительно зазвучалъ ея голосъ.—Но сперва я должна вамъ признаться: я унижена, я подавлена вашимъ великодушіемъ. Вы такъ добры, вы такъ снисходительны и такъ великодушны, что передъ вами я чувствую себя жалкой, безпомощной, ничтожной, малодушной. Я заставляла васъ страдать, а сама не стоила того, чтобы ваше сердце за меня томилось. Прошу васъ, простите мнѣ... Скажите, что прощаете!

Голосъ ея дрожалъ, но она смотрѣла прямо ему въ лицо.

— Не говорите этого, любимая моя! — упавшимъ голосомъ возразилъ онъ.

— Да, я этого не стою! Я—грубое, заурядное созданіе. Я васъ измучила и, повторяю вамъ,—прошу у васъ прощенія. Я не уйду, пока вы не скажете, что мнѣ простили.

— Богъ васъ благослови, сердце мое, за то добро, которое вы мнѣ сдѣлали!—съ нѣжностью проговорилъ Паоло, и они, попрежнему, тихо пошли по дорожкѣ, рядомъ, но не подъ-руку, не обмѣниваясь ни словомъ, страдая всей своей правдивою душой за грѣхи другихъ. Медленно шли они обратно, стараясь продлить томительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несказанно отрадное свиданіе.

Дойдя до замка Камподимонте, гдѣ имъ предстояло разстаться, Паоло взялъ и пожалъ руку Элеонорѣ, какъ бы желая въ этомъ рукопожатіи передать ей свою нѣжность и силу духа.

— Послушайте, Элеонора! Я не другъ дома вашего, и не смѣю самъ явиться къ вамъ; но, съ этого вечера, помните, что подъ одной кровлей съ вами есть другъ, который вамъ преданъ больше всѣхъ друзей на свѣтѣ, и какая ни понадобилась бы вамъ услуга,—онъ всегда и на все готовъ. Напишите мнѣ или прикажите на словахъ, и я исполню, чтò бы вы ни пожелали, —все, чтò бы вы ни пожелали. Я тутъ, около дома вашего стою какъ сторожъ—на часахъ. Окажите мнѣ эту милость, не забывайте этого въ тяжелыя минуты.

— Не забуду, всегда буду объ этомъ помнить, — отвѣтила она въ глубокомъ смущеніи, и быстро пошла прочь, словно боясь поддаться умиленію.

Усѣвшись глубже въ карету, она вся отдалась мыслямъ о мужѣ, человѣкѣ грубомъ и легкомысленномъ, лживомъ и безпечномъ, который въ былое время, когда ихъ любовь была еще взаимна, прикидывался деликатнымъ. Но недолго вѣрила Элеонора этому притворству: она вскорѣ поняла его, и наступило разочарованіе. Чтò сказать теперь человѣку, который, уже будучи богатъ, не стѣснялся обманывать людей и водилъ знакомство съ плутами, лишь бы добыть побольше лишнихъ денегъ. Гдѣ найти словъ, достаточно убѣдительныхъ, чтобы подѣйствовать на этого беззаботнаго весельчака-обманщика? Элеонора молила Бога, чтобы Онъ вразумилъ ее растрогать сердце ея мужа. Увы! У нея не было больше надежды, и ей казалось, что все пропало безвозвратно...

Карета медленно спускалась обратно къ Неаполю. Элеонора пыталась хоть приблизительно составить планъ, какъ говорить

съ мужемъ; но она предвидѣла, что всѣ ея попытки разобьются о безпечную безсовѣстность дона Карло.

И въ самомъ дѣлѣ,—что̀ можно сказать человѣку, которому не бѣдность и нужда, а порочность подсказываетъ его преступленіе?

VII.

Поздно вернулась домой Элеонора и, не выходя изъ кареты, подозвала швейцара.

— Мой мужъ не вернулся?

— Нѣтъ, еще не вернулся.

— Не было ни письма, ни телеграммы?

— Нѣтъ.

Элеонора склонила голову, говоря сама себѣ, что судьба упорно хочетъ сломить ея мужество.

— Что̀ дѣлать? Вернуться домой и ждать его... Нѣтъ, не хватаетъ терпѣнія! Лучше двигаться, суетиться, бѣжать на поиски мужа, хотя бы съ увѣренностью, что его не найдешь.

Она приказала кучеру везти ее въ банкъ Косты, но пріѣхала туда въ ту минуту, когда банкъ уже запирался. Служащіе, люди веселые и молодые, со смѣхомъ, съ болтовней, расходились по домамъ. Съ сигарою въ зубахъ, счастливые тѣмъ, что вырвались на волю, они громко говорили, напоминая ей своими манерами — мужа. Она не посмѣла ничего спросить и только растерянно на нихъ смотрѣла, думая про себя:

„Дня черезъ четыре, черезъ пять, имъ будетъ уже не до смѣха!“

Потомъ, чтобы обмануть свою тревогу, она приказала везти себя всюду, гдѣ ей почему-либо казалось возможнымъ застать Карло: въ его клубъ, въ его привычный ресторанъ, къ нѣкоторымъ изъ ихъ общихъ знакомыхъ. Чтобы никто не прочелъ на ея лицѣ выраженія отчаянія, она оставалась въ каретѣ и посылала кучера узнать, не тамъ ли Карло? Флегматичный старикъ уходилъ и возвращался все съ тѣмъ же неизмѣннымъ отвѣтомъ:

— Дней пять уже нигдѣ не видѣли Карло Триджіано.

Элеонора давала ему новый адресъ—и ея путь снова начинался.

Подъ-конецъ, когда мужа нигдѣ не оказалось и ей приходилось только искать его на улицѣ, она подумала:

„Должно быть, онъ у Лидіи Джойа!“

Въ горячемъ стремленіи спасти его, она вѣроятно не заду-

малась бы поѣхать и къ этой особѣ, но адресъ былъ ей неизвѣстенъ. Она вернулась домой.

Пока она платила извозчику, швейцаръ успѣлъ ей объявить:

— Синьорино вернулся съ часъ тому назадъ.

— А!—вырвалось у нея съ глубокимъ вздохомъ, и она проворно поднялась къ себѣ.

Рафаэлла ей отворила, и она также доложила:

— Синьорино уже вернулся, отобѣдалъ и теперь спитъ; до девяти не приказано будить.

— Я подожду,—пролепетала молодая женщина.

Снявши съ себя верхнее платье, Элеонора сѣла въ кресла и принялась покорно дожидаться, пряча лицо въ рукахъ.

— Кушать подано!—доложила Рафаэлла.

— Хорошо. Я буду обѣдать попозже.

— Синьорина, вы совсѣмъ потеряете здоровье, если будете такъ поздно обѣдать.

— Все равно. Можете идти. Только скажите мнѣ, когда синьоръ проснется.

Но ей пришлось прождать еще довольно долго,—вѣроятно, часа два. Мужъ ея спалъ тяжелымъ сномъ человѣка, перенесшаго большое нравственное и физическое утомленіе, и за двѣ комнаты, отдѣлявшія ее отъ спальни, Элеонора слышала его тяжелое, рѣзкое дыханіе.

Теперь, когда, по милости Божіей, она дождалась его домой, у нея было больше терпѣнія. Наконецъ, затрещалъ электрическій звонокъ, и Карло Триджіано, какъ всегда, поднялъ веселую возню, которая обыкновенно начиналась съ его пробужденіемъ. Онъ что-то напѣвалъ, говорилъ самъ съ собою, съ шумомъ выдвигалъ и захлопывалъ ящики, скрипѣлъ слегка по паркету своими изящными новыми башмаками.

Но и тутъ Элеонора сидѣла въ своемъ креслѣ и продолжала ожидать мужа въ гостиной. Онъ долго не являлся; а когда вышелъ, наконецъ, изъ своей комнаты, то былъ уже совсѣмъ одѣтъ, чтобъ выйти изъ дому—въ шляпѣ и шубѣ, которая была незастегнута, и въ отверстіе виднѣлась бѣлая крахмаленная рубашка. Увидя жену, къ которой онъ еще относился вѣжливо, Карло переста防 напѣвать и снялъ шляпу.

— Надѣюсь, ты меня извинишь,—счелъ онъ нужнымъ замѣтить,—что я не давалъ тебѣ знать. У меня не было ни минуты покоя: все дѣла!

— Все равно, все равно,—сказала она, глядя на него съ снисходительною жалостью.

— Вотъ и сейчасъ я долженъ ѣхать: у насъ финансовое дѣловое засѣданіе. Наше положеніе становится все труднѣе...

— Мнѣ надо переговорить съ тобою, — твердымъ голосомъ заявила жена.

— Но время терпить; завтра за завтракомъ. А теперь я долженъ ѣхать...

— Я должна говорить съ тобой сейчасъ, *сегодня*, а не завтра! — тѣмъ же тономъ повторила она.

— Ну, такъ сегодня вечеромъ, когда я вернусь... — предложилъ онъ, и, пытаясь отдѣлаться, назначилъ болѣе короткій срокъ.

— Нѣтъ, не ночью, а сейчасъ же! — упорно настаивала Элеонора.

— Но я долженъ ѣхать, — начиная терять терпѣніе, возразилъ онъ: — У меня неотложныя дѣла...

— То, что я должна тебѣ сказать, — еще неотложнѣе!

— Вы, женщины, всегда такъ говорите, — проворчалъ онъ. — А потомъ, когда васъ послушаешь, и выйдетъ, что это все пустяки. А если-бъ я просилъ тебя, въ видѣ одолженія, отложить разговоръ до завтра?

— Нѣтъ! — еще настойчивѣе возразила она. — Я должна говорить съ тобой сегодня вечеромъ, сейчасъ же! Я пять дней ждала тебя и не имѣла отъ тебя вѣстей. Я тебя искала цѣлый день, повсюду. Теперь же я прошу тебя остаться здѣсь и выслушать меня.

Видъ ея былъ такой спокойный, а голосъ такой твердый, что на мужа это произвело сильное впечатлѣніе. Онъ привыкъ видѣть ее всегда такой кроткой и любезной; онъ чувствовалъ свою вину; чувствовалъ, что жена была вправѣ говорить съ нимъ такимъ образомъ.

— Я слушаю тебя, — сказалъ онъ, садясь, но не выпуская изъ рукъ шляпу и палку, точно пришелъ съ визитомъ.

— Карло! — начала Элеонора, послѣ минутнаго молчанія: — твоей довѣрчивостью злоупотребляютъ; тебя обманули; твоя дружба съ банкиромъ Коста впутала тебя въ дурныя дѣла. Ты уже четыре мѣсяца работаешь на пользу людей, которыхъ каждый честный человѣкъ считаетъ плутами и грабителями. Ты живешь въ средѣ лицъ, которыя, можетъ быть, завтра же должны будутъ явиться предъ судомъ...

Съ первыхъ же словъ, Триджіано смертельно поблѣднѣлъ; но по мѣрѣ того, какъ жена продолжала говорить спокойно, онъ постепенно ободрялся и только покручивалъ усы, какъ будто ему

докучалъ этотъ разговоръ. Жена смотрѣла прямо ему въ глаза, продолжая:

— Да, ты обманутъ, Карло! Ты честный человѣкъ; по добротѣ своей, по своей порядочности, ты не подозрѣвалъ, въ какой омутъ тебя втянули. Тебя, честнаго и прямого, тебя—человѣка, въ руку котораго я съ гордостью вложила свою,—могутъ завтра же ввергнуть въ пучину позора. Я вѣрю... я надѣюсь, что ты еще успѣешь спастись. Порви, сожги, уничтожь всѣ бумаги, письма, квитанціи и разомъ порви съ Костой, а затѣмъ уѣзжай, отправляйся путешествовать...

Онъ смотрѣлъ на нее и принужденно смѣялся.

— Не смѣйся, не смѣйся!—говорила она, и въ голосѣ ея слышалось отчаяніе.

— Я смѣюсь тому вздору, который тебѣ натолковали! Коста— одинъ изъ самыхъ умныхъ спекуляторовъ въ Европѣ; онъ—финансовая сила. Увѣряю тебя, надъ тобой подшутили, — заключилъ онъ тономъ снисходительной жалости.

— Дня черезъ три, Коста и всѣ другіе будутъ отданы подъ судъ,—съ трудомъ сдерживая негодованіе, возразила жена.—Въ рукахъ оберъ-прокурора уже собраны всѣ письменныя доказательства...

— Вздоръ! Мистификація! Всѣ власти—наши же друзья. Я— компаньонъ Косты изъ принципа; я не намѣренъ отступаться отъ него, и разбогатѣю такъ же, какъ онъ...

— На краденыя деньги!—грубо вырвалось у нея.—И я буду женой грабителя!

— Элеонора! Ты теряешь голову!.. Замолчи!

Она закрыла глаза, и губы ея побѣлѣли отъ сдержаннаго волненія. Казалось, она обмерла.

Въ глубинѣ души, онъ былъ, однако, не совсѣмъ спокоенъ, несмотря на свое негодованіе; но, какъ человѣкъ малодушный, искалъ самъ себя разувѣрить пустыми оправданіями.

— Деньгами все добудешь,—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Все въ мірѣ продажно!

Элеонора содрогнулась.

— Мы вѣдь не дураки! Мы такъ хорошо обставили свои дѣла, что краха быть не можетъ! Слишкомъ многимъ пришлось бы рухнуть вмѣстѣ съ нами. Разувѣрься, — мы приняли всѣ предосторожности...

Слушая это грубое признаніе, видя, что мужъ не хочетъ воспользоваться преимуществами, которыя ему предоставляетъ ея сни-

сходительная ложь, будто она вѣритъ въ его честность, Элеонора почувствовала, что въ душѣ ея все рушится, все гибнетъ.

— Ты, значитъ, зналъ, что эти банки—мошенническая продѣлка?—холодно спросила она.

— Потише, потише!.. Это—смѣлая спекуляція, дающая однимъ преимущество надъ алчностью и глупостью другихъ. Мы выдаемъ проценты...

— Взятые изъ капитала! — воскликнула она все такъ же холодно.

— Ты говоришь о томъ, что̀ тебя не касается. Это не женскаго ума дѣло...

— Ты мнѣ не вѣришь?

— Да, не вѣрю.

— И ничего не сдѣлаешь, чтобы себя спасти?... Прошу тебя и умоляю... ради чести, ради имени твоего, ради... нашей прежней любви...

— Фразы! Фразы!—повторялъ онъ.

— Умоляю тебя, сожги все, и уѣзжай, уѣзжай!

— Нѣтъ!—грубо возразилъ Карло.

Элеонора низко наклонила голову, какъ бы для того, чтобы собраться съ мыслью; а поднявъ ее, уже не выказала ни малѣйшей тѣни волненія.

— Понимаю!—вымолвила она:—Вы не лучше другихъ! Вамъ нужны чужія деньги для вашихъ кутежей и пороковъ. Я думала, что вышла за порядочнаго человѣка, а сдѣлалась женою... негодяя!

— Элеонора!

— Краска стыда горитъ у меня на лицѣ при мысли, что я ношу ваше имя! Вы наложили руку на чужія деньги, на деньги бѣдняковъ. Извинить себя бѣдностью, нуждой—и того даже вы не можете! Вы воруете, чтобъ содержать какую-то Лидію Джойа!

— Ну, и прекрасно. Вамъ что̀ за дѣло?

— О, святая Дѣва, помоги мнѣ!

— Ты, кажется, воображала, что я всю жизнь проведу въ созерцаніи твоихъ безжизненныхъ очей? Ты воображала, что я буду стариться, перебирая четки, не отходя отъ тебя? Лидія—моя прихоть, и я эту прихоть себѣ разрѣшаю. Но вѣдь не на твои же деньги?

— О, Мадонна, просвѣти меня!

— У тебя, кажется, есть все, что̀ тебѣ нужно; я ни въ чемъ не даю тебѣ нуждаться. Развѣ ты не свободна? Оставь и мнѣ свободу, не надоѣдай! Эти сцены, эти трагедіи—мнѣ надо-

ѣли: знай, что ими ты не удержишь мужа дома. Смотри, какъ бы я совсѣмъ не ушелъ отъ тебя!

— Ты будешь жить... съ нею?

— Съ нею, или съ другой, или совсѣмъ одинъ,—все лучше, чѣмъ съ женщиной, которая ноетъ и злится, и позволяетъ себѣ оскорблять порядочныхъ людей, начиная съ своего же мужа!

— Но вѣдь *я* могу уйти!—вся блѣдная, ошеломленная, проговорила она.

— Твоя воля! Я не вижу, собственно, куда бы ты могла дѣваться; но я даже не спрашиваю тебя объ этомъ.

— Всякое живое существо найдетъ себѣ пріютъ,—поднявъ взоры къ небу, прошептала она.

— Не разыгрывай трагедію и... уходи!—грубо прервалъ онъ.

— Карло, подумай! Ты самъ меня гонишь вонъ изъ дома, самъ заставляешь отъ тебя уйти. Помни это!

— Я думаю, что мы вообще не созданы другъ для друга... Уходи же!

— Прощай же!

Элеонора отвернулась отъ него, и какъ была, въ капотѣ, съ непокрытой головой, вышла изъ комнаты, низко опустивъ голову подъ бременемъ роковой судьбы.

Машинально Карло проводилъ ее глазами, посасывая свою сигару. Изъ любопытства, онъ дошелъ до порога и посмотрѣлъ, куда она пошла. Вмѣсто того, чтобы идти внизъ, она, какъ во снѣ, шла, не оглядываясь, на верхъ и постучала въ дверь въ третьемъ этажѣ. Съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, какъ эта дверь захлопнулась за нею, и, вернувшись къ себѣ въ комнату, позвалъ Рафаэллу.

Та пришла, блѣдная, дрожащая. Она видѣла и слышала все, что̀ произошло.

— Кто живетъ въ третьемъ этажѣ?—спросилъ онъ равнодушно.

— Синьоръ Паоло Коллеманьо, — отвѣчала она, не поднимая глазъ.

— Это—любовникъ синьоры?—сквозь зубы, свистящимъ голосомъ спросилъ онъ, хлеща по воздуху тросточкой.

— О, нѣтъ, нѣтъ!

— А!—отозвался онъ, нервно подергивая себя за усы, и вышелъ вонъ. Но въ походкѣ его была нѣкоторая неровность, и лицо нѣсколько поблѣднѣло.

А тамъ, наверху, когда Элеонора постучалась, ей отворилъ Паоло Коллеманьо, самъ отозвавшійся на стукъ. И тихо, какъ вздохъ, въ полутьмѣ прихожей, коснулся его слуха шопотъ:

— Я сама пришла.

Онъ опустился на колѣни, какъ передъ святою, и благоговѣйно коснулся губами края ея одежды...

VIII.

10-го февраля, въ Неаполѣ насчитывалось уже сто двадцать банковъ, разбросанныхъ по всѣмъ улицамъ, по всѣмъ участкамъ. Десять главнѣйшихъ, какъ, напримѣръ, банки Руффо Сциллы и Косты, еще соблюдали приличія въ своей обстановкѣ и даже выказывали нѣкоторую претензію на роскошь, но зато остальные, помѣщаясь бóльшею частью на плохихъ улицахъ, въ угрюмыхъ, грязныхъ и темныхъ домахъ, принадлежали какимъ-то темнымъ личностямъ, которыя неловко дѣлали свое дѣло, выполняя формальности, и безъ того уже немногочисленныя и несложныя, однако неизбѣжныя при взносѣ вкладовъ и выдачѣ процентовъ.

Чтобы открыть банкъ, стоило только нанять невзрачное помѣщеніе въ двѣ полутемныхъ каморки, поставить два хромыхъ стола, четыре плетеныхъ стула и посадить туда парочку субъектовъ съ физіономіей висѣльниковъ. Многіе изъ такихъ банковъ пріютились въ пустыхъ сараяхъ на такихъ улицахъ, какъ Трибунали, Мерканти, переулокъ Нило, Меццо-Каноне, населенныхъ всякаго рода разнообразнымъ людомъ, начиная съ семействъ средней руки, тружениковъ и работницъ, и кончая гнѣздами оборванцевъ, притонами разврата, игорными домами, гостинницами послѣдняго разбора и ссудными кассами.

Рядомъ съ послѣдними, какъ естественный ихъ отпрыскъ, выросталъ новорожденный банкъ, и въ немъ хозяйничали такія же ростовщически-отталкивающія личности, а во всей обстановкѣ замѣчалось нѣчто сродни этимъ учрежденіямъ: какъ и тамъ, здѣсь были тѣ же засаленные сюртуки, тѣ же помятыя и неопрятныя рубашки, тѣ же порыжѣвшіе воротнички.

Несмотря на непригладность такой обстановки, сочувствіе и довѣрчивость публики все возростали; а вмѣстѣ съ ними возростали и размѣры процентовъ, какъ съ вершины Альпъ снѣжный комъ неудержимо мчится и превращается въ грозную лавину.

Съ начала февраля, нѣкоторые изъ банкировъ рискнули вы-

давать проценты до срока, такъ что вкладчикъ, внеся деньги у одного окошечка рѣшетки, тотчасъ же подходилъ къ другому и получалъ на него проценты. Такой молніеносной быстроты въ денежныхъ оборотахъ еще отроду не было видано!

У кого своихъ денегъ не было, тотъ занималъ; женщины закладывали свое серебро и брилліанты, продавали свои богатые наряды; отставные—закладывали свои пенсіонныя книжки; завѣдующіе выигрышными лотереями postieri — дѣлали взносы на недѣлю, на двѣ, до того срока, когда имъ придется сдавать кассу. Агенты, которые вели дѣла за счетъ своихъ довѣрителей, даже самые честные,—и тѣ рисковали чужими деньгами, приводя себѣ въ оправданіе краткій срокъ своего смѣлаго самоуправства. Землевладѣльцы приставали къ своимъ арендаторамъ, чтобы скорѣе получить и свезти деньги въ банкъ. Во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ кружкахъ и товариществахъ бѣшеная страсть къ наживѣ запылала, проникнувъ даже въ учебныя заведенія, въ монастыри, въ жилища самыхъ бѣдныхъ и неимущихъ людей. Даже самые осторожные—и тѣ рѣшались разстаться со своими грошами. Ливнемъ полились въ банковскія кассы незначительные по размѣрамъ, но гигантскіе по своей численности взносы. Несли свои гроши и мальчишка трактирный, и прачка, и нищенка-ханжа, и отставной военный въ небольшихъ чинахъ, и учительница, и ея ученица, и, наконецъ, швейцары, сторожа...

Въ началѣ февраля выдавалось уже по 30% въ мѣсяцъ!

Многіе начинали испытывать холодную дрожь, предчувствуя нѣчто пагубное въ такомъ поголовномъ увлеченіи; но большинству неаполитанцевъ, людямъ съ пылкимъ воображеніемъ и отчаянной смѣлостью, которая свойственна южанамъ, это увлеченіе было на руку. Тщетно, съ самаго начала банковской горячки, кричала противъ нея честная и смѣлая газета „Pungolo" („Жало"); тщетно изощрялась она въ борьбѣ съ нарождающимся беззаконіемъ. Появились новыя газеты, органы новаго движенія въ пользу новыхъ банковъ—и банки принялись размножаться, какъ грибы.

Однако „Pungolo" упорно проповѣдывалъ свои истины, и, наконецъ, наступилъ день 11-го февраля, когда онъ объявилъ, что крахъ произойдетъ 12-го утромъ. Всѣ банки должны были рухнуть, какъ зàмокъ, сложенный изъ картъ.

Надобно сказать, что уже два-три раза эта смѣлая газета печатала подобныя предсказанія, и потому никто ей на этотъ разъ не повѣрилъ. Но съ восьми часовъ утра 12-го февраля пронесся слухъ, что въ теченіе дня банкъ Руффо Сциллы прекратитъ

платежи. Это было сигналомъ къ всеобщей паникѣ. Въ половинѣ девятаго распространилась вѣсть, что Руффо Сцилла ночью взятъ подъ арестъ и сидитъ въ тюрьмѣ. Сомнѣваться было некогда: въ ту же минуту начались аресты и обыски по всѣмъ участкамъ, во всѣхъ банкахъ одновременно.

Злополучные вкладчики толпами бѣжали къ мѣсту катастрофы и тѣснились тамъ, чуть живые отъ тревоги и ужаса. Одни словно окаменѣли, съ выраженіемъ отчаянія на мертвенно-блѣдномъ лицѣ; другіе съ искаженными чертами, какъ безумные, метались, ничего не видя, не слыша, сознавая единственно, что они погибли... погибли безвозвратно!

Передъ палаццо Фаучитано остановился завѣдующій лотереей и вѣрить не хотѣлъ, что крахъ состоялся: онъ только два-три дня тому назадъ внесъ нѣсколько тысячъ лиръ изъ своей кассы, а теперь... Его увѣрили, ему доказали, что это—дѣло совершившееся, и онъ тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, сошелъ съума,—зарыдалъ, захохоталъ, заревѣлъ, какъ бѣшеный.

Какой-то старикъ отчаянно вопилъ:—Убейте, убейте меня, дѣти! Я—убійца!—Юноша съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, какъ сумасшедшій, лепеталъ непрерывно все одно и то же:—Ничего теперь не остается, какъ только застрѣлиться!.. Застрѣлиться!—Еще одинъ—уже старикъ,—уходя прочь, бормоталъ себѣ подъ носъ, не осушая своихъ старческихъ, безпомощныхъ слезъ, словно потерявшій всякую способность соображать. Ужаснѣе всего было видѣть, какъ дѣйствовала эта поразительная новость на тѣхъ, которые, ничего еще не зная, стремились сюда вслѣдъ за толпой, и сразу голосовъ сорокъ-пятьдесятъ разражалось отчаянными, безумными воплями безсильнаго гнѣва и ужаса.

Женщины — богатыя и бѣдныя, работницы и аристократки, одинаково небрежно одѣтыя,—непричесанныя, схватившія впопыхахъ первую попавшуюся шляпу и накидку,—бѣжали безъ памяти сюда и сперва молча, жадно прислушивались и глядѣли, но затѣмъ—отдавались порыву отчаянія и поднимали ужасные вопли и смятеніе.

Но вся эта сцена рѣзко измѣнилась, когда обыски и аресты пришли къ концу, вещественныя доказательства были забраны, печати приложены. Полицейскіе, судейскія власти и жандармы удалились, унося вещи и уводя людей, у которыхъ еще хватило смѣлости (или, можетъ быть, дерзости?) явиться на мѣсто своего служенія, въ банкъ. Вещи, банкиры, служащіе и „сборщики",—все это вдругъ появилось на улицѣ и, какъ зловѣщее шествіе, двинулось мимо остолбенѣвшей толпы... Тутъ только всѣ ясно

поняли, что все дѣйствительно пропало, и взрывъ воплей и жалобъ слился съ могучимъ ревомъ и громкими проклятіями разсвирѣпѣвшей, озвѣрѣвшей массы несчастныхъ, жалкихъ людей. Дѣти и тѣ кричали вмѣстѣ съ матерями, которыя, не отставая отъ мужчинъ, рвались впередъ, чтобы протиснуться къ арестованнымъ, избить ихъ дò-смерти и разорвать въ клочки. Трудно было конвойнымъ противиться ихъ необузданному натиску, и имъ сильно доставалось отъ толпы, которая сама, своими руками стремилась наказать виновныхъ. На улицахъ Трибунали и Форія коммиссаръ и судья вынуждены были опоясаться своими шарфами и уже съ этими знаками своего служебнаго сана обратились съ громкой и рѣшительной рѣчью къ народу. Но въ другихъ мѣстахъ—Меркантн и Santa Maria la Nuova—пришлось вмѣшаться жандармамъ и военному взводу, чтобы спасти банкировъ и ихъ помощниковъ отъ ярости толпы; невозможно было добиться, чтобы эти пестрыя кучки потерпѣвшихъ убѣдились, что они больше ничего не дождутся—и разошлись бы по домамъ. Да что?! Подъ вліяніемъ сильнаго потрясенія, мужчины, женщины, юноши и дѣти не смѣли и подумать показаться домой: на это у нихъ не хватало духу, и они продолжали стоять посреди улицы, до отупѣнія не сводя глазъ съ того дома, съ той стѣны, за которой исчезли на вѣки ихъ кровные гроши...

Прошло еще нѣсколько чаеовъ—и толпа, подавленная горемъ, обезсиленная своимъ собственнымъ крикомъ, слезами и проклятіями, которыми она поносила виновныхъ, начала сама понемногу расходиться, тихо понуривъ голову...

Но уже имъ на смѣну спѣшили другіе. пострадавшіе.

Поѣзда изъ Салерно, изъ Казерты, изъ Фоджіи, изъ Кампобассо высаживали на вокзалѣ цѣлыя партіи злополучныхъ провинціаловъ. Лица у нихъ потемнѣли, глаза налились кровью и блуждали; они безмолвно присоединялись къ тѣмъ кучкамъ, которыя еще съ утра тамъ стояли и, казалось, все еще не могли насытиться созерцаніемъ своихъ собственныхъ бѣдствій.

Страннѣе всего было то, что провинціалы не издавали ни звука жалобы или проклятій. Угрюмые, безмолвные, они подозрительно поглядывали на неаполитанцевъ, въ каждомъ изъ нихъ видя своего заклятаго врага.

— Ужъ этотъ Неаполь! Недаромъ мы никогда ему не довѣряли. Цѣлыми тюками несли и везли мы сюда наши деньги, а онъ, проклятый, ихъ пожралъ!

Несчастные вѣрить не хотѣли, что неаполитанцы сами пострадали; имъ казалось, что тѣ только прикидываются потер-

пѣвшими, чтобы ихъ — провинціаловъ — вѣрнѣе провести. Они толкались въ толпѣ, оглядывая пытливо всѣхъ и каждаго, входили въ домъ, поднимались по лѣстницѣ и, убѣдившись, что на дверяхъ банка виситъ печать (но все еще не убѣжденные!),—они бросались къ слѣдователю, къ коммиссару, къ прокурору. Вездѣ въ пріемныхъ дежурили такіе же встревоженные, блѣдные неаполитанцы, какъ и они сами; вездѣ приходилось имъ подвергать себя мукамъ ожиданія и получать вездѣ неизмѣнный отвѣтъ:

— Пока еще ничего неизвѣстно. Надо обождать, что̀ выяснитъ дальнѣйшее слѣдствіе; что̀ скажутъ завѣдующіе ликвидаціей банковъ.

Пріѣзжіе дѣлали видъ, что вѣрятъ каждому слову, но въ душѣ все-таки не вѣрили никому и ничему. Они были убѣждены, что неаполитанцы составили заговоръ, чтобы ихъ обобрать и обмануть.

Съ наступленіемъ вечерней темноты, толпа медленно стала расходиться, и въ эту ночь,—первую послѣ погрома,—Неаполь вдругъ затихъ, какъ убитый. Театръ „Санъ-Карло“ и „Зимній Садъ“ закрыли свои двери,—зная, что сегодня нѐкому будетъ пировать въ ихъ стѣнахъ.

Въ глухихъ улицахъ, какъ и въ самыхъ людныхъ, многіе въ ту ночь не смыкали глазъ; всѣ оплакивали свою алчность или неосмотрительность; въ каждомъ домѣ раздавались стоны и жалобы. Каждая семья не досчитывалась кого-нибудь изъ своихъ: въ тюрьму,—въ эту ужасную тюрьму Санъ-Франческо!—засадили у кого отца, у кого брата или сына... Съ отчаянія, что гибнутъ и люди, и деньги, несчастные укоряли другъ друга, оскорбляли и словомъ, и дѣйствіемъ; нѣкоторые доходили даже до драки на ножахъ; другіе пускали въ ходъ револьверы...

На другой день съ утра разнесся слухъ, что въ городѣ было четыре случая самоубійства; что многіе изъ горожанъ бѣжали, безъ сожалѣнія покинувъ свою родину и родную семью, лишь бы только избѣжать позора. На̀-ухо передавались послѣднія новости о погибшихъ капиталахъ, и цифра ихъ съ часу на часъ гигантски разросталась, пока не стали извѣстны настоящія цифры дефицита.

— Десять милліоновъ... Двѣнадцать милліоновъ... Пятнадцать милліоновъ...

Дефицитъ банка Руффо Сциллы превысилъ двадцать милліоновъ; банка Косты—десять милліоновъ; остальныхъ, маленькихъ банковъ—четыре съ половиной милліона; въ общей сложности, крахъ поглотилъ тридцать-четыре милліона съ половиной...

Несчастный, не имѣвшій силы ни бѣжать, ни застрѣлиться, былъ не кто иной, какъ бѣдный и тщедушный преподаватель исторіи—Алессандро де-Перута.

12-го февраля, около восьми часовъ утра, уходя на урокъ, онъ получилъ отъ сестры своей изъ Джиффони-Валлепьяна длинное, сбивчивое, но отчаянное письмо. Она признавалась брату, что онѣ съ матерью глубоко виноваты передъ нимъ въ томъ, что до сихъ поръ скрывали отъ него свое увлеченіе розсказнями ловкаго сборщика, который побывалъ даже у нихъ въ деревнѣ, и соблазнительными слухами изъ Салерно; это ихъ побудило разстаться съ единственнымъ своимъ имуществомъ—домишкомъ и садомъ. Продавъ его за двѣ тысячи лиръ, онѣ мечтали удвоить или утроить этотъ ничтожный капиталъ, чтобы только не быть въ тягость бѣдному сыну, бѣдному брату, который выбивается изъ силъ, работая какъ волъ, чтобы помогать своимъ...

— На эти деньги, когда къ нимъ прибавятся проценты въ банкѣ Косты, можно будетъ купить домъ побольше, или хотя бы цѣлую ферму...—разсуждали онѣ.

Но увы! Давно уже присматривался къ ихъ домику и саду богатый сосѣдъ Франческо Сорджeнте, но давалъ слишкомъ низкую цѣну, хотя ему и хотѣлось непремѣнно его пріобрѣсти. Теперь онъ воспользовался тѣмъ, что онѣ торопились, и единственное ихъ сокровище, двѣ тысячи лиръ, было отправлено въ банкъ чрезъ посредство „сборщика“ Косты. Положимъ, тотъ выслалъ имъ квитанцію; но еще тогда же рѣзко правдивое письмо Алессандро, въ которомъ онъ отвѣчалъ сестрѣ на ея разспросы о банкахъ, невольно ее смутило.

Одна недѣля смѣнялась другою, а бѣдныя женщины все еще не рѣшались приступить къ неизбѣжному признанію. — Наконецъ, послѣ-завтра Франческо Сорджeнте долженъ уже водвориться въ ихъ старомъ домѣ; вотъ онѣ и рѣшили ѣхать въ Неаполь, вынуть свой вкладъ изъ банка Косты, а кстати и наросшіе за мѣсяцъ проценты...

Въ заключеніе, сестра говорила, что проситъ у брата прощенія, что не увѣдомила его раньше, и высказывала увѣренность, что онъ не поставитъ имъ въ вину этотъ обманъ,—онъ, такой неизмѣнно-добрый, справедливый, не знающій ни лжи, ни обмана!

Вотъ почему въ этотъ роковой день, 12-го февраля, Алессандро де-Перута метался по улицамъ Неаполя, кусая губы, чтобы только не разрыдаться, и леталъ изъ банка Косты въ квестуру, изъ квестуры къ оберъ-прокурору; оттуда—въ коммер-

ческій судъ; потомъ—опять въ квестуру и опять въ банкъ,—убитый горемъ, изнеможенный!

„Судьба сильнѣе меня, сильнѣе меня!—думалъ несчастный:—Она ослѣпила мать мою и сестру, этихъ святыхъ женщинъ... Бѣдныя! Она отняла у нихъ родной кровъ, надежное убѣжище подъ старость"...

Всякій смотрѣлъ сочувственно на худенькаго, маленькаго человѣчка, видимо слабаго, изнуреннаго, болѣзненнаго, не смѣя сказать прямо ему въ лицо, что больше другихъ пострадали вкладчики Косты: ни гроша не осталось на ихъ удовлетвореніе! Въ тотъ день, де-Перута, не ходилъ на уроки, не обѣдалъ, не завтракалъ, и только изрѣдка, въ своей непрерывной бѣготнѣ, останавливался выпить стаканъ свѣжей воды, и платилъ по два сантима за каждый.

Онъ пытался повидать Элеонору Триджіано; но она еще на зарѣ уѣхала съ Паоло Коллеманьо куда-то подальше, чтобы скрыть отъ людей и свою любовь, и свои душевныя муки.

Онъ пытался повидать Карло Триджіано; но тотъ еще на зарѣ выѣхалъ со скорымъ поѣздомъ на Туринъ и Парижъ. Злые языки прибавляли, что онъ уѣхалъ не одинъ, а съ дамой, и вдобавокъ—не съ пустымъ кошелькомъ, а набитымъ кровными грошами бѣдняковъ.

Какую ночь пришлось бѣдному Алессандро провести тамъ, на вышкѣ, одному, — одному со своими тяжкими думами! Убѣдившись въ своемъ несчастіи, онъ почувствовалъ не гнѣвъ, не обиду, которую по своей винѣ нанесли ему мать и сестра; нѣтъ, онъ и думать не могъ о нихъ иначе, какъ съ глубокой жалостью и съ состраданіемъ къ ихъ ужасному горю. Въ ту ночь онъ молилъ Бога, чтобы сокрушающая сила бѣдствій не сломила этихъ слабыхъ и довѣрчивыхъ женщинъ. Молилъ онъ Бога и о томъ, чтобы Онъ даровалъ ему силы до конца исполнить свой сыновній долгъ. И еще о томъ молилъ онъ Бога, чтобы его старушка-мать и сестра ни отъ кого, кромѣ какъ отъ него, не успѣли услышать роковую вѣсть.

„Мать стара и слаба; сестра — дѣвушка добрая и простая: это извѣстіе ихъ убьетъ!"—думалъ онъ.

Удивляться надо, откуда взялись силы и смѣлость у этого тщедушнаго человѣка—когда онъ поутру вышелъ встрѣчать своихъ на вокзалъ.

Едва завидя ихъ, онъ такъ пристально смотрѣлъ имъ въ лицо, какъ будто хотѣлъ все прочесть, что̀ было у нихъ на душѣ.

Онѣ были блѣдны и обѣ, очевидно, утомлены дорогой; но это

были лишь слѣды волненія отъ того, что имъ пришлось оставить свой родной очагъ, свой милый старый домъ,—слѣды усталости отъ непривычно-далекаго пути. Обнявъ его, онѣ два-три раза принимались дорогой говорить о деньгахъ,—послѣднихъ, которыя у нихъ остались и теперь составляли все ихъ достояніе.

Но Алессандро каждый разъ дѣлалъ знакъ рукою, какъ будто хотѣлъ сказать:

— Послѣ, послѣ!

Онѣ и умолкали; однако, въ душѣ невольно начинали ощущать смутную тревогу; а онъ тѣмъ временемъ силился собраться съ духомъ, чтобы сообщить имъ свою страшную вѣсть...

Наконецъ, усадивъ ихъ обѣихъ въ своей меблированной комнаткѣ, на вышкѣ, когда они очутились одни (совсѣмъ одни!), онъ взялъ, съ нѣжностью поцѣловалъ трудовую, морщинистую руку старухи и проговорилъ, блѣднѣя:

— Ма́ма! Одинъ только я у васъ и остался!

Это были женщины простыя, довѣрчивыя, и ихъ нетрудно было вовлечь въ обманъ; но онѣ тотчасъ же догадались, что̀ за грозная истина кроется въ его простыхъ словахъ. Сестра отчаянно вскрикнула и зарыдала; а мать...

Старуха силилась опуститься передъ сыномъ на колѣни, чтобы вымолить себѣ его прощеніе.

— О, мама! — воскликнулъ онъ, самъ весь дрожа отъ душевной боли.—Не бойтесь ничего: я вѣдь у васъ остался!

Съ итальян. А. Б—г—.

ТРИ
ХАРАКТЕРИСТИКИ

М. М. Троицкій.—Н. Я. Гротъ.—П. Д. Юркевичъ.

Чѣмъ рѣже между нами люди, которые отдаютъ свои силы важному, но не слишкомъ благодарному въ Россіи дѣлу философскаго образованія, тѣмъ болѣе, конечно, мы обязаны чтить ихъ память. Въ истекшемъ (1899) году мы лишились двухъ такихъ дѣятелей, и тогда же минуло четверть вѣка по смерти третьяго. Я зналъ всѣхъ троихъ лично, они для меня живые люди, и хотѣлось бы закрѣпить для другихъ оставшіеся во мнѣ умственные образы, до противоположности непохожіе между собою.

I.

Если философія, или—точнѣе и скромнѣе говоря—философское образованіе въ Россіи имѣетъ будущность, то, конечно, имя Матвѣя Михайловича Троицкаго должно навсегда остаться въ нашей умственной исторіи. Само собою разумѣется, что изъ трехъ оставленныхъ имъ сочиненій („Нѣмецкая психологія въ XIX вѣкѣ", „Учебникъ логики" и „Наука о духѣ") никакой западный европеецъ ничему бы не научился, но русскихъ людей первое изъ этихъ сочиненій, появившееся въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, научило въ свое время если не многому, то необходимому—безъ чего нельзя было бы идти дальше.

Какое значеніе имѣлъ Троицкій въ свое время, можно ви-

дѣть изъ слѣдующаго факта. Когда появилась его первая книга, которую по существу дѣла можно бы назвать—*опытомъ разрушенія нѣмецкой философіи и пересажденія къ намъ англійской психологіи*, между русскими писателями, прикосновенными къ философіи, особенно выдавались два: Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ и Николай Николаевичъ Страховъ. Оба они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были значительнѣе Троицкаго: Кавелинъ превосходилъ его своею живою и талантливою натурой; Страховъ—болѣе тонкимъ и многосторонне-образованнымъ умомъ. И тѣмъ не менѣе, Кавелинъ и Страховъ, стоявшіе притомъ очень далеко другъ отъ друга по школѣ, по направленію дѣятельности и по убѣжденіямъ, сошлись въ одинаково высокой оцѣнкѣ Троицкаго, какъ начинателя у насъ нѣкоторой новой умственной эпохи, какъ человѣка, открывшаго нѣчто весьма важное. Открылъ же онъ, какъ извѣстно, англійскую эмпирическую психологію.

Конечно, существованіе открытаго Троицкимъ умственнаго міра было у насъ и прежде извѣстно—во всякомъ случаѣ, Кавелину и Страхову, — какъ и ранѣе Колумба доходили до ученыхъ европейцевъ извѣстія о заатлантическомъ материкѣ. Но все-таки Америку открылъ Колумбъ—не въ силу своихъ знаній и мыслей, которыя у него были односторонни и ошибочны,—а въ силу своей рѣшимости плыть за океанъ на удачу, куда глаза глядятъ. Такъ и Троицкій своимъ значеніемъ въ исторіи русскаго образованія обязанъ своей отважной рѣшимости отказаться отъ всего философскаго наслѣдія ради новой твердой почвы для мысли. Увлеченіе увлекаетъ, и сосредоточеніе исключительно на одномъ,—предполагая иногда ограниченность,—всегда даетъ особую силу, которой могутъ быть лишены умы болѣе многосторонніе и зоркіе. Эта сила безповоротнаго, безоглядочнаго увлеченія, замѣтная въ первомъ трудѣ Троицкаго, увлекла Кавелина и Страхова и побудила ихъ къ высокой оцѣнкѣ начинающаго автора. Впослѣдствіи они въ немъ разочаровались. Дѣло въ томъ, что исполненный имъ въ молодости актъ всецѣлой отдачи себя англійской психологіи, какъ единственной и окончательной философіи, исчерпалъ весь духовный капиталъ Троицкаго. Въ его послѣдующемъ большомъ сочиненіи, не точно и притязательно названномъ: „Наука о духѣ“, ничего не прибавилось къ прежнему содержанію, но потеряны прежнія достоинства живой, убѣжденной рѣчи [1]), и проповѣдь философскаго

[1]) Въ газетномъ отчетѣ о собраніи „Философскаго общества“, гдѣ я говорилъ объ умершихъ московскихъ мыслителяхъ, мнѣ были по ошибкѣ приписаны слова, что будто

скептицизма и эмпиризма облечена въ совершенно ей несоотвѣтствующую *догматическую* форму, причемъ разныя малосодержательныя отвлеченныя положенія подвергаются, по обычаю старинныхъ схоластиковъ, всякимъ внѣшнимъ подраздѣленіямъ и сочетаніямъ.

Тотъ самый Страховъ, который горячо восхищался первою книгою Троицкаго, изъ этихъ новыхъ двухъ томовъ могъ прочесть только пятнадцать страницъ, и узнавъ, что я прочелъ сто-восемьдесятъ, сказалъ: „Ну, теперь я вижу, что вы въ самомъ дѣлѣ аскетъ. А впрочемъ—прибавилъ онъ лукаво,—я тоже усердно рекомендовалъ эту книгу двумъ молодымъ людямъ, интересующимся философіей: пусть и они къ умерщвленію плоти пріучаются".

Все сколько-нибудь значительное, что̀ производятъ люди, предполагаетъ въ нихъ „смутную тревогу чего-то жаждущей души". Эта тревога, пережитая и Троицкимъ въ началѣ его поприща, еще чувствовалась въ первомъ его произведеніи и, увлекая многихъ читателей, возбуждала большія ожиданія и надежды въ такихъ людяхъ, какъ Кавелинъ и Страховъ. Но, открывъ англійскую психологію, увлекшись ею и увѣровавъ въ нее, такъ въ абсолютную истину, Троицкій совершенно и навсегда удовлетворился, опочилъ отъ всякаго умственнаго движенія. Это окончательное успокоеніе выражалось и въ неизмѣнно ровномъ тонѣ его разговора, и въ блаженной улыбкѣ, никогда не сходившей съ его устъ. Достаточно было взглянуть на эту улыбку, чтобы понять, что для этого человѣка все уже рѣшено и подписано, что это уже не φιλόσοφος—„любитель", или „искатель мудрости", а настоящій σοφός—мудрецъ, вродѣ тѣхъ древнихъ „гномическихъ" мудрецовъ, которые успокаивались на безсмертныхъ изреченіяхъ: „ничего черезчуръ", или: „поручишься—близка бѣда".

Я познакомился съ Троицкимъ, когда единственный порывъ его жизни былъ имъ пережитъ, и онъ уже окончательно уподобился безмятежнымъ богамъ Эпикура, или, если угодно, стоячей водѣ. Возбудить въ немъ какой-нибудь умственный вопросъ, или живое участіе къ какому-нибудь теоретическому интересу было такъ же невозможно, какъ произвести бурное волненіе въ закрытомъ акваріумѣ. Такая духовная насыщенность пора-

въ сочиненіяхъ Троицкаго языкъ дурной. Въ томъ собраніи я вовсе о нихъ не упоминалъ со стороны языка; теперь же могу по этому поводу сказать, что Троицкій, вообще, насколько помню, *писалъ хорошо,* но что въ первомъ его сочиненіи языкъ болѣе живой и яркій, а въ послѣдующихъ—только правильный.

жала молодые голодные умы; видъ человѣка, несомнѣнно *нашедшаго* и блаженнаго своею находкой, неотразимо дѣйствовалъ на людей по преимуществу ищущихъ и ждущихъ находокъ— отсюда профессорская популярность Троицкаго, особенно между студентами перваго курса. Многіе его слушатели передавали мнѣ тѣ или другія его лекціи. Особенно типична была одна, которою онъ обыкновенно начиналъ свой курсъ психологіи.

Передавъ въ чертахъ болѣе краткихъ и ясныхъ, чѣмъ вѣрныхъ, главныя идеи Канта, Фихте и Гегеля, Троицкій дѣлалъ остановку и затѣмъ, смотря на аудиторію съ своею обычною блаженною улыбкой, произносилъ: „Вотъ вы сами, господа, видите. Ну, что же это такое? Что это такое? — Дрова, дрова! Ну, мы ихъ и отправимъ въ печку. — А теперь я перейду къ изложенію основъ нашей науки". И онъ начиналъ ясную и толковую передачу психологическихъ взглядовъ англійской эмпирической школы.

Въ чемъ же, однако, была дѣйствительная заслуга Троицкаго?

Конечно, не въ его успокоеніи на англійской психологіи, а въ его первоначальномъ увлеченіи ею. Эта психологія въ самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ такую точку зрѣнія, которая не только имѣетъ обще-философское значеніе, но безъ которой даже невозможна никакая (теоретическая) философія. И Троицкій, не только самъ усвоившій эту точку зрѣнія, но и съ успѣхомъ ставившій на нее другихъ, болѣе кого-либо сдѣлалъ чрезъ это возможнымъ дальнѣйшее серьезное философское образованіе въ русскомъ обществѣ.

Душа теоретической философіи есть отчетливый и послѣдовательный скептицизмъ—отказъ принимать на вѣру что бы то ни было. Въ новой философіи дважды выступало на первый планъ сомнѣніе въ самыхъ основныхъ предположеніяхъ общаго сознанія—разумѣю методологическій скептицизмъ Декарта и критицизмъ Канта, получившій съ этой стороны свое крайнее выраженіе у его преемника—Фихте. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, скептицизмъ былъ половинчатымъ, такъ сказать однобокимъ: его удары направлялись только на внѣшній міръ. Декартъ въ началѣ своихъ разсужденій показалъ, что можно безъ внутренняго противорѣчія допустить, что этотъ міръ на самомъ дѣлѣ не существуетъ, а есть лишь призракъ, или сновидѣніе субъекта; а Фихте рѣшительнѣе и глубже подкопалъ самое понятіе внѣшняго бытія, или вещи. Но для нихъ обоихъ безусловная дѣйствительность мыслящаго субъекта остается чѣмъ-то самоочевиднымъ.

Но важные успѣхи философіи всегда зависѣли отъ того, что нѣчто, дотолѣ признанное самоочевиднымъ, подвергалось сомнѣнію, —и философское значеніе англійской психологической школы, введенной къ намъ Троицкимъ, состоитъ именно въ томъ, что она не принимаетъ этой мнимой самоочевидности субъекта, или *я*, въ смыслѣ какой-то безусловно-самостоятельной реальности, обозначимъ ли мы ее съ Декартомъ, какъ мыслящую субстанцію, или съ Фихте — какъ самополагающееся дѣяніе (die sich selbst setzende Thathandlung).

Въ этомъ основномъ пунктѣ и методологическій скептицизмъ Декарта, и критицизмъ нѣмецкаго философа, разрѣшаются въ чистѣйшій *догматизмъ*, отъ котораго философская мысль дѣйствительно свободна лишь у лучшихъ представителей англійской психологіи.

Я не сторонникъ этой психологіи какъ системы, но я вижу, что она *начинается* съ того, съ чего слѣдуетъ начинать — съ безспорныхъ данныхъ сознанія, а между ними нѣтъ ни „мыслящей субстанціи“, ни безусловнаго самополагающагося или самоначинающагося дѣянія.

Наличныя состоянія сознанія, какъ такія—вотъ что̀ дѣйствительно самоочевидно, и что̀ даетъ настоящее начало умозрительной философіи. Этимъ исчерпываются положительное значеніе и заслуга англійской психологіи, а слѣдовательно—значеніе и заслуга того человѣка, который пересадилъ ее на почву нашего философскаго образованія.

Само собою разумѣется, что взглядъ, по которому все для насъ существующее сводится къ рядамъ субъективныхъ состояній сознанія, соединенныхъ по законамъ ассоціаціи, и затѣмъ къ рефлексіи надъ ними, приводящей ихъ въ тотъ или другой порядокъ, но не расширяющей и не углубляющей ихъ по существу, — такой взглядъ, принятый не за исходную точку только, но и за послѣднее слово знанія, могъ имѣть лишь отвлеченно теоретическое значеніе, безо всякаго отношенія къ жизни и ея требованіямъ. Троицкій, какъ и другіе, видѣлъ здѣсь единственно научную теорію психологіи, нисколько, впрочемъ, не исключавшую практической увѣренности въ житейской подлинности разныхъ субъектовъ и объектовъ. Я положительно знаю, что Матвѣй Михайловичъ нисколько не сомнѣвался въ практической, такъ сказать, субстанціальности ректора, попечителя, министра, и даже, я думаю, университетскаго казначея. Теоретически всѣ эти лица были только ряды „состояній сознанія“, но практически они и для нашего философа имѣли, конечно, такую же обыкновенную

дѣйствительность, какъ для самихъ себя, такъ и для всѣхъ другихъ. Держась такой практической вѣры въ бытіе ближайшаго, земного начальства, можно было послѣдовательно распространять ее и на дальнѣйшее, небесное начальство, и я рѣшительно не вижу никакого справедливаго основанія сомнѣваться въ искренней религіозности Матвѣя Михайловича.

Между тѣмъ, тутъ произошло одно характерное недоразумѣніе, сильно смутившее Троицкаго и на мгновеніе нарушившее неподвижность и прозрачность его душевнаго аквaріума. Въ 80-хъ годахъ, въ томъ вѣдомствѣ, куда онъ принадлежалъ, начались разныя мѣры пресѣченія и предупрежденія противъ разныхъ людей, опасныхъ своими мыслями. Въ ихъ число, неожиданно для самого себя и для всѣхъ его знавшихъ, попалъ и Троицкій. Тогдашнее начальство подлежащаго вѣдомства, хотя само безвинно состоявшее подъ анаѳемой халкедонскаго собора, не умудрилось столь близкимъ примѣромъ авторитетной погрѣшимости и заподозрило правовѣріе Матвѣя Михайловича.

Этотъ странный фактъ можетъ быть понятъ лишь исторически. Дѣло въ томъ, что въ извѣстныхъ русскихъ сферахъ, насчетъ философскихъ системъ и направленій, умы въ другихъ отношеніяхъ острые пребываютъ въ томъ же состояніи невинности, въ которомъ наши до-петровскіе предки находились по части разныхъ западныхъ исповѣданій. Въ одномъ историческомъ документѣ XVII вѣка встрѣчается, я помню, такая приблизительно фраза: „а въ жены онъ проклятый воръ Гришка взялъ изъ латынъ поганую дѣвку-басурманку папежскаго костела, ихъ люторской и кальвинской безбожной вѣры". Несомнѣнно, что для большинства русскаго общества въ 80-хъ годахъ XIX вѣка различіе между англійскою психологіей и нѣмецкимъ матеріализмомъ было такъ же неясно, какъ для нашихъ предковъ различіе между католичествомъ и протестантствомъ. „Эмпирическая психологія",— „позитивизмъ",—„матеріализмъ",—„безбожіе"—„нигилизмъ"— все это соединялось вмѣстѣ, и какъ зловѣщій итогъ получалось слово: *отставка*!

Матвѣй Михайловичъ поѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій и усиленно доказывалъ кому слѣдуетъ, что эмпирическая психологія не имѣетъ ничего общаго съ атеизмомъ, и что самъ онъ, Троицкій, всегда былъ религіозенъ и благочестивъ. Лица, передъ которыми онъ защищался, безъ труда признали въ Троицкомъ *своего* человѣка, и онъ былъ отпущенъ съ миромъ. Въ Москвѣ многіе осуждали его за эту поѣздку, по моему—напрасно: страдать за тѣ убѣжденія, которыхъ не имѣешь,

не есть обязанность разумнаго человѣка. Я думаю, что объясненія Матвѣя Михайловича были такъ же чистосердечно даны, какъ и приняты.

Къ сожалѣнію, я познакомился съ Троицкимъ тогда, когда онъ уже принялъ свой окончательный видъ, и въ немъ оставалось лишь „caput mortuum“ того умственнаго движенія, которымъ порождена его первая книга. Но эта книга и отзывы о ней Кавелина и Страхова остаются свидѣтельствами о несомнѣнной значительности того, что̀ сдѣлано Троицкимъ; онъ сдѣлалъ—и другимъ въ Россіи помогъ сдѣлать—первый шагъ къ серьезному философствованію...

II.

Трудно представить болѣе полный контрастъ, какъ тотъ, который былъ между Троицкимъ и Н. Я. Гротомъ. Тамъ—неподвижность и замкнутость садоваго пруда или аквaріума, тутъ—неустанное, кипучее движеніе горнаго потока—„и пѣна, и брызги кругомъ“. Я не отрицаю достоинства и пользы замкнутыхъ водохранилищъ, но безспорно, что живые потоки имѣютъ больше будущности—они могутъ становиться рѣчками и большими рѣками, текущими въ моря и океаны.

Безъ метафоръ, Троицкій былъ *однодумъ*, навсегда остановившійся на той *первой* дѣйствительно философской точкѣ зрѣнія, которую онъ въ молодости хорошо понялъ и усвоилъ себѣ. Гротъ былъ, напротивъ, *многодумъ*—и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, онъ съ бо̀льшею широтою и многосторонностью развивалъ каждую точку зрѣнія, на которой останавливался, стараясь сблизить и по возможности примирить ее съ другими; а во-вторыхъ, онъ до конца не могъ остановиться на *одной* точкѣ зрѣнія, послѣдовательно переходя къ другимъ, болѣе глубокимъ и содержательнымъ.

Эта подвижность и многосторонность, которыми отличалась умственная дѣятельность Грота и его философскіе труды, естественно была связана съ общею характерною чертою его души—съ его чрезвычайною отзывчивостью на всякое новое духовное возбужденіе. Всякій новый умственный мотивъ или возникавшій жизненный интересъ всегда принимались имъ, такъ сказать, съ широко раскрытыми объятіями. По своей удивительной впечатлительности и мгновенной отзывчивости, Гротъ былъ похожъ на поэта, котораго Томасъ Муръ и Пушкинъ сравниваютъ съ *эхо*:

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,—
Поетъ ли дѣва за холмомъ,—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Разумѣется, это сравненіе, какъ и всякое другое, хромаетъ и въ настоящемъ случаѣ требуетъ двухъ оговорокъ: во-первыхъ, откликъ Грота на ревъ звѣря въ глухомъ лѣсу нашей жизни выражался не повтореніемъ этихъ дикихъ звуковъ, а соотвѣтственнымъ словеснымъ противодѣйствіемъ звѣриному или звѣрскому настроенію; а во-вторыхъ, отзывчивость живой души Грота на всякій здравый общественный запросъ выразилась и въ такихъ отвѣтахъ, какъ, напримѣръ, призваніе къ жизни перваго философскаго общества въ Россіи и основаніе перваго и пока единственнаго у насъ философскаго журнала,—что̀, надо надѣяться, рождено не „въ воздухѣ пустомъ“.

Во всякомъ случаѣ, основною характерною чертою Грота должна быть признана его удивительная впечатлительность и отзывчивость, или—употребляя его собственный терминъ—чрезвычайная полнота и быстрота его *психическаго оборота*. Возбужденіе извнѣ сейчасъ же переходило у него въ мысль; мысль вызывала душевное волненіе, и это движеніе чувства неудержимо проявлялось въ словѣ и въ замыслѣ, а затѣмъ въ писаніи и общественномъ дѣйствіи. Я думаю, что безстрастныхъ и неподвижныхъ—холодныхъ—мыслей у него вовсе не бывало. Всякая мысль, возникавшая въ его подвижномъ умѣ, вслѣдствіе какого-нибудь жизненнаго или книжнаго впечатлѣнія, сейчасъ же становилась предметомъ сердечнаго чувства и мотивомъ дѣятельности. Все, что̀ онъ думалъ—онъ говорилъ, и все, что̀ говорилъ—писалъ и печаталъ; причемъ должно замѣтить, что все это, если и не всегда прямо относилось, то всегда было такъ или иначе привязываемо Гротомъ къ интересамъ философскимъ, такъ что во всемъ этомъ пестромъ обиліи словъ, идей, мотивовъ и дѣйствій сохранялась не только натуральная однородность личнаго характера, но и сознательная связь общаго замысла.

Самъ по себѣ тотъ отличительный характеръ, который проявлялся у Грота, есть дѣло натуры, и не заслуживаетъ ни похвалы, ни порицанія. Такой характеръ можетъ быть виною пагубныхъ ошибокъ,—какъ и благотворныхъ дѣяній. Безъ сомнѣнія, Гротъ, при своей неустанной подвижности, долженъ былъ чаще впадать въ теоретическія и практическія ошибки, чѣмъ, напри-

мѣръ, Троицкій при своемъ блаженномъ покоѣ. Кто не сходитъ съ мѣста, тотъ и не падаетъ. Но вотъ что̀ я по совѣсти могу высказать, какъ свое окончательное впечатлѣніе отъ десятилѣтняго близкаго общенія съ Гротомъ: что сумма правыхъ и достойныхъ чувствъ, побужденій и поступковъ у этого человѣка рѣшительно перевѣшивала сумму неправыхъ, и что его жизненныя ошибки были частными слабостями, которыя могли иногда помрачать, но не могли надолго заслонить и еще менѣе — вытѣснить общій высоко-этическій строй его души. Послѣднее слово во всякомъ дѣлѣ всегда оставалось у него за добромъ. А отъ кого же можно требовать — и о комъ можно сказать больше?

Грота нерѣдко и съ разныхъ сторонъ упрекали за перемѣнчивость его образа мыслей. Но если онъ, дѣйствительно, по чисто-внутреннимъ побужденіямъ, не разъ мѣнялъ свои мысли о томъ или другомъ философскомъ предметѣ, то, во-первыхъ, это свойственно всякому живому уму, а во-вторыхъ, всѣ такія перемѣны не касались у Грота ни формальнаго *средоточія*, ни общаго *направленія* его философствованія. Этого онъ *никогда* не мѣнялъ. Все разнообразіе его взглядовъ и построеній всегда вращалось около одной срединной идеи — эволюціоннаго процесса, т.-е., поступательнаго развитія души и вселенной, а направленіе, въ какомъ измѣнялись его воззрѣнія на психическую и космическую эволюцію, всегда было *вглубь* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *вверхъ*.

Я не буду здѣсь перечислять и оцѣнивать всѣхъ философскихъ точекъ зрѣнія, бывшихъ для Грота этапами его умственнаго движенія; укажу только три главныя, обозначая ихъ именами тѣхъ мыслителей, которые въ данную эпоху оказывали на него преобладающее вліяніе.

Философское развитіе Грота шло отъ Герберта Спенсера къ Джіордано Бруно, и отъ Бруно—къ Платону и Аристотелю. Какъ же назвать такой ходъ развитія, какъ не прогрессомъ вглубь и вверхъ? Каковы бы ни были наши умственныя симпатіи, но, съ точки зрѣнія чисто-философскихъ задачъ и вопросовъ, мы должны согласиться, что Джіордано Бруно былъ болѣе значительный мыслитель, чѣмъ Гербертъ Спенсеръ, а Платонъ и Аристотель—болѣе значительные, чѣмъ Бруно, который ими же питался. Дѣло тутъ не въ томъ, кто изъ нихъ ближе къ интересамъ современной жизни и къ нынѣшнему состоянію положительныхъ наукъ, а въ томъ, кто лучше удовлетворяетъ собственно философскому, умозрительному интересу, и можетъ

больше научить насъ самой философіи; въ этомъ отношеніи ходъ развитія Грота отъ современнаго полу-научнаго синтеза къ идеямъ и построеніямъ XVI-го вѣка, а оттуда къ философіи античной,—этотъ хронологическій регрессъ долженъ быть безспорно признанъ нормальнымъ умственнымъ прогрессомъ, то-есть, углубленіемъ и повышеніемъ философской мысли. Измѣняя свои взгляды и точки зрѣнія, Гротъ совершенствовалъ свое философствованіе, шелъ *впередъ*, и, слѣдовательно, эти измѣненія служатъ ему въ похвалу, а не въ порицаніе. Вѣдь еслибы онъ навсегда остался при матеріальномъ, механическомъ эволюціонизмѣ, никакой компетентный судья не призналъ бы его настоящимъ философомъ,—такъ можно ли его упрекать за то, что онъ пошелъ дальше этого, въ философскомъ смыслѣ, элементарнаго воззрѣнія?

Въ защиту и похвалу Грота слѣдуетъ прибавить, что въ предметахъ своихъ умственныхъ увлеченій онъ никогда не видѣлъ непогрѣшимыхъ догматовъ, требующихъ только покорнаго принятія и передачи, — какъ относился, напримѣръ, Троицкій къ англійской психологической доктринѣ. Нельзя отрицать оригинальныхъ взглядовъ и своеобразныхъ умственныхъ построеній и въ раннихъ сочиненіяхъ Грота, написанныхъ подъ преобладающимъ вліяніемъ Герберта Спенсера,—каковы: „Психологія чувствованія“ и „Реформа логики“.

Болѣе рѣшительно вступаетъ Гротъ на путь самостоятельнаго мышленія въ работахъ послѣдняго своего десятилѣтія, особенно въ трактатахъ *о свободѣ воли, о времени* и *о превращеніяхъ энергіи*, — гдѣ ученія античной философіи служатъ лишь путеводными звѣздами, а не буксиромъ для его философской ладьи.

Въ первомъ изъ этихъ сочиненій весь космосъ представляется какъ рядъ градацій отъ полной матеріальной пассивности и неволи къ совершенной духовной активности, или свободѣ, которая понимается здѣсь окончательно какъ—actus purus. Въ статьяхъ „о времени“—самомъ глубокомъ изъ произведеній Грота—то же понятіе „actus purus“ служитъ для выраженія вѣчнаго существа души, какъ свободной отъ границъ времени, причемъ вся полнота душевныхъ *качествъ* и опредѣленій, все существенное и положительно цѣнное въ цѣлой жизни представляются какъ данное разъ навсегда, независимо отъ временнаго распаденія моментовъ, въ одномъ вѣчномъ и всеобъемлющемъ актѣ.

Для всегда подвижной мысли Грота, дотолѣ вращавшейся, главнымъ образомъ, въ области относительнаго текущаго бытія,

того, что древній философъ обозначалъ какъ τὸ ἀεὶ γιγνόμενον τε καὶ ἀπολλύμενον ὄντως δὲ οὐδέποτε ὄν (всегда возникающее и погибающее, существенно же никогда не существующее),—подняться въ область вѣчно и неподвижно сущаго и понять всю пеструю и волнующуюся область душевныхъ явленій—sub specie aeternitatis—было настоящимъ умственнымъ подвигомъ, а твердая убѣжденность, съ которою Гротъ становится на эту первоначально для него непривычную точку зрѣнія, дѣлаетъ ему, конечно, болѣе чести, чѣмъ сдѣлала бы какому-нибудь другому, по природѣ болѣе созерцательному уму.

Впрочемъ и тутъ нашъ мыслитель не отказывается отъ своей всегдашней руководящей идеи—эволюціи. Какъ съ признаніемъ геліоцентрическаго взгляда постоянное отношеніе между солнцемъ и землею понимается иначе, но нисколько не отрицается, такъ и съ признаніемъ вѣчнаго существа души все временное, хотя получаетъ иной смыслъ, однако не превращается въ безсмыслицу, и понятіе эволюціи не замѣняется представленіемъ безсвязной сутолоки случайныхъ явленій.

Правда, въ статьяхъ *о времени* эти двѣ стороны міра — временный матеріальный процессъ явленій и сверхвременное существо души, какъ полноправнаго члена умопостигаемой вѣчной полноты божественнаго бытія,—эти двѣ стороны берутся и выясняются болѣе въ своемъ противоположеніи, нежели въ своей связи. Но общая связь между ними была уже указана Гротомъ въ прежнемъ его трактатѣ *о свободѣ воли*, а затѣмъ сущность этихъ указаній опредѣленнѣе и подробнѣе развивается въ послѣднемъ его недоконченномъ философскомъ трудѣ — *о превращеніяхъ* энергіи.

Наука уже установила механическую эквиваленцію такъ-называемыхъ физическихъ силъ—тепла, свѣта, электричества, какъ различныхъ формъ одной и той же энергіи, могущихъ переходить одна въ другую. Слѣдуетъ, идя дальше, признать, что чрезъ послѣдовательный переходъ низшихъ формъ въ высшія, или чрезъ постепенное одухотвореніе матеріальнаго бытія, оно можетъ, наконецъ, достигнуть своей противоположности, то-есть, устойчивой формы бытія духовнаго, не подлежащаго разрушенію во времени,—бытія безсмертнаго и нетлѣннаго.

Нѣкоторыя техническія неясности и недоразумѣнія, въ которыя впалъ Гротъ при разработкѣ своей послѣдней задачи, помѣшали ученымъ спеціалистамъ и публикѣ оцѣнить по справедливости этотъ важный философскій трудъ Грота, а оцѣнки несправедливыя, къ которымъ онъ—утомленный и больной—от-

несся съ излишнею чувствительностью, не дали ему докончить этого дѣла. Въ то самое время, какъ усиліемъ теоретическаго мышленія онъ поднимался въ область безсмертной жизни, общее ослабленіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ до срока приводитъ его къ смертному концу. Но можетъ ли погибнуть какъ рабъ времени тотъ, кто хоть разъ яснымъ умомъ обнялъ божественную свободу и вѣчность? А если бы и такъ, то ужъ навѣрное живые порывы любящаго сердца приготовили ему достойный предѣлъ въ мірѣ иной, невозмутимой и торжествующей энергіи.

III.

Тотъ взглядъ, къ которому подъ конецъ пришелъ Гротъ, когда понялъ, что міровое бытіе въ своей совокупной эволюціи тяготѣетъ къ надмірной области неизмѣнно и вѣчно сущаго, которымъ опредѣляется и отъ котораго зависитъ смыслъ всего дѣйствительно существующаго,—этотъ взглядъ всегда господствовалъ въ мысляхъ и трудахъ покойнаго Памфила Даниловича Юркевича. Его недостаточно знали и цѣнили при жизни, а теперь, черезъ двадцать-пять лѣтъ по его смерти, осталось совсѣмъ ужъ немного людей, сохранившихъ о немъ живую память. Поэтому, говоря о немъ, я постараюсь спасти отъ забвенія нѣсколько чертъ біографическихъ, которыя я запомнилъ.

Юркевичъ былъ уроженецъ полтавской губерніи, коренной малороссъ, и навсегда сохранилъ въ характерѣ и языкѣ ясный отпечатокъ своего происхожденія. Какъ подвижность, энергія, предпріимчивость и неутомимое трудолюбіе Грота, по всей вѣроятности, были связаны съ его наполовину западно-европейскимъ происхожденіемъ, такъ индивидуальный характеръ Юркевича несомнѣнно образовался на общемъ фонѣ малороссійской натуры. Ей соотвѣтствовала его задумчивость, углубленность въ себя, чувствительность болѣе интенсивная, чѣмъ экстенсивная,—также упрямство и скрытность, доходившая до хитрости. Какъ настоящій „хохолъ", Юркевичъ былъ болѣе склоненъ къ молчаливой созерцательности, или къ тихому обмѣну мыслей съ немногими друзьями, нежели къ экспансивнымъ разговорамъ на людяхъ, или къ какой-нибудь публичной дѣятельности. Трудился онъ, я думаю, только въ силу прямого долга, поборая въ себѣ природную лѣнь. Этимъ достаточно объясняется, что онъ такъ мало написалъ.

Ко всѣмъ этимъ чертамъ слѣдуетъ присоединить еще одну,

также малороссійскую—особый родъ сосредоточеннаго юмора. Я не могу представить лицо Юркевича смѣющимся—не помню его такимъ; но я хорошо помню, какъ онъ смѣшилъ меня, самъ едва улыбаясь.

Мнѣ особенно памятенъ май мѣсяцъ 1873 года, когда онъ въ качествѣ профессора, а я въ качествѣ держащаго кандидатскій экзаменъ оставались въ Москвѣ и проводили вмѣстѣ поздніе вечера, обыкновенно въ сообществѣ другого тогдашняго студента, кн. Д. Н. Цертелева, гуляя по московскимъ бульварамъ и переулкамъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Юркевичъ съ важнымъ видомъ выражалъ негодованіе на тонкость и непрочность моей трости, убѣждая меня, что „палка, по самой идеѣ своей, отнюдь не должна ограничиваться образомъ бытія о себѣ и для себя, но непремѣнно должна въ полной мѣрѣ обнаруживать и свое *бытіе для другого*“.

Призваніе къ философіи Юркевичъ почувствовалъ очень рано, еще будучи ученикомъ полтавской семинаріи. По окончаніи курса въ ней, онъ подвергся большому искушенію, которое окончательно преодолѣлъ. Объ этомъ происшествіи, рѣшительномъ для его судьбы, онъ мнѣ подробно разсказывалъ. Отецъ его, небогатый священникъ въ одномъ изъ городовъ полтавской губерніи, устроилъ ему къ окончанію семинаріи чрезвычайно выгодную партію—съ единственною дочерью очень богатаго и вліятельнаго соборнаго протоіерея въ ихъ городѣ. Молодой Юркевичъ нравился протопопу своею скромною наружностью, добрыми нравами и отличными успѣхами въ семинарскихъ наукахъ, и дѣло считалось улаженнымъ. Вмѣстѣ съ красивою поповной женихъ долженъ былъ получить хорошее священническое мѣсто, протекцію при жизни тестя и богатое наслѣдство послѣ его смерти. При этомъ могла пострадать только одна философія; но философія Юркевича, связанная съ мистикой, съумѣла постоять за себя. Однажды лѣтнимъ утромъ, въ то время какъ въ родительскомъ домѣ уже дѣлались приготовленія къ свадьбѣ, Юркевичъ лежалъ въ саду подъ черешней, предаваясь „недѣланію“ и размышляя о своей судьбѣ. Вдругъ его поразилъ пріятный голосъ въ сосѣднемъ огородѣ. Пришлая поденщица изъ средней Россіи полола грядки и напѣвала пѣсню:

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Эти слова, какъ бы отвѣчавшія на внутреннія сомнѣнія

Юркевича, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ сейчасъ же пошелъ и объявилъ родителямъ, что рѣшилъ не жениться, священства не принимать, а отправиться въ кіевскую академію, чтобы идти затѣмъ по ученой части. Никакіе уговоры не помогли. Хохлацкое раздумье и нерѣшительность смѣнились въ юномъ философѣ хохлацкимъ же упрямствомъ, и онъ настоялъ на своемъ. Правда, онъ могъ послушаться лишь первой отрицательной половины своего оракула—отказаться отъ выгодной женитьбы,—купить же коня ему было не на что, и онъ отправился пѣшкомъ въ Кіевъ, гдѣ послѣ четырехъ лѣтъ довольно бѣдственной студенческой жизни сталъ профессоромъ философіи въ той же академіи. Въ академическомъ журналѣ онъ помѣстилъ два значительные трактата: одинъ по библейской психологіи—о центральномъ значеніи *сердца* въ душевно-тѣлесной жизни человѣка—и другой, критическій—противъ матеріализма [1]). Этотъ его трудъ былъ замѣченъ въ Москвѣ — Катковымъ и Леонтьевымъ, которые въ то время имѣли большое вліяніе въ московскомъ университетѣ, куда онъ и былъ, въ 1863 году, приглашенъ занять свободную послѣ 1848 года каѳедру философіи. Здѣсь для актовой рѣчи онъ написалъ самое замѣчательное свое произведеніе—параллель между философскими точками зрѣнія Платона и Канта.

Юркевичъ былъ глубокій мыслитель, превосходный знатокъ исторіи философіи, особенно древней, и весьма дѣльный профессоръ, читавшій чрезвычайно интересныя для понимающихъ и содержательныя лекціи. Но по нѣкоторымъ постороннимъ причинамъ онъ не пользовался популярностью, и студенты не извлекали изъ его чтеній той пользы, какую могли бы получить. Плодовитымъ писателемъ онъ не былъ, никакихъ обширныхъ изслѣдованій и ничего похожаго на философскую систему не оставилъ. Впрочемъ онъ былъ сознательнымъ врагомъ поспѣшныхъ обобщеній и безпочвенныхъ построеній—тѣхъ типичныхъ, для первой половины XIX вѣка, философскихъ системъ, которыя изъ одного принципа, обыкновенно односторонняго и по необходимости предвзятаго и не удостовѣреннаго, смѣло выводятъ все существующее. Онъ любилъ по этому поводу повторять остроумное замѣчаніе московскаго митрополита Филарета: „Ко всякой новѣйшей системѣ философіи можно примѣнить слова апостола Петра объ Ананіи и Сапфирѣ: *се ноги погреб-*

[1]) Содержаніе этихъ двухъ трактатовъ было изложено мною двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ о философскихъ трудахъ Юркевича (Журн. Мин. Нар. Просв.—декабрь 1874 г.).

шихъ мужа твоего при дверехъ—и изнесутъ тя". По мысли Юркевича, мы должны не выводить все существующее изъ одного нами предположеннаго принципа, а постепенно и добросовѣстно возводить все существующее къ его истиннымъ началамъ и внутреннему смыслу, и въ этомъ согласномъ смыслѣ всего даннаго усматривать, насколько возможно, абсолютную истину. Такимъ образомъ, точкою зрѣнія Юркевича былъ широкій, ото всякихъ произвольныхъ или предвзятыхъ ограниченій свободный *эмпиризмъ*, включающій въ себя и все истинно-раціональное, и все истинно-сверхраціональное, такъ какъ и то, и другое, прежде всего существуютъ эмпирически въ универсальномъ опытѣ человѣчества съ неменьшими правами на признаніе, чѣмъ все видимое и осязательное.

При этомъ Юркевичъ и самъ особенно остерегался, и другихъ старался предостеречь отъ пагубнаго, какъ онъ думалъ, смѣшенія двухъ понятій: *знаніе объ абсолютномъ* и *абсолютное знаніе*.

Объ абсолютномъ мы въ качествѣ разумныхъ существъ, конечно, нѣчто знаемъ, и наша задача—улучшать и увеличивать это знаніе, которое, тѣмъ самымъ, опредѣляется не какъ абсолютное, а какъ относительное, не какъ совершенное, а какъ совершенствующееся. Абсолютное же знаніе возможно только при полномъ не отвлеченно-умственномъ только, а всецѣломъ единеніи познающаго съ познаваемымъ, что̀ при данныхъ условіяхъ для насъ, вообще говоря, недоступно.

Къ познанію же *объ* абсолютномъ, т. е. о Божествѣ и о божественномъ, ведутъ три пути: сердечное религіозное чувство, при чистотѣ нравственнаго сознанія сообщающее ту „премудрость", которая „не внидетъ въ душу злохудожну"; затѣмъ, добросовѣстное философское размышленіе о фактахъ всякаго опыта, и, наконецъ,—мистическое созерцаніе, въ которомъ человѣческій умъ въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ соприкасается съ самимъ существомъ истины. Каждый изъ этихъ путей имѣетъ свои преимущества, согласіе же ихъ окончательныхъ выводовъ даетъ высшую и самую достовѣрную истину, какая только доступна человѣку.

Къ новѣйшей умозрительной философіи, которая частію смѣшиваетъ, а частію и намѣренно отождествляетъ эти два различаемыя Юркевичемъ понятія, онъ относился съ безпощаднымъ осужденіемъ, доходившимъ до явной несправедливости. Я помню, что въ томъ же маѣ 1873 года онъ цѣлый вечеръ объяснялъ мнѣ, что здравая философія была только до Канта, и что по-

слѣдними изъ настоящихъ великихъ философовъ слѣдуетъ считать Якоба Бёма, Лейбница и Сведенборга. Отъ Канта же философія начинаетъ сходить съ ума, и это сумасшествіе принимаетъ у Гегеля неизлечимую форму *маніи величія.*

Нѣкоторое возвращеніе къ здравому смыслу видѣлъ онъ у Шопенгауэра—не въ его метафизической системѣ, которая была лишь сборомъ противорѣчій,—а въ отдѣльныхъ, преимущественно этическихъ, указаніяхъ на значеніе симпатіи и особенно аскетизма, которому Юркевичъ всегда давалъ очень высокую цѣну; самъ онъ, впрочемъ, сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ, все-таки женился, оправдываясь тѣмъ, что честный бракъ есть самая трудная форма аскетизма и даже мученичества. „Вы, конечно,—говорилъ онъ,—по молодости думаете, что главное дѣло здѣсь въ любовномъ паѳосѣ; но я вамъ скажу, что это просто чепуха—розовый листокъ, брошенный на... чувственность; а настоящее дѣло—только въ одномъ постоянномъ подвигѣ взаимнаго самоотверженія, и особенно важно то, что истинный героизмъ сведенъ здѣсь къ самому простѣйшему, элементарному выраженію и достигается обыкновеннѣйшимъ повседневнымъ способомъ дѣйствія; такъ что достаточно быть просто честнымъ человѣкомъ, или просто не быть подлецомъ, чтобы уже тѣмъ самымъ взойти на вершину христіанскаго подвижничества и мученичества. Вотъ почему и церковь при всякомъ вѣнчаніи поетъ о вѣнцахъ мученическихъ“.

Можно замѣтить, что взглядъ Юркевича, быть можетъ и справедливый, не даетъ, однако, достаточнаго основанія для намѣреннаго вступленія въ бракъ, такъ какъ здравая христіанская этика никогда не дозволяла человѣку самому напрашиваться на подвигъ и вѣнецъ мученичества.

Въ очень краткихъ чертахъ представлены мною три различные образа людей, наиболѣе послужившихъ, за послѣднія сорокъ лѣтъ, философскому образованію въ Россіи. Я не ставлю вопросъ объ ихъ собственной внутренней цѣнности, относительныя же ихъ заслуги въ исторіи нашего умственнаго образованія, хотя не одинаковы, но должны быть въ равной мѣрѣ почтены. Вотъ Матвѣй Михайловичъ Троицкій плотно усѣлся на добытомъ изъ-за моря сокровищѣ и не сходитъ съ мѣста. Но вѣдь имъ въ самомъ дѣлѣ добыто сокровище—необходимое условіе серьезнаго философскаго мышленія: свобода сознанія отъ безотчетной предвзятости, какъ матеріалистической, такъ равно и спиритуа-

листической, — отъ всякихъ вещественныхъ и душевныхъ субстанцій, отъ протяженныхъ и мыслящихъ вещей, отъ мнимо-реальныхъ единицъ матеріи такъ же, какъ и отъ мнимо-реальныхъ единицъ сознанія—и ото всего прочаго догматическаго кошмара. Прогнать этотъ кошмаръ есть первое условіе настоящей философіи, — первое условіе для нея, но еще не сама философія. Она невозможна при умственной неподвижности, ее нельзя создать, сидя на одномъ мѣстѣ, подобно Лао-цзе или Троицкому. Для нея нужно еще другое условіе — благородная тревога и жажда души, неустанно ищущей истины, и это второе условіе ярко воплотилось въ образѣ нашего дорогого Грота съ его волнующимся и кипящимъ стремленіемъ впередъ, впередъ. А тамъ, въ отдаленіи, видится мнѣ задумчивый обликъ съ пальцемъ, поднятымъ кверху... За мыслителемъ—неподвижнымъ „стражемъ порога", за другимъ мыслителемъ—искателемъ и дѣятелемъ — выступаетъ воспоминаніе третьяго мыслителя—спокойнаго какъ первый, живого какъ второй,—успокоившагося, но не на предварительномъ, уже сдѣланномъ шагѣ, а на ясномъ сознаніи предстоящаго великаго пути; идущаго, но медленно, къ высшей цѣли и останавливающагося, чтобы полюбоваться красою Божьяго творенія.

Я хотѣлъ, отвлекаясь по возможности отъ личныхъ симпатій и антипатій, отдать каждому должное, и теперь мнѣ остается сказать въ заключеніе, что будущность философскаго образованія въ Россіи зависитъ, по моему убѣжденію, отъ того, насколько дѣятели этого образованія воспользуются тѣми положительными задатками здраваго философствованія, которые уже проявились у Троицкаго, Грота и Юркевича,—въ какой мѣрѣ преемникамъ ихъ философскаго служенія удастся сочетать въ своихъ трудахъ крѣпость основныхъ сомнѣній и отрицаній съ энергіей философскаго исканія истины и съ созерцательною высотою окончательныхъ задачъ и цѣлей.

Владиміръ Соловьевъ.

НОЯБРЬСКІЕ ВЫБОРЫ

ВЪ

С.-Ам.-ШТАТАХЪ

Письмо въ Редакцію.

Ноябрьскіе выборы—каждые четыре года президентскіе, каждые два—конгрессіонные, и ежегодно штатные въ различныхъ штатахъ—обыкновенно опредѣляютъ болѣе или менѣе политику господствующаго большинства по разнымъ общимъ вопросамъ въ данный моментъ; выборы, непосредственно предшествующіе президентскимъ, каковы были нынѣшніе, происшедшіе 7-го прошлаго ноября, кромѣ того, считаются какъ бы предзнаменованіемъ и того, какая „платформа" (программа) и какая партія одолѣютъ и на слѣдующихъ выборахъ, которые дадутъ странѣ новаго президента и новый конгрессъ. Ныньче они произошли въ двѣнадцати штатахъ, въ томъ числѣ въ нѣсколькихъ изъ самыхъ большихъ и важныхъ—Нью-Іоркѣ, Огайо, Массачузетсѣ, Кентуки, Нэбраскѣ. Хотя выбирались только исключительно штатные чины—губернаторы, члены легислатуръ, судьи верховныхъ судовъ, и т. д., и потому чисто мѣстные вопросы и личная популярность кандидатовъ имѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень важное вліяніе,—тѣмъ не менѣе, національная политика несомнѣнно первенствовала въ умахъ массъ избирателей, и теперь больше, чѣмъ когда-либо прежде, благодаря тѣмъ новымъ проблемамъ, которыя принесла съ собою прошлая испано-американская война. Выборы эти дали первую возможность главнымъ нашимъ политическимъ партіямъ—республиканской и демократической—высказаться опредѣленно относительно этихъ проблемъ и, такимъ образомъ,

открыто предрѣшить ихъ отношеніе къ нимъ и для будущей президентской кампаніи. Хотя и не было національныхъ конвенцій партій и оффиціальныхъ національныхъ „платформъ", но ихъ главные представители и вожаки сдѣлали все, чтобы выяснить свои взгляды, и штатныя „платформы" партій въ штатахъ Массачузетсѣ, Огайо, Нэбраскѣ, въ смыслѣ опредѣленности, не оставляли желать ничего бòльшаго. Въ теченіе выборной кампаніи, президентъ Макъ-Кинлэй, воспользовавшись разными торжествами въ разныхъ городахъ, преимущественно по поводу возвращенія домой съ театра войны волонтерныхъ полковъ, вмѣстѣ съ своимъ кабинетомъ объѣхалъ весь Центръ и Западъ, и вездѣ говорилъ рѣчи, какъ о настоящемъ отношеніи федеральной администраціи къ истекающимъ изъ войны задачамъ, такъ и о своей будущей политикѣ. А въ настоящій моментъ онъ, безспорно, является не только представителемъ, но и диктаторомъ всей организаціи бывшей республиканской партіи въ Союзѣ,—той организаціи, которая выбрала его президентомъ въ 1896 году. Я съ умысломъ употребляю слово „организація", а не партія, такъ какъ самая партія, или, точнѣе, ея составъ въ 1896 году, совершенно измѣнился — остались имя и форма, а сущность радикально перемѣнилась. Ничто не характеризуетъ лучше этого переворота, какъ личныя перемѣны въ составѣ кабинета. Изъ восьми министровъ, его составлявшихъ передъ войной, теперь, съ оповѣщеніемъ выхода въ отставку самаго талантливаго изъ нихъ, морского министра Лонга, остались всего двое—министры финансовъ и земледѣлія; всѣ остальные перемѣнились, нѣкоторые, какъ напр. министръ иностранныхъ дѣлъ, дважды. Само собой разумѣется, что такія частыя и необычныя въ Америкѣ перемѣны личнаго состава кабинета могутъ быть удовлетворительно объяснены только тѣми существенными разногласіями, которыя настоящая политика Макъ-Кинлэя внесла въ республиканскую партію состава 1896 года, и которыя явились однимъ изъ самыхъ осязательныхъ результатовъ этихъ разногласій. Другимъ, столь же очевиднымъ и, по всей вѣроятности, гораздо болѣе существеннымъ, является расколъ въ средѣ республиканцевъ въ федеральномъ сенатѣ. Почти съ перваго же дня своего пребыванія въ „Бѣломъ-домѣ", предвидя, что вопросы иностранной политики неизбѣжно должны сдѣлаться главной „злобой дня", Макъ-Кинлэй всячески стремился къ тому, чтобы заручиться безусловной поддержкой сената; онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ какой-либо прежній президентъ Союза, для укрѣпленія вліяній этого учрежденія, передавъ въ исключительное распоряженіе республиканскихъ его членовъ почти весь федеральный патронатъ въ странѣ — и все-таки въ настоящій моментъ республиканское большинство въ сенатѣ, очень значительное само по себѣ, безнадежно расколото, и до десятка сенаторовъ-рес-

публиканцевъ являются публично безповоротными противниками и имперіализма, и политики присоединенія вообще. Такіе выдающіеся государственные люди, какъ сенаторы Горъ отъ Массачузетса, Гэль отъ Мэна, Форэкеръ отъ Огайо, Мэсонъ отъ Иллинойса, Веллингтонъ отъ Мерилэнда, Петтигрю отъ Южной-Дакоты,—люди, отдавшіе всю свою жизнь на службу республиканской партіи и издавна высоко стоявшіе въ ея совѣтахъ,—открыто и энергично возстаютъ вездѣ и всюду противъ президента и его фатальныхъ увлеченій современными идолищами—захватомъ чужихъ и чуждыхъ территорій и народностей и вмѣшательствомъ въ международныя дѣла остального міра. По моему крайнему разумѣнію, эта борьба, подготовляющая исходъ будущей президентской кампаніи 1900 года, имѣетъ громадное значеніе для Европы,—значеніе возможности вступленія въ ея и безъ того многоголосый и нестройный концертъ новаго фактора, энергичнаго, упрямаго и могучаго въ гораздо большей степени, чѣмъ это обыкновенно принято думать. А для самого Союза побѣда Макъ-Кинлэя будетъ означать усиленіе централизаціи и федеральной власти, увеличеніе арміи и флота, прививку колоніальной отравы къ ея государственному тѣлу, шаткую, безпринципную политику оппортунизма вмѣсто твердыхъ началъ „Деклараціи Независимости" и конституціи. И потому-то прошлые ноябрьскіе выборы, какъ хотя и частный, но, тѣмъ не менѣе, единственно въ настоящее время доступный показатель симпатій и антипатій нашихъ народныхъ массъ, получаютъ особенное значеніе вовсе имъ, въ другое время и при другихъ условіяхъ, несвойственное,—значеніе, усиленное и тѣмъ, что обѣ партіи: и та партія, которая подъ именемъ республиканской, но въ новомъ своемъ составѣ, поддерживающемъ политику федеральной администраціи, — и та, которая, подъ именемъ демократической, сплотила въ себѣ настоящую ей оппозицію,—обѣ онѣ употребили всю свою энергію всѣ свои силы, на полученіе въ свою пользу народнаго вердикта въ тѣхъ штатахъ, гдѣ происходили выборы, заключавшихъ въ себѣ слишкомъ треть всего населенія Союза. Къ сожалѣнію, результатъ получился крайне сбивчивый и ничего не выяснившій; ни защитники имперіализма, ни его противники, не могутъ похвастаться побѣдой, въ чемъ уже согласны теперь всѣ безпристрастные наблюдатели нашей общественной жизни,—взглядъ, къ которому, по внимательномъ изученіи результатовъ, не могу не присоединиться безусловно и я лично.

Аргументація и программа Макъ-Кинлэя—я отказываюсь признать ихъ дѣтищами республиканской партіи, къ которой всегда принадлежалъ самъ, до тѣхъ поръ, пока національная конвенція будущаго лѣта

ше выскажется опредѣленно, какъ онѣ были всесторонне выяснены и имъ, и членами его кабинета во время его сентябрьскихъ и октябрьскихъ путешествій по Союзу—заключаются въ слѣдующемъ. Наша страна, благодаря мудрой политикѣ республиканской партіи, переживаетъ теперь эпоху небывалаго благоденствія. Безработица, банкротства и дефициты четырехлѣтія безраздѣльнаго господства демократической партіи 1892—1896 гг., грозившіе сдѣлаться хроническими, исчезли совершенно. Отовсюду, особенно изъ земледѣльческихъ мѣстностей, слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ; заработная плата повысилась вездѣ, и во многихъ мѣстахъ почти вдвое; число вкладчиковъ и сумма вкладовъ въ сберегательные банки (30-го іюня 1899 г. достигшая итога въ $ 7.513.854.361^{oo}) удвоились за послѣднія пять лѣтъ; въ государственномъ казначействѣ скопилось до 800 милліоновъ звонкой монеты—250 милліоновъ золота и 550 милліоновъ серебра—и, вмѣсто дефицитовъ, несмотря на усиленные военные и морскіе расходы, получается значительный ежемѣсячный излишекъ доходовъ надъ расходами; вывозъ сырья и въ особенности мануфактуръ достигъ небывалыхъ размѣровъ, и превышаетъ ввозъ на цѣлые 600 милліоновъ въ годъ. Всѣ мѣрила, всѣ показатели народнаго благосостоянія единогласно свидѣтельствуютъ о громадномъ, небываломъ его поднятіи во всѣхъ классахъ общества и во всѣхъ мѣстностяхъ. Расширеніе экспорта, лежащее въ основѣ этого прогресса, немыслимо безъ распространенія вліяній Союза на иностранные рынки. А такія вліянія могутъ быть упрочены только расширеніемъ территоріи Союза въ разныхъ направленіяхъ и болѣе активной иностранной политикой, опирающейся на серьезныя военныя и, главное, морскія силы. Прошло то время, когда внутреннее расширеніе и развитіе оказывались достаточными стимулами для всесторонняго прогресса—страна переросла стадіи изоляціи и отчужденности и достигла такого періода своего роста, когда было бы близоруко и нелѣпо отказываться отъ выгодъ всемірнаго вліянія. Чѣмъ дольше мы будемъ обрекать себя на „островное“ существованіе, чѣмъ дольше мы будемъ отказываться помогать словомъ и дѣломъ нашимъ мануфактурнымъ и торговымъ интересамъ въ чужихъ краяхъ, тѣмъ дальше оставятъ насъ за собою наши коммерческіе противники на всемірномъ рынкѣ, и тѣмъ труднѣе будетъ нашему потомству добиваться того, что окажется ему безусловно необходимымъ по самой силѣ вещей. Все это, такъ сказать, теорія. На практикѣ же передъ нами проблемы, истекающія изъ присоединенія Филиппинъ, Порто-Рико, Гуама, Сандвичевыхъ островов, фактическаго раздѣла Самоанскаго архипелага. Мы думаемъ, что наши противники, анти-присоединители, прежде всего опоздали въ данномъ случаѣ съ своими возраженіями и тео-

ріями. Всѣ эти острова *уже присоединены*—и de jure, и de facto, и спорить противъ совершившагося факта, признаннаго и утвержденнаго съ нашей стороны согласно всѣмъ требованіямъ конституціи и закона, по меньшей мѣрѣ неумѣстно. Такіе споры имѣли смыслъ до ратификаціи мирнаго трактата съ Испаніей федеральнымъ сенатомъ—а съ того момента, очевидно, стали больше чѣмъ безполезными, только поддерживая вредную агитацію. Мы не захватывали Филиппинъ—мы купили ихъ за наличныя денежки у законныхъ владѣльцевъ, будучи вынуждены къ тому военной фортуной. Сама судьба послала намъ эти территоріи; мы водрузили на нихъ свое знамя, приняли на себя извѣстныя международныя обязанности, и нашъ долгъ прежде всего—возстановить на нихъ порядокъ и уничтожить возмущеніе противъ законной власти, дабы затѣмъ сдѣлать возможнымъ на нихъ цивилизованное благоустройство. Не мы начали эту бойню, и не патріотично было бы спустить американское знамя въ разгарѣ битвы и передъ лицомъ непріятеля. Это было бы равносильно измѣнѣ отечеству и нашей присягѣ. Бремя бѣлаго человѣка и лозунгъ нашего времени—пріобщеніе къ цивилизаціи и ея благамъ остающихся дикихъ угловъ земного шара,—и не намъ, странѣ свободы, отказываться отъ этого бремени, какъ оно временно ни тяжело. Возстановляя на Филиппинахъ авторитетъ законной власти, хотя бы, къ сожалѣнію, и силою оружія, и цѣной крови и разоренія края, мы только исполняемъ нашъ долгъ передъ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, и не предрѣшаемъ будущности острововъ. Когда порядокъ будетъ возстановленъ и мятежъ уничтоженъ [1],—на что направлены всѣ наши усилія и энергія,—конгрессъ можетъ приступить къ принадлежащимъ ему законодательнымъ функціямъ, и рѣшить будущее этихъ острововъ. А до тѣхъ поръ наше дѣло—не разговаривать, а дѣйствовать; мы думаемъ, что всякое противодѣйствіе этой программѣ является прямой помощью завѣдомому непріятелю страны, убивающему на чужбинѣ ея сыновъ, измѣной звѣздному знамени, патріотизму, и всему тому, что̀ несутъ съ собою великія идеи основателей нашего отечества.

У многочисленныхъ и разнообразныхъ элементовъ оппозиціи этой хлёсткой и красивой, но и глубоко фарисейской программы не было

---

[1] Когда выяснилось внѣ всякихъ сомнѣній, что съ одной регулярной арміей, значительная часть которой необходима для поддержанія порядка на островахъ Кубѣ и Порто-Рико, филиппинскаго возстанія невозможно подавить,—администраціей были истолкованы съ большими натяжками существующія законоположенія по этому предмету, и въ теченіе прошлаго лѣта организовано 35.000 временныхъ волонтеровъ, которые цѣликомъ и отправлены на подкрѣпленіе генералъ-губернатора Отиса, такъ что американская армія на Филиппинахъ къ 1-му декабря состоитъ изъ 2.117 офицеровъ и 63.308 нижнихъ чиновъ—кромѣ флота.

такого яркаго и вліятельнаго òргана, какимъ явилась для ея создателей федеральная администрація въ лицѣ президента Макъ-Кинлэя и его кабинета, и потому возраженія ей шли и идутъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и не имѣютъ преимуществъ энергичной концентраціи и сведенія въ одно стройное и опредѣленное цѣлое. Кромѣ того, нѣкоторые изъ элементовъ этой оппозиціи, какъ, напр., отколовшееся по этому пункту значительное меньшинство бывшаго состава республиканской партіи 1896 г., съ вышедшими въ отставку министрами Макъ-Кинлэя и вышеупомянутыми федеральными сенаторами во главѣ, независимая партія рабочихъ въ восточныхъ штатахъ, „популисты“, или то, что̀ отъ нихъ еще осталось, высшее католическое духовенство, напуганное неизбѣжной свободой религіи во всѣхъ этихъ доселѣ безраздѣльныхъ католическихъ твердыняхъ—все это, сходясь съ демократами по этому пункту, радикально расходится съ ними во всѣхъ почти остальныхъ оснòвахъ ихъ чикагской „платформы“ 1896 г., и едва-ли будетъ въ состояніи переварить ихъ и въ будущемъ. Въ этомъ-то крайне существенномъ разногласіи и состоитъ главная опасность, и заключаются шансы возможности успѣха Макъ Кинлэя и его вышеизложенной программы и въ будущемъ году. Американская система выборовъ признаетъ два большинства: безусловное—majority, и относительное—plurality, и оба достаточны для легальности выбора. Если въ выборахъ участвуютъ три или болѣе партій, выигрываетъ та, которая получила относительное большинство, хотя бы ея противники въ сложности и обладали большинствомъ безусловнымъ. Такими-то относительными большинствами были выбраны и Линкольнъ въ 1860, и вторично Кливэлэндъ въ 1892 году. Если демократы, какъ партія, не поступятся нѣкоторыми изъ пунктовъ своей вышеупомянутой чикагской „платформы“—главнымъ образомъ, требованіемъ свободной чеканки серебра въ отношеніи 1 къ 16,—меньшинству республиканцевъ-антиприсоединителей невозможно будетъ сойтись съ ними, и имъ придется организовать третью партію, т.-е., по всей вѣроятности, сыграть въ руку Макъ-Кинлэю и доставить все-таки ему относительное большинство, такъ какъ хотя по главному вопросу, политикѣ присоединенія, и будетъ большинство безусловное, но раздѣленное на два лагеря по другимъ вопросамъ, и которое, благодаря этому, все-таки проиграетъ на выборахъ. Такое же положеніе, какъ читатель увидитъ ниже, представилось уже и на нынѣшнихъ выборахъ, и потому-то, главнымъ образомъ, ихъ результаты и оказались такъ неопредѣленными. Оставляя въ сторонѣ всѣ эти пункты разногласіи между разными элементами оппозиціи, я приведу теперь аргументацію и программу коалиціи анти-присоединителей, какъ противовѣсъ вышеизложенной про-

граммѣ Макъ-Кинлэя. Чтобы сдѣлать это, мнѣ придется свести въ одно цѣлое рѣчи вожаковъ разныхъ элементовъ оппозиціи по этому пункту, къ какой бы партіи они ни принадлежали по другимъ вопросамъ.

Мы не отрицаемъ,—говорятъ анти-присоединители,—что Союзъ пользуется въ настоящее время значительной долей благоденствія, въ особенности въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ. Но это безспорное оживленіе мануфактурной и коммерческой дѣятельности слѣдуетъ приписать не тому, что у власти случайно стоитъ республиканская партія, а экономическому закону періодичности застоевъ и промышленныхъ оживленій, неизмѣнно повторяющемуся съ тѣхъ поръ, какъ современная система капитализма завладѣла нашей жизнью. Богатство страны несомнѣнно увеличивается, но его распредѣленіе все больше и больше измѣняется въ ущербъ народнымъ массамъ, все больше и больше впадающимъ въ крѣпостную зависимость трестамъ и всевозможнымъ комбинаціямъ капитала. Война вызвала громадные, экстра-ординарные государственные расходы, усиленіе мануфактурной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ, и соотвѣтственное перемѣщеніе огромныхъ денежныхъ суммъ—по всѣмъ видимостямъ—изъ кармановъ массъ въ карманы немногихъ, почему-либо „приближенныхъ" къ стоявшимъ у власти кликамъ. Такое оживленіе едва-ли здорово и полезно, и, во всякомъ случаѣ, за нимъ неизбѣжно послѣдуетъ реакція, за которую намъ же и придется расплачиваться. Не все то золото, что̀ блеститъ! Да наконецъ, еслибъ все это и было такъ, какъ утверждаютъ наши противники, оно не имѣетъ ничего общаго съ имперіализмомъ и политикой присоединенія. Эта политика зародилась всего годъ тому назадъ, и нашъ дѣйствительно феноменальный современный мануфактурный экспортъ достигъ своего апогея еще до войны, еще въ 1897 году, а это и доказываетъ безусловно, что не штыками и броненосцами добываются иностранные рынки, а чѣмъ-то другимъ, чѣмъ мы, очевидно, обладали и въ то время, когда вся армія не превышала 17.000 человѣкъ, и мы еще представляли собою Соединенные Штаты Сѣверной Америки, а не Америки, Азіи и Австраліи, какъ теперь. Краеугольнымъ камнемъ всего нашего государственнаго и общественнаго устройства всегда былъ тотъ принципъ, что мы управляемся съ нашего собственнаго согласія—а теперь мы вдругъ сдѣлались управителями 12 милліоновъ человѣческихъ существъ, причемъ большинство ихъ сопротивляется этому съ оружіемъ въ рукахъ. Наши солдаты вербовались съ тѣмъ, чтобы сражаться за свободу, а ихъ послали на Филиппины—подавлять ее; президентъ Макъ-Кинлэй единолично обратилъ войну за гуманность—въ войну для порабощенія. Онъ

утверждаетъ, что Богъ послалъ намъ эти острова — въ дѣйствительности же ихъ захватили,— не спросясь согласія ни нашего, ни ихъ населенія,—въ противность мирной конференціи, засѣдавшей въ Парижѣ. Мы отказываемся признать его вѣстникомъ и истолкователемъ Божьихъ повелѣній. Такое объясненіе—не что иное какъ фарисейство и даже кощунство. Мы требуемъ немедленнаго очищенія острововъ и предоставленія ихъ собственной самодѣятельности. Адмиралъ Дюи, который пробылъ тамъ цѣлый годъ и которому мы безусловно довѣряемъ, высказался рѣшительно, что филиппинцы гораздо болѣе способны къ самоуправленію, чѣмъ кубанцы—за освобожденіе которыхъ мы начали войну. Нашъ долгъ—быть ихъ защитниками отъ иностранныхъ поползновеній, пока они не окрѣпнутъ и не встанутъ на ноги, а никакъ не самозванными, непрошенными управителями и угнетателями. Мы не можемъ разсчитывать когда-либо ассимилировать съ собою ихъ населеніе—оно слишкомъ велико, слишкомъ различно отъ насъ и по крови, и по исторіи, и по нравамъ и обычаямъ; владѣть же ими только ради торговыхъ выгодъ—и незаконно, и позорно, и противно всему нашему государственному и общественному строю, и конституціи. Подъ обманчивой эгидой имперскихъ идей и политики присоединенія мы опасаемся давленія милитаризма на нашу собственную свободу, стремленій капитализма посредствомъ большихъ армій и флота оградить и упрочить свои узкіе, односторонніе интересы, противные народнымъ. Филиппины могутъ оказаться только маской, только предлогомъ къ усиленію центральной власти и обезпеченію ея военной силой на всякій случай. Намъ не нужно цезарей, намъ противны преторіанцы. Всѣ иностранные рынки, весь экспортъ не стоютъ ни гроша въ сравненіи съ тѣми опасностями, которыя будутъ ежедневно грозить гражданской свободѣ и мирному внутреннему развитію страны. Мы имѣли извѣстную долю этихъ иностранныхъ рынковъ въ прошломъ—мы съумѣемъ обойтись съ нею же и въ будущемъ. Нашъ мануфактурный ростъ и такъ чрезмѣренъ, быстро обращая исконное земледѣльческое населеніе въ городской фабричный пролетаріатъ, уничтожая въ немъ и индивидуализмъ, и самостоятельность. Фабрика — отрава и нравовъ, и здоровья, и умственнаго прогресса нашего народа. Звѣздное знамя имѣетъ значеніе только какъ представитель великихъ принциповъ свободы и равенства, завѣщанныхъ намъ безсмертными основателями нашей республики — оно поднято на Филиппинахъ не въ ихъ защиту, а вопреки имъ, и развѣвается тамъ во имя насилія, произвола и порабощенія. Измѣна отечеству состоитъ не въ нашемъ требованіи немедленно спустить его, а въ приказѣ поддерживать его штыками и пушками. Это—позоръ и зна-

мени, и всему нашему народу, темное пятно на всей нашей исторіи, до сихъ поръ столь чистой и послѣдовательной.

Читатель, конечно, пойметъ и самъ, что никакой компромиссъ между двумя этими программами невозможенъ и недостижимъ, и что только рѣшительное пораженіе Макъ-Кинлэя [1]) на будущихъ выборахъ и можетъ положить конецъ развитію имперіализма и политики присоединенія. Лучшіе люди страны хорошо понимаютъ и это, и всю трудность достиженія такого пораженія, такъ какъ не мало и въ нашей странѣ, какъ и во всякой другой, такихъ элементовъ, которые слѣпо слѣдуютъ за всякимъ успѣхомъ, не думая о будущемъ и его опасностяхъ. Кромѣ того, Макъ-Кинлэй крѣпко овладѣлъ всей организаціей республиканской партіи, крѣпче, чѣмъ какой-либо прежній республиканскій президентъ; та машина, которая заправляетъ всѣми махинаціями политической кампаніи, которая контролируетъ всѣ мѣста и оклады, все то, что помягче и извѣстно и въ Россіи подъ кличкой „общественнаго пирога", находится безраздѣльно въ его распоряженіи, и изъ нея выкурено уже все независимое, все то мыслящее и разсуждающее меньшинство, которое всегда составляло соль партіи и ея нравственную силу. Макъ-Кинлэй всегда считался первоклассным организаторомъ и изъ ряду вонъ искуснымъ политиканомъ; онъ, конечно, блистательно подтвердилъ эти стороны своей личной репутаціи тѣмъ безпримѣрнымъ искусствомъ, съ которымъ онъ руководитъ партійной организаціей и укрѣпляетъ и расширяетъ ее вездѣ и всюду. Вышеуказанныя потери своей партіи онъ успѣлъ возмѣстить перебѣжавшими въ его гостепріимный лагерь фракціями всѣхъ другихъ, если не качественно, то количественно—а въ счетѣ голосовъ университетскій профессоръ или знаменитый писатель считаются совершенно такъ же, какъ безграмотный ирландецъ или польскій еврей. Для того, чтобы достичь возможнаго объединенія, оппозиціи придется запастись не совсѣмъ обыкновенными тактомъ, ловкостью и умѣньемъ; достойнаго вожака, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ, все еще нѣтъ, да и главный, по численности, элементъ ожидаемой коалиціи, демократы, какъ партія—матеріалъ и крайне ненадежный, и не особенно богатый выдающимися людьми вообще.

Для правильнаго всесторонняго пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ необходимо, однако, замѣтить, что главные козыри шови-

[1]) И теперь уже совершенно очевидно, что онъ будетъ вторично назначенъ кандидатомъ созданной имъ партіей имперіализма подъ старымъ именемъ республиканской.

низма и имперіализма теперь всѣ уже сыграны. Морскія и сухопутныя побѣды не только давно уже сдѣлались достояніемъ исторіи, но и успѣли возбудить собою самыя некрасивыя пререканія между ихъ виновниками. Адмиралы Сампсонъ и Сляй свирѣпо грызутся между собою вотъ уже второй годъ по поводу того, кому изъ нихъ принадлежитъ честь уничтоженія эскадры Серверы, тогда какъ капитаны участвовавшихъ въ битвѣ кораблей думаютъ, что она—ихъ исключительная собственность; генералы Майльсъ и Шафтеръ полемизируютъ и до сихъ поръ, который изъ нихъ взялъ городъ Сантъ-Яго и принудилъ къ сдачѣ армію Торaля; а капитанъ крейсера „Нью-Іоркъ", Чадвикъ, утверждаетъ, что ему принадлежитъ и мысль, и редакція требованія о сдачѣ. Благодаря этимъ нелѣпымъ, безтактнымъ личнымъ спорамъ, [1]) унижающимъ дѣйствительныя заслуги арміи и флота, и въ то же время раздѣлившимъ всю страну на многочисленные противоположные лагери, симпатизирующіе извѣстнымъ лицамъ непремѣнно въ ущербъ другимъ,—американскій театръ войны не далъ рѣшительно ни одного неоспореннаго, такъ сказать, настоящаго, признаннаго всѣми, крупнаго героя, исключая, можетъ быть, молоденькаго лейтенанта Гобсона, да настоящаго губернатора штата Нью-Іорка, Рузевельта, полковника знаменитыхъ „Rough Riders". Въ испанской войнѣ побѣдъ было не особенно много, да и ихъ слава оказалась, въ концѣ концовъ, размѣнянной на мѣдные пятаки, неизвѣстно кому въ дѣйствительности принадлежащіе; а въ филиппинской—приходится одолѣвать не храбростью и пушечнымъ грохотомъ, а умѣньемъ плавать, нырять, ходить не ѣвши, не таять отъ дождевыхъ потоповъ и не сгарать отъ солнечныхъ лучей—качества, конечно, очень почтенныя и полезныя, но способныя возбуждать только ограниченный и притомъ своеобразный энтузіазмъ между профессіональными атлетами и школярами-подростками. А главнокомандующій всѣми военными и морскими силами Союза, Макъ-Кинлэй, и военное и морское министерства, дипломатично молчатъ и великодушно предоставляютъ всѣмъ этимъ возможнымъ конкуррентамъ на политическое возвышеніе въ будущемъ взаимно побивать и другъ друга, и свой престижъ; они убѣдились предварительно, что побѣдитель въ морской битвѣ при Манилдѣ, адмиралъ Дюи, не питаетъ абсолютно никакихъ политическихъ амбицій и безусловно предпочитаетъ свое адмиральство возможному президентству, искусно сосредоточили на немъ одномъ весь народный энтузіазмъ и воспользовались возвращеніемъ домой какъ его, такъ и

[1]) Въ видахъ безпристрастія необходимо, однако, замѣтить, что споры эти были начаты и доведены до точекъ бѣлаго каленія газетными репортерами, которымъ удалось проникнуть въ нихъ, можетъ быть невольно для нихъ самихъ и генераловъ и адмираловъ, людей почти безъ исключенія скромныхъ и почтенныхъ.

волонтерныхъ полковъ съ Филиппинъ, для того, чтобы подогрѣть остывшій-было шовинизмъ и повліять на исходъ ноябрьскихъ выборовъ. Въ смыслѣ чисто военно-возбуждающихъ стимулянтовъ, встрѣчи эти были послѣдними козырями присоединителей. Торжества встрѣчи Дюи съ его флагманскимъ крейсеромъ „Олимпіей", городами Нью-Іоркомъ, а затѣмъ Бостономъ и Вашингтономъ—превзошли далеко все, что когда-либо бывало въ этомъ родѣ въ Америкѣ. Высчитываютъ, что ко дню парада въ Нью-Іоркѣ въ него съѣхалось до семи милліоновъ народа—никогда прежде во всей исторіи міра небывалое скопленіе человѣческихъ массъ на такомъ незначительномъ пространствѣ. Одинъ мой знакомый разсказывалъ мнѣ, что, выйдя утромъ въ этотъ день на улицу, онъ сразу попалъ въ толпу, былъ сдавленъ ею, подвигаясь то впередъ, то назадъ, вмѣстѣ съ нею и какъ ея частица, совершенно помимо своей воли, и пробылъ въ этомъ положеніи до поздняго вечера, не будучи въ состояніи ни остановиться, ни выбраться въ теченіе слишкомъ восьми часовъ. Адмиралъ Дюи теперь несомнѣнно самый популярный человѣкъ во всемъ Союзѣ; помимо его блестящей морской побѣды, вся часть которой безраздѣльно принадлежитъ ему одному, онъ завоевалъ себѣ прочныя народныя симпатіи своей чисто американской простотой и скромностью. Ничто такъ не способно кружить голову людямъ, какъ ореолъ крупной военной славы—а Дюи съумѣлъ остаться тѣмъ же безпритязательнымъ морякомъ, какимъ былъ всю свою жизнь, и безповоротно рѣшилъ оставаться такимъ, хотя никакія махинаціи не могли бы предотвратить его назначенія и выбора въ президенты, еслибы онъ этого захотѣлъ. Не могу не замѣтить при этомъ, что, по моему крайнему разумѣнію, ничто болѣе не характеризуетъ степени культурности націй и людей, какъ скромность и простота почему-либо выдающихся индивидуумовъ. Американецъ, какъ бы знаменитъ или богатъ онъ ни былъ, всегда удивительно умѣетъ прятать свое собственное „я"—и въ этомъ отношеніи чрезвычайно выгодно для себя отличается отъ представителей большинства европейскихъ націй.

Празднества по поводу встрѣчи Дюи продолжались нѣсколько недѣль, и закончились публичнымъ поднесеніемъ ему президентомъ почетной сабли въ десять тысячъ долларовъ цѣною, вотированной ему конгресомъ вмѣстѣ съ чиномъ полнаго адмирала, уничтоженнымъ уже больше тридцати лѣтъ тому назадъ, со смертью морского героя междоусобной войны—Фаррагюта. Дюи—человѣкъ безъ всякихъ средствъ, живущій своимъ жалованьемъ, и благодарный американскій народъ, устроивъ подписку въ его пользу, преподнесъ ему въ даръ прекрасный меблированный домъ въ Вашингтонѣ, гдѣ онъ, только-что же-

нившись на интересной вдовушкѣ, разсчитываетъ окончить въ покоѣ свои дни. Ему уже 62 года, и онъ вообще слабаго здоровья.

Какъ подѣйствовала встрѣча Дюи на возрожденіе шовинизма на Востокѣ, такъ же дѣйствовали по всему пространству Союза, преимущественно на Западѣ, встрѣчи возвращавшихся постепенно въ теченіе всей осени волонтерныхъ полковъ съ Филиппинъ. Полки эти возвращались оборванные и изнуренные, потерявъ въ сраженіяхъ и отъ болѣзней и тяжелыхъ военныхъ условій въ тропическомъ климатѣ очень значительные проценты своихъ составовъ. Всего характернѣе въ связи съ ними оказался тотъ фактъ, что, несмотря на чрезвычайно льготныя, сравнительно, условія вторичнаго завербованія въ организовавшіеся повсюду новые волонтерные полки, почти ни одинъ изъ возвратившихся солдатъ не пожелалъ повторить опыта. Климатъ Филиппинъ и жизненныя ихъ условія совершенно непригодны для бѣлаго человѣка, особенно сѣверянина. Даже испанцы, и на родинѣ привыкшіе къ гораздо болѣе жаркому климату, чѣмъ средній климатъ Союза, рѣдко выживали тамъ болѣе двухъ-трехъ лѣтъ подъ-рядъ, въ большинствѣ случаевъ оказываясь неспособными акклиматизироваться, и должны были постоянно смѣняться свѣжими силами. Говорятъ, что и американское военное министерство разсчитываетъ мѣнять расположенные на островахъ полки по крайней мѣрѣ ежегодно —иначе нѣтъ надежды поддерживать ихъ эффективность, быстро разрушаемую невыносимыми для цивилизованнаго бѣлаго мѣстными климатическими и жизненными условіями.

Несмотря на массу оффиціальныхъ и частныхъ извѣстій, ежедневно занимающихъ цѣлыя страницы нашихъ газетъ по поводу положенія дѣлъ на Филиппинахъ, совершенно невозможно сказать что-либо опредѣленное, что̀ именно тамъ происходитъ и насколько подвинулось въ дѣйствительности подавленіе возстанія. Еще начиная съ прошлой весны, поддерживающая политику Макъ-Кинлэя пресса много разъ обѣщала, что Агвинальдо будетъ захваченъ въ плѣнъ и возстаніе прекращено черезъ двѣ, три недѣли—но эти недѣли проходятъ цѣлыми десятками безъ какихъ бы то ни было серьезныхъ измѣненій. Тактика филиппинцевъ остается все та же: они возводятъ незначительныя земляныя укрѣпленія, встрѣчаютъ подъ ихъ защитой приступы американскихъ войскъ, затѣмъ мгновенно разсыпаются по сторонамъ, и, по уходѣ непріятеля, опять занимаютъ тѣ же позиціи. Островъ Люцонъ сравнительно очень великъ; рѣкъ, болотъ, лѣсовъ и горъ въ немъ безъ конца; инсургентовъ много десятковъ тысячъ—въ сущности, все мужское населеніе,—и вся кампанія до сихъ поръ производитъ впечатлѣніе опущеннаго въ стаканъ съ водой пальца: по мѣрѣ того, какъ вы его двигаете, занятое имъ передъ

этимъ движеніемъ пространство опять заполняется водой, и положеніе остается, въ сущности, одно и то же.

Вначалѣ главнокомандующій Отисъ установилъ-было очень строгую военную цензуру извѣстій съ островоъ—но непривычные къ ней корреспонденты цѣлой дюжины большихъ американскихъ газетъ напечатали въ Союзѣ, за своей общей подписью, очень энергичный и сенсаціонный протестъ, вызвавшій настоящую бурю негодованія во всей странѣ и немедленную отставку бывшаго военнаго министра Альджэра, и съ тѣхъ поръ положеніе выяснилось гораздо рѣзче въ томъ именно смыслѣ, что покуда американскія войска не одержали никакихъ существенныхъ успѣховъ. Свѣдущіе люди, притомъ безусловно добросовѣстные, утверждаютъ даже, что мѣстныя условія такъ неблагопріятны, что возстаніе невозможно подавить, что борьба будетъ стоить сотни милліоновъ и десятки тысячъ жизней,—и все это совершенно непроизводительно. Правительство, понятно, оспариваетъ эти извѣстія, и обѣщаетъ скорый конечный успѣхъ, не отрицая, впрочемъ, въ послѣднее время, что гверильясская борьба дѣйствительно можетъ затянуться на неопредѣленное время. Американскій народъ терпѣливъ—но и открытые приверженцы правительства начинаютъ задумываться надъ цѣлесообразностью этой бойни, и если она, чего добраго, будетъ продолжаться и до политической кампаніи будущаго года такъ же безрезультатно, какъ и въ теченіе прошлыхъ десяти мѣсяцевъ,—фактъ этотъ сдѣлается въ рукахъ оппозиціи самымъ существеннымъ козыремъ. Въ этомъ отношеніи положеніе оппозиціи несомнѣнно гораздо лучше и выгоднѣе—она только выжидаетъ, тогда какъ правительству необходимо не только дѣйствовать, но и *успѣть*.

Какъ филиппинская война является агрессивнымъ проявленіемъ политики присоединенія, такъ и имперіализмъ въ международной политикѣ не остался въ безобидной сферѣ теоріи. Едва-ли можно сомнѣваться, что правительство Макъ-Кинлэя допустило-таки связать себя извѣстными обязательствами съ британской имперіей. Американскій флотъ на Филиппинахъ внезапно удвоенъ за послѣднее время, будучи усиленъ главнымъ образомъ крупными судами, непригодными для блокады и береговой службы, такъ что усиленіе это отнюдь нельзя объяснить необходимостями возстанія. Одновременно съ нимъ была сдѣлана и декларація иностраннымъ державамъ, съ требованіемъ политики открытыхъ дверей для китайской торговли. Такая принципіальная декларація относительно мѣстныхъ дѣлъ другого континента—фактъ небывалый въ исторіи нашей иностранной политики. Благодаря трансваальской войнѣ, связавшей англійскія силы въ самой значительной степени и на неопредѣленное время, общее положеніе дѣлъ въ Европѣ и Азіи можетъ сдѣлаться критически-натянутымъ

въ 24 часа (я лично былъ бы очень удивленъ, если это не случится даже раньше, чѣмъ эти строки увидятъ свѣтъ)—и Союзъ можетъ очутиться на краю пропасти самыхъ серьезныхъ иностранныхъ осложненій, прежде, чѣмъ это кому-либо грезится въ настоящую минуту.

Анти-присоединители всѣхъ партій, не будучи увѣрены что имъ удастся въ свое время сойтись съ демократами на общей „платформѣ", рѣшили организоваться помимо и независимо отъ всѣхъ другихъ политическихъ вопросовъ минуты, и съ этой цѣлью была въ прошломъ октябрѣ созвана національная конвенція въ городѣ Чикаго,—конвенція, въ которой приняли участіе слишкомъ 160 делегатовъ отъ всѣхъ штатовъ Союза. Конвенція эта продолжалась два дня, и ея душой, также какъ и, повидимому, душой всего движенія, явился Карлъ Шурцъ, маститый знаменитый генералъ междоусобной войны, а затѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ „честнѣйшаго изъ честныхъ" президента Гэйса. Его рѣчь къ конвенціи представляетъ собою замѣчательный образчикъ логики, силы и краснорѣчія. Конвенція, учредивъ національную организацію, единогласно приняла рядъ резолюцій, осуждающихъ администрацію президента Макъ-Кинлэя и имперіалистскую политику, какъ враждебную конституціи и свободѣ, требующихъ немедленнаго очищенія Филиппинскихъ острововъ и безусловной оппозиціи всѣмъ кандидатамъ на федеральныя общественныя должности, кто бы они ни были и какъ бы они ни относились ко всѣмъ другимъ политическимъ вопросамъ, разъ они—не открытые противники имперіализма вообще.

Вышеизложенное выясняетъ, въ общихъ чертахъ, народное и партійное политическое настроеніе минуты, и я перейду теперь къ тому, какъ оно выяснилось въ частностяхъ прошлыхъ выборовъ.

Главная борьба партій сосредоточилась въ штатѣ Огайо, выбиравшемъ легислатуру, губернатора и всѣхъ остальныхъ штатныхъ чиновъ. Республиканская партія употребила сверхъестественныя усилія, чтобы объединить всѣхъ своихъ приверженцевъ и заручиться безусловнымъ большинствомъ; ея кандидатомъ въ губернаторы былъ чрезвычайно популярный и достойный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, Нашъ; и самъ Макъ-Кинлэй, и многіе другіе выдающіеся національные вожаки республиканцевъ, какъ губернаторъ штата Нью-Іорка, Рузевельтъ, сенаторъ Дипью, министры—финансовъ Гэджъ и военный Рутъ, провели въ Огайо цѣлыя недѣли передъ выборами, произнося рѣчи даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Оппозиція же, какъ и слѣдовало ожидать, раздѣлилась: демократы назначили своимъ кандидатомъ издателя большой, очень влія-

тельной во всемъ Союзѣ газеты „Cincinnati Enquirer", милліонера Макъ-Лина; а „независимые"—голову города Толидо, Джонса [1]). Было, кромѣ того, три кандидата мелкихъ партій. Нашъ оказался выбраннымъ, но только относительнымъ большинствомъ; его противники, а слѣдовательно и оппозиціи политикѣ присоединенія, получили, въ общей сложности, почти 50.000 больше голосовъ, чѣмъ онъ. Такимъ образомъ, хотя республиканцы и выбрали своего кандидата,—но едва-ли этотъ фактъ доставилъ имъ ту побѣду, которая была необходима для престижа партіи, и для выборовъ будущаго года штатъ Огайо, конечно, остался крайне сомнительной величиной.

Въ штатѣ Массачузетсѣ присоединители несомнѣнно потерпѣли серьезное пораженіе, хотя республиканцы и выбрали всѣхъ своихъ кандидатовъ. Итогъ ихъ голосовъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ, упалъ на 22%, тогда какъ демократы поднялись на 3% и овладѣли управленіемъ города Бостона. Кромѣ того, было извѣстно, что кандидатъ республиканцевъ въ губернаторы вполнѣ раздѣляетъ анти-присоединительныя идеи сенатора Гора, и по этому пункту радикально расходится съ программой Макъ-Кинлэя.

Въ штатахъ Нью-Іоркѣ и Нью-Джерсэѣ республиканцы выбрали большинство штатныхъ легислатуръ и вообще усилились. Этому много помогли обычные мѣстные, внутренніе раздоры демократовъ и, главное, популярность губернатора Рузевельта. Противники развращающихъ методовъ Таммани-Голла и въ то же время имперіализма горько упрекаютъ себя теперь за ту поддержку, которую они оказали ему на выборахъ прошлаго года, когда, благодаря исключительно ихъ голосамъ, онъ попалъ на губернаторское кресло штата. Рузевельтъ—несомнѣнно безусловно-честный и крайне дѣльный и энергичный человѣкъ, но и одинъ изъ самыхъ упорныхъ, даровитыхъ и убѣжденныхъ присоединителей. Онъ такъ же скроменъ и простъ, и почти такъ же популяренъ, какъ и адмиралъ Дюи—и въ будущей политической исторіи Союза будетъ, конечно, играть одну изъ самыхъ выдающихся ролей.

Въ штатахъ Мерилэндѣ и Кентуки, дававшихъ въ самое послѣднее время значительныя республиканскія большинства, и въ которыхъ губернаторами были республиканцы,—демократы одержали серьезныя

[1]) Джонсъ—не совсѣмъ у насъ заурядный человѣкъ, и представляетъ собою одно изъ самыхъ странныхъ, чисто американскихъ явленій. Онъ—архимилліонеръ, всю свою жизнь дѣлавшій деньги, и вдругъ обратившійся въ одного изъ злѣйшихъ враговъ капитализма и трёстовъ. Онъ отказался отъ всѣхъ своихъ прежнихъ дѣловыхъ и политическихъ друзей, открыто сталъ на сторону рабочихъ, и выбирается ими уже нѣсколько лѣтъ головою своего города, вопреки свирѣпой оппозиціи всѣхъ состоятельныхъ въ немъ элементовъ, и пользуется неограниченной популярностью и любовью.

побѣды, перевернувъ эти большинства въ свою пользу и выбравъ какъ легислатуры, такъ и всѣхъ штатныхъ чиновъ.

Въ штатѣ Эйоуэ не произошло никакой замѣтной перемѣны—онъ остался республиканской твердыней въ значительномъ большинствѣ. Это—штатъ чисто земледѣльческій, безъ большихъ городовъ, и громадные урожаи послѣднихъ лѣтъ и высокія цѣны на хлѣбъ и въ особенности на скотъ, отражаются на политикѣ его жителей больше чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ штатѣ Небраскѣ демократы утроили свое большинство прошлаго года—и это имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ въ ней кампанія велась исключительно на почвѣ національной политики. Мѣстныхъ вліяній не могло быть, такъ какъ выбирался только судья верховнаго суда штата, и вожаки обѣихъ партій и не пытались даже затрогивать мѣстныхъ дѣлъ. Въ то же время Нэбраска была единственнымъ штатомъ Запада, имѣвшимъ возможность высказаться нынче народнымъ голосованіемъ, а потому демократы, понятно, склонны нѣсколько преувеличивать важность своей несомнѣнной побѣды въ немъ.

Крайніе партизаны обѣихъ партій, комментируя прошлые выборы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ свою пользу, способны извлекать изъ нихъ извѣстное партійное утѣшеніе и даже почерпать изъ нихъ, якобы, увѣренность и въ исходѣ будущей кампаніи;—но я съ ними рѣшительно несогласенъ, и думаю, что общее положеніе осталось такъ же шаткимъ и неопредѣленнымъ, какъ и до нихъ, и что событія слѣдующаго года будутъ имѣть рѣшающее значеніе, помимо всего того, что̀ произошло до сихъ поръ.

П. А. Тверской.

30 ноября 1899 г.
г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1900.

Политическія событія истекшаго года.—Гаагская конференція и Трансваальская война.—Неудачи англичанъ въ южной Африкѣ.—Ошибочные толки и выводы газетъ.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Политическія дѣла въ остальной Европѣ.

Важнѣйшія событія истекшаго года указывали на ненормальное, неустойчивое состояніе политической жизни въ большей части государствъ; глубокія внутреннія противорѣчія выступали наружу съ особенною силою не только среди отдѣльныхъ націй, но и въ общемъ международномъ положеніи, колеблющемся между воинственными чувствами и потребностью прочнаго мира.

Съ одной стороны, Гаагская конференція съ ея торжественными декларaціями въ духѣ миролюбія и человѣчности, а съ другой—жестокая рѣзня, предпринятая въ южной Африкѣ правительствомъ наиболѣе культурной и просвѣщенной державы въ мірѣ, по сознательно обдуманному плану,—таковы главные и существенно характерные факты, внесенные въ исторію 1899-мъ годомъ, въ назиданіе современникамъ и потомству. Гаагская конференція, созванная по иниціативѣ Россіи, открыла свои засѣданія 18 мая и закрылась 30 іюля (нов. ст.); она возбудила сочувственное общественное движеніе повсюду, особенно въ Англіи, и британскіе уполномоченные явились самыми энергическими приверженцами широкой организаціи обязательнаго посредничества и третейскаго суда для предотвращенія войнъ. Англійскій проектъ, предложенный сэромъ Паунсфотомъ при поддержкѣ американскаго представителя Уайта, шелъ гораздо далѣе русскаго и встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны германскихъ делегатовъ; но въ то время какъ въ Гаагѣ Англія защищала идеи мира (хотя и высказывалась противъ смягченія ужасовъ войны), ея министръ колоній Чемберлэнъ постепенно подготовлялъ рѣшительную расправу съ Трансваалемъ, согласно программѣ предпріимчиваго Сесиля Родеса, главы синдиката брилліантовыхъ копей Кимберлея и директора привилегированной британской компаніи въ южной Африкѣ. Въ началѣ іюня „высшій коммиссаръ“ Капской области, сэръ Альфредъ Мильнеръ, предъявилъ свои требованія президенту Крюгеру и велъ съ нимъ непосредственно переговоры въ столицѣ Оранжевой республики, Блумфонтейнѣ; неудачный исходъ этихъ совѣщаній убѣдилъ англійскихъ дѣятелей въ невозможности достигнуть цѣли мирными

средствами, и дальнѣйшія дипломатическія усилія направлены были уже къ тому, чтобы запугать противника угрозами войны.

Чего добивалось британское правительство отъ Трансвааля? Цѣль была весьма заманчива, и она вполнѣ откровенно разъяснена въ обстоятельной запискѣ сэра Мильнера, напечатанной въ свое время въ лондонскихъ газетахъ. Въ Трансваалѣ, особенно въ золотопромышленномъ районѣ, съ его центромъ Іоганнесбургомъ, числилось около 30 тысячъ взрослыхъ англійскихъ поселенцевъ-промышленниковъ и рабочихъ, а иностранцевъ вообще считается больше, чѣмъ туземныхъ полноправныхъ гражданъ-боэровъ; поэтому, если всѣмъ пришельцамъ предоставить права избирателей, то они естественно сгруппируются около англичанъ, отъ которыхъ зависятъ по своимъ заработкамъ, и получатъ большинство въ народномъ собраніи, послѣ чего выберутъ новаго президента, англичанина, и господство надъ республикою перейдетъ на законномъ основаніи въ англійскія руки. Необходимо только стремиться къ полной равноправности иностранцевъ съ боэрами; остальное приложится само собою. Отсюда продолжительный и горячій споръ объ избирательныхъ правахъ „уитлэндеровъ“; отсюда же настойчивое заступничество за нихъ Великобританіи. Трансвааль возражалъ, что нигдѣ въ мірѣ иностранцы не привлекаются къ участію въ законодательствѣ и управленіи, что они должны предварительно натурализоваться, сдѣлаться гражданами, проживъ въ странѣ въ теченіе извѣстнаго срока, и что наконецъ толпы наемныхъ рабочихъ, не имѣющихъ ни постояннаго мѣстожительства, ни опредѣленныхъ средствъ къ существованію, не могутъ претендовать на избирательныя права. Сами англичане у себя въ Капской колоніи установили въ 1892 году законъ, по которому для пользованія избирательными правами, кромѣ извѣстнаго срока пребыванія въ странѣ, требуется еще обладаніе имуществомъ цѣною не менѣе 75 фунтовъ стерлинговъ, или постояннымъ доходомъ въ размѣрѣ 50 фунтовъ въ годъ,—вмѣсто 25 фунтовъ дохода, какъ было прежде. Дипломатическая кампанія Чемберлэна противъ Трансвааля производила крайне тягостное впечатлѣніе своею очевидною несправедливостью, своимъ рѣзкимъ, вызывающимъ тономъ, своими неискренними увертками, софизмами и придирками, постоянно раскрывавшими перспективу прямого насилія. „Британскій левъ“, какъ любятъ выражаться англійскіе патріоты, непрерывно показывалъ свои страшные когти; правительство боэровъ отступало, дѣлало уступку за уступкою, для избѣжанія разрыва, но остановилось, когда дѣло коснулось самостоятельности государства, созданнаго ихъ предками. Попытка Чемберлэна истолковать конвенціи 1881 и 1884 годовъ въ смыслѣ подтвержденія какихъ-то верховныхъ правъ Великобританіи относительно Трансвааля

побудила боэровъ готовиться къ вооруженной борьбѣ. Боэры давно, какъ это теперь видно, предвидѣли возможность войны и дѣятельно приготовлялись къ ней еще со времени набѣга Джемсона, устроеннаго Сесилемъ Родесомъ въ концѣ 1895 года; планы британскихъ патріотовъ тогда обнаружились, и уже съ тѣхъ поръ Трансвааль вооружался неустанно. Англійскій ультиматумъ 8 сентября и заключительныя ноты 22 сентября, сопровождавшіяся усиленною отправкою англійскихъ войскъ въ южную Африку, не застали потому Трансвааля въ расплохъ, и къ общему удивленію, небольшая, ничтожная, сравнительно съ Англіею, республика боэровъ не только не испугалась ея угрозъ, но смѣло пошла на встрѣчу опасности, объявивъ войну ранѣе окончанія британскихъ приготовленій. Трансваальскій ультиматумъ 9 октября казался безуміемъ, но послѣдствія оправдали этотъ героическій шагъ. Мысль о пріобрѣтеніи власти надъ Трансваалемъ черезъ посредство иностранныхъ поселенцевъ, превращенныхъ въ полноправныхъ избирателей, была лишь напрасной иллюзіею, и англичанамъ пришлось съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать неудачную политику Чемберлэна, чтобы не уронить престижа и авторитета Англіи, какъ великой державы. Неоднократныя предложенія Трансвааля о передачѣ спорныхъ вопросовъ третейскому суду не удостоивались даже отвѣта, и черезъ два мѣсяца послѣ закрытія Гаагской конференціи произошла печальная развязка кризиса, обостреннаго волей и интересами нѣсколькихъ честолюбцевъ. Боэры поспѣшили по крайней мѣрѣ предупредить нашествіе и начать военныя дѣйствія на британской территоріи, и они съумѣли дать войнѣ такой оборотъ, какого никто не ожидалъ.

Пораженія англичанъ на театрѣ войны слѣдовали за самоувѣренными похвальбами патріотовъ, заранѣе провозглашавшихъ необходимость уничтожить южно-африканскія республики и присоединить ихъ территоріи къ британскимъ владѣніямъ; даже серьезные политическіе дѣятели, не только министры, но и либеральные ихъ противники, вожди парламентской оппозиціи, заявляли публично одинъ за другимъ, что надо покончить съ Трансваалемъ разъ навсегда,—и что̀ страннѣе всего,—эта рѣшимость, вмѣстѣ съ твердою вѣрою въ достиженіе цѣли, громко высказывалась и повторялась послѣ каждой крупной побѣды боэровъ, какъ бы съ намѣреніемъ усилить вражду и самоотверженную энергію непріятеля. Дѣлить шкуру медвѣдя, не справившись съ нимъ, вообще непрактично; но возвѣщать врагу свое непремѣнное желаніе истребить его, когда онъ далеко еще не побѣжденъ, а напротивъ, самъ побѣждаетъ, — значитъ только увеличивать силу его сопротивленія и искусственно придавать войнѣ ожесточенный характеръ, закрывая путь къ какому бы то ни было компромиссу. Въ то же

время эта странная тактика раздражаетъ постороннихъ наблюдателей и даетъ обильный матеріалъ для злорадства, которое и безъ того находитъ благодарную почву въ континентальной печати по отношенію къ Англіи. Лондонскія газеты сообщали о побѣдахъ и замѣчательныхъ планахъ разныхъ генераловъ поочередно, выставляя ихъ успѣхи неподлежащими никакому сомнѣнію, — и вслѣдъ затѣмъ эти генералы одинъ за другимъ терпѣли тяжелыя неудачи. Лордъ Метуэнъ съ своимъ отрядомъ пробилъ себѣ дорогу черезъ рѣку Моддеръ, послѣ кровопролитнаго сраженія 29 ноября, и долженъ былъ двинуться дальше къ Кимберлею, чтобы освободить его отъ осады; но 11 декабря онъ былъ разбитъ на голову при Магерсфонтейнѣ, послѣ чего отрѣзанъ отъ своихъ сообщеній съ юга. Генералъ Гатакръ готовился ворваться въ предѣлы Оранжевой республики и занять ея столицу, но при попыткѣ овладѣть Стормбергомъ, 10 декабря, подвергся полному разгрому, и значительная часть его отряда попала въ плѣнъ. Нѣсколько дней спустя, 15 декабря, самъ главнокомандующій генералъ Буллеръ, на котораго возлагались всѣ надежды, испыталъ въ свою очередь „тяжкій ударъ судьбы"; онъ собрался съ своимъ многочисленнымъ войскомъ (23 тысячи человѣкъ) перейти черезъ рѣку Тугелу у Колензо, но былъ отбитъ съ огромнымъ урономъ, съ потерею 11 орудій. Осажденный Ледисмитъ, какъ и Кимберлэй, предоставленъ пока своей участи. Боэры являются побѣдителями на обоихъ театрахъ войны— на востокѣ, въ области Наталя, и на западѣ, въ земляхъ Капской колоніи; однако они не умѣютъ извлекать пользы изъ своихъ побѣдъ, не преслѣдуютъ разбитаго непріятеля и остаются пассивно на своихъ мѣстахъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ нападеній. Нравственное значеніе этихъ неудачъ для Англіи громадно; но онѣ не рѣшаютъ кампаніи и не обезпечиваютъ благопріятнаго для боэровъ окончательнаго исхода войны. Битвы при Магерсфонтейнѣ и Колензо были настоящія регулярныя сраженія, весьма кровопролитныя; въ первой англичане потеряли убитыми и ранеными около 900 человѣкъ, во второй— болѣе тысячи,—притомъ, по свѣдѣніямъ изъ англійскаго источника [1]).

Любопытно вообще, что въ этой войнѣ говоритъ громко изо дня въ день только одна сторона, а другая совершенно молчитъ, т.-е. голосъ ея до насъ не доходитъ; всѣ свѣдѣнія получаются отъ англичанъ; ежедневно мы узнаемъ по телеграфу о дѣйствіяхъ англійскихъ генераловъ, о рѣшеніяхъ и намѣреніяхъ британскаго правительства,

---

[1]) Одновременно съ этимъ происходитъ такая же война въ другой части свѣта, на Филиппинахъ, гдѣ идетъ борьба также слабаго съ противникомъ несравненно сильнѣйшимъ: оо. Филиппинскіе и С.-Ам. Штаты—и тамъ не менѣе жестокое кровопролитіе и такія же трудности для сильнѣйшаго—одолѣть своего слабаго противника.—См. выше, письмо въ Редакцію изъ Калифорніи, П. А. Тверского, стр. 336.

о мнѣніяхъ и отзывахъ лондонской печати, а Трансвааль какъ будто скрытъ отъ міра непроницаемой стѣной; намъ едва извѣстны имена начальниковъ, столь успѣшно разрушающихъ англійскіе военные планы. Имена Метуэна и Буллера постоянно встрѣчаются въ депешахъ и газетныхъ статьяхъ, и нѣтъ такого грамотнаго человѣка, который бы ихъ не зналъ; а кто слышалъ что-нибудь о побѣдителѣ при Колензо, и многіе ли знаютъ его имя? Такъ какъ всѣ средства сообщенія съ Трансвааломъ находятся въ британскихъ рукахъ, то даже президентъ Крюгеръ лишенъ теперь возможности сноситься съ внѣшнимъ міромъ или заявлять что-либо иностраннымъ державамъ или иностранной публикѣ; только случайно, „съ оказіей",—вѣроятно, при содѣйствіи американскаго консула въ Преторіи,—могъ онъ недавно послать письмо или воззваніе, напечатанное въ американскихъ газетахъ. Никогда еще побѣдители не находились въ такомъ оригинальномъ положеніи.

Успѣхи боэровъ въ войнѣ съ Англіею представляютъ много поучительнаго съ разныхъ точекъ зрѣнія. При разгромѣ отряда генерала Гатакра боэры потеряли убитыми всего четырехъ человѣкъ; въ большихъ сраженіяхъ при Магерсфонтейнѣ и Колензо потери ихъ опредѣлялись десятками убитыхъ, тогда какъ со стороны англичанъ погибла масса людей, и нѣкоторые батальоны лишились трехъ четвертей своего состава. Англичане шли въ аттаку, подвергаясь истребительному огню изъ-за прикрытій, и это повальное истребленіе, производимое невидимымъ непріятелемъ, имѣло такое именно дѣйствіе, какое описываетъ или предсказываетъ г. Бліохъ въ трактатѣ о „Будущей войнѣ": современныя ружья, при мѣткости стрѣльбы, дѣлаютъ почти немыслимымъ дѣйствительное приближеніе врага, и наступающая армія уничтожается прежде, чѣмъ успѣетъ подойти къ позиціямъ противника. Каждая часть войска, идущая въ аттаку, теряетъ сотни человѣкъ въ одну минуту, и она не имѣетъ предъ собою другого выхода, кромѣ безцѣльной гибели или поспѣшнаго отступленія. Нападающіе не могутъ причинить никакого чувствительнаго вреда непріятелю, котораго они вовсе не видятъ; а сами они, подвигаясь впередъ въ открытомъ мѣстѣ, служатъ мишенью для выстрѣловъ, направляемыхъ въ нихъ неизвѣстно откуда, изъ-за окрестныхъ возвышенностей, изъ-за камней или деревьевъ, одновременно съ разныхъ сторонъ, съ ужасающею методичностью, на подобіе сплошного дождя. Смѣяться надъ англичанами, испытывающими на себѣ дѣйствіе современнаго ружейнаго огня, способны только люди, не отдающіе себѣ отчета въ смыслѣ происходящихъ явленій или наклонные къ пустому балагурству даже по поводу кровавыхъ ужасовъ войны. Обороняющіеся боэры имѣютъ огромное преимущество передъ

англичанами именно въ томъ, что они должны только обороняться, отражать нападеніе; англичане же обязаны идти впередъ, нападать, —иначе имъ незачѣмъ было начинать войну: въ этомъ заключается трагизмъ ихъ положенія и источникъ ихъ неудачъ.

Военное искусство, обнаруженное боэрами, ставитъ вновь на очередь вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной и наименѣе разорительной для народовъ организаціи военныхъ силъ. Существуетъ ли и нужна ли кому-нибудь военная наука, проходимая въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ заведеній, если простые фермеры, подъ руководствомъ людей, не обучавшихся ни въ какихъ военныхъ академіяхъ, побѣждаютъ такихъ опытныхъ спеціалистовъ военнаго дѣла, какъ Буллеръ или Метуэнъ, и притомъ въ правильныхъ, настоящихъ сраженіяхъ? Стоитъ ли тратить на военное дѣло сотни милліоновъ ежегодно, когда при нынѣшнихъ условіяхъ войны простое народное ополченіе дѣйствуетъ не хуже регулярной арміи, при нѣкоторомъ только навыкѣ въ обращеніи съ оружіемъ? Въ этомъ отношеніи южно-африканскія событія могутъ заставить задуматься серьезныхъ представителей милитаризма въ Европѣ.

Фельдмаршалъ Робертсъ, потерявшій сына въ битвѣ при Колензо, призванъ исправить ошибки Буллера и его помощниковъ; ему придется исполнять роль главнокомандующаго всѣхъ британскихъ войскъ въ южной Африкѣ при крайне трудныхъ обстоятельствахъ, и начальникъ его штаба, лордъ Китченеръ, герой Судана, едва ли будетъ въ состояніи оправдать широкія надежды, возбуждаемыя въ Англіи его назначеніемъ. Условія борьбы не измѣнятся отъ появленія новыхъ лицъ во главѣ дѣйствующей британской арміи. Покорить цѣлый вооруженный народъ, проникнутый рѣшимостью защищаться до послѣдней крайности, можно только истребивъ все его мужское населеніе; а боэры имѣютъ на своей сторонѣ симпатіи и поддержку всѣхъ голландскихъ поселенцевъ Капской области, составляющихъ въ ней значительное большинство лицъ бѣлой расы. Возстаніе голландскаго элемента въ округахъ, пограничныхъ съ Трансваалемъ и Оранжевой республикой, разростается съ каждымъ днемъ и можетъ легко охватить всю обширную территорію британскихъ владѣній въ южной Африкѣ; туземные негры тоже не долго останутся спокойными зрителями взаимной рѣзни ненавистныхъ имъ бѣлыхъ.

Безпристрастный французскій наблюдатель, объѣздившій южную Африку въ 1895 и 1896 годахъ, Пьеръ Леруа Больё, въ интересной книгѣ, на которую мы имѣли уже случай ссылаться, счелъ нужнымъ напомнить, что „боэры, о которыхъ разсказываютъ такъ много дурного, на которыхъ даже клевещутъ, были піонерами южной Африки и сдѣлали ее доступною новымъ поселенцамъ“; онъ прибавляетъ за-

тѣмъ замѣчаніе, имѣющее уже значеніе пророчества,—что „та политика, въ которую хотѣли бы вовлечь Англію друзья г. Родеса, рискуетъ кончиться такимъ крушеніемъ, которое можетъ потрясти всю британскую имперію“ [1]). Очевидно, нынѣшнія событія не для всѣхъ были неожиданностью: дѣло не въ ошибкахъ отдѣльныхъ генераловъ, а въ пагубной ошибочности самой идеи—употребить оружіе для насильственнаго подчиненія боэровъ и косвенно противъ всѣхъ родственныхъ имъ „африкандеровъ“, образующихъ ядро бѣлаго населенія въ Капской колоніи и вообще въ южной Африкѣ. Англичане могутъ въ концѣ концовъ побѣдить боэровъ въ отдѣльной битвѣ, но подчинить ихъ своей власти и завоевать Трансвааль они не въ силахъ,—да это и физически неосуществимо для войскъ, привозимыхъ изъ-за моря. Боэры и африкандеры—все-таки люди европейскаго корня; они связаны единствомъ племени, языка и религіи, и у нихъ нѣтъ ни взаимной розни, ни привычки къ чужому владычеству, какъ въ Индіи при появленіи въ ней англичанъ. Англія достигла господства въ южной Африкѣ, благодаря разумной осторожности своей политики, основанной на признаніи правъ чужихъ національностей, на принципахъ мѣстной автономіи и общественной свободы. Въ Капскомъ парламентѣ большинство принадлежитъ теперь голландцамъ, и во главѣ министерства стоитъ одинъ изъ ихъ представителей, Шрейнеръ; губернаторъ или „высшій коммиссаръ“, сэръ Альфредъ Мильнеръ, исполняетъ лишь конституціонныя функціи, принадлежащія въ метрополіи коронѣ. Такой режимъ не могъ вызывать никакихъ протестовъ среди африкандеровъ, а напротивъ, пользовался ихъ заслуженнымъ сочувствіемъ; многіе изъ нихъ и понынѣ, при всей своей нелюбви къ англичанамъ, признаютъ себя вѣрными подданными королевы Викторіи, и только рѣзкое отступленіе Англіи отъ хорошихъ традицій, выразившееся въ воинственномъ предпріятіи Чемберлэна и его союзниковъ противъ Трансвааля, грозитъ ослабить или даже порвать политическія связи голландскаго населенія Капской области съ Великобританіею.

Говоря о неудачахъ англичанъ въ войнѣ съ Трансваалемъ, наша печать впадаетъ часто въ явныя недоразумѣнія и дѣлаетъ выводы, не имѣющіе ничего общаго съ дѣйствительностью. Боэры даютъ отпоръ наступленію англійскихъ войскъ и въ этомъ смыслѣ побѣждаютъ ихъ; но они не побѣждаютъ Англіи и не подрываютъ ея могущества по той простой причинѣ, что имѣютъ дѣло только съ опредѣленными англійскими силами, высланными къ границамъ ихъ республикъ, и не могутъ вовсе касаться Англіи, какъ міровой державы, владычицы мо-

[1]) Пьеръ Леруа Больё, „Новыя англосаксонскія общества“, русскій перев., 1898, стр. V, 193 и др.

рей. Въ лучшемъ случаѣ, Трансвааль только отстоитъ свою независимость и присоединитъ къ себѣ пограничныя мѣстности съ голландскимъ населеніемъ; англичане вынуждены будутъ отказаться отъ затѣи увлекшихся патріотовъ, а британская имперія останется такою же, какою была. Боэры сражаются успѣшно не съ милліонами британскихъ подданныхъ и не съ британскимъ флотомъ, а съ тѣми англійскими полками, которые могли двинуть противъ нихъ генералы Буллеръ и Метуэнъ, и которые поведетъ теперь фельдмаршалъ Робертсъ съ лордомъ Китченеромъ; еслибы на мѣстѣ англичанъ были сборныя войска изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ томъ же численномъ составѣ, то они вѣроятно также потерпѣли бы неудачу, и однако это еще не значило бы, что боэры побѣждаютъ Европу. Сравненіе ничтожества боэровъ съ величіемъ Великобританіи,—причемъ сопоставляются цифры населенія,—не имѣетъ въ сущности реальнаго смысла. Трансвааль борется за свое существованіе, а для Англіи дѣло идетъ объ одномъ изъ многихъ предпріятій, которое при неудачномъ исходѣ можно просто „списать со счетовъ", какъ это практикуютъ крупныя торговыя фирмы. Даже еслибы Англія потеряла часть своихъ владѣній въ южной Африкѣ или всю Капскую область, то она еще нисколько не пострадала бы въ своемъ могуществѣ, и вся перемѣна сводилась бы къ формальному признанію самостоятельности колоніи, которая фактически и теперь пользуется автономіею; англійскіе промышленные интересы по прежнему господствовали бы въ южной Африкѣ, подъ охраною сильнѣйшаго въ мірѣ флота. То крушеніе, о которомъ говоритъ Пьеръ Леруа Больё, можетъ относиться лишь къ отпаденію Капской колоніи и къ поколебанію общаго „престижа" имперіи въ глазахъ подвластныхъ народовъ; но потеря колоній—перспектива слишкомъ далекая и сомнительная, при безспорномъ первенствѣ Англіи на моряхъ и океанахъ, а потеря престижа легко возстановляется съ теченіемъ времени, какъ это доказываютъ многочисленные примѣры прошлаго. Со стороны англичанъ вполнѣ естественно желаніе поддержать вѣру въ британское могущество среди населенія колоній въ разныхъ частяхъ свѣта, особенно въ Индіи; понятна поэтому жажда побѣды надъ Трансваалемъ, и первостепенная роль побужденій національнаго самолюбія въ упорно продолжающемся кровопролитіи есть фактъ, съ которымъ надо поневолѣ считаться. Реальное могущество Великобританіи не зависитъ отъ хода южно-африканской войны и не опредѣляется успѣхами или неудачами англійскихъ сухопутныхъ войскъ; не поколебалось же оно отъ пораженій, испытанныхъ въ прежнее время въ войнахъ съ афганцами, зулусами, махдистами и тѣми же самыми боэрами въ 1881 году,—оно не пошатнется и теперь, при вынужденномъ отказѣ англичанъ отъ предпринятаго ими нынѣ завоеванія Трансвааля.

Наши „патріотическія“ газеты жестоко заблуждаются въ своихъ сужденіяхъ объ удобствѣ для Россіи какихъ-либо враждебныхъ мѣръ противъ Англіи, въ виду переживаемаго ею военно-политическаго кризиса. Британскій флотъ еще существуетъ, и мы не имѣемъ никакого разсчета отдавать въ его распоряженіе Портъ-Артуръ, Владивостокъ и все побережье Сибири и Манджуріи, которое предполагается оживить великою сибирской желѣзной дорогою. „Новое Время“ полагаетъ, что мы—очень „милые люди“, если не пользуемся затрудненіями Англіи для захвата нужныхъ или ненужныхъ намъ территорій; газета просто забыла, что для насъ Англія есть прежде всего морская держава, и что она можетъ грозить намъ только своими броненосцами, а вовсе не сухопутными войсками, занятыми нынѣ въ Трансваалѣ. Быть можетъ, англичане были бы даже рады случаю поднять свой престижъ разгромомъ Портъ-Артура или другихъ прибрежныхъ мѣстъ; но мы рѣшительно ничего не могли бы выиграть отъ усвоенія фантастической политики, предлагаемой нашими близорукими „патріотами“. Занявшись Гератомъ или чѣмъ-нибудь другимъ въ этомъ родѣ, мы рисковали бы потерять все пріобрѣтенное нами выгодное положеніе на дальнемъ Востокѣ; водвориться же у Персидскаго залива мы могли бы только путемъ соглашенія съ Англіею, а никакъ не насиліемъ, результаты котораго легко были бы уничтожены появленіемъ у достигнутаго нами пункта внушительной британской эскадры. Изъ того, что русская политика воздерживается отъ безумныхъ затѣй, не слѣдуетъ еще, что мы—„милые люди“; а избытокъ пустыхъ, невоздѣланныхъ земель въ предѣлахъ Россіи не оправдываетъ еще мечтаній о занятіи Герата или Индіи, съ ихъ голодающими населеніями. Наши отношенія съ Англіею, какъ и съ другими великими націями, не основываются на временныхъ, случайныхъ мотивахъ, а должны быть разсчитаны на долгое время; прочный миръ, водвореніе котораго было задачей Россіи при созывѣ Гаагской конференціи, оказался бы невозможнымъ, еслибы каждое государство пользовалось затрудненіями другого для корыстныхъ набѣговъ или двусмысленныхъ комбинацій. Неприличные поступки, нарушающіе довѣріе, могутъ иногда доставлять временныя выгоды; но эти выгоды могутъ обойтись очень дорого, и потому ими не принято соблазняться ни въ частномъ быту, ни въ отношеніяхъ между народами. Когда мы терпѣли неудачи подъ Плевною, ни одна держава не воспользовалась обстоятельствами для нападенія на Россію, и крайне непріятно встрѣчать въ русской печати отголоски какихъ-то завѣдомо недобросовѣстныхъ проектовъ, которымъ придается видъ разсчетливости и благоразумія. Не слѣдовало бы также нашимъ газетамъ поддаваться чувствамъ злорадства по поводу чужихъ бѣдъ; у насъ довольно и своихъ дѣлъ, и всякихъ невзгодъ, ко-

торыя должны бы отъучить насъ отъ заносчивости и безцѣльнаго недоброжелательств относительно иностранныхъ государствъ.

Политическая жизнь Франціи за послѣднее время была богата внѣшними событіями, но крайне бѣдна внутреннимъ содержаніемъ. Популярный президентъ Феликсъ Форъ скончался неожиданно 16-го февраля; конгрессъ обѣихъ палатъ въ Версали избралъ на его мѣсто президента сената, Эмиля Лубé. Французскіе націоналисты и антисемиты были недовольны этимъ скромнымъ выборомъ; они мечтали о какомъ-нибудь генералѣ или, по крайней мѣрѣ, о человѣкѣ, похожемъ на генерала по идеямъ и взглядамъ,—какимъ считается, напримѣръ, Кавеньякъ. Мучительное дѣло Дрейфуса, благодаря неустанной лживой полемикѣ газетныхъ и политическихъ аферистовъ, превратилось въ національное бѣдствіе, доводившее умы до болѣзненной экзальтаціи. Вопросъ о возможной судебной ошибкѣ упорно вытѣснялся фантастическою борьбою за честь и достоинство французской арміи; частный споръ о виновности или невинности осужденнаго офицера сдѣлался орудіемъ партійныхъ страстей, и нація раздѣлилась какъ бы на два лагеря, представители которыхъ неспособны были понять другъ друга.

Волненія и демонстраціи не прекращались въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ; въ самый день похоронъ Феликса Фора, 23-го февраля, Поль Дерулэдъ пытался на улицѣ остановить отрядъ войска и повернуть его къ Елисейскому дворцу, съ цѣлью „спасти Францію“. Министерство Шарля Дюпюи лавировало между разными теченіями, стараясь угодить и приверженцамъ законности, и защитникамъ генеральской непогрѣшимости. Слѣдствіе уголовной кассаціонной палаты по дѣлу Дрейфуса было закончено, и согласно спеціально принятому закону, вопросъ о пересмотрѣ процесса 1894 года поступилъ на разсмотрѣніе соединеннаго собранія трехъ палатъ кассаціоннаго суда. Высшій судъ Франціи занялся дѣломъ съ 29-го мая и постановилъ 3-го іюня обстоятельно мотивированное рѣшеніе въ пользу пересмотра, который долженъ былъ состояться въ военномъ судѣ въ Реннѣ. Общественное мнѣніе, однако, не успокоилось; элементы, заинтересованные въ поддержаніи агитаціи, выразили свои чувства на слѣдующій же день, 4 іюня, устроивъ скандалъ президенту Лубé на скачкахъ въ Отейлѣ. На этотъ разъ дѣйствовали исключительно представители такъ называемаго свѣтскаго общества; нѣкій баронъ Кристіани забрался на президентскую трибуну и ударилъ палкою по шляпѣ главы государства. Полиція отсутствовала или растерялась; министръ-президентъ Дюпюи рѣшилъ поправить дѣло въ ближайшій день ска-

чекъ въ Лоншанѣ, недѣлю спустя; онъ поставилъ на ноги всѣ военныя и полицейскія силы Парижа, тогда какъ рабочее населеніе предмѣстій, съ своей стороны, явилось на мѣсто для протеста противъ демонстрацій аристократовъ-монархистовъ. Получивъ строгія предписанія, полиція направила свою энергію противъ собравшейся массы защитниковъ республики; произошли многочисленныя стычки, отъ которыхъ пострадали благонамѣренные республиканцы, и результатомъ этого страннаго недоразумѣнія было паденіе Дюпюи (12 іюня). Черезъ десять дней образовалось новое министерство, разнородное по составу, но объединенное рѣшимостью положить конецъ посягательствамъ на законныя учрежденія страны. Глава кабинета, Вальдекъ-Руссо, нѣкогда сотрудникъ Гамбетты, принадлежитъ къ умѣренной республиканской партіи; военный министръ, маркизъ Галлифé, вышелъ изъ рядовъ консервативнаго лагеря; министръ торговли, Мильеранъ, считается соціалистомъ. Министерству предстояло прежде всего покончить съ дѣломъ Дрейфуса и обезпечить общественное спокойствіе послѣ произнесенія приговора въ Реннѣ, какъ и во время самаго процесса. Реннскій военный судъ приступилъ къ своей трудной и щекотливой задачѣ 7 августа. Генералы, въ томъ числѣ четверо бывшихъ военныхъ министровъ, давая показанія въ качествѣ свидѣтелей, выступали страстными обвинителями, произносили длинныя рѣчи и старались путемъ различныхъ предположеній и гипотезъ доказать вѣроятность измѣны подсудимаго; они были, въ сущности, настоящими руководителями судебнаго слѣдствія и прибѣгали къ самымъ непозволительнымъ уловкамъ, чтобы отклонить судъ отъ разсмотрѣнія и оцѣнки фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о виновности другого офицера, а не Дрейфуса. Наиболѣе усердные и энергическіе дѣятели процесса со стороны обвиненія, генералы Мерсьé и Рожé, стойко выдерживали борьбу съ адвокатомъ Лабори, хотя часто уличались имъ въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ. Военный судъ засѣдалъ больше мѣсяца и произнесъ свой приговоръ 9 сентября,—приговоръ на половину обвинительный, на половину оправдательный, никого не удовлетворившій, но давшій поводъ для помилованія. Во всемъ этомъ дѣлѣ отражалась старинная рознь между военными властями и гражданскими, между католиками и протестантами, между прямолинейными патріотами, слѣпо вѣрующими въ генераловъ, и сознательными сторонниками законности и справедливости.

Необычайное и продолжительное возбужденіе, поднятое дѣломъ Дрейфуса, выбило изъ колеи политическую жизнь Франціи и парализовало дѣятельность парламента и правительства. Въ обществѣ подорвано было довѣріе къ законамъ и къ республикѣ; реакціонныя партіи оживились и стали открыто устроивать безпорядки, надѣясь

на совершеніе переворота при содѣйствіи бывшихъ буланжистовъ. Полиція убѣдилась въ существованіи заговора, связывавшаго „лигу патріотовъ“ съ лигою антисемитовъ и съ „ассоціацією роялистской молодежи“. При арестахъ, произведенныхъ по этому поводу 12 августа, началась между прочимъ комическая исторія съ „фортомъ Шаброль“; президентъ антисемитской лиги, Жюль Геренъ, заперся съ немногими приверженцами въ домѣ, занимаемомъ помѣщеніемъ лиги, и приготовился къ вооруженной защитѣ на случай прихода полиціи. Правительство желало избѣгнуть кровопролитія и отложило арестъ Герена до добровольной его сдачи, ограничиваясь лишь полицейскимъ наблюденіемъ за импровизированнымъ фортомъ въ улицѣ Шаброль. Оригинальная мирная осада этого форта продолжалась пять недѣль, и только 20 сентября, въ день освобожденія Дрейфуса, Геренъ сдался на капитуляцію. Въ числѣ арестованныхъ былъ и глава „лиги патріотовъ“, депутатъ Поль Деруледъ, поэтъ-фантазёръ въ политикѣ, проповѣдникъ новой плебисцитарной республики, въ которой президентъ избирался бы всеобщимъ народнымъ голосованіемъ; тѣмъ же способомъ должны разрѣшаться, по его мнѣнію, и важнѣйшіе конституціонные вопросы. Почему Деруледъ ожидаетъ отъ плебисцитовъ спасенія отечества — понять трудно; онъ самъ не приводитъ никакихъ аргументовъ, а только вѣщаетъ въ категорическомъ тонѣ, съ отчаянными возгласами и заклинаніями. Истинный фанатикъ, неспособный къ логическому мышленію, онъ возвелъ патріотизмъ на степень какой-то безсодержательной маніи; идеалъ его—воинственная, непрерывно побѣждающая и гордая Франція, руководимая блестящими генералами въ союзѣ съ пылкими народными трибунами. Деруледъ заранѣе объявляетъ измѣнниками и негодяями всѣхъ несогласныхъ съ его мнѣніями; онъ стоитъ за немедленное отобраніе у нѣмцевъ Эльзаса и Лотарингіи, готовъ одновременно воевать съ Германіею, Англіею и Италіею и чувствуетъ особенную вражду къ благоразумію, усматривая въ немъ личную для себя обиду. Оттого выборъ осторожнаго и стараго Лубе на постъ президента кажется для него несчастіемъ. Какъ давнишній врагъ оппортунистовъ и какъ одинъ изъ ближайшихъ союзниковъ покойнаго Буланже, онъ не скрывалъ своего намѣренія ниспровергнуть парламентскую республику. Когда онъ судился за попытку увлечь солдатъ на путь неповиновенія послѣ похоронъ Фора, присяжные его оправдали, и онъ серьезно увѣровалъ въ свою миссію спасителя Франціи; понятно поэтому, что онъ крайне удивленъ своимъ арестомъ. Ближайшій сотрудникъ Деруледа по агитаціи, депутатъ Габеръ, счелъ нужнымъ скрыться, и только въ половинѣ декабря отдалъ себя въ руки правосудія. Изъ роялистовъ задержаны довѣренные агенты герцога Орлеанскаго, Бюффè, де-Ше-

вильи, де-Сабранъ-Понтеве, баронъ де-Вò, Годефруа, нѣсколько адвокатовъ и журналистовъ. Всего 17 человѣкъ, и между прочимъ одинъ мясной торговецъ и одинъ приказчикъ, рядомъ съ аристократами, друзьями „короля“, преданы суду по обвиненію въ „составленіи заговора съ цѣлью уничтожить или перемѣнить правительство, или же побудить обывателей къ возстанію противъ законной власти“: сверхъ того, Жюль Геренъ—въ противозаконномъ храненіи запасовъ оружія и въ активномъ сопротивленіи властямъ. Для суда надъ этими лицами собрался въ ноябрѣ верховный судъ, т.-е. сенатъ въ полномъ составѣ, подъ предсѣдательствомъ своего президента Фальера, за исключеніемъ нѣкоторыхъ членовъ, возражавшихъ противъ компетенціи этого суда по дѣламъ о заговорѣ; возражалъ и знаменитый „отецъ конституціи“ 1875 года, престарѣлый Валлонъ. Споръ о подсудности вертѣлся около истолкованія словъ: „покушеніе“ и „заговоръ“. Подходитъ ли заговоръ, къ исполненію котораго уже приступлено,—подъ понятіе покушенія на безопасность государства? Одни полагали, что попытка осуществить планъ заговора вполнѣ тождественна съ тѣмъ посягательствомъ, о которомъ говорится въ конституціи; другіе проводили рѣзкую границу между покушеніемъ и заговоромъ, и на этомъ основаніи отрицали компетенцію верховнаго суда въ данномъ случаѣ. Обвинительная палата верховнаго суда, согласно заключенію генеральнаго прокурора Бернара, разрѣшила вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, вопреки доводамъ Валлона и нѣкоторыхъ другихъ; сенатъ, преобразованный въ верховный судъ, занялся разсмотрѣніемъ дѣла среди скандальныхъ сценъ, въ которыхъ принимали шумное участіе свидѣтели и подсудимые, иногда при поддержкѣ присутствовавшей публики. Предсѣдатель Фальеръ тщетно старался сохранять порядокъ и спокойствіе; нѣсколько разъ судъ вынужденъ былъ или удалять публику или отдѣльныхъ подсудимыхъ изъ засѣданія, или тутъ же назначать суровыя кары за дерзкое оскорбленіе суда. Дерулэдъ обращался къ суду съ презрительнымъ высокомѣріемъ, заявляя, что это не судъ, а собраніе его политическихъ враговъ; онъ вкратцѣ изложилъ, однако, свои принципы и объяснилъ мотивы своего поступка около казармъ Рельи, въ день похоронъ Фора: дѣло въ томъ, что избранъ былъ „недостойный президентъ“, и съ этимъ никакъ не могъ помириться онъ, Дерулэдъ. Такъ какъ на вопросъ предсѣдателя онъ отвѣтилъ подтвержденіемъ своихъ словъ, то судъ приговорилъ его къ тюрьмѣ на два года за оскорбительный отзывъ о главѣ государства. Впослѣдствіи онъ вторично подвергся карѣ за выходку, которая заставляла даже сомнѣваться въ нормальности его умственнаго состоянія; онъ обругалъ сенаторовъ площадными словами и выразилъ имъ свое глубокое пре-

зрѣніе за то, что они не согласились съ его ходатайствомъ присоединить явившагося Марселя Габера къ остальнымъ подсудимымъ и разсмотрѣть ихъ дѣла совмѣстно. Габеръ былъ включенъ въ списокъ обвиняемыхъ, но онъ отсутствовалъ съ начала процесса чуть ли не до послѣдней, заключительной его части, и еслибы исполнить желаніе Дерулэда, то пришлось бы вновь начать дѣло съ самаго начала, повторить допросъ выслушанныхъ свидѣтелей и т. п., и вообще уничтожить мѣсячную работу суда; между тѣмъ Дерулэдъ считалъ такое нелѣпое требованіе вполнѣ естественнымъ и въ высшей степени справедливымъ. вслѣдствіе чего отказъ привелъ его въ состояніе ярости. Судъ вынужденъ былъ опять примѣнить къ нему существующіе законы и приговорилъ его къ пяти годамъ тюрьмы, хотя не трудно было найти въ его поступкѣ признаки невмѣняемости. Роль политическаго мученика вполнѣ отвѣчаетъ характеру Дерулэда, но верховный судъ вѣроятно сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы отнесся къ нему какъ къ душевно-больному.

Засѣданія верховнаго суда по дѣлу о заговорѣ не привлекаютъ къ себѣ живого вниманія публики и проходятъ среди общаго равнодушія, несмотря на всѣ усилія подсудимыхъ показаться интересными героями. Особенно жалкое впечатлѣніе производили довѣренные люди и друзья „короля“; они открещивались отъ мысли о заговорѣ, истолковывали по-своему захваченныя письма и депеши, прятались за спины другихъ подсудимыхъ — единомышленниковъ Дерулэда и Герена, и только позволяли себѣ кричать и шумѣть, съ нарушеніемъ всякихъ приличій, что̀ было наиболѣе удивительно со стороны спеціальныхъ представителей „приличнаго общества“, изъ круга приближенныхъ герцога Орлеанскаго. Многіе говорятъ, что не стоило вовсе отдавать на судъ сената ничтожныя дѣла и предпріятія этой горсти агитаторовъ, и что, въ сущности, никакого серьезнаго заговора тутъ нѣтъ, а есть только рядъ наивныхъ поддѣлокъ подъ революцію, невинная игра въ государственные перевороты. Кому мѣшаютъ, напр., ежедневныя приготовленія къ призыву „короля“, о чемъ регулярно даютъ ему знать по телеграфу то въ Брюссель, то въ Маріенбадъ? Герцога извѣщаютъ, что къ такому-то числу онъ долженъ непремѣнно приблизиться къ французской границѣ, ибо готовится важная манифестація; затѣмъ ему телеграфируютъ, что манифестація не состоялась, или не имѣла желаннаго результата („полиція мѣшала“), или, напротивъ, была весьма удачна, а именно: „300 человѣкъ отдѣлились отъ толпы съ возгласами въ честь герцога Орлеанскаго“, послѣ чего мирно разошлись. Ничтожество революціонныхъ замысловъ роялистовъ выясняется въ этомъ процессѣ съ полною наглядностью; передъ всѣми раскрывается также двусмысленность дѣйствій Дерулэда и Герена,

вмѣстѣ съ сумбурностью ихъ идей. Для республиканскаго правительства эти разоблаченія чрезвычайно цѣнны и полезны, такъ какъ безсиліе и глупость враговъ республики составляютъ вѣрнѣйшую гарантію ея устойчивости во Франціи. Министерство Вальдека-Руссо можетъ быть довольно результатами процесса, независимо отъ виновности или невиновности подсудимыхъ въ государственномъ преступленіи. Одна изъ нашихъ большихъ газетъ, неустанно защищающая почему-то французскихъ оппозиціонныхъ дѣятелей, утверждала и доказывала почти ежедневно, что французское правительство умышленно раздуваетъ дѣло Деруледа и его товарищей, съ цѣлью держать въ рукахъ своего непримиримаго врага и обличителя, „великаго патріота",—что вообще Деруледъ достоинъ не суда и наказанія, а руководящей роли въ государствѣ, и что, въ виду его искренняго патріотизма и популярности, надо было воздержаться отъ преслѣдованія его по обвиненію въ заговорѣ. Не знаемъ, откуда газета почерпнула убѣжденіе, что къ попыткамъ ниспровергнуть данный государственный строй французы обязаны относиться съ неизмѣнною снисходительностью, въ противность законамъ, и что поучать французскихъ министровъ въ этомъ духѣ подобаетъ именно русскимъ публицистамъ. Такой спеціалистъ по революціонной агитаціи, какъ Деруледъ, былъ бы немыслимъ въ другой странѣ, и если послѣ многихъ лѣтъ открытой борьбы онъ предается верховному суду, то смѣшно со стороны русской печати заступаться за него какъ за мученика. Можно вообще предоставить французамъ разбираться въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, и наши газеты напрасно даютъ Франціи совѣты и наставленія, въ которыхъ она, конечно, не нуждается.

Въ Германіи внутренніе политическіе споры разрѣшаются какъ-то мирно, или откладываются до другого времени, не вызывая ни чрезмѣрныхъ волненій, ни крутыхъ способовъ дѣйствія; полемика въ печати и парламентѣ ведется спокойно, разсудительно, и дѣло обыкновенно кончается компромиссомъ. За истекшій годъ нѣсколько разъ возникали значительные конфликты между правительствомъ и парламентомъ: въ мартѣ военный законопроектъ, выработанный по идеѣ Вильгельма II, не былъ принятъ имперскимъ сеймомъ въ томъ видѣ, какъ желало правительство, и послѣднее въ концѣ концовъ уступило; въ іюнѣ потерпѣлъ неудачу суровый законопроектъ о стачкахъ рабочихъ, о необходимости котораго публично высказывался императоръ съ большою энергіею; въ августѣ отвергнутъ прусской палатой депутатовъ проектъ проведенія канала между Эльбою и Рейномъ, предложенный не только ради интересовъ крупной промышленности, но и

во имя общихъ политическихъ соображеній. Больше успѣха имѣло правительство Вильгельма II во внѣшней политикѣ: отъ Испаніи пріобрѣтены острова Каролинскіе, Маріанскіе и Палаусскіе; отъ Англіи—острова Самоа; отъ Турціи добыта концессія на постройку желѣзной дороги въ Малой Азіи.

Въ Австро-Венгріи продолжались хроническіе кризисы, въ разныхъ формахъ и комбинаціяхъ. Въ венгерской половинѣ имперіи водворилось сравнительное спокойствіе, послѣ отставки министерства-Банфи (18 февраля) и съ переходомъ власти къ Коломану Селлю. За то въ Цислейтаніи положеніе обостряется все болѣе и болѣе; кабинетъ графа Туна вынужденъ былъ въ октябрѣ удалиться, ничего не достигнувъ; новое министерство графа Клари просуществовало около двухъ мѣсяцевъ и въ свою очередь должно было сойти со сцены; наконецъ, въ концѣ года назначенъ дѣловой кабинетъ фонъ-Виттека, который вѣроятно не избѣгнетъ судьбы своихъ предмѣстниковъ. Императоръ Францъ-Іосифъ слишкомъ старъ и утомленъ жизнью, чтобы быть въ состояніи привести въ порядокъ запутанныя дѣла своей имперіи. Національные антагонизмы не нашли еще правильнаго выхода, и будущая мирная федерація различныхъ народностей составляетъ пока идеалъ, весьма далекій отъ осуществленія.

Печально и внутреннее положеніе Италіи, гдѣ народная масса подавлена налогами, и гдѣ министры не въ силахъ разстаться съ традиціями и мечтаніями, связанными съ погонею за внѣшнимъ политическимъ блескомъ и величіемъ. Министерство Пеллу имѣетъ дѣловой характеръ, т.-е. живетъ изо дня въ день, лавируя между парламентскими партіями и придворными вліяніями; строятся новые броненосцы, какъ въ Германіи, но населеніе бѣдствуетъ, и честолюбивое нищенство остается удѣломъ прекраснѣйшей страны въ Европѣ.

Въ Сербіи разыгралось вопіющее дѣло о мнимомъ заговорѣ радикаловъ противъ династіи Обреновичей; покушеніе нѣкоего Кнежевича на жизнь бывшаго короля Милана, 6 іюля, послужило для послѣдняго поводомъ къ незаконной расправѣ съ цѣлымъ рядомъ выдающихся сербскихъ дѣятелей, подъ прикрытіемъ внѣшнихъ формъ судебнаго процесса. Въ сентябрѣ состоялся приговоръ, назначавшій многолѣтнее тюремное заключеніе завѣдомо невиновнымъ людямъ, въ томъ числѣ бывшимъ министрамъ, и великія державы не признали возможнымъ употребить свое вліяніе въ пользу жертвъ личнаго произвола эксъ-короля, самое пребываніе котораго въ странѣ есть источникъ смуты и безпокойства.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1900.

— Записки Дмитрія Николаевича Свербеева (1799—1826). Два тома. М. 1899.

Имя Д. Н. Свербеева давно извѣстно по исторіи московскаго литературно-философскаго кружка сороковыхъ годовъ, въ которомъ развилось извѣстное дѣленіе двухъ лагерей — „западнаго“ и „славянофильскаго“: самъ Свербеевъ не принадлежалъ ни къ тому, ни къ другому; но это былъ человѣкъ просвѣщенный, и его гостепріимный домъ былъ нейтральнымъ пунктомъ, гдѣ въ первое время могли мирно бесѣдовать и препираться „друзья-враги“. Свербеевъ не принималъ никакого участія въ печатныхъ литературныхъ спорахъ, и въ бесѣдахъ занялъ среднее положеніе человѣка, понимавшаго болѣе или менѣе обѣ стороны, не углублявшагося въ отвлеченные вопросы, но владѣвшаго житейскимъ опытомъ.

Д. Н. Свербеевъ (1799—1874) былъ богатый человѣкъ; рано потерявъ родителей, онъ имѣлъ много родственныхъ связей въ барской и чиновной аристократіи, но, оставшись одинокимъ, долженъ былъ самъ присматриваться къ жизни и выбирать свою дорогу. Молодость не прошла безъ ошибокъ, но въ концѣ концовъ былъ пріобрѣтенъ большой здравый смыслъ, опытность, а съ нею извѣстная недовѣрчивость къ людямъ и мнѣніямъ. Послѣ домашняго ученья, старомоднаго и неправильнаго, онъ былъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ наука также не была въ тѣ годы особенно серьезной. Свербеевъ недолго былъ на службѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ поселился въ Москвѣ, живалъ за границей и особенно въ деревнѣ: эту послѣднюю онъ зналъ съ дѣтства; впослѣдствіи связывало его съ деревней управленіе своими имѣньями. Его служба въ Петербургѣ заняла лишь немного лѣтъ около 1820 года, гдѣ на него, полу-сознательно для него, подѣйствовали до нѣкоторой степени либеральныя идеи молодого поколѣнія,— къ чему нѣсколько приготовили его еще впечатлѣнія университетской жизни въ Москвѣ. Онъ остерегся, однако, крайностей; съ юныхъ

лѣтъ въ его характерѣ была большая осторожность и разсудительность. Избѣжавъ крайностей, онъ, однако, навсегда сохранилъ интересъ къ внутреннимъ вопросамъ нашей жизни, и это впослѣдствіи сблизило его съ московскимъ кружкомъ сороковыхъ годовъ. Въ это время и потомъ онъ съ участіемъ слѣдилъ за событіями нашей внутренней жизни, и г. Д. Х.. сопроводившій изданіе его записокъ вводной характеристикой, въ особенности указываетъ эту общественную сторону его личности.

„Онъ самъ не замыкалъ себя исключительно въ кругѣ людей мысли и науки (славянофилами и западниками, съ которыми сближался), а оставался въ постоянномъ общеніи съ людьми дѣла и людьми оффиціальнаго міра, служа какъ бы живымъ звеномъ между міромъ мысли и міромъ внѣшней дѣятельности“... „Не занимая никакого оффиціальнаго положенія, дѣля свое время между Москвою, Европою и деревней и вездѣ внимательно прислушиваясь ко всему и въ свою очередь подавая на все свой голосъ, онъ успѣлъ составить себѣ положеніе, которое давало ему вѣсъ и значеніе, съ которымъ считались современники“...

Авторъ введенія къ „Запискамъ“ признаетъ, что общественная дѣятельность Свербеева не выразилась въ какихъ-либо осязательныхъ фактахъ; но общественное значеніе получала „живая отзывчивость ко всѣмъ явленіямъ человѣческаго пониманія“. Такими свойствами отдѣльныхъ лицъ создается и самое общество: „лишь черезъ нихъ можетъ выработываться общественное мнѣніе, столь еще у насъ хилое, и не только выработываться умозрительно, но и получать права истиннаго гражданства, основаннаго не только на достоинствѣ выражаемой мысли, но и на личныхъ качествахъ гражданской неподкупности и нравственной силѣ ея выразителей... Такихъ представителей общества намъ нужно теперь не менѣе, чѣмъ когда-либо“. По существу общественныхъ взглядовъ, г. Д. Х. изображаетъ Свербеева какъ одного изъ немногочисленныхъ представителей того „бытового направленія“, которое, воспринимая пріобрѣтенія Петровской реформы и западную образованность, не утратило живой связи съ роднымъ преданіемъ. Когда это направленіе выражалось людьми высоко образованными, они могли оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ представителями направленій „умозрительно полемическихъ“ и, можетъ быть, благотворно дѣйствовать на нихъ самымъ осуществленіемъ этого культурнаго типа. Таковъ былъ характеръ Д. Н. Свербеева, — „и этимъ объясняется его роль въ умственной жизни Москвы, а черезъ нее въ общекультурной жизни всего нашего общества“.

Такъ изображаютъ Свербеева люди, его лично знавшіе. Правда, есть въ изложеніи г. Д. Х. такія опредѣленія, которыя подлежатъ

спору, напр. когда славянофильство называется „чисто русскимъ" направленіемъ, а его противники (напр. Грановскій, Бѣлинскій) именуются „представителями космополитизма",—дальше увидимъ, что и самъ Свербеевъ не былъ чуждъ такому „космополитизму",—но во всякомъ случаѣ Свербеевъ занималъ извѣстное серединное, умѣряющее положеніе, и въ этомъ смыслѣ могъ имѣть придаваемое ему общественное значеніе.

Такому лицу принадлежатъ изданныя теперь „Записки", и дѣйствительно онѣ являются одною изъ любопытнѣйшихъ книгъ въ нашей литературѣ этого рода. Онѣ были продиктованы Свербеевымъ для его семьи, для дѣтей и внуковъ: но ихъ издательница, г-жа С. Свербеева, справедливо нашла, что онѣ могутъ послужить не только семьѣ, но и „всему новому поколѣнію, вступающему въ XX вѣкъ, какъ правдивая бытовая картина первой четверти XIX-го". Это справедливо. Разсказъ Свербеева исполненъ чрезвычайно интересныхъ бытовыхъ подробностей, получающихъ тѣмъ бо̀льшую цѣну, что разсказъ дѣйствительно правдивый: Свербеевъ не умалчиваетъ и о своихъ собственныхъ, иногда довольно жестокихъ, ошибкахъ.

Записки Свербеева начинаются разсказомъ объ его отцѣ и другихъ предкахъ, исторія которыхъ восходитъ ко временамъ Петра Великаго. Эта исторія предковъ пересыпана чрезвычайно характерными подробностями быта XVIII вѣка въ дворянской средѣ, передовой въ образованіи, въ служиломъ и общественномъ значеніи. Отецъ—„былъ человѣкъ замѣчательный: добрый, умный и даже образованный, насколько могъ быть образованъ человѣкъ его времени однимъ русскимъ языкомъ". Ученіе его происходило въ „юнкерской школѣ" при московскомъ *сенатѣ*, куда поступали дворянскія дѣти преимущественно для изученія приказнаго порядка или гражданской службы. Онъ разсказывалъ, что во время своего ученья „ходилъ съ своими товарищами на Неглинную (гдѣ теперь Александровскій садъ) на кулачный бой съ студентами московскаго университета (только-что основаннаго) и московской славяно-греко-латинской академіи, и что ихъ и университетскихъ зачастую, и чуть ли не всегда, побивали дюжіе, здоровенные кутейники, которые были вдвое ихъ старше". Но Свербеевъ-отецъ поступилъ не въ гражданскую, а въ военную службу и между прочимъ былъ первымъ директоромъ экономіи въ завоеванномъ тогда Крымѣ. Женская часть предковъ бывала плохо грамотна, но бывали дамы весьма хозяйственныя, которыя не мало способствовали пріумноженію домовъ и деревень. Свербеевъ-отецъ по природѣ былъ человѣкъ раздражительный, но себя сдерживалъ и былъ добрымъ помѣщикомъ и въ своихъ „Богомъ и государемъ данныхъ ему подданныхъ" уважалъ образъ и подобіе божіе. „Такое высокое христіанское

понятіе объ обязанностяхъ человѣка къ человѣку и о правахъ человѣка надъ человѣкомъ выработало для него ученіе масоновъ или мартинистовъ". Но крѣпостные нравы были и здѣсь. Однажды, уже на памяти разсказчика, Свербееву-отцу случилось купить у одного разорявшагося помѣщика—„цѣлый квартетъ музыкантовъ, скрипача и въ то же время капельмейстера Петра Бухвостова, віолончелиста Сидора, кларнетиста Александра Крылова и флейту Михайлу Соболева". Случилось это потому, что эти кларнеты и флейты „валялись въ ногахъ, желая поступить въ нашу дворню", т.-е., иначе, они боялись попасть къ какому-нибудь помѣщику-звѣрю. О такихъ въ „Запискахъ" также упоминается. Къ этимъ четыремъ дали на выучку мальчиковъ изъ дворни, и устроился цѣлый оркестръ. По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ авторъ „Записокъ",—„я долженъ благодарить моего отца за то, что... въ нашемъ домѣ не было никогда ни карликовъ, ни шутовъ, ни дуръ, которыми обыкновенно потѣшались русскіе баре, даже принадлежавшіе самому высшему обществу". „Объ этой гадости, объ этой заразѣ я еще поговорю въ свое время",—замѣчаетъ авторъ и дальше сообщаетъ нѣсколько такихъ подробностей.

Автору было двѣнадцать лѣтъ, когда наступилъ двѣнадцатый годъ. Въ началѣ лѣта, къ нимъ въ деревню, подъ Москвой, прискакалъ нарочный отъ ихъ родственника Обрескова, московскаго губернатора: онъ привезъ рескриптъ имп. Александра о началѣ войны и приказъ по арміямъ. Отецъ въ первую минуту предложилъ крестьянамъ выбрать охотниковъ и хотѣлъ самъ и съ маленькимъ сыномъ идти въ походъ; между крестьянами, однако, охотниковъ не нашлось,—они справедливо разсудили, что и безъ этого будетъ усиленный наборъ; и отецъ, отправившись въ Москву, куда прибылъ императоръ Александръ, вернулся охлажденнымъ. Авторъ „Записокъ" разсказываетъ, что былъ сильно пораженъ извѣстіями о войнѣ: „роковая вѣсть меня переродила. Дѣтство мое кончилось; я выросъ въ одинъ день нравственно и умственно разомъ нѣсколькими годами; съ тѣхъ поръ я началъ понимать, мыслить и выражать мои мысли безъ обычной дѣтской застѣнчивости... Однимъ словомъ, я началъ другую жизнь".

31 августа получено было извѣстіе отъ Обрескова (пока секретное), что Москва будетъ сдана безъ боя, и совѣтъ скорѣе уѣзжать изъ-подъ Москвы; но Свербеевы, жившіе немного въ сторонѣ отъ Серпуховской дороги, видѣли уже громадные обозы и толпы бѣгущихъ изъ Москвы. Сами они направились въ свою тульскую деревню, и въ Веневѣ, въ 150 верстахъ, они видѣли громадное длинное зарево на сѣверѣ: Москва уже горѣла.

На слѣдующій годъ Д. Н. Свербеевъ, для приготовленія къ университету, поступилъ въ пансіонъ извѣстнаго профессора Мерзлякова,

и затѣмъ вскорѣ перешелъ въ университетъ. „Записки“ сообщаютъ много оригинальныхъ подробностей о тогдашнемъ состояніи перваго русскаго университета; состояніе это было младенческое, преподаваніе, въ большинствѣ, плохое, между прочимъ съ профессорами иностранцами, не знавшими русскаго языка, когда слушатели плохо знали, или совсѣмъ не знали языковъ иностранныхъ. Въ числѣ профессоровъ были, однако, и люди замѣчательные, хотя попадавшіе въ университетъ случайно: такъ Свербеевъ съ особымъ почтеніемъ и благодарностью вспоминаетъ профессора „россійскаго законоискусства“, Сандунова, который приглашенъ былъ на каѳедру изъ оберъ-секретарей сената,—„откуда старались выжить его какъ доку и знатока и въ то же время человѣка неподкупнаго никакими взятками, независимаго характера и не слишкомъ уклончиваго передъ начальствомъ“. Но это былъ знатокъ чисто практическій: прâва, какъ науки онъ совсѣмъ не зналъ, отвергалъ самую науку и „при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ къ ней свое презрѣніе“. Но онъ могъ прекрасно приготовить своихъ питомцевъ къ тогдашней гражданской службѣ.

Какъ разсказы объ университетѣ составятъ весьма интересный вкладъ въ исторію нашего образованія, такъ другіе разсказы Свербеева даютъ немалый матеріалъ для исторіи нравовъ. Было бы слишкомъ долго указывать эти любопытныя подробности; довольно сказать, что „Записки“ читаются какъ романъ (кажется, единственное, что теперь читается усердно), и г. Д. Х. справедливо замѣчаетъ, что „едва ли кто, взявшись за чтеніе записокъ Д. Н. Свербеева, положитъ книгу, не дочитавъ ее до конца“.

Авторъ „Записокъ“ хотѣлъ въ разсказѣ о своей жизни держаться простого хронологическаго порядка, но нерѣдко дѣлаетъ большія отступленія, чтобы передать цѣльно исторію дѣлъ и лицъ, съ которыми былъ связанъ. Этихъ дѣлъ и лицъ было не мало: у него было по отцу и по матери большое родство; между нимъ бывали своеобразные, по времени типическіе характеры; по университету, потомъ по службѣ было обильное знакомство,—и въ роднѣ и знакомствѣ упоминается и изображается не мало людей, извѣстныхъ тогда или впослѣдствіи: Обресковы (одинъ, какъ выше сказано, былъ московскимъ губернаторомъ въ 1812 году), Голохвастовы (одинъ былъ попечителемъ московскаго университета въ тридцатыхъ годахъ), Кикины (одинъ былъ начальникомъ коммиссіи прошеній, гдѣ Свербеевъ началъ свою службу); въ Петербургѣ онъ у своего дяди Кикина видывалъ Шишкова, въ другомъ кругѣ видалъ представителей тогдашней литературы (Крылова, Гнѣдича и др.) и также представителей тогдашняго либеральнаго направленія, въ средѣ которыхъ составлялось тайное общество—о существованіи его онъ догадывался; въ первомъ путешествіи за

границу (около 1820 года) его спутникомъ былъ одно время Абр. С. Норовъ,—Свербеевъ разсказываетъ удивительныя исторіи объ его взбалмошности, такъ что онъ рѣшился наконецъ отдѣлаться отъ этого спутника; любопытны подробности о самыхъ способахъ путешествія, о Парижѣ первыхъ двадцатыхъ годовъ и т. д. Вернувшись изъ путешествія, Свербеевъ занялся своими имѣніями, и по этому поводу даетъ подробный разсказъ о тогдашнемъ крѣпостномъ хозяйствѣ, о положеніи крестьянъ, о бытѣ и нравахъ деревенскаго дворянства. Въ университетѣ, при всей слабости наукъ, Свербеевъ набрался въ товарищеской средѣ извѣстныхъ либеральныхъ и филантропическихъ понятій, которыя еще утвердились въ Петербургѣ; у него стало составляться представленіе о необходимости освобожденія крестьянъ; онъ былъ помѣщикъ народолюбивый,—но онъ правдиво разсказываетъ, что подъ вліяніемъ окружающихъ нравовъ и самъ не остался свободенъ отъ ошибокъ въ своемъ пользованіи крѣпостнымъ правомъ. Онъ тогда уже видѣлъ и осуждалъ грубое злоупотребленіе помѣщиковъ этимъ правомъ; но онъ не особенно свѣтлыми красками изображаетъ и нравственное состояніе крестьянства, не только пожившаго въ городахъ на заработкахъ, но и деревенскаго,—испорченнаго невѣжествомъ и рабствомъ.

Оставивъ коммиссію прошеній,—даже и тамъ онъ насмотрѣлся на испорченность нашей администраціи,—онъ, при помощи дяди Кикина, перешелъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ: его причислили, какъ онъ желалъ, къ русскому посольству въ Швейцаріи. Онъ поселился въ Бернѣ; посланникомъ былъ баронъ Крюднеръ, сынъ баронессы, которая тогда была уже знаменита своими мистическими подвигами. Здѣсь опять Свербеевъ даетъ любопытную картину швейцарскаго общества, именно аристократическаго, въ рукахъ котораго было тогда швейцарское правленіе. Одно время,—не совсѣмъ ясно, по собственной охотѣ или по указанію Крюднера,—онъ жилъ довольно долго въ Женевѣ, гдѣ сблизился съ знаменитымъ Каподистріей. Оставивъ русскую службу потому, что его положеніе, какъ греческаго патріота, становилось невозможнымъ, когда имп. Александръ высказался рѣшительно противъ греческаго возстанія, Каподистрія жилъ въ Швейцаріи и былъ центромъ филэллинскихъ обществъ: бо́льшую долю своей русской пенсіи онъ отдавалъ на дѣло возстанія. Свербеевъ однажды видѣлъ его мелькомъ въ Петербургѣ въ одномъ обществѣ, и уже тогда проникся великимъ почтеніемъ къ этой замѣчательной личности; теперь онъ поклонялся уму и высокому характеру Каподистріи: разсказъ Свербеева получаетъ важный историческій интересъ. Когда для Каподистріи стала мелькать надежда на измѣненіе взглядовъ имп. Александра, получено было неожиданно

извѣстіе о кончинѣ императора... Живя въ Швейцаріи, Свербеевъ видывалъ и наѣзжавшихъ соотечественниковъ; здѣсь онъ въ первый разъ близко познакомился съ Чаадаевымъ.

Къ сожалѣнію, записки доведены только до 1826 года. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ домъ Свербеева, какъ мы упоминали, былъ нейтральнымъ пунктомъ, гдѣ встрѣчались лучшіе люди тогдашняго образованнаго круга, и онъ, свидѣтель безпристрастный, могъ бы дать любопытныя показанія объ этой замѣчательной эпохѣ нашей литературы и общественной жизни. Не знаемъ, насколько дѣйствительно самъ авторъ „Записокъ" представлялъ собою то „бытовое направленіе". о которомъ говоритъ г. Д. Х.; по самымъ запискамъ видно, что это былъ человѣкъ холоднаго разсудка—онъ съ молодыхъ лѣтъ учился наблюдать за собой, сдерживать свои увлеченія, и достигъ наконецъ спокойнаго безпристрастія;—но трудно помирить съ „бытовымъ направленіемъ" его разсказы о тѣхъ путяхъ, какими шло его собственное развитіе. Онъ испыталъ на себѣ тѣ вліянія европейской литературы и политической жизни, какими вообще воспитывались наши молодыя поколѣнія первой половины вѣка. Въ послѣдніе годы жизни онъ разсказываетъ о временахъ своей юности: „Въ краткое пребываніе мое въ Гамбургѣ, посредствомъ постояннаго чтенія „Journal des Débats" и различныхъ сочиненій въ этомъ умѣренномъ духѣ началось мое политическое воспитаніе... Такимъ остался я и до сегодня, т.-е. своего рода доктринеромъ,—положеніе въ Россіи не совсѣмъ ловкое" (I, стр. 327). Въ Парижѣ охватила его французская литература и другими своими сторонами, но въ томъ же духѣ. Въ Сорбоннѣ и Collége de Plessy онъ слушалъ Лакретелля, Дону и другихъ, но особливо Гизо. „Съ настойчивымъ прилежаніемъ, руководимый превосходными лекціями исторіи гражданской цивилизаціи Гизо, я изучилъ политическое положеніе самой Франціи и развитіе ея представительнаго правленія. Поставивъ себѣ Францію главнымъ предметомъ для изученія въ это и послѣдующее пребываніе мое за границей, я пріобрѣлъ о ней довольно обширныя свѣдѣнія, такъ что и теперь, въ послѣдніе мои годы, знаю эту страну и ея исторію *гораздо основательнѣе*, нежели Россію" (стр. 341). Такіе источники имѣло, между прочимъ, „бытовое направленіе".

Къ запискамъ прибавлены еще нѣкоторыя статьи, отчасти раньше изданныя, напр. статья о московскомъ пожарѣ 1812 года, помѣщенная первоначально въ „В. Европы", 1872, и др.

Жаль, что допущенъ странный корректорскій недосмотръ. На оберткѣ напечатано: „Записки Дмитрія *Николаевича* Свербеева": на второмъ заглавіи, въ обоихъ томахъ: „Записки Дмитрія *Ивановича* Свербеева".

— Экономическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова, Е. Н. Янжулъ, В. П. Вахтерова и др. Второе исправленное и дополненное изданіе. (Въ пользу школъ Импер. Р. Техническаго Общества). Спб. 1899.
— Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Э. Левассера, вице-президента международнаго статистическаго института, профессора Collége de France. Томъ II. Съ приложеніемъ статей: Народное образованіе въ Швейцаріи;—въ Финляндіи;—въ Россіи. Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Спб. 1899.

Первая изъ этихъ книгъ потребовала новаго изданія, т.-е. имѣла успѣхъ, конечно по интересу ея предмета и по именамъ писателей, изъ трудовъ которыхъ она составилась. Настоящее изданіе умножено новыми статьями г. Янжула, Чупрова, Вахтерова и др.; такъ какъ книга издана въ пользу школъ Техническаго Общества, то гг. Бенке, Варгунинъ, Голике предоставили для изданія безвозмездно бумагу и типографскую работу. Это внѣшнее обстоятельство указываетъ уже, какой интересъ возбуждаетъ въ кругу просвѣщенныхъ людей поставленный въ ней вопросъ объ „экономической оцѣнкѣ“ народнаго образованія, т.-е. объясненіе его важности для экономическаго быта націи,— а бытъ экономическій въ настоящее время едва ли не больше, чѣмъ когда-нибудь, играетъ громадную роль въ цѣломъ существованіи народовъ. Настоящее время именно развило небывалую экономическую и культурную конкурренцію, которая становится политическимъ мотивомъ и политической силой: на нашихъ глазахъ совершается переворотъ, о которомъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ нельзя было имѣть понятія... Великое значеніе образованія объясняется теперь уже не педагогами, а прямо экономистами, которые доказываютъ наглядными примѣрами и статистикой, что успѣшность народнаго труда зависитъ именно отъ знанія, отъ правильной и широко поставленной школы. Рядъ такихъ объясненій даетъ и настоящая книга. Здѣсь находимъ, напр., слѣдующія статьи: „Значеніе образованія для успѣховъ промышленности и торговли“,—г. Янжула; „Знаніе и народное богатство“, —г. Чупрова; „Объ экономическомъ значеніи образовательныхъ и воспитательныхъ учрежденій для рабочаго класса“,—его же; „Условія распространенія образованія въ народѣ“,—г. Вахтерова; „О вліяніи общаго образованія рабочихъ на продуктивность ихъ труда“,—г. Гавришева; замѣтки о степени грамотности русскихъ рабочихъ, и т. п. Надо только желать, чтобы здравыя и простыя мысли, здѣсь излагаемыя, были усвоены обществомъ и нашли, наконецъ, практическое исполненіе.

Въ предисловіи редакціи мы читаемъ: „Настоящая книга представляетъ собою сборникъ статей, разнородныхъ по содержанію и принадлежащихъ различнымъ авторамъ, но одинаковыхъ по своей цѣли и задачѣ: собрать посильно во едино всевозможные аргументы

экономическаго характера на пользу народнаго образованія и тѣмъ дать хотя бы самый слабый толчокъ разрѣшенію этого кардинальнѣйшаго вопроса всей русской народной жизни... Можетъ быть, на это нѣкоторые возразятъ, что польза образованія давно уже сдѣлалась прописною истиной, которую поэтому излишне повторять... Замѣчаніе—вполнѣ вѣрное, но не менѣе, однако, справедливо и то, что отъ общаго признанія той или другой истины, какъ это доказываетъ ежедневное наблюденіе, и до примѣненія ея сущности къ жизни практической проходитъ обыкновенно много и много лѣтъ; на этомъ-то основаніи авторы настоящихъ очерковъ полагаютъ, что напоминать указанную выше истину, аргументируя ее съ наиболѣе чувствительной и наглядной для человѣка—съ *экономической* стороны—не только не безполезно, но даже напротивъ (и особенно у насъ) важно и необходимо".

Но у насъ нельзя даже сказать, чтобы польза образованія стала прописною истиной. Все еще находятся люди, утверждающіе, что образованіе народу не нужно, что для народа возможны только самыя элементарныя школы, которыя не выводили бы его изъ его древнихъ понятій, и т. д. Извѣстны факты вражды ко всякой попыткѣ дать народной школѣ нѣсколько болѣе высокій уровень, напр. вражды къ земской школѣ, къ комитетамъ грамотности, къ народнымъ чтеніямъ о сколько-нибудь серьезныхъ предметахъ, и т. д.

Для тѣхъ, кто желалъ бы имѣть фактическія свѣдѣнія о нашей народной школѣ, будетъ чрезвычайно любопытна книга гг. Фальборка и Чарнолускаго. Этотъ второй томъ книги, по заявленію издателей, значительно расширился въ объемѣ противъ предположеннаго, такъ что въ книгѣ находятся только статьи о Россіи и Финляндіи, а статья о Швейцаріи будетъ издана особо. Наибольшая часть книги, конечно, посвящена Россіи. Въ началѣ книги помѣщенъ сжатый историческій очеркъ народнаго образованія въ Россіи, съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ: далѣе находятся статьи: „Современная организація начальнаго народнаго образованія въ Россіи"; „Статистика и изданія по народному образованію" (оффиціальныя свѣдѣнія о народныхъ школахъ, опыты спеціальныхъ статистическихъ изслѣдованій, состояніе законодательства и административная практика по школьному дѣлу); „Финансовыя средства народнаго образованія"; „Главныя статистическія данныя о современномъ положеніи народнаго образованія"; „Грамотность населенія", и—заключеніе. Въ концѣ прибавлены еще обширныя статистическіе таблицы и литература предмета. Авторы книги сожалѣютъ впрочемъ, что научное достоинство и точность существующаго цифрового матеріала по народному образованію, въ большинствѣ случаевъ, крайне невелики.

Въ исторіи нашей народной школы за послѣднее время (раньше она почти не существовала) бывали отрадные эпизоды ревностной работы, общественной и земской, по этому дѣлу. Настоящее положеніе его кажется авторамъ книги весьма смутнымъ и печальнымъ по упомянутой, явной или скрытой, враждѣ къ широкой народной школѣ со стороны людей такъ называемаго охранительнаго направленія. Они стремятся сколько возможно сокращать размѣры народнаго образованія. Авторы настоящей книги видятъ въ этомъ стремленіи глубокую ошибку. Люди охранительнаго направленія, „излагая свои измышленія какъ нѣчто новое и нигдѣ небывалое, совершенно игнорируютъ и исторію, и науку. Иначе они остереглись бы проповѣдовать школьные идеалы, не только давно уже сданные въ архивъ педагогикой и государственными науками, но и безвозвратно осужденные жизнью всѣхъ цивилизованныхъ государствъ міра“. Имѣя въ виду толки о церковно-приходской школѣ, какъ мнимо наилучшей формѣ народнаго образованія, авторы продолжаютъ: „Къ нашей стомилліонной странѣ, со всѣмъ разнообразіемъ религій и сектъ ея разноплеменнаго населенія, положенія науки и государственной мудрости приложимы во всякомъ случаѣ не въ меньшей степени, чѣмъ къ небольшимъ государствамъ съ однороднымъ населеніемъ. Болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, сосредоточеніе дѣла народнаго образованія въ духовномъ вѣдомствѣ представляется у насъ дѣломъ не только ненормальнымъ, но даже невозможнымъ“.

„...Не этого требуютъ дѣйствительные интересы народной школы и не такимъ путемъ возможно осуществленіе у насъ всеобщаго обученія. Немыслимо осуществить это великое всенародное дѣло и посредствомъ мертвой бюрократической машины... Разрушительная работа этой машины въ области народнаго образованія проявлялась и проявляется постоянно, но созидательной силы своей она еще ничѣмъ не доказала и доказать не можетъ. Главную основу для созданія нашей народной школы положило русское общество и русское земство; только они же въ силахъ и достойно завершить начатое дѣло: какъ вездѣ въ другихъ странахъ, такъ и у насъ всеобщее и свободное отъ насилій образованіе будетъ создано только организованными общественными силами. И чѣмъ бо̀льшій просторъ будутъ имѣть эти силы въ области народнаго образованія, тѣмъ скорѣе это случится: истинные представители народныхъ интересовъ не остановятся на этомъ пути ни передъ какими затратами. Едва ли можно назвать другую, болѣе пагубную для истинныхъ нуждъ страны, мѣру, какъ предположеніе о сокращеніи и тѣхъ жалкихъ правъ, какія имѣютъ у насъ въ настоящее время общественные элементы въ дѣлѣ народнаго образованія. Настоятельные интересы послѣдняго требуютъ не умаленія этихъ правъ, а ихъ упроченія и расширенія“ (стр. 163—164).

Эти слова совершенно справедливы,—но остается желать, чтобы эти взгляды вошли въ общественное сознаніе, чтобы получить наконецъ возможность практическаго дѣйствія. Трудъ г. Фальборка и Чарнолускаго заслуживаетъ самаго полнаго сочувствія и—распространенія въ бо́льшемъ кругу читателей.

— **Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть четвертая. М. 1899.**

— **Русскіе портреты собранія П. И. Щукина, въ Москвѣ. Выпускъ первый. Съ 32-мя фототипическими снимками. М. 1900.**

Въ Литературномъ Обозрѣніи „В. Е." не однажды было говорено о любопытныхъ изданіяхъ г. Щукина, которыхъ матеріалы извлечены изъ собраннаго имъ богатаго музея. Было упомянуто и о первыхъ томахъ изданія „Бумагъ" отъ 1812 года. Вышедшая теперь четвертая часть представляетъ томъ большого формата (въ 357 страницъ), гдѣ изданы различные документы, относящіеся къ 1812 году, большею частію оффиціальныя бумаги—свѣдѣнія о пожарахъ и разрушеніяхъ во время пребыванія непріятеля въ Москвѣ, слѣдственныя дѣла (о купцѣ Позняковѣ, принявшемъ участіе во французскомъ управленіи; объ извѣстномъ Верещагинѣ), просьбы о пособіяхъ, сопровождаемыя разсказомъ о претерпѣнныхъ бѣдствіяхъ (напр. курьёзное прошеніе священника московскаго Успенскаго собора,—въ стихахъ и въ прозѣ, съ вычисленіями апокалиптическаго числа 666, но также и съ разсказомъ о томъ, что̀ ему случилось видѣть и вытерпѣть, оставшись во время вступленія непріятеля въ Москвѣ), статистическія таблицы о состояніи Москвы въ январѣ 1812 года, и т. д. Будущій историкъ Москвы и войны 1812 года будетъ съ интересомъ изучать эти матеріалы.

Весьма любопытно и другое изданіе г. Щукина. Въ первомъ выпускѣ помѣщено тридцать портретовъ; большею частію, это—лица царской фамиліи—отъ Петра Великаго до императора Николая I; нѣсколько портретовъ извѣстныхъ историческихъ лицъ—Суворова, Орлова-Чесменскаго, Платова и др.; два рисунка представляютъ бюсты—„неизвѣстнаго мужчины" и И. С. Барышникова. Портреты Петра Великаго—на эмальированныхъ пластинкахъ эмалевыми красками, и одинъ на мраморной доскѣ клеевыми красками; остальные, большею частью, портреты на холстѣ, масляными красками,—если не ошибаемся, есть между ними портреты мало извѣстные.

— **Татевскій Сборникъ. С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. (Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III). Спб. 1899.**

Издатель такъ говоритъ о составѣ сборника:—„Во всякомъ деревенскомъ домѣ, издавна и постоянно обитаемомъ людьми, не чуждыми интересамъ умственнымъ и художественнымъ, накопляется множество разнообразныхъ памятниковъ ближайшей и болѣе отдаленной старины—писемъ, семейныхъ записей, автографовъ, рисунковъ, портретовъ, летучихъ стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ, почему-либо въ свое время не попавшихъ въ печать.—Все это для посторонних мало имѣетъ цѣны, но бережно хранится на память объ умершихъ членахъ семьи, въ удовлетвореніе законнаго любопытства грядущихъ ея поколѣній.—Нерѣдко, однако, среди этого, лишь для одной семьи драгоцѣннаго хлама встрѣчаются вещи, и для постороннихъ драгоцѣнныя: письма людей замѣчательныхъ, отрывки въ стихахъ и прозѣ, принадлежащіе перу писателей, пользующихся заслуженной извѣстностью".

Такого рода вещи нашлись въ старомъ деревенскомъ домѣ села Татева, принадлежащемъ сестрѣ г. Рачинскаго, который и рѣшилъ издать эти бумаги въ надеждѣ, что его примѣръ не останется безъ подражателей. Къ этимъ старымъ памятникамъ присоединены также новѣйшія статьи нѣкоторыхъ друзей „стараго дворянскаго гнѣзда".

Дѣйствительно, въ сборникѣ находимъ нѣсколько замѣчательныхъ именъ. Вслѣдъ за небольшой статьей И. В. Кирѣевскаго о Баратынскомъ вскорѣ послѣ смерти поэта, помѣщено много писемъ Баратынскаго къ Кирѣевскому отъ 1829 — 33 годовъ; далѣе, нѣсколько писемъ Жуковскаго; біографія Д. А. Валуева, перепечатанная изъ рѣдкой брошюры, напечатанной вскорѣ послѣ его смерти, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ; письмо Валуева къ И. В. Кирѣевскому; стихотворенія кн. Вяземскаго, Каролины Павловой, гр. В. А. Соллогуба, Фета; большая повѣсть графини Саліасъ, оставшаяся въ свое время ненапечатанной; отрывокъ изъ записокъ Ю. Ѳ. Самарина (о Хомяковѣ); письмо Н. И. Пирогова и др.

Въ сборникѣ нѣтъ крупныхъ произведеній, которыя могли бы привлечь обыкновеннаго читателя; но для любителей литературы въ немъ есть не мало подробностей, имѣющихъ историческій интересъ. Таковы письма Баратынскаго, которыя будутъ важны для его біографа; таковъ разсказъ Ю. Самарина о Хомяковѣ, чрезвычайно характерный по отношенію къ обоимъ; письма и замѣтки о Д. Валуевѣ и кн. Одоевскомъ и пр. Подобныя частности нерѣдко доставляютъ весьма суще-

ственныя черты для выясненія историческаго лица, и можно дѣйствительно пожелать, чтобы примѣръ настоящаго сборника вызвалъ подражаніе и сохранилъ для исторіи общества и литературы памятники, которые иначе рискуютъ погибнуть отъ легкомыслія потомковъ,—что у насъ случается сплошь и рядомъ.—Д.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П.—Передъ разсвѣтомъ. Повѣсть для юношества. Изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. Съ 20-ю рис. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Адамовичъ, А. — „Попутчикъ“ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Зима 1899—1900 г. Вып. 2. Съ картой желѣзныхъ дорогъ. Составленъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Спб. 900. Ц. 20 к.

Анненковъ, Н. — Начала русскаго гражданскаго права. Вып. 1. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Барацъ, С. М.—Курсъ двойной бухгалтеріи. Спб. 900. Ц. 3 р.

Бокъ, К. Э., проф.—Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Настольная книга и руководитель семьи. Съ нѣм., п. р. д-ра С. Орѣчкина. Т. I. Половина 2. Спб. 99. Подп. ц. въ 4-хъ полутом. 4 руб.

Булгаковъ, В. К.—Поэмы, Думы и Пѣсни. 2-е изд. Спб. 900. Ц. 2 р.

Бомарше. — Театръ: Севильскій цирульникъ; Свадьба Фигаро; Виновная мать. Перев. А. А. Криль. М. 99. Ц. 1 р. 25 к.

Бородкинъ, М.—Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографическаго указателя книгъ и статей о Финляндіи. Вып. 1: *А—Е*. Спб. 99.

Бычковъ, Александръ. — Очерки Якутской области. Съ устья р. Лены. Съ картою рыболовныхъ песковъ. Томскъ, 99. Ц. 50 к.

Бѣнькевичъ, I. Г.—Какъ снаряжать и содержать въ исправности батарею при электрическихъ звонкахъ. М. 900. Ц. 10 к.

——— Какъ безъ мастера проводить и исправлять электрическіе телефоны. Съ 17 рис. М. 900. Ц. 35 к.

——— Какъ безъ мастера устроить электрическіе предохранители отъ воровъ. М. 900. Ц. 30 к.

Виноградовъ, В.—Значеніе А. С. Пушкина для каждаго изъ насъ. М. 99. Ц. 20 к.

Випперъ, Р., проф. — Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв., въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. Спб. 900. Ц. 1 р.

Воскр—ій, Ст.—О причинѣ происхожденія мужского или женскаго потомства. Томскъ, 900. Ц. 30 к.

Водовозова, Е. — Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей. Изд. 7-е. Съ 24 рис. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Гатцукъ, А.—Календарь Крестный на 1900 годъ. М. 99. Ц. 15 к.

Гаусратъ, Ад. — Средневѣковые реформаторы. Съ нѣм. п. р. Э. Л. Радлова. Т. I: Абеляръ-Арнольдъ Бресчіанскій. Спб. 900. Ц. 2 р. 50 к.

Гнѣдичъ, П. П.—По духовнымъ завѣщаніямъ. Водяные. Nord-Express. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

——— Туманы. Ром. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Грабина, А. Т.—Юрьевъ день. Комедія-шутка, въ 3 д. Кіевъ, 99. Ц. 75 к.

Гранстремъ, Э. — Крошка Ася. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Составлено по Франэ. Спб. 900. Ц. 2 р. 50 к.

Гюйо, М.—Собраніе сочиненій. Т. IV: Воспитаніе и наслѣдственность. Соціологическое изслѣдованіе. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Дедюлинъ, Я. А., д-ръ мед. — Беременная женщина. Разборная модель въ краскахъ. Съ календаремъ беременности, правилами и совѣтами для беременныхъ. Спб. 900. Ц. 1 р.

Доброправовъ, д-ръ, В. А.—О нервности женщинъ и воспитательныхъ мѣрахъ, которыми можно предупреждать и ослаблять ея развитіе. Кіевъ, 99. Ц. 30 к.

Доггановичъ, Анна. — Старые и малые. Сборникъ разсказовъ для дѣтей школьнаго возраста. Съ рис. Н. Ольмонскаго. М. 99. Ц. 40 к.

——— Ѳомка-дуракъ. Изд. 3-е. М. 99.

Золя, Эм.—Старая и новая вѣра: „Лурдъ“, „Римъ“ и „Парижъ“. Съ франц. Ф. Бѣлявскій. Спб. 900. Ц. 1 р.

Зубовъ, В.—Къ вопросу о земской адвокатурѣ. Спб. 99. Ц. 25 к.

Иноземцева, Анна.—Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Н.-Новг. 99. Ц. 1 р.

Карновичъ, Е. П. — Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Біографическій очеркъ. Съ 13 портретами и иллюстраціями и 2 автографами. Спб. 99. XI и 296 стр. Ц. 3 р.

Ковалевскій, Максимъ.—Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Ч. III и IV. Изд. 2-ое К. Т. Солдатенкова. Москва, 1899. Стр. 577.

——— Экономическій строй Россіи. Съ франц. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Кротъ, П. — Психографія. I: Что такое психографія? М. 99. Ц. 10 к. II: Обзоръ психографіи и семи поэтовъ. М. 99. Ц. 50 к.

Крыловъ, А. В.—Три разсказа для дѣтей. М. 99. Ц. 25 к.

——— Вселенскіе учители. I: Василій Великій. М. 99. Ц. 30 к. II: Григорій Богословъ. М. 99. Ц. 25 к.

——— Полканъ Собакевичъ. Повѣсть въ 2 ч. М. 99. Ц. 1 р.

Леваль, генер.—Опасность милиціи. Съ франц. Асхабадъ, 99. Ц. 1 р. 50 к.

*Луппов*ъ, П. — Христіанство у вотяковъ, и времена первыхъ извѣстій о нихъ до XIX вѣка. Спб. 99. Ц. 2 р.

Надеждинъ, Ю. — Курсы для рабочихъ и ремесленниковъ во Франціи. Спб. 900.

Никольскій, В. В. — Идеалы Пушкина. Актовая рѣчь. Съ приложеніемъ статей того же автора: „Жобаръ и Пушкинъ“; „Дантесъ-Гекеренъ“. Изд. 4-е, исправл. и дополн. замѣткою: „Къ библіографіи Евгенія Онѣгина“. Спб. 99. Ц. 85 к.

——— Сборникъ стихотвореній. Спб. 99. Ц. 2 р.

Озаровскій, Юр.—Наше драматическое образованіе. Спб. 900. Ц. 1 р.

Озеровъ, И. — Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ З. Европѣ, Америкѣ и Россіи. Краткое руководство къ основанію и веденію потребительныхъ обществъ. Съ предисловіемъ И. И. Янжула. 2-е изд. Спб. 900. Ц. 2 р.

Павловская, д-ръ, Р.—Берлинскій конгрессъ. Борьба съ чахоткой въ Германіи и въ Россіи. Спб. 900.

Паульсенъ, Фр. — Введеніе въ философію. 2-е изд. Перев. съ нѣм., п. р. В. П. Преображенскаго. М. 99. Ц. 3 р.

Петрушевскій, А.—Генералиссимусъ князь Суворовъ. Изданіе 2-е. Спб. 900. Ц. 4 р.

Плоссъ, Г., д-ръ.—Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Съ нѣм., п. р. д-ра А. Фейнберга. Т. II. Половина первая. Спб. 99. Подп. ц., въ 2 т., 10 р.

Рабиновичъ, П. О. и *Бѣлькевичъ*, І. Г.—Курсъ электричества съ ученіемъ о телеграфѣ и телефонѣ и вспомогательными свѣдѣніями изъ общей физики, механики, химіи и математики. Съ 176 рис. М. 900. Ц. 1 р. 75 к.

Рапопортъ, С. А.—Народъ-Богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англіи. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Рачинскій, С. А.—Татевскій Сборникъ. Съ приложеніемъ портрета А. С. Хомякова. Спб. 99. Ц. 1 р. 50 к.

Роміасъ, Сергѣй.—Любовь ли? М. 900. Ц. 1 р. 25 к.

Ручъ, С. Г.—Самоучитель русскаго языка, для русскихъ. П. р. Д. Н. Сеславина. Т. І. Вып. 1 и 2. Этимологія. Спб. 99.

——— Орѳографическій словарь, съ обозначеніемъ удареній и указаніемъ корней русскаго происхожденія. Спб. 900.

Свербеевъ, Д. Н.—Записки. 1799—1826 г. Т. I и II. М. 99. Ц. за 2 т. 4 р.

Старыцькій, М.—„Останвя ничъ". Исторична драма въ двохъ картынахъ. Кіевъ, 99.

Струве, А. Ф.—Въ сумеркахъ. Романъ. Повѣсти и очерки. Спб. 99. Ц. 1 р.

Флоринскій, Т., проф.—Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности. Кіевъ, 99.

Ходскій, Л. В.—Политическая Экономія, въ связи съ финансами. 3-е изд. Вып. 2-й. Спб. Ц. 3 р. за оба вып.

Чекей, Эд.—Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI в., по свидѣтельству современниковъ. Съ англ. В. и И. Гердъ, п. р. Н. Рубакина. Спб. 99. Ц. 35 к.

Чичеринъ, Борисъ.—Польскій и еврейскій вопросы. Отвѣтъ на открытыя письма Н. К. Ренненкампфа. Берл. 99.

Ш., Г. С.—Отголоски XVIII вѣка. Вып. VI: Двѣ калмычки. Спб. 99.

Шестовъ, Л.—Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше. Философія и проповѣдь. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Шрейнеръ, О.—Грёзы и Сновидѣнія. Перев. съ англ. Ц. В. Спб. 900. Ц. 25 к.

Штейнъ, Людвигъ, проф. филос. въ Бернскомъ университетѣ.—Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. Лекціи объ общественной философіи и ея исторіи. Перев. съ нѣмецкаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 99. Стр. XX + 708. Ц. 3 р.

Юревичъ, Влад.—Стихотворенія. Спб. 900.

Юрьинъ, К.—Чужая жизнь. Разсказы. Спб. 900. Ц. 1 р.

Masaryk, Prof. Dr. Th.—Die Nothwendigkeit der Revision des Polnaer Processes. Wien, 99.

Séménoff, E.—Alexandre Pouchkine (1799—1899). Par. 900. Ц. 2 фр.

— Весь Петербургъ на 1900 годъ. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Изд. А. С. Суворина. Приложенія. Отдѣлъ I: Установленія центральнаго и мѣстнаго управленія, съ подвѣдомственными имъ учрежденіями. Планы театровъ. Отдѣлъ II: Промышленныя и торговыя предпріятія г. С.-Петербурга.

Отдѣлъ III: Алфавитный указатель жителей гг. С.-Петербурга, Царскаго Села, Павловска, Кронштадта, Петергофа и Гатчины. Отдѣлъ IV: Алфавитный списокъ улицъ г. Петербурга и его пригорода. Планы полицейскихъ частей города. Общій планъ г. С.-Петербурга. Спб. 900. П. 8 р.

— Главныя основы для народнаго образованія. Спб. 900. Ц. 40 к.

— Обзоръ дѣятельности земствъ по кустарной промышленности. Т. II. (1897—1898). Спб. 1899 г., стр. 388. (М. З. и Г. И. Отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики).

— Отчетъ Кіевскаго Общества грамотности за 1898 г. Кіевъ, 99.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1898 г. Харьк. 99.

— Протоколы Общества психіатровъ за 1898 г. Спб. 99.

— Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. (80 г.—1800 г.). Т. I—до 1070 г. Спб. 99.

— Русскія народныя сказки, пѣсенки, прибаутки, побасенки. I. Ай ду-ду. Рисунки С. Малютина. М. 99. Ц. 20 к.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 102. Спб. 98. Т. 105. Спб. 99. Т. 106. Юрьевъ, 99. Ц. по 3 р.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. X. М. 99.

— Ссылка въ Сибирь. Очеркъ ея исторіи и современнаго положенія. Для Высочайше учрежденной коммиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки. Спб. 900. Стр. 339 + 53. (Приложеніе).

— Труды IV Съѣзда (совѣщанія) земскихъ врачей и представителей земствъ Нижегородской губерніи. 28 авг.—7 сент. 1899 г. Н.-Новг. 99.

— Труды Троицко-Савскаго Отдѣленія Пріамурскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества. Т. II, вып. 3. М. 99.

— Экономическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки И. И. Янжула, А. И. Чупрова, Е. Н. Янжулъ, В. П. Вахтерова и др. 2-е изд. Спб. 99. Ц. 75 к.

ЕЩЕ О КІЕВСКОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ СЪѢЗДѢ.

Письмо въ Редакцію проф. Т. Д. Флоринскаго.

Редакція „Вѣстника Европы" получила отъ профессора кіевскаго университета Т. Д. Флоринскаго слѣдующее письмо:

„М. г. Имѣю честь покорнѣйше просить васъ дать мѣсто нижеслѣдующему моему заявленію въ ближайшемъ номерѣ вашего журнала.

„Въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Европы" текущаго (1899) года, въ отдѣлѣ „Литературное Обозрѣніе", помѣщена замѣтка г. Т. по поводу „Извѣстій XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ" и статьи г. К. Михальчука: „Что такое малорусская рѣчь?" Авторъ замѣтки, касаясь „страннаго эпизода относительно участія въ съѣздѣ галицко-русскихъ ученыхъ", между прочимъ говоритъ о моемъ отношеніи къ этому эпизоду и при этомъ сообщаетъ извѣстія, отчасти неточныя, отчасти близкія къ инсинуаціи. Руководясь столько же чувствомъ чести, сколько желаніемъ возстановить истину, я считаю своимъ долгомъ исправить по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ допущенныхъ авторомъ неточностей и опровергнуть взведенныя на меня несправедливыя обвиненія.

„Г. Т., основываясь главнѣйше на газетныхъ толкахъ и слухахъ, притомъ заимствованныхъ имъ не столько изъ кіевскихъ корреспонденцій, сколько изъ полемической, весьма рѣзкой и явно-тенденціозной статьи не-кіевлянина, г. Мордовцева („С.-Петербургскія Вѣдомости" № 189), пишетъ слѣдующее: „Такъ какъ на съѣздѣ ожидалось присутствіе галицко-русскихъ ученыхъ, то Московское Археологическое Общество разрѣшило кіевскому съѣзду чтеніе докладовъ и пренія кромѣ другихъ славянскихъ нарѣчій и на галицко-русскомъ: но затѣмъ въ газетахъ сообщено было, что представители университета св. Владиміра, профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, г. Флоринскій, и ректоръ университета, г. Фортинскій, высказались противъ рѣшенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. И г. Флоринскій, и г. Фортинскій, *утверждали, что чтеніе докладовъ на галицко-украинскомъ языкѣ, называемомъ ими „жаргономъ", будто бы „противорѣчитъ здравому смыслу"* („учено-деликатное отношеніе къ рѣшенію почтеннаго Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества"—замѣчали газеты), *и они возстали противъ*

подобной „затѣи украинофиловъ“. Не довольствуясь собственнымъ протестомъ, они, какъ сообщили газеты (какія?), *обратились за содѣйствіемъ къ высшей административной власти*, и въ результатѣ русскіе галичане отсутствовали на съѣздѣ и взяли упомянутые 23 реферата обратно. Въ „Извѣстіяхъ“ читаемъ, что 31-го іюля, наканунѣ открытія съѣзда, профессоръ Флоринскій сложилъ съ себя званіе депутата кіевскаго университета на предстоявшій съѣздъ“. Далѣе, нѣсколько ниже, г. Т., основываясь уже не только на газетныхъ извѣстіяхъ, но и на собственныхъ домыслахъ, утверждаетъ слѣдующее: „Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ желаніи галицко-русскихъ ученыхъ читать на своемъ привычномъ языкѣ увидѣли „затѣю украинофиловъ“ и *очевидно, что филологическіе взгляды г. Флоринскаго искали себѣ практической почвы въ мѣстныхъ интересахъ—или дрязгахъ...*“ (398—399) [1]).

„По поводу всѣхъ этихъ разсужденій я нахожу необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

„1. Вопросъ о допущеніи на съѣздѣ докладовъ на галицко-русскомъ или, по новѣйшей терминологіи, „украинско-русскомъ“ языкѣ возникъ не потому, что „ожидалось присутствіе галицко-русскихъ ученыхъ“, а потому, что эти ученые или собственно члены львовскаго „Товариства імени Шевченка“, получивъ приглашеніе на съѣздъ, заявили, что общерусскій литературный языкъ имъ не доступенъ и что они могутъ принять участіе въ съѣздѣ только подъ условіемъ допущенія докладовъ на ихъ мѣстномъ языкѣ, разработываемомъ въ изданіяхъ „Товариства“. Къ этому заявленію отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ предсѣдатели какъ кіевскаго, такъ московскаго предварительныхъ комитетовъ, и благодаря ихъ настояніямъ Московское Археологическое Общество высказалось за удовлетвореніе желанія членовъ Общества имени Шевченка.

„2. Такъ какъ это послѣднее рѣшеніе Московскаго Археологическаго Общества вносило существенную поправку въ „Правила“ съѣзда (§ 29), выработанныя за два года передъ тѣмъ въ Москвѣ въ общемъ собраніи предварительнаго комитета и уже утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія, то вполнѣ естественно, что въ собраніи кіевскаго предварительнаго комитета, въ маѣ сего года, послѣ доклада объ указанномъ рѣшеніи Московскаго Археологическаго Общества былъ поставленъ вопросъ какъ о правильности, такъ и о необходимости предложенной поправки „Правилъ“. Будучи главнымъ иниціаторомъ проекта приглашенія на съѣздъ ученыхъ изъ славянскихъ земель и дѣятельнымъ участникомъ того главнаго собранія

---

[1]) Курсивъ вездѣ принадлежитъ мнѣ.—*Авт.*

московскаго предварительнаго комитета, въ которомъ были выработаны „Правила“ съѣзда и, между прочимъ, установлена редакція параграфа о языкахъ, я считалъ себя въ правѣ имѣть свое сужденіе по возбужденному вопросу и рѣшительно высказался противъ упомянутаго новаго постановленія Московскаго Археологическаго Общества, указавъ на неудобство его какъ съ формальной стороны, такъ и по существу. При обоснованіи своего взгляда на дѣло, я отнюдь не употреблялъ приписываемыхъ мнѣ г. Т. выраженій и отправлялся отъ чисто-научныхъ и объективныхъ мотивовъ и соображеній, именно тѣхъ самыхъ, которые можно найти въ новѣйшихъ моихъ статьяхъ по малорусскому вопросу, печатающихся въ „Кіевлянинѣ“ (съ 1-го октября, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности“). Ограничусь здѣсь указаніемъ, что я исходилъ изъ того, по моему мнѣнію, безспорнаго положенія, что всѣ вѣтви русскаго народа уже имѣютъ одинъ общій выработанный образованный и научный языкъ, и что употребленіе въ занятіяхъ ученаго съѣзда областныхъ русскихъ нарѣчій не представляется дѣломъ необходимымъ и полезнымъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о языкѣ весьма искусственномъ, еще невыработанномъ и притомъ служащемъ органомъ лишь извѣстной политической и литературной партіи, а не всего русскаго образованнаго общества Галичины и Буковины.

„3. Мое участіе въ разбираемомъ галицко-русскомъ инцидентѣ и ограничивалось только указаннымъ протестомъ въ майскомъ засѣданіи предварительнаго комитета. Никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ по этому дѣлу я не предпринималъ; равнымъ образомъ никакихъ статей или корреспонденцій по данному вопросу я не писалъ ни для кіевскихъ, ни для столичныхъ газетъ. Поэтому приписываемое мнѣ авторомъ замѣтки „обращеніе за содѣйствіемъ къ высшей административной власти“ я считаю клеветой, противъ которой горячо протестую. Присутствіе этой клеветы въ статьѣ г. Т. для меня тѣмъ поразительнѣе, что указанныя имъ газетныя статьи не давали для построенія ея никакого подходящаго матеріала. Напротивъ, въ одной изъ нихъ („Новое Время“ № 8377) находится ясное указаніе на то, что обращеніе къ высшей власти послѣдовало не съ моей стороны и не со стороны г. ректора, а со стороны самого предварительнаго комитета, который уполномочилъ графиню П. С. Уварову войти къ г. министру съ представленіемъ по спорному вопросу.

„4. Насколько мой протестъ, о которомъ проникли въ печать свѣдѣнія весьма отрывочныя и неточныя, могъ вліять на исходъ дѣла, возбужденнаго львовскимъ „Товариствомъ“—я не берусь судить. Но

во всякомъ случаѣ, еслибъ и не было этого протеста, дѣло необходимо должно было поступить на разсмотрѣніе и рѣшеніе высшихъ инстанцій, такъ какъ предложенная Московскимъ Археологическимъ Обществомъ поправка уже утвержденныхъ „Правилъ“ съѣзда нуждалась въ санкціи г. министра.

„5. Мой отказъ отъ званія депутата университета св. Владиміра не стоялъ въ непосредственной связи съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ указаннаго спорнаго вопроса. Онъ былъ обусловленъ моимъ личнымъ столкновеніемъ съ предсѣдателемъ съѣзда, графиней П. С. Уваровой, которое сдѣлало для меня невозможнымъ оффиціальное представительство на съѣздѣ.

„6. Я просилъ бы анонимнаго автора замѣтки разъяснить смыслъ слѣдующей его фразы, заканчивающейся многоточіемъ: „очевидно, что филологическіе взгляды г. Флоринскаго искали себѣ практической почвы въ мѣстныхъ интересахъ или дрязгахъ“... Что̀ это значитъ? О какихъ это мѣстныхъ дрязгахъ, въ которыхъ будто бы „искали себѣ практической почвы мои филологическіе взгляды“, ведетъ рѣчь г. авторъ? Къ чему такая недосказанность, опять напоминающая инсинуацію?! Если г. Т. хочетъ здѣсь намекнуть на мои отношенія къ кіевскимъ украйнофильскимъ кружкамъ, то я долженъ замѣтить, что за все время своего восемнадцатилѣтняго пребыванія въ Кіевѣ ни съ этими кружками, ни съ отдѣльными ихъ представителями я не имѣлъ ровно никакихъ отношеній, ни близкихъ, ни далекихъ, ни пріязненныхъ, ни враждебныхъ; никогда я съ ними не сходился и не сталкивался, не интересовался ни ихъ жизнью, ни ихъ дѣятельностью. Только теперь, уже послѣ съѣзда, когда представители этихъ кружковъ невѣдомо за что и про что открыли противъ меня цѣлый походъ въ кіевскихъ, галицкихъ и столичныхъ газетахъ, я вынужденъ взяться за полемику (въ „Кіевлянинѣ“), но веду ее исключительно на почвѣ фактовъ и науки. Итакъ, еще разъ обращаюсь къ автору замѣтки съ просьбой разъяснить мое недоумѣніе. Моя двадцатилѣтняя ученая, профессорская и общественная дѣятельность у всѣхъ на виду. Нельзя же бросать въ нее грязью только потому, что г. критику не нравится то или иное мое мнѣніе. Свои взгляды и убѣжденія я привыкъ высказывать прямо, открыто, безъ обиняковъ, ничего не боясь и не страшась. Можно съ ними не соглашаться, можно ихъ оспаривать, но къ чему же въ борьбѣ съ ними прибѣгать къ такому неподходящему оружію—какъ двусмысленные намеки и инсинуаціи?

„7. Послѣ всего сказаннаго явствуетъ полная неумѣстность или даже болѣе,—неприличіе находящагося въ концѣ замѣтки наставленія по моему адресу: „ссылки на „затѣи украйнофиловъ“ подобали бы не людямъ науки, а развѣ только спеціальному полицейскому вѣдом-

ству, если бы послѣднему было дано подобное порученіе". Что за удивительный пріемъ литературной критики: побивать противника не разборомъ его мнѣній, а голословнымъ обвиненіемъ то въ доносѣ, то въ полицейскомъ сыскѣ. И все это на основаніи газетныхъ толковъ, притомъ комбинированныхъ г. критикомъ произвольно, по собственному усмотрѣнію. Развѣ такимъ путемъ можно добраться до истины, служеніе которой составляетъ первѣйшую обязанность каждаго честнаго публициста?"

Редакція сообщила письмо г. Флоринскаго автору статьи и получила отъ г. Т. слѣдующій отвѣтъ:

„Письмо г. Ф.,—несмотря на его неумѣстно-рѣзкія выраженія, какъ „клевета" и т. п. (ихъ неумѣстность я дальше укажу),—меня все-таки порадовало: исправленіе неточностей въ историческомъ изложеніи всегда желательно, и напраслина, если она взведена, должна быть устранена, и я нахожу это только справедливымъ.

„Но неточность есть и въ письмѣ г. Ф—го, и напраслина взведена также и на меня.

„Въ самомъ началѣ моей статьи о кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ замѣчено, что въ печати *не было оффиціальнаго изложенія* дѣйствій предварительнаго комитета съѣзда,—такъ что мнѣ, за неимѣніемъ этихъ свѣдѣній, именно и пришлось довольствоваться „газетными толками и слухами". Эти газетныя извѣстія не были опровергнуты съ половины іюля до октября, когда писана была моя замѣтка. Предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, не только любопытенъ анекдотически, но имѣетъ серьезную научную и общественную важность,—собственно для меня анекдотическая сторона была мало интересна, и сущность моей замѣтки посвящена именно общему вопросу о галицко-русской литературѣ и о такъ называемомъ украинофильствѣ. Для мелкихъ фактовъ данной минуты пришлось довольствоваться, какъ упомянуто, „газетными толками и слухами".

„Если эти послѣдніе были неточны и несправедливы, г. Ф—му слѣдовало направить свои опроверженія вовсе не противъ меня, а противъ г. Мордовцева и иныхъ, говорившихъ о съѣздѣ по личнымъ впечатлѣніямъ, въ качествѣ *очевидцевъ*, напр. противъ г. А. Б., писавшаго, въ концѣ августа, „Итоги" съѣзда, и т. д.: здѣсь именно, а также въ „Извѣстіяхъ" и въ рѣчи графини Уваровой, былъ единственный источникъ моихъ свѣдѣній,—на самомъ съѣздѣ и въ предварительномъ комитетѣ я не былъ.

„Приводя газетныя извѣстія, я именно оговаривался:—„какъ сообщали газеты". Г. Ф—ій, относительно главнаго пункта объ обращеніи

къ высшей власти, спрашиваетъ: „какія?“—какъ будто я это прибавилъ и выдумалъ. Да говорили это тѣ самыя газеты, которыя я цитировалъ. Я вынужденъ привести подлинную цитату, чтобы предохранить себя отъ „клеветы“ и „инсинуаціи“. Въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ 1899, 14 (26) іюля, № 189, напечатано: „Въ № 8377 „Новаго Времени“ неизвѣстный кіевскій корреспондентъ въ статьѣ—„Къ предстоящему кіевскому съѣзду“... сообщаетъ странную новость, что представители университета св. Владиміра, профессоръ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, г. Флоринскій, и ректоръ университета, г. Фортинскій, къ удивленію всѣхъ компетентныхъ въ вопросѣ о малорусскомъ языкѣ лицъ, категорически высказались противъ рѣшенія Императорскаго московскаго археологическаго общества. И г. Флоринскій, и г. Фортинскій, утверждаютъ, что чтенія докладовъ на галицко-украинскомъ языкѣ, цинично называемомъ ими „жаргономъ“, будто-бы „противорѣчитъ здравому смыслу“ (учено-деликатное отношеніе къ рѣшенію почтеннаго Императорскаго московскаго археологическаго общества!), и сіи авторитеты науки—яко бы „противъ подобной затѣи украинофиловъ“. Мало того—они за разрѣшеніемъ возникшаго по этому поводу вопроса о допущеніи на съѣздѣ галицко-украинскаго языка обратились къ г. министру народнаго просвѣщенія“.

„Такимъ образомъ, сюда, къ автору статьи „Спб. Вѣдомостей“, и долженъ былъ г. Ф—ій обратиться съ своими опроверженіями, и сдѣлать это еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, чтобы молчаніемъ не вводить въ заблужденіе другихъ,—и именно сдѣлать это опубликованіемъ того, что̀ происходило въ предварительной коммиссіи. Дальнѣйшія слова, поставленныя мнѣ въ укоръ, составляютъ только естественный выводъ о той почвѣ, на которой произошло разногласіе въ предварительномъ комитетѣ, послужившее поводомъ къ изгнанію галицко-русскаго языка съ кіевскаго съѣзда.

„Что почва спора заключалась въ вопросѣ о галицко-русской литературѣ и, связанномъ съ нею, нашемъ украинофильствѣ, это очевидно изъ всей ихъ исторіи за послѣднія двадцать-пять лѣтъ; и что именно здѣсь была почва разногласія въ комитетѣ съѣзда, на это указываетъ дальнѣйшій разсказъ самого г. Ф—го объ его отношеніи къ этому предмету.

„Прежде, чѣмъ остановиться на этомъ разсказѣ, возвратимся къ существу дѣла. Упомянутая анекдотическая сторона дѣла интересуетъ меня мало, но важно общее положеніе вопроса о галицко-русской литературѣ, какъ одного изъ явленій славяно-русской жизни.

„Я указывалъ раньше—и повторяю опять, что этотъ вопросъ заключается не въ одномъ филологическомъ опредѣленіи отношеній русскаго языка и малорусскаго нарѣчія; литературныя стремленія, по-

добныя тѣмъ, какія видимъ у русскихъ галичанъ, въ связи съ опытами малорусской литературы, имѣютъ свою народно-нравственную сторону, и внѣ ея не могутъ быть поняты. Если въ несравненно болѣе богатой, чѣмъ русская, литературѣ нѣмецкой существуетъ стремленіе ввести въ литературу platt-deutsch; если въ другой богатой литературѣ, французской, есть ревностные любители провансальскаго нарѣчія,—это значитъ, что обладаніе богатой литературой не исключаетъ мѣстной привязанности къ родному языку, даже нарѣчію, у котораго нѣтъ никакой перспективы создать литературу отдѣльную и самостоятельную. Тѣмъ сильнѣе эта привязанность къ родному языку тамъ, гдѣ было историческое прошедшее, или гдѣ внѣшнія условія сплочиваютъ племя въ борьбѣ за самобытность, которой грозитъ та или другая опасность, или гдѣ инстинкты культуры вызываютъ заботу о книгѣ на народномъ языкѣ. „Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія"; онъ любитъ и языкъ, которому впервые научился въ пору дѣтства и отрочества, на которомъ получалъ первыя впечатлѣнія жизни, впервые ощущалъ поэзію въ народной сказкѣ и пѣснѣ, и т. д. Изъ указанныхъ мотивовъ возникло и частію дало замѣчательные историческіе результаты новѣйшее развитіе славянскаго литературнаго возрожденія. Изъ привязанности къ родному языку и къ народной пѣснѣ выросло то изученіе народной поэзіи, которое,—въ частности, и въ области малорусскаго языка,—имѣло слѣдствіемъ обогащеніе литературы превосходнѣйшими созданіями народнаго творчества, доставило матеріалъ для многозначительныхъ изслѣдованій этнографическихъ, для изученія исторіи и т. д. Этотъ источникъ возникновенія литературы славянскаго возрожденія былъ не только вполнѣ естественнымъ и законнымъ, но и въ высокой степени благороднымъ движеніемъ чувства личнаго и общественнаго, потому что сущность его—любовь къ родинѣ и къ своему народу, чувство, вложенное природой, христіанское и культурное.

„Не буду повторять того, что̀ было мною сказано раньше о различіи „языка" и „нарѣчія", объ условіяхъ развитія мѣстныхъ литературъ, объ особенномъ положеніи литературы галицко-русской. въ связи съ нашей малорусской литературой. Остановлюсь только на одномъ, послѣднемъ, обстоятельствѣ, гдѣ находится еще пунктъ обвиненія противъ меня, въ письмѣ г. Ф—го.

„Мѣстные интересы и дрязги", существующіе въ области украинофильства,—и по поводу которыхъ г. Ф—ій ставитъ мнѣ въ вину „недосказанность",—неизвѣстны г. Ф—му! Неужели я по наивности думалъ, что досказывать нечего, что намекъ понятенъ?—Подъ мѣстными интересами и дрязгами я разумѣю то самое, что̀ предполагалъ и г. Мордовцевъ въ своихъ замѣчаніяхъ о кіевскомъ съѣздѣ,

именно исторію такъ называемаго „украинофильства“ за послѣднія двадцать-пять лѣтъ. Извѣстно, — и мнѣ нечего было „досказывать“ людямъ, имѣющимъ нѣкоторое понятіе о малорусской литературѣ,—что съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра II, наряду съ небывалымъ оживленіемъ русскаго общества въ виду готовившихся великихъ реформъ, составившихъ прочную историческую славу этого царствованія, появилось особенное оживленіе интереса къ малорусской литературѣ и этнографіи. Возвратились къ литературной дѣятельности Костомаровъ, Кулишъ; возвратился изъ ссылки Шевченко; сталъ издаваться журналъ „Основа“, посвященный исключительно малорусской литературѣ и этнографіи; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ началась работа этнографической экспедиціи Чубинскаго (первая мысль о ней относится къ 1862 году), принесшей богатые матеріалы для изученія малорусской народности, въ многотомныхъ „Трудахъ“; Чубинскій открылъ одного изъ послѣднихъ могикановъ, можетъ быть послѣдняго, старой малорусской думы, кобзаря Остапа Вересая, который былъ потомъ въ Петербургѣ и здѣсь, своими думами и музыкой, возбудилъ живѣйшій интересъ научный и художественный въ кругахъ спеціалистовъ и любителей,—между прочимъ онъ пѣлъ свои думы въ Зимнемъ Дворцѣ; въ началѣ семидесятыхъ годовъ основался въ Кіевѣ южнорусскій отдѣлъ Имп. Р. Географическаго Общества; въ 1874 состоялся въ Кіевѣ археологическій съѣздъ... Когда такимъ образомъ были особенно возбуждены эти интересы къ изученію малорусской старины и народности, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ это движеніе было прервано. Исторія разскажетъ когда-нибудь этотъ эпизодъ нашей литературной и общественной жизни. Довольно сказать, что эти труды по малорусской народности и литературѣ подверглись крайнимъ стѣсненіямъ, почти остановлены — „Московскія Вѣдомости“ открыли походъ противъ „малорусскаго сепаратизма“; репутація „украинофила“ становилась не безопасной,—не мало такихъ людей должны были оставить Кіевъ, сохранивъ, впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ и гражданскія права, и службу (упоминаемъ о послѣднемъ для указанія, что особенныхъ проступковъ за ними не было признано даже административно). Образовалась атмосфера цензурныхъ стѣсненій (которыми окруженъ былъ даже археологическій журналъ „Кіевская Старина“, основанный въ 1871), подозрѣній, сплетенъ, донесеній и т. д.

„Выше указаны мѣстные интересы; здѣсь указываются дрязги.

„Естественно было, что упомянутое оживленіе малорусской этнографіи и народолюбія отразилось въ русской Галиціи, которая съ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка собственными скудными средствами начала свое литературное возрожденіе, а теперь искала опоры въ на-

шемъ малорусскомъ движеніи. При всѣхъ отличіяхъ, какія наложила исторія, при отличіи политическаго и общественнаго положенія, многіе интересы были тожественны: народъ галицко-русскій и малорусскій—оттѣнки одного и того же племени; были общія историческія воспоминанія (послѣ исторіи древней, общее книжное и школьное дѣло въ XVI—XVII столѣтіи; войны Хмельницкаго захватывали Галичину, и т. д.); возникала общая мысль о литературѣ для народа на его языкѣ. Давній споръ, какой велся у галичанъ о литературномъ языкѣ (замѣтимъ, что такіе споры велись во всѣхъ новыхъ славянскихъ литературахъ со времени ихъ новѣйшаго возрожденія), теперь обострился подъ вліяніемъ отраженій нашего малорусскаго движенія; два направленія,—изъ которыхъ каждое и до сихъ поръ не выработало окончательно системы своихъ взглядовъ,—спорили между собою съ той нетерпимостью, которая въ особенности сопровождаетъ новыя идеи и стремленія. Украинофильство не осталось чуждо галицко-русскимъ интересамъ,—и къ домашнимъ обвиненіямъ противъ него (см. выше) прибавилось то, что̀ наша консервативная печать извлекала изъ галицко-русской литературы. Въ послѣдней бывали увлеченія и преувеличенія, — точно также, какъ бывали онѣ въ украинофильствѣ и въ самомъ нашемъ народничествѣ; — но остается то основное движеніе на пользу своего народа, которое мы раньше указывали.

„Въ этихъ условіяхъ галицко-русская литература за послѣдніе годы произвела не мало трудовъ, заслуживающихъ полнаго уваженія, въ двухъ отрасляхъ—въ образовательныхъ книгахъ для народа, и въ изученіи старины и народности.

„Эта, еще скромная по размѣрамъ, литература бли́зка намъ по разнымъ отношеніямъ: отчасти въ ней дѣйствовали, въ той или другой степени, русскіе (малорусскіе) дѣятели; затѣмъ ея труды, историческіе, этнографическіе и археологическіе, имѣютъ тѣснѣйшую связь съ исторіей, этнографіей и археологіей нашей южной Руси. Поэтому лица, близко къ сердцу принимавшія дѣло кіевскаго археологическаго съѣзда, съ большимъ сожалѣніемъ отнеслись къ отсутствію на съѣздѣ рефератовъ галицко-русскихъ ученыхъ, какъ видно изъ заключительной рѣчи гр. П. С. Уваровой.

„Повторяю, донынѣ остается неизвѣстенъ въ оффиціальномъ изложеніи ходъ дѣла въ предварительномъ комитетѣ; но пока можно думать, что еслибы въ комитетѣ не произошло разногласія и не было заявлено несогласія на чтеніе галицко-русскихъ рефератовъ, то и рѣшеніе высшей власти было бы утвердительное, т.-е. рефераты могли бы состояться.

„На филологическихъ взглядахъ г. Флоринскаго останавливаться не

буду, потому что уже упоминалъ объ этомъ прежде; но для сужденій о литературѣ (въ данномъ случаѣ малорусской и, параллельной съ нею, галицко-русской) кромѣ языка важно отдать себѣ отчетъ въ ея содержаніи, въ ея народно-историческихъ и нравственныхъ мотивахъ. Неужели все это движеніе, имѣющее уже свою исторію, происходитъ изъ одного легкомыслія?

„Нѣкогда, наши первые слависты, приступая къ изученію „славянскихъ нарѣчій“, тогда новому и очень сложному, прилагали великій трудъ къ тому, чтобы узнать не только грамматику нарѣчія, но сколько возможно изучить прошедшую исторію племени, присмотрѣться къ его настоящему положенію, увидѣть бытъ и нравы, услышать пѣсни и преданія народной массы, наконецъ—познакомиться лично съ дѣятелями его литературы, даже самыми скромными, именно для того, чтобы составить себѣ понятіе о существѣ „народности“, о духовныхъ нравственныхъ основаніяхъ и стремленіяхъ народной жизни, искавшихъ себѣ выраженія въ литературѣ,—хотя бы это была литература мелкихъ нарѣчій. Эти первые изслѣдователи стали восторженными проповѣдниками народности, именно ея нравственнаго права и идеала; время охладило энтузіазмъ,—но нѣтъ сомнѣнія, что это прежнее одушевленіе, истинное по своему существу, принесло свой историческій плодъ, потому что отъ него въ очень значительной степени произошелъ позднѣйшій интересъ къ славянскому міру и развитіе его научныхъ изслѣдованій въ нашей литературѣ. Это одушевленіе, какъ я замѣтилъ, было истинное по существу, потому что основа была человѣчная и народолюбивая.

„Теперь — мы читаемъ нѣчто удивительное. Г. Флоринскій заявляетъ, что, проживъ восемнадцать лѣтъ въ Кіевѣ, совсѣмъ не интересовался знать дѣятелей нашей малорусской литературы, — непосредственно близкой съ галицко-русскою, которую такъ строго судитъ. О вкусахъ не спорятъ, но мнѣ кажется, что это обстоятельство заключаетъ въ себѣ и научную ошибку: изслѣдователь не хотѣлъ видѣть живыхъ фактовъ, вникнуть въ нравственные мотивы литературы, въ отголоски историческаго и народнаго чувства,—безъ этого и нельзя ожидать сужденій научно безпристрастныхъ и не одностороннихъ.—Надо думать, что здѣсь и отразилось то, что̀ говорилось о мѣстныхъ дрязгахъ.

„Эти строки были написаны, когда я увидѣлъ книжку г. Флоринскаго: „Нѣсколько словъ о малорусскомъ языкѣ (нарѣчіи) и новѣйшихъ попыткахъ усвоить ему роль органа науки и высшей образованности“ (Кіевъ, 1899). Здѣсь, между прочимъ, приведены авторомъ объясненія, находящіяся частію въ помѣщенномъ выше письмѣ, относительно „эпизода“ на кіевскомъ съѣздѣ (этому посвящена особая

глава: „Попытка пропаганды научнаго „украинськаго руськаго" языка на XI археологическомъ съѣздѣ"); повторены выраженія о „клеветѣ"; въ разборѣ вопроса о малорусскомъ литературномъ языкѣ авторъ проявляетъ нетерпимость, не подобающую человѣку науки. Въ „Вѣстникѣ Европы", который „считается" солиднымъ, являются, по мнѣнію автора, люди, „кичащіеся своимъ либерализмомъ": это—вопросъ Редакціи, хотя, сколько я видѣлъ и вижу, журналъ вовсе не страдаетъ самомнѣніемъ, а „либерализмъ" вообще не въ такомъ положеніи, чтобы предаваться „киченію". По поводу моей замѣтки, вызвавшей вышеприведенное письмо, прибавлено еще нѣсколько неумѣстно грубыхъ выраженій, но къ нимъ я возвращаться не буду. Довольно"...

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

V-te E. M. de Vogüé, Le Rappel des Ombres. Paris, 1900. Стр. 277.

Новая книга виконта де-Вогюэ написана въ корректномъ, полу-ироническомъ, полу-грустномъ тонѣ. Во всемъ, что̀ пишетъ о современности де-Вогюэ, все болѣе чувствуется его разо̀чарованіе своимъ временемъ, стремленіе отдѣлить себя и свои вкусы отъ общихъ интересовъ общества. Эта разочарованность, выраженная очень академично, безъ всякаго рѣзкаго протеста, лишь съ изящной скептической улыбкой, чувствовалась уже въ цѣломъ рядѣ сборниковъ историческихъ и критическихъ этюдовъ Вогюэ, посвященныхъ явленіямъ текущей жизни и недавняго прошлаго. Въ „Devant le Siècle“, „Heures d'histoire“, „Regards historiques et littéraires“ замѣтна усталость; писатель не надѣется больше повліять на своихъ современниковъ и повести ихъ по тому пути, который считаетъ правильнымъ. Ему остается только отмѣчать свое недовольство и находить грустное утѣшеніе въ сознаніи одинокости, т.-е. безцѣльности своихъ желаній. Какая разница между этимъ настроеніемъ послѣднихъ книжекъ академика Вогюэ—съ его бодро и убѣжденно написанной книгой о русскомъ романѣ!

„Le Rappel des Ombres“—также пессимистическая книга. Всѣ сюжеты отдѣльныхъ очерковъ относятся къ прошлому, нѣкоторые даже къ далекому прошлому, но сквозь всѣ эти „тѣни“ Вогюэ видитъ настоящее, проводитъ нити отъ случайно возникающихъ передъ нимъ видѣній прошлаго къ современности, которая въ его глазахъ какъ бы живетъ только тѣмъ, что нарушаетъ все прекрасное и свободное, завѣщанное людьми и дѣяніями минувшихъ эпохъ. Наиболѣе полно выразилось это настроеніе въ первомъ очеркѣ книги подъ заглавіемъ „Флорентійскіе уроки“. Очеркъ этотъ характеренъ для публицистической манеры Вогюэ. Онъ умѣетъ связать самые, казалось бы, отдаленные предметы съ вопросами, безпокоящими его умъ. Казалось бы, какое соотношеніе можно найти между знаменитой флорентійской библіотекой Медичисовъ—и духомъ демократизма, воцарившимся въ общественной жизни теперешней Франціи? А между тѣмъ Вогюэ, котораго больше безпокоитъ французскій демократизмъ, чѣмъ радуютъ

художественныя сокровища Флоренціи, очень искусно находитъ соединительную нить, и пользуется своими по истинѣ замѣчательными художественными средствами изложенія, чтобы покорить читателя; его пессимистическія размышленія уже кажутся совершенно естественно вытекающими изъ сюжета. Вогюэ разсказываетъ о томъ, какъ библіотекарь — счастливецъ, живущій среди красотъ природы и прекраснѣйшихъ созданій человѣческаго ума и рукъ, — показалъ ему рукопись стиховъ Микель Анджело и альбомы анатомическихъ рисунковъ Леонардо да-Винчи. Видъ этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ прошлаго лишь очень не надолго останавливаетъ мысль Вогюэ на томъ времени, къ которому они относятся. Онъ только вспоминаетъ, что Микель Анжело,—„человѣкъ съ четырьмя душами", по словамъ одного біографа,—былъ великимъ поэтомъ, и что Леонардо да-Винчи искалъ тайнъ архитектурнаго искусства въ строеніи человѣческаго тѣла. Упомянувъ объ этомъ, Вогюэ сразу,—sans crier gare,—возвращается къ современной дѣйствительности и задается вопросомъ: что̀ сказала бы публика—и издатели—нашего времени, если бы престарѣлый, шестидесятилѣтній скульпторъ вздумалъ вдругъ издать томъ стиховъ, или знаменитый живописецъ писать ученые трактаты о фортификаціи въ военномъ журналѣ? Вогюэ убѣжденъ, что̀ это вызвало бы общее смятеніе; ему кажется даже, что великій скульпторъ не нашелъ бы издателя для своихъ стиховъ. Вогюэ говоритъ объ этомъ съ горечью и осужденіемъ, къ чему, однако, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Наше время какъ и всякое другое, представляетъ достаточно поводовъ къ негодованію, но предлогъ, по которому Вогюэ изливаетъ накопившееся въ немъ неудовольствіе, слишкомъ искусственный и несправедливый. Очевидно, что если бы въ наше время жилъ человѣкъ „съ четырьмя душами", то онъ имѣлъ бы, по меньшей мѣрѣ, столько же цѣнителей своихъ разнообразныхъ талантовъ, сколько и Микель Анжело у своихъ современниковъ. Если же бы мы были современниками Леонардо да-Винчи, то его геніальнымъ анатомическимъ рисункамъ не пришлось бы ждать цѣлые вѣка въ библіотечныхъ архивахъ, прежде чѣмъ быть изданными съ подобающей для столь великихъ произведеній тщательностью. Ставя какъ бы въ упрекъ нашему времени анатомическіе альбомы Леонардо, Вогюэ забываетъ, что изданіе ихъ осуществлено какъ разъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ ту самую эпоху, которую онъ не любитъ за ея кажущійся матеріализмъ.

Но примѣры Микель Анжело и Леонардо понадобились Вогюэ безотносительно къ тому, чѣмъ бы судьба ихъ была въ наше время. Въ разнообразіи геніальныхъ свойствъ каждаго изъ нихъ онъ нашелъ случай обличить одну изъ слабыхъ сторонъ современности—стремле-

ніе къ спеціализаціи. „Мы согласны, — говоритъ онъ,—восхвалять мастеровъ „Возрожденія" за гармоничное пользованіе различными свойствами своего таланта, но горе тому, кто рѣшился бы идти по ихъ слѣдамъ. Не написанный, но установившійся въ нравахъ законъ рѣшилъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право лишь на одинъ патентъ, разрѣшающій ему одного только рода производство. Все, что онъ дѣлаетъ внѣ оффиціально признаннаго за нимъ ремесла, считается любительской работой. Наши нравы допускаютъ нѣкоторую универсальность сужденій въ журналистѣ или критикѣ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы и они не создавали ничего своего въ тѣхъ различныхъ областяхъ, о которыхъ имъ позволено судить".

Въ этихъ нападкахъ на спеціализацію Вогюэ—правъ по существу, но совершенно несправедливо примѣняетъ ихъ къ области литературы. Въ самомъ дѣлѣ, спеціализація и раздробленность труда въ фабричномъ производствѣ пагубно вліяютъ на самые результаты труда и на производителей, обращаемыхъ въ инертныя машины. Это зло уже всѣми сознается, и противъ него борется вся новѣйшая индустрія; она вноситъ художественныя цѣли въ изготовленіе всевозможныхъ предметовъ, и требуетъ поэтому отъ рабочихъ иниціативы и цѣльности замысла, невозможной при фабричной спеціализаціи. Но въ области интеллигентнаго труда духъ спеціализаціи именно въ наше время все болѣе и болѣе побѣждается общимъ стремленіемъ къ синтезу, къ выводамъ, къ обобщеніямъ, къ тому, чтобы въ каждомъ произведеніи, хотя бы даже въ лирическомъ стихотвореніи или въ картинѣ, отражались всѣ пріобрѣтенія пытливой человѣческой мысли за долгіе вѣка культуры. Въ наше время никто не имѣетъ права, творя изъ себя, забывать все, что создано было другими во всѣхъ областяхъ творчества. Лирикъ долженъ быть философомъ; живописецъ — стоять на высотѣ всѣхъ изобрѣтеній положительной науки; критику—мы видѣли это на примѣрѣ Тэна—необходимо знать все, что доступно человѣческому разуму, для того, чтобы выводимые имъ законы признавались обязательными. Вѣкъ нѣмецкихъ ученыхъ, проводившихъ всю жизнь за какимъ-нибудь узкимъ изслѣдованіемъ, не справляясь о духѣ своего времени и всѣхъ временъ, давно прошелъ; напрасно утверждаетъ Вогюэ, что общій законъ спеціализаціи тяжело гнететъ художниковъ, писателей и ученыхъ. Напрасно завидовать людямъ „Возрожденія", которые жили въ условіяхъ, способствующихъ свободному развитію всѣхъ сторонъ ихъ личности. Еще болѣе широкое поле развитія открыто для людей нашего времени, и только потому труднѣе теперь, чѣмъ тогда, проявить широту силъ и міросозерцанія, что съ тѣхъ поръ накопилось нѣсколько столѣтій культуры, и ихъ нужно

претворить въ себѣ, чтобы быть на высотѣ современности. Но эту трудность менѣе всего слѣдуетъ ставить на счетъ духу спеціализаціи.

Впрочемъ, и спеціализація понимается Вогюэ по особому. Онъ говоритъ о ней главнымъ образомъ для того, чтобы подойти къ другому, наиболѣе волнующему или, вѣрнѣе, раздражающему его вопросу—къ господствующему во Франціи духу партійности. Тутъ Вогюэ совершенно правъ. Современная Франція гордится тѣмъ, что она живетъ подъ знаменемъ свободомыслія. Но это свободомысліе, обозначающее, въ большинствѣ случаевъ, злобное возмущеніе противъ всякаго авторитета и всякой традиціи, въ свою очередь движется въ глухихъ рамкахъ партійности. Свободной и независимой мысли все-таки нѣтъ: существуютъ только враждующія партіи, и каждый, примыкающій къ той или другой, беретъ на себя всѣ ея симпатіи и антипатіи, и можетъ дѣйствовать только въ духѣ всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Это—рабство, которое дѣлаетъ тираннію демократіи столь же пагубной, какъ и деспотизмъ; абсолютный режимъ соединяется, какъ поясняетъ Вогюэ, съ чрезвычайно зловреднымъ забвеніемъ всякихъ традицій. Такимъ образомъ создается атмосфера наименѣе благопріятная для свободнаго проявленія всѣхъ силъ человѣческаго духа. Данте и Микель Анжело лишь потому были такъ велики. что они тѣсно связаны съ традиціями христіанской культуры своего времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже именно поэтому, они обнаруживали величайшую смѣлость въ нападкахъ на все, что временно пользовалось властью вокругъ нихъ. Вогюэ думаетъ, что въ наше время немыслимы тѣ нападки, которыя позволялъ себѣ Данте на свѣтскую и духовную власть въ двадцатой пѣснѣ „Рая" и въ другихъ мѣстахъ своей поэмы. Свободомысліе современной Франціи сводится къ рабству политическихъ партій, а свободная мысль людей „Возрожденія" основана была на вѣрности традиціямъ и на независимости ума. Въ этомъ контрастѣ двухъ эпохъ Вогюэ видитъ осужденіе своему времени—и въ этомъ онъ, быть можетъ, правъ.

Другой интересный очеркъ въ книгѣ Вогюэ относится къ празднованію столѣтія со дня смерти Торквато Тассо. Литературное событіе служитъ для Вогюэ предлогомъ для общественно-психологическихъ выводовъ. Въ его словахъ звучитъ опять недовольство противъ самоувѣренности позитивнаго духа времени, который рѣшаетъ всѣ осложненія человѣческой души слишкомъ рѣзко и категорично, не понимая оттѣнковъ, не укладывающихся ни въ какія опредѣленія. Поводомъ для обличенія узкости позитивныхъ сужденій является у Вогюэ теорія новѣйшихъ изслѣдователей Тассо о безуміи великаго поэта. Литература, вызванная юбилеемъ, особенно рѣзко подчеркиваетъ высказываемое и раньше предположеніе о томъ, что всѣ не-

счастія Тассо, его трагическая любовь, преслѣдованія—плодъ разстроеннаго воображенія. Съ наибольшей ясностью и твердостью высказалъ это Солерти, авторъ капитальнаго труда о Тассо, и то же самое утверждается во всѣхъ многочисленныхъ біографіяхъ и критическихъ очеркахъ, опубликованныхъ къ юбилею горячими поклонниками поэта. Тассо, по ихъ изысканіямъ, подверженъ былъ съ юности ужасамъ религіознаго помѣшательства. Еще большее потрясеніе испыталъ его больной умъ въ Парижѣ, при видѣ бойцовъ, убивающихъ другъ друга для того, чтобы доказать другъ другу свое исключительное обладаніе истинной вѣрой. Болѣзнь поэта все усиливалась подъ вліяніемъ нервныхъ переживаній, свойственныхъ писателю: переутомленія фантазіи, сомнѣній въ своихъ трудахъ, опасеній объ ихъ судьбѣ, болѣзненной гордости, черной меланхоліи мыслителя, оскорбленнаго жизнью, такъ мало соотвѣтствующей его мечтамъ.

Вогюэ не споритъ противъ научныхъ доказательствъ болѣзни поэта. Напротивъ того, разсматривая различные портреты и бюсты, воспроизведенные въ трудѣ Солерти, онъ видитъ въ глазахъ Тассо и въ чертахъ его лица „ужасъ кошмара“. Посылки и выводы науки—вѣрны, сознается онъ съ грустью, и разсказываетъ, какъ, празднуя юбилей поэта, наука порвала на клочки легенду, создавшуюся вокругъ имени Тассо. Исторія его любви—химера. Оказывается, что Тассо едва ли даже обращалъ вниманіе на Элеонору, больную старую дѣву. Онъ скорѣе ухаживалъ за Лукреціей д'Эсте, и то больше для того, чтобы снискать ея покровительство. Преслѣдованія, отъ которыхъ онъ страдалъ—бредъ больной души, муки, исходящія изъ него самого, а не отъ злой воли другихъ. Инквизиція его не трогала; напротивъ того, онъ самъ постоянно обращался къ инквизиціонному суду, мучимый маніей преслѣдованія. Письма феррарскаго инквизитора, найденныя и опубликованныя Солерти, не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Ничего, такимъ образомъ, не осталось отъ легенды. Наука овладѣла великимъ поэтомъ и, отнявъ у него все, какъ это дѣлаетъ смерть, возвращаетъ его намъ обнаженнымъ, холоднымъ, какъ трупъ въ усыпальницѣ поэта въ Сантъ-Онуфріо,—и несомнѣнно безумнымъ.

Но что̀ изъ этого слѣдуетъ?—спрашиваетъ Вогюэ,—съ тѣмъ, чтобы разрушить всѣ доказательства, которыми гордится наука. Назвавъ поэта безумцемъ, и показавъ, насколько его внутренній міръ различенъ отъ нормальныхъ переживаній людей, наука ничего не объясняетъ: все, что̀ установила теперь историческая критика въ совокупности съ физіологическими изслѣдованіями, ничего не прибавило къ мнѣнію Монтэня о Тассо. Больной поэтъ въ Феррарѣ наводитъ Монтэня на мысль о непонятномъ и таинственномъ сосѣдствѣ безумія съ высочайшими полетами свободной человѣческой мысли. Доказавъ

теперь уже не проблематически, а совершенно точно, что Тассо былъ безумцемъ, наука ничего не сдѣлала, чтобы объяснить, какъ и почему сочетались въ немъ геній и безуміе, и какимъ образомъ то, что̀ исключаетъ обыкновеннаго человѣка изъ числа живыхъ людей, не помѣшало Тассо стать однимъ изъ свѣточей искусства.

Наука, доказывающая безуміе Тассо, и не опровергающая тѣмъ самымъ его художественнаго значенія, не дѣлаетъ никакихъ выводовъ. Вогюэ же—въ своемъ стремленіи обнаружить недостаточность науки—дѣлаетъ выводъ. Онъ говоритъ, что нужно расширить значеніе слова „безуміе", и перестать видѣть въ немъ осужденіе. Нужно такъ сдѣлать потому, что слово это примѣнимо ко многимъ именамъ, пользующимся великимъ почетомъ у людей. Быть можетъ,—говоритъ Вогюэ,—слѣдуетъ замѣнить слово „безумецъ" словомъ „человѣкъ". Ему кажется, что, говоря о безуміи Тассо, наука менѣе вѣрно опредѣлила душевный міръ поэта, чѣмъ это сдѣлалъ одинъ изъ друзей Тассо, написавшій слѣдующую фразу въ письмѣ къ нему: „Вы несчастны, синьоръ Тассо, потому что вы—человѣкъ. Вы даже болѣе несчастны, чѣмъ другіе люди, я съ этимъ согласенъ; но это происходитъ оттого, что вы болѣе человѣкъ, чѣмъ другіе". Причиной мукъ Тассо было не различіе его физіологическихъ свойствъ отъ другихъ людей, а то, что въ немъ болѣзненнѣе проявились всѣ роковые контрасты человѣческой души. Признавъ это, можно гораздо ближе подойти къ пониманію поэта и отнести его—какъ это дѣлаетъ Кардуччи—къ болѣзненнымъ душамъ всѣхъ чуткихъ художниковъ и поэтовъ переходныхъ эпохъ. Кардуччи относитъ его къ одной семьѣ съ Шатобріаномъ, Байрономъ и Леопарди. „Онъ—жертва своего внутренняго раздвоенія, своего колебанія между сенсуализмомъ и идеализмомъ, между мистицизмомъ и искусствомъ. Съ душой средневѣковаго рыцаря, съ наслѣдіемъ Данте, съ мыслями схоластика XIII вѣка, онъ осужденъ жить среди полнаго расцвѣта „Возрожденія", между Аріосто и Макіавелли, между Рабле́ и Сервантесомъ. Эта раздвоенность и этотъ контрастъ между дѣйствительностью и потребностями души такъ глубоко мучили его, что сдѣлали его безумцемъ". Тассо стремится воскресить вѣкъ рыцарства въ своемъ „Іерусалимѣ", и вмѣстѣ съ тѣмъ въ его „Аминтѣ" чувствуется дыханіе великаго бога Пана, призывъ къ новому богу, къ будущей философіи, къ стихійнымъ силамъ природы. Онъ одновременно и позади, и впереди своего вѣка—и въ этомъ величайшая мука, величайшій надрывъ силъ.

Такова психологическая основа творчества Тассо и то, что̀ дѣлаетъ его обаятельнымъ,—чего, однако, не можетъ объяснить наука, обвиняющая его въ безуміи и подводящая его болѣзнь къ извѣстному клиническому типу. Вогюэ справедливо, поэтому, указываетъ на бездоказатель-

ность такого рода классификаціи, когда дѣло идетъ о сложныхъ психологическихъ и литературныхъ явленіяхъ. То, что̀ такъ ярко видно на примѣрѣ безумнаго, но геніальнаго поэта Тассо, повторяется во множествѣ другихъ случаевъ. Часто научнымъ терминомъ стараются отдѣлаться отъ сложности и непонятности явленія, достигая этимъ только оптическаго обмана.

Рядомъ съ этими двумя наиболѣе интересными очерками въ книгѣ Вогюэ есть нѣсколько другихъ, въ которыхъ—тоже по поводу различныхъ случайныхъ воспоминаній о людяхъ историческаго и литературнаго прошлаго,—Вогюэ высказываетъ интересныя сужденія о настоящемъ. Отмѣтимъ статьи по поводу пятидесятилѣтія со дня смерти Шатобріана, очеркъ о проектируемомъ памятникѣ Альфреду де-Виньи, любопытныя страницы о пресловутомъ докторѣ Корнеліусѣ Герцѣ и нѣкоторыя другія.

II.

Adolphe Brisson, Paris Intime. Стр. 329. Paris, 1899.

Адольфъ Бриссонъ, авторъ живыхъ очерковъ о писателяхъ и разнообразныхъ дѣятеляхъ, даетъ въ своей послѣдней книгѣ „Paris Intime“ рядъ любопытныхъ и легко написанныхъ картинокъ, рисующихъ внутреннюю жизнь Парижа. Въ прежнихъ книгахъ онъ передавалъ живую физіономію людей, мысли которыхъ опредѣляютъ духовное содержаніе современной жизни, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Франціи. Въ послѣднемъ томикѣ онъ воспроизводитъ рамки, среди которыхъ эта жизнь протекаетъ; по поводу отдѣльныхъ изданій онъ вспоминаетъ о связанныхъ съ ними событіяхъ, и сообщаетъ любопытныя данныя о закулисной сторонѣ разныхъ коллективныхъ учрежденій, прессы, министерства, академіи, университета и т. д. Пестрая парижская жизнь съ ея суетой, съ ея любопытными уголками и созданными ею типами, проходитъ передъ читателями въ рядѣ моментальныхъ снимковъ съ натуры, передающихъ и живость самаго явленія, и впечатлѣніе, которое остается у безпристрастнаго, снисходительнаго и наблюдательнаго созерцателя. Прежде такія картинки нравовъ входили большею частью въ романы, составляя реальный фонъ для сочиненной—психологической или драматической—фабулы. Знаменитое описаніе сельско-хозяйственнаго конкурса въ „Мадамъ Бовари“ Флобера было прямымъ перенесеніемъ живой дѣйствительности въ область беллетристики, а съ тѣхъ поръ Зола̀, Доде́, Бурже́ и другіе описывали безчисленное множество разъ всѣ зрѣлища и происшествія парижской жизни, также какъ и разнообразныя учрежденія, даже зданія, въ ко-

торыхъ движется, волнуется, страдаетъ и радуется современный Парижъ. Но въ послѣднее время литература утратила спокойствіе, нужное для бытописанія. Романистамъ некогда. Они стараются не слишкомъ обременять вниманіе читателя извѣстными ему подробностями, а спѣшатъ лишь ознакомить его со своими выводами, съ тѣмъ, что̀ они хотятъ сказать и чему научить, опираясь на факты дѣйствительности. Описательная сторона все болѣе съуживается въ художественныхъ произведеніяхъ, благодаря наступившей общей торопливости. Публика не любитъ длинныхъ книгъ, и писатели ограничиваются поэтому лишь тѣмъ, что̀ необходимо для выясненія ихъ замысла. Эпическая пространность романовъ Бальзака не тяготила читателей его времени, и онъ могъ съ исчерпывающей полнотой изображать современную ему жизнь. Въ настоящее время, когда, по общимъ увѣреніямъ, газета вытѣсняетъ книгу, писатели должны сообразоваться съ нетерпѣливостью и недостаткомъ досуга у средней читающей массы. Такіе пространные романы, какъ „Плодородіе“, Зола́, составляютъ большое исключеніе. Сокращеніе размѣровъ художественныхъ произведеній привело къ ограниченію бытописательной стороны. Поэтому открылось мѣсто для новаго вида литературы, для описаній дѣйствительности, выдѣленныхъ въ особенные полуисторическіе, полупсихологическіе очерки. Изъ нихъ составляется хроника лучшихъ французскихъ газетъ, онѣ же составляютъ содержаніе такихъ книгъ, какъ „Paris Intime“ Бриссона. Гонкуры, Арсэнъ Гуссэ также писали хронику Парижа, но стараго Парижа, изученнаго по документамъ, и книги ихъ имѣютъ значеніе историческихъ источниковъ. Теперь это дѣлается гораздо проще,—историческіе очерки пишутся о томъ, что̀ происходитъ на глазахъ. Для будущихъ историковъ это—интересные документы; для современниковъ—повѣствованіе о томъ, что̀ вокругъ нихъ происходитъ, особенно интересно. Они какъ бы чувствуютъ, что, веселясь и суетясь по-своему, они дѣлаютъ исторію. Читая хроникёровъ вродѣ Адольфа Бриссона, современный парижанинъ можетъ вообразить себя историческимъ лицомъ, жизнь котораго подлежитъ серьезному и тщательному изслѣдованію, даже въ мелочахъ будничнаго быта. Видѣть себя въ центрѣ историческаго описанія еще при жизни, не сдѣлавъ для этого ничего, выдѣляющаго отдѣльную личность отъ толпы — этой честью не пользовались люди прежнихъ временъ. Нужно было, чтобы измѣнилась психологія времени, чтобы и въ литературу проникъ духъ дифференціаціи, чтобы бытописательная хроника отдѣлилась отъ романа, для того чтобы суетная парижская дама или самодовольный буржуа могли читать историческія книги—о себѣ.

Въ книгѣ Бриссона, однако, болѣе интересно то, что̀ относится къ старому Парижу. Посѣщая любопытные уголки Парижа, онъ взби-

рается на колокольню парижскаго собора Богоматери, проникаетъ туда, куда не пускаютъ обыкновенныхъ посѣтителей, разсматриваетъ любопытныя каменныя изображенія разныхъ звѣрей, которыми украшены многочисленные выступы крышъ и башенъ стариннаго собора. Весь реализмъ среднихъ вѣковъ сказался въ этихъ подобіяхъ звѣрей, являющихся аллегоріями различныхъ человѣческихъ пороковъ. Въ этихъ изображеніяхъ, неумѣстныхъ, казалось бы, въ храмѣ, карались враги церкви, высмѣивались язычники и еретики. На самомъ дѣлѣ, это было предлогомъ для того, чтобы дать волю фантазіи художниковъ, стѣсненныхъ при созиданіи храмовъ строгимъ уставомъ церкви. Въ горгонахъ, т.-е. фантастическихъ драконахъ и звѣряхъ, украшающихъ выступы. скульпторъ могъ свободно слѣдовать только внушеніямъ своей фантазіи. Сколько юмора и жизнерадостности поэтому во всѣхъ этихъ хитрыхъ, коварныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодушныхъ головахъ полудраконовъ, полулюдей, волковъ, грызущихъ кости съ набожно обращеннымъ вверхъ взоромъ, козловъ, выгибающихся книзу въ позѣ проповѣдниковъ, убѣждающихъ толпу, въ этихъ благодушно улыбающихся слонахъ, хитрыхъ, извивающихся драконахъ, демонахъ, съ торжествомъ глядящихъ вдаль на покоренное ими человѣчество, и т. д. Вся современная политическая каррикатура, все, что создали во Франціи Домьé и Гаварни, блѣднѣетъ передъ обличительной силой этихъ наивныхъ художниковъ, пользовавшихся къ тому же столь неудобнымъ матеріаломъ, какъ камень. Бриссонъ знакомится съ оригиналомъ, обитающимъ въ башнѣ собора, со старымъ звонаремъ Гербертомъ, который еще привѣтствовалъ густымъ звономъ старинныхъ колоколовъ прибытіе въ Парижъ въ 1840 году праха Наполеона. Онъ же оглашалъ Парижъ колокольнымъ звономъ въ день свадьбы Наполеона III и въ день рожденія принца-наслѣдника. Съ тѣхъ поръ и другія историческія событія свершились при участіи стараго звонаря: похороны Карно, національные похороны Пастёра. А въ то время, когда Бриссонъ поднялся на колокольню къ старому Герберту, онъ и его восемь дюжихъ помощниковъ готовились къ новой печальной церемоніи—къ встрѣчѣ звономъ во всѣ колокола праха Феликса Фора. Другой старинный памятникъ въ Парижѣ, заинтересовавшій любознательнаго хроникёра—Пале-Рояль, нынѣ опустѣлый, но бывшій когда-то центромъ Парижа. Бриссонъ цитируетъ интересную старую книжку, описывающую жизнь въ саду Пале-Рояля во времена первой республики, со словъ молодого и богатаго провинціала, пріѣхавшаго въ Парижъ, чтобы набраться опыта и знанія, и ослѣпленнаго блескомъ и роскошью того, что онъ видѣлъ. Онъ становится жертвой всякаго рода эксплуататоровъ, попадаетъ въ игорный домъ, запутывается въ интриги и переживаетъ въ нѣсколько дней то, чего ему не дала жизнь

въ провинціи за всю предыдущую жизнь. Всѣ упреки и обличенія порочному Парижу юнаго провинціала могли бы, конечно, быть повторенными и въ назиданіе теперешнему Парижу, хотя самое мѣсто, гдѣ Каде́ Бюте́ умудрился знаніемъ парижской жизни, совершенно измѣнилось, и Пале-Ройяль превратился въ пустыню.

Рисуя картинки современной дѣйствительности, Бриссонъ довольно зло говоритъ о свѣтской благотворительности, о базарахъ, о дамахъ, устроивающихъ ихъ, и гораздо болѣе озабоченныхъ заказомъ новыхъ туалетовъ, чѣмъ самой цѣлью базаровъ. Закулисная сторона благотворительныхъ празднествъ рисуется въ довольно мрачномъ видѣ въ очеркѣ подъ заглавіемъ: „Les Innondés“. Оказывается, что устройство колоссальныхъ празднествъ, съ цѣлью помочь жертвамъ наводненія въ Каркассонѣ, было идеей одного редактора газеты, озабоченнаго недостаточнымъ тиражемъ его изданія. Конечно, Бриссонъ не говоритъ о какомъ-нибудь опредѣленномъ случаѣ, и наводненіе въ Каркассонѣ представлено какъ типичное явленіе парижской жизни, гдѣ закулисная сторона благотворительныхъ предпріятій сводится къ преслѣдованію личныхъ практическихъ цѣлей. Газета, которой грозитъ упадокъ, обращается „къ читательницамъ“ съ воззваніемъ къ ихъ милосердію и съ просьбой о помощи несчастнымъ братіямъ. Начинаютъ печататься списки жертвователей, и Бриссонъ приводитъ характерныя для подобнаго рода подписокъ выдержки. „Патріотъ“ посылаетъ пятьдесятъ сантимовъ для сохраненія Франціи будущихъ солдатъ; „анархистъ, во имя соціальной революціи и на посрамленіе буржуа“, посылаетъ пятнадцать сантимовъ; и затѣмъ, цѣлый рядъ сантиментальныхъ маменекъ посылаетъ съ длинными изліяніями о бѣдныхъ сиротахъ столь же краснорѣчивыя суммы. Затѣмъ начинается колоссальная организація празднества, съ участіемъ всѣхъ знаменитостей, съ устройствомъ постоянныхъ комитетовъ, члены котораго засѣдаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ въ лучшихъ ресторанахъ, и т. д. Въ концѣ оказывается, что празднества были блестящи, что собраны цѣлыя сотни тысячъ франковъ, но что все-таки „жертвы“ должны комитету полторы тысячи франковъ, такъ какъ расходы, въ число которыхъ входитъ почему-то гонораръ дантисту, двѣ тысячи франковъ на чулки кордебалету, сто тысячъ франковъ на устройство кавалькады и т. д., превысили вырученныя суммы. Дѣло кончается тѣмъ, что дефицитъ покрывается директоромъ газеты, затѣявшей все дѣло, и объ этомъ трезвонятъ въ прессѣ. Директоръ награжденъ орденомъ, тиражъ газеты повысился, а о жертвахъ наводненія давно всѣ забыли.

Рисуя парижскіе нравы, Бриссонъ разсказываетъ интересныя подробности о посѣтителяхъ національной библіотеки, о внутренней жизни министерства, о томъ, что̀ происходитъ на художественныхъ

выставкахъ до момента открытія ихъ для публики. Разсказывая о литературныхъ нравахъ, Бриссонъ передаетъ различные анекдоты о разныхъ парижскихъ знаменитостяхъ, и при этомъ, конечно, дѣло не обходится безъ разсказа о Сарсé, излюбленномъ героѣ парижскихъ сплетней всякаго рода. На этотъ разъ говорится о шуткѣ, которую сыгралъ надъ „дядей-Сарсé" извѣстный журналистъ Альфонсъ Аллé. Во времена существованія литературной таверны „Chat Noir", хозяинъ ея, Салисъ, и его товарищи печатали каждую недѣлю въ своемъ журналѣ фантастическую хронику, подписывая ее именемъ Сарсé, очень благодушно относившагося къ этой мистификаціи публики. Однажды въ таверну явился молодой человѣкъ и заявилъ, что ему нужно видѣть Франциска Сарсé, которому онъ хочетъ передать томикъ своихъ стиховъ. Тогда Альфонсъ Аллé, одинъ изъ завсегдатаевъ таверны, сталъ объяснять молодому человѣку, что Францискъ Сарсé живетъ въ домѣ, полномъ всякихъ потайныхъ входовъ и дверей, и допускаетъ къ себѣ только хорошенькихъ актрисъ и близкихъ друзей. Другихъ, вмѣсто него, принимаетъ его секретарь, выдающій себя за Сарсé. Аллé предупреждаетъ объ этомъ молодого поэта, совѣтуя ему не попасться на удочку и не принять фальшиваго Сарсé,-толстаго, краснощекаго и веселаго старика, за Сарсé настоящаго, который блѣденъ, тонокъ и курчавъ. Всѣмъ парижанамъ хорошо знакома добродушная толстая фигура Сарсé, но молодой провинціальный поэтъ этого не зналъ и, повѣривъ Аллé на слово, поблагодарилъ его и отправился въ домъ Сарсé. Критикъ встрѣтилъ его съ обычной ласковостью, но предупрежденный юноша сталъ ему сразу объяснять, что онъ знаетъ правду, и не хочетъ имѣть дѣла съ лже-Сарсé. Поэтъ высказалъ большую энергію, и критику съ трудомъ удалось понять, въ чемъ дѣло. Можно себѣ представить негодованіе поэта, который хотѣлъ непремѣнно пойти „свернуть шею" Аллé, но дѣло кончилось мирнымъ завтракомъ.

По живымъ очеркамъ Бриссона можно составить себѣ живое представленіе о Парижѣ, разсмотрѣнномъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Нѣтъ ничего серьезнаго и глубокаго въ этихъ моментальныхъ фотографіяхъ, но мелкія черты, подмѣченныя Бриссономъ, очень типичны и обнаруживаютъ наблюдательность, не лишенную сатирической ѣдкости.

III.

Arthur Dix, Der Egoismus. Leipzig, 1899. Стр. 401.

Въ послѣднее время приходится все чаще и чаще отмѣчать появленіе обобщающихъ трудовъ; писатели не ограничиваются изслѣдованіемъ какой-нибудь отдѣльной области знаній или чувствованій, а стремятся опредѣлить коренныя идеи, которыми сознательно или безсознательно питается современность. Къ такимъ попыткамъ обобщенія принадлежитъ и вышедшая минувшимъ лѣтомъ въ Германіи книга подъ заглавіемъ: „Эгоизмъ". Она состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ о роли эгоизма въ современномъ обществѣ. Книга издана Артуромъ Диксомъ, написавшимъ, кромѣ введенія и предисловія, двѣ статьи: „Объ эгоизмѣ соціальной группы" и „Объ эгоизмѣ въ экономическихъ вопросахъ". Другіе очерки принадлежатъ цѣлому ряду весьма извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей. Статья объ эгоизмѣ въ литературѣ написана Юліемъ Гартомъ; объ эгоизмѣ въ философіи — докторомъ Штейнеромъ; въ религіи — госпожей Лу-Андреасъ-Саломе; въ искусствѣ—докторомъ Яномъ и т. д. Имена отдѣльныхъ авторовъ статей вызываютъ интересъ къ книгѣ, а общая идея, которую каждый спеціалистъ счелъ возможнымъ прослѣдить въ кругѣ явленій, имъ изслѣдованныхъ, придаетъ всему сочиненію документальный характеръ. Это—какъ бы признаніе, что вся духовная жизнь современности, со всѣми ея общественными, научными, философскими и художественными интересами, идетъ на встрѣчу торжеству личности. Конечно, эгоизмъ —какъ издатель пространно излагаетъ это въ предисловіи и послѣсловіи,—не слѣдуетъ понимать въ грубомъ смыслѣ преслѣдованія узкихъ практическихъ выгодъ одного человѣка на счетъ другихъ. Эгоизмъ философскій, или эготизмъ, или, еще вѣрнѣе, индивидуализмъ, является мощнымъ рычагомъ культуры потому, что онъ ведетъ отъ первыхъ, грубыхъ формъ борьбы за существованіе къ своему высокому и благородному назначенію, т.-е. къ тому, чтобы дать полный просторъ развитію собственнаго духа, собственной личности, или идеи, отраженной въ собственной личности. Такого рода эгоизмъ ведетъ къ широкому духу общественности, и собственное „я", въ такомъ своемъ стремленіи проявиться и совершенствоваться, дѣлаетъ это путемъ все бо̀льшихъ объединеній, путемъ совершенствованія все болѣе крупныхъ единицъ, семьи, общества, націи, человѣчества. Издатель книги „Эгоизмъ", Диксъ, останавливается, главнымъ образомъ, на этой стадіи въ развитіи эгоизма—на процвѣтаніи общества и на-

ціи, обусловленныхъ развитіемъ личности. Статьи по общественнымъ вопросамъ въ книгѣ носятъ узко-національный и даже шовинистскій характеръ. На это указываетъ самое посвященіе книги: „Памяти Бисмарка; всѣмъ вѣрнымъ нѣмецкимъ слугамъ, всѣмъ сильнымъ, цѣльнымъ натурамъ (Vollnaturen), пробудителямъ нашего національнаго эгоизма— на память, и носителямъ нашего будущаго—для назиданія". Таковъ уже удѣлъ индивидуализма въ Германіи. Его непосредственный жизненный источникъ—политическое развитіе націи. Поэтому, за исключеніемъ лишь немногихъ свободомыслящихъ художниковъ и писателей, идеаломъ побѣды индивидуализма считается въ Германіи военная слава, а носителемъ этого идеала—Бисмаркъ.

Но, говоря объ интересѣ книги Дикса, мы говоримъ, конечно, не о прославленіи національныхъ идеаловъ, а объ очеркахъ, посвященныхъ отвлеченнымъ вопросамъ. Въ нихъ эгоизмъ понимается болѣе безкорыстно и возвышенно. Индивидуализмъ, какъ отвлеченный принципъ, занимаетъ составителей книги при изученіи результатовъ современной культуры. Дѣло идетъ при этомъ, конечно, не объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ въ различныхъ областяхъ мысли, а объ общихъ, преобладающихъ въ XIX вѣкѣ, теченіяхъ. Въ статьѣ: „Эгоизмъ въ литературѣ", Юліусъ Гартъ видитъ сущность всей литературной жизни нашего вѣка въ борьбѣ между романтизмомъ и реализмомъ. Романтизмъ опредѣляетъ собою литературу начала вѣка, и къ нему же сводятся начинанія поэтовъ и художниковъ конца вѣка. Утверждая это, Гартъ примыкаетъ къ довольно распространенному признанію современныхъ литературныхъ теченій—возрожденіемъ романтизма. Есть нѣкоторая близорукость въ этомъ опредѣленіи. Романтизмъ начала вѣка и нео-романтизмъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій—имѣютъ, конечно, много общаго, будучи протестомъ противъ ограниченности матеріалистическаго міросозерцанія во имя свободы стихійныхъ силъ въ человѣкѣ. Но Гартъ забываетъ путь, которымъ пришелъ къ этому освобожденію прежній романтизмъ и нынѣшній. Романтизмъ начала вѣка заключался только въ пренебреженіи ко всему добытому предшествующимъ вѣкомъ разума. Онъ не хотѣлъ мыслить, и потому, стремясь къ свободѣ, поставилъ чувство выше сознанія и познаванія. Современная же литература прошла черезъ долгій путь положительнаго познаванія. Между началомъ вѣка и его концомъ лежитъ знаменательный, длившійся очень долго періодъ позитивизма и реализма. Если въ послѣднее время литература опять приходитъ къ идеализму и къ освобожденію личности, то сущность новаго теченія—совершенно другая. Она основана на синтезѣ реализма и идеализма, а не на простомъ отрицаніи позитивизма. Этотъ синтетическій характеръ со-

временной литературы Гартъ не принимаетъ въ разсчетъ, отождествляя литературу начала и конца вѣка. Онъ называетъ романтизмомъ все, въ чемъ отражается освобожденная человѣческая личность, и утверждаетъ, что въ этомъ воцареніи „я“ въ литературѣ, въ признаніи права за личностью проявляться со всей полнотой и оставаться вѣрной только своимъ внутреннимъ потребностямъ, заключается духъ всей литературы XIX вѣка. Кромѣ того, онъ утверждаетъ, что источникомъ индивидуализма были нѣмецкіе писатели и поэты начала вѣка, и что, такимъ образомъ, вся современная литература—по ходячему въ Англіи выраженію—„made in Germany“. Тутъ есть, конечно, чисто фактическая ошибка, забвеніе роли французовъ, Руссо и Шатобріана, въ исторіи романтическаго и индивидуалистическаго движенія. Гартъ даетъ интересное объясненіе общаго хода литературной жизни вѣка. Онъ показываетъ, какъ XIX-ый вѣкъ, отклонившись отъ своего основного принципа, т.-е. романтизма, прошелъ черезъ долгую эпоху реализма, прежде чѣмъ вернуться къ первооснові. Романтизмъ, съ его отчужденностью отъ непосредственныхъ интересовъ жизни, создалъ аристократическое искусство для немногихъ, для избранныхъ, искусство для художниковъ. Въ противоположность ему, естественнымъ образомъ, должно было создаться искусство для многихъ, связанное съ положительными жизненными интересами. Такъ начался въ тридцатыхъ годахъ реализмъ съ его дальнѣйшимъ переходомъ въ натурализмъ. Создалась боевая тенденціозная литература въ Германіи, романы Гуцкова и другихъ, историческіе и археологическіе романы, англійскій соціальный романъ Теккерея и Джоржъ-Элліотъ, французская общественная драма Ожье и Дюма и весь новѣйшій натурализмъ. Одновременно съ развитіемъ реализма, романтизмъ, съ его провозглашеніемъ личности, продолжалъ жить въ отдѣльныхъ, мало замѣтныхъ среди господствующихъ теченій, уголкахъ литературы, сказывался въ культѣ искусства для искусства, и наконецъ, въ послѣднее время, снова окрѣпнулъ и выступилъ впередъ въ литературѣ. Но ни реализмъ массоваго искусства, ни аристократизмъ романтиковъ въ его различныхъ проявленіяхъ, не составляютъ, каждый въ отдѣльности, идеала новой литературы; вся исторія литературы нашего вѣка заключается въ тревожномъ блужданіи между этими двумя противоположными стилями и пониманіями. Отсюда растерянность, наложившая отпечатокъ на все литературное творчество. Гартъ полагаетъ, что только тогда завершится миссія XIX-го вѣка въ литературѣ, когда романтизмъ и реализмъ сольются въ одно цѣлостное теченіе, въ которомъ человѣческая личность уяснитъ свое отношеніе къ внѣшнему міру, и ни одна изъ двухъ сторонъ, ни созерцатель, ни объектъ его

созерцанія, не будутъ приноситься въ жертву одинъ другому. Гартъ полагаетъ при этомъ, что сліяніе еще далеко не наступило, и что мы живемъ въ преддверіи будущаго царства гармоніи. Можно ему возразить, что еслибы гармонія зависѣла только отъ сочетанія реализма и романтизма, то она бы уже наступила; то, что̀ онъ называетъ возрожденіемъ романтизма въ концѣ XIX вѣка—и есть объединеніе идеалистическихъ настроеній съ реалистическими методами въ искусствѣ.

Гартъ связываетъ развитіе литературныхъ теченій со смѣной философскихъ міросозерцаній, т.-е., опять-таки, съ индивидуализмомъ, съ ученіемъ Фихте о „я", какъ созидателѣ міра явленій. Дѣломъ искусства было—облечь въ плоть и кровь отвлеченное „я" философа и научить его заявлять свои права въ искусствѣ требованіемъ того, чего не могутъ дать матеріалистическая культура и „машинный прогрессъ", а что̀ таится въ созидательныхъ силахъ внутренняго міра человѣка.

Дополненіемъ статьи Гарта о современной литературѣ является интересный очеркъ доктора Штейнера объ эгоизмѣ въ философіи. Штейнеръ, какъ это ясно видно по его извѣстнымъ философскимъ сочиненіямъ („Философія воли", книга о Нитцше, „Истина и знаніе" и др.)—одинъ изъ выдающихся представителей теоретическаго индивидуализма въ современной Германіи. Онъ приходитъ къ философскому опредѣленію „я" путемъ изученія познавательной дѣятельности человѣка. Въ процессѣ познаванія есть элементъ, который дается помимо участія мысли, и есть другой, который вносится въ него именно познавательною мыслью. Явленія и событія сами въ себѣ не даютъ того, что̀ извлекаетъ изъ нихъ мыслящее сознаніе. Изъ себя они даютъ только то, что̀ уже имѣется у созерцателя до начала процесса познаванія. Такимъ образомъ, то, что̀ намъ представляется сущностью вещей, мы черпаемъ изъ глубины нашего собственнаго „я". А такъ какъ дѣйствія человѣка—часть общаго міровóго движенія, то искать законовъ, регулирующихъ дѣйствія человѣка, слѣдуетъ только въ глубинѣ человѣческаго „я". Исходя изъ этой философіи, Штейнеръ разсматриваетъ, въ сжатомъ, но обстоятельномъ очеркѣ, развитіе индивидуализма на всемъ протяженіи исторіи философіи. Радикальную постановку вопроса о личности Штейнеръ находитъ лишь у Макса Штирнера, который признается нѣкоторыми критиками прямымъ предшественникомъ Нитцше. Свою теорію человѣческой личности Штейнеръ излагаетъ вслѣдъ за ученіемъ Штирнера и въ связи съ воззрѣніями своего единомышленника Маккея (Mackay). На послѣдней страницѣ его очерка названъ, конечно, тотъ, кто возвелъ

индивидуализмъ въ основу абсолютно новаго міросозерцанія. „Сверхчеловѣкъ Нитцше, — говоритъ Штейнеръ,—полный и абсолютный эгоистъ".

Наряду съ очеркомъ Штейнера, наиболѣе содержательнымъ и любопытнымъ въ книгѣ объ „Эгоизмѣ", заслуживаетъ вниманія статья госпожи Лу-Андреасъ-Саломе объ „Эгоизмѣ въ религіи".—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1900.

Нѣсколько характерныхъ процессовъ.—Значеніе Сената въ нашемъ судебномъ мірѣ.—Десятилѣтіе новаго суда въ остзейскомъ краѣ.—Выборные судьи.—Тульское общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ.—Новыя правила объ учительскихъ съѣздахъ.—Нѣсколько газетныхъ извѣстій.—Т. И. Филиппов †.

Говоря, въ предыдущей хроникѣ, о возраженіяхъ „Стараго судьи" противъ послѣдняго романа гр. Л. Н. Толстого, мы замѣтили, между прочимъ, что колеблютъ довѣріе къ суду не художественныя картины, а *факты*, разъ что они перестаютъ быть рѣдкими исключеніями и не вызываютъ противодѣйствія въ средѣ самого судебнаго міра. Иллюстраціей къ этой мысли могутъ служить пять процессовъ, доходившихъ недавно до разсмотрѣнія Прав. Сената. Въ нижегородскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о четырехъ крестьянахъ, обвинявшихся въ преступленіи противъ вѣры. Въ качествѣ эксперта былъ спрошенъ чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ св. Синода, г. Скворцовъ, предлагавшій свидѣтелямъ вопросы непосредственно, а не черезъ предсѣдателя суда, и произнесшій, стоя на возвышеніи у судейскаго стола, обвинительную рѣчь (вмѣсто установленнаго закономъ научнаго заключенія), закончивъ ее слѣдующимъ обращеніемъ къ присяжнымъ засѣдателямъ: „эти люди (подсудимые), подрывая православную религію, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываютъ государственное устройство; вашего справедливаго приговора ждетъ вся Россія". И то, и другое было удостовѣрено въ первоначальномъ протоколѣ засѣданія, составленномъ помощникомъ секретаря Калининымъ, но возвращенномъ ему товарищемъ предсѣдателя въ новой редакціи, которую г. Калининъ отказался скрѣпить, находя ее неточной. Объ этомъ г. Калининъ подалъ суду особое заявленіе, которое было ему судомъ возвращено и пріобщено къ дѣлу лишь мѣсяцъ спустя, вслѣдствіе просьбы защитника подсудимыхъ. Прав. Сенатъ нашелъ, что скрѣпа протокола секретаремъ имѣетъ существенную важность, какъ подтвержденіе достовѣрности всего записаннаго въ протоколъ, и что представленіе секретаря о причинахъ, заставляющихъ его отказаться отъ скрѣпы, непремѣнно должно быть пріобщено къ дѣлу; иначе можетъ возникнуть предположеніе, что отъ судей, сдѣлавшихъ упущеніе или допустившихъ безпорядокъ, зависитъ уничтожить его слѣды, путемъ измѣненія протокола. Признавъ, затѣмъ, доказаннымъ предложеніе экспертомъ вопросовъ непосредственно свидѣтелямъ и произнесеніе имъ за-

ключенія, несоотвѣтствующаго, по формѣ и содержанію, лежащимъ на экспертѣ обязанностямъ, и усмотрѣвъ въ этомъ нарушеніе ст. 611-й и 695-й уст. угол. судопр., Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда и передалъ дѣло въ тотъ же судъ, для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія (рѣш. угол. касс. д—та 1899 г., № 5).—При разсмотрѣніи въ рязанскомъ окружномъ судѣ дѣла о крестьянинѣ Зиновьевѣ, обвинявшемся въ распространеніи штундо-баптизма, экспертъ—редакторъ „Миссіонерскаго Журнала", г. Добромысловъ,—произнесъ обвинительную рѣчь, въ которой свидѣтельствовалъ, что хорошо знаетъ подсудимаго по своимъ миссіонерскимъ собесѣдованіямъ съ нимъ, до преданія его суду, и убѣжденъ, что Зиновьевъ навсегда останется неисправимымъ сектантомъ. Хотя свидѣтели показывали на судѣ, что Зиновьевъ безупречно-нравственнаго поведенія, повинуется властямъ и безпрекословно несетъ всѣ общественныя повинности, но экспертъ объяснялъ это лишь тѣмъ, что мѣстная сектантская община находится пока въ періодѣ религіознаго одушевленія, неизбѣжно сопровождаемаго нравственнымъ подъемомъ, но что въ слѣдующей стадіи своего развитія Зиновьевъ и его единомышленники должны будутъ, вслѣдствіе своего основного догмата, что нужна вѣра, а не добрыя дѣла, придти къ проповѣди о свободѣ отъ нравственныхъ предписаній, какъ это ему извѣстно изъ наблюденій надъ другими штундо-баптистскими общинами. Эти заявленія эксперта не были прерваны предсѣдателемъ и не были опровергнуты имъ въ его резюмé. Товарищъ оберъ-прокурора находилъ въ этомъ основаніе къ кассаціи. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе суда присяжныхъ и приговоръ суда по другому поводу—вслѣдствіе неправильной постановки вопроса, въ которомъ были смѣшаны два совершенно различныя обвиненія: въ публичной проповѣди штундизма и въ совращеніи православныхъ („Русскія Вѣдомости", № 347).—Въ псковскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло о крестьянахъ Савельевыхъ, обвинявшихся въ распространеніи штундизма. И по этому дѣлу былъ спрошенъ экспертъ, протоіерей Лавровскій. По выслушаніи его заключенія, подсудимые пожелали разъяснить, что въ исповѣдуемомъ ими вѣроученіи нѣтъ никакихъ признаковъ штундизма, но были остановлены замѣчаніемъ предсѣдательствующаго, что онъ не дозволитъ имъ проповѣдовать на судѣ свое лжеученіе. Экспертомъ было указано, между прочимъ, что евангелія, употребляемыя штундистами, содержатъ въ себѣ спеціальныя отмѣтки, соотвѣтствующія ихъ вѣроученію. Въ виду такого указанія, подсудимые просили произвести осмотръ отобранныхъ у нихъ и пріобщенныхъ къ дѣлу, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, священныхъ книгъ; но просьба эта не была исполнена и даже не подверглась обсужденію. Когда одинъ изъ подсудимыхъ давалъ объ-

ясненіе по поводу разногласія между двумя свидѣтелями, священникомъ и крестьяниномъ, онъ былъ прерванъ словами предсѣдательствующаго: „вы сами, присяжные засѣдатели, конечно знаете, кому можно больше вѣрить — священнику или лицу, сидящему на скамьѣ подсудимыхъ". Въ числѣ совращенныхъ подсудимыми значился нѣкій Арсеній Семеновъ, оказавшійся лицомъ миѳическимъ; между тѣмъ, о его совращеніи былъ поставленъ отдѣльный вопросъ, и подсудимымъ не было дозволено сдѣлать заявленіе по этому предмету. Правда, судебное слѣдствіе въ то время было уже окончено, но вполнѣ возможно было его возобновленіе или представленіе дѣла въ палату, въ виду вновь открывшагося обстоятельства. Наконецъ, въ заключительной рѣчи къ присяжнымъ предсѣдательствующій выразилъ свое мнѣніе по существу дѣла, въ слѣдующихъ словахъ: „вы слышали отъ миссіонера, какая вредная секта штунда, и вы нарушили бы присягу, еслибы оправдали подсудимыхъ". Все это послужило поводомъ къ отмѣнѣ Сенатомъ обвинительнаго вердикта присяжныхъ засѣдателей („Сѣверный Курьеръ", № 49). — Московскій окружной судъ, приступивъ къ разсмотрѣнію дѣла о бывшемъ купцѣ Гликинѣ, опредѣлилъ слушать его, за силою ст. 620³ уст. угол. судопр., при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ, по содержанію объясненій подсудимаго, неминуемо должны возникнуть вопросы и сужденія, касающіеся выселенія евреевъ изъ Москвы, а это можетъ привести публику, среди которой есть люди и малоразвитые, и молодые, къ ложному толкованію мѣропріятій государственной власти. По статьѣ устава, на которую сослался судъ, двери засѣданія могутъ быть закрыты, если судъ признаетъ, что публичное изслѣдованіе подлежащихъ судебному разсмотрѣнію обстоятельствъ оскорбляетъ религіозное чувство, или нарушаетъ требованія нравственности, или же не можетъ быть допущено въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, охраненія общественнаго порядка или обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій. Прав. Сенатъ нашелъ, что законъ 12 февраля 1887 г., на которомъ основана ст. 620³ уст. угол. судопр., сохранилъ за закрытіемъ дверей засѣданія значеніе *мѣры чрезвычайной*, оправдываемой лишь дѣйствительной необходимостью; интересы правосудія, обезпечиваемые публичностью суда, не должны быть приносимы въ жертву интересамъ случайнымъ, временнымъ и маловажнымъ. Говоря о закрытіи дверей засѣданія въ видахъ огражденія достоинства государственной власти, законодатель отнюдь не имѣлъ въ виду устранить возможность обсужденія лицами, присутствующими при разбирательствѣ, того или другого закона, надлежащимъ образомъ обнародованнаго, или указанныхъ въ немъ способовъ приведенія его въ исполненіе; предполагалось только предупредить нежелательное оглашеніе *дѣйствій*, совер-

шенныхъ высшими государственными учрежденіями или должностными лицами. На основаніи этихъ соображеній Прав. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда по дѣлу Гликина (касс. рѣш. 1898 г., № 19). — Въ с.-петербургской судебной палатѣ разсматривалось, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣло о рабочихъ, обвинявшихся въ насильственномъ сопротивленіи власти. Закрытіе дверей засѣданія по этому дѣлу было предрѣшено распоряженіемъ министра юстиціи, основаннымъ на ст. 621[1] уст. угол. суд. Въ началѣ разбирательства всѣ подсудимые просили о допущеніи въ залу засѣданія, согласно съ ст. 622, по три лица изъ числа ихъ родственниковъ и знакомыхъ. Палата отклонила эту просьбу, находя, что ст. 621[1], какъ законъ позднѣйшій, отмѣнила дѣйствіе ст. 622-ой; въ ордерѣ министра не указаны, притомъ, вызвавшія его причины, вслѣдствіе чего исполненіе ст. 622-ой могло бы пойти въ разрѣзъ съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдуются этимъ ордеромъ. Въ засѣданіи палаты присутствовали однако, фабричные инспектора и чиновникъ особыхъ порученій спб. градоначальника, между тѣмъ какъ ст. 623 разрѣшаетъ допускать къ слушанію дѣла, производимаго при закрытыхъ дверяхъ — кромѣ лицъ, указанныхъ въ ст. 622, — только служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ, присяжныхъ повѣренныхъ и очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, не вошедшихъ въ составъ суда. Прав. Сенатъ нашелъ, что никакого новаго порядка закрытія дверей ст. 621[1] не создаетъ, а только расширяетъ число случаевъ, въ которыхъ устраняется гласность засѣданія. Въ новомъ законѣ не содержится никакихъ указаній на то, чтобы слушаніе дѣла, при закрытыхъ, за силою ст. 621[1], дверяхъ присутствія, происходило внѣ общаго порядка и, въ частности, чтобы при примѣненіи ст. 621[1] теряла свою силу ст. 622 уст. угол. суд. На этомъ основаніи Прав. Сенатъ отмѣнилъ приговоръ с.-петербургской судебной палаты („Право", № 43).

Кто помнитъ первые годы послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ императора Александра II-го, тотъ, по всей вѣроятности, не затруднится признать, вмѣстѣ съ нами, что явленія въ родѣ вышеизложенныхъ были тогда совершенно немыслимы. Не можетъ быть, чтобы законъ, уменьшающій значеніе одной изъ главныхъ процессуальныхъ гарантій, былъ истолкованъ тогда въ смыслѣ еще бо̀льшаго ея ограниченія; не можетъ быть, чтобы тогдашній судъ, устраняя, вопреки закону, присутствіе въ засѣданіи людей близкихъ для подсудимыхъ, допустилъ въ то же время, также вопреки закону, присутствіе должностныхъ лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ судебнымъ міромъ и могущихъ стѣснить, самымъ фактомъ нахожденія ихъ въ залѣ суда, свободу защиты подсудимыхъ; не можетъ быть, чтобы предсѣдательствующій на судѣ обратился тогда къ присяжнымъ

съ прямымъ приглашеніемъ обвинить подсудимыхъ, основываясь, притомъ, не на доказательствахъ ихъ виновности, а на опасности приписываемаго имъ дѣянія; не можетъ быть, чтобы эксперту была предоставлена тогда роль обвинителя и дозволено вмѣшиваться въ ходъ засѣданія; не можетъ быть, чтобы защита обвиняемыхъ была стѣснена отказомъ въ осмотрѣ вещественныхъ доказательствъ и въ разъясненіи разногласія между свидѣтелями; не можетъ быть, наконецъ, чтобы тогдашнимъ судомъ была сдѣлана попытка устранить изъ дѣла заявленіе, направленное къ точному воспроизведенію происходившаго на судѣ. Гласность — одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ благъ, дарованныхъ Россіи судебными уставами. Она напоминаетъ судьямъ о важности ихъ задачи, поддерживаетъ ихъ вниманіе къ дѣлу, ихъ уваженіе къ правамъ подсудимаго, противодѣйствуетъ разлагающему и усыпляющему вліянію рутины. Чѣмъ больше стѣсняетъ гласность законъ, тѣмъ ревнивѣе долженъ охранять ее судъ, не допуская распространительныхъ толкованій, безусловно неумѣстныхъ по отношенію къ ограничительнымъ законамъ. Исполняя обязательныя для него требованія, онъ не долженъ идти ни на одинъ шагъ дальше, помня, что выше всего случайнаго и временнаго стоитъ общій смыслъ судейской дѣятельности. И что̀ же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Вопреки основнымъ началамъ интерпретаціи, отмѣненнымъ, для цѣлой категоріи случаевъ, признается законъ, объ измѣненіи котораго никогда не было и рѣчи. Изъ того, что право закрывать двери засѣданія, прежде принадлежавшее одному суду, предоставлено, наравнѣ съ судомъ, министру юстиціи, выводится заключеніе, что этимъ самымъ введено совершенно незнакомое нашему законодательству *абсолютное* устраненіе гласности, т.-е. недопущеніе въ залу засѣданія даже ближайшихъ родственниковъ подсудимаго—и этотъ выводъ подкрѣпляется опасеніемъ впасть какъ-нибудь въ противорѣчіе съ неуказанными мотивами министерскаго распоряженія. Другой судъ устраняетъ гласность разбирательства, чтобы предупредить неправильное истолкованіе публикою правительственныхъ распоряженій, какъ будто бы задачи суда имѣютъ что-нибудь общее съ задачами предварительной цензуры. Цѣлесообразность закрытія дверей засѣданій въ видахъ огражденія достоинства государственной власти представляется, вообще, чрезвычайно спорной. Если для достоинства власти опасны неправильныя распоряженія ея агентовъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы для него было опасно гласное обсужденіе этихъ распоряженій; напротивъ того, оно можетъ обнаружить, что неправильности, на самомъ дѣлѣ, не было никакой—или что она была своевременно обнаружена и прекращена, а виновные привлечены къ законной отвѣтственности. Во всякомъ случаѣ не суду подобаетъ простирать забот-

ливость о тайнѣ за предѣлы. точно намѣченные закономъ, и оберегать публику судебныхъ засѣданій отъ слушанія сужденій, которыя безпрепятственно могутъ раздаваться въ печати. Не суду подобаетъ, далѣе, усугублять обвиненіе, безъ того уже весьма тяжелое, присоединяя къ одному оффиціальному обвинителю другого, не предусмотрѣннаго закономъ, искусственно возвышая его авторитетъ, неостанавливая его даже тогда, когда онъ очевидно выходитъ изъ предѣловъ своей роли. Собственно говоря, дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры рѣдко требуютъ участія экспертовъ; для разрѣшенія возникающихъ въ нихъ вопросовъ только въ исключительныхъ случаяхъ необходимы спеціальныя научныя свѣденія. Такъ напримѣръ, въ дѣлахъ о совращеніи изъ православія въ расколъ или ересь понятіе о совращеніи едва ли нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ для присяжныхъ засѣдателей, которые по дѣламъ этого рода всѣ обязательно должны принадлежать къ православному исповѣданію. Какъ бы то ни было, обязанности и права эксперта по дѣлу о преступленіи противъ вѣры ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя принадлежатъ свѣдущимъ людямъ на общемъ основаніи. И здѣсь экспертъ не долженъ принимать на себя ни роли свидѣтеля, удостовѣряя тѣ или другія лично извѣстныя ему обстоятельства дѣла, ни роли судьи, руководя ходомъ судебнаго слѣдствія, ни роли обвинителя, апеллируя къ гражданскому или религіозному чувству присяжныхъ и внушая имъ то или другое отношеніе къ подсудимымъ. Предсѣдательствующій, допускающій отступленіе отъ этихъ основныхъ началъ процесса, совершаетъ тяжкое нарушеніе своего судейскаго долга... Представимъ себѣ теперь, что судебныя рѣшенія по дѣламъ, о которыхъ мы говорили, остались бы въ силѣ, т.-е. дѣйствія суда, хотя бы и обжалованныя, были бы признаны правильными. Не въ правѣ ли былъ бы задуматься надъ ними каждый, кому дорого достоинство суда? Можно ли было бы воздержаться отъ вывода, что въ сферѣ, гдѣ совершаются подобныя явленія, началось чувствительное пониженіе нравственнаго уровня? Можно ли было бы отрицать, что въ дѣйствительной жизни отступленія отъ судейскаго идеала идутъ еще гораздо дальше, чѣмъ въ картинахъ великаго романиста, и не встрѣчаютъ надлежащаго отпора?.. Къ счастію, традиціи судебной реформы забыты не вездѣ и не всѣми; онѣ живутъ, между прочимъ, въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената, стоящемъ на стражѣ не только буквы, но и духа судебныхъ уставовъ. Пока это такъ, можно не падать духомъ и ожидать съ нетерпѣніемъ, но и съ надеждой, возвращенія лучшихъ временъ.

Недавно исполнилось десять лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе новаго суда въ остзейскомъ краѣ. Указывая на почти исключительно оффиціальный характеръ юбилейнаго обѣда, состоявшагося по этому поводу въ Ригѣ, корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 8544) удивляется тому, что въ празднествѣ не приняли участія депутаціи и представители эстскихъ и латышскихъ обществъ, кружковъ, газетъ и т. п. „Эстамъ и латышамъ“ восклицаетъ онъ „судебная реформа принесла столько благъ, что можно было ожидать съ ихъ стороны бо́льшаго интереса къ ея юбилею“. Нѣкоторое объясненіе факту, удивляющему корреспондента, можно найти въ другомъ письмѣ изъ прибалтійскаго края, напечатанномъ, тремя днями раньше, въ той же газетѣ (№ 8541). Здѣсь идетъ рѣчь о безотрадной картинѣ, какую представляетъ собою, въ гражданскихъ отдѣленіяхъ остзейскихъ окружныхъ судовъ, допросъ свидѣтелей, не знающихъ русскаго языка. Этотъ допросъ сводится, по выраженію автора письма, „къ какой-то затаенной борьбѣ сторонъ съ разстроеннымъ и усталымъ переводчикомъ“. Нерѣдко переводчикъ „перепутываетъ, кто истецъ и кто отвѣтчикъ, называетъ стороны и свидѣтелей простыми мѣстоименіями *онъ* или *этотъ* и, въ своемъ стремленіи упростить и сократить длинный допросъ, прямо обрываетъ въ самой серединѣ потокъ краснорѣчія свидѣтеля, заявляя суду, что свидѣтель говоритъ совершенно не имѣющее значенія. Напрасно повѣренный протестуетъ противъ такого упрощеннаго перевода; попытка заинтересованнаго лица объяснить суду, что свидѣтель сказалъ *то-то*, но переводчикъ этого не перевелъ, разбивается о приглашеніе предсѣдателя не смущать и безъ того усталаго переводчика и не затягивать и безъ того затянувшагося допроса. Такимъ образомъ, случайная недомолвка, умышленная краткость, усталость, дурное настроеніе духа, отсутствіе хорошей памяти и умѣнья точно и сжато воспроизводить вопросы и отвѣты, нетерпѣливость вопрошающаго и множество другихъ второстепенныхъ причинъ совершенно искажаютъ показаніе свидѣтеля въ передачѣ переводчика. Если ко всему этому прибавить, что въ большинствѣ случаевъ самый выборъ переводчиковъ въ прибалтійскомъ краѣ очень неудаченъ и что суду вмѣсто присяжныхъ переводчиковъ нерѣдко приходится пользоваться услугами просто канцелярскихъ служителей, то станетъ ясно, что допросъ свидѣтелей въ прибалтійскихъ судахъ— большой вопросъ мѣстнаго правосудія“. Между тѣмъ, въ гражданскихъ законахъ прибалтійскаго края „предѣлы допущенія свидѣтельскихъ показаній въ подтвержденіе гражданскихъ отношеній поставлены вообще гораздо шире, чѣмъ въ общихъ законахъ имперіи, а поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что почти по каждому иску представляется необходимымъ допрашивать свидѣтелей, не знающихъ госу-

дарственнаго языка, и фактическая сторона каждаго дѣла устанавливается не столько свидѣтелями, сколько переводчикомъ".

Корреспондентъ утѣшается мыслью, что „когда-нибудь народонаселеніе въ лифляндской и эстляндской губерніяхъ наконецъ заговоритъ хорошо по-русски, и тогда вопросъ о правильной организаціи допроса свидѣтелей самъ собою благополучно разрѣшится, къ общему удовольствію будущихъ поколѣній". Какъ долго, однако, придется ждать этого момента, да и настанетъ ли онъ для *всего* населенія остзейскаго края? Надежда на столь отдаленное и неопредѣленное будущее—во всякомъ случаѣ плохое утѣшеніе для нынѣшнихъ жителей остзейскаго края. Не въ этомъ ли, вмѣстѣ съ не-введеніемъ суда присяжныхъ, и заключается причина холоднаго отношенія эстовъ и латышей къ новымъ судебнымъ порядкамъ, во многомъ, безспорно, являющимся для нихъ перемѣной къ лучшему? Вѣдь рѣшеніе цѣлой массы дѣлъ на основаніи неправильно понятыхъ или даже искаженныхъ свидѣтельскихъ показаній—не такое маловажное зло, съ которымъ легко примириться: оно почти равносильно, иногда, отказу въ правосудіи. Снабдить всѣ окружные суды, всѣхъ мировыхъ судей и всѣ мировые съѣзды дѣйствительно хорошими переводчиками, одинаково владѣющими и русскимъ, и мѣстнымъ языкомъ, и добросовѣстно пользующимися своимъ знаніемъ—задача неосуществимая: вѣдь импровизованный переводъ съ одного языка на другой, сохраняющій всѣ оттѣнки подлинника, чрезвычайно труденъ даже для высоко образованнаго человѣка, какимъ едва ли бываетъ профессіональный судебный переводчикъ. Даже при буквально точномъ переводѣ для судьи пропадаетъ, притомъ, *тонъ* свидѣтельскаго показанія, столь важный для правильной его оцѣнки. Единственное средство обезпечить непосредственное дѣйствіе свидѣтельскихъ показаній на совѣсть и убѣжденіе суда или судьи—это знаніе судьями мѣстнаго языка, устраняющее надобность въ переводѣ. Что въ такомъ знаніи нѣтъ ничего безусловно недостижимаго—это доказываетъ, между прочимъ, законъ 28-го мая 1880-го года, допускавшій объясненія сторонъ и свидѣтелей, въ мировыхъ учрежденіяхъ остзейскаго края, на мѣстномъ языкѣ, а переводчиковъ устанавливавшій только при мировыхъ съѣздахъ для перевода на русскій языкъ актовъ и протоколовъ, въ случаѣ представленія ихъ въ Сенатъ. Если законъ 28-го мая не былъ введенъ въ дѣйствіе, то причину этому слѣдуетъ искать не въ затрудненіяхъ, съ какими было бы сопряжено его исполненіе, а въ измѣнившейся, вслѣдъ за его изданіемъ, общей правительственной политикѣ по дѣламъ остзейскимъ. Измѣнился, сообразно съ этимъ, и способъ разрѣшенія вопроса о языкѣ: при распространеніи, въ 1889 г., судебныхъ уставовъ на остзейскія губерніи, нѣкоторыя изъятія изъ общихъ правилъ о государ-

ственномъ языкѣ были допущены только по отношенію къ судамъ спеціально-крестьянскимъ. Разбирая, еще до этой реформы, законопроектъ о примѣненіи судебной реформы къ прибалтійскимъ губерніямъ [1]), мы старались выставить на видъ неудобства, сопряженныя съ переводомъ показаній свидѣтелей и объясненій сторонъ, какъ въ томъ случаѣ, когда судья знаетъ мѣстный языкъ, такъ и въ томъ, когда онъ его не знаетъ. Мы указывали, между прочимъ, на то, что среди присутствующихъ въ засѣданіи „могутъ оказаться люди, хорошо знающіе и русскій языкъ, и тотъ, на которомъ говорятъ участвующіе въ дѣлѣ. Они могутъ замѣтить ошибки переводчика, но не будутъ имѣть права указать на нихъ судьѣ—и по всему краю пройдетъ слухъ, что русскіе судьи рѣшаютъ дѣла, не зная настоящаго ихъ содержанія"...

Само собою разумѣется, что въ дѣлахъ уголовныхъ вредъ, причиняемый неточнымъ или невѣрнымъ переводомъ, еще серьезнѣе, чѣмъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Въ уголовномъ процессѣ безусловное господство русскаго языка существенно затрудняетъ, притомъ, введеніе суда присяжныхъ. Конечно, можно установить. что въ списки присяжныхъ засѣдателей вносятся только лица, вполнѣ владѣющія русскимъ языкомъ; но это значило бы устранить отъ участія въ отправленіи правосудія цѣлую массу лицъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполнѣ къ тому способныхъ, и сосредоточить одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ функцій въ рукахъ сравнительно небольшой группы. В. Д. Спасовичъ, въ рѣчи, произнесенной при чествованіи тридцатипятилѣтней годовщины изданія судебныхъ уставовъ (20-го ноября 1899 г.), идетъ, какъ намъ кажется, слишкомъ далеко, когда выражаетъ убѣжденіе, что при нынѣшней роли русскаго языка на окраинахъ имперіи никогда не будетъ введенъ судъ присяжныхъ; но онъ совершенно правъ, когда видитъ въ этой роли осложненіе судебнаго вопроса „несвойственною ему національно-политическою окраскою". Изъ двухъ средствъ ассимиляціи различныхъ частей государства—языка и учрежденій—онъ съ полнымъ основаніемъ отдаетъ предпочтеніе второму, замѣчая, что „на новой почвѣ учрежденія прививаются тѣмъ скорѣе, чѣмъ они понятнѣе". Все это одинаково примѣнимо и къ западной окраинѣ, и къ восточной. „Судоговореніе черезъ переводчиковъ"—читаемъ мы въ рѣчи В. Д. Спасовича—„есть главная причина крайней неудовлетворительности и отсталости судопроизводства въ закавказскомъ краѣ. Я бывалъ въ Туркестанѣ и не могу себѣ представить, какъ можно будетъ въ этомъ громадномъ краѣ, населенномъ сартами, узбеками и персами, справиться со своею задачею по уставамъ 20-го ноября. хотя бы и при посредствѣ наилучшихъ переводчиковъ".

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 5 „В. Европы" за 1888 г.

Рѣшительно и безусловно мы несогласны съ В. Д. Спасовичемъ по другому вопросу, также затронутому въ его рѣчи 20-го ноября. Главный промахъ въ планѣ судоустройства, созданнаго уставами 1864-го года, онъ видитъ въ томъ, что „сооружены были два отдѣльныя, несообщающіяся зданія, вмѣсто одного цѣльнаго, многоэтажнаго: одно—мировое, другое—обыкновенная юстиція". Это не такъ: соединительнымъ звеномъ между мировыми и общими судебными учрежденіями служило подчиненіе и тѣхъ, и другихъ Прав. Сенату, подчиненіе не номинальное только, а вполнѣ реальное и обезпечивавшее, вмѣстѣ съ общностью основныхъ принциповъ, однородность ихъ дальнѣйшаго развитія. Установленіе для мировыхъ судей особой апелляціонной инстанціи, составленной изъ нихъ самихъ, въ нашихъ глазахъ—не ошибка, а, наоборотъ, одна изъ самыхъ блестящихъ сторонъ судебной реформы. Только этимъ путемъ можно было, во-первыхъ, сдѣлать судъ по дѣламъ маловажнымъ дѣйствительно близкимъ къ населенію. Еслибы жалобы на рѣшенія мировыхъ судей были отнесены къ вѣдѣнію окружного суда, то пришлось бы либо учредить окружные суды въ каждомъ уѣздномъ городѣ — для чего не оказалось бы на лицо ни людей, ни средствъ,—либо заставить тяжущихся и подсудимыхъ предпринимать дальнія и дорого стоющія поѣздки въ мѣсто пребыванія окружного суда. Только отдѣленіемъ мировой юстиціи отъ общей можно было, во-вторыхъ, усвоить мировому суду тѣ особенности, которыми онъ долженъ былъ обладать какъ судъ наиболѣе простой и скорый, наиболѣе доступный для народной массы. Только оно, наконецъ, соотвѣтствовало выборному характеру судебно-мировыхъ должностей, благодаря которому мировой судъ такъ быстро пріобрѣлъ довѣріе и любовь населенія. Что въ памяти народа до сихъ поръ живетъ именно выборный судья—это доказывается, между прочимъ, недавнимъ постановленіемъ льговскаго (курской губ.) уѣзднаго земскаго собранія. Находя, согласно съ уѣздной управой, что „выборные судьи, отправляя правосудіе по уставамъ незабвеннаго монарха, внесли въ народное сознаніе истинное понятіе о правдѣ и судѣ", собраніе опредѣлило возбудить ходатайство о введеніи выборнаго начала для будущихъ участковыхъ судей. За это ходатайство высказалась и курская губернская земская управа.

Мы говорили недавно [1]) о новомъ уставѣ общества по устройству народныхъ чтеній въ тамбовской губерніи, замѣнившемъ собою, въ силу Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ, прежній уставъ общества, гораздо болѣе гарантировавшій его права

[1]) См. Общ. Хронику въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1899 г.

и предоставлявшій ему бо́льшую свободу дѣйствій. Теперь мы узнаемъ объ измѣненіи министерствомъ народнаго просвѣщенія устава тульскаго общества взаимнаго вспомоществованія учащихъ и учившихъ. Этому обществу и раньше приходилось встрѣчаться съ непредвидѣнными препятствіями. Его уставъ подвергался толкованіямъ, значительно стѣснявшимъ его примѣненіе; такъ напримѣръ, въ *разрѣшеніи* денежныхъ пособій и *другихъ видовъ помощи* усмотрѣно было *запрещеніе* выдавать безпроцентныя ссуды [1]). Ст. 42 и 43 устава опредѣляютъ порядокъ его измѣненія или дополненія, требуя для этого согласія двухъ-третей членовъ общества и затѣмъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Основываясь на этихъ статьяхъ, общество обратилось къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о *дополненіи* нѣкоторыхъ статей устава. Ходатайство было отчасти удовлетворено, отчасти отклонено, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ уставѣ сдѣланы такія *измѣненія*, о которыхъ общество вовсе не просило. Сюда относится, между прочимъ, введеніе новаго правила, по которому въ составъ правленія общества могутъ быть избираемы только дѣйствительные члены общества, а не почетные члены и члены-соревнователи. Противорѣча оставшемуся въ силѣ постановленію устава, гласящему, что почетные члены и члены-соревнователи пользуются всѣми правами дѣйствительныхъ членовъ, за исключеніемъ права на пособіе, новое правило представляется особенно несправедливымъ по отношенію къ тѣмъ почетнымъ членамъ и членамъ-соревнователямъ, которые вступили въ общество до измѣненія устава и, слѣдовательно, имѣли полное основаніе ожидать, что за ними будетъ сохранено однажды пріобрѣтенное положеніе. Другое измѣненіе заключается въ томъ, что право на полученіе пособія отъ общества признается лишь за лицами, имѣющими учительское званіе. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ не всѣ учащіе, состоящіе дѣйствительными членами общества, и возможность полученія пособія отнимается именно у тѣхъ, для которыхъ оно зачастую представляется особенно необходимымъ. Наоборотъ, доступъ въ дѣйствительные члены—т.-е. въ число лицъ, имѣющихъ право на пособіе—открытъ для лицъ начальствующихъ или начальствовавшихъ въ учебныхъ заведеніяхъ тульской губерніи, хотя бы ихъ нельзя было отнести ни къ категоріи учащихъ, ни къ категоріи учившихъ... Еслибы, впрочемъ, измѣненія, введенныя въ уставъ помимо или вопреки желанію общества, и были вполнѣ цѣлесообразны, сомнительною, во всякомъ случаѣ, оставалась бы ихъ *законность*. Мы слышали, что они обжалованы нѣсколькими членами-соревнователями въ Прав. Сенатъ.

---

[1]) См. Общ. Хронику въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1897 г.

Полгода тому назадъ мы отмѣтили въ нашей хроникѣ отрадный слухъ о предстоящемъ разрѣшеніи учительскихъ съѣздовъ, воспрещенныхъ въ 1885 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ разрѣшалось только устройство такъ называемыхъ педагогическихъ курсовъ, существенно отличныхъ отъ учительскихъ съѣздовъ. Роль народныхъ учителей на съѣздахъ—активная, на курсахъ—исключительно пассивная. На съѣздахъ они обмѣнивались мыслями и многому научались какъ у руководителя, такъ и другъ у друга; на курсахъ они только слушаютъ чтенія, очень часто не идущія дальше повторенія задовъ, не дающія новыхъ знаній и не возбуждающія самостоятельной умственной работы. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали возобновленія съѣздовъ всѣ тѣ, кому дорого народное образованіе, и въ особенности сами учащіе въ начальныхъ школахъ. Обнародованными на дняхъ „временными правилами о съѣздахъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ“ эти ожиданія оправданы далеко не вполнѣ. Съѣзды дѣйствительно разрѣшены, но съ ограниченіями, значительно уменьшающими ихъ цѣнность. Программа съѣзда составляется инспекторомъ и утверждается, въ подлежащихъ случаяхъ (?), директоромъ начальныхъ училищъ; отъ инспектора, черезъ директора, идетъ и представленіе о созывѣ съѣзда, разрѣшаемомъ попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ губернаторомъ. Участіе въ съѣздѣ принимаютъ только учащіе одного района, т.-е. состоящіе въ вѣденіи одного инспектора. Кромѣ лицъ учебнаго начальства, на съѣздъ допускаются члены училищныхъ совѣтовъ (свѣтскихъ и духовныхъ) и лица, давшія средства для устройства съѣзда, или представители учрежденій, отъ которыхъ идутъ эти средства. Списокъ участвующихъ, одобренный попечителемъ учебнаго округа, посылается на заключеніе мѣстной высшей гражданской власти. Продолжительность съѣзда—не свыше семи дней. Предсѣдателемъ и руководителемъ съѣзда состоитъ, подъ высшимъ наблюденіемъ директора, мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, если попечитель округа не сочтетъ нужнымъ поручить эти обязанности другому должностному лицу учебнаго вѣдомства. Публика въ засѣданія съѣзда не допускается. Голосованія вопросовъ не должно быть; никакихъ постановленій съѣздъ не дѣлаетъ. Какъ директоръ, такъ и инспекторъ, имѣютъ право, въ случаѣ замѣченнаго безпорядка, удалить изъ собранія отдѣльныхъ его участниковъ и даже вовсе закрыть съѣздъ.

Итакъ, невозможно приглашеніе въ руководители съѣзда, земствомъ или городомъ, одного изъ лучшихъ педагоговъ, такъ много способствовавшихъ, въ прежнее время, успѣшной дѣятельности съѣздовъ; невозможно соединеніе въ одномъ съѣздѣ учащихъ двухъ или нѣсколькихъ районовъ; невозможно допущеніе на съѣздъ, даже въ

качествѣ простыхъ слушателей, постороннихъ лицъ, хотя бы и изъ числа близко заинтересованныхъ въ вопросахъ народнаго образованія; невозможно выясненіе, путемъ голосованія, какіе взгляды преобладаютъ между учащими, въ чемъ они особенно нуждаются, чего особенно желаютъ. Если прибавить ко всему этому сложныя формальности, которыми обставленъ созывъ съѣзда, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что между новыми съѣздами и старыми будетъ очень мало общаго. Въ каждой статьѣ новыхъ правилъ слышится недовѣріе къ съѣздамъ. А между тѣмъ довѣріе—первое условіе успѣха: гдѣ его нѣтъ, тамъ трудно разсчитывать на сердечное отношеніе къ дѣлу. Формализму съ одной стороны соотвѣтствуетъ обыкновенно такой же формализмъ—съ другой; избытокъ надзора и регламентаціи не благопріятствуетъ откровенному обмѣну мнѣній. Конечно, между инспекторами народныхъ училищъ есть педагоги по призванію, и въ ихъ рукахъ съѣздъ можетъ принести немалую пользу—во всякомъ случаѣ бо́льшую, чѣмъ курсы; но много ли такихъ инспекторовъ, да и можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что имъ будетъ предоставлена достаточная свобода дѣйствій?.. Нельзя не пожелать, чтобы хоть въ данномъ случаѣ *временныя* правила оказались *дѣйствительно* временными, т.-е. краткосрочными, переходными, быстро уступающими мѣсто болѣе нормальному порядку.

Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, св. Синодъ разъяснилъ, что дѣти раскольниковъ и сектантовъ, обучающіяся въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, должны изучать Законъ Божій у православнаго законоучителя и подвергаться испытанію въ этомъ предметѣ наравнѣ съ православными учениками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такомъ обязательномъ изученіи Закона Божія, дѣти этихъ лицъ должны аттестоваться соотвѣтственными баллами, какъ въ теченіе года, такъ и на экзаменахъ, при чемъ баллъ по Закону Божію долженъ выставляться также и въ ихъ аттестатахъ и увольнительныхъ свидѣтельствахъ. Если такое разъясненіе дѣйствительно состоялось, то послѣдствіемъ его едва ли будетъ сближеніе раскольниковъ и сектантовъ съ православною церковью. Насколько благотворнымъ оказывается иногда *добровольное* слушаніе иновѣрцами уроковъ Закона Божія, настолько сомнительна польза, которую имъ можетъ принести *обязательное* его изученіе. Однихъ изъ числа родителей оно удержитъ отъ посылки дѣтей въ учебныя заведенія, гдѣ они незамѣтно, постепенно, могли бы освободиться отъ предубѣжденій противъ православія и православныхъ; другіе хотя и не захотятъ отказаться отъ выгодъ, сопряженныхъ съ окончаніемъ курса въ учебномъ заведеніи, но примутъ всѣ мѣры, чтобы ослабить дѣйствіе уроковъ

православнаго священника и обратить изученіе Закона Божія въ простую формальность, развивающую только лицемѣріе. Если устойчивость раскола обусловливается главнымъ образомъ, какъ это много разъ было указываемо въ отчетахъ оберъ-прокурора св. Синода, невѣжествомъ раскольниковъ, то наиболѣе цѣлесообразными представлялись бы, повидимому, не тѣ мѣры, которыя могутъ мѣшать посѣщенію школъ дѣтьми раскольниковъ, а тѣ, которыя могутъ ему способствовать... Не менѣе важно образованіе и для евреевъ, обособленность которыхъ болѣе нежели чѣмъ-либо другимъ можетъ быть уменьшена именно вліяніемъ школы. Въ этихъ, по всей вѣроятности, видахъ введенъ былъ обычай не требовать отъ учениковъ-евреевъ нарушенія религіознаго правила, запрещающаго имъ писать въ субботу. Противъ этого обычая, подтвержденнаго въ 1884 г. циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія, въ настоящее время, по словамъ „Восхода" (№ 58), кое-гдѣ—въ Митавѣ, въ Конотопѣ, въ Бѣлостокѣ—ведется борьба: евреямъ, отказывающимся писать въ субботу, грозитъ исключеніе изъ школы. Нужно надѣяться, что это—только единичные факты, повтореніе которыхъ скоро перестанетъ быть возможнымъ.

Въ саратовскомъ дворянскомъ собраніи уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникалъ вопросъ о недопущеніи въ залу засѣданій представителей печати, но эта мѣра встрѣчала противодѣйствіе со стороны прежняго губ. предводителя дворянства, кн. Голицына. При теперешнемъ предводителѣ, П. А. Кривскомъ, она осуществилась: въ послѣднемъ очередномъ собраніи „газетчики" не присутствовали. А между тѣмъ, собраніе было, повидимому, очень интересно. Большую сенсацію, по словамъ корреспондента „Саратовскаго Курьера", „возбудилъ докладъ гр. Нессельроде, въ которомъ изображалось прошлое и настоящее дворянства. Въ настоящее время роль дворянства, по мнѣнію гр. Нессельроде, должна заключаться въ вліяніи на общественную и государственную жизнь, какъ передового интеллигентнаго сословія, а не какъ особо привилегированнаго. Поэтому гр. Нессельроде предлагалъ возбудить рядъ ходатайствъ, касающихся измѣненія системы средняго образованія, свободнаго открытія всякаго рода начальныхъ школъ и т. п. Своимъ докладомъ графъ Нессельроде какъ бы далъ понять, что дворянство сохранитъ свой престижъ только въ томъ случаѣ, если будетъ выражать нужды всѣхъ классовъ, потому что само оно, какъ сословіе, потеряло уже смыслъ и является классомъ землевладѣльцевъ—ни больше, ни меньше. Докладъ гр. Нессельроде встрѣченъ былъ въ собраніи далеко не одинаково: были такіе дворяне, которые отнеслись къ нему сочувственно, но были и такіе, которые

прямо находили его несоотвѣтствующимъ дворянскому достоинству. Въ концѣ концовъ докладъ сданъ въ коммиссію, а пока рѣшено только возбудить ходатайство объ измѣненіи системы классическаго образованія. Зато приняты различныя ходатайства о сложеніи недоимокъ, пеней, процентовъ и пр. Были и такіе доклады, какъ дворянина Н. А. Павлова о томъ, что „земскіе начальники недостаточно твердо держатъ свое знамя и, главное, находятся въ независимости отъ дворянъ-землевладѣльцевъ“. Весьма любопытно было бы знать численное отношеніе между различными группами саратовскаго дворянства. Большинство, конечно, не было на сторонѣ гр. Нессельроде: это видно уже изъ того, что въ губернскіе предводители избранъ вновь П. А. Кривскій. Знаменателенъ, однако, самый фактъ появленія такого доклада, какъ представленный графомъ Нессельроде (однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ саратовской губерніи), въ такомъ собраніи, какъ саратовское, настроеніе котораго могло обѣщать успѣхъ только предложеніямъ совсѣмъ иного рода. Въ средѣ дворянства нѣтъ, очевидно, единодушія даже по тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ для него наибольшую важность.

Оправданіе сознавшихся подсудимыхъ въ Петербургѣ и въ Тулѣ опять возбудило старые толки о какомъ-то порокѣ въ дѣятельности или устройствѣ суда присяжныхъ, объ узурпаціи имъ непринадлежащихъ ему функцій, о вторженіи его въ такую область, которая должна быть для него совершенно закрыта. По вопросу, столько разъ обсуждавшемуся въ печати, трудно сказать, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, что-либо новое. Не желая грѣшить и съ своей стороны повтореніемъ давно извѣстнаго, замѣтимъ только, что противники суда присяжныхъ, а иногда—и его защитники, удивительно склонны забывать самые несомнѣнные факты и самыя безспорныя истины. Вспоминая съ вожделѣніемъ о до-реформенныхъ порядкахъ, хвалители прошлаго упускаютъ изъ виду, что число обвинительныхъ приговоровъ было тогда гораздо меньше, чѣмъ теперь. Нападая на отдѣльные вердикты, строгіе критики не хотятъ принять во вниманіе, что далеко не одно и то же—знать обстоятельства дѣла по газетному отчету, всегда неполному и часто неточному, или присутствовать, съ начала до конца, при судебномъ разбирательствѣ, вынося изъ него *непосредственныя* впечатлѣнія и относясь къ нему не какъ посторонній слушатель, а какъ нравственно отвѣтственный судья. Игнорируется, наконецъ, и то, что оправдательные вердикты сплошь и рядомъ отмѣняются Сенатомъ, и что неудобно спѣшить съ суровымъ разборомъ дѣйствій оправданнаго подсудимаго, опять могущаго обратиться въ обвиняе-

маго. Побольше осторожности и сдержанности—вотъ чего слѣдуетъ, въ подобныхъ случаяхъ, пожелать и прессѣ, и обществу...

Скончавшійся, въ концѣ прошлаго года, Т. И. Филипповъ былъ не только выдающимся администраторомъ, охранявшимъ, въ Государственномъ Контролѣ, преданія временъ Татаринова, но и писателемъ, хорошо знавшимъ нѣкоторыя стороны народнаго быта. Близость его къ литературѣ началась еще въ молодости, когда онъ игралъ видную роль въ основаніи славянофильской „Русской Бесѣды", и никогда не прекращалась совершенно: за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ издалъ небольшую брошюру („Три замѣчательные старообрядцы"), посвященную тѣмъ же темамъ, которыхъ онъ касался въ своихъ прежнихъ, болѣе обширныхъ трудахъ, собранныхъ въ двухъ книгахъ: „Современные церковные вопросы", 1882, и „Сборникъ", 1896. Одна изъ нихъ — примиреніе раскольниковъ-старообрядцевъ съ православною церковью, которое онъ признавалъ возможнымъ достигнуть, между прочимъ, снятіемъ клятвъ, наложенныхъ на расколъ соборомъ 1667-го года. Исполнить это долженъ былъ, по его мнѣнію, новый соборъ православныхъ іерарховъ. Какую высокую оцѣнку примирительныя стремленія Т. И. Филиппова находили въ самыхъ различныхъ сферахъ — это видно изъ его разсказа объ отношеніяхъ его къ іеромонаху Пафнутію, бывшему старообрядческому епископу, обратившемуся въ православіе, и къ извѣстному автору „окружнаго посланія", И. Е. Ксеносу (Кабанову), оставшемуся до конца жизни приверженцемъ такъ называемаго австрійскаго священства. Во всемъ написанномъ Т. И. Филипповымъ чувствуется столь рѣдкое у насъ отсутствіе раздраженія противъ иначе вѣрующихъ и мыслящихъ. Онъ былъ совершенно правъ, когда, признавая себя (въ предисловіи къ „Сборнику") служителемъ охранительныхъ началъ, просилъ не смѣшивать его съ охранителями другого рода. „Есть охранитель и охранитель"—писалъ онъ;—„вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель"... Къ *такимъ* охранителямъ Т. И. Филипповъ не принадлежалъ и, въ избранномъ имъ спеціальномъ кругѣ мыслей, всегда боролся съ ихъ близорукостью и злобой...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Ссылка въ Сибирь. Очеркъ ея исторіи и современнаго положенія. Для Высочайше учрежденной Коммиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки. Спб. 900 г. Стр. 339+53.

Года полтора тому назадъ, въ маѣ 1898 г., начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, А. П. Саломонъ, отправился, по распоряженію высшей власти, въ Сибирь и на о. Сахалинъ, для изученія на мѣстѣ современнаго положенія ссыльныхъ и каторжныхъ, отбывающихъ тамъ наказаніе. Масса добытаго такимъ путемъ матеріала легла въ основаніе настоящаго труда, который въ свою очередь послужитъ матеріаломъ для особой коммиссіи, учрежденной въ маѣ 1899 года, для составленія проекта мѣропріятій по отмѣнѣ ссылки въ Сибирь. Но въ настоящемъ очеркѣ мы находимъ матеріалъ только для изученія положенія однихъ ссыльныхъ, въ разрядъ которыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, поступаютъ и каторжные, отбывшіе наказаніе; самой же каторги, какъ одной изъ формъ карательнаго труда и тюремнаго заключенія, очеркъ не касается. Упомянутой выше коммиссіи предоставлено, такимъ образомъ, рѣшить вопросъ: будутъ ли каторжные, перейдя въ разрядъ ссыльныхъ, раздѣлять и въ дальнѣйшемъ судьбу тѣхъ, которые были присуждены къ ссылкѣ „въ чистомъ ея видѣ“, или ихъ должна ожидать какая-нибудь другая судьба. Очерку предпосылается весьма интересный историческій обзоръ ссылки въ Сибирь и хода законодательства объ административной ссылкѣ; за симъ, слѣдуетъ подробное описаніе условій жизни и быта ссыльныхъ, ихъ семейное положеніе и переходъ въ крестьянское и городское сословіе. Оказывается, что ссыльныхъ въ Сибири—громадная масса, до 300.000 человѣкъ; изъ нихъ 100.000 ведутъ жизнь бродягъ, 100.000 пролетаріевъ, съ случайнымъ заработкомъ; 70.000 безземельныхъ рабочихъ и 30.000 осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Изъ всей этой массы, не болѣе 4½ тысячъ могутъ подавать надежду на сліяніе съ старожилами. „Вотъ,—заключаетъ очеркъ,—матеріальный итогъ трехсотлѣтней сибирской ссылки“;—а нравственный ея итогъ еще хуже... „Подобно крѣпостному праву въ позднія эпохи ея существованія,—такъ справедливо разсуждаетъ очеркъ,—ссылка не соотвѣтствуетъ болѣе условіямъ государственной и общественной жизни, и вопросъ объ ея отмѣнѣ вновь выдвигается на очередь“. Мы постараемся еще возвратиться къ этому интересному труду, чтобы ближе ознакомить читателей съ его богатымъ содержаніемъ; проведеніе сибирской желѣзной дороги несомнѣнно готовитъ этому краю совсѣмъ иную судьбу и положитъ конецъ его вѣковой спячкѣ.

Проф. В. В. Ивановскій. Вопросы государствовѣдѣнія, соціологіи и политики. Казань. 99. Стр. 398. Ц. 2 р.

Очерки, помѣщенные въ этой книгѣ, были напечатаны въ разное время въ спеціальныхъ и общихъ журналахъ; они проникнуты извѣстнымъ логическимъ единствомъ, хотя касаются отчасти предметовъ разнородныхъ, относящихся не только къ теоріи, но и къ практикѣ государственной жизни. Рядомъ съ этюдами о природѣ государства, о классификаціи государственныхъ нормъ, о соціологіи, какъ наукѣ и предметѣ преподаванія во Франціи, о работахъ французской коммиссіи по вопросу о децентрализаціи, о воззрѣніяхъ Гнейста на общественное управленіе въ Германіи и т. п.,—мы находимъ здѣсь весьма интересныя и поучительныя статьи о недостаткахъ организаціи нашихъ министерствъ, объ основахъ земскаго управленія въ Россіи, о строѣ губернскихъ властей, о необходимой реформѣ нашего средняго и университетскаго образованія. Эти послѣдніе очерки, затрогивающіе нѣкоторые существенные вопросы нашего быта, указываютъ на желательныя перемѣны и нововведенія въ интересахъ правильнаго развитія русскаго общества и государства, и многія указанія автора должны быть признаны вполнѣ основательными и разумными.

Женщина въ правѣ. Я. Оровича. 3-е изд. Спб. 99. Стр. 318. Ц. 1 р. 50 к.

Исходя изъ того положенія, что судьба женщины въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ слагалась подъ вліяніемъ, съ одной стороны, господствующихъ нравовъ, а еще болѣе—законовъ, авторъ представилъ въ очеркѣ исторію женщины въ послѣднемъ отношеніи, а именно въ правѣ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, и кончая положеніемъ женщины въ современномъ правѣ вообще, и въ частности—въ русскомъ правѣ. Въ приложеніи къ этому очерку помѣщенъ сводъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относительно лицъ женскаго пола, разсѣянныхъ по обширному „Своду Законовъ“, въ разныхъ его томахъ и отдѣлахъ.

Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго. П. Зинченко. Спб. 1900.

Настоящее собраніе писемъ В. Бѣлинскаго служитъ дополненіемъ къ „Систематическому собранію сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“, въ четырехъ томахъ. Самыя письма впервые появляются въ печати въ сгруппированномъ видѣ по лицамъ, съ которыми Бѣлинскій состоялъ въ перепискѣ, какъ-то: съ К. Аксаковымъ, П. Анненковымъ, А. Герценомъ, Н. Гоголемъ, К. Кавелинымъ, И. Тургеневымъ и мн. др.

Паулъ Бартъ. Философія исторіи, какъ соціологіи. Переводъ съ нѣмецк. Часть первая. Введеніе и критическій обзоръ. Спб. 99. Изд. Л. Пантелѣева.

Въ первой части обширнаго труда, задуманнаго Бартомъ, изложены и разобраны историко-философскія и соціологическія системы новѣйшаго времени, начиная съ Сенъ-Симона и Огюста Конта и кончая многочисленными истолкователями моднаго нынѣ „экономическаго матеріализма“. Литература предмета, особенно нѣмецкая, представлена авторомъ съ исчерпывающею полнотою; много мѣста удѣлено оцѣнкѣ идей Маркса и его школы.

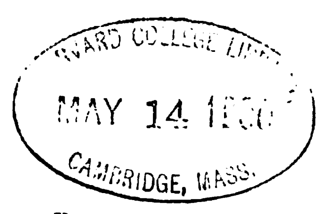
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1900.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1900 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)



ОДНОЙ ПОРОДЫ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XV *).

Черезъ четверо сутокъ, только часомъ позднѣе, подъѣзжала Анна къ какой-той станціи.

Въ дамскомъ отдѣленіи она сидѣла одна—съ большой остановки въ губернскомъ городѣ, гдѣ она пообѣдала. И на возвратномъ пути она взяла билетъ также второго класса. Опять хмурый видъ вагона, съ его обивкой сѣрымъ, грязноватаго цвѣта сукномъ, съ печальнымъ освѣщеніемъ стеариновымъ огаркомъ въ фонарѣ съ бурой занавѣской—держалъ ее въ томъ же самомъ настроеніи, въ какомъ она ѣхала въ Зарѣчное къ отцу.

Но тутъ наслоивалось еще и то, съ чѣмъ она возвращалась изъ столицы.

Въ четыре дня передъ ней промелькнуло столько лицъ, столько она сдѣлала концовъ по городу, и такъ напряженно отдавалась одной главной заботѣ: все выполнить какъ можно скорѣе и толковѣе, ничего не потерять, ничего не забыть, ничего не напутать.

Ея собственное „я“ на эти дни куда-то ушло, запряталось. не хотѣла ни о чемъ другомъ думать, гнала всякія лишнія оминанія въ этомъ городѣ, гдѣ она когда-то разорвала съ і средой.

---

*) См. выше: янв., 47 стр.

Спроси ее, гдѣ она жила, что̀ ѣла, хорошо или дурно спала— она врядъ-ли смогла бы послѣдовательно и отчетливо разсказать.

Одна только встрѣча всколыхнула ее—совсѣмъ случайно— на троттуарѣ, когда она вышла изъ банкирской конторы, въ третьемъ часу дня.

Это была ея подруга по разнымъ мытарствамъ—Иславина. Та ее узнала; а она не сразу — до такой степени та измѣнилась.

Но эта встрѣча только теперь, въ вагонѣ, стала точно за̀ново волновать ее, вызывая желаніе еще повидаться съ Иславиной.

А тамъ она могла поговорить съ ней, какъ слѣдуетъ, всего одинъ разъ: вчера вечеромъ, наканунѣ дня отъѣзда.

И теперь только Анна чувствовала, какъ она душевно утомилась. Невольно она сравнивала себя съ гуттаперчевымъ шаромъ, откуда выжали воздухъ.

Но какъ это все было чуждо ей—все то, что̀ она тамъ продѣлывала. И тѣ, къ кому она обращалась: пріятель ея отца, разные чиновники, контористы, множество всякаго народа,— мужчинъ и женщинъ,—съ какимъ она сидѣла около разныхъ кассъ, окошечекъ и перилъ.

Кромѣ денежнаго міра, она прошлась и по медицинскому. Впечатлѣніе было точно чего-то чужого, механическаго, съ прибавкою еще чего-то.

Она добыла новую знаменитость и обо всемъ обстоятельно условилась. Этотъ консультантъ будетъ въ Зарѣчномъ черезъ день. Онъ не могъ выѣхать сегодня, потому что у него два важныхъ консиліума въ городѣ.

Но это было для нея—только выполненіе порученія. Она не хотѣла и теперь лгать сама себѣ. На спасеніе отца она не надѣялась и не могла надѣяться послѣ того, что̀ ей сказалъ докторъ Фіалковскій, когда прощался съ нею.

Единственно, что̀ ее лично немного тревожило, это—возможность встрѣчи — лицомъ къ лицу — съ старшимъ братомъ, Семеномъ Георгіевичемъ. Видѣть его она сама, конечно, не желала; да и какъ довѣренное лицо отца — не должна была желать этого.

Можетъ быть, она найдетъ Семена Георгіевича уже въ Зарѣчномъ, и вся „банда“ поставитъ его „au courant“ той „гнусной интриги“, которую она, по ихъ толкованію, ведетъ теперь: „devant la tombe à demi ouverte de son père“.

Городъ, откуда она ѣхала, дѣлалъ для нея еще болѣе чуж-

дымъ то, что она должна будетъ найти опять въ своемъ „родномъ гнѣздѣ“.

Все, что она тамъ, въ столицѣ, видѣла выдающагося богатаго, наряднаго, дѣлового — отзывалось тѣмъ же тяжелымъ ей міромъ, изъ котораго она когда-то ушла. И точно прошли не года, а какіе-нибудь мѣсяцы. Все тотъ же городъ—холодный и мокрый, съ кислой оттепелью или пухлой снѣжной крупой, беззвучный и безкрасочный, съ своими улицами-простынями, снованьемъ извозчичьихъ саней или ухарствомъ лихихъ запряжекъ—отъ трехъ до шести—по Невскому и Большой Морской. Дома все тѣ же, никакихъ изящныхъ зданій, на которыхъ отдыхалъ бы глазъ.

Та же плоскотня и ординарность, что-то хмуро-суетливое и кое-какъ принаряженное, но, въ сущности, скудное, живущее на жалованье, взятки и биржевую игру.

Стоило ей два раза проѣхаться по Невскому, какъ онъ уже былъ ей тошенъ. Ничто, буквально ничто не напомнило ей хоть сколько-нибудь пріятную встрѣчу, сцену или душевное настроеніе, наплывъ молодыхъ упованій, вызванныхъ вотъ этимъ длиннымъ „прешпектомъ“.

Да, надо опять уединиться После всего того, что еще предстоитъ переиспытать въ Зарѣчномъ—исходъ, казалось ей, одинъ: брать паспортъ и отправляться прямо въ Эйдткуненъ.

При этомъ представилось ей лицо ея старшаго брата, такое, какимъ она его въ послѣдній разъ видѣла: чолка на лбу, на половину порѣдѣлая; на вискахъ — вродѣ двухъ локоновъ и камердинерскіе бакенбарды, длинные, по плечамъ, тогда еще безъ просѣди.

Онъ вѣдь можетъ ее задержать „въ предѣлахъ любезнаго отечества“—какъ онъ, бывало, самъ любилъ выговаривать, съ косой усмѣшкой своего женолюбиваго рта.

Но онъ отъ этого воздержится. Что бы ни принесла съ собою кончина отца,—а она не за горами,—какіе бы непріятные сюрпризы ни открылись для него и для остальныхъ—онъ не будетъ *этакъ* мстить ей. Поселить ее опять по старому гдѣ-нибудь, въ Варнавинѣ или Холмогорахъ, было бы черезчуръ гнусно. Вѣдь ему должно быть извѣстно, что ни она, ни ея покойный мужъ, въ послѣдніе годы—не занимались никакой пропагандой и жили почти отрѣшенные отъ всего міра, въ горномъ швейцарскомъ гнѣздѣ, гдѣ его легкія глодалъ лютый недугъ—и доглодалъ.

„Всему этому кошмару будетъ конецъ“,—подумала она, и облегченно вздохнула.

Поѣздъ подъѣзжалъ въ ту минуту до какой-то захолустной станціи. Прошелъ по отдѣленію кондукторъ.

— Скоро будемъ въ Захаровѣ?—спросила она.

— Черезъ одну станцію. Минутъ сорокъ.

Надо было собрать свой ручной багажъ.

Прошелъ опять кондукторъ и уныло проговорилъ:

— Станція Захарово. Поѣздъ стоитъ десять минутъ—буфетъ.

Анна посмотрѣла въ окно. Что-то бѣлесоватое крутилось въ воздухѣ.

„Должно быть метель", — подумала она, и ей стало еще тоскливѣе.

Вагонъ подползалъ къ платформѣ, точно во что-то упираясь.

Ей помогъ слѣзть съ подножки сторожъ.

— Сильная погода, сударыня,—замѣтилъ онъ.

Она не знала навѣрное — встрѣтитъ ли ее Загаринъ. Онъ просилъ ее телеграфировать ему, наканунѣ выѣзда изъ Петербурга; но депеша могла и опоздать.

Снѣгъ крутилъ и слѣпилъ глаза. Въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разсмотрѣть.

Къ ней приблизилась высокая фигура—вся бурая, съ хлопьями снѣга на поднятомъ воротникѣ и шапкѣ.

— Анна Георгіевна! Это я!—раздался голосъ Загарина.— Пожалуйте. Погода-то какая... Придется переждать.

Онъ говорилъ на ходу, поддерживая ее подъ локоть. Платформу уже совсѣмъ занесло снѣгомъ и ноги завязали.

— На васъ, навѣрно, мелкіе калоши? — заботливо спросилъ онъ.

— Большіе ботики.

Его хриповатый добрый голосъ согрѣвалъ ее. Вотъ единственная душа ей близкая, и она забыла, чѣмъ эта „душа" огорчала ее, по пріѣздѣ въ Зарѣчное.

Пассажировъ-господъ вышло на этой станціи только Анна и еще какихъ-то два мѣстныхъ помѣщика, въ мерлушечьихъ кафтанахъ. Остальные были простые люди.

Пріѣзжіе пассажиры сейчасъ же обступили буфетъ и бросились къ чайному столу.

— Я вамъ приготовилъ мѣстечко, вонъ у того столика.

Загаринъ провелъ ее въ уголъ, около большого окна. На столикѣ уже приготовленъ былъ чай.

— Въ Зарѣчное вы не давали знать, что будете сегодня?

— Нѣтъ... я не знала, въ которомъ часу попаду туда, и не хотѣла поднимать тревоги.

Онъ оглядывалъ ее ласково и безпокойно.

— Недовольны моимъ видомъ?—спросила Анна.

— Въ личикѣ поопали.

— Въ „личикѣ"!.. Развѣ это выраженіе идетъ къ вашей старой пріятельницѣ?

— По крайней мѣрѣ, все успѣли продѣлать?

— Кажется, все,

— Нечего сказать, не зажились! Всего-то четверо сутокъ.

— И раньше бы уѣхала!

— Тàкъ вамъ вкусенъ показался Питеръ?

— Вездѣ, мой другъ, хорошо... А въ Зарѣчномъ кàкъ? Вы видѣлись съ докторомъ?

— Конечно. Вчера провелъ у него почти весь день.

— Кàкъ отецъ?

— Сильно маялся ту ночь. Василій Ермиловичъ тамъ и ночевалъ... въ большомъ домѣ.

Загаринъ прибавилъ въ полголоса:

— Была семейная сцена. Больной сильно взволновался. И сестрица, и братецъ, съ чѣмъ-то стали къ нему подъѣзжать. Кажется, также и насчетъ... вашей петербургской миссіи.

— Ахъ, Боже мой! Еслибъ вы только знали, Загаринъ, какъ мнѣ все это противно?!

— Чувствую и понимаю. И опять онъ ихъ, прямо сказать, выгналъ. Вашъ братецъ началъ конференцію и съ Фіалковскимъ, и, знаете, въ такомъ кисло-сладкомъ дипломатическомъ тонѣ, съ разными намеками и предостереженіями. Но тотъ вѣдь—дошлый, и отпрепарировалъ анатомически всѣ его подходы и внушенія.

— Знаете, Загаринъ, — перебила его Анна: — сію же минуту сѣла бы опять въ поѣздъ... и къ себѣ!..

— За-границу?

— Именно.

Зала опустѣла съ послѣднимъ звонкомъ.

— Теперь уже поздно, голубушка. Вотъ напьемся чаю и разсудимъ—какъ намъ быть.

— Ѣхать.

— Въ томъ-то и дѣло, метель — особенная. Мы можемъ и проблуждать.

— Вамъ зачѣмъ же со мною ѣхать?

— Одну я васъ не отпустилъ бы ни въ какомъ случаѣ.

Завидѣвъ сторожа, Загаринъ окликнулъ его.

— Сильно крутитъ?

— Пурга, ваше благородіе. Ни зги не видно.

— Вы слышите... Надо переждать.

Анна не протестовала. Они продолжали пить чай.

— У васъ въ Зарѣчномъ двѣ новыхъ фигуры, — сообщилъ Загаринъ.

— Кто это?

— Сосѣдъ... Старковъ... помните... вашего времени жёнь-омъ, котораго звали „irrésistible“?

— Какже... предметъ увлеченія моей сестры?

— И еще—того же времени молодая львица—тоже ваша бывшая товарка, Лидія Ѳедоровна Власьева.

— Власьева?—переспросила Анна.

— Ну, да. Помните, голубушка, Лидочка Пфейфферъ... ваша сосѣдка? Maman ея была когда-то красавица, имѣла много романовъ. Отецъ — отставной кирасиръ, игрокъ... служилъ по выборамъ.

— Откуда же она?

— Проживала, кажется, больше въ Ниццѣ. Вы съ ней нигдѣ не встрѣчались?

Анна стала припоминать.

— Встрѣчалась... гдѣ-то въ Швейцаріи. Мой мужъ былъ еще живъ... года три назадъ. Мы жили надъ Женевскимъ озеромъ въ Бексѣ. И вотъ разъ я, на пароходѣ, столкнулась съ ней. Она ѣхала куда-то... въ Монтрё или въ Эвіанъ—на воды.

— И что же... Какъ она вамъ показалась?

— Не глупа... хитра, начала поддѣлываться къ намъ, говорить сочувственныя фразы. Еслибъ мы съ Андреемъ были подозрительнѣе, мы бы ее приняли за особу, которая промышляетъ...

— Въ качествѣ соглядатая?—подсказалъ Загаринъ.

— Да, въ такомъ родѣ. Она тогда уже не жила съ мужемъ... Настоящая русская барыня изъ заграничныхъ кокодэтокъ.

— Но, кажется, тутъ есть осложненіе насчетъ братца...

— Модеста?

— Такъ точно.

Анна махнула рукой.

— Пускай ихъ! Намъ съ вами, Загаринъ, не пристало... перебирать все это.

— Однако, голубушка, — горячѣе возразилъ онъ: — вамъ надо же знать — съ кѣмъ вы будете имѣть дѣло. Эта особа— въ качествѣ друга вашей сестры и еще не такъ давно пассія Георгія Александровича—явилась не спроста.

— На дѣлёжъ? Это меня не касается.

— Мое дѣло было предупредить васъ.

Въ тонѣ Загарина зазвучала какъ будто обида. Она и хотѣла бы быть съ нимъ ласковѣе; но весь этотъ разговоръ, похожій на пересуды, былъ ей не по душѣ.

— Не ѣхать ли намъ?—спросила она, вставая.

— Ежели все такая же пурга—рискованно.

Онъ послалъ опять сторожа — посмотрѣть, какова погода. Тотъ вернулся все съ тѣмъ же извѣстіемъ о метели.

— Пожалуй сильнѣе крутитъ?—спросилъ Загаринъ.

— На одномъ градусѣ.

Загаринъ видѣлъ, однако, что ей слишкомъ „тошно" дожидаться.

— Такъ мы, по крайней мѣрѣ, вотъ что̀ сдѣлаемъ. Моего Прокофія пустимъ впередъ... у него гусемъ запряжка. А мы съ вами сзади.

Онъ приказалъ позвать ямщика, съ которымъ уговорился доставить барыню въ Зарѣчное.

Ямщикъ, весь засыпанный снѣгомъ, въ желтомъ верблюжьемъ армякѣ, молодой, толковый парень—увѣрялъ, что дорогу хорошо знаетъ.

— А коли впередъ кучера вашей милости пустить—такъ и подавно.

На томъ и порѣшили. Тройка давно ждала. Можно было сейчасъ же ѣхать. Но когда они вышли на дворъ станціи—„пурга" сильно крутила, и Загаринъ, пріостановивъ Анну на ступеняхъ крыльца, спросилъ:

— Не лучше ли переночевать?

— Гдѣ же?—нетерпѣливо откликнулась она.

Онъ нагнулся къ ея уху и сказалъ:

— Вѣдь съ вами... разные пакеты. Мало ли что̀ можетъ выйти.

— Полноте трусить!

Поѣхали—впереди гусемъ пара въ открытыхъ пошевняхъ, сзади—они. До поворота съ шоссейной дороги шло хорошо. Но проселкомъ—минутъ черезъ десять—передняя запряжка сбилась. Прокофій побѣжалъ искать дороги. Его ждали больше четверти часа. Хоть онъ и увѣрялъ, что можетъ выбраться на настоящую дорогу, но Загаринъ ему не повѣрилъ и прямо объявилъ Аннѣ, что они вернутся на станцію.

Она успѣла сильно продрогнуть и тотчасъ же согласилась.

И на обратномъ-то пути они не сразу попали на шоссе и

плутали около полутора часа; а проѣхали всего двѣ версты по шоссе.

На станціи нашлась комнатка, гдѣ Аннѣ постелили; а Загаринъ легъ на одномъ изъ диванов буфетной залы.

Въ комнаткѣ было страшно натоплено. Анна не могла заснуть почти до разсвѣта. И во снѣ она все обваливалась въ какія-то снѣжныя хляби, и надъ головой своей видѣла конскія копыта, которыя, вотъ-вотъ, разобьютъ ей черепъ.

И когда, въ концѣ восьмого, она проснулась отъ звонка и пронзительнаго свиста паровоза—ей все еще сдавалось, что кошмаръ продолжается.

Занялось утро. Надо было вставать и ѣхать въ Зарѣчное...

XVI.

Рядомъ съ комнатой княгини Марьи Георгіевны, послѣ чая, было интимное совѣщаніе — въ то утро, когда Анна отъѣхала въ кибиткѣ со станціи, уже одна—Загаринъ не провожалъ ее.

Участвовали въ немъ, кромѣ княгини, братъ ея Модестъ и ихъ пріятельница, Власьева.

Обѣ дамы были въ пеньюарахъ — у княгини изъ цвѣтного, съ восточнымъ узоромъ, кашемира; у Лидіи Ѳедоровны—тогда совсѣмъ еще новый, въ видѣ дѣтской блузы, цвѣтъ „feuilles mortes", съ прошивками и кружевами.

Онъ чрезвычайно моложавилъ ее. Никто бы не сказалъ, что она—ровесница Анны. Особенно талія поражала своей почти дѣвичьей формой и гибкостью. Даже въ этомъ дѣтскомъ мѣшкѣ можно было распознать ея очертанія. Ростомъ она была ниже княгини, съ мягко поднятыми плечами и еще твердой шеей, покрытой такимъ же, тѣлеснаго цвѣта, притираньемъ, какъ и ея овальное лицо. Губы она незамѣтно подкрашивала; но глаза дѣлала огромными и даже сгущала особымъ притираньемъ тѣнь подъ нижними вѣками, отчего, на нѣкоторомъ разстояніи, глаза казались еще больше, и всегда отъ нихъ шелъ блескъ, который, при вечернемъ освѣщеніи, еще выигрывалъ.

Прежде, у нея были темнорусые волосы; лѣтъ подъ сорокъ, въ Парижѣ, она выкрасила ихъ въ шоколадно-красноватый оттѣнокъ. Отъ него цвѣтъ кожи выходилъ естественнѣе и привлекалъ своей нѣжной молочностью.

Разумѣется, всѣ ея пальцы были покрыты кольцами и перстнями, и въ широкіе рукава, изъ-подъ кружевъ, руки, слегка

также пройденныя пудрой, бѣлѣлись вплоть до локтя съ нѣжнорозоватымъ сгибомъ.

Обѣ пріятельницы курили, сидя на старинномъ *эсѣ*.

Модестъ Георгіевичъ, въ военной тужуркѣ и высокихъ бѣлыхъ воротникахъ, стоялъ спиной у кафельной печки. Она еще топилась и весело потрескивала.

Послѣ вьюжной ночи, утро задалось свѣтлое, и со двора, отъ снѣга, розоватые блики ложились на всѣхъ предметахъ.

Комната называлась прежде „уборной" и была раскрашена по стѣнамъ и потолку гирляндами и миѳологическими сюжетами.

Модестъ Георгіевичъ тоже курилъ. Запахъ дорогого турецкаго табаку ходилъ вокругъ него ароматными волнами.

Всѣ они—а также и князь, мужъ Марьи Георгіевны, и племянникъ, графъ Валерій—еще находились подъ впечатлѣніемъ той „sortie" графа Георгія Александровича, о которой Загаринъ говорилъ на станціи Аннѣ, вчера ночью.

Лидія Ѳедоровна была особенно „аффрапирована". Она уже нѣсколько разъ употребила вчера это слово. И княгиня, и графъ Модестъ, знали, что отецъ не больше, какъ лѣтъ пять-шесть тому назадъ, въ Монте-Карло, выручилъ „cette chère Lydie" изъ большой бѣды. Она не только проигралась, но и чуть-было не попала въ исторію весьма деликатнаго свойства.

При его „феноменальной" скупости, отецъ заплатилъ за нее, и, кажется, довольно порядочный кушъ — не меньше двадцати тысячъ франковъ.

Это было еще до его встрѣчи съ той „misérable gueuse", которая ему уже стоила милліонъ, а теперь—болѣе чѣмъ вѣроятно—очутится обладательницей всего его благопріобрѣтеннаго состоянія, вмѣстѣ съ любезной сестрицей Анной Георгіевной.

Разговоръ шелъ по-французски.

— Она телеграфировала кому-нибудь? — спросила Лидія, и красиво пустила дымъ колечками.

Она не обращалась ни къ кому въ особенности.

Графъ пожалъ плечами, и на его лицѣ „эксъ-бельома" нельзя было ничего прочесть, кромѣ спокойнаго любованія головой и фигурой Лидіи, въ особенности ея затылкомъ, съ туго стянутыми къ шиньону волосами, и линіей ея шеи.

Эта женщина скорѣе сама ушла отъ него, чѣмъ онъ ее бросилъ. Но она съумѣла дать такой оборотъ ихъ роману, что, въ глазахъ всѣхъ другихъ и, прежде всего, княгини, ея старшаго брата и своячениницы—„le lâcheur" былъ онъ.

И вотъ теперь она, хоть и на нѣсколько лѣтъ старше и съ

сильнымъ „maquillage“, и съ фальшивымъ, но такимъ художественнымъ колеромъ волосъ, и въ этомъ дивномъ парижскомъ „deshabillé“, пропитанная духами, которыхъ онъ не могъ назвать по имени—зàново дѣйствовала на его „эпидерму“.

„Elle est bigrement suggestive“,—подумалъ онъ въ ту самую минуту, какъ Лидія спросила о депешѣ.

— Я не знаю,—откликнулась княгиня, съ движеніемъ своего крупнаго и дряблаго туловища.—Навѣрно... доктору, или своему другу, идіоту Загарину.

Голосъ княгини, съ легкой простудой—звучалъ рѣзко. И рядомъ съ нимъ голосъ Лидіи—съ контральтовыми нотками—чрезвычайно выигрывалъ.

Графъ поставилъ ей хорошую отмѣтку и по этой части, и замѣтилъ про себя, что женщина съ такимъ timbre'омъ голоса всегда „adorablement lascive“, чтò Лидія имѣла не разъ случай показывать ему въ ихъ „ébats voluptueux“, какъ часто любилъ выражаться ихъ отецъ.

Лидія сидѣла въ полпрофиля. Изъ окна на нее падалъ розоватый свѣтъ. Графъ припоминалъ—на кого она теперь стала похожа, съ этимъ новымъ окрашиваньемъ волосъ, все еще сохранявшихъ свою густоту.

И безъ труда припомнилъ.

Наѣзжая въ Петербургъ, онъ цѣлыхъ двѣ зимы сряду—это было уже послѣ ихъ „rupture“—заинтересованъ былъ одной актрисой Михайловскаго театра. Та—выше ростомъ, роскошнѣе въ бюстѣ, моложе, но что-то въ нихъ есть родственное: тотъ же овалъ, немного утолщенный въ щекахъ, тотъ же носикъ съ вибрирующими ноздрями и вырѣзъ губъ съ такими же прекрасными зубами.

А главное—„la chute des reins“—спина и крестецъ.

Лидія, какъ разъ, повернулась такъ, что вся ея спина обозначилась.

Не дальше, какъ въ третьемъ году, онъ попалъ въ Парижъ, въ концѣ сезона, и видѣлъ ту актрису на сценѣ „Variétés“, въ какой-то „revue“, гдѣ она являлась въ русскомъ костюмѣ, а потомъ испанкой и танцовала фанданго. Выгибъ ея спины, обнаженной до нижнихъ позвонковъ, выплылъ передъ нимъ, и онъ нашелъ въ Лидіи что-то родственное расѣ той француженки.

„Elle est crânement suggestive“,—опять повторилъ онъ.

И даже пропустилъ мимо ушей какія-то слова своей сестры.

— Во всякомъ случаѣ, мы можемъ ожидать и не такихъ

еще сюрпризовъ, — съ выразительнымъ жестомъ выговорила княгиня.

Братъ ея тутъ только прислушался.

— Ma chère,—процѣдилъ онъ, широко разставляя ноги:— мы здѣсь не заговорщики. У насъ совѣсть чиста. Никакихъ махинацій мы не замышляемъ. Еще менѣе способны мы произвести какое-нибудь насиліе.

Онъ говорилъ медленно, выбирая выраженія, немного слогомъ своего отца, и прислушивался къ своимъ фразамъ.

Эту привычку онъ давно уже имѣлъ, а въ послѣдніе годы административная практика въ разныхъ окраинахъ еще усилила ее.

И въ то же время, онъ начиналъ играть на той стрункѣ, которую всегда приводилъ въ вибрацію въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ. И передъ Лидіей онъ когда-то рисовался своимъ высшимъ джентльменствомъ, и она какъ будто шла на эту удочку, но, въ сущности, ей ни до какихъ его принциповъ не было ни малѣйшаго дѣла.

Она и теперь была бы весьма не прочь начать съ нимъ ту же игру.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?—ему въ тонъ воскликнула она, и повернулась лицомъ къ графу.

— Можетъ быть... каюсь...—заговорила княгиня поспокойнѣе.—Мы всѣ здѣсь слишкомъ нервны. Вотъ тебѣ, chérie,—обернулась она къ Лидіи:—все это гораздо яснѣе со стороны. Но вѣдь согласись... и ты видѣла, какія чувства отецъ имѣетъ ко всѣмъ намъ. Наконецъ, какъ онъ тебя принялъ...

Лидія немного потупилась.

Она всегда знала, что Мари не отличается тактомъ.

То же нашелъ и графъ.

Онъ отошелъ на одинъ шагъ отъ печки и движеніемъ свободной руки остановилъ сестру.

— Cette chère Lydie,—началъ онъ тише, еще болѣе разставляя слова,—конечно, въ сравненіи съ нами, свѣжій человѣкъ. Но она не видала главнаго персонажа.

— Анну?—спросила Лидія.

— Погоди, Модестъ,—перебила княгиня.—Я, какъ разъ, и хотѣла сказать, что Лидіи легче будетъ подойти къ ней.

— Я не знаю, друзья мои,—начала Лидія и подняла лѣвую руку вверхъ привычнымъ жестомъ, чтобы отливала кровь:—я не знаю, какимъ образомъ Анна могла занять такое положеніе. Это — курьезно! Сколько я ее помню, она всегда была такая

несложная. Si simpliste! — протяжно выговорила она и поглядѣла на графа.

— Именно! Это—настоящее слово. Simpliste!

— Simpliste, simpliste!—возразила княгиня.—Однако это ей не мѣшаетъ, у насъ подъ носомъ, служить отцу для какой-то махинаціи.

Модестъ присѣлъ къ нимъ съ того края „эса", гдѣ была Лидія.

— Вѣдь вы съ ней не разошлись?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ! Мы встрѣтимся на „ты". Я умѣю обходиться съ этими непримиримыми.

Она употребила слово: „intransigeante".

Княгиня взяла ея руку и стала гладить.

— Ты съумѣешь ее сдѣлать болѣе ручной, не правда ли?

Лидія улыбнулась такъ, какъ будто все это—фальшивая тревога, и надо только съумѣть воспользоваться моментомъ.

Никто изъ нихъ, однако, не зналъ, въ чемъ состоятъ „ковы" той женщины, которая оказалась теперь такъ „не ко двору".

Для княгини Анна была ненавистна до такой степени, что она забывала минутами—кѣмъ она ей доводится.

Младшій братъ ея относился къ Аннѣ болѣе принципіально: по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ объяснялъ свои чувства къ ней. Она для него была — самый непримиримый врагъ всего того, что̀ онъ считалъ основами всякаго общества, безъ чего оно не устояло бы и трехъ дней.

Онъ, впрочемъ, хорошо зналъ, что Анна, еще съ полудѣтскаго возраста, осмѣлилась презирать его—его, графа Модеста Георгіевича, джентльмена до мозга костей...

Лидія понимала эту „интригантку" по-своему. Для нея вообще не было ничего „священнаго" и неприкосновеннаго. Люди, попадавшіеся ей на жизненномъ пути—сами по себѣ ничего не значили; значило только то—сто̀итъ ли ими заняться. Женщины, въ ея глазахъ, были скорѣе подробностью, и часто ненужной, лишней и даже опасной. Настоящую цѣнность представляли собою одни мужчины.

Сюда, въ Зарѣчное, она попала въ критическій моментъ; но ей сдавалось, что, прощаясь съ этой усадьбой, она уѣдетъ не съ пустыми руками.

На старикѣ она ошиблась въ разсчетѣ; но она вѣдь и не разсчитывала ни на что положительно. Будь онъ немного менѣе боленъ—дѣло получило бы другой оборотъ.

Интриговать противъ нея Анна не станетъ. Она—esprit simpliste и кичится своей честностью. Лидія, про себя, призна-

вала даже, что, въ сравненіи съ этой „крамольницей“, остальная семья—„pas grand'chose“.

Княгиня хотѣла что-то такое развить въ подробности и остановилась, прислушиваясь.

— Кто-то пріѣхалъ!—въ полголоса выговорила она и поднялась.

Сталъ прислушиваться и графъ Модестъ.

— Кажется, это голосъ Анны? — замѣтила вслухъ Лидія.

Всѣ переглянулись.

— Ты не пойдешь къ ней?—спросила Лидію княгиня.

— Не сейчасъ, chérie.

— Il faut ménager la sortie, — употребилъ графъ Модестъ одну изъ своихъ любимыхъ поговорокъ.

— Enfin!

Съ этимъ восклицаніемъ княгиня вышла. Любопытство превозмогло.

Оставшись наединѣ съ графомъ, Лидія опять сѣла на „эсъ“ и глазами пригласила его.

У нихъ еще не было въ Зарѣчномъ ни одного tête-à-tête. Она нарочно, съ перваго же дня, держала себя съ нимъ совершенно по-пріятельски, безъ всякихъ намековъ или возвратовъ къ прошлому.

Но она уже вчера вечеромъ зачуяла, что еще дѣйствуетъ на графа, какъ женщина.

Ея положеніе онъ, въ общихъ чертахъ, зналъ. Но, кажется, ему неизвѣстно, что въ прошлую зиму она совсѣмъ было-собралась „frapper le grand coup“ и сдѣлать блестящую партію: владѣлецъ каменноугольныхъ копей въ Новороссіи, моложе ея на шесть лѣтъ, готовъ былъ истратить „что угодно“, чтобы доставить ей свободу. Начались переговоры съ мужемъ. Цифра „отступного“ была уже установлена. И вдругъ—глупый ударъ судьбы—на прогулкѣ онъ сломалъ себѣ ногу при паденіи съ лошади: неудачная операція, антоновъ огонь, и она осталась вдовой „par anticipation“, какъ выражался одинъ ея пріятель по игорнымъ заламъ Монте-Карло.

Графъ подсѣлъ къ ней и, ничего не говоря, взялъ руку и поднесъ къ губамъ.

Она улыбнулась глазами и, подавшись къ нему, на кривую ручку „эса“, замѣтила пріятельски:

— Tout ça n'est pas drôle!

И сейчасъ же прибавила:

— Но только Мари уже слишкомъ волнуется. Точно будто она наканунѣ совершеннаго погрома.

— Ей кажется, что насъ всѣхъ отецъ выгонитъ изъ родового гнѣзда.

— Вамъ, Модестъ, это должно быть особенно непріятно.

Она намекала этимъ на его высокое джентльменство.

— Ну, положимъ,—продолжала въ томъ же тонѣ Лидія:—старику та... кокотка стоила... сколько?

— Говорятъ—милліонъ франковъ. Можетъ быть, и больше, но о тѣхъ деньгахъ нечего теперь сокрушаться.

— Вы, какъ мужчина, знакомый съ дѣлами—что̀ вы ждете въ худшемъ случаѣ отъ этой странной миссіи Анны? Не можетъ же она отнять у всѣхъ васъ то, что̀ вамъ слѣдуетъ?

Графъ сжалъ губы и задумался.

— Никому изъ насъ неизвѣстно — какъ велико движимое состояніе отца.

Графъ не договорилъ. Передъ своей бывшей возлюбленной онъ желалъ сохранять тонъ человѣка, неспособнаго ни на какіе банальные страхи и заботы.

— Стало быть, Мари боится, что старикъ, разсердившись на васъ за ту кокотку, которую братъ вашъ не пустилъ въ Россію,—отомститъ?

Графъ пожалъ плечами.

— Онъ могъ нѣсколько разъ измѣнить свою волю.

— Написать новое завѣщаніе? Что̀ же тогда? Неужели Мари будетъ оспаривать его? Вѣдь онъ не сумасшедшій.

И подрисованные глаза Лидіи говорили:

„Вы, мой другъ, ни на что подобное не способны“.

— Ваши чувства, Модестъ, понимаю. Что̀ бы ни случилось, я знаю, вы первый покажете примѣръ того, какъ быть... à la hauteur de la situation. Мало-ли что̀ случается. Я—женщина, а никогда не позволяла обстоятельствамъ доминировать надо мною.

— Пожалуйста, Lydie,—сказалъ онъ, вставая:—не давайте сестрѣ натягивать струны, и безъ того уже достаточно натянутыя. Она сама же говоритъ, что вы съумѣли бы сдѣлать болѣе разумной и нашу сестрицу.

— Я ея не боюсь! Ха, ха!

Смѣялась Лидія очень пріятно, съ легкой вибраціей всего бюста. Графъ нагнулся и поцѣловалъ ей руку, и они, глазами, дали понять другъ другу, что прошлое не помѣшаетъ ихъ новому сближенію.

XVII.

Анна завтракала въ своей комнатѣ. Она прошла прямо къ себѣ, а не въ спальню отца. Левонтій успѣлъ ей доложить, что графъ „мучились всю ночь“ и „теперь задремали“. Докторъ всю ночь продежурилъ въ большомъ домѣ и только утромъ, на разсвѣтѣ, пошелъ спать во флигель, но наказывалъ, чтобы ему дали знать не позднѣе двѣнадцати—не спрашивалъ ли его графъ и не вернулась ли Анна Георгіевна.

Когда прибрали со столика, гдѣ она закусила, и она осталась одна въ той же бурой боскетной,—она почувствовала себя—гораздо сильнѣе, чѣмъ это было до отъѣзда въ Петербургъ—связанной, точно она, въ дѣйствительности, участница въ какомъ-то темномъ дѣлѣ.

Вотъ, сейчасъ надо достать большой пакетъ съ квитанціями банка и, когда ее позовутъ къ отцу, пронести его такъ, чтобы никто не замѣтилъ. А когда она замкнетъ дверь на задвижку—можетъ кто-нибудь постучаться. Прежде всего княгиня... или ея „подруга“—Лидія Власьева.

И невольно она задержалась мыслью на этой „растакуэркѣ“, которую она не могла ставить выше первой попавшейся кокотки „de marque“ — какъ говорятъ парижскіе бульварные снобы.

Развѣ—явись Лидія раньше ея сюда—она не могла бы попасть въ точно такія же наперсницы отца? Для него не было бы выбора. Даже считая ее способной „передержать“ то, что̀ онъ ей поручилъ бы получить по чекамъ,—онъ все-таки могъ бы послать ее съ тайной миссіей въ Петербургъ, — до такой степени онъ проникнутъ злобнымъ желаніемъ: „les mettre dedans“.

Отъ этого сопоставленія себя съ Лидіей—ей сдѣлалось очень скверно на душѣ.

Но надо было доиграть роль.

Она немного разобралась въ своихъ вещахъ. Пакетъ съ квитанціями она положила въ верхній ящикъ коммода, и тотчасъ послѣ того отодвинула дверную задвижку.

Можетъ быть, ее оставятъ въ покоѣ до свиданія съ отцомъ.

Но только-что она хотѣла прилечь на кушетку и просмотрѣть въ записной книжкѣ всѣ пункты своего порученія, какъ въ дверь постучали.

Почему-то она сейчасъ догадалась, что это—сестра.

Княгиня сначала заглянула въ полуотворенную дверь.

— Можно войти? — спросила она своимъ жирнымъ, теперь немного простуженнымъ голосомъ.

— Пожалуйста!

Анна встала съ кушетки.

— Лежи!.. Я не хочу тебя безпокоить.

Онѣ пожали другъ другу руку. Глаза княгини быстро обѣжали всю комнату — точно она была увѣрена, что захватитъ свою сестру „en flagrant délit“.

— Мы были всѣ въ безпокойствѣ, — заговорила она тѣмъ самымъ тономъ, какъ въ свое первое свиданіе, по пріѣздѣ Анны въ Зарѣчное.—Ты такъ внезапно исчезла... Право, мы не могли понять. Думали, ты совсѣмъ уѣхала.

Анна не воздержалась отъ усмѣшки. Ея глаза какъ бы говорили: — „зачѣмъ ты такъ ненужно лжешь?“

— Потомъ мы сообразили,—продолжала княгиня, точно она репетируетъ роль,—что отецъ могъ дать тебѣ какое-нибудь порученіе...

— И тебѣ очень хочется знать, какое именно?—остановила ее Анна, подъ свѣжимъ наплывомъ чего-то до нельзя противнаго, что̀ ея сестра вызывала въ ней, въ эту минуту.

— Я ничего у тебя не выспрашиваю. Но согласись... такіе дни... наше положеніе здѣсь, и мое, и брата Модеста, и Валерія... сдѣлалось слишкомъ тяжелымъ...

— И вы въ немъ вините меня?

— О, нѣтъ! Но если ты мнѣ не вѣришь... вотъ свѣжій человѣкъ... Ты не знаешь — у насъ, съ третьяго-дня, Лидія Власьева... твоя когда-то подруга. C'est très bien de sa part. Мы очень цѣнимъ ея чувства.

— И что̀ же?—спросила Анна, сдерживая наплывъ раздраженія.

— Она можетъ тебѣ сказать — до какой степени мы были опять огорчены сценой, которую намъ сдѣлалъ отецъ... въ ея присутствіи.

— Не слѣдовало безпокоить его.

— Ахъ, Боже мой! Но не можемъ же мы, согласись, играть такую роль, точно мы какая-то шайка разбойниковъ? Cela n'a pas de nom!

Княгиня какъ будто сбиралась заплакать.

Тутъ только она, мѣняя тонъ, спросила:—пріѣдетъ ли профессоръ и когда его ждать.

Анна отвѣтила, что онъ не могъ выѣхать съ нею вмѣстѣ,

но обѣщалъ положительно — быть черезъ два дня и телеграфировать съ утра, въ день отъѣзда.

— Онъ одинъ?

— Вѣроятно, съ своимъ ассистентомъ.

— Гдѣ мы ихъ помѣстимъ?

Княгиня заходила по комнатѣ.

— Если не хватитъ комнаты, я могу уступить мою,—предложила Анна.

— А вопросъ гонорара? Ты знаешь отца... онъ способенъ отказать.

— Онъ этого не сдѣлаетъ,—утвердительно сказала Анна.

— Стало быть... онъ съ тобой говорилъ? Хорошо, что я дала знать Симону. Онъ хотѣлъ привезти своего.

— Что-жъ! Консультація была бы только полнѣе.

— Никакая консультація тутъ не поможетъ.

У княгини чуть-было не вырвалось: „Только одна глупая трата денегъ".

У Анны защемило въ душѣ. Она не предвидѣла конца этому фальшивому и безплодному разговору.

Тихо пріотворилась дверь. Это былъ докторъ Фіалковскій.

— Вы отъ графа? — спросила его княгиня, прежде чѣмъ онъ успѣлъ поздороваться съ Анной.

— Отъ него.

— Какъ онъ?

На это докторъ только кисло повелъ ртомъ.

— Молодцомъ вернулись?—обратился онъ къ Аннѣ, подавая ей руку.

Онъ присѣлъ на конецъ кушетки въ выжидательной позѣ.

Княгиня не могла не понять, что ему хочется остаться съ Анной наединѣ.

— Профессоръ Наврозовъ обѣщалъ?—спросилъ Фіалковскій, пододвинувшись къ Аннѣ.

— Обѣщалъ.

— Но есть ли надежда, докторъ?

На вопросъ княгини Фіалковскій опять кисло повелъ губами.

— Это нашъ долгъ...

Анна видѣла, что сестра ея, по доброй волѣ, не хочетъ уходить. Они съ докторомъ поняли другъ друга безъ словъ.

Онъ всталъ со словами:

— Простите великодушно, Марья Георгіевна...

— Вамъ угодно, докторъ, чтобы я удалилась? Пожалуйста, я не желаю стѣснять васъ.

И съ улыбкой она вышла изъ комнаты, еще разъ окинувъ всю ее взглядомъ.

„Какъ все это глупо и тошно!“—подумала Анна, немного досадуя на „семинара“ за то, что онъ удалилъ ея сестру такъ откровенно.

— Графъ проситъ васъ пожаловать сейчасъ же.

— Онъ очень слабъ?

Фіалковскій махнулъ рукой.

— Боюсь, что профессоръ Наврозовъ можетъ опоздать.

— Отецъ такъ опасенъ?

— Отёкъ усиливается... за сердце я боюсь всего больше. Но натура у графа... необычайной гибкости. Вотъ вчера, такъ часу во второмъ ночи... я думалъ—еще четверть часа, и все будетъ кончено. Хотѣлъ даже приказать разбудить всѣхъ ихъ, чтобы потомъ не было на меня нареканій. А потомъ отдышался... къ шести часамъ забылся, и теперь ничего. Пріѣздъ вашъ взвинтилъ его. Я знаю, что послѣ свиданія и разговора съ вами будетъ подъемъ силъ. Но малѣйшій поводъ къ раздраженію... А какъ его устранить? Вѣдь я достаточно толково заявилъ и ея сіятельству сестрицѣ вашей, и братцу, и молодому графу, что ихъ появленіе выводитъ больного изъ себя. А они лѣзутъ. И тутъ еще какая-то мадамъ... Ну, ту онъ такъ началъ вышучивать, что я даже не выдержалъ—прыснулъ.

— Я сейчасъ приду, докторъ, предупредите отца.

Смышлёный „семинаръ“ понялъ, что она должна остаться на минуту одна.

— Пожалуйста, пожалуйста. И „сестрѣ“ я накажу, чтобы она не торчала. У нея есть наклонность къ лишней любознательности.

Онъ торопливо вышелъ. Анна опять замкнула дверь на задвижку и достала пакетъ изъ коммода.

Пакетъ она не хотѣла нести такъ, чтобы всѣ видѣли. Она накинула на себя короткую мантилью.

И эта предосторожность дала ей опять жуткое чувство. Но она такъ дѣлала потому только, что считала своимъ долгомъ не выдавать того, кто далъ ей порученіе секретнаго характера.

Въ корридорѣ никого ей не повстрѣчалось. Левонтій присѣлъ на подоконникѣ, прямо противъ двери.

— Ждутъ васъ,—успѣлъ онъ шепнуть ей вслѣдъ.

Остановившись за ширмами, Анна слышала, какъ докторъ что-то говорилъ „сестрѣ“ насчетъ пріемовъ лекарства.

Та своимъ красивымъ голоскомъ коротко отвѣчала:

— Да, да... очень хорошо. Я такъ сдѣлаю.

Отецъ ничего не говорилъ, и только его дыханіе съ особымъ присвистомъ доносилось ритмически.

— Вотъ и Анна Георгіевна,—доложилъ больному докторъ.

Онъ первый увидалъ Анну.

— Ah! Chérie!.. Arrive! Chérie!

Графъ приподнялъ туловище и оперся о правый локоть.

— Мнѣ позволите удалиться? — потише спросилъ его докторъ.

— Да, она со мной побудетъ,—не безъ уклончивости выговорилъ старикъ и поглядѣлъ въ сторону „сестры".

— Вы можете тоже идти,—сказалъ ей докторъ и, проходя мимо Анны, стоявшей еще поодаль, около ширмъ, сдѣлалъ короткій поклонъ.

„Сестра" не сразу двинулась. Она подошла къ Аннѣ и отвѣсила ей поклонъ, и ея острые, любопытные глаза точно хотѣли проникнуть подъ мантилью.

Можно было догадаться, что Анна держитъ что-то въ рукѣ.

Кажется, больной это замѣтилъ, и сказалъ съ особымъ выраженіемъ:

— Васъ, сестра, я позову сейчасъ.

— Хорошо-съ, — отвѣтила она, тоже не безъ особеннаго оттѣнка.

Для Анны ясно было, что отецъ въ чемъ-то подозрѣвалъ свою сидѣлку, и между ними уже завелась пикировка, несмотря на старческое женолюбіе графа.

— Ну, вотъ и ты... вотъ и ты...

Графъ говорилъ еще тяжелѣе, чѣмъ недѣлю назадъ, и лицо разбухло замѣтно.

Онъ протянулъ руку. Анна поцѣловала.

— Садись... Радъ... что благополучно вернулась.

Онъ не вставлялъ совсѣмъ французскихъ фразъ и словечекъ.

— Садись. Разскажи.

Анна сѣла на тотъ же стульчикъ „сестры", у края постели, поближе къ изголовью.

И сейчасъ же она подала изъ-подъ мантильки большой пакетъ, безъ надписи, заклеенный, форматомъ въ большую четверть.

Графъ взялъ его и поднесъ къ глазамъ.

— Тутъ все?

— Хотите просмотрѣть?

— Нѣтъ, не надо. Ты толковая. Умнѣе всѣхъ ихъ,—онъ повелъ головой,—всего синклита. Ха, ха!

И тутъ только онъ сказалъ свою злобную прибаутку:

— Nous les avons mis dedans! Hein? N'est-ce pas, petite?

И онъ поглаживалъ пакетъ опухшей, желтой рукой, и глаза его злобно свѣтились.

Аннѣ дѣлалось жутко.

— Я купила... по указаніямъ...

— Да, да. Ты умница. Разскажи... какъ ты все это такъ скоро обдѣлала. Молодцомъ!

Онъ опустился спиной на высоко взбитую верхнюю подушку, высвободилъ изъ-подъ одѣяла лѣвую руку и обѣ положилъ ладонями на пакетъ. Все время, какъ Анна говорила, пальцы обѣихъ рукъ графа ласкали пакетъ, слегка вздрагивая отъ радостнаго волненія, и безцвѣтныя губы тихо улыбались.

Она—не возвышая голоса—разсказала ему, въ порядкѣ, у кого была, какія операціи произвела и на какую именно сумму.

Графъ, прерывисто дыша, безпрестанно повторялъ:

— C'est ça! C'est ça! Parfait!

Пальцы его, съ чуть замѣтной дрожью, все ласкали плотный пакетъ, изнутри подклеенный марлей.

И когда Анна кончила, онъ сдѣлалъ ей ручкой и потомъ кивнулъ два раза головой, въ знакъ своего особеннаго одобренія.

— L'affaire est bâclée!—весело выговорилъ онъ и хотѣлъ засмѣяться, но закашлялся и сталъ такъ тяжко дышать, что она испугалась.

Онъ самъ имѣлъ силы потянуться къ столику и достать какое-то питье. Анна помогла ему и держала чашку, пока онъ глоталъ темноватый растворъ.

— Сядь, сядь! — сказалъ онъ ей, опять по-русски.—Спасибо... Спасибо. Какъ быстро! И толково!

Но у нея осталась отъ покупки бумагъ небольшая сумма—въ бумажникѣ и портмонэ. Кромѣ того, она должна была отдать отчетъ и въ своихъ дорожныхъ расходахъ.

— У меня есть еще остатокъ,—тихо выговорила она.

— Какой?

— Не вышло ровно рубль въ рубль.

Она вынула бумажникъ изъ кармана юбки и стала доставать нѣсколько бумажекъ.

— Не надо! Не надо! А твои расходы?

Она сказала, сколько истратила. Все у нея было записано въ книжкѣ: и она прочла сумму.

— Возьми... остальное. Какой вздоръ! Ты потратилась, ѣхала сюда... Я все хотѣлъ тебя спросить... забывалъ.

Въ тонѣ заслышались какъ будто смущенные звуки. Точно ему стало теперь только стыдно за то, что онъ самъ вызвалъ дочь и ничего не выслалъ ей на проѣздъ.

— Retiens ça, te dis-je,—выговорилъ онъ сильнѣе.

Бумажникъ все еще оставался на ея колѣняхъ.

И опять, какъ въ тотъ разъ, когда онъ давалъ ей порученіе, графъ сталъ озираться по сторонамъ, велѣлъ ей запереть дверь изнутри, приподнять себя и взбить подушку; а на самый верхъ положить подушку—прислониться къ ней затылкомъ.

Потомъ онъ вынулъ изъ-подъ нижней подушки связку ключей—какъ въ тотъ разъ—и, подозвавъ дочь очень близко, сталъ ей говорить на ухо:

— Тамъ же... какъ тогда... найдешь книжку... подай ту, что слѣва лежитъ, въ сѣромъ корешкѣ. Все готово. Чернилъ не надо.

Этого она не ожидала. Ею завладѣло волненіе. Она готова была крикнуть:

„Освободите меня! Я не хочу больше ни во что впутываться!“

Но ей точно стянуло горло. Она нервно отперла знакомый ей ящикъ. Книжка чековъ—она уже знала, какая—лежала слѣва. Такъ же нервно взяла она ее, заперла и вернулась къ кровати, готовая отъ чего-то отказаться, не предвидя: что̀ это.

Больной принялъ отъ нея сначала ключи и быстро засунулъ ихъ подъ подушку, потомъ взялъ книжку чековъ, развернулъ и оторвалъ листокъ.

— Здѣсь... все есть... только число сама проставь... когда представишь.

— Кому это?—почти испуганно прошептала она.

— Тебѣ.

— Зачѣмъ?

— Дурочка! Какъ зачѣмъ? Отъ отца ты, кажется, можешь принять.

— Но я не нуждаюсь.

— Des bourdes, ma fille! Пожалуйста... безъ лишнихъ scrupules. Довольно имъ—онъ указалъ рукой—достанется. А моими деньгами я воленъ распорядиться. Pas un mot de plus! А па-

кетъ возьми... и сдѣлай, какъ я тебѣ скажу сейчасъ. Запиши... въ твоей книжкѣ.

Она присѣла и записала карандашомъ то, что̀ онъ ей продиктовалъ.

— Но это такая отвѣтственность, папа̀!—почти съ плачемъ вырвалось у нея.

— Des bourdes, mon enfant, des bourdes. Ты толковая. И до гадости честна. Я тебя знаю.

Чекъ все еще лежалъ на одѣялѣ. Онъ сунулъ ей его въ руку.

— Возьми! — строже выговорилъ графъ.—Можешь дѣлать на эти деньги все, что̀ хочешь...

Смѣхъ вызвалъ опять припадокъ удушья и на этотъ разъ гораздо сильнѣе. Надо было позвать поскорѣе „сестру". Анна побѣжала за нею.

Когда „сестра" вошла, пакетъ еще лежалъ на одѣялѣ. Анна быстро его взяла, но та видѣла его. И чекъ остался у нея скомканнымъ въ рукѣ.

— Иди... иди!—еле проговорилъ больной.

Рука хотѣла сдѣлать жестъ, но безсильно упала.

— Василія Ермиловича позвать бы!—шепнула ей „сестра".

Анна быстро вышла.

XVIII.

На другой день, въ гостиной, часу во второмъ, у камина сидѣли всѣ члены семейства и Лидія Власьева.

Они говорили тихо и чего-то дожидались. Князь Ахметовъ— какъ всегда, у камина, и курилъ сигару. Ближе къ двери, ведущей въ столовую, сидѣла жена его и какъ бы прислушивалась. Нѣсколько поодаль, у столика, на диванчикѣ—графъ Валерій и Нина. Передъ ними стояла игра въ стеклянные шарики на круглой доскѣ, съ углубленіями, когда-то очень модное passe-temps.

Графъ Модестъ и Лидія занимали большой диванъ. У нихъ было о чемъ-то свое а parte.

Разговоръ шелъ съ паузами, наполовину по-русски, наполовину по-французски. Кузенъ съ кузиной перекидывались и англійскими словами.

— Ça dure,—проговорила княгиня и переглянулась съ Лидіей.

— За что-нибудь надо же брать доктору такія разбойничьи деньги!—отозвался князь и крякнулъ между двумя затяжками.

Эти слова: „разбойничьи деньги“, произнесенныя довольно громко, заставили поднять голову княжну и ея кузена. Они чуть-чуть усмѣхнулись.

Графъ Модестъ что-то сказалъ, очень тихо, Лидіи.

Всѣ члены семейства считали себя, съ утра, особенно обиженными, и Лидія раздѣляла ихъ чувства.

Ей самой дипломатическая миссія къ Аннѣ вчера, послѣ обѣда, рѣшительно не удалась. Анна обошлась съ нею просто, слишкомъ просто, съ какимъ-то оттѣнкомъ тона, который показывалъ, что она не желаетъ никакой игры въ пріятельство. Ее позвалъ докторъ, и Лидія должна была ждать ее одна добрыхъ полчаса. А когда та вернулась въ свою комнату, то разговоръ пошелъ еще хуже.

Только-что Лидія начала говорить, какъ ей непріятно видѣть такой раздоръ въ ихъ семействѣ,—Анна остановила ее совсѣмъ уже безцеремоннымъ, на ея вкусъ, вопросомъ:

— Развѣ ты явилась ангеломъ примиренія?

И довольно прозрачно дала ей понять, что она ни на какіе подходы не поддастся, и ничего она отъ нея не узнаетъ для передачи сестрѣ и брату.

— Разбойничьи!—повторилъ князь Ахметовъ и опять крякнулъ.

Княгиня встала и начала ходить по гостиной.

— Отецъ способенъ...

— Поторговаться съ докторомъ...—промолвилъ князь и беззвучно засмѣялся, потряхивая плечами.

Графъ Модестъ поднялъ голову.

— Онъ не уѣдетъ безъ своего гонорара.

Сестра поглядѣла на него вкось.

„Quel poseur!“—злобно подумала она.

Этотъ Модестъ всегда рисовался своимъ джентльменствомъ, а почти такъ же прижимистъ, какъ и отецъ—это она превосходно знаетъ по разнымъ случаямъ.

— Только... этотъ „князь науки“—замѣтилъ ихъ племянникъ, переводя французскій терминъ,—не по чину чудитъ. Какая важность! Что за претензіи!

Медицинская знаменитость, доставленная Анной, повела себя, по мнѣнію членовъ семейства, съ самаго пріѣзда, такъ,—точно они всѣ не дѣти и внуки графа, а какіе-то приживальщики.

Съ княгиней, которая пожелала „перехватить“ его, онъ почти не захотѣлъ говорить, и сейчасъ отправился въ приготовленную ему комнату отдохнуть, а къ больному послалъ своего

ассистента. Къ графу Модесту онъ первый не подошелъ, такъ что тотъ долженъ былъ самъ ему рекомендоваться.

Черезъ „сестру“ княгиня знала, какую сумму заломилъ онъ, чтобы пріѣхать всего на какихъ-нибудь десять часовъ—но не спать двухъ ночей на проѣздѣ. Отъ „сестры“ же ей удалось выудить тотъ фактъ, что Анна Георгіевна ушла вчера отъ стараго графа съ какимъ-то пакетомъ.

Въ столовой уже накрытъ столъ для консультанта. Анна уклоняется отъ всякихъ распоряженій по дому, и княгиня должна была „принимать приказанія“ отъ ассистента, который ей же тономъ выговора жаловался на то, что больной слишкомъ нервничаетъ и его чрезвычайно трудно было выстукать и выслушать.

Для его „принципала“, какъ онъ называлъ профессора, нужны разныя разности: особаго рода похлёбка изъ крупъ, компотъ непремѣнно изъ такихъ-то фруктовъ, яйца не иначе, какъ „изъ-подъ курицы“. Съ собою онъ привезъ особое какое-то вино и нѣсколько флакончиковъ и коробокъ съ „соматозомъ“, овсяной крупой, „пýро“ и еще какими-то питательными препаратами.

Очень огорчился ассистентъ, узнавъ, что въ домѣ нѣтъ „конфектъ Павла Степановича“, что ихъ не купили въ такой-то кондитерской и не поставили двухъ коробокъ: въ комнатѣ, гдѣ онъ будетъ отдыхать, и около кровати больного.

— Comment est-il, ce monsieur?—спросила Лидія погромче.

— Un ex-beau,—опредѣлила княгиня.—Еще молодой... съ просѣдью... très antiché de sa personne.

Графъ Модестъ сталъ припоминать ту знаменитость, у которой „ce monsieur“ былъ когда-то „въ молодцахъ“, какъ называютъ москвичи. Онъ у него перенялъ всѣ эти „фасоны“ и сталъ, послѣ его смерти, ломить чудовищный гонораръ.

Сумма, которую кому-нибудь да надо будетъ заплатить, раздражала рѣшительно всѣхъ: и молодыхъ людей, и Лидію— точно будто ее вынутъ изъ ея собственнаго кармана.

Если графу Модесту придется „s'exécuter“ за отца—тотъ способенъ и на такую выходку,—то у него врядъ-ли хватитъ собственныхъ денегъ. У княгини Ахметовой никогда лишнихъ нѣтъ.

— Однако... — заговорилъ князь, не покидая мѣста у камина: — Анна Георгіевна должна же была сначала заручиться согласіемъ графа? А?

Это „а?“ онъ произнесъ въ носъ и круто обернулся лицомъ ко всему обществу.

— Elle est capable de tout!—сказала княгиня, продолжая ходить, раскачиваясь, большими шагами.

Анна, тѣмъ временемъ, сидѣла у себя въ боскетной, дожидаясь конца консультаціи. Она рѣшила еще утромъ, что не будетъ показываться въ спальнѣ больного, если ее не позовутъ.

Знаменитость и ей не нравилась. Въ промежутки между визитами ассистента и консультаціей, отецъ присылалъ къ ней и почти съ плачемъ жаловался на этого „мальчишку-пачкуна“, который стучалъ ему въ спину и грудь, точно въ бочку, и задавалъ множество „глупѣйшихъ“ вопросовъ.

Гонораръ онъ еще наканунѣ отдалъ ей, опять въ видѣ чека, при этомъ сильно поморщился и прибавилъ:

— C'est de l'argent jeté aux chiens.

Но про это знала только она, и никому не разсудила сообщить.

Надежды на „спасеніе“ она не имѣла. Не имѣлъ ея и Фіалковскій, и она—изъ гуманнаго чувства—желала одного: чтобы больного не очень мучили и сократили его страданія.

Такое чувство не могла она считать бездушнымъ. Зачѣмъ тянуть его жизнь? Ни къ кому у него нѣтъ привязанности, и никто изъ дѣтей его не любитъ. Она еще больше другихъ жалѣетъ его. Протяни онъ еще годъ-другой, поправься настолько, чтобы уѣхать за границу и жить съ своей метрессой—была бы только лишняя грязь, паденіе всего, даже внѣшняго достоинства. Можетъ быть, насильственная смерть... У такой куртизанки навѣрное есть любовникъ, un souteneur. И чтобы поскорѣе захватить все, что̀ онъ держалъ бы при себѣ, они способны были бы задушить его.

Она ждала выхода консультанта, чтобы проводить его въ столовую; а потомъ вручить Фіалковскому чекъ—для передачи тому.

Исполнять свою обязанность и сегодня, и завтра, и вплоть до той минуты, когда она будетъ свободна—ничего больше!

Все это было сухо, очень сухо. Но настроивать себя иначе она не въ силахъ.

Ея думы прервалъ легкій скрипъ двери. Она подняла голову и—какъ близорукая—прищурилась.

Бѣлѣлся головной уборъ сидѣлки.

— Анна Георгіевна!—окликнула она ее тревожно.

„Неужели кончается?“—подумала она и быстро встала.

— Что̀ нужно?

— Докторъ проситъ васъ. Успокойте графа. На консуль-

таціи вышла большая непріятность. Профессоръ отказался продолжать осмотръ. Пожалуйте. Василій Ермиловичъ убѣдительно проситъ.

— Идемте.

Когда она вошла въ комнату больного, остановилась передъ ширмами и прислушалась—раздавались крупные мужскіе шаги, съ легкимъ скрипомъ, и тихій голосъ доктора Фіалковскаго, въ чемъ-то убѣждающаго графа.

Она выглянула изъ-за ширмы.

Въ эту минуту консультантъ обернулся къ ней лицомъ.

Княгиня вѣрно опредѣлила на своемъ свѣтскомъ жаргонѣ: онъ, дѣйствительно, смотрѣлъ какъ „ex-beau“ — довольно моложавый, съ красивой головой тенора или виртуоза. Его жесткіе курчавые волосы серебрились, и борода была коротко подстрижена. На немъ щеголевато сидѣла черная пара при бѣломъ галстухѣ.

Лицо у него было сладковато-важно, но брезгливо-обиженно.

Ближе къ окну, въ позѣ послушнаго студента, сидѣлъ его ассистентъ, маленькій чернявый человѣчекъ, и держалъ въ рукахъ толстоватую книгу.

Увидавъ Анну, консультантъ сдѣлалъ къ ней движеніе.

— Извините,—заговорилъ онъ высокимъ теноромъ: — я не могу-съ. Не могу-съ... при такомъ поведеніи больного.

— Достопочтенный коллега,—вмѣшался Фіалковскій, отойдя отъ кровати:—Его сіятельство не привыкъ къ такой системѣ. Анна Георгіевна, — попросите графа Георгія Александровича быть немножко послушнѣе. Профессоръ не допускаетъ, чтобы больные прерывали его соображенія излишними жалобами.

— Petite!—обратился къ ней отецъ:—Il est tout bonnement insupportable, ce monsieur!

— Успокойся, папа́!—просительно заговорила Анна, подходя къ кровати.

— Но они мнѣ всю душу выколотили!—застоналъ графъ.— Сначала ассистентъ, потомъ профессоръ... Я знаю, что они меня не поднимутъ... Изъ-за чего же такія мученія?

Консультантъ сложилъ на груди руки жестомъ человѣка, желающаго выдержать до конца, и сѣлъ опять въ то большое кресло, около ночного столика, гдѣ сидѣлъ до этой сцены.

— Прошу тебя... папа̀! — шопотомъ повторила Анна и, обратившись къ консультанту, сказала: — Вы мнѣ позволите остаться?.. я мѣшать не буду.

— Для меня это безразлично,—тономъ балованнаго ребенка протянулъ тотъ.

Онъ опустилъ голову въ ладони рукъ и началъ обдумывать.

Ассистентъ замеръ въ сгорбленной позѣ. Фіалковскій, съ хитрой усмѣшкой, глядѣлъ, стоя, на ученую знаменитость, и его глазки говорили:

„Вотъ ломается-то!..“

Потомъ консультантъ поднялся, взялъ со столика свой стэтоскопъ и приложилъ его къ груди больного.

Протянулось молчаніе, среди котораго только затрудненное дыханіе больного ритмически раздавалось.

— Не дышите!—приказалъ консультантъ.

— Не могу,—отвѣтилъ графъ.

— Такъ надо.

— Не могу! Я задыхаюсь.

Нервнымъ движеніемъ туловища больной сдвинулъ стэтоскопъ и взялся за грудь.

— Не нужно! Оставьте меня въ покоѣ!..

— И я не могу-съ!—обиженно откликнулся консультантъ, всталъ и, ни на кого не глядя, вышелъ.

Анна догнала его въ корридорѣ.

— Профессоръ! Простите... Будьте снисходительны!—говорила она ему вслѣдъ.

Онъ обернулся, и на его пухловатыхъ щекахъ выступила краска.

— Не могу-съ! Избавьте меня. Такихъ паціентовъ я не желаю имѣть.

— Позвольте,—строже выговорила Анна:—вашъ ассистентъ дѣлалъ діагнозъ.

— Хорошо-съ... А что̀ же изъ этого?

— Онъ долженъ былъ вамъ доложить.

— И доложилъ-съ.

— Не можетъ быть, чтобы вы не могли и теперь высказаться...

Они были у двери въ столовую.

— Вамъ приготовлено все,—сказала Анна, отворяя дверь.

Онъ оглянулъ столъ и, кажется, остался доволенъ, какъ онъ сервированъ, со всѣми его флакончиками и коробками.

Пришли два лакея—Левонтій и камердинеръ графа Модеста.

И только-что консультантъ сѣлъ за столъ—въ двери изъ большой гостиной вошелъ братъ Анны, за нимъ княгиня съ мужемъ и племянникъ.

Графъ Модестъ церемонно подошелъ къ консультанту и протянулъ ему руку.

— Извините, профессоръ,—началъ онъ.—Вамъ время дорого. Но послѣ того, какъ вы откушаете, мы съ сестрой и остальными членами семейства просили бы васъ сказать, что̀ вы нашли. Вы понимаете—моментъ рѣшительный.

— Прошу позволенія закусить.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Ваша сестрица была свидѣтельницей того, какъ паціентъ ведетъ себя.

— А что̀ такое?—удивленно спросилъ графъ.

— Профессоръ не позволяетъ больному говорить,—сказала безстрастно Анна.

— Да, не позволяю!—почти взвизгнулъ консультантъ.—И не могу иначе ставить діагнозъ. Это извѣстно. И не нужно было тогда приглашать меня.

— Стало быть, вы никакъ не выскажетесь?—спросила княгиня, подсаживаясь къ нему съ другой стороны.

— Однако, докторъ, — вмѣшался князь Ахметовъ:—всѣмъ намъ надо же знать—есть ли надежда, или нѣтъ.

Консультантъ началъ высыпать изъ коробочки бѣлый питательный порошокъ и разводить его въ тепловатой водѣ.

Князю это показалось крайне безцеремоннымъ.

— Позвольте мнѣ хоть поѣсть чего-нибудь!—полу-жалобной нотой протянулъ профессоръ.

— Сдѣлайте одолженіе!—воскликнулъ графъ Модестъ и сталъ ретироваться къ двери, дѣлая знакъ сестрѣ, зятю и племяннику.

Всѣ тоже потоптались немного на мѣстѣ и гуськомъ вышли изъ столовой.

Анна спросила себя мысленно: кто былъ противнѣе — консультантъ или ея родные? Она не хотѣла ретироваться, какъ они, и когда онъ съѣлъ свое первое питательное мѣсиво и дѣлалъ паузу—лакеевъ въ эту минуту не было,—она присѣла къ столу и заговорила спокойно и твердо:

— Вы слишкомъ впечатлительны, профессоръ. Отцу сильно за семьдесятъ лѣтъ. Онъ не знаетъ вашихъ пріемовъ. Если вамъ не угодно поставить рѣшительную діагнозу... для насъ,... то вы обязаны, по крайней мѣрѣ, вашему коллегѣ, доктору Фіалковскому, заявить: считаете ли вы его леченіе правильнымъ.

Онъ уставился на нее изумленными глазами. Кажется, въ первый разъ осмѣливались такъ съ нимъ говорить.

— Свои обязанности я знаю, сударыня.

— Преврасно. Отвѣтьте мнѣ просто—правъ докторъ Фіалковскій, находя, что отецъ не встанетъ? Извините... это вы, во всякомъ случаѣ, можете сказать.

— Сударыня... вы производите надо мной насиліе. Развѣ я виноватъ, что меня зовутъ всегда въ безнадежныхъ случаяхъ?

— Какъ и болѣзнь отца?

— Я этого не сказалъ.

— Извините. Я уйду. Но если паціентъ вывелъ васъ изъ себя, то его врачъ ни въ чемъ не виноватъ, и я увѣрена, что вы, передъ отъѣздомъ, поговорите съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, онъ съ вами простится и передастъ вамъ вашъ гонораръ.

— Это меня не касается. Это—дѣло моего ассистента.

Онъ опять завѣсился салфеткой и сталъ готовить себѣ другую питательную микстуру изъ темнобурой густой жидкости и чего-то еще.

— Добраго аппетита!—пожелала ему Анна и чуть не разсмѣялась—до такой степени онъ былъ хорошъ.

XIX.

Больной только-что забылся.

Въ углу, на стулѣ, „сестру“ клонило ко сну, и она старалась держать вѣки открытыми.

Около ширмъ Анна присѣла на табуретѣ и глядѣла съ усиліемъ своими близорукими глазами на лицо умирающаго.

У нея было такое чувство, что онъ не доживетъ до слѣдующей ночи. Докторъ ушелъ къ себѣ, съ полчаса назадъ, когда больной началъ забываться.

Она въ корридорѣ спросила его:

— Доживетъ ли до завтра, Василій Ермиловичъ?

— Можетъ быть,—отвѣтилъ онъ на ходу и махнулъ рукой.

Вотъ такъ же, у ногъ умирающаго мужа, сидѣла она въ ночь его кончины и глядѣла на его лицо.

У него начинался бредъ. Какое-то одно слово онъ повторялъ очень жалобно и невнятно, такъ что она не могла никакъ опредѣлить—что̀ это за слово и на какомъ языкѣ.

И вдругъ онъ приподнялся, точно въ него ударила искра электрическаго привода; лицо ожило, глаза зажглись; онъ подозвалъ ее къ себѣ и проговорилъ внятно и безъ дрожи въ голосѣ:

— Прощай, Анна... я умираю.

Потомъ сказалъ ей тѣ холодящія прощальныя слова:

— Навсегда! Навсегда!

И черезъ нѣсколько секундъ его собственно уже не стало.

Но она не могла уловить той минуты, когда смерть совсѣмъ сковала внутри его жизнь. Ни одна фибра лица не дрогнула, лицо не опустилось, не потемнѣло: вѣки были и раньше опущены. Лицо спящаго человѣка—и только.

И теперь смертью не вѣяло на нее отъ этого умирающаго, хотя она и видѣла, что не черезъ три часа, такъ черезъ сутки онъ перестанетъ жить.

Не ужасъ, а новое чувство, трудно опредѣляемое сразу, прокрадывалось въ нее: чувство тщеты и тяжкой ненужности всего, что̀ связано съ умираніемъ человѣка.

А здѣсь, въ ея „отчемъ домѣ", это запоздалое разставаніе съ жизнью стараго и нераскаяннаго грѣшника не было обставлено хотя бы только подобіемъ „непостыдной" кончины, съ словами покаянія и смиренія.

Ей невольно припомнились молитвенныя слова, произносимыя за каждой обѣдней.

И вопросъ всталъ передъ нею: обязана ли она, если отецъ раскроетъ сейчасъ глаза, подойдти къ нему и спросить: не желаетъ ли онъ послать за священникомъ?

Еслибъ желалъ—давно сказалъ бы. Да и вѣритъ ли онъ въ догматы той религіи, въ которой воспитался? Ей припомнились разныя его остроты и словечки. Такому человѣку, какъ ея отецъ, до неба и слiянія съ вѣчнымъ началомъ добра и правды никогда не было дѣла — въ этомъ она убѣждена. Онъ, бывало, только исполнялъ обряды и выстаивалъ равнодушно на церковныхъ торжествахъ.

Спросить его о священникѣ—это прямо объявить ему, что настала минута читать ему отходную. Но вѣдь она здѣсь не одна. За стѣной ее ждутъ. Для нея декорумъ—выше всего. Они будутъ обличать ее въ томъ, что она умышленно не допустила до него священника, какъ безбожница...

Вездѣ, и за границей, изъ-за этого выходитъ ожесточенная борьба. Вѣрующіе дѣлаютъ насиліе надъ отцами, братьями, мужьями, если тѣ—„свободные мыслители"; призываютъ патеровъ къ больному, когда онъ уже лишился сознанія и агонія началась.

И все это затѣмъ только, чтобы напечатать на пригласительныхъ похоронныхъ билетахъ:

„Monsieur *** est décédé muni des saints sacrements"...

— Анна Георгіевна! — окликнули ее шопотомъ изъ-за ширмъ.

Она вся встрепенулась, беззвучно привстала и поглядѣла назадъ.

Левонтій въ полуотворенную дверь окликнулъ ее еще разъ.

— Что такое?—спросила Анна, выйдя къ нему.

— Семенъ Георгіевичъ пріѣхалъ и проситъ васъ пожаловать.

— Сейчасъ?

— Они желали видѣть папеньку, да я доложилъ, что въ настоящую минуту нельзя, придется разбудить.

— Гдѣ же онъ?

— Въ маменькиной спальнѣ имъ приготовлено.

— Онъ одинъ?

— Сейчасъ были тамъ княгиня и Модестъ Георгіевичъ.

— Хорошо. Скажите, что я приду.

Анна, задумавшись, и не слыхала, какъ подъѣхалъ ея старшій братъ. Вѣроятно, ему уже сообщили, что отецъ очень опасенъ. О его пріѣздѣ сегодня ей никто ничего не говорилъ. Больной не желалъ сегодня никого пускать къ себѣ, и она сама не видала никого—ни сестры, ни брата, ни племянника. И Лидія Власьева не заходила къ ней.

Она вернулась въ комнату больного. „Сестра“ задремала. Умирающій хрипло дышалъ и лежалъ все такъ же на спинѣ, съ закрытыми глазами.

Отъ легкаго скрипа паркета, когда она тихонько двигалась отъ ширмъ, онъ не проснулся.

Анна разбудила „сестру“.

— Я должна идти. Старшій братъ пріѣхалъ. Если что... пошлите за мной.

— А за Василіемъ Ермиловичемъ послать?

— Теперь нѣтъ... Больной почиваетъ.

Чуть ступая, на цыпочкахъ, Анна вышла изъ комнаты и въ засвѣжѣвшемъ корридорѣ пріостановилась.

Это внезапное свиданіе съ старшимъ братомъ точно ожгло ее. Трудно было бы ей сказать сразу: который изъ обоихъ братьевъ вызываетъ въ ней болѣе тяжелое чувство, кто изъ нихъ болѣе чуждъ ей. Но Модестъ, съ его фальшивымъ тономъ и дипломатическими подходами, болѣе смѣшонъ для нея, чѣмъ ненавистенъ. А „старшаго“ и отецъ побаивался. Онъ—та сила, которая считаетъ себя несокрушимой...

„Маменькина“ спальня помѣщалась въ другомъ концѣ этажа—

за передней. Надо было пройти черезъ нѣсколько пустыхъ комнатъ. Никто съ ней изъ родныхъ не повстрѣчался.

На площадкѣ, передъ комнатой, занятой теперь Семеномъ Георгіевичемъ, сидѣлъ на стулѣ пріѣхавшій съ нимъ слуга.

— Вы къ графу?—спросилъ онъ ее, быстро поднимаясь.— Я сію минуту доложу.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ вернулся.

— Просятъ пожаловать.

Ея братъ былъ одинъ. Онъ сидѣлъ у стола, гдѣ горѣли свѣчи въ высокомъ канделябрѣ. Но большая комната, съ темными стѣнами, стояла въ полумракѣ. Справа — ширмы полукругомъ вдоль кровати.

При входѣ ея, братъ всталъ.

Первое, что̀ Анна ощутила непріятно — сходство свое съ братомъ. Оно—съ лѣтами—усилилось. Но онъ ей показался ниже ростомъ, и вся его фигура производила на нее впечатлѣніе чего-то для нея нимало не внушительнаго.

Онъ все такъ же молодился и, кажется, подкрашивалъ свои бакенбарды. Вокругъ полысѣлаго лба лежали точно гоффрированныя пряди рѣдкихъ волосъ безъ просѣди,—должно быть, также подфабренныхъ.

Все тотъ же видъ скучающей особы, съ выпяченной нижней губой и прищуренными глазами, за стеклами золотого pince-nez. И тоже кисло-суховатое, точно прищемленное выраженіе всего облика, такъ близкаго ей по крови и сходству и такъ противнаго.

На немъ былъ короткій вестонъ, придававшій ему кажущуюся моложавость.

Не желая быть съ нимъ по родственному, Анна первая, входя, сказала ему громко:

— Вы хотѣли меня видѣть?

— И весьма,—оттянулъ онъ, подходя къ ней съ протянутой рукой.

Видя, что она съ нимъ не поцѣлуется, онъ сейчасъ же заложилъ руки въ карманы и сѣлъ.

— Извините, что обезпокоилъ. Но оказывается, что безъ вашего разрѣшенія проникнуть къ отцу нельзя.

— Это вздоръ! — возразила Анна. — Вы могли послать за докторомъ. Отецъ теперь заснулъ, и, конечно, будить его было бы совершенно непозволительно.

Онъ щурился на нее сквозь стекла своего pince-nez, и на лицѣ его играла усмѣшка, какая бываетъ у баръ, когда имъ кто-нибудь сразу выкажетъ полное нежеланіе знать—*кто они*.

Анна, взявъ этотъ тонъ, только облегчила себя и обезпечила впередъ свои отношенія съ нимъ, пока она здѣсь и нужно будетъ съ нимъ встрѣчаться.

Ни одной секунды она не подумала, что надо съ нимъ повести себя „умно", т.-е. надѣть на себя личину. Она его нисколько не боялась, испытывая даже что-то физически пріятное отъ своего тона.

— Кто же желаетъ врываться! — замѣтилъ онъ, откидывая голову назадъ. — Садитесь, пожалуйста, — указалъ онъ ей на кресло.

Чуть замѣтное подергиванье плечъ показало, что онъ совершенно „аффрапированъ".

Она сѣла.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ положеніи отецъ? Никто ничего не знаетъ. Всѣ наши,—онъ указалъ рукой на стѣну вправо—въ какомъ-то осадномъ положеніи.

— Ужъ не я ли его причина?—спросила Анна.

— Ахъ, Боже мой! Но отецъ никого къ себѣ, кромѣ васъ, не пускаетъ. Что-же! Мы рискуемъ, что онъ будетъ при послѣднемъ издыханіи, а мы ничего объ этомъ не узнаемъ... пока вамъ не угодно будетъ оповѣстить насъ.

Его глаза перестали щуриться. Анна посмотрѣла на него такъ же пристально, какъ и онъ смотрѣлъ на нее въ эту минуту.

Вотъ онъ врагъ-то... не ея лично, не „паршивой овцы" Волгинскаго рода...

Она видѣла этого человѣка насквозь. Она знала, что̀ это, въ сущности, за ничтожество, съ самой заурядной, даже не барской натурой, — не умѣетъ даже быть честолюбивымъ...

Ей припомнился пылкій, трепетный возгласъ умирающаго мужа, когда онъ возмущался проповѣдью „непротивленія злу".

Какъ! Надо кротостью и смиреніемъ побѣждать вотъ такихъ, какъ ея братъ Семенъ Георгіевичъ?! На нихъ только и можно дѣйствовать, что отпоромъ, смѣлымъ и упорнымъ, показывая имъ, на какой высотѣ они стоятъ въ вашихъ глазахъ.

Она почти не слышала, что̀ онъ говоритъ, охваченная своимъ внутреннимъ „клокотаньемъ".

— Позвольте же, однако, узнать,—донесся до нея его чопорный, обиженный голосъ: — въ какомъ же положеніи отецъ сію минуту? Я пріѣхалъ...

— Только-что во̀-время,—договорила за него Анна.—Отецъ очень плохъ. И я не думаю, чтобы онъ дожилъ до послѣзавтра.

— Это было и мнѣніе петербургскаго консультанта?.. Мнѣ говорили... здѣсь Богъ знаетъ что̀ вышло. Стало быть, порядочный діагнозъ не былъ поставленъ?

— Онъ сказалъ, что отецъ безнадеженъ. То же говоритъ и врачъ, который при немъ неотлучно.

Графъ всталъ и сдѣлалъ два-три шага по комнатамъ.

— Однако, нельзя же такъ! Кто же здѣсь теперь распоряжается?

— Я не знаю,—протянула Анна съ выраженіемъ.—Во всякомъ случаѣ, не я. Если вамъ угодно... быть главой дома... это ваше право—я вамъ не буду и не могу препятствовать.

— Все это—совершенно некстати...

— Позвольте,—остановила она его и подошла къ нему поближе.—То, что̀ я сейчасъ сказала—очень кстати. Мое положеніе здѣсь чисто страдательное. Отецъ меня вызвалъ сюда... не сказавъ никому. Это не моя вина. То, что̀ я исполнила по его порученію, въ Петербургѣ, я лично не желаю дѣлать тайной; но не имѣю права и раскрывать. На это меня отецъ не уполномочивалъ. Остальное—раскроется въ скоромъ времени.

— Превосходно. Но всѣ дѣти графа Георгія Александровича, смѣю думать, имѣютъ нѣкоторое право быть при его послѣднихъ минутахъ?

— Дверь его спальни не заперта. Когда я ушла, онъ спалъ. Угодно вамъ потребовать сюда доктора — онъ вамъ скажетъ: можно ли безпокоить его ночью.

— Онъ всѣхъ гонитъ. Это Богъ знаетъ что̀ такое!

— И вы думаете, что это—мои козни?

Она чуть не разсмѣялась вслухъ.

Братъ ея—уже гораздо замѣтнѣе—передернулъ плечами, и pince-nez соскочило съ носа. Онъ сталъ нервно вертѣть снурокъ.

Дверь чуть слышно пріотворилась.

— Что̀ нужно?—спросилъ графъ у слуги.

— Ваше сіятельство... „сестра“ проситъ ихъ пожаловать въ спальню. Докторъ прислали... Графъ...

Она не дослушала и бросилась изъ комнаты. Братъ также быстро пошелъ за ней и нагналъ ее въ корридорѣ.

— Значитъ, это конецъ?—спросилъ онъ ее на ходу.—Надо дать знать всѣмъ.

Анна ничего ему не отвѣтила.

— Его пріобщали?—спросилъ братъ.

— Нѣтъ.

— Надо послать за священникомъ.

— Надо, — отвѣтила она ему въ тонъ, остановившись на секунду:—спросить отца—желаетъ ли онъ этого?

— Что̀ вы! Что̀ вы!

Графъ рѣзко повернулъ на каблукѣ и пошелъ назадъ—доложить всѣмъ и послать за священникомъ.

Глухіе стоны и какъ бы всхлипыванье раздавались въ комнатѣ больного, когда Анна вышла туда. „Сестра“ и докторъ стояли у кровати — она съ другой стороны изголовья, онъ — у края. „Сестра“ придерживала руками голову больного.

Онъ жалобно стоналъ. Каждый глотокъ воздуха стоилъ ему жестокаго усилія. Но онъ былъ еще въ полномъ сознаніи.

— Анна Георгіевна!—шопотомъ сказала „сестра“.

Больной сейчасъ же услыхалъ это.

— Анна! Это ты?—спросилъ онъ.—Умираю... Умираю... Душитъ... Une souffrance atroce!

Она подошла и опустилась на край постели, въ ногахъ.

— Пріѣхалъ братъ Семенъ Георгіевичъ... Онъ можетъ тебя видѣть?

— Пріѣхалъ? Наконецъ-то! Исполнить долгъ? Le farceur!

— Папа́! Ты видишь!

— Что̀ я вижу?—вдругъ злобно крикнулъ старикъ.—И безъ васъ знаю!

— Ваше сіятельство!—докторъ ниже нагнулся къ нему:—вы меня просили предупредить васъ, пока вы еще въ силахъ...

— А? Надо устроить торжественное прощаніе?

Раздались мужскіе шаги. Вошелъ графъ Семенъ Георгіевичъ, за нимъ княгиня и графъ Модестъ. За ними, въ дверяхъ, князь, его дочь и графъ Валерій.

Анна отошла къ ширмамъ, желая совсѣмъ стушеваться.

Старшій братъ поцѣловалъ руку отца и опустился на колѣни, у самой кровати.

— Отецъ Евменій сейчасъ будетъ,—тихо, но внушительно выговорилъ онъ.

— Mon père!—раздался слезливый возгласъ княгини:—nous vous prions de nous bénir.

Она тоже опустилась на колѣни. Графъ Модестъ сталъ рядомъ съ сидѣлкой и одной рукой тоже придерживалъ голову отца.

Умирающій пересталъ метаться. Онъ повернулъ голову, точно кого-то искалъ.

— Анна! Ты тутъ... Подойди... сюда... Прощай...

Онъ хотѣлъ протянуть руку; но она безпомощно упала.

— Помогите... Сестра! Хочу подняться... немного. Душитъ... душитъ...

Его приподняли подъ мышки.

— И вы... прощайте...—выговорилъ онъ съ трудомъ.—Знаю... будете честить меня. Что посѣяли... то и пожнете. Она—онъ съ усиліемъ поднялъ руку и указалъ на Анну... А то, какъ я распорядился... въ этомъ я во...

Умирающій не договорилъ. Голова упала на подушку. Раздался предсмертный хрипъ.

Послышались тяжелые шаги отца Меморскаго. Онъ уже стоялъ въ дверяхъ съ св. дарами.

— Пожалуйте, батюшка,—пригласилъ его графъ Семенъ Георгіевичъ... Вы еще можете пріобщить.

Старикъ поглядѣлъ на больного изъ-подъ своихъ навислыхъ бровей и покачалъ головой.

— Поздно, ваше сіятельство. Батюшка вашъ — въ безпамятствѣ.

Началась агонія.

XX.

„Когда же вонъ отсюда“?!..

Съ этимъ мысленнымъ возгласомъ Анна проснулась черезъ день послѣ похоронъ отца.

Все было уже позади. Хоронили его не на третій день, а на четвертый—ждали жены старшаго брата. Но она заболѣла и поздно прислала депешу.

Изъ Петербурга и изъ губернскаго города были пріѣзжіе. Въ церкви и на кладбищѣ она видѣла мундиры; но толпы—никакой, даже крестьянской толпы.

Земскій начальникъ былъ въ отпуску, и объ этомъ никто, кажется, не позаботился.

Завѣщаніе отца готовитъ имъ сюрпризъ, но она дорого бы дала, еслибъ могла теперь же очутиться за двѣ тысячи верстъ отъ Зарѣчнаго.

Эти нудные дни, когда тѣло покойника еще лежало въ спальнѣ, и похороны, и длинное „вчера“, съ кислыми и фальшивыми разговорами—все это позади.

Братья не съумѣли придать ничего торжественнаго похоронной церемоніи. Все было сдѣлано на скорую руку, довольно скудно. Служилъ архимандритъ; на „владыку“—поскупились.

Никакой депутаціи, ни одной рѣчи у открытой могилы.

Были вѣнки. Но ни одного теплаго взора, ни одного лица взволнованнаго или опечаленнаго. Вся сушь и бездушіе той среды, гдѣ покойникъ поднимался по служебной лѣстницѣ, сказалась въ этой ординарной и безцвѣтной тризнѣ.

И вотъ теперь ей надо сводить свои счеты съ родными. Она не хочетъ уѣхать безъ того заявленія, которое она вчера окончательно обдумала.

Оба брата, сестра и остальные — точно по какому-то „mot d'ordre"—держались съ ней умышленно вѣжливо, но какъ съ посторонней. Распоряжались всѣмъ графъ Модестъ и княгиня. Въ ихъ минахъ, и взглядахъ, и тонѣ тѣхъ словъ, какими они мѣнялись съ нею, было желаніе дать ей понять, что они имѣли бы право и возможность съ ней не особенно церемониться.

Но подъ этимъ было и еще что-то.

Чувствовалось, что въ ихъ глазахъ она все-таки-же поднялась. Съ ней надо теперь считаться. Неизвѣстно, какъ распорядился отецъ своимъ недвижимымъ имуществомъ. Хорошо, что онъ не успѣлъ продать ни одного изъ имѣній.

Но ея права, здѣсь въ Зарѣчномъ, какъ наслѣдницы покойника—такія же, какъ и у братьевъ, и у сестры.

Это—почва твердая. Никогда не преклонялась она передъ собственностью, не признавала за собою никакихъ правъ на имѣніе, домъ, деньги, потому только, что она—дочь такого-то и такой-то. Никогда она не обращалась за пособіемъ къ своему отцу и не считала себя обдѣленной и обиженной, когда онъ лишилъ ее всякой поддержки.

Но вотъ теперь, въ эту минуту, она какъ бы довольна, что у нея есть такая почва.

Только ее вѣдь они и признаютъ, всѣ эти „единокровные" и „единоутробные", которые живутъ съ ней въ однихъ старыхъ родовыхъ хоромахъ.

И, разумѣется, каждый и каждая изъ нихъ увѣрены, что она вошла въ сдѣлку съ отцомъ, продала ему свои услуги, можетъ быть и припрятала что-нибудь. Отецъ вѣрилъ въ ея честность. Братъ Модестъ—пожалуй; но за Марью и Семена она не могла поручиться.

Она первая сказала старшему брату—еще въ ночь кончины,—что ключи лежатъ у отца подъ подушкой. Она же передала ему предсмертную волю отца, чтобы сейчасъ же была дана депеша его пріятелю, и, не дожидаясь его распоряженія, сама

объ этомъ позаботилась, не смущаясь тѣмъ, какъ на это онъ и другіе посмотрятъ.

Ея „бывшая подруга", Лидія Власьева, нѣсколько разъ подсаживалась къ ней и что-то такое начинала говорить, съ какими-то подходами и намеками. Она вела себя на панихидахъ и на похоронахъ точно членъ семейства, и, кажется, у нея опять пошли большіе лады съ графомъ Модестомъ.

Душеприказчикъ отца вчера вечеромъ уѣхалъ. Онъ заявилъ о томъ, что завѣщаніе положено имъ на храненіе въ банкъ. Онъ боялся взять его съ собою. Это имъ всѣмъ очень не понравилось. Но декорумъ былъ соблюденъ. И даже княгиня—передъ постороннимъ лицомъ—не позволила себѣ никакого лишняго вопроса.

Не здѣсь, а въ Петербургѣ будетъ вскрыто это завѣщаніе.

Поѣдетъ ли она туда? Загаринъ уговариваетъ ѣхать, пугаетъ даже тѣмъ, что въ губернскомъ городѣ ей могутъ и невыдать паспорта.

Опять чувство „почвы" настроиваетъ ее иначе. Разъ она здѣсь равноправный членъ семьи—слѣдуетъ до конца выполнить свою роль. Но сдѣлать это нужно послѣ того, какъ она сегодня сдѣлаетъ свое заявленіе, которое она уже обдумала и перерѣшать не будетъ.

О томъ чекѣ, который отецъ вручилъ ей, она ничего не говорила Загарину, находя, что до кончины отца не имѣетъ на это нравственнаго права. Онъ могъ и передумать, переписать сумму, дать ей, цѣликомъ или частью, другое назначеніе.

И вчера она не хотѣла совѣтоваться съ своимъ товарищемъ. Онъ навѣрное сталъ бы ее отговаривать. Онъ знаетъ даже, какими словами.

„Не проймете вы ихъ, голубушка, благородными чувствами. Не мечите бисера, прошу васъ!"

Но ея рѣшеніе неизмѣнно.

Вчера она сказала старшему брату—при сестрѣ и ея мужѣ,—что проситъ ихъ всѣхъ „удѣлить ей четверть часа".

Графъ Семенъ Георгіевичъ съ сыномъ долженъ уѣхать сегодня же. Кажется, младшій братъ и сестра проживутъ здѣсь еще день-другой.

По ихъ лицамъ, когда она имъ это сказала, видно было, что они между собою уже совѣщались, на случай какого-нибудь „особеннаго хода" съ ея стороны. Но до вскрытія завѣщанія они ничего положительнаго не знаютъ. Никто изъ нихъ—даже и княгиня—не дѣлалъ ей никакихъ вопросовъ. Въ сестрѣ дѣй-

ствуетъ, прежде всего, жадность; въ братьяхъ—и особенно въ старшемъ—злобное чувство, болѣе сложное и безпощадное.

Когда Анна одѣлась и напилась чаю у себя въ боскетной, она послала спросить Семена Георгіевича — въ которомъ часу она можетъ видѣть его.

Она знала, что всѣ тотчасъ же соберутся.

Въ большой гостиной она нашла обоихъ братьевъ, сестру съ мужемъ и племянника.

Всѣ они сидѣли, полукругомъ, около камина. На княгинѣ были модныя англійскія плёрёзы, въ видѣ нарукавниковъ и воротничка. Она на панихидахъ много плакала, и лицо у нея слегка опухло. Мужъ ея на рукавъ своей тужурки надѣлъ крепъ. Также и Модестъ.

Но фигура старшаго брата въ короткомъ пиджакѣ не имѣла въ себѣ ничего подходящаго къ моменту.

Онъ поздоровался съ ней молчаливымъ поклономъ. Руки не протянулъ. Такъ они здоровались все время и послѣ смерти отца. Модестъ и княгиня сказали съ своихъ мѣстъ краткое „bonjour“, а племянникъ привсталъ и поклонился пониже отца.

Семенъ Георгіевичъ пригласилъ ее—все-такъ же молча—сѣсть въ одно изъ креселъ, стоявшихъ полукругомъ передъ каминомъ.

Анна сѣла и оглянула всѣхъ въ полоборота.

Вотъ теперь они, по крайней мѣрѣ, не хитрили.

Ихъ мины и посадки показывали прямо, что она для нихъ—чужая, вторгшаяся въ семью интригантка...

Такъ лучше! Ей сразу стало гораздо легче. При воинственности ея натуры, она только передъ непріятелемъ и чувствовала себя на особенномъ подъемѣ душевныхъ силъ.

— Мы васъ слушаемъ,—началъ старшій братъ, и принялъ такое положеніе, какое принималъ у себя въ кабинетѣ, когда онъ выслушивалъ дѣла: наклонивъ низко голову, съ правой рукой на колѣнѣ.

Княгиня захотѣла сказать:

„Nous sommes toute oreille“.

Но она воздержалась.

— Вамъ всѣмъ теперь извѣстно,—начала Анна тономъ заявленія,—что отецъ оставилъ завѣщаніе.

Оба брата кивнули головами.

— А развѣ батюшка далъ вамъ, сестра, какія-нибудь устныя порученія по этой части? — спросилъ графъ Модестъ, немного подаваясь впередъ.

— Никакихъ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Вы хотите сказать—зачѣмъ я о немъ говорю?—остановила она младшаго брата, быстро повернувъ голову въ его сторону.—А вотъ зачѣмъ... Завѣщаніе это—я не знаю, какое оно: первоначальное или новое—я возила въ Петербургъ.

Старшій братъ повелъ губами, какъ бы говоря:

„Мы объ этомъ догадывались".

— Но что̀ въ немъ—я не знаю, и оно было написано до меня. Свидѣтелями были Загаринъ и здѣшній земскій начальникъ.

— Намъ это извѣстно!—не утерпѣла княгиня и стала тереть руки.

— Какъ вы всѣ отнесетесь къ этому завѣщанію — я не знаю, и до меня оно не касается. Можетъ быть, вы будете оспаривать...

— Кто же это вамъ сказалъ?—остановилъ ее старшій братъ и поднялъ голову.

Его давно уже внутренно поводило то, что Анна такъ говоритъ съ нимъ, точно будто она здѣсь „chef de famille", когда она, въ сущности, „паршивая овца", которую онъ, еслибъ захотѣлъ, съумѣлъ бы поставить на свое мѣсто.

То же чувствовала и княгиня. Ея щеки, подъ слоемъ жирной пудры, пошли уже пятнами. А Валерій раза два уже переглянулся съ дядей, и оба, про себя, повторяли:

— „Quelle impertinence!"

— Это ваше дѣло. Но я считала нужнымъ заявить вамъ это. Повторяю то, что̀ уже имѣла случай высказывать и вамъ обоимъ—она показала на братьевъ—и сестрѣ Марьѣ Георгіевнѣ: здѣсь я играла чисто страдательную роль.

Модестъ сдѣлалъ чуть замѣтный жестъ головой.

— Чисто страдательную,—сильнѣе повторила Анна.—Отецъ меня вызвалъ; я пріѣхала, и онъ обратился ко мнѣ съ просьбой исполнить его порученіе—съѣздить въ Петербургъ.

— Мы это знаемъ,—съ брезгливой миной отозвался старшій братъ, и сталъ играть снуркомъ pince-nez, лѣвой рукой.

— Но ты ѣздила не за однимъ этимъ,—опять не удержалась княгиня и встала.

Модестъ во второй разъ переглянулся съ племянникомъ. Они не одобрили этой выходки княгини.

— Не за однимъ этимъ,—отвѣтила Анна и тоже встала.

Она подошла ближе къ камину и встала къ нему спиной, такъ что могла теперь, не поворачивая головы, смотрѣть на всѣхъ нихъ прямо.

— Не за однимъ этимъ,—повторила она.

— Тогда скажи, за чѣмъ.

Семенъ Георгіевичъ поглядѣлъ въ полоборота на княгиню.

— Намъ совсѣмъ не интересно это знать, Мари.

— Интересно, или нѣтъ—продолжала Анна,—я, все равно, не имѣю права и послѣ смерти отца сказать, что̀ онъ мнѣ еще поручалъ. Довольно того, что я это исполнила, и онъ былъ доволенъ.

— Послушай!—княгиня почти подбѣжала къ нея съ раздутыми ноздрями:—Ты могла оставаться съ своими тайнами. Никто у тебя ихъ не выспрашивалъ. Но согласись, что ты поступила какъ дурная сестра... въ такомъ дѣлѣ, которое... enfin qui avait pour but de nous mettre dedans! Мнѣ извѣстно выраженіе отца. Ха, ха!

— Ecoute, Marie!—остановилъ ее старшій братъ и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая подняться съ кресла:—Pas de scènes, pour l'amour de Dieu!

— Сестра высказала только то, что̀ у пея, вѣроятно, накопилось на сердцѣ,—сказала Анна и кистью руки взялась за карнизъ камина.

— Eh bien oui!—крикнула княгипя.

— И прекрасно! Я не думаю здѣсь оправдываться, и никого изъ васъ судьей не признаю. То, что̀ я выполнила по предсмертной просьбѣ отца—то я сдѣлала бы и для посторонняго лица. Если это распоряженіе — противъ вашихъ матеріальныхъ интересовъ, то вѣдь я ваша сонаслѣдница... стало быть, и противъ моихъ...

Княгиня остановилась по срединѣ гостиной, оглядывая всѣхъ своихъ. Братья поглядѣли другъ на друга. Валерій сжалъ губы, и все его обтянутое, бритое лицо стало свѣтлѣе отъ злобной усмѣшки глазъ.

— Положимъ,—оттянулъ Семенъ Георгіевичъ:—но потомъ?

Анна, послѣ своей тирады,—сказала себѣ мысленно:

„Такъ нужно!“

И дѣйствительно, такъ было нужно. Этимъ она закрѣпляла за собою „почву“. Здѣсь, въ этой гостиной родовой Волгинской усадьбы, она, дочь Георгія Александровича — законная сонаслѣдница своихъ братьевъ и сестры.

Они всѣ отлично поняли эту „параду“, какъ въ тотъ же день, за обѣдомъ, выразился ея племянникъ.

— Потомъ что̀?—повторила она вызывающе вопросъ старшаго брата.—Какъ бы отецъ ни распоряжался въ своемъ новомъ

завѣщаніи—я заявляю здѣсь, что ни въ какихъ протестахъ противъ него участвовать не буду.

— Comme c'est malin!—кинула княгиня съ своего мѣста.

— Это ваше дѣло,—сказалъ, процѣживая слова, Модестъ.—Мы васъ и не приглашаемъ...

— Это еще не все... То, что̀ отецъ поручилъ мнѣ исполнить—это его интимное дѣло, а не мое.

— Мы это слышали,—проговорилъ Семенъ Георгіевичъ.

— Но то, что̀ онъ сдѣлалъ для меня, я не желаю дѣлать тайной. Если кто-нибудь изъ васъ заподозрилъ меня въ томъ, что я чего-нибудь добивалась или выпрашивала для себя — это было бы такъ непохоже на меня...

— Никто васъ не подозрѣваетъ. Успокойтесь!—уже съ оттѣнкомъ нетерпѣнія перебилъ старшій братъ.

— Позвольте мнѣ досказать. Это мое право.

Возгласъ Анны раскатисто прозвучалъ въ обширномъ и сыроватомъ покоѣ.

— Мнѣ неизвѣстно, какъ отецъ распорядился въ завѣщаніи своими имѣніями, домами и капиталомъ. Но онъ заставилъ меня... повторяю—заставилъ принять отъ него чекъ на большую сумму.

Всѣ притихли и опустили головы, точно по уговору.

— Вотъ этотъ чекъ.

Анна вынула продолговатый листокъ сѣрой бумаги изъ кармана своей суконной кофточки и положила его на геридонъ, стоявшій на углу камина.

— Избавьте отъ такихъ щедротъ! — вырвалось у Семена Георгіевича.

— Мы не хотимъ твоихъ подачекъ!—глухо крикнула княгиня.

— Хочешь или нѣтъ—это до меня не касается. Я оставляю этотъ чекъ здѣсь. Можете его уничтожить, можете пріобщить къ движимости отца. Это—ваше дѣло. Больше я ничего отъ отца для себя лично не получила. Вы, надѣюсь, мнѣ повѣрите. Онъ—вѣрилъ мнѣ. Доказательство—на лицо. Вотъ все, что̀ я хотѣла вамъ заявить. Остальное меня не касается. И своимъ присутствіемъ въ этомъ домѣ я васъ долго утруждать не буду.

Ни на кого не глядя, она вышла изъ гостиной, оставивъ чекъ все на томъ же мѣстѣ...

XXI.

Старыя хоромы Зарѣчнаго опустѣли.

Всѣ разъѣхались, и нижній этажъ стоитъ заколоченный. Наверху только двѣ комнаты отопляются.

Въ нихъ жила еще Анна.

Не думала она, недѣлю назадъ, что ей придется жить одной въ большомъ домѣ. Не зря послѣднія ея слова были: „я васъ долго утруждать своимъ присутствіемъ не буду". Но въ тотъ же день, къ вечеру, она слегла въ постель. Это былъ новый припадокъ не вылеченной, какъ слѣдуетъ, инфлуэнцы, съ нервнымъ осложненіемъ.

Та же дѣвица Битягова осталась ухаживать за ней и выжила четверо сутокъ.

Докторъ Фіалковскій отложилъ свой отъѣздъ на цѣлую недѣлю.

Ея „вѣрный песъ" Загаринъ не на шутку струхнулъ, боялся тифа. Но дѣло обошлось только сильнымъ бронхитомъ, и температура съ сорока градусовъ черезъ два дня стала опускаться.

Вотъ и пришлось ей сдѣлаться обитательницей родовыхъ хоромъ.

Ея „кровные", въ первый же день, когда она слегла, повели себя съ замѣтной перемѣной фронта. Ея „выходка", о которой она и теперь не сожалѣетъ, что̀ бы ни говорилъ противъ нея Загаринъ—произвела свое дѣйствіе.

Чекъ былъ ей возвращенъ меньшимъ братомъ, черезъ часъ послѣ ея заявленія.

Она, еще разъ, не согласилась измѣнить своего рѣшенія.

Это произвело еще болѣе внушительное дѣйствіе. Самъ Семенъ Георгіевичъ, за два часа до своего отъѣзда, — она уже лежала въ постели,—пришелъ проститься съ нею, принесъ опять чекъ и сталъ пускать въ ходъ самыя солидныя свои интонаціи—почтительно-суховато излагать ей, что она требуетъ невозможнаго.

Они не могутъ взять у нея этотъ чекъ — никто изъ нихъ, ни онъ, ни братъ Модестъ, ни сестра Марья, и получить по немъ въ банкѣ.

Анна все время молчала.

Уходя и прощаясь съ нею, графъ сказалъ:

— Если вы, сестра, считаете справедливымъ, чтобы мы всѣ

участвовали въ этомъ дарѣ отца — это ваше дѣло. Тогда, по утвержденіи завѣщанія, вы вправѣ отказаться отъ какой вамъ угодно части наслѣдства.

Но ей теперь извѣстно, черезъ Загарина, что братьямъ было не мало труда уговорить сестру Марью не удерживать у себя чека. Ее поддерживалъ и мужъ, и даже у нихъ вышелъ обмѣнъ рѣзкостей съ Модестомъ.

Чекъ остался на ея ночномъ столикѣ. Она его не раскрывала. Внутренно она согласилась съ доводами брата. А потомъ болѣзнь захватила ее. Она нарочно гнала отъ себя всякія мысли о роднѣ, завѣщаніи отца, обо всемъ томъ, что̀ ей предстоитъ еще, если она не откажется совсѣмъ отъ наслѣдства.

Она знала одно, что такъ скоро не уѣдетъ къ себѣ, и это ее—въ первое время—сильно раздражало.

Меньшой братъ и сестра съ семействомъ оставались еще одинъ день въ Зарѣчномъ. И тутъ не обошлось безъ фальши и пошлости. Княгиня, рѣзко спустивъ тонъ, притворилась испуганной болѣзнью сестры и все плакалась, что принуждена торопиться. Братъ Модестъ, какъ всегда, велъ себя умнѣе. Но и онъ, и княгиня, прощаясь съ ней, все повторяли, что она „у себя дома“, что она можетъ жить въ Зарѣчномъ, сколько угодно, и просили даже доктора дать имъ знать депешей о ходѣ болѣзни.

Также „разливалась“, по выраженію Загарина, и ея „подруга“ Лидія Власьева.

Сегодня Анна, проснувшись раньше обыкновеннаго, впервые имѣла совсѣмъ хорошее „самочувствіе“. Она и подумала этимъ словомъ доктора Фіалковскаго. Никакой тяжести въ головѣ, никакихъ летучихъ, колющихъ болей въ поясницѣ и въ ногахъ, и дышется совсѣмъ легко, безъ всякаго кашля.

Уже три дня, какъ она встаетъ съ постели, и только въ это утро сама считаетъ себя здоровой. Но Василій Ермиловичъ—она знаетъ—не выпуститъ ее на воздухъ еще нѣсколько дней.

Этотъ „семинаръ“ трогаетъ ее своей заботой. Ему Зарѣчное должно было до-нѐльзя „претить“. И долгая болѣзнь стараго графа, и сухое, подозрительное отношеніе къ нему „банды“. А онъ, точно состоящій при ней на годовомъ жалованьѣ домашній врачъ, продолжаетъ свое дѣло, почти-что безъ перерыва.

Сестра Битягова уѣхала третьяго-дня. Графъ, еще до смерти, приказалъ Левонтію заплатить ей, противъ положеннаго, на проѣздъ во второмъ классѣ и, сверхъ того, особую награду.

Левонтій держалъ при себѣ текущія деньги, и все, что у него осталось передъ кончиной графа, тотъ разрѣшилъ ему взять себѣ. Онъ надѣялся, что и въ завѣщаніи не будетъ забытъ, хотя графъ „доподлинно“ объ этомъ не упоминалъ.

Когда Анна слегла, Левонтій черезъ доктора запросилъ позволенія остаться при „барышнѣ“, какъ онъ, иногда, звалъ Анну. Подъ этимъ могъ быть своего рода разсчетъ. Она не особенно довѣряла его преданности. Но все-таки ей сдѣлалось покойнѣе оттого только, что онъ тутъ, около нея. Онъ переселился снизу въ бывшую буфетную.

Прислуживала ей все та же горничная Фелицата. Готовилъ кухонный мужикъ Вавило. Остальная прислуга, кромѣ малаго, исполнявшаго черную работу, была отпущена.

Прислуга при лошадяхъ и скотномъ дворѣ еще оставалась. Старые дворовые, доживавшіе кое-гдѣ, о которыхъ просилъ ее отецъ Евменій, являлись на панихиды и на погребеніе, цѣловали ручки и жаловались Семену Георгіевичу на свое бѣдственное положеніе, но ничего не получили, кромѣ поминальнаго обѣда въ людской, да по рублю на человѣка.

Умирающаго отца Анна не просила за нихъ: было уже поздно. Но какъ только ей стало получше, она послала за отцомъ Меморскимъ.

— Если я буду участвовать въ наслѣдствѣ,—сказала она ему,—то исключительно затѣмъ, чтобы на эти средства сдѣлать что-нибудь порядочное. И то, о чемъ вы, батюшка, просили—будетъ мною исполнено.

Старикъ прослезился и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Но вотъ въ чемъ еще дѣло, матушка Анна Георгіевна,—замѣтилъ онъ ей.—Домъ для неимущихъ и престарѣлыхъ изъ бывшихъ дворовыхъ слѣдуетъ построить здѣсь же, въ самомъ Зарѣчномъ, или по близости, ибо это—самый, такъ сказать, центръ.

— Это какъ вы разсудите, отецъ Евменій.

— Но тутъ, сударыня, является вопросъ: земля, хотя бы и небольшой кусокъ—чья же будетъ? По всѣмъ правамъ, Зарѣчное отойдетъ къ старшему въ родѣ, къ графу Семену Георгіевичу. Батюшка вашъ и не имѣетъ, по закону, права...

— Неужели братъ откажетъ въ такомъ пустякѣ... особенно если вы его будете просить?

— Полагаю, что его совѣсть зазритъ отказать. Но надо, все-таки, обратиться къ нему. А то онъ можетъ почувствовать обиду. И при вашихъ, до сей поры, натянутыхъ отношеніяхъ она подастъ, пожалуй, поводъ къ чему-нибудь прискорбному.

— Я обращусь къ нему. Это не мое личное дѣло.

— И ежели, матушка, онъ самъ—изъ самолюбія или по другой, болѣе христіанской причинѣ—пожелалъ бы участвовать въ такомъ благомъ дѣлѣ—ужъ вы не препятствуйте!

Старикъ тихо засмѣялся и погладилъ ее по плечу.

— Небось, вы скажете про себя: всѣ они—долгополой породы люди... хоть и не въ своемъ интересѣ, а все-таки не откажутся ни отъ какой благостыни. А? А тутъ, по моему немудрому сужденію, будетъ то хорошо, что мы брата вашего подвинемъ на такое дѣло, въ которомъ ему, какъ старшему сыну графа Георгія Александровича, въ первую голову слѣдуетъ принять участіе. Да и кромѣ того, матушка, все-же черезъ это самое будетъ хоть мало-мальски душевная связь между вами.

Больше онъ не сталъ говорить въ такомъ духѣ и ушелъ, еще разъ поцѣловавъ ее въ лобъ.

Этотъ разговоръ съ отцомъ Евменіемъ былъ первый по счету, который ввелъ ее въ цѣлый кругъ заботъ и не позволялъ мечтать о томъ, чтобы какъ можно скорѣе все стряхнуть съ себя и безъ оглядки летѣть туда, гдѣ солнце, гдѣ тепло и возможность не видать и не слыхать всего того, что̀ такъ давило ее здѣсь и мозжило.

Сегодня, за утреннимъ чаемъ, она взяла свою записную книжку и начала отмѣчать все то, что̀ стояло на очереди и сейчасъ, и въ ближайшемъ будущемъ.

Дѣло о богадельнѣ—разъ она обѣщала отцу Меморскому—значило то, что она не можетъ теперь уклониться отъ личнаго участія въ устройствѣ такого дома. А для этого надо заручиться средствами, принять наслѣдство и ѣхать въ Петербургъ, гдѣ теперь и братья, и сестра, и, еще до утвержденія завѣщанія, согласиться сначала насчетъ дѣлежа суммы по чеку, который она не приняла цѣликомъ.

Объ этомъ она еще не говорила со своимъ наперсникомъ Загаринымъ; но навѣрное онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы она взяла адвоката. Ей самой, безъ знанія законовъ, не управиться со всѣмъ этимъ.

Деньги раздѣлить легко; но она кромѣ того—наслѣдница недвижимой собственности въ четырнадцатой части. Весьма вѣроятно, что отецъ, въ своемъ новомъ завѣщаніи, сдѣлаетъ ее собственницей одной изъ своихъ благопріобрѣтенныхъ земель. При тѣхъ чувствахъ, съ какими онъ выражалъ свою послѣднюю волю, болѣе чѣмъ вѣроятно предположеніе, что онъ, хотя бы

только „въ отместку“, оставилъ ей значительную долю своего благопріобрѣтеннаго.

Она можетъ отказаться отъ него; но слѣдуетъ ли это дѣлать?

Загаринъ, конечно, возстанетъ противъ такого поступка, да и она сама, чѣмъ больше думаетъ, тѣмъ все болѣе склоняется къ тому, что ей *не слѣдуетъ* упускать изъ своихъ рукъ силу, т.-е. деньги и землю, которыя иначе пойдутъ въ руки тѣхъ, кто, кромѣ пошлаго и суетнаго употребленія ихъ—ни на что другое не способны.

Стало быть, надо все это привести въ извѣстность, вступить во владѣніе землей и въ обладаніе цѣнностями. Можно это поручить довѣренному лицу; но распорядиться впослѣдствіи самой.

Надо сознательно и толково рѣшить: что̀ дѣлать съ своей землей и своими деньгами, на какое дѣло ихъ отдать, кого поддерживать, кому помогать; вернуть всю землю крестьянамъ или только часть ея, обративъ остальное въ деньги? Но и съ деньгами надо умѣючи поступить...

Надо осмотрѣться, за̀ново узнать. Слѣдовательно—пожить на мѣстахъ, и здѣсь, и въ другихъ губерніяхъ, въ деревняхъ и городахъ, въ столицахъ и захолустьяхъ.

Это ее испугало. Вѣдь и къ себѣ *надо* ѣхать. На рукахъ у нея порученіе покойнаго отца. Она не можетъ вызвать ту особу, которой должна передать пакетъ съ акціями. Ту могутъ и не пустить. Или она побоится—заподозритъ какую-нибудь ловушку, и не поѣдетъ ни въ Петербургъ, ни сюда.

Придется послѣ вызвать ее куда-нибудь за границей.

Анна—сегодня въ первый разъ—раздумалась объ этомъ. Она посовѣтуется съ Загаринымъ; но что̀ бы онъ ни придумалъ—все-таки ей придется съѣздить за границу, и нельзя этого откладывать. Стало быть, и для такой поѣздки необходимо выправить паспортъ.

Вчера къ ней уже приходила какая-то старуха, вдова, сильно обиженная своими односельчанами. Левонтій не хотѣлъ-было допустить ее, да она услыхала въ коридорѣ ея плачущій голосъ.

Надо за нее попросить „земскаго“—того самаго, про котораго Загаринъ говорилъ ей передъ поѣздкой въ Петербургъ. Она видѣла его на похоронахъ, онъ представился ей, но она не сказала съ нимъ и двухъ словъ.

Теперь надо обратиться къ нему.

Это слово „надо“ приходитъ само собою. Нельзя все бро-

сить и устремляться туда, откуда она пріѣхала не больше трехъ недѣль назадъ.

Будто тамъ ждетъ какое-нибудь большое дѣло или жизнь, полная содержанія и плодотворной борьбы?

Развѣ не правда, что она, послѣ смерти мужа, начала смотрѣть на себя какъ на инвалида? Личная жизнь канула, и она считала бы глубокимъ нравственнымъ паденіемъ—мечтать о ней, гоняться за призракомъ новаго счастья.

„Я старуха“,—привыкла она повторять.

Но она одна, дѣтей нѣтъ, никого, кто бы согрѣвалъ ея одинокую долю. Зато—полная свобода отдаваться какой хочешь работѣ на все человѣчество.

Надо и тамъ къ чему-нибудь заново примоститься. Мужъ завѣщалъ ей свое „credo“; онъ только вѣрилъ, что она не очутится въ лагерѣ „ликующихъ“. Но не оставилъ никакой опредѣленной миссіи...

Какіе люди тянутъ ее туда? Ихъ такъ мало въ той странѣ, откуда она пріѣхала. Прежніе сошли въ могилу или доживаютъ заброшенно и тоскливо. А тѣ, кто играетъ роль, кто увлекаетъ молодежь проповѣдью новаго общественнаго ученія—къ тѣмъ у нея самой не лежитъ сердце.

Никто тамъ не ждетъ ея. Ничего тамъ не надо дѣлать, сейчасъ, сію минуту. А здѣсь вотъ предстоитъ ей цѣлый рядъ *дѣлъ*. Еслибъ она сама и не захотѣла ничѣмъ попользоваться изъ тѣхъ средствъ, которыя оставилъ ей—нежданно-негаданно—отецъ, все равно она не имѣетъ права зря распорядиться ими.

И *надо* все довести до конца—ѣхать въ Петербургъ, съѣздить за границу для передачи пакета по волѣ отца, раздѣлиться съ родными, исполнить обѣщаніе, данное отцу Евменію, обсудить—что̀ дѣлать съ землей и деньгами.

„Превратить все въ капиталъ и увезти его съ собою!“—подсказала она себѣ, и тотчасъ же что-то ее кольнуло.

Даже если этотъ капиталъ пойдетъ на самое благое дѣло тамъ, „за кордономъ“, какъ выражается Загаринъ, хорошо ли это будетъ, когда здѣсь, у себя, столько безъисходной нужды, мрака?

Анна ждала къ себѣ сначала доктора, потомъ Загарина. Доктора *надо* отблагодарить и за отца, и за себя самоё. Съ вѣрнымъ своимъ „сеидомъ“—переговорить о стольких вещахъ—неотложныхъ.

Тамъ, откуда она пріѣхала, гдѣ и теперь еще такъ тепло и красиво—у нея нѣтъ даже и такого пріятеля, какъ этотъ неудачникъ, котораго она такъ хотѣла бы „передѣлать“.

XXII.

Все уложено. Сундукъ сейчасъ только вынесли въ переднюю.

Анна, въ дорожной кофточкѣ, съ головой, покрытой пуховымъ платкомъ, доканчивала свой завтракъ.

Въ окна проникалъ яркій зимній свѣтъ. Отъ него темнозеленая боскетная смотрѣла оживленнѣе. Вѣтви деревьевъ и кустовъ—закоптѣлыя и смутныя—теперь выступали на стѣнахъ.

Она ѣдетъ въ Петербургъ, и на этотъ разъ беретъ съ собой Загарина, даже сама ему предложила это.

— Я не стану васъ эксплоатировать, мой другъ,—говорила она ему третьяго-дня, здѣсь.—Но вы все-таки „мужъ совѣта". Если нужно будетъ дать кому-нибудь довѣренность... вы мнѣ напишете. Но главное,—вы немножко встряхнетесь. Я васъ познакомлю съ моей подругой Иславиной, хотя, быть можетъ, и не должна бы этого дѣлать.

— Почему?—заинтересованно спросилъ онъ.

— Она тоже меня огорчила... вродѣ васъ... своимъ теперешнимъ символомъ вѣры.

— Вотъ какъ! А за поѣздку цѣлую ручки!

Онъ весь просіялъ и возбужденно сталъ ходить по комнатѣ и ерошить себѣ волосы.

Они съ нимъ тогда же положили, что сегодня, передъ отъѣздомъ, она, прощаясь съ докторомъ Фіалковскимъ, будетъ имѣть съ нимъ особенный разговоръ. Ей хотѣлось предложить ему добавочное вознагражденіе къ тому, которое онъ получилъ, и тутъ же поразспросить его о томъ—гдѣ и какъ онъ думаетъ продолжать свою дѣятельность.

Отъ Загарина она знала, что онъ былъ сначала земскимъ врачомъ, не ладилъ съ управой, и передъ тѣмъ, какъ его пригласили въ Зарѣчное—занимался частной практикой въ ихъ уѣздномъ городѣ.

Она кончила завтракъ и позвонила. Явился Левонтій, вызвавшійся проводить ее въ Петербургъ, гдѣ у него осталась семья.

— Пошлите кого-нибудь къ Василію Ермиловичу и попросите его сюда.

— Да они никакъ ужъ пришли.

Левонтій заглянулъ въ корридоръ.

Раздались скрипучіе шаги доктора.

Левонтій впустилъ его и хотѣлъ-было прибрать со стола, но Анна сказала ему:

— Оставьте... Я позову потомъ.

Фіалковскій, съ холоду, немного ёжился и усиленно потиралъ руки.

— Присядьте, присядьте, Василій Ермиловичъ... Вотъ я и собралась... съ вашего разрѣшенія.

— И надолго?

— Хотѣла бы поскорѣе вернуться.

— Куда же, Анна Георгіевна? Опять сюда?

— Да не знаю. Вѣроятно... хоть на нѣсколько дней.

— А потомъ и туда? Фюить! На вольныя мѣста?

И онъ замигалъ подъ своими густыми бровями, и его короткій смѣшокъ разнесся по комнатѣ.

— Не сразу.

— Ой-ли!

— Мнѣ, вѣроятно, придется съѣздить за-границу всего на нѣсколько дней, и опять вернусь на неопредѣленное время.

— Такъ-съ... такъ-съ...

Ему она не имѣла ни случая, ни повода разсказывать многаго, что̀ въѣхало клиномъ въ ея жизнь въ Зарѣчномъ. Но онъ—навѣрное—все или почти все знаетъ отъ Загарина, а объ остальномъ догадывается.

Можетъ быть, и въ эту минуту онъ сразу догадался, зачѣмъ ей придется съѣздить всего на нѣсколько дней за-границу и опять вернуться.

Отъ Загарина она не требовала полнаго молчанія обо всемъ этомъ. Она не хотѣла стѣснять его въ чемъ бы то ни было.

— Василій Ермиловичъ,—начала она, подсѣвъ поближе къ нему.—Мы съ вами ка̀къ?.. прощаемся совсѣмъ?

— Мнѣ это прискорбно, Анна Георгіевна. Пожалуй и такъ! Какъ я вамъ уже сообщалъ, здѣсь я—съ вашего разрѣшенія—проживу еще денька два.

— Почему же съ моего? — остановила она его.—Развѣ я здѣсь начальство?

— Теперь — всеконечно. Кто вы? Представительница рода графовъ Волгиныхъ,—произнесъ онъ съ особой усмѣшкой.

— Полноте... Мнѣ хотѣлось, Василій Ермиловичъ, поговорить съ вами... знаете, по-товарищески. Во-первыхъ, поблагодарить васъ за хорошее отношеніе ко мнѣ... И...—она запнулась: —Видите, это... всегда щекотливая подробность.

— Насчетъ чего?

— Вы мнѣ сказали въ тотъ разъ, что совершенно довольны вашимъ гонораромъ.

— Я и теперь то же говорю, Анна Георгіевна.

— А я я нахожу, что онъ скудноватъ.

Фіалковскій повелъ плечами и опять усмѣхнулся.

— Вамъ что же угодно? Чтобы я вродѣ того свѣтила, что являлось сюда, повелъ себя? Такъ мнѣ — повѣрьте — было такъ прискорбно за все наше сословіе... только въ виду особаго моего положенія при покойномъ графѣ я то самое свѣтило не обработалъ, какъ оно того заслуживало.

— Знаете, Василій Ермиловичъ, мнѣ иногда сдается, что это былъ сонъ.

Они оба тихо разсмѣялись.

— Все-таки... вопросъ остается открытымъ,—веселѣе заговорила она. — Я за своихъ братьевъ и сестру ни отвѣчать, ни дѣйствовать не могу... и не хочу. Но вы мнѣ позволите не сейчасъ, а когда у меня будутъ средства, предложить вамъ...

— Добавочное вознагражденіе?—шутливо подсказалъ онъ.— Запретить я вамъ этого, Анна Георгіевна, не могу. И, право, отказался бы, еслибы не думалъ, что вы огорчитесь. Но объ этомъ что же дольше толковать.

— Ну, и за то спасибо. А теперь скажите мнѣ—куда вы думаете переѣхать: опять въ вашъ городишко, или поѣдете въ Петербургъ, искать службы?

— Нѣтъ-съ, Боже избави. Столичный воздухъ можетъ, какъ разъ, превратить тебя вотъ въ такой экземпляръ, какъ то юродствующее свѣтило. Что-жъ! Ежели опять съ нашимъ земствомъ не полажу, все-таки хотѣлось бы остаться въ губерніи.

— А вамъ не приходило на мысль, Василій Ермиловичъ, что здѣсь, около Зарѣчнаго, давно надо бы имѣть если не больницу, то хоть хорошую амбулаторію?

— Когда графу бывало полегче... еще до вашего пріѣзда— я наводилъ его на эту мысль. Онъ слушалъ меня... но и только.

— Отецъ Меморскій долго мечталъ о богадельнѣ.

— И вы хотите старца утѣшить? Онъ мнѣ, на дняхъ, проговорился. Что-жъ! дѣло правильное.

— Но вѣдь здѣсь была когда-то амбулаторія. Хоть ее бы возстановить. Зарѣчное отойдетъ, конечно, къ моему старшему брату. Я могу только за себя отвѣчать. И вотъ, если не хотите остаться на земской почвѣ, быть можетъ, мы съ вами что-нибудь и устроимъ.

— Стало быть, Анна Георгіевна, вы не побѣжите, безъ оглядки, туда, въ „благословенные края", какъ только раздѣлаетесь здѣсь со всѣмъ?

Онъ всталъ и, нагнувшись, глядѣлъ на нее сквозь очки.

— Не знаю, Василій Ермиловичъ.

— А! вотъ и попутчикъ вашъ!—воскликнулъ докторъ, увидавъ Загарина въ дверяхъ.

И, указывая на Анну, Фіалковскій сказалъ ему:

— Анна Георгіевна сейчасъ меня много утѣшила. Какъ будто выходитъ, что наше отечество начало зàново забирать ее. Явились разныя благія желанія.

— Вотъ какъ, голубушка?—спросилъ Загаринъ, протягивая ей руку.—А будь я на мѣстѣ Анны Георгіевны, я бы—по приведеніи всего въ извѣстность—отряхнулъ прахъ съ сандалій своихъ. Не стоитъ съ нами возиться. Ни съ кѣмъ... ни съ интеллигенціей, ни съ мужиками, ни съ умными, ни съ глупыми.

И, взглянувъ на Анну, Загаринъ подошелъ къ ней еще разъ.

— Пожалуйте ручку! Простите за такія отчаянныя рѣчи. Одно вижу—вы съ Василіемъ Ермиловичемъ поговорили по душѣ. А теперь надо намъ и попрощаться съ нимъ. Вѣдь я его здѣсь пожалуй не захвачу по возвращеніи изъ Питера.

— Навѣрно не захватите, дружище, — подтвердилъ Фіалковскій.

— Не застану въ Зарѣчномъ, такъ гдѣ-нибудь въ нашихъ же палестинахъ.

Загаринъ посмотрѣлъ на часы.

— Пора?—окликнула его Анна.

— Да почти-что. Сундукъ вашъ уже отправленъ съ малымъ. И достопочтенный Левонтій Кузьмичъ насъ сопровождаетъ?

— Какже.

— Онъ тоже готовъ. Ну... дорогой Василій Ермиловичъ... честь честью... облобызаемся. Я вплотную не говорю вамъ прощайте. Вы вѣдь квартирку вашу въ городѣ удержали?

— Удержалъ.

— Стало быть, только до свиданья.

Докторъ сталъ прощаться съ Анной и въ первый разъ поцѣловалъ у нея руку.

— Вотъ оно что̀!—замѣтилъ Загаринъ.—Анна Георгіевна, какой онъ у насъ кавалеръ сталъ!

Всѣ трое вышли они въ корридоръ.

Левонтій взялъ мѣшокъ и плэдъ „барышни“. Самъ онъ былъ уже въ шубѣ и ужасно смахивалъ на стараго купца, изъ тѣхъ, что брились въ Николаевское время. Пришла Фелицата съ дорожнымъ пальто барыни.

— А вѣдь вы слишкомъ легко будто одѣты,—тономъ врача замѣтилъ Фіалковскій.—Какъ же это? На ватѣ! Только съ барашковымъ воротникомъ! Нѣтъ, воля ваша, такъ нельзя! Какъ же это вы, душа моя,—обратился онъ къ Загарину:—не похлопотали?—И мнѣ ничего не сказалъ—человѣкъ!

Онъ покачалъ головой.

— Я привыкла, Василій Ермиловичъ,—успокоила его Анна.

— Нельзя. Ныньче морозу восемь градусовъ на солнцѣ.

— Да вѣдь только до станціи.

— Мали ли что̀! Инфлуэнца-то давно ли была?

Загаринъ сконфуженно молчалъ.

— Небось самъ-то — докторъ указалъ на него рукой — въ дахѣ сибирской. Ее никакой морозъ не прошибетъ. Знаете что̀... Фелицата, сбѣгайте ко мнѣ и принесите мою бурку.

— Бурку?—переспросила Анна.

— Да. Я вѣдь и на Кавказѣ процвѣталъ. Оттуда и вывезъ.

Фелицата побѣжала. Они, весело разговаривая, спустились въ сѣни. Анна сознавала себя совсѣмъ по новому. Ее впервые наполняло чувство особеннаго какого-то благодушія.

Ей отрадно было смотрѣть на высокую фигуру своего товарища—въ неуклюжей сибирской шубѣ и бурой шапкѣ. Онъ все еще смотрѣлъ сконфуженно отъ того, что не позаботился о ея тепломъ платьѣ. И этотъ докторъ, семинаръ, себѣ на умѣ, на особый ладъ ехидный—уже близокъ ей, понятенъ, гораздо больше, чѣмъ это было бы за-границей. Она вспомнила сухого, аккуратнаго доктора, лечившаго ея мужа до самой его кончины. Тотъ былъ въ высшей степени порядочный и усердный, и высказалъ ей большое участіе. Но она постоянно чувствовала, что она для него—чужая, русская барыня, съ какимъ-то нелегальнымъ прошлымъ—и только.

Бурку принесли. Анна накинула ее на себя. Пришлось очень хорошо.

— Что̀ батенька? — подзадоривалъ Загарина докторъ. — Небось не хватило смѣкалки-то!

— Каюсь, каюсь,—бормоталъ Загаринъ.

— Я вамъ ее пришлю назадъ, Василій Ермиловичъ, съ нашимъ малымъ.

— Мнѣ она не нужна. У меня тулупище здоровенный.

— Ужъ коли такъ,—замѣтилъ Загаринъ,—то лучше въ ней и вернуться, если не будете дѣлать себѣ шубы въ Петербургѣ.

Левонтій смотрѣлъ немного смущенно на то, что дочь графа

Георгія Александровича поѣдетъ, какъ какая-то „мамзель“, въ чужой мужской буркѣ.

Тройку подали. Колокольчикъ громко позвякивалъ, и бубенцы на пристяжныхъ задорно гремѣли.

Докторъ—въ мѣховомъ пальто въ накидку—усаживалъ ее и укутывалъ полостью изъ волчьяго мѣха.

— Хоть за это спасибо сипягинскому барину, что полость здоровую приспособилъ, — подшутилъ онъ надъ Загаринымъ.— Трогай!—крикнулъ онъ же кучеру.—Анна Георгіевна, много тронутъ вашей лаской. Въ путь добрый!—крикнулъ онъ имъ вслѣдъ.

Левонтій, сидѣвшій на облучкѣ въ полоборота, какъ строго воспитанный слуга, поднялъ свою дорожную валеную шапку.

Пристяжныя взяли вскачь—отъ самыхъ воротъ—внизъ, по некрутому изволоку. Снѣжная пыль долетала до лица Анны.

Ѣзда почти тѣшила ее, и была такая минута, что она совсѣмъ забыла — гдѣ она, куда ѣдетъ—точно она молоденькая дѣвушка и ее катаютъ въ саняхъ.

Она поглядѣла вбокъ на своего товарища. Онъ изъ-подъ приподнятаго воротника дахи тоже взглянулъ на нее.

— Хорошо вамъ, голубушка? — окликнулъ онъ ее.

И столько было въ этомъ голосѣ теплой преданности! Какъ ей захотѣлось возродить этого добряка, поставить его на другіе рельсы, отплатить ему чѣмъ-нибудь крупнымъ и цѣннымъ за его долгую службу. Вѣдь онъ только и связывалъ ее—въ послѣдніе годы—съ родиной.

Совсѣмъ молодая надежда мелькнула передъ ней—измѣнить его судьбу, какъ-нибудь вырвать изъ теперешней печальной супружеской доли, разбудить того прежняго Петрушу Загарина, излечить его отъ новаго мертвящаго „credo“, по которому—„чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“.

— И тепло вамъ?—спросилъ онъ.

— Ужасно.

— Осмѣялъ меня нашъ семинаръ, и по дѣломъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, морозецъ порядочный, а у васъ—заграничное пальто.

Помолчавъ немного, онъ пододвинулся къ ней и спросилъ ее въ полголоса—Левонтій сидѣлъ, въ это время, уже спиной и врядъ-ли могъ что-нибудь разслышать:

— Съ вами тотъ пакетъ?

Анна сейчасъ догадалась, какой пакетъ.

— Со мной.

— Въ сумкѣ?

— Да.

— Я буду за нимъ присматривать. И въ Питерѣ надо сейчасъ же отдать его на храненіе. Хотя бы и на одну недѣлю. Нынче въ любомъ банкѣ есть мѣста въ несгараемыхъ шкапахъ. Стоитъ бездѣлицу.

— Слушаю, маменька,—пошутила Анна.

Она сама объ этомъ бы не подумала.

— Меня, знаете, голубушка,—продолжалъ онъ все такъ же въ полголоса:—до сихъ поръ интригуетъ...

— Что такое?

— Какъ это отецъ вашъ... можно сказать, дошлый въ денежныхъ дѣлахъ... и распорядился такъ курьёзно...

— Почему?

— Да какже, голубушка! Начать съ того, разъ онъ довѣрялъ вамъ безусловно—и поручилъ бы сдѣлать за границу переводъ всей суммы той госпожѣ.

И это не пришло ни разу въ голову Аннѣ.

— Должно быть,—разсуждалъ вслухъ Загаринъ,—онъ боялся, какъ бы съ вами не сдѣлали какой пакости. Или вотъ что смущало его—какъ бы съ такимъ крупнымъ переводомъ не вышло чего.

— Развѣ это не все равно?—весело спросила Анна.

— Да для васъ-то теперь какая компликація! Разсудите сами: вы должны брать опять бумаги изъ банка, такъ какъ квитанція выдана на ваше имя, и везти ихъ обратно сюда, въ Зарѣчное, или, прямо „за кордонъ", и вызывать ту госпожу.

— Я къ этому и готовлюсь,—отвѣтила Анна такъ же весело.

— А вдругъ какъ вы возьмете—да и останетесь?

Онъ высвободилъ лицо изъ воротника и поглядѣлъ на нее грустно-вопросительнымъ взглядомъ.

— А вамъ меня жаль будетъ, Загаринъ?

— Что-жъ объ этомъ спрашивать! Только, по совѣсти, на вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы возвращаться—даже и на время. Очень нужно барахтаться съ нами, въ нашемъ смрадномъ болотѣ!

— Полноте! Не говорите такъ!—вырвалось у Анны.—Вотъ, на зло вамъ, вернусь тотчасъ же.

Они увидѣли въ это время въ полуверстѣ, на пригоркѣ, желтоватое зданіе станціи...

XXIII.

Въ тѣсной столовенькой, подъ висячей лампой, вокругъ самовара — сидѣли Анна, ея пріятельница Иславина, третій день гостившая у нея, и мѣстный уѣздный начальникъ Охотинъ.

Это было не въ большомъ Зарѣчненскомъ домѣ, а въ томъ флигелѣ, гдѣ жилъ недавно докторъ Фіалковскій.

Съ ея отъѣзда въ Петербургъ прошло около мѣсяца. Она успѣла побывать и за-границей, для свиданія съ той особой, которой должна была вручить пакетъ съ цѣнными бумагами, и тотчасъ же вернулась въ Зарѣчное.

По завѣщанію отца она получила два имѣнія—на Волгѣ и цѣлый большой „фольваркъ“ — въ нѣсколькихъ верстахъ отъ усадьбы. Тамъ нѣтъ никакихъ господскихъ строеній, а только маленькій домикъ для управителя, гдѣ ей помѣститься еще нельзя.

Старшій братъ предложилъ ей остаться въ Зарѣчномъ; но она устроилась не въ большомъ домѣ, а во флигелѣ.

Земскій начальникъ заѣхалъ къ ней въ сумерки, остался обѣдать и теперь, послѣ вечерняго чая—спѣшилъ въ уѣздный городъ.

Подъ свѣтлымъ кругомъ висячей лампы его маленькая голова, съ гладкими темнорусыми волосами, выдѣлялась рѣзкими контурами. На красивенькомъ краснощекомъ лицѣ торчали усы, которые онъ носилъ концами вверхъ, какъ бы съ намѣреніемъ придавая себѣ военный видъ. Этому помогала и форменная тужурка.

Анна сидѣла прямо противъ него, а слѣва отъ нея — ея пріятельница, Варвара Дмитріевна Иславина, очень большого роста, съ мужскимъ полнымъ лицомъ сангвиника. Сильно сѣдѣющіе волосы были зачесаны назадъ круглой гребенкой. Когда-то она была очень эффектной наружности. Да и теперь она сохранила нѣкоторую свѣжесть; глаза—большіе, темные, блестящіе—и родинка повыше верхней губы—придавали ея сочному, красному рту нѣчто очень пріятное.

Иславина носила мужского покроя короткое пальто, съ широкими лацканами, воротничокъ и галстухъ, повязанный бантомъ.

Она курила, отхлебывая изъ чашки.

Разговоръ повернулъ въ сторону, не особенно удобную для земскаго.

Дѣло шло сначала о той старухѣ, которая еще послѣ похо-

ронъ графа просила Анну защитить ее отъ сельскаго схода. Она была сильно „обижена“: у нея отняли послѣднюю огородную землишку и пригрозили даже выгнать изъ ея „хибарки“.

Анна обратилась сначала письменно къ Охотину. Онъ обѣщалъ разобрать дѣло „безотлагательно“—и сегодня пріѣхалъ съ извиненіями. Онъ нашелъ, что сходъ по-своему правъ; онъ не желаетъ злоупотреблять своей властью и долженъ согласиться съ приговоромъ міра.

Этотъ пріятель графа Валерія Семеновича все время держался тона, который и Анну, и въ особенности Иславину, сильно коробилъ, безпрестанно давая имъ понять, что онъ—молодой дѣятель съ принципами, а не мелкій служака, которому окладъ въ двѣ тысячи рублей—единственное средство жить мало-мальски прилично.

Онъ давалъ имъ понять, что въ его лицѣ онѣ имѣютъ представителя той молодежи, которая желаетъ служить русскому государству вѣрой и правдой, но высоко ставитъ задачу своего сословія и считаетъ его опеку надъ крестьянствомъ вполнѣ законной и желательной.

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, отказывая Аннѣ въ ея ходатайствѣ за старуху, „ставилъ ей на видъ“, что онъ желаетъ сохраненія устоевъ крестьянскаго быта, съ уваженіемъ относится къ исконнымъ „укладамъ“ великорусской гражданственности.

Иславина уже нѣсколько разъ назвала его „господинъ шерифъ“, и онъ какъ бы не замѣчалъ ея тона и продолжалъ бесѣдовать все въ томъ же благородно-приподнятомъ стилѣ.

Анна сдерживалась и предоставляла болѣе своей пріятельницѣ „принимать“ его. Она отстала отъ того, что̀ дѣлается въ русской деревнѣ. Но она воспитала въ себѣ—только по другому—не меньшее уваженіе, чѣмъ у этого „шерифа“, къ народнымъ формамъ справедливости и равноправія.

— Однако послушайте, Порфирій Николаевичъ, — сказала она земскому начальнику, когда онъ, уже собираясь ѣхать, еще разъ выразилъ ей сожалѣніе, что не можетъ помочь ея „protégée“: —выходитъ, стало-быть, что явно жестокое и неправое дѣло прикрывается безусловнымъ авторитетомъ схода?

— А ты какъ же бы думала?—вскричала Иславина своимъ зычнымъ контральто, и оглянула ихъ обоихъ, положивъ локти на столъ.—Сходъ! Община! Круговая порука! Это—пережитки первобытной культуры и, кромѣ закрѣпощенія личности, ни къ чему вести не можетъ.

Тирада Иславиной не изумила Анну. Она и въ Петербургѣ

распознала ея теперешнее „credo“, сходное съ тѣмъ, что̀ повторяетъ Загаринъ. Но здѣсь онѣ еще не успѣли имѣть ни одной принципіальной бесѣды.

Охотинъ взглянулъ сначала на нее и, чуть замѣтно усмѣхаясь, спросилъ:

— И вы того же мнѣнія, Анна Георгіевна?

— Можетъ-быть и нѣтъ,—отвѣтила за нее Иславина все такъ же зычно.—Оттого, что Анна пятнадцать лѣтъ, или около того, не бывала въ любезномъ отечествѣ... Но теперь поживетъ, присмотрится, и, конечно, кончитъ тѣмъ же, то-есть, признаніемъ того, что̀ я сейчасъ сказала...

— Позвольте,—чопорно остановилъ ее Охотинъ:—Вы, стало-быть, изволите раздѣлять ученіе новой экономической секты?

— Почему же секты?—вспылила Иславина.

— Назовите иначе... если васъ это обижаетъ.

— Да чего же тутъ дальше ходить?—не дала она ему досказать:—Ваше учрежденіе...

— Какое-съ?

— А, вотъ, въ которомъ вы служите, господа шерифы,—оно опекаетъ и направляетъ сельскій людъ, охраняетъ его первобытность и обрекаетъ его на полную косность и безпомощность.

— По вашему, что̀ же нужно?

— Ничего.

— Какъ же это ничего?—тихо спросила Анна.

— Все, что̀ помогаетъ сельскому люду быть крѣпкимъ землѣ—то тормазитъ неизбѣжный ходъ соціальнаго развитія.

— И мѣшаетъ торжеству капитализма? — подсказалъ съ усмѣшкой Охотинъ.

— Меня этимъ вы не испугаете! — вскричала Иславина и закурила папиросу.—Я никакихъ „жупеловъ“ не боюсь. Такъ или иначе, не нынче, такъ завтра, не черезъ десять лѣтъ, такъ черезъ сто лѣтъ, весь этотъ жалкій экономическій строй рухнетъ.

— И вся русская земля покроется сплошной сѣтью доменныхъ печей и дымовыхъ трубъ, и тѣ, кто сидитъ теперь на землѣ, превратятся въ илотовъ заработной платы?

Охотинъ всталъ и, обращаясь къ Аннѣ, добавилъ:

— Не думаю, Анна Георгіевна, чтобы вы могли удовлетвориться такими идеалами. А впрочемъ... нынче идетъ почти повальная передѣлка вчерашнихъ народниковъ въ адептовъ ученія, которое вашъ другъ—Варвара Дмитріевна—такъ страстно защищаетъ. Намъ же остается молить Всевышняго, чтобы онъ отвелъ

отъ русской земли эту чашу. И безъ того царитъ полный разбродъ и анархія всякихъ разрушительныхъ поползновеній.

Всѣ встали изъ-за стола и перешли въ такую же тѣсноватую комнату, изъ которой Анна сдѣлала свой кабинетикъ.

Ей, какъ хозяйкѣ, слѣдовало бы закончить этотъ взрывъ враждебныхъ идей какимъ-нибудь болѣе мирнымъ заключительнымъ аккордомъ; но она сама была въ двойственномъ настроеніи.

Земскій начальникъ, весь его складъ и тонъ, защита своихъ охранительныхъ „устоевъ", самая манера говорить—были ей несимпатичны. На то, что̀ онъ сейчасъ сказалъ Иславиной—могла и она сама возразить. Спорить съ нею она не хотѣла, но предчувствовала, что ей придется имѣть еще не одинъ такой же обмѣнъ принциповъ, особенно когда Иславина споется съ Загаринымъ, съ которымъ они сразу поладили.

Охотинъ уѣхалъ, еще разъ извинившись передъ Анной.

Пріятельницы остались однѣ и вернулись опять въ столовую—Иславина любила долго пить чай и къ вечеру.

— Налей-ка мнѣ еще!—попросила она, закуривая новую папиросу.—Этакій противнѣйшій „типусъ"—вашъ шерифъ. И зачѣмъ ты къ нему обращалась?

— Каюсь. Я и сама могу, безъ него, помочь бѣдѣ старухи.

— И это напрасно!

— Почему же, Варя?.. Неужели ты серьезно?

— Безусловно.

— Но послѣ этого... еслибы здѣсь вотъ, въ уѣздѣ, или въ цѣлой губерніи, люди умирали съ голоду—а это весьма и весьма можетъ случиться—неужели не слѣдуетъ помочь имъ?

— Душа моя, на этомъ доводѣ играютъ теперь всѣ, у кого мы—какъ бѣльмо на глазу. Но это только фортель—не больше.

— Я тебя не понимаю, — выговорила Анна строже. — Не понимаю и этого слова.

— Прекрасно понимаешь. Фортель... Ну, если хочешь французское слово: *subterfuge*! Голодовка! Голодовка! Разумѣется, если я увижу—человѣкъ валяется на дорогѣ, въ изнеможеніи отъ голода — я ему помогу. Тоже и насчетъ деревни. Но это только отворотъ глазъ, позволяющій играть на сентиментальной струнѣ. А суть остается та же.

— То-есть, какъ говоритъ Загаринъ, надо желать, чтобы была поскорѣе вездѣ въ деревнѣ „мерзость запустѣнія"?

— Это неизбѣжно.

— И чѣмъ хуже, тѣмъ лучше?—не безъ горечи повторила Анна формулу своего пріятеля.

— Обязательно.

Аннѣ дѣлалось тяжко. Она не хотѣла спорить, но не могла же поддакивать въ томъ, что было такъ далеко отъ ея самыхъ завѣтныхъ идей, завѣщанныхъ ей мужемъ.

— Послушай, Варя,—начала она тихо и задушевно:—Не будемъ сегодня вдаваться въ пренія.

— Какъ тебѣ угодно.

— Ты откликнулась на мой зовъ... пріѣхала погостить ко мнѣ. Ты изъ самаго пекла теперешней борьбы въ русской молодежи. Я отстала отъ всего этого. Но ты—слишкомъ городская. Присмотрись и ты къ тому, какъ живетъ народъ, помоги мнѣ. Если я не убѣжала опять туда, за-границу... значитъ, во мнѣ что-нибудь да дрогнуло! Не будемъ сразу воевать. Помоги мнѣ... Теперь у меня очутились средства. Я буду владѣть землей и стану лицомъ къ лицу съ этимъ самымъ народомъ. Не можешь же ты требовать отъ меня, чтобы я въ одно мгновеніе ока сожгла мои корабли.

— Я и не требую. Тебѣ будетъ очень жутко. Но лучше безпощадная правда, чѣмъ миражъ.

— Но только сегодня не будемъ доходить до корня. Вотъ пріѣдетъ Загаринъ. Онъ очутится на твоей сторонѣ—я это вижу. Можетъ быть, найдемъ же мы такую почву, на которой хоть чуточку споемся.

— Въ добрый часъ! А теперь—прощай! До завтра. Чудесная статья въ послѣдней книжкѣ—она назвала журналъ,—и я еще не удосужилась прочесть, а здѣсь у меня двадцать-четыре часа свободныхъ.

Онѣ разошлись. Иславину она поселила въ бывшей спальнѣ доктора, а сама спала рядомъ, въ комнаткѣ въ одно окно.

Но она прошла въ свой кабинетикъ, зажгла лампу, присѣла къ письменному столу и развернула книжку замѣтокъ. Она стала вписывать въ нее съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала въ первый разъ въ Зарѣчное.

Вмѣстѣ съ текущими замѣтками, она записывала и мысли, итоги, настроенія. Всплывали въ ея памяти и картины прошлаго, самыя яркія минуты пережитаго... большею частью тяжелаго.

Но она не утратила и въ этихъ интимныхъ запискахъ бодраго тона, гнала отъ себя всякую чисто-женскую тревожность и нервность.

Она писала уже около часа. До нея доносился лишь звукъ листовъ, которые Иславина отмахивала пальцемъ при чтеніи. Прислуга унесла изъ столовой самоваръ и убрала все со стола.

Все та же горничная Фелицата, просунувъ голову въ полуотворенную дверь, спросила—не прикажетъ ли чего барыня на ночь. Анна разрѣшила ей идти спать и еще съ полчаса посидѣла у письменнаго столика, потомъ перенесла лампу въ свою комнату, аккуратно раздѣлась и легла.

Анна не сразу заснула.

Съ тѣхъ поръ какъ Иславина гоститъ у нея, она чувствуетъ себя въ какомъ-то раздвоеніи. И боится, какъ бы у нихъ не дошло до разрыва.

Въ ея *вѣру* она не перейдетъ. Но ей предстоитъ полное душевное одиночество. И съ кѣмъ же? Съ самыми близкими людьми, какіе у нея есть въ Россіи—съ этой бывшей подругой и съ Загаринымъ. Когда-то—и давно ли—и тотъ, и другая были съ ней общей вѣры. Варя, не дальше, какъ лѣтъ пять-шесть назадъ, навѣстила ее въ Швейцаріи.

И тогда онѣ были одного „credo". Она вспомнила даже, какъ разъ—это было въ Женевѣ—онѣ въ жаркій день укрылись на островѣ Жанъ-Жака, сѣли тамъ въ тѣнь и ѣли виноградъ, который только-что купили на Rue du Mont-Blanc, у „marchand de Quatre-saisons".

И Варя похлопала ее по плечу и своимъ зычнымъ голосомъ проговорила по-русски—какой-то блузникъ даже оглянулся на нихъ:

— Да, Анна, мы съ тобой изъ одного тѣста. Или, лучше, какъ нѣмцы говорятъ: aus einem Guss! Ничто насъ не собьетъ и не прельститъ. На чемъ стоимъ — на томъ и будемъ стоять.

А теперь?

Пока еще не доходило до сильныхъ препирательствъ; они неизбѣжны. И не въ однихъ тутъ мнѣніяхъ дѣло. Ей предстоитъ дѣйствовать.

Какъ бы она окончательно ни рѣшила—уѣдетъ ли за-границу, устроивъ свои дѣла, или останется на неопредѣленное время въ Россіи—она должна распорядиться такъ или иначе. Она будетъ скоро утверждена въ правахъ наслѣдства, сдѣлается землевладѣлицей, помѣщицей. У нея уже есть капиталъ.

Въ Петербургѣ, братья—въ особенности младшій—опять не хотѣли принять отъ нея „дара"; но, должно быть, сестра „клянчила", и рѣшено было такъ, что сумма, которую она получила по чеку, будетъ раздѣлена на двѣ половины: одна—имъ троимъ, другая—ей.

Это—цѣлый капиталъ. Земли—не одна тысяча десятинъ на

Волгѣ и тотъ фольваркъ, въ окрестности Зарѣчнаго. И доля въ большомъ домѣ на Фонтанкѣ.

Съ деньгами, очутившимися у нея такъ неожиданно, она теперь болѣе мирится, послѣ того, какъ свезла пакетъ за-границу, гдѣ видѣлась съ той особой.

Эта особа оказалась какой-то полу-венгеркой, полу-хорваткой—уже старой, намазанной, говорящей на смѣшномъ жаргонѣ—на ея взглядъ, совершенно неприличной.

И когда Анна передала ей пакетъ, та стала отъ нея требовать объясненій, какія это бумаги, нашла, что сумма „не Богъ знаетъ какая", стала даже кричать, что графъ выжилъ изъ ума и накупилъ ей русскихъ дрянныхъ акцій, и что она ему когда-то пожертвовала своей карьерой, потому что состояла „dame d'honneur" при дочери покойнаго хедива и могла сама разсчитывать сдѣлаться его фавориткой...

— Аночка!—окликнула ее Иславина изъ своей комнаты.— Ты спишь?

— Нѣтъ еще.

— Какая статья, душа моя! Восторгъ! Объяденье! Прочти завтра. Если этотъ тебя не убѣдитъ, такъ мы на тебѣ съ Петромъ Павловичемъ крестъ поставимъ.

„Кто на комъ!"—подумала Анна, и ничего ей не отвѣтила.

XXIV.

„Дѣла" начались скорѣе, чѣмъ она предполагала.

Дня черезъ два Анна получила депешу отъ Лидіи Власьевой, изъ Петербурга, извѣщавшую о ея пріѣздѣ, по экстренному дѣлу, на другой день.

Пришлось послать за ней сани на станцію. Она пріѣхала къ завтраку. Иславина обошлась съ нею довольно сурово и почти не участвовала въ общемъ разговорѣ. Лидія должна была заѣхать изъ Зарѣчнаго въ свое имѣніе и спѣшить опять въ Москву „и дальше".

Но она ничего „дѣлового" не говорила за завтракомъ; зато много—о петербургскихъ новостяхъ, назначеніяхъ, слухахъ, о томъ, что графъ Семенъ Георгіевичъ будетъ скоро чѣмъ-то повыше, а братъ Модестъ уже получилъ болѣе видный постъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ, причемъ она дѣлала особенную мину. Сообщила она и о томъ, что князь Ахметовъ, мужъ Марьи Георгіевны — наконецъ-то переводится бригаднымъ въ гвардію.

Анна почти ничего не говорила, дожидаясь конца завтрака, который, для нея, былъ и обѣдомъ. Иславина поднялась первая и пошла кататься на конькахъ—на прудъ.

Лидія, сейчасъ же, когда онѣ обѣ поднялись съ мѣста, подошла къ Аннѣ, обняла ее и шепнула:

— Enfin seules!

И увлекла ее въ кабинетикъ.

— Это твоя пріятельница?—спросила она Анну, когда онѣ сѣли рядомъ на диванъ.—Un bas bleu?

— Не знаю. Она, кажется, ничего не пишетъ.

— Quelle personne farouche! Laissons-la.

Придвинувшись къ Аннѣ, Лидія взяла ее за талію, съ жестомъ театральной „ingénue“, немного наклонила голову вбокъ и проговорила.

— J'ai une confidence à te faire, chérie.

— Говори, я слушаю.

Лидія вспомнила, что Анна не любитъ французить и продолжала по-русски:

— Тебѣ первой... я сообщаю эту новость. Я выхожу замужъ... Ты не спрашиваешь, за кого?—игриво добавила она.

— Это твое дѣло.

— Ахъ, Анна, не будь такъ сурова! Не подражай твоей ужасной пріятельницѣ. Enfin... Мы объяснились. Модестъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

Она свое сіяющее лицо обернула къ Аннѣ.

— Поздравляю.

— Ты не рада?

— Если вы этого оба хотѣли—и прекрасно. Но развѣ ты вдова?

Лидія опустила рѣсницы.

— Ты знаешь... я давно уже считаюсь соломенной вдовой. Моему мужу рѣшительно все равно. Онъ дастъ мнѣ разводъ.

— И прекрасно.

— C'est la moindre des choses. Par le temps qui court.

— Это, стало быть, въ большой модѣ?

— Ха, ха! Да, если хочешь.

И опять она взяла Анну за талію.

— Мы видѣлись на дняхъ въ Москвѣ. Модестъ пріѣзжалъ нарочно. И вотъ тутъ онъ далъ мнѣ маленькое дипломатическое порученіе къ тебѣ.

— Ко мнѣ?

— Ахъ, Анна! Ты его очень огорчаешь своей холодностью.

Онъ даже понять не можетъ—почему. Согласись, что и здѣсь, въ Зарѣчномъ, и въ Петербургѣ, онъ велъ себя совершенно какъ gentleman. Еслибъ не онъ—между нами—твоя сестра показала бы себя въ очень некрасивомъ видѣ.

— Вѣдь это твой другъ?—остановила Анна.

— Мало ли что̀! Но я люблю правду. Модестъ всегда—и за глаза—говоритъ о тебѣ съ симпатіей и уваженіемъ.

— За что̀ же бы онъ сталъ презирать меня?

— Но не будемъ этого касаться. Вы—люди разныхъ лагерей. Но во всемъ остальномъ у васъ не можетъ быть счетовъ.

Немножко помолчавъ, Лидія перешла къ своему порученію.

— Вѣдь ты получила отъ отца его собственное благопріобрѣтенное имѣніе на Волгѣ, туда, къ казанской губерніи.

— Да.

— А Модесту онъ оставилъ имѣнье въ Западномъ краѣ. Согласись, что тутъ старикъ прямо желалъ показать, что онъ и Модеста, и остальныхъ дѣтей—хочетъ проучить.

— Это его дѣло.

— Я знаю, что ты тутъ ни-при-чемъ. Modeste ne t'en veut nullement! Оба имѣнья, по-своему, хороши. Въ томъ, въ Модестовомъ—лѣсъ и разныя другія угодья. Но ему бы хотѣлось устроить усадьбу въ настоящей русской губерніи. И у меня есть тамъ немного земли, въ козьмодемьянскомъ уѣздѣ.

Помолчавъ, Лидія выговорила съ маленькимъ вздохомъ:

— Такъ вотъ, chérie... какое дѣло.

— Значитъ, братъ хочетъ со мною помѣняться?

— A l'amiable, chérie, à l'amiable. И когда ты сама познакомишься съ тѣмъ имѣньемъ и найдешь, что оно гораздо удобнѣе, онъ готовъ добавить... te verser une indemnité pécunière.

Анна не сразу отвѣтила.

— Я не могу дать тебѣ рѣшительнаго отвѣта.

— Модестъ не требуетъ. Время терпитъ. Но̀ онъ желалъ бы одно знать: что ты, en principe, не противъ такого обмѣна.

— И этого я не могу теперь сказать.

Лидія надула губы и отодвинула свои руки.

— C'est pas gentil. Tu es rancunière, Anna!

— Не думаю. Но для меня это не простое коммерческое дѣло.

— А что̀ же?—изумленно спросила Лидія.

— Ты этого не поймешь.

— Ахъ, Боже мой, Анна! Не все ли тебѣ равно! Ты получила теперь хорошее состояніе. Отецъ надѣлилъ тебя въ рав-

ной долѣ съ братьями и далъ тебѣ гораздо больше, чѣмъ сестрѣ твоей.

— Я въ этомъ не виновата.

— Ты сюда пріѣхала случайно. Тебя тянетъ за-границу. Съ землей ты возиться не будешь. Не все ли тебѣ равно: Западный край, Волга или Малороссія? На твоемъ бы мѣстѣ я какъ можно скорѣе реализировала бы все и уѣхала съ круглымъ капитальцемъ. Une jolie petite villa въ Cannes или въ San-Remo. Ну, хоть въ твоей скучнѣйшей Швейцаріи, гдѣ-нибудь въ Montreux или въ Лугано.

— Мнѣ долго было бы, Лидія, объяснять тебѣ. Но у меня другіе мотивы и другіе взгляды. Я еще ничего не рѣшила окончательно. Но я хочу сначала сама во все войти.

— Пожалуйста! Rien ne presse! Только скажи, что ты, en principe, ничего не имѣешь.

— Не могу.

Анна встала. Съ обиженной миной поднялась и Лидія.

— C'est pas gentil ce que tu fais! — вырвалось у нея въ полголоса.

— Можетъ быть.

— Но, по крайней мѣрѣ, если Модестъ d'ici à quelque temps обратится къ тебѣ, ты теперь знаешь, въ чемъ дѣло. Тебя не передѣлаешь. Tu es d'un bloc. Но, право, въ твоемъ положеніи, это рѣшительно bonnet blanc—blanc bonnet. Могилевская губернія или Нижній.

Лидія близко подошла къ ней и взяла ее за обѣ руки.

— Pour notre corbeille de noce? Hein? Я бы, на твоемъ мѣстѣ, не колебалась ни минуты. Вѣдь онъ—братъ твой, а я—твой другъ дѣтства.

Но этому „другу“ Анна не могла сказать никакой любезности на дорогу.

Лидія уѣхала въ тотъ же день, въ сумерки, и Анна не удерживала ночевать. Та хотѣла, должно быть, захватить Модеста, дожидавшагося въ Петербургѣ отвѣта сестры.

Иславиной она сразу не сказала—съ какой „миссіей“ Лидія пріѣзжала къ ней. Она оставляла это до большого разговора, когда пріѣдетъ Загаринъ.

Теперь онъ наѣзжалъ черезъ день, гулялъ съ Иславиной по саду, сталъ даже кататься съ ней на конькахъ. Сегодня обѣ онѣ поджидали его къ обѣду; но онъ запоздалъ.

Вмѣсто него явился—такъ же неожиданно, какъ Лидія—сосѣдъ Волгиныхъ по Зарѣчному, тотъ Старковъ, о которомъ Загаринъ

говорилъ ей, когда она вернулась, въ первый разъ, въ Зарѣчное. Онъ не былъ на похоронахъ графа—заболѣлъ въ Петербургѣ.

Она хорошо его помнила, этого сосѣда. По лѣтамъ онъ принадлежалъ не къ той генераціи, какъ она съ Загаринымъ, а лѣтъ на десять, на двѣнадцать старше. У него былъ младшій братъ, умершій молодымъ человѣкомъ. Тотъ ей всегда былъ гораздо симпатичнѣе. Этого всѣ звали „irrésistible“ еще подросткомъ, до поступленія въ студенты. Онъ отличался всевозможными талантами: игралъ, рисовалъ, сочинялъ музыку, но не писалъ стиховъ, учился въ Россіи на двухъ факультетахъ, потомъ за-границей, занималъ какую-то каѳедру, бросилъ ее и поступилъ въ художники, поселился за-границей, гдѣ-то въ Италіи, женился, очень ловко велъ свое артистическое производство, сбывалъ свои вещи англичанамъ, сыновей воспитывалъ въ русскомъ сословномъ заведеніи, самъ наѣзжалъ въ Петербургъ и въ ихъ уѣздъ, гдѣ у него была усадьба.

Все это Анна слыхала о немъ еще въ Россіи, и разъ какъ-то на нѣмецкихъ водахъ, когда ея мужъ уже сталъ терять здоровье, онъ встрѣтился съ ними и первый подошелъ къ ней въ отелѣ, послѣ обѣда. Она его познакомила съ мужемъ. И не прошло четверти часа, какъ у нихъ уже завязалось одно изъ самыхъ бурныхъ преній, при какихъ она когда-либо присутствовала.

Мужъ сразу распозналъ въ этомъ „интеллигентѣ“ барина средней руки, желающаго выдавать себя за чистокровнаго аристократа и великаго артиста, съ пренебрежительнымъ „фырканьемъ“ на все, что̀ въ ихъ отечествѣ дѣлается—въ обществѣ, въ земствѣ, въ молодежи, въ университетахъ. Все это, по его мнѣнію, былъ одинъ сплошной „сумбуръ“, и людямъ, какъ онъ—„неприлично“ барахтаться во всѣхъ этихъ русскихъ „измахъ“.

— „Значитъ, вы считаете — крикнулъ ему мужъ — болѣе приличнымъ сбирать съ мужиковъ ренту, воздѣлывая въ себѣ „общечеловѣка“ на Ривьерѣ, а связь свою съ родиной чувствовать только въ видѣ русскихъ закусокъ: подно̀вскихъ огурцовъ и зернистой икры?“

И у Анны еще сохранились интонаціи его жидковатаго голоса, когда онъ отвѣтилъ мужу:

— „Именно! Русскіе коместибли... Это—самое цѣнное въ любезномъ отечествѣ“.

И вотъ этотъ Старковъ сидитъ за столомъ передъ нею и одинъ ведетъ бесѣду. Иславина слушаетъ его, не перебивая; Анна—также.

Она бы его сейчасъ узнала. Послѣ той заграничной встрѣчи,

онъ очень мало постарѣлъ. Ни одного сѣдого волоса — можетъ быть, онъ ихъ подкрашивалъ; коротко остриженная, темнорусая, моложавая голова, съ проборомъ на боку, усы, бритый, еще свѣжій подбородокъ, золотые очки на короткомъ, немного вздернутомъ носѣ, съ большими ноздрями.

Аннѣ все казалось, что въ этихъ ноздряхъ и сидитъ его самоувѣренность и самовлюбленность. Онъ, съ студенческихъ лѣтъ, привыкъ, чтобы за-границей русскія старыя дѣвы и англійскія *spinsters* сидѣли вокругъ него, точно кошки, а онъ, по срединѣ стоя, спиной у камина, съ руками подъ полами пиджака, восхищалъ ихъ своей causerie.

И тутъ онъ битыхъ полчаса говорилъ, перескакивая съ предмета на предметъ, разсказывая анекдоты въ лицахъ, дѣлая разныя смѣшливыя замѣчанія.

Иславина раза два усмѣхнулась.

— Что же, Викторъ Сергѣевичъ, — спросила его подъ конецъ обѣда Анна: — вы, попрежнему, свободный артистъ, собирающій дань со всей Европы?.. Или чѣмъ-нибудь другимъ занимаетесь?

— Дерзаю, на старости лѣтъ, писать цѣлую оперу.

Она знала, что онъ, когда-то, игралъ чуть не на трехъ инструментахъ, и еще мальчикомъ изрекалъ приговоры всему, что̀ не „строго-классическое“.

— Вотъ какъ! Въ какомъ же направленіи? Въ Вагнеровскомъ?

Онъ откинулся на спинку стула и началъ качаться.

— Почему же непремѣнно въ Вагнеровскомъ? Не весь свѣтъ въ окнѣ, что Вагнеръ. У насъ, въ русской пѣснѣ, такой непочатой уголъ глубокой музыки. Нѣчто древне-эллинское — и я теперь вотъ обновляю свой запасъ. Хочу даже съѣздить въ олонецкую губернію, изучить ритмъ былиннаго речитатива.

— Значитъ, — остановила его Анна: — съ отечествомъ у васъ явилась-таки связь. Не однѣ русскія закуски, какъ вы когда-то говорили моему Андрею, подновскіе огурцы и зернистая икра. Помните... въ Эмсѣ... не такъ давно?

— Вотъ вы какая злопамятная, madame Клугинъ!

Старковъ выговорилъ по-свѣтски: „Клугинъ“, а не „Клугина“.

Онъ сразу сталъ для нея такъ же чуждъ и непріятенъ, какъ и тогда, шесть лѣтъ назадъ, и прежде, когда съ нимъ носились дамы и дѣвицы, какъ съ „irrésistible“'емъ. Ничего онъ не дѣлаетъ такого, за что бы нужно было его презирать, но весь онъ пропитанъ былъ — для нея — нестерпимой самовлюбленностью

способнаго дилеттанта — на почвѣ снобизма, средней руки помѣщичьяго сына, который, весь свой вѣкъ, примащивался къ барамъ изъ „большого“ свѣта.

До пирожнаго гость ей не сдѣлалъ никакого намека на мотивъ своего посѣщенія. Но она уже чуяла, что этотъ визитъ не за тѣмъ только, чтобы навѣстить ее послѣ кончины отца и выразить ей свою „condoléance“.

Такъ оно и вышло. Иславина ушла, тотчасъ же послѣ обѣда, къ себѣ. Анна попросила его въ свой кабинетъ и предложила кофе, отъ котораго онъ не отказался, и тогда только попросилъ позволенія выкурить одну трубку.

— Habitude d'atelier!—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана въ футлярѣ пѣнковую, сильно обкуренную трубочку.

— И я ничего не курю, кромѣ французскаго *капоралъ*—прибавилъ онъ, набивая трубочку изъ круглой парижской „blague à tabac“.

За чашкой кофе, пуская струи крѣпкаго дыма, Старковъ сдѣлалъ нѣкоторое вступленіе.

Анна чуть-чуть-было не сказала ему первая:

„Вы имѣете ко мнѣ дѣло?“

— Мой старшій сынъ,—началъ онъ, покачивая головой жестомъ когда-то хорошенькаго мужчины,—уже большой господинъ... третій годъ на службѣ. И задумалъ жениться. Пока я живъ, имѣнье, какое у меня, въ здѣшнихъ краяхъ, будетъ значиться за мною. Но это—печальная глушь. Домъ—совсѣмъ развалина. Я его не поддерживалъ. Мѣсто нездоровое, болотное. Ужъ не знаю, почему покойный отецъ такъ любилъ его. А мнѣ бы хотѣлось, чтобы у него была осѣдлость въ этой же губерніи. Мы—старые дворяне этого края... еще со временъ царя Василія Шуйскаго. Вотъ я и надумалъ сдѣлать ему подарокъ... вродѣ „corbeille de noces“ его будущей женѣ. Онъ женится на княжнѣ Чулидзевой,—небрежно досказалъ онъ.

„Corbeille de noces“,—повторила про себя Анна, вспомнивъ фразу Лидіи.

— И вотъ... въ Петербургѣ былъ я у вашихъ. Графа Семена Георгіевича видѣлъ мелькомъ. Онъ, пожалуй,—„sur le point d'attrapper un portefeuille“, выражаясь по-заграничному. У сестры вашей завтракалъ и узналъ, что вы, по завѣщанію стараго графа, владѣлица здѣшняго фольварка Прокудино. Вѣрно это?

— Вѣрно. И вы желаете купить его? — спросила его въ упоръ Анна.

— Ха, ха! Какой у васъ даръ предвидѣнія! Un flair de

financier, quoi! Да оно и понятно, впрочемъ. Вы, я думаю, какъ можно скорѣе, желали бы превратить все въ „argent comptant" и сдѣлать ручкой любезному отечеству.

И онъ актерски представилъ, какъ она дѣлаетъ ручкой, садясь въ вагонъ.

— Вовсе нѣтъ!

Анна выговорила это умышленно сухо.

— Ah bah! Вы, можетъ быть, думаете, что я буду съ вами торговаться? Назначьте сами цѣну. Дѣло хорошее. И даже вашъ покойный мужъ былъ бы доволенъ. Вѣдь то, что̀ я припасъ для этого—все моя заграничная рента. Съ англичанъ бралъ поборы и кладу въ родную землю. Est-ce que ce n'est pas vertueux, dites?

И онъ опять, по своей привычкѣ, закачался на стулѣ, съ закинутой задорно головой.

— Если судьбѣ такъ угодно было,—заговорила Анна,—что я очутилась владѣлицей, то я не буду торговать землей.

— Неужели сами хотите хозяйничать? Полноте. Для женщины, особенно такой, какъ вы, madame Клугинъ, это каторга. Вы года не выдержите.

— Можетъ быть, m-r Старковъ,—отвѣтила она ему въ тонъ.— Но промышлять землей я не намѣреваюсь.

— Что-жъ! Подарить мужикамъ?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ не вижу надобности спускать эту землю какъ можно скорѣе.

— Ваша воля.

Онъ всталъ и потомъ заходилъ по комнатѣ.

— Это ваше послѣднее слово?

— Да.

И сразу разговоръ у нихъ оборвался. Онъ настолько былъ неприготовленъ къ такому отпору, что даже его causerie пропала.

Передъ обѣдомъ онъ говорилъ, что уѣдетъ къ ночи въ городъ, и тройка уже ждала его.

Прощаясь, онъ сказалъ Аннѣ съ короткимъ смѣхомъ:

— Желаете „опроститься"?

— Можетъ быть,—отвѣтила она ему безстрастно.

XXV.

— Вотъ, друзья мои, у меня точно открылась коммиссіонная контора продажи и покупки имѣній.

Анна поглядѣла сначала на Иславину, потомъ на Загарина.

Она сидѣла между ними за столомъ и наливала имъ чай. Загаринъ только-что пріѣхалъ, на цѣлыя сутки. Ночевать онъ попросится къ отцу Евменію.

Иславиной Анна еще не успѣла разсказать, съ какимъ предложеніемъ являлся къ ней Старковъ.

— Значитъ, визитъ этого эстетика былъ не спроста?—спросила Иславина.

Анна подробно передала оба „дѣла“.

— И что же вы, голубушка?—спросилъ Загаринъ, поглядѣвъ на нее вбокъ.

— Я не дала имъ положительнаго отвѣта, ни Власьевой, ни Старкову.

— Разумѣется, надо обождать, какже можно! Братецъ-то Модестъ Георгіевичъ не промахъ. Сейчасъ же легкій дисконтъ въ награду за свое джентльменское поведеніе въ дѣлѣ вашего чека.

Загаринъ, черезъ столъ, оглядѣлъ Иславину.

— Варвара Дмитріевна! Вамъ вѣдь извѣстно, что ваша подруга Анна Георгіевна изволила произвести тамъ, въ большомъ домѣ, послѣ смерти графа?

— Хотѣла отказаться отъ денегъ, которыя онъ ей подарилъ?

— Загаринъ!—остановила Анна.—Зачѣмъ къ этому возвращаться?

Въ первый разъ она нашла это съ его стороны безтактнымъ, и тонъ его ей не понравился.

— Простите, голубушка,—возразилъ онъ горячѣе.—Вамъ это непріятно, но мы здѣсь втроемъ, насъ никто не слышитъ и хитрить намъ другъ съ другомъ не полагается.

— Но вѣдь это уже поконченное дѣло, Загаринъ.

— Мало ли что! Я вашему другу Варварѣ Дмитріевнѣ буду на васъ жаловаться.

— Жалуйтесь.

— Помилуйте! Вы—женщина съ такими идеями, съ такимъ прошлымъ, вы—врагъ всего, что и мы съ Варварой Дмитріевной ненавидимъ... И вы деликатничаете съ хищниками, вы хотите тронуть ихъ своимъ благородствомъ!

— Это невѣрно!—горячо отозвалась Анна.—Я просто не желала, чтобы меня въ чемъ-нибудь заподозрили.

— Кто? Кто?—крикнулъ Загаринъ.—Братцы ваши и сестрица? Очень нужно! И вы имъ хотѣли добровольно уступить такую крупную сумму, вмѣсто того, чтобы отдать эти деньги на поддержку того, что вы, въ данную минуту, считаете нужнымъ и цѣннымъ!

— Правильно!—подтвердила Иславина.

— Это въ васъ, голубушка, все еще старая закваска. Шляхетскій гѣноръ—простите, что я такъ прямо это говорю. И еще разъ повторяю: не слѣдовало вамъ такъ деликатничать съ той „бандой". Въ тысячу разъ лучше бы было удержать у себя всю сумму полностью.

Никогда еще Загаринъ не говорилъ съ ней такъ рѣзко. Но она прощала ему это, зная, что онъ всегда полонъ искренности. Она видѣла также, что Иславина и Загаринъ сразу спѣлись между собою.

Въ томъ, что̀ они говорятъ насчетъ чека и ея поступка съ родными—совсѣмъ особенная подкладка. Они явно упрекаютъ ее въ томъ, что она, играя въ рыцарскія чувства съ „бандой", забыла о тѣхъ, кому она могла бы помочь, за границей.

И ее это укололо. Она не столько обидѣлась, сколько огорчилась.

— Можетъ быть, вы оба и правы,—возразила она безъ всякаго раздраженія.—Но половина суммы осталась у меня, и я ничего больше не желаю, какъ дать ей самое лучшее назначеніе.

Ей показалось, что Иславина переглянулась съ Загаринымъ.

— За этимъ дѣло не станетъ, Анна! Мы тебѣ могли бы сейчасъ же указать отличное помѣщеніе твоего капитала. Только... ты этому не сочувствуешь.

— Что̀ такое?—заинтересованно спросила Анна.

— Поддержи движеніе гораздо болѣе крупное и важное. Не повторяй задовъ; не тереби себя на тему кающагося дворянина; помни, что здѣсь, въ деревнѣ, ты ровно ничего не сдѣлаешь. Такъ ли, Петръ Павловичъ?

Загаринъ одобрительно повелъ головой.

— Совершенно съ вами согласенъ. Но если мы будемъ напирать на нашего друга Анну Георгіевну, то рискуемъ тѣмъ, что она насъ предастъ остракизму. Теперь вотъ она обращается къ намъ за совѣтомъ. Насчетъ поступка съ родными я скажу вамъ, голубушка: на какое бы дѣло ни положить эти деньги—по вашимъ идеямъ, или по нашимъ—все равно, вы маху дали.

— Прекрасно, Загаринъ! Я не стану оправдываться. Теперь это и безполезно. Но скажи, Варя,—обернулась она къ Иславиной:—что̀ же, по-твоему, надо прежде всего поддержать? Какое-нибудь изданіе? Журналъ? Или рядъ книгъ, брошюръ?

— Мало ли что̀! Если ты противъ пропаганды нашихъ идей... цѣлый увріэрскій міръ стоитъ передъ тобою. Чѣмъ же онъ менѣе вызываетъ сочувствія, чѣмъ крестьянскій людъ? Рус-

скихъ фабричныхъ уже не одинъ милліонъ насчитываютъ. Сколько можно, имѣя средства, надѣлать добра! И какого! Не въ видѣ палліативовъ и разныхъ конфетокъ филантропіи.

— Еще бы!—вырвалось у Загарина.

— Рабочіе для меня—тотъ же народъ. Я ихъ не отдѣляю отъ остальной трудовой массы,—убѣжденно выговорила Анна.

— Нѣтъ, не тотъ! Нѣтъ, не тотъ!—крикнула Иславина сильными нотами.—Фабричные—это прогрессъ, это будущность; а мужики—вѣчное закрѣпощеніе, вѣчный мракъ и безправіе.

— Неправда!

Возгласъ Анны заставилъ Загарина тревожно поглядѣть на нее и на Иславину.

— Ну, будь по вашему, голубушка! Изъ-за чего намъ кровь портить... Варвара Дмитріевна не можетъ же кривить душой. И мнѣ было бы тяжко. Къ этому инциденту мы больше сегодня не будемъ возвращаться...

— Пожалуйста, Загаринъ,—перебила его Анна,—не смазывайте! Я не менѣе васъ обоихъ знаю, что̀ такое пролетарій, и присмотрѣлась къ нему въ Европѣ. Онъ и у насъ достоинъ всякой поддержки. Но вы гнете совсѣмъ въ другую сторону. У васъ обоихъ это—абсолютная доктрина, символъ вѣры, внѣ котораго вы ничего признавать не желаете.

— Положимъ, голубушка, — все тѣмъ же смягченнымъ тономъ возразилъ Загаринъ:—но вѣдь сегодня за чаемъ, и даже если засидимся до пѣтуховъ, мы не беремся васъ разубѣдить. Я лично преклоняюсь передъ вашей стойкостью.

— Говорите уже—прямолинейностью,—подсказала Анна.— Это вѣдь по-французски simpliste—значитъ также и ограниченность.

— Ну, Клугина,—вмѣшалась Иславина,—нечего придираться. Никто тебя не оскорбляетъ. И съ какой же стати мы съ тобой начнемъ хитрить? Таково наше мнѣніе. Высказываемъ его прямо, рѣзко... тоже, если хочешь, прямолинейно. Ты, про себя, пожалуй считаешь меня чуть не ренегаткой...

Аннѣ, въ эту минуту, опять вспомнился ихъ разговоръ въ Женевѣ, на островкѣ Жанъ-Жака.

— Развѣ я тебѣ что-нибудь такое говорила, Варя?

— Не ты, такъ другіе говорили, изъ нашего съ тобой поколѣнія. Мой отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же: а чѣмъ Бѣлинскій — ренегатъ, когда онъ сначала былъ пылкимъ гегеліанцемъ и даже договорился до самыхъ дикихъ статей,—и дикихъ,

и возмутительныхъ,—а потомъ прозрѣлъ и кончилъ самыми крайними идеалами того времени? Всякій по-своему ищетъ правды.

— Всеконечно, дорогая Варвара Дмитріевна! — Загаринъ кивнулъ ей пріятельски головой.—Но вѣдь мы, какъ истые русскіе люди—во-онъ куда зашли въ сторону! Вѣдь нашъ другъ Анна Георгіевна начала съ того, что сообщила намъ про двѣ сдѣлки, которыя предложили ей сегодня. Вамъ, голубушка, угодно, стало быть, знать наше мнѣніе? Вѣдь такъ?

— Конечно.

— Ну, а если мы опять вамъ не угодимъ?

Иславина перебила его:

— По хозяйственной части я—швахъ. У меня никогда, въ собственномъ владѣніи, не бывало ни одной десятины. Совѣтовъ у меня не спрашивай, Анна. Но если тутъ будетъ поднятъ принципіальный вопросъ—это другое дѣло.

— Позвольте!—окликнулъ Загаринъ, и подался впередъ, положивъ одну руку на столъ.—Позвольте, господа, предложить себя въ спикеры. А то мы опять зашумимъ и будемъ всѣ трое разомъ говорить.

— Я очень рада,—отозвалась Анна.

— Вамъ, стало быть, предложили двѣ сдѣлки. Мы ихъ по порядку и разберемъ. Сдѣлка номеръ первый—отъ братца Модеста Георгіевича. Вы на нее не дали согласія?

— Нѣтъ, не дала, и когда Лидія два раза добивалась отъ меня: не допускаю ли я, въ принципѣ, возможность такого обмѣна—я и на это не дала положительнаго отвѣта.

— И превосходно поступили. Хотя я и не знаю доподлинно, что̀ представляютъ собою на взглядъ дошлаго хозяина оба эти имѣнья—но братецъ охулки на руку не положитъ. Это—первое. А во-вторыхъ: имѣнье въ Западномъ краѣ... извѣстно, какъ они многими пріобрѣтались... Положеніе... для васъ совсѣмъ неподходящее, даже еслибъ имѣнье оказалось и не менѣе стоющимъ, чѣмъ то, на Волгѣ.

— Спасибо, Загаринъ. Это—во-первыхъ; а во-вторыхъ, я на Волгѣ буду среди коренного русскаго населенія. Гораздо больше связи съ народомъ. И все, что̀ я могу тамъ сдѣлать для крестьянъ...

— Такъ это—твой главный мотивъ? — перебила Иславина.

— Варвара Дмитріевна, дайте договорить. Я попрошу колокольчика.

— Ну, нечего,—Анна такъ это сказала, точно она собирается все предоставить мужикамъ.

— Анна Георгіевна этого не говорила.

— Чтò я сдѣлаю, — сказала Анна, строго посмотрѣвъ на Иславину, — я не знаю еще, въ эту минуту. Но можешь быть увѣрена, что если я согласилась принять наслѣдство, то не затѣмъ, чтобы превращаться въ помѣщицу.

— Перейдемъ ко второй сдѣлкѣ. Пренія пока оставимъ. Предложеніе Виктора Сергѣевича Старкова. Онъ даетъ хорошую цѣну?

— Не опредѣлилъ ее; но ему очень хочется купить фольваркъ, и онъ дастъ за него больше, чѣмъ кто-либо.

Загаринъ опустилъ голову и подумалъ.

— Мой совѣтъ—продать. Вы сами хозяйничать не будете. При графѣ фольваркъ не давалъ больше трехъ процентовъ. Да и то сомнѣваюсь. Развѣ вы поселитесь сами, построите домикъ. Тогда это будетъ вродѣ дачи. И при хорошемъ управляющемъ или нарядчикѣ...

— Загаринъ! Варя! Значитъ, вы меня совсѣмъ не понимаете! — вскричала Анна и приподнялась. — Развѣ тутъ рѣчь идетъ о выгодной сдѣлкѣ? Если я и брату, и Старкову, отказала—поймите, у меня на это были болѣе вѣскія, болѣе глубокія причины!

— Какія?—спросила Иславина и встала съ своего мѣста. —Понять не трудно, Анна. Ты хочешь, значитъ, удержать за собою для того только, чтобы осчастливить мужиковъ, поддержать ихъ вѣковые устои или подарить имъ землю цѣликомъ во имя принципа равенства и братства. Да вѣдь это, душа моя, толстовщина! Это безуміе!

— Варвара Дмитріевна!—крикнулъ Загаринъ.

— Безуміе!—повторила еще сильнѣе Иславина—и, вся пылающая, заходила вокругъ столовой.—Не только слѣдуетъ продать тебѣ этотъ фольваркъ, но и другое имѣнье. Обратить все, какъ можно скорѣе, въ деньги Помогай ими, кому тебѣ угодно, клади ихъ на какое хочешь движеніе, на какую хочешь пропаганду; но не вдавайся ты въ эту маниловщину, не бальзамируй эту мумію рассейскую — деревню! Пускай она гніетъ и разлагается. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Анна сидѣла блѣдная, и нервныя струйки пробѣгали у нея вокругъ рта.

— И вы, Петръ Павловичъ,—спросила она пріятеля, пристально глядя на него:—въ тѣхъ же точно взглядахъ?

— Оставь его въ покоѣ!—крикнула Иславина.—Нечего сворачивать на личную почву. Петръ Павловичъ, конечно, на моей

сторонѣ. И каждый, кто признаетъ роковой ходъ соціальной эволюціи, не можетъ ни думать, ни говорить иначе. Въ твои руки попадаетъ такая сила, какъ капиталъ, а ты хочешь играть роль запоздалой народницы, вмѣсто того, чтобы стать въ наши ряды!

Загаринъ сдѣлалъ опять попытку вернуться къ болѣе спокойному обсужденію „сдѣлки номеръ второй"; но Иславина закусила удила, и цѣлый потокъ возбужденныхъ рѣчей полился стремительно.

Анна долго сдерживала себя, потомъ пыталась возражать и опять замолкала, не менѣе обиженная, чѣмъ огорченная. Она видѣла, что Загаринъ боится исхода этой схватки, но, не желая хитрить, ничего не рѣшался сказать противъ Иславиной.

Былъ уже поздній часъ, когда Загаринъ поднялся и, обратившись къ обѣимъ пріятельницамъ, произнесъ просительно:

— Позвольте прекратить эти безплодныя пренія. Мнѣ пора удалиться. Боюсь, что отецъ Евменій уже давно опочилъ. Я не хотѣлъ бы его безпокоить.

Когда подруги остались однѣ, онѣ перешли въ кабинетъ Анны. Иславина—немного остывшая—ходила изъ угла въ уголъ и курила. Анна присѣла къ бюро и развернула книжку журнала. Протянулось молчаніе. Начинать опять разговоръ на ту же тему Анна рѣшительно не хотѣла. Сегодня она еще сильнѣе почувствовала, что новое „credo" единственныхъ ея друзей—глубоко чуждо ей. А рѣзкости Иславиной дѣлали ея аргументы еще болѣе антипатичными.

— Клугина!—окликнула Иславина: — Ты на меня не сердись! Мой темпераментъ ты знаешь. Спорами ничего не добьешься. Поживи съ нами, присмотрись, восчувствуй сладость нашего status quo—и ты сама, безъ всякаго давленія извнѣ, придешь къ тому, что̀ тебѣ кажется дикимъ и возмутительнымъ.

— Я не сержусь,—отвѣтила Анна усталымъ голосомъ.—Но мнѣ тяжело, Варя. Боюсь, что мы съ тобой совсѣмъ разойдемся изъ-за нашихъ убѣжденій.

— Къ чему же такія исторіи, мать? Мало-ли сколько можно дѣлать добра! Развѣ мы будемъ мѣшать тебѣ? Напротивъ! Да вотъ, зачѣмъ далеко ходить? Загаринъ...

— Что̀ же?

— Такой чудесный человѣкъ—и прямо погрязаетъ.

Анна вся встрепенулась. Ее кольнуло то, что Иславина какъ бы упрекаетъ ее въ равнодушіи къ своему пріятелю.

— Онъ тебѣ изливался?

— Изливаться не изливался. Но ему надо покончить съ своей дражайшей половиной.

— Онъ тебѣ, значитъ, разсказывалъ?

— Да, если хочешь.

Это еще болѣе кольнуло Анну.

— Отъ этой госпожи надо откупиться.

— Какъ же это?

— Ахъ, какая ты, Анна! Развестись. А это требуетъ денегъ. И тогда онъ будетъ другой человѣкъ. Предложи ему сама.

Анна ничего не отвѣтила.

— А теперь прощай! Повторяю—когда войдешь опять во всѣ прелести любезнаго отечества—ты не будешь считать насъ съ Загаринымъ адептами вредной доктрины.

„Насъ съ Загаринымъ!“—повторила два раза Анна, когда собралась ложиться спать.

Въ свою тетрадь она записала нѣсколько горькихъ тирадъ, и у нея было такое чувство какъ будто „вѣрный песъ“—товарищъ ея дѣтства, „Петруша“—измѣнилъ ей вдвойнѣ, и какъ старый единомышленникъ, и какъ другъ. Отчего же онъ отказывался говорить о себѣ цѣлыхъ полтора мѣсяца, а съ Иславиной сталъ сразу „откровенничать“?...

XXVI.

Почти цѣлую недѣлю у Анны щемило на сердцѣ, оттого что Загаринъ отъ нея „ускользаетъ“. И въ то же время она видѣла, что у него съ Иславиной идутъ большіе лады.

Они втроемъ ѣздили на ея фольваркъ. Это взяло два дня. Тамъ они побывали и въ домикѣ управителя. Загаринъ помогъ ей въ осмотрѣ хозяйства, вызвался самъ провѣрить управителя, сидѣлъ надъ книгами, ходилъ на скотный дворъ, въ конюшни, вошелъ во всѣ подробности инвентаря.

И всюду его сопровождала Иславина, находя, что это „ужасно интересно“. Анна также ходила съ ними, но чувствовала себя утомленной и разсѣянной.

Ей непріятно было—прежде всего—то, что Загаринъ помогалъ ей знакомиться съ фольваркомъ только какъ помѣщицѣ, въ чисто хозяйственномъ смыслѣ.

Она хотѣла бы совѣтоваться съ нимъ совсѣмъ въ другомъ направленіи. Ознакомившись съ этимъ значительнымъ хуторомъ, потолковать о томъ, что̀ можно было бы сдѣлать изъ этого

имѣнья, не затѣмъ, чтобы выгодно его продать, а воспользоваться имъ на пользу окрестнаго крестьянства—большей частью бывшихъ крѣпостныхъ графовъ Волгиныхъ.

Но она не задѣвала такихъ темъ, боялась, что Загаринъ и Иславина не только не поддержатъ ея идей, но станутъ опять выкидывать свои отчаянные приговоры всему, чтò отзывается деревней, мужикомъ, сохраненіемъ „устоевъ“ крестьянскаго быта.

Загаринъ доложилъ ей, что фольваркъ — сверхъ его ожиданій—находится въ очень хорошемъ положеніи.

Управитель—полякъ—знаетъ свое дѣло и смѣнять его не слѣдуетъ. Скота много, лошади въ исправности; рабочіе, оставшіеся на зиму, содержатся не плохо,—никто изъ нихъ не пришелъ жаловаться барынѣ. При своихъ „друзьяхъ“ она не обращалась сама къ этимъ хуторскимъ батракамъ.

Она держала „про себя“ все, чтò можно будетъ сдѣлать изъ этого имѣнья; но сотрудника въ ея идеяхъ она уже не найдетъ въ Загаринѣ. А если онъ—изъ преданности къ ней—и согласится помочь словомъ или дѣломъ, то скрѣпя сердце. Для него, также какъ и для Иславиной, это все — „безплодныя и вредныя затѣи запоздалаго народничества“.

И онъ, и она способны были, въ разгарѣ спора, высказать какъ разъ такую сентенцію.

Но не одно это запало ей въ душу и дѣлало ея настроеніе очень томительнымъ.

Она поймала себя на чувствѣ, похожемъ на ревность.

Съ того вечера, когда Иславина сказала ей, что ей слѣдовало, прежде всего, помочь Загарину покончить съ своимъ супружескимъ позоромъ, она сознавала, что ея чувство къ Петру Павловичу уже не то, чтò было.

Если не ревность, то обиду она носила въ сердцѣ, обиду за то, что онъ довѣряетъ ей меньше, чѣмъ женщинѣ, съ которой только-что познакомился.

Не могла она не замѣтить, что они чрезвычайно быстро сошлись. Они нравятся другъ другу, какъ мужчина и женщина, не говоря уже о томъ, что они одного исповѣданія вѣры. Иславина доканчиваетъ теперь его соціологическое воспитаніе. И она его отсюда вытянетъ, увезетъ съ собою въ Петербургъ, словомъ— „возродитъ“ его, сдѣлаетъ то, на чтò она не могла даже и надѣяться.

Глодало Анну и то, что она *первая* не догадалась сдѣлать ему такое предложеніе. И вотъ уже около недѣли, какъ она

ищетъ удобной минуты заговорить съ нимъ объ этомъ — и не находитъ.

По возвращеніи съ фольварка, Загаринъ уѣхалъ къ себѣ, но обѣщалъ быть на другой же день.

Онъ теперь совсѣмъ не жилъ дома, и для Анны не могло быть не ясно, что его влечетъ въ Зарѣчное не она, а Иславина.

Когда онѣ остались однѣ, въ день возвращенія изъ Прокудина, Анна, наконецъ, превозмогла себя и, придя въ комнату пріятельницы, спросила ее:

— Загаринъ завтра будетъ непремѣнно?

— Онъ обѣщалъ... А у тебя есть до него что-нибудь спѣшное? Отчего же ты не сказала тамъ, на хуторѣ, или дорогой?

— Нѣтъ, ничего спѣшнаго. Это касается не меня и моихъ интересовъ; а прямо его... стало быть, и тебя.

— Меня? — спросила Иславина сдержанно, но быстро покраснѣла.

Анна это замѣтила.

— Послушай, Варя, — съ усиліемъ назвала она такъ пріятельницу:—мы можемъ быть съ тобой и съ Петромъ Павловичемъ несогласны въ нашихъ общихъ взглядахъ. Я для васъ— отсталая народница; а вы... я не хочу вамъ давать никакой клички. Но вѣдь вы считаетесь моими друзьями? Почему же въ вашихъ личныхъ задушевныхъ чувствахъ... въ томъ, что̀ дѣлается въ вашей душѣ, вы держитесь со мной какъ съ чужою?

Иславина подняла голову.

— Что̀ ты хочешь сказать?

— Вы—я вижу—полюбили другъ друга.

— Мы?

— Что же тутъ скрытничать? Развѣ я вамъ мѣшаю? И почему же вы думаете, что я не способна принять участіе?

— Вовсе нѣтъ!—перебила Иславина.—Что-жъ! Мы очень сошлись. Я не скрываю. Загаринъ полюбилъ меня. Но вѣдь я его не завлекала, Клугина. Мы съ тобой не молоденькія. Я почти его ровесница. Можешь мнѣ вѣрить—на законный бракъ съ нимъ я отнюдь не спекулирую. Дѣло тутъ не во мнѣ, а въ немъ. Надо его вырвать отсюда.

— Почему же бы ко мнѣ не обратиться?

Голосъ Анны невольно задрожалъ.

— Почему? Гордость есть у человѣка. Какъ ты этого не понимаешь? Будь это раньше... когда ты сама въ опальныхъ состояла...

— А что же, я развѣ теперь въ станѣ ликующихъ?

— Ты теперь богатая женщина. И надо щадить его чувство.

Это было опять что-то вродѣ выговора.

Въ тонѣ ея подруги звучали другія ноты. Какъ будто она—Анна—была виновата въ томъ, что ей досталось наслѣдство.

Ей захотѣлось крикнуть:

„Не вы ли съ Загаринымъ напали на меня за то, что я хотѣла отказаться отъ капитала по чеку, подаренному мнѣ отцомъ?!“

— Что̀ же я должна сдѣлать?—спросила она, подавляя свое волненіе.

— Поговори съ нимъ. Я его подготовила. Вы съ нимъ—товарищи дѣтства. Отъ тебя онъ можетъ принять эту услугу.

— Стало быть... надо отъ его жены откупиться?

— Коли хочешь—да. Дѣтей нельзя у нея оставить. А она на этомъ поиграетъ.

— Какіе же его планы?

Этотъ вопросъ кольнулъ ее самоё—больше всего остального. Она должна узнавать о планахъ своего „вѣрнаго пса“ у женщины, о которой едва-ли онъ имѣлъ понятіе три мѣсяца тому назадъ.

— У него два имѣньица... То, что̀ съ усадьбой—оставить ей. И дать ей... отступного.

— Какое гадкое слово!—замѣтила Анна.

— Такова жизнь, душа моя. Объ эстетикѣ тутъ гдѣ же заботиться! Онъ мнѣ не опредѣлилъ точно суммы. Все, я думаю, тысячъ десять надо ей, чтобы она согласилась и взяла вину на себя.

— Да вѣдь она, говорятъ, ужасныхъ нравовъ?

— Нужды нѣтъ! Хотя она и прослыла уѣздной Мессалиной, однако уликъ противъ нея супругъ не собралъ и съ поличнымъ ее не накрылъ.

— Ахъ, Варя!

— Ну, ну! „Мимоза“! Мы съ тобой не монастырки, Клугина.

Помолчавъ, Иславина подошла къ Аннѣ и взяла ее за плечи.

— За Петрушу твоего спасибо, Клугина. Вотъ завтра, если онъ будетъ у насъ, я нарочно оставлю васъ однихъ. Напрошусь къ женѣ управляющаго въ гости.

Анна ждала этого разговора, очень нервная. Ей все еще было и обидно за себя, и неловко за пріятеля своего.

Къ этому примѣшивалось и еще какое-то чувство.

Ей трудно было бы сознаться въ томъ; но она, передъ

пріѣздомъ Загарина, подумала: „неужели это будетъ самое лучшее употребленіе денегъ?“

Но она подавила это чувство. Развѣ она скупа? Что̀ ей десять—двѣнадцать тысячъ, когда она хотѣла возвратить братьямъ и сестрѣ весь капиталъ?

Но что-то, на днѣ души, осталось у нея, когда Загаринъ остался съ ней наединѣ, въ кабинетикѣ, и они сидѣли другъ противъ друга, у письменнаго стола.

Онъ замѣтно посвѣжѣлъ, остригся, подстригъ и бороду, и гораздо старательнѣе одѣвался.

— Вы на меня не пеняйте, голубушка,—началъ онъ, протягивая къ ней обѣ руки.

Въ глазахъ его было что-то заискивающее. По крайней мѣрѣ, ей такъ показалось.

Она промолчала.

— Клянусь... не отъ скрытности... или недовѣрія. Но когда вы, еще въ первый разъ, вызывали меня на откровенность насчетъ моей семейной жизни и прочаго,—право, совсѣмъ-было сказалъ... но не хотѣлъ я Лазаря пѣть, выставлять себя жертвой. Не хотѣлъ и обнажать передъ вами всю эту грязь.

— Я понимаю, — откликнулась Анна, подавляя въ себѣ жуткое настроеніе.—Но вы, Загаринъ, смотрѣли на себя какъ на пропащаго человѣка... Я была глубоко огорчена... А теперь...

Она тихо усмѣхнулась и не докончила.

— Что-жъ... Каюсь, встрѣча съ Варварой Дмитріевной меня встряхнула. Неужели это васъ обидѣло, голубушка?

Что̀ ей было на это сказать? Ей страстно захотѣлось, въ эту минуту, показать ему, что она имѣла хоть маленькое право на товарищескую искренность.

Почему онъ первый не пришелъ и не сказалъ ей, что въ его жизни произошелъ переломъ, что онъ предоставляетъ ей—своему старому другу—право поддержать его?

Но она ничего такого не сказала ему. Она вся съёжилась и не могла стряхнуть съ себя чего-то, что̀ держало ее въ тискахъ.

— Я счастлива за Варю,—выговорила она медленно, точно прислушиваясь къ своимъ словамъ,—а за васъ вдвое, Загаринъ. И, пожалуйста, не огорчайте меня во второй разъ... скажите мнѣ прямо... что̀ вамъ нужно, чтобы устроить вашу жизнь совсѣмъ за̀ново?

Форма вопроса вышла неловкой. Она сама это сознавала, и ей стало еще болѣе жутко.

И онъ сконфуженно опустилъ голову.

— Мнѣ право совѣстно, голубушка,—заговорилъ онъ въ полголоса—въ комнатѣ стоялъ полусвѣтъ.—Деньги—проклятая вещь! Какъ только онѣ встанутъ между тобою и самыми близкими людьми...

— Полноте, Петръ Павловичъ, вы должны смотрѣть на меня какъ на сестру. Нужды нѣтъ, что вы теперь отошли отъ меня въ вашемъ „credo". Для меня вы—все тотъ же Петруша Загаринъ. И неужели—будь я на вашемъ мѣстѣ, зная, что у васъ есть этотъ презрѣнный металлъ,—я бы не пошла къ вамъ и прямо не сказала: мнѣ нужно столько-то?!

— Тронутъ вашими словами, Анна Георгіевна, но меня разбираетъ смущеніе и помимо личныхъ соображеній. Вы вѣдь не Богъ знаетъ какая богачка. Вамъ хочется сдѣлать изъ вашихъ средствъ самое высшее альтруистическое употребленіе по своему идеалу. А тутъ вы, какъ-ни-какъ, ссудите порядочный кушъ—на что—на бракоразводное дѣло землевладѣльца Загарина. Не очень-то крупнаго цивизма расходъ! Ха! ха!

Его смѣхъ покрылъ неловкость, какая все сильнѣе овладѣвала ими. Это понравилось ей.

— Только, Анна Георгіевна, я не могу принять этой субсидіи безвозвратно. Возьмите съ меня документъ. Когда все покончимъ... мое другое имѣньишко я постараюсь спустить. Разумѣется, на это нужно время. Съ мужиками полажу. Они нынче—охъ, какъ охотно покупаютъ!

Анна чуть-было не остановила его словами:

„И вы будете продавать крестьянамъ, да еще на возможно выгодныхъ условіяхъ?"

— И въ Петербургъ?—спросила она, стараясь не глядѣть на него прямо.

— Не сію минуту... а придется. Тамъ вѣдь всего лучше устроиться. Порядочная это грязь... А нечего дѣлать.

— Варя... васъ введетъ въ свой кружокъ. Будете вмѣстѣ работать?

— Рвусь я отсюда... это точно.

И, какъ бы спохватившись, Загаринъ взялъ руку Анны и поцѣловалъ.

— А пока я тутъ—весь къ вашимъ услугамъ. Спорить не будемъ. Учить васъ не берусь. По какимъ бы вы принципамъ ни поступали, вы—честнѣйшая и благороднѣйшая. И даже, рискуя помогать дѣлу, которому не сочувствую,—готовъ быть вашимъ совѣтчикомъ, если не сотрудникомъ.

Но онъ не назвалъ себя, какъ прежде, „вѣрнымъ псомъ“. И весь тонъ его былъ не прежній.

— Вижу, Загаринъ,—заговорила она замедленно и очень глухо:—вижу, что мнѣ придется испытывать большое одиночество.

— Почему же, голубушка? Если вы не хотите, распорядившись своимъ наслѣдствомъ по своимъ идеямъ, уѣхать опять туда... на благодатный югъ—поживите въ нашихъ умственныхъ центрахъ... Найдете и своихъ людей не мало. Напротивъ! Теперь оба лагеря обособились. Нѣтъ между ними ладу—это такъ; но зато всѣ тѣ, съ кѣмъ вы очутитесь въ одномъ станѣ—примутъ васъ съ распростертыми объятіями.

— Знаете, Загаринъ, вы мнѣ, вотъ въ эту минуту, точно читаете отходную...

Охваченная внутреннимъ волненіемъ, она опять не докончила.

— Матушка, Анна Георгіевна!—заговорилъ онъ, протягивая къ ней обѣ руки:—Не считайте меня ренегатомъ. Вѣрьте, у насъ съ вами, до сихъ поръ, одинъ врагъ. *Одинъ!*—повторилъ онъ сильнѣе.—И мы, двумя различными путями, уповаемъ на одно и то же. Этого вы не забывайте никогда! А что я—горемычный—не могу больше пребывать въ кающихся дворянахъ и распинаться за деревню—не осуждайте меня, голубушка. Это не изъ личныхъ мотивовъ. Клянусь вамъ честью. Что̀ такое мое собственное *я*? Ничто! Но я не вѣрю теперь ни во что почвенное, простецкое, „маленько“-мужицкое. Не вѣрю и говорю это съ неискоренимымъ убѣжденіемъ!—вскричалъ онъ и поднялъ правую руку.

Анна кротко слушала.

— И позвольте мнѣ, въ послѣдній, быть можетъ, разъ, сказать вамъ—самой дорогой моей подругѣ... да, самой дорогой— не извольте такъ на меня глядѣть. Это и Варвара Дмитріевна прекрасно знаетъ. Не кладите вы, голубушка, души своей на наше рассейское безвременье. Не сто̀итъ! *Бяка!*—говорятъ дѣти, и я повторю также: бя̀ка, матушка Анна Георгіевна, все то, во что̀ вы себя можете впрячь. Ярмо тяжкое и безплодное. Ничего вы сами, индивидуально, не сдѣлаете. Ни здѣсь, какъ помѣщица, кающаяся передъ мужичьемъ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

— Это ваше послѣднее слово, Петръ Павловичъ?—спросила Анна и поднялась.

— Да, послѣднее. Я бы считалъ большой подлостью, еслибъ я—только изъ того, чтобы вамъ не противорѣчить—говорилъ другое. Уѣзжайте вы туда, откуда пожаловали. Ну, потѣшьте

себя, бросьте часть вашего наслѣдства, для успокоенія вашей совѣсти, но души не кладите...

Загаринъ также всталъ и, подойдя къ ней, взялъ ее за руки. И молча они стояли такъ по срединѣ комнаты, не отнимая рукъ.

XXVII.

На дворѣ стояла кислая оттепель. То-и-дѣло поднимался вѣтеръ и хлесталъ въ окна мокрымъ снѣгомъ. Зарѣчная усадьба вся ушла въ сырую темноту съ пятаго часа пополудни.

Флигель, гдѣ жила Анна, со всѣхъ сторонъ обдувалъ вѣтеръ и мочила изморозь. Все было безмолвно, точно въ могилѣ.

Большой домъ, какъ длинная глыба, поднимался полукругомъ и очертанія крыши и фасада еле замѣтно отдѣлялись отъ сумрачнаго фона. Только крестъ церковнаго „шатра“ чуть-чуть мерцалъ въ небѣ.

Какъ въ одиночной камерѣ чувствовала себя и добровольная обитательница флигеля.

Больше двухъ недѣль прошло, какъ она—одна въ Зарѣчномъ. Загаринъ и Иславина—оба въ Петербургѣ и ничего не пишутъ, по русской привычкѣ.

Анна не знала подробностей о томъ—какъ произошелъ окончательный разрывъ Загарина съ женой, кромѣ того, что̀ ей разсказалъ, въ два пріема, земскій начальникъ. Дѣтей жена отдала и осталась въ усадьбѣ, откуда часто ѣздитъ въ городъ.

Въ уѣздѣ, разумѣется, всѣ уже знаютъ, что она помогла Загарину большой суммой денегъ—и это ей было непріятно.

Все это время она ѣздила по бывшимъ Волгинскимъ деревнямъ, нѣсколько разъ была въ городѣ, вызывала къ себѣ и мужиковъ, и тѣхъ безземельныхъ старыхъ дворовыхъ, которыхъ они съ отцомъ Евменіемъ затѣяли помѣстить въ богадельню.

Ей помогалъ въ этомъ земскій и, кажется, довольно охотно. Онъ посмотрѣлъ на это—какъ на дѣло, которое можетъ поднять „обаяніе“ высшаго сословія и въ округѣ, гдѣ дворянство совсѣмъ захудалое; а тѣ, кто покрупнѣе, живутъ въ своихъ имѣньяхъ.

Насчетъ мѣста, гдѣ богадельня будетъ стоять пришлось списаться еще разъ со старшимъ братомъ, которому она уже говорила объ этомъ во вторую свою поѣздку.

Братъ Семенъ Георгіевичъ далъ сейчасъ же свое согласіе и даже сталъ настаивать на томъ, чтобы, кромѣ земли, кото-

рую онъ уступилъ безвозмездно, часть лѣса на постройку пошла изъ его „дачи“ и чтобы двѣ „койки“ носили его имя.

Она не могла отказать ему въ этомъ.

Зарѣчненскій управляющій—изъ нѣмцевъ—былъ ей рекомендованъ старшимъ братомъ, и она согласилась принять его услуги, хотя Загаринъ и считалъ его „лялей“, но не очень плутоватымъ.

Къ этой постройкѣ надо готовиться съ зимы и начинать работы ранней весной. Она могла бы, конечно, оставить это на рукахъ управляющаго; но это казалось ей слишкомъ „по-барски“; она рѣшалась похоронить себя на нѣсколько мѣсяцевъ въ Зарѣчномъ и довести дѣло до конца, подъ своимъ личнымъ надзоромъ.

Главный ея единомышленникъ въ этомъ дѣлѣ, отецъ Меморскій, вдругъ, съ недѣлю тому назадъ, слегъ. Она боялась удара; но онъ не лишился языка, можетъ двигать руками и ногами; но страшно ослабъ и не въ состояніи держаться на ногахъ. Пріѣзжалъ докторъ изъ города, не нашелъ ничего особеннаго; но не скрылъ отъ Анны, что это „начало конца“, и онъ можетъ не нынче-завтра скончаться отъ старческаго истощенія.

Потерять его теперь, когда дѣло, такъ близкое его сердцу, только-что намѣчено—было бы для Анны большимъ ударомъ.

Въ ея добровольномъ изгнаніи, съ тѣхъ поръ, какъ покинули ее Загаринъ и Иславина, отецъ Евменій — единственная „живая душа“. Ей было бы особенно горько похоронить его теперь и остаться въ усадьбѣ „одной, какъ перстъ“.

Сегодня утромъ она посылала узнать о его здоровьѣ. Ей пришли сказать, что отецъ Евменій—все въ томъ же положеніи и благодаритъ за доброе ея вниманіе.

Она вызывалась приходить читать ему; но онъ отклонилъ это, увѣряя, что можетъ еще и самъ читать, даже и со свѣчой.

Часу въ шестомъ она еще разъ послала свою Фелицату спросить: можетъ ли онъ принять ее?

Фелицата вернулась тотчасъ же съ такимъ разстроеннымъ лицомъ, точно она пришла отъ покойника.

— Что̀ такое?—смущенно спросила ее Анна.

— Да больно ужъ слабъ, матушка. Лежитъ одѣтый... и чай ему приготовила стряпуха. Книжка на столикѣ. А только въ лицѣ—ни кровинки. И голосомъ ослабъ. Говоритъ: „зачѣмъ Анна Георгіевна будутъ безпокоиться въ такую погоду“... И въ самомъ дѣлѣ, матушка! Страхъ, что̀ дѣлается на дворѣ!

Но Анна не испугалась погоды. Она сказала горничной зажечь фонарь и черезъ нѣсколько минутъ спускалась уже съ крыльца. Фелицата пошла впереди съ фонаремъ.

Вѣтеръ, пополамъ съ мокрымъ снѣгомъ, дулъ ей прямо въ лицо, съ первыхъ ступенекъ крыльца. Она съ трудомъ держала въ рукѣ зонтикъ.

Онѣ пробирались гуськомъ, уже въ полной темнотѣ, держась тропки между двумя снѣжными концами двора, по направленію къ домику, на погостѣ. Одна Анна врядъ-ли бы съумѣла пробраться и не завязнуть въ снѣгѣ или не попасть въ талую закору.

Никогда, быть можетъ, Анна не бывала такъ физически охвачена жуткимъ чувствомъ, какъ въ эти нѣсколько минутъ, даже въ годы подневольнаго житья въ уѣздномъ городишкѣ. Она тамъ все-таки сразу попала къ живымъ людямъ, сдѣлалась постоялицей семьи учителя. А тутъ эта мертвенная усадьба, мракъ, вѣтеръ, изморозь, и тамъ, на погостѣ, въ священническомъ домикѣ— умирающій старикъ, единственное существо, близкое ей во всемъ Зарѣчномъ.

Сколько уже времени живетъ она здѣсь, не убѣжала послѣ смерти отца, по доброй волѣ осталась, сбирается отдавать свои средства и заботы здѣшнему люду—и такъ убійственно одиноко она чувствуетъ себя!

— Тутъ, сударыня, больно бойко! — окликнула ее Фелицата.—Полѣвѣе пожалуйте.

Анна чуть-чуть, было, не упала, еслибъ дѣвушка не схватила ее за руку.

На крыльцѣ было еще бойчѣе. Фелицата взяла барыню подъ локоть и ввела по ступенямъ, начинавшимъ уже леденѣть отъ быстро наступившаго мороза.

Старая служительница отца Евменія ждала ихъ въ маленькой прихожей.

— Извиняется батюшка,—встрѣтила она Анну съ низкимъ поклономъ:—не могутъ васъ принять въ первой-то горницѣ. Они въ постели лежать.

Она держала въ рукѣ жестяной шандалъ съ сальнымъ огаркомъ.

— Вы подождите меня, Фелицата, сказала въ полголоса горничной Анна.—Я очень долго не останусь здѣсь.

Изъ той маленькой гостиной, гдѣ они, осенью, пили чай и бесѣдовали, работница отворила ей дверь прямо.

— Пожалуйте, сударыня! — сказала она опять съ низкимъ поклономъ и пропустила ее мимо себя.

Ее обдалъ спертый воздухъ душной комнаты съ однимъ

окномъ. Отъ большой изразцовой печки пышило жаромъ. Лампада въ кіотѣ распространяла запахъ деревяннаго масла.

Низенькая лампочка стояла въ углу, подъ стариннымъ закоптѣлымъ абажуромъ. Въ полусвѣтѣ бѣлѣлись—на узкой, покрашенной въ темную краску кровати — голова и борода отца Евменія.

Онъ былъ въ подрясникѣ, лежалъ съ подогнутыми колѣнями и высоко держа голову на двухъ подушкахъ, въ ситцевыхъ темныхъ наволочкахъ. На него было накинуто до половины ваточное одѣяло.

Небольшой столикъ стоялъ подальше изголовья; а ближе къ кровати—кресло, нарочно приготовленное для гостьи.

— Матушка Анна Георгіевна, въ этакую-то непогодицу обезпокоились!

Голосъ его былъ еще отчетливъ, но очень слабъ, и дрожаніе гораздо замѣтнѣе. Весь онъ былъ точно изъ пергамента, дышалъ съ замѣтнымъ усиліемъ и быстро; худоба лица придавала ему видъ схимника съ иконописнымъ ликомъ.

— Вотъ сейчасъ меня старуха чаемъ поила... а васъ не смѣю просить. Присядьте, матушка.

— Какъ вы, отецъ Евменій?—промолвила Анна.

— Конецъ пришелъ, Анна Георгіевна!

— Что̀ вы! Какъ же это вы меня оставляете, батюшка? А наше съ вами дѣло?

— Не сподоблюсь быть на закладкѣ. А съ какой отрадой отслужилъ бы благодарственный молебенъ. Только, къ тому времени... снесутъ мои кости на погостъ, и церковь наша будетъ уже выморочная... я знаю. Васъ я, матушка, объ этомъ не прошу. Да и братца вашего, хотя бы и черезъ ваше посредство, не стану безпокоить. Зачѣмъ?!

Онъ продолжительно перевелъ дыханіе.

— Зачѣмъ?—повторилъ онъ.—Кому изъ моей братіи будетъ лестно состоять здѣсь, безъ прихода? Ныньче—не тотъ народъ. А человѣку съ высшимъ призваніемъ тоже нечего дѣлать.

— Не всѣ такіе, какъ вы,—обронила Анна.

— И-и, полноте, сударыня! Не поднимайте во мнѣ гордыню! Самый заурядный былъ человѣкъ. Недостойный рабъ Божій— и только... больше ничего.

— Отецъ Евменій, — остановила его Анна, подаваясь впередъ:—послѣ того, какъ докторъ былъ у васъ, не чувствуете никакого облегченія? А если вамъ хуже — прошу васъ убѣдительно не скрывать отъ меня.

— Чего скрывать-то, матушка Анна Георгіевна?.. Слабость, аппетиту никакого. Ноги—могу только двигать ими, и чувствую, что онѣ все точно коченѣютъ къ ночи. Опухоли не замѣчаю. Голова не болитъ; а шумъ есть—то сильный, то слабый. Болѣзнь извѣстная... дряхлость. Не токмо не ропщу, а благодарю моего Создателя за такой конецъ. Могъ вѣдь и параличъ расшибить и оставить еще на долгое мученье. На милость Господню уповаю... Отойдетъ отъ меня чаша сія.

— Вамъ не трудно ли говорить? Я бы почитала вамъ.

— Благодарствую сердечно, но я вѣдь и то сегодня почиталъ. А къ вечеру-то трудно мнѣ. Другіе бы читали—сейчасъ задремлю. Одинъ соблазнъ, матушка.

Онъ тихо разсмѣялся.

— И знаете, Анна Георгіевна, вотъ лежу такъ и о чемъ бы я ни раздумался—мысли-то вѣдь сами ползутъ, насъ не спрашиваютъ—и все я однимъ и тѣмъ же кончаю.

— Чѣмъ же, отецъ Евменій?

— Вами, матушка. О васъ помышляю и скорблю.

— Скорбите?

— А то какже. Скорблю о томъ, что вамъ Господь уготовалъ еще въ лучшихъ годахъ... и въ такомъ одиночествѣ обрѣтаться. Сильно вы одиноки, матушка. И нѣтъ у васъ никакого высшаго Утѣшителя. Я это говорю не въ осужденіе. Придетъ часъ—и вы прозрѣете. Но вѣдь человѣкъ—живое созданье. Молятъ о васъ теперь всѣ обездоленные, ко мнѣ являются; я ихъ пускаю, хоть докторъ и не приказывалъ. Но вы исполняете свой долгъ. Знаю, что и не для однихъ бывшихъ крѣпостныхъ батюшки вашего сбираетесь быть благодѣтельницей. А все же вы, матушка, одна, какъ перстъ.

„Какъ перстъ“,—повторила про себя Анна.

Глаза ея внезапно стали влажны.

Она хотѣла подавить эту горечь, но не смогла, и тихо заплакала.

Старикъ замѣтилъ эти беззвучныя слезы, приподнялся и протянулъ къ ней обѣ руки величавымъ движеніемъ.

— Безталанная вы моя!—прошепталъ онъ.

Анна опустила голову въ руки, и онъ прикоснулся къ ней обѣими своими ладонями, точно желая благословить ее.

Умретъ этотъ старикъ, и вотъ она—сирота въ Зарѣчномъ, и тамъ, въ Петербургѣ, и дальше, куда бы ни поѣхала.

И только онъ одинъ понялъ и ея глубокое одиночество, и этотъ душевный разбродъ.

— А благопріятель-то нашъ... Петръ Павловичъ,—спросилъ отецъ Евменій другимъ тономъ:—въ Питерѣ? Вы же, матушка, помогли ему разрубить Гордіевъ узелъ... Хорошая это особа—госпожа, что гостила у васъ? И то сказать — ваша пріятельница. Скоро они поладили.

Старикъ беззвучно разсмѣялся.

Его еще непотухшіе глаза пытливо глядѣли на нее.

— Расторженіе брачныхъ узъ, значитъ?

Аннѣ тяжело было отвѣчать.

— Нечистоплотная это процедура, прости Господи! Да больно ужъ онъ натерпѣлся сраму. Что-жъ... бросилъ совсѣмъ здѣшнія мѣста Петръ-то Павловичъ? А не грѣшно бы было ему посодѣйствовать вамъ. Да ему все это не по душѣ. Пожалуй, и пріятельницѣ вашей такимъ же манеромъ?

— Батюшка!—остановила его Анна:—не разспрашивайте меня объ этомъ. Мнѣ слишкомъ больно.

— Матушка! Простите меня Христа ради... стараго... изъ ума выжившаго.

И, помолчавъ, отецъ Евменій протяжно вымолвилъ:

— Тяжко вамъ, матушка. Охъ, какъ тяжко!.. А Бога для... не бросайте вы малыхъ сихъ. Доведите до конца благое начинаніе.

Когда Анна вышла на крыльцо за горничной—погода перемѣнилась: морозило и мокрый снѣгъ перешелъ въ крупу.

Наступила сразу гололедица. Фелицата должна была взять ее подъ локоть, и онѣ двигались мелкими шагами, а вѣтеръ такъ и налеталъ на нихъ, и сбоку, и сзади. Трудно было держаться на ногахъ.

У себя на крыльцѣ, поднимаясь по обледенѣлымъ ступенькамъ, Анна чуть не упала.

Войдя къ себѣ въ спальню, гдѣ горѣла всего одна свѣча, она—какъ была, одѣтая, въ мѣховомъ пальто—опустилась на стулъ и долго сидѣла, опустивъ руки, съ поникшей головой.

Ей показалось, что она посажена въ тюремную камеру, въ какомъ-нибудь острогѣ, на полярной окраинѣ. Вѣтеръ вылъ и ударялъ въ ставни и точно говорилъ ей: „Куда ты попала? Зачѣмъ берешь на себя безплодную обузу—дѣлать добро въ этой ужасной странѣ?“

Никогда, за границей, ни до замужества своего, ни послѣ него она не была такъ подавлена чувствомъ ужасающаго одиночества.

Вѣщія слова умирающаго старца глубоко всколыхнули ее.

— Барыня... чай прикажете заварить?—донесся до нея высокій голосъ Фелицаты.

Анна не разслышала. Горничная повторила вопросъ.

— Благодарствуйте. Мнѣ не хочется.

Да, она какъ въ острогѣ. Но во имя чего надѣваетъ она на себя эти вериги? Развѣ нельзя тамъ, откуда она пріѣхала, служить тому „credo“, съ которымъ ея Андрей сошелъ въ могилу?

И ей представилась—съ жуткой ясностью—другая комната. На постели лежитъ онъ, съ пылающимъ лицомъ, и все говоритъ, все говоритъ...

— „Будутъ тебя звать домой—не возвращайся. Для насъ весь міръ—отечество“...

Ей стало душно. Она тутъ только замѣтила, что сидѣла въ пальто, и стала снимать его, скинула съ головы пуховый платокъ и присѣла опять на стулъ, чтобы стянуть съ ногъ высокіе бархатные сапоги.

И тоска — неизбывная и ядовитая—схватила ее за сердце. Она бросилась лицомъ въ подушки и судорожно зарыдала.

XXVIII.

Опять та же тѣсная и душная спаленка. На столикѣ въ углу горитъ также тускло одна свѣча. Отъ кафельной печки пышетъ.

Анна лежитъ, одѣтая, на кровати. Въ эту минуту она одна во всемъ флигелѣ. Фелицата пошла за водой для самовара.

Самоваръ сдѣлался и для Анны чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Она пьетъ чай по нѣскольку разъ въ день.

Второй день ей нездоровится; но она не хочетъ посылать за докторомъ.

Она знаетъ, гдѣ простудилась — на похоронахъ отца Меморскаго.

Вотъ уже недѣля прошла съ его кончины. Отпѣванье его въ церкви — соборне — привлекло много народу. Бабы почти сплошь голосили.

И съ того дня ея „сиротство“ стало еще тягостнѣе.

Покойника она не обманетъ; то дѣло, за которое онъ такъ трогательно благодарилъ ее въ день смерти—она не броситъ.

А дальше?

На этотъ вопросъ она не хочетъ отвѣчать. Съ нездоровьемъ настроеніе стало еще безотраднѣе. Отъ головной боли она не

можетъ читать— и лежитъ такъ цѣлый день, выжидая, чѣмъ разрѣшится это недомоганье.

Мысль о какой-нибудь опасной болѣзни не пугаетъ ее. Все чаще приходитъ ей мысль о смерти, и ей хочется *конца*—до такой степени тягуче и тоскливо то, что̀ она переживаетъ въ своемъ добровольномъ „острогѣ“.

Фелицата вернулась, заднимъ крыльцомъ. Слышно, какъ она поставила на лавку ведро—въ маленькой кухнѣ, откуда такъ часто доходитъ чадъ.

Идетъ сюда, мягко ступая по полу своими валенками.

— Съ холоду я, барыня,—раздается ея голосъ у двери.— Почта! Газеты принесли изъ управительской. И письмо есть къ вамъ.

— Хорошо,—отвѣтила слабымъ голосомъ Анна.—Положите это на мой столъ въ кабинетѣ. И зажгите тамъ лампу. Я туда выйду.

Ей захотѣлось встать и немного освѣжиться отъ лежанья въ жарко натопленной комнатѣ.

Голова не такъ болитъ послѣ сильнаго пріема феноцетина. Но когда она встала, то сейчасъ же почувствовала въ ногахъ слабость и легкое нытье въ поясницѣ.

Она накинула большой платокъ и вышла въ кабинетъ. Лампа уже горѣла на бюро. Подлѣ лежали газеты и письмо.

Руку Иславиной на адресѣ она не сразу узнала.

Долго читала она четыре страницы мелкаго и неразборчиваго почерка своей пріятельницы. Подъ ея подписью—приписка въ четыре строки рукой Загарина съ его иниціалами.

„Милая моя затворница,—писала ей Иславина:—мы съ Петрушей спѣшимъ подѣлиться съ тобой нашей капитальной новостью. Разводъ уже совсѣмъ на мази, и мы мечтаемъ на масляницѣ возлагать на себя вѣнцы.

„Неужели ты не пріѣдешь на нашу свадьбу? Если не хочешь въ посажёныя матери—ты моя ровесница—такъ просто свидѣтелемъ этого торжества, которое мы хотимъ справить какъ можно проще, безъ всякаго оглашенія. Вся штука не должна намъ стоить больше двухъ бѣленькихъ.

„Пріѣзжай!—Утѣшь насъ. Пора тебѣ нюхну́ть, какъ слѣдуетъ, Питера. Повѣрь, разъ ты попадешь въ воздухъ молодой интеллигенціи, побываешь въ нашихъ кружкахъ, на разныхъ рефератахъ и преніяхъ, согласишься за̀ново и съ толкомъ прочесть все, что̀ у насъ теперь пишется,—не можетъ быть, чтобы ты хоть сколько-нибудь не подалась въ нашу сторону.

„Мы съ Петрушей, каждый разъ, какъ о тебѣ разговариваемъ, искренно скорбимъ о твоемъ добровольномъ искусѣ.

„Изъ-за чего ты себя тамъ хоронишь? И на что̀ обрекаешь—скажи на милость! Развѣ тебѣ не достаточно видно—съ тѣхъ поръ какъ ты живешь въ деревнѣ—какъ безплодны были бы всѣ твои усилія возродить мужичка или самой опроститься? Все это, душа моя, *кимвалъ бряцаяй и мѣдь звенящa!*

„Петруша готовъ, когда придетъ весна, помочь тебѣ въ постройкѣ и устройствѣ богадельни. Но и это, душа моя,—обижайся не обижайся—запоздалая затѣя. Съ какой стати берешь ты на себя искупленіе грѣховъ твоихъ родителей и ихъ предковъ? Развѣ не лучше было бы въ милліонъ разъ—тотъ капиталецъ, который ты на такую затѣю положишь—употребить на что-нибудь принципіальное, даже и тебѣ, завзятой демократкѣ-народницѣ?

„Пріѣзжай же! И не на два дня, а на весь постъ. Не уйдутъ отъ тебя твои богаделенки и пейзане.

„Обнимаю тебя“.

Въ припискѣ Загарина она прочла:

„Къ сему и я руку приложилъ, голубушка. Насчетъ богаделокъ и пейзанъ и я того же окаяннаго мнѣнія. А въ великой радости васъ видѣть здѣсь—вы намъ не можете отказать. Ручку вашу“.

Письмо и приписка одинаково огорчили ее. Тонъ ихъ отзывался чѣмъ-то чуждымъ ей и самодовольно-банальнымъ. Она не завидовала ихъ счастью, но и не могла радоваться, хотя ей и тягостно было сознаться въ этомъ съ глазу на глазъ съ своимъ „я“.

Ѣхать къ нимъ въ Петербургъ?

Зачѣмъ? Чтобы попасть въ воздухъ задорныхъ споровъ, очутиться между двухъ лагерей, слышать и читать полемическія статьи и брошюры, полныя личныхъ нападокъ и упорной враждебности?

И то, что̀ у нея есть прочнаго — рискуетъ она растерять или уронить въ собственныхъ глазахъ отъ неизбѣжныхъ схватокъ и препирательствъ.

А въ ея усталой душѣ только одно желаніе—уйти отъ всего этого, отряхнуть прахъ „сандалій“, какъ совѣтовалъ ей здѣсь въ Зарѣчномъ тотъ же Загаринъ; но не затѣмъ, чтобы поступить въ обученіе къ нимъ обоимъ.

— Въ спальню прикажете подать чай?—окликнула ее Фелицата.

— Да, я буду пить въ постели.

Совсѣмъ слабо дотащилась она до кровати. Письмо она оставила на столѣ, подъ лампой.

Фелицата вошла съ подносомъ и поставила его на столикъ.

— Никакъ къ намъ ѣдутъ?—прислушиваясь, сказала она.

— Колокольчикъ?—спросила Анна.

— Такъ точно. Отъ воротъ... въ нашу сторону... Не Петръ ли Павловичъ?

— Нѣтъ, онъ не будетъ раньше весны.

— Можетъ, земскій. Пойти посмотрѣть.

Теперь и Анна ясно различала дробное звяканье колокольчика. Ѣхали въ ихъ сторону.

Прошло такъ двѣ-три минуты. Фелицата не возвращалась— должно быть, стояла на крыльцѣ.

Дверь отворили, и кто-то съ разговоромъ вошелъ въ прихожую—не одинъ.

„Фіалковскій!" — радостно подумала Анна, узнавъ голосъ доктора.

Но кого-то онъ еще привезъ съ собою. Она его не видала больше мѣсяца, и не знала хорошенько — гдѣ онъ теперь служитъ или практикуетъ на волѣ.

— Гости къ намъ, барыня. Василій Ермиловичъ съ какой-то барышней. Заѣхали по дорогѣ...—доложила Фелицата.—Въ вашу комнату прикажете просить? Они съ холоду.

— Попросите ихъ въ столовую и предложите чаю. Скажите, что я немного утомлена... лежу. И попросите потомъ ко мнѣ Василія Ермиловича.

Но ее тянуло въ столовую. Она слышала сдержанный шумъ голосовъ. Женскій голосъ былъ молодой, пріятный, какой бываетъ у русскихъ студентокъ и за-границей.

„Неужели съ невѣстой или молодой женой?"—возбужденно подумала она.

И ее еще сильнѣе потянуло туда.

Но голова начинала горѣть и въ ногахъ она ощутила такую слабость, какъ и раньше, когда вставала.

Въ столовой шипѣлъ самоваръ. Въ свѣтѣ висящей лампы выступала изъ полутьмы знакомая ей голова „семинара"—на этотъ разъ болѣе лохматая — и другая, бѣлокурая—дѣвушки въ темносѣромъ шерстяномъ платьѣ; на плечахъ накинутъ былъ вязаный большой платокъ.

Она смотрѣла очень молоденькой—не больше восемнадцати лѣтъ. Съ морозу щеки и безъ того румянаго лица разгорѣлись. Круглые, кроткіе глаза глядѣли съ полудѣтскимъ любопытствомъ.

— Василій Ермиловичъ!—привѣтствовала Анна въ дверяхъ.

Фіалковскій вскочилъ.

— Вы нездоровы? Не извольте входить. Мы съ морозу. Холодомъ на васъ пахнёмъ.

— Ничего! Я такъ рада васъ видѣть. Какой васъ богъ занесъ сюда?

— Какой богъ? Ха, ха! Да все тотъ же Богъ земли русской. Вотъ позвольте вамъ представить мою спутницу и сотрудницу. Корнилова, Любовь Петровна... медичка, потерпѣвшая нѣкоторую аварію не по своей винѣ.

Анна протянула руку сначала доктору, потомъ дѣвушкѣ.

— Эге! Анна Георгіевна, у насъ жарокъ и довольно-таки сильный. Нѣтъ, извольте пожаловать обратно въ спальню и въ постель. Кто васъ пользуетъ?

— Пока никто. Позвольте побыть еще хоть пять минутъ. Все равно вы здѣсь.

— Да надолго ли, спросите! Мы вѣдь всего часикъ времени. Радъ бы остаться вашимъ Эскулапомъ, да нельзя. Ночевать мы должны въ деревнѣ Козловой-Рудѣ,—изволили слыхать?

— Это въ нашемъ уѣздѣ?

— На границѣ нашего и сосѣдняго.

— Куда же вы?

— Добровольцами мы съ Любовь-Петровной. Я—по вольному найму отъ земства, а она—такъ, по сердечному влеченію.

— Эпидемія?—тотчасъ догадалась Анна.

— Тройственная! И дифтеритъ на ребятъ, и оспа съ крупознымъ воспаленіемъ на взрослыхъ.

— Какъ же я ничего не знала!

— Здѣсь еще не забираетъ. Да вы вѣдь здѣсь какъ въ скиту. И старецъ нашъ — слышалъ я — Богу душу отдалъ на дняхъ. Отецъ-то Меморскій?

— Недѣлю назадъ.

— А благопріятель нашъ Петръ Павловичъ кутитъ! Писалъ мнѣ изъ Питера... разводится и новымъ законнымъ бракомъ... И виновница этого благополучія—вы, благодѣтельная фея сихъ пустынныхъ мѣстъ. Ха, ха!

Шумная и грубоватая веселость „семинара" въ другое время стала бы ее коробить; но тутъ она отдавалась какому-то особому настроенію. Пріѣздъ этихъ двухъ личностей внесъ съ собою что-то совсѣмъ иное. Такой человѣкъ, какъ Фіалковскій—честный и, по своему, убѣжденный малый, но „себѣ на умѣ"—какъ его считаетъ и Загаринъ — и вдругъ ѣдетъ, вѣроятно, за ничтож-

ный гонораръ — бороться съ „тройственной" эпидеміей. И эта совсѣмъ молоденькая дѣвушка, отправляющаяся, точно на праздникъ, быть можетъ, на вѣрную смертельную заразу.

Фіалковскій воззрился на нее и заговорилъ докторскимъ тономъ:

— Нѣтъ, васъ сильно лихорадитъ, Анна Георгіевна. Дольше я вамъ не позволю сидѣть здѣсь. Отъ двери дуетъ.

Докторъ всталъ, взялъ ее самъ со стула и отвелъ въ спальню.

— Извольте раздѣться и лечь въ постель, какъ слѣдуетъ. Я сейчасъ позову Фелицату и приду черезъ пять минутъ.

Анна повиновалась. Она сама чувствовала, что у нея горитъ лицо, и голову все сильнѣе захватываетъ лихорадочная боль.

Но она не сдавалась.

— Вотъ теперь позвольте хорошенько васъ обслѣдовать.

Фіалковскій пришелъ съ стэтоскопомъ и термометромъ.

— Позволите и барышню позвать? Вдвоемъ-то мы скорѣе справимся. Любовь Петровна!—крикнулъ онъ въ дверь.—Пожалуйте сюда! Изслѣдуйте температуру... а я принесу нашу аптечку. Кое-чѣмъ мы съ Анной Георгіевной можемъ подѣлиться.

Медичка нагнулась надъ Анной, помогая ей вложить термометръ подъ мышку.

— Сильно васъ лихорадитъ?—ласково спросила она.

— Жаръ чувствую... и боль, больше къ затылку.

— Можетъ, инфлуэнца.

Но Аннѣ хотѣлось говорить не о себѣ, не о своемъ нездоровьѣ, хотя бы оно было и предвѣстникомъ чего-нибудь серьезнаго. Ее влекло это кроткое дѣвичье лицо съ добрыми, невинными глазами.

— И вы... вотъ такъ... рѣшились ѣхать... ходить за больными въ курныхъ избахъ?

— Очень просто. Это мое призваніе.

— А какъ же докторъ говорилъ про какія-то обстоятельства?..

— Вышла маленькая заминка. На семестръ я должна была выйти. Ничего! Въ сентябрѣ опять поступлю.

Аннѣ захотѣлось поцѣловать ее; но она подумала—какъ бы ей не передать своей болѣзни, если это инфлуэнца?

— Какая вы милая!—выговорила она тронутымъ голосомъ.

— Лежите спокойно.

— Слушаю.

Фіалковскій отнесъ свою аптеку въ кабинетъ, куда приказалъ подать лампу. Онъ долго грѣлъ потомъ у кафельной печки свои захолодѣлыя руки.

— Ну, барышня, теперь оставьте насъ. И совѣтую выпить еще чашки двѣ чаю. И собираться.

— Уже?—окликнула Анна.

— Что дѣлать, Анна Георгіевна! Время горячее. Всякій часъ дорогъ.

Медичка ушла. Фіалковскій выстукалъ Анну очень старательно, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ и потомъ сѣлъ на край постели.

— Вотъ въ чемъ штука! Температура не чрезвычайная, однако около тридцати-девяти. Ночью можетъ подняться. Кажется, это только инфлуэнца, легкія не захвачены, сердце также.

— Ахъ, докторъ,—остановила его Анна:—хотя бы и что другое... не все ли равно?

— Ого! Что это за мерехлюндія, ваше сіятельство?.. Не хорошо-съ.

И мѣняя тонъ, онъ нагнулся къ ней и заговорилъ тише.

— Сами изволили запереть себя въ этой пустынѣ. А главное—душевное одиночество... Вашъ закадыка, Петръ Павловичъ, измѣнилъ вамъ. Онъ теперь по-уши въ своемъ... какъ бы это сказать... толкованіи рассейскаго прогресса. Пускай его, Анна Георгіевна. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Вы не скрылись на плѣнительный Западъ. Русская душа въ васъ заговорила—и благо вамъ будетъ. Тяжко у насъ... сами видите... мракъ, нищета, моръ и всякая штука. Каждому изъ насъ, и вамъ—если не убѣжите изъ отечества—предстоитъ не жизнь, а *житіе*. Вы видѣли, вонъ, барышня... бутонъ... чуть не въ младенчествѣ, а рвется. Да что она... курсистка. Въ прошломъ году барышню я встрѣчалъ... титулованную, большого свѣта. И по доброй волѣ кинулась на самую жестокую эпидемію, сама схватила черную оспу и чуть не отправилась.

Онъ взялъ ее за руку и сталъ щупать пульсъ.

— Вотъ какъ я съ вами разболтался. Значитъ, болѣзнь ваша—не изъ пущихъ. Сейчасъ оставлю вамъ порошки... черезъ два часа. И риголо штуки три... поставьте между лопатками. Липовый цвѣтъ найдется—или малина. Мы васъ домашними средствами. Послѣ завтра заѣду, на обратномъ пути. А если жаръ и головная боль не спадутъ—извольте посылать въ городъ.

Онъ поспѣшно вышелъ, досталъ порошки и горчишники, по-

звалъ горничную и поговорилъ съ нею. Его спутница кончила пить чай. Они оба пришли проститься съ Анной.

— Подойдите поближе,—попросила она медичку.—Я васъ поцѣлую. Василій Ермиловичъ позволитъ... У меня еще нѣтъ ничего опаснаго.

Она обняла дѣвушку, чувствуя у себя на глазахъ слезы.

— Не дать ли вамъ чего въ дорогу? Одѣяло... или кофточку?

— Любовь Петровна—въ бараньемъ тулупѣ.

Фіалковскій наклонился надъ ней и совершенно неожиданно поцѣловалъ у нея руку.

— Послѣ-завтра непремѣнно буду!—крикнулъ онъ изъ столовой.—Порошки поаккуратнѣе.

Фелицата пошла провожать ихъ. Звякнулъ колокольчикъ и залился.

А мысль Анны потянула туда, въ тѣ курныя избы, гдѣ ждутъ ихъ три эпидеміи разомъ...

И ей страстно захотѣлось: мгновенно выздоровѣть и полетѣть за ними вслѣдъ...

П. Боборыкинъ.

Эмсъ.—1899.

ИЗЪ ПСИХОЛОГІИ ДѢТЕЙ

Дѣтскія воззрѣнія на право, законъ и наказаніе.

Посвящается Д. А. Дрилю.

Въ современномъ культурномъ мірѣ, понятія о законѣ, правѣ и наказаніи—до такой степени кажутся внѣдренными въ общее сознаніе, въ большей или меньшей степени, что можно было бы думать, что эти понятія едва ли не являются для человѣка прирожденными, тогда какъ въ дѣйствительности они прививаются къ людямъ лишь очень постепенно, и, не говоря о дикаряхъ, попавшихъ случайно въ цивилизованное общество, наши собственныя дѣти долго не имѣютъ никакихъ ясныхъ правовыхъ представленій и лишь медленно усвоиваютъ мысль о внѣшней силѣ закона, о томъ, что̀ дозволительно и что̀ недозволительно, и о тѣхъ необходимыхъ послѣдствіяхъ, которыя проистекаютъ изъ несоблюденія закона.

Желая ознакомиться съ истинными воззрѣніями дѣтей на преступленіе и наказаніе, Эрль Барнесъ, профессоръ педагогіи Станфордскаго университета въ Калифорніи, въ Соединенныхъ-Штатахъ, придумалъ для этого очень остроумный пріемъ, результаты котораго были помѣщены въ извѣстномъ педагогическомъ журналѣ: „Этюды по воспитанію", въ 1896 г. („Studies in Education", 1896—1897). Авторство этихъ остроумныхъ попытокъ принадлежитъ женщинѣ, Эстеллѣ Дарра̀—въ двухъ изслѣдованіяхъ этого рода, помѣщенныхъ въ журналѣ Барнеса подъ на-

званіемъ „Children's Attitude Toward Law“ („Отношеніе дѣтей къ закону“) въ декабрьской книжкѣ упомянутаго журнала за 1896-ой и январьской 1897 г. Третье изслѣдованіе на ту же собственно тему, также американскаго происхожденія, принадлежитъ одинаково женщинѣ-педагогу, Маргаритѣ Шалленбергеръ, и носитъ названіе: „A Study on Children's Rights as seen by themselves“ („Изученіе правъ дѣтей по ихъ собственнымъ воззрѣніямъ“), и оно напечатано въ другомъ американскомъ журналѣ — „Pedagogical Seminary, Stanley Hall“, октябрь, 1894.

Во всѣхъ трехъ изслѣдованіяхъ по психологіи дѣтей употребленъ, примѣрно, одинаковый статистическій методъ: взяты, для примѣра, своего рода юридическіе казусы, доступные пониманію дѣтей, и затѣмъ, по поводу ихъ, сдѣланъ запросъ многимъ дѣтямъ, съ просьбой — дать письменные отвѣты или письменно высказаться, — очевидно, для того, чтобы заставить ихъ лучше вдуматься въ вопросы и дать на нихъ болѣе основательные отвѣты по данному поводу. Затѣмъ, сообщенныя мнѣнія дѣтей разгруппированы по ихъ возрасту и содержанію — и получилась, какъ мы ниже увидимъ, крайне интересная картина дѣтскихъ мнѣній и разсужденій юридическаго характера. Казусы, которые взяты для образца или для повода къ разсужденіямъ, избраны, такъ сказать, изъ трехъ видовъ дисциплинъ: въ первомъ изслѣдованіи г-жи Эстеллы Дарра̀ помѣщенъ обще-юридическій случай, подлежащій уголовнымъ законамъ страны, и въ данномъ случаѣ—именно штата Калифорніи; во второмъ казусѣ предложенъ ею случай нарушенія школьной дисциплины, и въ третьемъ очеркѣ, сообщаемомъ г-жей Маргаритой Шалленбергеръ,—казусъ, такъ сказать, взятъ изъ области домашнихъ нарушеній порядка ребенкомъ и обсужденія соотвѣтственнаго за то наказанія. Самый пріемъ собиранія мнѣній отъ дѣтей у г-жъ Дарра̀ и Шалленбергеръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различается, но цѣль и характеръ собиранія свѣдѣній— одни и тѣ же: сначала допрашиваются письменнымъ образомъ: г-жею Дарра̀ по сотнѣ школьныхъ дѣтей разнаго пола въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ, а г-жею Шалленбергеръ даже по тысячѣ —чрезъ посредство ихъ учителей и учительницъ; затѣмъ, отвѣты ихъ приводятся въ порядокъ, частью даже выражаются въ формѣ діаграммъ, и представляется процентное отношеніе тѣхъ или иныхъ однородныхъ мнѣній вниманію читателей этихъ этюдовъ. Во всѣхъ случаяхъ для изслѣдованія взята, притомъ, не одна школа, но большее или меньшее число ихъ, такъ что, собственно, изслѣдованіе велось многими лицами педагогическаго званія, и

только планъ и сводка матеріаловъ сдѣланы тѣми двумя учительницами, г-жами Даррà и Шалленбергеръ.

Перейдемъ къ изложенію казусовъ, положенныхъ въ основу этихъ трехъ оригинальныхъ психологически-юридическихъ изслѣдованій дѣтской души и тѣмъ положеніямъ и выводамъ, которые изъ нихъ получаются.

I.

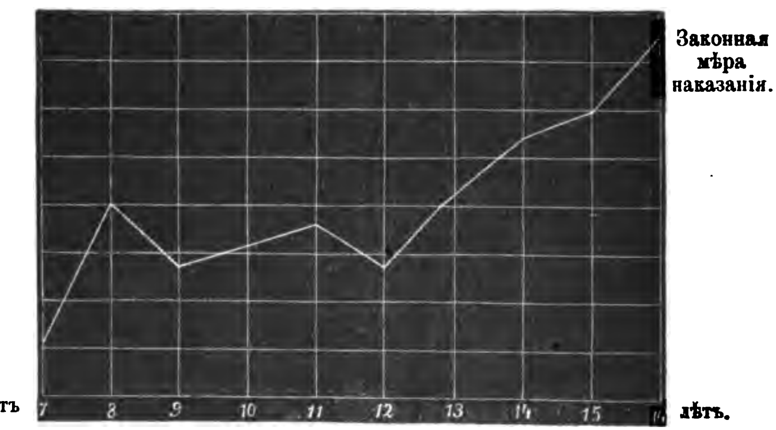
Первый казусъ: „Двое воровъ тайно вломились и проникли ночью въ домъ и утащили деньги, тамъ находившіяся; одинъ изъ воровъ убѣжалъ и не былъ пойманъ; другой же былъ пойманъ. Обычнымъ наказаніемъ за подобную кражу со взломомъ, по законамъ штата, считается пять лѣтъ заключенія въ тюрьмѣ. Спрашивается: какъ вы желали бы наказать по своему усмотрѣнію этого пойманнаго вора?"

Писанные отвѣты на этотъ вопросъ были получены отъ 100 мальчиковъ и 100 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ. „Такъ какъ въ данномъ случаѣ",—говоритъ г-жа Даррà,—„дѣтямъ какъ бы подсказывается повторить то наказаніе, которое полагается по закону, то, естественно, отъ ребятъ мѐньшаго возраста слѣдовало бы ожидать просто лишь механическаго повторенія размѣра указаннаго наказанія; напротивъ, отъ дѣтей старшихъ, въ виду систематическаго повторенія частаго въ Америкѣ неуваженія къ закону, то усиленія, то ослабленія его, возможно было бы получить, напротивъ, отвѣты болѣе разнообразнаго характера, или критическіе въ томъ или другомъ къ закону отношеніи. Какъ мы сейчасъ увидимъ, однако, результатъ получился совершенно обратный"...

Изъ цифровыхъ данныхъ произведеннаго изслѣдованія видно, что огромное большинство дѣтей младшаго возраста, оказалось, всецѣло *игнорируетъ законъ*, не желаетъ его соблюдать при опредѣленіи мѣры наказанія и назначаетъ то или иное — произвольное, большею частью очень строгое и даже крайне жестокое наказаніе, далеко оставляющее за собою мѣру закона. „Повѣсить его"; „убить его"; „застрѣлить его"; „посадить въ тюрьму на всю жизнь";—таковы были писанные приговоры семи- и восьмилѣтнихъ малютокъ. „Я застрѣлилъ бы его",—пишетъ мальчикъ девяти лѣтъ,—„или бросилъ бы его въ прудъ,—пусть выбрался бы оттуда!" Дѣвочка, одиннадцати лѣтъ, не менѣе немилосердна: „Я засадила бы его въ тюрьму на десять лѣтъ, а послѣ того — повѣсила!" Мальчикъ тринадцати лѣтъ:

„Посадилъ бы его на пять лѣтъ въ тюрьму на хлѣбъ, на воду, а по воскресеньямъ заставилъ бы его въ клѣткѣ съ дикими животными, съ однимъ мечемъ въ рукахъ, драться со львомъ?" Очевидно, наказаніе диктуется вслѣдствіе личнаго каприза и фантазіи каждаго, законъ же совершенно оставляется безъ вниманія, несмотря на его напоминаніе. Какъ правило, всѣ приговоры маленькихъ дѣтей болѣе или менѣе строги, и часто—что замѣчательно—сопровождаются предложеніемъ тѣхъ или иныхъ утонченныхъ мукъ, очевидно, проистекающихъ изъ идеи мести, которая въ данномъ случаѣ ими и руководитъ исключительно при назначеніи наказанія.

Отношеніе дѣтей къ закону на основаніи сказаннаго казуса и ихъ отвѣтовъ выражено наглядно въ *постепенности приближенія* кривой линіи къ мѣрѣ наказанія, назначаемаго закономъ, въ слѣдующей діаграммѣ:



Какъ видно изъ этой діаграммы, маленькія дѣти совсѣмъ не желаютъ знать закона и назначаемыхъ имъ наказаній, и, лишь начиная съ двѣнадцати лѣтъ, у нихъ постепенно проявляется и ростетъ сознаніе о необходимости слѣдовать закону, или признаніе его нормъ, и оно достигаетъ своего maximum'а въ указанныхъ предѣлахъ въ шестнадцать лѣтъ. Въ возрастѣ семи лѣтъ, 89% дѣтей совершенно игнорируютъ законъ и назначаемое имъ наказаніе, выдумывая собственное, и только 11% снисходятъ до признанія закона, т.-е., другими словами, почти $^9/_{10}$ дѣтей желали бы наказать преступника тѣмъ или инымъ способомъ *совершенно иначе, нежели это положено закономъ*, и только

$^{1}/_{10}$, согласно указанію уголовнаго кодекса, посадили бы преступника на пять лѣтъ въ тюрьму; но къ двѣнадцати годамъ уже 29% дѣтей (или почти треть), такъ сказать, примыкаютъ въ своихъ мнѣніяхъ къ размѣрамъ наказаній, назначаемыхъ закономъ. Далѣе, идетъ быстрое возростаніе приверженности къ закону, и въ шестнадцать лѣтъ уже 74%, или болѣе двухъ-третей дѣтей, принимаютъ законъ, приговаривая преступника согласно его указанію.

Такимъ образомъ, тенденція соблюдать законъ ростетъ съ возрастомъ, и это явленіе, по мнѣнію г-жи Даррà, можетъ быть растолковано двоякимъ способомъ: дѣти младшаго возраста, по ея мнѣнію, совершенно не сознаютъ необходимости и обязательной силы закона и являются, употребляя распространенный терминъ, „какъ бы маленькими анархистами“. Американскій педагогъ Джемсъ Сюлли справедливо замѣчаетъ поэтому: „дитя наклонно противиться не только всякой особой власти, подъ которой онъ существуетъ, но всякому закону и ограниченію его свободныхъ дѣйствій“... Если считать, какъ многіе это думаютъ, что жизнь ребенка повторяетъ собой, въ краткій періодъ его человѣческой жизни, все развитіе извѣстной расы или народа, то окажется совершенно естественнымъ, что инстинктъ самосохраненія или индивидуалистическія тенденціи предшествуютъ у дѣтей соціальнымъ инстинктамъ и сознанію важности общественности, ведущей къ признанію святости закона; послѣднее начинаетъ опредѣляться лишь наканунѣ юношескаго періода жизни, съ двѣнадцати лѣтъ или даже послѣ того, и выражается въ постепенномъ признаніи бо̀льшихъ правъ жизни вкупѣ и въ сообществѣ съ другими лицами; а отсюда вырабатывается и развивается мало-по-малу привычка къ подчиненію себя общественнымъ законамъ, создаваемымъ для общаго благополучія. Одной изъ отличительныхъ чертъ юности является то обстоятельство, что общественные и этическіе импульсы начинаютъ мало-по-малу господствовать у подростающаго поколѣнія, и эгоизмъ часто уступаетъ мѣсто альтруизму. Поэтому болѣе полное признаніе законовъ всего соціальнаго строя наступаетъ лишь вмѣстѣ съ началомъ возмужалости, что̀ и можно наблюдать у дѣтей старшаго возраста.

Замѣченное явленіе, по мнѣнію г-жи Даррà, можетъ также, помимо высказаннаго объясненія, имѣть другую причину, а именно—наступленіе у дѣтей, начиная съ *двѣнадцати* лѣтъ, подтверждаемое многими психологическими изслѣдованіями, *большей силы обобщенія*, благодаря которой дѣти, начиная съ этого

возраста, и становятся лучшими исполнителями предписаній закона, нежели они были раньше [1]).

Любопытно, что несмотря на то, что преступниковъ въ вышеуказанномъ юридическомъ казусѣ было двое, огромное большинство дѣтей это совершенно игнорируетъ, и лишь 8% такъ или иначе варьируютъ назначеніе наказанія на этомъ основаніи; 2% даже совершенно освобождаютъ пойманнаго вора отъ наказанія, въ виду того, что его бѣжавшій помощникъ не можетъ быть подвергнутъ наказанію. Такъ, дѣвочка одиннадцати лѣтъ пишетъ: „Я бы не тронула вора, который пойманъ, пока не поймали другого; а если бы этого никогда не было, то отпустила бы совсѣмъ пойманнаго". 5% дѣтей дѣйствуетъ менѣе рѣшительно по случаю бѣгства второго вора; такъ одна дѣвочка, одиннадцати лѣтъ, пишетъ: „Я приговорила бы пойманнаго вора лишь къ 2½ годамъ тюремнаго заключенія, такъ какъ онъ виновенъ лишь на половину совершеннаго преступленія, а другой воришка бѣжалъ". Совершенно напротивъ нѣкоторыя дѣти (всего лишь 1% изъ общаго числа) исходятъ, очевидно, отъ другого отправного пункта; такъ мальчикъ десяти лѣтъ пишетъ: „Я бы наказалъ пойманнаго вора вдвойнѣ противъ установленнаго закона, т.-е. на 10 лѣтъ тюремнаго заключенія: одну половину за себя, другую—за бѣжавшаго".

Подводя итоги указанному юридическому казусу и его рѣшенію дѣтьми, г-жа Даррà приходитъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ: 1) дѣти младшаго возраста смотрятъ на наказаніе лишь какъ на индивидуальное и совершенно произвольное дѣяніе, налагаемое безъ всякаго отношенія къ требованіямъ общественнаго порядка; 2) лишь начиная съ двѣнадцати лѣтъ, у дѣтей постепенно выработываются правовыя представленія и уваженіе къ закону, и 3) лишь съ шестнадцати лѣтъ ¾ дѣтей или юношей начинаетъ признавать необходимость обязательной силы закона.

Если считать сдѣланный выводъ правильнымъ, то изъ него вытекаютъ слѣдующія важныя послѣдствія какъ для общей жизни народа, такъ для школьной и семейной дисциплины. Такъ какъ огромное большинство маленькихъ дѣтей, какъ это выше доказано, совершенно игнорируетъ законъ и правила, то для нихъ не можетъ быть и рѣчи, до указанныхъ двѣнадцати лѣтъ, о подобныхъ законахъ или правилахъ, или точнѣе—вмѣняемости за ихъ несоблюденіе. Наказанія за ихъ проступки въ этомъ возрастѣ

---

[1]) См. по этому вопросу статью проф. Барнеса: „A Study on Children Interests", въ его журналѣ „Studies in Education", VI, стр. 203.

должны быть совершенно индивидуальны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и не могутъ представлять чего-либо общаго, обязательнаго, какъ самыя нормы, регулирующія поведеніе у болѣе взрослыхъ. Другой порядокъ начинается лишь послѣ достиженія дѣтьми двѣнадцати лѣтъ, отмѣчаемый *постепенной привычкой* къ сознанію необходимости общественныхъ обязанностей и подчиненія тѣмъ правиламъ, которыя обусловливаютъ существованіе соціальнаго порядка.

Желая провѣрить эти сдѣланные выводы, г-жа Даррà взяла другой казусъ, болѣе доступный пониманію маленькихъ дѣтей— нарушеніе школьной дисциплины, и по указанному выше статистическому пріему изслѣдовала воззрѣнія нѣсколькихъ сотъ дѣтей на этотъ предметъ.

II.

Второй казусъ, выбранный для изслѣдованія дѣтской психологіи и отношенія дѣтей къ закону, такого рода. „Два мальчика дрались на дворѣ школы въ то время, когда учитель проходилъ мимо. По правиламъ этой школы, за драку полагается лишеніе отпуска или свободнаго времени для виновника на одинъ мѣсяцъ. Одинъ мальчикъ, замѣченный въ дракѣ, немедленно убѣжалъ домой и больше въ школу не вернулся. Чтò надо сдѣлать по вашему мнѣнію съ другимъ мальчикомъ?"

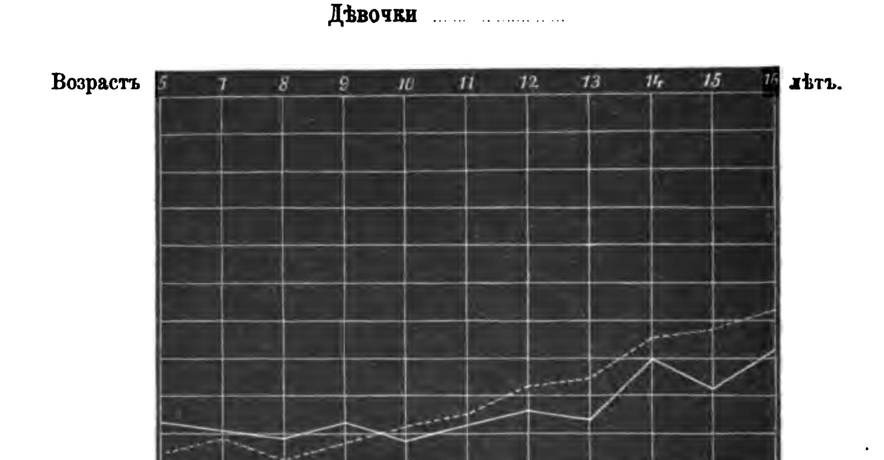
Случай этотъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе другихъ дѣтей и въ другихъ школахъ, а не въ тѣхъ, гдѣ собирались данныя по первому казусу; между тѣмъ, сущность отвѣтовъ въ данномъ случаѣ получилась, несмотря на иные размѣры правонарушенія, совершенно аналогичная съ первымъ казусомъ,—т.-е. маленькія дѣти *совершенно игнорируютъ* всѣ установленія и правила и полагаемую мѣру наказанія, постановляя ее лишь по капризу своего собственнаго *я*, но, постепенно подростая и *начиная, притомъ, съ двѣнадцати лѣтъ*, дѣти (спеціально—мальчики), такъ сказать, входятъ во вкусъ закона, привыкаютъ къ нему и, далѣе, соображаютъ свои сужденія уже съ предписаніями закона. Всѣ наказанія, назначаемыя дѣтьми младшаго возраста, не принимаютъ во вниманіе ни закона, ни существа совершённаго проступка, ни смягчающихъ обстоятельствъ. Мальчикъ, который былъ пойманъ въ нарушеніи школьной дисциплины, долженъ, по мнѣнію маленькихъ американцевъ, нести за это строгое наказаніе. „Посадить его въ тюрьму!"—„привязать его къ позорному столбу!"—„запереть его въ карцеръ!"—

„послать его въ исправительную школу для малолѣтнихъ преступниковъ!“—такъ жестоко рѣшаютъ этотъ вопросъ шести- и семилѣтніе мальчуганы, тогда какъ старшія дѣти такъ или иначе видоизмѣняютъ наказаніе сообразно свойствамъ и обстановкѣ самаго проступка. „Заставить его написать 500 строкъ чернилами!“—говоритъ тринадцатилѣтній мальчикъ;—но это еще, относительно, мягкое наказаніе; 35% *шестилѣтнихъ* дѣтей считаютъ необходимымъ „высѣчь розгами“ виновника; между тѣмъ, изъ шестнадцатилѣтнихъ за розги высказывается лишь 1%. Нѣкоторыя американскія дѣти даже стоятъ за тѣлесныя наказанія скорѣе, чѣмъ за наказанія другого рода, вродѣ, напр., лишенія свободы. Такъ мальчикъ десяти лѣтъ выразилъ такое мнѣніе: „Если бы я былъ учителемъ и за это нарушеніе слѣдовало бы лишать отпусковъ на мѣсяцъ, то я бы предпочелъ просто выпороть его и на этомъ покончить, не лишая на мѣсяцъ отпуска!“

Постепенный ростъ, въ смыслѣ приближенія дѣтскаго сознанія къ постановленіямъ закона, выраженъ наглядно слѣдующей діаграммой и притомъ отдѣльно для обоихъ половъ:

Мальчики ————

Дѣвочки ....



Изъ этой діаграммы, какъ и изъ предшествовавшей, усматривается поворотъ дѣтскихъ воззрѣній въ сторону закона съ двѣнадцати лѣтъ, причемъ менѣе колебаній, какъ и подобаетъ болѣе робкому полу, замѣчается на сторонѣ дѣвочекъ; у нихъ даже гораздо раньше, примѣрно съ девяти лѣтъ, замѣчается измѣненіе прежнихъ произвольныхъ мнѣній въ пользу указаній положительнаго

закона, а въ шестнадцать лѣтъ преимущество въ смыслѣ уваженія къ закону остается рѣшительно на сторонѣ прекраснаго пола: а именно, 44% дѣвочекъ, и только 32% мальчиковъ этого возраста высказываются за точное соблюденіе закона или правилъ школы по данному поводу. Можно думать даже, что здѣсь проглядываетъ явное пристрастіе мальчиковъ-забіякъ къ самому роду проступка—а именно, дракѣ!...

Но къ прежнему суровому и даже жестокому сужденію дѣтей о наказаніи скоро примѣшивается понемногу чувство состраданія, альтруизмъ, который и начинаетъ видоизмѣнять выводы. „Одинъ виновный бѣжалъ; за что же другой, потому что былъ достаточно честенъ и благороденъ, чтобы скрываться отъ должнаго наказанія, будетъ подвергнутъ этому наказанію во всей его строгости“? Происходитъ коллизія святости закона со всѣми обстоятельствами спеціальнаго случая, и въ результатѣ получается необходимость измѣненія въ смыслѣ смягченія положеннаго наказанія... 1½% дѣтей считаютъ необходимымъ принять во вниманіе честность того мальчика, который не бѣжалъ послѣ драки, а остался въ школѣ и подчинился наказанію. Самый фактъ, что другой мальчикъ совсѣмъ скрылся и покинулъ школу, указываетъ, по мнѣнію многихъ ребятъ, что онъ-то и былъ главнымъ виновникомъ нарушенія. „Я думаю“,—пишетъ мальчикъ двѣнадцати лѣтъ,—„что тотъ, кто остался въ школѣ послѣ драки, долженъ быть прощенъ за свою честность“. Замѣчательно, что у семилѣтнихъ ребятъ всего лишь ½% общаго числа находятъ смягчающее обстоятельство для указаннаго мальчика, не бѣжавшаго съ поля сраженія, тогда какъ, постепенно возростая, у шестнадцатилѣтнихъ уже 27% относятся къ нему сочувственно. „Если вы желаете наказать одного“,—говоритъ, напр., мальчикъ пятнадцати лѣтъ,—„то вы должны наказать и другого; разъ вы не можете наказать другого, то должны освободить отъ наказанія того, который остался“. Эта настойчивость на одинаковой мѣрѣ наказанія для обоихъ, или какъ поводъ къ смягченію наказанія для оставшагося мальчика, въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ достигаетъ 11% и на нѣсколько времени держится на этой цифрѣ.

Какъ было упомянуто выше, и одинаково съ первымъ случаемъ, уваженіе къ закону и признаніе его правъ возростаютъ лишь постепенно, и притомъ у двухъ половъ замѣчается различіе, какъ то видно на предшествовавшей діаграммѣ: въ возрастѣ шести лѣтъ лишь 11% мальчиковъ и 7% дѣвочекъ настаиваютъ или принимаютъ указанную правилами мѣру нака-

занія. Отдѣльныя лица, притомъ, очевидно благодаря различнымъ впечатлѣніямъ, такъ или иначе стремятся видоизмѣнить или дополнить свой приговоръ. Мальчикъ девяти лѣтъ, напр., пишетъ въ своемъ отвѣтѣ: „Я хорошенько выбранилъ бы его и повторилъ бы ему школьныя правила, и приказалъ бы ему много разъ написать фразу: „ты не долженъ драться на школьномъ дворѣ“. Мальчикъ пятнадцати лѣтъ прибѣгаетъ къ довольно тонкой системѣ наказаній: „Я не вижу причины, почему одинъ мальчикъ не долженъ быть вполнѣ по правиламъ наказанъ, потому что другой убѣжалъ и уклонился отъ наказанія, но я полагаю, что учитель, оставившій его на мѣсяцъ безъ отпуска, недѣли черезъ двѣ долженъ его простить за честность“... Двѣнадцатилѣтній маленькій Брутъ, по выраженію г-жи Даррà, твердо стоитъ на буквальномъ исполненіи закона. „Я стою за все, чтò справедливо, и я лишилъ бы его отпуска на цѣлый мѣсяцъ!“ Другой его одногодникъ, также мальчикъ двѣнадцати лѣтъ и также строгій законникъ—нѣсколько снисходительнѣе: „Я бы“,—говоритъ онъ,—„также лишилъ его на цѣлый мѣсяцъ отпуска, но за то отмѣтилъ бы въ вѣдомости: „весьма хорошаго поведенія“—такъ какъ онъ былъ честенъ и не удралъ“.

Суммируя все сказанное, американскій авторъ этого любопытнаго изслѣдованія приходитъ къ заключенію, что *большинство дѣтей* школьнаго возраста *подъ наказаніемъ разумѣетъ лишь способъ внушить страхъ*; потому предлагаемыя ими жестокія мѣры наказанія и являются совершенно несообразными съ истинными наказаніями, устанавливаемыми закономъ по данному поводу. Въ другихъ отношеніяхъ дѣти служатъ,—впрочемъ, лишь въ возрастѣ старше двѣнадцати лѣтъ,—зеркаломъ общества, и какъ замѣчаетъ г-жа Даррà, въ разныхъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ ихъ по поводу степени или мѣры наказанія можно подмѣтить три главныхъ теченія: господствующее въ современномъ культурномъ обществѣ консервативное признаніе необходимости слѣдовать буквѣ закона; индивидуалистическое теченіе—приноровленіе наказанія къ личнымъ обстоятельствамъ и условіямъ даннаго дѣянія, и альтруистическое—протестъ противъ того, чтобы одно лицо виновное пользовалось какимъ-нибудь преимуществомъ, вслѣдствіе избѣжанія этого наказанія другимъ лицомъ...

Заключительный выводъ г-жи Даррà во второмъ этюдѣ совершенно аналогиченъ съ первымъ:

I. Разъ маленькія дѣти вполнѣ игнорируютъ законъ и право, какъ мы то видѣли,—для нихъ не имѣетъ и смысла существованіе

какихъ-либо обязательныхъ нормъ, и каждое нарушеніе какого-либо права или школьныхъ правилъ должно разсматриваться и караться по индивидуальнымъ случаямъ.

II. Начиная съ двѣнадцати лѣтъ, дѣти постепенно пріобщаются, такъ сказать, къ законамъ общественной и гражданской жизни, и въ то же время мало-по-малу для нихъ получаетъ значеніе отвѣтственность передъ закономъ за его нарушеніе или нарушеніе тѣхъ или иныхъ правилъ общежитія или школьной жизни; но, какъ мы видѣли изъ даннаго изслѣдованія, даже шестнадцатилѣтніе юноши и дѣвицы (слѣдовательно, способныя уже выходить замужъ по закону), какъ видно изъ послѣдняго американскаго изслѣдованія, далеко меньше половины признаютъ законъ и являются его блюстителями.

III.

Третій казусъ, разработанный г-жей Маргаритой Шалленбергеръ, членомъ Станфордскаго университета въ Калифорніи, отличается большей обширностью какъ плана, такъ и числа дѣтей, отъ которыхъ мнѣнія отбирались. Этотъ „enquête" носитъ названіе: „Права̀ дѣтей по ихъ собственному воззрѣнію", и разбираетъ тотъ же самый предметъ о дѣтскихъ воззрѣніяхъ на преступленіе и наказаніе; но пріемы, употребляемые здѣсь изслѣдователемъ, нѣсколько иные. Г-жа Шалленбергеръ разослала проспектъ съ сочиненнымъ ею весьма оригинальнымъ казусомъ домашняго, на этотъ разъ, характера нѣсколькимъ сотнямъ учителей и учительницъ въ Калифорніи и просила собрать письменные отвѣты отъ учащихся въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ обоего пола, съ тѣмъ отличіемъ отъ первыхъ, нами раньше приведенныхъ казусовъ, что здѣсь, въ настоящемъ случаѣ, рѣшеніе, или точнѣе—наказаніе виновнаго, подсказывается, или, если выразиться еще обстоятельнѣе—цѣлый рядъ всевозможныхъ рѣшеній предоставляется имъ на выборъ. При этомъ вопрошаемые мальчики и дѣвочки должны, очевидно, сами или съ помощью своихъ учительницъ прочитать и обдумать предлагаемыя рѣшенія и выбрать то, которое имъ особенно нравится или кажется справедливымъ.

На разосланный циркуляръ г-жа Шалленбергеръ получила чрезъ учительницъ три тысячи письменныхъ отвѣтовъ, изъ которыхъ выбрала двѣ тысячи—по одной тысячѣ для мальчиковъ и по одной тысячѣ для дѣвочекъ, въ возрастѣ до шестнадцати лѣтъ включительно. Казусъ, предложенный на обсужденіе дѣтей, слѣ-

дующаго рода: „Маленькая Женя получила въ подарокъ прекрасный ящикъ съ красками, и въ послѣобѣденное время, когда ея матери не было дома, она разрисовала по своему вкусу всѣ кресла въ гостиной, чтобы сдѣлать, какъ она думала, ихъ красивѣе. При возвращеніи матери домой, Женя побѣжала ее встрѣтить и съ радостью объявила: „Милая мама, посмотри, какъ красиво теперь смотритъ наша гостиная!“ Но ея мама немедленно у нея отобрала краски и саму Женю, вмѣсто благодарности, уложила въ постель. Спрашивается: если бы вы были ея матерью, что̀ бы вы сдѣлали, или сказали маленькой Женѣ?“

Какъ было объяснено раньше, отвѣты здѣсь—въ противоположность первымъ двумъ вышеприведеннымъ казусамъ—готовые и предоставляются на выборъ. Допрашиваемыя дѣти пользуются правомъ выбирать тотъ или другой изъ этихъ почти готовыхъ отвѣтовъ:

„Женя дѣйствовала безъ разумѣнія“.—Женя маленькая дѣвочка, и на этомъ основаніи ее слѣдуетъ простить. Я думаю, что если бы я была ея матерью, я бы ее не наказала.

„Женѣ надо объяснить“.—Если бы я была ея матерью, я бы съ ней добро и нѣжно поговорила, и постаралась бы ей объяснить, какъ нехорошо она сдѣлала, разрисовавъ и испортивъ тѣмъ кресла въ гостиной.

„Женя не должна повторять этотъ проступокъ въ будущемъ“.—Я бы объяснила ей, что она отнюдь не должна дѣлать этого въ другой разъ.

„Женя должна дать обѣщаніе, что она не будетъ разрисовывать кресла больше“.

„Женѣ надо приказать вычистить кресла“.—Если-бы я была матерью Жени, то дала бы ей тряпку, мыло и воды и приказала бы ей отмыть кресла.

„Женю надо запереть“.—Я бы заперла Женю въ комнатѣ по крайней мѣрѣ на одинъ часъ.

„Женю надо оставить безъ ѣды“.—Если бы я была матерью Жени, я бы оставила ее безъ ужина.

„У Жени надо отобрать краски“.—Если бы я была матерью, я бы отобрала у нея краски и сожгла ихъ.

„Женѣ надо приказать лечь въ постель“.—Я послала бы ее въ постель днемъ.

„Женю слѣдуетъ высѣчь“.—Если бы я была матерью, я бы дала Женѣ здоровую порку.

„Женю слѣдуетъ наказать“.—Я бы наказала такъ или иначе Женю за то, что она вела себя дурно.

Таковы способы того или иного отношенія къ Женѣ за ея проступокъ, которые предлагаются на выборъ г-жей Шалленбергеръ двумъ тысячамъ американскихъ дѣтей обоего пола. Тотъ же американскій педагогъ въ лицѣ г-жи Шалленбергеръ даетъ объясненіе мотивовъ или стимуловъ къ наказанію бѣдной Жени: первый стимулъ есть месть: Женя вела себя какъ дурная дѣвочка, и она сдѣлала мать свою несчастливой своимъ проступкомъ, заставила мать разсердиться, и потому должна и сама пострадать. Дѣти вообще жестоки, имъ мало доступны нѣжныя чувства; лучше всего, какъ приводитъ г-жа Шалленбергеръ, это видно изъ отвѣтовъ по данному случаю. Такъ, мальчикъ десяти лѣтъ, напр., пишетъ: „Я бы отослалъ Женю въ постель безъ ужина, она сошла бы съума и начала бы плакать!“ Девятилѣтній мальчикъ пишетъ: „Я бы на мѣстѣ матери ее на половину убилъ!“ Маленькая дѣвочка пишетъ: „Я бы ее высѣкла, а затѣмъ заперла въ карцеръ на два часа, а потомъ взяла бы какую-нибудь любимую вещь Жени и разрисовала бы ее со всѣхъ сторонъ!“ То же чувство мести сказывается въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ дѣтей еще даже сильнѣе,—напримѣръ: „Если бы я была матерью Жени, я бы разрисовала Женѣ лицо, руки и все тѣло до пятокъ, потомъ вымыла бы ее водой съ мыломъ и такъ заставила бы простоять на полу полчаса“...

Г-жа Шалленбергеръ совершенно здраво по этому поводу замѣчаетъ, что мстительные отвѣты дѣтей въ данномъ случаѣ являются какъ бы актомъ переживанія, и не только напоминаютъ старое правило „око за око“, но и господствующій у варварскихъ народовъ обычай мести, какъ способъ наказанія виновнаго. Розги являются при этомъ любимымъ наказаніемъ, которое тѣмъ популярнѣе, чѣмъ моложе дѣти, которыя приговариваютъ бѣдную Женю къ этому наказанію. Если выразить процентное отношеніе дѣтей по данному поводу, то окажется, что на тысячу мальчиковъ и тысячу дѣвочекъ шестилѣтняго возраста 1.102, т.-е. болѣе 50%, высказалось за сѣченіе; между тѣмъ, изъ дѣтей одиннадцати лѣтъ, на ту же пропорцію, за порку подали голосъ 763, а между шестнадцатилѣтними—185. Такимъ образомъ, чѣмъ дѣти старше становятся, тѣмъ болѣе критически относятся къ сѣченію, какъ способу наказанія, и отрицаютъ его пользу.

Если для многихъ дѣтей, какъ раньше было упомянуто, наказаніе является местью, то въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ наказаніе служитъ для того, чтобы предупредить повтореніе проступка. Женя наказывается, такъ сказать, съ цѣлью заставить ее хорошенько запомнить свой дурной поступокъ и не повторять

его въ будущемъ. Такъ, тринадцатилѣтняя дѣвочка пишетъ: „Я бы отобрала отъ нея краски и не дала бы ихъ Женѣ, пока она не съумѣетъ ими распоряжаться болѣе разумно". Если въ этихъ случаяхъ употребляется угроза, то опять въ тѣхъ же видахъ на будущее. Такъ, одно дитя предлагаетъ на первый разъ ограничиться лишь угрозой Женѣ: „Если ты въ будущемъ повторишь то же самое, то я тебя высѣку и положу въ постель".

Наконецъ, третьей причиной наказанія является уже стремленіе у нѣкоторыхъ дѣтей употребить наказаніе лишь какъ средство исправленія. Преимущественно къ этой категоріи исправителей принадлежатъ дѣти старшаго возраста, въ то время, какъ изъ двухъ тысячъ дѣтей шестилѣтнія и не пытаются въ своихъ отвѣтахъ прибѣгнуть къ мягкимъ способамъ исправленія. Чѣмъ дѣти становятся старше, тѣмъ они чаще предпочитаютъ гуманность жестокости. Такъ, изъ двѣнадцатилѣтнихъ 181 высказываются за второе вышеупомянутое рѣшеніе: „Женѣ надо объяснить"; а изъ шестнадцатилѣтнихъ за это рѣшеніе стоятъ уже 751 голосъ, т.-е. 40%. „Я бы привелъ ее съ собою въ гостиную",—говоритъ деревенскій мальчикъ четырнадцати лѣтъ, —„и объяснилъ бы ей безъ сердца, съ добротой, какъ она поступила нехорошо и какъ въ дѣйствительности сдѣлала зло, полагая доставить удовольствіе своей матери". Дѣвочка того же возраста пишетъ: „Я думаю, что мать поступила не умно, выказавъ свой гнѣвъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ дѣвочка хотѣла ей угодить; я полагаю, что мать сдѣлала бы гораздо умнѣе, еслибы нѣжно поцѣловала Женю и постаралась бы ей объяснить, что краски вовсе не назначены для того, чтобы ими пачкать кресла, хотя бы и съ добрымъ намѣреніемъ". Точно также другая дѣвочка повторяетъ: „Было бы лучше, вмѣсто всякаго наказанія, поцѣловать Женю и сказать, какъ она нехорошо поступила, разрисовавши кресла, не спрося своей матери; и еслибы ея мать подумала объ этомъ раньше и себя поставила бы на мѣсто Жени, то не положила бы ее въ постель, а иначе бы поступила"...

Далѣе, по мнѣнію г-жи Шалленбергеръ, замѣтно въ другомъ отношеніи большое различіе въ приговорахъ дѣтей сообразно ихъ возрасту. Въ то время, какъ маленькія дѣти, или младшаго возраста, принимаютъ, главнымъ образомъ, во вниманіе лишь результаты поступка, дѣти старшаго возраста уже на первый планъ выдвигаютъ мотивы, или побужденія къ данному поступку. Такъ, десятилѣтній мальчикъ пишетъ по данному случаю: „Если Женя, разрисовавши кресла, сдѣлала ихъ лучше,

чѣмъ они были прежде, я бы сказалъ, что она хорошая дѣвочка; если же она ихъ испортила, то я бы ее высѣкъ!“ Тотъ же самый почти приговоръ повторилъ и другой девятилѣтній мальчикъ, а маленькая дѣвочка, примѣрно того же возраста, сказала: „Если бы я была ея матерью, то высѣкла бы ее за порчу креселъ!“

Совсѣмъ другого мнѣнія держатся уже дѣти старшаго возраста; такъ, дѣвочка пятнадцати лѣтъ пишетъ: „Если бы я была матерью Жени, я бы покрыла кресла лакомъ и заставила бы ее думать, что они смотрятъ очень хорошо; вѣдь бѣдная дѣвочка желала угодить матери и не имѣла въ виду сдѣлать дурное!“ Мальчикъ того же возраста пишетъ: „Еслибы я былъ ея матерью, то отнюдь не наказалъ бы ее, но постарался бы ей объяснить, что, несмотря на ея хорошее намѣреніе, она сдѣлала больше вреда, чѣмъ добра“. „Я думаю“,—добавляетъ этотъ маленькій философъ,—„что когда какое-либо лицо или дитя совершаетъ что-нибудь дурное безъ разумѣнія, то этимъ не заслуживаетъ наказанія... Въ данномъ случаѣ побужденія Жени были наилучшія, такъ какъ она хотѣла лишь угодить матери“. Отсюда понятно отношеніе спрашиваемыхъ дѣтей къ разумѣнію Жени: отвѣты, что она дѣйствовала „безъ разумѣнія“, между шестилѣтними дѣтьми на двѣ тысячи дали всего лишь 23 человѣка, между двѣнадцатилѣтними—уже 322, а между пятнадцатилѣтними—654 ребенка.

Мужской полъ вообще отличается бо̀льшей суровостью относительно наказанія, какъ и слѣдовало ожидать, чѣмъ женскій. Такъ, изъ тысячи двѣнадцатилѣтнихъ 512 дѣвочекъ высказываются за то, чтобы высѣчь Женю, а между мальчиками—590; а въ шестнадцать лѣтъ различіе болѣе рѣзкое: всего лишь 52 дѣвочки говорятъ за сѣченіе, и 133 мальчика. Наоборотъ, отвѣтъ: „Женя дѣйствовала безъ разумѣнія“, на 1.000 десятилѣтнихъ дѣтей — высказываются 142 дѣвочками и всего лишь 90 мальчиками, а изъ пятнадцатилѣтняго возраста—384 дѣвочками и 270 мальчиками. Точно то же относительно рѣшенія: „Женѣ надо объяснить“ — въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ на 129 дѣвочекъ, которыя высказываются за такое рѣшеніе, стоятъ всего лишь 53 мальчика, а въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ 403 дѣвочки желаютъ ей „объяснить вину“—и всего лишь 236 мальчиковъ. Вообще, число дѣвочекъ, имѣющихъ желаніе мягко и снисходительно отнестись къ маленькой Женѣ, далеко превышаетъ число мальчиковъ, вообще болѣе жестокихъ.

Что касается до наказанія въ формѣ угрозъ или взиманія

обѣщанія съ Жени опять не повторять свою вину, то, повидимому, онѣ слабо дѣйствуютъ на дѣтей обоего пола одинаково; но чѣмъ дѣти становятся старше, тѣмъ дѣйствительнѣе становится это средство, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ. Такъ, въ шесть лѣтъ отъ роду никто изъ дѣтей не принялъ этого рѣшенія, а уже въ двѣнадцать лѣтъ—39 дѣтей, а въ пятнадцать лѣтъ—85.

Спрашивается, съ какого возраста относительно даннаго казуса проявляется болѣе разумное отношеніе дѣтей къ вопросу о наказаніи? Отвѣтить на этотъ вопросъ гораздо труднѣе, чѣмъ въ первыхъ двухъ казусахъ, когда была указана дѣтямъ отвѣтственность по закону или правиламъ школы, и отъ ихъ усмотрѣнія зависѣло, соглашаться или нѣтъ съ постановленіями закона и этихъ правилъ. Чѣмъ ближе и охотнѣе они подходили къ закону въ своемъ пониманіи о наказаніи, тѣмъ, по нашему предположенію, они дѣйствовали съ бо́льшимъ разумѣніемъ; въ настоящемъ же случаѣ никакого правила для наказанія маленькой Жени, разумѣется, не можетъ существовать, и дѣтямъ предлагался на выборъ цѣлый рядъ почти готовыхъ рѣшеній вопроса, изъ которыхъ по своему усмотрѣнію они могли лишь выбирать то или иное рѣшеніе. Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, надо придти къ заключенію, употребивъ для того нѣсколько иной пріемъ: какое изъ предложенныхъ авторомъ изслѣдованія рѣшеній является болѣе разумнымъ и справедливымъ? Несомнѣнно, такимъ надо считать первое и второе изъ вышеуказанныхъ рѣшеній, т.-е.: „Женя дѣйствовала безъ разумѣнія" и „Женѣ надо объяснить", такъ какъ, конечно, состава проступка въ ея дѣйствіи не могло уже быть, потому что никакого злого умысла она не имѣла, совершая свой дѣтскій промахъ.

Если это рѣшеніе избрать, такимъ путемъ, мѣркой справедливости или законности дѣтскаго сужденія по данному казусу, то окажется распредѣленіе сужденій по возрасту одинаковымъ съ вышеприведенными двумя казусами. Въ то время, какъ маленькими дѣтьми рѣшеніе: „Женя дѣйствовала безъ разумѣнія", принималось всего нѣсколькими десятками,—съ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ число дѣтей обоего пола, принявшихъ это рѣшеніе, выражается по годамъ слѣдующими цифрами: 322, 348, 476, 654, 751 (т.-е. въ 12, 13, 14, 15 и 16 лѣтъ). Рѣшеніе: „Женѣ надо объяснить"—съ двѣнадцати лѣтъ у дѣтей обоего пола распредѣлялось по возрастамъ слѣдующимъ образомъ: 181, 381, 439, 673, 820.

Такимъ образомъ, двѣнадцатилѣтній возрастъ, если взять оба

пола вмѣстѣ, слѣдуетъ считать рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ смыслѣ болѣе яснаго и разумнаго правосознанія дѣтей.

Та же аналогія съ предшествующими казусами замѣчается и по поводу болѣе ранняго развитія дѣвочекъ и ранняго воспринятія ими указанныхъ болѣе справедливыхъ наказаній. Разница въ настоящемъ случаѣ между обоими полами поразительная. Весьма возможно, какъ справедливо замѣчаетъ г-жа Шалленбергеръ, что несравненно большей снисходительности дѣвочекъ, сравнительно съ мальчиками—и наоборотъ—въ данномъ случаѣ содѣйствуетъ самый полъ виновника всего приключенія. Очень возможно, что если бы шалуномъ оказался мальчикъ, а не дѣвочка, рѣшенія мальчиковъ были бы болѣе снисходительны къ своему собрату по полу, и наоборотъ—относительно дѣвочекъ. За первое рѣшеніе, напр., изъ указанной цифры 322 дѣтей на тысячу въ 12 лѣтъ возрастомъ приходится 230 на долю дѣвочекъ и лишь 92—мальчиковъ. Лишь съ этого возраста, т.-е. 12-ти лѣтъ, мальчики быстро догоняютъ дѣвочекъ, и въ 16 лѣтъ, изъ 751 голоса за первое рѣшеніе, 358 принадлежатъ дѣвочкамъ и уже 393—мальчикамъ! Точно также за второе рѣшеніе: „Женѣ надо объяснить",—двѣнадцати лѣтъ, изъ 181 голоса обоего пола, 142—принадлежатъ дѣвочкамъ и всего лишь 39—мальчикамъ. Затѣмъ, мальчики быстро зрѣютъ, и количество ихъ голосовъ, къ шестнадцати годамъ, если не равняется, то уже подходитъ ближе къ другой половинѣ ихъ товарищей, а именно: 494 дѣвочки шестнадцати лѣтъ и 326 мальчиковъ желаютъ ограничить наказаніе Жени лишь однимъ объясненіемъ.

Любопытно, что изъ 12-ти вышеприведенныхъ нами рѣшеній этого казуса, предложенныхъ дѣтямъ, которыя, смотря по возрасту, какъ мы видѣли, воспринимаются весьма различно маленькими и большими дѣтьми, замѣчается лишь одно одинаковое при всѣхъ возрастахъ восприятіе рѣшенія—это: „у Жени надо отобрать краски"—орудіе проступка. Шестилѣтнія дѣвочки изъ тысячи въ количествѣ 232 высказались за это рѣшеніе; точно также изъ шестнадцатилѣтнихъ дѣвицъ—247. Между мальчиками шести лѣтъ, 136—за это рѣшеніе, и между шестнадцатилѣтними—165. Въ остальныхъ возрастахъ, конечно, эти цифры нѣсколько колеблются, но приблизительно онѣ одинаковы. Всѣ дѣти какъ бы наклонны думать, что бѣда—въ краскахъ, и если ихъ не будетъ, то маленькая Женя будетъ исправна и не навлечетъ на себя опять подобной вины!

Но, слѣдуя за г-жею Шалленбергеръ въ ея попыткахъ рѣшить вопросъ: насколько тѣ или иные изъ приведенныхъ при-

говоровъ дѣтей самостоятельны, или насколько являются лишь повтореніемъ и зеркаломъ наиболѣе привычныхъ для нихъ и чаще встрѣчаемыхъ исправительныхъ мѣръ домашней и школьной дисциплины, господствующей на практикѣ въ семьяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—мы должны констатировать лишь одинъ, кажущійся намъ несомнѣннымъ, фактъ: во всѣхъ трехъ указанныхъ казусахъ, несмотря на ихъ внутреннее различіе и, такъ сказать, разницу самой цифры ихъ примѣненія (въ двухъ первыхъ казусахъ брались для изслѣдованія сотни дѣтей, въ послѣднемъ—цѣлыя тысячи), рельефно выступаютъ одинаковыя черты дѣтской психологіи:

1) *Сознательное отношеніе* къ значенію проступка и мѣрѣ наказанія начинается у мальчиковъ въ сколько-нибудь значительной степени разумѣнія *не раньше двѣнадцати лѣтъ*—крайній предѣлъ, когда для нихъ можетъ начинаться *вмѣняемость* за совершённый проступокъ; для дѣвочекъ этотъ періодъ наступаетъ, по крайней мѣрѣ, двумя годами раньше, и къ шестнадцати годамъ оба пола въ этомъ отношеніи сравниваются.

2) Въ назначеніи мѣры наказанія дѣти исходятъ главнымъ образомъ изъ идеи мести. Наказаніе для большинства изъ нихъ является какъ бы капризомъ и дѣломъ произвола; почему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обсужденія поступка ребенка—будь это на настоящемъ судѣ или нарушеніе дисциплинарное, чисто школьное, или домашнее — слѣдуетъ руководствоваться лишь индивидуальными условіями каждаго отдѣльнаго случая.

Какъ извѣстно, по дѣйствующему русскому законодательству, видоизмѣненному въ 1897 году, какъ и старому Уложенію о наказаніяхъ: „дѣти, коимъ менѣе десяти лѣтъ отъ роду, не подвергаются судебному преслѣдованію и опредѣленному въ законахъ наказанію“ (ст. 137 Улож. о наказ.). Какъ утверждаютъ, еще въ 1892 году у насъ обнаружилось намѣреніе законодателя даже вовсе отказаться отъ наказанія малолѣтнихъ до четырнадцати лѣтъ; позднѣе же, 2 іюня 1897 года, произошло послѣднее, важное въ этомъ отношеніи, измѣненіе, сохраняющее силу до окончательнаго утвержденія новаго проекта Уголовнаго Уложенія, удержавшаго тотъ же десятилѣтній терминъ, какъ крайній предѣлъ полной невмѣняемости малолѣтняго за учиненное имъ преступное дѣяніе [1]). Законъ 1897 года въ данномъ случаѣ

---

[1]) Ст. 35 Уголовнаго Уложенія. Проектъ, измѣненный мин. юстиціи по соглашенію съ предсѣдателемъ Высочайше утвержд. Ред. Коммиссіи.

повторилъ указанную статью стараго закона о полной невмѣняемости дѣтей до десяти лѣтъ и, затѣмъ, весьма гуманно установилъ значительныя измѣненія и облегченія для дѣтей отъ десяти до семнадцати лѣтъ; наказанія въ этомъ возрастѣ носятъ нынѣ преимущественно исправительный характеръ.

Какъ ни незначительна, можетъ быть, по размѣрамъ вышеприведенная американская попытка психологически-юридическаго изслѣдованія дѣтскихъ воззрѣній на право и наказаніе, тѣмъ не менѣе она поразительно совпадаетъ съ той мотивировкой, которая замѣчалась у насъ въ законодательной практикѣ при выработкѣ и прохожденіи указаннаго важнаго закона 2 іюня 1897 года. „Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ,—говорилось тамъ,—прежде всего обращаетъ на себя вниманіе полная дѣтская незрѣлость мотива, отсутствіе оцѣнки совершённаго“... Въ другихъ дѣлахъ о малолѣтнихъ „поражаетъ недостаточность повода и полная несоразмѣрность между нимъ и тяжестью совершённаго преступленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточность мышленія“...

Не то же ли самое мы должны сказать и о вышеприведенныхъ сужденіяхъ дѣтей о преступленіи и наказаніи по американскимъ изслѣдованіямъ?! Крайняя незрѣлость и несоотвѣтствіе наказанія съ преступленіемъ или проступкомъ, полное игнорированіе закона и жестокость фантастическихъ предложеній, дѣлаемыхъ дѣтьми для наказанія проступка, поражаетъ насъ во всѣхъ казусахъ одинаково съ тѣми мотивами, которые привели и въ Россіи къ гуманной переработкѣ закона объ уголовной отвѣтственности дѣтей въ 1897 году...

Но законодательство наше, полагаемъ, по этому предмету осталось незаконченнымъ и недостаточно вѣрнымъ фактамъ и опыту жизни. Полная или безусловная невмѣняемость у насъ допускается, по старому, всего лишь до *десятилѣтняго возраста* [1]); между тѣмъ, какъ видно изъ любопытныхъ американскихъ казусовъ, приведенныхъ нами,—едва ли вопросъ объ отвѣтственности можетъ справедливо подниматься, по крайней мѣрѣ для мальчиковъ, до двѣнадцати лѣтъ. Во второмъ казусѣ—по нарушенію правилъ школьной дисциплины—даже въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ дѣти обоего пола признаютъ законъ менѣе.

---

[1]) Проектъ Уголов. Улож., ст. 35, говоритъ: „Не вмѣняется въ вину преступное дѣяніе, совершенное малолѣтнимъ, не достигшимъ *десяти* лѣтъ, а равно и дѣяніе, учиненное несовершеннолѣтнимъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ, *который не могъ понимать свойства и значенія учиненнаго имъ преступнаго дѣянія, или руководить своими поступками*“. Т.-е. условная отвѣтственность начинается отъ 10-ти лѣтъ.

чѣмъ на половину всего своего состава,—вполнѣ отрицательно, слѣдовательно, относясь къ тѣмъ правиламъ, при исполненіи которыхъ они обязаны жить и учиться.

Но если въ такомъ, сравнительно, высоко-культурномъ народѣ, какъ американскій, при всеобщей грамотности и привычкѣ съ малолѣтства къ свободному мышленію, тѣмъ не менѣе сознаніе законности распространяется у дѣтей такъ медленно, а воззрѣнія на проступки и на право наказанія такъ произвольны и далеки отъ наказаній по существующимъ законамъ и правиламъ, то—что̀ же сказать о нашемъ русскомъ народѣ, при его темнотѣ и безграмотности? Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ недостатки, пробѣлы и аномаліи дѣтскихъ сужденій о дозволенномъ и недозволенномъ, о правѣ и наказаніи, у насъ должны встрѣчаться еще чаще и сильнѣе, а пониманіе и признаніе силы обязательныхъ нормъ закона или правилъ должно отодвигаться къ гораздо позднему возрасту, чѣмъ въ Америкѣ [1]). Поэтому мы смѣемъ думать, въ заключеніе, что десятилѣтній возрастъ, опредѣляющій у насъ полную невмѣняемость малолѣтняго, слишкомъ тѣсенъ и долженъ быть отодвинутъ, по крайней мѣрѣ, до двѣнадцати лѣтъ, въ особенности для мальчиковъ, которые, какъ видно изо всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, развиваются въ чувствѣ воспринятія закона или въ его разумѣніи туже и позднѣе дѣвочекъ [2]).

Иванъ Янжулъ.

[1]) Изъ статистическихъ свѣдѣній министерства юстиціи (Приложеніе 3) оказывается, что ежегодное среднее число всѣхъ осужденныхъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ въ возрастѣ отъ десяти до четырнадцати лѣтъ, за трехлѣтній періодъ отъ 1891 по 1894 г., равняется 98 лицамъ, а по мировымъ судебнымъ установленіямъ—479 лиц., всего же 577 лиц. Изъ нихъ родителямъ и родственникамъ, для домашняго исправленія, было отдано 237 лицъ, а остальныя 340 были подвергнуты наказаніямъ или направлены въ различныя исправительныя заведенія.

[2]) Возрастъ безусловной невмѣняемости дѣтей уже опредѣляется именно до 12 лѣтъ по слѣдующимъ законодательствамъ: Германское Имнер. Улож. 1870 г.; Уголовные Кодексы Венгріи; швейцарскаго кантона Базеля и Валлиса, и даже до 14 лѣтъ—въ Швеціи и кантонѣ Vaud. См. „Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ“, *Е. Альбицкаго* и *А. Ширгена*. Спб. 1893, стр. 13 и далѣе.

„ЖИВАЯ ДУША“

въ

ШКОЛѢ

Мысли и воспоминанія стараго педагога.

I.

Давно уже почувствовало наше общество внутреннее недомоганіе, разъѣдающее у насъ молодое поколѣніе, и въ печати также давно раздаются голоса, силящіеся уяснить причины такого недомоганія, установить его діагнозъ и способы леченія. Многое, какъ будто, уже понято, много сказано правды, но сдѣлано пока очень мало; да и понято, и сказано еще далеко не все, и едва-ли самое главное. Конечно, прежде всего нужно признаться, что ни въ какія другія эпохи нашей общественной жизни юношество у насъ не пребывало въ идеальномъ равновѣсіи духа, не отличалось какими-нибудь идиллическими стремленіями... Это и понятно, само собою: въ молодомъ наростающемъ поколѣніи всѣ духовные элементы, свойственные самому обществу, волнуются, сталкиваются и бродятъ еще гораздо сильнѣе и тревожнѣе, чѣмъ въ установившихся уже слояхъ общества; а такъ какъ наше общество съ конца 50-хъ годовъ само переживаетъ очень критическую эпоху своей исторической жизни, заканчивая чуть не средневѣковой полуазіатскій строй своего внутренняго быта и съ тяжелыми усиліями вступая полноправ-

нымъ членомъ въ просвѣщенную семью европейскихъ народовъ,—то было бы странно ожидать спокойнаго и правильнаго роста самой впечатлительной, самой неустойчивой части этого общества, въ которой, какъ въ молодомъ, еще не отстоявшемся винѣ, играютъ соки будущаго...

Вотъ почему въ вопросѣ воспитанія молодого поколѣнія, какъ и во всякомъ серьезномъ практическомъ вопросѣ, необходимо прежде всего намъ самимъ полное спокойствіе духа; только оно одно можетъ представить намъ въ истинномъ свѣтѣ, безъ болѣзненныхъ преувеличеній, безъ тенденціознаго окрашиванія, наше важнѣйшее общественное и государственное дѣло.

Приступать же къ обсужденію его, а тѣмъ болѣе къ практическимъ мѣрамъ въ немъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмущающихъ насъ мимолетныхъ явленій, когда событія минуты невольно представляются ихъ свидѣтелямъ и участникамъ въ гораздо болѣе тревожномъ и опасномъ свѣтѣ,—значитъ, съ своей стороны, помогать дальнѣйшему неправильному ходу дѣла и ошибочно принимать болѣзненныя вспышки организма за нормальную физіологическую дѣятельность его.

Я самъ отецъ, воспитавшій нѣсколькихъ сыновей и дочерей, довольно долго былъ педагогомъ, искренно увлеченнымъ этимъ призваніемъ; самъ родился въ очень многолюдной семьѣ братьевъ и сестеръ; зналъ хорошо своихъ многочисленныхъ товарищей по гимназіи и университету, своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ; поддерживаю и до сихъ поръ отношенія съ близкою мнѣ учащеюся молодежью,—и потому считаю себя достаточно знакомымъ съ психологіею нашего юношества, съ его очень большими недостатками, но и съ его очень добрыми сторонами.

Мой долголѣтній опытъ оставилъ во мнѣ глубокое убѣжденіе, что наше юношество очень доступно нравственному вліянію, и что разумный человѣкъ съ прямымъ, устойчивымъ характеромъ, съ честными принципами, а прежде всего искренно расположенный къ молодежи,—можетъ безъ особеннаго труда направлять жизнь юношеской толпы по спокойному и плодотворному руслу. Опытъ убѣдилъ меня, что почти всѣ такъ называемые „исторіи“ и „безпорядки“ нашихъ учебныхъ заведеній если не вызываются, то поддерживаются неумѣлымъ, несправедливымъ или безучастнымъ отношеніемъ къ молодежи тѣхъ, кто бы долженъ жить съ нею душа въ душу и ея интересы сдѣлать своимъ, такъ сказать, семейнымъ интересомъ.

Сколько разъ случалось мнѣ убѣждаться, что одно только искреннее вхожденіе честнаго воспитателя въ подробности воз-

никшаго недоразумѣнія, одно сердечное и разумное объясненіе съ молодыми людьми, чуждое всякаго популярничанья, простое и даже сурово-откровенное, — разводило, точно какой-нибудь громоотводъ, накопившееся въ молодыхъ умахъ электричество негодованія и возмущенія, и нечувствительно устанавливало въ этой сферѣ набѣжавшей грозы—тихую и ясную душевную погоду.

Такіе разумные и вліятельные воспитатели, любившіе дѣтей и любимые дѣтьми, были всегда, конечно, рѣдки, какъ рѣдки были и учебныя заведенія, гдѣ дѣло обходилось безъ „исторій“ и „безпорядковъ“ разнаго рода. Но они, однако, были даже и въ то время, когда мы вообще были бѣднѣе педагогическими и образовательными силами.

Трудно сомнѣваться, чтобы ихъ не нашлось еще больше теперь, когда общественные нравы стали вообще гуманнѣе, когда образованіе разлилось гораздо шире въ русскомъ народѣ, и когда каждому изъ насъ стали яснѣе и обязательнѣе наши нравственные и гражданскіе идеалы. Если же въ практикѣ нашихъ нынѣшнихъ учебныхъ заведеній мы слишкомъ рѣдко встрѣчаемъ эти крайне желательныя и совершенно необходимыя отношенія воспитателей къ ученикамъ, то причину этого нужно искать въ томъ омертвѣніи внутренней жизни этихъ заведеній, въ томъ уничтоженіи всякой воспитательной самостоятельности ихъ,— которыя явились роковымъ послѣдствіемъ строгой канцелярской централизаціи учебнаго дѣла. Система недовѣрія къ учителю, къ ученику, къ главнымъ руководителямъ учебнаго заведенія, къ обществу, къ самимъ родителямъ, — вызванная, можетъ быть, историческими обстоятельствами,—мертвою рукою легла на наше воспитательное дѣло и обратила его въ механическое отправленіе служебной обязанности, подобно всякому другому чиновничьему „присутственному мѣсту“. Въ указанномъ часу всѣ приходили въ классы; до указаннаго часа по указанной книгѣ проходили указанное число страницъ, отвѣчали на экзаменахъ на указанные высшимъ начальствомъ вопросы, и даже за проступки должны были нести то наказаніе, которое было заранѣе предназначено въ утвержденной разъ навсегда и для всѣхъ таблицѣ наказаній. Все было до того предусмотрѣно и предуставлено заранѣе чиновничьею инстанціею, живущею за тридевять земель отъ воспитывающагося юношества, и до того механизировано, что какой-нибудь Эдиссонъ могъ бы, кажется, изобрѣсти машинку, вполнѣ способную замѣнить эти прямолинейные распорядки учебнаго начальства. Учитель, воспитатель, директоръ—потеряли всякій живой интересъ къ живому дѣлу, которымъ механически правила

издали чужая холодная, но тѣмъ не менѣе властная рука. Естественно, что люди, преданные сердцемъ дѣлу воспитанія, вынуждены были, въ таких условіяхъ, при первой возможности покидать его и искать другихъ занятій, а ряды педагоговъ невольно наполнялись людьми иныхъ взглядовъ, смотрѣвшихъ на свое призваніе исключительно какъ на средство получать жалованье и выслуживать пансіонъ. Механизація проникла даже въ религіозную жизнь учебныхъ заведеній, и какія-нибудь обязательныя колѣнопреклоненія цѣлой корпораціи въ извѣстные моменты церковныхъ службъ, напоминающіе гораздо болѣе исполненіе воинской команды, чѣмъ искреннее движеніе растроганнаго сердца,—стали требоваться начальствомъ въ замѣнъ воспитанія въ дѣтяхъ ихъ собственнаго религіознаго чувства.

При такой системѣ, обезличившей одинаково и воспитателя, и воспитанника, обратившей ихъ въ безучастные колёсики учебной машинки, былое значеніе педагогическихъ совѣтовъ, составлявшихъ въ болѣе счастливыя эпохи нашей учебной жизни „живую душу“ и двигающій импульсъ заведенія, совершенно уничтожилось; никакіе воспитательные и учебные опыты, никакія отступленія отъ строго предписанныхъ формъ и нормъ, иначе сказать, никакая искренняя внутренняя дѣятельность учебнаго заведенія—не допускалась и сдѣлалась невозможною. На съѣзды учителей, ихъ конференціи, публичныя чтенія, на всякое участіе „казеннаго педагога“ въ духовной жизни мѣстнаго общества—стали смотрѣть какъ на вредную ересь, какъ на признакъ служебной неблагонадежности, и дошли по этому пути до того, что въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ губернскихъ городахъ учителя среднихъ учебныхъ заведеній, составляющіе въ сущности главную и чуть не единственную просвѣщенную силу мѣстнаго общества, подъ страхомъ быть на дурномъ счету у начальства, не осмѣливались принимать участіе ни въ народныхъ чтеніяхъ, ни въ публичныхъ лекціяхъ, ни въ общественныхъ библіотекахъ, ни въ какомъ вообще просвѣтительномъ учрежденіи, предпринятомъ внѣ предписаній начальства.

Понятно, что такой неестественный мертвящій строй нашихъ учебныхъ заведеній отразился самымъ вреднымъ образомъ не только на впечатлительной натурѣ учащихся, но и на отношеніи къ заведенію самихъ учителей и воспитателей. Привыкнувъ къ родственно-близкимъ отношеніямъ воспитанниковъ моего времени къ воспитавшему ихъ заведенію, къ ихъ благодушнымъ воспоминаніямъ о своихъ даже плохихъ и чудаковатыхъ учителяхъ, къ ихъ радостно дружественнымъ встрѣчамъ съ бывшими своими

наставниками,—я съ искреннимъ изумленіемъ видѣлъ и слышалъ кругомъ себя всякаго рода выраженія вражды и полнаго отчужденія бывшихъ учениковъ послѣдней формаціи къ тому заведенію, въ которомъ они провели лучшіе годы своего дѣтства и юности. А гдѣ нѣтъ любви, уваженія и привязанности,—тамъ какое же можетъ быть полезное нравственное вліяніе, сколько бы вы ни прививали дѣтямъ почтительности и благонравія сажаньемъ подъ арестъ и плохими баллами за поведеніе!

Восемь или девять-десять лѣтъ самаго чуткаго и опаснаго возраста, когда въ подростающемъ юношѣ складываются всѣ его будущіе вкусы, расположенія и взгляды на жизнь и людей,—провести въ такомъ враждебномъ и отрицательномъ настроеніи —это, какъ хотите, не можетъ не отразиться глубоко и на будущемъ студентѣ, который невольно осужденъ входить въ сравнительно свободную сферу своей новой жизни безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ и тормазовъ, безъ внутренняго запаса любви и мира, если, конечно, ему не посчастливилось собрать этотъ драгоцѣнный запасъ въ какой-нибудь исключительно благопріятной семейной обстановкѣ своей.

Лекарство противъ этого зла указывается самимъ же этимъ зломъ. Уничтожить механическое бездушіе нашего воспитательнаго дѣла, измѣнить его канцелярски-чиновническій характеръ, возвратить учебнымъ заведеніямъ ихъ живую, искреннюю жизнь, ихъ естественную физіономію, не всегда похожую на всѣ другія,—вотъ что̀ одно необходимо теперь. Это, конечно, не достигается предписаніями. Нельзя приказать человѣку: будь искрененъ, интересуйся дѣломъ, люби тѣхъ, кого ты воспитываешь! Но можно и должно поставить людей въ такое положеніе, что они сами, наконецъ, станутъ искренно интересоваться дѣломъ и безъ предписанія начальства привяжутся сердцемъ къ питомцамъ своимъ. Для этого прежде всего нужно, чтобы люди, которымъ поручается дѣло, почувствовали себя сколько-нибудь хозяевами его, сознали бы, что ихъ личныя дружныя усилія могутъ достигнуть чего-нибудь, что они свободны выбирать, для достиженія поставленной цѣли, тѣ средства, въ которыя они вѣрятъ, которыхъ силу они испытали... Слѣдите внимательно за тѣмъ, что̀ и какъ они дѣлаютъ, требуйте отчета, давайте совѣты, безпощадно устраняйте неумѣлыхъ или нерадивыхъ, строго выбирайте своихъ работниковъ,—но не мѣшайте тѣмъ, кому вы вѣрите, вести его по мѣрѣ ихъ разумѣнія, на ихъ отвѣтственность, не стѣсняйте свободы внутренней жизни заведенія единообразными предписа-

ніями, безчисленными формальными требованіями и, главное, пагубнымъ недовѣріемъ, которое убиваетъ все живое и искреннее...

II.

Я считаю вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь небольшую иллюстрацію къ только-что высказаннымъ мыслямъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній о другой, давно уже прошедшей, эпохѣ нашей педагогической жизни, которую вѣрнѣе всего назвать „эпохою Пирогова", и въ которой, несмотря на нѣкоторыя ея увлеченія и ошибки, жило высоко-нравственное и плодотворное начало. Я вправѣ считать себя однимъ изъ скромныхъ дѣятелей той далекой эпохи, принципы которой я старался проводить и въ своей позднѣйшей педагогической дѣятельности, при совершенно уже измѣнившихся общихъ условіяхъ.

Мнѣ посчастливилось въ ранней молодости быть дѣятельнымъ членомъ очень своеобразнаго педагогическаго улья, о которомъ когда-то довольно много говорилось и писалось, о которомъ, конечно, теперь совершенно забыли, но о которомъ особенно кстати вспомнить именно теперь, какъ о противоположномъ полюсѣ своего рода нашихъ современныхъ учебныхъ заведеній.

Я говорю о тульской гимназіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

Свѣтлая эпоха русскаго возрожденія застала эту гимназію въ самомъ плачевномъ состояніи, напоминавшемъ художественныя картины педагогическаго быта въ романѣ „Кто виноватъ". Новый попечитель московскаго учебнаго округа, генералъ Исаковъ, связавшій потомъ свое имя съ широкимъ подъемомъ нашего военно-учебнаго образованія,—хоть самъ былъ мало знакомъ съ вопросами педагогіи, но обладалъ большимъ тактомъ и очень здравымъ умомъ, который помогалъ ему удачно выбирать людей, заслуживавшихъ довѣрія и вполнѣ пригодныхъ къ дѣлу. Остановившись на такомъ человѣкѣ, онъ предоставлялъ ему возможную свободу дѣйствій и, сознавая тогдашнее прискорбное состояніе нашего учебнаго дѣла, охотно шелъ на встрѣчу самымъ смѣлымъ педагогическимъ опытамъ по новому, свѣжему пути. Тульскую гимназію, обратившуюся чуть не въ „бурсу", необходимо было пересоздать и воскресить совсѣмъ заново. Исаковъ посылаетъ туда директоромъ—съ самыми широкими полномочіями удалять и приглашать кого онъ сочтетъ нужнымъ—одного изъ за-

мѣчательныхъ учителей московскихъ гимназій, И. Ѳ. Гаярина, человѣка очень солиднаго филологическаго образованія, серьезнаго теоретическаго ума и чрезвычайно стойкаго характера.

Гаяринъ, рѣшившійся сразу очистить „Авгіевы конюшни“ тульской гимназіи, собираетъ вокругъ себя кучку свѣжихъ молодыхъ людей, только-что окончившихъ университетскіе курсы, совсѣмъ не того типа, изъ котораго обыкновенно набирался нашъ учительскій персоналъ. Съ свойственною ему убѣдительностью, онъ уговариваетъ посвятить себя плодотворному дѣлу воспитанія молодыхъ поколѣній возрождающейся Россіи нѣсколькихъ даровитыхъ кандидатовъ университета, готовившихся къ ученой карьерѣ, и по своему матеріальному и общественному положенію вовсе не нуждавшихся въ такой скромной службѣ, какъ мѣсто учителя гимназіи.

Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей были мои близкіе пріятели. Я жилъ тогда за-границею, слушая лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ, и готовясь къ магистрскому экзамену по одному изъ предметовъ естественнаго факультета, такъ какъ тоже предполагалъ посвятить себя ученой карьерѣ, вовсе не мечтая объ учительствѣ. Вдругъ получаю страстное посланіе отъ своихъ пріятелей. Цѣлое воззваніе идти вмѣстѣ съ ними—спасать отечество, воспитывать новаго гражданина для обновленнаго отечества.—Можетъ ли идти въ сравненіе съ этимъ великимъ плодотворнымъ дѣломъ жизни, съ этимъ возвышеннымъ гражданскимъ подвигомъ сухое занятіе какою-нибудь зоологіею или батаникою!—убѣждали меня мои пріятели.

Я не заставилъ ждать себя; перспектива посвятить себя такому плодотворному дѣлу, какъ воспитаніе новаго русскаго гражданина, увлекла меня, также какъ и моихъ товарищей. Они писали такія „хорошія вещи“ о новомъ директорѣ, его свѣтлыхъ взглядахъ и широкихъ планахъ, что я безъ сожалѣнія бросилъ свои заграничныя ученыя занятія и поспѣшилъ на родину—скорѣе приниматься за насущно-необходимую и живую работу. Мы были всѣ холостые и—кромѣ Гаярина—всѣ очень молодые. Никакихъ чиновничьихъ отношеній между нами не полагалось. Я сейчасъ же перетянулъ въ тульскую гимназію меньшого брата своего, только-что кончившаго въ это время курсъ въ московскомъ университетѣ; мы наняли вчетверомъ — Гаяринъ, мы двое и еще одинъ нашъ пріятель—большое общее помѣщеніе, накупили всякихъ книгъ и пособій, навыписали педагогическихъ журналовъ и стали жить и трудиться совсѣмъ по-товарищески, посвящая всѣ дни самой одушевленной работѣ въ гимназіи, зна-

чительную часть ночи проводя за приготовленіями къ завтрашнимъ урокамъ не только по русскимъ, тогда еще немногочисленнымъ, но, главнымъ образомъ, по иностраннымъ источникамъ, и вырабатывая путемъ жаркихъ споровъ и обмѣна мыслей посильные взгляды на мало еще знакомые намъ вопросы преподаванія и воспитанія. Мы четверо составляли своего рода центральное ядро нашего педагогическаго кружка, были запѣвалами его; но всѣ вопросы, выработанные или намѣченные въ нашихъ домашнихъ бесѣдахъ, непремѣнно обсуждались всесторонне и съ полнѣйшею свободою въ педагогическихъ совѣтахъ гимназіи, которые собирались очень часто и кипѣли самою искреннею жизнью. Конечно, главною направляющею силою въ нихъ былъ все-таки Гаяринъ, особенно въ первое время, пока мы, слишкомъ еще молодые и неопытные, не успѣли усвоить себѣ изъ своего энергическаго опыта самостоятельныхъ взглядовъ на дѣло, съ которыми потомъ пришлось, разумѣется, очень считаться.

Благодаря полному довѣрію попечителя округа и замѣчательному дару Гаярина подчинять людей своему образу мыслей, тульская гимназія безъ всякихъ формальныхъ разрѣшеній мало-по-малу совсѣмъ отступила отъ оффиціальныхъ программъ преподаванія и воспитанія и превратилась, такъ сказать, въ дѣятельную педагогическую лабораторію, гдѣ испробовались и примѣнялись разныя педагогическія системы и методы. Многое, что̀ вошло потомъ въ обиходъ нашихъ учебныхъ заведеній, было введено какъ первый опытъ въ тульской гимназіи того времени. Въ двухъ первыхъ классахъ гимназіи, напримѣръ, кромѣ Закона Божія, оставшагося за священникомъ, всѣ предметы преподавались однимъ хорошо образованнымъ „класснымъ учителемъ", съ тою цѣлью, чтобы дѣти, еще не знакомыя съ порядками учебнаго заведенія, только-что вышедшія изъ семьи, могли находиться подъ однимъ и тѣмъ же систематическимъ вліяніемъ воспитателя, всецѣло отвѣчавшаго за ихъ успѣхи и нравственное направленіе и становившагося по отношенію къ нимъ въ своего рода родительскія отношенія, особенно понятныя и привычныя дѣтямъ. При этомъ порядкѣ учитель самымъ близкимъ образомъ узнавалъ своихъ учениковъ, входилъ въ ихъ нужды и затрудненія и не могъ обременять ихъ непосильными трудами, какъ это невольно дѣлается при наличности восьми или десяти различныхъ учителей, требующихъ каждый свое, не желающихъ и не могущихъ знать всей совокупности подчасъ непосильныхъ требованій съ ребенка, недавно только научившагося читать и писать.

Тульская гимназія ввела первая и „классныхъ надзирателей“, распредѣливъ всѣ классы, гдѣ учили многіе преподаватели, между самыми ревностными и надежными членами гимназіи; директоръ и инспекторъ также имѣли каждый по своему классу. „Классный надзиратель“ являлся своего рода опекуномъ класса, его нравственнымъ руководителемъ, помощникомъ и защитникомъ. Онъ долженъ былъ сглаживать ту неравномѣрность въ учебныхъ требованіяхъ отдѣльныхъ учителей, о которой я сейчасъ говорилъ; онъ слѣдилъ за поведеніемъ и ученьемъ дѣтей, разслѣдовалъ и, насколько могъ, устранялъ причины ихъ неуспѣховъ; входилъ въ сношенія съ ихъ родными; на педагогическихъ совѣтахъ давалъ необходимыя свѣдѣнія о своихъ ученикахъ и защищалъ ихъ законные интересы.

Пресловутый типъ „надзирателей“ стариннаго фасона, обыкновенно подававшій поводъ живымъ и веселымъ мальчишкамъ къ выходкамъ и школярству всякаго рода, въ тульской гимназіи былъ замѣненъ дневными дежурствами, за особую плату, образованныхъ и наиболѣе популярныхъ учителей; а прежніе надзиратели обращены были въ „ночныхъ надзирателей“ за пансіонерами, такъ какъ оставлять безъ надзора по ночамъ многолюдное скопище дѣтей и юношей было бы совсѣмъ не педагогично; требовать же этого надзора отъ того же лица, которое въ конецъ измучилось своею дневною вознею съ толпами мальчугановъ,—какъ это дѣлалось прежде,—мы считали просто безчеловѣчнымъ.

Отношенія инспектора, учителей, надзирателей, классныхъ наставниковъ—къ дѣтямъ, особенно же къ пансіонерамъ, постоянно жившимъ въ гимназіи, сдѣлались мало-по-малу самыми близкими и простыми. Родители съ изумленіемъ и удовольствіемъ видѣли и не разъ передавали это намъ, что дѣти ихъ не со страхомъ и уныніемъ, какъ прежде, а съ радостнымъ чувствомъ отправлялись въ гимназію и разсказывали о ней своимъ домашнимъ самыя дружелюбныя вещи. Не разъ, бывало, приходилось мнѣ, будучи инспекторомъ, съ братомъ и другими воспитателями, уводить подъ свободный день толпу дѣтишекъ куда-нибудь въ Малиновую-Засѣку или въ другой лѣсъ, верстъ за 15 и 20, ночевать съ ними въ лѣсу вокругъ костра, аппетитно поуживавъ кашею изъ котелка, да яичницею, изготовленною самими же ребятишками, бесѣдуя съ ними какою-нибудь чудною лунною ночью обо всемъ, что интересовало ихъ, собирая по пути насѣкомыхъ и растенія, и объясняя имъ кстати любопытныя явленія природы. А тутъ и веселыя игры на вольномъ воздухѣ, и

перегонки, и борьба, и лазанье по деревьямъ, дружныя хоровыя пѣсни и сказки, напоминавшія привязчивой дѣтворѣ покинутыя ими родныя поля и села. Такія непритязательныя, совсѣмъ домашнія прогулки сближаютъ воспитанника съ воспитателемъ иногда въ одну свѣтло и радостно проведенную ночь болѣе, чѣмъ цѣлые годы холодныхъ начальническихъ отношеній, и заставляютъ его потомъ вспоминать о пріютившемъ его заведеніи такъ же тепло, какъ и о родномъ домѣ.

Старшій, болѣе его знающій и болѣе его опытный человѣкъ, всегда къ нему справедливый и участливый, не забывающій его молодой потребности въ радостномъ отдыхѣ, въ сердечныхъ отношеніяхъ,—можетъ съ полною увѣренностью относиться строго и къ его дурнымъ поступкамъ, къ его лѣни и шалостямъ, и плодотворно влiять на его нравственныя влеченія.

Безъ этой же душевной близости воспитателя къ дѣтямъ, всѣ его нравоученія и взысканія будутъ сродни тому вліянію, которое оказываетъ тюремный смотритель на своихъ арестантовъ.

Учебная часть подверглась въ нашей гимназіи огромнымъ измѣненіямъ. Латынь была урѣзана до-нѐльзя и сведена почти на необязательный предметъ, къ большому огорченію нашего латыниста; въ маленькихъ классахъ ея вовсе не было, а въ большихъ читались большею частью классическіе авторы. Зато русскій языкъ, исторія, географія, физика, естественная исторія, новые языки, французскій и нѣмецкій, получили сильное расширеніе; математика оставалась безъ ослабленія; по физикѣ и естественнымъ наукамъ пріобрѣтались всякаго рода наглядныя пособія и инструменты, все объяснялось демонстративно и при дѣятельномъ участіи самого класса, такъ что ученики увлекались этими предметами болѣе всего. Въ двухъ старшихъ классахъ по русскому языку, исторіи, географіи—дѣлался уже нѣкоторый переходъ къ университетскому преподаванію. Читались и объяснялись очень серьезно авторы; выбирались болѣе крупныя историческія эпохи и обработывались по новѣйшимъ источникамъ гораздо подробнѣе и интереснѣе, чѣмъ помѣщалось въ учебникахъ; географія проходилась научная, а не дѣтская, въ своихъ общихъ законахъ, а не въ безполезной номенклатурѣ, и при сильнѣйшемъ участіи всякихъ наглядныхъ пособій, чертежей, картъ, рисунковъ, этнографическихъ моделей и пр. Иностранные преподаватели иностранныхъ языковъ были значительно сокращены въ своей дѣятельности, весьма рѣдко приносящей пользу по совершенному незнакомству ихъ съ русскимъ язы-

комъ и требованьями дидактики. Въ самыхъ маленькихъ классахъ ихъ вытѣснили русскіе „классные учителя“, а въ самыхъ высшихъ часть ихъ уроковъ была отобрана, для чтенія съ учениками лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ, въ руки тѣхъ изъ насъ, кто основательно зналъ эти языки и могъ пріучить учениковъ къ правильному переводу съ нихъ на русскій языкъ.

Оригинальные педагогическіе порядки и пріемы тульской гимназіи обратили на себя вниманіе печати и общества, и много лицъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, не говоря уже объ окружномъ начальствѣ, пріѣзжало нарочно въ Тулу познакомиться съ устройствомъ ея гимназіи. Изъ рижскаго округа были присланы даже нѣсколько молодыхъ людей, готовившихся въ учителя,—поучиться нѣкоторымъ русскимъ предметамъ въ тульской гимназіи. Предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, Ал. Ст. Вороновъ, и членъ этого комитета, Н. Х. Вессель, издававшій тогда вмѣстѣ съ Паульсономъ извѣстный педагогическій журналъ „Учитель“, также посѣтили тульскую гимназію и, подробно ознакомившись со всѣми своеобразными чертами ея, дали о ней въ свое время самый благопріятный отзывъ, сильно поднявшій репутацію нашего заведенія. Авторитетъ его въ мѣстномъ обществѣ выросъ очень высоко, и къ намъ старались отдавать дѣтей изъ другихъ, сосѣднихъ губерній.

Несомнѣнно, далеко еще не все было хорошо у насъ; много было ошибокъ, увлеченій, недосмотровъ, человѣческихъ слабостей. Но за одно можно было ручаться,—что въ нашей гимназіи любили дѣтей, старались о дѣтяхъ и не жалѣли себя для нихъ (говорю, конечно, о лучшихъ руководящихъ силахъ гимназіи); любили за то и дѣти гимназію и ея дѣятелей, и даже теперь, сорокъ лѣтъ спустя, вспоминаютъ ихъ добромъ и любовью, какъ мнѣ приходилось много разъ убѣждаться.

III.

Въ мѣстномъ обществѣ того времени, особенно въ мѣстной администраціи, конечно, были элементы, враждебно относившіеся къ гимназіи и главнымъ работникамъ ея именно за тотъ ея неформальный и семейный характеръ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, за принципіальное изгнаніе изъ нея всякаго чиновническаго духа. Надо отдать справедливость Гаярину, что онъ

былъ непоколебимъ въ этихъ взглядахъ своихъ, и въ проведеніи ихъ доходилъ иногда до очень серьезнаго риска. Чиновничество, канцелярщина до того заѣли и задавили дореформенную Россію, что людямъ, вдохновлявшимся возрождающими идеалами новаго царствованія, было такъ естественно видѣть въ этой бездушной казенной формалистикѣ чуть не главнаго врага народнаго благополучія и бороться противъ нея всѣми силами своими. Какъ характеристическую черту настроеній и людей того времени, я разскажу здѣсь два выдающихся случая изъ жизни тульской гимназіи или, вѣрнѣе, ея энергическаго и рѣшительнаго директора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ этихъ случаевъ еще лишній разъ, сверхъ многихъ другихъ, обрисовываетъ удивительную доброту и мягкость сердца покойнаго Царя-Освободителя.

Пріѣзжаетъ Императоръ Александръ II-й въ Тулу, въ самые первые годы своего царствованія. Представляются ему всѣ мѣстные чиновники. Получаетъ, конечно, повѣстку и директоръ гимназіи, или, какъ онъ тогда именовался, директоръ училищъ тульской губерніи. Директоръ недавно только пріѣхалъ на свое мѣсто, и, въ своемъ отчужденіи отъ всякихъ чиновничьихъ вкусовъ, даже не успѣлъ обмѣнять своего стараго учительскаго мундиришка на директорскій. Какъ ему ѣхать такъ къ Царю, да и зачѣмъ онъ тамъ? Какой онъ чиновникъ, и можетъ ли Государь замѣтить отсутствіе такой скромной единицы?—думаетъ себѣ Гаяринъ,—махнулъ рукой и не поѣхалъ.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, Государь спрашиваетъ:—А гдѣ же директоръ гимназіи?

Губернаторъ растерялся и бросился въ прихожую, гдѣ полиціймейстеръ только-что получилъ отъ него списокъ генералитета, приглашеннаго къ столу Его Величества.

— Директора гимназіи пригласите къ Государю!—торопливо крикнулъ онъ ему, и сейчасъ же возвратился въ пріемную.

Полиціймейстеръ, вѣроятно, сообразилъ, что пріемъ сейчасъ кончится, и что не можетъ же Государь давать отдѣльную аудіенцію директору, а что, безъ сомнѣнія, приказано пригласить его вмѣстѣ съ другими къ обѣду.

Ѣдетъ въ гимназію и при всей педагогической корпораціи торжественно объявляетъ опѣшившему Гаярину монаршее приглашеніе къ Высочайшему столу.

Разумѣется, такая невиданная и неслыханная для гимназіи честь тотчасъ же разносится гимназистами по всему городу, и всѣ видятъ въ этомъ приглашеніи знаменательное событіе новаго царствованія, отступающаго отъ вѣковой рутины и желающаго

публично высказать особенное вниманіе къ дѣлу народнаго просвѣщенія.

Гаяринъ, до-нѣльзя смущенный и своимъ отсутствіемъ на представленіи, и необходимостью явиться къ Высочайшему столу безъ надлежащаго мундира,—тѣмъ не менѣе, самъ смотритъ на свое приглашеніе какъ на фактъ высоко утѣшительный и много обѣщающій въ будущемъ для судебъ образовательнаго дѣла. Не ѣхать, во всякомъ случаѣ, невозможно, и онъ, скрѣпя сердце, ѣдетъ въ домъ губернатора, гдѣ остановился Государь, нацѣпивши свой смиренный учительскій мундиръ съ какою-то одинокою жалкою медалькою, наглядно указывающею на отсутствіе всякихъ знаковъ отличія.

— Вы зачѣмъ же сюда?—спрашиваетъ его изумленный губернаторъ, сильно не любившій Гаярина „за гордость“ его и за „либеральныя мысли“.

— Вамъ лучше знать,—отвѣчаетъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ Гаяринъ:—вашъ же полиціймейстеръ вашимъ именемъ пригласилъ меня къ Высочайшему столу.

— Помилуйте, это какое-нибудь огромное недоразумѣніе!—горячится старый генералъ.—Вы не приглашены къ обѣду, и я прошу васъ уѣхать какъ можно скорѣе, потому что сейчасъ выйдетъ Государь!

— Все это такъ странно и неожиданно, что дайте мнѣ минутку подумать, какъ мнѣ поступить!—заявляетъ окончательно растерявшійся директоръ.

Черезъ минуту губернаторъ опять около него:

— Что̀ вы дѣлаете? Ради Бога, уѣзжайте! Говорятъ вамъ,—Государь сейчасъ выйдетъ...

Но Гаяринъ уже успѣлъ собраться съ мыслями и рѣшилъ, что̀ ему дѣлать.

— Видите ли,—говоритъ онъ:—какъ Ив. Ѳед. Гаяринъ, я, конечно, сейчасъ бы уѣхалъ; но я тутъ не Гаяринъ, а директоръ гимназіи, и долженъ поддерживать честь своего учрежденія. Я не хочу, чтобы сказали, будто директоръ затесался на царскій обѣдъ и его оттуда выгнали. Меня пригласили, я явился и отсюда не уйду. Пусть отвѣчаютъ за это тѣ, кто приглашалъ меня... Это—мое послѣднее слово.

Напрасно растерянный старикъ упрашивалъ непреклоннаго педагога и приводилъ увѣщевать его лицъ царской свиты. Гаяринъ всѣмъ отвѣчалъ то же, объявивъ, что онъ лично готовъ понести за это всякаго рода отвѣтственность, но считаетъ долгомъ поддержать достоинство представителя учебнаго вѣдомства.

Въ жару горячихъ споровъ и уговоровъ дверь растворяется настежъ и появляется Государь. Идутъ въ столовую, гдѣ мѣста, разумѣется, строго разсчитаны. Гаяринъ, блѣдный, съ мучительнѣйшимъ чувствомъ внутри, спѣшитъ сѣсть около единственной фигуры въ гражданскомъ платьѣ, — лейбъ-медика Енохина; садятся и другіе, но одинъ какой-то генералъ растерянно мечется кругомъ стола, не находя себѣ мѣста.

— Прибора нѣтъ!—замѣчаетъ Государь.

Приборъ, конечно, сейчасъ же является, а сидящій около Государя генералъ-адъютантъ сообщаетъ ему потихоньку уже дошедшую до него новость о причинѣ, почему недостало приборовъ.

Сидѣвшіе противъ Гаярина лица свиты, какъ онъ разсказывалъ мнѣ, весь обѣдъ прожигали его враждебными и насмѣшливыми взглядами, перешептывались на его счетъ между собою, и только добрый лейбъ-медикъ, догадавшійся, вѣроятно, о происшедшемъ недоразумѣніи, очень любезно подливалъ все время вино своему злополучному сосѣду, едва имѣвшему силы досидѣть до конца обѣда. Было приказано нарядить слѣдствіе по этому поводу, и разслѣдовать дѣло поручено было тому же тульскому губернатору, врагу Гаярина. Гаяринъ въ своемъ отзывѣ откровенно изложилъ все какъ было, объяснивъ и побужденія, заставившія его предпочесть непрошенное присутствіе за обѣдомъ позорному удаленію. Дѣло осталось безъ всякихъ послѣдствій, но авторитетъ Гаярина въ мѣстномъ обществѣ послѣ такого смѣлаго поступка выросъ неимовѣрно. Въ иностранныхъ газетахъ писали тогда объ этомъ случаѣ всякія небылицы, и я хорошо помню, что въ „Kölnische Zeitung" случай съ Гаяринымъ описывался какъ характерное для той эпохи столкновеніе гражданскаго элемента съ военнымъ, причемъ сообщалось, будто народъ на улицахъ кричалъ Гаярину ура, какъ герою, и кидалъ вверхъ шапки! Разумѣется, ничего подобнаго не было.

Другой случай вышелъ нѣсколько комичнымъ. Пріѣзжаетъ въ Тулу новый губернаторъ Шидловскій, бывшій потомъ начальникомъ III-го Отдѣленія и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, человѣкъ очень крутыхъ взглядовъ на свою административную власть, откровенно объявившій на первомъ же представленіи чиновниковъ, какъ тогда намъ разсказывали, что его лишили, за строгость, командованія полкомъ, и что, очень можетъ быть, лишатъ за то же и губернаторства; но что, тѣмъ не менѣе, онъ намѣренъ со всею строгостью взыскивать за всякія нарушенія служебнаго порядка, ибо иначе дѣйствовать не можетъ...

Въ силу своихъ убѣжденій, что педагоги вовсе не чиновники, и гимназія вовсе не присутственное мѣсто, Гаяринъ, получивъ, на-ряду съ прочими вѣдомствами, повѣстку о томъ, что „г. начальникъ губерніи желаетъ ознакомиться съ начальствомъ и преподавателями губернской гимназіи такого-то числа въ такомъ-то часу“, сдѣлалъ видъ, будто понялъ повѣстку какъ желаніе губернатора посѣтить въ назначенное число нашу гимназію, и, не приглашая учебный персоналъ на представленіе въ губернаторскій домъ, объявилъ по гимназіи, что новый губернаторъ хотѣлъ быть въ ней такого-то числа.

Губернаторъ былъ очень разсерженъ, что никто изъ учебнаго вѣдомства не явился на общее представленіе чиновниковъ, и выражалъ это многимъ нашимъ знакомымъ. Черезъ мѣсяцъ или полтора Гаярину понадобилось, въ качествѣ члена губернскаго училищнаго совѣта, переговорить съ губернаторомъ о какихъ-то дѣлахъ, касающихся народныхъ школъ. Онъ надѣваетъ черный фракъ и отправляется къ Шидловскому. Не успѣли окончиться переговоры о дѣлѣ, какъ Гаяринъ самъ затрогиваетъ щекотливый вопросъ.

— А мы на васъ въ маленькой претензіи,—съ спокойною любезностью заявляетъ онъ:—вы обѣщались посѣтить нашу гимназію; мы ждали васъ, — а вы до сихъ поръ не заглянули къ намъ...

— Я обѣщалъ? когда?—изумленно спрашиваетъ директора губернаторъ.

— А какже: мы получили отъ васъ повѣстку, что вы желаете ознакомиться, въ такое-то число, съ начальствомъ и преподавателями гимназіи...

— Ахъ, да... но я предполагалъ, что вы будете такъ добры, пожалуете ко мнѣ... вѣдь это былъ день общаго представленія чиновниковъ по случаю моего вступленія въ должность...

— Ну, а мы поняли совсѣмъ иначе: мы думали, что познакомиться съ нами вы могли только посѣтивъ заведеніе и ознакомившись на мѣстѣ, какъ ведемъ мы въ немъ дѣло, тѣмъ болѣе, что былъ будній день, и преподаватели во всякомъ случаѣ не могли бы бросить гимназію и прекратить классы безъ особаго разрѣшенія министерства... Я еще объявилъ во всѣхъ классахъ, что вы будете къ намъ, и васъ всѣ ждали...—поучаетъ его Гаяринъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста... Такъ, вѣроятно, вышло какое-нибудь недоразумѣніе съ повѣсткою... Мой начальникъ канцеляріи еще такъ мало опытенъ, вѣчно путаетъ...

Совсѣмъ сконфуженный губернаторъ звонитъ дежурнаго чиновника, приказываетъ, очевидно только для формы, навести какія-то справки, а Гаяринъ тѣмъ временемъ раскланивается и уходитъ. Въ залѣ ждалъ его выхода знакомый намъ предводитель дворянства, который и разсказалъ намъ въ тотъ же вечеръ конецъ этого дипломатическаго свиданія.

— Вхожу,—говоритъ,—въ кабинетъ: губернаторъ ходитъ въ какомъ-то смущеніи по комнатѣ и потираетъ себѣ лобъ; потомъ вдругъ останавливается и говоритъ мнѣ:—„Знаете, мнѣ много говорили про выходки Гаярина, но того, что̀ онъ сейчасъ продѣлалъ со мною, я уже никакъ не ожидалъ. Представьте себѣ, что этотъ нахалъ, сдѣлавшій противъ меня, какъ вы знаете, величайшее невѣжество,—заставилъ меня, двѣ минуты тому назадъ, извиниться передъ нимъ за его же нахальство“!..

И этотъ поступокъ Гаярина иные могутъ признать безтактнымъ и некорректнымъ съ служебной точки зрѣнія; но чтобы по достоинству оцѣнить его, нужно стать на точку зрѣнія того переходнаго времени, когда, послѣ погрома на окровавленныхъ развалинахъ Севастополя безплодныхъ принциповъ формалистики, такъ долго державшихъ могучій народъ нашъ въ состояніи автомата, всѣ свѣжія силы русскаго общества запросили жадно и страстно, какъ изсушенная земля жаждетъ воды,—живительныхъ началъ простоты и правды, дѣла, а не показа, человѣка, а не мундира,—словомъ, захотѣли, наконецъ, по счастливому выраженію Пирогова, ставшему девизомъ своего времени,—„быть, а не казаться“.

Нечего говорить, сколько самыхъ серьезныхъ непріятностей, столкновеній и тяжелой борьбы—вызывало это новое искреннее отношеніе къ воспитательному дѣлу не только для главнаго руководителя гимназіи, но и для тѣхъ изъ насъ, кто болѣе другихъ сочувствовалъ новому направленію и энергичнѣе помогалъ укоренять его. Доносы именные и безъименные сыпались на насъ, и только благодаря свѣтлому взгляду попечителя округа, Исакова, и тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія,—обрушивались безсильною грязью на головы тѣхъ, кто посылалъ ихъ.

Что дѣло въ тогдашней тульской гимназіи шло дѣйствительно хорошо, что въ немъ дѣйствительно работали добрые работники,—доказываетъ судьба этихъ дѣятелей ея послѣ того, какъ рѣзкая перемѣна взглядовъ въ высшихъ сферахъ министерства народнаго просвѣщенія вынудила разлетѣться врознь ея дружно работавшій педагогическій улей.

Попечителемъ московскаго округа былъ назначенъ генералъ Левшинъ, который рѣшительно не могъ понять возможности учебнаго заведенія безъ буквальнаго выполненія разныхъ канцелярскихъ параграфовъ и статей. Продолжать при немъ дѣло такъ, какъ оно велось, стало невозможно, и мы всѣ рѣшились разойтись.

Гаяринъ получилъ мѣсто сначала окружного инспектора въ Москвѣ, а потомъ члена учебнаго совѣта при военно-учебныхъ заведеніяхъ; я былъ назначенъ директоромъ гимназіи въ Симферополь, что̀ было соединено въ то время и съ обязанностями директора всѣхъ училищъ таврической губерніи; брата моего перетянули въ Петербургъ во 2-ю военную гимназію, гдѣ подъ руководствомъ генерала Даниловича работали лучшіе наши педагоги, и очень скоро перевели оттуда инспекторомъ одной изъ губернскихъ гимназій, а потомъ и директоромъ; изъ другихъ учителей Скопинъ, Гавриловъ получили мѣста въ Петербургѣ и выдвинулись тамъ какъ отличные преподаватели; Шишкинъ, Янчинъ, Фуксъ и Завьяловъ перешли въ Москву, гдѣ первые трое сейчасъ же открыли, вмѣстѣ съ Поливановымъ, лучшую и оригинальнѣйшую изъ частныхъ гимназій Москвы, а послѣдній сдѣлался весьма уважаемымъ учителемъ одной изъ казенныхъ столичныхъ гимназій.

Мужская тульская гимназія создала и женскую гимназію, можно сказать, изъ ребра своего, потому что при основаніи своемъ это совсѣмъ еще новое, небывалое на Руси учрежденіе было лишено почти всякихъ средствъ существованія, и только настойчивость и энергія Гаярина, по примѣру котораго всѣ мы долгое время безмездно преподавали въ этой юной женской гимназіи,—помогли ей стать мало-по-малу на свои ноги. Женская гимназія была плотью отъ плоти и костью отъ костей мужской гимназіи и велась съ тѣмъ же искреннимъ одушевленіемъ, съ тѣмъ же строгимъ отношеніемъ учившихъ и воспитывавшихъ къ своему долгу и съ тою же живою свободою и самостоятельностью преподаванія, какими руководилась и гимназія-основательница.

Въ главныя руководительницы женской гимназіи были привлечены личности высокаго нравственнаго характера и широкаго образованія; между двумя учебными заведеніями установилась тѣснѣйшая духовная связь и искреннее единодушіе педагогическихъ взглядовъ; женская гимназія съ первыхъ же лѣтъ своего существованія пріобрѣла такую же популярность въ мѣстномъ обществѣ, какъ и мужская, и стала во множествѣ привлекать

къ себѣ желающихъ учиться, какъ еще ни мало укоренилось тогда въ среднихъ слояхъ нашего пробуждавшагося общества сознаніе необходимости женскаго образованія.

IV.

Къ тому же времени относится и близкое отношеніе къ нашимъ обоимъ учебнымъ заведеніямъ гр. Л. Н. Толстого, который, будучи мировымъ посредникомъ, находился тогда въ порѣ общаго увлеченія народнымъ воспитаніемъ, открывалъ много школъ для крестьянъ въ селеньяхъ своего мирового участка, а въ имѣніи своемъ Ясная-Поляна самъ велъ образцовую школу съ помощью разныхъ помощниковъ, издавая вмѣстѣ съ тѣмъ и свой оригинальный педагогическій журналъ „Ясная Поляна“ съ приложеніями. Левъ Николаевичъ очень интересовался нашими учебными опытами и часто бывалъ и въ мужской, и въ женской гимназіи, близко познакомившись съ главными руководителями ихъ. Мы тоже, особенно же я лично, часто посѣщали графа въ Ясной-Полянѣ и слѣдили за изумительными успѣхами его лапотныхъ школьниковъ, среди которыхъ иные бойкіе мальчуганы, оторванные прямо отъ бороны или отъ стада овецъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ученія уже могли свободно писать довольно грамотныя сочиненія, которыя, пропущенныя слегка черезъ художественную вѣялку славнаго романиста и очищенныя отъ кое какого сора, печатались имъ въ его замѣчательныхъ прибавленіяхъ къ журналу „Ясная-Поляна“. Этими почти невѣроятными результатами яснополянская школа была обязана, разумѣется, не нѣмцу изъ Іены, преподававшему тамъ черченіе и геометрію, и не тѣмъ часто мѣнявшимся учителямъ, которые появлялись на короткое время въ Ясной-Полянѣ, въ числѣ которыхъ были, между прочимъ, и такіе способные люди, какъ Николай Успенскій, когда-то извѣстный авторъ народныхъ разсказовъ, и такіе опытные, основательно образованные педагоги, какъ нашъ достоуважаемый собиратель русскихъ пѣсенъ П. В. Шейнъ, — а исключительно обаятельному таланту преподаванія и внутреннему жизненному огню Льва Николаевича, который непобѣдимо захватывалъ и поднималъ съ собою въ высоту и ширь самый вялый умъ, самое невпечатлительное сердце. Мнѣ посчастливилось вести знакомство съ Львомъ Николаевичемъ въ самый мужественный расцвѣтъ его колоссальнаго таланта, видѣть его въ его ежедневномъ быту, и учителемъ, и пасѣчникомъ, и охотникомъ, и музы-

кантомъ, и семьяниномъ, и художникомъ. Я слушалъ его мастерское, исполненное правды и простоты, чтеніе еще въ рукописяхъ и „Казаковъ“, и „1805 годъ“, послужившій основою „Войны и Мира“; я проводилъ съ нимъ чудные вечера на тягѣ вальдшнеповъ; охотился съ нимъ на волковъ и зайцевъ; наслаждался его своеобразными опытами старинной классической музыки. Я былъ свидѣтелемъ и первыхъ дней семейнаго счастія Льва Николаевича, и зналъ другой милый оригиналъ, давшій ему поводъ создать граціознѣйшій и вмѣстѣ сердечнѣйшій типъ русской дѣвушки въ чудномъ образѣ Наташи.

Могу сказать съ полною искренностью, что годы моего знакомства съ нашимъ геніальнымъ романистомъ—были одними изъ плодотворнѣйшихъ лѣтъ моей жизни; я никогда, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчалъ человѣка, который бы былъ способенъ такъ могуче зажигать въ другомъ человѣкѣ внутренній пламень его духа. Отъ духовнаго соприкосновенія съ нимъ, отъ обмѣна съ нимъ мыслей, отъ слушанья его одушевленныхъ и образныхъ разсказовъ, — точно влетали въ меня, въ самую глубь души моей, какія-то невидимыя электрическія искры, возбуждавшія электрическій токъ своего рода и во всемъ моемъ молодомъ тогда существѣ, порождавшія во мнѣ цѣлые потоки мыслей, намѣреній, рѣшеній.

Насколько я мало сочувствую теперешнему философскому направленію гр. Толстого, настолько же восторженно всегда относился я и отношусь до сихъ поръ къ его могучимъ художественнымъ силамъ. Я горжусь тѣмъ, что въ своей статьѣ по поводу „Казаковъ“, озаглавленной: „Народные типы въ нашей литературѣ“ и помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1862 г., первый изъ всѣхъ русскихъ критиковъ призналъ графа Л. Н. Толстого величайшимъ изъ русскихъ художниковъ, хотя въ общемъ мнѣніи слава Тургенева еще затемняла тогда всѣ другія литературныя имена. Мнѣ вообще пришлось не разъ посвящать свои критическія статьи произведеніямъ графа Толстого и между прочимъ сравненію его съ Тургеневымъ (см. „Голосъ“ 1875 года). Но статья моя: „Теорія и критика яснополянской школы“, въ которой я старался подробно разобрать всѣ исключительныя практическія условія яснополянской педагогіи, объяснявшія ея удивительные успѣхи, и вмѣстѣ все глубокое заблужденіе странныхъ педагогическихъ теорій Льва Николаевича,—повидимому, задѣла сильно за живое талантливаго педагога-самоучку, и горячимъ возраженіемъ на мою статью онъ навсегда закончилъ из-

даніе своего журнала „Ясная-Поляна“, хотя эта полемика нисколько не отразилась на нашихъ личныхъ отношеніяхъ.

Статья моя о яснополянской школѣ, напечатанная въ очень распространенномъ тогда „Русскомъ Вѣстникѣ“, обратила на себя вниманіе учебнаго вѣдомства; меня вызвали въ Петербургъ, гдѣ предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, А. С. Вороновъ, предложилъ мнѣ мѣсто при ученомъ комитетѣ, а бывшій тогда попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа И. Д. Деляновъ уговаривалъ меня перейти на службу въ одну изъ петербургскихъ гимназій, съ обѣщаніями мнѣ самыхъ блестящихъ служебныхъ перспективъ. Но я не рѣшился разорвать связи съ тульской гимназіей, ставшей для меня родною, и отказался отъ этихъ лестныхъ петербургскихъ предложеній.

Не могу не привести здѣсь кстати характернаго эпизода, который очень мало кому извѣстенъ, но который послужилъ причиною прекращенія педагогической дѣятельности гр. Л. Толстого. Какъ мировой посредникъ перваго призыва, горячо сочувствовавшій дѣлу освобожденія крестьянъ, гр. Л. Толстой дѣйствовалъ, разумѣется, въ такомъ духѣ, который страшно ожесточилъ противъ него огромное большинство помѣщиковъ. Онъ получалъ множество писемъ съ угрозами всякаго рода: его собирались и побить, и застрѣлить на дуэли; на него писались доносы. Какъ нарочно, въ то самое время, когда онъ сталъ издавать журналъ „Ясная-Поляна“, въ Петербургѣ появились прокламаціи разныхъ тайныхъ противогосударственныхъ партій, и тогдашняя полиція дѣятельно разыскивала, гдѣ скрывается печатающая ихъ типографія. Кто-то изъ озлобленныхъ на Толстого мѣстныхъ обывателей тонко сообразилъ, что гдѣ же и печататься тайнымъ листкамъ и подметнымъ воззваніямъ, какъ не въ типографіи журнала, издаваемаго—horribile dictu!—не въ городѣ, какъ у всѣхъ честныхъ людей, а въ деревнѣ, позабывъ, однако, взглянуть на обертку журнала, гдѣ достаточно четкимъ шрифтомъ было изображено, что журналъ печатается вовсе не въ деревнѣ, а въ самой благонамѣренной типографіи М. Н. Каткова въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, доносъ произвелъ цѣлую бурю. Левъ Николаевичъ, всегда отличавшійся мнительностью и, послѣ смерти старшаго брата своего, Николая, вообразившій, что у него тоже развивается чахотка, отправился въ это самое время на кумысъ въ самарскія степи. Онъ снарядилъ себѣ просторную рогоженную повозку тройкою, надѣлъ извозчичью „александринскую“ рубашку съ ластовками и мужицкіе штаны въ сапоги, забралъ съ собою, не помню, четырехъ или пятерыхъ

мужицкихъ ребятишекъ побойчѣе, изъ своихъ же школьниковъ, и отправился „на долгихъ“ за Волгу.

„Не буду ни газетъ, ни писемъ получать; забуду, что̀ такое книга; буду валяться на солнцѣ брюхомъ вверхъ, пить кумысъ да баранину жрать! Самъ въ барана обращусь, вотъ тогда выздоровлю!“—шутливо говорилъ онъ самъ, отъѣзжая.

Тогда онъ былъ еще холостой, и въ домѣ его проживала хозяйкой старушка тетка Юшкова да гостила съ дѣтьми родная сестра графа, Марія Николаевна, по мужу тоже графиня Толстая. Я и нашъ общій пріятель Г. А. Ауэрбахъ—проводили это лѣто съ своими семьями верстахъ въ пяти отъ Ясной-Поляны, снявъ внаймы домъ одного помѣщика въ той же Малиновой-Засѣкѣ, среди которой была и Ясная-Поляна. Вдругъ рано утромъ къ намъ верховой изъ Ясной-Поляны. Насъ просятъ поскорѣе пріѣхать по важному дѣлу. Мы съ Ауэрбахомъ садимся въ шарабанъ и катимъ что есть духу. Въѣзжаемъ на дворъ, смотримъ—тамъ цѣлое нашествіе! Почтовыя тройки съ колокольчиками, обывательскія подводы, исправникъ, становые, сотскіе, понятые и въ довершеніе всего жандармы. Жандармскій полковникъ во главѣ этой грозной экспедиціи, со звономъ, шумомъ и трескомъ подкатившей вдругъ къ мирному дому Льва Николаевича, къ безконечному изумленію деревенскаго люда. Насъ едва пропустили въ домъ. Бѣдныя дамы лежатъ чуть не въ обморокѣ. Вездѣ кругомъ сторожа, все разрыто, раскрыто, перевернуто, ящики столовъ, шкапы, комоды, сундуки, шкатулки. Въ конюшнѣ поднимаютъ ломомъ полы; въ прудкахъ парка стараются выловить сѣтью преступный типографскій станокъ, вмѣсто котораго попадаются только одни невинные караси да раки. Понятно, что злополучную школу и подавно вывернули вверхъ дномъ, но, не найдя ничего, отправились такимъ же шумнымъ и люднымъ свадебнымъ поѣздомъ, гремя колоколами и гремушками, по всѣмъ (кажется, 17-ти) школамъ мирового участка, перевертывая столы и шкапы, забирая тетради и книги, арестовывая учителей и поселяя, конечно, въ темной мужицкой толпѣ,—безъ того не особенно дружелюбной къ школѣ и ученію,—самыя нелѣпыя предположенія.

По возвращеніи своемъ, Левъ Николаевичъ, глубоко оскорбленный такимъ, ничѣмъ не вызваннымъ, подозрѣніемъ,—высказалъ свою жалобу на дѣйствія полицейскихъ властей въ письмѣ на Высочайшее имя, не имѣвшемъ, однако, никакихъ существенныхъ послѣдствій. Съ тѣхъ поръ Левъ Николаевичъ уже не возобновлялъ школъ и прекратилъ изданіе журнала.

Несмотря на простоту и близость нашихъ отношеній къ дѣтямъ, они смотрѣли на насъ очень серьезно и хорошо знали, что не встрѣтятъ въ насъ поблажки никакой распущенности, ни нравственной, ни умственной, ни физической. Оттого, при всей сравнительной свободѣ и нестѣсненности учениковъ тогдашней тульской гимназіи,—изъ рядовъ ея не вышло ни одного вредоносснаго мечтателя, ни одного врага государственнаго порядка и, сколько мнѣ извѣстно, ни одного тяготящагося жизнью, пессимистически настроеннаго человѣка, но зато среди ея бывшихъ питомцевъ можно указать на многихъ достойныхъ дѣятелей и въ профессурѣ, и въ педагогіи, и въ государственной службѣ, и въ земствѣ...

Помню, когда я, въ качествѣ инспектора, исправлялъ временно должность уѣхавшаго за границу директора, гимназію нашу посѣтилъ нашъ бывшій попечитель округа, тогда уже главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ. Онъ очень былъ озабоченъ подъемомъ воспитательнаго дѣла въ тульскомъ отдѣленіи кадетскаго корпуса, только-что превращеннаго тогда въ военную гимназію, и въ интимной бесѣдѣ со мною просилъ меня объяснить причину успѣховъ въ этомъ отношеніи нашей тульской гимназіи. Когда я откровенно изложилъ ему главныя основы нашихъ дѣйствій, генералъ вздохнулъ и сказалъ:

— Да, я вижу, что такіе порядки создаются только сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу, и никакими предписаніями тутъ не поможешь!..

Но, тѣмъ не менѣе, онъ просилъ насъ подѣлиться нашими мыслями о воспитаніи съ назначеннымъ имъ инспекторомъ корпуса и ознакомить его подробно съ заведенными у насъ порядками.

Совсѣмъ иначе отнесся къ этимъ порядкамъ и къ нашимъ мыслямъ и воспитанію другой сановный посѣтитель тульской гимназіи, также бывшій когда-то попечителемъ, да еще и прославленнымъ попечителемъ, московскаго учебнаго округа—графъ С. Г. Строгановъ, воспитатель покойнаго Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Цесаревичъ совершалъ тогда свое извѣстное путешествіе по Россіи, обставленное съ небывалою еще у насъ научною основательностью, подъ главнымъ руководствомъ своего сіятельнаго воспитателя, въ сопутствіи лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ университета, К. П. Побѣдоносцева, И. К. Бабста, художника Боголюбова и др. лицъ. Мнѣ пришлось, за отсутствіемъ директора, принимать въ гимназіи, водить

по классамъ и пансіону Его Высочество и свиту его. Графъ Строгановъ, твердо знавшій установленныя программы гимназій, съ изумленіемъ и неудовольствіемъ убѣждался, что въ тульской гимназіи все устроено по-своему, на особый ладъ, въ явное нарушеніе разныхъ правилъ и министерскихъ циркуляровъ...

— Отчего у васъ то, почему это?—негодующе спрашивалъ онъ меня, не давая себѣ труда вникнуть въ результаты „того“ и „этого“, и возмущаясь одною только возможностью нашей дерзкой попытки на самобытное веденіе учебнаго дѣла.

Я спокойно объяснялъ ему, что всѣ эти отступленія отъ программъ и правилъ сдѣланы съ разрѣшенія и вѣдома окружного начальства, что о нихъ извѣстно давно и въ министерствѣ, писалось въ разныхъ педагогическихъ журналахъ...

Строгій графъ слышать ничего не хотѣлъ и только сурово твердилъ, махая рѣшительно рукою:

— Это все надо перемѣнить, все перемѣнить!

Все это и перемѣнилось очень скоро...

Евгеній Марковъ.

НАРОДНЫЕ ТЕАТРЫ

и

НАРОДНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ

ВЪ ГЕРМАНІИ.

Окончаніе.

IV *).

Въ ноябрѣ состоялся, въ такъ называемомъ Bürgersaal'ѣ берлинской ратуши (городской Думы), первый конгрессъ нѣмецкихъ дѣятелей въ области разумныхъ народныхъ развлеченій. На конгрессъ съѣхалось изъ всѣхъ уголковъ Германіи и нѣсколькихъ крупныхъ центровъ Австріи довольно значительное число мужчинъ и дамъ, какъ работавшихъ отдѣльно другъ отъ друга въ только-что названной мною области, такъ и организовавшихся у себя на родинѣ, по извѣстному нѣмецкому обычаю, въ спеціальные ферейны. Конгрессъ этотъ далъ, съ одной стороны, возможность сплотить всѣ имѣющіяся на-лицо силы, а съ другой стороны повелъ путемъ свободнаго обмѣна мыслей и мнѣній къ выясненію вопроса, что̀, собственно, нужно понимать подъ словомъ „Volksunterhaltung", а также и къ выработкѣ системы и методовъ народныхъ развлеченій. У нѣмец-

---

*) См. выше: янв., стр. 215.

[1]) Рефераты и отчеты, прочитанные на конгрессѣ, вышли отдѣльной книжкой: „Die Volksunterhaltung", Vorträge und Berichte aus dem ersten Kongress für Volksunterhaltung zu Berlin. Im Auftrage herausgegeben von R. Löwenfeld. Berlin 1898.

каго народа—высказано было на конгрессѣ—проявляется за послѣднее время еще болѣе интенсивное, чѣмъ всегда, стремленіе и въ то же время еще болѣе интенсивная способность къ образованію и просвѣщенію. Но духовная и умственная жажда низшихъ классовъ народа въ громадномъ большинствѣ случаевъ остается неудовлетворенной, благодаря экономическимъ условіямъ, въ которыя они поставлены, и которыя очень часто такъ тяжелы, что народъ совершенно лишенъ разумныхъ или хоть сколько-нибудь облагороженныхъ развлеченій. Между тѣмъ, народъ инстинктивно выказываетъ къ художественному наслажденію гораздо большее стремленіе, нежели къ увеличенію своего умственнаго богатства путемъ внѣшкольнаго образованія. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, утомленный повседневнымъ физическимъ трудомъ, жаждетъ не только знаній, утомляющихъ умъ и требующихъ отъ него новаго напряженія силъ, но раньше всего—развлеченія, которое пріободрило бы его, подняло бы его духъ и чувство самосознанія. И развѣ разумныя развлеченія, помимо истекающаго изъ нихъ художественнаго наслажденія, не являются для человѣка изъ народа одновременно и обогащеніемъ его умственной сокровищницы? Исходя изъ этого положенія, многіе дѣятели въ области народныхъ развлеченій придаютъ устроиваемымъ ими вечерамъ исключительно характеръ художественныхъ развлеченій, какъ, напримѣръ, руководитель берлинскихъ „Dichter- und Tondichter-Abende". Другіе считаютъ, наоборотъ, необходимымъ отмежевать часть устроиваемыхъ ими вечеровъ популярно-научнымъ лекціямъ, чтобы могли удовлетвориться всѣ посѣтители, жаждутъ ли они знаній, или художественнаго наслажденія, или того и другого вмѣстѣ. Къ числу считающихъ методъ смѣшенія научнаго и художественнаго элемента наиболѣе правильнымъ принадлежитъ и „Gesellschaft für Verbreitung von Volksbildung" [1]), сдѣлавшее уже такъ много для насажденія и распространенія въ Германіи разумныхъ народныхъ развлеченій. И общество право, поскольку дѣятельность его распространяется на деревни. Населеніе большихъ и среднихъ городовъ имѣетъ возможность уже, благодаря библіотекамъ, курсамъ и чтеніямъ всевозможнаго характера, пополнять свои знанія и расширять свой умственный кругозоръ. Не говоря уже о доступномъ всѣмъ посѣщеніи разнообразныхъ музеевъ, галерей, собраній и выставокъ,—умственный кругозоръ городского учителя расширяется уже благодаря тому, что онъ на каждомъ шагу сталкивается

---

¹) См. „В. Е.", ноябрь, 1899.

съ продуктами могучаго развитія техники, путей сообщенія и т. п. Совсѣмъ не тѣ условія въ маленькомъ городкѣ или въ лежащей вдали отъ большой дороги деревнѣ. Если въ большихъ городахъ, гдѣ объ умственномъ просвѣщеніи народныхъ массъ заботится цѣлый рядъ особыхъ организацій, дѣятели въ области народныхъ развлеченій придаютъ устроиваемымъ ими вечерамъ исключительно художественный характеръ, то они съ неменьшимъ правомъ прибѣгаютъ, въ деревнѣ, куда и странствующій лекторъ не часто заглядываетъ, къ чередованію научнаго и художественнаго элемента, тѣмъ болѣе, что смѣшеніе обоихъ элементовъ привлекаетъ, по словамъ странствующихъ чтецовъ и устроителей „вечеровъ", — а таковыми являются почти всегда мѣстный пасторъ или народный учитель, — всегда больше слушателей, нежели одна только научно-популярная лекція.

Но если дѣятели въ области народныхъ развлеченій уже сообразуются съ нуждами и запросами городского и деревенскаго населенія, то этимъ еще далеко не рѣшенъ трудный и сложный вопросъ, *какъ* нужно устроивать народныя развлеченія, чтобы всѣ тѣ, для кого они предназначены, сознавали ихъ необходимость и ощущали потребность въ нихъ. Какъ должны быть составлены программы, чтобы привлечь ими къ разумнымъ развлеченіямъ не только тѣхъ, которые жаждутъ художественнаго наслажденія, но и тѣхъ, которые, послѣ повседневнаго напряженія своихъ физическихъ силъ до границы возможнаго, ищутъ отдохновенія въ кабакахъ и успокоенія нервовъ въ низкопробныхъ шантанахъ? Что̀ нужно предлагать слушателямъ изъ народа, чтобы на-ряду съ легкимъ минутнымъ впечатлѣніемъ въ нихъ залегло и нѣчто болѣе глубокое, способное облагородить ихъ внутренній міръ? О томъ, какъ важна и отвѣтственна именно эта часть вопроса, можно было заключить по многочисленнымъ, посвященнымъ ей, рефератамъ на конгрессѣ. Всѣ ораторы пришли единогласно къ тому заключенію, что желательный идеалъ, это — единство при условіи разнообразія, т.-е. единство основной мысли, господствующаго настроенія, или „лейтъ-мотива", при условіи постоянной перемѣны въ характерѣ читаемаго и исполняемаго, дабы избѣжать утомленія и индифферентности со стороны слушателей. Большинство организацій приняло эту, намѣченную конгрессомъ, основную программу, но крупный берлинскій „Verein für Volksunterhaltung", о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, продолжаетъ, придерживаясь своего стараго принципа: „кто даетъ много, тотъ даетъ каждому что-нибудь", давать своей публикѣ программу, носящую характеръ

довольно случайный, и если вечера этого ферейна имѣютъ крупный успѣхъ, то не потому, конечно, что народъ соглашается съ только-что цитированнымъ принципомъ ферейна, но потому, что въ Берлинѣ пользуются успѣхомъ всѣ подобные общедоступные литературно-музыкальные вечера. А такихъ вечеровъ и matinées для народа „Verein für Volksunterhaltung", основанный въ 1891 г., устроилъ до сихъ поръ около 165. Сначала ферейнъ устроивалъ и спектакли; позже же, въ виду обширной и плодотворной дѣятельности народныхъ сценъ и въ виду того, что почти всѣ лучшіе театры устроиваютъ по воскресеньямъ общедоступные (цѣны все-же значительно выше цѣнъ „Шиллеръ"-театра) спектакли, названный ферейнъ сосредоточилъ всѣ свои силы на организаціи литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Впрочемъ, ферейнъ заботится и о посѣщеніи его публикой театра, поступая такъ: правленіе ферейна условливается съ дирекціей одного изъ берлинскихъ театровъ, чтобы въ воскресенье днемъ поставлена была такая-то пьеса классическаго репертуара, напр. „Гамлетъ", „Отелло", „Фаустъ", „Кэтхенъ изъ Гейльбронна" и т. п., или хорошая пьеса современнаго репертуара, покупаетъ въ кассѣ значительную часть билетовъ и продаетъ ихъ постоянной публикѣ своихъ вечеровъ по еще болѣе пониженнымъ цѣнамъ. Цѣль этимъ, несомнѣнно, достигается, такъ какъ и въ воскресенье днемъ театры посѣщаетъ только лишь зажиточная публика, желающая съэкономить марку-двѣ на билетѣ и не посѣщающая поэтому вечернихъ представленій. Вечера, устроиваемые „Verein'омъ für Volksunterhaltung", состоятъ изъ чтенія отрывковъ изъ писателей, декламаціи, пѣнія (соло и хора), игры на піанино и скрипкѣ, также и исполненія на сценѣ драматическихъ отрывковъ. Игру на піанино устроители вечеровъ сократили до минимума, такъ какъ публика слушаетъ ее невнимательно и плохо воспринимаетъ. Но игру на другихъ инструментахъ соло публика этихъ вечеровъ любитъ, и ферейну удается иногда пригласить того или другого солиста королевскаго試 опернаго оркестра, иногда даже составить тріо или квартетъ. Пѣніе соло занимаетъ въ программѣ этихъ вечеровъ почетное мѣсто, и однажды правленію удалось доставить своимъ слушателямъ возможность прослушать рядъ пѣсенъ Шуберта въ прекрасномъ исполненіи. Для исполненія нумеровъ хорового пѣнія приглашаютъ членовъ того или другого извѣстнаго пѣвческаго ферейна. Главное мѣсто отводится, конечно, декламаціи. Восьмилѣтній опытъ показалъ, что поэзія легкаго, юмористическаго характера нравится публикѣ больше, чѣмъ глубокая ли-

рическая или эпическая поэзія, и правленіе ферейна сочло нужнымъ считаться съ этимъ, приглашая, время отъ времени, для чтенія извѣстныхъ поэтовъ-юмористовъ, напр. Шмидтъ-Кабаниса, Трояна, Зейделя или др., читавшихъ, главнымъ образомъ, собственныя произведенія. А выборъ читаемыхъ поэтическихъ или прозаическихъ произведеній болѣе серьезнаго характера, какъ и выборъ того или другого писателя, носитъ совершенно случайный и произвольный характеръ. Такъ, напр., однажды прочитаны были два стихотворенія, слабыя сами по себѣ, Гауптмана, представляющія интересъ для лицъ, знакомыхъ съ творчествомъ и ходомъ развитія этого крупнаго драматурга, но не имѣющія цѣны для народа, для котораго, пожалуй, имя Гауптмана—звукъ пустой.

Кромѣ отсутствія одного строго опредѣленнаго и всесторонне обдуманнаго плана, литературно-музыкальные вечера, устроиваемые „Verein'омъ für Volksunterhaltung", имѣютъ еще два большихъ недостатка. Во-первыхъ, ферейнъ не можетъ, за отсутствіемъ крупныхъ средствъ, пригласить постоянныхъ чтецовъ, декламаторовъ и музыкантовъ, а потому имѣетъ дѣло каждый разъ съ другими лицами, которыя получаютъ свой гонораръ и очень часто являются хорошими исполнителями, но не вкладываютъ своей души въ дѣло. Во-вторыхъ, вечера устроиваются не въ опредѣленномъ разъ навсегда мѣстѣ и не въ опредѣленные дни, такъ что многіе изъ желающихъ посѣщать эти литературно-музыкальные вечера не знаютъ, гдѣ и когда они состоятся. Обвинять въ этихъ недостаткахъ всецѣло правленіе ферейна нельзя. На упомянутомъ выше конгрессѣ очень много говорилось о томъ, что даже для того, кто уже выяснилъ себѣ вопросъ, какого рода пища должна быть дана духовно-жаждущему народу, является въ перспективѣ большой рядъ техническихъ и практически-коммерческихъ вопросовъ, желательное разрѣшеніе которыхъ не всегда легко. На первой очереди стоитъ вопросъ о средствахъ: желательно вѣдь дать народу цѣльное и высокое художественное наслажденіе, а хорошихъ исполнителей такъ же трудно завербовать безвозмездно, какъ и нанять большой, хорошій и приспособленный залъ. Впрочемъ, въ деревнѣ или маленькомъ городкѣ трудно, вообще, найти хоть сколько-нибудь сносныхъ исполнителей, въ то время какъ въ большомъ городѣ можно, при отсутствіи средствъ, приглашать молодыхъ артистовъ, еще не начавшихъ или только-что начинающихъ свою карьеру, а потому охотно готовыхъ выступить даже безвозмездно, лишь бы публично, хотя бы и на лите-

ратурно-музыкальныхъ вечерахъ для народа. Въ большомъ городѣ гораздо труднѣе достать подходящій залъ, опять-таки не потому, что въ большомъ городѣ мало хорошихъ и удобныхъ залъ, но потому, что наемъ этихъ залъ обходится очень дорого. Есть, конечно, залы, которые сдаются довольно дешево, но они или неблагоустроены, или пользуются сквернымъ реномé. Многіе владѣльцы предпочитаютъ также устроивать въ воскресные дни у себя въ залахъ балы съ танцами, какъ приносящіе имъ болѣе крупный доходъ, нежели сдача зала въ наемъ обществу, устроивающему народныя развлеченія. Чтобы снимать вполнѣ подходящіе, а потому дорогіе залы, организаціи для устройства народныхъ развлеченій должны или располагать крупнымъ капиталомъ, или прибѣгать къ мѣрамъ вродѣ увеличенія цѣнъ на мѣста. Но опять-таки самая высокая цѣна, которую можно требовать съ посѣтителя изъ народа за концертъ или литературно-музыкальный вечеръ,—50 пфенниговъ, а за драматическое представленіе—1 марку. Иначе цѣль этихъ вечеровъ, устроиваемыхъ для недостаточныхъ классовъ населенія, не будетъ достигнута. „Verein für Volksunterhaltung“ взимаетъ со своихъ посѣтителей двойную плату, смотря по мѣсту: пятьдесятъ пфенниговъ и тридцать пфенниговъ, включая сюда плату за гардеробъ и афишу. Правленіе ферейна надѣется имѣть въ недалекомъ будущемъ возможность устроивать свои литературно-музыкальные вечера въ актовыхъ залахъ народныхъ школъ или городскихъ гимназій.

Задумывая организацію литературныхъ вечеровъ для народа, упомянутыхъ уже выше „Dichter-Abende“, д-ръ Лёвенфельдъ, о плодотворной дѣятельности котораго я говорилъ уже выше, рѣшилъ съ самаго начала дѣла устранить всѣ недостатки вечеровъ, устроиваемыхъ „Verein'омъ für Volksunterhaltung“. И это ему вполнѣ удалось. Раньше всего магистратъ города Берлина отвелъ безвозмездно большой и прекрасный залъ въ зданіи ратуши и принялъ также на себя расходы по отопленію и освѣщенію зала во время литературныхъ вечеровъ, устроиваемыхъ въ зимнее полугодіе обязательно каждое воскресенье, такъ что посѣтители, обыкновенно, заранѣе знаютъ, что изъ недѣли въ недѣлю по воскресеньямъ въ зданіи ратуши состоится литературный вечеръ. Магистратъ поставилъ лишь условіемъ, чтобы наблюденіе за порядкомъ взяла на себя дирекція „Шиллеръ“-театра. Затѣмъ, артисты и артистки только-что названнаго мною театра согласились постоянно и безвозмездно принимать участіе въ организуемыхъ литературныхъ вечерахъ. Наконецъ, д-ръ Лёвен-

фельдъ организовалъ эти вечера такъ, что въ теченіе двухъ или трехъ часовъ слушателямъ дается по возможности всестороннее знакомство съ однимъ только писателемъ, драматургомъ или поэтомъ. Цѣльная и хорошо обдуманная программа, базирующая на упомянутомъ выше принципѣ: „единство при условіи разнообразія", составляется, обыкновенно, такъ: сначала краткая біографія и сжатая характеристика произведеній того, кому посвященъ данный вечеръ; затѣмъ, чтеніе прозаическихъ и поэтическихъ отрывковъ хорошими, испытанными декламаторами и чтецами; послѣ десятиминутной паузы слѣдуетъ исполненіе пѣсенъ, романсовъ и др. музыкальныхъ произведеній на слова того же автора и, наконецъ, снова чтеніе отрывковъ и декламація.

Такова, въ общемъ, программа всѣхъ литературныхъ вечеровъ, устроиваемыхъ для народа въ Bürgersaal'ѣ берлинской ратуши дирекціей и персоналомъ „Шиллеръ"-театра съ сентября 1894 г., и вотъ имена авторовъ, которымъ до сихъ поръ посвящены были эти литературные вечера: Гёте, Уландъ, Вильгельмъ Мюллеръ, Шамиссо, Ленау, Шиллеръ, Бюргеръ, Эйхендорфъ, Гейне, Фрейлигратъ, Рейтеръ, Конрадъ - Фердинандъ Мейеръ, Шеффель, Теодоръ Фонтанъ, Гейбель, Поль Гейзе, Грилльпарцеръ, Рюккертъ, Карлъ Лёве, Феликсъ Данъ, Готтфридъ Кёллеръ, Лиліенкронъ, Вильденбрухъ, Вильгельмъ Іорданъ, Теодоръ Штормъ, Артуръ Фитгеръ, Георгъ Гервегъ, Ибсенъ, Іензенъ, Гаммерлингъ, Шпильгагенъ, Геббель и Ада Негри. Само собою разумѣется, что нѣкоторые вечера, привлекающіе наибольшій контингентъ публики, повторяются съ теченіемъ времени по нѣскольку разъ. Такъ, напр., вечеръ, посвященный Карлу Лёве, прошелъ съ успѣхомъ шесть разъ; „Chamisso-Abend" повторенъ былъ семь разъ; „Heinrich Heine-Abend" —восемь разъ; „Uhland-Abend"—пять разъ; „Schiller-Abend"—шесть разъ и т. д.

Само собой разумѣется, что „Fabel" und Märchen-Abend" былъ предназначенъ, главнымъ образомъ, для дѣтей, и съ нихъ взимали въ этотъ вечеръ лишь по десяти пфенниговъ, въ то время какъ, обыкновенно, взимается такая незначительная плата, какъ тридцать пфенниговъ и двадцать пфенниговъ. Благодаря этому, залъ ратуши всегда биткомъ набитъ; но та публика, для которой эти вечера спеціально предназначены, наполняетъ залъ только на половину или нѣсколько больше. Входные билеты покупаются этой публикой у правленія своихъ организацій и ферейновъ, съ которыми дирекція „Шиллеръ"-театра входитъ въ спеціальное соглашеніе. Остальную часть билетовъ, прода-

ваемую въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ и у входа, покупаетъ у нея и та публика, которая могла бы платить и дороже. Я посѣтилъ однажды вечеръ, посвященный Ибсену, и присмотрѣлся въ публикѣ. Это были, главнымъ образомъ, рабочіе и ремесленники съ женами и дѣтьми, люди, которые работаютъ всю недѣлю физически и которые не въ состояніи платить высокихъ цѣнъ въ тѣхъ театрахъ, гдѣ ставятся пьесы Ибсена. Надо было видѣть, какъ жадно они слѣдили за каждымъ словомъ или звукомъ, доносящимся съ трибуны, и какъ они единодушно выражали свой восторгъ послѣ всего слышаннаго!

Успѣхъ литературныхъ вечеровъ побудилъ д-ра Лёвенфельда организовать и музыкальные вечера, опять-таки по одной общей, тщательно продуманной программѣ, съ предварительнымъ чтеніемъ краткой біографіи композитора, которому посвященъ данный вечеръ, и сжатой характеристики его произведеній. Дирекція „Шиллеръ"-театра пригласила рядъ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе выдающихся исполнителей и извѣстнаго музыкальнаго критика, д-ра Леопольда Шмидта, въ качествѣ главнаго руководителя. Музыкальные вечера подъ его руководствомъ носятъ вполнѣ характеръ концертовъ для народа, тѣмъ болѣе что подбираются произведенія того или иного композитора на слова и сюжеты изъ нѣмецкихъ классиковъ, болѣе или менѣе знакомыхъ народу. Посвящены были эти музыкальные вечера за послѣдніе три—четыре года Карлу-Маріѣ Веберу, Моцарту (повторенъ былъ 7 разъ), Мендельсону-Бартольди, Шуберту (вечеръ повторенъ былъ 10 разъ), Бетховену, Рихарду Вагнеру, Брамсу, Лорцингу (этотъ композиторъ особенно понравился публикѣ вечеровъ), Гайдну и Шопену.

Заключительнымъ словомъ въ рѣчи, произнесенной д-ромъ Лёвенфельдомъ на берлинскомъ конгрессѣ относительно этихъ, задуманныхъ и организованныхъ имъ „Dichter- und Tondichter-Abende" было: „Вечера эти, — говорилъ онъ, — предназначены исключительно для развлеченія, а то, что слушатели при этомъ кой-чему учатся, само собой понятно. При полномъ знакомствѣ слушателей съ индивидуальностью художника и продуктами его творчества увеличивается ихъ умственное богатство, такъ что заботиться спеціально объ этомъ увеличеніи мы на нашихъ вечерахъ не должны. Я повторяю еще разъ: наша задача—дать возможность развлечься тысячамъ умственно и физически переутомленныхъ слушателей, а какъ важны разумныя развлеченія въ наше время, когда каждому приходится

напрягать всѣ свои силы,—объ этомъ я здѣсь распространяться не стану"...

V.

Выше мы упоминали, что конгрессъ дѣятелей въ области народныхъ развлеченій выставилъ своимъ идеаломъ единство основной мысли, господствующаго настроенія, или „лейтъ-мотива", при условіи постоянной перемѣны въ характерѣ читаемаго и исполняемаго. Тогда же, на конгрессѣ, выяснилось, что практическая дѣятельность членовъ конгресса выработала уже два метода, дающихъ возможность достигнуть единства при условіи разнообразія, и что къ намѣченному идеалу ведутъ два пути. Съ первымъ изъ нихъ, на который вступила дирекція „Шиллеръ"-театра, какъ бы дающая возможность то одному, то другому писателю или поэту высказать предъ аудиторіей изъ народа свои мысли, взгляды и убѣжденія, свое міросозерцаніе и свои чувства, выказать свое дарованіе и фазисы своего развитія,—мы только-что познакомились, и этотъ методъ получилъ свое названіе по имени „Шиллеръ"-театра. Другой методъ называется „дюссельдорфскимъ", такъ какъ его впервые и съ громаднымъ успѣхомъ примѣнилъ д-ръ Штейненъ въ устроиваемыхъ имъ въ Дюссельдорфѣ литературно-музыкальныхъ вечерахъ для народа, и этотъ методъ нашелъ себѣ прекраснаго защитника въ лицѣ пастора д-ра Лютера изъ Креммена, въ бранденбургской провинціи.

Въ своей прекрасной и интересной книгѣ: „Deutsche Volks-Abende", этотъ пасторъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я получалъ не разъ впечатлѣніе, что слушатель изъ народа не всегда можетъ услѣдить за безпрерывно чередующимися мыслями, взглядами и настроеніями, которыми проникнуты часто самыя разнохарактерныя произведенія одного и того же автора. Поэтому я старался во все читаемое и исполняемое въ теченіе цѣлаго вечера вложить одну какую-либо основную мысль или, иначе говоря, придать всему вечеру одно только господствующее настроеніе". Читатели легко поймутъ, въ чемъ состоитъ такъ называемый „дюссельдорфскій" методъ, если я приведу нѣсколько темъ, которымъ посвящены были литературно-музыкальные вечера, устроенные д-ромъ Штейненомъ въ Дюссельдорфѣ, какъ например: „Радость бытія", „Праздничный вечеръ", „Изъ временъ романтизма", „Жизнь на Рейнѣ", „Сила пѣсни", „Нѣмецкая сказка", „Жизнь въ лѣсу", „Весна", „Родина", „Народная пѣсня", „Семья и школа", „Война и миръ" и т. п.

Д-ръ Лютеръ съ большимъ усердіемъ и любовью къ дѣлу составилъ и напечаталъ въ своей книгѣ большой рядъ однородныхъ программъ, общія заглавія которыхъ уже достаточно говорятъ о ихъ содержаніи, и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Праздникъ Рождества“, „Отчій домъ“, „Осенній вечеръ“, „На кладбищѣ“, „Мученики за вѣру“, „Подъ развѣвающимися знаменами“, „Дѣтскій мірокъ“, „Картины изъ жизни большого города“, „Юность“, „Пѣснь любви“, и т. д., и т. д. Недостатка въ подобныхъ темахъ никогда быть не можетъ, говоритъ д-ръ Лютеръ: достаточно хоть нѣсколько осмотрѣться въ имѣющейся подъ рукой литературѣ, чтобы найти массу подходящихъ темъ. Конечно, и въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, что̀ читать и чего не слѣдуетъ читать—довольно сложный, и рѣшеніе его зависитъ отъ художественныхъ вкусовъ и тактичности лицъ, организующихъ эти литературно-музыкальные вечера.

Въ Дюссельдорфѣ устроивается ежегодно, начиная съ 1891 г., отъ четырехъ до пяти литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Хотя залъ, въ которомъ они устроиваются, вмѣщаетъ 2.000 чел., спросъ на билеты такъ великъ, что продажу ихъ, обыкновенно, начинаютъ одновременно въ семи мѣстахъ, главнымъ образомъ въ предмѣстьяхъ и въ конторахъ большихъ фабрикъ. Цѣна за входъ—10 пфенниговъ. Доходъ съ каждаго вечера не превышаетъ, конечно, двухсотъ марокъ; расходы же на наемъ зала, печатаніе объявленій и программъ, вознагражденіе оркестру и т. п. требуютъ, въ среднемъ, триста марокъ. Дефицитъ покрывается взносами въ кассу „Bildungsverein'а“, устроивающаго эти вечера, магистрата, одного благотворительнаго ферейна и нѣсколькихъ такъ называемыхъ „протекторовъ“. Вечера начинаются, обыкновенно, краткой вступительной рѣчью одного изъ членовъ правленія; длится она, обыкновенно, не дольше 15-ти минутъ. Вслѣдъ за ней слѣдуютъ пѣніе, декламація и оркестровая музыка, иллюстрирующія основной „лейтъ-мотивъ“ даннаго вечера изъ числа выше перечисленныхъ. Къ устной декламаціи привлекаютъ въ Дюссельдорфѣ, главнымъ образомъ, учениковъ и ученицъ народныхъ школъ, и если чтеніе ихъ наизусть или по книжкѣ далеко не идеально съ реторической точки зрѣнія, то они завоевываютъ сердца слушателей наивной простотой своей и манерой ихъ чтенія. Оркестръ исполняетъ вступительный и заключительный нумеръ каждаго отдѣленія, аккомпанируетъ солистамъ и хоровому пѣнію. Хоровое пѣніе состоитъ или изъ исполненія членами пѣвческихъ ферейновъ тѣхъ или другихъ нумеровъ изъ ихъ репертуара, или изъ исполненія всей публи-

кой сообща популярныхъ народныхъ пѣсенъ, текстъ которыхъ печатается полностью въ раздаваемыхъ слушателямъ программахъ. „Этимъ достигается двойная цѣль,—говорятъ организаторы дюссельдорфскихъ вечеровъ:—съ одной стороны, благодаря участію публики въ хоровомъ пѣніи, удается избѣжать быстраго утомленія слушателей, а съ другой стороны, распространяется знакомство народа съ богатой сокровищницей нашихъ народныхъ пѣсенъ, пробуждается въ народѣ болѣе интенсивная любовь къ нашимъ роднымъ народнымъ пѣснямъ". Все это хорошо, думается мнѣ, но вотъ же практика „Dichter- und Tondichter Abende" показала, что публика не утомляется и безъ общаго исполненія хоровыхъ пѣсенъ, да и исполнять ихъ каждый изъ слушателей имѣетъ возможность въ своемъ ферейнѣ и организаціи, а на литературно-музыкальные вечера народъ идетъ совсѣмъ съ иной цѣлью. Болѣе цѣлесообразна идея, примѣняемая нѣкіимъ Густавомъ Манцомъ на устроиваемыхъ имъ „Märchen-Abende" для дѣтей: онъ часто прерываетъ свое чтеніе или устный разсказъ и говоритъ дѣтямъ легкія загадки въ стихахъ, рѣшеніе которыхъ выкрикивало ему подчасъ около четырехсотъ дѣтскихъ голосовъ. „Какъ разсказчикъ сказокъ,—писалъ о своихъ впечатлѣніяхъ Густавъ Манцъ, — я имѣлъ предъ собой строгій форумъ, знавшій нѣкоторыя сказки наизусть лучше, нежели я..." Но какъ человѣкъ, обладавшій ключомъ ко всѣмъ заданнымъ имъ дѣтямъ загадкамъ въ стихахъ, онъ имѣлъ у своихъ маленькихъ слушателей громадный успѣхъ, и въ этой легкой умственной работѣ часы пролетали какъ-то незамѣтно.

Во всѣхъ программахъ вечеровъ всегда бросается въ глаза то обстоятельство, что онѣ составлены исключительно изъ произведеній современныхъ поэтовъ. Д-ръ Лютеръ, дѣйствительно, избѣгаетъ классиковъ и обосновываетъ подобный выборъ слѣдующими словами: „Я почти исключительно выбиралъ произведенія современныхъ авторовъ раньше всего уже потому, что хотѣлъ помочь имъ распространить свои мысли, дать возможность высказаться предъ народомъ. Кромѣ того, я всегда полагалъ, что люди, пишущіе въ наше время, составляютъ часть насъ самихъ, а понять и познать себя самихъ для насъ очень интересно. Многіе, вѣроятно, замѣтили вмѣстѣ со мною, съ какимъ вниманіемъ прислушивается нашъ народъ къ словамъ поэта, который живетъ въ наше время, понимаетъ духъ его и умѣетъ выразить наши стремленія и наши надежды на будущее. Народъ, съ его наивной, еще неизвращенной способностью къ воспріятію, сознаетъ: „это духъ отъ моего духа и плоть отъ моей

плоти“... Конечно, если отвести главное мѣсто современнымъ авторамъ, приходится затронуть болѣе или менѣе глубоко тотъ или иной серьезный вопросъ нашего времени, но я не думаю, чтобы крупныхъ проблемъ слѣдовало избѣгать на вечерахъ для народа. Я знаю, что нѣкоторыя изъ этихъ крупныхъ новыхъ проблемъ попали въ „индексъ“, но я полагаю, что мнѣ, служителю Христа, призывавшаго къ себѣ всѣхъ людей безъ исключенія, будетъ прощено, если я не стану обращать вниманія на то, знаменитъ ли этотъ авторъ и славенъ, или подвергнутъ извѣстными кругами остракизму. Нѣтъ, имя и слава автора для меня совершенно безразличны, но мой выборъ останавливается на тѣхъ, кто съумѣлъ выразить въ художественной формѣ страданія или радость, чьи произведенія могутъ унести душу человѣка изъ окружающей его будничной обстановки, тѣмъ болѣе, что и будничную обстановку озаряютъ они своимъ поэтическимъ дарованіемъ“...

Обратите особое вниманіе на эти слова: ихъ говоритъ пасторъ, представитель духовнаго сословія, и у него,—замѣчаетъ д-ръ Лёвенфельдъ, разбирая книгу д-ра Лютера на страницахъ редактируемаго имъ, д-ромъ Лёвенфельдомъ, журнала „Die Volksunterhaltung“, — должны были бы поучиться всѣ тѣ, которые злоупотребляютъ народными развлеченіями для вліянія на народъ въ извѣстномъ направленіи. Но сама по себѣ основная мысль д-ра Лютера правильна лишь на половину. Дѣйствительно, предъ слушателями изъ народа можно и даже должно затрагивать серьезные вопросы и крупныя проблемы нашего времени, но все-же произведеніямъ классиковъ должно быть отведено первое мѣсто: вѣдь они потому и считаются классиками, что въ художественной формѣ передали, излили и глубоко затронули великія идеи и крупныя проблемы, цѣнныя не для одного своего поколѣнія, но для многихъ послѣдующихъ. „Весну“ воспѣли, какъ и „Отчій домъ“ или „Праздничный вечеръ“—Гёте, Шиллеръ, Гейне, Бюргеръ, Рюккертъ или Лепау. Зачѣмъ же прибѣгать къ такимъ, имена которыхъ рѣшительно ничего не говорятъ народу, а доброкачественность ихъ полу-декадентскихъ произведеній къ тому же весьма сомнительна? Если въ данномъ случаѣ рѣшеніе вопроса, кому должно быть отдано предпочтеніе, классикамъ или Modernen, довольно легко, то вопросъ о томъ, какая система должна получить пальму первенства, дюссельдорфская или берлинская—очень трудный и сложный. Та и другая система имѣютъ извѣстныя достоинства и преимущества. Д-ръ Лёвенфельдъ, можно сказать, создавшій берлинскую методу, не только не отно-

сится отрицательно къ дюссельдорфской, но и находитъ даже, что въ большомъ городѣ вечера должны были бы поочередно устроиваться по той и другой методѣ. Въ провинціи, въ многочисленныхъ среднихъ и мелкихъ городахъ, выборъ той или другой системы зависитъ, какъ мы это увидимъ ниже, отъ вкусовъ, настроеній и опыта лицъ, организующихъ литературно-музыкальные вечера для народа. Практика даетъ въ каждомъ городѣ иное рѣшеніе сложнаго вопроса, сообразно мѣстнымъ условіямъ, и сообразно мѣстнымъ же условіямъ рѣшаются въ каждомъ городѣ иначе вопросы мелкіе и чисто практическіе: какъ слѣдуетъ поступать, чтобы привлечь къ вечерамъ исключительно низшіе классы населенія и предотвратить замѣтный наплывъ людей зажиточныхъ? какая система болѣе цѣлесообразна—ставить въ залѣ одни только стулья или столы также? Слѣдуетъ ли разрѣшать слушателямъ пить и ѣсть во время исполненія на эстрадѣ, и не привлечетъ ли подобное разрѣшеніе большій контингентъ публики? желательны ли живыя картины, съ объяснительнымъ текстомъ или безъ таковаго? и т. д., и т. д. Мы сейчасъ увидимъ, какъ разнообразно рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ въ многочисленныхъ провинціальныхъ городахъ.

Германская провинція—если, опять-таки, можно говорить о провинціи въ странѣ со столь высоко развитой и исторически традиціонной децентрализаціей—не только не отстала въ области организаціи разумныхъ народныхъ развлеченій отъ Берлина, но даже отчасти и опередила столицу Германіи. Въ нѣкоторыхъ городахъ уже въ теченіе десятилѣтій существуютъ организаціи, цѣль которыхъ была и есть: дать низшимъ и менѣе зажиточнымъ классамъ мѣстнаго населенія возможность за незначительную плату ознакомиться съ произведеніями классиковъ и современныхъ писателей, и которыя устроивали и устроиваютъ по воскреснымъ днямъ литературные вечера для народа или концерты, включая здѣсь и тамъ въ свою программу и устройство драматическихъ спектаклей. Наиболѣе крупныя заслуги имѣетъ за собой бреславльскій „Humboldt-Verein", уже не мало поработавшій надъ распространеніемъ внѣшкольнаго просвѣщенія народа въ столицѣ Силезіи и устроивающій тамъ съ октября 1891 г., ежегодно, зимой отъ трехъ до пяти общедоступныхъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Эти вечера сопровождались всегда громаднымъ успѣхомъ: залъ былъ биткомъ набитъ каждый разъ, и публика встрѣчала и провожала каждаго исполнителя съ энтузіазмомъ. Но правленіе Verein'а не могло не обратить вниманія, что главный контингентъ публики составляетъ не такъ

называемый „маленькій, сѣренькій людъ“, но люди зажиточные, пользующіеся случаемъ получить извѣстное художественное наслажденіе при условіи взноса только 10-ти пфенниговъ за право входа. Мнѣнія о томъ, слѣдуетъ ли предотвратить наплывъ зажиточной публики,—раздѣлились. Одни изъ членовъ правленія Verein'а полагали, что въ задачу Verein'а никоимъ образомъ не входитъ тратить свои силы и средства ради развлеченія людей, которые легко и свободно могутъ платить по маркѣ и по двѣ за входъ на литературно-музыкальные вечера, и что необходимо этимъ элементамъ преградить доступъ на вечера Verein'а, но привлекать къ нимъ низшіе классы населенія, для которыхъ другія, устроиваемыя въ городѣ, художественныя развлеченія совершенно недоступны. Другіе находили, наоборотъ, что смѣшеніе различныхъ слоевъ публики, знатныхъ и незамѣтныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, особенно желательно на вечерахъ Verein'а, такъ какъ, благодаря подобному смѣшенію, постепенно сглаживаются классовыя отличія, а воспитательное значеніе вечеровъ еще болѣе увеличивается. Теоретически звучало это довольно недурно, но на практикѣ провести подобное смѣшеніе различныхъ классовъ и слоевъ общества правленію Verein'а не удалось. Нумерація стульевъ при постоянномъ массовомъ скопленіи (иногда до двухъ тысячъ, постоянно не меньше тысячи восьмисотъ чел.) была немыслима. Продажа опредѣленныхъ мѣстъ по возвышенной цѣнѣ была нежелательна, такъ какъ могла вызвать справедливые упреки правленію въ партійности и несправедливомъ отношеніи къ бѣднякамъ. А при существовавшемъ порядкѣ, лица изъ зажиточныхъ классовъ приходили задолго до начала вечеровъ и занимали лучшія мѣста, въ то время какъ худшія оставались для ремесленниковъ и рабочихъ, поздно освобождающихся отъ работы. Принявъ это все во вниманіе, правленіе постановило преградить по возможности доступъ на вечера ферейна зажиточнымъ классамъ. Съ одной стороны, въ прессѣ было указано довольно ясно, что вечера предназначены исключительно для неимущихъ, а съ другой стороны, правленіе не только организовало продажу билетовъ исключительно въ предмѣстьяхъ и рабочихъ кварталахъ (большей частью, въ табачныхъ лавочкахъ), но и стало разсылать билеты рабочимъ организаціямъ и кассамъ, въ желѣзнодорожныя мастерскія, для распродажи среди мелкихъ служащихъ и рабочихъ, на фабрики и заводы, и т. д. Благодаря этимъ мѣрамъ, цѣль была достигнута, и если въ залъ попадали немногочисленные представители зажиточныхъ классовъ населенія, правленіе Verein'а не видѣло въ этомъ ничего дурного,

принимая въ соображеніе, что тотъ или другой посѣтитель вынужденъ, пожалуй, хорошо одѣваться, но не въ состояніи истратить марки-двухъ на концертъ. Хотя на конгрессѣ дѣятелей въ области народныхъ развлеченій многіе ораторы порицали разрѣшенную кое-гдѣ организаторами вечеровъ разноску пива, въ Бреславлѣ пришлось допустить ее уже потому, что только при этомъ условіи правленіе Verein'а, который капиталами не располагаетъ и не въ состояніи платить нѣсколько сотъ марокъ за наемъ зала на желательныхъ ему условіяхъ, можетъ снимать для своихъ цѣлей два самихъ большихъ зала на льготныхъ условіяхъ. Конечно, разноска пива производится только во время паузъ, да и публика старается изо всѣхъ силъ не нарушать звономъ пивныхъ кружекъ тишину во время исполненія того или другого нумера. Отмѣчу еще, что большинство посѣтителей составляли въ Бреславлѣ постоянно женщины. Правленіе Verein'а объясняло это тѣмъ, что мужчины, приходя поздно съ работы, должны еще почиститься и переодѣться, что мужчины изъ низшихъ классовъ, вообще, недовѣрчиво относятся къ подобнымъ вечерамъ, да и имѣютъ очень часто свои политическія, кассовыя и цеховыя собранія.

Надо замѣтить, что вечера устроивались Verein'омъ, по различнымъ причинамъ, которыхъ мы здѣсь касаться не станемъ, въ будни. Когда, въ прошлую зиму, Verein ввелъ въ свою программу „Dichter-Abende“ по берлинскому образцу, правленіе рѣшило устроивать ихъ исключительно по воскреснымъ днямъ. Это рѣшеніе правленія вызвало взрывъ радости и одобренія со стороны будущихъ слушателей, но правленію удалось для перваго вечера, посвященнаго Гёте, найти залъ, вмѣщающій только триста человѣкъ. Залъ былъ биткомъ набитъ, — это само собой разумѣется,—но еще человѣкъ 500—600 должны были вернуться домой, не попавши въ залъ, за отсутствіемъ мѣстъ. Это побудило правленіе Verein'а повторить Гётевскій вечеръ, на этотъ разъ уже въ большомъ Musiksaal'ѣ мѣстнаго университета, вмѣщающемъ до 550 человѣкъ. Третій и четвертый вечера устроены были въ этомъ же залѣ и посвящены Уланду и Эйхендорфу, по программамъ, близкимъ къ берлинскому образцу. „Eichendorff-Abend“ вызвалъ особый интересъ и имѣлъ колоссальный успѣхъ, какъ потому, что этотъ популярнѣйшій представитель романтическаго лиризма былъ уроженцемъ Силезіи, такъ и потому, что рефератъ о жизни и творчествѣ Эйхендорфа прочиталъ извѣстный поэтъ Карлъ Іенике. А очередной литературно-музыкальный вечеръ, привлекшій до 1.500 слу-

шателей, былъ почти всецѣло посвященъ другому популярному силезскому поэту, Максу Гейнцелю, незадолго до того умершему. Вообще же, программы бреславльскихъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ носятъ характеръ случайный, такъ какъ правленіе „Гумбольдтовскаго ферейна" не считаетъ принципъ единства, выставленный конгрессомъ, безусловно необходимымъ, но, съ другой стороны, поставило своей задачей соединять художественный элементъ съ научнымъ. Первымъ нумеромъ вечеровъ всегда является рефератъ, читаемый однимъ изъ мѣстныхъ врачей, адвокатовъ или учителей. Рефератъ длится не больше 20—25 минутъ; а такъ какъ практика показала, что время это слишкомъ коротко для всесторонняго освѣщенія какого-либо научнаго вопроса, то рефераты приняли въ послѣднее время характеръ совѣтовъ и указаній въ области народной гигіены. За чтеніемъ рефератовъ слѣдуютъ декламація, хоровые и музыкальные нумера, къ исполненію которыхъ привлекаются мѣстные артисты и пѣвческіе ферейны (протестантскіе и католическіе, большей частью учительскіе). Очень часто хоровые нумера исполняются публикой по тексту, печатаемому на афишкахъ. Время отъ времени, „Hymboldt-Verein" устроиваетъ и драматическія представленія для народа, причемъ билеты распространяются опять-таки указаннымъ выше способомъ. Прошлой зимой поставлены были въ одномъ изъ мѣстныхъ театровъ пьеса Кальдерона: „Der Richter von Salamea", и комедія Ларронжа: „Д-ръ Клаусъ", при участіи выдающихся артистовъ. Тотъ же Verein устроиваетъ въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ лѣтъ литературно-музыкальные вечера для ремесленныхъ учениковъ, въ большой классной комнатѣ одной изъ мѣстныхъ гимназій. Вечера эти бываютъ исключительно зимой, аккуратно каждое воскресенье, отъ 7 до 9 час. вечера; чтеніе и декламацію часто поручаютъ наиболѣе способнымъ изъ числа ремесленныхъ же учениковъ.

Въ другомъ крупномъ прусскомъ городѣ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, объединились, года два назадъ, мѣстное отдѣленіе „Германскаго Общества этической культуры" съ мѣстнымъ „Arbeiterbildungsverein'омъ", и организовали особый комитетъ для устройства литературно-музыкальныхъ вечеровъ для народа. Комитетъ рѣшилъ отказаться отъ плана организаціи особаго ферейна, такъ какъ ему удалось привлечь къ дѣлу энергичныхъ организаторовъ и первоклассныхъ исполнителей. Въ качествѣ руководителей вечеровъ приглашены были режиссеръ мѣстнаго городского театра г. Квинке и Musikdirektor Адольфъ Герцъ. Затруднителенъ былъ только наемъ зала, такъ какъ во Франкфуртѣ,

вообще, при громадномъ числѣ всевозможныхъ ферейновъ замѣчается недостатокъ въ залахъ. Маленькій залъ для цѣлей комитета не подходилъ, а потому остановились на Saalbau-залѣ, за который платится владѣльцу каждый разъ *пятьсотъ* марокъ. По этой причинѣ комитетъ вынужденъ былъ назначить слѣдующія цѣны на мѣста: стулъ въ ложѣ—50 пфенн., стулъ въ паркетѣ—40 пфенн., и мѣсто на галереѣ—30 пфенниговъ. Несмотря на эти сравнительно высокія цѣны, всѣ 2.000 мѣстъ были, два года назадъ, раскуплены еще за нѣсколько дней до устроенныхъ комитетомъ двухъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Прошлой зимой устроено было уже четыре вечера, и въ кассѣ каждый разъ не оставалось ни одного непроданнаго билета. Громадное число билетовъ передавалось, для продажи, различнымъ ферейнамъ, также и правленіямъ народныхъ читаленъ, кухонь для народа и т. д. Программа всѣхъ вечеровъ была та же, какой придерживается берлинскій „Verein für Volksunterhaltung": пѣніе хоровое и соло, игра на піанино и другихъ инструментахъ, чтеніе и декламація безъ опредѣленнаго „лейтъ-мотива". Организаторы вечеровъ вынесли убѣжденіе, что, несмотря на 12 №№ программы, слушатели не утомляются и вниманіе ихъ не притупляется. Кромѣ этихъ вечеровъ, во Франкфуртѣ, въ прошломъ году, начали устроивать „Dichter-Abende" по берлинскому образцу. Тамъ же организовался, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго оберъ-бургомистра, особый комитетъ, устроивающій концерты для народа, на которыхъ исполнителями являются мѣстные пѣвческіе ферейны, а существующій во Франкфуртѣ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, „Ausschuss für Volksvorlesungen" устроиваетъ, время отъ времени, спектакли для народа въ одномъ изъ мѣстныхъ театровъ по вполнѣ общедоступнымъ цѣнамъ.

Въ Лейпцигѣ существуетъ, съ 1892 г., крупный „Verein für Volksunterhaltung", организующій ежегодно шесть или до шести литературно-музыкальныхъ вечеровъ въ громадной, вмѣщающей до трехъ тысячъ человѣкъ, Alberthalle мѣстнаго Хрустальнаго дворца. Программа этихъ вечеровъ смѣшанная, какъ во Франкфуртѣ, но организаторы вечеровъ поставили съ самаго начала своей задачей приглашать въ качествѣ исполнителей исключительно выдающихся чтецовъ, пѣвцовъ и музыкантовъ, а въ качествѣ референтовъ—выдающихся ученыхъ. Въ Лейпцигѣ, какъ въ Бреславлѣ, стараются соединить пріятное съ полезнымъ, и каждый литературно-музыкальный вечеръ включаетъ въ программу и популярно-научный рефератъ. Такъ, на одномъ изъ прошлогоднихъ вечеровъ д-ръ Шванъ, одинъ изъ директоровъ берлин-

ской „Ураніи", говорилъ о глётчерахъ, иллюстрируя свой рефератъ картинами на экранѣ, а на другомъ вечерѣ профессоръ Маршалль разсказывалъ, въ промежуткѣ между двумя музыкальными нумерами, „о трехъ подаркахъ Америки Европѣ". Эти „подарки" оказались: жучокъ Колорадо, червецъ и филоксера. Профессоръ описалъ подробно какъ этихъ представителей американской „культуры", такъ и вредъ, причиняемый ими картофелю, фруктамъ и виноградным лозамъ. И если противъ смѣшенія научнаго и художественнаго элемента можно возразить довольно мало, то, во всякомъ случаѣ, выборъ подобной темы для популярно-научнаго реферата нельзя назвать особенно удачнымъ, такъ какъ чуть ли не весь контингентъ публики лейпцигскихъ вечеровъ составляютъ рабочіе и ремесленники, плодоводствомъ и виноградарствомъ, конечно, не интересующіеся. Билеты и здѣсь разсылаются для распродажи, во избѣжаніе злоупотребленій со стороны болѣе зажиточной публики, на фабрики и заводы. Цѣна билету — только 10 пфенниговъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ такомъ большомъ городѣ, какъ Лейпцигъ, ежегодно, судя по отчетамъ Verein'а, распродается 18.000 билетовъ. Удивительно лишь то, что ферейнъ не устроиваетъ вдвое или втрое больше вечеровъ, такъ какъ залъ Albertballe вмѣщаетъ только 3.000 чел., а охотниковъ попасть въ залъ — всегда 10—12.000 человѣкъ. Расходы ферейна покрываются всецѣло: при 5.900 мар. дохода, онъ имѣлъ въ прошломъ году 5.650 мар. расхода. Триста-сорокъ членовъ ферейна внесли въ прошломъ году до 4.000 мар., а магистратъ города выдаетъ ежегодно ферейну субсидію въ 1.000 марокъ. Замѣчу еще, что мѣстный „Stadtverein für innere Mission" устроиваетъ время отъ времени Dichter-Abende для народа; послѣдній по времени вечеръ посвященъ былъ Эрнсту-Морицу Арндту, извѣстному профессору, поэту, публицисту и патріоту.

Въ столицѣ Саксоніи также соединяютъ на литературно-музыкальныхъ вечерахъ, устроиваемыхъ тамъ крупнымъ ферейномъ „Volkswohl", научный элементъ съ художественнымъ. Въ качествѣ референтовъ выступаютъ, большей частью, профессора мѣстнаго политехникума или — если рефератъ посвященъ какому-либо вопросу изъ области народной гигіены—мѣстные врачи, и вотъ заглавія нѣсколькихъ рефератовъ, прочитанныхъ на вечерахъ прошлой зимой: „Народная пѣсня", „Князь Бисмаркъ", „Экспедиція Нансена къ сѣверному полюсу", „Праздникъ Рождества", „Геллертъ, его жизнь и произведенія" и т. д. По этому списку можно судить, что темы рефератовъ вполнѣ случайны,

какъ случайны и программы вечеровъ, составленныя по франкфуртскому и лейпцигскому образцу; причемъ здѣсь, въ Дрезденѣ, въ отличіе отъ лейпцигскихъ вечеровъ, допускаются въ качествѣ исполнителей, на-ряду съ выдающимися артистами, и любители или ученики мѣстной консерваторіи. Хоровые нумера, которымъ и въ Дрезденѣ отводится много мѣста, исполняются членами того или другого изъ многочисленныхъ мѣстныхъ пѣвческихъ ферейновъ. Возникъ ферейнъ „Volkswohl" слѣдующимъ образомъ. Въ Дрезденѣ уже съ 1891 г. существуетъ „Союзъ для борьбы съ пьянствомъ", видѣвшій лучшее средство для достиженія своей цѣли въ организаціи разумныхъ народныхъ развлеченій. На шестомъ году своего существованія „Союзъ" выдѣлилъ изъ своей среды особую коммиссію, которой поручено было изыскать средства для устройства литературно-музыкальныхъ вечеровъ для народа, а также выработать программу ихъ. Сначала коммиссіи этой удавалось устроить ежегодно только одинъ вечеръ; но позже, когда онъ включилъ въ программу своей дѣятельности устройство народныхъ клубовъ (Volksheime,—въ Дрезденѣ устроено ихъ три) и организовало для этой цѣли названное общество „Volkswohl", насчитывающее теперь до 6.000 членовъ, явилась возможность устроивать все большее и большее количество вечеровъ и снимать для нихъ залъ, вмѣщающій до 2.000 человѣкъ. Первый вечеръ состоялся 28-го ноября 1886 г. при свободномъ входѣ для всѣхъ желающихъ; въ 1889 г. устроенъ былъ первый вечеръ уже возникшимъ ферейномъ „Volkswohl", совмѣстно съ „Союзомъ для борьбы съ пьянствомъ"; съ 1893 г. устроиваются ежегодно въ Дрезденѣ десять литературно-музыкальныхъ вечеровъ, и изъ нихъ четыре въ Altstadt'ѣ; девяносто-седьмой по счету вечеръ совпалъ съ десятилѣтіемъ существованія ферейна „Volkswohl", и, наконецъ, сотый вечеръ устроенъ былъ въ мартѣ истекшаго года, съ особой торжественностью, въ одномъ большомъ гимнастическомъ залѣ. Я даю здѣсь программу этого вечера, главнымъ образомъ потому, что я до сихъ поръ не привелъ еще, вообще, ни одной программы вечера, лишеннаго господствующаго „лейтъ-мотива", и если эта программа не включаетъ въ себѣ ни одного литературнаго нумера (чтенія или декламаціи), то показываетъ наглядно, какія серьезныя музыкальныя вещи считаютъ возможнымъ предлагать вниманію народа въ Германіи; имена исполнителей, конечно, для насъ неинтересны:

I отд. 1. Рѣчь предсѣдателя ферейна „Volkswohl“ и „Союза для борьбы съ пьянствомъ“, проф. Бёмерта.
2. Скрипичный концертъ G-moll—Бруха.
3. Аріи для баритона:
„Urgrossvaters Gesellschaft“—Лёве.
„Heinrich der Vogler“—его же.
II отд. 4. Рефератъ д-ра мед. Мейнерта.
5. Дуэтъ для двухъ скрипокъ ор. 39.—Шпора.
6. Нумера для исполненія на піанино:
„Moment musical“—Мошковскаго.
„Bourrée“, муз. E. Silas.
7. Три пѣсни Шуберта для баритона solo:
a) Der Lindenbaum; b) Am Meer; c) Trockne Blumen.
8. Скрипичное adagio изъ 9-го концерта Шпора.
Introduktion et Rondo Capriccioso для скрипки, муз. Сенъ-Санса.

VI.

Всѣмъ выше перечисленнымъ вполнѣ исчерпывается, можно сказать, дѣятельность наиболѣе крупныхъ мѣстныхъ организацій, устроивающихъ разумныя развлеченія для неимущихъ классовъ мѣстнаго населенія, но далеко еще не исчерпывается то, что дѣлается въ данной области во всей Германіи, на сѣверѣ и на югѣ, на востокѣ и на западѣ. Чуть ли не въ каждомъ большомъ или среднемъ нѣмецкомъ городѣ уже объединились или объединяются для устройства народныхъ развлеченій профессора, артисты, музыканты и писатели, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній,—представители мѣстной интеллигенціи: адвокаты, судьи, пасторы, учителя мѣстной гимназіи, народные учителя и учительницы, врачи и другія лица; въ одномъ мѣстѣ даже оберъ-прокуроръ мѣстнаго суда значится предсѣдателемъ организаціи, устроивающей литературно-музыкальные вечера для народа. Берлинскій конгрессъ 1897 г. не объединилъ всѣхъ этихъ десятковъ организацій въ одинъ общій союзъ, но создалъ три центральныхъ бюро, въ задачу которыхъ входитъ: 1) посильная помощь въ дѣлѣ устройства народныхъ развлеченій всѣхъ существующихъ типовъ и родовъ; 2) пропаганда въ пользу устройства народныхъ оперныхъ и драматическихъ театровъ, и 3) посредничество въ обмѣнѣ программами между организаціями и отдѣльными лицами, работающими въ области народныхъ развлеченій. Названныя бюро организованы: для сѣверной Германіи въ Берлинѣ (составляютъ его—представители „Шиллеръ“-театра, „Новой свободной народной сцены“ и „Verein'a für Volksunterhaltung“);

для южной Германіи—во Франкфуртѣ, и для Австріи, наконецъ,—въ Вѣнѣ. Другимъ сборнымъ пунктомъ для организаціи и лицъ, принимавшихъ участіе въ берлинскомъ конгрессѣ и интересующихся, конечно, достигнутыми уже результатами въ области разумныхъ народныхъ развлеченій, является также упомянутый уже выше, основанный д-ромъ Лёвенфельдомъ въ октябрѣ 1898 г., ежемѣсячный журналъ „Die Volksunterhaltung", въ програму котораго входятъ: a) руководящія статьи по общимъ и спеціальнымъ вопросамъ въ дѣлѣ устройства народныхъ развлеченій; b) обзоръ существующей и текущей литературы по данному вопросу; c) печатаніе программъ устроиваемыхъ въ томъ или другомъ мѣстѣ вечеровъ, съ подраздѣленіемъ ихъ, въ видахъ общей пользы и руководства при разработкѣ программъ сообразно съ мѣстными условіями, на четыре категоріи: 1) для большихъ,—2) для среднихъ,—3) для маленькихъ городовъ и 4) для деревни; d) хроника и отчеты существующихъ организацій и отдѣльныхъ лицъ, устроивающихъ гдѣ-либо развлеченія для народа. Эту рубрику редакція журнала считаетъ особенно важной, разсматривая ее какъ продолженіе работъ конгресса, на которомъ подведены были итоги всему, что̀ сдѣлано было въ данной области до 1897 г., и отводитъ ей особенно много мѣста, тѣмъ болѣе, что въ корреспондентахъ, реферирующихъ изъ всѣхъ уголковъ Германіи объ устроенныхъ тамъ литературно-музыкальныхъ вечерахъ, недостатка нѣтъ. Изъ Эрфурта, напримѣръ, пишутъ журналу, что тамъ организовался въ прошломъ году особый ферейнъ для устройства народныхъ развлеченій и успѣлъ уже даже устроить пять разнообразныхъ вечеровъ: 1) декламаціонный, со смѣшанной программой; большой рождественскій праздникъ; затѣмъ, вечеръ, посвященный поэтическому и прозаическому описанію природы и быта жителей на о. Гельголандѣ, и, наконецъ, два музыкальныхъ вечера съ исключительно концертной программой. Отчетъ за первый годъ дѣятельности ферейна отмѣчаетъ, что Kaisersaal, вмѣщающій до тысячи человѣкъ, былъ всегда полонъ, и сотни еще уходили отъ дверей зала обратно, не доставши билетовъ, цѣна которымъ была 20 пфенниговъ. Посѣтители собирались изъ самыхъ разнородныхъ слоевъ мѣстнаго населенія; рабочіе, относившіеся сначала недовѣрчиво къ этимъ вечерамъ, составили позже значительный контингентъ посѣтителей. Для привлеченія бо̀льшаго числа рабочихъ предполагаютъ избрать въ правленіе одного представителя ихъ. Во главѣ ферейна стоитъ учитель, нѣкій Штюбингъ. Онъ руководитъ всѣми вечерами, устроиваемыми для народа, а руководство особыми

вечерами, устроиваемыми спеціально для членовъ ферейна и привлекающими порой до 500 чел., поручается одному изъ членовъ правленія поочередно. Въ этомъ большомъ городѣ, въ томъ же большомъ залѣ и съ тѣмъ же успѣхомъ, устроиваетъ „Dichter-Abende“ мѣстный „Учительскій ферейнъ“, очевидно, немного переусердствовавшій, когда выработалъ программу „Гётевскаго“ вечера, длившагося ровно четыре часа.

Въ Гамбургѣ устройство литературно-музыкальныхъ вечеровъ для народа взяло на себя недавно мѣстное „Литературное общество“; первые два вечера посвящены были Шамиссо (рефератъ прочитанъ былъ д-ромъ Лёвенфельдомъ) и Гёте, о жизни и творчествѣ котораго говорилъ многочисленнымъ слушателямъ писатель и учитель Отто Эрнстъ.—Въ Тильзитѣ устроиваемые тамъ, вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вечера носятъ характерное названіе: „Volksabende“. Характеръ вечеровъ, число которыхъ уже превысило пятьдесятъ, самый разнообразный, какъ, напримѣръ: 47-й вечеръ (въ мѣстномъ городскомъ театрѣ)—прологъ и фарсъ Блументаля и Кадельбурга „Столичный воздухъ“; 48-й веч. (въ залѣ Burghalle)—большой рядъ картинъ на экранѣ; 49-й вечеръ (снова въ театрѣ)—пьеса Мюллера „Von Stufe zu Stufe“, и, наконецъ, 50-й веч.—рефератъ, прочитанный проповѣдникомъ Гогге, пѣніе соло и хоровое пѣніе слушателей.—Въ Страсбургѣ первый „Dichter Abend“, посвященный автору „Разбойниковъ“, устроенъ былъ въ октябрѣ прошлаго года по берлинскому образцу. Рефератъ о жизни и творчествѣ Шиллера прочиталъ профессоръ мѣстнаго университета, хорошо извѣстный и какъ ораторъ, Теоб. Циглеръ. Исполнителями явились лучшіе мѣстные артисты, драматическіе и оперные. Большой „Aubette“-залъ былъ переполненъ.—Въ Висбаденѣ устройствомъ вечеровъ для народа занялся мѣстный „Verein für Volksbildung“, привлекшій къ участію выдающихся артистовъ мѣстныхъ театровъ. Въ программу вечеровъ входятъ и научно-популярные рефераты, напримѣръ: „О чахоткѣ и способахъ борьбы съ нею“; до сихъ поръ устроено около 20-ти вечеровъ.—Въ Гёрлицѣ вечера для народа устроиваются мѣстнымъ „Volksbildungs-Verein'омъ“, предсѣдатель котораго пасторъ,—всѣ въ большомъ залѣ „Wilhelm-театра“. Вечера организуются по образцу берлинскихъ „Dichter- und Tondichter-Abende“. Одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ былъ посвященъ упомянутому уже выше популярному силезскому писателю Максу Гейнцелю, о жизни и дѣятельности котораго прочиталъ рефератъ учитель мѣстной гимназіи.—Въ Іенѣ устроиваетъ литературно-музыкальные вечера для народа мѣстное отдѣленіе „Общества имени

Коменіуса", начиная съ 1894 г., по четыре-пять вечеровъ ежегодно зимою. Программа вечеровъ смѣшанная; въ нее входятъ и живыя картины съ объяснительнымъ текстомъ. Цѣна за входъ—20 пфенниговъ, причемъ каждый посѣтитель получаетъ афишку съ отпечатаннымъ въ ней текстомъ исполняемыхъ пѣсенъ. Залъ, въ которомъ устроиваются эти вечера, всегда биткомъ набитъ.— Въ Килѣ число литературно-музыкальныхъ вечеровъ, устроиваемыхъ тамъ опять-таки по смѣшанной программѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, въ большомъ залѣ Kolosseum'а, уже превзошло шестьдесятъ. Въ устройствѣ этихъ вечеровъ принимаютъ дѣятельное участіе учителя мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеній, берущіе на себя и чтеніе научно-популярныхъ рефератовъ.—Въ Барменѣ вечера устроиваются гораздо рѣже и носятъ исключительно музыкальный характеръ: послѣдній вечеръ былъ посвященъ Мендельсону-Бартольди; на предпослѣднемъ исполнена была, при участіи наилучшихъ солистовъ и при полномъ составѣ оркестра, ораторія Гайдна: „Die Jahreszeiten". На первомъ вечерѣ профессоръ Гертеръ говорилъ о жизни и творчествѣ Мендельсона-Бартольди. Ораторія Гайдна привлекла около 2.500 слушателей, несмотря на то, что за входъ взимается въ Барменѣ 50 пфенниговъ. — Въ Глогау вечера, устроиваемые мѣстнымъ „Gewerbeverein'омъ", также носятъ музыкальный характеръ, и если нельзя ничего возразить противъ серьезной музыки, предлагаемой тамъ народу, то тема реферата, который былъ недавно прочитанъ на вечерѣ въ Глогау, а именно: „О сонатахъ Бетховена", для народа мало интересна, если не совсѣмъ непонятна.—Въ Кёнигсбергѣ—и на этомъ городѣ мы покончимъ съ перечисленіемъ болѣе или менѣе крупныхъ городовъ, такъ какъ подробный подсчетъ всему, что̀ дѣлается въ полусотнѣ другихъ городовъ для насажденія народныхъ развлеченій, завелъ бы слишкомъ далеко, — первый литературно-музыкальный вечеръ для народа устроенъ былъ въ мартѣ 1892 г., а на дняхъ состоялся уже пятидесятый. Лишь только появляются въ мѣстныхъ газетахъ объявленія о предстоящемъ вечерѣ, какъ афишки, замѣняющія собой билеты и продающіяся въ двухъ опредѣленныхъ мѣстахъ, по 10-ти пфенниговъ за штуку, берутся публикой нарасхватъ. Но наемъ большихъ залъ обходится въ Кёнигсбергѣ очень дорого, и потому комитетъ, устроивающій эти вечера, никогда не имѣлъ къ своимъ услугамъ зала, вмѣщающаго болѣе 450 человѣкъ. Само собой разумѣется, залъ всегда биткомъ набитъ. Вечера начинаются, обыкновенно, ровно въ 7½ час. вечера общей хоровой пѣсней или рефератомъ, и вотъ темы нѣкоторыхъ прочи-

танныхъ тамъ рефератовъ: „Жилище рабочаго“; „Обученіе домоводству“; „О наслажденіи природой“; „Рождество въ старину и теперь“; „О воспитаніи дѣвочекъ“; „Нѣмецкая народная пѣсня“; „Достопримѣчательности Кёнигсберга“; „Дѣтскіе журналы и книги“; „Суевѣріе и воспитаніе“; „Изъ исторіи Кёнигсберга“; „О читальняхъ и библіотекахъ“; „Кое-что о носѣ“; „О лавинахъ“; „О томъ, какъ составляютъ газету“; „Море и его обитатели“; „Говорящіе камни“; „О звѣздахъ“; „О томъ, существуютъ ли привидѣнія“; „Нѣмецкая семейная жизнь въ старину“, и т. д., и т. д. По словамъ членовъ упомянутаго мѣстнаго комитета, въ первое время посѣтители вечеровъ не могли услѣдить за референтомъ, и поэтому выносили очень мало изъ прослушанныхъ рефератовъ; но теперь большинство постоянныхъ посѣтителей уже пріучилось сосредоточиваться и слѣдить за ходомъ мыслей референта. Публика кёнигсбергскихъ вечеровъ любитъ, по наблюденіямъ членовъ комитета, въ поэзіи и прозѣ, главнымъ образомъ, трогательное или же юмористическое, напр. произведенія Фрица Рейтера. Но музыкальные нумера доставляютъ ей еще большее наслажденіе, нежели декламаціонные, и чуть ли не каждый слушатель старается затаить дыханіе, чтобы не проронить ни звука. Главный контингентъ публики составляютъ женщины; мужской полъ представляетъ, большей частью, молодежь. Конечно, приходятъ на вечера и лица, которыя въ состояніи платить болѣе, нежели 10 пфенниговъ за входъ, но большинство составляютъ все-же ремесленники, чиновники и служащіе, а также народные учителя и семьи всѣхъ ихъ. Комитетъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ дамъ (комитетъ этотъ выдѣлился въ свое время изъ среды членовъ женскаго ферейна „Frauenwohl“), старается, чтобы часть билетовъ попала въ руки домашней прислуги, прачекъ и т. п., а также посылаетъ билеты въ пріюты для нищихъ женщинъ и въ инвалидные дома...

Произвести подробный подсчетъ литературно-музыкальнымъ вечерамъ, устроиваемымъ въ многочисленныхъ германскихъ городкахъ и деревняхъ, невозможно. Даже „Общество для распространенія просвѣщенія въ народѣ“, подъ эгидой и высшимъ руководствомъ котораго эти вечера устроиваются, не обладаетъ сколько-нибудь достаточнымъ статистическимъ матеріаломъ. Центральное бюро „Общества“, обыкновенно, не требуетъ отъ входящихъ въ его составъ образовательныхъ ферейновъ годовыхъ отчетовъ, и этимъ объясняется то обстоятельство, что когда бюро сдѣлало, въ 1895 г., подобный запросъ, прислали свои отчеты только 154 образовательныхъ ферейна изъ 1.200 получившихъ

упомянутый запросъ организацій. Изъ присланныхъ отчетовъ, по словамъ генеральнаго секретаря „Общества", учителя I. Тевса, видно было, что 154 организаціи устроили до 500 литературно-музыкальныхъ вечеровъ, но это еще не означаетъ, конечно, что остальныя 7/8 организацій, числящихся членами центральнаго „Общества", устроили до 3.500 вечеровъ!..

Мысль объ организаціи „Обществомъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ для народа" возникла въ 1891 г., на очередномъ конгрессѣ въ Мускау, гдѣ по этому вопросу реферировали Ламмерсъ, такъ много поработавшій уже въ данной области въ Сѣверной Германіи, и Загнеръ. На конгрессѣ была принята соотвѣтствующая резолюція, и центральное бюро занялось немедленно же подготовительной работой. Само собою разумѣется, что о непосредственномъ руководствѣ вечерами не могло быть и рѣчи. Бюро предоставило всѣмъ входящимъ въ составъ „Общества" организаціямъ устроивать вечера подъ руководствомъ своихъ правленій, мѣстнаго пастора и учителя, но облегчило имъ значительно работу изданіемъ особой книжки—„Die Volksunterhaltungsabende", съ соотвѣтствующими совѣтами, указаніями, программами и т. д. Книжка эта, изданная въ количествѣ 2.000 экземпляровъ, быстро разошлась, хотя ее посылали только тѣмъ организаціямъ и отдѣльнымъ лицамъ, которыя обращались въ бюро „Общества" съ спеціальнымъ требованіемъ. Второе изданіе книжки, отпечатанное на этотъ разъ уже въ количествѣ 3.000 экземпляровъ, разошлось столь же быстро, а теперь подходитъ къ концу и третье. И если этотъ фактъ распродажи трехъ изданій руководства говоритъ самъ за себя, то есть еще одинъ моментъ, доказывающій многочисленность устроиваемыхъ въ деревняхъ и городкахъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, вѣрнѣе—„научно-литературно-музыкальныхъ", такъ какъ общество придерживается принципа необходимости смѣшенія художественнаго элемента съ научнымъ.

Когда образовательные ферейны принялись, согласно паролю, отданному на конгрессѣ въ Мускау: „Macht die Köpfe hell und die Herzen warm!",—устроивать въ различныхъ уголкахъ Германіи свои литературно-музыкальные вечера, центральное бюро приступило къ печатанію въ органѣ „Общества" („Bildungsverein") поступавшихъ къ нему программъ вечеровъ и рецензій относительно ихъ успѣха у мѣстной публики. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ число устроиваемыхъ повсюду вечеровъ возросло до того, что бюро не имѣетъ возможности печатать всѣхъ рецензій на столбцахъ своего органа и ограничивается только регистраціей поступающаго матеріала.

Какова же программа этихъ вечеровъ? Что̀ предлагаетъ „Общество“ деревенскому люду и мелкому бюргерству маленькихъ городовъ? Вмѣсто отвѣта, приведемъ отпечатанную въ журналѣ „Die Volksunterhaltung“, какъ образецъ, программу вечера, устроеннаго въ декабрѣ прошлаго года въ Рибинцѣ,—городкѣ съ 4.500 жителями—при участіи мѣстнаго пѣвческаго ферейна и городского оркестра: I отдѣленіе: 1) №№ для оркестра: увертюра изъ оперы „Zampa“ и гавоттъ Забатиля „Wonnetraum“; 2) хоровые №№: „In stiller Nacht“ и „Die Wollust in der Mayen“ Брамса; 3) рефератъ д-ра медицины Іозефа „О прививкѣ оспы“. Пауза. II отдѣленіе: 4) №№ для оркестра: увертюра изъ оперы Амбруаза Тома̀ „Раймундъ“ и „Märchenbilder“, музыка Мора; 5) арія для сопрано изъ оперы Моцарта „Свадьба Фигаро“; 6) хоровые №№: двѣ пѣсни малоизвѣстныхъ композиторовъ; 7) романсъ Венцеля „Süsses Sehnen“, для струннаго оркестра; 8) живая картина „Святая ночь“, со словами и пѣніемъ, при участіи десяти дамъ и дѣтей.

На этомъ мы закончимъ мое обозрѣніе всего того, что̀ дѣлается въ Германіи для народа въ одной только области разумныхъ развлеченій, и я подчеркиваю еще разъ, что достигнутые результаты — всецѣло дѣло рукъ *частныхъ лицъ*, посвятившихъ себя вполнѣ безкорыстному служенію на благо народа. Ихъ просвѣтительная работа находитъ себѣ, конечно, и здѣсь враговъ, но, къ счастью, немногочисленныхъ и безсильныхъ. И если берлинскому конгрессу посланъ былъ замаскированный упрекъ въ томъ, что онъ слишкомъ много заботится о народѣ, то д-ръ Лёвенфельдъ возразилъ съ правомъ въ своей заключительной рѣчи: „Это могутъ сказать одни только глупцы... Развѣ мы сами не составляемъ части народа, и развѣ есть, вообще, граница для заботъ о народѣ“?! Если это говорится въ культурной Германіи, то какая широкая область для просвѣтительной дѣятельности остается у насъ пока совершенно незатронутою!..

М. Сукенниковъ.

Берлинъ.

НА РИВЬЕРѢ

I.

Не море теплыми волнами
Несетъ поэту сладость грёзъ,—
Не солнце жаркими лучами
Коснулось сердца туберозъ,—
Не пальмы гордыя склонились
Передъ ликующей грозой,—
И не звѣзда съ звѣздою слились
Подъ дымкой ночи голубой...
То мы,—въ тоскѣ воспоминанья,
Не видя свѣту впереди,
То мы,—подъ тяжестью страданья,—
Скрестили руки на груди.

II.

ОЛИВЫ.

Благоуханіе садовъ,
Подъ гнётомъ зрѣющихъ плодовъ;
Обмѣны взглядовъ, съ поволокой,
Во мглѣ душистой и глубокой;
Среди цвѣтовъ, среди зыбей,
Игра волшебная лучей;

Шумъ вѣчный моря, нѣги полный,
Аквамариновыя волны,—
Стихійный блескъ въ лазури дня...
Край упоенья! Край огня!

Но тамъ, подъ деревомъ миндальнымъ,
Гдѣ бирюзовый бьетъ заливъ,
Въ уборѣ строгомъ и печальномъ,
Есть рядъ задумчивыхъ оливъ...
Зачѣмъ, о, югъ! твои оливы
Всегда темны, всегда стыдливы?..
Иль не въ твоей, красавецъ, власти
Залить ихъ лавой огневой?
Иль не смутить приливомъ страсти
Оливы дѣвственный покой?..
Знай: на пиру твоемъ гигантскомъ
Давно ей, сирой, мѣста нѣтъ;
Давно, о садѣ Геѳсиманскомъ
Храня мучительный завѣтъ,
Она пріяла скорби наши...
Вся радость міра ей чужда;
Она не въ силахъ никогда
Забыть Моленія о Чашѣ.

Е. К. Остенъ-Сакенъ.

Ментона.
Декабрь 99 г.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
СУВОРОВЪ

ОЧЕРКЪ.

По поводу столѣтія со дня его кончины, 6-го мая 1900 года.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1])

I.

Воцареніе имп. Павла I должно было повлечь за собою значительныя перемѣны: оно обозначало собою отрицаніе всѣхъ реформъ предшествовавшаго царствованія; при этомъ, правда, отрицались также и недостатки, обнаружившіеся особенно въ послѣдніе его годы, когда успѣли вкрасться многія злоупотребленія не только въ военно-административныя сферы, но и въ самыя войсковыя части, не говоря уже о другихъ вѣдомствахъ. Непорядки часто бросались въ глаза и доходили до размѣровъ скандала. А между тѣмъ армія служила своему отечеству въ военное время попрежнему превосходно и являлась попрежнему побѣдоносною. Такимъ образомъ, и при всѣхъ своихъ недостаткахъ, она обладала жизненнымъ началомъ, а потому исправлять ихъ надобно было съ особенною осмотрительностью и осторожностью, чтобы не затронуть вмѣстѣ съ тѣмъ и здоровыхъ ея элементовъ. Но имп. Па-

[1]) См. выше: январь, 136 стр.

велъ приступилъ къ дѣлу, не имѣя въ виду подобныхъ соображеній, и въ массѣ предпринятыхъ имъ реформъ не было различія между важнымъ и мелкимъ, существеннымъ и малозначащимъ, или, что̀ еще хуже, важное ставилось на задній планъ, а мелочное выдвигалось впередъ. Всѣ, отъ фельдмаршала до послѣдняго рядового, были погружены въ безчисленныя мелочи, въ букву, а духъ, сущность, сводились на низшую ступень, или вовсе отрицались. Приготовленіе войска къ боевой службѣ отечеству утратило смыслъ воспитанія и образованія, а спустилось до дрессировки, сдѣлалось дѣтской игрой въ солдатики, причемъ опытные и серьезные люди могли дѣйствовать лишь вслѣдствіе давленія сверху. Такое давленіе сверху и внушаемый имъ страхъ являлись единственными двигателями воли каждаго; понятіе о долгѣ, о совѣсти, замѣнялось чувствомъ боязни, инстинктомъ самосохраненія. Оно и не могло быть иначе, когда сверху то-и-дѣло разражалась ничѣмъ не сдерживаемая горячность, необычайная раздражительность, болѣзненная подозрительность, нервное нетерпѣніе, отсутствіе всякой во всемъ мѣры, убивающая мелочность и полное отрицаніе въ подчиненныхъ человѣческаго достоинства и свободной воли. Все это сводилось къ заключенію, высказанному однимъ изъ лично преданныхъ имп. Павлу лицъ: „сердце его наполнено желчи, и душа—гнѣва“.

Суворовъ находился въ совершенно удовлетворительныхъ отношеніяхъ къ наслѣднику Павлу Петровичу, и они сохранились у Суворова до самаго вступленія Павла I на престолъ. Не имѣя противъ Суворова ничего прямо непріязненнаго, императоръ, однако, не чувствовалъ къ нему настоящаго расположенія, и былъ относительно его какъ бы на сторо̀жѣ. Почти то же самое, по рефлексіи, происходило и въ Суворовѣ, помимо вѣрноподданнической преданности. Онъ не зналъ Павла I такъ близко, какъ многіе другіе, а потому первое время ощущалъ гораздо меньше опасеній за свое будущее. Въ частной перепискѣ своей онъ выражалъ даже симпатію многимъ мѣропріятіямъ новаго императора и восхвалялъ его за то, что онъ „повалилъ кумировъ“. Онъ даже рѣшился, при одномъ изъ самыхъ первыхъ представленій императору, ходатайствовать объ освобожденіи поляковъ, содержавшихся въ Петербургѣ, вопреки объявленной имъ въ свое время амнистіи, и поляки были дѣйствительно освобождены, но, вѣроятно, по собственной инціативѣ Павла. Все это, однако, очень скоро миновало, и, на глазахъ у Суворова, картина радикально измѣнилась. Началось съ мелочей: посылка офицеровъ вмѣсто фельдъегерей; увольненіе ихъ въ от-

пускъ вопреки новаго устава; просьба объ измѣненіи дислокаціи нѣкоторыхъ полковъ; ходатайство объ оставленіи подъ его, Суворова, командой одного генерала и т. п. Усматривая въ каждой мелочи преступленіе и дѣйствуя всегда стремительно, Павелъ I выразилъ какъ-то Суворову свое неудовольствіе, а потомъ дважды объявилъ ему въ приказѣ выговоръ. Суворовъ долженъ былъ, такимъ образомъ, убѣдиться, что новые порядки противорѣчатъ всему складу его, Суворова, понятій, всему опыту его побѣдной военной жизни и даже національному чувству. Войны въ то время не было, и она не предвидѣлась, а мирная служба Суворова, очевидно, шла бы въ разрѣзъ съ требованіями императора. Суворовъ рѣшился временно устраниться отъ службы и, послѣ перваго объявленнаго ему неудовольствія, подалъ прошеніе объ увольненіи его въ годовой отпускъ. Императоръ сухо отказалъ и еще сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе. Теперь сомнѣніямъ не могло быть мѣста: Суворовъ окончательно убѣдился изъ всѣхъ распоряженій и повелѣній, а также изъ сдѣланныхъ ему замѣчаній и выговоровъ, что онъ рѣшительно не годенъ для службы, олицетворяемой новыми требованіями. Служба эта была бы для отечества безполезна, а для него самого вредна и могла бы кончиться катастрофой,—а потому онъ подалъ въ отставку. Рѣшеніе пришло скорѣе, чѣмъ можно было ожидать: императоръ отставилъ его отъ службы, до полученія имъ прошенія; а чтобы усилить Суворову всю горечь кары,—обратилъ его вниманіе на это обстоятельство особымъ правительственнымъ сообщеніемъ.

Подавая въ отставку, Суворовъ предположилъ поселиться въ своемъ большомъ Кобринскомъ имѣніи, пожалованномъ ему Екатериной, и тамъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Съ этою цѣлью онъ склонилъ 18 офицеровъ тоже оставить службу и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Кобринъ, въ смыслѣ помощниковъ и подручниковъ, которые получатъ вознагражденіе въ видѣ деревень, отданныхъ имъ въ полную собственность. Офицеры согласились. Но Суворовъ долго еще оставался въ Тульчинѣ, вѣроятно, въ ожиданіи разрѣшенія государя на отъѣздъ, и выѣхалъ лишь въ концѣ марта 1797 года. Въ Кобринѣ онъ первые дни, конечно, блаженствовалъ, но этими немногими днями и ограничилось его тамошнее пребываніе. Императоръ Павелъ хотя и не отличался большой злопамятностью и былъ, вообще, человѣкъ очень перемѣнчивый, но на этотъ разъ неблаговоленіе къ Суворову залегло у него глубоко въ сердцѣ. Онъ рѣшился не только отнять у него свободу и независимость, на которыя тотъ разсчитывалъ, но осудить его на неволю, притомъ поднадзорную, обративъ от-

ставку въ ссылку. Въ концѣ апрѣля пріѣхалъ въ Кобринъ коллежскій ассессоръ Николевъ, предъявилъ Суворову именное высочайшее повелѣніе и на слѣдующее утро выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ его боровичское имѣніе, которое государь предназначилъ Суворову для жительства. Приблизительно черезъ мѣсяцъ, Николевъ вернулся въ Кобринъ, арестовалъ 18 офицеровъ, вышедшихъ съ Суворовымъ въ отставку, и привезъ ихъ въ Кіевъ. Здѣсь они были посажены въ крѣпость, но потомъ освобождены и распущены по домамъ; нѣкоторые изъ нихъ возвратились въ Кобринъ и поселились тамъ въ помѣщичьемъ домѣ.

Доставивъ отставного фельдмаршала въ село Кончанское, Николевъ передалъ надзоръ за нимъ боровичскому городничему, премьеръ-майору Вындомскому. Суворовъ поселился въ ветхомъ помѣщичьемъ домѣ, который на лѣтнее время для жилья, съ горемъ пополамъ, годился. Въ іюлѣ пріѣхала къ нему дочь съ братомъ и маленькимъ сыномъ, прогостила больше двухъ мѣсяцевъ, несмотря на капитальныя неудобства, и когда уѣхала, Суворовъ сильно по ней скучалъ и даже плакалъ. Надзоръ за нимъ Вындомскаго былъ довольно легкій, но разъѣзды по сосѣдямъ запрещены, письма перехватывались и вскрывались; пріѣзжіе изъ Кобрина по хозяйственнымъ дѣламъ допускались не всѣ; донесенія о Суворовѣ посылались еженедѣльно. Вындомскій очень тяготился своею ролью, да и не могъ исполнять порученіе какъ слѣдуетъ, потому что у него были свои прямыя служебныя обязанности, а потому просилъ уволить его отъ присмотра за Суворовымъ. Резоны его были справедливы; присмотръ возложили на Николева, который и пріѣхалъ въ сентябрѣ. Суворовъ оставилъ помѣщичій домъ, по случаю холоднаго времени, и поселился въ концѣ села, въ избѣ. Онъ вставалъ за два часа до свѣта, пилъ чай, обливался водою; на разсвѣтѣ шелъ въ церковь, гдѣ стоялъ заутреню и обѣдню, пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостола. Обѣдъ подавался въ семь часовъ; послѣ обѣда Суворовъ спалъ, потомъ обмывался; въ свое время шелъ къ вечернѣ, звонилъ на колокольнѣ и занимался дома церковнымъ пѣніемъ по нотамъ; изрѣдка бывали у него гости, деревенскіе сосѣди. Были у него и другія занятія: строился въ усадьбѣ новый домъ, рубились службы, бесѣдки и свѣтелки, сажались плодовыя деревья, разводились огороды. Хаживалъ онъ также по крестьянскимъ дворамъ, мирилъ ссоры, слаживалъ свадьбы, праздничалъ на вѣнчаніяхъ и крестинахъ; присматривалъ, какъ дворовые обучались пѣнію, а ребятишки—грамотѣ; бывалъ и на поляхъ у крестьянской работы. Онъ жаловался на здоровье и становился все раздражительнѣе,

особенно на святкахъ, которыя онъ привыкъ проводить въ забавахъ; не проходило дня, чтобы онъ не побилъ кого-нибудь изъ своихъ людей.

Николевъ доносилъ, что фактическій надзоръ за Суворовымъ, особенно секретный, какъ это требовалось, былъ совершенно невозможенъ. Слова Николева были справедливы, но въ Петербургѣ имъ не давали цѣны и подтверждали прежнія требованія. Въ сущности, Николевъ могъ надоѣдать, досаждать Суворову, но отнюдь не контролировать его; а между тѣмъ требовалось именно послѣднее, а первое не дозволялось. Такимъ образомъ, эта характерная трагикомедія тянулась, нанося большой нравственный ущербъ,—но, конечно, не Суворову. Къ его непріятностямъ, скукѣ и тоскѣ прибавился скоро и матеріальный ущербъ. А именно: во-первыхъ, на него обрушилась цѣлая масса казенныхъ и частныхъ взысканій, и, во-вторыхъ, въ Кобринѣ установилась неурядица, переходившая въ грабительство.

Пока Суворовъ находился въ силѣ и почетѣ, все вокругъ него безмолвствовало, никто не заявлялъ на него какихъ-либо неудовольствій; а какъ только онъ впалъ въ безпомощное состояніе опальнаго, картина сразу измѣнилась. Одинъ майоръ заявилъ, что въ послѣднюю польскую войну онъ израсходовалъ, по словесному приказанію Суворова, на фуражъ, 8.000 рублей, и по настоящее время ихъ не получилъ. Другой, полковникъ, донесъ, что издержалъ на продовольствіе своего полка 4.000 р., тоже по личному распоряженію Суворова, и просилъ ихъ взыскать. Третій, польскій графъ Ворцель, подалъ прошеніе о взысканіи съ главнокомандовавшаго русской арміей стоимость поташа и корабельнаго лѣса, конфискованнаго въ Брестѣ-Литовскомъ, какъ военная добыча, и претензію свою оцѣнивалъ въ 28.000 рублей. Четвертый, польскій майоръ Выгановскій, писалъ, что въ сраженіи подъ Крупчицами отъ русскихъ гранатъ сгорѣло мѣстечко и помѣщичій домъ, за что и просилъ взыскать съ Суворова 36.000 рублей. Затѣмъ одинъ московскій фабрикантъ жаловался Суворову, что чрезъ коммиссіонеровъ онъ, Суворовъ, сторговалъ его домъ, но не купилъ, хотя находившаяся въ домѣ ситцевая фабрика была закрыта, и такимъ образомъ въ результатѣ получился большой убытокъ. А наконецъ и Варвара Ивановна, жена Суворова, находившаяся дѣйствительно въ бѣдственномъ положеніи, прислала къ нему нарочнаго съ письмомъ; но такъ какъ Суворовъ ее не удовлетворилъ, то она обратилась съ прошеніемъ къ государю. Вообще, всѣхъ претензій скопилось на 100.000 рублей слишкомъ; онѣ не подверглись не

только разслѣдованію, но и простому опросу Суворова, а прямо назначены ко взысканію, хотя при малѣйшемъ прикосновеніи критики оказывались сразу несостоятельными. Исключеніемъ служила лишь просьба Выгановскаго, какъ совершенно безсмысленная. Варварѣ Ивановнѣ, вмѣсто 3.000 руб., которые ежегодно она получала отъ мужа, приказано дать домъ для жительства (въ Москвѣ) и 8.000 руб. годового содержанія.

Не меньшій матеріальный ущербъ грозилъ изъ Кобрина. По внезапномъ отъѣздѣ оттуда Суворова, положеніе офицеровъ сдѣлалось неопредѣленнымъ и такимъ оставалось по возвращеніи ихъ въ Кобринъ, послѣ кіевскаго ареста. Они оставались безъ дѣла, жили на счетъ Суворова, или же, завладѣвъ участками, вели хищническое хозяйство. Притомъ, число ихъ выростало; новые охотники до легкой наживы прибывали отовсюду. Они старались урвать что можно, ссорились, сплетничали другъ на друга, посылали одинъ на другого и на главноуправляющихъ доносы. Главноуправляющіе, которыхъ смѣнилось уже трое, грабили Суворовское добро еще пуще. Положеніе создалось для него безвыходное; ибо ѣхать онъ туда не могъ, переписка его перехватывалась или доходила неисправно, личные переговоры допускались лишь съ очень немногими. Суворовъ сталъ убѣждаться, что приглашеніе въ Кобринъ офицеровъ, съ надѣломъ ихъ деревнями, представлявшееся мѣрою благодѣтельною для хозяйства, теперь оказывается капитальнымъ зломъ, которое нужно устранить безъ замедленія. Онъ остановился на мысли, внушенной ему главноуправляющимъ, что лучше всего дать офицерамъ отступного, и такимъ образомъ избавиться отъ нихъ съ помощью какихъ-нибудь 30.000 рублей. Въ этомъ смыслѣ и были поручены главноуправляющему переговоры съ офицерами. Вообще, хаосъ царилъ въ Кобринѣ вездѣ и во всемъ; а вмѣстѣ съ хаосомъ—грабежъ или, по меньшей мѣрѣ, присвоеніе собственности довѣрителя. Удивительно еще, какъ уцѣлѣли жалованные Суворову бриліанты и благополучно доставлены ему въ Кончанскъ: ихъ было больше, чѣмъ на 300.000 рублей.

Наступилъ 1798-й годъ. Пребываніе Суворова въ деревнѣ становилось все скучнѣе и тоскливѣе. И вдругъ все измѣнилось: въ половинѣ февраля предъ нимъ предсталъ племянникъ его, подполковникъ князь Андрей Горчаковъ, флигель-адъютантъ, съ приглашеніемъ отъ государя—пріѣхать въ Петербургъ. Вѣрнѣе всего, имп. Павломъ руководило при этомъ желаніе—дать отставному фельдмаршалу возможность повиниться и сдѣлать первый шагъ къ возвращенію на службу. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Суворовъ

отказался ѣхать наотрѣзъ, но потомъ, изъ доводовъ племянника, убѣдился, что такое рѣшеніе можетъ вывести государя изъ себя и повлечь Богъ-знаетъ какія послѣдствія. Суворовъ согласился нéхотя, но сказалъ, что поѣдетъ не торопясь, проселочными дорогами. Племянникъ пришелъ въ ужасъ, зная нетерпѣніе государя; но дядя не поддался. Императоръ, дѣйствительно, ждалъ, считая не дни, а часы. Пріѣхавъ вечеромъ, Суворовъ явился къ государю на слѣдующее утро, былъ принятъ милостиво и приглашенъ къ разводу. Но этотъ первый день ясно показалъ, что отъ пріѣзда Суворова ничего хорошаго ожидать нельзя. Онъ велъ себя такъ причудливо, издѣвался надъ придворными во дворцѣ, показывалъ умышленное невниманіе къ происходившему разводу и подходилъ нѣсколько разъ къ Горчакову со словами: „Нѣтъ, не могу, уѣду". Горчаковъ указывалъ ему на все неприличіе такого поступка въ присутствіи государя, но дядю не убѣдилъ. „Не могу, брюхо болитъ",—сказалъ онъ и уѣхалъ. Государь былъ огорченъ, но сдерживался и, призвавъ Горчакова, приказалъ ему потребовать отъ Суворова объясненія. Горчаковъ прискакалъ къ дядѣ; тотъ лежалъ на диванѣ, раздѣтый, и, выслушавъ племянника, отвѣчалъ ему, что поступитъ на службу не иначе, какъ съ полною властью фельдмаршала екатерининскаго времени. Горчаковъ сказалъ, что передать подобныя слова государю онъ не можетъ. Суворовъ отвѣчалъ: „Передавай, что̀ хочешь". Горчаковъ поѣхалъ къ государю съ отвѣтомъ, и принужденъ былъ, конечно, солгать. То же самое, или, вѣрнѣе сказать, однородное происходило и въ слѣдующіе дни. Государь приглашалъ Суворова къ столу, на разводы, обращался съ нимъ любезно и милостиво; а Суворовъ былъ какъ бы пропитанъ сарказмомъ и не упускалъ случая осмѣять новыя правила службы, обмундированіе, снаряженіе, не только въ отсутствіи, но и въ присутствіи имп. Павла. Въ концѣ концовъ это могло грозить чѣмъ-нибудь серьезнымъ, что̀ Суворовъ, конечно, понималъ, а потому выбралъ удобное время и попросилъ у государя позволенія—возвратиться въ деревню. Императоръ согласился съ видимымъ неудовольствіемъ.

Вернувшись домой въ Кончанскъ, Суворовъ первое время наслаждался своей свободой, тѣмъ болѣе, что Николевъ уѣхалъ совсѣмъ; но потомъ все преобразилось на прежній ладъ, хотя надзоръ за нимъ уже не возобновлялся. Варвара Ивановна добилась, что Суворовъ уплатилъ за нее 22.000 рублей долга. Кобринскія дѣла, по наружности, какъ будто налаживались, но въ сущности шли все хуже. На отступное согла-

сились лишь немногіе офицеры, а остальные предпочли предоставить рѣшеніе суду. Дѣло о взысканіяхъ съ Суворова тоже росло, т.-е. прибавлялись новыя претензіи. Народились также думы и заботы о сынѣ. Аркадію минуло 14 лѣтъ; онъ жилъ у своей сестры, за глазами отца, подъ ближайшимъ руководствомъ воспитателя, Сіона, но его воспитаніе и образованіе видимо шли неудовлетворительно. Потомъ онъ перешелъ на попеченіе Хвостова, съ замѣною Сіона Канищевымъ, чѣмъ отецъ его былъ очень доволенъ. Въ эту же пору, Суворовъ составилъ новое завѣщаніе, въ смыслѣ дополненія перваго, написаннаго раньше. Сыну онъ оставлялъ родовыя и за службу пожалованныя имѣнія, домъ въ Москвѣ и жалованные бриліанты, а дочери — благопріобрѣтенныя имѣнія и купленные бриліанты. Но всѣ эти заботы и труды были недостаточны, чтобы заполнить собою ту массу свободнаго времени, которая, такъ сказать, давила Суворова, привыкшаго къ дѣятельности непрерывной и безпокойной. Прочія занятія шли прежнимъ порядкомъ; въ ихъ кругѣ чтеніе занимало видное мѣсто, но читалъ онъ все-таки меньше, чѣмъ желалъ, потому что ослабѣли глаза. Чтеніе его было энциклопедическое, преимущественно историческое; онъ читалъ также современныя газеты, ибо внимательно слѣдилъ за ходомъ политическихъ и военныхъ дѣлъ. Однажды государь даже прислалъ къ нему знакомаго ему генерала, чтобы узнать его мнѣніе о текущихъ событіяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ скучалъ сильно, и не только скучалъ, но тосковалъ, почти не выходя изъ тяжелаго состоянія крайней раздражительности. Здоровье его, вообще, замѣтно пошатнулось; безпримѣрный переворотъ въ его судьбѣ не могъ пройти безслѣдно: душевная сила Суворова не поколебалась, воля не была сломлена,—но тѣмъ сильнѣе сказывалось внутреннее потрясеніе. Оно грозило даже принять характеръ хроническій; ибо хотя проживаніе въ Кончанскѣ было теперь какъ будто добровольнымъ и безнадзорнымъ, но это только повидимому, а въ сущности всякое отступленіе отъ уединенной, опальной жизни грозило Суворову непріятностью и вызывало его на объясненіе. Въ дѣйствительности, душевное состояніе его походило на острую, мучительную болѣзнь, принявшую хроническое теченіе. Такому состоянію необходимъ былъ исходъ, и вотъ, въ декабрѣ 1798 года, Суворовъ посылаетъ государю прошеніе о дозволеніи ему поступить въ Нилову пустынь, гдѣ онъ намѣренъ окончить свои дни на службѣ Богу, и подписывается: „всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ“. Отвѣта не послѣдовало, потому что приближалась совсѣмъ другая развязка. Въ началѣ

февраля 1799 года, прискакалъ въ Кончанское флигель-адъютантъ съ рескриптомъ государя: имп. Павелъ приглашалъ Суворова предводительствовать соединенною русско-австрійскою арміею въ Италіи, въ войнѣ противъ французовъ. Суворовъ былъ ошеломленъ; его духовная натура опять подверглась сильному и глубокому потрясенію. Но первое впечатлѣніе прошло скоро, и на другой уже день Суворовъ былъ въ дорогѣ, спѣша въ Петербургъ.

Императоръ Павелъ, какъ мы сказали выше, отказался отъ военныхъ проектовъ и предпріятій Екатерины II и отмѣнилъ приготовленіе русскаго корпуса къ войнѣ съ французами. Это повелѣніе не представляло, однако, изъ себя ничего твердаго и необоримаго. При феноменальной нервозности, впечатлительности и перемѣнчивости Павла I, могло народиться совсѣмъ другое рѣшеніе, если обстоятельства сложатся сколько-нибудь благопріятно для новаго направленія. Такъ и случилось. Появилось одно за другимъ нѣсколько благопріятныхъ обстоятельствъ; стали нарождаться съ обѣихъ сторонъ, Франціи и Россіи, поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Кончилось тѣмъ, что темпераментъ имп. Павла не выдержалъ; политика реальныхъ интересовъ уступила мѣсто вмѣшательству Россіи въ дѣло, вовсе до нея не касавшееся, и она примкнула къ коалиціи, рѣшилась послать за-границу свои войска, и дала своего знаменитаго полководца въ главнокомандующіе. Коалиція составилась изъ Англіи, Россіи, Австріи, Турціи и Неаполя; назначеніе Суворова состоялось по иниціативѣ Англіи, склонившей къ тому вѣнскій дворъ; они совмѣстно ходатайствовали объ этомъ предъ русскимъ императоромъ.

„Суворовъ явился изъ заточенія тощъ и слабъ, но живой духъ удержалъ—и безъ блажи ни на пядь“,—говорится въ одномъ современномъ письмѣ. Онъ, дѣйствительно, не сдерживалъ своей причудливой натуры, прорывавшейся въ сотнѣ разныхъ выходокъ, но не дѣлалъ ничего преднамѣренно непріятнаго для государя, какъ въ прошлый свой пріѣздъ. Имп. Павелъ принялъ его очень милостиво, но, будучи ригористомъ и даже педантомъ, съ трудомъ сдерживался при всѣхъ его выходкахъ и отступленіяхъ отъ строгаго порядка и благочинія. Принятъ былъ Суворовъ петербургской публикой восторженно; за нимъ тѣснились толпы, раздавались привѣтствія; почтеніе и уваженіе выражалось самымъ разнообразнымъ образомъ. Въ арміи назначеніе Суворова произвело электрическое дѣйствіе, особенно въ полкахъ, выступавшихъ и выступившихъ за-границу. Даже въ высшемъ обществѣ, гдѣ ютились враги Суворова, все какъ будто преобрази-

лось подъ ладъ съ общимъ настроеніемъ. Всѣ поспѣшили къ нему на поклонъ, но многимъ пришлось ёжиться подъ его сарказмами. Въ Петербургѣ ему, впрочемъ, дѣлать было нечего, и онъ скоро выѣхалъ. Но это былъ уже не прежній Суворовъ: ѣхалъ тихо, дважды въ день останавливался, „ради пищеваренія",—здоровье не позволяло иначе. Въ Митавѣ онъ остановился подольше обыкновеннаго и представился проживавшему тамъ французскому королю-претенденту, на котораго произвелъ впечатлѣніе смѣшанное, т.-е., и въ хорошую, и въ дурную сторону. Это послѣднее происходило отъ „причудъ, похожихъ на выходки умопомѣшаннаго". Скоро онъ переѣхалъ границу, и 14-го марта, вечеромъ, прибылъ въ Вѣну, въ русское посольство.

II.

Утромъ, на другой день, Суворовъ поѣхалъ къ австрійскому императору на аудіенцію, которая продолжалась съ полчаса. При его проѣздѣ во дворецъ и обратно, улицы были полны народомъ. На улицахъ вездѣ гремѣли въ честь его виваты и раздавались привѣтственные клики. Городъ точно обновился, да и императоръ какъ будто повеселѣлъ. Лица высшаго круга добивались чести встрѣтиться съ Суворовымъ гдѣ-нибудь въ обществѣ, на какомъ-нибудь обѣдѣ или ужинѣ, звали его къ себѣ наперерывъ. Но онъ отъ всѣхъ посѣщеній отказывался, почти ни у кого не былъ и сидѣлъ дома, отговариваясь великимъ постомъ. Императоръ оказалъ ему большой почетъ: чтобы подчинить ему австрійскія войска со всѣми старшими генералами, ему пожалованъ былъ чинъ австрійскаго фельдмаршала. Но одновременно стали появляться и первыя терніи въ видѣ холодной сдержанности нѣкоторыхъ высшихъ лицъ, особенно руководителя австрійской политики, министра Тугута. Причиною тому было требованіе Суворовымъ полной свободы распоряженій и дѣйствій, а вѣнскій кабинетъ привыкъ руководить своими главнокомандующими за сотни верстъ, чрезъ посредство курьёзнаго учрежденія, носившаго названіе „гофкригсрата". Согласно съ этимъ, отъ Суворова требовали планъ кампаніи, а онъ подавалъ бѣлый листъ. „Въ кабинетѣ врутъ, а въ полѣ бьютъ"— былъ любимый его афоризмъ противъ подобнаго рода тенденцій. Но здѣсь Суворову не посчастливилось, и когда онъ представлялся императору, передъ своимъ отъѣздомъ въ армію, Францъ вручилъ ему инструкцію для начальнаго періода кампаніи, съ тѣмъ, чтобы предположеніе о послѣдующихъ своихъ дѣйствіяхъ

Суворовъ представилъ въ Вѣну своевременно. Въ заключеніе, вся хозяйственная часть арміи передана въ вѣдѣніе старшаго по Суворовѣ австрійскаго генерала Меласа, якобы для того, чтобы не отвлекать главнокомандующаго отъ военныхъ соображеній. Изъ этой инструкціи и выросла потомъ вся бѣда.

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Вѣны, 24-го марта, Суворовъ послалъ русскимъ войскамъ, уже давно двигавшимся въ Италію, приказаніе—ускорить движеніе. Дорогою ему устроивали разныя торжественныя встрѣчи; но пышнѣе и шумнѣе всѣхъ была встрѣча въ Веронѣ, 2-го апрѣля. Сюда Суворовъ въѣхалъ при кликахъ многотысячнаго, шумно ликующаго народнаго сборища и подъ сѣнью какого-то знамени, прикрѣпленнаго этою толпою къ его экипажу. Несмотря на вечернее время, въ пріемный залъ Суворова собрались очень многіе. Онъ вышелъ къ собравшимся, подошелъ подъ благословеніе архіепископа, выслушалъ его привѣтствіе, а потомъ добрыя пожеланія городской депутаціи, отвѣтилъ коротенькимъ благодарственнымъ словомъ, и когда всѣ разошлись, принялъ русскихъ генераловъ. Между ними онъ нашелъ старыхъ знакомцевъ и тронулъ ихъ своею чудаковатою привѣтливостью до слезъ. Слѣдующимъ утромъ, авангардъ генералъ-майора князя Багратіона, давняго знакомца Суворова, выступилъ въ походъ. Шли бойко, съ пѣснями; за войсками валилъ народъ, начиная съ вельможи и до крестьянина, пѣшкомъ, въ телѣгахъ, въ каретахъ; одни пожимали солдатамъ руки, другіе раздавали имъ вино, хлѣбъ, табакъ. На слѣдующій день, въ Валеджіо, Суворовъ принялъ австрійскихъ генераловъ привѣтливо и ласково, сдѣлалъ австрійскимъ войскамъ смотръ и похвалилъ ихъ. Но такъ какъ они были совсѣмъ иной, далеко не Суворовской школы, то Суворовъ разослалъ въ полки русскихъ офицеровъ, чтобы подучить ихъ хоть слегка на свой ладъ, въ разсчетѣ сдѣлать это впереди, на дорогѣ, пооснователънѣе. Двинулись дальше; французы отступали быстро, бросая и сжигая свои запасы. Сдалась маленькая крѣпость; вскорѣ послѣ—другая и третья; въ Петербургѣ и Вѣнѣ была большая радость; императоръ Павелъ приказалъ провозгласить на молебнѣ многолѣтіе Суворову и послалъ къ нему въ науку сына его, Аркадія. Войска двигались, однако, не такъ быстро, какъ желалъ Суворовъ, за ненастьемъ, частыми переправами и пр.; въ нѣкоторыхъ австрійскихъ полкахъ послышался даже ропотъ на усиленные марши. Суворовъ сдѣлалъ выговоръ Меласу, который былъ съ жалобщиками за-одно, не велѣлъ употреблять словъ: „усиленный маршъ“, ибо-де всѣ марши должны быть усиленные,

да еще запретилъ перемѣшивать русскія войска съ австрійскими.

Союзники подошли къ рѣкѣ Аддѣ, за которою остановились отступавшіе французы. Первыхъ было почти 50.000, а вторыхъ не набиралось и 25.000; занимали они весьма растянутую оборонительную линію, на которой поэтому всюду были слабы. Правда, въ это время, французы получили новаго главнокомандующаго, очень даровитаго генерала Моро̀; но онъ уже не имѣлъ времени на исправленіе сдѣланной ошибки. Суворовъ рѣшилъ-было совершить переправу 15-го апрѣля, но потомъ пріостановился, чтобы, въ случаѣ нужды, подкрѣпить свой правый флангъ, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать Багратіонъ противъ города Лекко. Французы не уступали, дѣло затянулось до вечера, и только послѣ большихъ усилій съ русской стороны французы должны были оставить Лекко. Суворовъ назначилъ произвести главную переправу ниже, у Джервазіо, съ 15-го на 16-е число, выбравъ самое неудобное для переправы мѣсто, чтобы отвлечь отъ него вниманіе непріятеля. Австрійскій понтонный офицеръ призналъ-было такое распоряженіе неисполнимымъ, но, получивъ подтвержденіе, успѣлъ навести мостъ къ 5-ти часамъ утра. Здѣсь чуть-было не попалъ въ плѣнъ французскій батальонъ, стоявшій къ переправѣ ближе другихъ; чуть-было не попалъ въ руки казаковъ и самъ Моро, едва успѣвшій ускакать. Однако французы не уступали и, скопляясь къ этому пункту все больше и больше, придали бою чрезвычайное упорство, такъ что австрійцамъ удалось сломить ихъ далеко не сразу, притомъ при помощи казаковъ Денисова. А тѣмъ временемъ, еще ниже по теченію Адды, происходила переправа Меласа, начатая съ утра, при Кассано. Французы тутъ обороняли свою позицію еще упорнѣе, но австрійцы вели бой какъ бы съ удвоенными усиліями, можетъ быть потому, что въ этомъ пунктѣ находился самъ Суворовъ. Французы были, наконецъ, сбиты и прямой путь отступленія имъ отрѣзанъ. Удалась и третья переправа, у Бривіо, повыше двухъ первыхъ, гдѣ французскій генералъ Серюрье́ принужденъ былъ сдаться въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Побѣда была полная, при потерѣ союзниковъ сравнительно умѣренной, именно больше 1.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Французы потеряли, приблизительно, столько же, но кромѣ того — плѣнными до 5.000, да знамя и 27 пушекъ. Извѣстіе о побѣдѣ принято въ Вѣнѣ и Петербургѣ съ восторгомъ; Суворову присланъ бриллiантовый перстень съ царскимъ портретомъ; сынъ его, 14-лѣтній Аркадій, пожалованъ въ генералъ-адъютанты.

Французы отступали быстро къ Милану, и, оставивъ въ немъ гарнизонъ, безъ замедленія пошли дальше. Вслѣдъ за тѣмъ появились въ городѣ казаки. Миланцы поднялись противъ французскихъ сторонниковъ, и казакамъ же пришлось этихъ послѣднихъ оберегать. Но скоро подошли союзныя войска, а на слѣдующій день, 18-го апрѣля, по православному календарю, въ свѣтлое Христово Воскресеніе, была устроена Суворову торжественная встрѣча съ духовенствомъ, крестами и хоругвями. Улицы, окна, балконы, крыши были набиты народомъ; отъ привѣтственныхъ криковъ стоялъ гулъ; всю ночь горѣла иллюминація, а на другой день торжество какъ бы поднялось еще на нѣсколько градусовъ. Суворовъ поѣхалъ на парадное молебствіе въ золотой каретѣ, между шпалерами войскъ; въ соборѣ встрѣтилъ его архіепископъ, а по выходѣ изъ собора онъ сдѣлался предметомъ народныхъ овацій: подъ ноги бросали ему цвѣты, ловили руки, цѣловали полу кафтана. Потомъ состоялся у него большой обѣдъ, на который приглашены были и три плѣнные французскіе генерала, причемъ, конечно, не обошлось безъ разныхъ, со стороны Суворова, эксцентричностей. Однако всѣ эти торжества его отъ дѣла не отвлекли, и онъ занялся здѣсь обученіемъ австрійцевъ на свой ладъ; а также составилъ и послалъ въ Вѣну планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій и, вообще, оставался въ Миланѣ очень недолго.

Присланный въ Вѣну планъ Суворова состоялъ въ томъ главномъ положеніи, чтобы, не давая французамъ опомниться и не теряя времени на завладѣніе занятыми ихъ гарнизонами тыльными крѣпостями, идти непрерывно впередъ и встрѣченнаго непріятеля побивать. Вѣнскій гофкригсратъ, напуганный неудачами прежнихъ лѣтъ, этотъ планъ не одобрилъ, и императоръ Францъ прислалъ Суворову указаніе—вести войну именно такъ, какъ онъ не хотѣлъ. Причиною такого повелѣнія, по позднѣйшему объясненію Суворова, была „неискоренимая ихъ привычка быть битыми". Эта крупная непріятность не застала Суворова въ Миланѣ, ибо армія раньше двинулась впередъ, къ рѣкѣ По, согласно посланному въ Вѣну плану.

Французами начальствовали въ Италіи два старшихъ генерала: Моро съ своимъ корпусомъ уходилъ къ западу; Макдональдъ, съ арміей посильнѣе, подходилъ съ юга. Суворовъ рѣшилъ занять между ними центральное положеніе, дабы по надобности обратиться на того или другого, а потому приказалъ устроивать черезъ р. По мосты и паромы. Въ это время пріѣхалъ къ арміи 20-лѣтній сынъ государя, великій князь Кон-

стантинъ Павловичъ, и явился къ Суворову со всей своей свитой. Суворовъ принялъ его съ большимъ почетомъ, какъ подобало, и велѣлъ „беречь великаго князя пуще глаза, потому что глазъ у насъ два, а великій князь одинъ". Скоро оказалось, что Суворову прибавилось порядочно хлопотъ съ этимъ царственнымъ юношей, который отличался необузданнымъ нравомъ и боялся лишь грознаго своего отца. Армія у Суворова была довольно велика и раскинута широко. Получивъ ложное извѣстіе, будто Моро находится вблизи (а на ложные слухи Суворова поддѣвали не одинъ разъ), Суворовъ сталъ передвигать свои войска, соотвѣтственно обнаружившимся обстоятельствамъ. Когда одному изъ корпусныхъ начальниковъ, Розенбергу, было прислано приказаніе идти немедленно къ Тортонѣ, оно застало его уже ввязавшимся въ дѣло съ французами, которыхъ онъ надѣялся побить, и потому не захотѣлъ начатое дѣло бросить. Пришло второе приказаніе Суворова, а за нимъ и третье: „спѣшить днемъ и ночью"; но Розенбергъ затруднялся ихъ исполнить сейчасъ, надѣясь прежде покончить съ французами здѣсь, у Балиньяны, гдѣ онъ началъ уже переправу чрезъ р. По. Дѣло, однако, замѣшкалось изъ-за подходившихъ войскъ, и великій князь позволилъ себѣ сдѣлать Розенбергу (при корпусѣ котораго находился) рѣзкое и несправедливое замѣчаніе о недостаткѣ въ немъ мужества. Слова Константина Павловича обидѣли и возмутили Розенберга, и онъ немедленно началъ переправу, ставъ во главѣ войскъ съ обнаженной саблей. Дѣло было поведено вообще опрометчиво, безпорядочно и неумѣло, такъ что русскіе были отбиты и потеряли до 1.300 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными, да двѣ пушки. Великій князь ходилъ лично въ атаку, находился безпрестанно подъ выстрѣлами и даже едва не утонулъ, такъ какъ лошадь его чего-то испугалась и занесла его въ рѣку; вывелъ на берегъ казакъ. Суворовъ разсердился чуть не до бѣшенства; Розенбергу пригрозилъ военнымъ судомъ; отдалъ приказъ по арміи про неудачное дѣло; великому князю далъ наединѣ такой нагоняй, что довелъ его до слезъ; свиту его обозвалъ „мальчишками", обѣщалъ заковать въ кандалы и отправить въ Петербургъ.

Вслѣдъ затѣмъ произошла другая встрѣча съ французами тоже за глазами Суворова, у Маренго. Одна французская дивизія высунулась впередъ и наткнулась на австрійцевъ. Меласъ куда-то уѣхалъ, Суворовъ находился далеко. Генералъ Лузиньянъ рѣшился принять начальство вмѣсто Меласа и идти противъ французовъ; ему пособилъ Багратіонъ, проходившій съ войсками

вблизи. Французы были опрокинуты, но отступили въ порядкѣ и почти безъ преслѣдованія. Суворовъ прискакалъ, когда все уже было кончено; онъ остался очень недоволенъ и сказалъ съ досадой: „непріятеля упустили“. И дѣйствительно, французы дешево отдѣлались, потерявъ всего 600 человѣкъ.

Сбивчивыя и путанныя предположенія Суворова насчетъ французовъ и особенно Моро, тѣмъ временемъ продолжались. Наконецъ онъ рѣшился, изъ нѣсколькихъ крупныхъ задачъ, ему представлявшихся, избрать и исполнить одну—овладѣть Туриномъ, гнѣздомъ французовъ, бывшей столицей сардинскаго королевства. Выборъ былъ не самый лучшій, но представлялъ очень много выгодъ. Армія пошла къ Турину двумя колоннами; при одной изъ нихъ находился Суворовъ. Жара стояла страшная; онъ то садился въ карету (купленную имъ у казаковъ), то ѣхалъ верхомъ на казачьей лошади. Карета была старомодная, похожая на ковчегъ. Въ нее запрягались обывательскія лошади; за кучера сидѣлъ какой-нибудь крестьянинъ. Пересаживаясь изъ кареты на лошадь, Суворовъ часто уѣзжалъ впередъ, слѣзалъ съ лошади и ложился въ тѣни, или, пристроившись къ какому-нибудь полку, ѣхалъ между солдатами, бесѣдовалъ съ ними, балагурилъ. Завидѣвъ его, задніе спѣшили впередъ, отставшіе прибавляли шагу, всѣ пріободрялись. Ночевалъ онъ на 15-е мая, не доѣзжая Турина, во рву. Туринскій комендантъ, генералъ Фіорелла, отказался сдать городъ, но его принудили къ тому сами жители; тогда онъ заперся въ цитадели и сталъ засыпать городъ бомбами. Жители пришли въ отчаяніе; но Суворовъ успокоилъ ихъ, пославъ сказать коменданту, что если онъ не уймется, то будутъ выведены впередъ, подъ выстрѣлы, плѣнные и больные французы. Въ это, приблизительно, время получено донесеніе, что союзникамъ удалось завладѣть нѣсколькими городами и крѣпостями. По такому радостному случаю назначено было празднество на 17-е мая, которое и происходило въ томъ же родѣ, какъ раньше, въ Миланѣ, но, кромѣ того, вечеромъ былъ данъ парадный спектакль. Когда Суворовъ вошелъ въ театръ, всѣ встали и привѣтствовали его кликами; на сценѣ открылся храмъ „Славы“—съ бюстомъ Суворова. Суворовъ прослезился и съ глубокимъ почтеніемъ кланялся публикѣ. А когда онъ возвращался домой, всѣ улицы были иллюминованы, и среди огней блистали его инициалы.

Этотъ почетъ бросался всѣмъ въ глаза, а неудовольствія и огорченія почти никому не были видны и мало кому извѣстны. Слѣдуя политикѣ императора Павла, Суворовъ сталъ дѣлать

распоряженія о возстановленіи сардинскаго королевства и приглашеніи въ Туринъ короля, находившагося на о. Сардиніи. Но изъ Вѣны, гдѣ до этого лакомаго куска давно добирались, отмѣнили распоряженія Суворова и, во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній на будущее время, всѣ такія дѣла поручили вѣдѣнію Меласа. Сверхъ того, Суворову подтверждено, чтобы въ военныхъ операціяхъ онъ строго придерживался данныхъ изъ Вѣны указаній и по своему собственному усмотрѣнію ничего бы не измѣнялъ и не добавлялъ; отнюдь не переходилъ бы на правый берегъ р. По, и обращалъ бы особенное вниманіе на взятіе тыльныхъ крѣпостей, Мантуи въ особенности. А такъ какъ больше всѣхъ былъ недоволенъ Суворовымъ Тугутъ, то онъ завелъ между австрійскими генералами, подчиненными Суворову, шпіоновъ, которые доносили обо всемъ прямо въ Вѣну. Интрига, сплетня, доносъ, умышленно-создаваемыя Суворову затрудненія—сдѣлались явленіемъ обычнымъ. Изъ распоряженій исчезли единство и стройность, народились многочисленныя недоразумѣнія и неисправности; приказанія доходили до австрійскихъ войскъ медленно, иногда невѣрныя, иногда извращенныя. Затрудненія и безпорядки по снабженію арміи продовольствіемъ множились и отражались преимущественно на войскахъ русскихъ. Все тормазилось, вездѣ выросталъ сумбуръ, особенно въ военныхъ операціяхъ, и Суворовъ, чуть не съ отчаяніемъ, писалъ послу Разумовскому: „Спасителя ради, не мѣшайте мнѣ...“

Но пока не успѣли прислать изъ Вѣны новаго приказа, послѣ взятія Турина, воля съ Суворова еще не была снята, а потому онъ оставилъ генерала Кейма осаждать цитадель, а самъ двинулся къ Алессандріи. Сюда онъ ожидалъ наступленія Моро, который якобы получилъ, по слухамъ, большія подкрѣпленія. Къ 1-му іюня прибыло въ Алессандрію союзныхъ войскъ до 34.000 человѣкъ, да ожидалось еще 15.000; но 2-го числа, вечеромъ, вдругъ оказалось, что всѣ прежнія донесенія о французахъ ложны. Надо было опасаться не Моро, а Макдональда, который, двигаясь изъ южной Италіи, подошелъ уже довольно близко и побилъ на голову австрійскій отрядъ Гогенцоллерна. Суворовъ увидалъ, что обманутъ ложными слухами (распустилъ ихъ самъ Моро), но благодарилъ Бога, что догадался вò-время придти сюда изъ дальняго Турина. Сейчасъ же, не теряя минуты, онъ разослалъ войскамъ приказаніе сближаться къ сторонѣ Макдональда, а противъ Моро назначилъ оставаться въ Алессандріи австрійскаго генерала Бельгарда. Вслѣдъ затѣмъ—новая вѣсть: Макдональдъ атаковалъ австрійскую дивизію Отта и оттѣснилъ

ее назадъ, т.-е. союзникамъ грозила опасность быть побитыми по частямъ. Тотчасъ же было приказано Меласу идти туда. А на утро опять вѣсть:—Оттъ едва держится, а Меласъ еще не подошелъ.—Суворовъ схватилъ четыре казачьихъ полка, съ ними—Багратіона, и поскакалъ самъ, а оставшимся войскамъ далъ приказаніе—идти какъ можно скорѣе, не переводя духа.

Французы перешли р. Тидону, и хотя Меласъ подошелъ къ Отту, но отразить Макдональда они были не въ силахъ, и надъ головами ихъ собирался послѣдній, страшный ударъ. Въ этотъ моментъ, 6-го іюня, въ 4-мъ часу дня, появился Суворовъ. Окинувъ внимательнымъ взглядомъ окрестность, онъ послалъ свои казачьи полки атаковать оба фланга: непріятель пріостановился и позадержался. А немного погодя, показались на дорогѣ передовые люди русскаго авангарда. Пѣхота подъ палящимъ зноемъ не шла, а бѣжала; люди падали отъ истощенія силъ, и многіе уже не встали, а остальные все двигались впередъ. Подходя къ полю сраженія, батальоны выстроивались немедленно, но это были, по величинѣ, не батальоны, а скорѣе роты,—остальные тянулись еще по дорогѣ. Но Суворовъ цѣнилъ время по-своему; еще недавно онъ писалъ одному изъ австрійскихъ генераловъ: „Спѣшите, ибо деньги дороги, жизнь человѣческая еще дороже, но время дороже всего". Теперь, не ожидая тянувшихся по дорогѣ, онъ приказалъ атаковать непріятеля немедленно, всею линіей, не теряя времени на перестрѣлку. Войска ударили дружно, съ музыкой, а русскіе—и съ пѣснями; двигаться было очень трудно, потому что путь лежалъ черезъ канавы, изгороди, виноградники и т. под. Суворовъ разъѣзжалъ по фронту и все кричалъ: „впередъ, впередъ, коли!" Очень упорно держались французы, безпрестанно переходя въ наступленіе; но и союзники дѣйствовали энергично, особенно Багратіонъ, занимавшій правый флангъ, противъ поляковъ. Къ 9-ти часамъ вечера, бой былъ оконченъ; французы устроивались по ту сторону Тидоны; союзники не преслѣдовали ихъ по крайней усталости.

Ночью французы отошли назадъ еще верстъ семь; къ нимъ все подходили войска; къ союзникамъ также; но французы были числомъ сильнѣе. Союзники поднялись на ноги и изготовились къ новому бою около 10-ти часовъ утра, ибо раньше, за крайней усталостью, не могли. Атаковали всею линіей, по-вчерашнему; плотинъ, канавъ, изгородей было еще больше; французы отретировались на р. Треббію; поляки были побиты жестоко. Успѣхъ былъ бы еще полнѣе, если бы Меласъ подкрѣпилъ Багратіона, какъ ему было приказано; но онъ ослушался, думая

о себѣ слишкомъ много. Такимъ образомъ, прошли два дня боя; оба дня французы ретировались, но побѣжденными себя не признавали. Мало того, когда на третій день, 8-го іюня, Суворовъ снова назначилъ общее наступленіе, Макдональдъ упредилъ, перешелъ Треббію и двинулся на союзниковъ. Багратіонъ взялъ вправо; схватился съ поляками и съ большимъ трудомъ опрокинулъ ихъ, но такъ какъ по лѣвую свою руку онъ оставилъ съ версту пустого мѣста, то сюда французы и направились. Тутъ разгорѣлся жестокій бой и грозилъ русскимъ дурнымъ исходомъ, такъ что Суворовъ принужденъ былъ принять въ немъ личное участіе, объѣзжалъ подъ выстрѣлами батальоны и пускалъ ихъ въ атаку. Присутствіе Суворова въ короткое время измѣнило всю картину боя; французы дрогнули и пошли на утёкъ. Пособилъ и австрійскій генералъ Лихтенштейнъ, со своею конницей; онъ пронесся, атакуя, почти по всей линіи, и къ 6-ти часамъ вечера непріятель былъ прогнанъ за Треббію.

На этотъ разъ, французы были окончательно сломлены. Ночью Макдональдъ узналъ, что убыль громадна (поляковъ, напримѣръ, осталось изъ 2.000—всего 300), артиллерійскіе снаряды на исходѣ, и армія въ ужасномъ положеніи. Тотчасъ же началось отступленіе. Когда, 9-го числа, забрезжилъ утренній свѣтъ, казаки замѣтили, что французы ушли. Началось преслѣдованіе войсками Розенберга, такъ какъ Меласъ засѣлъ въ гор. Піаченцѣ, для разныхъ распоряженій по приказаніямъ изъ Вѣны. На р. Нурѣ французы были охвачены съ трехъ сторонъ, и почти всѣ разсѣялись или попали въ плѣнъ. Такъ кончилось это знаменитое трехдневное, даже четырехдневное сраженіе. Союзниковъ въ бою находилось въ разные дни различное число, но больше 30.000 не было; высшая цифра французовъ сосчитана въ 34.000. Союзниковъ выбыло убитыми, ранеными и плѣнными 6.000, поровну—русскихъ и австрійцевъ. Французовъ же гораздо больше и никакъ не меньше 15.000. Кромѣ того, у французовъ взято 6 пушекъ, 7 знаменъ и большое количество обоза. Радость въ Вѣнѣ и Петербургѣ равнялась печали и негодованію въ Парижѣ. Павелъ пожаловалъ Суворову свой портретъ, оправленный въ брилліанты; награды всѣмъ были щедрыя, никто не былъ обойденъ, даже фельдъегеря.

Тѣмъ временемъ Моро, которому извѣстно было движеніе Макдональда, понемногу придвигался къ Алессандріи, съ цѣлью задержать здѣсь Суворова, но очень удивился, узнавъ, что онъ давно прошелъ. Тогда онъ рѣшилъ продолжать свое наступленіе, дабы ударить Суворову въ тылъ, но встрѣтилъ на своей дорогѣ

Бельгарда, разбилъ его и тутъ получилъ свѣдѣніе, что съ Макдональдомъ Суворовъ покончилъ. Моро остановился; но когда освѣдомился, что Суворовъ спѣшно идетъ ему на встрѣчу, то предпочелъ отступить въ горы. Союзникамъ же прибавилась еще радость: сдалась туринская цитадель съ 3.000 человѣкъ, 600 орудіями и 40.000 ружей. На радостяхъ былъ торжественный въѣздъ въ Алессандрію, потомъ потянулась вереница праздниковъ. А такъ какъ руки Суворова на всякій починъ были изъ Вѣны связаны, то онъ принялъ мѣры, чтобы поскорѣе завладѣть крѣпостями, гдѣ сидѣли французы, дабы затѣмъ добраться до Моро. Дѣло увѣнчалось успѣхомъ: сдалась алессандрійская цитадель; за нею сдалась и Мантуя, одна изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей въ Европѣ, съ 675 орудіями и 11.000-ми гарнизона. Въ Вѣнѣ отъ радости не знали что̀ дѣлать, Суворовскія побѣды приводили всѣхъ въ восторгъ, а императоръ Павелъ пожаловалъ Суворову княжеское достоинство съ прозваніемъ „Италійскаго". Суворовъ, между тѣмъ, принялся готовиться къ наступленію на Моро, и когда все было подготовлено, даже войска прибыли изъ-подъ Мантуи, онъ назначилъ день для общаго наступленія, но его предупредили французы.

Къ этому времени неудовольствія между Суворовымъ и Вѣной сильно возросли и обострились, и главнокомандующій окончательно убѣдился, что посолъ Разумовскій, находясь подъ неотразимымъ вліяніемъ Тугута, есть не болѣе, какъ его эхо. Вскорѣ послѣ Треббіи, ему стало до того тягостно, что онъ обратился къ императору Павлу съ просьбой отозвать его, если существующій порядокъ не измѣнится. Вѣнскій дворъ успѣлъ, однако, забѣжать впередъ и принесъ на Суворова жалобу за его неповиновеніе. Государь, конечно, не въ состояніи былъ раскрыть истину, во всей ея полнотѣ, но настолько ее понималъ, что выразилъ чрезъ Разумовскаго свое неудовольствіе вѣнскому двору, а Суворову рекомендовалъ держать себя съ особенною осторожностью, въ виду „каверзовъ и хитростей вѣнскаго двора, умысловъ, зависти и хищности австрійскихъ генераловъ". Изъ этого видно, что положеніе Суворова въ Италіи становилось все труднѣе и могло довести до катастрофы. Почти такъ оно и вышло.

Въ послѣднее время французская армія въ Италіи была увеличена до 35.000 и получила новаго главнокомандующаго, Жубера, молодого, даровитаго генерала, въ семь лѣтъ дослужившагося до этого высокаго званія изъ простыхъ рядовыхъ. Моро былъ перемѣщенъ въ другую армію, на другой театръ войны, но остался на короткое время, чтобы помочь товарищу своею опыт-

ностью. Жуберъ рѣшилъ идти впередъ, не выходя, однако, изъ горъ, а Суворовъ задался задачей—выманить его на равнину и подавить числомъ. Позиція французовъ была почти неприступна; она тянулась по гребню невысокихъ, но крутыхъ горъ, скатъ которыхъ покрывали сады, виноградники, строенія съ изгородями, канавами и т. п. Посреди позиціи, у подошвы горъ, находился обнесенный каменной стѣною, городокъ Нови. Противъ этой арміи назначено было дѣйствовать справа австрійскому генералу Краю, а лѣвѣе, противъ Нови—Багратіону, за которымъ стоялъ Милорадовичъ, далѣе же въ нѣсколькихъ верстахъ, въ резервѣ,—Меласъ и Дерфельденъ, прибывшій въ Италію съ великимъ княземъ. Всего въ строю было 51.000, да подальше, подъ Тортоной, еще 13.000. Силы обѣихъ сторонъ были очень неравныя, но крѣпкая позиція французовъ во многомъ ихъ уравновѣшивала.

Августа 4-го, передъ зарей, ген. Край тронулся въ атаку. Затрещала перестрѣлка; Жуберъ поскакалъ на выстрѣлы и тотчасъ же былъ убитъ пулей наповалъ. Моро принялъ начальство, послалъ за подкрѣпленіемъ и отбилъ австрійцевъ. Суворовъ, въ это время, на полѣ спалъ, или притворялся, что спитъ; узнавъ про неудачу, онъ велѣлъ ген. Краю атаковать снова, а одновременно съ нимъ и Багратіону. Багратіонъ повелъ энергическую атаку, несмотря на необыкновенно сильную оборону, долго упорствовалъ, но принужденъ былъ отступить съ большой потерей. Суворовъ велѣлъ Милорадовичу и Дерфельдену пособить; первый сталъ бить лѣвѣе Нови, въ одно время съ Багратіономъ, но французы отбились, да еще зашли во фланги справа и слѣва. Подоспѣлъ Дерфельденъ, бѣгомъ; ударъ былъ такой сильный и дружный, что французы поспѣшно отступили и даже бѣжали на самый верхъ горы. Однако, и русскіе не могли тутъ долго удержаться, и тоже отступили. Дерфельденъ атаковалъ во второй разъ—таже неудача; повелъ войска въ третій разъ—прежній результатъ. Суворовъ находился тутъ же, провожалъ батальоны въ атаку, ободрялъ солдатъ, а подъ конецъ, видя постоянную неудачу, слѣзъ съ копя и, катаясь передъ фронтомъ по землѣ, кричалъ: „Ройте мнѣ могилу! я не переживу этого дня“. Бой затихъ по всей линіи, такъ какъ всѣ атаки ген. Края тоже были отбиты. Меласу послано было раньше приказаніе идти впередъ, но онъ на этотъ разъ самъ догадался, вышелъ прежде полученія приказа и, по приходѣ, сталъ, гдѣ назначено, лѣвѣе Дерфельдена. Въ три часа, послѣ отдыха, былъ произведенъ общій ударъ. Французы встрѣтили союзниковъ смертоноснымъ огнемъ,

и, послѣ многихъ усилій, имъ удалось даже оттѣснить Меласа назадъ, взять у него въ плѣнъ одного изъ генераловъ и захватить двѣ пушки. Но въ это самое время русскіе прорвались, наконецъ, въ Нови и показались на высотахъ. Побѣда, значитъ, была одержана, и французамъ оставалось думать только о томъ, какъ бы уйти. А это было очень трудно, и отступленіе ихъ сдѣлалось истинно-бѣдственнымъ; они разбѣгались и сдавались цѣлыми батальонами, или валились подъ ядрами и пулями. Съ лихвой наверстали тутъ союзники бывшія неудачныя свои атаки.

Когда спустилась ночь, войска расположились на отдыхъ, потому что утомленіе ихъ дошло до крайняго предѣла. Но и тутъ имъ не посчастливилось. Въ Нови разразилась ружейная пальба, и всѣ стали въ ружье; одинъ батальонъ пошелъ въ городъ. Тамъ осталось нѣсколько сотъ французовъ, которые, вмѣстѣ со своими сторонниками изъ горожанъ, напали на русскій караулъ и почти весь вырѣзали. Прибывшій батальонъ перекололь французовъ и взялъ приступомъ дома, гдѣ они укрывались; попавшіе подъ руку горожане были тоже переколоты и разграблены. Суворовъ прискакалъ самолично и остановилъ самовольство солдатъ. Это было эпилогомъ сраженія, отличавшагося необычайнымъ упорствомъ; даже Суворовъ выразился, что не видалъ такого жестокаго дѣла. И дѣйствительно, потери были огромныя: у союзниковъ выбыло изъ строя 8.000 человѣкъ; у французовъ—до 11.000; нѣсколько тысячъ разбѣжалось; попали въ руки союзниковъ 4 знамени и 33 орудія изъ 40, имѣвшихся при арміи.

Большого шума надѣлало сраженіе при Нови во всей Европѣ, но въ Вѣнѣ старались не очень выказывать радость, чтобы не баловать неуживчиваго и непослушнаго Суворова. Изъ Петербурга полились на армію награды рѣкою; Суворову государь придумалъ такую, которая ему пришлась особенно по душѣ: приказано войскамъ, даже въ государевомъ присутствіи, отдавать Суворову воинскія почести, присвоенныя уставомъ только особѣ государя: „Достойному—достойное“, писалъ ему государь. Во Франціи вѣсть о Нови произвела впечатлѣніе ужасное: негодованіе, ярость, бѣшенство выражались въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. А самому Суворову, на первыхъ порахъ, пришлось глотать австрійскія пилюли. Было имъ сдѣлано распоряженіе объ энергичномъ преслѣдованіи французовъ съ утра 5-го августа, когда войска успѣютъ перевести духъ и отдохнуть; но Меласъ ему объявилъ, что нѣтъ ни продовольствія, ни муловъ для похода въ горы. А ему былъ данъ объ этомъ приказъ двѣ недѣли назадъ. Нечего дѣлать, Суворовъ отложилъ свой планъ

окончательнаго побіенія французовъ на нѣсколько дней, приказавъ къ этому готовиться Но на другой день пришло къ главнымъ австрійскимъ генераламъ изъ Вѣны повелѣніе, указывавшее имъ совсѣмъ другія задачи. Меласъ донесъ объ этомъ Суворову, и сталъ дѣлать распоряженія въ смыслѣ сдѣланныхъ изъ Вѣны указаній. Положеніе создалось совершенно невозможное: отъ главнокомандующаго было отнято самое существенное изъ его правъ.

Не въ состояніи будучи предпринять никакого крупнаго дѣла собственною иниціативой, Суворовъ устроилъ для своихъ войскъ лагерь при Асти, откуда ему было удобно сторожить французовъ и двинуться имъ на встрѣчу, откуда бы они ни появились. Такъ пришлось ему простоять въ бездѣйствіи три недѣли. Здѣсь справлялись торжественные дни, служились молебны, производились парадныя раздачи наградъ; сюда же стекались итальянцы и иностранцы, посмотрѣть на побѣдоноснаго вождя и побесѣдовать съ нимъ; сюда же неслись къ нему поздравленія и пожеланія отъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Сардинскій король пожаловалъ ему высшій чинъ; кромѣ того—титулъ принца и своего кузена; прислалъ также двѣ медали Суворовскому камердинеру, Прохору. Городъ Туринъ поднесъ золотую шпагу, обдѣланную въ бриліанты. Братья сардинскаго короля просились въ службу, подъ его, Суворова, начальство. Пошла на него мода: появились Суворовскія шляпы, Суворовскіе пироги; портреты его раскупались нарасхватъ. Жилъ Суворовъ по своему обычному шаблону; въ 8 часовъ утра обѣдалъ, и гости у него бывали почти всегда, все знатные иностранцы, преимущественно англичане. Застольная бесѣда тянулась долго, хозяинъ былъ веселъ и шутливъ, пилъ больше, чѣмъ нужно, и выпивалъ лишнее, отчего къ концу обѣда дремалъ. Иногда адъютантъ подходилъ къ нему и докладывалъ, что „кушать и пить больше не велѣно—фельдмаршалъ не приказалъ“. Это помогало, только не надолго. Обѣдъ у него былъ обыкновенно плохой, такъ что гостямъ приходилось или портить желудки, или вставать изъ-за стола голодными. За обѣдомъ онъ чудилъ безъ удержу: не давалъ водки тому, кто послѣ молитвы *Отче нашъ* не скажетъ *аминь*; выгонялъ изъ-за стола тѣхъ (изъ своихъ), которые чѣмъ-либо ему не угодили; и вообще дѣлалъ неловкости, невѣжливости, даже дерзости, перемежая ихъ чрезвычайно разумными, глубокими и оригинальными мыслями и цѣлыми бесѣдами.

Пока Суворовъ бездѣйствовалъ въ Асти, не забывая, однако, заниматься своимъ любимымъ дѣломъ—обученіемъ войскъ, дипло-

матія работала. Рѣшено оставить въ Италіи и на германской границѣ одни австрійскія войска, а русскія войска отдѣлить и послать въ Швейцарію. Предполагалось это сдѣлать по изгнаніи французовъ изъ Италіи и Швейцаріи; но Австріи хотѣлось распоряжаться въ Италіи поскорѣе на всей своей волѣ, и она стала требовать отъ Суворова перемѣщенія въ Швейцарію теперь же. Тугуту удалось еще раньше вывести изъ Швейцаріи даровитаго австрійскаго полководца, эрцъ-герцога Карла, котораго замѣстилъ тамъ русскій генералъ Римскій-Корсаковъ, съ корпусомъ, только-что прибывшимъ изъ Россіи, хотя корпусъ его былъ гораздо меньше корпуса эрцъ-герцога. Успѣвъ въ этомъ, Тугутъ сталъ требовать того же отъ Суворова. А такъ какъ Суворовъ съ русскими войсками былъ отданъ имп. Павломъ въ распоряженіе Франца и отъ него никакихъ резоновъ не принимали, то ему оставалось повиноваться,—ничего больше. Кромѣ того, по его мнѣнію, слѣдовало, если уходить, то какъ можно скорѣе, пока Римскій-Корсаковъ цѣлъ, а между тѣмъ его задерживала тортонская цитадель. Она обязалась сдаться 31-го августа, если до тѣхъ поръ ее не выручатъ свои, а потому приходилось ее какъ бы караулить. Суворовъ попробовалъ-было выступить, но Моро сейчасъ же показался, такъ что пришлось вернуться. И только утромъ 31-го августа, когда цитадель сдалась, онъ тронулся въ походъ совсѣмъ. Уходя въ Швейцарію, Суворовъ отдалъ прощальный приказъ и разстался съ австрійцами любезно, по-дружески; обнимаясь съ Меласомъ, онъ даже заплакалъ. Но только послѣ того еще много пришлось ему принять изъ-за нихъ горя! — Не даромъ въ одномъ изъ современныхъ писемъ читаемъ: „Я не знаю, чѣмъ все это кончится, но я спрашиваю—сколько французская директорія платитъ за все это и кому именно?“

Изъ многихъ путей по Швейцаріи, представлявшихся Суворову, онъ выбралъ далеко не лучшій, и планъ его былъ сложенъ и невѣрно разсчитанъ. Но главная въ томъ вина лежитъ не на немъ, ибо Швейцаріи онъ совсѣмъ не зналъ, а совѣтчиками при немъ были австрійскіе офицеры, давно и хорошо знакомые съ этимъ театромъ войны. Русскіе шли налегкѣ; обозы, артиллерія и прочія тяжести слѣдовали другимъ путемъ, длиннымъ и кружнымъ, но зато и безопаснымъ. Впрочемъ, и Суворовскій путь не привелъ бы къ бѣдѣ, еслибы поторопились походомъ, а въ этомъ-то и произошла задержка. Сентября 4-го, пришли къ городку Тавернѣ; здѣсь Меласъ долженъ былъ заготовить 1.400 муловъ для вьюковъ, но не оказалось ни одного. Суворовъ пришелъ въ бѣшенство, чтò дѣлу, конечно, не помогло, и

пришлось биться съ мулами, погонщиками, вьючными сѣдлами, мѣшками, пять сутокъ, да и то кончилось тѣмъ, что вмѣсто муловъ пошли подъ вьюки, значительною долею, казачьи лошади, совсѣмъ не привычныя къ этой службѣ. Сами войска тоже были совсѣмъ не привычны къ горной войнѣ; но они, пройдя Суворовскую науку, не задумывались ни надъ чѣмъ, и вполнѣ вѣрили въ успѣхъ. Суворовъ разослалъ только короткое наставленіе, дабы каждый могъ уразумѣть—въ чемъ именно, какъ и въ какихъ случаяхъ надо приспособить существующій строевой уставъ къ походу и бою въ горахъ.

Погода стояла очень дурная; лилъ осенній дождь; рѣзкій вѣтеръ прохватывалъ насквозь; ночью было холодно и сыро вдвойнѣ. Дорога шла по крутымъ подъемамъ и спускамъ; приходилось идти по скользкимъ косогорамъ, переправляться вбродъ по колѣно, иногда по поясъ. Войска поднимались съ разсвѣтомъ, шли до поздней ночи, и на ночлегахъ далеко не всегда находили хворостъ для бивачныхъ костровъ. Суворовъ ѣхалъ среди войскъ на казачьей лошади, въ широкополой шляпѣ, покрытый тонкимъ суконнымъ плащомъ. Гора Сенъ-Готардъ высилась передъ приближающимися русскими войсками подъ небеса и глядѣла на нихъ сурово. На нее пошли войска Дерфельдена тремя отрядами: боковые должны были атаковать французскіе фланги, а средній—держаться немного позади. Кромѣ того, колонна Розенберга пошла въ обходъ дальнимъ путемъ, чтобы зайти французамъ въ тылъ. Французовъ было тутъ немного, но они занимали позиціи одну крѣпче другой. Утро 13-го сентября встало пасмурное; густыя облака лѣпились по горамъ; войска были на полномъ маршѣ съ трехъ часовъ ночи. Командовавшій правымъ флангомъ, Багратіонъ, сталъ взбираться; передовой его отрядъ слишкомъ зарвался и потому потерпѣлъ, но Багратіонъ поддержалъ его своевременно. Лѣвая колонна Дерфельдена показалась у французовъ сбоку, такъ что они отошли на новую позицію. Тутъ атаковала ихъ средняя колонна, которая выбила ихъ съ величайшимъ трудомъ, но французы, на пути, занимали новыя крѣпкія позиціи. Такимъ образомъ, русскіе добрались до вершины Сенъ-Готарда. Здѣсь трудности атаки еще увеличились; непріятель оборонялся упорно; одна атака смѣнялась другою, и лишь при третьей передовые люди Багратіона, показавшіеся противъ лѣваго фланга французовъ, заставили ихъ уступить окончательно, и Сенъ-Готардъ былъ въ русскихъ рукахъ. Суворовъ посѣтилъ находившійся тамъ страннопріимный домъ, „Госписъ", отслужилъ въ немъ благодарственный молебенъ, при-

нялъ трапезу изъ гороха и картофеля и отправился опять къ войскамъ.

Тѣмъ временемъ Розенбергъ совершалъ свое обходное движеніе довольно медленно, потому что приходилось выбивать французовъ изъ крѣпкихъ позицій чуть не каждый часъ. Къ ночи Розенбергъ остановился въ виду деревни Госпиталь, заставивъ французовъ бросить три пушки. Къ этой деревнѣ подошелъ къ ночи и Суворовъ, взялъ ее и тутъ ночевалъ, всего въ 4-хъ верстахъ отъ Розенберга, о чемъ ни тотъ, ни другой и не догадывались. На утро, 14-го сентября, Суворовъ соединился съ Розенбергомъ и продолжалъ наступленіе внизъ по р. Рейсѣ. Дорога проходила чрезъ узкій темный проходъ, пробитый въ горѣ, шаговъ на 80, при 4-хъ шагахъ ширины, а потомъ лѣпилась по скалѣ и круто спускалась къ мосту. Передовой русскій батальонъ попытался пройти чрезъ этотъ проходъ, Урнеръ-Лохъ, но не могъ, ибо ни одинъ французскій выстрѣлъ не пропадалъ тутъ даромъ. Суворовъ приказалъ одному отряду обойти Урнеръ-Лохъ справа, по горамъ, а другому перебраться черезъ рѣку вбродъ, такъ какъ тутъ русло неглубокое, усѣянное большими каменьями, и вода приходится по колѣно и по поясъ; главная же опасность состояла въ чрезвычайно быстромъ теченіи, валившимъ съ ногъ: рѣка сплошь была покрыта пѣной, и ревъ ея слышенъ вдали. Оба обходныя движенія совершены были какъ нельзя лучше, и французы, отступивъ сначала за Урнеръ-Лохъ, потомъ за рѣку, стали торопливо портить Чортовъ-мостъ, державшійся на двухъ каменныхъ сводахъ. Русскій батальонъ прошелъ теперь Урнеръ-Лохъ безпрепятственно; зарѣчный отрядъ со страшными затрудненіями, карабкаясь по горамъ, сталъ спускаться къ Чортову-мосту и грозить французамъ сзади и сбоку. Французы бѣжали. Непосредственно передъ тѣмъ, русскіе разобрали ближній сарай, притащили къ мосту бревенъ и досокъ и стали ихъ прилаживать надъ проваломъ, подъ выстрѣлами французовъ, и прикрѣплять чѣмъ попало, причемъ послужили на дѣло и офицерскіе шарфы. А когда французы пустились на утёкъ, то принялись за починку моста плотники, и въ пятомъ часу дня войска двинулись. Шли они, однако, не быстро, ибо дорога была худая, почти всѣ мосты испорчены, и французы дважды загораживали путь, такъ что приходилось пробиваться. Лишь на слѣдующій день, 15-го сентября, около полудня, Суворову удалось добраться до города Альторфа.

Здѣсь онъ узналъ, что дальше дороги нѣтъ, иначе какъ водой, по Цюрихскому озеру, которымъ владѣли французы. Оказа-

лось, австрійцы сами не знали, куда вели, или же поступили опрометчиво, не объяснивъ всего дѣла. А между тѣмъ его, Суворова,—такъ онъ думалъ—ждали, какъ было условлено, Римскій-Корсаковъ и Готце, котораго эрцъ-герцогъ Карлъ оставилъ въ Швейцаріи на короткій срокъ. Что̀ оставалось дѣлать? Суворовъ выбралъ къ нимъ самый короткій путь по тропинкѣ, гдѣ осенью и зимою даже охотники ходили съ затрудненіями. Наступила повѣрка его афоризма: „гдѣ прошелъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ". Но только это было трудно исполнить именно теперь: люди въ семь дней похода и безпрерывнаго боя измучились, обувь ихъ изорвалась, провіантъ потребленъ, патроны разстрѣляны; вьючный скотъ былъ совсѣмъ обезсиленъ, или погибъ, или далеко отсталъ. Да еще разнесся по городу зловѣщій слухъ, будто вчера былъ гдѣ-то упорный бой, что французы одолѣли и союзники разбиты на̀-голову.

Войска тронулись на Росштокскій горный хребетъ 16-го числа, въ пять часовъ утра. По мѣрѣ подъема, тропинка дѣлалась у̀же и круче, мѣстами же и совсѣмъ пропадала. Шли большею частью гуськомъ, по рыхлому снѣгу, скользкой глинѣ, голымъ каменьямъ; моросилъ дождь, дулъ холодный вѣтеръ, дрожь прохватывала до костей. Обувь сбилась; харчей не было, кромѣ развѣ у немногихъ запасливыхъ; офицеры, даже генералы, терпѣли то же, что̀ и солдаты. Суворовъ то ѣхалъ верхомъ, то шелъ пѣшій; великій князь сдѣлалъ пѣшкомъ весь переходъ. Когда кончился подъемъ и начался спускъ, стало еще труднѣе, особенно казачьимъ лошадямъ, которыхъ тутъ пропало много. Весь переходъ былъ въ 16 верстъ, но хвостъ колонны пришелъ на другой день къ ночи, а вьюки подходили еще двое сутокъ. Французы наскочили-было на арріергардъ Розенберга, оберегавшій тылъ, но получили два раза такой отпоръ, что оставили его въ покоѣ. А авангарду Багратіона, при спускѣ къ дер. Муттенъ, удалось накрыть сторожевой французскій отрядъ, причемъ всѣ 150 человѣкъ были или перебиты, или взяты въ плѣнъ. Здѣсь Суворовъ узналъ, что слухъ о разгромѣ союзниковъ былъ справедливъ, и что французы заступили ему путь вездѣ. Онъ попалъ какъ бы въ западню со своей маленькой арміей, безъ артиллеріи и конницы, почти безъ патроновъ и продовольствія. И всему этому виною были австрійцы. Гнѣвъ, негодованіе, скорбь —душили Суворова. Онъ созвалъ военный совѣтъ и, указавъ на интриги Тугута, на фальшивые поступки союзниковъ, обратился къ генераламъ съ раздирающимъ душу крикомъ: „Спа-

сите честь Россіи и ея государя, спасите его сына!"—и съ этими словами бросился къ ногамъ великаго князя.

Всѣ были глубоко потрясены; никто и никогда не видалъ Суворова въ такомъ настроеніи. Великій князь поднялъ его, обливаясь слезами; старшій генералъ Дерфельденъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и любовью, въ простыхъ, по задушевныхъ словахъ увѣрилъ его, что войска все вытерпятъ, все вынесутъ, и если не въ состояніи будутъ одолѣть непріятеля, то погибнутъ, а русскаго имени не посрамятъ ни при какихъ обстоятельствахъ. Всѣ генералы поклялись въ томъ же именемъ Божіимъ, и Суворовъ просвѣтлѣлъ, высоко поднялъ свою сѣдую голову и сказалъ, что тревожиться, значитъ, нечего, ибо будетъ побѣда несомнѣнная.

На другой день, 19-го сентября, раннимъ утромъ, Багратіонъ выступилъ, согласно диспозиціи, по направленію къ Клenталю. Дорога была немного лучше, но французы боролись на жизнь и смерть, не уступая шага безъ боя, благодаря крѣпкимъ на своемъ пути позиціямъ. Такъ отступая мало-по-малу, французскій генералъ Молиторъ подошелъ къ деревнѣ Нефельсъ. Тутъ къ нему прибыла подмога, и онъ сталъ твердо. Нѣсколько разъ выбивалъ его Багратіонъ, открывая себѣ путь, и нѣсколько разъ Молиторъ опять бралъ деревню и загораживалъ ему этотъ путь. Наконецъ, на пятомъ или шестомъ приступѣ, Суворовъ приказалъ Багратіону бросить Нефельсъ и отойти назадъ, къ главнымъ силамъ. Приказаніе это истекало изъ новаго рѣшенія, принятаго Суворовымъ: въ виду совершенной ненадежности союзниковъ, неимѣнія артиллеріи и крайняго оскудѣнія патроновъ,—отказаться отъ прежняго плана, т.-е. не пробивать себѣ путь чрезъ французскую армію, какъ дѣлалось до той поры, а взять въ сторону и идти—какъ было бы безопаснѣе. Затѣмъ Суворовъ созвалъ военный совѣтъ, который постановилъ то же самое и выбралъ кружный путь на Куръ, гдѣ можно было соединиться съ Римскимъ-Корсаковымъ.

Когда все это происходило, арріергардъ Розенберга перешелъ, вслѣдъ за Суворовымъ, отъ Альторфа въ Муттенталь. Здѣсь пришлось ему отбиваться отъ французовъ, предводимыхъ самимъ главнокомандующимъ Массеной, генераломъ весьма искуснымъ, энергическимъ и даровитымъ. Хотя французовъ было тутъ 10.000, а русскихъ не больше 7.000, но послѣдніе одержали блестящую побѣду, взяли 5 пушекъ и больше 1.000 плѣнныхъ. Дѣло это происходило подъ Швицомъ, 20-го сентября, а ночью получено приказаніе Суворова—идти на соеди-

шеніе съ нимъ. Люди Розенберга нашли у убитыхъ французовъ съѣстные припасы и даже деньги, сварили себѣ горячій ужинъ, а потому поправились, подбодрились и готовы были на все. Но уходить на глазахъ у французовъ было дѣло неисполнимое, а потому Розенбергъ пустился на хитрость: онъ послалъ въ Швицъ приказъ—заготовить хлѣба, мяса и вина на 12.000 русскихъ, которые скоро войдутъ въ городъ. Французы о приказѣ узнали и цѣлый день прождали непріятеля по ту сторону города. А Розенбергъ выступилъ раннимъ утромъ, такъ что къ вечеру и слѣдъ его простылъ. Но путь его былъ труднѣе Суворовскаго, потому что все время шелъ снѣгъ въ перемежку съ дождемъ, при леденящемъ вѣтрѣ. Все-таки Розенбергъ поспѣлъ 23-го сентября въ Гларисъ, гдѣ поджидалъ его Суворовъ.

Въ Гларисѣ войскамъ дали понемногу пшеничныхъ сухарей и по фунту сыра, и выступили въ походъ ночью съ 23-го на 24-е число. Когда настало утро, то французы узнали объ отступленіи русскихъ и горячо погнались за ними. Багратіонъ далъ жестокій отпоръ, но французы атаковали настойчиво, били изъ пушекъ, осыпали русскій арріергардъ градомъ пуль, ходили въ штыки. У русскихъ артиллеріи не было, ибо они побросали всѣ свои горныя пушки; почти не было и ружейныхъ патроновъ, такъ что каждую пулю надо было выпускать съ разсчетомъ. Четыре раза останавливался Багратіонъ для отпора, и четыре раза сильные числомъ французы были отбиваемы, и наконецъ прекратили атаки. Но и безъ французовъ глубока была та чаша бѣдствій, которую пришлось испить малочисленной, но многострадальной русской арміи. Путь черезъ Паниксеръ или Рингенкопфъ былъ очень дурной, но все-же лучше перевала чрезъ Росштокскій хребетъ. Сдѣлался же онъ бѣдственнымъ потому, что выпалъ въ горахъ большой снѣгъ и продолжалъ валить при подъемѣ войскъ въ гору. Шли наобумъ, потому что проводники скрылись; ночью добрались до вершины, но развести огней было не изъ чего, а между тѣмъ завернулъ морозъ, и поднялась метелица. Многіе отморозили себѣ руки или ноги; нѣсколько человѣкъ даже замерзло. При спускѣ внизъ стало еще хуже, такъ какъ вѣтромъ сдуло снѣгъ въ лощины и образовалась гололедица. Поэтому переходъ 26-го сентября былъ самымъ бѣдственнымъ изъ всей кампаніи по числу погибшихъ людей и особенно вьючнаго скота. На слѣдующій день пришли въ Куръ; здѣсь всѣ невзгоды окончились; выданы были дрова, отпущенъ печеный хлѣбъ, мясная и винная порціи. Чрезъ нѣ-

сколько часовъ все было забыто; въ лагерѣ происходило сильное движеніе.

Войска пришли въ Куръ въ ужасающемъ видѣ, но не одни солдаты, а всѣ безъ исключенія; Суворовъ—наравнѣ со всѣми. Закутавшись въ лѣтній плащъ, онъ ѣхалъ верхомъ, подъ надзоромъ двухъ казаковъ, питался черствымъ сухаремъ, спалъ гдѣ попало. При выходѣ изъ горъ, войска встрѣтили двухъ быковъ; солдаты бросились на нихъ, мигомъ зарѣзали, распластали, развели огонь и стали жарить на шомполахъ, на шпагахъ...

III.

Такъ кончился этотъ злосчастный, но героическій швейцарскій походъ, эта 17-ти-дневная эпопея, которая породила въ свое время столько легендъ въ средѣ суевѣрныхъ горцевъ. Кампанія эта выходитъ изъ ряда смѣлыхъ военныхъ предпріятій; она не была задумана, а сложилась сама собой, какъ крайнее выраженіе Суворовской военной теоріи. Тутъ сдѣлано съ его стороны все, на что только способна человѣческая воля; иначе армія не могла бы выбраться изъ Швейцаріи. На Сенъ-Готардъ шло 21.000 человѣкъ; въ Куръ пришло нѣсколько меньше 15.000. Въ числѣ выбывшихъ было много раненыхъ, оставленныхъ по-неволѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на попеченіи французовъ. Французы потеряли, вѣроятно, нѣсколько меньше; однако однихъ ихъ плѣнныхъ пришло съ русскими войсками въ Куръ 1.400.

Съ этой кровавой швейцарской драмой кончилось и боевое поприще Суворова. Государь пожаловалъ ему званіе генералиссимуса и приказалъ отлить изъ бронзы его статую, которая стоитъ въ Петербургѣ, на Суворовской площади. Великому князю пожалованъ титулъ „Цесаревича“, и изъ всѣхъ остальныхъ, удостоенныхъ Суворовымъ, не былъ обойденъ ни одинъ.

Когда русскіе оставили Швейцарію, она уже была въ рукахъ французовъ почти вся. Правда, у Суворова, вмѣстѣ съ Римскимъ-Корсаковымъ, набралось бы теперь больше 35.000 человѣкъ, и его сильно подмывало желаніе реванша, но онъ побороль себя въ виду многихъ и крупныхъ препятствій. Онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи эрцъ-герцогу Карлу, съ которымъ вошелъ-было по этому предмету въ переписку, а также донесъ обоимъ императорамъ. Переписка съ эрцъ-герцогомъ приняла, наконецъ, рѣзкій, почти личный характеръ, въ чемъ Суворовъ виноватъ былъ

больше, чѣмъ принцъ. Кромѣ того, на одномъ изъ оффиціальныхъ пріемовъ, очень многолюдномъ, въ присутствіи присланнаго эрцъ-герцогомъ генерала, Суворовъ сталъ говорить, что въ пораженіи Римскаго-Корсакова, при Цюрихѣ, виноватъ не столько самъ Корсаковъ, сколько австрійцы, которые шагу не сдѣлали, чтобы его поддержать. „Они хотѣли его погубить",—пояснилъ онъ:—„они думали погубить и меня, но Суворовъ на нихъ (слѣдовало крѣпкое, непечатное слово)". Какъ ни рѣзокъ этотъ случай, но тутъ главнокомандующій былъ только отголоскомъ своей арміи, которая вся единодушно обвиняла австрійцевъ въ предательствѣ. Однороднаго взгляда держался и императоръ Павелъ, который въ это время уже рѣшилъ разойтись съ союзниками, а потому Суворову не оставалось ничего больше, какъ позаботиться о приведеніи въ возможный порядокъ войскъ, вышедшихъ изъ Швейцаріи въ полномъ разстройствѣ, и о возвращеніи ихъ въ Россію.

Этотъ обратный путь продолжался слишкомъ три мѣсяца, вслѣдствіе получаемыхъ изъ Петербурга различныхъ повелѣній. Тутъ были и колебанія политики, и новые военные планы, и просто капризныя проявленія темперамента Павла Петровича. Между прочимъ, англійское правительство добыло отъ Суворова составленный имъ планъ наступательнаго движенія во Францію, одобрило этотъ планъ, сообщило его въ Вѣну и Петербургъ, какъ свое собственное предположеніе, и обязывалось выдавать субсидію на 80.000-пую русскую армію, при условіи, чтобы ею предводительствовалъ Суворовъ. Но всѣ эти проекты и предположенія не оставляли по себѣ глубокаго слѣда и, въ концѣ концовъ, дѣло приводилось къ разрыву союза Россіи не только съ Австріей, но и съ Англіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ сближенію съ Франціей, вслѣдствіе ловкой политики перваго консула, Наполеона Бонапарте. Останавливаемый нѣсколько разъ обратный походъ русской арміи такимъ образомъ возобновлялся, что только усложняло заботы и труды Суворова по устройству войскъ. Вмѣстѣ съ этими заботами удручали его и многія непріятности, исходившія отъ вѣнскаго двора—наслѣдіе предшествовавшихъ событій. Сюда надо прибавить еще душевныя муки отъ горькаго сознанія неполнаго успѣха итальянской кампаніи и полной неудачи швейцарской. Но не малымъ утѣшеніемъ служилъ ему высокій почетъ, который ему всюду на пути оказывали. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались путешественники, дипломаты, военные, взглянуть на него, услышать его рѣчь, подивиться его причудамъ. Ловили налету его слова; добивались

чести съ нимъ побесѣдовать; дамы цѣловали ему руку, и онъ не особенно этому противился. Вездѣ были ему встрѣчи и проводы, хотя онъ ихъ избѣгалъ; всякое общественное собраніе жаждало имѣть его своимъ гостемъ. Императоръ Павелъ осыпалъ его знаками своей признательности; другіе государи жаловали его разными орденами; наконецъ, и австрійскій императоръ пожаловалъ ему орденъ Маріи-Терезіи большого креста. Забрасывали его письмами, знакомые и незнакомые; изъ числа послѣднихъ прислалъ ему восторженное письмознаменитый лордъ Нельсонъ.

Особенно часто и много видѣли Суворова въ Прагѣ, въ Богеміи. Здѣсь онъ справлялъ святки; у него устроивались фанты, жмурки, жгуты, гаданья, въ которыхъ должны были принимать участіе всѣ присутствовавшіе, безъ исключенія. Шли танцы, пѣлись пѣсни, одна забава смѣнялась другою, и во всѣхъ принималъ дѣятельное участіе самъ хозяинъ. Бывали у него и утренніе пріемы, и обѣды, и балы; присутствовали гости и на богослуженіи въ его домовой церкви. Обѣдали въ 9-мъ часу утра; стряпня была невыносимая, какъ и прежде; пилъ и ѣлъ Суворовъ неумѣренно; выходя къ гостямъ, цѣловался съ ними и ихъ благословлялъ, каждаго въ отдѣльности. Говорилъ онъ тоже много, больше всѣхъ; темы были самыя разнородныя — Иліада, Руссо, Монтескьё, Юлій Цезарь; онъ не возражалъ, если затрогивались и его военныя заслуги, и развивалъ при этомъ свои военные принципы. Причуды его не уменьшались: за обѣдомъ, то онъ надѣвалъ на себя, ни съ того, ни съ сего, шляпу кого-нибудь изъ гостей; то вмѣсто пирожнаго ѣлъ солдатскую кашу; то, пріѣхавъ на балъ, сморкался въ пальцы, и т. под. Вообще, знаменитость Суворова, какъ эксцентрика, шла въ паралель съ его военной славой и даже обгоняла послѣднюю, къ великому ущербу его общей оцѣнки. Значительная доля его чудачествъ имѣла цѣлью удостовѣрить каждаго, что онъ, Суворовъ, вовсе не старъ и совсѣмъ здоровъ. Но это было самообольщеніемъ. Кончанскія невзгоды сильно его надломили, а швейцарскія бѣдствія, можно сказать, его прикончили. Какъ только возбужденное состояніе прошло, такъ катастрофа и надвинулась.

Послѣ множества разныхъ мытарствъ, изъ коихъ главныя заключались въ переговорахъ съ вѣнскимъ дворомъ и его уполномоченными, Суворовъ, въ половинѣ января 1800 года, выѣхалъ изъ Праги въ Россію. Тотчасъ послѣ этого онъ почувствовалъ себя настолько нехорошо, что въ Краковѣ долженъ былъ остановиться и приняться за леченіе. Онъ былъ совсѣмъ

разбитъ кашлемъ и не могъ переносить ни малѣйшаго вѣтра. Спустя короткое время, больной заставилъ себя продолжать путь, но, добравшись до Кобрина, слегъ окончательно. Въ половинѣ февраля онъ писалъ одному изъ близкихъ, что боленъ „огневицей“, что все тѣло его „во гноищѣ“, что онъ 11 дней ничего не ѣлъ и ежедневно слабѣетъ, причемъ болѣзнь свою называлъ *фликтеной*. Дѣйствительно, сыпь, вереда, нарывы покрывали его съ головы до пятъ, и ноги стали пухнуть. Лечиться онъ не любилъ, говоря, что ему для поправки нужны: „деревенская изба, молитва, баня, кашица да квасъ“. Однако, болѣзнь дѣлала такіе большіе шаги, что онъ, скрѣпя сердце, обратился за помощью къ мѣстнымъ врачамъ, а вслѣдъ затѣмъ государь прислалъ своего лейбъ-медика Вейкарта. Большой пользы, однако, отъ этого не произошло, да и больной не слушался, ѣлъ постное, ходилъ въ церковь, едва передвигая ноги. Видя, что толку при подобныхъ условіяхъ не добьешься, Вейкартъ дозволилъ Суворову продолжать путь. Онъ поѣхалъ, или, вѣрнѣе, его повезли, полумертваго, въ большой каретѣ, на перинѣ. Дотащившись до Риги, онъ вздумалъ встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресеніе въ церкви и разговѣться у генералъ-губернатора. Этимъ онъ окончательно подорвалъ свои послѣднія силы, и поѣхалъ дальше еще медленнѣе прежняго. Подъ Петербургомъ его встрѣтили многіе знакомые и незнакомые, окружили карету, подносили ему букеты, фрукты; поднимали дѣтей подъ его благословеніе. Суворовъ благодарилъ, благословлялъ, но дѣлалъ все это съ великимъ трудомъ; еле-еле онъ дотащился до города, въѣхалъ туда въ 10 часовъ вечера (20-го апрѣля); медленно, какъ бы тайкомъ, проѣхалъ по улицамъ до Коломны, остановился у Хвостова, на Крюковомъ каналѣ, и немедленно слегъ въ постель.

Онъ былъ боленъ вдвойнѣ, душой и тѣломъ. Если и прежде, въ Кобринѣ, выздоровленіе его представлялось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, то позже, съ 20-хъ чиселъ марта, оно сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Въ это время постигъ его новый, тяжелый ударъ,—внезапная, безъ предвѣстниковъ и предзнаменованій, немилость государя. Мы видѣли, какія монаршія щедроты и знаки высшаго благоволенія сыпались на Суворова въ заграничную кампанію; то же продолжалось и во время возвращенія его въ отечество. Для генералиссимуса готовился блестящій пріемъ, похожій на тріумфъ; для него предполагалось отвести комнаты въ Зимнемъ дворцѣ; въ Гатчинѣ—встрѣтить его флигель-адъютанту съ письмомъ отъ государя; въ Нарву—выслать за нимъ придворные экипажи; по улицамъ, въ Петербургѣ, по-

строить шпалерами войска, которыя его будутъ встрѣчать и провожать криками ура, при барабанномъ боѣ, колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ; вечеромъ столица освѣтится иллюминаціей. Таковы были вѣсти изъ Петербурга; онѣ крѣпили его духъ, возбуждали энергію и заглушали хоть временно болѣзнь. И послѣ этого, вдругъ, внезапно—крутой поворотъ. Сначала сдѣлано ему замѣчаніе за то, что онъ держалъ при себѣ, въ Италіи, дежурнаго генерала, вопреки устава; потомъ отмѣнены всѣ приготовленія къ торжественной встрѣчѣ и, наконецъ, запрещено ему являться къ государю. Все это до того противорѣчило предшествовавшему времени, до того было неожиданно и непонятно, что организмъ Суворова, и духовный, и физическій, не могъ вынести такого потрясенія, тѣмъ болѣе, что былъ надломленъ въ предшествовавшіе годы слишкомъ рѣзкими смѣнами ощущеній. А свалившись съ ногъ однажды, Суворовъ не могъ уже встать.

Что касается до причинъ постигшей его вторичной опалы, то онѣ, до сихъ поръ, остаются явленіемъ, не поддающимся историческому изслѣдованію. Самое тщательное разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла приводитъ къ заключенію, что единственнымъ объясненіемъ опалы представляется самовольное учрежденіе Суворовымъ должности дежурнаго генерала и построенныя на этомъ инсинуаціи его зложелателей. Но эти мотивы слишкомъ ничтожны, сравнительно съ заслугами Суворова и безпримѣрною благосклонностью къ нему государя. Все это могло служить развѣ поводомъ къ выраженію уже созрѣвшей немилости, а не причиною немилости и опалы. Причина коренится въ духовной натурѣ Павла Петровича, въ его больной душѣ. Только такая постановка вопроса можетъ привести къ объясненію многихъ дѣлъ Павла Петровича вообще, особенно во второй половинѣ его царствованія. Тогда разъяснится самъ собою и частный случай, представляемый послѣднею немилостью государя къ Суворову, и прямо войдетъ въ сферу патологическаго, а не историческаго изслѣдованія.

Первое время по прибытіи въ Петербургъ, Суворовъ сталъ какъ будто поправляться, но это было однимъ изъ кратковременныхъ колебаній болѣзни въ хорошую сторону. Эти кратковременные эпизоды сравнительной бодрости, когда къ больному возвращались прирожденная его живость и саркастическая острота ума, вводили въ заблужденіе не только его друзей, подавая имъ ложныя надежды, но даже и врачей. О характерѣ его болѣзни толковали на разные лады, и лишь послѣ его смерти стали говорить, что у него былъ—marasmus senilis. Его навѣщали многіе

изъ родныхъ и знакомыхъ,—это не было запрещено; бывали и посланные отъ государя, но никто ни разу не слышалъ отъ него ни одного слова по поводу постигшей его опалы. Когда болѣзнь усилилась, и въ исходѣ ея не было уже сомнѣнія, стали напоминать Суворову объ исповѣди и причастіи; но онъ согласился не сразу, не желая признавать, что его жизнь кончалась. Потомъ наступила агонія, больной впалъ въ безпамятство и бредъ. То были военныя грёзы, боевой бредъ, въ которомъ чаще всего слышалось слово:—Генуя! Стихъ мало-по-малу и бредъ, и жизненная сила могучаго человѣка выражалась лишь однимъ прерывистымъ, хриплымъ дыханіемъ,—и 6-го мая, во второмъ часу дня, онъ испустилъ духъ.

Скорбь была общая, всенародная; не высказывалась она только въ оффиціальномъ мірѣ, на высшихъ ступеняхъ. Громадныя толпы народа, вмѣстѣ съ сотнями экипажей, запрудили сосѣднія улицы, но мало кому удалось проститься съ покойникомъ. Выносъ состоялся 12-го числа, въ 10 часовъ утра; тутъ была масса духовенства, два хора пѣвчихъ,—войска по уставу, какъ для фельдмаршала. Много нашлось ловкихъ и осторожныхъ людей, не участвовавшихъ въ процессіи, но это не было замѣтно, а кидались въ глаза сплошныя, безконечныя толпы народа, тянувшіяся за гробомъ и стоявшія по всему протяженію пути. А между тѣмъ „Петербургскія Вѣдомости" не обмолвились ни однимъ словомъ не только о похоронахъ, но даже о кончинѣ генералиссимуса. Балконы, окна, крыши Невскаго и Садовой были переполнены зрителями; на углу Невскаго и Садовой стоялъ государь; при приближеніи гроба, онъ снялъ шляпу и поклонился. Процессія вошла въ ограду Александро-Невской Лавры; гробъ внесли въ верхнюю монастырскую церковь; началась божественная служба. Надгробнаго слова сказано не было; вмѣсто него, придворные пѣвчіе пропѣли концертъ Бортнянскаго, 90-й псаломъ. Всѣ присутствовавшіе плакали, никто не могъ удержаться; удерживались лишь отъ громкихъ рыданій, чтобы не накликать на себя бѣду. Когда отпѣваніе кончилось,—приступили къ послѣднему цѣлованію и понесли гробъ къ могилѣ, въ нижнюю Благовѣщенскую церковь, возлѣ лѣваго клироса. Залпы пушекъ и ружей закончили печальную, тяжелую церемонію, и отъ великаго русскаго воина осталось одно воспоминаніе.

IV.

Суворовъ былъ человѣкъ такого оригинальнаго склада и пріобрѣлъ такую славу непобѣдимости, что еще при своей жизни

сдѣлался героемъ легендарнымъ. Первое время, послѣ его кончины, тоже продолжали складываться пѣсни, отчасти и сказанія, самаго баснословнаго характера. Они проходили въ народъ большею частью чрезъ посредство солдатъ, его „чудо-богатырей", но иногда зарождались въ народной средѣ и непосредственно. Существованіе въ народѣ преданій о Суворовѣ (хотя бы нѣкоторое время) тѣмъ понятнѣе, что легендарные о немъ разсказы нашли себѣ мѣсто даже въ высшемъ русскомъ обществѣ и ходили, кромѣ Россіи, въ Турціи, Польшѣ и Швейцаріи. Главною причиною такого къ Суворову вниманія были его побѣдныя свойства, выразившіяся въ длинномъ рядѣ военныхъ подвиговъ, не только по существу геройскихъ, но и по внѣшности эффектныхъ. Онъ рѣзко выдѣлялся изъ ряда военныхъ талантовъ Екатерининской эпохи, несмотря на второстепенныя роли, ему выпадавшія, на ограниченную сферу дѣйствій, на несправедливости высшихъ начальниковъ. Побѣдныя свойства Суворова коренились, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно полнымъ и цѣльнымъ типомъ *военнаго человѣка вообще*. Военное дѣло и конечное его выраженіе, война, были его жизнью; внѣ этой сферы для него не было существованія, а развѣ только прозябаніе. Онъ былъ военнымъ до послѣднихъ мелочей будничной жизни; понятія, привычки, потребности — все это направлялось строго-логично и гармонично къ одной и той же конечной цѣли. Той же цѣли служила его ненависть къ роскоши, даже отрицаніе комфорта, который онъ смѣшивалъ съ роскошью, ибо не видѣлъ надобности обставлять свою жизнь лучше лагернаго образца. Онъ велъ солдатскую жизнь вовсе не по разсчету, не ради какой-нибудь задней мысли, а исключительно потому, что находилъ ее единственно цѣлесообразною, съ отрицаніемъ шлафроковъ, шубъ, перчатокъ и проч. По его мнѣнію, военный человѣкъ долженъ быть всегда молодъ, здоровъ, неутомимъ; поэтому Суворовъ не ходилъ, а бѣгалъ; не ѣздилъ, а скакалъ; не обходилъ на пути стулъ, а перепрыгивалъ черезъ него. Труды, лишенія и всякія неудобства военнаго времени не представляли для него ничего новаго или непривычнаго, и онъ сразу дѣлался въ военное время первымъ солдатомъ арміи, т.-е. первымъ по качеству, а не по правамъ или положенію. Онъ былъ благочестивъ и строго исполнялъ церковный уставъ; отличался горячимъ патріотизмомъ и высоко ставилъ русское имя; солдата любилъ и сердцемъ, и головой; былъ строгъ во взысканіяхъ, но въ оцѣнкѣ вины снисходителенъ; терпѣть не могъ педантства и мелочной требовательности. Все это, вмѣстѣ взятое, очень сближало его съ солдатомъ и возвышало

въ глазахъ послѣдняго его и безъ того богатую военную натуру.

Всѣ эти военныя достоинства Суворова дополнялись многими его чисто боевыми качествами. Начиная съ энергіи, вчужѣ ужасающей, и для человѣка мягкихъ свойствъ не совсѣмъ даже вразумительной, переходя къ ничѣмъ не парализуемой инициативѣ, упорству и настойчивости и кончая мужествомъ, смѣлостью (доводимой иногда до дерзости,—за что онъ по временамъ и платился) и личною храбростью,—Суворовъ сосредоточивалъ въ себѣ все, что формируетъ военнаго человѣка. По словамъ одного иностраннаго писателя, трудно указать на такое военное качество, котораго бы въ Суворовѣ не было. И дѣйствительно, изъ знаменитѣйшихъ военныхъ людей стараго и новаго времени, едва ли найдется кто-либо, представляющій собою такой полный и цѣльный типъ военнаго человѣка, какъ Суворовъ.

Переходя къ частностямъ, слѣдуетъ указать прежде всего на его высокія достоинства, какъ *тактика* и *военнаго воспитателя*. Онъ воспитывалъ и обучалъ войска исключительно для боя и войны, и задачу эту проводилъ съ послѣдовательностью и логичностью замѣчательными. *Воспитаніе* заключалось въ закалкѣ человѣческой души параллельно съ развитіемъ въ ней активныхъ боевыхъ качествъ и съ возможнымъ притупленіемъ чувства самосохраненія. Иначе говоря,—не выжидай опасности, а иди къ ней на встрѣчу; ступай впередъ, атакуй, а не обороняйся, тѣмъ паче не отступай! *Обученіе* войскъ было механическою стороною воспитанія, т.-е. пріемы обученія вполнѣ соотвѣтствовали воспитательнымъ принципамъ, и обѣ стороны предмета составляли одно замѣчательно-осмысленное цѣлое. А такъ какъ боевая практика не сложна, то и весь циклъ Суворовскаго обученія представлялся простымъ до послѣдней степени. Выраженіе: „обстрѣленныя войска“, было присуще въ значительной степени войскамъ Суворова еще до войны. Вліяніе учебной системы Суворова на его войска усугублялось еще тѣмъ, что она была въ совершенномъ соотвѣтствіи съ его боевой практикой. Эта полная гармонія между правиломъ и исполненіемъ, между словомъ и дѣломъ, была нагляднымъ доказательствомъ жизненности всей его системы.

Суворовъ-тактикъ не уступалъ военному воспитателю. Его тактика, простая, подвижная, не скованная почти никакими формами, не имѣетъ ничего безусловнаго. Признаваемое заурядными военачальниками за невозможное или, по крайней мѣрѣ, за исключительное, онъ принимаетъ за вполнѣ исполнимое и обычное. Главными правилами боя у него были: глазомѣръ, быстрота и

натискъ. Глазомѣръ или военная смётка доходили у него до совершенства; по немногимъ даннымъ онъ зналъ иногда непріятельскую позицію лучше, чѣмъ самъ непріятель. Быстрота его движеній и дѣйствій удивляла своихъ и озадачивала чужихъ, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что русская армія того времени отличалась порядочною тяжеловѣсностью. Послѣдствіемъ глазомѣра и быстроты являлся натискъ, т.-е. наступленіе, атака, ударъ холоднымъ оружіемъ. Вся эта Суворовская военная система или теорія въ сущности была развитіемъ его основного побѣднаго положенія: дѣлай то, что̀ другіе не дѣлаютъ, ибо признаютъ за невозможное! Однако надо помнить, что у Суворова штыкъ былъ не столько орудіемъ дѣйствующимъ, сколько принципомъ боевого дѣйствія; не штыковый бой требовался, а душевная сила—сойтись на штыкъ. Та же сила отражалась въ отрицаніи пристрастія къ обходамъ, къ фланговымъ атакамъ, къ опасеніямъ за свой тылъ, и т. под. Все это мы находимъ въ Суворовскихъ боевыхъ дѣйствіяхъ, также какъ и оборону; но онъ не придавалъ ничему подобному большой важности. Весьма мѣтко выразился про Суворова его современникъ, лордъ Клингтонъ, сказавъ, что въ тактикѣ онъ—то же, что̀ Рембрандтъ въ живописи.

Отличительныя качества Суворова-тактика остаются присущими и Суворову-*стратегику*, но въ искусствѣ стратегическихъ комбинацій и въ умѣньѣ манипулировать большими силами на театрѣ войны онъ уступаетъ полководцамъ первой величины. Стратегическіе его принципы были прекрасны, и наибольшее ихъ достоинство—простота; но, на-ряду съ достоинствами были и недостатки; главный изъ нихъ состоялъ въ нѣкоторой узкости и прямолинейности взгляда и въ неустойчивости практическаго выполненія. Можетъ быть, въ силу сознанія въ себѣ такого недостатка. Суворовъ избѣгалъ составлять стратегическіе планы иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи поклонникомъ простоты и врагомъ всякихъ хитросплетеній, онъ не всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ, впадая въ искусственность или сложность. При такихъ недостаткахъ, у него былъ, однакоже, и разсчетъ, и предусмотрительность и осторожность; употреблялъ онъ и демонстраціи, и рекогносцировки, и обходныя движенія; издѣвался же надъ всѣмъ этимъ для того, чтобы отнять отъ вспомогательныхъ средствъ придаваемое имъ первостепенное значеніе.

Дарованіе Суворова (инстинктъ войны, говорятъ его хулители) не было въ немъ сырымъ матеріаломъ, а выработалось на научной почвѣ. Слѣдуя своему военному призванію, онъ съ

дѣтскихъ лѣтъ пристрастился къ военной исторіи и соприкасающимся предметамъ, а затѣмъ перешелъ къ общему образованію. Всю свою жизнь онъ занимался науками и литературой; большимъ пособіемъ служило ему знаніе нѣсколькихъ языковъ, которыми онъ владѣлъ, впрочемъ, неправильно, не исключая и русскаго, потому что былъ, въ сущности, самоучкой. Оттого и въ образованіи его не хватало ни метода, ни системы, и хотя оно съ годами становилось обширнѣе и законченнѣе, но въ концѣ-концовъ было болѣе широкимъ, чѣмъ глубокимъ. Да и у кого изъ русскихъ людей той эпохи могло быть иначе? При всемъ томъ, мало было въ прошломъ столѣтіи такихъ образованныхъ и такъ хорошо подготовленныхъ къ своему поприщу генераловъ, какъ Суворовъ, и не только въ Россіи, но вообще въ Европѣ. Поэтому очень странно читать въ иностранной литературѣ стереотипныя обвиненія Суворова въ невѣжествѣ, въ незнакомствѣ съ теоріей военнаго дѣла, въ отрицательномъ отношеніи къ наукѣ, знанію и просвѣщенію вообще. Конечно, тому есть причины; укажемъ на двѣ, изъ главнѣйшихъ. Первая заключается въ томъ, что къ изучаемому предмету онъ никогда не относился рабски, а всегда сознательно и своеобразно; все добываемое путемъ науки переработывалось въ немъ какъ бы химически, и получалось нѣчто совершенно новое, собственное, не похожее на образцы, а иногда прямо противоположное имъ, какъ бы ихъ отрицающее. Другимъ поводомъ къ обвиненію Суворова въ невѣжествѣ былъ его темпераментъ или, употребляя его собственное выраженіе, „быстронравіе", т.-е. горячность и нетерпѣливость, заходившія иногда далеко и выражавшіяся въ запальчивости, капитальнѣйшемъ порокѣ боевого Суворова. Такимъ образомъ, въ его дѣйствіяхъ временами наталкиваемся на штыковую атаку безъ необходимости; на пренебреженіе обходомъ, когда онъ былъ и возможенъ, и полезенъ; на игнорированіе своей артиллеріи, когда ея содѣйствіе облегчило бы маневръ и уменьшило бы потери. Все это шло за отрицаніе добытыхъ просвѣщеннымъ опытомъ правилъ, за невѣжество дикаго воителя, тогда какъ все сводилось къ одному — къ горячности и нетерпѣнію, и къ ихъ слѣдствію—запальчивости.

Военная характеристика Суворова была бы очень неполна, еслибы въ числѣ его особенныхъ достоинствъ не упомянуть про его необыкновенное вліяніе на войска... Причины этого вліянія исходятъ изъ замѣчательной полноты его военнаго типа, изъ необычайнаго богатства его военной натуры. Не всякій изъ его подчиненныхъ это понималъ, но всякій чувствовалъ. Его любовь

къ солдату, близкое его знакомство со всѣми мелочами солдатскаго быта, со складомъ его понятій, даже съ процессомъ образованія его идей, все это создавало массу нитей, связывавшихъ послѣдняго солдата арміи съ ея вождемъ. Побѣдныя свойства Суворова сдѣлались въ свою очередь причиной, что солдатъ сталъ его считать высшимъ существомъ, вѣдавшимъ „Божію планиду", на которомъ пребываетъ благодать Господня непреложно. И смѣло шли за вѣщимъ Суворовымъ войска всюду, куда онъ ихъ велъ. Онъ въ нихъ вселилъ полную увѣренность въ самихъ себя; понятіе о возможности пораженія было въ нихъ какъ бы атрофировано. Въ боевомъ отношеніи они стояли выше другихъ русскихъ войскъ, какъ бы ни были послѣднія хороши; даже въ мирное время, Суворовскія войска отличались отъ другихъ своимъ видомъ, какъ свидѣтельствуетъ одинъ современникъ, знатокъ дѣла. Это обаяніе, производимое Суворовымъ на войска, значительно увеличивало его рессурсы противъ другихъ, на театрѣ войны и на полѣ сраженія, дозволяя не давать большой цѣны многимъ правиламъ и формамъ и безбоязненно прибѣгать къ средствамъ необычнымъ. Въ этомъ обстоятельствѣ тоже заключается поводъ къ упрекамъ въ невѣжествѣ, варварствѣ, въ пресловутомъ „инстинктѣ войны". Критики не замѣтили, что до Суворовскаго „инстинкта" надо не спуститься, а подняться, и что его военную теорію можетъ создать и усвоить только избранная, высоко-даровитая, военная натура.

Нельзя совершенно обойти существующихъ обвиненій Суворова въ жестокости, кровопійствѣ, грабительствѣ и всяческихъ насиліяхъ. Какъ ни сжатъ нашъ очеркъ, но и изъ него, кажется, можно усмотрѣть, что тенденціи Суворова вовсе не таковы, а скорѣе противоположны; и обвиненія его въ томъ, въ чемъ онъ вовсе не повиненъ, идутъ изъ источника не исторической критики, а сильно оскорбленнаго имъ національнаго чувства. Такія крѣпкія слова, какъ: „варваръ въ окровавленной звѣриной шкурѣ, съ обличьемъ обезьяны, съ душой кровожаднаго пса"—достаточно освѣщаютъ характеръ критики. Войска русскія, воспитавшись въ войнахъ съ турками, татарами и другими азіатцами, дѣйствительно не были безгрѣшны и проявляли иногда грабительскія наклонности, такъ что право на добычу было даже узаконено и стало освященнымъ обычаемъ. Суворовъ ничего къ этому не прибавлялъ, стараясь, напротивъ, ограничить это пагубное правило, но, къ сожалѣнію, онъ былъ окруженъ людьми нечестными и продажными, которые закрывали отъ него истину и дѣлали его иногда потатчикомъ зла. Но эта

злокачественность окружавшей его среды въ итальянскую кампанію почти уже не существовала, случаи же грабежей хотя бывали, но именно какъ случаи, а вовсе не какъ система, и карались они безпощадно. Нелишне сказать тутъ къ слову, что дурныя качества окружавшей Суворова среды были причиною многаго зла, не въ смыслѣ только распущенности войскъ, но и въ другихъ отношеніяхъ, и бросали на него тѣнь совершенно несправедливую и ошибочную.

Таковъ былъ *военный* Суворовъ; но его личность останется не вполнѣ очерченною, если не принять въ соображеніе Суворова-эксцентрика. Создались различныя мнѣнія о причинѣ странностей Суворова, сдѣлавшихъ изъ него совершенно особаго человѣка въ ряду другихъ чудаковъ и оригиналовъ, которыми кишѣло въ ту эпоху русское общество. Наиболѣе вѣрнымъ слѣдуетъ признать наименѣе распространенное мнѣніе, что онъ былъ чудакъ не искусственный, а естественный, прирожденный. Существуютъ неопровержимыя свидѣтельства, что и въ дѣтскіе годы онъ былъ мальчикомъ эксцентрическимъ; то же самое доказано за время нахожденія его въ полку и позже, въ семилѣтнюю войну. Но обстановка юношеской жизни и первоначальной службы наложила на его чудачество характеръ грубоватый, пахнувшій солдатской палаткой. Добравшись до высшихъ ступеней, Суворовъ остался (помимо своего желанія, а можетъ быть и вопреки ему) такимъ же, какимъ былъ въ началѣ. Только причуды его стали шире, а выходки смѣлѣе. Во всякомъ случаѣ, они не были напускными, а коренились въ его натурѣ, были ея естественнымъ свойствомъ и состояли въ родствѣ съ тѣмъ явленіемъ русской жизни, которое у насъ принято называть юродствомъ. Лишь въ послѣднее время многія выходки Суворова стали принимать окраску самодурства, т.-е. такую, какую имѣли другіе чудаки той эпохи, когда чудить и блажить могли только люди высоко стоявшіе и сильные. У Суворова этотъ оттѣнокъ чудачества потому и появился позже, что, поднявшись очень высоко, онъ, Суворовъ, не могъ уберечься отъ вреднаго вліянія на себя этой среды могущества и силы. Но такъ какъ онъ не переставалъ получать непріятности и уколы своему самолюбію, а между тѣмъ болѣзненность ощущенія увеличилась отъ привилегированности его положенія, то въ немъ сталъ быстро выростать сарказмъ, и выходки дѣлались все больше ѣдкими и злыми. Такъ сформировался Суворовъ-чудакъ (по выраженію современниковъ — „блажной“), образъ котораго, въ главныхъ чертахъ, извѣстенъ каждому. Но сформировался онъ не сразу,

а потому, въ разное время, являлся не совсѣмъ одинаковымъ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, напримѣръ, противъ стѣнныхъ зеркалъ онъ ничего не имѣлъ, а въ 90-хъ уже ихъ не выносилъ; почти всю свою жизнь не считалъ себя призваннымъ раздавать благословенія, а въ послѣднее время дѣлалъ это постоянно, и т. д. Если разница существовала въ частностяхъ, то была она и въ общемъ, ибо человѣкъ маленькій и большой сами по себѣ составляли уже огромную разницу.

Такимъ образомъ, Суворовъ явился въ Европу при полномъ проявленіи своей эксцентрической натуры и представилъ своею особой обширное поле для наблюденій иностранцевъ, непривычныхъ къ подобнаго рода развитію личности. Зрѣлище, дѣйствительно, было экстраординарное; по удостовѣренію лицъ, вовсе Суворову не враждебныхъ, выходки его иногда были остры и злы, но часто и совсѣмъ плоски. Правда, во время серьезной работы или разговора, глазъ на глазъ, безъ постороннихъ, онъ бывалъ серьезенъ, увлекательно краснорѣчивъ, обнаруживалъ многосторонне-образованный умъ и замѣчательную мѣткость сужденій. Но это вовсе не было общимъ правиломъ, и дѣловое настроеніе Суворова быстро смѣнялось шутовскими выходками при первой безтактности или неловкости собесѣдника. Такая легкость — быть чудакомъ, и трудность — не быть имъ, удостовѣряютъ еще разъ, что онъ былъ чудакомъ не напускнымъ, а прирожденнымъ. Нѣкоторые свидѣтельствуютъ, что въ послѣдніе годы онъ производилъ впечатлѣніе просто помѣшаннаго. Помѣшаннымъ онъ, конечно, не былъ, но чудачество свое довелъ до такого предѣла, что оно „понизило его военную славу въ глазахъ иностранцевъ", какъ говоритъ одинъ авторитетный писатель. Что Суворовъ - чудакъ затруднялъ карьеру Суворову - полководцу—видно было и тогда; по крайней мѣрѣ, у государственныхъ людей, его современниковъ, такое мнѣніе сдѣлалось общимъ мѣстомъ. Суворовъ не могъ этого не видѣть или не знать; если же онъ, все-таки, не сдерживался,—значитъ, натура брала свое. Полагаютъ еще, что чудачество Суворова было одною изъ главнѣйшихъ причинъ его популярности между солдатами, его обаянія, но это—грубая ошибка. Выходки Суворова несомнѣнно нравились солдатамъ, но властелиномъ солдатскихъ думъ дѣлали его—не причуды. Странности его имѣли значеніе дополнительное,—аксессуаровъ при главной его силѣ, составленной изъ условій, между которыми юродству не можетъ быть мѣста. Судить иначе,—значитъ, имѣть о русскомъ солдатѣ прямо фальшивое понятіе,

потому что въ военномъ поприщѣ Суворова простой солдатъ есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ побѣды.

Суворовъ, какъ гражданинъ, былъ сыномъ своего общества и своего времени, въ смыслѣ одного изъ лучшихъ его представителей, въ особенности внѣшнею своей стороной, подъ которою онъ, однако, сохранялъ свое собственное моральное обличье. Монархистъ онъ былъ убѣжденный и безусловный; понятія его о царской личности и власти вполнѣ совпадали съ ученіемъ церкви. Не добравшись еще до послѣднихъ высокихъ ступеней своего поприща, онъ былъ покорнымъ слугой своихъ высшихъ начальниковъ, какъ Румянцевъ или Потемкинъ: кланялся, изгибался, льстилъ. При всемъ томъ, онъ отличался твердымъ, независимымъ характеромъ, но никогда не доходилъ до самоотреченія. Усвоивъ многія дурныя особенности эпохи, онъ, однако, не пропитался ими до глубины нравственныхъ основъ; сгибалъ передъ людьми и обстоятельствами спину, но не гнулъ ни передъ кѣмъ свою волю; былъ полонъ благоговѣйнаго почтенія и преданности своему государю, но правдолюбіе и моральную стойкость, хотя бы они и не нравились, считалъ непремѣнною принадлежностью вѣрноподданнаго. Эти свойства, въ соединеніи съ военною славою, и сдѣлали Суворова лицомъ, привлекавшимъ къ себѣ особенное вниманіе современниковъ и горячую симпатію потомства.

Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ Суворова, указываемыхъ, впрочемъ, иностранными источниками, состоитъ, будто бы, въ фанатизмѣ. Подъ этимъ словомъ, вѣроятно, подразумѣвались или религіозная нетерпимость, или національная исключительность, или то и другое вмѣстѣ. Онъ былъ человѣкъ вѣрующій и въ вѣрѣ своей убѣжденный, но далекъ отъ стариннаго московскаго воззрѣнія на иновѣрцевъ, какъ на „поганыхъ недовѣрковъ"; просилъ благословенія у католическихъ священниковъ, хотѣлъ выдать свою дочь за протестанта и т. п. Онъ никогда не давалъ войнамъ, въ которыхъ участвовалъ, смысла религіознаго, и только одну послѣднюю ставилъ въ связь съ религіей потому, что въ революціонной Франціи деизмъ имѣлъ государственное значеніе. Въ такой же мѣрѣ несостоятельно мнѣніе о его національной исключительности. Онъ не считалъ все русское хорошимъ, все иностранное дурнымъ; въ немъ совсѣмъ не замѣчается вѣры въ какое-нибудь исключительное, провиденціальное призваніе Россіи; патріотизмъ не побуждалъ его „травить" нѣмца, поляка, татарина. Онъ не терпѣлъ лишь слѣпой подражательности иноземному и обезьянства, но былъ представителемъ не

старой московской, а новой Петровской Россіи. Въ его благочестіи не было старо-московской мертвой обрядности; хотя онъ держался формы крѣпко, но не отождествлялъ ее съ сущностью, не дорожилъ бородой больше, чѣмъ головой. Складъ его жизни, обыкновенно пріурочиваемый къ старо-московскимъ традиціямъ, былъ вовсе на нихъ не похожъ: московскій носилъ на себѣ характеръ *монастырскій*, Суворовскій же былъ *военный*. И хотя онъ какъ будто пренебрегалъ матеріальными благами европейско-христіанской цивилизаціи, но принадлежалъ ей вполнѣ по внутреннему ея значенію. Доказательствомъ всему этому служитъ его благоговѣйный взглядъ на Петра Великаго, котораго онъ называлъ Прометеемъ, творцомъ и благодѣтелемъ своего народа— „и на ладожскомъ каналѣ, и на полтавскомъ полѣ".

Мы видѣли, что Суворовъ былъ несчастливъ въ семьѣ, вслѣдствіе неудачнаго брака, такъ какъ онъ и жена его представляли собою разительные, непримиримые контрасты въ существеннѣйшихъ условіяхъ супружеской жизни. И трудно было бы подобрать Суворову такую жену, съ которою онъ могъ бы жить душа въ душу. Всепоглощающія задачи его жизни—честолюбіе и славолюбіе—почти исключали возможность соперничества съ ними какой-нибудь иной страсти, или сильной привязанности, особенно постоянной. Характеръ Суворова тоже вовсе не отвѣчалъ условіямъ тихой, безмятежной, счастливой семейной жизни. Онъ былъ горячъ до бѣшенства, взыскателенъ, привередливъ въ высшей степени, неуживчивъ и чрезвычайно впечатлителенъ. Съ нимъ трудно было ладить всякому, и чѣмъ ближе стоялъ къ нему человѣкъ, тѣмъ болѣе возростала эта трудность, не исключая отсюда ни жены, ни дѣтей. Оттого, между прочимъ, окружавшіе его на службѣ люди составляли собою сферу или кружокъ, нравственныя качества котораго были очень невысоки. Въ порывахъ своего темперамента, доходившихъ чуть не до изступленія, онъ старался себя сдерживать, но это ему удавалось лишь до нѣкоторой степени и не всегда, особенно же подъ-конецъ, когда онъ поднялся весьма высоко и потребность сдерживаться перестала чувствоваться. Тогда же стали какъ будто нарождаться въ немъ новые недостатки; но это только казалось; недостатки эти существовали и прежде, а теперь стали только замѣтнѣе.

Къ подобнымъ недостаткамъ слѣдуетъ прежде всего отнести приписываемый ему многими алкоголизмъ, что̀, впрочемъ, можетъ быть принято лишь условно. Такому обвиненію могли содѣйствовать многія его причуды и выходки, до того необычныя, что каждый свѣжій человѣкъ готовъ былъ ихъ объяснить ненормаль-

нымъ состояніемъ шутника. Враги его говорили, что и храбрость его въ военныхъ дѣлахъ зависѣла отъ степени употребленія имъ спирта,—но это уже совсѣмъ нелѣпо, даже безсмысленно. Нѣкоторые указываютъ на кончанскую ссылку, когда, отъ скуки и тоски, онъ пристрастился къ вину; но Николевъ, доносившій обо всѣхъ мелочахъ, никогда объ этомъ не упоминалъ. Вѣрнѣе всего, что обвиненіе въ пьянствѣ идетъ отъ неумѣренности Суворова въ ѣдѣ и особенно въ питьѣ, чему онъ, надо думать, былъ всегда подверженъ. Особенно наглядно проявлялась эта неумѣренность въ Италіи, ибо тамъ онъ былъ наиболѣе на виду для всякаго рода наблюденій. Онъ даже до того переступалъ границы умѣренности, что за столомъ дремалъ и засыпалъ при гостяхъ. Но это находилось въ связи съ его одушевленіемъ въ бесѣдѣ съ гостями; при повседневныхъ обѣдахъ этого не было. Во всякомъ случаѣ, подобныя излишества нельзя назвать прямо и категорично—пьянствомъ, и недостатокъ этотъ, подобно многимъ другимъ, вѣрнѣе назвать капризомъ его чрезвычайно сложной, причудливой натуры. Напримѣръ, его обвиняютъ еще въ недержаніи даннаго слова; это дѣйствительно бывало, но рядомъ, тутъ же натыкаемся на строгую его щепетильность въ этомъ отношеніи и на рабское исполненіе обѣщаннаго. Говорятъ также, что онъ былъ скупъ; правда и это, но рядомъ видимъ подарки, не вызываемые необходимостью, даже до 10.000 рублей. Такъ было и съ алкоголизмомъ. Одинъ изъ видѣвшихъ его въ Швейцаріи говоритъ, что одну недѣлю Суворовъ пилъ воду, а другую—водку. Но каковы бы ни были недостатки Суворова, тенденціозная критика не въ состояніи свести его съ пьедестала. Выдѣляется изъ сравненія съ нимъ лишь Петръ Великій, этотъ создатель русской арміи и организаторъ побѣды въ самомъ обширномъ смыслѣ; этотъ геній не можетъ быть и сравниваемъ съ русскими полководцами по заслугамъ военнымъ, такъ какъ его заслуги имѣютъ значеніе не узкоспеціальное, а общегосударственное. Между всѣми же остальными—нѣтъ равнаго Суворову, и онъ остается до сихъ поръ явленіемъ исключительнымъ, неподражаемымъ, по самобытности его военной теоріи, по оригинальности его пріемовъ и по размѣру его дарованія.

А. Петрушевскій.

ДАЛИЛА

„Philister über dir!..“ Roman von G.-von-Ompteda. Berl. 1899.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Свѣтъ теперь падаетъ не съ той стороны... Довольно!

Въ то время, какъ натурщица зашла за китайскія ширмочки, чтобы одѣться, Ники Зандперъ отложилъ въ сторону палитру и воткнулъ кисть въ высокую вазу изъ японской бронзы тутъ же, на маленькомъ столикѣ.

Не спѣша, закурилъ онъ сигару, еще разъ взглянулъ на свою работу и, снявъ этюдъ со станка, бережно прислонилъ его лицомъ къ стѣнѣ.

Когда натурщица, уже одѣтая въ свое простенькое черное платье съ пелеринкой, прошла мимо и простилась, уходя,—художникъ даже не взглянулъ на нее и только сквозь зубы проговорилъ:

— Такъ до завтра... пожалуйста! Въ такое же время!..

На улицѣ крутились снѣжныя хлопья, набрасывая на оголенныя деревья садика пушистый бѣлый покровъ. Въ мастерской было жарко, желѣзная печь раскалилась чуть не дò-красна: нельзя же заморозить натурщицу.

Но и самого художника не смущала такая высокая температура; въ теплѣ онъ даже лучше себя чувствовалъ.

— Тогда-то и работаетъ у меня мысль, — говорилъ онъ

обыкновенно, если кто изъ его друзей удивлялся такой нестерпимой жарѣ.

Сегодня онъ былъ только не въ ударѣ. Разъ десять принимался онъ за свою картину, и каждый разъ бросалъ начатый эскизъ. Сегодня онъ опять дѣлалъ опытъ, который, однако, его не удовлетворилъ; на завтра былъ назначенъ второй сеансъ, и тогда должно было выясниться, пойдетъ ли дѣло на ладъ, или лучше отказать этой натурщицѣ и взять другую.

Зандеру, впрочемъ, не привыкать было къ такому неровному и тревожному приступу. Каждая новая работа шла у него сначала туго, шероховато, какъ будто она ни за что̀ не удастся;— и каждый разъ превращалась въ нѣчто весьма удачное.

Николай Зандеръ, или, на языкѣ товарищей, просто „Ники“, былъ стройный блондинъ лѣтъ тридцати; лицо его обрамляла русая бородка и чуть сѣдѣющіе русые волосы. Ему трудно давалась работа, и онъ не сразу выдвинулся какъ законченный художникъ; до сихъ поръ онъ, не переставая, работалъ, совершенствуясь, и дѣтей своего искусства воплощалъ послѣ долгихъ страданій. Это не мѣшало Ники все идти впередъ, не ослабѣвая въ своемъ художественномъ рвеніи и не впадая ни въ одну изъ опредѣленныхъ школъ живописи; онъ рвался работать и еще работать, и чѣмъ старше становился, тѣмъ прочнѣе былъ его успѣхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Пинакотека пріобрѣла его „Инвалида“, который произвелъ настолько сильное впечатлѣніе, что вслѣдъ за нимъ потянулись цѣлые полки „инвалидовъ“. Думали-было, что этою картиной вполнѣ опредѣлился характеръ его таланта; но слѣдующее полотно за подписью Зандера было совсѣмъ иного рода: ни тѣни повторенія или дополненія предъидущаго.

То былъ „Христосъ-Распятый“ — „Боже Мой, Боже Мой! Почто̀ Ты Меня оставилъ?“—и на ликѣ пригвожденнаго ко кресту читалось невыразимо-возвышенное чувство, проникнутое, страданіемъ Божества... Затѣмъ явился рядъ фантастическихъ созвучій въ краскахъ, рядъ лѣтнихъ картинокъ-пейзажей, въ которыхъ отразились ширина мысли и глубина чувства, твердая и властная рука художника.

Вотъ и теперь—Зандеръ готовилъ нѣчто совершенно новое, особенное; только мысли его несовсѣмъ еще установились, и онъ ходилъ по своей мастерской, не выпуская изъ руки сигару, и думалъ, думалъ, глядя неопредѣленно въ садъ, за окно. Вдругъ аппетитъ заставилъ его вспомнить объ обѣдѣ—и Ники тотчасъ же собрался въ путь: накинулъ шубу, надѣлъ цилиндръ и очутился

на Потсдамской улицѣ, посреди шума и суеты, которая его невольно увлекала, какъ художника; думы его о картинѣ—какъ рукой сняло. Куда идти? Только не въ „биргалле“: тамъ эта вѣчная мерзость трактирной жизни еще виднѣе!

— Зандн̂еръ, вы ужъ обѣдали?—окликнулъ его кто-то.

— А, Фогельзангъ! Ну, что̀ хорошаго на свѣтѣ?

Встрѣтившійся былъ высокаго роста, въ длинномъ англійскомъ пальто; судя по усамъ и по осанкѣ — офицеръ въ статскомъ платьѣ. Онъ повелъ съ собою пріятеля и, не дожидаясь его указаній, заказалъ тотчасъ же обѣдъ для себя, приговаривая:

— Нѣтъ, супу не надо: прежде всего филэ, голландскій соусъ, антрекотъ, „pommes frites“... французскихъ бобовъ. Да хороши ли они?

— Самые лучшіе!

— Ну, такъ бобовъ и... и сыру.

— Честеру?

— Нѣтъ; не предлагайте мнѣ ничего,—я всегда знаю самъ, что̀ буду ѣсть: рокфоръ! Потомъ—мокка.

Не выжидая рѣшенія Зандиера, онъ заказалъ для нихъ обоихъ бутылку мозеля; и Ники, въ сущности, былъ доволенъ, что ему не надо было выбирать; онъ присоединился къ выбору пріятеля, приказавъ подать себѣ такой же точно обѣдъ, какъ ему.

Этого Фогельзангъ никакъ не могъ понять, и повторялъ, что *онъ* всегда знаетъ самъ, чего бы ему хотѣлось съѣсть. Они посмѣялись надъ такимъ различіемъ между ихъ характерами, а Фогельзангъ замѣтилъ:

— Такому человѣку, какъ вы, надо или завести экономку, или жениться.

Ники пересталъ ѣсть и улыбнулся.

— Мнѣ кажется, художнику жениться не слѣдуетъ совсѣмъ.

— Ну, хорошо; такъ, значитъ,—экономку?

Зандиеръ задумался, а пріятель, какъ бы подслушавъ его мысли, продолжалъ разсуждать:

— Въ концѣ концовъ, чортъ знаетъ, до чего можетъ опротивѣть холостая жизнь! Мой срокъ службы кончается будущей весной, и я уже подумываю, какъ бы мнѣ забраться тогда въ какой-нибудь Богомъ забытый уголокъ: а то вѣдь отпускъ здѣсь даютъ мнѣ изрѣдка и—только на ска̀чки. Что̀ же мнѣ остается дѣлать, если не жениться? Не знаете ли вы невѣсты, которая была бы для меня подходящей? У васъ въ Берлинѣ такое множество знакомыхъ!

— Ну, не особенно большое, — возразилъ художникъ — въ

обществѣ я нигдѣ не бываю... — И ему живо представились тѣ вечера, которые онъ проводилъ дома и, забившись въ уголокъ дивана, читалъ французскій романъ или мечталъ, припоминая свои прежнія работы и обдумывая будущія;—увлекшись мечтами, онъ не замѣчалъ, какъ вечеръ смѣняла уже ночь.

Ротмистръ продолжалъ говорить, описывая свои „скаковыя“ впечатлѣнія; а Занднеръ только изрѣдка утвердительно кивалъ головой, въ знакъ того, что слушаетъ, но ничего не слышалъ. Самъ того не подозрѣвая, онъ далъ свое согласіе отправиться вмѣстѣ въ одинъ изъ театровъ „Variétés“, и, только очутившись на улицѣ, передъ дрожками, въ которыя собирался садиться съ Фогельзангомъ, вдругъ очнулся. Только теперь сообразилъ онъ, въ чемъ дѣло и—отказался наотрѣзъ, несмотря даже на такую приманку, которую Фогельзангъ считалъ неотразимой,—замѣчательную танцовщицу серпантина.

Пріятели разстались нѣсколько недовольные другъ другомъ, а ротмистръ даже пожалѣлъ, что не пошелъ обѣдать съ кѣмъ-нибудь болѣе сговорчивымъ, кто не испортилъ бы ему удовольствія. Художнику тѣмъ чувствительнѣе былъ этотъ укоръ, что онъ самъ еще не такъ давно велъ жизнь такую же безпечную и широкую, какъ его пріятель, или, можетъ быть, еще шире. То же стремленіе къ работѣ и къ одиночеству въ тиши уютной мастерской, которое дѣлало его счастливымъ, овладѣло имъ; но, въ то же время, въ немъ шевельнулось что-то смутное, похожее на чувство сожалѣнія о необходимости отказаться отъ веселаго общества, баловъ и развлеченій,—которыя начинали его тяготить, какъ только онъ опять попадалъ въ ихъ среду.

Домой вернулся онъ болѣе разстроеннымъ, чѣмъ ушелъ, и тотчасъ же ухватился за свой послѣдній эскизъ; теперь онъ показался ему до того плохимъ, что онъ безъ жалости перечеркнулъ его своей большою кистью,—и только тогда стало ему легче на душѣ. Присѣвъ за столикъ, онъ наскоро написалъ своей натурщицѣ отказъ на завтра.

„И кáкъ это я могъ считать, что мнѣ годится такая неуклюжая *натура!*“—подумалось ему.

Онъ былъ рѣшительно разстроенъ, и ничего не было у него подъ рукой, чтобы отвлечь его мысли: работать онъ не могъ, новыхъ книгъ не было; даже старуха-прислуга, которая днемъ приходила къ нему хозяйничать,—и та уже ушла. Одиночество тяжело отозвалось у него на душѣ, и онъ рѣшилъ лечь спать.

Но это ему тоже не далось на этотъ разъ. Постель оказалась такъ небрежно сдѣлана, что ему пришлось встать и опять

самому ее снова оправлять... Тутъ ему вдругъ пришла въ голову мысль, которая прежде никогда его не посѣщала:

„Вотъ, еслибъ у меня была жена!..“ — и тотчасъ же самъ возразилъ себѣ своимъ обычнымъ приговоромъ: — „Художнику нельзя жениться“!

А все-таки, первымъ условіемъ для жены художника оставалось—чтобы она была ему парой; и Ники страстно захотѣлось извѣдать въ мирѣ и тишинѣ счастье быть любимымъ женщиной, которая отвѣчала бы на его горячую любовь такимъ же пылкимъ чувствомъ...

Мысли его сбились, спутались... Онъ не замѣтилъ, какъ уснулъ...

II.

Позади первой мастерской была еще вторая, гдѣ три раза въ недѣлю, утромъ и вечеромъ, собирались ученицы Ники Зандпера.

Теперь, когда ему больше не было нужды въ заработкѣ, который ему доставляли эти уроки, онъ все-таки не бросалъ ихъ, жалѣя разстаться съ своей преподавательской дѣятельностью, которую успѣлъ полюбить. Ученицы его распадались на два опредѣленные типа: серьезно относящихся къ искусству и—поверхностно; послѣднихъ онъ прозвалъ „воскресными“, благодаря тому, что это были дѣвушки обезпеченныя, занимавшіяся живописью отъ нѣчего-дѣлать, — и такихъ онъ теперь больше не принималъ въ число своихъ ученицъ. Прежде, по недостатку средствъ, онъ вынужденъ былъ принимать и такихъ, потому что онѣ платили хорошо; но теперь онъ больше обращалъ вниманія на „серьезныхъ“, и если которая-либо изъ „воскресныхъ“ пропускала уроки, а потомъ опять появлялась,—Ники высказывалъ ей прямо, что, къ сожалѣнію, мѣсто ея уже занято и мастерская переполнена.

Весь послѣдующій день Зандперъ безцѣльно бродилъ по улицамъ: натурщицы пока новой не было, а мысли его еще не установились... Опять натолкнулся онъ на Фогельзанга; но сегодня отказался ему сопутствовать.

— У меня вечерній урокъ,—возразилъ онъ.

— Ахъ, какая съ вами тоска!—отозвался ротмистръ, и они разошлись въ разныя стороны.

Спѣша чуть не бѣгомъ домой (шелъ уже шестой часъ), Зандперъ припоминалъ свою первую встрѣчу съ нимъ въ Парижѣ,

гдѣ онъ жилъ послѣ своего двухлѣтняго пребыванія въ пѣхотномъ полку: въ ту пору онъ еще только стремился изъ безнадежно-неумѣлаго солдата сдѣлаться великимъ художникомъ, и для этой цѣли пожертвовалъ всѣмъ своимъ небольшимъ состояніемъ.

Какъ-то разъ шелъ онъ по какой-то кривой улицѣ Монмартра и наткнулся на сильно-захмелѣвшаго человѣка, который, не зная никого и ничего въ Парижѣ, блуждалъ растерянно, позабывъ названіе своего отеля и не умѣя сказать ни слова по-французски. Богъ вѣсть, что съ нимъ было бы дальше, еслибъ Ники не увелъ его къ себѣ! Очнувшись послѣ сна, на другое утро, Фогельзангъ (это былъ онъ) былъ чрезвычайно удивленъ, когда понялъ, что попалъ, почему-то, чуть не подъ небеса, въ комнатку совершенно незнакомаго человѣка, вмѣшательство котораго въ его судьбу спасло его потомъ отъ суровой кары за самовольную отлучку изъ полка въ Парижъ.

Воспоминанія прошлаго настроили Занднера веселѣе, и въ такомъ настроеніи онъ вошелъ къ себѣ въ мастерскую. Въ эту минуту позади него послышались на лѣстницѣ старческій кашель и брюзжанье. Какой-то старикъ ворчалъ на нескончаемыя ступеньки, обращаясь къ своей спутницѣ, молодой дамѣ. Они дошли до площадки, когда Ники только-что вошелъ къ себѣ и пріостановился, выжидая, чтобы позвонили. Поспѣшно сбросилъ онъ шубу и шляпу, въ то время какъ прислуга подавала ему карточку посѣтителей съ надписью: „Фонъ-Эвельгорстъ. Генералъ-лейтенантъ въ запасѣ“.

Въ первую минуту, Занднеръ подумалъ, что это, можетъ быть, кто-нибудь изъ его бывшаго начальства во время отбыванія воинской повинности, но не могъ припомнить:

— Простите!—проговорилъ онъ.

Вошелъ старикъ, а за нимъ слѣдомъ—молодая дѣвушка. Съ перваго же взгляда видно было, судя по его бѣлымъ усамъ и бакенбардамъ съ пробритымъ подбородкомъ, что это—офицеръ въ отставкѣ; даже его статское платье облегало его станъ какъ-то по-военному.

Художникъ пошелъ на встрѣчу гостю, представился ему и просилъ, чтобы его представили молодой дамѣ. Если при входѣ въ мастерскую его превосходительство держался нѣсколько сурово и сдержанно, то обращеніе художника, отъ котораго онъ, повидимому, не ожидалъ такого проявленія свѣтской благовоспитанности, заслужило его благосклонность.

Зандперъ подалъ стулья гостямъ; всѣ усѣлись.

— Я имѣю обыкновеніе говорить безъ длинныхъ предисловій,—началъ генералъ.—Итакъ, мы къ вамъ пришли по той причинѣ, что дочери моей нужны—или она считаетъ, что нужны—уроки живописи. Я долженъ вамъ признаться, что считаю это совершенно лишнимъ: таланта у нея на это нѣтъ.

Невольно, съ любезностью рыцаря, художникъ выступилъ въ защиту своей юной гостьи, но генералъ горячимъ движеніемъ руки и головы далъ ему понять, что къ возраженіямъ онъ не привыкъ.

— Нѣтъ, позвольте... позволь-те! Вы съ дочерью моей вовсе незнакомы, а я, сколько мнѣ кажется, до нѣкоторой степени все-таки ее знаю,—какъ ея отецъ. Конечно, не мѣшаетъ развивать въ себѣ таланты, если есть время и возможность, но все-таки въ основаніи каждаго дѣла лежатъ усердіе и аккуратность. Не правда ли?

Художникъ возразилъ, что относительно усердія онъ вполнѣ согласенъ, но что касается аккуратности—онъ самъ ею не отличается.

Старикъ молчалъ и слушалъ, разглаживая себѣ баки вправо и влѣво. Дочь его сидѣла также молча, какъ бѣдное слабенькое созданье, которому въ голову не придетъ возвысить голосъ въ присутствіи старшихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшилъ про себя художникъ; какъ вдругъ, она подняла голову, сѣла попрямѣе, и съ ея смѣющихся губъ слетѣли слова:

— Ну, вотъ, вы теперь слышали, чтò за негодное созданіе вы видите въ лицѣ моемъ; слышали, что у меня нѣтъ таланта и что я хочу быть вольнодумкой. А все-таки, мнѣ очень бы хотѣлось брать уроки.

Зандперъ взглянулъ на нее.

Черная вуалетка съ большими мушками покрывала ей лицо, и одна изъ мушекъ даже приходилась на самомъ кончикѣ небольшого и, казалось, остренькаго носа; темная суконная накидка скрывала ея фигуру... Еще разъ вспомнилось художнику, что онъ рѣшилъ больше не принимать „воскресныхъ“ учениць, и онъ сухо возразилъ:

— Мнѣ очень жаль, но у меня больше нѣтъ свободныхъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, я васъ не могу принять.

Зандперъ думалъ, что дѣлаетъ пріятное старику-генералу; но, повидимому, его превосходительство вообще недолюбливалъ возраженій, потому что самъ уже сталъ поддерживать желаніе дочери и настаивалъ, чтобы Зандперъ сначала посмотрѣлъ ея

первые „опыты“. Эти „опыты“ оказались далеко ниже всего, что до сихъ поръ художнику случалось видѣть; чувство изящнаго въ немъ возмутилось, и онъ повторилъ, глубоко вздохнувъ:

— Простите! Но, право же, у меня всѣ мѣста заняты!

Отвергнутая ученица, казалось, не хотѣла этому вѣрить, и разсмѣялась прямо ему въ лицо:

— Профессоръ, право, я свернусь въ комочекъ и забьюсь въ уголокъ или въ дверную щелку... ну, куда хотите! Изъ-за меня вамъ нечего тревожиться!

При этомъ сверкнулъ рядъ ея ослѣпительныхъ зубовъ, а старый генералъ тоже, повидимому, счелъ этотъ вопросъ поконченнымъ, потому что всталъ и заговорилъ о другомъ:

— Я слышалъ, вы—бывшій офицеръ?

— Да, ваше превосходительство.

— А позвольте спросить, гдѣ вы стояли?

Художникъ отвѣтилъ; и генералъ сразу припомнилъ всѣ подробности его полка и начальства. Только въ дверяхъ онъ опять остановился и проговорилъ:

— Ну, Вѣра, когда жъ это начнется?

— Профессоръ, когда у васъ рисуютъ?

Ники подумалъ, что теперь, пожалуй, ужъ неловко будетъ отказать, и со своей обычной вѣжливой улыбкой отозвался на ея вопросъ:

— По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ.

— Вотъ и прекрасно, что не въ субботу! Въ этотъ день я ни за что бы не могла бывать: тутъ и балы, и вечера, и вообще всегда что-нибудь такое...

— Сегодня середа! — ударивъ себя по лбу, воскликнулъ генералъ.—У васъ урокъ?

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство, — съ легкимъ поклономъ отвѣчалъ художникъ. — Въ сосѣдней мастерской уже работаютъ мои ученицы.

Старикъ заторопился уходить, но Вѣра откинула свою вуалетку съ большими мушками, сложила свои этюды на стулъ и, слегка хлопнувъ въ ладоши, весело вскричала:

— Можно мнѣ сейчасъ, сегодня же начать?

— Конечно, — несовсѣмъ увѣренно согласился художникъ, съ удивленіемъ глядя на нѣжное личико съ тонкими чертами, миніатюрнымъ носикомъ и красивыми голубыми глазами. Ники чуть не упрекнулъ свою гостью въ томъ, что она надѣла такую несносную вуалетку, подъ которой она была неузнаваема.

Она замѣтила его смущеніе и сама смутилась, покраснѣла.

— А знаешь ли, папà? Ты успѣешь сыграть партію въ шахматы у Іости, а когда урокъ кончится, ты за мною зайдешь. Когда онъ кончается, профессоръ?

— Въ семь.

— Вотъ видишь, папá, какъ удобно! Значитъ, у тебя впереди полтора часа времени, — говорила она, такъ поспѣшно снимая свою накидку, что художникъ не успѣлъ подскочить ей помочь, и ему бросилась въ глаза такая изящная, пропорціональная фигурка, лучше которой нельзя было себѣ представить, какъ наиболѣе подходящую къ такой хорошенькой головкѣ.

Прощаясь съ генераломъ, котораго нельзя было назвать красивымъ, Ники невольно подумалъ:

„Какъ должна быть красива мать, если съ отцомъ у нея ничего нѣтъ похожаго!"

Въ досадѣ, что ему опять навязана „воскресная" ученица, Зандперъ вернулся къ ней, не зная, какъ съ нею быть; но она такъ мило, такъ невинно стояла передъ нимъ, и такъ привлекательна показалась ему, какъ знатоку-художнику, что онъ не могъ дольше на нее сердиться.. Остановившись передъ нею, онъ только скрестилъ на груди руки и спросилъ:

— Ну, чтò-жъ мы будемъ дѣлать?.. Такъ вы, *въ самомъ дѣлѣ* хотите учиться рисовать?

— Понятно!

Въ недоумѣніи, онъ принялся пересматривать ея наброски, и еще разъ долженъ былъ признать ихъ безнадежность. Ей не подъ силу будетъ рисовать съ натурщика,—который служитъ моделью его ученицамъ: ей надо дать отдѣльную работу. Онъ такъ ей и сказалъ.

Повидимому, это было для нея разочарованіемъ.

— Мнѣ кажется, я должна учиться рисовать, какъ настоящій художникъ? — тономъ озадаченнаго ребенка, который хочетъ разыгрывать „большого", замѣтила она.

— Современемъ,—конечно! А пока пойдемте къ нашимъ дамамъ.

„Тамъ видно будетъ, что для нея нѣтъ мѣста",—подумалъ онъ про себя".

— А чѣмъ же я буду рисовать?—немного тревожно спросила она, показывая ему свои ручки.—У меня нѣтъ ничего съ собой.

Невольно ему пришлось разсмѣяться, и онъ долженъ былъ сознаться, что она обворожительно мила въ позѣ кающейся грѣшницы.

Со вздохомъ потянулся онъ къ безпорядочной кучѣ, сваленной въ углу, вытащилъ оттуда старый свертокъ ватманской бумаги и два карандаша и распахнулъ дверь въ ученическую, пропуская фрейлейнъ фонъ-Эвельгорстъ впередъ.

— Вы познакомите меня, конечно?—попросила она, входя.

Художникъ назвалъ громко ея фамилію, на которую дамы отозвались легкимъ наклоненіемъ головы. Ученическая мастерская, дѣйствительно, была переполнена; это видно было съ одного взгляда. Художникъ подошелъ къ одной, къ другой ученицѣ, заглянулъ въ ихъ рисунки; одна пожилая дама, примостившаяся въ сторонѣ, въ уголку, спросила его что-то потихоньку; онъ ей отвѣтилъ такъ же тихо и вернулся къ дверямъ:

— Теперь вы вѣрите, что мѣста нѣтъ?

Молодая дѣвушка не отвѣчала.

Она видѣла это ясно, но отказаться отъ уроковъ ей тоже не хотѣлось. Выраженіе самоувѣренной веселости пропало у нея на лицѣ; Ники показалось даже, что въ глазахъ сверкнули слезинки. Это его смягчило, и онъ усадилъ ее въ своей собственной мастерской, все время недоумѣвая, что̀ бы такое дать ей рисовать? Ничего подходящаго не было подъ рукой.

Въ углу, на сундукѣ валялся запыленный черепъ,—подарокъ его знакомаго, молодого доктора.

— Вотъ, рисуйте!—проговорилъ онъ и положилъ передъ нею, на столъ.

Дѣвушка отшатнулась. Она отъ роду не видывала настоящихъ череповъ, а тутъ вдругъ—рисуй!

— Боже! Какое отвращеніе!—воскликнула она и робко поглядывала на своего учителя, который между тѣмъ уже усѣлся передъ своимъ станкомъ и самъ хотѣлъ приняться за работу.

Понемногу его новая ученица настолько приглядѣлась къ своей модели, что начала чинить карандаши, все еще не рѣшаясь приняться за дѣло... Пробило шесть часовъ, а она все еще не сдѣлала ни штриха.

Ники смотрѣлъ на нее, любуясь ея стройностью, изяществомъ и красотой ея прелестной головки. Вотъ моделью она служила бы прекрасной. Жаль!..

Впрочемъ, онъ уже больше не сердился, что принялъ ее въ ученицы.

Дверь въ ученическую захлопнулась сама собой. Художникъ подошелъ, отворилъ ее и заложилъ книгой, чтобы она не могла закрываться.

„Такъ, все-таки, приличнѣе“,—подумалъ онъ.

III.

Каждый разъ, какъ фрейлейнъ Эвельгорстъ приходила на урокъ, ее приводилъ отецъ, а отводилъ лакей. Старикъ обмѣнивался парой словъ съ художникомъ, но касался лишь посторонних вопросовъ, совершенно игнорируя успѣхи дочери, которыхъ, впрочемъ, не было и даже не предвидѣлось. Однако, разъ какъ-то онъ высказалъ свое мнѣніе о живописи, которую понималъ только въ смыслѣ батальныхъ картинъ.

— Ваши „Сумерки" никакого впечатлѣнія не производятъ. Ну, вижу, что сумерки наступили, — вижу потому, что ничего на полотнѣ не разберешь... Такъ чего же ради ихъ изображать?— говорилъ онъ; а Зандперъ спокойно его слушалъ, уже зная, что генералъ и не ждетъ отвѣта; только въ глубинѣ души ему было досадно передъ ученицами, какъ всегда, когда онъ встрѣчалъ такое грубое непониманіе чистаго искусства.

Фрейлейнъ фонъ-Эвельгорстъ замѣтила послѣ его досаду и проговорила:

— Какъ можете вы раздражаться? Еслибы вы такъ отозвались о военномъ дѣлѣ, когда папà еще служилъ,—его это не разсердило бы нисколько.

— „Да это, милостивый государь, васъ и не касается, чортъ побери"! Вотъ что̀ онъ сказалъ бы мнѣ,—возразилъ, смѣясь, художникъ.

Дѣвушка умолкла, и, поглядывая на нее поверхъ своей работы, онъ видѣлъ, съ какимъ тщаніемъ она выводила черточку за черточкой, хоть это и не приводило ровно ни къ чему: къ живописи у нея не было никакихъ способностей. Являясь на урокъ съ карманами, биткомъ набитыми хлѣбомъ, она чистила свой рисунокъ, перечерчивала его, или брала снова чистый листъ бумаги, начиная все съизнова. Но все напрасно! дѣло стояло на мѣстѣ.

„Пенелопа!"—думалъ онъ, но не хотѣлъ придти къ ней на помощь. Въ сущности, ему было все равно, добьется ли она чего, или нѣтъ. Изрѣдка, подойдя къ ней, онъ болѣе серьезно дѣлалъ ей кое-какія замѣчанія, вмѣсто того, чтобы, какъ обыкновенно, небрежно и безпощадно перечеркнуть весь ея рисунокъ, какъ будто бы ему хотѣлось его уничтожить.

Въ то время, какъ онъ говорилъ и давалъ ей указанія, она смотрѣла прямо ему въ лицо своими широко-открытыми глазами

и улыбалась, не глядя на работу. Это его раздражало, и онъ, наконецъ, замѣтилъ сердито:

— Да будьте же внимательны, когда я объясняю!

Ученица его разсмѣялась и попросила прощенія за то, что у него такое разобиженное лицо.—Но, право же,—прибавила она,—чрезвычайно забавно видѣть васъ сердитымъ!

Ники Зандперъ спокойно отложилъ работу и спросилъ:

— Вотъ что вы только мнѣ скажите: зачѣмъ вы, собственно, хотите непремѣнно рисовать?

— Это меня забавляетъ.

— Искусство не игрушка! И ваши труды ни къ чему не приведутъ. Я не могу вамъ быть полезенъ; у меня вы ничему не научитесь.

Она недовѣрчиво смотрѣла на него, и это его еще больше разсердило:

— Эти уроки, все равно, брошенныя деньги!

— Папа̀ богатъ; это для него ничего не значитъ,—запальчиво вырвалось у нея; но она тотчасъ же спохватилась, что сказала рѣзкость, и хотѣла исправить свою оплошность.

— Да я-то этого не хочу!—рѣзко перебилъ онъ ее:—въ состояніи вы за это заплатить, или нѣтъ, это для меня безразлично; но не могу я загребать деньги за ученье, которое, я знаю, не достигнетъ цѣли. Сверхъ того, осмѣлюсь замѣтить, что я вовсе не нуждаюсь въ преподаваніи живописи молодымъ дамамъ и дѣвицамъ, которыя къ этому неспособны. Самая небольшая картинка дастъ мнѣ больше, чѣмъ цѣлая сотня дамъ, учащихся рисовать.

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ горячился не въ мѣру, теряя сознаніе того, что̀ сначала хотѣлъ или, вѣрнѣе, *имѣлъ право* сказать.

Фрейлейнъ фонъ-Эвельгорстъ встала, убрала рисовальныя принадлежности и надѣла свою накидку. Профессоръ пробормоталъ что-то вродѣ:

— Мнѣ очень жаль, что я былъ такъ рѣзокъ...

Но она стояла уже у дверей, коротко ему кивнула головой и скрылась за дверью. Онъ было-бросился за нею, чтобъ отворить входную дверь,—но ея уже не было. Посвистывая, Ники вернулся обратно въ мастерскую, и у него мелькнула мысль:

„Какъ это было бы хорошо, еслибъ она была моделью!..“

Зато теперь ужъ она навѣрно не вернется!“—подумалъ онъ, съ облегченіемъ вспоминая, что это бремя у него съ плечъ долой, и это обстоятельство сердечно порадовало его.

Въ ученической мастерской сегодня позировала фрау Бюксель, жена швейцара въ домѣ № 18. Когда вошелъ художникъ, она встрепенулась и постаралась придать нѣкоторое оживленіе своему заспанному лицу.

Старшая изъ учендцъ, фрейлейнъ Колдвэй, про которую Ники говорилъ въ шутку, что *ему* можно у нея поучиться,—подняла страшный шумъ. Сверкая глазами поверхъ очковъ, сидѣвшихъ на кончикѣ носа, она неистово махала въ воздухѣ карандашомъ, восклицая:

— Я протестую, фрау Бюксель, протестую! Я какъ разъ строго выдержала выраженіе созерцательной дремоты у васъ на лицѣ. У меня было уже почти готово, а вы вдругъ взяли да и повеселѣли! Не правда ли, mesdames, фрау Бюксель всего характернѣе, когда она дремлетъ?.. Сладко дремлетъ!

Всѣ разсмѣялись, и общая веселость еще увеличилась, когда „модель" оскорбленно заявила, что она и не думала спать. Ники успокоилъ ее, но изъ рисунковъ явствовало, что всѣ ученицы поняли одинаково выраженіе дремоты на лицѣ натурщицы. Фрейлейнъ Мейеръ, отличавшаяся своимъ скромнымъ ростомъ и видомъ, несмотря на свою мальчишескую головку, даже подписала подъ своимъ почти законченнымъ эскизомъ: „Въ селеніяхъ праведныхъ. — Этюдъ сна съ фрау Бюксель, Викторія-штрассе, 18".

Она сконфузилась, когда учитель пробѣжалъ глазами ея рисунокъ, и хотѣла стереть надпись, но онъ добродушно улыбнулся: сегодня, послѣ отчаянныхъ усилій его бездарной ученицы, ему все казалось почти совершенствомъ. Правда, эти дамы были замѣчательно некрасивы, но зато ихъ сердце, голова и руки были какъ бы нарочно созданы для великаго дѣла чистаго искусства.

Уходя изъ ученической, Ники вздохнулъ съ облегченіемъ, подумавъ про свою неудачную ученицу:

„Слава Богу, она больше не придетъ послѣ нашего разговора!"

И въ самомъ дѣлѣ, день шелъ за днемъ, а она не приходила. Шла уже вторая недѣля и прошла, а фрейлейнъ Эвельгорстъ все не возвращалась; это даже начало его сердить, тревожить,—тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Онъ позволилъ себѣ быть грубымъ съ женщиной—и долженъ извиниться. Положимъ, ему будетъ тяжело явиться въ домъ генерала при такихъ условіяхъ, но за-одно, по крайней мѣрѣ, можно сдѣлать визитъ отцу и отдать долгъ вѣжливости его дочери.

Генералъ фонъ-Эвельгорстъ жилъ на улицѣ „милліонеровъ“, какъ назвалъ Ники про себя Бельвюштрассе. Медленно поднялся онъ по лѣстницѣ тихаго, стараго, величаваго дома и остановился передъ дверью съ стеклянной табличкой, на которой стояла фамилія: „фонъ-Эвельгорстъ“.

Тутъ только онъ сообразилъ, что, можетъ быть, жена генерала жива, и что еще вопросъ, кому надо приказывать лакею доложить. Послѣдній разрѣшилъ его сомнѣніе, попросивъ карточку.

Прежде на карточкѣ его стояло: „Поручикъ дѣйствительной службы“; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался извѣстнымъ художникомъ, онъ просто печаталъ: „Николай Зандперъ“.

— Приказали просить!—объявилъ лакей и ввелъ гостя въ мужской кабинетъ, увѣшанный изображеніями изъ военной жизни, группами и отдѣльными портретами сослуживцевъ его превосходительства; подъ одними стояли только имена, подъ другими—крестъ.

— А, вотъ и вы!—раздалось у него за спиной, и генералъ, коротко поздоровавшись, предложилъ гостю сигару, усѣлся и закурилъ. Разговоръ не налаживался, пока его превосходительство не догадался показать свои картины и портреты.

— Мои сыновья!—не безъ гордости пояснилъ онъ, дойдя до фамильныхъ снимковъ.—На одномъ портретѣ былъ красивый офицеръ-драгунъ, на другомъ—изящный статскій въ сюртукѣ; между ними стояла небольшая пастэль—женская головка съ прическою восьмидесятыхъ годовъ, судя по сходству—мать Вѣры.

— Ваша супруга, генералъ?

— Моя покойная супруга. Пятнадцатый ужъ годъ, какъ я вдовѣю,—довольно сухо, почти безъ всякаго чувства, какъ нѣчто обязательное, проронилъ старикъ и обратился къ портрету Вѣры.

— Кстати, скажите: изъ ея малеванья ничего не вышло? Вѣрно, совсѣмъ не шло на ладъ? Я ей тогда же говорилъ. У нея нѣтъ усидчивости, нѣтъ терпѣнія. Можетъ быть, я самъ въ ея воспитаніи упустилъ это изъ виду, хоть и не знаю, чтò именно надо было сдѣлать? Для мужчины бѣдовое дѣло—воспитывать дѣвушку, а въ гувернантку вѣдь не влѣзешь. Тутъ-то и не хватаетъ материнской...

Дверь отворилась,—вошла Вѣра, прелестнѣе, чѣмъ когда-либо. Она прямо подошла къ художнику и подала ему руку:

— Но вы, все-таки, прòсите у меня прощенія?

— Мнѣ очень жаль, но я...

Она перебила его, обратившись къ отцу съ какимъ-то пустымъ замѣчаніемъ.

Генералъ откинулся поудобнѣе на кресло и предоставилъ дочери вести бесѣду, которая на нѣсколько минутъ касалась лишь ея попытокъ рисовать все, что̀ ни попадало ей подъ руку: видъ изъ окна, копію съ листковъ приложеній и даже свою горничную...

— Я ее буквально замучила, заставляя по цѣлымъ часамъ сидѣть безъ движенія,—говорила она, а художникъ любовался ея изящной, юной красотой и солнечными бликами, которые ложились на ея прекрасные волосы; особенно привлекала его вниманіе ея тонкая, выхоленная ручка съ подчищенными, отполированными ноготочками, и ему припомнились толстыя, загрубѣлыя, словно разбухшія руки натурщицы. Изъ-подъ платья Вѣры выглядывалъ кончикъ маленькой, изящной ножки, а самое платье сидѣло какъ облитое, и вся ея фигура, ея поза и наружность такъ и просились на картину. Ни капли напряженности, ни тѣни разсчета на эффектъ. Сама собою у нея вышла очень эффектной самовольная, причудливая поза: такого изящества и естественной простоты ни въ какой натурщицѣ не сыщешь. Въ Парижѣ еще—скорѣе, но въ Германіи, среди нѣмокъ... Хоть бы разъ списать съ такой подвижной, нервной и изящной красавицы-аристократки!

Улыбаясь, юная хозяйка дома, между тѣмъ, спросила:

— Какая же судьба теперь постигнетъ нашъ слѣдующій урокъ?

— Осмѣлюсь сдѣлать вамъ одно предложеніе...

— Пожалуйста!

— Вы отъ руки не пишете?

— Вы, кажется, принимаетесь опять?..

— Прошу васъ, выслушайте до конца: вмѣсто васъ, *я* буду рисовать!

— Но тогда вѣдь *я* ничему не научусь? — возразила молодая дѣвушка, польщенная, что на нее обратилъ вниманіе „великій Зандлеръ“.

Ей припомнилось, какъ однажды отецъ ея сердился, что за какихъ-нибудь квадратныхъ поларшина, подписанныхъ „Н. Зандлеръ“, люди даютъ по десяти тысячъ марокъ. Старикъ припомнилъ то же самое, и вѣроятно испугался, что ему еще за это придется заплатить, потому что осторожно возразилъ:

— Скажите мнѣ сначала, какъ это надо понимать? Не обижайтесь на меня, а только я считаю долгомъ вамъ сказать, что

мнѣ бы не хотѣлось имѣть портретъ дочери, потому что всѣ портреты, какіе мнѣ извѣстны, страшно непохожи! Какъ-то разъ, помнится, мы заказали для нашего собранія портретъ старика-императора—одному изъ офицеровъ, весьма дѣльному художнику; но, увѣряю васъ, я не нашелъ сходства никакого. А мнѣ не разъ вѣдь приходилось близко видѣть императора, я былъ милостиво осчастливленъ его разговоромъ, и, кажется, я могъ лучше знать, насколько онъ похожъ,—такъ нѣтъ же! Все-таки, ни тѣни сходства, вѣрно говорю вамъ. Не обижайтесь, если я скажу, что фотографія, по-моему, надежнѣе. У меня составилось свое мнѣніе.

Ники слушалъ, не сморгнувъ, и возразилъ съ улыбкой:

— Ваше превосходительство, это вѣдь будетъ вовсе не портретъ; мнѣ сходства даже и не надо! Мнѣ надо только вѣрнѣе передать выраженіе... Это будетъ нѣчто вродѣ „дамы въ желтомъ“ или „дамы въ сиреневомъ“...

Онъ объяснилъ старательно, подробно свою мысль, но генералъ не могъ никакъ понять, къ чему тогда писать... А дочь его, съ блестящими глазами, вся сіяла счастьемъ, что съ нея будутъ писать портретъ, била въ ладоши и радовалась отъ души.

— Да это чудо, прелесть! Если я только не слишкомъ для этого некрасива,—говорила она.—Боже мой! Что̀ же я надѣну? Ну, *что̀* я надѣну? Когда же мы начнемъ... и гдѣ? Это важный вопросъ; если здѣсь, то папа̀ не придется бѣгать со мной. Не правда ли, папа̀,—для тебя это было бы лучше?

Конечно, съ этимъ былъ согласенъ также генералъ, но Ники возразилъ, что при этомъ необходимы всѣ удобства мастерской, гдѣ все у него подъ руками, и настроеніе, естественно, слагается увѣреннѣе, опредѣленнѣе. Вѣра покорилась и перешла къ вопросу о платьѣ, принесла и показала всѣ свои наряды,—но ни одинъ не приглянулся художнику, который остановилъ свой выборъ на бѣломъ шолковомъ, бальномъ. Впрочемъ, и его постигла та же участь: оно было отвергнуто.

— Но почему же? Кажется, уже чего проще?—спрашивала Вѣра.—Что̀ вы задумали? На какомъ фонѣ вы меня изобразите?

— На фонѣ гостиной,—но гостиной не пестрой и шумной, а тихой, уютной, въ домашней обстановкѣ, которая наиболѣе подходитъ къ выраженію фигуры и къ тому впечатлѣнію, которое я хочу, чтобы производило мое полотно.

— Какое же именно?

— Впечатлѣніе молодой свѣтской женщины, которая свѣт-

свому шуму и веселью предпочла спокойствіе и тихую, уютную обстановку собственнаго уголка...

— И... вы думаете, что я способна это передать?

— Да, думаю.

Вѣра была такъ счастлива, такъ горда сознаніемъ, что она можетъ выполнить эту задачу, что она вдругъ почувствовала себя выше въ своихъ собственныхъ глазахъ, и своимъ дѣвически-веселымъ голосомъ, но стараясь сдѣлать серьезное лицо, проговорила:

— Я буду сидѣть смирно, смирно!

IV.

Цѣлую недѣлю шли сеансы, а картина все еще не принимала яснаго облика въ воображеніи художника. То онъ мѣнялъ фонъ, то обстановку, то поворотъ головы, то пробовалъ изобразить свою модель en face... Ничто не помогало! По обыкновенію, начало не клеилось и, казалось, шло даже туже, чѣмъ всегда.

Оставшись одинъ въ своей мастерской, онъ распустилъ галстухъ, распахнулъ куртку, потянулся и принялся бродить взадъ и впередъ, то замедляя, то ускоряя шагъ, до того, что только концы галстуха небрежно развѣвались. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ своей независимости, въ своемъ уединеніи, которое было ему всегда такъ дорого и такъ отрадно.

„Слава Богу, что я самъ себѣ голова и никому не обязанъ отдавать отчетъ,—думалъ онъ:—я воленъ дѣлать все, что мнѣ угодно!“

Онъ потеръ руки, еще разъ пыхнулъ сигарой и швырнулъ окурокъ на коверъ.

„Ну, прогоритъ ...будетъ дыра, что же тутъ такого? Только видно будетъ, что это мастерская трудящагося человѣка, а не просто чистая комната“,—думалъ онъ лѣниво.

Но рядомъ съ этими мыслями шевельнулась въ немъ еще другая, незванная-непрошенная:

„А что, еслибы ты не былъ одинокъ? Еслибы у тебя былъ близкій человѣкъ, который бы дѣлилъ съ тобою твою жизнь и твои чувства, и твой домъ? Еслибы явилось существо, которое тебя бы понимало и—любило?

Передъ нимъ мелькнулъ образъ Вѣры. Но это вѣдь безуміе, это невѣроятно! Этого никогда не будетъ и не можетъ быть! Отецъ ея не согласится, да и сама она, богатая невѣста, под-

цѣнить себѣ какого-нибудь блестящаго гвардейца,—только не служителя искусства, Ники Занднера, мать котораго, вдова почтъ-директора, живетъ въ Шенбергѣ на скромную пенсію. Сойдется ли она съ такой невѣсткой? Вотъ вопросъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ художникъ занялся портретомъ Вѣры, онъ какъ бы позабылъ о матери своей,—самаго дорогого для него существа. Онъ всегда былъ къ ней добръ и ласковъ, и вотъ...

На часахъ было только семь.

— Еще есть время! Сейчасъ можно пойти ее провѣдать!

Въ прихожей зазвонилъ звонокъ, и тотчасъ же раздался смѣющійся голосъ:

— Ну, что, медвѣдь—въ своей берлогѣ? Или его слѣдъ простылъ?.. Хорошо! Такъ смотрите, позаботьтесь, чтобы намъ было чего поклевать... да повкуснѣе! У насъ у всѣхъ—страшнѣйшій аппетитъ!

Каждое слово ясно долетало въ мастерскую. Ники повеселѣлъ и пошелъ встрѣчать новоприбывшихъ, вмѣстѣ съ которыми ворвался шумъ веселаго говора и смѣха.

Скульпторъ Людвигъ Герстенштокъ вошелъ первымъ: онъ стоялъ во главѣ всей этой суматохи; за нимъ художникъ Гумпингеръ и литераторъ Кюнъ. Они тотчасъ же набросились на Ники, принялись обнимать его, жать ему руку, и вообще шумно выражали свою радость, что застали его дома. Побросавъ свои шляпы и пальто, товарищи расположились по-домашнему, и, безъ церемоніи закуривъ сигары, потребовали себѣ ѣсть и пить. За ними слѣдомъ вошла въ комнату своеобразно-красивая, рослая брюнетка съ гречески-правильнымъ, почти безукоризненно классическимъ лицомъ и античными очертаніями массивной, но красивой фигуры; только выразительности въ ней не хватало. Она коротко поздоровалась съ хозяиномъ дома, и тотъ отвѣтилъ ей мимоходомъ; послѣ чего красавица молча подошла и сѣла рядомъ съ Герстенштокомъ. Пока хозяинъ ходилъ распорядиться „по хозяйству“, всѣ курили молча, только литераторъ Кюнъ замѣтилъ вслухъ:

— А любопытно знать, получимъ мы холодную закуску, или нашъ старый другъ угоститъ насъ чѣмъ-нибудь поблагороднѣе?

Ники вернулся, и опять поднялся шумъ.

— Фрицъ загадалъ намъ загадку!—заговорили они:—Мы здѣсь старались угадать, какую намъ дадутъ ѣду? О, понятно, чудесную! У тебя вѣдь, Ники, денегъ теперь много, очень много! Ты то-и-дѣло продаешь свои картины да новые заказы получаешь.

— Да, вообще недурно! — уклончиво согласился художникъ и принялся слушать оживленные разсказы Герстенштока про новый и странный заказъ, который тотъ получилъ отъ города Бренберга.

Ему прислали небольшую фотографическую группу: изъ нея, по портрету бургомистра города, Мейера, онъ и долженъ былъ сдѣлать лѣпной медальонъ. Только покойный бургомистръ въ эту минуту былъ въ особенно веселомъ видѣ, и, вдобавокъ, Герстенштокъ не имѣлъ возможности судить о сходствѣ, потому что не видалъ его въ живыхъ. Такъ, вотъ, онъ и хотѣлъ бы знать, посовѣтуютъ ли ему товарищи принять такое предложеніе?

Гумпингеръ, стройный красавецъ съ головой Аполлона, рѣшительно совѣтовалъ отклонить этотъ заказъ; къ его мнѣнію присоединился Ники Зандперъ, но скульпторъ горячо возразилъ:

— Хорошо вамъ, художникамъ, говорить! А вѣдь нашъ матеріалъ страшно дорого намъ стоитъ. Можно, конечно, разсуждать съ идеальной точки зрѣнія, но жить вѣдь тоже надо чѣмъ-нибудь; а намъ, скульпторамъ, труднѣе сбывать съ рукъ свою работу. По крайней мѣрѣ, *мнѣ* даже труднѣе другихъ... потому что я хочу творить смѣло, властно; хочу дать полный просторъ вдохновенію, хочу создавать чудные, великіе образы! Танагра и тому подобная дрянь—вотъ что̀ покупается легко и ставится подъ стекло, или на письменный столъ. Но я хочу лѣпить группы въ человѣческій ростъ, по меньшей мѣрѣ. Мнѣ нужны, чтобы выработаться, грандіозныя условія! Да, выработаться! А иначе и трудиться не сто̀итъ!

Сгоряча онъ вскочилъ на ноги, и, размахивая въ воздухѣ своимъ мускулистымъ, желѣзнымъ кулакомъ, въ заключеніе такъ стукнулъ по столу, что сигарный ящикъ подскочилъ и сигары разсыпались.

Товарищи знали увлекающійся нравъ этого большого ребенка; знали, что въ порывѣ своего творческаго увлеченія, года два-три тому назадъ, благодаря своей мягкости и добротѣ сердечной, онъ женился на своей натурщицѣ, красавицѣ-брюнеткѣ, которая, несмотря на свою безотвѣтность, тяжелымъ бременемъ навалилась на него, не понимая его таланта, не умѣя даже въ матеріальныхъ заботахъ быть ему помощницей. Единственное, что̀ она съумѣла—это служить ему „натурой" для его чудной статуи: „Фрея съ яблоками", сразу доставившей ему громкую извѣстность. Теперь онъ хотѣлъ лѣпить „мужчинъ", и первая же группа въ этомъ направленіи—„Борцы"—получила серебряную

медаль, но покупателя себѣ не находила. Жена не могла ему помочь,—она скорѣе увеличивала ему расходы.

Робко опустивъ глаза въ землю, она безмолвно сидѣла тутъ и слушала горячую рѣчь своего великана.

— Главное, что̀ насъ принижаетъ, это необходимость жить и платить за квартиру, за кусокъ хлѣба, за матеріалъ, за жену... Ахъ, дѣти мои! Вотъ, гдѣ было хорошо, такъ это въ Парижѣ. Въ ту пору не было у насъ ни гроша за душой, но зато мы были моложе, мы еще только начинали и жили... одни... одни!

Продолжать ему не пришлось.

Ники все время чувствовалъ жалость къ бѣдной женщинѣ, которой приходилось выслушивать вопль тоски по холостой жизни, хотя эта женщина не обладала способностью къ чуткимъ ощущеніямъ, и въ глубину настоящаго смысла его словъ не могла вникнуть.

— Послушай ты, толстякъ!—прервалъ онъ добродушно Герстенштока.—Ты знаешь, что мнѣ теперь живется лучше, чѣмъ я того стою. Ты знаешь также, гдѣ я живу и гдѣ меня можно застать.

— Я вовсе не къ тому говорю...—сконфуженно бормоталъ тотъ, садясь на мѣсто, и вопросъ этотъ былъ исчерпанъ.

Кстати подоспѣла горячая закуска изъ ресторана. Каждый получилъ порцію своего любимаго блюда: Герстенштокъ—жаренаго мяса, Гумпингеръ—вѣнскій шницель, а маленькій литераторъ — телячью котлету. Когда виномъ наполнились стаканы, всѣ развеселились.

— Послушайте, дѣти мои!—воскликнулъ красавецъ-Гумпингеръ.—Чѣмъ бы мы ни работали,—кистью, рѣзцомъ или перомъ —мы, все-таки, художники; а выше искусства, по-моему, нѣтъ ничего на свѣтѣ! Какъ вяло, какъ безцвѣтно шла бы наша жизнь, еслибы искусства не существовало! Я бы тогда жить не захотѣлъ на свѣтѣ, да и вы всѣ также? Искусство—самое святое дѣло... да, святое! И требуетъ оно, чтобы ему отдались вполнѣ, чтобы ни съ кѣмъ, ни съ чѣмъ мы не дѣлили свою любовь къ нему; служили бы ему съ незапятнанными руками и шли прямой дорогой, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Хотя бы даже приходилось голодать,—не отступать отъ своихъ убѣжденій... Ну, словомъ, я хочу сказать... Постойте! Чокнемся за то, что мы—настоящіе, честные, неподкупные художники, и честными останемся навѣкъ!

Послѣ закуски, Ники отпустилъ свою старушку-прислугу спать, и товарищи окончательно разговорились. Вертя въ ру-

кахъ карандашъ, Герстенштокъ принялся въ шутку небрежно набрасывать на скатерти портретъ въ медальонъ своего бургомистра; по его примѣру, товарищи подхватили шутку, и хмельной бургомистръ съ блаженною улыбкой на расплывшемся лицѣ появился еще въ нѣсколькихъ видахъ. Только литераторъ не принималъ участія въ общей забавѣ, но смѣялся отъ души, и въ заключеніе сочинилъ эпитафію въ стихахъ на памятникъ бургомистру, изображенія котораго вскорѣ покрыли сплошь весь столъ. Скульпторъ снялъ со стѣны гитару: пришла очередь французскихъ шансонетокъ, а тамъ и длинные веселые разсказы изъ добраго стараго времени; продѣлки и шалости такъ и чередовались, знакомыя всѣмъ, кромѣ литератора Кюна, который не былъ съ ними во дни юности въ Парижѣ. Вспомнили, кстати, какого-то магната-богача, который все скупалъ у нихъ, что̀ ни попало.

Друзья горячились, шагали по мастерской, спорили, шумѣли.

— Ну, да! Такіе господа намъ портятъ вкусъ: они скупаютъ всякое малеванье! Такъ ужъ и знайте: если кто изъ художниковъ продаетъ бойко,—значитъ, онъ не пишетъ, а малюетъ. Публика въ настоящемъ искусствѣ ничего не смыслитъ, но зато охотно раскупаетъ пошлость и мазню. Имѣетъ художникъ успѣхъ,—ну, значитъ, онъ „мазилка“, и конецъ!

— Послушай, Францль! Я продаю успѣшно, такъ неужели же и я—„мазилка“?

— Ну, что̀ ты? Что *ты*?!

— Да вѣдь ты самъ сказалъ.

Нѣтъ, ты — дѣло другое! Самъ знаешь,— ты пишешь, что̀ нравится тебѣ, къ чему у тебя душа лежитъ, а не въ угоду публикѣ.

— Конечно, и благодарю Бога!—вырвалось у Занднера.— Помню, когда я еще только начиналъ,—ни одной собакѣ не нужны были мои картины. А помнишь, Францль, какъ они меня грызли за мою фантазію: „На встрѣчу солнцу“? Помнишь сюжетъ? Мужъ и жена идутъ по улицѣ рука-объ-руку и вступаютъ въ большое круглое сіяніе заходящаго солнца, и оно свѣтитъ такъ ярко, что лицъ нельзя различить и видны только силуэты. Тогда говорили, что это въ духѣ каррикатурной мазни „малютки-Морица“ въ „Fliegende Blätter“... Ну, а теперь эта же самая картина преспокойно красуется въ гамбургской картинной галереѣ.

Друзья разсмѣялись.

Разговоръ еще оживился; клубы дыма стали еще гуще; одна

лампа потухла, другая догорала. Ники заметилъ, что жена Герстенштока, утомленная, крѣпко заснула сидя. Онъ кивнулъ ея мужу; оба подошли ее разбудить, и помогли ей перейти на диванъ, хотя она увѣряла, что и не думала спать. Ее уложили, покрыли тигровой шкурой, которою былъ прикрытъ сундукъ, и вернулись къ товарищамъ. Они закурили новыя сигары, и вновь полилась горачая бесѣда о чистотѣ и святости искусства... Ихъ лица оживились, глаза блестѣли, щеки пылали; голоса становились глубже, задушевнѣе.

Гумпингеръ говорилъ такимъ тономъ, точно выдавалъ свою сокровеннѣйшую тайну:

— Въ сущности, вѣдь, работаешь для себя, для одного себя!

— Нѣтъ, все-таки, хочется, чтобы и другіе тебя оцѣнили,— возразилъ Ники; но товарищи его не сразу поддержали, и онъ продолжалъ, обращаясь къ скульптору: — Ну, ты, напримѣръ, развѣ ты захотѣлъ бы, чтобы твою работу никто въ глаза не видалъ?

Великанъ, повидимому, внутренно боролся съ собою и поглядывалъ украдкой въ ту сторону, гдѣ спала жена.

— Ахъ, дѣти мои! еслибы каждый изъ насъ былъ одинъ на свѣтѣ! Совсѣмъ, совсѣмъ одинъ! Богу извѣстно, что тогда мнѣ захотѣлось бы именно для себя, только для себя работать, чтобы ни единому живому существу не попадало на глаза. Въ эту работу вложилъ бы я все, все, что̀ у меня есть на душѣ, и это было бы величайшее, совершеннѣйшее изъ моихъ твореній!

Онъ не могъ продолжать, охваченный волненіемъ, и закрылъ лицо руками. Водворилось долгое молчаніе.

Маленькій литераторъ принялся увѣрять, что несчастный Гюи-де-Мопассанъ когда-то говорилъ нѣчто подобное.

— Онъ говорилъ, что еслибы его обезпечили достаточнымъ доходомъ, онъ больше никогда бы ничего не напечаталъ, но работалъ бы усердно надъ одной только книгой, единственной книгой въ мірѣ, въ которую онъ вложилъ бы все, все, что̀ его когда-либо трогало и волновало. Никогда, никогда эта книга не была бы закончена, и все время, до самой смерти, онъ надъ ней бы работалъ, никому не показывая, и завѣщалъ бы ее уничтожить, не читая, когда онъ умретъ...

— Гордость художника!—замѣтилъ Ники.—Но толпа этого не поняла бы!

— Конечно! — подтвердилъ Гумпингеръ: — *они* не понимаютъ обособленности, одиночества. У большинства есть врожденное стремленіе сплотиться, страхъ остаться одному, думать и

дѣйствовать отдѣльно. Овцы ходятъ стадами, левъ—одинъ! Художникъ тоже одинокъ. „Сильнѣе всѣхъ тотъ, кто стоитъ одинъ“, какъ говоритъ „Врагъ Народа“...

— Но еслибы нашлась такая женщина, которую бы полюбилъ художникъ такъ же, какъ она его полюбитъ и пойметъ?—вдругъ воскликнулъ Ники.

— Да, именно: *еслибы*!..—возразили остальные, а Герстенштокъ украдкой взглянулъ туда, гдѣ спала его жена, и въ горькую улыбку сложились его губы. Красавица крѣпко спала и громко дышала.

— Да! — замѣтилъ онъ. — Это все равно, что главный выигрышъ. Выигрываетъ одинъ, а милліонамъ ничего не достается. Ужъ лучше...

— Боже мой!—вдругъ спохватился Гумпингеръ.—Да знаете ли вы, который теперь часъ?

— Н-ну?

— Половина третьяго!

Всѣ встали и заторопились уходить. Жену Герстенштока разбудили; дрожа, накинула она свою простенькую мантилью, и всѣ тихо, коротко простились. Ники остался одинъ, довольный, что помогъ немножко пріятелю, и возбужденный.

„Бѣдняга! — думалъ онъ: — грустная у него судьба. Всѣ мы тогда предостерегали: не женись на ней. Ее ты не спасешь, а себя погубишь. И въ самомъ дѣлѣ, его творчество стало ослабѣвать. А еслибы она была подходящая? Тогда его жизнь развернулась бы счастливѣе, полнѣе! Жена принимала бы участіе въ его работѣ, поддерживала бы его, давая ему счастье мирнаго семейнаго очага. Полжизни человѣкъ проводилъ бы вѣдь въ своей семьѣ. Всѣ думы, всѣ стремленія сводятся, вѣдь, для каждаго къ достиженію счастія и взаимной любви...“

И Ники зналъ, кого ему случайно послала судьба, кого нежданно бросила ему въ объятія... Онъ удержитъ ее; онъ спроситъ, согласна ли она не оставлять его и раздѣлить съ нимъ его жизнь?

Но эта жизнь будетъ не свѣтскимъ, шумнымъ вихремъ удовольствій, а самымъ прекраснымъ, что̀ только можно пожелать себѣ на свѣтѣ: свѣтлое, продолжительное счастье, которое безмѣрно выше общественной славы, почестей и успѣховъ,—мирная, трудовая жизнь творца-художника!

———

V.

Ни словомъ не выдалъ Ники состоянія своей души, пока кончалъ картину. Работа шла у него теперь безостановочная и упорная; Вѣра должна была позировать каждый день. Только разъ прислала она съ лакеемъ записку, что не можетъ придти, потому что еще не прошла у нея усталость послѣ бала; зато она пообѣщала дольше пробыть у него на слѣдующій день...

Сегодня Ники надѣялся вполнѣ покончить съ своей работой.

Онъ зналъ, что ей конецъ, если онъ хоть словомъ выдастъ свои чувства, и предпочелъ выразить ихъ не на словахъ, а на полотнѣ. Бывали минуты, когда онъ падалъ духомъ и боялся рѣшительнаго объясненія. Положимъ, до него доходили слухи, что Вѣра съ гордостью всѣмъ разсказываетъ, что она—ученица знаменитаго Ники Занднера,—что онъ даже пишетъ съ нея большую картину; но отецъ, старый служака,—не будетъ ли онъ противъ брака дочери съ художникомъ?

— Еслибы вы знали, какъ мнѣ завидуютъ подруги!—говорила ему Вѣра во время сеанса (онъ самъ просилъ ее объ этомъ, чтобы на лицѣ не было выраженія усталости).

— Я вѣрю: у васъ есть все, чтобы чувствовать себя счастливой.

— Нѣтъ, не въ этомъ смыслѣ!

— А въ какомъ же?

— Что вы пишете... съ меня!

Художникъ рѣшилъ вести себя чрезвычайно скромно и, поглядывая на его превосходительство, дремавшее надъ своей газетой, тихо возразилъ:

— Для вашего бѣднаго папà живопись—одно мученье! Смотрите, какъ бы ваша радость тоже не уменьшилась, когда ужъ дѣло будетъ сдѣлано.

— Но почему же?

— Потому, что вы можете не найти сходства на картинѣ. Для меня главное вѣдь не лицо, а общее впечатлѣніе. Я бы хотѣлъ передать васъ такою именно, какою вы представлялись въ моемъ воображеніи.

— Ну, какою же я вамъ представлялась? — спросила она, опустивъ глаза въ землю.

Но Ники еще не хотѣлъ ничего говорить... пока; и только просилъ подарить ему еще лишній часокъ.

— Папá идетъ сегодня въ казино: онъ пригласилъ своего стараго товарища.

— Очень жаль! У меня почти все готово: кой-какія мелочи дополнить—и конецъ!

Генералъ уже складывалъ газету, смотрѣлъ на часы и готовился уходить.

— Пора! даже двѣ минуты лишнихъ,—объявилъ онъ.—Довольно на сегодня. Вы согласны? Вѣра, собирайся. Да поскорѣй, чтобы нагнать потерянное время.

Однако, дочь не очень торопилась уходить. Она подошла къ отцу, взяла его за руку и ласково, убѣдительно просила разрѣшенія остаться, представляя ему, что осталось какихъ-нибудь нѣсколько мазковъ — послѣднихъ! — и картина готова, — сегодня же, сейчасъ готова!

Его превосходительство, въ душѣ любившій самого себя и свои удобства, былъ отчасти радъ перспективѣ освободиться отъ тяготившей его обязанности сопровождать дочь на сеансы, которые разстроивали правильный складъ его жизни. Себялюбіе побѣдило; генералъ рѣшился оставить дочь еще на часъ, какъ оставлялъ ее прежде на урокъ, прибавилъ, что пришлетъ лакея черезъ часъ,—и, не заглянувъ на полотно, которое никакого интереса для него не представляло, всталъ съ своего мѣста.

„Придетъ время,—увижу!"—разсуждалъ онъ спокойно.

— Ну, теперь живо! — воскликнула радостно Вѣра, когда за нимъ затворилась дверь, и проворно вернулась на свое мѣсто.

Ники поспѣшно ухватился за кисть и съ лихорадочнымъ возбужденіемъ, съ страстной напряженностью, какъ еще никогда, принялся за работу. Порой онъ вскакивалъ и, отходя поодаль, смотрѣлъ, не отрываясь, на свое полотно, на палитру и на Вѣру. Чѣмъ ближе къ концу подвигалось дѣло, тѣмъ тверже становилось его рѣшеніе, не откладывая, объясниться.

Работа кипѣла... И вдругъ у Ники ясно явилось сознаніе, что еще хоть одинъ мазокъ—и онъ можетъ все испортить. Еще разъ всталъ онъ съ мѣста и, весь еще горя увлеченіемъ успѣшной работы, всматривался въ Вѣру. Да, рѣшительно ничего больше нельзя прибавить: картина удалась вполнѣ. Баста! Ники Занднеръ самъ былъ доволенъ своими трудами...

Не говоря ни слова, онъ сложилъ кисти и палитру и, такъ же молча, переломилъ пополамъ и бросилъ ту кисть, которою онъ переносилъ на полотно заключительные штрихи,—по суевѣрному обычаю, „чтобы она больше никому не доставалась".

Вѣра съ удивленіемъ смотрѣла на него.

— Это что же такое?

— Я кончилъ.

— Какъ? Совсѣмъ?—радостно вырвалось у нея.

— Да, совсѣмъ!—повторилъ онъ, и такимъ же счастьемъ, какъ у нея, зазвучалъ его голосъ.

Она вскочила и спросила, можно ли ей посмотрѣть; а Ники всталъ рядомъ съ нею и слѣдилъ по лицу, какое впечатлѣніе произведетъ на нее его работа.

Прежде всего, ему показалось, что она удивлена; потомъ, что она любуется его картиной, и съ напряженнымъ вниманіемъ онъ выжидалъ, что она скажетъ.

Вѣрѣ картина показалась поразительно прекрасной,—такой глубиной настроенія, такимъ чувствомъ мира и счастія вѣяло отъ нея.

Ей казалось немыслимымъ, что это она,—она сама, эта нѣжная, стройная дѣвушка, которая нагнулась у окна и протянула руку—опустить занавѣску, чтобы ни надвигающійся полумракъ, ни шумъ и освѣщеніе людной улицы не ворвались въ ея тихій, счастливый, уютный уголокъ.

На переднемъ планѣ, на столѣ, уже зажжена лампа; молодую женщину ожидаетъ работа, какое-то женское рукодѣлье; вотъ она подойдетъ сейчасъ и сядетъ рядомъ съ мужемъ... Онъ сидитъ почти спиною къ зрителямъ; видно только въ половину плечо и часть головы мужа, на которую съ края картины падаетъ густая тѣнь. Передъ нимъ на столѣ лежитъ книга, и рядомъ, протянутая на скатерти, рука, казалось, ждетъ, чтобы жена нѣжно вложила въ нее свою маленькую ручку.

Вѣра только могла пролепетать:

— Это вѣдь вы?.. Вы? И я... мы оба...

— Да, мы оба!—глубокимъ голосомъ повторилъ онъ.

Вѣра молчала.

— Да!—продолжалъ художникъ:—именно такъ представлялъ я себѣ насъ обоихъ; именно такъ слагались мои мечты. Не знаю, какъ вы это примете, что подумаете обо мнѣ; но я былъ обязанъ вамъ признаться,—мнѣ только не хотѣлось говорить, пока не кончу...

Слова не шли ему на языкъ. Не спуская глазъ съ ея смущеннаго, зардѣвшагося личика, онъ былъ готовъ броситься къ ней, прижать къ своей груди, задушить поцѣлуями... Голосъ его прервался, и, въ сущности, что онъ могъ еще сказать? Развѣ не все выразилъ онъ самымъ лучшимъ способомъ, какой только былъ въ его власти?

Вѣра молчала, и только краска все гуще и гуще заливала ея щеки.

— Не отвѣчайте мнѣ сегодня ничего; пусть лучше завтра... Я приду за отвѣтомъ,—можно? Или вы мнѣ напишете?

Она покачала головой.

— Нѣтъ?.. Вы правы. Я самъ приду...

Но отпустить ее онъ не рѣшался, не спросивши:

— Вы на меня сердитесь?

— Нѣтъ.

— То, что̀ вы мнѣ отвѣтите, будетъ для меня радостно или горестно?

Вѣра лукаво искоса взглянула на него, какъ бы говоря:

— „Ну, ка̀къ ты можешь думать"?..

И неудержимый порывъ безумнаго счастья охватилъ его. Онъ взялъ въ свою руку ея тонкую ручку съ изящными пальчиками, которыми онъ такъ часто любовался, какъ художникъ, и прильнулъ къ ней горячими губами. Вѣра бросилась къ двери и, не оглядываясь, убѣжала.

Ники не пошелъ провожать ее и, какъ обвороженный, остался на мѣстѣ, гдѣ стояла она рядомъ съ нимъ, чувствуя только, что у него духъ захватываетъ отъ счастья...

VI.

Генералъ былъ дома одинъ и встрѣтилъ Зандnера довольно сдержанно.

— Дочь мнѣ сказала; но вы не подумайте, что я могу раздѣлять ваши воззрѣнія. Положимъ, дочь моя... гм! гм!.. не такое сокровище, какимъ она вамъ представляется, мой милый, въ настоящемъ вашемъ настроеніи; я знаю въ точности ея характеръ и достаточно имѣлъ времени изучить складъ ея воззрѣній. Можетъ быть, я долженъ былъ воспитывать ее совсѣмъ иначе, и потому я самъ во многомъ виноватъ; но, сколько мнѣ кажется, она вообще похожа на мать. Разъ, что зашла рѣчь объ этомъ, я долженъ вамъ признаться, что моя семейная жизнь была не изъ счастливыхъ. Я говорю вамъ откровенно,—какъ человѣкъ, который уже въ состояніи вспоминать объ этомъ безъ горечи и безъ раздраженія, и говорю такъ потому, что достаточно имѣлъ возможность убѣдиться, что вы—человѣкъ серьезный. Я въ живописи ничего не смыслю и не очень-то ее цѣню; но всѣ мнѣ говорятъ, что вы составили себѣ имя своей упор-

ною энергіей и любовью къ труду; и это внушило мнѣ къ вамъ уваженіе. Противъ васъ лично я ничего не имѣю, и, вдобавокъ, вы вѣдь тоже были на военной службѣ...

Послѣднее обстоятельство было особенно вѣско въ его глазахъ; но и сообщеніе, которое не безъ гордости сдѣлалъ ему художникъ относительно своего годового дохода, превышающаго двадцать тысячъ марокъ, было ему пріятно.

— Дочери я дамъ, приблизительно, третью часть этой суммы,— значитъ, жить вамъ не будетъ трудно.

Говоря о себѣ, о своей семьѣ, Ники коснулся болѣе подробно своей жизни въ дѣтствѣ и своихъ тяжелыхъ обстоятельствъ въ началѣ трудовой карьеры, когда ему зачастую приходилось ложиться спать впроголодь.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо генерала становилось все привѣтливѣе, веселѣе; онъ то-и-дѣло покачивалъ головой въ знакъ одобренія.

— Вы мнѣ нравитесь! Вы такой человѣкъ, который знаетъ, чего онъ добивается; а я желаю добра всякому, у кого только есть сила воли и стремленіе трудиться; такъ вы ужъ не посѣтуйте на мои слова. Вы вѣдь художникъ, т.-е. такой человѣкъ, въ которомъ именно эти данныя сильно развиты, но въ которомъ есть и особые задатки, свойственные исключительно художникамъ. Короче говоря, — вы въ настоящую минуту безумно влюблены: это сейчасъ же видно. Но какъ вамъ кажется, будетъ ли это постоянно продолжаться? На дочь свою я не особенно полагаюсь: она у меня порядочная вѣтрогонка, повторяю вамъ. А вы какъ? Увѣрены ли вы въ своихъ чувствахъ? Только прошу васъ объ одномъ,—не обижайтесь, если я сомнѣваюсь!..

Умиленный, растроганный, Ники съ удивленіемъ смотрѣлъ на старика-служаку. Никогда бы не подумалъ онъ, что онъ способенъ къ такому изліянію чувствъ. Но воззрѣнія его на дочь показались ему несправедливыми.

„Нѣтъ, она не такая!—думалось ему.—Онъ все видитъ въ черномъ свѣтѣ. Что же, какъ не любовь, влечетъ ко мнѣ сердце дѣвушки, у которой по красотѣ ея и по общественному положенію и безъ меня было всегда довольно жениховъ?“

И Ники высказалъ свою мысль, какъ она у него сложилась,— прочувствованно, горячо; онъ говорилъ, что онъ ужъ не въ такихъ лѣтахъ, когда мужчина поддается минутному увлеченію. Стремленіе жить своимъ домомъ, своей семьей, назрѣло въ немъ съ годами, постепенно; онъ знаетъ твердо и сознательно, что именно съ нею, съ Вѣрой, онъ можетъ найти истинное счастье.

Съ минуту молча стояли они оба, взволнованные и какъ бы колеблясь сказать рѣшительное слово. Наконецъ, генералъ по-военному протянулъ руку своему будущему зятю:

— Кончено дѣло! Я вамъ вѣрю; но не забудьте, что я васъ предупреждалъ. Можетъ быть, это къ ея же благу, что у нея будетъ такой мужъ, какъ вы, и она сама собою сдѣлается домосѣдкой. Признаюсь, на мой взглядъ, она слишкомъ порхала по баламъ, и я, въ концѣ концовъ, всегда ей подчинялся: въ качествѣ отца, вѣдь, по неволѣ приходится подумать и о томъ, чтобъ этакая крошка не засидѣлась въ старыхъ дѣвахъ. Потомъ, вѣдь, самъ же станешь себя упрекать!.. Ну, славу Богу, теперь я успокоюсь!.. Вѣра!—крикнулъ онъ въ сосѣднюю комнату.—А? Кто тамъ? Это вы, Мари? Просите фрейлейнъ Вѣру придти ко мнѣ, сюда.

Въ ожиданіи дочери, его превосходительство прибавилъ:

— Не удивляйтесь, что я о васъ уже давно наводилъ справки —еще тогда, какъ Вѣра захотѣла брать у васъ уроки. Одинъ изъ моихъ племянниковъ, сынъ двоюроднаго брата, ротмистръ Фогельгангъ, хорошо васъ знаетъ.

— А, Фогельзангъ? Ну, да, конечно...

Дверь распахнулась, и влетѣла Вѣра съ крикомъ:

— Чтò тебѣ, папà?.. Ахъ!..—и, увидавъ художника, вдругъ остановилась и покраснѣла...

Генералъ улыбался во все свое лицо. Указывая дочери на жениха, онъ проговорилъ:

— Вотъ онъ, Вѣра! Можете теперь наговориться: я ничего противъ этого не имѣю...—и исчезъ за дверью.

Оставшись одинъ, Ники растерялся, и очутившись такъ быстро лицомъ къ лицу съ Вѣрой, онъ ничего больше не нашелся сдѣлать, какъ умиленнымъ шопотомъ пролепетать:

— Благодарю тебя! Тысячу разъ благодарю!

Онъ обвилъ ея стройный станъ рукою и, прижавъ къ груди своей ея головку, нѣжно поглаживалъ ее, повторяя умиленно: —Благодарю тебя, благодарю!

Нервная дрожь несбыточнаго счастья охватила его, и въ то же время онъ чувствовалъ приливъ новыхъ силъ, новаго стремленія къ бодрой жизни, полной свободнаго творчества и труда. Долго не могъ онъ вымолвить ни слова; слова даже были бы излишни,—такимъ глубокимъ чувствомъ сіялъ взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ въ глаза невѣсты.

— Вѣра!—спросилъ онъ.—Въ самомъ дѣлѣ у тебя хватитъ силы воли и желанія сдѣлаться женой художника?

Она кивнула головой и отвѣтила ему блаженною улыбкой.

— Вѣра! Ты, можетъ быть, не знаешь, что тебѣ придется дѣлить со мной всѣ мои радости и горести, труды и непрерывныя заботы? Придется со мной нераздѣльно переживать тяжелыя минуты каждаго творческаго начинанія? Знаешь ли ты, что на тебѣ лежитъ задача поддерживать и ободрять меня, когда я сомнѣваюсь и слабѣю духомъ?.. Вѣра! Искусство не легко дается. Знаешь ли ты, какъ трудно быть женой художника?

Но Вѣра только улыбалась и качала головой.

— Вѣдь я тебя люблю!..

— Любишь? *Ты* меня любишь? О, Боже, Боже!

Крупныя слезы—слезы безмѣрнаго счастья—выступили у него на глазахъ.

— Что это? Слезы?!—испуганно спросила Вѣра.

— Ты не повѣришь, до чего я счастливъ!.. — прошепталъ онъ, и поцѣлуемъ договорилъ остальное...

Въ дверь постучали. Вошелъ генералъ, веселый, улыбающійся.

— Ну что̀? Я слишкомъ поспѣшилъ?... Вѣдь, пожалуй, полчаса прошло!

Подойдя къ дочери, онъ положилъ ей руку на плечо.

— Дитя мое! Мужъ будетъ у тебя хорошій, и любитъ онъ тебя... Но зато и ты люби его, сдѣлай его счастливымъ. Бракъ безъ супружескаго счастья — адская пытка! Помни это, Вѣра! помни всегда и знай, что тогда только будетъ надъ тобою благословеніе твоего старика-отца.

Онъ обнялъ дочь, съ умиленіемъ поцѣловалъ ее и пожалъ руку жениху, слегка цѣлуя его въ обѣ щеки.

— Такъ-то, мой милый. Добро пожаловать въ мою семью!.. Надо телеграфировать братьямъ эту радостную новость.

По телеграфу же пришелъ отвѣтъ: драгунъ писалъ нѣсколько пространнѣе, а юристъ Эвальдъ—кратко и почти холодно.

— Ужъ такая у него манера!—пояснила его сестра.

Было довольно поздно, когда Ники простился съ невѣстой, горя нетерпѣніемъ подѣлиться съ матерью своимъ великимъ счастьемъ; но, глубоко задумавшись, насвистывая что-то себѣ подъ носъ, онъ не замѣтилъ, какъ очутился, по привычкѣ, въ своей Викторіаштрассе, а не на той улицѣ, гдѣ жила его мать...

Недалеко отъ дома, онъ замѣтилъ фигуру старушки, которая шла немного торопливо и чуть-чуть согнувшись.

— Мама! Мама! — окликнулъ онъ ее; но она не слыхала, и вздрогнула, когда сынъ положилъ ей руку на плечо.

— Боже! Какъ я испугалась!—воскликнула она, оглядываясь на него.

— Нѣтъ, не пугаться тебѣ надо, мама, а радоваться за меня вмѣстѣ со мною; радоваться моей радости, моему счастью! *Такого* счастья отроду со мною не случалось!

Лицо старушки просвѣтлѣло. Она остановилась; но Ники ей сказалъ, что не на улицѣ, а только дома, въ своей любимой мастерской, онъ все объяснитъ.

— Я вѣдь и шла къ тебѣ.

— Ты рѣдко такъ приходишь!

— Да; но даже своимъ дѣтямъ быть въ тягость не годится,—отвѣтила она съ тонкою улыбкой, поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ подъ-руку съ Ники. Сынъ помогъ ей снять бархатный капоръ и вязаную куртку, которую она всегда носила подъ неособенно теплымъ пальто, и принялся изливать ей свою душу.

Старушка испугалась. Это все такъ внезапно, такъ неожиданно случилось!..

— Да стоитъ ли она тебя?

— Мама! Ты это говоришь серьезно?

— Конечно, Ники: я бы хотѣла для тебя жену такую... такую... какой на свѣтѣ нѣтъ!

— Какъ ты сама?.. Она точь-въ-точь какъ ты!

— Полно тебѣ! У меня есть, вѣдь, недостатки... Полно!

— Но, мама, она такъ добра,... такъ хороша, такъ обаятельно мила! Какъ она меня любитъ!.. Я долженъ ей писать, хоть она живетъ такъ близко: на улицѣ Бэльвю.

— Значитъ, она очень богата? — почти испуганно спросила мать.

— Развѣ это ужъ такъ дурно? — успокоительно улыбаясь, возразилъ ей сынъ.—Богатство не порокъ.

— Добра не будетъ, все равно! Знаешь, вѣдь говорится: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

— Но, мама! Я вѣдь богаче ея,—слышишь ли?—втрое! И въ ея деньгахъ не нуждаюсь... Не безпокойся, мама, и радуйся моему счастью...

— Я и сама бы рада,... но не сердись, голубчикъ, если я желаю полнаго счастья своему единственному сыну! Матери все можетъ показаться недостаточно хорошимъ для ея дѣтища, — говорила она, стоя надъ нимъ и проводя дрожащею рукой по его волосамъ.

Ники было и больно, и досадно, что мать, всегда одобрявшая его поступки, на этотъ разъ не раздѣляетъ его увлеченія,

и онъ не зналъ, какъ быть, чтобъ ее разувѣрить. Вдругъ новая мысль мелькнула у него въ головѣ.

Онъ быстро повернулъ къ ней лицомъ станокъ, такъ чтобы свѣтъ падалъ ярче на его картину, и воскликнулъ, весь сіяя счастьемъ:

— Вотъ она: смотри!

Долго смотрѣла мать, не отрывая глазъ отъ работы сына.

— Такъ вотъ она какая!.. Вотъ она!..—въ умиленіи заговорила вдругъ старушка, и съ каждой минутой ея сочувствіе, ея восторгъ, замѣтно возростали. Она восхищалась красками, тѣнями, освѣщеніемъ, общимъ видомъ... При видѣ Вѣры, какою воплотилъ ее на полотнѣ художникъ, ея сомнѣнія исчезли, она сама начала теплѣе относиться къ невѣстѣ сына, сама объявила, что она—прелестна! Только первое свиданіе потомъ съ нею нѣсколько тревожило старушку, — но и ему было суждено сойти благополучно.

VII.

На слѣдующій день, въ назначенный часъ, Ники Зандперъ зашелъ за генераломъ и за Вѣрой.

Дорогой молодая дѣвушка разспрашивала его про мать: какая она, сколько ей лѣтъ, можно ли сразу говорить съ нею „на ты“?.. Ники предупредилъ ее, что мать его живетъ болѣе, чѣмъ скромно, не желая измѣнять своимъ привычкамъ,—даже когда сынъ ея могъ и желалъ устроить ей болѣе роскошную обстановку,—такъ какъ онъ самъ теперь богатъ...

— Она безконечно добра; она—самая лучшая изъ матерей, и будетъ на тебя смотрѣть какъ на родную дочь,—заключилъ онъ.

Вѣра, все-таки, была нѣсколько встревожена предстоящимъ свиданіемъ, что̀ ей не помѣшало, запыхавшись, остановиться на лѣстницѣ и крикнуть:

— А много тамъ еще ступенекъ?

Сильно наморщилъ лобъ свой генералъ и рѣзко оборвалъ ее:

— Для такого юнаго созданія, какъ ты, ихъ еще слишкомъ мало. Но если пожилая дама не затрудняется ихъ одолѣвать, то тебѣ стыдно спрашивать объ этомъ!

На лицѣ Вѣры отразилось неудовольствіе, досада, но въ прихожей Ники успѣлъ шепнуть ей на̀-ухо:

— Не сердись! Я знаю, ты не имѣла намѣренія обидѣть!

Единственная прислуга, которую держала фрау Зандперъ,

ввела посѣтителей въ скромную гостиную съ мебелью, обтянутой темно-коричневымъ трипомъ. По стѣнамъ—картины и пожелтѣвшіе портреты въ черныхъ рамахъ; у одного окна—рабочій столикъ, съ коврикомъ подъ ногами, у другого—жардиньерка съ зелеными широколистными растеніями, — вотъ и все убранство.

Минуту—не больше—пришлось имъ обождать, покуда вышла хозяйка дома; Вѣра успѣла только пожать руку жениху...

Вошла его мать и, не ожидая, чтобы сынъ представилъ ей фонъ-Эвельгорста, сама подошла къ Вѣрѣ и горячо обняла ее.

— Я... Я надѣюсь... Вѣра, дочка милая!—въ волненіи говорила старушка, боясь взглянуть на нее.

Всѣ сѣли, но разговоръ не клеился. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, генералъ всталъ, отошелъ къ окну и подозвалъ Ники, чтобы предоставить дамамъ больше свободы познакомиться поближе. Сначала Вѣра немного робко относилась къ своей будущей свекрови, но своими разсказами, какъ она въ первый разъ увидала ее вчера на картинѣ,—старушка сразу заполонила сердце дѣвушки. Она говорила, что пришла въ восторгъ отъ своей новой дочки, и просила смотрѣть на нее какъ на родную мать. И такою теплотой, такой искренностью чувства были проникнуты ея слова, что молодую дѣвушку особенно привлекла та ласка, которой она отроду не знала.

Мать похвалила выборъ сына.

— Художнику надо жену-красавицу, чтобъ видѣть около себя лишь одно прекрасное!—говорила она, и тутъ же призналась, что въ первую минуту ей было страшно за судьбу ея Ники; но теперь она спокойна и проситъ только, чтобы Вѣра сдѣлала его счастливымъ.

— На первый разъ довольно! — послышался голосъ генерала. — Вѣдь это и для васъ волненіе... Это такой рѣшительный переворотъ въ жизни вашего единственнаго сына... Теперь у васъ двое дѣтей, а у меня прибавился еще одинъ... Итакъ, будьте здоровы!.. Очень пріятно...

Прощаясь съ Вѣрой, мать поцѣловала ее горячо.

— Сдѣлай его счастливымъ, Вѣра! Онъ тебя любитъ; а кого полюбилъ мой Ники, тотъ, значитъ, этого достоинъ. Я знаю, съ тобой онъ будетъ счастливъ, и тогда благословеніе матери будетъ вѣчно надъ тобою!

Дрожащими руками она обхватила хорошенькую головку дѣвушки и поцѣловала ее въ лобъ...

Спускаясь по лѣстницѣ подъ-руку съ невѣстой, Ники спросилъ ее тихонько:

— Какъ тебѣ нравится мамà?

— О, я ее уже полюбила!—отвѣчала Вѣра, и еще нѣжнѣе къ нему прижалась.

Хлопотъ съ приготовленіями къ свадьбѣ было много; но особенно тяготили художника визиты. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ отказался отъ свѣтской жизни. Когда онъ отдавалъ свои карточки, Вѣра замѣтила, что онъ не имѣетъ званія профессора. Она спросила, почему онъ ей этого раньше не сказалъ?

— Мнѣ было бы даже смѣшно говорить объ этомъ: къ чинамъ я равнодушенъ.

— Я про себя этого не могу сказать. Иной разъ это должно быть даже пріятно.

— Вотъ какъ?! — посмѣялся онъ, и горячій поцѣлуй былъ его отвѣтомъ.

Всѣ эти дѣвичьи незрѣлыя понятія падутъ сами собой; онъ слышалъ, что съ теченіемъ времени, не только умственно, но даже и наружно, супруги становятся похожи другъ на друга.

Когда женихъ съ невѣстой отбыли свой послѣдній обязательный визитъ, Ники вздохнулъ съ облегченіемъ:

— Ну, слава Богу! Слава Богу!

— Развѣ тебѣ это было такъ ужасно?

— Да,—ужасно!

Вѣра подняла его нà-смѣхъ; впрочемъ, онъ успокоилъ ее тѣмъ, что, все-таки, признаетъ необходимость подобныхъ визитовъ къ людямъ, которыхъ въ жизни, можетъ быть, имъ вовсе не придется встрѣтить...

— Но надо, вѣдь, поддерживать знакомства! — удивленно возразила она.

— Конечно... Изрѣдка, понятно. Только надо основательно взвѣсить вопросъ: кто къ намъ наиболѣе подходитъ?

Цѣлые дни проводилъ онъ теперь со своей невѣстой, но, съ помощью генерала, отстоялъ одни свои вечерніе уроки.

— Для Николая это все равно, что служба, — говорилъ отецъ.—Вы, женщины, этого не можете понять. Еслибы твой женихъ былъ на военной службѣ,—во-первыхъ, онъ не былъ бы теперь въ Берлинѣ; во-вторыхъ,—не имѣлъ бы отпуска; въ-третьихъ,—цѣлый день проводилъ бы у себя въ строю. Ты еще должна благодарить Бога, что для васъ обстоятельства сложились благопріятнѣе, чѣмъ для жениховъ съ невѣстами вообще.

Вѣра, все-таки, нашла средство не разлучаться съ сво-

имъ женихомъ даже во время уроковъ: она снова объявила себя его ученицей, и для нея дамы въ ученической комнатѣ потѣснились.

Первая встрѣча жениха прошла торжественно.

Миссъ Колдвей, въ небольшой рѣчи, выразила поздравленія всѣхъ его ученицъ и, „по примѣру рейхстага“, предложила почтить это событіе вставаніемъ.

Стремительность, съ которой было принято это предложеніе, сдѣлала то, что рисунокъ углемъ фрейлейнъ Мейеръ очутился на полу, но, къ великой радости всѣхъ присутствующихъ, былъ установленъ фактъ, что онъ отнюдь отъ этого не пострадалъ.

Какъ-то разъ Вѣра спросила жениха:

— Ты много будешь выставлять въ этомъ году?

— Много?! Я ничего не наработалъ...

— Вѣдь у тебя было времени довольно?

— Нѣтъ, напротивъ: я все время провожу съ тобою; для меня это—каникулы. Когда мы женимся, я снова возьмусь за работу.

Вѣра была поражена. Вѣдь каждый день онъ проводилъ у себя дома нѣсколько часовъ; кажется, могъ бы поработать?

— Но для того, чтобы написать картину, нужны недѣли, мѣсяцы, чтобы ее обдумать, воплотить мысли въ опредѣленный образъ,—возразилъ Ники.—Все существо художника поглощено этой одной заботой... Ты думала, что можно такъ скоро создать цѣлую картину?

— Но за урокомъ ты самъ, вѣдь, требуешь, чтобы модель была исполнена въ какихъ-нибудь два часа времени?

— Да, Вѣра, именно: модель, но не компановка картины. Послѣдняя, съ твоимъ портретомъ, шла сравнительно съ безумной скоростью.

— Ну, Ники! Это-то—скоро?!

— Да. И она единственная, которую я выставляю.

Вѣра захлопала въ ладоши. Мысль, что она появится на выставкѣ, была для нея верхомъ блаженства. Нѣжно взялъ Ники ея тонкіе пальчики въ свою руку, и спросилъ полу-застѣнчиво, полу-пытливо:

— Значитъ, ты рада... рада, что твой Ники имѣетъ успѣхъ, что онъ пріобрѣлъ извѣстность?

Большими, широко-раскрытыми глазами смотрѣла на него Вѣра въ удивленіи и проговорила:

— Иначе я не могла бы полюбить тебя!

— Даже... какъ человѣка вообще?—въ ужасѣ прервалъ ее художникъ.—Понимаешь, просто человѣка, а не художника?!

Вѣра расхохоталась.

— Ты самъ къ себѣ ревнуешь?

Ники тоже попытался засмѣяться, но смѣхъ его вышелъ какой-то натянутый, и нѣсколько дней подъ-рядъ онъ испытывалъ неловкое чувство, вызванное въ немъ словами невѣсты. Наконецъ, онъ убѣдилъ себя, что это—отношеніе дѣвически-восторженнаго молодого существа, привлеченнаго славой художника; развѣ его самого не влекло къ ней ея изящество, аристократичность и женственность ея нѣжной красоты? Въ сущности, развѣ его достоинства, какъ художника, не лучше его другихъ достоинствъ?

Какъ-то разъ онъ рѣшился заговорить съ Вѣрою объ этомъ, но она сначала не могла понять, въ чемъ дѣло; вдругъ, она бросилась къ нему, принялась обнимать, душить своего Ники поцѣлуями.

— Да какъ ты могъ подумать? Ты не смѣешь во мнѣ сомнѣваться! Еслибъ я тебя такъ не любила, я не съумѣла бы добиться, чтобы папà далъ свое согласіе. Я ему сказала, что если онъ не разрѣшитъ мнѣ выйти за тебя, я отъ него сбѣгу,— и только! Я этого не думала серьезно, но прекрасно знала, что это его испугаетъ... Знаешь ли, Ники? Я должна тебѣ признаться: вѣдь папà былъ очень несчастливъ. Онъ горячо любилъ покойную мамá, и думалъ, что она его тоже любитъ. Я ее почти не помню: я была тогда еще малюткой. И вотъ, она однажды призналась мужу, что никогда его въ дѣйствительности не любила, а вышла за него лишь потому, что ея родители были очень бѣдны... Они разъѣхались, потомъ получили разводъ; она вышла замужъ еще разъ... кажется, въ Римѣ, и умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Бѣдная Вѣра! Ты выросла безъ матери; но теперь у тебя будетъ мать. Съ нами ты будешь счастлива! — задумчиво проговорилъ художникъ, и ему показалось, что онъ за это еще больше полюбилъ ее.

— Но, кажется, на столѣ у твоего папá стоитъ портретъ жены?

— Да; онъ опять его поставилъ на прежнее мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ она умерла. Должно быть, онъ, все-таки, не могъ ее забыть и только послѣ смерти ей простилъ...

Ники нѣжно обвилъ рукой шейку невѣсты.

— Такъ ты ему сказала, что *меня* любишь?

— Да, сказала.

— Повтори же! Повтори это мнѣ!

Сердце его билось горячо; ея головка прильнула къ его трепетавшей груди, и на ухо ему шепнулъ любимый голосокъ:

— Я *тебя* люблю!

День свадьбы приближался. Къ дѣвишнику пріѣхали братья Вѣры, и на этотъ разъ опять-таки офицеръ Отто оказался внимательнѣе, привѣтливѣе Эвальда. Мать Ники не могла отказаться отъ приглашенія; но чтобы ей было легче среди свѣтскаго, чуждаго ей общества, Ники приставилъ къ ней еще своего товарища, который обѣщалъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы она не скучала. Однако Отто былъ съ нею очень любезенъ, даже принесъ ей закусокъ изъ буфета и познакомилъ ее съ нѣкоторыми изъ пожилыхъ дамъ.

Только Эвальдъ знать никого не хотѣлъ; не хотѣлъ даже, чтобы его представили матери жениха и ему самому.

— Ну, хоть бы словомъ ты съ нами обмѣнялся!—тихонько упрекнула его Вѣра.—Отто такъ мило обошелся съ моимъ Ники! Онъ даже похвалилъ мой выборъ. Ну, говори, старый ворчунъ, что̀ тебѣ въ немъ не по вкусу?

— Я, собственно, не знаю, какъ это тебѣ сказать? Теперь и говорить-то ничего не остается, когда ужъ завтра свадьба.

— Но... развѣ тебѣ мой женихъ не нравится?

— Я этого не говорю.

Вѣра вспылила, и щеки ея зардѣлись.

— Нѣтъ; но ты ни слова ему не сказалъ!

— О чемъ мнѣ говорить? Я вѣдь не художникъ. Мнѣ противны эти неумытые, нечесаные господа, которые ѣдятъ ножомъ— и вообще это народъ не симпатичный. Они къ намъ не подходятъ, а мы—къ нимъ. На ихъ картины можно смотрѣть только на выставкѣ или такъ, вообще, отъ нѐчего-дѣлать, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

Вѣра поблѣднѣла.

— Эвальдъ! Что̀ это значитъ?

— Ничего.

— Я тебя не понимаю; вѣдь Ники не такой: онъ человѣкъ изящный и благовоспитанный; онъ даже très-chic et comme il faut, могу тебя увѣрить.

Эвальдъ улыбнулся кислосладкою улыбкой.

— Не спорю, но вообще я такого мнѣнія, что мы—люди

разныхъ слоевъ общества, и что эта разница скажется рано или поздно.

— И ты мнѣ это говоришь только наканунѣ свадьбы?

— И только потому, что ты непремѣнно это хочешь знать, — пожимая плечами, проговорилъ онъ; но замѣтивъ, что сестра разстроена и что кое-кто уже оглядывается на нихъ, успокоилъ ее, говоря, что дѣло еще не такъ плохо: — Просто, на меня раздражительно подѣйствовалъ твой тонъ.

Но Вѣру не легко было успокоить; недовольная, пошла она искать своего Ники.

— Что у васъ тамъ такое вышло? — окликнулъ Эвальда его кузенъ, Фогельзангъ.

Эвальдъ разсказалъ, въ чемъ было дѣло, и ротмистръ удивилъ его своимъ заступничествомъ за друга.

— Да ты бы долженъ днемъ и ночью благодарить Бога за то, что онъ тебѣ послалъ такого шурина! — своимъ обычнымъ, увѣреннымъ и возбужденнымъ тономъ говорилъ онъ: — Ники Занднеръ — чудный человѣкъ, скромный, благовоспитанный, великій художникъ и, въ довершеніе всего, богатый женихъ!

VIII.

Послѣ свадьбы, Вѣрой овладѣла жажда покупокъ.

Мужъ предложилъ ей, прежде всего, развѣсить по стѣнамъ картины и эскизы, которыхъ у него накопилось масса; но она стояла за то, чтобы сначала, помимо нихъ, чѣмъ-нибудь пополнить обстановку.

— Ники! Мой Ники! Сдѣлай мнѣ удовольствіе, повѣсимъ ихъ потомъ! — Ему было пріятно порадовать молодую жену; его радовало, что на улицѣ всѣ заглядывались на нее. А она, издали завидя родныхъ или знакомыхъ, тянула мужа въ сторону подальше:

— Пусть насъ никто не видитъ! Что намъ за дѣло до другихъ?

На „Unter den Linden“ они остановились передъ выставкой бронзовыхъ издѣлій слащаваго, пошлаго вкуса. Ники возразилъ на восторженные возгласы Вѣры, что онъ не потерпитъ такой пошлости у себя въ домѣ; но она не могла понять его возраженій. Впрочемъ, не возражая, она пошла съ мужемъ къ Гурмитту, гдѣ тотъ уже давно видѣлъ изящнѣйшія вещи.

И въ самомъ дѣлѣ, въ шкапу за стекломъ стоялъ цѣлый

рядъ цвѣтныхъ хрустальныхъ бокаловъ причудливой формы, но, все-таки, похожихъ на цвѣты. Вѣра тоже нашла, что они оригинальны и красивы.

— Только пить въ нихъ неудобно,—прибавила она.—Да, да, они очень красивы!

— И больше нравятся тебѣ, чѣмъ бронза?

Въ смущеніи она кивнула головой.

— Ники, обѣщай мнѣ никогда о бронзѣ не вспоминать!

Вечеромъ, размѣстивъ купленный хрусталь, молодые увидали, что еще многаго не хватаетъ, но отложили свои новыя покупки до другого раза. Было уже поздно, когда пришла очередь картинъ. Прислугу они послали спать и, запасшись лѣстницей и молоткомъ, принялись за дѣло.

Вѣра хотѣла помогать мужу переносить картины; но онъ воспротивился, „чтобы она не надорвалась“, и жена съ восторгомъ смотрѣла, какъ онъ переносилъ, словно игрушки, большія картины въ тяжелыхъ рамахъ; его радовало восхищеніе жены, и онъ съ гордостью показывалъ ей свои мускулы, которые выступали толстыми узлами, когда онъ сгибалъ руку.

— Такъ это и нужно—для равновѣсія:; у меня, вѣдь, работаютъ усиленно и голова, и сердце; а руки, при этомъ, я тоже старался побольше упражнять.

— Но тебѣ приходится, главнымъ образомъ, работать именно руками!

— Нѣтъ! Это только такъ кажется: больше труда приходится на долю головы и сердца: они и направляютъ мою руку.

— Вѣдь пальцамъ же приходится водить кистью,—настаивала она.

Когда картины очутились на стѣнахъ, она еще больше удивилась: все это оказались копіи съ извѣстныхъ мастеровъ, и ни одной—его собственной. Вѣра, наоборотъ, хотѣла имѣть у себя въ домѣ только работы мужа, который считалъ, что было бы смѣшно украшать ими стѣны.

— Ты правъ!—немного подумавъ, отозвалась Вѣра:—тогда бы подумали, что мы развѣсили вещи, которыя никто не захотѣлъ купить.

Широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на нее Ники.

Живо припомнились ему его трудные, первые шаги, долгіе дни, недѣли, мѣсяцы упорнаго, восторженнаго труда, въ результатѣ котораго являлась цѣлая вереница картинъ, встрѣченныхъ издѣвательствомъ и насмѣшками людей, которые его не понимали...

Онъ остановился вбивать гвоздь, и, съ молоткомъ въ рукѣ, обернулся лицомъ къ женѣ.

— Чтò же такое, еслибъ и подумали? Еслибъ они подумали, что мои картины не продались, тѣмъ больше чести для меня! Чтò пошлѣе и бездарнѣе—на то и бòльшій спросъ! А за то самое, чего теперь никто не хочетъ имѣть, будутъ платить охотно сотни, тысячи, когда художникъ умретъ и истлѣетъ въ гробу.

Вѣру испугало выраженіе въ глазахъ мужа, и она молча смотрѣла на него.

— Чтò съ тобой?..—поспѣшно спросилъ онъ, когда минутное возбужденіе улеглось, и взглядъ его ласково остановился на изящной молодой женщинѣ, *его* женѣ, величайшемъ сокровищѣ въ мірѣ, которое ему принадлежало и дарило его безграничнымъ счастьемъ.

Женственно-восторженное чувство шевельнулось въ ней, когда она любовалась на его возбужденное лицо и медленно пролепетала:

— Ники! Какой ты красавецъ!

Молотокъ полетѣлъ въ сторону; художникъ спрыгнулъ съ мѣста и горячо обнялъ жену, осыпая поцѣлуями ея шейку, щечки, глаза...

— Такъ тебѣ пріятно, когда я это говорю?—спросила она, какъ только могла перевести духъ.

— Говори, говори! Всегда такъ говори!

Обѣими руками обняла она его голову и, глядя прямо ему въ лицо, повторила:

— Ну, такъ еще разъ я скажу тебѣ: какъ ты хорошъ, мой Ники! какъ я тебя люблю! какъ горячо люблю!.. А ты?— почти робко прибавила она.

— Вѣра! Любимая моя!..

Наконецъ, молодые собрались навѣстить отца.

Сначала Вѣра чувствовала себя нѣсколько неловко, очутившись въ качествѣ замужней женщины въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, гдѣ прошло ея дѣтство.

Генералъ былъ счастливъ, что снова ее видитъ; онъ горячо ее ласкалъ и цѣловалъ, приговаривая:

— Безъ тебя ужасно тихо въ домѣ, Вѣра!

— Бѣдный папà!

— Я, собственно, долженъ бы на тебя сердиться, сынъ мой, за то, что ты ее у меня отнялъ,—продолжалъ старикъ.

— Мнѣ очень жаль...

— Какъ? Тебѣ жаль? Уже!.. Тебѣ жаль, что ты взялъ себѣ въ жены Вѣру?—стараясь съострить, пошутилъ генералъ.— Отдай ее мнѣ! Подай ее сюда, подай назадъ, сейчасъ же! Ну, что же?

— Нѣтъ, не могу отдать! Я съ нею невыразимо счастливъ!

Радостью загорѣлся взглядъ старика; онъ горячо пожалъ руку зятю.

— Радъ. Страшно радъ! Такъ оно и надо. Значитъ, я кстати далъ свое согласіе. А ты какъ, Вѣра? Не хочешь ли вернуться къ своему старику-отцу?

Она крѣпче прижалась къ мужу, растерянная, смущенная...

— Папà, это жестоко... задавать ей такіе вопросы!—промолвилъ тотъ, поглаживая ее по головкѣ.

Генералъ, однако, не хотѣлъ уняться. Онъ подмигнулъ мужу и сурово, почти грубо приказалъ женѣ:

— Ну, Вѣра, отвѣчай же! Развѣ не хотѣлось бы тебѣ назадъ, къ отцу?.. Да правду говори, смотри! Слышишь? Чистую правду!

— Нѣтъ,—тихо-тихо шепнула она и нѣжно обвила за шею своего Ники.

Его превосходительство расхохотался и воскликнулъ:

— Я тебя напугалъ? Такъ оно и надо! Надо, чтобы такъ всегда и было. Впрочемъ, я такъ и ожидалъ. Ты должна *„оставить отца и...* (онъ хотѣлъ сказать „матерь свою“... но спохватился) *и отчій домъ, и прилѣпиться къ мужу“*. Такъ... или приблизительно такъ говорится въ священномъ писаніи... Смотрите только, позаботьтесь, чтобъ иначе никогда не бывало!

Съ матерью мужа Вѣра чувствовала себя легче, непринужденнѣе. Старушка лишь недавно стала ей близка; отецъ—другое дѣло. Къ тому же, она такъ очевидно любовалась своей богоданной дочкой, что той льстило ея вниманіе и увѣренность, что мать Ники одобритъ все, чтò бы она ни дѣлала.

Фрау Зандперъ съ большимъ участіемъ прослушала все, чтò ей говорили дѣти про свою новую обстановку, про каждую изъ комнатъ, гдѣ они сидятъ или обѣдаютъ. Ники перешепнулся съ Вѣрой, и вдругъ торжественно пригласилъ мать къ себѣ въ воскресенье на обѣдъ; она до слезъ растрогалась при мысли— въ первый разъ очутиться за столомъ въ домѣ сына.

— Такъ я приглашена, дѣйствительно приглашена?—повторяла она въ возбужденіи.

Воскресенье, когда старушка впервые появилась у своихъ дѣтей, было настоящимъ праздникомъ для всѣхъ. Вѣра даже сама помогала накрывать на столъ и безпокоилась, все ли сойдетъ исправно. По счастью, ничто не пригорѣло, не было пересолено; отецъ молодой и мать молодого, оба остались довольны и объявили, что ихъ накормили превосходно.

Послѣ обѣда, всѣ прошли въ маленькую комнатку рядомъ съ мастерской, и генералъ объявилъ, что надо бы для мужчинъ отдѣльную комнату для куренья.

— У художника всѣ курятъ въ мастерской, — возразилъ Ники.

— Нѣтъ, слишкомъ здѣсь просторно, неуютно, — повторялъ генералъ:—ни одного укромнаго уголка! А къ вашей большой, какъ у фотографа, кулиссѣ я рѣшительно не могу привыкнуть!

Когда Вѣра вышла хлопотать по хозяйству, мать шепнула Ники, что она осталась бы у нихъ подольше, но считаетъ за лучшее на первый разъ ихъ не стѣснять; и тотчасъ же, пользуясь случаемъ, шепнула ему мучившій ее вопросъ:—счастливъ ли онъ?

— Такъ счастливъ, какъ даже и вообразить себѣ не могъ!— воскликнулъ онъ искренно.

— О, какъ я рада, какъ я рада, Ники!

Входя, Вѣра увидала, что Ники горячо цѣлуетъ руку матери.

— Это что̀ значитъ? Про кого вы говорили?

— Да про кого-то...

— Про кого-нибудь чужого?

— Нѣтъ, про тебя.

Любопытство овладѣло ею.

— Про меня? Что̀ же такое вы про меня говорили?— какъ будто въ тревогѣ спросила она.

— Да ничего, кромѣ хорошаго! — съ улыбкой отозвалась мать.

Она ушла, а молодые супруги долго еще стояли у окна, слѣдя за ея довольно сгорбленной фигурой. Когда ее не стало больше видно, Вѣра обратилась къ мужу:

— Ну, говори же, что̀ вы такое обо мнѣ говорили?

Ему сперва было забавно, но потомъ даже страшно стало ея горячаго, настойчиваго взгляда.

— Неужели это для тебя такъ важно?

— Ну да, конечно, очень важно!—вся пылая, повторяла она.—Ты не долженъ ничего отъ меня скрывать, ничего, ничего! Слышишь, Ники: ни-че-го!

Наконецъ, послѣ нѣкоторой проволочки, онъ признался, что мать хотѣла знать, счастливъ ли онъ?

— И что же ты ей сказалъ?

— Да, счастливъ!

Вѣра пришла въ восторгъ, принялась обнимать его и цѣловать его въ голову, въ щеки, въ губы... и вообще вела себя какъ самый счастливый, безпечный ребенокъ.

Это его немного удивило.

— Неужели ты могла допустить, чтобы я могъ отвѣтить что-нибудь другое? Наконецъ, въ этомъ даже нѣтъ никакой заслуги съ моей стороны,—прибавилъ онъ.

За ужиномъ, наединѣ, Вѣрѣ вдругъ пришла въ голову мысль, ознаменовать этотъ день... шампанскимъ. Никогда, ни за что на свѣтѣ, не позволилъ бы ей отецъ выпить шампанскаго, еслибы ей то вздумалось безъ причины,—„просто такъ“.

Какъ человѣкъ легко увлекающійся, Занднеръ нашелъ, что эта мысль—великолѣпна. Они послали за шампанскимъ, и, какъ его сверкающая пѣна, заискрились мысль и рѣчи художника; брызги юмора и тонкой насмѣшки теперь чередовались неудержимо; послѣднія рамки какого то дѣвически-страннаго стѣсненія, которое онъ все еще испытывалъ передъ своею молодою женой, пали сами собой—и Ники больше не боялся говорить все откровенно.

— Знаешь ли, Вѣра, что выше, что всего прекраснѣе на свѣтѣ?

— Скажи мнѣ, милый!

— Даръ творчества, — вотъ самое прекрасное, что дано намъ, людямъ: даръ создавать все изъ ничего! Вотъ величайшее блаженство, высшая степень удовлетворенія. Все остальное на землѣ ничтожно; все исчезаетъ и падаетъ предъ этимъ высшимъ счастьемъ... О, Вѣра! Еслибъ ты хоть разъ могла испытать это чувство, жить съ нимъ неразрывно! Но ты навѣрно его испытаешь, ты будешь переживать его вмѣстѣ со мною; ты,—которую я среди всѣхъ избралъ... И ты поймешь меня, какъ не былъ еще понятъ ни одинъ художникъ. Ты будешь со мной раздѣлять мою тоску въ часы, когда я удрученъ тоской, когда смолкаетъ голосъ, ободряющій меня, нашептывающій мнѣ, къ чему я долженъ приложить свои творческія силы... О, Боже! Какой ужасъ, когда въ душѣ онъ не имѣетъ отголоска, когда онъ молчитъ!.. Молчитъ! Страшные, грозные часы затишья,— они приходятъ иногда и для меня! Не думай, что художникъ, котораго ты видишь уже въ положеніи извѣстности, свѣтила,

всегда великъ, всегда полонъ энергіи и незнакомъ съ ея упадкомъ! Даже съ твоей картиной было то же, съ самаго начала... И вотъ, въ такія-то безумныя, отчаянныя минуты, ты поддержи меня, утѣшь и ободри! Нѣжной рукою освѣжи мой пылающій, усталый лобъ!..

Никогда еще не видала его Вѣра въ такомъ состояніи. Никогда бы она не подумала ничего подобнаго; внутренній міръ мужа былъ для нея чуждъ и непонятенъ; но теперь, доселѣ безцвѣтное для нея слово „искусство“ облеклось въ форму чего-то осязательнаго, грозившаго принять обликъ чего-то властнаго, къ чему ей придется его ревновать. Невольно, сама не вникая въ настоящій смыслъ словъ мужа, она поддѣлалась подъ его настроеніе и чокнулась, проговоривъ:

— За твое искусство!

Громко выразилъ Ники свой восторгъ и горячо обнялъ жену.

— Вѣра! Это—самое чудное, чтò ты могла мнѣ пожелать! Да, чокнемся: за мое искусство!..—и, залпомъ осушивъ бокалъ, онъ его опрокинулъ, чтобы показать, что тамъ не осталось ни капли. Вѣра послѣдовала его примѣру.

Сердце вдругъ сжалось у него отъ боли при мысли, что онъ давно ничего не писалъ, и въ порывѣ приподнятаго настроенія, въ которомъ онъ въ эту минуту находился, Ники поспѣшно вновь наполнилъ бокалы и, высоко поднявъ свой, восторженно воскликнулъ:

— За мою новую работу! Чтобъ она принесла намъ честь и славу, первая—въ нашей супружеской жизни!.. Завтра начинаю.

IX.

Ники Зандперъ, дѣйствительно, принялся за работу.

Долго онъ пересматривалъ свои эскизы и этюды; изъ плановъ, которые вчера, подъ вліяніемъ возбужденія, возникли у него, ни одинъ еще не получилъ яснаго облика. Въ то время, какъ онъ рылся въ своихъ вещахъ, Вѣра то-и-дѣло подбѣгала къ нему, освѣдомляясь, какъ подвигается его работа?

Она составила себѣ понятіе, что полотно стòитъ только натянуть, чтобы оно начало заполняться; но этого не было въ данномъ случаѣ, и это ее удивляло.

— А чтò это будетъ?—спросила она мужа.

Онъ еще самъ не зналъ, и, цѣлуя ее, отвѣтилъ:

— Современемъ, увидимъ.

Однако, увидѣвъ, что пока онъ еще ничего не пишетъ, жена не стала больше дожидаться и ушла присмотрѣть „за хозяйствомъ“. На самомъ дѣлѣ, она просто безцѣльно бродила по комнатамъ. Обмѣнъ обязательныхъ визитовъ кончился; теперь пришла очередь сравнительнаго затишья.

По дорогѣ на выставку, Ники высказалъ Вѣрѣ желаніе, чтобы у него иногда собирались товарищи-художники, и она съ удовольствіемъ поддержала его въ надеждѣ, что это интересные люди; но мужъ предупредилъ ее, что она имѣетъ о нихъ, вѣроятно, ложное представленіе, если думаетъ, что они разговорчивы или забавны; приглашать ихъ тоже надо отдѣльно, не мѣшая съ прочими знакомыми, — и тѣхъ, въ свою очередь, звать отдѣльно.

Вѣра разсчитывала, что у нея образуется нѣчто вродѣ „салона“, и что она получитъ возможность преподносить своимъ гостямъ къ чаю цѣлую кучу знаменитостей. Она объ этомъ начиталась во французскихъ романахъ и слышала въ урокахъ литературы.

— Но почему же?—спросила, все-таки, она.

— Они другъ къ другу не подходятъ. Художникамъ какъ-то не по себѣ, когда они встрѣчаются съ людьми свѣтскаго общества. Болтать о погодѣ они не умѣютъ, и становятся вдругъ нѣмы и безучастны. Слишкомъ они глубоко чувствуютъ и не выставляютъ себя напоказъ. Они—совсѣмъ другого міра люди.

Онъ говорилъ такъ горячо, какъ будто о самомъ себѣ; и въ самомъ дѣлѣ, никогда не чувствовалъ онъ себя хуже, чѣмъ съ такъ-называемыми свѣтскими людьми, въ кругу знакомыхъ и родныхъ жены. Впрочемъ, Вѣра не придала особаго значенія его кроткой, но пылкой рѣчи. Несмотря на свою недолгую супружескую жизнь съ Ники, она уже успѣла подмѣтить, что иногда ему случается говорить горячѣе, нежели чувствовать.

Въ первомъ же, „Почетномъ“ залѣ ее ожидалъ неожиданный ударъ. Во всю свою ширину и вышину передъ ней красовалась гигантская фигура Герстенштока. Заложивъ руки въ карманы, откинувъ широкополую шляпу на затылокъ, онъ стоялъ передъ самою большой картиной и неодобрительно покачивалъ на нее головою, все время бормоча себѣ что-то подъ носъ. Пока Вѣра восторженно заглядывалась на какую-то „марину“, Ники подошелъ къ товарищу и хлопнулъ его по плечу.

— Здравствуй! Тебя я перваго встрѣчаю.

— Ты здѣсь?! Ты такъ забился въ свою норку, что тебя больше нигдѣ не видно! Мы ужъ и то рѣшили: Ники насъ

знать не хочетъ!—отозвался гигантъ съ громкимъ, густымъ смѣхомъ, и продолжалъ, таща его за рукавъ къ картинѣ:

— Нѣтъ, ты посмотри на эту показную, грандіозную мазню! И вѣдь сейчасъ же видно, что она получила должную оцѣнку: какъ клеймо, торчитъ билетикъ: „*Продано*". Кто это могъ купить такое чудо? Понятно, ужъ какой-нибудь „коммерціи совѣтникъ": стòитъ оно десять-тысячъ марокъ! Лѣтъ черезъ двадцать не продалось бы ни за чтò: къ тому времени люди придутъ къ убѣжденію, что такое никуда негодное маранье, какъ эта махина...

Ники подтолкнулъ его, чтобы тотъ замолчалъ и спокойнѣе, не такъ громогласно выражалъ свое мнѣніе въ публикѣ. Вѣра удивленно оглянулась и подошла къ друзьямъ.

— Это, вѣрно, твоя жена?—произнесъ Герстенштокъ, видѣвшій молодую женщину только въ церкви, во время вѣнчанія, и подалъ ей свою могучую длань.—Здравствуйте, фрау Занднеръ! Да я и то васъ не узналъ: бѣлое платье страшно мѣняетъ человѣка. Я не узналъ васъ, чортъ меня возьми!.. И васъ такъ рѣдко видно, а нашъ старый Ники запропалъ совсѣмъ...

Онъ вдругъ запнулся и растерянно умолкъ, замѣтивъ по лицу Вѣры, что она находитъ въ немъ что-то неладное. Отъ Ники это не укрылось; онъ поспѣшилъ представить женѣ своего пріятеля, но и эта формальность мало помогла. Вѣра все больше и больше краснѣла, и смущенно озиралась вокругъ, словно ища себѣ защиты или боясь, чтобы кто не услышалъ. Ники старался сгладить первое впечатлѣніе, но напрасно; и его другъ, неловко раскланявшись, отошелъ прочь, пробормотавъ пріятелю на прощаніе, что ему очень жаль, но „красавецъ" его ждетъ, ...такъ уже уговорились...

— Это чтò за человѣкъ?—спросила Вѣра.

— Скульпторъ Людвигъ Герстенштокъ.

— Фу, чтò за имя: „Герстенштокъ"?!

— Не самъ онъ его выбиралъ.

— Конечно, но онъ совершенно не воспитанъ. Ужасный человѣкъ! А его шляпа? Какъ волосы изъ-подъ нея торчатъ!.. Онъ рукъ не вынимаетъ изъ кармановъ,... и брюки у него совсѣмъ обтрепаны...

— Когда это ты все успѣла замѣтить?—съ легкою насмѣшкой спросилъ ее мужъ.

— Что же онъ, по твоему, прикидывался, что-ли? Я, знаешь ли, къ такимъ манерамъ не привыкла. Откуда ты досталъ такого страшнаго субъекта? Кто онъ такой?

Вѣра все больше горячилась; щеки ея пылали. Но и Ники тоже пылалъ негодованіемъ, и, зайдя съ нею въ уголъ, будто разсматривая картину, съ горечью, рѣзко отчеканилъ:

— „Этого человѣка“ я не сегодня узналъ! „Этотъ человѣкъ“ —одинъ изъ моихъ друзей. Да, онъ не какой-нибудь „swell“ или „dandy“,—я съ этимъ согласенъ; онъ не дипломатъ и не шаркунъ-танцмейстеръ: онъ одинъ изъ нашихъ самыхъ честныхъ, самыхъ талантливыхъ, самыхъ умныхъ и дѣльныхъ скульпторовъ. „Этотъ человѣкъ“ скорѣй умретъ, нежели пойдетъ на сдѣлку: изъ-за денегъ, онъ не сдѣлаетъ ни одного удара рѣзца, если не сочтетъ его вполнѣ правильнымъ. „Этотъ человѣкъ“ будетъ жить въ исторіи искусствъ еще въ то время, когда про вашихъ франтовъ и думать позабудутъ. Въ самой неудавшейся работѣ „этого человѣка“ больше смысла и таланта, чѣмъ въ цѣлыхъ залахъ, переполненныхъ статуями другихъ скульпторовъ...—И, глядя прямо женѣ въ глаза, Ники прибавилъ:

— Прежде всего, онъ—мой другъ! И, если я не счелъ нужнымъ позвать его къ себѣ на свадьбу, такъ это единственно изъ уваженія къ нему. Ему было бы тяжело явиться къ намъ съ женою, на которой онъ по глупости женился, а звать его одного —значило его обидѣть. Мы именно его-то и будемъ принимать теперь; онъ къ намъ придетъ и даже очень скоро... Вотъ чтò я хотѣлъ тебѣ сказать!

Художникъ перевелъ духъ глубоко, какъ будто облегченный этими словами. Ему самому было странно его возбужденіе, и онъ пытался улыбнуться; но улыбка застыла у него на губахъ, при первыхъ же звукахъ насмѣшливаго голоса жены.

— Ну, вотъ, я теперь видѣла твоего друга, и вполнѣ понимаю, что ты можешь не желать, чтобы такіе господа встрѣчались съ людьми нашего общества. Ты правъ; я тоже такъ думаю.

Приливъ ожесточенной злобы, какъ полымемъ, охватилъ художника. Но онъ настолько овладѣлъ собой, что лишь безсознательно стиснулъ ей руку, какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Когда Вѣра вздрогнула отъ боли, онъ почувствовалъ, что неправъ передъ нею, и выпустилъ ее, смутившись.

— Мнѣ больно!—прошептали ея блѣдныя, дрожащія губы.

Молча пошли они рядомъ, не глядя другъ на друга. Осматривая картины, Вѣра не разъ хотѣла просить у мужа разъясненія насчетъ той или другой картины, но не просила. А онъ, въ свою очередь, не могъ побороть себя, чтобы предложить ей указывать нумера въ каталогѣ.

Вдругъ, сами того не замѣчая, они очутились передъ картиной Ники. Она висѣла совершенно отдѣльно, въ нижней залѣ, и, судя по мѣсту, которое ей отвели, пользовалась особымъ почетомъ. Ее нельзя было не замѣтить.

Какъ обыкновенно, когда Ники случалось увидать свою картину, имъ овладѣло жуткое и въ то же время сладостно-мучительное чувство. Робко оглядѣлся онъ, нѣтъ ли по близости кого, кто могъ его узнать; но, къ счастію, въ залѣ не было въ эту минуту ни души. Ники раскрылъ каталогъ и молча подалъ его Вѣрѣ. Она прочла:

„Занднеръ, Николай. Берлинъ. № 1463.—Вечеръ".

Они обмѣнялись взглядомъ. Ники шепнулъ женѣ:

— Ты уже не сердишься?

— Нѣтъ, не сержусь.

— Совсѣмъ, совсѣмъ забыла?

— Да, совсѣмъ... А ты?

Мужъ тихонько вложилъ въ свою руку ручку жены и нѣжно ее погладилъ. Онъ спросилъ, нравится ли ей его работа?

— Да,—отвѣтила она:—Чудесно!..—и не безъ легкаго кокетства оглянулась вокругъ, не могутъ ли ее узнать по сходству на картинѣ.

— Будь покойна: тутъ не въ сходствѣ дѣло,—успокоилъ ее Ники, и съ удовольствіемъ исполнилъ ея желаніе—посидѣть на диванѣ какъ-разъ напротивъ картины и послушать, что̀ будутъ говорить въ публикѣ.

Вскорѣ появилась парочка пожилыхъ супруговъ; они на мигъ остановились, посмотрѣли, пошли дальше. На смѣну имъ пришли двое мужчинъ, старый и молодой, и одна дама. Молодой, повидимому, руководилъ осмотромъ выставки и тотчасъ принялся объяснять своимъ спутникамъ особенности картины. Они то подходили ближе, то отступали назадъ; наконецъ, молодой подошелъ одинъ совсѣмъ близко къ полотну и, вернувшись, что-то говорилъ имъ горячо: слышно только было неоднократно повторяемое имя: „Занднеръ"... „Занднеръ"...

Ники съ женой уже было-отказался отъ надежды что-нибудь услышать, какъ вдругъ молодой человѣкъ повернулся такъ, что отзвукъ его голоса ясно долетѣлъ до нихъ:

— Самая лучшая картина изъ всей выставки. И техника подходитъ къ сюжету: такая глубина пониманія... Вѣрно, что-нибудь съ натуры...

Посѣтители выставки отошли къ другимъ картинамъ, и молодые супруги разслышали слова стараго господина:

— Ну, по крайней мѣрѣ, „одна изъ лучшихъ“,—говорилъ онъ своему спутнику:—Съ тобой безъ восхищенія не обойдешься!

Молодой обернулся къ нему:

— Ну, хорошо. Допустимъ, что тутъ дѣйствительно есть и Беклинъ, и Либерманъ...—и онъ назвалъ еще нѣсколько именъ, но ихъ уже нельзя было разслышать.

Вѣра оглянулась на мужа глазами, сіявшими отъ счастья.

— Ты знаешь, кто они такіе?

— Ахъ, Боже мой! конечно, нѣтъ; иначе, я убѣжалъ бы прочь.

— Но кто бы это могъ быть?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія. Кажется, рейнскіе провинціалы...

Дома, за ужиномъ, когда вода въ чайникѣ уже шумѣла, Вѣра еще разъ спросила мужа, счастливъ ли онъ, что публика о немъ такого мнѣнія?

Ники пожалъ плечами.

— Пока, мнѣ это забавно, да; но мнѣ, все-таки, кажется, что я могу услышать что-нибудь дурное.

Ей захотѣлось знать, разсердило ли бы это его?

— Конечно, даже очень!—горячо отвѣтилъ онъ.

Вѣра со смѣхомъ объявила, что никто не можетъ найти дурнымъ то, что̀ написано ея мужемъ. Она съ восторженнымъ обожаніемъ смотрѣла на него, вся сіяя отъ счастія, что ея Ники имѣетъ такое значеніе, что онъ такъ знаменитъ. Онъ ничего не замѣчалъ и удивленно вскинулъ на нее глазами, когда она бросилась къ нему на шею съ возгласомъ:

— Ты долженъ сдѣлаться величайшимъ художникомъ на свѣтѣ!

— Развѣ это тебѣ было бы пріятно?

— Я этого всегда желала, Ники! Я только объ этомъ и мечтала!..

Въ ея возгласѣ было столько выраженія, что мужъ опять удивленно на нее взглянулъ.

— Но почему же тебѣ, глупенькая, такъ этого хотѣлось?

— Чего? Чтобы мой мужъ былъ самый знаменитый въ мірѣ, такъ, чтобы всѣ позеленѣли отъ злости?

— Этого нельзя говорить, — возразилъ Ники сурово; она ясно разслышала его неудовольствіе, и тотчасъ же поспѣшила превратить все въ шутку.

Заигрывая съ нимъ, какъ ласковый котенокъ, Вѣра принялась гладить и трепать мужа, цѣловать его, ласкать и приго-

варивать, что онъ у нея „добрый, знаменитый, глупый мужъ"! Но неожиданно она вспомнила про свою руку и, отогнувъ за локоть рукавъ, принялась искать то мѣсто, гдѣ, по ея разсчету, долженъ былъ приходиться большой синякъ; но ни большого, ни маленькаго, никакого синяка такъ и не оказалось, хотя она говорила, что у нея „страшно-чувствительная кожа"...

Ники поцѣловалъ мнимо-больное мѣстечко, и тѣмъ дѣло кончилось. Передъ тѣмъ, какъ идти спать, они подошли къ окну, подышать тихимъ ночнымъ воздухомъ, полюбоваться звѣздами на темномъ небѣ.

Комнатное освѣщеніе падало сзади на ихъ стройныя фигуры, и тѣни протянулись отчетливыми очертаніями на ближайшей глухой стѣнѣ сосѣдняго дома. Ники, который во всемъ и всегда видѣлъ тему для своей кисти, поспѣшилъ обратить на это вниманіе жены.

— Вотъ видишь, это стоило бы написать; и можно бы назвать, какъ то полотно: „Вечеръ".

— Вотъ и чудесно! Пиши его; тогда ты будешь сидѣть дома, — просила она, ласкаясь къ мужу, но онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ! Невозможно повторяться. Можетъ быть, когда-нибудь позднѣе; а теперь... Теперь мнѣ нужно что-нибудь совсѣмъ другое; надо заняться моимъ желѣзнодорожнымъ сюжетомъ. Я никакъ не могу съ нимъ раздѣлаться!

Опять Вѣра готова была разсердиться; но мужъ чувствовалъ, что долженъ на этотъ разъ выдержать характеръ, если не хочетъ потерять надъ нею власть; онъ отошелъ отъ окна, обвивая по-прежнему ея станъ рукою, и нѣжно, но твердо возразилъ:

— Ты должна быть умницей, сокровище мое, и покориться. Еслибы я служилъ въ строю, у меня, по всей вѣроятности, было бы ежедневно ученіе на плацу по утрамъ; днемъ —школа, а вечеромъ—военныя упражненія въ казино. Тогда ты и совсѣмъ бы меня не видала.

Вѣра засмѣялась, но въ отвѣтѣ ея, все-таки, слышалась досада:

— Ну, хорошо. Такъ и я завтра съ утра ухожу къ своей Мими.

Однако эта угроза не испугала Ники; онъ опять втянулся въ работу, и ежедневно уходилъ на полотно желѣзной дороги, несмотря на то, что ему тяжело давалось прощаніе съ женой. Въ каждой его отлучкѣ—онъ это чувствовалъ—она усматривала

небрежное къ ней отношеніе и почти—охлажденіе. Въ то время, какъ мужа не было дома, Вѣра ходила къ подругамъ, гуляла съ отцомъ, и даже иногда порывалась разыгрывать изъ себя домосѣдку. Послѣднее ей скоро надоѣло: ей было скучно сидѣть въ одиночествѣ и въ тишинѣ. Изъ ея музыки никакого проку не вышло: она кое-какъ бренчала модные вальсы и польки, а единственная пьеса, которую она играла по просьбѣ гостей, для того, чтобы блеснуть техникой, которой у нея не было, была заучена съ большимъ трудомъ, и дальше того не пошли ея успѣхи. Съ живописью дѣло было еще хуже. Ники наотрѣзъ отказался давать ей уроки: бездарныя ученицы доводили его чуть не до бѣшенства. Другое дѣло—его „модельный классъ“: тамъ народъ талантливый и все такой, которому придется обратить живопись въ средства для добыванія куска хлѣба.

Но и эти доводы не убѣдили Вѣру; единственно, что̀ на нее подѣйствовало, это—замѣчаніе Ники, что онъ считаетъ неудобнымъ, чтобъ его жена сидѣла вмѣстѣ съ его ученицами. Она съ этимъ согласилась, но потребовала, чтобы онъ вовсе отмѣнилъ уроки.

— У Мими фонъ-Тигель говорили про твое призваніе, и нѣкоторые изъ гостей удивились, когда я имъ сказала, что ты еще учительствуешь. Служеніе свободному искусству они еще допускаютъ; но эта роль учителя...

Вѣрѣ она казалась оскорбительной для ея тщеславія, и съ той минуты у нея исчезла всякая потребность въ занятіи живописью; но къ уничтоженію вечернихъ классовъ она нерѣдко возвращалась въ разговорѣ; наконецъ, Ники ей круто отказалъ—разъ и навсегда.

— Да почему они тебѣ такъ нужны? Почему?—допытывалась она.

Въ первый разъ въ своей супружеской жизни мужъ заговорилъ съ нею о деньгахъ.

— Почему, Вѣра? Очень просто: для денегъ!

— Какъ это такъ? Я не понимаю.

— Это одна изъ статей дохода и даже — самая вѣрная, тогда какъ прочія зависятъ отъ случайностей, отъ постороннихъ обстоятельствъ, отъ счастья!..—продолжалъ онъ:—Мы, видишь ли, черпаемъ наши средства изъ разныхъ источниковъ. Во-первыхъ,—мы имѣемъ то, что̀ ты получаешь отъ отца; во-вторыхъ,—весьма значительное вознагражденіе за эти самые вечерніе классы; въ третьихъ (и послѣднихъ)—выручка съ продажи картинъ. Послѣ предъидущихъ успѣховъ, теперь я могу нѣсколько опредѣленнѣе

разсчитывать на выгодную ихъ продажу; но въ этомъ все-таки нѣтъ ничего вѣрнаго. Иной разъ, въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, сумма превзойдетъ предполагаемый доходъ; а иной разъ наоборотъ,—ровно ничего не дастъ!

Во время этихъ объясненій, Ники усиленно морщилъ брови, какъ человѣкъ, который не привыкъ къ денежнымъ раскладкамъ и которому даже смѣшно о нихъ говорить.

— Значитъ, у насъ совсѣмъ нѣтъ больше денегъ?—испуганно вырвалось у Вѣры.

— Ну, вотъ еще! Конечно, есть. Только въ будущемъ объ этомъ не надо забывать. Я уже сколько мѣсяцевъ ни гроша мѣднаго не получаю...

— Да? Что же такъ? — съ упрекомъ въ голосѣ спросила жена.

— Очень просто: я не работалъ.

— Кто-нибудь тебѣ былъ помѣхой?

— Непремѣнно.

— Вотъ какъ?! Хотѣлось бы мнѣ знать,—кто именно?

На языкѣ у него вертѣлось прямо отвѣтить:—Ты!—но самъ онъ чувствовалъ, что это было бы не совсѣмъ справедливо, и отвѣчалъ уклончиво:

— Разныя условія... обстоятельства такъ сложились...

Вѣра вскочила и крикнула повелительно:

— Какія это „обстоятельства“?

— Ну, мало-ли тамъ *что!*

— Ты, кажется, хочешь сказать, что это я... я?!

— Я этого не говорю; но, можетъ быть, ты сама это подсказала? Конечно, это такія обстоятельства, въ которыхъ не ты была виною и не я; но они такъ именно сложились, и я долженъ былъ бы заранѣе предвидѣть...

— Но почему же, почему ты это упустилъ изъ виду?—повелительно кричала она.

— Очень просто: потому, что я прежде всего—человѣкъ, а слѣдовательно подверженъ недостаткамъ; потому что я не совершенство; да, наконецъ, еще и потому, что я слишкомъ тебя люблю для того, чтобы хладнокровно обсуждать каждую мелочь. Это и есть любовь; а любовь—слѣпа! Вотъ потому-то, именно потому...—оборвалъ онъ.

Возбужденіе его возростало; онъ чувствовалъ потребность дать волю своей раздражительности, обострившейся при видѣ гнѣва Вѣры, къ которому онъ не привыкъ, и, стоя совсѣмъ близко передъ нею, онъ повторилъ нѣсколько разъ подъ-рядъ:

— Потому... потому... потому... потому!..

Долго смотрѣла на него Вѣра своимъ остановившимся взоромъ... и вдругъ звонко расхохоталась.

— Ну, Ники, какой ты смѣшной! Еслибъ ты только зналъ, какъ ты смѣшонъ!—повторила она неоднократно.

Гнѣва его почти какъ не бывало. Онъ разсмѣялся вмѣстѣ съ женой, и поцѣлуй послужилъ печатью примиренія. Ники съумѣлъ все загладить нѣсколькими словами.

— Пожалуйста, не будемъ больше говорить объ этомъ!

Объ этомъ, дѣйствительно, больше не было сказапо ни слова; но зато въ мысляхъ своихъ Ники такъ часто возвращался къ этому вопросу, что мать спросила у него однажды:

— Ники, дитя мое! У тебя есть горе?

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшилъ онъ отвѣтить, и свернулъ разговоръ на другое.

Сначала Вѣра, повидимому, дѣтски-радостно относилась къ возможности ласкать и утѣшать старушку, какъ родную мать; даже рѣшила ежедневно заходить ее провѣдать. Въ воображеніи, она уже собиралась ухаживать за нею, посылать ей пирожки, печенія. Но старушка, на первое время и не разсчитывала, что это можетъ такъ осуществиться. Теперь же, когда время шло, Вѣра, чистосердечно мечтавшая, какъ она будетъ бывать у мама̀ и слушать съ наслажденіемъ ея разсказы о малюткѣ-Ники, о Ники-юношѣ и, наконецъ, художникѣ,—Вѣра, такъ быстро полюбившая ее, сама у пея не бывала: все что-нибудь да помѣшаетъ! То ей страшно некогда; то кто-нибудь явится не во̀время и задержитъ; то дождь пойдетъ... то за нею неожиданно пришлетъ папа̀... то, наконецъ, за нею заѣдетъ и увезетъ ее Марѝ (по-просту: Мимѝ) фонъ Тигель...

А тамъ уже стемнѣло; поздно! Надо отложить до завтра.

— Не понимаю, почему мама̀ не могла бы иной разъ сама къ намъ заглянуть?—высказалась она однажды, когда ей мужъ замѣтилъ, что пора бы ей пойти провѣдать старушку.—У нея всегда есть дѣла въ городѣ, а мы выходимъ рѣже.

— Она изъ скромности стѣсняется, чтобы не надоѣдать,—возразилъ Ники.—Ты, вѣдь, сама прекрасно знаешь.

И Вѣра промолчала. Но когда мать зашла и помѣшала ей идти съ визитомъ, ее раздосадовала необходимость остаться съ нею дома. Въ другой разъ молодая женщина пригласила нѣсколькихъ пріятельницъ на чашку чая, и ей какъ будто было стыдно за скромную старушку въ черной кружевной наколкѣ и

немодномъ, поношенномъ платьѣ. Сама Вѣра всегда такъ элегантна, аристократична!

Мать скоро ушла—а ея невѣстка, почти съ усмѣшкой, сочла нужнымъ какъ бы извиниться за ея внѣшнюю несовременность...

Ники ничего не замѣчалъ, смотрѣлъ на жену глазами влюбленнаго, и если она не мѣшала ему работать, онъ былъ совершенно счастливъ. Однако работа его затянулась долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и это тревожило Вѣру, которая ждала возможности осуществить обѣщанное лѣтнее путешествіе; іюль ужъ наступилъ, а мужу еще оставалось двѣ недѣли трудиться надъ деталями машинъ, локомотивовъ, сигналовъ, поѣздовъ и дыма...

— Что-же, наше путешествіе такъ и не состоится?—спросила она.

— Я еще не кончилъ работу...

— Никогда въ жизни ты ее не кончишь!—вспылила Вѣра и хотѣла уйти; но Ники вернулъ ее, усѣлся рядомъ и сталъ говорить ей, до чего она для него дорога.

— Ни на минуту я съ тобой не разлучаюсь; даже тогда, какъ, примостившись у самаго полотна желѣзной дороги, я цѣлые часы жарюсь на солнопекѣ, а поѣзда бѣшено мчатся предо мною, такъ что вѣтеръ свищетъ и вздымаетъ крупныя песчинки, и чуть не вырываетъ у меня изъ рукъ палитры, оглушая своимъ неудержимымъ свистомъ...

Вѣра слушала и казалась растроганной.

— Къ чему намъ ссориться? Развѣ не лучше жить въ ладу? — говорилъ онъ. — Ужасно, что ты раздражаешься такъ часто. Неужели тебѣ не лучше быть такой же милой, доброй, какъ бывало? Хочешь, будемъ жить всегда дружно? Хочешь?

Вѣра бросилась къ нему на шею, просила у него прощенья, обѣщала быть доброй и милой и, подъ конецъ, горячо разрыдалась.

Мужу ея тоже было нелегко на сердцѣ. Онъ не могъ видѣть ея слезъ.

Развѣ она ужъ такъ ужасно виновата? Просто, они не поняли другъ друга; онъ не сдержался, она погорячилась—вотъ и все! Не она одна виновата; онъ долженъ бы быть разсудительнѣе. Онъ долженъ понимать, что Вѣра—тоже человѣкъ, въ которомъ есть свои особыя стремленія, есть своя воля, свои качества и недостатки. Можетъ быть, онъ недостаточно старался заглянуть въ ея душу, вникнуть въ ея мысли и воззрѣнія, обуздывать ее не рѣзкостью, а мягкимъ обращеніемъ?... Ники готовъ былъ

взять вину на себя наравнѣ съ нею; но видѣть ея слезы онъ рѣшительно не могъ.

Его жена, его вѣрный спутникъ на всю жизнь, котораго онъ самъ себѣ избралъ и полюбилъ, и—плачетъ! Чувство отвѣтственности за ея судьбу волной хлынуло ему на сердце, и онъ далъ себѣ слово быть впередъ мягче, терпѣливѣе, добрѣе...

— Не плачь, не плачь!—уговаривалъ онъ ее, обнимая.—И если я былъ грубъ съ тобой—прости! Я, видишь ли, такой же грѣшный и грубый человѣкъ, какъ всѣ; но я—художникъ. Меня Богъ одарилъ болѣе другихъ; но рядомъ съ дарованіемъ идутъ и недостатки. Я тоньше чувствую, я живу высшей жизнью, чѣмъ другіе, но я слишкомъ поддаюсь впечатлѣнію минуты. Въ этомъ—мой главный недостатокъ; а безъ него мнѣ не было бы дано творчество,—этотъ высшій даръ священнаго искусства! Ему служу я искренно и честно. Онъ—мой свѣточъ на жизненномъ пути. Но гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни; поэтому, прошу тебя: прости мнѣ, будь ко мнѣ добра. Будемъ любить другъ друга: какъ знать, надолго ли намъ суждено это счастье? Люби меня, люби глубоко, горячо, какъ я люблю тебя, и... не плачь, не плачь! Я вѣдь тебя люблю безмѣрно, безконечно!...

А. Б—г—.

ЖОЗЕФЪ ДЕ-МЕСТРЪ

Очеркъ его политическихъ идей.

Жозефъ де-Местръ принадлежитъ къ числу писателей нѣсколько загадочныхъ и уже по этому одному—интересныхъ. Онъ писалъ чрезвычайно живымъ, иногда остроумнымъ, иногда патетическимъ языкомъ. При рѣшимости сохранять въ себѣ, во что бы то ни стало, нравственную невозмутимость,—его можно читать съ удивительною легкостью. Но всякая попытка выяснить совокупность идей Местра, найти нить, связующую различныя его ученія въ одно міросозерцаніе, ставитъ всякаго въ довольно затруднительное положеніе. Одна внѣшняя форма его сочиненій возбуждаетъ въ читателѣ недоумѣніе, потому что стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ содержаніемъ. Идеи Местра представляютъ полное и страстное отрицаніе всего міросозерцанія XVIII вѣка; между тѣмъ, его писательская манера — это настоящая манера самыхъ смѣлыхъ и острыхъ „просвѣтителей" XVIII вѣка. Вильменъ справедливо замѣчаетъ, что въ Местрѣ поражаетъ странная смѣсь стараго съ новымъ. Традиціонныя идеи закрѣпляются неожиданными парадоксами; теократія защищается съ какимъ-то демократическимъ задоромъ; ученіе о безусловной и безмолвной покорности авторитету излагается съ пыломъ политическаго памфлета. И Шереръ недаромъ обозвалъ его: „Voltaire retourné". Въ одно и то же время Местръ былъ философомъ, политическимъ мыслителемъ, богословомъ, со строго ортодоксальнымъ направленіемъ—и мистикомъ. Различные критики думали въ какомъ-нибудь одномъ рядѣ идей Местра найти объясненіе ко всѣмъ остальнымъ, но сильно разошлись во мнѣніяхъ. Фаге видитъ основу міровоззрѣнія Местра

въ его политическомъ ученіи; все остальное, такъ сказать, приложено къ его политической доктринѣ и составляетъ ея философское или богословское обоснованіе. Другіе доказываютъ, что Местръ прежде всего католическій, ортодоксальный богословъ, что его философія и политика логически вытекаютъ изъ католической догмы. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, Паульянъ, считаетъ его безстрашнымъ метафизикомъ-діалектикомъ, который изъ немногихъ основныхъ понятій строитъ сложное зданіе своей системы. Остается явиться критику, который бы сталъ доказывать, что ученіе Местра представляетъ выводъ изъ мистическихъ идей Паскалиса и Сенъ-Мартена.

Казалось бы, оцѣнка одного политическаго ученія Местра не должна была возбудить такого разногласія. Однако и здѣсь мы встрѣчаемся съ большимъ разнообразіемъ мнѣній. До революціи сардинскій дворъ видѣлъ въ Местрѣ либерала, да и послѣ всегда относился къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Эмигранты, жившіе съ Местромъ въ Лозаннѣ, звали его даже якобинцемъ. Главныя сочиненія Местра, появившіяся въ печати подъ самый конецъ его жизни, создали ему славу самаго мрачнаго духовнаго вождя реакціи. Почти для всѣхъ онъ былъ только нетерпимымъ проповѣдникомъ абсолютизма и папской теократіи, защитникомъ деспотизма, войны и инквизиціи. Но съ 50-хъ годовъ мнѣніе о немъ стало измѣняться. Бланкъ, издавшій его политическую корреспонденцію, объявилъ его предвѣстникомъ сенъ-симонизма. Сентъ-Бёвъ въ 1851 году такъ выразилъ свое впечатлѣніе отъ прочтенія только-что изданной тогда переписки Местра: „Ну вотъ, онъ хочетъ перемѣнить свое направленіе". Новѣйшіе изслѣдователи по большей части отказываются причислить Местра къ какой-нибудь опредѣленной партіи и признаютъ его политическое ученіе—оригинальнымъ.

Уже одно такое разнообразіе оцѣнокъ показываетъ, что Местръ оставилъ ученіе или очень оригинальное, или очень сложное и нестройное, которое лишь внѣшнимъ образомъ приведено къ единству, и, заключая въ себѣ разнородные элементы, можетъ потому быть разсматриваемо съ разныхъ точекъ зрѣнія. Мы не задаемся здѣсь цѣлью разсмотрѣть все ученіе Местра; мы изложимъ только его политическія воззрѣнія и идеи, и постараемся при этомъ указать вліянія, подъ которыми они сложились, взаимныя отношенія между основными понятіями его доктрины и ея отношеніе къ тогдашней политической дѣйствительности [1]).

---

[1]) Essai sur le principe générateur des institutions humaines. X.

I.

Местръ отправляется въ своемъ ученіи отъ рѣзкаго протеста противъ политическаго раціонализма XVIII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ вѣрили въ могущество человѣка и разума, выводили государство изъ свободнаго соглашенія людей, приписывали разумному законодательству способность измѣнять и безконечно совершенствовать существующія политическія формы. Местръ видитъ въ такой гордости пагубное заблужденіе и призываетъ современниковъ къ смиренію. „Человѣкъ дѣйствуетъ—и потому думаетъ, что дѣйствуетъ одинъ. Онъ сознаетъ себя свободнымъ—и потому забываетъ о своей зависимости“ [1]). Между тѣмъ человѣческой волѣ и дѣятельности принадлежитъ незначительное мѣсто въ ряду тѣхъ силъ, которыя образуютъ политическіе порядки. Надъ человѣкомъ стоятъ общіе міровые законы, которые въ своемъ дѣйствіи могутъ вступать въ разнообразныя сочетанія. А существованіе въ данной средѣ того или другого сочетанія общихъ законовъ опредѣляется непосредственнымъ вмѣшательствомъ Промысла, который и является истиннымъ творцомъ всякаго государственнаго устройства. Местръ особенно настаиваетъ на ничтожествѣ силы человѣка въ сравненіи съ силою исторической традиціи. Чѣмъ старѣе извѣстный порядокъ, тѣмъ онъ прочнѣе, и тѣмъ меньше вліянія можетъ оказать на него человѣческая дѣятельность. Англійская конституція прочна потому, что она есть результатъ долговременнаго взаимодѣйствія многочисленныхъ условій. Вмѣшательство разума въ политическую жизнь можетъ быть только вреднымъ. Если законодательство противорѣчитъ общимъ законамъ, то оно только разстроиваетъ естественный ходъ развитія. Но если даже писанное законодательство находится въ согласіи съ видами Промысла, оно все-таки вредно. Естественное развитіе есть непрерываемое и живое видоизмѣненіе, а писанные законы мертвы и неподвижны; они стремятся остановить государственную жизнь. Письменныя предписанія сами по себѣ не имѣютъ никакой обязательной силы, не могутъ создать никакого порядка. Только въ томъ случаѣ, когда они закрѣпляютъ существовавшій ранѣе неписанный строй, они получаютъ отъ него нѣкоторое значеніе. Но даже и тогда они остаются несовершенными. Естественный, неписанный поря-

---

[1]) Сочиненія де-Местра цитируются по слѣдующимъ изданіямъ: Du Pape. Par., 1841.—Soirées de S.-Pétersbourg. Lyon, 1836. — Essai sur le principe générateur. Bruxelles, 1844.—Quatre chapitres sur la Russie. Par., 1859. — Considérations sur la France. Bruxelles, 1844.—Lettres et opuscules. Paris, 1873.

докъ вытекаетъ изъ природы вещей, приспособляется къ обстоятельствамъ и находитъ себѣ непоколебимую опору во всеобщемъ признаніи своей необходимости, во всеобщей къ себѣ привязанности. Между тѣмъ писанная конституція неизбѣжно приходитъ въ противорѣчіе съ требованіями измѣнчивой дѣйствительности и возбуждаетъ всеобщее недовольство, которое подвергаетъ опасности самое существованіе государства. Тайна неудержимо притягиваетъ къ себѣ людей и держитъ ихъ въ повиновеніи; мертвая опредѣленность ихъ отталкиваетъ. Для пониманія психологической основы реакціоннаго и романтическаго движенія, которое тщетно пыталось примирить безусловный авторитетъ съ верховенствомъ свободнаго личнаго чувства, чрезвычайно поучительно, какъ Местръ поясняетъ свою мысль на примѣрѣ св. писанія. „Божественный Создатель христіанства имѣлъ полную возможность писать или заставить писать. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, по крайней мѣрѣ въ формѣ законодательной. Новый Завѣтъ содержитъ въ себѣ повѣствованіе, предупрежденія, нравственныя наставленія, увѣщанія, приказанія, угрозы; но это никакъ не собраніе догматовъ, выраженныхъ въ повелительной формѣ. Даже символы, появившіеся для изобличенія заблужденій данной минуты, говорятъ: „Вѣрую“—и никогда не говорятъ: „Вѣруй“. И мы ихъ поемъ въ церкви, на лирѣ и органѣ, потому что это выраженія чувствъ покорности, преданности и вѣры, обращенныя къ Богу, а не приказанія, обращенныя къ людямъ. Мнѣ очень хотѣлось бы видѣть „Аугсбургское исповѣданіе“ или 39 статей положенными на музыку; это было бы забавно. Разумъ можетъ только говорить; любовь поетъ; и вотъ почему мы поемъ свои символы, ибо религіозная вѣра есть только увѣренность, проистекающая изъ любви. Aliud est credere, aliud iudicare esse credendum“ [1]). Местръ приводитъ полную и не совсѣмъ ортодоксальную аналогію между писанною конституціею и Св. писаніемъ. Еслибы христіанство не подвергалось нападеніямъ, оно никогда не стало бы писать для закрѣпленія догмы. Подобнымъ образомъ и писанная конституція имѣетъ смыслъ только какъ оборонительное оружіе противъ людей заблуждающихся или злонамѣренныхъ. Но она должна только разъяснять тѣ стороны существующаго неписаннаго порядка, которыя въ данное время подвергаются искаженію. А самая сущность государственнаго строя, его истинная основа, совсѣмъ не могутъ быть постигнуты

---

[1]) Essai sur le pr. génér. IX.—XII. Soirées de St.-P. II, 137—8.

разумомъ; и всякія попытки выразить ее письменно повергаютъ государство въ опасность.

Прочнѣе другихъ тотъ порядокъ, который менѣе другихъ поддается писанному выраженію и въ созданіи котораго разумъ принималъ наименьшее участіе. Не въ дѣятельности разума, а въ чувствѣ привязанности къ тайнамъ существующаго строя, въ чувствѣ религіозной покорности Промыслу нужно видѣть залогъ благополучія гражданъ. Сообразно съ этимъ и политическій мыслитель въ своихъ изслѣдованіяхъ долженъ руководиться не требованіями отвлеченнаго разума, а указаніями историческаго опыта [1]).

Историческій опытъ показываетъ, что первымъ и основнымъ условіемъ существованія государства является образованіе верховной власти, по самому существу своему совершенно неограниченной (souveraineté). Не соглашеніе членовъ извѣстнаго общества, не договоръ, создаютъ государство; напротивъ, самое общество возникаетъ лишь съ того времени, когда появляется единая верховная власть, которая подчиняетъ частные интересы интересамъ цѣлаго и сплочиваетъ людей въ одинъ политическій организмъ. Единство и авторитетъ (unité, autorité) — верховные политическіе принципы. Не изъ народной воли, а изъ несовершенства человѣческой природы вытекаетъ суверенитетъ. „Будучи по своей природѣ въ одно и то же время нравственнымъ и развращеннымъ, человѣкъ необходимо долженъ быть управляемъ; иначе онъ былъ бы и общественнымъ, и необщественнымъ; а общество было бы и необходимо, и невозможно" [2]). Гдѣ нѣтъ верховной власти, тамъ нѣтъ государства, а есть только борьба враждебныхъ силъ или анархія. Такимъ образомъ, суверенитетъ составляетъ божественное, а не человѣческое установленіе. Его сущность именно въ томъ, что онъ опирается на высшую волю, а не на волю всѣхъ. Люди всегда будутъ принимать своихъ властителей и никогда не будутъ ставить ихъ [3]). Въ силу неизмѣннаго, установленнаго Промысломъ закона, государство и суверенитетъ неразрывно связаны между собою. Гдѣ есть государство, тамъ должна быть верховная власть, которая управляетъ всѣмъ, не зависитъ ни отъ кого, и которая прекращаетъ всякіе споры и разрѣшаетъ всякія недоумѣнія [4]). Верховную власть нельзя обвинять ни въ заблужденіи, ни въ неспра-

[1]) Essai sur le princ. gén. XV—XVI.

[2]) Du Pape, 141.

[3]) Essai sur le pr. gén. I, XXVII.

[4]) Du Pape, 345.

ведливости, потому что государство распадается съ того момента, какъ только начало государственнаго единства начнетъ уступать первое мѣсто личному усмотрѣнію той или другой группы гражданъ. Проигравшая сторона всегда считаетъ себя несправедливо обиженною. Но политическій мыслитель знаетъ, что на какомъ-нибудь мѣстѣ надо остановиться, какую-нибудь власть надо признать непогрѣшимою; ибо безконечныя апелляціи были бы несправедливѣе самой несправедливости. Изо всѣхъ организацій верховной власти лучше и прочнѣе та, которая устанавливается при наименьшемъ вмѣшательствѣ людей съ ихъ законодательствующимъ разумомъ, и которая лучше всего обезпечиваетъ торжество государственнаго интереса надъ неискоренимымъ человѣческимъ эгоизмомъ. Такою формою является наслѣдственная легитимная монархія. Непосредственное народовластіе Местръ считалъ неосуществимымъ въ дѣйствительности, а въ принципѣ—торжествомъ анархіи или разложеніемъ государства. Въ демократіи съ народнымъ представительствомъ, по его мнѣнію, неизбѣженъ былъ захватъ власти представителями и насиліе большинства надъ меньшинствомъ. Аристократія также не удовлетворяетъ требованіямъ государственнаго единства и приноситъ въ жертву интересы государства интересамъ сословія. Монархія остается высшею политическою формою. Но монархіи бываютъ весьма различны по своему устройству и своему достоинству. Монархія тѣмъ легче осуществляетъ государственный интересъ, чѣмъ менѣе она основана на насиліи, и чѣмъ болѣе она подчиняется исторической традиціи. „Если происхожденіе верховной власти скрывается въ неизвѣстности, если она началась, такъ сказать, сама собою, безъ насилія съ одной стороны, безъ осужденія и согласія съ другой, то представители такой власти, по словамъ Гомера, будутъ βασιλεύτατοι“ [1]). Чѣмъ болѣе они уклоняются отъ этого образца, тѣмъ въ меньшей степени они короли, а ихъ династія не можетъ быть долговѣчною (ibid.). Совершенная монархія не должна быть основана на узурпаціи; слѣдовательно, она должна быть легитимною; совершенная монархія должна выражать собою историческую традицію; слѣдовательно, она должна быть наслѣдственною и національною. Отношеніе Местра къ національному началу очень поучительно. Оно раскрываетъ и сильную сторону реакціи, ея уваженіе къ силѣ традиціи, и несовмѣстимость этого уваженія съ началомъ безусловнаго авторитета. Местръ не отрицаетъ возможности столкновенія автори-

---

[1]) Du Pape, 345.

тета съ однимъ изъ главныхъ видовъ исторической традиціи, съ традиціей національной, и отдаетъ полное предпочтеніе началу національному. Сохраненіе національной независимости для него выше безусловнаго повиновенія всякой государственной власти; чужеземное правительство для него не правительство. Настоящій революціонный языкъ слышится изъ устъ легитимиста, призывающаго гражданъ къ возстанію противъ иноземнаго правительства, которое приноситъ народу не порядокъ и благоденствіе, а угнетеніе и тираннію. „Самое великое несчастіе для людей—повиноваться иноземной власти... Ни одинъ народъ не хочетъ повиноваться другому, потому что ни одинъ народъ не умѣетъ властвовать надъ другимъ... Иноземные властители не любятъ знакомиться съ національными взглядами, чтобы сообразоваться съ ними; слишкомъ часто ихъ изучаютъ только для того, чтобы ломать ихъ, а властителями считаютъ себя тѣмъ увѣреннѣе, чѣмъ грубѣе даютъ почувствовать свою руку. Государи принимаютъ суровость за достоинство и думаютъ, что свидѣтельствомъ подобнаго достоинства является негодованіе, которое они возбуждаютъ, а не благословенія, которыя они могли бы заслужить. Вотъ почему въ глазахъ всѣхъ народовъ самыми великими людьми считаются тѣ счастливые граждане, которымъ выпадаетъ честь вырвать свою родину у чужеземнаго ига. Въ случаѣ успѣха, это—герои; въ случаѣ неудачи, это—мученики; ихъ имена переживутъ вѣка“ [1]).

Широкое признаніе національнаго начала приводило Местра и къ болѣе рѣзкимъ выводамъ. Національные интересы могутъ придти въ столкновеніе не только съ принципомъ авторитета, но и съ принципомъ легитимизма. Во Франціи, эмигранты видѣли въ иноземномъ вторженіи единственное средство возстановить *законную* династію и *законный* порядокъ. Между тѣмъ, Местръ считаетъ дѣятельность эмигрантовъ глубокимъ и пагубнымъ заблужденіемъ и противополагаетъ ей спасительную дѣятельность якобинцевъ, которые довершили національное объединеніе, отстояли національную независимость и высоко подняли національное достоинство [2]). Однако затрудненіе не смущаетъ Местра, и онъ разсматриваетъ національное начало только со стороны той поддержки, которую оно можетъ оказать монархіи. Въ національной монархіи государь является олицетвореніемъ народа, а преданность престолу—внѣшнимъ выраженіемъ патріотизма. Совпа-

---

[1]) Du Pape, 208.

[2]) Considér. sur la France.

деніе патріотизма съ чувствомъ вѣрноподданнической преданности становится особенно полнымъ при существованіи наслѣдственной монархіи. Значеніе династіи не ограничивается воплощеніемъ народнаго единства. Смѣна поколѣній династіи выражаетъ смѣну эпохъ народной жизни; непрерывность престолонаслѣдія — непрерывность національной традиціи; привязанность къ династіи совпадаетъ съ привязанностью народа къ своему прошлому. Если притомъ династія достигла власти не посредствомъ насилія, а вслѣдствіе своихъ исключительныхъ дарованій, то съ теченіемъ времени особенности положенія династіи доводятъ до удивительнаго развитія и чувство преданности династіи, и правящія способности ея представителей. „Многіе думаютъ, что родъ бываетъ царственнымъ оттого, что царствуетъ; напротивъ, онъ царствуетъ оттого, что царствененъ... У государей есть какой-то внутренній инстинктъ, который часто руководитъ ими лучше, чѣмъ разсужденія окружающихъ. Я такъ убѣжденъ въ этой истинѣ, что въ дѣлахъ сомнительныхъ не рѣшился бы упорно противорѣчить волѣ государя, даже въ границахъ дозволеннаго. Разъ сказавъ имъ истину, мы должны предоставить имъ свободу дѣйствія и только помогать имъ“ [1]). Такимъ образомъ, европейская монархія стараго порядка оказывается лучшею изъ существующихъ политическихъ формъ. Но Местръ идетъ дальше. Европейская монархія не только лучше другихъ порядковъ, но и представляетъ безусловно совершенный политическій порядокъ.

II.

Главная трудность существованія совершеннаго политическаго строя состоитъ въ томъ, что въ государствѣ необходима неограниченная верховная власть, а между тѣмъ эта власть можетъ совершать злоупотребленія и вырождаться въ тираннію. Хотя Местръ и доказываетъ, что въ монархіи злоупотребленій бываетъ всего меньше, потому что у монарха всего меньше личныхъ побужденій совершать ихъ; однако онъ откровенно сознается, что и въ монархіи они могутъ быть очень велики. Для того чтобы изобразить ихъ, онъ пользуется извѣстнымъ библейскимъ описаніемъ: „Царь возьметъ у васъ сыновей, чтобы возить свои повозки, и поведетъ ихъ передъ своей колесницей. Онъ сдѣлаетъ ихъ воинами и начальниками. Однихъ онъ возьметъ для обра-

---

1) Du Pape, 344.

ботки полей и сбора хлѣба, другихъ—для приготовленія оружія. Вашихъ дочерей онъ заставитъ готовить себѣ благовонія, яства и хлѣбъ. Для себя и своихъ онъ возьметъ все лучшее въ вашихъ поляхъ, виноградникахъ и садахъ, чтобы ему было чѣмъ награждать своихъ евнуховъ и домашнихъ. Онъ возьметъ вашихъ слугъ и служанокъ, самыхъ сильныхъ юношей и вьючныхъ животныхъ, чтобы они вмѣстѣ работали на него; онъ возьметъ десятину вашихъ стадъ, и вы будете его рабами" [1]). Но злоупотребленія верховной власти повсюду встрѣчаютъ сдержки. Особенною краткостью и ясностью отличается государственное право потомства Сима и Хама. Оно гласитъ: „Дѣлай все, что хочешь; а когда намъ станетъ не въ моготу, мы тебя убьемъ". Потомство Іафета не могло удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ и все время стремилось къ юридическому ограниченію верховной власти. Местръ признаетъ всѣ такія попытки неосуществимыми по самой природѣ государства, въ которомъ должна существовать неограниченная власть. Особенно рѣзко возстаетъ онъ противъ признанія за подданными права сопротивленія. Для того, чтобы имѣть какое-нибудь право на существованіе, право сопротивленія должно быть организовано. Признаніе за гражданами безусловнаго права сопротивленія разрушаетъ самое государство, ибо подвергаетъ его постоянной опасности революціи, а всякая революція есть бо̀льшее зло, нежели вызвавшее ее злоупотребленіе. Но какъ организовать это право? И не будетъ ли всякое такое учрежденіе, уполномоченное правомъ рѣшать, существуетъ или не существуетъ достаточный поводъ къ сопротивленію, — не будетъ ли оно само учрежденіемъ съ властью неограниченною, не подлежащею праву сопротивленія? [2]) Если, такимъ образомъ, мысль объ юридическомъ ограниченіи верховной власти заключаетъ въ себѣ неизбѣжное противорѣчіе, то, значитъ, гарантіи противъ верховной власти могутъ быть только фактическими. Мы ихъ и находимъ въ европейской монархіи. „Равновѣсіе европейской монархіи таково, что оно предоставляетъ государю всю власть, которая не предполагаетъ одной тиранніи въ истинномъ смыслѣ слова, а народу—всю свободу, которая только не исключаетъ неизбѣжнаго повиновенія. Власть безпредѣльна, но не безпорядочна; повиновеніе безусловно, но не унизительно" [3]). Задача, вполнѣ разрѣшенная европей-

---

[1]) Цар. VIII, 11—17. См. Du pape, 148.
[2]) Du Pape, 145—147.
[3]) Ibidem, 338.

ской монархіей, по своей трудности превышаетъ человѣческія силы. Такая монархія есть чудо; это единственная форма правленія, пригодная для всякой среды и для всякаго времени (ibid.).

Однако взгляды Местра на фактическія ограниченія верховной власти въ монархіи составляютъ весьма неясную часть его политическаго ученія. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ говоритъ о различнаго рода ограниченіяхъ, но не выясняетъ связи между ними. Каждое ограниченіе разсматривается отдѣльно, и каждое признается достаточнымъ для устраненія произвола. Вопросъ о томъ, почему нуженъ рядъ ограниченій, если каждое изъ нихъ могло бы достигнуть цѣли, въ какой степени они между собою совмѣстимы,—остается невыясненнымъ. Одно изъ ограниченій власти въ идеальной монархіи Местра, это—существованіе независимаго суда. Короли сами не произносятъ никакихъ приговоровъ; судебная власть передается ими въ руки спеціальныхъ судей. Короли, такимъ образомъ, не вмѣшиваются въ частные интересы подданныхъ, а при столкновеніи съ подданными не даютъ повода обвинять себя въ томъ, что они одновременно являются и судьями, и обвинителями, и подъ видомъ суда совершаютъ убійства и насилія. Отчужденіе судебной власти становится для нихъ залогомъ ихъ собственной неприкосновенности. Местръ не понималъ передачи королемъ судебной власти только формальнымъ образомъ и не отождествлялъ формальнаго уклоненія монарха отъ непосредственнаго произнесенія приговоровъ съ предоставленіемъ суду дѣйствительной независимости. Онъ имѣлъ въ виду дѣйствительный отказъ короля отъ судебной дѣятельности; ему, и изъ личнаго опыта, и изъ французской исторіи, была хорошо знакома одна форма независимаго суда—наслѣдственная магистратура. Своеобразность и парадоксальность Местра состоитъ въ томъ, что онъ считалъ независимость суда единственнымъ отличіемъ европейской монархіи отъ восточнаго деспотизма,—отличіемъ, въ сравненіи съ которымъ даже организація законодательной власти имѣетъ весьма ограниченное значеніе. „Основной законъ европейской монархіи таковъ: короли отказываются отъ власти своею особою творить судъ, а народы, взамѣнъ, объявляютъ королей непогрѣшимыми и неприкосновенными... О турецкомъ деспотизмѣ говорятъ очень много; между тѣмъ онъ сводится къ праву непосредственнаго наказанія, т.-е. къ праву убійства, единственному праву, котораго—въ силу всеобщаго убѣжденія—лишенъ христіанскій король. Гдѣ государь не налагаетъ никакого наказанія непосредственно, гдѣ онъ не заинтересованъ ни въ какомъ процессѣ и никому не отвѣчаетъ,

тамъ повсюду бываетъ достаточно и свободы, и власти. Все остальное маловажно. Право облагать себя, напримѣръ, совсѣмъ не имѣетъ большого значенія. Націи, которыя облагаютъ себя сами, всегда обложены тяжелѣе другихъ. То же самое съ правомъ участія въ законодательствѣ. Законы будутъ по меньшей мѣрѣ столь же хороши и тамъ, гдѣ всего одинъ законодатель“ [1]).

Нужно думать однако, что самъ Местръ мало вѣрилъ въ основательность своего послѣдняго утвержденія, потому что существенное условіе невозможности произвола въ европейской монархіи онъ видѣлъ въ существованіи представительнаго собранія, принимающаго участіе въ законодательствѣ. Вопросъ о представительствѣ—весьма щекотливый вопросъ въ ученіи Местра, потому что одно европейское представительство, и наиболѣе знаменитое, добилось раздѣла верховной власти между собою и королемъ, причемъ этотъ раздѣлъ легъ въ основу политическаго строя страны. Местръ рѣшительно высказывается противъ дробленія верховной власти между собраніемъ и монархомъ. Только въ одномъ случаѣ верховная власть можетъ перейти къ представителямъ,—въ случаѣ междуцарствія или раскола между двумя претендентами, но и тутъ единственное полномочіе собранія — избраніе короля [2]).

Вообще, Местръ чувствуетъ къ представительству очевидное нерасположеніе. „Кто собираетъ народъ—возмущаетъ его. Законы броженія одни и тѣ же въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ нравственномъ. Оно рождается изъ соприкосновенія и ростетъ пропорціально бродящимъ массамъ. Соберите людей, возбужденныхъ какою бы то ни было страстью, и вы не замедлите увидѣть сначала жаръ, потомъ экзальтацію, наконецъ—помѣшательство. Всякое собраніе подлежитъ дѣйствію этого общаго закона, если только его развитіе не пріостановлено холодомъ власти, проникающей въ промежутки и убивающей движеніе... По неотвратимой силѣ вещей всякое собраніе, на которомъ нѣтъ узды, бываетъ разнузданнымъ. Миръ никогда не можетъ установиться вліяніемъ собранія безъ предсѣдателя“ [3]). И тѣмъ не менѣе представительство признается въ идеальной монархіи необходимымъ элементомъ или необходимымъ зломъ. Широкое участіе представительства въ законодательствѣ, подобно участію собора въ жизни церкви, укрѣпляетъ монархію и устраняетъ изъ нея опасный для нея произволъ; законы, установленные королемъ при участіи пред-

---

[1]) Du Pape, 336, 338.
[2]) Ibidem, 25.
[3]) Ibidem, 79.

ставительства, должны обладать для короля особенной связующей силой, подобно тому, какъ папу связываютъ каноны, установленные при участіи собора [1]). Но представительное собраніе для короля должно имѣть значеніе только совѣщательное; наилучшая же организація для него—сословная. Такимъ образомъ, французское представительство стараго порядка является для Местра наиболѣе совершеннымъ типомъ представительства вообще; собраніе своей идеальной монархіи онъ обыкновенно называетъ „генеральными штатами". Однако нельзя было обойти вопросъ о другихъ типахъ представительства, построенныхъ не на сословной системѣ и добившихся для себя участія въ суверенитетѣ. Въ широкомъ избирательномъ правѣ и въ отождествленіи представительнаго порядка съ порядкомъ народовластія онъ видѣлъ ложное и вредное измышленіе политическаго раціонализма XVIII вѣка. Единственная форма представительства, которая можетъ разсчитывать на прочность и дѣйствительно извѣстна въ исторіи, это—та, которая опирается на королевскую милость и принимаетъ во вниманіе естественныя различія между людьми, передающіяся по наслѣдству. Корней ея мы должны искать въ феодальномъ строѣ, къ которому Местръ обнаруживаетъ сильное, но не вполнѣ понятное въ немъ сочувствіе. „Система эта совсѣмъ не новое открытіе, а послѣдствіе, или, лучше сказать, необходимая часть феодальнаго строя, который въ общемъ былъ однимъ изъ самыхъ совершенныхъ порядковъ въ мірѣ. Послѣ того какъ королевская власть создала коммуны, она стала созывать ихъ въ національныя собранія; онѣ могли присутствовать тамъ только черезъ своихъ уполномоченныхъ; отсюда—„представительная система" [2]). Англійскій политическій строй до сихъ поръ сохранилъ прочную связь съ феодальною стариною, и потому представляетъ собою прочное равновѣсіе: англійскій парламентъ до сихъ поръ является собраніемъ *нѣкотораго* числа представителей, посылаемыхъ *нѣкоторыми* людьми отъ *нѣкоторыхъ* городовъ, или мѣстечекъ, въ силу древней уступки государя (это писано въ 1796). Но похвалы Англіи и указанія на связь ея строя со стариною выдвигаются Местромъ только какъ полемическій аргументъ противъ возникшаго на его глазахъ чисто демократическаго представительства. Искреннее убѣжденіе его состояло въ томъ, что въ англійскій строй въ формѣ дробленія верховной власти, которое онъ велъ отъ революціи 1688 года,

---

[1]) Du Pape, 26.

[2]) Consid. sur la France, 47.

вошли нововведенія, угрожающія странѣ неизлечимымъ недугомъ. „Англійская конституція не выдержала еще испытанія времени; и даже кажется, что знаменитое зданіе, на фронтонѣ котораго мы читаемъ: „1688", шатается на своемъ еще не успѣвшемъ высохнуть фундаментѣ" [1]). Исходя изъ общаго представленія о неизбѣжномъ коренномъ недугѣ всякой конституціонной монархіи, Местръ и хартію 1814 года встрѣтилъ съ большимъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Отношеніе его къ чисто демократическому представительству, исходящему изъ принципа народовластія и осуществляющемуся посредствомъ широкаго или даже всеобщаго избирательнаго права, могло быть только безусловно отрицательнымъ. „Если хотятъ, чтобы весь народъ былъ представленъ и непремѣнно посредствомъ *мандата*, и чтобы всякій гражданинъ могъ давать или получать эти *мандаты*; если хотятъ къ этому присоединить уничтоженіе всякихъ наслѣдственныхъ различій, то подобное представительство есть вещь никогда невиданная и никогда не могущая имѣть успѣха" [2]). Нельзя указывать на Америку, какъ на подтвержденіе возможности такого строя: Америка—ребенокъ въ пеленкахъ; нужно подождать, пока она выростетъ. Нѣкоторую прочность подобный порядокъ можетъ получить только вслѣдствіе обмана и извращенія своего основного принципа, вслѣдствіе захвата власти представителями и ихъ тиранническаго господства надъ своими избирателями.

Мы только-что указывали, что для представительства Местръ требуетъ сословной организаціи. Господство однихъ сословій надъ другими является для него, вообще, однимъ изъ основныхъ условій совершеннаго политическаго строя. Правящими классами должны быть духовенство и дворянство, и притомъ дворянство землевладѣльческое. Къ торговому и промышленному классу онъ относился съ дворянскимъ пренебреженіемъ и не считалъ его способнымъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ [3]). Въ своемъ разсужденіи о Россіи онъ предостерегаетъ правительство отъ раздачи дворянскаго достоинства купечеству, а людямъ, оказавшимъ государству заслуги, совѣтуетъ одновременно съ дворянствомъ давать земельныя пожалованія. Онъ не вѣрилъ ни въ военную, ни въ демократическую монархію. Въ войскѣ, подъ вліяніемъ событій революціи и имперіи, онъ видѣлъ грубую силу, которую можно заставить служить какимъ угодно госпо-

[1]) Du pape, 145.
[2]) Considér. sur la France, 49.
[3]) Lettres. I, 516.

дамъ. Въ Россіи онъ познакомился съ представленіями о непосредственной связи царя съ народомъ, какъ о непоколебимой основѣ монархіи, и призналъ эти представленія, съ своей точки зрѣнія, чистою утопіей. Онъ указывалъ на предостерегающій примѣръ Лудовика XVI: „Недовольный своимъ дворянствомъ, Лудовикъ систематически бросился въ объятія третьяго сословія и потерялъ корону и жизнь“ [1]).

Весьма характерно упорное молчаніе Местра о бюрократіи, молчаніе, очевидно, недоброжелательное. Франція стараго порядка послужила ему прототипомъ идеальной монархіи. Но эта Франція была создана королевской бюрократіей въ борьбѣ съ феодальнымъ дворянствомъ; бюрократія побѣдила, разорвала связи дворянства съ населеніемъ и отняла у него почти всякое политическое значеніе. Местръ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить бюрократіи въ старомъ порядкѣ, и не даетъ ей никакого мѣста въ своей монархіи. Правящее значеніе дворянства—не человѣческое установленіе, а неизбѣжное и общее явленіе. Дворянство есть естественное продолженіе верховной власти—„magnum Jovis incrementum. „Въ каждомъ государствѣ есть извѣстное число родовъ, которое можно было бы назвать соцарственными (cosouveraines), даже въ монархіяхъ, потому что дворянство въ такихъ государствахъ есть только продолженіе верховной власти... Еще вопросъ, можно ли замѣстить эти роды въ случаѣ ихъ угасанія. Государь не можетъ раздавать благородства (anoblir). Бываютъ новые роды, которые, такъ сказать, врываются въ управленіе государствомъ и возвышаются надъ остальными. Государи могутъ давать свою санкцію этимъ естественнымъ облагороженіямъ (anoblissements)—вотъ къ чему сводится ихъ власть. Если они позволяютъ себѣ не принимать во вниманіе слишкомъ большого числа такихъ облагороженій, или раздавать ихъ по своему усмотрѣнію, то они работаютъ надъ разрушеніемъ собственныхъ государствъ“ [2])... „Сообразно своему промежуточному положенію между королемъ и народомъ, дворянство несетъ на себѣ двойственныя обязанности: оно повинуется волѣ короля и держитъ въ повиновеніи народъ, проповѣдуетъ королю блага свободы, народу—блага авторитета. Но и на королѣ лежитъ обязанность искать опоры для престола въ тѣсной связи съ дворянствомъ. Пока дворянство исповѣдуетъ національные догматы и окружаетъ престолъ, престолъ непоколебимъ, хотя бы на немъ сидѣло без-

---

[1]) Quatre chapitres sur la R. I et conclusion.

[2]) Consid. sur la France, 128; сравн. Du Pape, 359—360.

силіе или заблужденіе. Но если дворянство предается отступничеству,—для престола нѣтъ спасенія, хотя бы онъ былъ занятъ Лудовикомъ Святымъ или Карломъ Великимъ" [1]).

III.

Мы видѣли, что въ монархіи Местра существуетъ рядъ ограниченій для верховной власти: независимый судъ, генеральные штаты, дворянство со значеніемъ правящаго класса. И всѣ они умаляются имъ же въ своей важности, представляются ему второстепенными въ сравненіи съ основною особенностью его монархіи, съ подчиненіемъ свѣтской государственной власти верховному контролю непогрѣшимаго папы. Только суприматія папы надъ государями вполнѣ разрѣшаетъ главную политическую проблему—примиреніе авторитета со свободою. Суверенитетъ есть установленіе божественное; подчиненіе ему безусловно необходимо для государственнаго существованія; но онъ можетъ попасть въ совершенно недостойныя руки и стать источникомъ тѣмъ бо́льшаго зла, чѣмъ полнѣе будетъ повиновеніе. Могутъ быть чрезвычайныя стеченія обстоятельствъ, когда общій законъ покорности передъ властью оказывается пагубнымъ; тогда чувствуется потребность въ диспенсаціи отъ этого закона, но никакъ не въ полномъ уничтоженіи его. Признаніе за высшею и непогрѣшимою духовною властью права разрѣшать отъ присяги государю въ тѣхъ случаяхъ, когда соблюденіе присяги угрожаетъ большими бѣдствіями, является единственнымъ средствомъ предотвратить тираннію и анархію, сдержать свѣтскую власть, не уничтожая ея. Предоставленіе папамъ подобнаго контроля нисколько не подрываетъ самого принципа государственной власти; напротивъ, каждымъ случаемъ примѣненія своего права папа провозглашалъ бы самый принципъ суверенитета священнымъ и неприкосновеннымъ. Убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи суверенитета укрѣпится отъ того, что право контролировать его будетъ признаваться только за высшею церковною властью, и то только въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ. Сомнѣвающіеся государи могутъ обратиться къ исторіи. Папы никогда не вмѣшивались въ управленіе; пока королямъ не приходило въ голову ограбить духовенство, прогнать жену или за-разъ взять двухъ, имъ нечего было бояться

---

[1]) Du Pape, XIII.

со стороны Рима. Къ исторіи могутъ обратиться и сомнѣвающіеся народы. Въ теченіе среднихъ вѣковъ Промыслъ избралъ и поставилъ папство, для того чтобы составлять противовѣсъ свѣтской власти и дѣлать ее выносимою для людей. Папство съ полнымъ успѣхомъ выполнило свою миссію и выказало этимъ свою реальную силу, ибо насилія никогда еще нельзя было остановить умѣренностью, а уравновѣшивается оно только усиліемъ въ противоположномъ направленіи. То, что̀ въ прежнее время было возможно для папства и спасительно для Европы, возможно и спасительно и въ настоящемъ. Своими историческими заслугами передъ европейскою монархіею папство пріобрѣло себѣ навсегда основаніе для контроля надъ нею. Благодаря папамъ, въ Европѣ не противополагаютъ господства закона господству королей и не отождествляютъ монархіи съ деспотизмомъ. Папы воспитали европейскую монархію, придали ей христіанскій характеръ, и въ этомъ смыслѣ, можно сказать, создали ее. И если бы теперь теократія, политика и наука пришли въ равновѣсіе, самыя великія бѣдствія исчезли бы съ земли. Люди до сихъ поръ не знаютъ ничего выше той идеи, которая лежала въ основаніи средневѣкового строя. Соединеніе христіанскихъ государствъ въ своего рода міровую республику во имя религіознаго братства и подъ главенствомъ высшей духовной власти остается и для насъ политическимъ идеаломъ [1]).

Въ ученіи Местра о папской суприматіи лежитъ несомнѣнно ядро его міровоззрѣнія, котораго здѣсь, однако, мы не можемъ касаться со всѣхъ сторонъ. Многіе говорятъ, что это ученіе не представляетъ интереса, потому что оно старо, какъ само средневѣковое папство. Это невѣрно потому, что самый институтъ папства за свою долгую жизнь сильно мѣнялся, при всей видимой устойчивости своей религіозной основы, и еще сильнѣе мѣнялись его теоретическія и литературныя конструкціи. Среди нихъ конструкція Местра—одна изъ самыхъ поучительныхъ; среди сочиненій Местра книга „О папѣ“—одна изъ самыхъ интересныхъ. Расходящіяся во всѣ стороны нити его капризной политической мысли сплетаются здѣсь въ одинъ срединный узелъ, хотя и онъ оказывается не особенно крѣпкимъ. Самыми различными теченіями своего времени Местръ хочетъ воспользоваться для того, чтобы утвердить пошатнувшуюся папскую суприматію на новомъ основаніи и показать ея гибкость и жизненность; и это сближаетъ его со многими послѣдующими движеніями въ католи-

---

[1]) Du Pape, 148—153, 234—235, 332—341.

цизмѣ XIX вѣка, дѣлаетъ возможнымъ литературныя „консультаціи съ Местромъ“ въ предпослѣднемъ году вѣка [1]). Смутная жажда чудеснаго и ясныя велѣнія разума, потребности въ твердомъ порядкѣ и негодованіе передъ насиліями неограниченной власти, мечтательное тяготѣніе къ міровому объединенію и напряженное сознаніе племенной обособленности и своеобразности— все должно послужить базисомъ для обновленной теократіи и все пускается въ ходъ для того, чтобы показать настоятельность и неизбѣжность грядущаго религіознаго и притомъ католическаго возрожденія, которое впитаетъ въ себя все жизненное въ старомъ и новомъ и положитъ конецъ всякой борьбѣ и всякимъ недоумѣніямъ.

Политическія воззрѣнія Местра имѣли довольно опредѣленныя очертанія уже въ первомъ его выдающемся произведеніи (Considérations sur la France), которое появилось въ 1796 году. Какимъ образомъ возможна была проповѣдь идеаловъ, находившихся въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ тогдашнею дѣйствительностью? Дѣло объясняется особенностью взглядовъ Местра на французскую революцію. Революція была для него перстомъ Божіимъ, черной магіей, событіемъ сатанинскимъ и сверхъестественнымъ. Ея развитіе противорѣчитъ всякимъ человѣческимъ разсчетамъ; между причинами и слѣдствіями, повидимому, теряется соотвѣтствіе; люди являются игрушками въ рукахъ высшихъ силъ и законовъ, создающихъ событія. „Въ революціонныя эпохи дѣйствіе Промысла становится особенно ощутительнымъ, потому что Промыслъ дѣйствуетъ одинъ“ [2]). Завершеніемъ революціи должно быть наступленіе новой эры религіознаго и политическаго возрожденія уже въ силу того общаго закона, что за дѣйствіемъ слѣдуетъ равное противодѣйствіе. Всѣ грѣхи старой Франціи заглажены тѣми страшными наказаніями, которыя по волѣ Провидѣнія постигли виновныхъ. Но революція погубила много невинныхъ жертвъ, причинила много незаслуженныхъ страданій. Местръ вѣритъ, что они имѣютъ особенное искупительное значеніе и обезпечиваютъ для Франціи полное возрожденіе, при которомъ найдутъ себѣ осуществленіе и его политическіе идеалы.

---

[1]) Grande Revue 1899, 3.
[2]) Considér. sur la France, 15.

IV.

Самымъ строгимъ критикомъ Местра былъ онъ самъ. Своеобразность его заключается въ томъ, что онъ не менѣе, а можетъ быть и болѣе другихъ сомнѣвался въ осуществимости своего политическаго идеала. Не только въ дѣйствительности, но и въ своей теоріи Местръ не находилъ себѣ успокоенія. Онъ никогда не могъ освободиться отъ сознанія, что его собственные принципы не могутъ быть проведены до конца или сведены ко взаимному примиренію; что они неизбѣжно встрѣчаются съ дѣйствіемъ иныхъ, враждебныхъ имъ силъ, которыя угрожаютъ имъ большою опасностью. Его привязанность къ своимъ основнымъ принципамъ не уменьшается, но она осложняется раздраженіемъ противъ враждебныхъ началъ, переходящимъ нерѣдко въ озлобленіе, и сомнѣніемъ въ побѣдѣ какой бы то ни было стороны, которое вело его къ мучительному предположенію,—не есть ли сама непримиримая борьба основной законъ жизни? И для того, чтобы правильно судить о Местрѣ, необходимо принять во вниманіе его мрачный пессимизмъ, который съ теченіемъ времени, повидимому, все усиливается въ немъ. Раздраженіе, опасеніе за свои самыя дорогія начала, сомнѣніе въ ихъ побѣдѣ, заставляли Местра вносить въ свое политическое ученіе такія положенія, которыя въ сущности мало гармонировали съ общимъ его духомъ и налагали на него зловѣщій отпечатокъ; именно они и создали Местру славу самаго мрачнаго реакціонера.

Местръ часто настаиваетъ на томъ, что въ европейской монархіи нѣтъ мѣста произволу, что въ ея основаніи лежатъ неизмѣнные законы, тѣмъ болѣе прочные, что они—неписанные. Но въ то же время, въ увлеченіи защитой суверенитета, онъ утверждаетъ, что безумно отрицать за верховною властью право не только создавать законы и приводить ихъ въ исполненіе, но, въ случаѣ нужды, и отмѣнять ихъ; что нарушеніе закона вполнѣ согласно съ закономъ, если оно дѣлается для блага высшаго, нежели соблюденіе закона [1]). Местръ краснорѣчиво восхвалялъ христіанскій характеръ европейской монархіи; но онъ же доказывалъ, что къ верховной власти непримѣнимо понятіе несправедливости, ибо на практикѣ совершенно одно и то же—быть справедливымъ и ошибаться, не подлежа за это отвѣт-

---

[1]) Du Pape, 84.

ственности [1]). Примиреніе власти со свободою выставляется главнымъ достоинствомъ европейской монархіи, но тѣмъ не менѣе рабство провозглашается естественнымъ состояніемъ человѣка. Человѣкъ по своей природѣ слишкомъ несовершененъ для того, чтобы быть свободнымъ. Безъ вмѣшательства какой-нибудь сверхъестественной силы государство свободныхъ немыслимо. Рабство наравнѣ съ религіей является якоремъ общества. Только вліяніе христіанства, и только католическаго христіанства, устранило внутреннюю необходимость рабства, сдѣлало его болѣе ненужнымъ, потому что установило новое, духовное рабство, сковывающее страсти и умерщвляющее волю. Если въ некатолическихъ государствахъ существуетъ рабство, то оно является главнымъ условіемъ ихъ прочности; уничтоженіе его явится слѣпою неосторожностью. Въ частности для Россіи, по мнѣнію Местра, освобожденіе крестьянъ было бы пагубно; оно должно подвергнуть государство большой опасности и легко можетъ привести даже къ его распаденію [2]). Не меньшею угрозою для государства является наука. Страхъ заставляетъ Местра забыть свои мечтанія о полномъ примиреніи теократіи, политики и науки. Страхъ внушаетъ сомнѣніе, въ гнѣвѣ или милости Провидѣніе ниспослало науки. „Нельзя избѣжать дурныхъ послѣдствій знанія“... Наука развиваетъ въ человѣкѣ лѣнь, неспособность къ серьезной дѣятельности, упорство въ собственныхъ взглядахъ и пренебреженіе ко взглядамъ другого, склонность разбирать дѣйствія правительства, любовь къ новшествамъ, презрѣніе къ власти и къ національнымъ вѣрованіямъ [3]).

Самое пагубное заблужденіе заключается въ представленіи, будто ученые могутъ руководить государственной жизнью; напротивъ, они отличаются безусловною неспособностью къ управленію. Не только самое управленіе должно быть закрыто для нихъ; имъ нужно запретить разсуждать объ управленіи, о вопросахъ нравственныхъ и общественныхъ. „Прелатамъ, дворянамъ, государственнымъ сановникамъ, принадлежитъ право быть хранителями и стражами консервативныхъ истинъ, учить народъ тому, что̀ добро и что̀ зло, что̀ истина и что̀ ложь въ порядкѣ нравственномъ и религіозномъ; остальные не имѣютъ права разсуждать о такого рода предметахъ. Имъ остаются естественныя науки для забавы: на что̀ же могутъ они пожаловаться? Если же кто пишетъ или говоритъ для разрушенія какого-нибудь на-

[1]) Du Pape, 234.
[2]) Ibid., 287—297.—Quatre chap. sur la Russie. I.
[3]) Lettres sur l'instr. en Russie. II.—Quatre chap. sur la R. II.

ціональнаго догмата, онъ долженъ быть повѣшенъ, какъ домашній воръ" [1]). Ученые должны быть устранены и отъ народнаго образованія, которое необходимо поручить духовенству. Лишь послѣ преграждения наукѣ всякой возможности вліять на государственную жизнь, она становится несомнѣннымъ украшеніемъ общежитія и въ качествѣ таковаго можетъ даже разсчитывать на нѣкоторое покровительство. „Если же народное образованіе не будетъ передано патерамъ,—насъ ожидаютъ неисчислимыя бѣдствія: мы огрубѣемъ отъ знанія, а это — крайняя степень огрубѣнія (abrutissement) [2]). Вообще, народное образованіе требуетъ къ себѣ со стороны государственной власти внимательнаго отношенія и постояннаго надзора. Основное правило—слѣдующее: знанія бываютъ благомъ, когда они замкнуты въ извѣстномъ кругу, и становятся ядомъ при излишнемъ распространеніи. Поэтому не распространеніе образованія, а стѣсненіе его составляетъ главную задачу правительства, и т. д. Въ своей запискѣ о Россіи, написанной въ концѣ 1811 года и предназначавшейся, повидимому, для императора Александра I, Местръ такъ формулируетъ правила своей просвѣтительной политики: „Не объявлять общаго образованія нужнымъ для занятія должностей, военныхъ или гражданскихъ, ограничиваясь лишь необходимыми спеціальными познаніями. Уничтожить государственное преподаваніе знаній, которыя могутъ быть предоставлены вкусамъ и средствамъ каждаго: таковы исторія, метафизика, мораль, политика, торговля. Никоимъ образомъ не оказывать покровительства распространенію знаній въ низшихъ слояхъ народа; напротивъ, стѣснять,—не показывая однако виду,—всякое въ такомъ родѣ начинаніе, которое могло бы быть придумано невѣжественнымъ или пагубнымъ воодушевленіемъ". Единственный типъ школы, который терпится и даже восхваляется Местромъ, это средняя классическая школа по образу іезуитской коллегіи, съ неусыпнымъ надзоромъ и образованіемъ почти исключительно формальнымъ [3]).

Если государству отовсюду угрожаютъ опасности, то забота о самосохраненіи выступаетъ на первый планъ, и карательная дѣятельность пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе. *Палачъ* становится одною изъ центральныхъ фигуръ въ государствѣ Местра. „Всякое величіе, всякая власть, всякое подчиненіе по-

---

[1]) Soirées de St.-P. II, p. 131.
[2]) Essai sur le principe génér. XXXIX.
[3]) Quatre chap. sur la R., II et conclusion.—Lettres sur l'instr. publ. en Russie.

коится на казни. Палачъ—ужасъ человѣческаго общежитія, по вмѣстѣ съ тѣмъ и связь его. Возьмите изъ міра этого непонятнаго дѣятеля: въ то же мгновеніе порядокъ уступаетъ мѣсто хаосу, престолы низвергаются и общество исчезаетъ" [1]). Но Местръ не останавливается и на палачѣ. Представленіе о постоянной борьбѣ враждебныхъ силъ овладѣваетъ имъ совершенно; онъ дѣлаетъ изъ него самые крайніе выводы. Изъ средства поддерживать общественный порядокъ карательная дѣятельность государства превращается у него въ частное проявленіе общаго закона борьбы, царящаго въ мірѣ. Местръ пользуется одною изъ мистическихъ идей Сенъ-Мартена, представленіемъ его объ искупительномъ значеніи пролитія крови, чтобы превратить ее въ міровой законъ искупленія посредствомъ насилія и убійства. Всякое страданіе имѣетъ искупительную силу, очищаетъ другихъ; вслѣдствіе таинственнаго единства человѣческаго рода, страданіе одного можетъ загладить вину другихъ, подобно тому какъ грѣхъ одного ложится на всѣхъ остальныхъ (reversabilité). Это даетъ палачу новое право на вниманіе: онъ не только основа государственнаго порядка, но и мистическое орудіе искупленія: „Il est fait comme nous extérieurement, il naît comme nous; mais c'est un être extraordinaire, et pour qu'il existe dans la famille humaine, il faut un décret particulier, un *Fiat* de la puissance créatrice" (Soirées de St.-P. I, 39). Особенную силу имѣютъ страданія невинныхъ и страданія, соединенныя съ пролитіемъ крови. Само христіанство только видоизмѣнило законъ, но не отмѣнило его: „Salut par le sang" [2]). Постоянная борьба, не смущающаяся передъ насиліемъ, лежитъ и въ основаніи политической жизни. Явленія солидарности въ политической жизни представляютъ временный союзъ для борьбы съ общимъ врагомъ. Союзъ государствъ, имѣющій въ своемъ основаніи нравственныя и безкорыстныя побужденія, можетъ возникнуть только вслѣдствіе чуда [3]). Война есть міровой законъ и божественное установленіе. „Въ обширномъ царствѣ живой природы господствуетъ очевидное насиліе, какая-то предопредѣленная ярость, которая вооружаетъ всѣ существа—in mutua funera. А надъ многочисленными породами животныхъ стоитъ человѣкъ, разрушительная рука котораго не щадитъ ничего живого. Но какое существо будетъ уничтожать того, кто будетъ уничтожать всѣхъ

---

[1]) Soirées de St.-P. I, 38—41.
[2]) Eclairciss. sur les Sacrifices.
[3]) Soirées de St.-P. II, 38.

другихъ? Онъ самъ. На человѣка возложена обязанность убивать человѣка. Но какъ ему исполнить законъ, когда онъ—существо нравственное и сострадательное? Война исполнитъ велѣніе. Слышите вы, какъ земля громко требуетъ крови? Ей недостаточно крови животныхъ, крови преступниковъ, проливаемой мечомъ закона. Воззванія земли не остаются тщетными: начинается война! Вся земля, постоянно напояемая кровью, есть безпредѣльный алтарь, на которомъ все живое должно приноситься въ жертву безъ конца, безъ мѣры, безъ перерыва, до конца вещей, до уничтоженія зла, до смерти. Война божественна по своей природѣ, потому что это—законъ вселенной" [1]).

Мы далеки, значитъ, отъ братскаго союза цвѣтущихъ христіанскихъ монархій подъ главенствомъ непогрѣшимаго папы!

V.

Въ условіяхъ дѣтства и воспитанія Местра нужно видѣть первоисточникъ политическихъ его убѣжденій. Онъ выросъ въ семьѣ, принадлежавшей къ савойской магистратурѣ, и самъ молодымъ вошелъ въ составъ этой магистратуры. Семейныя и сословныя традиціи оказали рѣшающее вліяніе на направленіе его политическихъ симпатій. Въ семьѣ господствовало полное подчиненіе дѣтей родителямъ, не исключавшее, однако, взаимной привязанности; принципъ авторитета и патріархальный режимъ сохранили навсегда для Местра притягательную силу. Какъ семейную традицію, онъ унаслѣдовалъ также и непосредственное, глубокое чувство привязанности къ своей династіи; когда онъ отождествлялъ въ своихъ сочиненіяхъ преданность династіи съ патріотизмомъ, то это не было для него фразой. Принадлежность къ магистратурѣ и къ старинному дворянскому роду, естественно, развила въ немъ аристократическія наклонности; а сознаніе важности и трудности своихъ обязанностей давало нравственное оправданіе увѣренности въ необходимости сословнаго неравенства. Въ идеальной монархіи Местра только за дворянствомъ признается значеніе правящаго класса, между тѣмъ какъ за остальными классами отрицаются политическія и даже гражданскія права; наслѣдственная магистратура выставляется необходимой сдержкой верховной власти. Воспитателями Местра были іезуиты, оказавшіе на него самое глубокое воздѣйствіе;

[1]) Soirées de St.-P. II, 32 etc.

онъ любилъ говорить, что, благодаря имъ, не сталъ ораторомъ учредительнаго собранія [1]). До конца жизни онъ видѣлъ въ нихъ самую могущественную силу и опору католической церкви, ихъ однихъ считалъ способными оказать достаточное сопротивленіе разрушительному дѣйствію свободной вѣры и свободной мысли. Они развили въ немъ духъ нетерпимости ко всякому проявленію независимости въ наукѣ и религіи; они направили его къ изученію ортодоксальнаго богословія, которое привело его къ убѣжденію въ необходимости верховнаго, стоящаго внѣ всякихъ сомнѣній, авторитета. Отъ апологетовъ папской теократіи Местръ почерпнулъ увѣренность, что единичный разумъ создаетъ только заблужденія, и что единичная воля руководится только себялюбіемъ; что безпорядочная борьба личныхъ мнѣній и своекорыстныхъ стремленій прекращается лишь съ отказомъ отъ своей воли и своего разума во имя общей истины и общаго блага, съ установленіемъ принудительнаго единства.

Но Местръ не могъ удовлетвориться однимъ католическимъ правовѣріемъ; и для него невозможно было безусловно подчиняться извѣстной власти и извѣстному ученію только на томъ основаніи, что должна быть какая-нибудь общеобязательная власть, какое-нибудь общеобязательное ученіе; и онъ не могъ заглушить въ себѣ потребности лично увѣриться въ истинѣ и справедливости общеобязательнаго ученія и авторитета. Онъ думалъ найти выходъ въ мистицизмѣ. Ученія мартинистовъ, и въ частности сочиненія Сенъ-Мартена, оказали несомнѣнно сильное вліяніе на Местра, хотя его мистицизмъ очень мало похожъ на мистицизмъ мартинистовъ. О побужденіяхъ, которыя влекли его къ мистицизму, можно судить по нѣкоторымъ его автобіографическимъ признаніямъ.

Съ раціоналистической литературой Местръ не могъ примириться потому, что она на мѣсто сверхличнаго и непреложнаго авторитета ставила индивидуальный разумъ, во имя котораго она отрицала существовавшій порядокъ, оскорбляя семейныя и сословныя традиціи Местра. Мистицизмъ не требовалъ отъ него отказа отъ своихъ вѣрованій или раціональной ихъ повѣрки. Мистицизмъ не думалъ бороться съ католицизмомъ или современнымъ общественнымъ и политическимъ порядкомъ; онъ только старался дать и религіи, и государству, таинственное истолкованіе, которое удовлетворяло бы личнымъ нравственнымъ потребностямъ. Местру казалось, что мартинисты принимаютъ католицизмъ и лишь надъ нимъ возводятъ свое ученіе. Когда появился „L'homme

[1]) Lettres. I, 387.

de désir“, сестра Жозефа де-Местра, въ письмѣ къ нему, обвиняла Сенъ-Мартена въ ереси. Братъ отвѣчалъ съ жаромъ: „Я безусловно отрицаю обвиненіе и беру на себя обязательство доказать правовѣріе Сенъ-Мартена во всѣхъ вопросахъ“. Впослѣдствіи взгляды Местра на правовѣріе мартинистовъ нѣсколько измѣнились, но онъ все-таки называлъ ихъ ученіе смѣсью платонизма, философіи Оригена и герметической философіи на *христіанской* основѣ [1]). Въ то же время онъ указывалъ на побужденіе, привлекавшее его къ мартинистамъ: „Въ эту секту входили тѣ люди, которые, не удовлетворяясь національными вѣрованіями и традиціоннымъ культомъ, предаются необычнымъ идеямъ и болѣе или менѣе смѣлымъ изысканіямъ относительно того христіанства, которое они называютъ первоначальнымъ“ [2]). Одно время Местръ былъ близокъ къ мартинистамъ. Онъ присутствовалъ на ихъ собраніяхъ въ Ліонѣ, узналъ о нѣкоторыхъ тайныхъ ученіяхъ общества. Онъ говоритъ, что среди нихъ у него были близкіе друзья, что онъ много читалъ ихъ, собственною рукой переписывалъ ихъ сочиненія. Сенъ-Мартена онъ называлъ самымъ ученымъ, умнымъ и изящнымъ изъ новыхъ теософовъ. Местръ испыталъ на себѣ вліяніе и общаго ученія секты, и нѣкоторыхъ спеціальныхъ идей Сенъ-Мартена. Основная идея мартинистовъ объ эманаціи всего существующаго изъ Бога, о злѣ какъ наказаніи за попытку твари творить независимо отъ Бога,— отразилась въ представленіи Местра о полномъ отсутствіи у человѣка творческихъ способностей и о непосредственномъ происхожденіи государства отъ Промысла. Что касается Сенъ-Мартена, то цѣлый рядъ его идей перешелъ къ Местру. Сенъ-Мартенъ рѣзко возставалъ противъ ученія объ общественномъ договорѣ и выводилъ государство изъ общихъ законовъ, которые установлены Божествомъ; человѣческая дѣятельность оказываетъ весьма незначительное дѣйствіе на историческія событія; „исторія—своего рода живое и подвижное кружево, на которомъ ткется безъ перерыва вѣчная и непреложная справедливость“ [3]).

Также доказывалъ Местръ и независимость государственной жизни отъ человѣческой воли. У Сенъ-Мартена же мы находимъ развитыя Местромъ идеи о чудесномъ характерѣ французской революціи и объ ея искупительной силѣ. И Сенъ-Мартену въ ходѣ революціи явственно видится перстъ Божій; сама револю-

---

[1]) Soirées de St.-P. II, 291.

[2]) Quatre chap. sur la R., de l'Illuminisme.

[3]) Lettre sur la Russie.

ція признается событіемъ сверхъестественнымъ и универсальнымъ, за которымъ откроется новая эра, и царство призрачнаго человѣческаго могущества смѣнится теократіей. Съ большою силою развита у Сенъ-Мартена и идея верховенства чувства надъ разумомъ, которая составляетъ одно изъ основныхъ положеній Местра. И Сенъ-Мартенъ выводилъ изъ нея превосходство слова надъ буквою, живыхъ внушеній внутренняго убѣжденія надъ мертвыми предписаніями писаннаго закона. Местръ настолько усвоилъ себѣ эту идею, что по примѣру Сенъ-Мартена распространялъ ее и на Св. писаніе. Для Сенъ-Мартена Св. писаніе не было источникомъ вѣроученія, а только письменнымъ и неполнымъ выраженіемъ внутренняго откровенія, которое доступно всѣмъ людямъ, ищущимъ соединенія съ Божествомъ. Но довольно странно слышать противоположеніе мертвому писанію живого слова—отъ нетерпимаго поборника правовѣрія. А между тѣмъ мы встрѣчаемъ у Местра такіе отзывы о Св. писаніи: „Не есть ли Св. писаніе нѣчто написанное? Не начертано ли оно перомъ и чернилами? знаетъ ли оно, что̀ нужно открыть одному и что̀ нужно скрыть отъ другого? Можетъ ли оно быть чѣмъ-либо инымъ нежели отраженіемъ слова? И если къ нему обратятся съ вопросомъ, то не должно ли оно хранить божественное молчаніе? Если на него нападутъ или его оскорбятъ, то можетъ ли оно защищаться въ отсутствіе своего отца? Пусть другіе призываютъ сколько угодно нѣмое слово; мы будемъ смѣяться надъ этимъ ложнымъ богомъ“ [1]).

Но при всей многочисленности точекъ соприкосновенія между Местромъ и Сенъ-Мартеномъ, между ними существуетъ и глубокое различіе. Для Сенъ-Мартена церковное ученіе было только приготовительною школою христіанства; онъ относился къ нему съ большою свободою и придавалъ гораздо бо̀льшее значеніе своимъ мистическимъ теоріямъ, которыя иногда сводили его съ почвы католицизма. Местръ всегда оставался послушнымъ сыномъ церкви, ученіе которой никогда не теряло для него парвенствующаго значенія. Онъ рано созналъ свое отличіе отъ мартинистовъ, и въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ постарался подчеркнуть ортодоксальный характеръ своего мистицизма и ту опасность, которою грозитъ церкви мистицизмъ мартинистовъ. Онъ уже не доказывалъ полнаго правовѣрія Сенъ - Мартена, а говорилъ: „Нельзя сказать, чтобы въ ихъ сочиненіяхъ не было вещей истинныхъ и трогательныхъ, но онѣ съ избыткомъ возмѣщаются

[1]) Essai sur le princ. génér. XXII.

примѣсью ложнаго и опаснаго, въ особенности вслѣдствіе ихъ отвращенія ко всякой власти и іерархіи... Но я пойду своимъ путемъ и буду мирно спать въ той ладьѣ, которая вотъ уже 18-ть вѣковъ счастливо плыветъ среди бурь и подводныхъ камней... Несмотря на свои достоинства, нашей церкви иллюминизмъ угрожаетъ опасностью, потому что онъ совершенно подрываетъ ея основанія, принципъ авторитета" [1]). Для Местра мистическія идеи сохраняли служебное значеніе, въ качествѣ оправданія или церковному ученію, или его собственнымъ политическимъ воззрѣніямъ. Поэтому нѣкоторыя идеи Сенъ-Мартена въ его рукахъ подвергаются сильному видоизмѣненію. Умаляя значеніе Св. писанія, онъ имѣетъ въ виду возвеличить не внутреннее откровеніе, а церковное преданіе, учительный авторитетъ католической іерархіи. Провозглашая, по примѣру Сенъ-Мартена, чудесный характеръ революціи и приближеніе новой эры, онъ совершенно расходится съ нимъ въ пониманіи послѣдней. Сенъ-Мартенъ видитъ въ революціи образъ послѣдняго суда, безповоротное осужденіе стараго порядка, который смѣнится непосредственнымъ господствомъ Промысла, не нуждающимся ни въ какой посредствующей власти. Для Местра же революція—искупленіе, а не осужденіе стараго порядка; папская власть и абсолютная монархія послѣ революціи должны пріобрѣсти силу бо̀льшую, чѣмъ когда бы то ни было прежде. По общему своему духу Местръ такъ далекъ отъ мистицизма мартинистовъ, что нерѣдко можетъ вызвать обвиненія въ грубомъ реализмѣ, въ стремленіи вытѣснить изъ религіи мистическій элементъ. Ему принадлежитъ утвержденіе, что богословскія истины суть истины всеобщія, только обнаруженныя въ религіозномъ кругу [2]). Онъ признаетъ слишкомъ смѣлою даже попытку отличить папство отъ отдѣльныхъ папъ, хотя она была сдѣлана Боссюэтомъ. „Трудно придумать что-нибудь болѣе противное духу божественной системы, которая раскрывается въ религіи. Богъ, создавшій насъ такими, какъ мы есть, Богъ, подчинившій насъ времени и матеріи, не предалъ насъ отвлеченнымъ идеямъ и химерамъ воображенія" [3]). Своеобразный мистицизмъ Местра не возвышаетъ надъ дѣйствительностью, а привязываетъ къ ней. Въ своихъ политическихъ разсужденіяхъ Местръ любитъ ссылаться на свидѣтельство историческаго опыта; и онъ имѣетъ нѣкоторое право на это, несмотря на свой мистицизмъ. Основные элементы его политиче-

[1]) Soirées de St.-P. II, 291—300.

[2]) Du Pape, 1.

[3]) Ibidem, 71.

скаго идеала выхвачены изъ дѣйствительности, въ его время, правда, уже отживавшей; и мистическія идеи послужили почти исключительно для возвеличенія ортодоксальнаго ученія и традиціоннаго политическаго строя, для рѣзкаго осужденія началъ противоположныхъ.

VI.

Изъ разнородности вліяній, подъ которыми сложилась политическая теорія Местра, и изъ ея безусловно отрицательнаго отношенія къ весьма сильнымъ теченіямъ современной дѣйствительности вытекли ея недостатки: ея *логическія* противорѣчія и ея *практическая* неосуществимость. Объ ея коренной двойственности намъ уже пришлось говорить. Изображая свой совершенный политическій строй, пригодный для всѣхъ временъ и народовъ, Местръ въ то же время со всѣхъ сторонъ видитъ для него самыя грозныя опасности, видитъ ихъ даже въ такомъ сильномъ стремленіи человѣческой природы, какъ потребность въ личной свободѣ, не замѣчая, что онъ тѣмъ самымъ возбуждаетъ большія сомнѣнія въ достоинствѣ своего идеала. Постоянная борьба съ враждебными силами становится главной, почти единственной задачей государства, и развитіе этого взгляда идетъ такъ далеко, что самое государство распадается, и постоянная, безпощадная война провозглашается верховнымъ закономъ всякой жизни. Но государство Местра осуждено на вѣчную борьбу не только со своими врагами: глубокая двойственность лежитъ и въ основаніи его собственной организаціи. Политическій идеалъ Местра представляетъ сочетаніе средневѣковой папской теократіи съ абсолютной національной монархіей новаго времени. Между двумя элементами сочетанія естественно существуетъ двойной антагонизмъ: суприматія всемірнаго папства исключаетъ заразъ и неограниченность суверенитета, и верховенство національныхъ интересовъ. Писатель, который признаетъ неограниченность суверенитета необходимою для существованія государства и общества, не можетъ ставить надъ нимъ никакой другой власти, не подрывая своего основного принципа. Въ защиту Местра нельзя указывать, что суприматія папы есть только фактическое ограниченіе государственной власти: папѣ принадлежитъ въ его теоріи *право* по своему усмотрѣнію разрѣшать подданныхъ отъ присяги. Местръ, правда, пытается отличить государственную власть отъ государей: власть папы касается только послѣднихъ, а суверенитетъ остается неограниченнымъ и даже укрѣпляется отъ пап-

скаго вмѣшательства; но вѣдь онъ самъ рѣзко возсталъ противъ попытки отдѣлить папство отъ папъ. Писатель, который считаетъ высшимъ политическимъ принципомъ національные интересы, не можетъ ставить надъ національнымъ государствомъ власти всемірной, которая, по признанію самого Местра [1]), относится враждебно къ національнымъ различіямъ, потому что они мѣшаютъ осуществленію ея общихъ предначертаній. Положеніе Местра еще ухудшается отъ того, что онъ стоитъ за свѣтскую власть папы и за объединеніе подъ его властью Италіи: на него обрушиваются его собственныя воззрѣнія на иноземную тираннію. Иногда онъ думаетъ уйти отъ затрудненія съ помощью ссылки на исторію: даже въ эпоху своего величайшаго могущества папы, будто бы, мало вмѣшивались въ дѣятельность государей; но эти увѣренія совершенно неискренни; искреннее убѣжденіе его было противоположное: „Нѣтъ факта, съ большею неосторожностью засвидѣтельствованнаго всѣми историческими памятниками, нежели тотъ фактъ, что папы, въ теченіе среднихъ вѣковъ и позднѣе, въ послѣднія столѣтія, имѣли большую власть надъ свѣтскими государями, что они ихъ судили, отлучали и часто даже объявляли ихъ подданныхъ свободными отъ присяги“ [2]). Но несовмѣстимость папской теократіи съ абсолютною національною монархіею—еще не самое крупное противорѣчіе доктрины: наибольшею опасностью ей угрожаетъ принципъ исторической традиціи. Въ сочиненіяхъ Местра съ большою силою выражена положительная сторона реакціоннаго движенія—пониманіе могущества исторической традиціи, которое было, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніемъ преходящаго характера всѣхъ реальныхъ государственныхъ формъ, ихъ относительнаго достоинства. Онъ рѣзко вооружается противъ политическаго раціонализма, придумавшаго для себя „общечеловѣка“, и увѣряетъ, что не знаетъ такого. „Я видѣлъ на своемъ вѣку французовъ, итальянцевъ, русскихъ; благодаря Монтескьё, я знаю, что можно быть персомъ; но съ человѣкомъ я еще не встрѣчался; если онъ существуетъ, то остался мнѣ неизвѣстнымъ“ [3]). Въ историческихъ политическихъ порядкахъ онъ видитъ результатъ вѣкового дѣйствія многочисленныхъ условій и въ зависимости отъ непрерывнаго измѣненія производящихъ условій признаетъ измѣнчивость самихъ политическихъ формъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ доводитъ свой историческій взглядъ даже до крайности. „Всевозможныя формы правле-

[1]) Du Pape, 335.
[2]) Ibidem, 217.
[3]) Considér. sur la France.

нія существовали въ мірѣ... Всякое правительство хорошо, разъ оно установилось и признается законнымъ съ давняго времени. Только общіе законы вѣчны. Все остальное измѣняется, и никогда одно время не походитъ на другое. Всегда, несомнѣнно, людьми будутъ управлять, но никогда не будутъ управлять одинаковымъ образомъ. Новые нравы, новыя знанія, новыя вѣрованія неизбѣжно приведутъ съ собою новые законы. Въ данномъ случаѣ насъ особенно вводятъ въ заблужденіе термины, которые остаются тѣми же самыми, хотя бы время измѣнило самыя вещи" [1]). На чемъ же, въ такомъ случаѣ, покоится увѣренность Местра въ существованіи безусловно совершеннаго политическаго строя, пригоднаго для всякаго мѣста и времени? Мы не можемъ указать другого основанія, кромѣ субъективной привязанности къ одному изъ многихъ историческихъ порядковъ; это — *непослѣдовательность* реакціоннаго движенія, недостаточное проведеніе историческаго пониманія.

VII.

Но если Местръ при своемъ протестѣ противъ политическаго раціонализма не имѣлъ права выставлять безусловно совершенный политическій порядокъ, то, быть можетъ, онъ имѣлъ основанія видѣть въ своемъ ученіи политическую программу для ближайшаго будущаго, вѣрить въ его практическую осуществимость? И здѣсь отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Не только мы, но и самъ Местръ не находитъ въ тогдашней дѣйствительности соотвѣтствія со своими идеалами. Въ своихъ писаніяхъ онъ постоянно имѣлъ въ виду французскую дѣйствительность, которая и подлежитъ ближайшимъ образомъ нашему разсмотрѣнію. Едва-ли кто рѣзче Местра указывалъ на разложеніе устоевъ стараго порядка, которые были и устоями его идеальнаго государства, монархіи, духовенства, дворянства. Эпоху регентства онъ не называлъ иначе, какъ „грязью регентства". И Людовикъ XV въ его глазахъ сильно нуждался въ искупленіи. Духовенство обміранилось и утратило сознаніе своихъ обязанностей [2]). Но съ особенною рѣзкостью онъ отзывался о дворянствѣ: „Французская революція имѣетъ главною причиною вырожденіе дворянства. Если сравнить фигуру теперешнихъ французскихъ дворянъ съ фигурою ихъ предковъ, то становится ясно до очевидности, что это—по-

[1]) Du Pape, 215, 216.
[2]) Considér. sur la France, 57.

колѣнія выродившіяся... Роль нѣкоторыхъ дворянъ во французской революціи въ тысячу разъ ужаснѣе всѣхъ другихъ событій революціи. Не было болѣе страшнаго знаменія, поражающаго приговора, произнесеннаго надъ французской монархіей" [1]). Местръ не думаетъ выключать эмигрантовъ; напротивъ, онъ относится къ нимъ еще безпощаднѣе. „Быть можетъ, спросятъ: что общаго у этихъ грѣховъ съ эмигрантами, которые ихъ ненавидятъ? Я отвѣчаю, что индивидуумы, входящіе въ составъ націй, семействъ и даже политическихъ тѣлъ, солидарны: это—фактъ. Я отвѣчаю, во-вторыхъ, что причины страданій эмигрантовъ гораздо старѣе эмиграціи. Разница между одними и другими французскими дворянами есть только разница въ широтѣ и долготѣ; а люди бываютъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, не потому, что находятся здѣсь, а не тамъ, и не всякій, говорящій: „Господи! Господи!"—войдетъ въ царствіе. У иныхъ дворянъ въ Кобленцѣ на совѣсти болѣе тяжкіе упреки, чѣмъ у всякаго дворянина лѣвой въ собраніи, называвшемъ себя учредительнымъ" [2]).

Когда Местръ писалъ свои „Размышленія о Франціи", онъ могъ надѣяться только на чудо, на мистическое искупительное дѣйствіе революціи. Однако вѣра его подверглась сильному испытанію во время продолжительнаго господства Наполеона; одно время (въ 1808 году) онъ даже мечталъ о сношеніяхъ съ Наполеономъ. Реставрація оживила его надежды, и онъ готовъ былъ видѣть въ ней наступленіе той новой эры, которую онъ предсказывалъ. Но и она скоро принесла ему разочарованіе. Писанная хартія Лудовика XVIII была ему почти такъ же ненавистна, какъ и „Déclaration des droits". Местръ былъ вполнѣ согласенъ съ Бональдомъ, называвшимъ эту хартію ящикомъ Пандоры, на днѣ котораго нѣтъ и надежды [3]). Онъ привѣтствовалъ съ „восторгомъ священный" союзъ, какъ начало религіознаго возрожденія и торжество католицизма, но скоро замѣтилъ, что христіанскіе принципы „священнаго союза" враждебны католицизму и подверглись вліянію того, что онъ называлъ „германскимъ ядомъ", т.-е. и мистицизма, и раціонализма.

Въ 1819 году, онъ мечталъ о возможности обратиться къ имп. Александру I съ такими сѣтованіями: „Государь, вы глубоко заблуждаетесь. Вашъ священный союзъ предполагаетъ съ вашей стороны только прекрасныя намѣренія; его послѣдствія, если таковыя будутъ, могутъ состоять только въ томъ, что положеніе раз-

[1]) Considér. sur la France, 131.

[2]) Ibidem, 131, 132.

[3]) Lettres. II, 108.

личныхъ сектъ упрочится, и потомство придетъ къ убѣжденію, что сущность христіанства осталась скрытой для васъ... Государь, вы глубоко заблуждаетесь. Вамъ показали славу тамъ, гдѣ ея нѣтъ; васъ заставили повѣрить, что въ революціи нужно сохранить все, кромѣ ея главы. Своею державною рукою вы налагаете печать законности на всѣ преступленія узурпаціи и атеизма. Вмѣсто того, чтобы сокрушить позорящій вселенную тронъ Бонапарта, вы съ своего рода почтительностью сохраняете его и заставляете взойти на него короля Франціи, который не можетъ не упасть оттуда скоро, быть-можетъ скорѣе даже, чѣмъ онъ замѣтитъ, что онъ не на своемъ мѣстѣ" [1]).

Местру тяжело было разставаться со своими надеждами. Онъ утѣшалъ себя вѣрой, что слѣды революціи не изгладились только вслѣдствіе заблужденій имп. Александра I; онъ ждалъ спасенія всей Европы отъ откровенной бесѣды съ нимъ, отъ ангела или дамы, которая съумѣетъ найти къ нему доступъ. Когда до Турина дошла вѣсть объ убійствѣ герцога беррійскаго, Местръ почти обрадовался ей: онъ видѣлъ въ этомъ событіи послѣднюю искупительную жертву и залогъ рѣшительнаго торжества реакціи. „Felix culpa! N'en doutez pas, nous venons de voir la fin des expiations. Le régent même et Louis XV ne doivent plus rien, et la maisou de Bourbon a reçu l'absolution" [2]). Но дѣйствительность продолжала безжалостно разбивать эти мечтанія. Въ началѣ 1821 года, когда въ Піемонтѣ были уже замѣтны признаки близкой революціи, Местръ въ послѣдній разъ присутствовалъ на засѣданіи совѣта министровъ, гдѣ обсуждался какой-то важный законопроектъ. Местръ рѣзко возсталъ противъ какихъ бы то ни было нововведеній въ такое тревожное время: „Земля колеблется,—а вы хотите строить!"—На этотъ разъ пророкъ былъ правъ: 26-го февраля онъ умеръ, а 9-го марта вспыхнула піемонтская революція...

Александръ Савинъ.

---

[1]) Etat du christ. en Europe. Lettres II, 395, 396.

[2]) Lettre à Bonald, 25 mars 1820.

СУДЬБЫ
ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ВЪ БОЛГАРІИ.

Историко-критическій очеркъ.

I.

Національное возрожденіе болгарскаго народа, начало котораго относится къ 40-мъ годамъ нашего столѣтія, на первыхъ же шагахъ своихъ приняло форму движенія не столько политическаго, сколько чисто просвѣтительнаго. Интересы церковной и школьной независимости долго занимали въ немъ главное,—можно сказать, исключительное мѣсто. Элементъ политическій—въ смыслѣ не только освобожденія отъ турецкаго ига, но также и завоеванія извѣстной доли автономіи и элементарныхъ гражданскихъ правъ—вошелъ въ него значительно позднѣе. Такой ходъ движенія, вполнѣ отвѣчавшій характеру народа и его исторической судьбѣ, естественно отразился и на характерѣ литературы болгарскаго возрожденія. Предназначавшаяся не для интеллигенціи, которой еще почти и не было, а для невѣжественной, чуть не безграмотной, массы, она съ самаго начала усвоила и долго сохраняла соотвѣтственный тому характеръ. Это была литература по преимуществу дѣтски-ученическая и морально-дидактическая, а излюбленною ея формою служили мелкія назидательныя брошюрки религіозно-нравственнаго содержанія, учебники, въ ко-

торыхъ на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ давались свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія, народные календари, пересыпанные нравоучительными изреченіями, общеполезными совѣтами и рецептами и т. п.

Тѣми же особенностями отличалась, конечно, и періодическая печать начала движенія. Ея изданія—если оставить въ сторонѣ чисто внѣшній фактъ періодичности ихъ появленія—представляли собою тѣ же назидательныя книжонки и брошюрки обычнаго типа, съ тою только разницею, что онѣ составлялись еще пестрѣе по содержанію и еще доступнѣе по языку. Вопросы текущей жизни—не только политической, но и всякой иной, не только заграничной, но и мѣстной—занимали въ нихъ самое скромное мѣсто, тѣмъ болѣе, что выходили онѣ обыкновенно въ Царьградѣ, подъ бдительнымъ и совершенно безцеремоннымъ надзоромъ турецкой цензуры.

Именно къ такому типу принадлежалъ и первый болгарскій журналъ: „Любословіе", пятидесятилѣтній юбилей котораго праздновался нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Софіи. Издавался онъ въ 1845—46 годахъ однимъ изъ первыхъ по времени дѣятелей болгарскаго возрожденія, самоковскимъ уроженцемъ и по профессіи учителемъ, Константиномъ Фотиновымъ, который и считается поэтому отцомъ болгарской періодической печати. Горячій „родолюбецъ", но человѣкъ безъ иныхъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя давала ему скромная профессія школьнаго учителя, онъ долго не могъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту—издавать журналъ и такимъ образомъ поучать не только своихъ школьниковъ, но и всѣхъ своихъ соотечественниковъ, весь свой народъ. Только на 45-мъ году своей бродячей жизни, попавъ случайно въ Смирну, гдѣ въ типографіи протестантскихъ миссіонеровъ оказался старо-славянскій шрифтъ, смогъ онъ приступить къ исполненію этой мечты. Не жалѣя ни средствъ, ни времени,—весь журналъ составлялъ онъ самъ и печаталъ его на свои собственныя средства,—началъ онъ изданіе своего „Любословія", и, благодаря своей энергіи и преданности дѣлу, съумѣлъ протянуть его цѣлыхъ два года.

Нечего и говорить, что, оцѣниваемый по нашимъ современнымъ мѣркамъ, журналъ Фотинова оказался бы ниже всякой критики. Кромѣ религіозно-нравственныхъ статеекъ на библейскія темы, поучительныхъ прописныхъ размышленій, мелкихъ и до послѣдней степени поверхностныхъ компиляцій научнаго характера, да смѣси, въ его маленькихъ въ—16 страничекъ—еже-

мѣсячныхъ книжонкахъ вы не найдете ничего сколько-нибудь „журнальнаго".

При всемъ томъ, журналъ Фотинова, для своего времени и для своей публики, имѣлъ извѣстное значеніе и сыгралъ извѣстную роль не только потому, что онъ былъ первымъ, но и самъ по себѣ, какъ литературное произведеніе, отвѣчавшее вкусамъ и потребностямъ тѣхъ, къ кому оно обращалось.

Однако у ближайшихъ же послѣдователей Фотинова на журнальномъ поприщѣ начинаетъ замѣчаться стремленіе придать своей просвѣтительно-педагогической дѣятельности опредѣленную націоналистическую окраску. Докторъ Богоровъ, одинъ изъ плодовитѣйшихъ болгарскихъ писателей того времени, написавшій цѣлую кучу популярныхъ книжонокъ по всѣмъ отраслямъ знанія и умершій въ глубокой старости въ 1892 г., дѣлаетъ одну за другою нѣсколько попытокъ замѣнить погибшее „Любословіе". Но онъ недаромъ учился въ Парижѣ, и его концепція журнала замѣтно отличается отъ наивной концепціи „отца болгарской журналистики". Выпуская первый нумеръ своего эфемернаго „Болгарскаго Орла", онъ указываетъ болгарскому народу на примѣръ его сосѣдей, сербовъ, румынъ, грековъ и др., а передъ собою, какъ передъ редакторомъ, ставитъ главною задачею пробужденіе пятимилліоннаго болгарскаго народа къ сознательной національной жизни. Но для этого надо прежде всего заинтересовать, привлечь къ себѣ читателя, и самоувѣренный редакторъ рисуетъ заманчивую картину своего будущаго журнала. Чего только не обѣщаетъ онъ читателю! Онъ будетъ знакомить ихъ съ чужими странами, особенно съ „родственными намъ" славянскими народами; будетъ обращать особенное вниманіе на состояніе въ нихъ школьнаго дѣла, „чтобы способствовать развитію его у насъ"; будетъ помѣщать свѣдѣнія, необходимыя для купца, ремесленника и земледѣльца; басни, сказки, народныя пѣсни и „иныя веселыя и полезныя для школьнаго обученія вещи"; критическіе отзывы о новыхъ книгахъ; отведетъ почетное мѣсто описанію „свободнаго нѣкогда существованія нашихъ предковъ, подвиговъ нашихъ героевъ и царей, былой славѣ нашей родины"; наконецъ, будетъ внимательно слѣдить за текущими событіями какъ въ Европѣ, такъ особенно въ Царьградѣ и въ сосѣднихъ славянскихъ державахъ.

Конечно, отъ обѣщаній до ихъ выполненія еще далеко, и докторъ Богоровъ не могъ осуществить свой идеалъ ни въ одномъ изъ своихъ журналовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они, за исключеніемъ „Царьградскаго Вѣстника", гибли въ началѣ своей

карьеры. Но если педагогическій элементъ и продолжалъ еще занимать въ нихъ главное мѣсто, рядомъ съ нимъ начиналъ все рѣшительнѣе выступать впередъ—какъ и въ самой жизни—вопросъ о церковной и школьной самостоятельности, объ освобожденіи болгарскаго народа отъ духовнаго ига греческой іерархіи.

II.

Такимъ образомъ, сѣмя, брошенное первыми болгарскими журналистами, понемногу приносило свой плодъ. Къ концу 50-хъ и началу 60-хъ годовъ, какъ контингентъ читателей, созданныхъ этою спеціальною формою литературы, такъ и интересъ ихъ къ ней, настолько возросли, что въ Царьградѣ и заграницею начали выходить нѣсколько новыхъ журналовъ. Въ числѣ ихъ редакторовъ и сотрудниковъ мы встрѣчаемъ почти всѣхъ крупныхъ дѣятелей освободительнаго движенія, игравшихъ потомъ болѣе или менѣе видную роль въ политической жизни освобожденной Болгаріи и во многихъ случаяхъ здравствующихъ и дѣйствующихъ еще до сихъ поръ. Въ 1850 г., выходило—сначала въ Вѣнѣ, а потомъ въ Бухарестѣ—„Мірозрѣніе", ежемѣсячное изданіе учено-филологическаго по преимуществу характера, издававшееся Добровскимъ, и—почти одновременно съ нимъ —„Смѣсна Китка", извѣстнаго П. Славейкова. Въ 1857 г., въ теченіе короткаго времени, выходила въ томъ же Бухарестѣ „Болгарска Дневница", знаменитаго Раковскаго. Въ 1858 г., началъ издаваться въ Царьградѣ двухнедѣльный журналъ „Болгарски Книжицы", подъ редакціею Богорова, Крестевича (впослѣдствіи румелійскаго генералъ-губернатора), Бурмова и др. Въ 1859 г., появилась въ Царьградѣ, подъ редакціею Цанкова и при сотрудничествѣ почти всѣхъ образованныхъ болгаръ, проживавшихъ въ это время въ столицѣ оттоманской имперіи, еженедѣльная „Болгарія". Въ 1860 г., въ теченіе нѣкотораго времени, издавался въ Москвѣ, подъ редакціею Жинзифова, „Братскій Трудъ". Въ 1862 г., былъ основанъ Геновичемъ туркофильскій органъ „Турція", который, благодаря поддержкѣ турецкаго правительства, продержался почти до кануна освобожденія, и т. д., и т. д. Всѣ эти полу-журналы и полу-газеты въ значительной еще степени сохраняли, какъ во внѣшности, такъ и въ своемъ содержаніи, прежній характеръ нравоучительныхъ учено-литературныхъ сборниковъ. Но, рядомъ съ этимъ, съ каждымъ годомъ они все болѣе поддавались вліянію жизни и про-

являли все большій интересъ къ родной дѣйствительности. Они становились все болѣе тенденціозными въ выборѣ и освѣщеніи матеріаловъ; все рѣшительнѣе фигурировали въ роли выразителей духовныхъ нуждъ своего народа, его представителей, защитниковъ и руководителей, и все болѣе становились такими въ дѣйствительности. Отчасти идя за жизнью, выдвинувшей на сцену этотъ вопросъ, отчасти направляя и опережая ее, они все въ большей степени сосредоточивали свое вниманіе и свои силы на борьбѣ за церковную и школьную самостоятельность болгарскаго народа, за освобожденіе его отъ культурно-религіознаго гнета ненавистнаго греческаго духовенства. Эта задача становилась для нихъ—какъ и для всей пробудившейся къ сознательной жизни части народа—главною, если не исключительною національною задачею, причемъ смѣлость ихъ языка и широта ихъ требованій обусловливались не столько лицами, стоявшими во главѣ того или другого журнала, сколько временемъ изданія. Чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе становились они въ своихъ нападеніяхъ на „Фенеръ"; но, все позволяя себѣ въ этой области, они никогда не теряли головы, всегда тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы не выйти за опредѣленные предѣлы, не перейти на почву „политики" и не скомпрометтировать такимъ образомъ, вызвавъ подозрительность турокъ, успѣха своего ближайшаго дѣла. Въ этомъ отношеніи почти всѣ они были одинаково осторожны и дипломатичны. Вотъ, для образца, отрывокъ изъ програмной статьи „Болгаріи", въ которой доказывается, что для защиты болгарскаго народа отъ насилій и притязаній фанаріотскаго духовенства необходимо опереться на власть: „...но гдѣ же найти эту власть?"—восклицаетъ авторъ, и тутъ же отвѣчаетъ;—„въ лицѣ Милостиваго Государя Нашего Султана Абдулъ-Меджида, который, какъ отецъ, работаетъ надъ увеличеніемъ благосостоянія дѣтей своихъ. Мы должны всецѣло прилѣпиться къ правительству, которое даетъ намъ постоянныя доказательства своей доброты къ намъ. И мы увѣрены, что въ отвѣтъ на это оно ни въ чемъ не откажетъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Его заботливость о насъ достаточно очевидна, чтобы мы относились къ нему съ чувствами благодарности и признательности. Принеся ему наши слезы, изложивъ передъ нимъ наши нужды, мы почерпнемъ отъ него мужество и силы, которыя и сможемъ употребить на борьбу противъ нашихъ враговъ (т.-е. грековъ)".

Было бы наивно думать, что въ подобныхъ вѣрноподданническихъ изліяніяхъ заключалась хотя бы малая доля правды. За

исключеніемъ немногихъ ренегатовъ „чорбаджіевъ“ [1])—да и то едва-ли—ни у одного изъ тогдашнихъ болгарскихъ дѣятелей не было и не могло быть сколько-нибудь искренняго чувства „признательности“ по отношенію къ „Милостивому Султану“. Но, прекрасно понимая, что лишь поддержка—или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ — турецкаго правительства могли обѣщать имъ успѣхъ въ борьбѣ съ „Фенеромъ“, они молчаливо соглашались фигурировать, до поры до времени, въ роли вѣрноподданныхъ и, за рѣдкими исключеніями, выдерживали эту роль съ удивительнымъ терпѣніемъ и искусствомъ. Такою благоразумною—и, какъ кажется, необходимою по времени—дипломатичностью характеризуется вся эта фаза болгарскаго освободительнаго движенія, всѣ ея дѣятели и, конечно, вся почти ея литература и журналистика. Чуть ли не единственнымъ диссонансомъ въ этомъ согласномъ хорѣ былъ едва еще слышный голосъ тогдашнихъ болгарскихъ эмигрантовъ, во главѣ которыхъ стоялъ знаменитый и дѣйствительно достойный удивленія силою своей вѣры, безграничностью своей энергіи и преданности, Савва Раковскій. Этотъ въ высшей степени талантливый и разносторонній человѣкъ— поэтъ и журналистъ, литераторъ и ученый филологъ, повстанецъ и дипломатъ, глава партіи и самый смѣлый рядовой въ той же партіи, но всегда и во всемъ—страстный и ни передъ чѣмъ не останавливающійся революціонеръ, вся жизнь котораго была цѣпью подвиговъ, приключеній и опасностей и представляла изъ себя сплошную игру со смертью,—онъ первый изъ своихъ современниковъ попытался дать иное направленіе шедшей въ Болгаріи борьбѣ. Приступая—еще въ 1857 г.—къ изданію своей эфемерной газеты „Болгарска Дневница“, онъ обѣщалъ „разоблачать въ ней преступленія какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ властей“ и способствовать народу въ „завоеваніи имъ гражданскихъ, государственныхъ и церковныхъ правъ“, и заранѣе оправдывался передъ читателемъ, что австрійская цензура, къ сожалѣнію, не позволитъ ему „съ достаточною свободою нападать на султана, какъ на государя“.

Эта первая попытка придать движенію чисто политическій характеръ прошла почти безслѣдно. Она не только шла въ разрѣзъ съ концепціею борьбы, усвоенною всѣми почти современными болгарскими дѣятелями, и съ благоразумными инстинктами всей массы народа, не только была въ противорѣчіи съ моральною атмосферою момента, поглощеннаго горячею борьбою за

[1]) Такъ назывались въ народѣ кулаки-богатѣи.

церковную независимость, но и встрѣтила на своемъ пути непреодолимыя препятствія чисто матеріальнаго свойства, въ видѣ недостатка средствъ, трудностей пересылки и распространенія, а, главное, ревнивой подозрительности или выпужденной суровости правительствъ, у которыхъ искалъ себѣ пристанища Раковскій. Его первая газета на 19-мъ нумерѣ была закрыта австрійскимъ правительствомъ. Возобновленная въ 1860 г. въ Бѣлградѣ подъ именемъ „Дунавскаго Лебедя", она черезъ два года была закрыта сербами. Та же участь постигла позже его „Будущность" (Бухарестъ, 1864 г.) и „Защитникъ" (тамъ же, 1864).

III.

Прошло не мало лѣтъ, прежде чѣмъ примѣръ Раковскаго нашелъ подражателей. Болгарская журналистика развивалась пока въ прежнемъ направленіи, что не мѣшало ей, конечно, рости и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Число журналовъ увеличивалось; ихъ литературный цензъ повышался; вліяніе на читателей росло, какъ росло и число этихъ послѣднихъ. Не проходило года, чтобы не появилось нѣсколько новыхъ журналовъ. Отмѣтимъ наиболѣе значительные изъ нихъ. Въ 1862 г., начали выходить: „Духовенъ Прочитъ", Блѣскова, и еженедѣльная газета Икономова и Геновича—„Турція". Въ 1863 г., появились еженедѣльныя „Болгарска Пчела" и „Гайда" Славейкова, и еженедѣльный же „Совѣтникъ" подъ ред. Бурмова. Въ 1864 г., кромѣ упомянутыхъ выше бухарестскихъ изданій Раковскаго, выходилъ ежемѣсячный религіозно-педагогическій журналъ Блѣскова „Духовни Книжки" и еженедѣльная „Зорница" Ваклидова. Въ 1865 г., появилось подъ ред. Бурмова „Время". Въ 1866 г., начала выходить, продержавшаяся до 1872 г., „Македонія" Славейкова. Въ 1868 г., выходилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Бѣлградѣ учено-литературный журналъ „Общъ Трудъ". Въ 1869 г., начали выходить „Отечество" Кисимова, „Право" Стоянова и Найденова и „Забавенъ листъ Читалище" Запрянова. Наконецъ, къ концу 60-хъ годовъ, въ Браилѣ и Бухарестѣ появились одинъ за другимъ нѣсколько эмигрантскихъ журналовъ болѣе или менѣе рѣшительнаго революціонно-политическаго направленія: „Дунавска Зора" (1867 г.) Войникова; „Народность" (1867) Богорова и Касабова; „Свобода" (1869), Л. Каравелова.

Оставивъ пока въ сторонѣ эти послѣдніе, мы можемъ всѣ пере-

численные выше журналы раздѣлить на двѣ крупныя категоріи: одни предназначались болѣе для поученія или увеселенія читателей; другіе называли себя „политическими вѣстниками“, и главнымъ ихъ дѣломъ была пропаганда націонализма и борьба съ греками. О первыхъ мы можемъ совсѣмъ не говорить здѣсь. Ихъ литературный уровень оставался еще очень низкимъ, и они недалеко ушли отъ своихъ прообразовъ Фотиновскаго типа. Вторые успѣли значительно усовершенствоваться въ литературномъ отношеніи, но въ существенныхъ своихъ чертахъ, въ своемъ направленіи и тенденціяхъ, до конца почти 60-хъ годовъ не многимъ чѣмъ отличались отъ журналовъ конца 50-хъ годовъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ програмной статьи „Времени“, довольно типичная для остальныхъ легальныхъ журналовъ этого времени:

„...Нашъ журналъ имѣетъ цѣлью способствовать болгарскому народу—насколько это возможно для вѣстника—въ достиженіи имъ, при помощи образованія и добраго поведенія, тѣхъ законныхъ правъ и той ступени матеріальнаго и моральнаго благосостоянія, какихъ онъ заслуживаетъ своими прекрасными природными способностями и дарованіями, своимъ здравомысліемъ и добродушіемъ, своимъ трудолюбіемъ и бережливостью, своею любовью и уваженіемъ къ наукамъ,—и обладателемъ которыхъ желало бы его видѣть отеческое правительство Его Величества Султана Абдулъ-Азиса“... Засимъ, призывая народъ къ соблюденію во всей ея чистотѣ православной вѣры и указывая на бѣды, которыми грозитъ несогласіе въ религіозной области, авторъ дѣлаетъ такую краснорѣчивую оговорку: „Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что нашъ журналъ будетъ держать сторону тѣхъ, которые упорно отказываются реформировать наше церковное управленіе и препятствуютъ возстановленію священныхъ законныхъ правъ нашего народа. Напротивъ, въ согласіи съ духомъ и требованіями нравственности мы всегда будемъ бороться противъ злоупотребленій и насилій и—оцѣнивая безпристрастно поступки обоихъ враждующихъ лагерей, болгарскаго и греческаго—будемъ защищать тотъ, на сторонѣ котораго—право“.

Нечего и говорить, что „право“ оказывалось всегда на сторонѣ болгаръ, и что безпристрастіе, которымъ обѣщаетъ вооружиться авторъ, не шло дальше програмной статьи и нимало не мѣшало—ни „Времени“, ни другимъ современнымъ журналамъ—заниматься ожесточенной борьбою съ греческимъ духовенствомъ и возбужденіемъ противъ него болгарскаго населенія. Впрочемъ, едва-ли въ этомъ послѣднемъ была теперь нужда. Болгарскіе

„дѣйцы“ этого времени не столько „вели свой народъ“, сколько шли за нимъ. Борьба, начатая двадцать лѣтъ тому назадъ нѣсколькими образованными патріотами, давно уже потеряла характеръ академическаго диспута. Благодаря чуть ли не поощрительной тактикѣ турецкой свѣтской власти, она охватила къ этому времени всѣ слои населенія и, обратившись въ стихійное народно-патріотическое движеніе, начинала проявляться въ соотвѣтствующихъ—чуть не революціонныхъ—формахъ. Дѣло шло уже не объ устройствѣ болгарскихъ школъ, не объ обученіи на болгарскомъ языкѣ, даже не о введеніи болгарскаго языка въ богослуженіе и допущеніи болгаръ въ число священниковъ и епископовъ. Встрѣчая со стороны грековъ упорное сопротивленіе самымъ умѣреннымъ требованіямъ и суровыя репрессаліи, населеніе озлоблялось, становилось все болѣе настойчивымъ въ своихъ требованіяхъ и все болѣе безпощаднымъ въ пріемахъ борьбы. Дѣло шло уже о полномъ освобожденіи отъ фанаріотскаго духовенства, о всесторонней національзаціи болгарской церкви,—какою бы то ни было цѣною и какими бы то ни было средствами. То тамъ, то сямъ, въ странѣ совершались прямыя насилія надъ представителями греческаго духовенства; греческія школы бойкотировались и преслѣдовались; греческіе священники и епископы изгонялись изъ своихъ приходовъ и епархій и побивались камнями. А рядомъ съ этимъ пускалось въ ходъ и традиціонное оружіе всѣхъ рабовъ: въ Высокой-Портѣ шли интриги, ходатайства и подкупы, охватывавшіе представителей турецкой власти, начиная съ мѣстныхъ пашей и кончая великимъ визиремъ и самимъ султаномъ.

Руководителями, вдохновителями и прямыми участниками въ этой борьбѣ были всѣ сколько-нибудь образованные болгары того времени,—учителя, священники и монахи, богатые царьградскіе и бухарестскіе купцы и—болѣе всего—представители періодической печати. Дѣлить имъ было еще нечего; надежды ихъ были цѣликомъ въ будущемъ; идейные оттѣнки, которыми они отличались другъ отъ друга, были еще—за немногими исключеніями—слишкомъ незначительны, чтобы раздѣлить ихъ на враждебныя направленія и группы. Между ними царило единодушіе. На свое дѣло они смотрѣли какъ на выполненіе патріотическаго долга. Въ отношеніяхъ ихъ къ читателямъ не было ни льстиваго угодничества, ни высокомѣрнаго и покровительственнаго пренебреженія. Эти отношенія были интимно-патріархальными отношеніями людей, связанныхъ между собою общностью чувствъ, идей и стремленій. Будучи какъ бы высокимъ „обще-

ственнымъ служеніемъ", свободная отъ какихъ бы то ни было деморализующихъ вліяній профессіональнаго характера, вродѣ погони за популярностью или барышами, періодическая печать этого времени—безкорыстная, серьезная и идейная—была въ апогеѣ своего нравственнаго величія. Зато въ другихъ отношеніяхъ она страдала немалыми недостатками. Существовала она не подпискою, а больше сборами и пожертвованіями со стороны богатыхъ патроновъ, которые подписывались на нѣсколько экземпляровъ газеты—какъ у насъ подписываются на „храмъ" или „колоколъ"—и разсылали ихъ по школамъ и общинамъ Болгаріи. Это позволяло журналамъ оставаться безкорыстными, но это же печально отражалось на полнотѣ ихъ содержанія и дѣлало крайне непрочнымъ—и, въ большинствѣ случаевъ, кратковременнымъ—ихъ существованіе. Издавались они по большей части въ Царьградѣ, рѣже—эмигрантами—въ Бѣлградѣ и Бухарестѣ, вдали отъ родины, связь съ которою—не моральная, а матеріальная—была по необходимости слаба, а потому и внутренній информаціонный отдѣлъ ихъ оставался обыкновенно слабымъ и поверхностнымъ. Скандальная хроника въ нихъ отсутствовала, какъ отсутствовалъ, въ большинствѣ случаевъ, отдѣлъ междугазетной и партійной полемики. Зато сравнительно много мѣста занимала внѣшняя политика и статьи научно-литературнаго или нравственно-религіознаго содержанія. Главное же мѣсто вездѣ занимала, конечно, греко-болгарская церковная распря...

IV.

Однако положеніе дѣлъ въ Болгаріи понемногу мѣнялось, и съ нимъ долженъ былъ измѣняться понемногу и характеръ мѣстной періодической печати. По мѣрѣ распространенія въ народѣ грамотности и образованія, росли какъ контингентъ читателей, такъ и ихъ требовательность. Они не удовлетворялись болѣе послушнымъ жеваніемъ того, что̀ клали имъ въ ротъ учителя; у нихъ появлялись свои вкусы, потребности и интересы, къ которымъ по неволѣ должна была приноравливаться журналистика, а для удовлетворенія всего того должны были явиться и новые пророки. По мѣрѣ того какъ борьба за церковную независимость приближалась къ концу, сулившему болѣе или менѣе рѣшительную побѣду, въ народѣ—и особенно у вожаковъ движенія—росли и самоувѣренность, и смѣлость, и желаніе раздвинуть предѣлы, въ которыхъ развивалось до сихъ поръ движеніе,

введя въ него политическій элементъ. За очевидно побѣжденнымъ и сброшеннымъ съ пути національнаго возрожденія грекомъ наступала очередь не менѣе ненавистнаго турка. Съ освобожденіемъ отъ тиранніи церковно-религіозной, въ осмѣлѣвшихъ сердцахъ начала возникать надежда освободиться отъ тиранніи политической. Въ борьбу, до сихъ поръ легальную, началъ понемногу вторгаться элементъ нелегальный, революціонный; въ воздухѣ начали раздаваться иные звуки, раскаты иного грома. И, конечно, первые признаки такой перемѣны въ характерѣ и направленіи движенія начали замѣчаться въ агитаціонной литературѣ и періодической печати.

Починъ былъ данъ, конечно, болгарской эмиграціей, контингентъ которой къ этому времени (къ концу 60-хъ годовъ) значительно возросъ. Рядомъ съ умѣренными, чистыми отъ политики, журналами стараго типа, издававшимися въ Царьградѣ, въ Бѣлградѣ, Бухарестѣ и другихъ центрахъ болгарской эмиграціи начали одинъ за другимъ появляться чисто политическіе журналы-памфлеты, въ которыхъ революціонная нота звучала все громче и рѣшительнѣе. Иные изъ нихъ, правда, еще не рѣшались окончательно разорвать съ легальностью. Они не доходили до провозглашенія „права и обязанности возстанія“, не настаивали на полной политической независимости и съ готовностью помирились бы на извѣстной степени автономіи. Таковы были „Дунавска Зора“, Кисимова и Войникова (1867 г., въ Браилѣ) и ихъ же „Отечество“ (1869, Бухарестъ); такова была отчасти выходившая въ Бухарестѣ (1867—69) „Народность“, Касабова.

Но этимъ половинчатымъ, пытавшимся усидѣть между двухъ стульевъ, изданіямъ трудно было конкуррировать съ смѣлыми и откровенными рѣчами революціонныхъ журналовъ. Первымъ изъ этихъ послѣднихъ была „Свобода“ (впослѣдствіи переименованная въ „Независимость“),—еженедѣльная газета, выходившая въ теченіе четырехъ лѣтъ (1869—73) въ Бухарестѣ подъ редакціею вождя тогдашней болгарской эмиграціи и наслѣдника Раковскаго, извѣстнаго публициста, поэта и беллетриста Любена Каравелова. „Мы, румынскіе болгары,—говоритъ онъ въ первомъ нумерѣ своей газеты,—живемъ въ свободной странѣ, въ которой всякій имѣетъ право громко высказывать свои убѣжденія и желанія, а потому мы назвали нашъ журналъ „Свободою“. Наша цѣль—защищать болгарскіе интересы и указывать болгарскому народу путь, по которому онъ долженъ идти, чтобы легче и скорѣе добиться потитической независимости и нравственнаго

величія". Путь этотъ, разумѣется, былъ—путь Стефана Караджe, знаменитаго воеводы, т.-е. вооруженное возстаніе, которое и проповѣдывалось въ газетѣ и въ стихахъ, и въ повѣстяхъ, и въ публицистическихъ и полемическихъ статьяхъ, причемъ эта настойчивая и страстная проповѣдь, очевидно, не оставалась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Газета была очень популярна не только среди болгарскихъ читателей въ Румыніи и Сербіи, но и въ самой Болгаріи, и эта популярность показывала, что революціонная постановка вопроса быстро назрѣвала.

По примѣру „Свободы" Л. Каравелова, въ началѣ 70-хъ годовъ, въ Бухарестѣ и Браилѣ одна за другою выходили нѣсколько еженедѣльныхъ же газетъ, отличавшихся еще болѣе революціоннымъ духомъ и смѣлымъ языкомъ. Иниціаторомъ и вдохновителемъ ихъ былъ знаменитый Христо Ботевъ, талантливѣйшій болгарскій поэтъ, нѣсколько лѣтъ спустя убитый во главѣ своей четы, въ стычкѣ съ турецкими войсками, и до сихъ поръ остающійся идоломъ передовой болгарской молодежи. Воспитанный, какъ и Л. Каравеловъ, на русской того времени журналистикѣ, направляемой Писаревымъ, Добролюбовымъ и Чернышевскимъ, но гораздо болѣе пылкій и молодой, Ботевъ шелъ дальше Каравелова и, не ограничиваясь призывомъ къ возстанію противъ турокъ, звалъ болгарскій народъ на борьбу съ „не менѣе опасными врагами—чорбаджіями", и провозглашалъ законность и даже своевременность соціальной революціи одновременно съ политическою. Его газеты не отличались прочностью, не обѣщали барышей, не пользовались хорошею репутаціею среди сколько-нибудь „респектабельныхъ" болгаръ; но это не мѣшало имъ имѣть свое вліяніе на ходъ событій. Онѣ дѣйствовали, какъ удары кнута, поражали, если не убѣждали, пробуждали сонныхъ и толкали ихъ къ дѣйствію. Общій характеръ всѣхъ этихъ болѣе или менѣе эфемерныхъ изданій („Дума болгарскихъ эмигрантовъ" выходила въ 1871 г. въ теченіе всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ; „Будильника"—въ 1873 г.—вышло всего нѣсколько нумеровъ; „Знамя"—въ 1874 г.—выходило въ теченіе болѣе полугода) будетъ ясенъ читателямъ изъ програмной статьи перваго нумера „Думы", которую, вслѣдствіе ея длины, мы передадимъ здѣсь въ краткомъ резюмé.—Главною причиною малаго успѣха всѣхъ почти газетъ и журналовъ, издававшихся до сихъ поръ на болгарскомъ языкѣ—особенно за-границею,—было, по мнѣнію автора статьи, несоотвѣтствіе между тѣмъ, чтò они сулили,—и чтò въ дѣйствительности давали своимъ читателямъ. Вмѣсто обѣщанныхъ золотыхъ горъ, они предлагали имъ всевозможную труху, случайно на-

бранные „обрывки старыхъ лохмотьевъ, которыми они хотѣли бы прикрыть народную наготу“. Рабъ, ожидавшій, судя по обѣщаніямъ, что ему укажутъ, наконецъ, настоящихъ виновниковъ его моральнаго и политическаго рабства, что его подкрѣпятъ въ его инстинктивной ненависти къ нимъ и помогутъ въ борьбѣ съ ними,—неизмѣнно убѣждался, въ концѣ концовъ, что его обманывали, что ему замазывали глаза и надъ нимъ смѣялись... Журналы, претендовавшіе на выраженіе взглядовъ и стремленій эмиграціи—всѣ эти „Отечества“ и „Народности“,—ничего общаго съ ними не имѣли и были, въ сущности, болѣе или менѣе искусно прикрытыми органами разжирѣвшихъ чорбаджіевъ и иныхъ враговъ народа. Удивительно ли, что они теряли всякій кредитъ въ народѣ, какъ только открывалось ихъ истинное назначеніе. Такъ погибли „Народность“ и „Дунавска Зора“; такъ, конечно, погибнутъ въ свое время „Отечество“, „Право“, „Турція“—всѣ эти болѣе или менѣе откровенные органы крупнаго и мелкаго чорбаджійства, политическаго лицемѣрія и низкопоклонства.. „Дума Болгарскихъ Эмигрантовъ“ будетъ совсѣмъ инымъ органомъ. Она будетъ дѣйствительно выражать собою взгляды и стремленія молодой болгарской эмиграціи. Эта, такъ быстро ростущая въ послѣднее время, эмиграція представляетъ собою истинную наслѣдницу нашихъ классическихъ „хайдуковъ“, политическіе и соціальные идеалы которыхъ заставляли ихъ объявить войну не только туркамъ, но и угнетателямъ чорбаджіямъ, и алчному духовенству, и всѣмъ тѣмъ, кто предаетъ и разоряетъ народъ, кто держитъ у себя ключъ отъ его оковъ... Ей одной долженъ вѣрить болгарскій народъ; за нею одною долженъ идти онъ, если не желаетъ промѣнять одно рабство на другое, и т. д.

Этотъ горячій революціонный языкъ вовсе не похожъ на тѣ скучно-назидательныя поученія, съ которыми—на первыхъ шагахъ національнаго движенія—выступили Фотиновъ и его ближайшіе послѣдователи. И этотъ языкъ, вчера еще, казалось бы, невозможный, теперь не только не отпугивалъ отъ себя средняго болгарскаго читателя, но оказывался настолько „по времени“ и „ко двору“, что ему начинали подражать даже тѣ „лицемѣры“ изъ „старыхъ и молодыхъ чорбаджіевъ“, которыхъ такъ безпощадно громилъ въ своихъ журналахъ-памфлетахъ Ботевъ. Дѣло народнаго пробужденія жило, очевидно, очень далеко отъ своего исходнаго пункта. Время хитроумнаго дипломатничанья и болѣе или менѣе легальныхъ пріемовъ борьбы, на которыхъ воспитались и въ которыхъ изощрялись старые—въ большинствѣ умѣ-

ренные и даже консервативные—вожди движенія, очевидно проходило. На горизонтѣ все яснѣе вырисовывалась перспектива иной борьбы, къ которой рвались всѣ активные элементы населенія, ободреннаго побѣдою надъ греками и впервые сознававшаго себя націею. Въ воздухѣ чувствовалось то напряженное, неопредѣленно - тревожное состояніе атмосферы, по которому опытные люди безошибочно предсказываютъ грозу. Эмиграціонное движеніе росло. Агенты заграничныхъ „революціонныхъ комитетовъ“ сновали по странѣ, возбуждая умы, пробуждая надежды, подготовляя почву для возстанія и организуя боевыя дружины. Вооруженныя четы отъ времени до времени прорывались черезъ турецкіе кордоны на Дунаѣ и появлялись въ Балканахъ, вызывая своими мимолетными успѣхами трепетъ надежды и восторга въ горѣвшихъ нетерпѣніемъ сердцахъ. Кровавыя репрессаліи турецкихъ властей, неизмѣнно слѣдовавшія за всякою такою попыткою, не столько устрашали населеніе, сколько вызывали въ немъ чувства фаталистическаго отчаянія и неутолимой мести. Все указывало на приближеніе бури, на наступленіе того рѣшительнаго въ народномъ движеніи момента, когда благоразуміе и разсчетливость уступаютъ свое мѣсто стихійной жаждѣ вооруженнаго столкновенія.

„Старикамъ“, увѣнчаннымъ лаврами бойцамъ за церковную независимость, было, конечно, не по себѣ въ этой слишкомъ насыщенной атмосферѣ. Они ясно видѣли, что ихъ престижъ тускнѣлъ и авторитетъ падалъ, что руководительство движеніемъ мало-по-малу выскользало у нихъ изъ рукъ, что борьба стихійно переходила на путь, который они считали и опаснымъ, и гибельнымъ. Они пытались бороться противъ теченія, противопоставляя безумію новаторовъ свое испытанное благоразуміе, свой извѣстный патріотизмъ, свои былыя заслуги. Съ тою же цѣлью—рядомъ съ нѣкоторыми старыми своими журналами—они издавали новые. Такъ, вмѣсто прекратившагося „Права“, въ 1874 г. въ Царьградѣ началъ выходить, подъ редакціею Найденова, „Напрѣдокъ“; въ 1875 г., появился тамъ же, подъ редакціею Ст. Бобчева, „День“, и нѣсколько раньше—подъ редакціею М. Балабанова—„Вѣкъ“, и т. д., и т. д. Всѣ они держались приблизительно одного тона, и нижеслѣдующая выдержка изъ програмной статьи въ первомъ нумерѣ „Вѣка“ могла бы быть безъ большой ошибки приписанной любому изъ нихъ: „Нашъ вѣстникъ будетъ по преимуществу политическій, и въ ознакомленіи читателей съ современными событіями—какъ внѣшними, такъ и внутренними—будетъ заключаться главная наша задача. Но мы должны, прежде всего,

не забывать, что мы имѣемъ теперь свое церковное управленіе и свое національное духовенство... Наша экзархія еще не установлена окончательно; для нея еще не началась нормальная и правильная жизнь... Отсюда возникаетъ для насъ важнѣйшая задача: способствовать—насколько это возможно нашему слабому перу—упроченію нашего молодого церковнаго управленія, поднятію его на высоту, достиженію имъ тѣхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду нашъ народъ, приступая къ борьбѣ"...

Такія рѣчи, замыкавшіяся въ заколдованномъ кругу того, что̀ было уже завоевано, и едва дерзавшія намекать на то, что̀ еще предстояло завоевать, естественно отзывались анахронизмомъ и лишь компрометтировали старыхъ вождей. Одинъ за другимъ отходили они въ сторону—въ ожиданіи, пока побѣда или пораженіе въ наступавшей борьбѣ снова призоветъ ихъ на сцену, и уступали свои мѣста людямъ дѣйствія—Ботевымъ, Стамбуловымъ, Левскимъ и ихъ подражателямъ. И духъ времени оказывался настолько заразителенъ, что среди этихъ послѣдователей мы встрѣчаемъ имена такихъ людей, какъ „первый болгарскій драматургъ" и старый журналистъ Войниковъ, или извѣстный теперь народникъ-консерваторъ Ст. Бобчевъ, который почти одновременно съ умѣреннымъ „Днемъ" (1875 г., Царьградъ) издавалъ въ Бухарестѣ (1876 г.) революціонную „Старую Планину". И вотъ какимъ языкомъ говоритъ здѣсь этотъ вчерашній „вѣрноподданный его величества султана" и завтрашній „дѣлецъ освобожденной Болгаріи": „Старая Планина является передъ публикою въ особыхъ, необыкновенныхъ, обстоятельствахъ. На Балканскомъ полуостровѣ гремятъ пушки, раздаются ружейные залпы, скрещиваются и звенятъ ятаганы и сабли. На одной сторонѣ—крестъ, прогрессъ, молодость, однимъ словомъ, будущее; на другой—полумѣсяцъ, мракъ, реакція, гнилое и гибнущее прошлое. На одной сторонѣ—сербы, черногорцы, болгары, босняки и герцеговинцы—всѣ юго-славянскіе народы съ славнымъ будущимъ; на другой — разныя азіатскія полчища, полчища—башибузуцкія орды, дикіе курды, звѣрскіе черкесы, кровожадные арнауты, грабительскія и разбойническія турецкія племена, послѣдній часъ которыхъ насталъ, и которые именно поэтому борются на жизнь и на смерть... Кто побѣдитъ? Кто падетъ? Какія блага принесетъ спеціально болгарскому народу эта общеславянская борьба съ азіатскимъ варварствомъ? На болгарской эмиграціи лежитъ трудная обязанность извлечь возможно больше пользы для болгарскаго народа изъ этихъ обстоятельствъ, и мы съ удовольствіемъ видимъ, что она всѣми силами способ-

ствуетъ выполненію великой болгарской идеи: умственному, общественному и политическому подъему нашей болгарской родины... Мы, съ своей стороны, будемъ вѣрными выразителями ея (эмиграціи) стремленій и дѣйствій, и нашею постоянною программою будетъ: освѣщать всѣ темные и мрачные закоулки, въ которыхъ таятся наши слабости, грѣхи и заблужденія; знакомить читателей со всѣми хорошими и достойными подражанія явленіями жизни западно-европейскихъ просвѣщенныхъ странъ; защищать передъ просвѣщеннымъ міромъ истинные интересы и требованія болгарскаго народа, безъ удовлетворенія которыхъ Балканскій полуостровъ никогда не войдетъ въ состояніе равновѣсія и покоя".

Еще болѣе рѣшительнымъ языкомъ говорили другіе эмиграціонные журналы, издававшіеся въ это время (въ теченіе 1876 г.) въ разныхъ румынскихъ городахъ и пытавшіеся не отстать отъ Ботева: „Болгарскій Гласъ", выходившій подъ редакціею Тулешкова; „Возрожденіе"—съ лозунгомъ: „свобода или смерть", издававшаяся С. Миларовымъ; „Новая Болгарія", выходившая послѣ смерти Ботева подъ редакціею Блескова и Стамбулова; „Михалъ" — сатирическій журналъ Заимова, и др. Всѣ эти журналы выходили тогда, когда знамя возстанія развѣвалось на Балканахъ, когда башибузуки свирѣпствовали въ болгарскихъ селахъ, когда зарева пожаровъ и предсмертные вопли жертвъ держали въ напряженномъ ожиданіи не только самихъ болгаръ, но и всю Европу. Тутъ уже не о пропагандѣ идеи возстанія и права на него приходилось думать и говорить, какъ это еще недавно приходилось дѣлать Ботеву и Каравелову. Это право нашло уже свою верховную санкцію въ жизни, и вождямъ возставшаго народа—какихъ бы взглядовъ они не держались—оставалось лишь дѣлать все возможное для его торжества. Одни брались съ этою цѣлью за оружіе и становились во главѣ четъ; другіе поддерживали дѣло возстанія перомъ, въ своихъ заграничныхъ журналахъ и газетахъ. И, согласно требованіямъ времени, сами журналы эти становятся не столько произведеніями литературы, сколько своеобразными учрежденіями, существовавшими для матеріальнаго и моральнаго поддержанія возстанія и его организаціи. Вотъ какъ опредѣлялъ, напр., С. Миларовъ въ своемъ „Возрожденіи" задачу болгарской эмиграціи этого времени и ея періодической печати. „У насъ теперь двойная работа: 1) матеріальная поддержка возстанія, и 2) его моральная поддержка. Матеріальная поддержка состоитъ въ собираніи пожертвованій какъ среди самой эмиграціи, такъ и со стороны всѣхъ тѣхъ,

кто сочувствуетъ нашему дѣлу въ Европѣ и, особенно, въ славянскихъ странахъ. Моральная поддержка, которой ожидаютъ отъ насъ возставшіе братья, заключается въ защитѣ нашихъ интересовъ передъ европейскими правительствами и народами, въ ознакомленіи европейскаго общественнаго мнѣнія съ нашими стремленіями и идеалами и—особенно—въ закрѣпленіи естественнаго союза, связывающаго насъ съ нашими братьями-сербами. На нашей же обязанности—по крайней мѣрѣ, пока въ самой Болгаріи не могутъ еще существовать ни типографіи, ни свободные журналы—лежитъ блюсти за сохраненіемъ тѣхъ условій, безъ которыхъ невозможна крѣпкая внутренняя организація нашего движенія, а значитъ—и успѣхъ его. Мы должны заботиться о томъ, чтобы въ основаніи нашего движенія всегда лежали начала братолюбія, чтобы изъ него навсегда были изгнаны сѣмена раздора, и чтобы нашъ народъ, сбитый такимъ образомъ въ одно компактное цѣлое, сталъ великою и сильною державою, грозною для враговъ и уважаемою въ Европѣ"...

Этими соображеніями опредѣлялись и программы журналовъ этого времени. Онѣ сводились „къ сообщенію возможно полныхъ и точныхъ свѣдѣній о ходѣ возстанія на Балканскомъ полуостровѣ" и—особенно—въ Болгаріи; къ изученію „группировки европейскихъ державъ по отношенію къ нему"; въ ознакомленіи европейскаго общественнаго мнѣнія „съ стремленіями болгарскихъ революціонеровъ"; къ поддержанію единства между патріотами и, наконецъ, „къ ознакомленію своихъ читателей съ важнѣйшими событіями европейской жизни",—причемъ этотъ послѣдній пунктъ программы упоминался между прочимъ, ибо и у читателей, и у редакторовъ, весь интересъ и все вниманіе сосредоточивались на возстаніи.

V.

Между тѣмъ возстаніе разгоралось; турецкія репрессаліи становились все болѣе свирѣпыми и безпощадными; въ борьбу вступилась Россія—и началась освободительная война. Въ это тяжелое время, когда въ странѣ всюду лилась кровь и въ сердцахъ чувство надежды перемежалось взрывами отчаянія, въ развитіи болгарской печати замѣчается извѣстный перерывъ. За исключеніемъ одного-двухъ эмигрантскихъ журналовъ, едва влачившихъ свое существованіе въ Бухарестѣ, въ теченіе почти двухъ лѣтъ не появилось ни одного сколько-нибудь стоющаго

вниманія болгарскаго журнала. Не говоря уже о томъ, что ни въ Царьградѣ, ни въ самой—залитой кровью Болгаріи—никакое изданіе было теперь невозможно, но и заниматься имъ было, въ сущности, некому, ибо все, что только было лучшаго среди болгаръ, находило приложеніе своимъ силамъ на иныхъ, болѣе важныхъ и настоятельныхъ поприщахъ. Но вотъ война окончилась, и окончилась счастливо: Болгарія была освобождена—хотя и раздѣленная на двѣ половины—и объявлена независимою. Весь ея прежній соціально-политическій укладъ былъ сразу стертъ съ лица земли. Всѣ основы для ея самостоятельнаго національно-государственнаго существованія на европейскій ладъ были заложены, и для нея — вчера еще безгласной рабыни, а сегодня полной хозяйки своихъ судебъ—началась новая жизнь, новая и по содержанію, и по формѣ.

Этотъ крутой и рѣзкій переворотъ не замедлилъ, конечно, отразиться на всемъ укладѣ мѣстной общественно-политической жизни, на нравахъ и отношеніяхъ людей между собою, на ихъ морали, политикѣ и литературѣ и—прежде всего и рѣшительнѣе всего—на впечатлительной и отзывчивой періодической печати. Для этой послѣдней сразу наступилъ кризисъ, изъ котораго она вышла, потерявъ мало-по-малу всѣ характеризовавшія ее до сихъ поръ черты и измѣнившись понемногу до полной неузнаваемости. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что, въ болгарской періодической печати до-освобожденія, элементъ политическій—въ современномъ значеніи этого термина—игралъ самую скромную роль. Несмотря на всю горячность ея пропаганды освободительныхъ идей, никто не назвалъ бы ее „политическою прессою", уже по одному тому, что среди самихъ ея работниковъ и руководителей никакихъ партій, собственно говоря, еще не было. За исключеніемъ небольшой группы „чорбаджіевъ", державшихъ руку сначала грековъ, потомъ—турокъ, вообще—власти, и считавшихся поэтому чуть не всѣмъ остальнымъ населеніемъ измѣнниками и ренегатами, всѣ сколько-нибудь образованные болгары того времени, всѣ такъ называемые „дѣйцы возрожденія" были горячими патріотами — „родолюбцами", какъ говорятъ болгары,—стремившимися къ одной и той же, въ сущности, цѣли, т.-е. къ національному пробужденію и конечному политическому освобожденію своего народа. Имъ не изъ-за чего было ссориться и враждовать другъ съ другомъ, ибо нечего было и дѣлить между собою: всѣ они жили не столько настоящимъ, которое не давало имъ почти ничего, сколько будущимъ, которое почти всѣмъ имъ рисовалось пока въ однѣхъ и тѣхъ же краскахъ. Съ другой стороны,

и публика, къ которой они обращались, была еще такъ мало дифференцирована—какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ,—отличалась такимъ первобытнымъ невѣжествомъ и такою неопредѣленностью своихъ стремленій, что для пріобрѣтенія вліянія надъ нею имъ надо было не столько угождать ей и заискивать передъ нею, сколько, напротивъ, импонировать ей авторитетностью своего тона, пророческою суровостью своихъ патріотическихъ упрековъ, благородствомъ содержанія своей пропаганды. Понятно, поэтому, что и отношенія ихъ, какъ между собою, такъ и къ своимъ читателямъ, отличались патріархальностью и интимною доброжелательностью, очень мало напоминавшими обычный характеръ современной журналистики. Да они и не были журналистами въ нашемъ смыслѣ этого слова. Они были излюбленными людьми своего народа, пророками и учителями, смотрѣвшими на свое дѣло не какъ на профессію, открывавшую передъ ними личную карьеру, а какъ на святое, патріотическое служеніе несчастной родинѣ.

Теперь освобожденная страна была объявлена независимою, и ей были сразу даны свободныя конституціонныя учрежденія. Различіе политическихъ міросозерцаній и темпераментовъ впервые получило возможность проявляться въ реальныхъ, осязательныхъ фактахъ и дѣйствіяхъ, и не замедлило, конечно, вызвать въ странѣ появленіе разныхъ, болѣе или менѣе враждебныхъ другъ другу, идейныхъ направленій. Съ другой стороны, и народъ—вчерашній ученикъ—былъ вдругъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и введенъ въ полное, безапелляціонное владѣніе и распоряженіе своими судьбами. Руководительство имъ сулило теперь счастливымъ вожакамъ не только платоническія блага—въ видѣ репутаціи великаго „родолюбца“, или нравственнаго самоудовлетворенія—но гораздо болѣе существенныя перспективы участія въ управленіи, обладанія властью, занятія выгодныхъ мѣстъ, пріобрѣтенія высокихъ общественныхъ положеній и матеріальныхъ благъ. Завоеваніе его симпатій становилось при такихъ условіяхъ насущнымъ дѣломъ, непосредственною и вполнѣ реальною задачею всѣхъ претендовавшихъ на роль его вождей. Изъ вчерашнихъ безкорыстныхъ учителей они обращались понемногу въ соперниковъ, добивавшихся исключительной чести быть его представителями, его совѣтниками-министрами, и т. д., и т. д. Такое соперничество въ средѣ „вождей“ и окружавшей ихъ интеллигенціи не могло, конечно, не отражаться и на населеніи вообще, раздѣляя его—сообразно разнымъ, болѣе или менѣе неопредѣленнымъ симпатіямъ и старымъ связямъ—на разныя, бо-

лѣе или менѣе неопредѣленныя же, политическія группировки, которыя ожидали лишь подходящихъ событій, чтобы обратиться въ настоящія политическія партіи. События, конечно, не заставили себя долго ждать. Только-что освобожденная страна на первыхъ же порахъ—уже съ тырновскаго великаго народнаго собранія—попала въ водоворотъ напряженнѣйшей борьбы между консервативнымъ теченіемъ, которое представляла небольшая группа ближайшихъ совѣтниковъ молодого князя, и радикальнымъ, отвѣчавшимъ инстинктивному демократизму болгарскаго народа и считавшимся поэтому какъ бы народнымъ. Вначалѣ побѣда была на сторонѣ послѣдняго теченія, и ея результатомъ была чрезвычайно демократическая „Тырновская Конституція". Побѣжденные на конституціонной почвѣ консерваторы перенесли тогда борьбу на почву придворныхъ интригъ, гдѣ и получили свой реваншъ. Народное собраніе было распущено; радикальное министерство Каравелова уволено въ отставку; конституція была пріостановлена, и началась эра „чрезвычайныхъ полномочій", поставившая корону съ ея придворно-консервативною кликою въ хроническій и опасный конфликтъ съ демократическимъ большинствомъ населенія страны. Нормальный ходъ политическаго развитія Болгаріи былъ, такимъ образомъ, съ начала же прерванъ, и естественно зарождавшіяся въ ней принципіальныя различія соціально-политическихъ теченій сразу же вылились въ чисто политическія—или, скорѣе, политиканскія—организаціи, между которыми не замедлили создаться крайне обостренныя, враждебныя отношенія. Каждая изъ такихъ организацій, какими бы теоретическими принципами она ни вдохновлялась, и на какую бы силу ни опиралась, должна была, во что бы то ни стало, стараться привлечь къ себѣ симпатіи и поддержку верховнаго судьи—народа; должна была постоянно напоминать о себѣ, защищать себя отъ вражескихъ обвиненій и, въ свою очередь, нападать на своихъ враговъ. Эту задачу сколько-нибудь удовлетворительно могли выполнять лишь спеціальные партійные органы, и, такимъ образомъ, на почвѣ возникшей политической борьбы впервые появилась въ Болгаріи политическая пресса. И чѣмъ болѣе борьба обострялась и захватывала болѣе широкіе слои населенія, тѣмъ болѣе становился господствующимъ новый типъ „политическаго вѣстника", тѣмъ рѣшительнѣе вытѣсняетъ онъ изъ обращенія газету добраго стараго времени до-освобожденія. Созданный новыми условіями существованія и отвѣчая новымъ требованіямъ времени, онъ ставитъ себѣ совсѣмъ иныя цѣли и достигаетъ ихъ совсѣмъ иными способами. Ему некогда сенти-

ментальничать, парить въ заоблачныхъ высяхъ чистыхъ идей и высокихъ принциповъ; патріархально-учительный тонъ въ его устахъ былъ бы неумѣстенъ и смѣшонъ. Онъ—партійный органъ, и въ качествѣ такового знаетъ одно: вездѣ и во всемъ защищать и хвалить своихъ и нападать и хулить чужихъ. Онъ—боевая машина, которой не къ лицу разбираться въ средствахъ нанесенія удара; лишь бы ударъ былъ силенъ и попадалъ въ цѣль. Ему нечего уклоняться отъ полемики, избѣгать личностей: это — его стихія. Партизанъ съ головы до ногъ, онъ не останавливается ни передъ ложью, ни передъ клеветою. Для него все позволено, что̀ обѣщаетъ повредить врагамъ и, значитъ, услужить своимъ.

Не менѣе далеко ушелъ онъ отъ прежняго типа болгарской газеты и въ информаціонномъ отношеніи. Прежній журналистъ не спѣшилъ, не гонялся за новостями, не искалъ сенсаціонныхъ матеріаловъ, съ величавымъ презрѣніемъ относился къ мелочамъ дѣйствительной жизни и въ лучшемъ случаѣ пробавлялся запоздалыми извѣстіями изъ европейской политической жизни. „Явашъ-явашъ!“ (потише!)—общій турецкій девизъ—оставался въ большинствѣ случаевъ и его девизомъ. Съ освобожденіемъ, темпъ жизни страшно ускорился, и у читателей, обратившихся изъ рабовъ въ полноправныхъ гражданъ, возникла куча новыхъ запросовъ и интересовъ, требовавшихъ удовлетворенія. Внутри, дома, шла постоянная, безпрерывная партійная борьба, интересовавшая всякаго не только принципіально, но и чисто матеріально. Внѣ—еще продолжалось броженіе, вызванное освободительною войною, и цѣлый рядъ вопросовъ первостепенной важности—въ глазахъ всякаго болгарскаго патріота—оставался нерѣшеннымъ или полурѣшеннымъ. Санъ-Стефанскій договоръ былъ искаженъ; Восточная-Румелія оторвана отъ общаго отечества; Македонія—оставлена подъ властью турокъ. Все, что̀ тамъ происходило, считалось какъ бы своимъ, роднымъ, самымъ серьезнымъ образомъ интересовавшимъ всякаго болгарина, а значитъ, и всякаго болгарскаго журналиста и политикана. Не меньше значенія имѣло въ ихъ глазахъ и все то, что̀ касалось дипломатіи и политики великихъ державъ—и особенно Россіи. Все это надо было знать, за всѣмъ этимъ слѣдить, и болгарская газета по необходимости должна была все расширять свой информаціонный отдѣлъ. Этотъ отдѣлъ и партійная полемика—все болѣе рѣзкая и безцеремонная—и становились, такимъ образомъ, главнымъ нервомъ всякой, претендовавшей на популярность и значеніе, болгарской газеты новаго типа.

Само собою разумѣется, что эта перемѣна въ характерѣ и содержаніи болгарской періодической печати произошла далеко не сразу. И старыя почтенныя традиціи не отступали безъ борьбы, и самая политическая борьба не сразу стала безпощадною, и, наконецъ, какъ бы рѣзко ни разошлись между собою возникшія въ странѣ партіи, у всѣхъ ихъ было нѣчто объединяющее, нѣчто безконечно болѣе важное, чѣмъ временныя ссоры и дрязги повседневной партизанской борьбы, а именно: патріотическое сознаніе, что дѣло освобожденія было еще далеко не закончено, что внѣ общаго отечества оставлены подъ владычествомъ полумѣсяца и южная Болгарія, и Македонія, что національный идеалъ для своего достиженія требовалъ еще долгой безпартійной борьбы и многихъ обще-болгарскихъ жертвъ и усилій. Эта-то патріотическая неудовлетворенность, эта общность задачи, стоявшей передъ всѣми болгарами безъ различія партій и направленій, и сдерживала между ними вражду, и спасала ихъ отъ окончательнаго разрыва.

Такимъ образомъ, болгарская періодическая печать этого времени—отъ освобожденія до соединенія—выработывала свой новый типъ лишь постепенно и даже въ самыхъ рѣзкихъ его проявленіяхъ, особенно въ отношеніи ругательствъ, лживыхъ обвиненій и иныхъ пріемовъ взаимной полемики—оставалась далеко позади того, до чего дошла она впослѣдствіи, во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Въ первыхъ же ея представителяхъ новыя черты еще совсѣмъ не бросались въ глаза и проявлялись не столько въ тонѣ, сколько въ болѣе живомъ подборѣ и распредѣленіи газетнаго матеріала. Одною изъ первыхъ газетъ послѣ освобожденія была „Марица“, основанная въ Пловдивѣ, въ серединѣ 1878 г.—подъ редакціею Гешова, Начевича, Бенева, Стоилова, впослѣдствіи Маджарова и Бобчева,—будущихъ болгарскихъ министровъ и, вообще, вождей консервативной и „соединистской“ партій, но тогда людей еще новыхъ и мало извѣстныхъ. Она продержалась до соединенія, оставаясь все это время оффиціозомъ „Румелійской Дирекціи“, и на ней было бы не трудно прослѣдить эволюцію, которую мы пытались охарактеризовать выше. Ея информаціонный отдѣлъ былъ съ самаго же почти начала поставленъ безконечно лучше и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ, чѣмъ въ газетахъ прежняго типа. Она внимательно слѣдила за всѣмъ, что̀ происходило въ политической жизни сосѣдняго княжества, дѣла котораго принимала къ сердцу такъ же близко, какъ и дѣла самой Румеліи, и старалась не упускать изъ виду ничего важнаго изъ того, что̀ дѣ-

лалось въ Европѣ и, конечно, особенно въ Россіи. Она пропагандировала идею соединенія, вначалѣ горячо и искренно, но чѣмъ дальше, тѣмъ эта пропаганда становилась спокойнѣе и теоретичнѣе, такъ сказать, внѣ пространства и времени, и главною задачею газеты дѣлалась постепенно защита партій, которую она представляла—„соединистовъ“, которые были у власти и чувствовали себя очень недурно и безъ соединенія,—и борьба съ такъ-называемыми „казенными“,—радикалами типа Каравелова, З. Стоянова и Стамбулова, которые относились къ идеѣ соединенія вполнѣ серьезно и готовы были осуществить ее хотя бы и революціоннымъ путемъ. Въ газетѣ принимали участіе всѣ болѣе или менѣе видные „соединисты“, но она всегда оставалась безцвѣтною, вѣчно колебалась, какъ и сами „соединисты“, между либерализмомъ и консерватизмомъ,—старалась „и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“,—и, вообще, была весьма похожа на другіе органы южно-болгарскихъ „соединистовъ“—„Народный Гласъ“, „Соединеніе“ и пр., на которыхъ мы можемъ, поэтому, и не останавливаться.

Въ слѣдующемъ, 1879, году появляется уже цѣлый рядъ новыхъ газетъ и газетокъ, шумною и нестройною толпою возникающихъ на нерасчищенной еще почвѣ только-что освобожденнаго княжества. Слабые и безцвѣтные,—уже по одному тому, что интеллигентныхъ людей, сколько-нибудь подготовленныхъ къ литературной дѣятельности, было мало, да и тѣ были заняты, главнымъ образомъ, „созидательною государственною работою“,—одинъ эфемернѣе другого,—всѣ эти „органы общественнаго мнѣнія“, носившіе громкія названія—„Болгарскаго Льва“, „Знамени“, „Народа“, „Славянина“, „Селянина“, „Софьянца“ и т. п., едва ли заслуживаютъ болѣе, чѣмъ упоминанія. Лишь немногіе изъ нихъ съумѣли собрать вокругъ себя достаточно литературныхъ силъ и, ставъ общепризнанными партійными органами, пріобрѣсти извѣстную прочность и вліяніе на ходъ событій. На нихъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе.

„Цѣлокупна Болгарія“ была основана въ 1879 г. въ Тырновѣ, нѣсколькими видными радикалами и выходила около года подъ редакціею одного изъ лучшихъ болгарскихъ журналистовъ, Славейкова. „Наша первая и главная задача,—говорится въ програмной статьѣ газеты,—будетъ поддержка стремленія народа нашего къ соединенію... Къ соединенію мы стремимся и за него будемъ бороться, ибо отказаться отъ него—значило бы отказаться отъ самого себя“. Правда, газета не за „бурное достиженіе“ этой цѣли, но лишь „изъ уваженія къ великимъ дер-

жавамъ", которыя, однако, тутъ же предупреждаются, что это уваженіе будетъ существовать лишь пока будетъ существовать „довѣріе" къ нимъ... Второю, не менѣе важною задачею газеты будетъ, по ея словамъ, „поддержаніе и закрѣпленіе благъ, дарованныхъ намъ конституціею, забота о развитіи заложенныхъ въ ней началъ и о воплощеніи ихъ въ народный духъ"... Основанная радикалами, газета является, конечно, носительницею прогрессивно-демократическихъ принциповъ, но это не мѣшаетъ ей держаться нѣкоторое время благодарно-оптимистическаго тона и умѣреннаго языка. Она находитъ возможнымъ сказать доброе слово по адресу даже такого завѣдомаго консерватора, какъ Бурмовъ, который, въ компаніи съ Начевичемъ и Грековымъ, въ скорости положилъ начало политическому грѣхопаденію Болгаріи, распустивъ безъ законнаго основанія первое народное собраніе. Но когда политическая борьба, вызванная первыми злоупотребленіями консервативнаго министерства, начала разгораться, „Цѣлокупна Болгарія" спустилась на землю и ринулась въ битву со всѣмъ жаромъ фанатически-убѣжденнаго неофита. Она скоро сдѣлалась боевымъ органомъ народно-радикальной партіи, какъ бы оффиціальнымъ стражемъ „Тырновской Конституціи", грозою министровъ и самого князя, всѣ отступленія которыхъ отъ конституціи изобличались ею съ безпощадною суровостью. При всемъ томъ, въ самомъ жару борьбы, она сохраняла извѣстную порядочность, не занималась личностями, не прибѣгала ко лжи и нападала не столько на противные принципы, сколько на безпринципность, беззаконія и нарушенія конституціи. Велась газета очень недурно и вполнѣ литературно. Она подробно знакомила читателей съ ходомъ дѣлъ какъ въ княжествѣ, такъ и въ Восточной-Румеліи, имѣла корреспондентовъ въ Македоніи и Россіи, слѣдила за жизнью Европы, не замыкалась исключительно въ политику, не чуждалась иногда науки и литературы. Вообще, она была однимъ изъ лучшихъ представителей того переходнаго типа газетъ, которыя отстали отъ скучно-назидательнаго проповѣдническаго тона прежней періодической печати и не успѣли еще обратиться въ чисто-партизанскіе органы послѣдующаго времени.

Продержавшись около года, „Цѣлокупна Болгарія" была прекращена, и вмѣсто нея органомъ болгарскихъ либераловъ—или, какъ ихъ чаще называли, радикаловъ—сдѣлалась „Независимость", которая временно редактировалась въ Софіи Сукнаровымъ, а въ 1881 году, послѣ переворота и бѣгства въ Восточную-Румелію главныхъ корифеевъ партіи, Каравелова и Сла-

вейкова—въ Пловдивѣ, Славейковымъ. Здѣсь она выходила болѣе года и сыграла очень важную роль въ исторіи своей партіи, поддержавъ ея расшатанную организацію и не давъ ей окончательно пасть въ годину тяжкихъ испытаній и въ непосильной борьбѣ съ торжествовавшей по всей линіи реакціей. Какъ эмигрантскій òрганъ, она естественно страдала склонностью къ преувеличеніямъ, крайнею нетерпимостью и прочими недостатками исключительно партизанскаго, да вдобавокъ еще преслѣдуемаго òргана. Въ этомъ отношеніи она была значительно ниже „Цѣлокупной Болгаріи". И редакторъ, и сотрудники ея были тѣ же, но и время, и среда—совсѣмъ другія...

Одновременно съ „Цѣлокупною Болгаріею"—и въ противовѣсъ ей—новоиспеченные болгарскіе консерваторы—Начевичъ, Бурмовъ и Балабановъ—основали въ Софіи (въ серединѣ 1879 г.) „Витошу", которая и выходила около года по два раза въ недѣлю. Ни программа, ни редакціонныя „передовицы"—особенно въ первыхъ нумерахъ газеты—не давали о ней никакого опредѣленнаго представленія: тѣ же патріотическія рѣчи о благѣ родины, о служеніи ей, о справедливости, о защитѣ „истинныхъ, правильно-понятыхъ" интересовъ народа и т. п. Но между строкъ уже тогда можно было уловить тотъ особый ехидный тонъ, которымъ отличались почти всѣ болгарскія консервативныя газеты, и отцомъ котораго былъ талантливый и ловкій, но не особенно добросовѣстный журналистъ и политикъ, Начевичъ. Разбитые въ первой схваткѣ съ „демагогами" на „Великомъ народномъ собраніи" въ Тырновѣ, гдѣ громаднымъ большинствомъ былъ отвергнутъ правительственный проектъ конституціи, „выработанный въ раціонально-консервативномъ духѣ", но съумѣвшіе забрать въ руки неопытнаго князя Александра, они не отказались отъ дальнѣйшей борьбы, но лишь перенесли ее на почву придворныхъ и закулисныхъ интригъ. „Витоша" и была создана, чтобы подготовить—путемъ лжи и инсинуацій—страну и общественное мнѣніе Европы къ перевороту, въ которомъ они надѣялись потопить вмѣстѣ съ ненавистною „Тырновскою Конституціею" и всѣхъ болгарскихъ либераловъ.

Просуществовавъ около года, „Витоша" уступила свое мѣсто „Болгарскому Гласу", который и оставался главнымъ òрганомъ консерваторовъ до самаго соединенія. Бурмовъ и Балабановъ, какъ слишкомъ умѣренные — и потому подозрительные—были удалены изъ него, и на ихъ мѣсто вошли Грековъ, Стоиловъ, Кисимовъ и др., которые и вели газету подъ верховнымъ руководительствомъ „Вельзевула"—Начевича. Газета мало чѣмъ

отличалась отъ „Витоши“, если не считать того, что она вела свою линію еще откровеннѣе, еще менѣе церемонилась въ средствахъ дискредитировать въ глазахъ читателей ненавистныхъ либераловъ, еще охотнѣе и свободнѣе прибѣгала въ своей полемикѣ къ клеветѣ, лживымъ доносамъ и голословнымъ обвиненіямъ. Да и до церемоній ли ей было, когда ея вдохновители, какъ разъ въ это время, дѣлали послѣднія приготовленія для своего coup d'état, который скоро и совершили, пріостановивъ конституцію и вырвавъ у терроризованной страны согласіе на дарованіе князю „чрезвычайныхъ полномочій“. Безъ поддержки въ населеніи, сильные исключительно милостью ослѣпленнаго князя, они не могли надѣяться на оправданіе своего поведенія въ глазахъ читателей, иначе какъ изображая своихъ враговъ-либераловъ настоящими исчадіями ада, нигилистами и анархистами, успѣвшими за нѣсколько мѣсяцевъ владычества привести страну на край гибели. Это они и дѣлали всѣми доступными имъ средствами, и среди такихъ средствъ „Болгарскій Гласъ“ занималъ не послѣднее мѣсто, тѣмъ болѣе, что онъ защищалъ консерватизмъ не только у себя дома, но и вездѣ въ Европѣ [1]).

А между тѣмъ эти ужасные либералы, гонимые и преслѣдуемые, переживали тяжелый кризисъ. Виднѣйшіе изъ нихъ были или интернированы, или эмигрировали въ сосѣднюю Румелію. Въ ихъ организаціи показывались щели. Въ ихъ среду проникала деморализація. Среди нихъ начинались опасныя для единства партіи разногласія. Ея крайніе элементы, недовольные „умѣренностью“ партійной политики, занимали независимое положеніе и приступали къ изданію своихъ собственныхъ органовъ. Таковы, напр., „Поборникъ“ — З. Стоянова (1881 г.); „Свободенъ Печатъ“—Стамбулова (1881 г.); „Свирка“ — Петкова (1883), „Борба“ — З. Стоянова (1885), „Самозащита— З. Стоянова и Ризова и т. п. Всѣ эти газетки отличались необыкновенною хлёсткостью, но въ широкой публикѣ успѣха не имѣли и исчезали, не успѣвъ стать на ноги. Съ другой стороны, умѣренные элементы партій—Цанковъ и его друзья—все съ

---

[1]) Характерно его отношеніе къ Россіи. Онъ—большой руссофилъ, но на особый—Катковско-Аксаковскій—ладъ: Катковъ и Аксаковъ для него не только свѣточи, но внѣ ихъ онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ; въ нихъ для него какъ бы растворяется вся Россія. Любопытна въ этомъ отношеніи одна статья о партіяхъ въ Россіи. По словамъ автора, партій въ Росіи—двѣ. Одна — *русская*, предводительствуемая Катковымъ и Аксаковымъ. Къ ней примыкаютъ всѣ порядочные и сколько-нибудь образованные русскіе люди. Другая,—*не-русская*, называемая „либеральною“. Она состоитъ почти исключительно изъ поляковъ, нѣмцевъ и жидовъ.

бо̀льшимъ нетерпѣніемъ переносили непривычный имъ режимъ преслѣдованій, все болѣе возмущались принципіальнымъ ригоризмомъ Каравелова и все рѣшительнѣе склонялись къ компромиссу и примиренію съ консерваторами, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе, чувствовавшіе себя какъ въ пустынѣ, готовы были идти на уступки, и первые протягивали руку. Они предлагали забыть прошлое, обѣщали возстановить въ существенныхъ чертахъ конституцію и даже соглашались на образованіе смѣшаннаго консервативно-либеральнаго кабинета, съ Цанковымъ во главѣ. Каравеловъ—и подъ его вліяніемъ Славейковъ—и слышать не хотѣлъ о такомъ компромиссѣ. Цанковъ, утомленный изгнаніемъ и по темпераменту оппортунистъ-консерваторъ, въ концѣ концовъ согласился на него, съ торжествомъ возвратился изъ ссылки и вошелъ въ „министерство примиренья". Старые друзья разошлись врагами. Отъ народно-либеральной партіи отдѣлилась значительная группа умѣренныхъ либераловъ-цанковистовъ, почувствовавшихъ нужду въ своемъ собственномъ о̀рганѣ. Такую роль исполняла нѣкоторое время „Свѣтлина" (основанная еще въ 1882 г. архи-умѣреннымъ Балабановымъ), а потомъ оффиціальный органъ партіи, „Срѣдецъ" (старое названіе Софіи), уступившій въ 1885 г. свое мѣсто „Зорѣ". Всѣ эти цанковистскія газеты отличались тѣми же особенностями, что и сами цанковисты: держались примирительнаго тона относительно консерваторовъ и вели—въ интересахъ самозащиты—постоянную полемику съ радикалами, отъ которыхъ въ концѣ концовъ и отдѣлились рѣзко и навсегда.

Къ этому же, приблизительно, времени относится и начало выдѣленія изъ партіи Радославова, приступившаго, въ 1883 г., къ изданію своего собственнаго о̀ргана—„Сознаніе". Газетка не отличалась оригинальностью ни въ сферѣ принциповъ, ни въ области практической политической программы, и весь смыслъ ея существованія сводился къ тому, чтобы быть личнымъ о̀рганомъ ея изобрѣтательнаго иниціатора. Это былъ едва-ли не первый случай въ исторіи болгарской періодической печати, когда газета возникала не для того, чтобы служить о̀рганомъ существующей партіи или защищать извѣстныя идеи и извѣстную программу, а исключительно для того, чтобы сдѣлать своего собственника извѣстнымъ, и, создавъ ему читателей, положить основаніе созданію его собственной партіи. Впослѣдствіи этотъ способъ устроивать свою карьеру станетъ обычнымъ среди политиканствующихъ авантюристовъ, но честь его изобрѣтенія принадлежитъ Радославову.

Наконецъ, къ 1885 году относится и появленіе перваго болгарскаго соціаль-демократическаго органа. Это былъ „Современный Показалецъ“, издававшійся въ Пловдивѣ Благоевымъ и замѣненный впослѣдствіи его же „Соціаль-Демократомъ“.

Несмотря, однако, на возникновеніе всѣхъ этихъ разноголосыхъ теченій въ ея средѣ, либеральная партія вплоть до соединенія и войны сохранила извѣстное единство и—не произойди впослѣдствіи coup d'état 9-го августа 1885 г. — она пожалуй съумѣла бы въ концѣ концовъ стать для Болгаріи палладіумомъ нормальной конституціонной жизни. За исключеніемъ цанковистовъ, всѣ эти „free lances“ радикализма оставались еще въ лонѣ общей партіи, и тѣмъ охотнѣе признавали оффиціальное руководительство Каравелова, что онъ былъ уже не изгнанникомъ, а министромъ-президентомъ раскаявшагося и возвратившагося на истинный путь князя Александра. Это, конечно, не мѣшало тому, что рядомъ съ „Тырновскою Конституціею“—такъ назывался теперь оффиціальный органъ Каравелова (1884—88)—выходилъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе независимыхъ газетъ, позволявшихъ себѣ часто болѣе или менѣе рѣзкую критику министерства. Въ общемъ, почти всѣ они—начиная съ личныхъ органовъ Стамбуловыхъ и Радославовыхъ и кончая десятками мелкихъ листковъ, начавшихъ къ этому времени возникать въ провинціальныхъ городахъ Болгаріи [1])—держались либеральныхъ принциповъ, и разноголосица между ними въ частностяхъ, въ оцѣнкѣ личностей и т. п., указывала скорѣе на жизненность либеральной партіи и ея печати, чѣмъ на ея деморализацію и упадокъ.

Среди консерваторовъ не замѣчалось ни такой разноголосицы, ни такой борьбы личныхъ аппетитовъ, ни—всего менѣе—такого разнообразія въ партійной прессѣ. Среди нихъ царило видимое спокойствіе, но это было спокойствіе не силы, а безсилія и смерти. Въ ихъ партіи не было разногласій, но только потому, что и самой партіи-то у нихъ не было. Болгарскіе консерваторы были—да и до сихъ поръ остаются — кликою крупныхъ

[1]) Назовемъ нѣкоторые изъ этихъ листковъ, любопытныхъ, главнымъ образомъ, постольку, поскольку ихъ возникновеніе указывало на фактъ быстраго роста мѣстной періодической печати и на усиленіе интереса, съ которымъ населеніе относилось къ политической жизни страны. Въ 1884—85 годахъ выходили въ Свищовѣ—„Избиратель“ и его продолженіе—„Свищовъ“; въ Габровѣ—„Габровскій Листъ“; въ Видинѣ—„Возражданіе и Венецъ“; въ Силистріи—„Время“ (вышло 19 нумер.); въ Рущукѣ — „Руссенскій Курьеръ“ (выход. болѣе года), „Руссе“ (около полугода); „Рашето“ (юмористическ.—около года) и „Комаръ“ (юморист.); въ Ст.-Загора—„Знамя“, въ Бургасѣ—„Бургасскій Вѣстникъ“ и т. д.

политикановъ, штабомъ, у котораго не было и не могло быть своей постоянной арміи. Когда они бывали у власти, вокругъ нихъ увивались льстецы и прихлебатели, имъ хвалу пѣли субсидируемые оффиціозы, у нихъ создавалась заинтересованная кліентела, которую неопытный наблюдатель могъ подчасъ принять за партію. Но стоило имъ пасть, и возлѣ нихъ оставались лишь тѣ окончательно скомпрометтированныя личности, которымъ не было мѣста ни въ какомъ другомъ лагерѣ. Не имѣя партіи, не имѣли они, въ сущности, и своей прессы,—если не считать оффиціозовъ, изчезавшихъ въ тяжелыя времена оппозиціи,—и принуждены были обыкновенно довольствоваться одною, двумя чахлыми газетками, игравшими роль партійныхъ органовъ. Такъ и теперь: разбитые вторично въ 1884 г., когда была возстановлена конституція и ко власти призванъ Каравеловъ, они отошли въ сторонку и, довольствуясь своимъ старымъ „Болгарскимъ Гласомъ“, которому скромно вторило умѣренно-консервативное „Отечество“, начали терпѣливо ждать, чтобы зарвавшіеся радикалы доставили имъ случай вновь выступить на сцену.

VI.

Мы подошли къ тому моменту въ исторіи молодого княжества, съ которымъ оно круто сошло съ своего нормальнаго пути, и пагубные слѣды котораго еще не скоро изгладятся. Начавшись революціоннымъ—хотя и безкровнымъ—присоединеніемъ къ княжеству Восточной-Румеліи и пройдя черезъ братоубійственную—хотя и побѣдоносную—войну съ Сербіею, этотъ „судьбоносный“ періодъ достойно завершился военнымъ „пронунціаменто“, низложеніемъ князя Александра и, въ концѣ концовъ, диктатурою Стамбулова. Эта фатальная цѣпь событій имѣла неисчислимыя послѣдствія и самое пагубное вліяніе на всѣ стороны соціально-политической жизни еще несложившейся страны и на ея дальнѣйшія судьбы. Разорвавъ естественную связь, соединявшую Болгарію съ ея естественной покровительницей, Россіею, и бросивъ ее въ своекорыстныя объятія Австро-Венгріи, она сдѣлала ее на долгіе годы неустойчивою игрушкой международной дипломатіи и—что̀ было еще хуже—внутри самой страны, разбила ея населеніе на два враждебныя теченія, до того времени не существовавшія, но отнынѣ сказывавшіяся въ каждомъ актѣ ея политическаго и государственнаго существованія. Въ народѣ, естественно и исторически „руссофильскомъ“, она породила струю яростнаго

„руссофобства“ и, окруживъ ее ореоломъ истиннаго патріотизма, обративъ ее какъ бы въ палладіумъ національной независимости, она на долгіе годы сдѣлала ее—количественно слабую и принципіально-незащитимую—господствующею во внутренней и внѣшней политикѣ Болгаріи. Мало того: введя въ молодое войско политиканскія тенденціи, привычки бунтовъ и пронунціаменто—то удававшихся, то затоплявшихся въ крови, она убила едва зарождавшееся чувство законности и на его мѣсто поставила принципъ голой силы, къ которому сводилось и изъ котораго возникало всякое право. Наконецъ, отдавъ страну въ руки Стамбулова, она повела къ восьмилѣтнему режиму диктатуры, которая извратила политическіе принципы, внесла въ страну развратъ и деморализацію и создала въ ней,—какъ въ ея правителяхъ, такъ и въ народной массѣ—нравы, привычки и вкусы, приличествующіе восточной деспотіи, но никоимъ образомъ не европейской конституціонной державѣ, нравы, отъ которыхъ она страдаетъ до сихъ поръ и будетъ страдать еще много лѣтъ впереди.

Самымъ пагубнымъ въ этой цѣпи событій было, конечно, низложеніе князя Александра. Соединеніе—хотя оно и совершилось насильственнымъ путемъ—не успѣло еще повести къ открытому разрыву съ Россіею. Не особенно опаснымъ было, пожалуй, и то, что по его слѣдамъ въ объединенную Болгарію должна была перейти—въ придачу къ раньше существовавшей партійной борьбѣ—и мѣстная распря чисто румелійскихъ партій, „соединистовъ“ и „казенныхъ“. Вся эта партизанская вражда временно потонула въ вызванномъ войною патріотическомъ духовномъ подъемѣ и, пожалуй, совсѣмъ заглохла бы въ немъ, если бы не переворотъ 9-го августа. Въ этотъ несчастный день вырвались на свободу всѣ бѣды, которымъ суждено было обрушиться на Болгарію. Направленное противъ князя, популярность котораго, какъ сливницкаго героя, возстановителя конституціи и друга радикаловъ, не имѣла границъ, это покушеніе удалось лишь благодаря внезапности и не могло разсчитывать на окончательный успѣхъ. Какъ только люди опомнились, произошла неизбѣжная реакція, и совершился—почти безъ борьбы и усилій—контръ-переворотъ, во главѣ котораго стоялъ Стамбуловъ. Правда, князь Александръ былъ вынужденъ почти тотчасъ же самъ отречься отъ престола, но зло, причиненное его низложеніемъ, было уже сдѣлано. Совершённое якобы подъ знаменемъ и по почину Россіи, оно завершило разрывъ, начало которому было положено соединеніемъ, и окончательно раздѣлило болгарскую интеллигенцію на два стана, причемъ патріоты и защит-

ники національной независимости—по странному и глубоко печальному недоразумѣнію—оказались въ то же время руссофобами, а руссофилы—бунтовщиками, ренегатами и измѣнниками. Только это qui pro quo позволило Стамбулову, оказавшемуся какъ бы воплощеніемъ патріотизма, совершить контръ-переворотъ, занять первенствующее положеніе въ регентствѣ и стать, въ концѣ концовъ, въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ полнымъ господиномъ положенія. Только великій девизъ—„Независимая Болгарія",—рыцаремъ котораго волею судебъ онъ выступилъ,—позволилъ ему укрѣпить свою власть, держать въ рукахъ полицію и войска, разстрѣливать лучшихъ болгарскихъ офицеровъ, во имя Россіи поднимавшихъ знамя возстанія то въ Силистріи, то въ Рущукѣ, то въ Бургасѣ, и держать въ тюрьмахъ или изгнаніи лучшихъ болгарскихъ людей. Жестокій, свободный, какъ истый „оріенталистъ", отъ какихъ бы то ни было „моральныхъ предразсудковъ", онъ поддерживалъ свой режимъ безпощаднаго террора, и, не справляясь ни съ конституціею, ни съ требованіями справедливости или простой жалости, онъ крушилъ своихъ враговъ, отождествляя ихъ съ „врагами и измѣнниками отечеству". Въ концѣ концовъ, онъ съумѣлъ продержаться восемь лѣтъ и сохранить „независимость Болгаріи",—но какою цѣною! Недовѣріе другъ къ другу, взаимная ненависть между партіями и частными лицами дошли до послѣдней степени. Нравы—и общественные, и, еще болѣе, политическіе—огрубѣли до ужаса. Гражданскія добродѣтели—чувство личнаго достоинства, вѣрность убѣжденіямъ, нелицепріятное исполненіе общественныхъ обязанностей—исчезли безъ слѣда и замѣнились лицемѣріемъ, лестью передъ сильными, продажностью и шпіонствомъ. Произволъ и злоупотребленія царили открыто. Конституція и законы существовали лишь на бумагѣ. И, конечно, въ полной гармоніи съ этою общественною деморализаціею шла деморализація и въ современной прессѣ, порядочности которой—и безъ того не особенно-то значительной —былъ нанесенъ страшный ударъ.

Отъ ея былой склонности къ морализаціи, учительству, къ этому времени не осталось ничего. Журналистъ-учитель въ новой соціально-политической обстановкѣ перемѣнился также радикально, какъ и ученикъ-читатель. То, въ чемъ онъ еще не такъ давно видѣлъ хотя отчасти общественное служеніе, несшее подчасъ съ собою—вмѣстѣ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія — немалыя матеріальныя лишенія, теперь обратилось для него въ обыкновеннѣйшую профессію, сулившую ловкимъ людямъ барыши и карьеру. Идеализму не было мѣста въ но-

вомъ строѣ жизни, и съ нимъ исчезъ послѣдній сдерживающій моментъ въ борьбѣ личныхъ партійныхъ интересовъ, подъ которыми скрывались почти сплошь чисто личные аппетиты. Эти— отнынѣ нераздѣлимые — лично-партійные интересы, въ концѣ концовъ, совершенно заполонили прессу, въ которой и красовались во всей своей неприглядной наготѣ. Ими почти сплошь опредѣлялись теперь характеръ, языкъ и содержаніе политическихъ газетъ, какую бы партію онѣ ни представляли. И такъ какъ изъ всѣхъ видовъ ненависти самая интенсивная — личнопартійная, то и газеты, ею главнымъ образомъ питаемыя, становились все безпощаднѣе и безцеремоннѣе въ своихъ полемическихъ пріемахъ. Каждый актъ, каждое слово, каждый жестъ противника въ оцѣнкѣ „настоящаго" партійнаго „разбойника печати" долженъ былъ казаться преступленіемъ, вопіющимъ о наказаніи. Для того, чтобы поразить его, подорвать его кредитъ, убить его въ общественномъ мнѣніи, все было позволительно— вплоть до вторженія въ его интимную личную жизнь, до самой чудовищной клеветы. Осмѣять его, унизить его, натравить на него людей, изругать его хлёсткимъ словцомъ, оклеветать его самымъ позорнымъ образомъ — было главною задачею журналиста этого времени (какъ остается въ значительной степени и теперь), и чѣмъ ловчѣе былъ онъ въ этомъ своеобразномъ спортѣ, тѣмъ выше была ему цѣна, тѣмъ вѣрнѣе и быстрѣе устроивалъ онъ свою карьеру. И соотвѣтственно—во всякой газетѣ этого времени отдѣлъ „антрефиле" пріобрѣталъ все бо́льшую важность, вторгался въ другіе отдѣлы и становился главнымъ нервомъ газеты, которая, въ общемъ, естественно становилась жиже и скуднѣе. Статьи принципіальнаго характера, справочный отдѣлъ, даже отдѣлъ телеграммъ — сводились почти на нѣтъ или пропитывались все тѣмъ же ядомъ ругательства, клеветы и шантажа. И такъ какъ для изданія *такой* газеты не требовалось ни знаній, ни даже ума, а нужны были лишь здоровая глотка да виртуозность по части брани, то иногда за него брались люди столь же безграмотные, сколь они были безстыдны [1]).

[1]) Если читатель знакомъ съ знаменитой сатирой безвременно погибшаго—онъ былъ убитъ—болгарскаго писателя, А. Константинова—„Бай-Ганю", то онъ не забылъ, конечно́, послѣдней главы, въ которой Бай-Ганю выступаетъ въ качествѣ журналиста. „Велика важность—убѣждаетъ онъ своихъ достойныхъ сотрудниковъ—издавать газету!.. Напялилъ на носъ очки—а то такъ и этого не надо—да и ругайся направо и налѣво... Для ругательствъ у насъ есть спеціалистъ (Бай-Ганю имѣетъ въ виду свою правую руку, „палочника" Данко). Ужъ если онъ тебя изругаетъ,—по гробъ жизни не забудешь. Чортъ знаетъ, во что обратитъ человѣка, за дѣло или безъ дѣла— все равно. Страшный негодяй!.." И потомъ, когда они приступаютъ къ составленію

И, Боже, до какого только безграничнаго, слѣпого партизанства не доходила, сплошь и рядомъ, въ рукахъ подобныхъ публицистовъ газетная полемика; какимъ только глубочайшимъ и откровеннымъ презрѣніемъ къ принципамъ общественной морали, къ требованіямъ элементарной порядочности, къ законамъ логики и разума, не отличались эти „органы общественнаго мнѣнія", обратившіеся въ настоящія сорныя ямы взаимнаго—партійнаго и личнаго—ненавистничества; какими только клеветами по адресу враговъ, тенденціозною ложью и уличною бранью противъ нихъ, ихъ родственниковъ и друзей, ихъ женъ и дѣтей, не наполнялись ихъ „антрефиле"!..

Особеннымъ мастерствомъ въ этомъ жанрѣ отличалась извѣстная „Свобода"—оффиціальный Стамбуловскій органъ, которому можно было, поэтому, никого не бояться и ничѣмъ не стѣсняться. И она, дѣйствительно, не стѣснялась, тѣмъ болѣе, что во главѣ ея сотрудниковъ стояли два такихъ замѣчательныхъ „стилиста", какъ З. Стояновъ и Д. Петковъ.

Послѣ избранія князя Фердинанда и снятія военнаго положенія, „Свобода" (№ 79 за 1887 г.) считаетъ нужнымъ напомнить болгарскому народу имена нѣкоторыхъ изъ его враговъ, которые, пожалуй, вздумаютъ снова выйти на общественную арену, и вотъ какими короткими, но энергическими характеристиками сопровождаетъ она ихъ: „Радко Димитровъ — русскій академикъ; подлая и низкая тварь, вообразившая, что, отдѣлавшись отъ князя Александра, можетъ стать болгарскимъ Наполеономъ.—Майоръ Груевъ, — бессарабецъ; русскій академикъ; добродушенъ—какъ овца; глупъ — какъ сто свиней. Майоръ Стояновъ—командиръ измѣнническаго струмскаго полка—злобное и мстительное животное, не могущее простить, что его не произвели въ подполковники. Кесяковъ—русскій воспитанникъ—болгаро-московo-византіецъ; развратникъ до мозга костей; воръ,

---

перваго нумера: „И писанье началось... „Мы слышали"—пишетъ Бай-Ганю,—и листъ бумаги заполняется постепенно такими ужасными слухами насчетъ врага Бай-Ганю, его сосѣда, какихъ онъ не то что никогда не слыхалъ, но и во снѣ не видалъ. Пишетъ Бай-Ганю, пишетъ и зачеркиваетъ; онъ все недоволенъ ядомъ своихъ стрѣлъ: *воръ* кажется ему слишкомъ нѣжнымъ эпитетомъ; онъ его зачеркиваетъ и пишетъ: *разбойникъ*, но и это—слишкомъ обыкновенное выраженіе, и Бай-Ганю прибавляетъ: *дневной*, и потомъ еще почему-то: *фатальный*. Сосѣдъ, его жена, дѣти, весь родъ его выходятъ изъ-подъ пера Бай-Ганю феноменальными извергами... А сотрудникъ Данко, съ блестящими отъ водки глазами, поощряетъ его громкими возгласами: „Жары! Такъ его, с. с.! Прибавь ему, такому-сякому! Жары!—гремитъ Данко, какъ бы командуя артиллерійскимъ сраженіемъ"... И въ этой сценкѣ нѣтъ ни іоты преувеличенія.

обкрадывавшій солдатъ на ихъ раціонахъ. Др. Цанковъ—наиподлый, наиотчаянный и т. д. врагъ болгарской свободы. Попеременно католикъ, православный, руссофилъ, либералъ, а въ сущности—шпіонъ и попрошайка. Бобчевъ—олицетвореніе подлости. Балабановъ — фанаріотское исчадіе; хитрый и лукавый византіецъ, лицемѣрный и коварный", и т. д., и т. д.

Нѣсколькими нумерами раньше (№ 72), изругавъ на протяженіи цѣлаго столбца митрополита Климента за рѣчь, произнесенную имъ по поводу прибытія новоизбраннаго князя, авторъ заканчиваетъ свою филиппику слѣдующими энергичными строками: „Не будь у насъ этого подлеца изъ подлецовъ, Каравелова, мы были бы избавлены отъ пятна 9-го августа; не будь безчестности и продажности этого черноризца Климента, съ Цанковымъ и его пріятелями,—и мы были бы избавлены и отъ реставраціи, и отъ Каульбарса, и отъ рущукскихъ и силистрійскихъ бунтовъ. Проклятье же на голову этихъ мерзавцевъ! Безпощадная месть этимъ подлымъ креатурамъ, которые своими подлостями стараются обратить въ рабовъ нашъ народъ!.."

А нѣсколькими нумерами позже (№ 80), отвѣчая на рѣзкую статью о положеніи вещей въ Болгаріи, напечатанную въ „Тырновской Конституціи", „Свобода" въ слѣдующихъ выраженіяхъ даетъ выходъ своему патріотическому негодованію: „Могъ ли кто-нибудь вообразить, чтобы человѣкъ, который въ теченіе одного и того же мѣсяца успѣлъ перебывать и нигилистомъ, и либераломъ, и радикаломъ, и позитивистомъ, и бентамистомъ, и консерваторомъ, и просто мошенникомъ; человѣкъ, который опозорилъ все, къ чему прикасался; который поддѣлывалъ и подло фальсифицировалъ документы; который, какъ пресмыкающаяся гадина, приползъ сюда изъ Пловдива, и, ехидно лижа руки князя Александра, увѣрялъ его въ своей вѣрности и преданности; который въ своей „Независимости" писалъ, что Аксаковъ—піявка, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ устроивалъ въ честь того же Аксакова митинги,—чтобы этотъ подлецъ изъ подлецовъ, имя которому Петко Каравеловъ, который, въ качествѣ министра-предсѣдателя, продалъ болгарскую корону тѣмъ самымъ фарисеямъ, которыхъ раньше самъ же ненавидѣлъ и преслѣдовалъ; человѣкъ, который послѣ всѣхъ своихъ преступленій и злодѣяній долженъ бы былъ бѣжать на край свѣта и укрыть тамъ свой позоръ,—могъ ли кто-нибудь вообразить, чтобы этотъ безчестный и безстыдный шарлатанъ имѣлъ достаточно мѣдный лобъ, чтобы снова выступить на сцену и заговорить о Болгаріи, о ея коронѣ и ея свободѣ!.."

Вообще, Каравеловъ—вмѣстѣ съ дѣятелями 9-го августа—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ остается истиннымъ bête noire „Свободы“, которая чуть не въ каждомъ нумерѣ осыпаетъ его проклятіями и самою грубою бранью. Вотъ, напр., еще одно изъ сотенъ направленныхъ противъ него „антрефиле“: „Вѣрно говорятъ люди, что болѣе злобнаго, подлаго, гибельнаго и ослѣпленнаго человѣка, чѣмъ Каравеловъ, нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ. Прочтите передовицу въ послѣднемъ нумерѣ его „Тырновской Конституціи“, и вы увидите, какимъ адскимъ злорадствомъ переполнена подлая душонка этого фатальнаго субъекта. Онъ ликуетъ и радуется, потому что принцъ Вольдемаръ далъ пощечину болгарскому народу, отказавшись отъ предложенной ему короны... Въ своей безсильной ярости, онъ опять замышляетъ и подготовляетъ новый бунтъ; онъ снова хочетъ захватить въ руки власть, выскользнувшую изъ его рукъ по винѣ его собственной неспособности и предательства... Неудачи довели его до отчаянія, до границъ, за которыми начинается безуміе. Вотъ, напр., сцена, подробности которой извѣстны намъ изъ разсказа его же близкаго пріятеля: на одномъ партійномъ собраніи онъ до того забылся, что вскочилъ со стула и съ налитыми кровью глазами началъ кричать хриплымъ голосомъ: „Предамъ отечество! Продамъ душу чорту, но отомщу!.. Они меня узнаютъ!.. Стамбулова повѣшу, а съ Муткурова и Николаева сорву погоны!.. Всѣхъ уничтожу и перевѣшаю!....“ и выкрикивая эти безсвязныя угрозы, онъ схватилъ, въ бѣшенствѣ, стоявшій на столѣ подносъ съ чайнымъ приборомъ и бросилъ его на полъ... Въ другой разъ, когда нѣкій Тома Георгіевъ пришелъ къ нему съ кускомъ палки, которую онъ обломалъ о голову Икономова (одинъ изъ полит. противниковъ Каравелова), Каравеловъ пришелъ въ такой восторгъ, что не могъ найти словъ для выраженія своего восхищенія передъ подвигомъ Георгіева: „Катя!—закричалъ онъ, наконецъ, обращаясь къ женѣ:—дай ему скорѣе рюмку водки!“ и прибавилъ: „Бей ихъ, Томъ! такъ ихъ, подлецовъ! Пусть знаютъ насъ, радикаловъ!“

А вотъ какъ говорятъ они обыкновенно объ эмигрантахъ-офицерахъ: „Преступники 9-го августа—эти павшіе нравственно люди, для которыхъ недоступно никакое благородное чувство, взываютъ къ другимъ офицерамъ, убѣждая и ихъ стать предателями... О, измѣнники, клятвопреступники, отцеубійцы, вы никогда не поймете чувствъ патріота, который борется за свободу и независимость своей родины! Да и гдѣ вамъ понять ихъ, когда ваши рабскія душонки, ваши идіотскія головы стали гнѣз-

дами подлости и безумія, измѣны и предательства... Совершивъ свое дѣло, вы при первой же неудачѣ постыдно бѣжали, оставивъ на произволъ судьбы завлеченныхъ вами товарищей,—бѣжали, потому что иначе возмущенный народъ разорвалъ бы васъ въ клочки; бѣжали, чтобы поскорѣе получить тридцать сребренниковъ, за которые продали свою родину... И вотъ теперь, чувствуя себя въ безопасности въ румынскихъ публичныхъ домахъ, эти трусливыя и подлыя душонки снова поднимаютъ головы!... Пожалуйте, народъ ждетъ васъ, и будьте увѣрены, что въ Болгаріи на всѣхъ васъ хватитъ деревьевъ-висѣлицъ" (№ 23).

Было бы ошибкою думать, что такъ третировались въ „Свободѣ" лишь тѣ политическіе дѣятели, которыхъ она въ своемъ патріотическомъ негодованіи считала не только врагами Стамбулова и его друзей, но и измѣнниками отечеству. Совсѣмъ нѣтъ! Такимъ же, приблизительно, языкомъ говорили публицисты „Свободы" и о такихъ людяхъ, которые вчера еще работали съ ними рука объ руку и пользовались репутаціею „патріотовъ" и „доблестныхъ гражданъ". Такъ, стоило Радославову разойтись съ Стамбуловымъ и выйти изъ его министерства, какъ „Свобода" стала сразу называть его „сойкою" и третировать какъ послѣдняго осла. „Что такое Радославовъ?"—спрашивали сотрудники „Свободы", и тутъ же отвѣчали: „Это—только глупая птица сойка; это—ничтожество, вытянутое за уши Стамбуловымъ, и больше ничего. Подъ руководствомъ Стамбулова, въ качествѣ его послушнаго орудія, онъ могъ еще такъ или сякъ исполнять свои обязанности. Но стоило ему на секунду освободиться отъ направлявшей его руки, и онъ сразу показалъ себя во всемъ блескѣ своей бездарности и по уши погрязъ въ болотѣ..." Еще безпощаднѣе отзывалась она въ концѣ Стамбуловской эпопеи (1894 г.) о Начевичѣ, который изъ бывшаго сотрудника Стамбулова обратился къ этому времени въ его заклятаго врага: „Извѣстное всѣмъ грязное животное, именуемое Начевичемъ, не имѣя работы, по цѣлымъ днямъ бродитъ среди нечистотъ и отбросовъ, сваливаемыхъ за городомъ. Вчера его видѣли за цыганскимъ кварталомъ, въ самомъ центрѣ нечистотъ. А мы-то наивно удивлялись, отчего это животное стало до такой степени гнусно-грязно, и почему оно только и пишетъ въ послѣднее время, что о нечистотахъ! Намъ не приходила на умъ естественная мысль, что настоящее мѣсто свиньѣ — среди нечистотъ. Въ качествѣ политиканствующей свиньи Начевичъ остается вполнѣ вѣренъ себѣ... Къ сожалѣнію, Болгарія открыта для такихъ животныхъ, и они могутъ гадить, гдѣ и сколько имъ угодно..." (№ 1365).

А вотъ вамъ маленькій образчикъ изумительной безцеремонности, съ которою публицисты „Свободы" влѣзали въ частную интимную жизнь своихъ противниковъ, когда считали это нужнымъ въ цѣляхъ самозащиты или просто хотѣли потѣшиться: „Вчера ночью—сообщаетъ газета—изъ дома бывшаго военнаго министра раздавались женскіе вопли и крики. По нашимъ свѣдѣніямъ, оказалось, что „честная" г-жа Саввова имѣла у себя „гостей", которые разодрались между собою и устроили такой скандалъ, что на сцену принуждена была явиться полиція"... А на слѣдующій день въ газетѣ появилось слѣдующее антрефиле: „Г-жа Саввова прислала намъ опроверженіе, изъ котораго явствуетъ, что „женскіе крики и вопли" въ ея домѣ дѣйствительно были, но что причиною ихъ были не „гости", которыхъ у нея совсѣмъ не было, а побои, которые наносилъ ей братъ ея мужа... Такъ или иначе,—не наше дѣло (!). Фактъ криковъ подтверждается, а чѣмъ они были вызваны—не все ли равно" (!!).

Усвоивъ такой „безстыдный" тонъ въ своихъ „антрефиле" и въ чисто полемическихъ статьяхъ съ своими личными или партійными врагами, сотрудники „Свободы" постепенно перенесли его и во всѣ другіе отдѣлы газеты. Обсуждали ли они вопросы права и конституцій, говорили ли о международной политикѣ—особенно о Россіи и русскомъ правительствѣ — они оставались вѣрными литературной методѣ, въ которой вмѣсто аргумента пускалось въ ходъ ругательство, вмѣсто убѣдительности—хлёсткость. Такимъ же упрощеннымъ способомъ защищались они отъ нападеній, направлявшихся со стороны оппозиціи противъ Стамбулова и, особенно, князя. Конечно, когда вскорѣ произошло паденіе Стамбулова, этотъ самый князь былъ сразу сброшенъ съ своего высокаго пьедестала, и противъ него была поведена долгая, безпощадная и дерзки-неприличная война; но пока онъ оставался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего министра, онъ былъ для „Свободы" священнымъ. Всякая критика по его адресу оскорбляла ея лойяльные чувства и вызывала гнѣвную отповѣдь. Вотъ характерная въ этомъ отношеніи статейка, озаглавленная: „И гнусно, и возмутительно!"—напечатанная чуть не наканунѣ паденія Стамбулова: „Князь не совершилъ ничего великаго, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ, да и не совершитъ... Это—его дѣло; мы же будемъ надѣяться на народъ!.." Угадайте, читатель, гдѣ могли быть напечатаны такія оскорбительныя для священной особы государя строки!?.. Эти строки написаны болгариномъ, В. Юрдановымъ, и напечатаны въ Рущукѣ, въ газетѣ „Защита", въ типографіи „Искра"!.. Но не трепещите, не плюйте въ физіономія

этихъ негодяевъ!.. Это—слѣдствіе „Свободы“,—виноватъ: стѣсненія свободы въ Болгаріи...

„И такія-то мерзости пишутъ они теперь, когда жалуются на стѣсненія печати! Что же они писали бы, еслибы у насъ не было законовъ о печати!

„Мерзавцы! Гнусные предатели!

„Князь не совершилъ ничего великаго! Ахъ ты продажная душонка! Ахъ негодяй!..“

Мы остановились такъ долго на „Свободѣ“ только потому, что въ ней ярче и полнѣе проявлялись всѣ особенности, отличавшія собою новый типъ болгарской политической газеты. Исключеніемъ она не была, если не считать того, что она всегда (она просуществовала еще нѣсколько лѣтъ послѣ паденія Стамбулова, въ качествѣ оппозиціонной газеты) велась чрезвычайно умѣло, отличалась сравнительною полнотою и освѣдомленностью. Что же касается ея литературныхъ и полемическихъ пріемовъ, они были быстро усвоены почти всѣми другими политическими газетами, и усвоены настолько основательно, что вы и теперь еще сплошь и рядомъ наткнетесь въ нихъ на такія вещи, которымъ, пожалуй, позавидовалъ бы самъ З. Стояновъ. Какъ, напр., понравится вамъ слѣдующій отвѣтъ „Народныхъ Правъ“ (отъ 14-го іюля 1899 г.) на письмо Ризова, тоже, впрочемъ, не грѣшившее мягкостью выраженій по адресу князя и правительства Грекова-Радославова.

„...Прежде всего скажемъ, что какъ ни мерзко и отвратительно письмо Ризова, оно вполнѣ соотвѣтствуетъ человѣку, все прошлое и вся дѣятельность котораго представляютъ собою цѣпь безобразій, подлостей, шпіонства и гнусныхъ компромиссовъ. Каковъ человѣкъ, таковы и дѣла его. Выросшій въ грязи и мерзости, Ризовъ не могъ получить настолько приличнаго воспитанія, чтобы выйти на общественное поприще съ подготовкою, которая позволила бы ему занять мѣсто среди честныхъ и порядочныхъ людей. Разбойникъ въ полномъ смыслѣ слова, онъ остается такимъ и на своемъ послѣднемъ посту („торговскій агентъ“ въ Скопіе). Было бы слишкомъ незаслуженной честью, еслибы мы занимались далѣе его позорнымъ прошлымъ. Нашимъ читателямъ будетъ достаточно, если мы скажемъ, что Ризовъ никогда не былъ *честнымъ дѣятелемъ,* но всегда низкимъ шантажистомъ и шарлатаномъ. Въ Македоніи онъ торговалъ зависѣвшими отъ него назначеніями и мѣстами. Въ Болгаріи—торговалъ своимъ перомъ. Въ Россіи—въ качествѣ эмигранта—торговалъ своими убѣжденіями. Съ самаго начала своей обществен-

ной карьеры онъ взялъ своимъ лозунгомъ извѣстное македонское изреченіе: „дашь денегъ—стану болгариномъ". За деньги онъ становился то сербомъ, то болгариномъ, то русскимъ. За деньги обратился онъ изъ заговорщика противъ жизни князя въ его вѣрноподданнаго, украшеннаго его орденомъ, и теперь, когда его прогнали со службы, онъ снова — опять-таки за деньги — возвращается на свою старую позицію... Мы уже не говоримъ о шпіонствѣ Ризова, потому что щадимъ честь болгарскаго имени... Исторія украденной у Наумова корреспонденціи въ свое время станетъ извѣстною публикѣ, и она съ омерзѣніемъ заплюетъ физіономію нашего героя, осмѣливающагося позировать передъ нею мученикомъ за идею..."

Не напоминаетъ ли эта оригинальная отповѣдь по адресу извѣстнаго публициста, депутата и вчера еще дипломатическаго агента въ Македоніи—тѣхъ эпическихъ посланій, которыми обмѣниваются иногда въ разсказахъ Бретъ-Гарта или Марка Твена вооруженные до зубовъ редакторы мелкихъ газетокъ дальняго Запада? А вотъ еще полемическій chef d'oeuvre совсѣмъ иного рода, случайно попавшійся намъ на глаза въ шантажной и порнографической газеткѣ „Новъ Отзывъ" (тоже за 1899 г.):

„Намъ сообщаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ эта муха (имѣется въ виду слухъ, напечатанный въ газетѣ Каравелова о томъ, что нѣсколько стамбулистовъ подготовляютъ, будто бы, покушеніе на его жизнь) влѣзла въ голову Каравелова, онъ такъ перепугался, что чуть не всякій часъ мѣняетъ свои штаны. До чего пугливъ этотъ человѣкъ, видно изъ того, что когда разъ — въ бытность его министромъ—въ Казанлыкѣ народъ обратился противъ него, онъ въ одинъ часъ перемѣнилъ три пары штановъ, а въ Базарджикѣ, изгнанный съ митинга и преслѣдуемый возмущенною толпою, онъ на пути растерялъ всѣ патроны, которыми грозился перестрѣлять оппозицію... А во время сраженія при Сливницѣ онъ такъ растерялся, что рвалъ на себѣ волосы и все кричалъ: „Пришелъ ли тырновскій полкъ?"—такъ что его жена принуждена была побѣжать за другими министрами, чтобы они оберегали обезумѣвшаго Петко... Пусть П. Каравеловъ не боится и перестанетъ пачкать свои штаны, потому что всякому порядочному человѣку его гнусная морда, его измѣнническая жизнь и его разбойническое управленіе равно омерзительны. Никто не интересуется твоею гнусною фигурою, и ты навсегда тѣмъ, что̀ представляешь собою теперь: отверженцемъ общества, окруженнымъ дюжиною поклонниковъ съ куриными мозгами. Знай это!"

VII.

Однако, довольно. Подобныхъ цитатъ—ничуть не менѣе энергичныхъ и краснорѣчивыхъ — можно было бы набрать цѣлые томы, но и вышеприведенныхъ достаточно, чтобы каждый могъ составить ясное понятіе о тонѣ и литературномъ характерѣ, усвоенныхъ болгарскою политическою прессою съ конца 80-хъ годовъ и въ значительной мѣрѣ сохраненныхъ ею до нашихъ дней. „Антрефиле" и полемика вообще, въ которыхъ этотъ тонъ могъ проявляться съ особеннымъ блескомъ, и значеніе которыхъ росло по мѣрѣ роста чисто партизанскаго элемента въ политической жизни, естественно занимали все болѣе важное мѣсто въ газетѣ,—конечно, въ ущербъ другимъ отдѣламъ, въ томъ числѣ даже и справочному. Газеты сосредоточивали все свое вниманіе на внутренней политикѣ, которая занимала ихъ не какъ объектъ изученія, а какъ матеріалъ для партійной политики и личныхъ счетовъ, и которая, поэтому, разрисовывалась сплошь въ какую-нибудь одну краску. Читая оппозиціонную газету, читатель выноситъ впечатлѣніе, что все правительство его страны—начиная отъ городовыхъ и кончая министрами и, пожалуй, даже выше—проходимцы и злодѣи, которые только тѣмъ и занимаются, что нарушаютъ законы, воруютъ и, главное, уничтожаютъ оппозицію, представители которой денно и нощно избиваются и даже убиваются правительственными шайками. Читателю правительственнаго органа, напр., во всякой строчкѣ долбилось въ голову, что всѣ безъ исключенія агенты правительства—ангелы по добротѣ, Солоны—по мудрости и Цинцинматы—по лойяльности; что въ странѣ царятъ „законность и свобода", и что единственной причиной всѣхъ безпорядковъ, всѣхъ бѣдствій—вплоть до наводненій и градобитій—является развращенная до мозга костей, алчущая власти и денегъ оппозиція. Специализируясь въ этомъ направленіи, болгарскія газеты все меньше занимались разработкою общихъ теоретическихъ вопросовъ, заграничною соціально-политическою жизнью, экономическими отношеніями, наукою, литературою своей собственной страны,—становились все болѣе легковѣсными, ничтожными по содержанію, мелкими по формату.

Помимо причинъ, лежавшихъ въ ненормальномъ развитіи партизанства и политиканства и въ низкомъ уровнѣ общественной морали, этотъ упадокъ болгарской политической прессы обусловливался еще и чисто матеріальными обстоятельствами. Дѣло въ

томъ, что въ болгарской періодической печати и теперь еще господствуетъ та своеобразная абсолютная система, при которой подписчикъ—или, вѣрнѣе сказать, читатель—не обязывается заплатить за газету раньше, чѣмъ получать ее. Издававшіеся въ видахъ идейной или политической пропаганды и опиравшіеся обыкновенно на денежную поддержку разныхъ патріотовъ и „родолюбцевъ“, болгарскіе журналы перваго времени гонялись не за деньгами читателя, а за нимъ самимъ, и разсылались по случайнымъ адресамъ, на вѣру, безъ всякихъ предварительныхъ условій, часто—безъ всякой надежды на уплату. Само собою разумѣется, что многіе изъ такихъ „невольныхъ“ подписчиковъ не платили ни гроша, хотя и получали газету регулярно; другіе платили послѣ многократныхъ напоминаній, по частямъ, и лишь немногіе расплачивались аккуратно и своевременно. Система, между тѣмъ, вошла въ нравы, укрѣпилась, и замѣнить ее тою, которая принята вездѣ, оказалось невозможно даже и тогда, когда въ Болгаріи появился значительный контингентъ людей, у которыхъ чтеніе газетъ вошло въ необходимую привычку. Никакія угрозы несчастныхъ газетъ не высылать своего изданія никому безъ предварительной уплаты абонемента—ни къ чему не ведутъ. Не видя результатовъ, не получая заказовъ, онѣ сдаются на капитуляцію и невольно возвращаются къ старой системѣ выколачиванія подписной цѣны изъ читателя при помощи разсылаемыхъ по странѣ „агентовъ“.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ громадное большинство болгарскихъ газетъ—за исключеніемъ субсидируемыхъ правительствомъ или принадлежащихъ серьезной партіи—прямо нищенствуютъ. Если онѣ могутъ кое-какъ оплачивать типографскіе расходы, расходы на бумагу, фактора, отвѣтственнаго редактора и т. п., это уже много. Оплачивать сотрудниковъ—нечего и думать. Приходится довольствоваться добровольцами, а извѣстно, что даровому коню въ зубы не смотрятъ. Отсюда неизбѣжный низкій литературный уровень такихъ газетъ, и, въ связи съ этимъ, тѣмъ мéньшая склонность среди читателей покупать ихъ. Отсюда также и полная невозможность для такихъ газетокъ сохранять свою независимость и какую-нибудь порядочность. Онѣ необходимо должны или продаться правительству, или служить какому-нибудь состоятельному честолюбцу, или выѣзжать на шантажахъ и порнографіи. Но, съ другой стороны, изданіе газеты такого рода стòитъ очень недорого, и такъ какъ вести ихъ могутъ первые попавшіеся Бай-Ганю, то и выходитъ ихъ въ Болгаріи—странѣ съ $3^1/_2$ милл. населенія, изъ которыхъ

громадное большинство безграмотные или малограмотные крестьяне—цѣлая куча, одна ничтожнѣе и эфемернѣе другой. Не говоря уже о томъ, что всякая партія и партійка имѣетъ по нѣскольку своихъ болѣе или менѣе оффиціальныхъ органовъ, не говоря о десяткахъ полу-политическихъ, полу-мѣстныхъ мелкихъ газетокъ, издаваемыхъ въ провинціальныхъ городахъ, всякій предпріимчивый дѣлецъ, или честолюбивый политиканъ—если только у него есть одна, другая тысяча франковъ въ карманѣ—спѣшитъ выступить передъ публикою съ своею собственною газетою. И при достаточной наглости и неразборчивости такой господинъ часто можетъ разсчитывать на успѣхъ, т.-е. на укрѣпленіе своего изданія (очень рѣдко!) или (гораздо чаще!) на пріобрѣтеніе извѣстности и устройство своей карьеры на политическомъ поприщѣ. Дѣлается это просто. Газета, которой дается обыкновенно пышное имя, разсылается по всевозможнымъ адресамъ, и всѣ, кто ея не возвращаетъ, записываются въ книгу абонентовъ, съ которыхъ назойливые агенты редакціи въ свое время постараются взять все, что̀ смогутъ. Остается самое трудное: чѣмъ-нибудь нашумѣть, стать извѣстной въ широкой публикѣ. Однѣ выбираютъ своею спеціальностью шантажъ, который въ послѣднее время—благодаря наличности въ странѣ довольно значительнаго уже контингента состоятельныхъ людей и развитію промышленной жизни—начипаетъ, какъ выражаются французы, „платить". Другія пробуютъ выѣзжать на антисемитизмѣ или македонскомъ патріотизмѣ. Третьи—и такихъ большинство—выбираютъ ареною своей дѣятельности благодарную область „внутренней политики" и или объявляютъ себя независимыми—что̀ означаетъ на мѣстномъ языкѣ: „готовыми продаться той партіи, какая дороже дастъ"; или сразу успѣваютъ получить субсидію отъ правительства и обращаютъ свои стрѣлы противъ оппозиціи; или, наконецъ, занимаютъ строго оппозиціонную позицію,—что̀ не обѣщаетъ барышей, но зато вѣрнѣе всего дѣлаетъ карьеру собственнику газеты. Конечно, три-четверти такихъ газетокъ лопаются послѣ нѣсколькихъ нумеровъ (еще одна причина неохоты, съ которою читатели платятъ впередъ за абонементъ), но ихъ владѣльцы нерѣдко достигаютъ своихъ цѣлей, и изъ обанкрутившихся журналистовъ сразу выходятъ на сцену въ качествѣ извѣстныхъ уже и видныхъ политическихъ дѣятелей. Сколько такихъ „молодцовъ"—вчера еще никому неизвѣстныхъ и часто ни къ чему негодныхъ—становились такимъ способомъ вождями партій, депутатами или крупными чиновниками!...

Но—скажетъ читатель—изданіе *такихъ* газетъ должно встрѣ-

чать большія препятствія въ существующихъ законахъ, и потому сопровождаться немалымъ рискомъ? Рискъ, несомнѣнно, есть, какъ есть онъ и при участіи во внутренней политической борьбѣ, но зависитъ онъ всегда не столько отъ суровости законовъ, сколько отъ административнаго произвола, къ которому постоянно прибѣгалъ Стамбуловъ—да прибѣгаютъ нерѣдко и его замѣстители—для укрощенія своихъ противниковъ. Что же касается собственно закона, то болгарскіе публицисты боятся его очень мало, благодаря существованію въ странѣ оригинальнаго института „отговорниковъ", какъ называются здѣсь подставные редакторы, существующіе исключительно для отсиживанья въ тюрьмѣ сроковъ наказанія, налагаемыхъ судомъ на газету. Такъ какъ болгарскій законъ о печати до послѣдняго времени не требовалъ отъ такихъ „отговорниковъ" никакого—ни образовательнаго, ни имущественнаго—ценза, то, при первыхъ же случаяхъ судебныхъ преслѣдованій, среди болгарскихъ періодическихъ изданій возникъ и скоро утвердился обычай руководствоваться при выборѣ своихъ оффиціальныхъ редакторовъ не литературными ихъ талантами, а умѣренностью вознагражденія, за которое они брались быть ежеминутно готовыми отправиться въ кутузку. Такимъ образомъ, въ редакторы газетъ и журналовъ стали сплошь и рядомъ попадать потерявшіе мѣсто разсыльные, извозчики, носильщики-цыгане и иные субъекты, никакого отношенія къ литературѣ не имѣвшіе, но зато отличавшіеся скромнымъ уровнемъ своихъ потребностей и, значитъ, дешевизною ихъ содержанія въ тюрьмѣ, въ случаѣ осужденія, и легкостью замѣнить ихъ во всякую минуту другими. Понятно, насколько облегчалось газетное дѣло такимъ удобнымъ и—для газетъ—дешевымъ институтомъ, которымъ болгарскіе патріоты начали, въ концѣ концовъ, гордиться, какъ драгоцѣнною національною особенностью. Понятны и тѣ вопли, которые подняла мѣстная пресса, когда въ послѣднее время былъ поднятъ вопросъ объ установленіи для „отговорниковъ" среднеобразовательнаго ценза, хотя такой цензъ и не грозилъ сдѣлать запасъ наемныхъ „отговорниковъ" сколько-нибудь скуднымъ (многіе неимущіе студенты здѣшней „Высшей Школы" исполняютъ обязанности „отговорниковъ" при мѣстныхъ газетахъ, и 50—100 фр., которые они получаютъ за это въ мѣсяцъ, позволяютъ имъ заканчивать свое образованіе...). Если же мы примемъ во вниманіе продолжительность судебной волокиты—съ ея аппеляціями и кассаціями,—сравнительную снисходительность судей, смотрящихъ легко на партійную „полемику", на диффамаціи и клеветы противъ частныхъ лицъ и строго караю-

щихъ лишь оскорбленія противъ особы князя и, пожалуй, противъ министровъ; и, наконецъ, вполнѣ резонную увѣренность въ томъ, что никакое министерство не вѣчно, и что при его перемѣнѣ первымъ дѣломъ будутъ амнистированы бывшія оппозиціонныя газеты, мы легко поймемъ, почему болгарскія газеты такъ мало боятся своихъ законовъ и такъ спокойно относятся къ перспективѣ судебнаго преслѣдованія. И дѣйствительно, въ хроникѣ болгарской прессы есть такіе случаи систематическаго нарушенія законовъ со стороны газетъ, какіе безъ предшествующаго объясненія могли бы показаться читателю совершенно непонятными. Такъ, одна изъ оппозиціонныхъ газетъ въ началѣ диктатуры Стамбулова („Народни Права") была привлекаема къ суду въ теченіе года не менѣе сорока разъ! И несмотря на то, что газета почти постоянно выходила изъ всѣхъ судебныхъ инстанцій осужденною, она—не обладавшая ни капиталами, ни вліятельною поддержкою, ни особымъ сочувствіемъ читателей и подписчиковъ—могла продолжать выходить и въ слѣдующемъ году!..

VIII.

Таковы были общественно-политическія, моральныя и матеріальныя условія, въ которыхъ пришлось развиваться болгарской политической прессѣ со времени смутъ 1886 года и установленія въ странѣ диктатуры Стамбулова. Удивительно ли, что средній уровень ея сразу упалъ и продолжалъ падать до самаго конца этого мрачнаго періода болгарской исторіи. Правительственные и такъ-называемые независимые органы представляли собой плохія копіи съ „Свободы", а оппозиціонныя газеты влачили жалкое существованіе, исчезали, не успѣвъ появиться, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе мельчали даже въ предѣлахъ своей партизанской оппозиціи. Единственными исключеніями были тѣ немногіе органы, которые имѣли смѣлость открыто бороться съ беззаконіями „стамбуловщины" и вели эту борьбу, не останавливаясь передъ жертвами, до послѣдняго, такъ сказать, издыханія. Таковъ былъ, напр., „Прогрессъ", издававшійся группою молодыхъ болгарскихъ демократовъ, въ которомъ защита высокихъ принциповъ справедливости, права и народнаго суверенитета занимала не меньше мѣста, чѣмъ партизанская полемика. Таково—хотя и въ другомъ родѣ—было „Свободно Слово", основанное въ послѣдній годъ Стамбуловскаго режима его бывшими сотрудниками, Начевичемъ, Стоиловымъ и Радославовымъ, обла-

давшее значительными денежными средствами, пользовавшееся тайными симпатіями и поддержкою князя, по всѣмъ этимъ причинамъ выгодно отличавшееся отъ своихъ мелкихъ, жалкихъ, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожныхъ собратьевъ.

Къ сожалѣнію, не многимъ улучшилось дѣло и послѣ паденія Стамбулова. Съ тѣхъ поръ прошло всего пять лѣтъ, и само собою разумѣется, что за такой короткій промежутокъ времени во внутреннемъ строѣ жизни, въ нравахъ населенія, въ учрежденіяхъ страны, не могло произойти сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ. Не отразилась „эра законности и свободы" особенно замѣтно и на характерѣ мѣстной политической прессы. Конечно, сильно увеличилось число оппозиціонныхъ и „независимыхъ" газетъ, но въ качественномъ отношеніи почти все остается пока въ прежнемъ видѣ. Органы главныхъ изъ мѣстныхъ партій—также какъ оффиціозы—еще куда ни шло. Они пользуются поддержкою партіи; имѣютъ извѣстный кругъ обязательныхъ, такъ сказать, подписчиковъ,—не считая розничной продажи, которая въ послѣдніе годы начинаетъ входить въ моду въ Софіи и Пловдивѣ; имѣютъ въ числѣ сотрудниковъ—хотя почти всегда неплатныхъ—лучшія литературныя силы партіи. Благодаря этому, они хотя отчасти окупаются и могутъ давать читателю болѣе или менѣе интересный—разумѣется, до послѣдней степени односторонне окрашенный—матеріалъ хотя бы изъ области внутренней политики. Самою талантливою и освѣдомленною—но въ то же время и самою безстыдною—изъ такихъ газетъ была „Свобода", переименованная теперь въ „Новъ Вѣкъ". Самымъ приличнымъ, серьезнымъ и, пожалуй, честнымъ —но въ то же время нѣсколько академичнымъ и потому скучнымъ—было „Знамя" Каравелова, тоже переименованное теперь въ „Прѣпорецъ". Другія газеты того же ранга—„Болгарія" (цанковисты), „Миръ" (народная партія), „Народни Права" (радослависты)—несмотря на свой титулъ „оффиціозовъ", остаются худосочными до жалости и не отличаются ничѣмъ, кромѣ какой-то клокочущей, но безсильной злости по адресу своихъ враговъ и соперниковъ. О другихъ же болгарскихъ газеткахъ—ихъ выходитъ теперь около сорока, не считая въ этомъ числѣ оффиціальныхъ листковъ городскихъ управленій и иныхъ правительственныхъ учрежденій—и говорить нечего. За однимъ-двумя исключеніями, всѣ эти „Отзывы", „Народныя Защиты", „Надежды", „Реформы" и десятки другихъ—имена ихъ Ты же, Господи, вѣси,—выходящихъ, такъ сказать, на свой страхъ и рискъ, служащихъ интересамъ отдѣльныхъ карьеристовъ и дѣльцовъ и часто

преслѣдующихъ не столько политическія и литературныя, сколько „коммерческія“ цѣли, не стоютъ буквально и ломанаго гроша. Иногда онѣ являются даже прямо-таки опасными и вредными съ точки зрѣнія общественной морали, потому что ихъ единственною задачею, какъ и единственнымъ средствомъ существованія, оказывается шантажъ, въ иныхъ случаяхъ совершенно откровенный, въ другихъ едва прикрытый грязными складками какого-нибудь подозрительнаго знамени, вродѣ антисемитизма. Бываетъ, конечно, что именно шантажная струя привлекаетъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ любителей шантажнаго чтенія, обезпечиваетъ за ними временный успѣхъ и даже „славу“. Но въ общемъ всѣ эти уличные листки безъ роду и безъ племени крайне непрочны и скоропреходящи, и лопаются на каждомъ шагу, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ дурного запаха...

И замѣчательная вещь,—среди всѣхъ этихъ изданій, постоянно болтающихъ о народѣ и говорящихъ непремѣнно отъ его имени, нѣтъ ни одного [1]), который предназначался бы спеціально для него, говорилъ бы понятнымъ ему языкомъ и о понятныхъ и дорогихъ ему интересахъ! Увы, болгарскій политиканъ до такой степени реалистъ и практикъ, до такой степени свободенъ отъ малѣйшей примѣси „народнической сентиментальности“, что самая мысль о служеніи народу—самомъ по себѣ, безъ непосредственной выгоды въ ближайшей перспективѣ—покажется ему чѣмъ-то совершенно непонятнымъ... Въ результатѣ, просвѣтительною работою среди болгарскаго народа занимаются—я оставляю въ сторонѣ учителей и иныхъ оффиціальныхъ агентовъ министерства—лишь спекулянты, вродѣ нашихъ лубочныхъ книготорговцевъ, и ему приходится—въ области политической прессы—довольствоваться тою же партизанскою дребеденью, какою наслаждаются и ихъ руководители... Немногимъ завиднѣе, впрочемъ, и участь болгарской интеллигентной молодежи—да и, вообще говоря, болгарской интеллигенціи,—которая среди массы выходящихъ въ странѣ газетъ не имѣетъ ни одной сколько-нибудь приближающейся—по полнотѣ, освѣдомленности и достовѣрности—къ порядочной европейской ежедневной газетѣ...

IX.

Но газетною прессою не исчерпывается „періодическая печать“, которой посвящена наша статья. Рядомъ со всѣми этими

[1]) За исключеніемъ издаваемой соціаль-демократами для городскихъ рабочихъ.

партійными и непартійными „вѣстниками", выходящими по два и по три раза въ недѣлю (ежедневно выходятъ только двѣ газетки), въ Болгаріи издается до 60-ти такъ-называемыхъ „списаній" (соотвѣтствующихъ нашимъ „журналамъ"),—еженедѣльныхъ, двухнедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ, общелитературныхъ, научныхъ, спеціальныхъ и иныхъ. Чтò представляетъ собою этотъ отдѣлъ періодической печати? Кáкъ на немъ отразилась до сихъ поръ и продолжаетъ отражаться эволюція болгарской общественно-политической жизни?

Какъ мы видѣли уже въ началѣ нашей статьи, въ первый періодъ своего существованія—до освобожденія—болгарская періодическая печать была еще такъ мало дифференцирована, что газеты и журналы отличались другъ отъ друга болѣе по формату и срокомъ выхода, чѣмъ по содержанію и характеру. Со времени освобожденія начинается и быстро идетъ впередъ процессъ дифференціаціи. Газета поглощается политикою и мало-по-малу дѣлается исключительнымъ отраженіемъ интересовъ дня. Журналъ, напротивъ, какъ бы проникается презрѣніемъ къ окружающей живой дѣйствительности съ ея политическою борьбою и партизанскими страстями, все рѣшительнѣе игнорируетъ ее и, старательно замыкаясь въ высокихъ сферахъ нравственно-религіознаго поученія, лишь изрѣдка—и крайне неохотно—спускается къ исполненію такой, низменной сравнительно, задачи, какъ доставленіе читателю интереснаго и занимательнаго чтенія. Онъ, какъ аскетъ, отождествляетъ жизнь съ заключающимся въ ней зломъ и, отходя отъ нея, осуждаетъ себя на безцѣльное существованіе. Отъ него несетъ мертвечиною и тоскою безплодія... Къ такому типу въ большей или меньшей степени относятся почти всѣ болгарскія „списанія" этого времени (конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ),—всѣ эти „Братства", „Христіанскія Слова", „Правды", „Духовные Прочиты" и подобныя имъ изданія ветерановъ прежней школы болгарскихъ просвѣтителей и „родолюбцевъ".

Но жизнь въ странѣ развивалась съ изумительною быстротою, и скоро рядомъ съ стариками, привыкшими къ „душеспасительному" чтенію, выросъ контингентъ молодыхъ, сравнительно, интеллигентныхъ читателей съ совсѣмъ иными потребностями и вкусами. Усложнившаяся жизнь дома, отголоски европейской культуры, вліянія европейской науки, литературы и искусства ставили передъ ними рядъ вопросовъ, требовавшихъ отвѣта,—стремленій, искавшихъ удовлетворенія. Манная кашка назидательныхъ побасёнокъ и дѣтскихъ поученій, которую только и могли

предложить имъ существовавшіе журналы, ихъ не удовлетворяла. Еще меньшаго могли они ожидать въ этомъ направленіи отъ погрязшей въ политиканствѣ газетной прессы. Требовались новые учители,—и они, конечно, не замедлили явиться. Одна за другою начали дѣлаться робкія—и въ большинствѣ случаевъ, конечно, неловкія и неудачныя—попытки создать новый типъ журнала, который давалъ бы читателю легкое, но въ то же время интересное и полезное чтеніе. Вмѣсто прежнихъ „духовно-нравственныхъ“ и „церковно-общественныхъ“—начали появляться списанія „научно-литературныя“ и „общественно-литературныя“. Въ большинствѣ случаевъ они были убоги и бѣдны до послѣдней степени, но все-же они гораздо болѣе отвѣчали требованіямъ времени, съ бо́льшимъ интересомъ читались, вытѣсняли понемногу своихъ устарѣлыхъ соперниковъ и въ иныхъ случаяхъ даже добивались извѣстнаго успѣха, позволявшаго имъ становиться на ноги. Такимъ образомъ, до начала 90-хъ годовъ успѣли появиться—и, за рѣдкими исключеніями, исчезнуть—десятки ежемѣсячныхъ или двухнедѣльныхъ журналовъ новаго типа, изъ которыхъ мы назовемъ здѣсь лишь наиболѣе популярные. Таковы были въ свое время: „Наука“, выходившая подъ редакціею Величкова и Вазова и продержавшаяся болѣе трехъ лѣтъ; „Здравецъ“, журналъ науки и развлеченія (1881—83); „Зора“ (1885); „Современный Показатель“ (1885); „Научное Списаніе“ (1885—86); „Трудъ“ (1887—до настоящаго времени); „Библіотека Св. Климента“, издававшаяся подъ редакціею П. Каравелова отъ 1887 до 1891 г.; „Искра“, выходящая до сихъ поръ, и нѣкоторые другіе.

Между тѣмъ страна организовывалась, обзаводилась всѣми аттрибутами современнаго цивилизованнаго государства, и въ ней начинала ощущаться нужда въ чисто спеціальныхъ изданіяхъ, которыя поддерживали бы нравственную связь между лицами, принадлежащими къ однѣмъ и тѣмъ же профессіямъ, позволяли бы имъ слѣдить за своею наукою и помогали бы имъ, такимъ образомъ, исполнять свои профессіональныя обязанности. И вотъ, на-ряду съ обще-литературными, начали появляться періодическія изданія чисто спеціальнаго характера:—медицинскія, юридическія, педагогическія и иныя. Этимъ изданіямъ было еще труднѣе обходиться безъ правительственной или какой-нибудь другой поддержки уже по одному тому, что въ маленькой Болгаріи ни одна почти профессія не могла бы дать журналу достаточнаго числа читателей и подписчиковъ. И тѣмъ не менѣе, за разсматриваемое десятилѣтіе (80—90 гг.) въ странѣ успѣла воз-

никнуть цѣлая куча болѣе или менѣе эфемерныхъ спеціальныхъ изданій. Въ 1882 г. началъ издаваться оффиціальный „Сборникъ на Пощитѣ и Телеграфитѣ", выходившій съ перерывами до послѣдняго времени. Въ 1883 г. выходили: „Земледѣлецъ", „Медицинскій Сборникъ" (продержался около года), „Народенъ Учитель" (выходилъ около четырехъ лѣтъ), „Учебный Вѣстникъ", „Училищенъ Дневникъ" (оффиц. органъ министерства народнаго просвѣщенія, выходившій подъ разными названіями до послѣдняго времени). Въ 1884 г.—„Домашенъ Лѣкарь", „Здравіе", „Медицинско Списаніе" (выходило около трехъ лѣтъ). Въ 1886 г.—„Промышленность" (выходила около трехъ лѣтъ), „Стенографическій Вѣстникъ". Въ 1887 г.—„Воененъ Журналъ" (выходитъ и теперь). Въ 1888 г.—„Медицинскій Прѣгледъ" (выходитъ и теперь), „Домашенъ Учитель", „Сборникъ на народни умотворенія (оффиц. изданіе министерства, выходящее и до сихъ поръ) и многія другія.

Такимъ образомъ, какъ для обще-литературныхъ, такъ и для спеціальныхъ журналовъ новаго типа, періодъ до 90-хъ годовъ былъ какъ бы временемъ искуса, въ теченіе котораго они должны были доказать свою жизнеспособность. И надо признать, что до извѣстной степени они ее доказали. То падая, то снова поднимаясь, и постоянно усѣивая свой трудный путь трупами погибшихъ товарищей, они все-же подвигались впередъ и приближались къ своей цѣли. Къ нашему времени эта цѣль настолько достигнута и они успѣли занять такое господствующее положеніе въ области мѣстной журналистики, что выработанный ими типъ можетъ разсматриваться—пока, по крайней мѣрѣ,—какъ національный и почти установившійся. Еще болѣе поразительные—и, можно сказать, прямо-таки непонятные—результаты достигнуты въ этой области въ количественномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, повѣритъ ли читатель, что въ этой небольшой странѣ, съ $3^1/_2$ милліонами населенія, громадное большинство котораго составляютъ неграмотные крестьяне, издается ежегодно—по даннымъ почтовой статистики—до 60-ти различныхъ „списаній", большинство которыхъ принадлежитъ къ категоріи спеціальныхъ. Кромѣ такихъ крупныхъ профессій, какъ медицинская, юридическая, педагогическая и пр., на каждую изъ которыхъ приходится—не считая разной мелкоты—не менѣе двухъ-трехъ сравнительно „прочныхъ" и „солидныхъ" журналовъ, чуть не каждая изъ существующихъ въ странѣ профессій и спеціальностей имѣетъ свой журналъ или журнальчикъ, и въ ихъ спискѣ вы найдете и „Фармацевтическій Листокъ", и „Ловецъ" (Охот-

никъ), и „Пчеловодный Листокъ“, и „Инженерно-архитектурно Списаніе“—и я не знаю, что̀ еще. Такую же роскошь не по карману представляетъ собою и отдѣлъ обще-литературныхъ „списаній“, бо̀льшая часть которыхъ стоитъ ниже всякой критики и принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, о которыхъ остряки говорятъ, что ихъ редакторамъ приходится самимъ не только составлять, но и печатать, и распродавать по улицамъ, и даже читать. Для чего они издаются, на что̀ они надѣются — совершенно непонятно. И однако ихъ—десятки, и печальная участь однихъ ничуть не пугаетъ другихъ! Эта настойчивость въ усиліяхъ, не обѣщающая, повидимому, авторамъ ни извѣстности, ни общественнаго положенія, ни—меньше всего—денегъ, положительно умиляетъ и примиряетъ наблюдателя съ столь непохожею на нее другою настойчивостью, проявляемою болгарскими журналистами въ политической прессѣ...

Само собою разумѣется,—мы не будемъ распространяться насчетъ этихъ ничтожныхъ во всѣхъ отношеніяхъ „изданій“, хотя изъ нихъ-то и состоитъ, главнымъ образомъ, отдѣлъ болгарской журнальной литературы. Оставимъ мы также въ сторонѣ и оффиціальныя и спеціальныя изданія, хотя между ними и можно было бы указать два-три такихъ,—напр., „Сборникъ на народни умотворенія“ или „Періодическо Списаніе“, которыя, благодаря матеріальной обезпеченности и подбору сотрудниковъ, поставлены вполнѣ прочно и обладаютъ значительною научною цѣнностью. Остановимся же мы нѣсколько подробнѣе на тѣхъ нѣсколькихъ обще-литературныхъ „списаніяхъ“, которыя, благодаря ихъ старательной и сравнительно-умѣлой въ теченіе долгихъ лѣтъ редакціи, съумѣли, въ концѣ концовъ, стать извѣстными широкой публикѣ и выбились на дорогу если и бездоходнаго, то хоть сколько-нибудь обезпеченнаго существованія. Въ этихъ лучшихъ представителяхъ современной болгарской журналистики и постараемся мы найти ея основныя, типичныя черты. Такими лучшими и наиболѣе популярными изъ нихъ—не считая, какъ сказано выше, чисто-спеціальныхъ—считаются: „Искра“, „Мысль“, „Болгарска Сбирка“, „Болгарскій Прѣгледъ“ и нѣкоторые другіе.

Первое, что̀ бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ ними, это — отсутствіе у нихъ сколько-нибудь опредѣленной общественно-политической физіономіи. Ничего соотвѣтствующаго тому, что̀ у насъ называется „направленіемъ“, вы у нихъ, въ сущности, не найдете. Какъ мѣстная газетная пресса, погрязшая по уши въ политиканствѣ, игнорируетъ родную литературу, науку и, вообще, все выходящее изъ сферы текущей

политической жизни, такъ мѣстные журналы, за рѣдкими исключеніями, игнорируютъ эту послѣднюю. Болѣе того, свое презрѣніе къ политикѣ, унаслѣдованное отъ журналовъ стараго типа, они не только донесли почти въ полной чистотѣ до нашихъ дней, но и распространили его на все, чтò отзывается живою дѣйствительностью. Общественная жизнь, экономическія отношенія,—все, чтò выходитъ изъ области литературы и искусства, имъ чуждо почти въ той же мѣрѣ, какъ и бушующая вокругъ политическая борьба. Въ этомъ отношеніи современный болгарскій журналъ не похожъ ни на какой, намъ извѣстный, менѣе всего—на русскій. Это не журналъ въ нашемъ смыслѣ слова, а какой-то тщедушный альманахъ, въ которомъ первое мѣсто занимаютъ беллетристика и, особенно, поэзія (охъ, уже эта вездѣсущая и многообильная болгарская поэзія!)—а затѣмъ идутъ литературная критика, искусство, наука и философія, въ пропорціяхъ, опредѣляемыхъ личными вкусами и взглядами редакціи. Ни опредѣленныхъ точекъ зрѣнія, ни общественныхъ—или какихъ бы то ни было иныхъ—„злобъ дня", ничего специфически своего, болгарскаго, и животрепещущаго въ нихъ не найдешь. Самая ихъ беллетристика, повидимому, менѣе всего задается сознательною цѣлью—быть отраженіемъ болгарской жизни и болгарскихъ нравовъ. Да и какъ могло бы быть иначе, когда она раздѣляетъ участь всѣхъ другихъ отдѣловъ журнала и почти сплошь оказывается обыкновенно переводною и, потому, космополитическою,—чтò, въ свою очередь, обусловливается естественнымъ—въ такой маленькой и молодой странѣ—недостаткомъ оригинальныхъ, сколько-нибудь талантливыхъ и знающихъ писателей, и, съ другой стороны, изобиліемъ болѣе или менѣе невѣжественныхъ переводчиковъ. Вотъ и приходится даже лучшимъ изъ здѣшнихъ журналовъ жить главнымъ образомъ переводами, чтò и налагаетъ на нихъ одну и ту же шаблонную печать. И дѣйствительно, они до того похожи одинъ на другой, что не будь у каждаго изъ нихъ своего имени и обложки, неопытный читатель могъ бы безъ труда перемѣшать ихъ между собою. Возьмите содержаніе любого нумера хотя бы, напримѣръ, „Мысли" и перенесите его цѣликомъ,—за исключеніемъ одной-двухъ статей, на которыхъ отражается индивидуальность случайнаго редактора журнала, — въ какую-нибудь „Болгарскую Сбирку", и никого эта операція не удивитъ, никто ее, пожалуй, и не замѣтитъ,—до такой степени матеріалъ, которымъ питаются всѣ эти журналы, однороденъ по своему внутреннему содержанію. Это сходство до того бросается въ глаза, что иные наивные

люди — изъ заѣзжихъ — никакъ не могли найти достаточныхъ основаній для ихъ обособленнаго существованія и серьезно спрашивали насъ, почему бы имъ не слиться подъ одною общею редакціею и, объединивъ, такимъ образомъ, лучшія литературныя силы, не возродиться въ видѣ одного, но зато дѣйствительно серьезнаго и хорошаго журнала. Нечего и говорить, что подобное объединеніе, кажущееся столь резоннымъ и естественнымъ со стороны, совершенно невозможно въ дѣйствительности, хотя бы по одному тому, что болгарскіе журналисты не менѣе другихъ страдаютъ тщеславіемъ, самолюбіемъ и другими человѣческими слабостями, благодаря которымъ, между прочимъ, всякій болгарскій журналъ смотритъ на своихъ собратьевъ, похожихъ на него какъ двѣ капли воды, въ большей или меньшей степени свысока, какъ на нѣчто низшее и недостойное.

Понятно, что при такихъ условіяхъ болгарскій журналъ никоимъ образомъ не можетъ претендовать на роль не то что руководителя, но хотя бы выразителя общественнаго мнѣнія болгарской интеллигенціи или какого-нибудь ея слоя. Наибольшее, что̀ онъ можетъ сказать въ свое оправданіе, это то, что онъ даетъ читателямъ легкое, занимательное и въ то же время полезное чтеніе; что онъ знакомитъ ихъ съ европейскою литературою, пріобщаетъ ихъ къ европейской культурѣ. Это онъ, дѣйствительно, дѣлаетъ, но и тутъ нужна нѣкоторая оговорка, ибо нерѣдко случается, что, благодаря идіосинкразіямъ или просто невѣжеству иныхъ редакторовъ, и литература, съ которою они знакомятъ своихъ читателей, оказывается нестоющею ознакомленія, и культура, къ которой они ихъ пріобщаютъ, болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, отзывается парижскимъ бульваромъ и „fin de siècle'емъ"...

Мы опасаемся, что читатель найдетъ нарисованную нами картину слишкомъ мрачною; что состояніе болгарской періодической печати—особенно газетной прессы, которой мы посвятили бо̀льшую часть нашей статьи,—покажется ему болѣе печальнымъ и безнадежнымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Незавидно оно, правда, но не безнадежно, какъ не безнадежна и та общественно-политическая среда, въ которой ей пришлось развиваться. Намъ не разъ приходилось слышать отъ всякихъ политическихъ экспертовъ—въ томъ числѣ и болгарскихъ,—что виною всѣхъ бѣдъ, обрушившихся на Болгарію, надо признать слишкомъ рано данную имъ свободу. Здѣсь не мѣсто обсуждать, насколько это мнѣніе нуждается въ оговоркахъ, и какую долю

вины слѣдовало бы перенести съ этой „слишкомъ рано данной свободы“ на ту международную рамку, въ которую она была вставлена, на тѣ чисто внѣшнія могущественныя вліянія, которыя вторглись вмѣстѣ съ нею въ жизнь молодого княжества, и которыми въ такой громадной степени опредѣлялись его судьбы. Одно намъ кажется несомнѣннымъ: вмѣстѣ съ своимъ предполагаемымъ ядомъ, свобода дала Болгаріи и противоядіе; способствуя возникновенію болѣзни, она создала и средства для побѣдоносной борьбы съ нею. Народъ, всего двадцать лѣтъ тому назадъ представлявшій изъ себя невѣжественную, приниженную, порабощенную райю, теперь неузнаваемъ. Онъ наполовину грамотенъ и пропитанъ чувствомъ собственнаго достоинства; онъ все сознательнѣе относится къ своему положенію и къ тому, что̀ совершается вокругъ; все полнѣе понимаетъ свои права и обязанности; все смѣлѣе отказывается быть игрушкою въ чужихъ рукахъ. Интеллигенція, казалось, съ головой погрязшая въ политиканство, начинаетъ, повидимому, сознавать всю его безплодность и нѣсколько опоминается отъ охватившаго ее угара партизанскихъ страстей. Ея молодое поколѣніе—завтрашніе ея наслѣдники — начинаютъ ощущать надъ собою дуновеніе благороднаго идеализма, задумываются надъ вопросомъ о служеніи народу, о своихъ обязанностяхъ передъ нимъ и передъ отечествомъ. Среди него зрѣетъ мысль о негодности существующихъ пріемовъ политической борьбы и наличныхъ политическихъ партій; о необходимости перенести эту борьбу на иную почву, создать новую — прогрессивно-демократическую—партію, свободную и отъ старыхъ традицій, и отъ скомпрометтированныхъ вождей. Все это—пока разговоры, мечты, но въ нихъ мы видимъ симптомы приближающагося нравственнаго кризиса, который не останется безъ вліянія и на общественно-политическія отношенія; все это — залогъ лучшаго будущаго для всего строя болгарской національной жизни.

И прежде всего грядущій очистительный процессъ долженъ будетъ отразиться на самомъ чувствительномъ элементѣ національнаго организма—на прессѣ и періодической печати вообще. Уже и теперь все болѣе значительный контингентъ болгарскихъ читателей—особенно изъ интеллигентной молодежи—перестаетъ удовлетворяться существующими партизанскими органами и читаетъ ихъ только потому, что другихъ нѣтъ. Только такою неудовлетворенностью, думается намъ, приходится объяснять успѣхъ газеты вродѣ здѣшняго „Болгарскаго Торговскаго Вѣстника“, все достоинство котораго сводится къ тому, что онъ болѣе другихъ

заботится о полнотѣ своего справочнаго отдѣла, стоитъ въ сторонѣ отъ политиканства и держится приличнаго тона. И пусть завтра найдется человѣкъ, который рѣшится рискнуть 10—20 тысячами франковъ для изданія хорошей ежедневной независимой газеты на европейскій манеръ,—такая газета навѣрное станетъ въ концѣ одного-двухъ лѣтъ на ноги, привлечетъ къ себѣ массу *платныхъ* подписчиковъ и заставитъ—подъ страхомъ гибели—всѣ другія газеты подражать себѣ, въ нѣсколько лѣтъ произведетъ полную реформу въ мѣстной газетной прессѣ...

Не менѣе вѣроятною представляется намъ близость реформы и въ области болгарской журналистики. Въ лучшихъ ея представителяхъ—напр., въ „Мысли"—и теперь уже начинаетъ замѣчаться стремленіе ввести въ сферу своего вѣдѣнія общественно-политическую жизнь и, вообще сблизиться, такъ сказать, съ окружающею дѣйствительностью. Пока эти попытки не всегда удачны. Въ нихъ слышится подчасъ отголосокъ личныхъ раздраженій, газетно-полемическій тонъ, отсутствіе принципіальной санкціи опредѣленнаго соціальнаго міросозерцанія. Но важно то, что такія попытки дѣлаются и встрѣчаютъ со стороны читателя полное сочувствіе („Мысль"—вмѣстѣ съ „Новымъ Временемъ", ежемѣсячнымъ литературнымъ органомъ мѣстныхъ соціальдемократовъ—самые распространенные и популярные изъ здѣшнихъ журналовъ). И пусть какой-нибудь журналъ—хотя бы та же „Мысль", напримѣръ,—окажется достаточно послѣдовательнымъ и принципіальнымъ, чтобы стать не только литературно-научнымъ, но и общественно-политическимъ органомъ опредѣленнаго, свободнаго отъ случайныхъ вкусовъ и взглядовъ того или другого редактора, направленія; пусть онъ поставитъ своею задачею по возможности отвѣчать на всѣ законные сомнѣнія и запросы, возникающіе въ умахъ его читателей, и пусть въ этихъ отвѣтахъ зазвучитъ авторитетъ истиннаго знанія и глубокаго убѣжденія,—такой журналъ очень скоро убьетъ своихъ соперниковъ или заставитъ ихъ пойти по своимъ слѣдамъ...

Да, настоящее болгарской періодической печати очень незавидно, но отчаяваться за нее, какъ и за саму Болгарію—не приходится. Таково наше убѣжденіе, вынесенное изъ тщательнаго изученія характера народа и его недавняго прошлаго...

К—въ.

Софія, 1899 г.

LES REVENANTS

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы къ душѣ пробралися, и—спасибо вамъ:
Сладко мнѣ приблизиться памятью унылою
Къ смертію завѣшеннымъ, тихимъ берегамъ.

Нитью непонятною сердце все привязано
Къ образамъ незначущимъ, къ плачущимъ тѣнямъ.
Что-то въ слово просится, что-то не досказано,
Что-то совершается, но—ни здѣсь, ни тамъ.

Бывшія мгновенія, поступью беззвучною,
Подошли и сняли вдругъ покрывало съ глазъ.
Видятъ что-то вѣчное, что-то неразлучное —
И года минувшіе—какъ единый часъ.

Владиміръ Соловьевъ.

16 января 1900.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1900.

Новый департаментъ Государственнаго Совѣта. — Государственная роспись на 1900-ый годъ и всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ.—Слухи о фиксаціи земскихъ расходовъ. — Заключенія московской коммиссіи по вопросу объ отношеніяхъ между земствами губернскимъ и уѣздными. — Проектъ правилъ о разлученіи супруговъ.—Открытіе финляндскаго сейма.—М. С. Кахановъ †.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся 1-го января нынѣшняго года, въ составѣ Государственнаго Совѣта учрежденъ, сверхъ существующихъ департаментовъ (законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи), департаментъ промышленности, наукъ и торговли, съ соотвѣтствующимъ ему отдѣленіемъ государственной канцеляріи. Предметы вѣдомства новаго департамента входили до сихъ поръ въ сферу дѣйствій департамента государственной экономіи, за которымъ остаются теперь дѣла касающіяся финансовъ, земскихъ повинностей, казначейства и счетовъ. Въ цѣлесообразности вновь созданнаго учрежденія не можетъ быть никакого сомнѣнія. Постоянно увеличивающееся бремя работы, лежащей на департаментахъ Государственнаго Совѣта, настоятельно требовало облегченія, и больше всего эта потребность чувствовалась въ департаментѣ государственной экономіи, кругъ занятій котораго отличался чрезмѣрнымъ разнообразіемъ. Вопросы, касающіеся наукъ (и искусствъ, о которыхъ въ учрежденіи Государственнаго Совѣта не упоминается особо), имѣютъ, очевидно, слишкомъ мало общаго съ вопросами счетоводства, а интересы промышленности и торговли часто идутъ въ разрѣзъ съ интересами финансовыми въ тѣсномъ смыслѣ слова. Спеціализація, вводимая новымъ порядкомъ распредѣленія дѣлъ между департаментами, неизбѣжно должна повлечь за собою не только болѣе быстрое окончаніе ихъ, но и болѣе тщательное ихъ разрѣшеніе. Нельзя не замѣтить, однако, что количество силъ, которымъ располагаютъ департаменты Государственнаго Совѣта, и теперь остается недостаточ-

нымъ. Кромѣ предсѣдателя, каждый департаментъ имѣетъ лишь по шести членовъ, которымъ приходится засѣдать не только въ своемъ департаментѣ (и въ общемъ собраніи), но и въ соединенныхъ присутствіяхъ двухъ или нѣсколькихъ департаментовъ. Между членами департаментовъ, какъ и вообще между членами Государственнаго Совѣта, преобладаютъ, притомъ, сановники, всецѣло посвятившіе себя государственной службѣ и только ей обязанные своимъ знакомствомъ съ различными отраслями народной жизни. Изъ числа членовъ новаго департамента только одинъ имѣлъ непосредственное отношеніе къ міру промышленности и торговли; научныхъ дѣятелей между ними нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и завѣдывали дѣлами, соприкасающимися съ наукой. На эту особенность состава Государственнаго Совѣта мы имѣли случай указать еще недавно, по поводу мысли Н. М. Коркунова о возвращеніи членамъ Государственнаго Совѣта принадлежавшаго имъ нѣкогда права законодательной иниціативы [1]). Въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли болѣе чѣмъ гдѣ-либо могли бы быть полезны люди, выдвинувшіеся не на служебномъ поприщѣ. Повторяемъ еще разъ: Государственному Совѣту, соединяющему въ своей средѣ множество разнообразныхъ силъ, легче было бы стать въ дѣйствительности тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по буквѣ закона: средоточіемъ *всей* законодательной дѣятельности, въ полномъ ея объемѣ.

Государственная роспись на 1900-ый годъ представляетъ собою новый шагъ на томъ пути, на который вступили, въ послѣднее время, наши финансы. Противъ предыдущаго года общая сумма расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, увеличилась на 186 милл. рублей: вмѣсто 1.571 милл., исчисленныхъ на 1899 г., она составляетъ 1.757 милл. Это—возрастаніе тѣмъ болѣе поразительное, что за милліардъ наша смѣта перешла (если не считать военнаго 1877-го года) только въ 1890 г. Въ слѣдующіе затѣмъ четыре года расходы возрастали медленно или даже нѣсколько уменьшались (1891 г.—1.103 милл., 1892 г.—1.119 милл., 1893 г.—1.044 милл., 1894 г.—1.146 милл.); быстрый подъемъ начался только съ 1895 г. Сравнительно съ 1890-мъ годомъ расходы увеличились на 718 милл. (т.-е. почти на 70%), сравнительно съ 1894-мъ—на 611 милл. рублей (почти на 53%). Такъ быстро не растетъ, кажется, ни одинъ западно-европейскій бюджетъ. Отчасти, конечно, ростъ государственныхъ расходовъ обусловливается у насъ распространеніемъ питейной монополіи и казеннаго желѣзно-дорожнаго хозяйства, рука объ руку съ которымъ идетъ со-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 11 „Вѣстн. Европы за 1899 г.

отвѣтственное увеличеніе государственныхъ доходовъ; но и помимо этого повышаются издержки, повышается, слѣдовательно, податное бремя. Если обыкновенные доходы и расходы на 1900-ый годъ сведены не только безъ дефицита, но и съ избыткомъ дохода въ 31 милл. руб., то это достигнуто, по справедливому замѣчанію „Недѣли", путемъ отнесенія къ чрезвычайнымъ расходамъ затраты, имѣющей нечрезвычайный характеръ — затраты на пріобрѣтеніе подвижного состава не только для вновь строящихся, но и для другихъ желѣзныхъ дорогъ. Вообще, почти всѣ чрезвычайные расходы идутъ на желѣзнодорожное дѣло, поглощающее, такимъ образомъ, значительно бо̀льшую часть свободной наличности: на сооруженіе сибирской желѣзной дороги предназначено 25 милл., на сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ 30½ милл., на пріобрѣтеніе подвижного состава 43¾ милл., на выдачу ссудъ обществамъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ 85 милл. руб., всего—болѣе 184 милл. изъ 193. Какъ ни важно быстрое и широкое развитіе желѣзно-дорожной сѣти,—оно не исчерпываетъ собою всѣ неотложныя надобности государства и народа. Съ небольшою, сравнительно, долею тѣхъ суммъ, которыхъ стоютъ новые желѣзные пути, можно было бы далеко подвинуть впередъ народное образованіе, низшее и высшее, общее и профессіональное. Весьма важно было бы, съ другой стороны, уменьшеніе тѣхъ платежей, которые особенно отяготительны для народа. Всеподданнѣйшій докладъ, при которомъ представлена министромъ финансовъ роспись на 1900-ый годъ, признаетъ, что, „при надѣленіи крестьянъ землею, условія выкупа надѣльныхъ земель были въ нѣкоторыхъ случаяхъ установлены безъ достаточнаго соотвѣтствія съ платежными силами населенія"; но для устраненія проистекающихъ отсюда послѣдствій намѣчаются, по прежнему, только два способа—отсрочка и разсрочка недоимокъ и пониженіе текущаго оклада путемъ пересрочки непогашеннаго долга. И то, и другое практикуется въ послѣднее время особенно широко—но самый размѣръ бремени, лежащаго на крестьянахъ, отъ этого не уменьшается, и несоотвѣтствіе между выкупнымъ платежемъ и цѣнностью выкупленной земли остается неизмѣннымъ. Пока это такъ, нельзя ожидать особенно замѣтной перемѣны къ лучшему и отъ усовершенствованной системы взысканія окладныхъ сборовъ, сохраняющей, притомъ, такой отжившій институтъ, какъ круговая порука. Говоря словами всеподданнѣйшаго доклада, „одно сознаніе возможности примѣненія круговой поруки удручающимъ образомъ дѣйствуетъ на связанное ею крестьянское населеніе, создаетъ тягостную неопредѣленность въ количествѣ сборовъ, подлежащихъ взысканію съ каждаго отдѣльнаго крестьянскаго двора—неопредѣленность, путающую хозяйственные разсчеты крестьянъ и способную вредно влiять на ихъ хо-

зяйственную предпріимчивость". Принимая на себя обязательство изыскать мѣры къ полному устраненію, въ ближайшемъ будущемъ, круговой поруки, министръ финансовъ не безъ основанія указываетъ на то, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ коренному преобразованію порядка взысканія податей служатъ дѣйствующія узаконенія о крестьянахъ, во многомъ „устарѣлыя и страдающія существенными пробѣлами и недостатками". Въ прошедшемъ году та же самая мысль была высказана министромъ еще опредѣленнѣе: необходимымъ условіемъ экономическаго благосостоянія крестьянъ онъ прямо призналъ установленіе *прочнаго правопорядка*, которымъ обезпечивались бы общественныя и имущественныя отношенія крестьянъ. Къ такому „правопорядку" можетъ привести только общій, коренной пересмотръ положеній о крестьянахъ—пересмотръ, который былъ поставленъ на очередь еще при гр. Д. А. Толстомъ, предпринятъ при И. Н. Дурново и очень мало подвинутъ впередъ при И. Л. Горемыкинѣ. Теперь, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, онъ, будто бы, пріостановленъ, и вопросъ о его возобновленіи остается открытымъ: въ ближайшемъ будущемъ имѣются въ виду лишь нѣкоторыя частичныя измѣненія. Предполагается усилить дисциплинарную власть волостныхъ старшинъ, освободить ихъ отъ нѣкоторыхъ дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на нихъ начальствомъ, ввести для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ мундиръ или вообще форменную одежду, и разрѣшить имъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, страховать въ земскомъ обязательномъ страхованіи хлѣбъ и постройки въ полной ихъ стоимости, чтобы тѣмъ обезопасить ихъ отъ поджоговъ. Кромѣ того проектируются мѣры къ обезпеченію крестьянъ отъ послѣдствій конокрадства, въ видѣ ли страхованія, или какимъ-нибудь инымъ путемъ. Оставляя въ сторонѣ послѣднее предположеніе, какъ не имѣющее прямого отношенія къ занимающему насъ теперь вопросу, замѣтимъ, что всякое расширеніе дисциплинарной власти надъ крестьянами отдаляетъ наступленіе „правопорядка", внѣ котораго немыслимо матеріальное и нравственное развитіе крестьянской массы. Дискреціонной власти по отношенію къ крестьянамъ безъ того уже предоставленъ слишкомъ большой просторъ. На каждомъ шагу они сознаютъ себѣ неполноправными или безправными, зависящими не отъ закона, а отъ усмотрѣнія. Чѣмъ больше будетъ арсеналъ взысканій, находящихся въ непосредственномъ распоряженіи волостного старшины, тѣмъ меньше онъ будетъ чувствовать потребность основать свой авторитетъ на нравственномъ вліяніи, на безукоризненномъ исполненіи обязанностей, тѣмъ сильнѣе для него будетъ соблазнъ прибѣгать, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не къ разъясненію, не къ увѣщанію, а прямо къ карѣ. И въ настоящее время

волостной старшина можетъ арестовать ослушника на два дня, оштрафовать его на одинъ рубль, передать его дѣйствія на разсмотрѣніе волостного суда или сообщить о нихъ земскому начальнику. Этого болѣе чѣмъ довольно: вѣдь въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, охраной благочинія и благоустройства долженъ служить не одинъ лишь постоянно поддерживаемый и постоянно возрастающій страхъ. Жаловаться на начальство, хотя бы только волостное, крестьянину и теперь не легко: съ обостреніемъ дисциплинарной власти волостного старшины, право жалобы могло бы обратиться въ пустое слово... Менѣе неудобствъ представляетъ, конечно, установленіе для волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ мундира или иной форменной одежды: но и оно едва ли желательно, потому что ведетъ къ отчужденію власть имѣющихъ отъ подвластныхъ, къ рѣзкому подчеркиванію демаркаціонной черты, для напоминанія о которой вполнѣ достаточно привычнаго должностного знака. Что касается до предоставленія волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ страховать постройки и хлѣбъ въ полной ихъ стоимости, то противъ этого ничего возразить нельзя, если статистикой доказано значительное увеличеніе поджоговъ, направляемыхъ, изъ мести, противъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ; но если эта мѣра связана съ расширеніемъ дисциплинарной власти волостныхъ старшинъ, то гораздо проще не допускать такого расширенія. Весьма желательно, наконецъ, ограниченіе дисциплинарной власти земскихъ начальниковъ надъ волостными старшинами (и, тѣмъ болѣе, надъ волостными судьями)—но, взятое въ отдѣльности, оно было бы слишкомъ незначительнымъ приближеніемъ къ „правопорядку", составляющему послѣднюю цѣль крестьянской реформы.

Возвращаясь къ всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, остановимся на той его части, которая касается послѣднихъ неурожаевъ. „Неудачи, постигшія наше сельское хозяйство подъ-рядъ три года"—говоритъ г. министръ,—„естественно заставляютъ многихъ опасаться и за четвертый; но весьма успокоительнымъ отвѣтомъ на такія опасенія могутъ служить данныя объ урожаѣ 1899-го года", особенно обильномъ именно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя въ 1898 г. пострадали отъ неурожая. „Очевидно, что ближайшая причина неурожаевъ минувшихъ лѣтъ лежитъ не въ истощеніи хлѣбородныхъ земель, а въ обстоятельствахъ случайнаго характера. Гораздо болѣе основаній предполагать, что въ послѣдніе годы совершаются тѣ же обычныя колебанія урожаевъ, объясняемыя метеорологическими условіями, которыя издавна извѣстны русскому сельскому хозяйству... Неурожайные 1891 и 1892 гг. сопровождались небывалыми по своему обилію сборами 1893 и 1894 гг. и очень хорошими 1895 и 1896 гг.

Неудовлетворительные урожаи 1897 и 1898 гг. смѣнились сборомъ 1899 г., который оказался выше средняго, но пострадалъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій уборки хлѣбовъ. Наконецъ, весьма благопріятное состояніе озимыхъ посѣвовъ въ настоящее время (т.-е. зимою 1899—1900 г.) позволяетъ надѣяться на хорошій урожай будущаго лѣта. Повидимому, въ общей періодической смѣнѣ урожаевъ съ неурожаями близятся хорошіе годы, которые возмѣстятъ населенію его потери отъ недородовъ". Настроеніе, выразившееся въ этихъ словахъ, кажется намъ нѣсколько оптимистичнымъ. По количеству, экстенсивности и интенсивности неурожаевъ послѣднее десятилѣтіе XIX-го вѣка превосходитъ едва ли не всѣ предыдущія. Одними метеорологическими условіями, издавна извѣстными русскому сельскому хозяйству, этого объяснить нельзя, потому что до 1890 г. они ни разу, если мы не ошибаемся, не влекли за собою пяти неурожайныхъ годовъ изъ десяти. Зависитъ ли болѣе частая повторяемость недородовъ отъ истощенія хлѣбородныхъ земель (истощенія, конечно, не абсолютнаго, а относительнаго, т.-е. не исключающаго возможность, по временамъ, хорошей жатвы), или отъ какихъ-либо другихъ физическихъ причинъ (напр. оскудѣнія лѣсовъ),—во всякомъ случаѣ она остается фактомъ, внушающимъ опасенія за ближайшее будущее. Опасенія эти увеличиваются тѣмъ, что и при хорошемъ урожаѣ результаты жатвы—какъ показалъ, между прочимъ, 1899-ый годъ,—могутъ быть не особенно благопріятны, вслѣдствіе ненастья во время уборки хлѣбовъ. Еще важнѣе то, что урожайные годы, даже нѣсколько разъ слѣдуя одинъ за другимъ, не возмѣщаютъ вполнѣ потерь, причиненныхъ неурожайными годами, и среди крестьянства, особенно въ центральныхъ губерніяхъ, замѣтно понижается уровень благосостоянія. Еслибы и можно было быть увѣреннымъ, что въ „періодической смѣнѣ урожаевъ" близится серія хорошихъ годовъ, это не должно было бы уменьшать заботу о борьбѣ съ наступившими уже и возможными въ будущемъ послѣдствіями недородовъ—борьбѣ, главнымъ орудіемъ которой должно служить распространеніе народнаго образованія и улучшеніе народнаго хозяйства.

Въ то самое время, когда возрастаніе государственныхъ расходовъ исчисляется десятками и сотнями милліоновъ, ничтожное, сравнительно, повышеніе расходовъ земскихъ вызываетъ, сплошь и рядомъ, рѣзкое осужденіе и встрѣчаетъ иногда непреодолимыя препятствія. Мы говорили недавно о систематическомъ сокращеніи тверскихъ земскихъ смѣтъ [1]); теперь приходится уже слышать о проектируемой,

[1] См. Внутр. Обозр. въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1899 г.

будто бы, фиксаціи всѣхъ вообще земскихъ расходовъ, т.-е. о пріостановкѣ ихъ роста впредь до окончанія общей переоцѣнки земель, рѣшенной, въ принципѣ, въ 1893 г. и вновь регулированной закономъ 1899 г. Мы отказываемся вѣрить этому слуху. Постепенный ростъ расходовъ—явленіе неизбѣжное во всякомъ общественномъ хозяйствѣ: возникаютъ новыя потребности, расширяются прежнія, болѣе дорогимъ становится ихъ удовлетвореніе. Замыкать общественное дѣло, на цѣлый рядъ лѣтъ, въ рамки однажды установленнаго бюджета, значитъ обрекать его не только на застой, но на регрессъ. Приведемъ этому нѣсколько примѣровъ. С.-Петербургское губернское земство изъ года въ годъ увеличивало свои расходы на призрѣніе и леченье умалишенныхъ, совершенно непосильное для уѣздныхъ земствъ— и все-таки число душевно-больныхъ, предоставленныхъ на произволъ судьбы, скорѣе расло, чѣмъ уменьшалось. Подробное изслѣдованіе, произведенное по этому предмету года четыре тому назадъ, обнаружило такія ужасающія цифры, такіе вопіющіе факты, что губернское земство рѣшилось приступить къ постройкѣ собственной больницы для душевно-больныхъ, тѣмъ болѣе необходимой, что въ городскихъ больницахъ, которыми пользовалось земство, не оказывалось новыхъ свободныхъ мѣстъ. Въ губернскую смѣту уже второй годъ вносятся крупныя суммы на сооруженіе больницы—и ихъ придется еще значительно увеличить, когда будутъ готовы первые бараки и откроется пріемъ больныхъ. Остановить на нѣсколько лѣтъ ростъ земской смѣты, значило бы отсрочить осуществленіе дѣла, неотложность котораго неоднократно была признаваема администраціей, и сохранить систему, непригодность которой совершенно ясно доказана опытомъ. Въ томъ же петербургскомъ земствѣ, какъ и во многихъ другихъ, постоянно усиливается стремленіе поднять уровень сельско-хозяйственнаго образованія и помочь переходу къ другимъ, болѣе раціональнымъ хозяйственнымъ формамъ; своевременно ли было бы, въ виду этого, налагать veto на затраты, направленныя къ устройству сельско-хозяйственныхъ школъ, опытныхъ полей, метеорологическихъ станцій и т. п.? Во многихъ земскихъ губерніяхъ только-что появились новые уполномоченные министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, призванные къ совмѣстной дѣятельности съ земскими учрежденіями; своевременно ли было бы закрывать источникъ, откуда черпаются средства для такой дѣятельности? Постепенное увеличеніе числа школъ, больницъ, пріемныхъ покоевъ имѣетъ цѣлью, между прочимъ, привлеченіе къ пользованію ими и такихъ группъ населенія, которыя, наравнѣ съ другими платя земскій сборъ, сравнительно мало получали отъ земства; справедливо ли было бы остановить это уравнительное движеніе, надолго закрѣпивъ за *нѣкоторыми* то, что должно

быть достояніемъ *всѣхъ*? Во многихъ отрасляхъ земскаго хозяйства повышеніе расходовъ неизбѣжно, притомъ, даже при сохраненіи status quo. Расходъ на народное образованіе, напримѣръ, долженъ увеличиваться вездѣ, гдѣ существуютъ періодическія прибавки къ жалованью учащихъ—прибавки, на которыя всѣ учительницы и учителя, въ данную минуту состоящіе на земской службѣ, имѣютъ *пріобрѣтенное право*, и которыхъ они не могутъ быть лишены безъ явнаго нарушенія договорныхъ отношеній, существующихъ между ними и земствомъ... Невѣроятнымъ слухъ объ общей фиксаціи земскихъ расходовъ кажется намъ, далѣе, и потому, что слишкомъ различна, въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ, самая величина земскихъ смѣтъ, слишкомъ различенъ размѣръ земскаго обложенія. Если и допустить, что кое-гдѣ земскій сборъ, вслѣдствіе постоянно и быстро растущихъ расходовъ, черезчуръ обременителенъ для населенія, то въ другихъ мѣстахъ онъ, несомнѣнно, еще весьма далекъ отъ максимальныхъ нормъ, и дальнѣйшее его повышеніе не только возможно, но и крайне желательно, въ виду недостаточнаго развитія всѣхъ или нѣкоторыхъ отраслей земскаго хозяйства. Повторяемъ еще разъ: естественный выходъ изъ затрудненій, создаваемыхъ для земства не столько ростомъ расходовъ, сколько ростомъ потребностей, это—включеніе въ кругъ земскаго обложенія предметовъ, до сихъ поръ изъ него изъятыхъ, или предоставленіе земству доли участія въ нѣкоторыхъ государственныхъ доходахъ. И то, и другое, несравненно болѣе справедливо, чѣмъ искусственное ограниченіе земскихъ расходовъ—болѣе справедливо уже потому, что задачи, исполняемыя земствомъ, во многомъ не отличаются, по своему характеру, отъ задачъ, исполняемыхъ государствомъ. Мы только-что говорили о больницѣ для душевнобольныхъ, къ устройству которой приступаетъ с.-петербургское губернское земство; одновременно съ нею намѣчается министерствомъ внутреннихъ дѣлъ новая окружная лечебница, для нѣсколькихъ губерній, гдѣ-нибудь между Петербургомъ и Москвой—и оба эти учрежденія будутъ дополнять другъ друга, способствуя достиженію одной и той же цѣли. Въ такомъ же отношеніи между собою стоятъ стремленія государства и земства къ распространенію начальнаго обученія и сельско-хозяйственныхъ знаній [1]).

Въ самой земской средѣ происходилъ, въ послѣднее время, горячій споръ о взаимныхъ отношеніяхъ земствъ губернскаго и уѣздныхъ, нѣсколько разъ переходившій и въ печать. Главнымъ представителемъ

---

[1]) Съ большою основательностью вопросъ о предѣльности земскихъ расходовъ разобранъ въ „Сѣверномъ Курьерѣ“ (№№ 72 и 75, статьи В. Д. Кузьмина-Караваева).

взгляда, ограничивающаго роль губернскаго земства, являлся Б. Н. Чичеринъ, мнѣніе котораго намъ не разъ случалось оспаривать въ нашихъ обозрѣніяхъ [1]). Противъ этого мнѣнія направлена, главнымъ образомъ, недавно вышедшая въ свѣтъ брошюра Д. Н. Шипова (предсѣдателя московской губернской земской управы): „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ“, стоящая за широкое пониманіе задачъ губернскаго земства. Весьма близко къ предложеніямъ Д. Н. Шипова подходитъ заключеніе коммиссіи, выбранной, въ прошломъ году, московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Вотъ текстъ этого заключенія: 1) Законъ возлагаетъ какъ на уѣздныя, такъ и на губернскія земства общее попеченіе о матеріальномъ и духовномъ преуспѣяніи мѣстнаго населенія уѣзда или губерніи.—2) Задача эта должна осуществляться со стороны губернскаго земства: въ однихъ случаяхъ—при непосредственномъ веденіи дѣла, при чемъ область этихъ дѣлъ подлежитъ опредѣленію (по указаніямъ и въ предѣлахъ закона) по соображеніямъ цѣлесообразности; въ другихъ же случаяхъ: а) поддержкой уѣздныхъ земствъ денежными пособіями изъ средствъ губернскаго земства, и б) изученіемъ общихъ условій (статистика), разработкой общихъ вопросовъ и заботою объ общихъ интересахъ населенія губерніи.—3) При распредѣленіи своихъ средствъ губернское земство должно имѣть въ виду интересы всего населенія губерніи, какъ одного цѣлаго, и, по возможности, повсемѣстное обезпеченіе земскихъ потребностей населенія (больницъ, школъ, общественнаго призрѣнія, улучшенія санитарныхъ условій и т. п.), по мѣрѣ своихъ средствъ и платежныхъ силъ населенія.—4) Для осуществленія указанной задачи губернское земство должно руководиться обдуманнымъ систематическимъ планомъ и опредѣленными правилами, соблюденія которыхъ оно можетъ требовать отъ уѣздовъ, какъ условія выдаваемыхъ имъ пособій.—5) Такая дѣятельность губернскаго земства, состоящаго изъ представителей уѣздныхъ земствъ, не можетъ повести къ стѣсненію ихъ самостоятельности, безусловно необходимой для успѣха дѣла, а послужитъ, напротивъ, оживленію ихъ энергіи и возбужденію интереса къ общему дѣлу со стороны мѣстныхъ земскихъ дѣятелей. Для обезпеченія этой самостоятельности уѣздовъ вырабатываемые губернскимъ земствомъ общіе планы и основныя положенія слѣдуетъ передавать на предварительное заключеніе уѣздныхъ собраній.—6) Денежная помощь губернскаго земства должна быть оказываема сообразно со степенью возможности для уѣздовъ удовлетворить извѣстной потребности своими мѣстными средствами и при условіи участія со

---

[1]) См. № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1897 и № 6 за 1899 г., а также № 3 за 1882, № 7 за 1895, №№ 5 и 12 за 1896 г.

стороны мѣстнаго земства въ данномъ расходѣ, при чемъ, однако, должна быть принята во вниманіе степень напряженности платежныхъ силъ въ уѣздахъ. Для установленія необходимой при этомъ одинаковости нормъ, оцѣночныя работы въ губерніи желательно предоставить губернскому земству.—7) Въ случаяхъ столкновенія интересовъ и возраженій противъ установленнаго губернскимъ земствомъ плана дѣйствій со стороны одного или нѣсколькихъ уѣздныхъ земствъ, слѣдуетъ тщательно обсудить. не вытекаютъ ли эти возраженія изъ мѣстныхъ условій, которыя необходимо принять во вниманіе, и въ необходимыхъ случаяхъ подвергнуть пересмотру весь общій планъ, но не допускать произвольныхъ отступленій отъ него для даннаго случая.

Всѣ эти выводы кажутся намъ вполнѣ правильными. Коммиссія не пытается провести опредѣленную границу между функціями губернскаго и уѣздныхъ земствъ: она сознаетъ, что эти функціи на каждомъ шагу соприкасаются и переплетаются между собою, относясь къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, но подходя къ нимъ съ разныхъ сторонъ и разныхъ точекъ зрѣнія. Нѣтъ ни одной области земскаго хозяйства, которая была бы отнесена закономъ исключительно къ вѣдѣнію уѣздныхъ земствъ и должна была бы оставаться недоступной для губернскаго земства; нѣтъ ни одного вида земской дѣятельности, который исключалъ бы совмѣстную работу губерніи и уѣздовъ. Нельзя утверждать, напримѣръ, что въ дѣлѣ народнаго образованія открытіе и содержаніе начальныхъ школъ всецѣло принадлежитъ уѣзднымъ земствамъ, а губернское должно ограничиваться устройствомъ учительскихъ школъ, педагогическихъ курсовъ, центральныхъ народныхъ библіотекъ и т. п. Заботиться о начальномъ обученіи въ *губерніи* губернское земство компетентно въ такой же степени, въ какой каждое уѣздное земство компетентно заботиться о нихъ въ предѣлахъ своего *уѣзда*; все дѣло въ томъ, чтобы *формы* заботливости, избираемыя тамъ и здѣсь, были согласованы между собою, не мѣшая одна другой, а взаимно дополняя другъ друга. Какъ достигнуть этой цѣли—это указано съ достаточною ясностью въ заключеніяхъ московской коммиссіи. Общая разработка плана дѣйствій, измѣненіе его сообразно съ указаніями практики, затрата средствъ одновременно и губернскимъ земствомъ, и уѣздными, обязательность условій, предложенныхъ первымъ и принятыхъ послѣдними—все это, при доброй волѣ обѣихъ сторонъ, обезпечиваетъ успѣхъ трудовъ, предпринимаемыхъ общими силами губерніи и уѣздовъ. Еще лучшей гарантіей успѣха служитъ опытъ многихъ земствъ, давно уже руководствующихся принципомъ: viribus unitis—и, прежде всего, московскаго губернскаго земства, именно благодаря тому опередившаго почти всѣ

другія. Какъ глубоко начало совмѣстной работы коренится въ самомъ строѣ земской жизни—это доказали, противъ воли, калужскіе защитники уѣздной автономіи. Калужское губ. земское собраніе, одно изъ самыхъ инертныхъ и отсталыхъ, было захвачено, съ 1895 г., общимъ порывомъ, выдвинувшимъ на первый планъ вопросъ о всеобщемъ обученіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о той роли, которую можетъ и должно сыграть въ этомъ дѣлѣ губернское земство. Фазисъ приготовительныхъ работъ продолжался въ калужской губерніи очень долго, но необходимость что-нибудь сдѣлать признавалась. повидимому, всѣми, и въ послѣднее очередное собраніе былъ внесенъ, наконецъ, очень скромный проектъ губернскихъ ссудъ и пособій на постройку школьныхъ зданій. Этотъ проектъ встрѣтилъ неожиданную принципіальную оппозицію; нѣкоторые изъ числа гласныхъ нашли, что онъ выходитъ за предѣлы власти губернскаго земства, такъ какъ начальное образованіе подлежитъ, по закону, *исключительному* вѣдѣнію уѣздныхъ земствъ. Съ ними согласилось большинство собранія и рѣшило, въ отмѣну прежнихъ своихъ постановленій, никакого матеріальнаго содѣйствія развитію школьной сѣти не оказывать. Всего больше стояли за такое рѣшеніе гласные отъ жиздринскаго уѣзда, съ предводителемъ дворянства во главѣ. И что же? Когда собраніе, оставаясь вѣрнымъ только-что принятому имъ принципу безучастія къ нуждамъ народнаго образованія, отклонило, на слѣдующій день, всѣ ходатайства уѣздныхъ земствъ—въ томъ числѣ и жиздринскаго,—о пособіяхъ на устройство профессіональныхъ школъ, тѣ же жиздринскіе гласные подали письменный протестъ, настаивая на правѣ каждаго уѣзда получать отъ губерніи пособіе на удовлетвореніе его настоятельнѣйшихъ нуждъ [1]). Мы видимъ въ этомъ безсознательную, но тѣмъ болѣе цѣнную дань на алтарь земской солидарности. Общая дѣятельность земствъ губернскаго и уѣздныхъ вытекаетъ изъ самой силы вещей—изъ недостаточности уѣздныхъ земскихъ средствъ, изъ неравномѣрнаго ихъ распредѣленія, изъ неодинаковой близости земствъ къ населенію: губернскому земству легче организовать и пустить въ ходъ крупное дѣло, уѣзднымъ земствамъ легче взять на себя подробности его исполненія. Противорѣчіе, въ которое впали гласные жиздринскаго уѣзда, характеристично еще въ другомъ отношеніи: оно показываетъ наглядно, изъ какихъ источниковъ идетъ, обыкновенно, стремленіе ограничить роль губернскаго земства. Воспользоваться услугами губерніи въ обыденной земской жизни „уѣздный сепаратизмъ“ далеко не прочь; онъ становится на дыбы только тогда, когда заходитъ рѣчь о смѣломъ движеніи впередъ, въ интересахъ народной массы. Если поводомъ къ

[1]) См. „Письмо изъ Калуги“ въ № 3 „Недѣли“ за 1900 г

„пререканіямъ о подвѣдомственности“ всего чаще служать вопросы, касающіеся начальнаго обученія, то это объясняется именно тѣмъ, что быстрое распространеніе образованія въ средѣ народа не можетъ быть по душѣ хранителямъ прадѣдовскихъ преданій, сторонникамъ рутины и застоя... Замѣтимъ, мимоходомъ, что за цѣлесообразность сосредоточенія въ губернскомъ земствѣ нѣкоторыхъ дѣлъ, наиболѣе крупныхъ. стоятъ иногда и представители администраціи: такъ напр., въ рѣчи, произнесенной на дняхъ при открытіи очередного губернскаго земскаго собранія, саратовскій губернаторъ высказался весьма опредѣленно за оставленіе дорожнаго капитала, образованнаго въ силу закона 1-го іюня 1895-го года, въ вѣдѣніи губернскаго земства.

Движеніе законодательныхъ вопросовъ впадаетъ у насъ иногда въ одну изъ двухъ противоположныхъ крайностей: чрезвычайную быстроту или не менѣе чрезвычайную медленность. Послѣдняя наблюдается, главнымъ образомъ, въ области гражданскаго права: достаточно припомнить, для примѣра, уставы вексельный, ипотечный, опекунскій, проекты которыхъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ продолженіе многихъ десятилѣтій, не получая окончательнаго утвержденія. Безспорно, отношенія имущественныя и семейственныя меньше другихъ поддаются крутымъ переворотамъ: вмѣшательство законодательной власти должно быть здѣсь особенно осмотрительнымъ и осторожнымъ — но, начиная съ извѣстной минуты, его задержка становится болѣе вредной, чѣмъ была бы, до тѣхъ поръ, излишняя поспѣшность. Тамъ, гдѣ жизнь явно разошлась съ буквой закона, гдѣ пробѣлы или недостатки дѣйствующаго права восполняются отдѣльными, случайными мѣропріятіями, далеко не соотвѣтствующими давно назрѣвшей потребности — тамъ нормальный выходъ только одинъ: установленіе новыхъ началъ, согласныхъ съ требованіями справедливости и общественнаго блага. Таково, и уже не со вчерашняго дня, положеніе вопроса о разлученіи супруговъ. Почти одновременно съ безусловнымъ воспрещеніемъ разлученія (въ 1819 г.), начались изъятія изъ общаго правила, зависѣвшія всецѣло отъ административнаго усмотрѣнія. Съ самаго учрежденія Третьяго отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, ему было предоставлено разрѣшать, при существованіи особо уважительныхъ къ тому причинъ, раздѣльную жизнь супруговъ. Въ 1880 г. это право перешло къ министерству внутреннихъ дѣлъ (по департаменту государственной полиціи), въ 1881 г.—къ коммиссіи прошеній, за которою оно осталось и послѣ преобразованія ея въ канцелярію по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ. Неудобства такого порядка были сознаны очень рано. Уже въ 1860 г.

въ Третьемъ отдѣленіи составленъ былъ проектъ правилъ о разлученіи супруговъ, съ указаніемъ случаевъ, когда оно можетъ быть разрѣшаемо, и послѣдствій, съ которыми оно должно быть сопряжено. Въ 1864 г., министръ внутреннихъ дѣлъ высказался за допущеніе разлученія по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ. Двадцать лѣтъ спустя, одновременно съ учрежденіемъ канцеляріи прошеній, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта министру юстиціи поручено было войти въ разсмотрѣніе вопроса объ условіяхъ и порядкѣ разрѣшенія одному изъ супруговъ отдѣльнаго жительства и предположенія свои по этому предмету внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта, не ожидая окончанія работъ по составленію новаго гражданскаго уложенія. Въ теченіе тринадцати лѣтъ это постановленіе оставалось неисполненнымъ, и только послѣ новаго подтвержденія, состоявшагося въ 1897 г., въ Государственный Совѣтъ внесенъ проектъ правилъ о разрѣшеніи отдѣльнаго жительства супруговъ. Въ нашемъ журналѣ было напечатано, шестнадцать лѣтъ тому назадъ [1]), подробное изслѣдованіе вопроса о разлученіи супруговъ, прочитанное передъ тѣмъ, въ видѣ доклада, въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ. Предложенія, сдѣланныя авторомъ этого изслѣдованія и одобренныя значительнымъ большинствомъ присутствовавшихъ въ засѣданіи юридическаго общества, совпадаютъ во многомъ съ постановленіями проекта, внесеннаго теперь на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Разлученіе супруговъ становится институтомъ юридически оформленнымъ и совершенно самостоятельнымъ (т.-е. отличнымъ отъ развода). Допущеніе его предоставляется не администраціи, а суду, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ; судъ, на указанныхъ закономъ основаніяхъ, опредѣляетъ и послѣдствія разлученія, какъ для самихъ супруговъ, такъ и для ихъ дѣтей. Центръ тяжести всѣхъ этихъ нововведеній заключается, безъ сомнѣнія, въ отнесеніи дѣлъ о разлученіи супруговъ къ вѣдомству суда. Это приближаетъ компетентную власть къ тѣмъ, кто нуждается въ ея содѣйствіи, и дѣлаетъ разлученіе сравнительно-легко осуществимымъ для лицъ всѣхъ состояній и всѣхъ сословій, въ какой бы отдаленной части имперіи они ни имѣли постоянное жительство. Чтобы судить о значеніи этой перемѣны, достаточно привести слѣдующія цифры. Нѣсколько болѣе половины (около $51^2/_3$%) всѣхъ прошеній о разлученіи супруговъ, поступившихъ въ канцелярію прошеній съ 1889 по 1896 г., были поданы петербургскими жителями; на долю Москвы пришлось $17^1/_3$%, на долю всей остальной имперіи— только 31%. Единственнымъ объясненіемъ этой явной несообразности служитъ нахожденіе въ Петербургѣ того учрежденія, въ которомъ со-

[1]) См. № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1884 г.

средоточиваются теперь всѣ дѣла о разлученіи. Нельзя же предположить, въ самомъ дѣлѣ, что число случаевъ, когда возникаетъ потребность въ разлученіи супруговъ, среди ста-двадцати-восьми милліоновъ, составляющихъ — за вычетомъ Петербурга — населеніе имперіи, не больше, чѣмъ среди $1^1/_4$ милліона петербургскихъ жителей. Безспорно, въ столицѣ поводы къ разлученію встрѣчаются сравнительно чаще, чѣмъ въ селахъ или небольшихъ городахъ—но пропорція отнюдь не можетъ быть такова, какою она представляется въ дѣлахъ канцеляріи прошеній. Въ Москвѣ условія жизни, въ общемъ, тѣ же, что и въ Петербургѣ, населеніе почти столь же велико; если дѣлъ о разлученіи идетъ отсюда *втрое* меньше, то это можетъ зависѣть только отъ бо̀льшей трудности ихъ возбужденія. Въ 1892 г., женамъ чиновниковъ, офицеровъ, дворянъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и разночинцевъ виды на отдѣльное жительство были выданы канцеляріей прошеній въ 134, женамъ мѣщанъ и крестьянъ—въ 563 случаяхъ; въ 1893 г. соотвѣтствующія цифры были 173 и 564. Между тѣмъ, число мѣщанъ и крестьянъ превышаетъ численность остальныхъ сословій не въ 4 или $3^1/_2$ раза, а по меньшей мѣрѣ въ 15 разъ. Если лицамъ высшихъ сословій сравнительно часто удается достигнуть разлученія, то причину этому слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ томъ, что для нихъ легче дойти до центральнаго учрежденія и поддержать въ немъ свое домогательство. Въ поводахъ къ разлученію нѣтъ недостатка и въ средѣ крестьянства или мѣщанства; именно здѣсь господствуетъ съ особенною силой дурное обращеніе мужа съ женой, дающее наибольшее число случаевъ разлученія. Извѣстно, что просьбы о разлученіи—явленіе весьма распространенное въ практикѣ волостныхъ судовъ... Близость власти, уполномоченной на разлученіе, имѣетъ еще другое, очень цѣнное преимущество: только при ней возможно, какъ общее правило, соединеніе въ однѣхъ рукахъ разслѣдованія дѣла и его разрѣшенія. Центральное учрежденіе, постановляя опредѣленіе по просьбѣ о разлученіи, основывается, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на бумажномъ матеріалѣ, т.-е. на донесеніяхъ должностныхъ лицъ; судъ, наоборотъ, будетъ основываться, обыкновенно, на выслушанныхъ имъ самимъ показаніяхъ, только иногда возлагая допросъ свидѣтелей на мѣстнаго представителя судебной власти. Самый характеръ допроса въ значительной степени зависитъ отъ того, по чьему уполномочію и кѣмъ онъ производится; измѣняются, сообразно съ этимъ, и внѣшнія формы, обезпечивающія точность и вѣрность изложенія показаній... Прежде намъ казалось возможнымъ отнесеніе дѣлъ о разлученіи къ вѣдѣнію мирового суда, именно въ виду его близости къ населенію; но теперь, когда мировые судьи почти вездѣ уступили или уступаютъ мѣсто земскимъ начальникамъ, мы вполнѣ сочувствуемъ по-

становленію проекта, включающему эти дѣла въ кругъ вѣдомства окружныхъ судовъ. Совершенно цѣлесообразны и другія процессуальныя правила проекта — слушаніе дѣлъ о разлученіи при закрытыхъ дверяхъ, предоставленіе суду права вызывать свидѣтелей по собственному усмотрѣнію, допущеніе раздѣльнаго жительства на время производства дѣла, предварительное исполненіе рѣшеній о раздѣльномъ жительствѣ. Излишнимъ кажется намъ только облеченіе прокурора правомъ жаловаться, въ апелляціонномъ порядкѣ, на рѣшенія окружного суда по дѣламъ о разлученіи супруговъ [1]). По дѣйствующему уставу гражданскаго судопроизводства такое право принадлежитъ прокурору, въ дѣлахъ семейныхъ (брачныхъ), только тогда, когда нѣтъ на лицо отвѣтчика. Въ дѣлахъ о разлученіи отвѣтчикъ имѣется всегда, и предоставлять прокурору права стороны нѣтъ надобности. Если судъ отказалъ въ разлученіи, а супругъ-истецъ не жалуется на рѣшеніе суда, то это заставляетъ предполагать примиреніе между супругами, которому, очевидно, не слѣдуетъ мѣшать перенесеніемъ дѣла, по жалобѣ прокурора, въ высшую инстанцію. Если разлученіе судомъ допущено, то за необжалованіемъ рѣшенія со стороны отвѣтчика можетъ, иногда, скрываться стачка супруговъ, т.-е. обоюдное согласіе ихъ на раздѣльную жизнь, не признаваемое проектомъ законной причиной разлученія; но въ подобныхъ случаяхъ ни къ чему не приведетъ и жалоба прокурора, такъ какъ супруги, одинаково нерасположенные къ продолженію совмѣстной жизни, всегда найдутъ возможность прекратить ее и безъ судебнаго рѣшенія. Возможны, между тѣмъ, и другіе случаи: проигравшій дѣло супругъ можетъ отказаться отъ жалобы изъ опасенія дальнѣйшихъ расходовъ или изъ сознанія своей неправоты—но можетъ весьма охотно воспользоваться жалобой прокурора, чтобы возобновить свои притязанія на совмѣстную жизнь и опять сдѣлать ее источникомъ страданій для другого супруга. Участіе прокурорской власти въ дѣлахъ о разлученіи не должно, поэтому, идти дальше обычныхъ границъ, опредѣленныхъ для него уставомъ гражданскаго судопроизводства, за однимъ развѣ исключеніемъ: допросъ свидѣтелей, указанныхъ прокуроромъ, могъ бы быть признанъ обязательнымъ для суда.

Вопросъ о поводахъ къ разлученію можетъ быть разрѣшенъ трояким способомъ: можно дать въ законѣ исчерпывающій ихъ перечень—или не перечислять ихъ вовсе—или, назвавъ главные, предоставить суду принимать въ соображеніе и другіе, въ законѣ не поименованные. Всего правильнѣе вторая система, но она можетъ показаться

[1]) Если, въ нашей прежней статьѣ о разлученіи, мы высказывались за активное вмѣшательство прокурора въ дѣла этого рода, то только потому, что намъ тогда казалось возможнымъ отнесеніе ихъ къ вѣдомству мировыхъ учрежденій.

слишкомъ радикальной, въ особенности при первоначальномъ установленіи судебнаго разлученія: мы стояли, поэтому, за третью, предлагая допускать разлученіе, помимо причинъ, прямо предусмотрѣнныхъ закономъ, и въ другихъ случаяхъ, если судъ признаетъ невозможнымъ возстановленіе мира и согласія между супругами [1]). Въ проектѣ правилъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ принята первая система, при чемъ законными поводами къ разлученію признаны жестокое обращеніе (съ другимъ супругомъ или съ дѣтьми), нанесеніе тяжкихъ оскорбленій, сифилитическая болѣзнь, развратная или позорная жизнь, постоянное пьянство, безразсудное и разорительное для семьи мотовство и продолжавшееся не менѣе года злонамѣренное оставленіе супруга, а для жены, сверхъ того — отсутствіе у мужа осѣдлости, отказъ женѣ и дѣтямъ въ необходимомъ содержаніи и препятствованіе женѣ, при недостаточности доставляемыхъ мужемъ средствъ, снискивать средства къ жизни самостоятельнымъ трудомъ. Матеріальное благо семьи охраняется этимъ перечнемъ въ гораздо бóльшей степени, чѣмъ ея нравственное спокойствіе и процвѣтаніе. Основательно ли, въ самомъ дѣлѣ, считать мотовство, противъ котораго могутъ быть приняты мѣры и помимо разлученія (опека надъ расточительнымъ), болѣе серьезной причиной прекращенія совмѣстной жизни, чѣмъ, напримѣръ, неизлечимое сумасшествіе или болѣзнь, внушающая одному изъ супруговъ невольное отвращеніе къ другому? Даже непосредственно для здоровья проказа, напримѣръ, ничуть не менѣе опасна, чѣмъ сифилисъ — а она не включена проектомъ въ число поводовъ къ разлученію. Съ другой стороны, совмѣстная жизнь можетъ сдѣлаться невыносимой не только при *жестокомъ*, но и при *дурномъ* обращеніи одного супруга съ другимъ, выражающемся въ постоянномъ униженіи его достоинства, въ рядѣ мелкихъ, но непрерывныхъ уколовъ, въ систематическомъ невниманіи къ его вкусамъ и чувствамъ. Трудно, наконецъ, *требовать* отъ жены продолженія совмѣстной жизни съ мужемъ, осужденнымъ за позорящее преступленіе (напр. за кражу, не влекущую за собою, въ большинствѣ случаевъ, ни ссылки, ни потери правъ). Другая слабая сторона проекта, это—установленіе, рядомъ съ разлученіемъ безсрочнымъ, разлученія срочнаго, на время отъ одного до трехъ лѣтъ. Разлученіе, достигнутое путемъ формальнаго разбирательства — все равно, судебнаго или административнаго,—оставляетъ, говоря вообще, такой тяжелый слѣдъ въ душѣ супруговъ, что трудно разсчитывать на воз-

---

[1]) Приведемъ, въ видѣ примѣра, случай нанесенія мужемъ тяжкой обиды родителямъ жены или переходъ одного изъ супруговъ въ иное вѣроисповѣданіе, при фанатической преданности другого супруга ихъ прежней вѣрѣ.

становленіе условій, при которыхъ возможна нормальная совмѣстная жизнь. Въ тѣхъ сравнительно немногихъ случаяхъ, когда между разлученными супругами состоится серьезное, искреннее примиреніе, они сойдутся вновь и помимо всякихъ сроковъ, помимо участія власти —и только такое сближеніе и можетъ считаться желательнымъ и надежнымъ. Допустить срочное разлученіе, значило бы обречь ни въ чемъ невиновнаго супруга на неоднократное повтореніе одной и той же судебной процедуры, сопряженной съ издержками, тревогами и мучительными непріятностями. По аналогичнымъ соображеніямъ мы не можемъ признать цѣлесообразнымъ и то постановленіе проекта, въ силу котораго устраненіе повода, послужившаго основаніемъ къ разрѣшенію раздѣльнаго жительства, даетъ право просить объ отмѣнѣ этого разрѣшенія. Представимъ себѣ, что поводомъ къ разлученію послужила сифилитическая болѣзнь: неужели довольно вылечиться отъ нея, чтобы претендовать на возобновленіе супружеской жизни? Сифилисъ, хотя бы и излеченный, обѣщаетъ мало хорошаго будущимъ дѣтямъ—и это уже одно (помимо отвращенія, возбуждаемаго воспоминаніемъ о болѣзни) можетъ служить, въ глазахъ другого супруга, достаточнымъ препятствіемъ къ возстановленію совмѣстнаго жительства. Гораздо осторожнѣе, поэтому, признать, что однажды состоявшееся разлученіе можетъ быть прекращено только по взаимному, свободному согласію обоихъ супруговъ.

Каковы бы ни были, однако, частные недостатки проекта о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, осуществленіе его было бы большимъ шагомъ впередъ въ развитіи нашего семейнаго права. Нужно надѣяться, поэтому, что оно не будетъ опять отложено на неопредѣленное время. Всѣ возраженія, какія можно сдѣлать противъ судебнаго разлученія супруговъ, имѣлись въ виду Государственнаго Совѣта и въ 1884-мъ, и въ 1897-мъ году—и не помѣшали ему признать реформу необходимой и неотложной. Что разлученіе супруговъ —институтъ чисто свѣтскаго характера, всецѣло входящій въ сферу дѣйствій свѣтскаго законодательства,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Бракъ, при разлученіи супруговъ, остается въ полной силѣ; связь, созданная имъ, не разрушается; отмѣняются—или, лучше сказать, перестаютъ дѣйствовать,—только нѣкоторыя, чисто мірскія послѣдствія брака. При ссылкѣ или высылкѣ, не сопряженной съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, разлученіе супруговъ узаконено у насъ уже давно, и этотъ законъ никогда, сколько извѣстно, не вызывалъ протеста со стороны церковной власти; не возражалъ противъ него, въ „Курсѣ гражданскаго права“, и К. П. Побѣдоносцевъ. Если разлученіе могло быть допущено для одной категоріи случаевъ, то, съ формальной точки зрѣнія, нѣтъ, очевидно, препятствій къ допущенію его и для другихъ,

тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ, собственно говоря, только объ узаконеніи существующаго обычая, о замѣнѣ административнаго усмотрѣнія точно опредѣленнымъ, для всѣхъ одинаковымъ порядкомъ. Что въ разлученіи супруговъ нѣтъ ничего противнаго ученію православной церкви, это доказывается, притомъ, нашей старой церковной практикой: въ XVIII столѣтіи и первыхъ годахъ XIX-го по нѣкоторымъ бракоразводнымъ дѣламъ консисторіи, не усматривая причинъ къ разводу, дозволяли супругамъ, въ виду явнаго несогласія между ними, жить отдѣльно, впредь до примиренія. Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что узаконеніе разлученія можетъ вредно отозваться на общественной нравственности. Положеніе, создаваемое разлученіемъ, не заключаетъ въ себѣ ничего заманчиваго, привлекательнаго; напротивъ того, оно крайне тяжело и ненормально. Прекращая брачную жизнь, оно оставляетъ неприкосновенной юридическую силу брачныхъ узъ; обоихъ супруговъ, виновнаго и невиновнаго, оно одинаково обрекаетъ на фактическое безбрачіе. Стремиться къ такому положенію можно только тогда, когда совмѣстное жительство стало вполнѣ невыносимымъ. Если нѣтъ законныхъ путей, ведущихъ къ разлученію, происходитъ, обыкновенно, одно изъ двухъ: или разлука совершается de facto, хотя бы цѣною тяжкихъ жертвъ и правонарушеній — или совмѣстная жизнь поддерживается искусственно, лишенная всего того, что̀ составляетъ ея смыслъ и ея цѣну. Можно насильно *водворить* жену къ мужу, но нельзя заставить ее *остаться* при немъ; мужъ не въ правѣ держать жену взаперти, и жена всегда можетъ, слѣдовательно, опять уйти отъ мужа. На практикѣ, поэтому, иски о водвореніи направлены, бо̀льшею частью, не столько къ дѣйствительному возстановленію совмѣстной жизни, сколько къ принужденію жены исполнить то или другое требованіе мужа, купить у него право на свободу. Особенно удобнымъ притѣсненіе жены со стороны мужа представляется тогда, когда у нихъ есть дѣти; формальное право требовать къ себѣ дѣтей, при фактически-раздѣльной жизни супруговъ, принадлежитъ теперь мужу, какъ бы мало онъ ни былъ способенъ къ роли воспитателя — и онъ часто пользуется своимъ правомъ, чтобы довести жену до уступокъ всякаго рода. Регламентація разлученія приведетъ, поэтому, не къ потрясенію брачныхъ отношеній, не къ размноженію семейныхъ несогласій, а къ уменьшенію сопряженныхъ съ ними замѣшательствъ и злоупотребленій. Число супруговъ, живущихъ не вмѣстѣ, увеличится, при узаконеніи разлученія, едва замѣтно; супружеское сожительство будетъ оффиціально прекращаемо почти исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно и теперь существуетъ только по имени, нимало не соотвѣтствуя высокому идеалу брачной жизни.

15-го января состоялось въ Гельсингфорсѣ открытіе сессіи очередного финляндскаго сейма, причемъ генералъ-губернаторомъ была прочитана слѣдующая Высочайшая рѣчь:

„Представители финскаго народа.

„Я собралъ васъ для разсмотрѣнія законодательныхъ предположеній, до мѣстныхъ нуждъ Великаго Княжества Финляндскаго относящихся. Важнѣйшія изъ этихъ предположеній касаются благосостоянія края.

„За послѣднее время въ области народнаго хозяйства обнаруживаются неблагопріятныя явленія. Часть Финляндіи была постигнута въ минувшемъ году неурожаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возросло выселеніе въ чужіе края.

„Разрѣшивъ Сенату отпустить необходимыя средства въ помощь пострадавшимъ отъ недорода, надѣюсь, что эта мѣра, при участіи благотворительности, поможетъ населенію перенести ниспосланное испытаніе безъ потрясенія домашняго его быта.

„Я повелѣлъ также представить соображенія объ отмѣнѣ очередного созыва запаса въ учебные сборы текущаго года. Вслѣдствіе сего люди, подлежащіе призыву, получатъ возможность не отвлекаться отъ своихъ обычныхъ занятій.

„Повторяющееся изъ года въ годъ выселеніе изъ края сельскихъ рабочихъ, состоя въ зависимости главнымъ образомъ отъ общихъ экономическихъ причинъ, вызываетъ надобность въ обстоятельномъ изслѣдованіи сихъ причинъ и въ соотвѣтственныхъ мѣрахъ предупрежденія. Въ ряду указанныхъ мѣръ главное мѣсто должно быть отведено улучшенію условій народнаго труда. Къ достиженію этой цѣли направлены Мои указанія относительно облегченія безземельному сельскому населенію способовъ пріобрѣтать земли. Правильное рѣшеніе предлагаемыхъ сейму дѣлъ поземельнаго устройства и сельско-хозяйственныхъ будетъ способствовать осуществленію Моихъ намѣреній.

„Предлежащія вамъ занятія потребуютъ всесторонней дѣловой разработки поставленныхъ на очередь вопросовъ. Всякія сужденія, уклоняющіяся отъ нихъ къ предметамъ общаго государственнаго значенія, не должны быть допускаемы. Подобныя сужденія на послѣднемъ чрезвычайномъ сеймѣ внесли въ умы населенія тягостныя и напрасныя опасенія. Повтореніе ихъ поселитъ сомнѣніе относительно соотвѣтствія сеймоваго законодательства современнымъ обстоятельствамъ.

„Призывая благословеніе Божіе на ваши труды, объявляю сеймъ открытымъ“.

Высочайше подписано: „*Николай*“.

Еще до открытія сейма, при пріемѣ лицъ, избранныхъ въ тальманы городского и сельскаго сословій, генералъ-губернаторъ рекомен-

довалъ земскимъ чинамъ сосредоточить всю силу вниманія исключительно на разсмотрѣніи дѣлъ, бывшихъ причиною ихъ созыва, предупреждая отнюдь не входить въ оцѣнку дѣлъ, сейму не переданныхъ въ установленномъ порядкѣ, что было бы прямымъ, весьма важнымъ нарушеніемъ одного изъ главнѣйшихъ правилъ сеймоваго устава. Генералъ-губернаторъ выразилъ, далѣе, что представители горожанъ и крестьянъ, какъ и прочихъ сословій, найдутъ въ немъ вѣрнаго друга, но лишь при условіи съ ихъ стороны точнаго и благоразумнаго исполненія закона, такъ какъ и онъ самъ, всегда, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, строго слѣдуетъ указанію закона. Въ заключеніе генералъ-губернаторъ добавилъ, что земскіе чины вполнѣ могутъ разсчитывать на неприкосновенность какъ ихъ быта, такъ и внутренняго управленія въ предѣлахъ дѣйствительно дарованныхъ имъ правъ.

Въ ночь на 1-е января скончался М. С. Кахановъ, только-что передъ тѣмъ назначенный предсѣдателемъ вновь открытаго департамента промышленности, наукъ и торговли Государственнаго Совѣта. Въ его служебной дѣятельности особенно выдается эпоха съ 1880-го по 1885-ый годъ, когда онъ былъ сначала ближайшимъ сотрудникомъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова (въ качествѣ члена верховной распорядительной коммиссіи и товарища министра внутреннихъ дѣлъ), а потомъ предсѣдателемъ коммиссіи по переустройству мѣстнаго управленія, обыкновенно называемой его именемъ. Широкіе планы гр. Лорисъ-Меликова находили практическую поддержку въ административной опытности М. С. Каханова, бывшаго передъ тѣмъ губернаторомъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ; министръ и его товарищъ, съ этой точки зрѣнія, какъ нельзя лучше дополняли другъ друга, и отъ совмѣстной дѣятельности ихъ можно было ожидать крупныхъ результатовъ. Менѣе благопріятны были обстоятельства, при которыхъ М. С. Кахановъ принялъ на себя руководство дѣломъ мѣстной реформы. Въ средѣ постоянныхъ членовъ коммиссіи преобладали хотя и просвѣщенные, но въ значительной степени бюрократическіе взгляды; между приглашенными „свѣдущими людьми" господство получили защитники сословности, противники уравнительнаго начала, положеннаго въ основаніе реформъ императора Александра II-го. Когда сословныя стремленія вступили въ союзъ съ авторитарными, представленными въ лицѣ вліятельнѣйшаго изъ министровъ (гр. Д. А. Толстого), дѣло „Кахановской коммиссіи" было проиграно, и она закрылась, не исполнивъ своей задачи. Въ какомъ духѣ начатыя ею работы были продолжены и закончены министерствомъ внутреннихъ

дѣлъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Оставшись членомъ Государственнаго Совѣта, М. С. Кахановъ подавалъ голосъ, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, въ духѣ традицій эпохи великихъ реформъ. Для тѣхъ, кому дороги эти традиціи, кончина М. С. Каханова—потеря столь же чувствительная, какъ и смерть Е. П. Старицкаго, К. К. Грота или Е. А. Перетца.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1900.

Военныя событія въ южной Африкѣ.—Общественное настроеніе въ Англіи.—Рѣчи министровъ и дѣятелей оппозиціи.—Особенности британскаго патріотизма и поведеніе печати.—Открытіе парламентской сессіи.—Захваты германскихъ кораблей.—Перемѣны въ Австро-Венгріи и Китаѣ.

Военныя событія въ южной Африкѣ все еще не получили того благопріятнаго для Англіи оборота, котораго упорно ждутъ и настойчиво добиваются въ этой странѣ. Знаменитое обходное движеніе генерала Уоррена, возбуждавшее такія горячія надежды въ англійской публикѣ, потерпѣло полную неудачу, и послѣ десятидневныхъ кровавыхъ усилій весь корпусъ Буллера долженъ былъ, въ ночь на 26-е (14-е) января, отступить обратно къ югу отъ Тугелы. Послѣдняя рѣшительная попытка главнокомандующаго въ Наталѣ двинуться впередъ для освобожденія Ледисмита окончилась столь же печально, какъ и предыдущія; а между тѣмъ она была предпринята съ большою обдуманностью и осторожностью, почти черезъ мѣсяцъ послѣ „тяжкаго удара судьбы" при Колензо. Въ приказѣ по войскамъ было объявлено заранѣе, что отступленія не будетъ, и что надо во что бы то ни стало выручить товарищей изъ Ледисмита; было указано также, какъ поступать съ отрядами боэровъ, которые пожелаютъ сдаться или вздумаютъ „измѣннически" пользоваться бѣлымъ флагомъ. Всѣ сознавали необходимость побѣды; въ арміи господствовало воодушевленіе, поддерживаемое довѣріемъ къ искусству и опытности ближайшаго руководителя предпріятія, генерала Уоррена,—одного изъ лучшихъ британскихъ генераловъ, хорошо знакомаго съ мѣстностью и съ военными пріемами и обычаями непріятеля. Болѣе двадцати тысячъ отборнаго войска собрано было Буллеромъ для достиженія предположенной цѣли; превосходная артиллерія, которой почти нѣтъ у боэровъ, давала огромное преимущество англичанамъ; смѣлые кавалерійскіе набѣги генерала Дендональда освѣщали путь и подготовляли наступленіе. Успѣхъ казался обезпеченнымъ. Войска благополучно перешли съ многочисленнымъ обозомъ черезъ рѣку Тугелу въ верхнемъ ея теченіи, у Потгетерсъ-Дрифта и въ другихъ мѣстахъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, и подвигались впередъ среди горныхъ хребтовъ, оттѣсняя непріятельскія силы артиллерійскимъ огнемъ, который оставался безъ отвѣта. Видимое бездѣйствіе боэровъ

на первыхъ порахъ внушало увѣренность, что ихъ удалось застать врасплохъ; но вскорѣ выяснилось съ полною очевидностью, что они занимаютъ укрѣпленныя позиціи въ горахъ, мимо которыхъ предстояло идти англичанамъ, и что необходимо будетъ брать штурмомъ одну позицію за другою на разстояніи нѣсколькихъ миль. Обходное движеніе угрожавшее боэрамъ, превратилось въ рядъ тяжелыхъ аттакъ съ фронта, и, слѣдовательно, планъ генерала Уоррена уже съ самаго начала долженъ былъ быть признанъ неудавшимся. Войскамъ пришлось выдерживать непрерывныя битвы изъ-за каждаго холма и подвергаться убійственному дѣйствію Маузеровскихъ ружей съ окрестныхъ возвышенностей; однако, въ Лондонъ посылались утѣшительныя извѣстія, и со дня на день ожидалась счастливая перемѣна въ общемъ положеніи дѣлъ на театрѣ войны. Лихорадочное возбужденіе усиливалось въ Англіи, и оно достигло своего апогея, когда Буллеръ сообщилъ по телеграфу о принятомъ 23-го (11-го) января рѣшеніи взять приступомъ главный пунктъ позиціи боэровъ, Спіонскопъ. Чувствовалось, что настала критическій моментъ, отъ котораго зависитъ судьба всей кампаніи. Наконецъ, желанное извѣстіе получилось: Спіонскопъ былъ занятъ англичанами въ ночь на 24-е (12-е) января; нападеніе совершено было внезапно, и небольшой отрядъ боэровъ, занимавшій эту возвышенность, долженъ былъ бѣжать послѣ ожесточенной схватки. День 25-го (13-го) января былъ радостнымъ днемъ въ Англіи; газеты предсказывали уже скорое освобожденіе Ледисмита и успѣшное окончаніе войны. Жертвы были, безъ сомнѣнія, велики; генералъ Вудгетъ палъ въ битвѣ, но, какъ увѣдомлялъ Уорренъ, позиція боэровъ сдѣлалась невозможною съ потерею ими Спіонскопа. Дальнѣйшія телеграммы вызывали уже сомнѣнія и безпокойство: англичане цѣлый день удерживали за собою занятый ими холмъ, подъ неустанными пушечными и ружейными выстрѣлами боэровъ. Если этотъ пунктъ въ самомъ дѣлѣ господствуетъ надъ окрестными холмами, то какимъ образомъ могъ онъ находиться въ кругѣ дѣйствія непріятельскаго огня? Значитъ, или Спіонскопъ не имѣлъ того значенія, которое приписывалъ ему генералъ Уорренъ, или англичане утвердились лишь на второстепенной возвышенности, не представлявшей особенныхъ удобствъ для защиты. Въ дѣйствительности позиція стала невозможною не для боэровъ, какъ сообщалъ Уорренъ, а для англичанъ. Въ слѣдующую же ночь, на 25-е (13-е) января, британскія войска очистили Спіонскопъ, и затѣмъ началось обратное движеніе черезъ Тугелу, вопреки торжественному обѣщанію Буллера не возвращаться назадъ. Ликованія въ Англіи продолжались недолго; опять наступилъ періодъ унынія и тревоги.

Оффиціальныя депеши только отчасти намекаютъ на тяжесть

испытаннаго пораженія. Генералъ Уорренъ нашелъ затруднительнымъ удержаться на Спіонскопѣ, потому что окружность его слишкомъ велика и ощущался недостатокъ въ водѣ. Вершину хребта онъ сохранялъ за собою въ теченіе цѣлаго дня подъ сильнымъ гранатнымъ огнемъ непріятеля. „Наши войска—телеграфируетъ далѣе Буллеръ—бились очень храбро. Офицеръ, принявшій командованіе послѣ тяжело раненаго Вудгета, рѣшилъ оставить позицію и до разсвѣта отступилъ съ войсками. Я прибылъ въ лагерь Уоррена рано утромъ 25-го (13-го) января и пришелъ къ заключенію, что вторая аттака будетъ безполезна, такъ какъ правое крыло боэровъ настолько сильно, что пробито быть не можетъ. Поэтому я рѣшилъ отступить съ войсками къ югу отъ Тугелы. Въ восемь часовъ утра 26-го (14-го) января силы Уоррена были уже на южной сторонѣ рѣки, не потерявъ ни одного человѣка и ни одного фунта запасовъ". Такъ какъ здѣсь говорится о безполезности „второй аттаки", то, очевидно, первая была отбита, и рѣшеніе очистить Спіонскопъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что англичане были вытѣснены оттуда силой. Заключеніе Буллера о невозможности пробиться черезъ позиціи боэровъ получаетъ общій характеръ, крайне безотрадный для наступающей арміи, ибо тотъ же выводъ былъ сдѣланъ и при Колензо, и при Магтерфонтейнѣ. Обратный переходъ черезъ Тугелу, которому не препятствовали боэры, былъ только неизбѣжнымъ фактическимъ послѣдствіемъ и выраженіемъ этой безнадежности наступательныхъ дѣйствій въ гористыхъ мѣстностяхъ, окружающихъ Трансвааль. Буллеръ не оправдываетъ своей неудачи ни недостаточною численностью войскъ, ни ошибками командировъ, ни качествами солдатъ; напротивъ, всѣ исполняли свой долгъ съ замѣчательнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ; офицеры дѣлали именно то, что̀ требовалось обстоятельствами, и никакого недостатка въ военныхъ силахъ не ощущалось. Британскій генералъ, какъ это принято въ подобныхъ случаяхъ, утѣшается сознаніемъ, что отступленіе совершилось въ полномъ порядкѣ. „Тотъ фактъ,—пишетъ онъ въ той же депешѣ, отъ 27-го января,—что наши войска могли такимъ образомъ отступить, и то, какъ превосходно они сражались, достаточно свидѣтельствуетъ объ ихъ стойкости. Затѣмъ то обстоятельство, что мы безпрепятственно могли перейти черезъ рѣку съ тяжеловѣснымъ обозомъ, доказываетъ, что непріятелю внушено почтеніе къ боевымъ доблестямъ нашихъ войскъ". Для того ли, однако, посланы войска противъ Трансвааля, чтобы съ честью отступать, не подвергаясь преслѣдованію со стороны непріятеля?

Въ этомъ и заключается трагизмъ положенія, какъ мы замѣтили уже въ прошломъ нашемъ обозрѣніи: англичане обязаны идти впередъ, нападать, а позиціи боэровъ обыкновенно таковы, что пробиться черезъ

нихъ нельзя. Газеты предлагаютъ увеличить численность войскъ, послать еще десятки или даже цѣлую сотню тысячъ солдатъ въ южную Африку; тогда можно было бы, конечно, больше жертвовать людьми и постоянно бросать въ огонь все свѣжія силы ради занятія каждаго возвышеннаго пункта; но всѣ эти жертвы могли бы остаться безплодными при особой тактикѣ боэровъ, на которую и теперь горько жалуются англійскіе спеціалисты военнаго дѣла. Боэры не соблюдаютъ правилъ военнаго искусства; они упорно не отвѣчаютъ на пушечную пальбу и не даютъ противнику опредѣлить расположеніе своихъ позицій; они умѣютъ неподвижно выжидать за своими естественными и искусственными прикрытіями, сохраняя молчаніе среди адскаго грохота орудій, и идущій впередъ непріятель лишенъ возможности знать, откуда грозитъ ему гибель; они слишкомъ легко и часто мѣняютъ свои позиціи, и наступающая армія рискуетъ на каждомъ шагу наткнуться на невидимаго врага, присутствіе котораго обнаруживается лишь въ роковой моментъ внезапнаго ружейнаго огня, не оставляющаго послѣ себя даже традиціоннаго дыма. Передвигаясь быстро съ мѣста на мѣсто, въ качествѣ конной пѣхоты, боэры при малой численности достигаютъ крупныхъ результатовъ; они наносятъ сильные и мѣткіе удары безъ особенныхъ жертвъ, и какой-нибудь небольшой отрядъ, скрытый за утесами или окопами въ горахъ, можетъ производить своею стрѣльбою разрушительное дѣйствіе, предъ которымъ безсильна самая лучшая и многочисленная армія. Во время настоящей войны повторялись уже много разъ крайне странныя недоразумѣнія и ошибки въ оцѣнкѣ силъ боэровъ: англичане сообщаютъ, напр., о серьезной битвѣ, причемъ опредѣляютъ численность непріятеля въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, а потомъ оказывается, что въ дѣлѣ участвовало не болѣе полутораста или двухсотъ боэровъ. Незначительная горсть людей, дѣйствующихъ откуда-то изъ-за горъ, останавливаетъ своимъ огнемъ движеніе цѣлыхъ полковъ и производитъ впечатлѣніе грозной силы, съ которою трудно бороться; нерѣдко сотни и тысячи солдатъ, осыпаемые градомъ пуль съ разныхъ сторонъ, сдавались въ плѣнъ совершенно ничтожнымъ непріятельскимъ отрядамъ. Нападающіе могутъ терять массу людей, тогда какъ противникъ остается въ безопасности или терпитъ сравнительно очень мало. Численное превосходство наступающей арміи теряетъ значеніе при такихъ условіяхъ. Извѣстно въ точности то количество боэровъ, которое дважды принудило армію Буллера къ отступленію. Можно сказать положительно, что на театрѣ войны въ Наталѣ находится въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ втрое больше англичанъ, чѣмъ боэровъ. Англичане располагаютъ теперь въ южной Африкѣ стотысячною арміею,—самою громадною, какую они когда-либо собирали,—и если

съ такими силами они ничего не въ состояніи сдѣлать или обречены лишь на почетное отступленіе и бездѣйствіе, то, значитъ, самое предпріятіе заключаетъ въ себѣ источникъ неудачи.

Дальнѣйшія военныя усилія англичанъ въ южной Африкѣ способны довести кровопролитіе до того предѣла, когда возмутится человѣческая совѣсть въ британскомъ народѣ и когда ложное самолюбіе уступитъ мѣсто чувству справедливости и здравому пониманію истиннаго положенія дѣлъ; но пока не видно еще признаковъ такого спасительнаго поворота въ общественномъ настроеніи Англіи. Надежда на новыя военныя мѣры, на энергію генераловъ Робертса и Китченера, подкрѣпляется непоколебимымъ убѣжденіемъ въ невѣроятности и нелѣпости того факта, что могущественная Великобританія, одна изъ первыхъ и сильнѣйшихъ имперій въ мірѣ, не можетъ справиться съ такимъ противникомъ, какъ Трансвааль. Но давно уже сказано, что невѣроятное есть часто истина. Великобританія, при всемъ ея несомнѣнномъ владычествѣ на моряхъ, не въ силахъ дѣйствовать на материкѣ Африки иначе какъ черезъ посредство сухопутной арміи; а на сушѣ трансваальскіе боэры, при всемъ ихъ ничтожествѣ, могутъ оказаться сильнѣе посылаемыхъ противъ нихъ англійскихъ войскъ, хотя бы самыхъ многочисленныхъ. Англичане не хотятъ примириться съ неудачей, которая кажется имъ лишь временною и случайною; они упорно вѣрятъ и знаютъ, что Англія должна побѣдить во что бы то ни стало и что „отступленія не будетъ", какъ объявлялъ генералъ Буллеръ при переходѣ черезъ Тугелу. Буллеръ ошибся въ своемъ предсказаніи, какъ ошиблись въ свое время и британскіе министры, затѣявшіе эту несчастную войну; и эта ошибка становится какъ бы обязательною для англійской націи, заставляя ее требовать непремѣннаго исполненія кровавой программы, созданной политикою Чемберлэна. Забота о внѣшнемъ авторитетѣ и „престижѣ" имперіи приводитъ къ настойчивому и единодушному рѣшенію довести до конца разъ начатое неправое дѣло; надо продолжать военныя дѣйствія до тѣхъ поръ, пока обѣ южно-африканскія республики не будутъ побѣждены,—хотя бы это стоило потоковъ крови. Честь и достоинство Великобританіи заключаются, будто бы, въ томъ, чтобы покорить Трансвааль и утвердить безраздѣльное англійское господство надъ всею южною Африкою; это положеніе является догматомъ для огромнаго большинства англійской публики и для наиболѣе вліятельной части англійской печати. Не слѣдуетъ, однако, думать, что политика правительства одобряется общественнымъ мнѣніемъ, и что нынѣшніе министры пользуются сочувствіемъ въ странѣ. Общество безъ различія партій поддерживаетъ правительство, чтобы дать ему возможность отстоять національные и политическіе интересы при современныхъ

критическихъ обстоятельствахъ; но эта поддержка не относится лично къ министрамъ, которые, напротивъ, сурово осуждаются газетами при малѣйшей попыткѣ оправданія или отрицанія своихъ ошибокъ. Когда кто-нибудь изъ членовъ кабинета обнаруживаетъ склонность къ самодовольному оптимизму, то печать тотчасъ же даетъ ему понять, что патріотическое воздержаніе отъ враждебной критики по отношенію къ правительству не означаетъ еще одобренія его дѣйствій и промаховъ. Недавнія рѣчи Бальфура въ Манчестерѣ вызвали даже бурю негодованія,—хотя онъ только весьма мягко и осторожно дѣлалъ то, что всегда дѣлаютъ оффиціальныя лица въ другихъ государствахъ, при публичномъ разъясненіи совершившихся неудачъ. Бальфуръ старался доказать, что правительство дѣйствовало во всемъ разумно и цѣлесообразно и что неблагопріятныя событія на театрѣ войны не должны быть поставлены въ вину министрамъ. „Было бы лучше для страны и для самихъ министровъ,—замѣтилъ по этому поводу „Times", —еслибы члены кабинета откровенно признали свои ошибки, приводили смягчающія обстоятельства и употребляли серьезныя усилія для исправленія того, что было упущено или что нуждается въ реформѣ. Нельзя равнодушно относиться къ заявленіямъ, что министрамъ, будто бы, не въ чемъ оправдываться и что всѣ наши неудачи назначены намъ судьбою"... „Times" считаетъ вполнѣ понятнымъ и законнымъ общее раздраженіе, возбужденное „злополучными рѣчами" Бальфура; но газета заранѣе готова объяснить его оплошность избыткомъ великодушной дружбы къ коллегамъ и подчиненнымъ. „Times" довольствуется выраженіемъ увѣренности, что этотъ неумѣстный тонъ не будетъ усвоенъ кабинетомъ и не встрѣтится больше въ заявленіяхъ министровъ;—въ противномъ случаѣ отношеніе публики къ правительству можетъ измѣниться кореннымъ образомъ. Другія газеты, менѣе консервативныя, обрушились на Бальфура гораздо рѣзче и сильнѣе, безъ всякаго, впрочемъ, ущерба для авторитета правительства и для достоинства министерскаго званія.

Что касается главнаго виновника нынѣшнихъ политическихъ бѣдствій, Чемберлэна, то о немъ почти уже не говорятъ, и онъ самъ по неволѣ держится въ тѣни; но въ Англіи ему не приписываютъ той пагубной и исключительной роли, которую принято теперь связывать съ его именемъ въ европейской журналистикѣ. Какъ это ни странно, но въ высшихъ и среднихъ слояхъ англійскаго общества преобладаетъ тотъ взглядъ, что война съ Трансваалемъ была необходима и справедлива, что немыслимо было допустить самостоятельное укрѣпленіе и развитіе непріязненнаго государства среди британскихъ владѣній въ южной Африкѣ, и что ошибки Чемберлэна не умаляютъ практическаго значенія его основной идеи. Чемберлэнъ обвиняется

только въ недостаткѣ предусмотрительности, въ отсутствіи свѣдѣній о военныхъ силахъ и приготовленіяхъ боэровъ, въ небрежности и необдуманности въ принятомъ планѣ дѣйствій; эти черты его политики осуждались и осуждены единодушно, и тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ важности его министерскаго сана и въ авторитетѣ его, какъ министра колоній. Въ Англіи хорошо понимаютъ, что уваженіе къ правительству неразрывно связано съ правомъ критики, и что авторитетъ поддерживается не отрицаніемъ или замалчиваніемъ общеизвѣстныхъ фактовъ, а публичнымъ ихъ обсужденіемъ и разъясненіемъ. Англичане никогда не смѣшиваютъ государства съ правительствомъ и строго отличаютъ самую власть отъ отдѣльныхъ ея представителей, болѣе или менѣе перемѣнчивыхъ; они проникнуты духомъ единства и согласія, когда дѣло идетъ о внѣшнихъ интересахъ и выгодахъ націи или имперіи,—но сохраняютъ полную свободу сужденій и споровъ, когда рѣчь идетъ о способахъ достиженія извѣстныхъ цѣлей и о практической дѣятельности руководителей и òргановъ правительства.

Вожди оппозиціи въ Англіи не могутъ желать теперь перемѣны кабинета; они вовсе не расположены избавить нынѣшнихъ министровъ отъ тяжелой задачи, или, вѣрнѣе, отъ цѣлаго ряда трудныхъ задачъ, выдвинутыхъ южно-африканскимъ кризисомъ. Притомъ, бывшій глава либеральной партіи, лордъ Розбери, по своимъ воззрѣніямъ все ближе примыкаетъ къ имперіалистамъ въ духѣ Чемберлэна. Рѣчь, произнесенная имъ въ Чатамѣ 23-го (11-го) января, ничѣмъ не разнится отъ рѣчей Бальфура по своему оптимистическому тону и въ то же время идетъ гораздо дальше въ прославленіи имперіалистской политики. По словамъ Розбери, настоящая война имѣетъ громадное значеніе не только сама по себѣ, но и по впечатлѣнію, произведенному ею въ Европѣ. „Противъ насъ,—говоритъ ораторъ,—на основаніи ложныхъ, недостаточныхъ и отчасти продажныхъ свѣдѣній, высказывается почти единодушно все европейское общественное мнѣніе. Излишне объяснять причины такого недоразумѣнія. Въ Европѣ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ существуетъ извѣстная доля недоброжелательства къ Англіи; и агенты нашего интеллигентнаго и дѣятельнаго непріятеля также не дремлютъ въ Европѣ со времени возникновенія войны. Полагаютъ, что великая имперія ведетъ теперь борьбу противъ двухъ маленькихъ республикъ, и что послѣднимъ должны поэтому принадлежать естественныя симпатіи народовъ. Нѣтъ надобности доказывать совершенную ложность такого взгляда. Мы боремся не противъ свободы, а противъ привилегій, противъ продажной и деспотической олигархіи“. Лордъ Розбери, представляющій собою какъ бы воплощенную привилегію, въ качествѣ одного изъ наслѣдственныхъ зако-

нодателей Англіи въ палатѣ пэровъ,—возстаетъ противъ привилегій и олигархіи трансваальскихъ боэровъ! Эта поразительная ссылка на боэрскую олигархію, которую требуется уничтожить во имя свободы и равенства, принимается многими въ Англіи за серьезное утвержденіе, не требующее даже доказательствъ. Агенты Трансвааля,—изъ которыхъ пока извѣстенъ только одинъ на всю Европу, д-ръ Лейдсъ,—подкупаютъ, будто бы, европейскую печать, чтобы расположить ее въ пользу боэровъ; но какою бы энергіею ни обладалъ этотъ скромный дипломатъ, онъ во всякомъ случаѣ едва ли въ состояніи былъ бы пересилить вліяніе всѣхъ британскихъ посольствъ въ совокупности или соперничать съ ними въ средствахъ воздѣйствія на политическую прессу. Лордъ Розбери заявляетъ далѣе, что боэры въ значительной степени обязаны своими военными успѣхами „разнымъ иностраннымъ „кондотьери“, не признаннымъ военнымъ талантамъ Европы, выбираемымъ изъ среды сосѣдей и друзей Англіи, которые дѣйствуютъ заодно съ ея врагами“. Неудачи британскихъ войскъ не представляютъ ничего особеннаго или ужаснаго для лорда Розбери; это только „инциденты въ исторіи великой державы“. Въ поясненіе своей мысли ораторъ напоминаетъ о недавнемъ „историческомъ фактѣ“—о завоеваніи Босніи и Герцеговины австрійцами; такая военная имперія, какъ Австро-Венгрія, должна была выставить армію въ двѣсти или триста тысячъ человѣкъ, чтобы справиться съ туземными горцами и съ немногими турецкими войсками, плохо вооруженными и плохо управляемыми,—между тѣмъ какъ Трансвааль снабженъ превосходнымъ, преимущественно англійскимъ оружіемъ, и отличными иноземными командирами. Примѣръ Босніи и Герцеговины выбранъ здѣсь не совсѣмъ удачно, такъ какъ Австро-Венгрія вовсе не завоевывала этихъ провинцій, а заняла ихъ по мирному соглашенію съ султаномъ и съ согласія Европы, въ силу берлинскаго трактата; слѣдовательно, австрійцамъ не приходилось вовсе сражаться ни съ турецкими, ни съ иными войсками. Лордъ Розбери могъ бы съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ вспомнить Черногорію, которая въ теченіе четырехъ столѣтій успѣшно отбивалась отъ такой первоклассной военной державы, какъ Турція, и въ концѣ концовъ отстояла свою независимость; точно также и трансваальскіе боэры могутъ успѣшно отбиваться отъ англійскихъ войскъ, и нападенія послѣднихъ будутъ для Трансвааля столь же преходящими инцидентами, какъ и для Англіи,—но выводъ получился бы тогда не тотъ, который указывается ораторомъ. По мнѣнію лорда Розбери, война должна быть доведена до безусловной побѣды; затѣмъ „необходимо дать новое устройство южно-африканскимъ владѣніямъ и территоріямъ, чтобы сдѣлать невозможными подобныя испытанія въ будущемъ“. Бывшій либеральный премьеръ сходится въ этомъ случаѣ

съ Чемберлэномъ и Бальфуромъ; онъ тоже стоитъ за упраздненіе обѣихъ боэрскихъ республикъ и за подчиненіе ихъ британскому владычеству во имя англійской свободы, съ которою несовмѣстима, будто бы, свобода боэровъ. Недостатки военной организаціи, обнаруженные войною, должны быть исправлены, по мнѣнію Розбери, при помощи тѣхъ научныхъ методовъ и пріемовъ, которые особенно процвѣтаютъ въ Германіи. Ораторъ закончилъ свою рѣчь длиннымъ разсужденіемъ о пользѣ „научности" во всѣхъ сферахъ дѣятельности, причемъ сослался на примѣръ Венеціи, которая лишилась своего могущества, благодаря упадку энергіи и предусмотрительной инициативы среди гражданъ. Англія же, обладая первымъ въ мірѣ флотомъ и крупнѣйшими въ мірѣ промышленными богатствами, имѣетъ возможность осуществить въ будущемъ „идеалъ имперіи безъ угрозъ и безъ угнетенія, образцовое государство, управляемое образцовыми учрежденіями и населенное образцовою расой".

Рѣчь лорда Розбери имѣетъ характеръ какъ бы политической программы будущаго обновленнаго кабинета и въ этомъ смыслѣ обратила на себя большое вниманіе не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ. Идеи Чемберлэна и его единомышленниковъ упорно владѣютъ умами, несмотря на тяжелые уроки войны, и это особое настроеніе вполнѣ отразилось и въ парламентѣ, при открытіи его засѣданій, 30-го (18-го) января. Послѣ краткой тронной рѣчи, составленной въ обычномъ сентиментальномъ тонѣ, въ палатѣ общинъ обсуждался проектъ отвѣтнаго адреса, въ которомъ высказана надежда, что послѣ успѣшнаго окончанія войны англичане и боэры будутъ „жить въ мирѣ подъ эгидою британскаго флага", т.-е. что боэры самостоятельныхъ нынѣ республикъ откажутся отъ своей независимости и подчинятся, наконецъ, англичанамъ, въ силу дальнѣйшихъ убѣдительныхъ доводовъ Робертса и Китченера. Представитель большинства, Генри Пизъ, признаетъ войну законною и необходимою, и не сомнѣвается въ доведеніи ея „до единственной развязки, которая можетъ быть допущена Англіею". Оффиціальный вождь либеральной оппозиціи въ нижней палатѣ, Кемпбель-Баннерманъ, подвергнувъ довольно мягкой и снисходительной критикѣ образъ дѣйствій кабинета и особенно Чемберлэна, заключаетъ, тѣмъ не менѣе, что „войну надо продолжать энергично и не ограничивая средствъ". Министръ Бальфуръ, консервативный „лидеръ" палаты, соглашается, что страна справедливо недовольна ходомъ войны, но подтверждаетъ необходимость „идти по пути, который дастъ Англіи полное верховенство надъ всей южной Африкою". Правительство—продолжалъ онъ—ни въ какомъ случаѣ не намѣрено скрывать происшедшія упущенія; но оно никогда не предложитъ мира, пока дѣло не будетъ доведено до такой развязки, кото-

рая принесетъ вѣрные плоды". Лордъ Фицъ-Морисъ внесъ отъ имени оппозиціи поправку къ адресу, въ которой указывается на отсутствіе надлежащей предусмотрительности со стороны кабинета. Всѣ, и правительственные, и либеральные ораторы, говорили о будущемъ подчиненіи боэровъ въ такомъ духѣ, какъ будто войска обѣихъ республикъ уже разбиты, и только непокорные граждане, съ Крюгеромъ во главѣ, упорствуютъ въ своемъ нежеланіи подчиниться приговору судьбы. Эти рѣчи звучатъ какъ-то странно, когда на театрѣ войны британская армія терпитъ постоянныя пораженія и считаетъ для себя почетомъ спокойное отступленіе. Англійскіе патріоты всѣхъ партій и оттѣнковъ какъ будто намѣренно закрываютъ для боэровъ путь къ миру и возбуждаютъ ихъ къ борьбѣ до послѣдней крайности. Патріотическое чувство, питаемое національнымъ самолюбіемъ и озлобленіемъ, дѣйствуетъ слѣпо, во вредъ интересамъ націи и государства, а тѣ немногіе, которые рѣшаются поднять свой голосъ за человѣколюбіе и справедливость, объявляются чуть ли не измѣнниками. Со времени смерти Гладстона нѣтъ въ Англіи человѣка, кто способенъ былъ бы продолжать его роль практическаго идеалиста въ политикѣ. Бывшій союзникъ и замѣститель его, лордъ Розбери, остается либераломъ только по имени и положенію; онъ болѣе воинственный оптимистъ, чѣмъ лордъ Сольсбери, который по крайней мѣрѣ не торопится опредѣлять результаты будущихъ побѣдъ и ограничивается пока призывомъ къ единенію въ виду труднаго и опаснаго кризиса, переживаемаго имперіею. Слова премьера въ палатѣ лордовъ содержатъ въ себѣ намекъ на предостереженіе увлекающимся патріотамъ и потому не понравились лорду Розбери; послѣдній находитъ, что правительство должно прежде всего выяснить передъ страною свои положительныя намѣренія, не вдаваясь въ безплодную и преждевременную оцѣнку событій [1]).

Быть можетъ, сами событія съ бо̀льшею наглядностью выяснятъ въ ту или другую сторону дальнѣйшее направленіе, котораго придется держаться правительству Англіи въ международныхъ и колоніальныхъ дѣлахъ. Одинъ урокъ, и вполнѣ заслуженный, уже полученъ британскими шовинистами отъ Германіи, по поводу захвата нѣскольких ея кораблей англійскими броненосцами близъ бухты Делагоа. Пользуясь фактическимъ господствомъ своимъ на моряхъ и океанахъ, англичане издавна привыкли руководствоваться самымъ широкимъ толкованіемъ правъ осмотра и задержанія нейтральныхъ су-

[1]) Въ изложеніи парламентскихъ преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь мы по необходимости придерживались краткихъ телеграфныхъ отчетовъ нашихъ газетъ, такъ какъ лондонскія газеты отъ 31 (19) числа не были еще получены въ Петербургѣ во время окончанія нашей хроники.

довъ въ военное время, по подозрѣнію въ провозѣ контрабанды; поэтому и съ наступленіемъ войны въ южной Африкѣ торговыя суда нейтральныхъ державъ лишились свободнаго доступа къ единственному нейтральному пункту побережья, откуда можно пересылать товары въ Трансвааль,—къ португальской гавани Делагоа. Англичанами были задержаны такимъ образомъ американскіе корабли съ мукою, нѣмецкіе почтовые пароходы съ госпитальными принадлежностями и санитарами для боэровъ, и т. п. Въ короткое время, съ конца декабря, остановлены были такимъ образомъ и уведены въ Дурбанъ, для разбирательства предъ призовымъ судомъ, четыре германскихъ корабля,—изъ нихъ три почтовыхъ,—несмотря на совершенное отсутствіе въ нихъ военной контрабанды. Протесты нѣмецкихъ газетъ и запросы германской дипломатіи мало помогали дѣлу и вызывали лишь обѣщаніе ускорить разсмотрѣніе предъявленныхъ претензій; между тѣмъ въ Германіи раздраженіе усиливалось, и, наконецъ, правительство Вильгельма II сочло нужнымъ обратиться къ лондонскому кабинету съ категорическими требованіями объ освобожденіи арестованныхъ кораблей и о прекращеніи осмотра и захвата судовъ, къ сѣверу отъ Адена. Требованія Германіи были немедленно удовлетворены, о чемъ торжественно возвѣстилъ графъ Бюловъ въ засѣданіи имперскаго сейма 19-го (7-го) января. Для Англіи это былъ инцидентъ непріятный и обидный, похожій на Фашоду, которой французы до сихъ поръ не могутъ простить англичанамъ; но Англія, сдѣлавъ уступку могущественной Германіи, не измѣнила, конечно, своихъ общихъ понятій о политикѣ, какъ это видно изъ отношенія ея къ южно-африканскому кризису.

Въ Австріи произошла опять перемѣна министерства: 18-го (6-го) января назначенъ министромъ-президентомъ Керберъ, вмѣсто Виттека, который остается, впрочемъ, министромъ желѣзныхъ дорогъ; извѣстный экономистъ, Бемъ-Баверкъ, будетъ заправлять финансами, а польскій профессоръ Піентакъ назначается министромъ безъ портфеля. По всей вѣроятности, новый кабинетъ не разрѣшитъ стариннаго чешско-нѣмецкаго спора и направится по пути обычнаго житейскаго лавированія, пока не явится потребности въ новой министерской перемѣнѣ. Эти кризисы, касающіеся личнаго состава правительства, имѣютъ лишь поверхностную связь съ общимъ хроническимъ кризисомъ, требующимъ болѣе широкихъ и обдуманныхъ мѣръ, которыхъ нельзя уже ожидать отъ совѣтниковъ престарѣлаго императора Франца-Іосифа.

Въ Китаѣ тоже совершилась перемѣна, но не министерская: вдовствующая императрица, управляющая имперіею прямо или косвенно

уже почти тридцать лѣтъ, побудила отставленнаго ею отъ дѣлъ больного императора Куангъ-Су назначить наслѣдникомъ престола девятилѣтняго принца Пу-Тзинга, сына принца Туана, довѣреннаго лица при дворѣ императрицы. Скрѣпивъ своею подписью предложенный ему декретъ 24-го (12-го) января, злополучный „сынъ неба", какъ говорятъ, вскорѣ умеръ. Такъ окончилъ существованіе неудавшійся реформаторъ Китая, доживавшій свой вѣкъ въ состояніи почти полнаго идіотизма. Власть императрицы теперь вновь утвердилась надолго.

Куангъ-Су (что значитъ: „блестящее завершеніе"), по имени Тзайтьенъ, внукъ императора Таркуанга, былъ объявленъ богдоханомъ въ дѣтствѣ, трехлѣтнимъ мальчикомъ, и съ 1875 до 1889 года оставался подъ оффиціальною опекою своей тетки, регентши Тзу-Хси, которой подчинялся и позднѣе, до пораженій въ войнѣ съ Японіею и до знакомства съ представителемъ партіи реформъ, извѣстнымъ Кангъ-ю-веемъ. Два года тому назадъ, послѣ ряда смѣлыхъ реформаторскихъ эдиктовъ, онъ былъ устраненъ отъ власти консерваторами, приверженцами старой императрицы. Послѣдній актъ этой дворцовой революціи завершился провозглашеніемъ новаго малолѣтняго богдохана, отъ имени котораго будутъ по прежнему править страною хранители вѣковыхъ китайскихъ традицій и завѣтовъ, враги нововведеній и зловредныхъ для Китая западныхъ идей.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1900.

— Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. По случаю столѣтняго юбилея Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Составилъ С. Панчулидзевъ. Томъ первый. Спб. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, 1899.

Въ прошломъ году, 11-го января, исполнилось столѣтіе непрерывнаго существованія кавалергардовъ какъ войсковой части. Въ ознаменованіе этого событія общество офицеровъ кавалергардскаго полка постановило составить и издать два историческіе труда: 1) иллюстрированную „Исторію кавалергардовъ", со времени ихъ учрежденія въ 1724 г. и, въ дополненіе къ ней, „Сборникъ біографій кавалергардовъ".

„Прошлыя судьбы кавалергардовъ,—читаемъ въ предисловіи г. Панчулидзева,—неразрывно связаны со многими событіями русской исторіи, и потому кавалергарды, въ XVIII-мъ и первой четверти XIX-го столѣтія, имѣли нѣкоторое политическое значеніе. Хотя подробное изложеніе политическихъ событій не можетъ входить въ задачи исторій всѣхъ войсковыхъ частей, но особенности кавалергардской службы заставили насъ изложить ихъ въ предѣлахъ, необходимыхъ для возможно полнаго очерка дѣятельности кавалергардовъ".

„Исторія" должна, въ четырехъ томахъ, исполнить слѣдующую программу. Первый томъ, теперь вышедшій въ свѣтъ, излагаетъ службу кавалергардовъ при священныхъ коронованіяхъ, отъ Екатерины I до императора Николая II, и исторію кавалергардовъ съ 1726 до 1762 года; второй томъ будетъ заключать ихъ исторію во времена Екатерины II и императора Павла I; третій—времена имп. Александра I, и четвертый—исторію кавалергардовъ съ 1825 года по настоящее время. Сборникъ біографій кавалергардовъ составитъ также четыре тома.

Для исполненія этой обширной задачи авторъ предпринялъ весьма сложное изученіе источниковъ. „Мы пользовались,—говоритъ онъ въ

предисловіи,—преимущественно богатыми источниками, хранящимися въ архивахъ, какъ государственныхъ (русскихъ и иностранныхъ). такъ и частныхъ; особенно цѣнные матеріалы извлечены нами изъ Собственныхъ Его Величества Библіотекъ. Для „Сборника біографій", сверхъ того, источникомъ служили какъ свѣдѣнія, любезно сообщенныя намъ изъ семейныхъ архивовъ, такъ и записки и воспоминанія нашихъ однополчанъ". Многія высокопоставленныя лица также оказывали содѣйствіе этому труду, и наконецъ авторъ называетъ длинный рядъ лицъ, спеціалистовъ военнаго дѣла и историковъ, такъ или иначе оказавшихъ участіе къ этому предпріятію.

Вышедшій въ свѣтъ первый томъ сочиненія даетъ понятіе о цѣломъ трудѣ, какого можемъ ожидать. Книга г. Панчулидзева представляетъ замѣчательное, въ разныхъ отношеніяхъ, явленіе нашей исторической литературы. Прежде всего отмѣтимъ внѣшнее исполненіе книги; это — одно изъ великолѣпнѣйшихъ изданій, какія у насъ появлялись, большой томъ, въ четвертку (сверхъ 400 стр.), на толстой изящной бумагѣ, со множествомъ иллюстрацій (сверхъ 160), частію въ краскахъ,—какъ исполняетъ у насъ только Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Иллюстраціи заключаютъ одинъ историческій матеріалъ, старый и новѣйшій. Такъ какъ около половины перваго тома посвящено разсказу объ участіи кавалергардовъ въ торжествахъ коронацій прошлаго и нынѣшняго вѣка, то большое число иллюстрацій занято изображеніями этихъ торжествъ изъ современныхъ событіямъ гравюръ и рисунковъ; далѣе, множество портретовъ историческихъ лицъ, изображеній мѣстностей, костюмовъ и военныхъ формъ, историческихъ медалей и т. д. Книга замѣчательна и по содержанію. До сихъ поръ, юбилейныя изданія подобнаго рода бывали всего чаще внѣшнимъ перечисленіемъ фактовъ, въ тонѣ панегирика, такъ что исторіи имѣли только частный интересъ и мало вносили въ общую исторію: настоящая книга, напротивъ, отличается именно чрезвычайно обстоятельнымъ изложеніемъ событій въ средѣ полка, но въ связи съ общими явленіями исторіи государственной и общественной. Авторъ справедливо устраняетъ изъ своего изложенія общеизвѣстные факты, но указываетъ характерныя отношенія времени, не скрывая и мрачныхъ его сторонъ. Это стремленіе къ историческому безпристрастію составляетъ истинную заслугу изслѣдованія и даетъ спеціальной юбилейной исторіи цѣнность серьезнаго историческаго труда. Эта цѣнность увеличивается еще внимательнымъ изученіемъ обширнаго архивнаго матеріала: кто знакомъ съ свойствомъ этого матеріала, тому понятно, какою сложной и медлительной работой добываются иногда мелкіе факты, которыми событія, однако, освѣщаются, и многочисленныя архивныя цитаты г. Панчулидзева свидѣтельствуютъ о сложности

его историческихъ поисковъ. Для изложенія событій средины XVIII вѣка, насколько оно было нужно въ спеціальной исторіи, авторъ имѣлъ передъ собою книги г. Корсакова, Загоскина (о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны), въ особенности С. М. Соловьева,—но и здѣсь авторъ нашелъ возможнымъ прибавить къ ихъ разсказу новыя черты; въ другихъ случаяхъ, напр. особливо о временахъ имп. Елизаветы, авторъ извлекаетъ изъ архивовъ много подробностей, доселѣ совсѣмъ не тронутыхъ историками.

Авторъ остановился между прочимъ на одномъ важномъ историческомъ вопросѣ, а именно на дворцовыхъ переворотахъ. „Окидывая взоромъ событія до вступленія на престолъ Николая I включительно,— говоритъ авторъ, — мы должны прійти къ заключенію, что почти ни одно воцареніе не произошло безъ государственнаго или, точнѣе, военно-дворцоваго переворота. Въ однихъ случаяхъ воцареніе является непосредственнымъ слѣдствіемъ переворота, въ другихъ переворотъ или контръ-переворотъ происходитъ черезъ извѣстный промежутокъ времени послѣ вступленія на престолъ; иногда войска, участвовавшія въ переворотѣ, дѣйствуютъ сознательно, въ другихъ случаяхъ вводятся въ обманъ своими главарями... Всѣ эти государственные перевороты обошлись Россіи сравнительно дешево. Какія же тому причины?

„Къ счастію для Россіи, она никогда не знала „иноземныхъ тѣлохранителей“; гвардія, какъ и прочія войска, была набираема изъ русскихъ. Если и были попытки „объиностранить“ гвардію, попытки эти никогда не удавались полностью и на долгое время. Геній Великаго Преобразователя, не допускавшаго вообще иноземцевъ занимать первыя мѣста въ государствѣ и особенно ревниво оберегавшаго отъ этого свои войска, спасъ и въ данномъ случаѣ Россію; при всемъ желаніи нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ создать себѣ „иноземную“ гвардію, попытки эти никогда не пускали глубокихъ корней.

„Безусловно признавая, что роль, которую вплоть до Николая I играли въ Россіи войска и въ особенности гвардія, не соотвѣтствовала прямому назначенію ихъ, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что при ненормальности въ XVIII столѣтіи всего государственнаго строя, выбитаго изъ колеи уничтоженіемъ закона о естественномъ престолонаслѣдіи, гвардія, будучи учрежденіемъ вполнѣ національнымъ, не разъ оказывала огромныя услуги Россіи.

„Ни заигрываніе съ ней, ни прямой подкупъ никогда не могли заставить ее помочь иностранцамъ закрѣпить въ Россіи порядки, ей не свойственные. Рано или поздно, порядки эти получаютъ отпоръ, и во главѣ оппозиціи мы видимъ гвардію; причина тому—тѣсная и неразрывная связь, существовавшая между гвардіей и всей Русской землей. Гвардія въ Россіи, къ счастію для послѣдней, всегда сохраняла,

по способу своего комплектованія, тѣсную связь съ массой населенія: не только солдаты, но и офицеры, въ подавляющемъ большинствѣ были русскіе; владѣя населенными помѣстьями, будучи помѣщиками, офицерство въ Россіи никогда не представляло изъ себя обособленной отъ земли касты.

„Являясь такимъ образомъ вполнѣ *русскимъ* учрежденіемъ, гвардія никогда не усвоивала себѣ понятія о служеніи лицу, противополагая такое служеніе—служенію всему государству, какъ то мы видимъ на Западѣ, гдѣ существовали наемные тѣлохранители. Россія никогда не знала наемной гвардіи... Основной принципъ нашего государственнаго строя—отождествленіе лица государя въ государствѣ и государства въ лицѣ государя—былъ и краеугольнымъ камнемъ въ понятіяхъ гвардіи. Въ выработкѣ самосознанія русскаго государства, самосознанія, что Россія должна и можетъ представлять изъ себя совершенно самостоятельное, а не буксируемое Европой государство, гвардія несомнѣнно оказала великія услуги.

„Во всѣхъ государственныхъ переворотахъ, до переворота 1762 года включительно, мы должны признать сознательность стремленія къ цѣли всѣхъ его дѣятелей сверху до низу; отличительная черта всѣхъ ихъ—отсутствіе скрытой отъ массы солдатъ цѣли". Только въ двухъ послѣдующихъ переворотахъ авторъ указываетъ рѣзкое отличіе—именно, что нижніе чины привлекаются къ заговору или прямымъ обманомъ, или скрытіемъ отъ нихъ всѣхъ цѣлей предводителей (стр. 177—179).

Широкія обобщенія, въ частностяхъ, всегда требуютъ ближайшихъ объясненій и ограниченій наряду съ другими обобщеніями. Національное самосознаніе выработывается чрезвычайно сложнымъ дѣйствіемъ разнородныхъ національныхъ силъ; войско, собираемое изъ наиболѣе крѣпкихъ элементовъ народной массы, почерпаетъ изъ нихъ первую основу самосознанія и затѣмъ спеціализируется въ своей особой задачѣ, становится вдалекѣ отъ мирнаго обыденнаго быта, пріобрѣтаетъ особыя, чуждыя массѣ черты характера,—но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ заключать въ себѣ и то содержаніе, которое указывается авторомъ въ приведенныхъ словахъ и которое до сихъ поръ мало принималось въ соображеніе историками культуры. Были множество разъ указаны доблестныя черты русскаго воинства,—но, кромѣ личныхъ достоинствъ отваги, самоотверженія и пр., должны были развиваться инстинкты національнаго сознанія, когда какъ бы систематически велись войны, смыслъ которыхъ бывалъ доступенъ и народному пониманію (особливо войны съ Турціей) и когда гвардіи въ Петербургѣ и Москвѣ приходилось имѣть участіе въ политическихъ переворотахъ.

Относительно воцаренія имп. Анны, авторъ принимаетъ точку зрѣнія, поставленную новѣйшими историками (С. М. Соловьевымъ, Кор-

саковымъ, Загоскинымъ). „Попытка ограничить самодержавіе, какую мы видимъ при воцареніи Анны Іоанновны, не находилась въ связи съ реформами Петра I, т.-е. въ ней нельзя видѣть протеста противъ Петровскихъ реформъ; она была прямымъ продолженіемъ цѣлаго ряда таковыхъ же поползновеній со стороны „родовитыхъ людей“, поползновеній, которыя встрѣчаются въ русской исторіи XVI и XVII вѣковъ“ (стр. 207). Иностранцы, которые жили тогда въ Россіи и наблюдали событія воцаренія импер. Анны, думали и писали, что планъ верховниковъ ограничить самодержавіе могъ стать „зарею драгоцѣнной свободы“; но ближайшее изученіе событій указываетъ, что если верховники хотѣли „прибавить себѣ воли“, то эта воля была олигархическая; шляхетство возстало противъ верховниковъ именно потому, что опасалось стѣсненія для себя, хотя опять только въ интересахъ сословныхъ. „Оно разсуждало такъ: при самодержавіи хуже того, что̀ есть, намъ не будетъ; а при олигархіи будетъ несомнѣнно хуже. Нынѣ между нами и самодержцемъ нѣтъ стѣны; тогда нѣсколько фамилій образуютъ стѣну непроходимую. Нынѣ между монархомъ и всей Россіей стоимъ мы, всѣ дворяне; тогда же насъ отодвинутъ и втиснутъ въ ряды „людей подлыхъ“. Шляхетство, добиваясь все бо̀льшаго территоріальнаго распространенія крѣпостного права и расширенія помѣщичьей власти, надѣялось на самодержавную власть, зная, что безъ нея оно не можетъ достичь своей цѣли“ (стр. 212). Другіе иностранцы находили, напротивъ, что умаленіе самодержавія имѣло бы слѣдствіемъ значительный упадокъ матеріальной силы и политическаго значенія Россіи.

Подробно разсказана исторія воцаренія имп. Елизаветы. Въ дополненіе къ тому, что̀ было раньше извѣстно, авторъ извлекъ изъ архивовъ множество новыхъ подробностей, и особливо о знаменитой „лейбъ-компаніи“. Самый переворотъ, доставившій Елизаветѣ престолъ, авторъ считаетъ именно дѣломъ національнымъ. „Конечно, признать, что Елизавета и 300 преображенцевъ, сами по себѣ, безъ всякой связи съ остальной Россіей, уничтожили нѣмецкое иго, было бы крупной исторической ошибкой. Самая устойчивость переворота „25 ноября“ указываетъ на то, что онъ былъ дѣломъ вполнѣ національнымъ, а не слѣдствіемъ мелкой интриги, отсутствія дисциплины у „горсти солдатъ“, или же ихъ пьянства и подкупности, дѣломъ, которое народъ не только оправдывалъ, но считалъ неизбѣжнымъ для Россіи. Такимъ образомъ, почти вся Россія сочувствовала перевороту „25 ноября“; многіе, когда фактъ уже совершился, связали свое имя съ нимъ и пожелали получить за свое „сочувствіе“ награды, не всегда умѣренныя; рискнули своей жизнью и свободой лишь слѣдующія лица; Елизавета Петровна, Лестокъ, Воронцовъ, А. Разумовскій, П. и А. Шува-

ловы, Шварцъ, Гринштейнъ и гренадерская рота преображенскаго полка. И уже по одному тому, что переворотъ 25-го ноября произведенъ былъ опальной Великой Княжной, при содѣйствіи нѣсколькихъ молодыхъ придворныхъ „поднадзорнаго двора", къ тому же не имѣвшихъ ни политическаго, ни военнаго вѣса, и при помощи горсти солдатъ, мы должны признать его дѣломъ строго національнымъ" (стр. 242).

Изъ архивныхъ матеріаловъ авторъ приводитъ народные толки, которые задолго до воцаренія указываютъ большую популярность Елизаветы. Ходили слухи, что „государыня цесаревна Елизавета Петровна имѣетъ ссоры съ ея импер. величествомъ (т.-е. имп. Анной) за иноземцевъ, что е. и. в. жалуетъ иноземцевъ золотыми монетами, а ея высочество мѣдными и нынѣ-де, получивъ жалованье, ея высочество ту мѣдную монету приказала высыпать въ Неву-рѣку, и что ея высочество говорить изволила, что-де есть у нея еще отцовское и жить ей есть чѣмъ, и е. и. в. изволила ея высочество призывать къ себѣ... и изволила сдавать ей, цесаревнѣ, россійское государство; только ея высочество говорила: ежели-де е. и. в. на три года учинитъ черни льготы, да иноземцевъ всѣхъ изъ государства вышлетъ, потомъ-де ея высочество государство принять изволитъ". Къ цесаревнѣ относились крайне недовѣрчиво; служащихъ ея брали въ тайную канцелярію и, напримѣръ, допрашивали, почему Елизавета Петровна велѣла своему регенту списать слова понравившагося ей церковнаго концерта, пѣтаго въ придворной церкви; какія „комедіи" игрались при ея дворѣ; и допрашивали: „выше означенное все (т.-е. театральныя представленія) ты и другіе въ какомъ намѣреніи содержали и какая изъ того *польза имѣла быть* и *не обнадеживанъ ли* кѣмъ впредь чѣмъ?" (стр. 230—231).

Исторія лейбъ-компаніи въ первый разъ изложена здѣсь съ большою подробностью и по документамъ. „Переворотъ удалось совершить безъ пролитія крови,—говоритъ авторъ,—но, какъ бы то ни было, свергнутъ былъ съ престола младенецъ-императоръ, которому вся Россія присягала, свергнутъ при помощи войскъ, которыя первыя должны были его защитить. Признавая всю неизбѣжность „25 ноября", мы должны, однако, сознаться, что подобнаго рода предпріятія не способны укрѣплять дисциплину войскъ. За нарушеніе присяги явилось возмездіе: ослабленіе дисциплины до крайнихъ предѣловъ и, понятно, преимущественно въ гвардіи съ лб.-компаніей во главѣ. Когда императрица переѣхала въ Зимній Дворецъ, лб.-компанія поселилась въ большой залѣ дворца, подъ предлогомъ находиться безотлучно при е. и. величествѣ и тѣмъ доказать ей свою вѣрность и усердіе. Насилу удалось освободить дворецъ отъ нихъ; наконецъ ихъ размѣстили со всѣми удобствами въ ближайшихъ ко дворцу домахъ, въ томъ

числѣ и въ старомъ Зимнемъ Дворцѣ Петра I. Они были необузданнаго поведенія: входили въ дома частныхъ лицъ и подъ предлогомъ поздравленія съ восшествіемъ на престолъ ея импер. величества выпрашивали денегъ, чтобы выпить за здоровье новой государыни" (стр. 244). Такъ разсказывалъ одинъ современникъ; но архивныя дѣла доставляютъ множество другихъ, и худшихъ, фактовъ этой необузданности, къ которымъ власти относились, конечно по извѣстнымъ соображеніямъ, очень снисходительно,—только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгая къ мѣрамъ строгости, переводя виноватыхъ въ армію или совсѣмъ исключая изъ службы.

Отдѣлъ книги, излагающій исторію лейбъ-компаніи (стр. 250 и д.), есть чрезвычайно интересный вкладъ въ исторію импер. Елизаветы, почерпнутый почти исключительно изъ архивныхъ источниковъ, доселѣ не тронутыхъ. При восшествіи на престолъ, имп. Елизавета оказала чрезвычайную милость тому отряду, который своей преданностью способствовалъ этому событію: гренадерская рота преображенскаго полка была преобразована въ „лейбъ-компанію", въ которой „капитанское мѣсто" заняла сама императрица; всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ дано было дворянство (если они раньше его не имѣли), съ передачею его дѣтямъ, родившимся послѣ этого времени, и т. д. Авторъ, указывая, какъ была злоупотребляема эта милость лейбъ-компанцами, предавшимися буйству и „шумству", справедливо замѣчаетъ, что это „предосудительное поведеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ той среды, изъ которой они вышли". Авторъ собралъ подробныя цифры о первоначальномъ составѣ лейбъ-компаніи, и въ общемъ числѣ ея (сверхъ 300 человѣкъ) различныя сословія представляются въ слѣдующемъ процентномъ отношеніи: дворянъ—18, однодворцевъ—8, купцовъ—1.66, посадскихъ людей—1, церковниковъ—8, монастырскихъ слугъ—2, подьяческихъ дѣтей—0.66, солдатскихъ дѣтей—8, казачьихъ (сибирскихъ) дѣтей—2.33, барскихъ людей—5, крестьянъ—44, татаръ и чувашъ—0.66, иноземцевъ—1%. Такимъ образомъ громадный процентъ составляли именно люди изъ низшаго класса. „Самое родство, — говоритъ авторъ, — обязывало лб.-компанцевъ бывать въ средѣ низшихъ слоевъ общества; съ этими слоями связаны были у многихъ и ихъ матеріальные интересы, а изъ-за этихъ интересовъ выходили возмутительныя столкновенія" (стр. 309).

Въ первомъ томѣ „Исторіи", разсказъ доведенъ до кончины императрицы Елизаветы.

Изъ немногихъ приведенныхъ нами примѣровъ можно видѣть интересъ книги, которая въ своемъ частномъ предметѣ затрогиваетъ и общіе вопросы нашего прошлаго быта. Широкая разработка

архивнаго матеріала, между прочимъ ранѣе совершенно неизвѣстнаго, составляетъ истинную заслугу автора, какъ и историческая правдивость изложенія. Продолженіе этого замѣчательнаго труда безъ сомнѣнія доставитъ еще много новыхъ данныхъ, важныхъ не только въ спеціальномъ смыслѣ, но и вообще для исторіи нашего общества въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи.

— Н. П. Лихачевъ. Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Спб. 1899. Три тома и атласъ.

Три тома большого формата, каждый страницъ до 700, и атласъ, заключаютъ въ себѣ результатъ многолѣтняго внимательнаго изученія, составляющаго истинный подвигъ на пользу науки. Предметъ изслѣдованія—спеціальная отрасль палеографіи, изученіе древней бумаги и такъ называемыхъ водяныхъ знаковъ (фабричныхъ или гербовыхъ знаковъ, просвѣчивающихъ въ бумагѣ), особенности которыхъ даютъ возможность опредѣлять время старыхъ недатированныхъ рукописей, т.-е. не имѣющихъ помѣты года ихъ написанія. Во множествѣ случаевъ, этотъ путь остается единственнымъ средствомъ опредѣлять время написанія старыхъ памятниковъ, т.-е. установлять первый вопросъ ихъ историческаго значенія—ихъ хронологію. Еще въ 1891, г. Лихачевъ издалъ свое первое изслѣдованіе въ этомъ направленіи: „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ московскомъ государствѣ", гдѣ сдѣлалъ попытку прослѣдить исторію бумаги и рѣшить вопросъ о соотношеніяхъ странъ производства съ странами потребленія. „Было выяснено,—говоритъ авторъ,—что по историческимъ условіямъ распространенія бумаги знаки ея, такъ называемыя *филиграни*, представляютъ доброкачественный матеріалъ для опредѣленія времени и мѣста выдѣлки бумаги.—Послѣ этого явилась возможность перенести вопросъ на практическую почву и путемъ значительнаго количества наблюденій установить палеографическую показательность бумажныхъ знаковъ (т.-е. возможность опредѣлять ими время написанія рукописей) съ одной стороны, и съ другой—выяснить способъ, какъ надо пользоваться этой показательностью для хронологическаго опредѣленія недатированныхъ памятниковъ письменности".

Объясненію общаго вопроса авторъ посвятилъ, въ началѣ перваго тома, обширное введеніе. Чтобы указать палеографическое значеніе водяныхъ знаковъ, онъ излагаетъ, во-первыхъ, исторію бумаги: время ея появленія, ея названія, производство, измѣненія въ ея внутреннемъ строеніи, форматы. Далѣе: водяные знаки, или филиграни, время ихъ появленія, способъ пользоваться ими для цѣлей палеографіи. Во-

дяные знаки появляются впервые съ конца XIII вѣка: они представляютъ свой фабричный знакъ, имѣющій связь съ гербовыми знаками,—фабриканты дорожили ими какъ клеймомъ своей фабрики, и правительства имъ содѣйствовали въ охраненіи этихъ фабричныхъ знаковъ. Способъ опредѣленія недатированныхъ рукописей заключается именно въ томъ, чтобы сопоставлять хронологическіе предѣлы употребленія тѣхъ или другихъ филиграней: хронологія самыхъ филиграней указывается такими рукописями и книгами, годъ написанія или напечатанія которыхъ извѣстенъ; въ большинствѣ случаевъ существованіе филиграней (по самой ломкости фигуръ на фабричной доскѣ) было непродолжительно,—такъ что присутствіе ихъ въ рукописи, хотя не имѣющей года, приблизительно указываетъ на время ея написанія. Въ слѣдующей главѣ авторъ даетъ, какъ примѣръ, изслѣдованіе подобнаго рода относительно нѣсколькихъ памятниковъ нашей письменности, которымъ опытнѣйшіе знатоки могли давать только весьма общія опредѣленія и которымъ, при наблюденіи водяныхъ знаковъ бумаги, можно было указать гораздо болѣе точное время. Одна латинская рукопись Публичной Библіотеки относима была „вѣроятно“ къ XIV вѣку; г. Лихачевъ указываетъ для нея опредѣленное время между 1364 и 1390 годами; „Маргаритъ“, относимый Калайдовичемъ къ „началу XV вѣка“, г. Лихачевъ „съ наибольшей вѣроятностью“ считаетъ писаннымъ около 1370 года; Хлудовскій сборникъ, по опредѣленію Андрея Попова „XV вѣка“, г. Лихачевъ считаетъ приблизительно 1340—1390 г.; Библейскія книги, Публичной Библіотеки, считавшіяся XV вѣка, по опредѣленію г. Лихачева принадлежатъ 1350—70 годамъ; Скитскій Патерикъ Синодальной Библіотеки, по опредѣленію пр. Саввы XV вѣка, по объясненію г. Лихачева относится къ 1370 годамъ; Кормчая Публичной Библіотеки, XIV вѣка, перемѣщается по водянымъ знакамъ въ первую четверть XV столѣтія; Постная Тріодь Румянцовскаго Музея, которую Востоковъ, по историческимъ упоминаніямъ въ рукописи, считалъ „не ранѣе 1458 года, по водянымъ знакамъ должна быть отнесена къ 1425—1440 годамъ и само историческое указаніе должно быть объяснено иначе“ (что̀ и дѣлаетъ г. Лихачевъ), и т. д. Такимъ образомъ, даже опытные палеографы и ученые, много обращавшіеся съ рукописями, какъ Востоковъ, Калайдовичъ, потомъ Андрей Поповъ, преосв. Савва, руководясь только особенностями письма, ошибались въ опредѣленіяхъ, когда такія опредѣленія могло съ гораздо большею точностью дать наблюденіе филиграней,—правда, что когда работали наши первые палеографы, изученіе филиграней едва начиналось. Между тѣмъ точное опредѣленіе рукописей имѣетъ большую важность въ изученіи старой письменности, давая возможность установлять даже литературные

факты—относительно которыхъ иногда нѣтъ иныхъ хронологическихъ указаній.

Особую интересную главу г. Лихачевъ посвятилъ изслѣдованію о лицевыхъ, т.-е. иллюстрованныхъ, лѣтописяхъ и о „Царственной Книгѣ", гдѣ онъ изображаетъ ходъ лѣтописанія при Иванѣ Грозномъ, въ эпоху основанія царства.

Послѣ введенія, первый томъ заключаетъ въ себѣ описаніе собранныхъ и изслѣдованныхъ авторомъ водяныхъ знаковъ или филиграней, причемъ знаки большею частію взяты изъ подлинныхъ рукописей славянскихъ и иностранныхъ, въ нашихъ и заграничныхъ библіотекахъ, и частію изъ новѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету, съ указаніемъ хронологической принадлежности филиграней. На 17 автотипическихъ таблицахъ изображены снимки разныхъ родовъ бумаги отъ XIII до XVIII столѣтій.

Столь же обширный второй томъ представляетъ предметный (описательный) указатель водяныхъ знаковъ по основнымъ типамъ рисунковъ въ алфавитномъ порядкѣ, съ перечисленіемъ русскихъ и иностранныхъ рукописей и книгъ, гдѣ они встрѣчаются; далѣе, указатель знаковъ хронологическій, отъ 1293 до 1832 года (подъ конецъ уже филиграней русскихъ бумажныхъ фабрикъ).

Третій томъ состоитъ изъ обширнаго альбома самыхъ знаковъ, который можетъ служить нагляднымъ руководствомъ для опредѣленія недатированныхъ рукописей и книгъ. Наконецъ, въ особомъ альбомѣ большого формата, f°, помѣщены, на нѣсколькихъ листахъ, образцы форматовъ и строенія бумаги, XIV-го, XV-го и начала XIX-го столѣтія.

Какъ видимъ, трудъ г. Лихачева—чисто спеціальный, обнимающій только одну область палеографіи, но трудъ, почти исчерпывающій предметъ, и который можетъ быть поставленъ наряду съ лучшими однородными трудами въ литературѣ европейской. Понятна будетъ цѣнность этого труда въ особенности для нашей литературы, если вспомнить, что древняя наша „письменность", вообще долго не знавшая печати, еще далеко не изслѣдована, и здѣсь, для опредѣленія рукописей, книга г. Лихачева можетъ послужить съ великою пользой.—Довольно взглянуть на книгу, чтобы видѣть, какого она стоила огромнаго и внимательнаго труда, и не устрашиться этого труда есть великая заслуга для науки.

— **Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Томъ II: 1820—1823; т. III: 1824—1836; т. IV: 1837—1845. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціею и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Спб. 1899.**

Въ „Литер. Обозрѣніи“ было упомянуто о первомъ томѣ „Остафьевскаго Архива“: это былъ громадный томъ, половина котораго занята была письмами 1812—1819 годовъ, а другая—обширными примѣчаніями и справками къ нимъ г. Саитова. Такія же примѣчанія имѣлись въ виду и при дальнѣйшихъ томахъ, но, видимо, ихъ сложность побудила г. Саитова къ заявленію, что нынѣшніе томы „выходятъ въ свѣтъ безъ примѣчаній, которыя появятся позже, въ видѣ отдѣльныхъ полутомовъ, имѣющихъ неразрывную связь съ текстомъ“.

По поводу перваго тома мы говорили о большомъ интересѣ этого изданія для исторіи общественной жизни и литературы за Александровское время; интересъ переписки въ дальнѣйшемъ продолженіи еще возростаетъ. Оба корреспондента были люди исключительные—съ широкимъ образованіемъ, иногда не малымъ остроуміемъ, съ обширными связями въ правительственныхъ кругахъ, въ обществѣ и литературѣ,—а также большіе охотники писать письма. Какъ естественно въ дружеской перепискѣ, здѣсь мѣшается все—личныя извѣстія, литературныя новости, общественные слухи и сплетни, а иногда и серьезныя разсужденія о положеніи вещей. Тотъ и другой интересовались литературой, знали чуть не поголовно ея представителей, и въ ихъ непринужденной бесѣдѣ разсѣяно множество крупныхъ чертъ, а особливо мелкихъ подробностей, которыя могутъ стать для историка тогдашняго общества характерными иллюстраціями. Въ письмахъ первыхъ двадцатыхъ годовъ постоянно говорится о Карамзинѣ, Жуковскомъ и другихъ членахъ бывшаго Арзамаса, вспоминается о Пушкинѣ и его друзьяхъ, и т. д. Приводимъ нѣсколько примѣровъ тогдашнихъ общественныхъ фактовъ и толковъ.

Въ письмѣ отъ февраля 1820, изъ Варшавы, когда князь Вяземскій былъ въ особенно либеральномъ настроеніи, онъ писалъ по крестьянскому вопросу: „...Братъ твой говоритъ, что правительство занимается разсмотрѣніемъ средствъ пресѣчь продажу людей *безъ земли* и *по одиначкѣ*. Я не понимаю. Да вѣдь оно давно сдѣлано: злоупотребительныя увертки отъ сего постановленія, кажется, такого рода, что трудно искоренить ихъ. Пожалуй, правительство сколько хочетъ греми противъ сверхзаконныхъ процентовъ, но пока лишнія деньги будутъ у заимодавцевъ, а недостатокъ въ деньгахъ у должниковъ, правительство станетъ всегда проповѣдывать въ пустынѣ. Пока будутъ продавцы и покупатели крови, торгъ крови увернется всегда

отъ закона: будутъ отдавать въ служеніе, въ ученіе, въ мученіе и такъ далѣе. Здѣсь рану не усыпить, а исцѣлить потребно. На это одно средство".

Въ мартѣ 1821, кн. Вяземскій пишетъ: „Я съ Дмитріевымъ не согласенъ. Надо бить въ гробъ и тѣ предразсудки, которые уже въ гробѣ. Слава Хераскова—торжество посредственности. Николевъ—также какая-то литературная держава для суевѣрныхъ поклонниковъ печати... У каждаго свое честолюбіе: мое—прослыть вольнодумцемъ въ понятіи рабски-думцевъ... Впередъ, робята обскурантизма. Ура! Я увѣренъ, что въ книгѣ Куницына (которая тогда подверглась гоненію)—двѣ или три пошлыя истины, которыя изумили нашихъ скромныхъ государственниковъ".

Въ августѣ 1823: „Когда Шаликовъ просился (!) выдавать свой „Дамскій журналъ" (!), вашъ министръ просвѣщенія говорилъ, что и такъ у насъ уже слишкомъ много журналовъ".

Тогда же и о томъ же обскурантизмѣ: „Балъ вчерашній (придворный) былъ, говорятъ, хорошъ... Освѣщеніе Кремлевскаго сада походило на просвѣщеніе: едва горѣла десятая плошка за недостаткомъ скипидара и свѣтиленъ; подрядчикъ убѣжалъ, а Юсуповъ далъ всенародно двѣ пощечины его прикащику. Когда сдѣлаютъ это съ подрядчиками просвѣщенія?"

Въ октябрѣ того же года: „На дняхъ одинъ Яворскій былъ задушенъ слугами своими. Жихаревъ былъ на слѣдствіи и не допустилъ сыщика Яковлева приступить къ пристрастнымъ допросамъ" (т.-е., вѣроятно, къ пыткѣ).

Въ мартѣ 1824 въ письмахъ Тургенева читаемъ: „Помѣшалъ Ѳедоровъ чтеніемъ продолженія своего „Курбскаго". Право, хорошо писано, и всѣ подробности почерпнуты изъ хроникъ. Карамзину и императрицѣ Елизаветѣ очень понравилось". Рѣчь идетъ о Борисѣ Ѳедоровѣ, надъ которымъ много смѣялись въ сороковыхъ годахъ; теперь видѣли въ немъ „начало нашего Вальтера Скотта". Далѣе, о Карамзинѣ, который издалъ передъ тѣмъ новые томы „Исторіи",—первые томы, какъ извѣстно, имѣли чрезвычайный успѣхъ; теперь: „онъ очень огорченъ холоднымъ разборомъ (т.-е. слабой продажей) его двухъ томовъ и въ досадѣ говорилъ, что перестанетъ писать „Исторію". Вообрази себѣ,—что по четыре, по пяти экземпляровъ въ день разбираютъ... Онъ принужденъ уступать на срокъ книгопродавцамъ".

Въ апрѣлѣ того же года, о Н. И. Тургеневѣ: „Въ прошедшую пятницу графъ Аракчеевъ призвалъ брата Николая и показалъ ему два указа. Однимъ пожалованъ онъ въ дѣйств. стат. совѣтники, другимъ отпущенъ съ жалованьемъ безсрочно (?) въ чужіе края, и велѣно выдать 1.000 червонцевъ на дорогу. Словесно—много пріятнаго

и лестнаго. Это насъ очень порадовало и тѣмъ болѣе, что неожиданно".

Въ маѣ того же года кн. Вяземскій о смерти Байрона: „Какая поэтическая смерть... Онъ предчувствовалъ, что прахъ его приметъ земля возрождающаяся къ свободѣ, и убѣжалъ отъ темницы европейской. Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому! Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать, пламенникъ его погасъ. Грецiя древняя, Грецiя нашихъ дней и Бейронъ мертвый—это океанъ поэзiи! Надѣюсь и на Пушкина". Въ томъ же письмѣ, по поводу тогдашнихъ дѣяній обскурантизма, вслѣдствіе которыхъ А. И. Тургеневъ долженъ былъ оставить службу: „Я читалъ въ письмѣ къ Дмитріеву относительное ко мнѣ. Кажется, мнѣ нечего бояться, что катастрофа ваша оборвется и на меня... Дай поскорѣе знать, что̀ будетъ и что̀ должно будетъ дѣлать, если дѣлать нужно... Сдѣлай милость, не забудь собрать всѣ мои письма и обрывки писемъ изъ тѣхъ, которыя готовились на извѣстное употребленіе, и даже тѣ, которыя уже были въ употребленіи: осторожность не лишняя". Сквозь язвительную насмѣшку видна и возможность серьезнаго опасенія.

Въ письмѣ Тургенева, отъ іюня того же года, любопытна другая черта той же исторіи: „Государь велѣлъ министру финансовъ прислать указъ о сохраненіи мнѣ всего жалованья... Я могу остаться только на условіяхъ чести и съ полнымъ блескомъ невинности. Черная клевета не должна радоваться своею жертвою, когда клевета признана клеветою... Одинъ голосъ публики весь за меня, но это врядъ ли не болѣе повредитъ мнѣ".

Въ письмѣ Тургенева изъ Парижа, отъ іюня 1830, въ числѣ замѣтокъ его о русской литературѣ встрѣчаемъ любопытный для поклонника Карамзина отзывъ объ „Исторіи": „Недавно прочелъ я здѣсь все путешествіе Карамзина, и слова: „Главное дѣло быть людьми, а не славянами", такъ поразили, обрадовали меня, что я выписалъ все въ письмѣ къ брату... Эти слова, въ молодости Карамзинымъ сказанныя, доказываютъ, что умъ его угадывалъ прекрасное, ибо тогда еще и въ Европѣ немногіе такъ думали, и лакейскій патріотизмъ господствовалъ. Жаль, что это же чувство не выразилось и въ его „Исторіи"; тамъ онъ иногда несправедливъ и къ массамъ, и къ индивидуумамъ и судитъ нѣкоторыя историческія явленія не своею душою, но по впечатлѣніямъ внѣшнимъ, постороннимъ, ему чуждымъ. Не хочу приводить доказательствъ, но русская исторія не оправдываетъ прекрасной, истинно-христіанской, въ душѣ Карамзина почерпнутой, мысли: главное—быть людьми... Нѣтъ! Кто знаетъ Карамзина только

по его „Исторіи",—не знаетъ его!.. Пожалуйста, не толкуйте меня криво: я люблю Карамзина ежедневно болѣе"...

Въ письмахъ обоихъ корреспондентовъ не разъ упоминается о Пушкинѣ; есть указанія, важныя для его біографовъ; приведена одна поэтическая „шалость".

Четвертый томъ „Архива" на бо̀льшую половину занятъ письмами Тургенева изъ Петербурга, Москвы, изъ-за границы: это былъ человѣкъ чрезвычайно подвижный, съ разносторонними интересами, и его письма представляютъ пеструю хронику общественной и литературной жизни: за границей онъ зналъ лично множество замѣчательныхъ людей политики, науки и литературы; въ Москвѣ—тѣмъ болѣе, и масса его извѣстій и замѣтокъ даетъ много любопытнаго для исторіи того времени.

Съ появленіемъ объяснительныхъ примѣчаній В. И. Саитова, этотъ матеріалъ получитъ двойную цѣну: безъ сомнѣнія г. Саитовъ, какъ и прежде, въ своихъ примѣчаніяхъ исполнитъ уже всю предварительную разработку фактовъ, и „Остафьевскій Архивъ" явится для историка и любознательнаго читателя богатымъ запасомъ любопытныхъ историческихъ свѣдѣній.—А. П.

— П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Б. Гринченко. Черниговъ, 1899.

П. А. Кулишъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей новаго періода малорусской литературы и новыхъ изученій малорусской народности, современникъ (почти ровесникъ) Костомарова, нѣкогда одинъ изъ его ближайшихъ друзей, наряду съ нимъ ревностно дѣйствовавшій въ „Основѣ" (1861—1862). Еще задолго до „Основы", въ сороковыхъ годахъ, въ юношескую пору, они, вмѣстѣ съ другими молодыми товарищами,—въ числѣ которыхъ былъ и Шевченко, крупнѣйшая поэтическая сила всей малорусской литературы,—предавались во имя „Кирилла и Мееодія" романтическимъ мечтаніямъ о народномъ благѣ и,—переходя границы своего племени,—мечтали о благополучіи цѣлаго славянства, подъ эгидой могущественной Россіи, въ духѣ евангельскаго просвѣщенія, а также съ освобожденіемъ народа отъ крѣпостного права. Прекрасныя мечты были вскорѣ разрушены—простой жизненной прозой: доносомъ, допросами, ссылкой. Кулишъ, уже раньше начавшій этнографическую и литературную дѣятельность, пережилъ тяжелые годы, но со второй половины пятидесятыхъ годовъ, снова вернулся къ ревностному труду и, кромѣ „Записокъ о южной Руси", его большой заслугой были біографія Гоголя, изданіе его сочиненій и особенно изданіе „Писемъ", не повторенное до сихъ

поръ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ шла упомянутая дѣятельность въ „Основѣ", сопровождавшаяся изданіемъ книгъ для народнаго чтенія. Затѣмъ въ идеяхъ Кулиша происходитъ поворотъ, ознаменованный его „Исторіей возсоединенія Руси"; его мысли перемѣнились: малорусская жизнь стала представляться въ иномъ свѣтѣ; онъ отправляется въ Галицію, ожидаетъ сближенія съ поляками; въ то же время переводитъ на малорусскій языкъ Библію, Шекспира, Байрона, Гёте; къ несчастію, законченный переводъ Библіи сгорѣлъ во время пожара, и Кулишъ, уже въ послѣдніе годы жизни, началъ его снова, перенося трудныя матеріальныя условія. Кулишъ умеръ въ 1897, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду.

Біографію его написать въ настоящее время нелегко: еще близки бытовыя условія, въ которыхъ должна была складываться эта дѣятельность, какъ съ другой стороны не легко разобраться въ сложныхъ психологическихъ мотивахъ этого характер, которые были причиной упомянутыхъ противорѣчій въ самомъ существѣ его взглядовъ. Г. Гринченко не бралъ на себя задачи подобной біографіи; его книжка—небольшой очеркъ литературной дѣятельности Кулиша, оставляющій еще много неяснаго. Авторъ старается опровергнуть давно высказанное мнѣніе о раздвоенности прежнихъ и позднѣйшихъ взглядовъ Кулиша, и приводя одно изъ такихъ мнѣній, высказанное лѣтъ двадцать тому назадъ (что во взглядахъ Кулиша произошелъ „изумительный поворотъ", гдѣ „прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ" и пр.), г. Гринченко находитъ это „не вполнѣ точнымъ" и утверждаетъ, что въ защитѣ самобытнаго развитія малорусской народности и въ признаніи необходимости „государственнаго единенія южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ" Кулишъ всегда оставался себѣ вѣренъ: „эти два принципа проходятъ красной нитью во всей его литературной дѣятельности до самаго послѣдняго ея дня" и т. д. (стр. 22—23).

Совсѣмъ не понимаемъ этого. Вслѣдъ за приведенными словами читаемъ у г. Гринченка: „сперва Кулишъ смотрѣлъ на козаковъ взглядомъ, близкимъ ко взгляду Шевченка" (стр. 24), а потомъ „совсѣмъ пересталъ видѣть въ козачествѣ какіе-либо признаки культурной творческой силы", сталъ „изображать козаковъ исключительно разбойниками", и наконецъ, „послѣдовательно разсуждая, необходимо было снять бо̀льшую часть (если не всѣ) обвиненій съ цивилизаторовъ, каковыми въ данномъ случаѣ являлись польско-малорусскіе паны", и такимъ образомъ являются „похвалы польско-малорусскому дворянству и громы противъ историковъ, защищающихъ козаковъ" (стр. 26); наконецъ, малорусская исторія XVII вѣка есть только исторія „украинскихъ разбоевъ" (стр. 27). Старый другъ и единомышленникъ,

Шевченко, давно уже умершій, вызываетъ въ Кулишѣ прямо озлобленное чувство, и г. Гринченко говоритъ: „Шевченко есть, по мнѣнію Кулиша, неустранимый предметъ малорусской исторіографіи, и вотъ почему онъ противъ него выступилъ. Но выступилъ онъ не съ спокойнымъ разборомъ его произведеній, а съ нападками на его личность и на „распущенную“, „полупьяную“ его музу. Если подобнаго рода нападки, да еще неосновательные, вообще не могутъ быть оправдываемы, то тѣмъ болѣе они должны были оскорбить чувства многочисленныхъ почитателей благородной музы и глубоко симпатичной личности поэта“ (стр. 38). Кажется, ясно, что поворотъ былъ дѣйствительно „изумительный“ и что прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ. Далѣе, г. Гринченко, защищая Кулиша и нѣсколько обвиняя его противниковъ („многіе и многіе изъ бросавшихъ въ него камнемъ занимались лишь прекрасными разговорами“, когда онъ „задыхался подъ тяжестью работы“; — но, напр., о Костомаровѣ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ мало работалъ), приходитъ къ слѣдующему заключенію: „не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а Кулишъ всегда много дѣлалъ, его ошибки и увлеченія были всегда искренни, и, дѣлая ихъ, онъ постоянно имѣлъ хорошую цѣль—выясненіе истины. Все это (т.-е. нападенія) не могло не вызывать раздраженія въ гордой, самолюбивой и отчасти нетерпимой натурѣ Кулиша и не усиливать рѣзкость и страстность отвѣтовъ и нападеній на противниковъ съ его стороны. Онъ пересталъ обращать вниманіе на чьи-либо замѣчанія, сталъ вѣрить въ свою непогрѣшимость и твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что только онъ одинъ знаетъ истину“ и пр. (стр. 39). Г. Гринченко не замѣчаетъ, какъ будто, что изображаетъ картину не настоящаго исканія истины, которое должно быть многостороннимъ и безпристрастнымъ, а картину самомнѣнія и нетерпимости, которыя мало способствуютъ отысканію истины.

Эту черту характера Кулиша нельзя забыть въ исторіи его литературнаго поприща. Біографъ не можетъ не отдать справедливости его широкимъ замысламъ, неутомимой работѣ, которую онъ совершилъ, но не можетъ не видѣть обратной стороны, которая помѣшала цѣльному результату его дѣятельности. Прежде всего, Кулишъ былъ романтикъ, какъ столько людей его поколѣнія: всегда онъ былъ въ порывахъ и увлеченіяхъ, которые овладѣвали имъ тѣмъ сильнѣе, что всегда, съ своихъ первыхъ успѣховъ, онъ былъ исполненъ крайняго самолюбія и нетерпимости; отсюда — недостатокъ критики, развивавшійся тѣмъ болѣе, что ему недоставало настоящей научной школы. Онъ былъ именно человѣкъ чувства: когда въ данную минуту онъ воспринималъ этимъ чувствомъ извѣстную сторону предмета, онъ уже терялъ способность видѣть другую сторону; а когда представилась

другая сторона, онъ уходилъ въ другую крайность. Таково было въ давнюю пору его отношеніе къ Гоголю: сначала (въ біографіи) это—его идолъ, потомъ (въ „Основѣ") это—поверхностный писатель, не имѣвшій понятія о малорусской жизни и восхваляемый здѣсь только невѣждами. Мѣры онъ обыкновенно не зналъ: нѣкогда онъ былъ другомъ Шевченка, потомъ муза Шевченка казалась ему только „пьяной"; Гоголь былъ то вдохновеннымъ творцомъ, для возвеличенія котораго онъ употреблялъ самыя восторженныя выраженія, то фальшивымъ и неумѣлымъ писателемъ, и т. п. Въ исторіи, Кулишъ обладалъ несомнѣнно большими знаніями, собранными трудолюбивымъ изученіемъ источниковъ, но не обладалъ въ той же мѣрѣ исторической критикой, которая предохранила бы его отъ пристрастія и преувеличенія. Критики не всегда доставало и въ его этнографическихъ изслѣдованіяхъ,—когда, напр., въ „Запискахъ о южной Руси" онъ повѣрилъ грубой поддѣлкѣ цѣлой думы, будто бы уцѣлѣвшей изъ временъ язычества.

Тѣ свойства, какія указываетъ г. Гринченко къ концу дѣятельности Кулиша, были безъ сомнѣнія печальнымъ результатомъ для долгаго литературнаго поприща, которое, напротивъ, должно было бы научить широкому взгляду и терпимости, вмѣсто самомнѣнія и исключительности. Причина лежитъ, конечно, не только въ личномъ характерѣ, но и въ тѣхъ условіяхъ литературы, которыя не давали мѣста свободному и ясному развитію общественной и исторической мысли. Но за Кулишомъ, при всѣхъ ошибкахъ и увлеченіяхъ, останется заслуга неустанной работы для историческаго знанія и для народной литературы, гдѣ, между прочимъ, онъ былъ и великимъ мастеромъ малорусской рѣчи.—Т.

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Агринскій, К. Ѳ. — Русскія народныя примѣты о погодѣ и ихъ значенія для практической метеорологіи и сельскаго хозяйства. Саратовъ. 99. 347 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Алтаевъ, А.—Свѣточи правды. Очерки и картины изъ жизни великихъ людей. Спб. 900. Ц. 2 р. 25 к.

Андриссенъ, П. І.—Заря императорскаго трона, или второй періодъ французской революціи. Историческій разсказъ. Съ голландскаго. Спб. 900. Ц. 60 к.

Аничковъ, М. В.—Война и трудъ. Спб. 900. Ц. 4 р. 50 к.

Анненская, А.—Въ Центральной Азіи. Путешествіе Свена Гедина, въ 1893—97 гг. въ Памиръ, Тибетъ и Восточный Туркестанъ. Съ рис. и картой Спб. 99.

Анучинъ, Д. К. — О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно о находимыхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ. М. 99,

Батюшковъ, Ѳ. Д.—Критическіе очерки и замѣтки. Спб. 900. Ц. 1 р.

Божъ, И. И.—О снабженіи С.-Петербурга водою. (Брошюра). Спб. 99.

Браиловскій, С. Н.—Комитетъ народныхъ чтеній въ гор. Хабаровскѣ. Историческій очеркъ. Владивост. 99.

Бубисъ, Г. М., д-ръ.—Сіонистское движеніе при свѣтѣ критики. Открытое письмо къ другу-сіонисту. Спб. 900. Ц. 30 к.

Верещагинъ, А. В.—Новые разсказы (1855—1895 гг.). Спб. 900.

Воротниковъ, А. — Въ старыхъ стѣнахъ. Повѣсти южныхъ береговъ. Спб. 99.

Гершонъ-бенъ-Гершонъ.—Сіонистское движеніе среди евреевъ. Од. 900. Ц. 40 к.

Герье, В. И.—Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. 12 янв. 1900 г. М. 900.

Гревсъ, И. М.—Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Т. I. Спб. 1899 г. (Записки Историко-Филологическаго Факультета Имп. Спб. университета. Часть LIII). Стр. XXII+651.

Грегоровіусъ, Ферд.—Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. Отъ Юстиніана до турецкаго завоеванія. Съ нѣм. Спб. 900. Ц. 3 р. 50 к.

Гриммъ, Э.—Изслѣдованіе по исторіи развитія римской императорской власти. Т. I: Отъ Августа до Нерона. Спб. 900.

Гринъ, Дж.—Исторія англійскаго народа. Т. III: Пуританская Англія.—Революція. 1603—1683 г. Съ англ. П. Николаевъ. М. 99. Ц. 2 р. 50 к.

Гуревичъ, Я. Г.—Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія, въ особенности же классическихъ гимназій. Спб. 900. Ц. 30 к.

Де-Фо, Даніэль.—Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Съ англ. П. Кончаловскій. М. 99. Ц. 1 р. 35 к.

Ешевскій, С. В.—Сочиненія по русской исторіи. Съ портретомъ автора и біографіей его, составленной К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. М. 900. LXXXI и 403 стр. Ц. 2 р.

Каневецкій, К. К.—Изъ былого Черноморіи. Екатеринодаръ. 99. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Спб. 900. Ц. 40 к.

——— Феодализмъ въ школьномъ преподаваніи исторіи. (Брошюра).

——— Курсъ новой исторіи. Пособіе къ лекціямъ, читанн. въ Имп. Александр. Лицеѣ. Ч. II. XIX-ый вѣкъ. Вып. 1. Спб. 99.

Касаткинъ, Сергѣй.—Omnia vincit amor. Стихотворенія. 1880—1899. Спб. 900. Ц. 1 р.

Королевъ, Ф. Н.—Сельское строительное искусство. Съ 413 черт. Спб. 900. Ц. 2 р.

Ковалевскій, М. М.—Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. М. 900. Ц. 3 р.

Конъ, Ф. Я.—Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ. Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Вып. I. Минусинскъ. 99. Ц. 1 р.

Коринфскій, Ап.—Бывальщины. Спб. 900. Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Лависсъ, чл. Франц. акад.—Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣкахъ и объ исторіи новаго времени. Съ франц. Е. П. Кончаловской. М. 900. Ц. 35 к.

Ланге, Ф. А.—Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящемъ. Т. II: Исторія матеріализма со времени Канта. Перев. съ 5-го нѣм. изд., п. р. Влад. Соловьева. Кіевъ. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Линевъ, Д. А. (Далинъ).—Третья книга „не-сказокъ". Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Луговскій, П. М.—Еще нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новг. 900. Ц. 15 к.

Морантъ, Р.—Дополнительныя народныя школы во Франціи. Съ англ. П. Мижуева. Спб. 900. Ц. 50 к.

Нефедовъ, Ф. Д.—Святочные разсказы. Изд. 2-е, дополнен. Спб. 900. Ц. 60 коп.

Пантюховъ, И.—Шаорская котловина и ея окрестности. Тифл. 900.

Пель, А. В., проф.—Физіолого-химическія основы теоріи спермина и клиническіе матеріалы о терапевтическомъ примѣненіи спермина (Sperminum-Poehl). Спб. 99.

Петрушевскій, А.—Генералиссимусъ князь Суворовъ. Изд. 2-е, съ портр. и факсимиле. Спб. 900. Ц. 4 р.

Покровскій, Н.—Музыкальная драма, ея недавнее прошлое, современное положеніе и надежды на будущее. Спб. 900. Ц. 1 р.

Полевой, П. К.—Исторія русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Вып. 1-ый. Съ 43 рис. въ текстѣ и 4 хромолитографіями. Т. I. Изд. А. Ф. Маркса, въ 3-хъ томахъ. Спб. 900. Ц. Вып. I—1 р.

Пономаревъ. Ал.—Товаровѣдѣніе. Справочная книга къ общему таможенному тарифу 1892 г. Практическо-научное пособіе съ 116 рис. въ текстѣ и таблицею рыбъ. Спб. 900. Ц. 5 р.

Рёскинъ, Дж.—Лекціи объ искусствѣ, читанныя въ Оксфордскомъ университетѣ въ 1870 г. Съ англ. П. С. Коганъ. Съ портр. автора. М. 900. Ц. 1 р.

Роборовскій, В. И.—Труды экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общ. по Центральной Азіи. Ч. II. Спб. 900.

Рождествинъ, А.—Въ виду реформы средней школы. Каз. 900. Ц. 30 к.

Розановъ, В. В.—Природа и исторія. Сборникъ статей. Спб. 900. Ц. 1 р.

Семеновъ, В.—Новое положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ. Спб. 900. Ц. 30 к.

——— Полицейскія права и обязанности волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ. Спб. 900.

Симоненко, Г. Ѳ., проф. Варшавскаго унив.—Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ. Обзоръ и критическая оцѣнка ученій главныхъ представителей современной экономической науки, особенно ново-исторической школы. Варшава. 900. Стр. LXV—506. Ц. 3 р.

Скворцовъ, И. П., проф.—Значеніе для здоровья свободнаго и жилого воздуха, съ точки зрѣнія изложенной здѣсь же „Динамической теоріи" автора. Спб. 99. Ц. 50 к.

Случевскій, В.—Добавленіе къ учебнику Русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство.—Судопроизводство. Спб. 900. Ц. 50 к.

Соколовъ, Н.—Слои съ „Venus Konkensis (Средиземноморскіе отложенія). на р. Конкѣ. Спб. 99. Ц. 3 р. 70 к.

Сѣдовъ. Л.—Современное положеніе школы и учительства въ Австріи. М. 99.

——— Германскій учительскій союзъ. М. 99.

——— О педагогическомъ инстинктѣ и его воспитаніи. М. 99.

——— Педагогическія идеи Гёте. М. 900.

Тарановскій, Ѳ. В.—Интересъ и нравственный долгъ въ правѣ. Варш. 99.

Тимковскій. К.—Повѣсти и разсказы. Т. I. Спб. 900. Ц. 1 р.

Тотоміанцъ, В.—Мощь коопераціи. Спб. 900. Ц. 20 к.

Трубниковъ, К. Θ. — Денежное обращеніе, въ связи съ мощнымъ развитіемъ производства богатствъ въ Россіи. Спб. 900.

Тьерри, Ж.—Маска. Съ франц. А. Комарской съ пред. Ив. Поралнна. Спб. 900. Ц. 1 р.

Флери, М., д-ръ.—Опытъ душевной гигіены. Съ франц. А. Верижскаго Спб. 99. Ц. 1 р.

Хвольсонъ, Θ. Д.—Краткій курсъ физики для медиковъ, естественниковъ и техниковъ. Ч. II: Ученіе о звукѣ. Ученіе о лучистой энергіи. Съ 307 рис. Спб. 900. Ц. 2 р. 50 к.

Хомяковъ, А. С.—Димитрій Самозванецъ. Траг. въ 5 д. Спб. 99. Ц. 1 р.

Чеховъ, А.—Разсказы. Спб. 900. Ц. 1 р. 50 к.

Чириковъ, Евг.—Очерки и разсказы. Кн. 2-я. Спб. 900. Ц. 1 р.

Шейнкинъ, М.—Третій конгрессъ сіонистовъ (въ Базелѣ). II. Рѣчи д-ра Герцля; д-ра М. Нордау; равв. Гастора и д-ра Л. Кана. Од. 900. Ц. 35 к.

Шелли.—Сочиненія. Вып. 7-й: „Ченчи", траг. 1819. Съ англ. перев. К. Д. Бальмонта. М. 99. Ц. 75 к.

Шестаковъ, Д. П.—Стихотворенія. Спб. 900. Ц. 1 р.

Ш—овъ, Н.—У могилъ П. А. Кулиша и В. М. Бѣлозерскаго. (Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ. 1899. 23 стр.

Эйзерманъ, К.—Манія величія. Записки изъ желтаго дома. Психо-патологическій этюдъ. Харьк. 900. Ц. 60 к.

Θедоровъ, А. М.—Степь сказалась. Ром. въ 2 ч. Ц. 1 р.

Bełza, Stanisław.—Listy z Sycylii. Warszawa, 900.

— The Russian Journal of Financial Statistics. 900. № A. St. Pet. 99.

Wereschtschagin, A. W.—Skobeleff in Türkenkriege und vor Achal-Teke. Erinnerungen eines Augenzeugen. Deutsche Ausgabe v. Drygalsky. Berl. 900.

— Адресная книга города С.-Петербурга на 1900 годъ. Девятый годъ изданія. Составлена при содѣйствіи Городского общественнаго Управленія, п. р. П. О. Яблонскаго. Спб. 99.

— Альманахъ-Ежегодникъ на 1900 г., П. О. Яблонскаго. Календарь и сборникъ свѣдѣній полезныхъ каждому въ ежедневной жизни. Спб. 99.

— Амурско-приморская сельско-хозяйственная промышленная выставка въ г. Хабаровскѣ, въ 1899 г.

— Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Повременное изданіе, п. р. акад. И. Н. Мержеевскаго. Годъ XIII. Спб. 99.

— Главныя причины высокой смертности населенія въ С.-Петербургѣ. Составлено по порученію с.-петерб. градоначальника ген.-маіора Н. В. Клейгельса. Стр. 27 и 8 діаграммъ.

— Денница. Альманахъ на 1900 г. Подъ ред. П. Гнѣдича, К. Случевскаго и I. Ясинскаго. Спб. 900. Ц. 1 р.

— Естественно-историческій Атласъ. Составили П. Шмидтъ, К. Палибинъ и А. Рихтеръ. Вып. III. Зоологія, анатомія человѣка, ботаника и минералогія. Наглядное пособіе для семьи и школы. 200 таблицъ, 1200 рис., съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 99. Ц. 5 р.

— Записки Историко-Филологическаго Факультета Имп. Спб. Университета. Ч. LIII. Спб. 99.

— Историческіе разсказы для народныхъ чтеній и школъ: 1) Лудовикъ IX, король-подвижникъ. 2) Рабство и освобожденіе негровъ. 3) Аттила, Бичъ

Божій. 4) Въ первый разъ кругомъ свѣта.—Изд. Историч. Общества при Имп. Москов. университетѣ, п. ред. В. И. Герье. М. 900. Ц. 12, 8, 8 и 5 коп.

— Историческій очеркъ кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи. Къ столѣтію взятія Тифлиса русскими войсками, 26 ноября 1799 г. П. р. г.-м. Потто. Тифл. 99.

— Итальянская литература. Джіованни Верга: Мужъ Елены.—Джероламо Роветто: Разсказы.—М. Серао: Разсказы. М. 900. Ц. по 50 к.

— Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россія, за 1897 г. Спб. 900.

— Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1898 г. Спб. 99.

— Отчетъ Государственнаго Контроля, по исполненіи государственной росписи за 1898 г., въ 2 ч., съ Объяснительною Запискою къ нему. Спб. 99.

— Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Т.т. II, III и IV: Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Изд. гр. С. Д. Шереметева, п. р. и съ прим. В. И. Саитова. Спб. 99. Ц. по 3 р. каждый томъ.

— Русскій торговый флотъ. Списокъ судовъ къ 1 января 1899. Спб. 99.

— Сборникъ Консульскихъ донесеній. Т. III, вып. 1. Спб. 900.

— Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 1500 р. М. 900. Ц. 10 к.

— Цифровый матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, собранный въ 1896 г. Статист. пересел. отрядомъ, п. р. Г. Пріймака. Ч. I и II. М. 99.

— Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вышло 18 вып. Все изданіе (около 80 вып.) 12 рублей. Подъ ред. П. Ѳ. Каптерева. Спб. 900.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Новѣйшая біографія Жоржъ-Сандъ.

Wladimir Karénine. George Sand, sa vie et ses oeuvres. Paris, 1899. T. I, стр. 450; т. II, стр. 460.

Жоржъ-Сандъ принадлежала своему времени всѣми силами души и таланта; ея жизнь и ея литературное творчество тѣсно связаны стремленіемъ воплотить свою индивидуальность, проявить себя и въ жизни, и въ ὀбразахъ фантазіи. Страстный и нетерпѣливый темпераментъ ея нуждался въ непосредственныхъ явныхъ результатахъ мыслей и желаній. Въ жизни поэтому она всегда шла на встрѣчу бурямъ, а въ литературѣ должна была стать проповѣдницей, призывать людей отъ словъ къ дѣлу, къ освобожденію отъ искусственныхъ путъ, замедляющихъ и затрудняющихъ развитіе и торжество свободной личности. Этого типа проповѣдники въ литературѣ отличаются и отъ „учи́телей“ жизни, и отъ художниковъ, ставящихъ цѣли „чистаго искусства“ выше всякихъ жизненныхъ поученій. Художники, не преступающіе предѣловъ всеотражающаго искусства, идутъ отъ ὀбразовъ дѣйствительности къ скрытымъ за ними отвлеченнымъ истинамъ. Учители жизни—въ лучшемъ смыслѣ этого слова—поднимаются надъ временными условіями, ищутъ въ душѣ человѣка то, что̀ въ ней есть непреходящаго, не вызваннаго внѣшними обстоятельствами; идеалы, ихъ вдохновляющіе, не достижимы путемъ общественныхъ реформъ, и живутъ въ глубинѣ просвѣтленнаго сознанія, въ каждой отдѣльной душѣ. Судьбы писателей въ исторіи литературы опредѣляются большей частью ихъ принадлежностью къ одному изъ этихъ типовъ. Писатели перваго типа близки и вмѣстѣ съ тѣмъ далеки отъ жизни; они глубоко и ясно ее постигаютъ, но заняты не ея мѣняющимися интересами, цѣлями и надобностями, а отвлеченными обобщеніями,—правдой, замыкающейся уже не въ тѣсномъ кругу явленій, а въ свободной мысли, для которой добро и зло не сливаются съ понятіемъ о непосредственной пользѣ. Такихъ писателей современники считаютъ великими, чувствуютъ недоступность ихъ идеаловъ, сознаютъ ихъ без-

результатность для ближайшихъ интересовъ и запросовъ практической жизни,—но ихъ связь съ дѣйствительностью и разъясненіе ея приближаютъ ихъ произведенія къ общему пониманію. Вотъ почему великіе писатели всѣхъ временъ—назовемъ хотя бы Софокла, Шекспира, Гёте — волнуютъ умы и души людей различныхъ эпохъ. Они не отдавали себя всецѣло своему времени, а обняли силой генія сокровенныя желанія человѣчества, освобожденнаго отъ всѣхъ условій времени,—и потому каждое новое поколѣніе находитъ частичку самого себя въ мысляхъ и чувствахъ своихъ великихъ духовныхъ предковъ.

Писатели, которымъ можно—и даже слѣдуетъ—присвоить имя учителей жизни, не пользуются ровнымъ и постояннымъ признаніемъ смѣняющихся поколѣній. Если ихъ ученіе глубоко и проникнуто стремленіемъ къ совершенству, непригодному для насущныхъ надобностей жизни, то равнодушіе современниковъ—ихъ обычный удѣлъ. Они вносятъ тревогу, идутъ въ разрѣзъ съ желаніями окружающей среды. Но для нихъ наступаютъ тогда моменты признанія и часто восторженнаго поклоненія, когда ихъ въ свое время одинокія пониманія и настроенія просыпаются въ умахъ цѣлаго поколѣнія. Въ эту категорію входятъ непонятые при жизни писатели, составляющіе предметъ изученія и поклоненія иногда много времени послѣ своей смерти. Назовемъ предшественника пессимистическаго и психологическаго романа—Стэндаля, или заоблачнаго идеалиста Шелли, или, наконецъ, Ибсена, ставшаго только подъ старость общепризнаннымъ великимъ драматургомъ. Судьба такихъ писателей особенная. Они проходятъ черезъ рядъ смѣняющихся отношеній къ себѣ, становятся то близкими или даже модными, то снова забываются, чтобы опять черезъ нѣкоторое время, стать выразителями господствующихъ настроеній. Будучи совершенно цѣльными въ себѣ, ведя къ опредѣленнымъ этическимъ или эстетическимъ идеаламъ, они не обнимаютъ—подобно писателямъ перваго типа—всѣхъ отдѣленныхъ отъ закона времени, человѣческихъ стремленій, и потому близки не всѣмъ эпохамъ, а лишь родственнымъ себѣ. И чѣмъ шире и глубже вдохновлявшія ихъ мысли, тѣмъ чаще возрождаются они въ совершенствующемся человѣчествѣ. Много величайшихъ писателей и художниковъ переживали и переживаютъ времена забвенія и возрожденія именно потому, что ихъ творчество проникнуто миссіей, и что они могутъ имѣть воздѣйствіе лишь на родственныя души. Одинъ изъ такихъ учителей—Достоевскій, который уже на нашихъ глазахъ различнымъ образомъ цѣнился и цѣнится ближайшимъ къ нему поколѣніемъ.

Но есть еще одна категорія писателей—и къ ней принадлежитъ Жоржъ-Сандъ. Они создаются идеями и чувствами, изъ которыхъ

сöткана нравственная атмосфера извѣстной эпохи. Въ нихъ есть достаточно смѣлости, чтобы дойти до конца смутныхъ потребностей и желаній, волнующихъ ихъ современниковъ, и есть яркость таланта для воплощенія своихъ идей въ образахъ дѣйствительности. Они сливаются душой съ лучшими мечтами своего времени,—и только въ этихъ границахъ свободно движется ихъ творческая фантазія. Нѣтъ въ нихъ ничего невысказаннаго, ничего такого, что̀ не оправдывалось бы живыми потребностями и страданіями. Ихъ главное свойство—чуткость ко всему человѣчному, ихъ сила—въ искренности и страстности сочувствія. Жоржъ-Сандъ—одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ, страстныхъ и сильныхъ выразителей того стремленія къ свободѣ, которое порождено было философіей Руссо и стало борьбой за свободу политическую, общественную и личную. У Руссо стремленіе къ свободѣ имѣло еще философскій характеръ. При всемъ своемъ возмущеніи противъ общественныхъ оковъ, противъ взаимной тиранніи классовъ, предразсудковъ и т. д.—онъ чувствовалъ однако, что человѣкъ можетъ освободиться только въ себѣ, и никакая внѣшняя свобода не можетъ составить конечнаго идеала человѣчества. Преемники Руссо во Франціи стали понимать свободу чисто конкретнымъ образомъ, и Жоржъ-Сандъ—наиболѣе яркій глашатай освобожденія отъ внѣшняго гнета жизненныхъ условій. Она предполагаетъ человѣка внутренно свободнымъ, и требуетъ только, чтобы люди и предразсудки не мѣшали свободѣ. Чувства и страсти, во имя которыхъ она возстаетъ противъ человѣческихъ законовъ, не кажутся ей загадочными въ своей сущности. Проблема бытія для нея ясна: люди скованы въ жизни и свободны въ душѣ—нужно научить ихъ разбивать оковы и принадлежать себѣ. Нужна борьба, изъ которой личность выходитъ побѣдительницей, если она тверда въ своемъ презрѣніи къ условностямъ.

Понимая, такимъ образомъ, психологію современнаго ей общества, Жоржъ-Сандъ сразу завоевала сочувствіе. Все, что̀ было благороднаго въ романтическомъ стремленіи къ борьбѣ, отразилась полно и горячо въ ея герояхъ. И—это главное для успѣха—идеалы Жоржъ-Сандъ не превышали осуществимаго, не выходили за предѣлы желаній каждаго, кто въ то время мыслилъ гуманно и благородно. Ея положительные герои взяты изъ жизни; въ отрицательныхъ типахъ она казнитъ узкость чувства и равнодушіе къ страданіямъ обиженныхъ судьбой, т.-е. опять-таки видимые недостатки, мѣшающіе общественному прогрессу. Жоржъ-Сандъ полно отразила идеалы своего времени—этимъ начинается и кончается ея роль въ литературѣ.

Свою великую славу, длившуюся всю ея жизнь, Жоржъ-Сандъ вполнѣ заслужила. Нужно было, чтобы общество дошло до высочайшихъ вершинъ въ своихъ осязательныхъ и осуществимыхъ стремле-

ніяхъ, прежде чѣмъ обратиться внутрь себя и переоцѣнить свои исканія свободы sub specie aeternitatis. Жоржъ-Сандъ очень высоко подняла пониманіе свободы—хотя все еще искала ея во внѣшнихъ явленіяхъ и поступкахъ, а не въ отношеніи человѣка къ самому себѣ. Но ея прославленіе стихійныхъ чувствъ и натуръ, торжествующихъ въ своемъ инстинктивномъ стремленіи къ свободѣ, воодушевляло общество, смутно сознававшее въ себѣ то, что̀ талантливая романистка провозгласила съ полной смѣлостью. Вліяніе Жоржъ-Сандъ на современниковъ было огромное. Многіе современные ей романисты стояли выше ея по таланту. Бальзакъ, безпощадный анатомъ, ничему не учившій, но обнажавшій глубину паденія во всемъ, что̀ буржуазія привыкла считать добродѣтелью, Стэндаль, Меримé, нѣжный поэтъ съ оскорбленной душой, ушедшій въ міръ легендъ,—всѣ они, быть можетъ, больше дали потомству, чѣмъ Жоржъ-Сандъ. Но общество проникнуто было въ то время активнымъ духомъ, жаждало словъ, зовущихъ на борьбу,—и Жоржъ-Сандъ была къ нему ближе, чѣмъ поэты и художники болѣе отвлеченные.

За предѣлами Франціи Жоржъ-Сандъ больше всего повліяла на русское общество. Значеніе „жоржъ-сандизма“ въ Россіи—исторически установленный фактъ. Конечно, въ ней цѣнили не столько писательницу, сколько своего рода гражданское знамя и воительницу за свободу женщины и еще болѣе за свободу человѣка отъ всѣхъ общественныхъ узъ. Все, что̀ писали о Жоржъ-Сандъ и Бѣлинскій, и Достоевскій, и другіе, показываетъ, что она казалась имъ не столько сильной литературной индивидуальностью, сколько носительницей близкихъ имъ идей. Въ Россіи Жоржъ-Сандъ была для цѣлаго поколѣнія такой же опорой въ борьбѣ противъ обскурантизма, какъ и во Франціи, и потому судьба ея произведеній у насъ почти такая же, какъ и на родинѣ романистки. Пока длилась напряженная борьба за новые общественные идеалы, до тѣхъ поръ проповѣдница ихъ имѣла огромное вліяніе. Она возвѣстила „новое слово“ и повела за собой всѣхъ, кто откликнулся на ея искренній зовъ. Но „слово“ ея было новымъ не надолго. Жоржъ-Сандъ звала за собой людей измученныхъ переживаніями устарѣлыхъ предразсудковъ. Но какъ только голосъ ея былъ услышанъ, и то, что̀ было откровеніемъ въ ея устахъ, стало совершенно обыденной истиной — призывъ ея потерялъ значеніе. Свобода чувства, право женщины не подчиняться тиранніи семьи, право свободнаго выбора, отсутствіе нравственныхъ различій между различными классами, возможность благороднаго чувства въ душѣ пролетарія, пошлость буржуазной морали,—все это перестало быть вопросами, никѣмъ не оспаривается, и потому горячая защита слиш-

комъ очевидныхъ истинъ кажется современному читателю устарѣлой и отжившей.

Ибсенъ говоритъ, что каждая истина живетъ въ качествѣ такой 10—15 лѣтъ, а потомъ становится ложью. Въ общемъ это пессимистическое изреченіе невѣрно. Есть истины, которымъ цѣлыя тысячи лѣтъ, и чѣмъ дольше онѣ живутъ, тѣмъ ярче обнаруживается ихъ истинность. Но когда дѣло идетъ объ общественныхъ идеалахъ, то срокъ ихъ новизны именно такой—10 или 15 лѣтъ. Потомъ онѣ становятся или условными, или слишкомъ обыденными. Жоржъ-Сандъ была проповѣдницей истинъ, новизна которыхъ не длилась болѣе 20 лѣтъ,—и немногимъ долѣе длилась ея громкая слава. То, чего она искала—свободы—ищутъ и теперь, и будутъ всегда искать люди, закованные въ цѣпи желаній, противорѣчащихъ ихъ собственнымъ инстинктивнымъ стремленіямъ къ отвлеченному добру. Но свободу стали искать путемъ самоуглубленія, путемъ провѣрки всѣхъ традиціонныхъ понятій о добрѣ, красотѣ и т. д., а потому Жоржъ-Сандъ съ ея освобожденіемъ отъ семьи въ свободной любви, съ ея презрѣніемъ къ буржуазной морали и прославленіемъ „morale artiste“—уже далека отъ насъ. Въ Россіи, какъ и во Франціи, Жоржъ-Сандъ перестали читать, хотя ея языкъ и описанія природы считаются почти классическими. Возрожденія вліянія Жоржъ-Сандъ на слѣдующія поколѣнія тоже нельзя ожидать, какъ нельзя представить себѣ, что люди, стоящіе на извѣстной ступени развитія, вернутся къ изученію азбуки. За Жоржъ-Сандъ остается огромная историческая заслуга; она учила своихъ современниковъ грамотѣ общественныхъ отношеній, и дѣлала это, навлекая на себя громы негодованія. Мы, пользующіеся плодами ея усилій и борьбы, не имѣемъ права забыть заслуги Жоржъ-Сандъ, впервые проложившей узкую тропинку, которая теперь, конечно, стала большой дорогой.

Вслѣдствіе особенныхъ условій, создавшихъ громкую славу Жоржъ-Сандъ и бывшихъ причиной забвенія ея, къ ней слѣдуетъ относиться исторически, чтобы оцѣнить съ полной справедливостью ея творчество и художественныя качества. Въ критикѣ западно-европейской такое отношеніе къ Жоржъ-Сандъ еще не установилось. Слишкомъ еще близка ея жизнь, связанная съ множествомъ живыхъ людей или ихъ ближайшихъ родственниковъ; еще не забыто страстное отношеніе къ романисткѣ и со стороны друзей, и со стороны враговъ. Существуетъ поэтому множество полемическихъ сочиненій о Жоржъ-Сандъ, много апологій, много жизнеописаній, страдающихъ пристрастнымъ освѣщеніемъ фактовъ или полнымъ ихъ искаженіемъ,—но спокойнаго, объективнаго труда, посвященнаго жизни и произведеніямъ Жоржъ-Сандъ, до сихъ поръ не было. А между тѣмъ сила ея вліянія

на цѣлое поколѣніе требуетъ точнаго и полнаго изученія. Нужно опредѣлить, была ли Жоржъ-Сандъ только глашатаемъ носившихся въ воздухѣ истинъ, или самобытной искательницей правды жизни, и какую роль играетъ въ ея творчествѣ чисто художественная сила. Нужно, кромѣ того, провѣрить все, что̀ извѣстно о фактахъ ея жизни, чтобы понять связь между ея личными переживаніями и чувствами— и ея проповѣдью. Теперь, когда „мода" на Жоржъ-Сандъ давно и, можно сказать, безвозвратно прошла, появленіе обстоятельнаго историко-литературнаго изслѣдованія о ней наиболѣе своевременно. Въ истекшемъ году вышелъ трудъ, заполняющій крупный пробѣлъ въ исторіи литературы нашего вѣка и дающій, наконецъ, полное представленіе о жизни и дѣятельности Жоржъ-Сандъ. Авторъ изслѣдованія—Владиміръ Каренинъ, нашъ соотечественникъ, и книга вышла одновременно на французскомъ и на русскомъ языкѣ. Французское изданіе состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ. Въ нихъ разсказаны дѣтство, юность и часть зрѣлой поры творчества Жоржъ-Сандъ—до 1838 г., т.-е., до половины ея жизни. Такимъ образомъ, въ законченномъ видѣ изслѣдованіе В. Каренина будетъ состоять приблизительно изъ четырехъ томовъ. Вышедшая пока первая половина труда—результатъ десяти лѣтъ изученія всѣхъ документовъ, касающихся жизни писательницы, а также исчерпывающаго изученія всѣхъ ея произведеній, не только вышедшихъ отдѣльно, но и затерянныхъ въ старыхъ журналахъ и сборникахъ. В. Каренинъ воспользовался всѣми изданными источниками и множествомъ неизданныхъ. Онъ имѣлъ возможность ознакомиться съ коллекціями неизданныхъ писемъ Жоржъ-Сандъ, собранныхъ извѣстнымъ бельгійскимъ библіографомъ Спёльбергъ де-Левенжолемъ. Кромѣ того, изъ личныхъ сношеній съ семьей Жоржъ-Сандъ и съ нѣкоторыми еще оставшимися въ живыхъ старинными друзьями романистки В. Каренинъ почерпнулъ множество свѣдѣній, неизвѣстныхъ до того въ печати, и собралъ рядъ драгоцѣнныхъ неизданныхъ документовъ, писемъ, страницъ дневниковъ и т. д. Такая эрудиція даетъ В. Каренину большую авторитетность въ сужденіяхъ и придаетъ окончательный характеръ устанавливаемымъ имъ фактамъ.

Чтобы достигнуть исторической полноты и вѣрности, біографу приходилось терпѣливо, шагъ за шагомъ, возстановлять каждый отдѣльный фактъ, устраняя всѣ накопившіяся искаженія и намѣренно превратныя толкованія. Какъ археологъ, возстановляющій видъ старинныхъ памятниковъ по иногда неузнаваемымъ развалинамъ, повѣствователь жизни Жоржъ-Сандъ долженъ постоянно заниматься удаленіемъ наслоеній, образовавшихся изъ легендъ и часто клеветъ. Біографія, написанная В. Каренинымъ, носитъ поэтому въ значительной степени полемическій характеръ. Критика источниковъ—какъ въ

каждомъ добросовѣстномъ историческомъ трудѣ—стоитъ на первомъ планѣ. Авторъ показываетъ, изъ какихъ смутныхъ, не заслуживающихъ довѣрія, источниковъ почерпнуты свѣдѣнія Линдау, Никса (біографа Шопена), отчасти Брандеса—и съ документами въ рукахъ опровергаетъ ихъ выводы о поступкахъ Жоржъ-Сандъ въ ту или другую пору жизни, объ ея отношеніяхъ къ нѣсколькимъ знаменитымъ друзьямъ. Что касается критическихъ сужденій о романахъ и повѣстяхъ Жоржъ-Сандъ, то В. Каренинъ, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ симпатіяхъ къ изучаемому автору, старается быть безпристрастнымъ и отмѣчаетъ романтическую экзальтацію чувства въ „Индіанѣ“, напыщенность „Леліи“ и т. д. Но, за исключеніемъ этихъ крайностей романтизма, В. Каренинъ находится подъ обаяніемъ поэтическихъ красотъ Жоржъ-Сандъ, ея психологическаго чутья и, главное, отзывчивости къ страданіямъ. Значеніе Жоржъ-Сандъ авторъ видитъ въ томъ духѣ свободы, который проникаетъ все ея творчество, также какъ всю ея жизнь со всѣми, не скрываемыми біографомъ, заблужденіями. Правда, пониманіе свободы было чисто внѣшнимъ и условнымъ въ произведеніяхъ Жоржъ-Сандъ. Но другимъ оно и не могло быть въ то время, какъ писала Жоржъ-Сандъ. Проповѣдуй она внутреннее освобожденіе человѣка, а не борьбу противъ общественныхъ условій, —и вліяніе ея на современниковъ было бы на половину менѣе велико.

Но интересъ книги В. Каренина—не въ сужденіяхъ о повѣстяхъ и романахъ Жоржъ-Сандъ. Къ тому же авторъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничивается точнымъ, прекрасно сдѣланнымъ пересказомъ отдѣльныхъ произведеній. Читатель, знакомый лишь поверхностно съ многочисленными повѣстями Жоржъ-Сандъ, почерпнетъ изъ книги В. Каренина очень ясное знаніе всѣхъ типовъ и содержанія лучшихъ и наиболѣе характерныхъ повѣстей плодовитой романистки. Литературнаго портрета Жоржъ-Сандъ въ первыхъ двухъ томахъ изслѣдованія еще нѣтъ; есть только черты, проявившіяся въ отдѣльныхъ произведеніяхъ. Очевидно, полная характеристика романистки должна войти во вторую половину труда, когда изслѣдованіе всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ жизни и періодовъ литературной дѣятельности будетъ закончено и обобщено въ цѣльной картинѣ. Тогда вполнѣ выяснятся выводы біографа и критика о литературномъ значеніи Жоржъ-Сандъ,—и можно будетъ судить о томъ, удалось ли ему сдѣлать вѣрную оцѣнку романистки. Въ первыхъ двухъ томахъ главное вниманіе обращено на историческое изслѣдованіе источниковъ, установленіе фактовъ—и въ этомъ отношеніи выводы русскаго біографа имѣютъ чрезвычайно серьезный интересъ, благодаря документальности всѣхъ сообщаемыхъ свѣдѣній, выясняющихъ произвольность распространен-

ныхъ до того преувеличенныхъ разсказовъ объ образѣ жизни Жоржъ-Сандъ. Для литературной оцѣнки Жоржъ-Сандъ важенъ одинъ установленный В. Каренинымъ фактъ. Разсказывая исторію нѣкоторыхъ раннихъ произведеній своего автора, В. Каренинъ протестуетъ противъ обычнаго дѣленія творчества у Жоржъ-Сандъ на три періода, изъ которыхъ въ первомъ она писала романы чисто психологическіе, во второмъ—общественные, въ третьемъ—описанія нравовъ и типовъ крестьянской среды. Біографъ указываетъ на удачные характеры и сцены крестьянской и деревенской жизни въ „Valentine“ и другихъ романахъ ранней поры. Рисуя въ первыхъ своихъ новѣстяхъ борьбу „геніальныхъ натуръ“ противъ гнета обыденной морали, Жоржъ-Сандъ уже задѣвала вопросы объ условности кастовыхъ подраздѣленій въ обществѣ. „Мы утверждаемъ,—говоритъ В. Каренинъ, — что съ самыхъ первыхъ шаговъ въ литературѣ, также какъ и послѣ 1849 г., Жоржъ-Сандъ была не только, по ея словамъ, „мучима вопросами божественными“, но и глубоко занята была „дѣлами человѣческими“. Прежде чѣмъ Мишель де-Буржъ, Ламенэ, Пьеръ Леру пріобщили ее къ своимъ ученіямъ, она проникнута была интересомъ къ общественнымъ утопіямъ“. Будущая проповѣдница соціальныхъ идеаловъ видна въ Жоржъ-Сандъ съ самыхъ раннихъ произведеній.

Въ виду того, что Жоржъ-Сандъ часто считаютъ только талантливой выразительницей чужихъ мыслей, указаніе В. Каренина на внутреннюю связь различныхъ періодовъ ея творчества очень важно. Жоржъ-Сандъ не обладала достаточной широтой идей, чтобы сохранить вліяніе и на потомство, но однимъ изъ духовныхъ вождей своего времени она была по праву. Идеалы, которые она стремилась привить своимъ современникамъ, она черпала изъ глубины собственнаго пониманія, а не заимствовала ихъ готовыми у своихъ литературныхъ друзей.

Во всемъ, что касается біографіи Жоржъ-Сандъ, трудъ В. Каренина имѣетъ исчерпывающее и документальное значеніе, уже признанное со времени появленія книги самыми авторитетными голосами французской печати. Кажется страннымъ, что первая полная біографія французской писательницы принадлежитъ перу иностранца. В. Каренинъ сознаетъ это, и считаетъ долгомъ указать на причины, побудившія его взяться за изученіе Жоржъ-Сандъ. Самая убѣдительная причина—отсутствіе документальной біографіи Жоржъ-Сандъ на французскомъ языкѣ и множество ложныхъ свѣдѣній, переходящихъ безъ провѣрки изъ одного сочиненія въ другое. Самымъ достовѣрнымъ жизнеописаніемъ Жоржъ-Сандъ изъ всѣхъ до сихъ поръ вышедшихъ В. Каренинъ признаетъ небольшую англійскую книжку миссъ Томасъ въ серіи „Eminent Women“; но размѣры книжки слиш-

комъ ограниченные, и кромѣ того миссъ Томасъ имѣетъ въ виду щепетильность англійскихъ читателей въ вопросахъ нравственности и умалчиваетъ о многихъ обстоятельствахъ, необходимыхъ для пониманія Жоржъ-Сандъ. Такимъ образомъ, и восхваляемая В. Каренинымъ книга миссъ Томасъ не восполняетъ отсутствія безпристрастной и обстоятельной біографіи знаменитой романистки. В. Каренинъ оправдываетъ себя и тѣмъ значеніемъ, которое Жоржъ-Сандъ имѣла для Россіи. Онъ вкратцѣ передаетъ исторію „жоржъ-сандизма" въ Россіи, приводитъ сужденія Бѣлинскаго, Тургенева, Достоевскаго. Для русскаго читателя все это, конечно, не безъ извѣстные факты; но во Франціи отнеслись съ особеннымъ интересомъ къ такому доказательству воздѣйствія Жоржъ-Сандъ на созидателей русскаго романа, которые, въ свою очередь, сильно повліяли потомъ на современныхъ французскихъ романистовъ. Арведъ Баринъ въ „Journal des Débats", Бирэ въ „Gazette de France", Жильберъ въ „Journal de Bruxelles" и другіе повторяютъ слова В. Каренина и приведенныя имъ выписки; для французской публики, очевидно, роль Жоржъ-Сандъ въ жизни русскаго общества оставалась совершенно неизвѣстной, и однимъ изъ большихъ достоинствъ книги В. Каренина признается раскрытіе этого новаго и любопытнаго для Франціи факта.

Но и помимо этого особаго обстоятельства, изслѣдованіе В. Каренина встрѣтило во Франціи единогласное одобреніе всѣхъ выдающихся критиковъ. Бирэ, извѣстный знатокъ эпохи романтизма, иронизируетъ въ началѣ своей статьи надъ безпечностью французовъ, которые еще не собрались изучить обстоятельно и серьезно одну изъ самыхъ яркихъ писательницъ вѣка. Онъ привѣтствуетъ пришедшую „изъ глубины Россіи" біографію Жоржъ-Сандъ, отмѣчаетъ документальность ея, постоянное обращеніе къ первоисточникамъ, указываетъ на нѣсколько цѣнныхъ догадокъ, устанавливающихъ достовѣрность отдѣльныхъ фактовъ (heureuses et précieuses trouvailles), и въ общемъ признаетъ книгу Каренина какъ „une oeuvre de haute conscience et de grand talent". Съ такими же похвалами говоритъ о книгѣ В. Каренина Гастонъ Дешанъ въ „Temps". Онъ указываетъ на обиліе документовъ, стремленіе къ полной точности и тактичность, съ которою авторъ говоритъ объ интимной жизни Жоржъ-Сандъ. Эженъ Жильберъ, не питающій, въ качествѣ католика, особенно горячихъ симпатій къ Жоржъ-Сандъ, отзывается, однако, въ восторженномъ тонѣ о „поразительныхъ двухъ томахъ В. Каренина", составляющихъ „увлекательный этюдъ, исчерпывающій біографію по богатству матеріала". Въ такомъ же духѣ написаны и другіе отзывы, устанавливающіе за книгой В. Каренина значеніе исчерпывающей исторіи жизни Жоржъ-Сандъ. Высоко оцѣненная соотечественниками Жоржъ-

Сандъ и въ особенности спеціалистами по литературѣ первой половины вѣка, книга В. Каренина становится вполнѣ авторитетнымъ трудомъ. Самое изложеніе чрезвычайно интересно и знакомитъ въ привлекательной формѣ какъ съ жизнью самой Жоржъ-Сандъ, такъ и съ интересной эпохой, въ которую она жила, съ выдающимися дѣятелями на самыхъ различныхъ поприщахъ.

Прежде чѣмъ говорить объ Аврорѣ Дюпенъ-Дюдеванъ, принявшей имя „Жоржъ-Сандъ" уже послѣ разрыва съ мужемъ, В. Каренинъ обстоятельно излагаетъ исторію ея предковъ и родителей, стараясь выяснить унаслѣдованныя отъ нихъ черты характера и особенности таланта. Смѣсь королевской и плебейской крови въ жилахъ Жоржъ-Сандъ придаетъ особенное значеніе ея происхожденію. Ея бабка по отцу—дочь Морица Саксонскаго; мать—бывшая актриса мелко-буржуазнаго происхожденія и самыхъ свободныхъ нравовъ. Да и въ аристократической семьѣ отца браки—законные и незаконные—съ актрисами и простолюдинками повторялись изъ поколѣнія въ поколѣніе. Аврора Дюпенъ унаслѣдовала такимъ образомъ весьма смѣшанную кровь; контрасты аристократизма и особой плебейской гордости,—encanaillement—очень рѣзко сказываются въ ея характерѣ. Но и помимо наслѣдственности, условія ея воспитанія въ дѣтствѣ и юности были таковы, что вопросъ объ аристократизмѣ и плебействѣ постоянно снова выступалъ впередъ. Аврора воспитывалась и долго жила уже взрослой дѣвушкой у своей бабушки, типичной аристократки XVIII вѣка, свободомыслящей, образованной и властной женщины. Но, чувствуя большую духовную близость съ нею, Аврора горячо любила свою мать, закрывала глаза на ея вульгарность, буржуазность и даже черствость, готова была временами окончательно оставить бабушку, стать модисткой и жить въ Парижѣ съ матерью самой „мѣщанской" жизнью. Къ счастью для будущей писательницы, Софія Дюпенъ совершенно не понимала порывовъ нѣжности и всей страстной натуры своей дочери. Она очень практично разсудила, что для дочери ея будетъ гораздо выгоднѣе жить до замужества у богатой бабушки въ Ноганѣ, и сама же настояла на разлукѣ съ дочерью. Впослѣдствіи Аврорѣ пришлось убѣдиться въ превосходствѣ своей высокоразвитой бабушки надъ матерью, но никогда, даже въ дневникахъ и мемуарахъ, она не сознавалась въ своемъ разочарованіи. Несомнѣнно, что контрастъ двухъ женщинъ, подъ вліяніемъ которыхъ она выросла, оставилъ отпечатокъ на впечатлительной натурѣ Жоржъ-Сандъ; въ Ноганѣ она была въ значительной степени предоставлена себѣ, проглотила цѣлую библіотеку философскихъ книгъ и въ то же время любила неустрашимо мчаться верхòмъ по лѣсамъ и полямъ въ сопровожденіи аббата Дешартра, воспитывавшаго ее какъ мальчика. Приволь-

ная деревенская жизнь, вмѣстѣ съ серьезнымъ чтеніемъ, бесѣдами и размышленіями, была великолѣпной подготовкой для будущей писательницы. Но прежде чѣмъ созрѣть для творчества, она должна была пройти черезъ суровую школу жизненныхъ страданій. Таковы были годы ея замужества, отъ 1822 г. до 1831, когда, разойдясь съ мужемъ, она пріѣхала въ Парижъ и поселилась тамъ съ маленькой дочерью. В. Каренинъ рисуетъ въ очень мрачныхъ краскахъ семейную жизнь Авроры Дюдеванъ. Мужъ ея былъ грубый помѣщикъ, женившійся изъ разсчета, совершенно неспособный понять болѣе тонкую натуру жены, ея артистическіе вкусы. Если ихъ совмѣстная жизнь длилась довольно долго и казалась другимъ безмятежной и счастливой, то въ этомъ заслуга только Авроры Дюдеванъ; она любила мужа, переносила его грубости и старалась повліять на него. Только цѣлый рядъ столкновеній и, наконецъ, его измѣны заставили ее рѣшиться на отчаянный шагъ; она бросила окончательно семью, настоявъ на выплатѣ ей слѣдуемой по брачному контракту ренты. Впослѣдствіи она поддерживала знакомство съ Дюдеваномъ, но жизнь ея круто измѣнилась. Изъ образцовой хозяйки и домосѣдки, какою она была въ Ноганѣ, Аврора Дюдеванъ превратилась въ Жоржъ-Сандъ, писательницу и подругу Жюля Сандò, расхаживающую по Парижу въ костюмѣ юноши, какъ собрать цѣлаго кружка литературной и артистической „богемы".

В. Каренинъ, разсказывая объ этомъ періодѣ жизни Жоржъ-Сандъ, старается сохранить объективность историка, не умалчивающаго ни объ одномъ изъ увлеченій писательницы; онъ не оправдываетъ легкомыслія, съ которымъ Жоржъ-Сандъ, правнучка Морица Саксонскаго и дочь парижской „мѣщанки", переходила отъ одного любовнаго приключенія къ другому, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показываетъ, какъ атмосфера страсти нужна была для ея творчества, сколько искренности и душевной красоты она вносила въ сношенія съ избранниками — иногда очень кратковременными—своего сердца. Она облагораживала самыя пошлыя увлеченія, и всегда поэтъ съ горячей фантазіей первенствовалъ въ ней надъ женщиной, искавшей легкихъ радостей и наслажденій. Мимолетный романъ съ Мериме́, состоявшійся даже безъ любви съ обѣихъ сторонъ, В. Каренинъ причисляетъ къ заблужденіямъ Жоржъ-Сандъ. Но сѣть такихъ заблужденій нужна была необузданной натурѣ писательницы; въ нихъ она любила свою свободу, безграничность желаній и даже минуты страданій и недовольства собою. Всѣ смѣны чувствъ и настроеній она претворяла въ òбразы, дышащіе искренностью и силой. Въ ней была ненасытная жажда жизни, дававшая безконечный матеріалъ для спокойнаго, никогда не покидающаго ее разума. Желѣзная воля этой истинно мощной женщины влекла ее

къ непрерывной работѣ; а чтобы работать и творить, ей нужна была полнота жизни и ощущеній. Такимъ образомъ все сплетается въ этой на видъ слишкомъ пестрой жизни, смѣнившейся позже почти буржуазной любовью къ семейному очагу и спокойной сельской жизни.

Среди увлеченій Жоржъ-Сандъ одно получило всемірную извѣстность и стало источникомъ самыхъ неистовыхъ нападокъ на безсердечіе и преступное легкомысліе романистки. Это—исторія любви Жоржъ-Сандъ и Мюссэ. В. Каренинъ посвящаетъ этому эпизоду одну изъ наиболѣе интересныхъ главъ своей книги. У насъ глава эта появилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда біографъ впервые представилъ, пользуясь неизданными до того матеріалами, совершенно въ иномъ свѣтѣ знаменитую исторію отношеній двухъ поэтовъ. Со времени появленія этого очерка В. Каренина, переписка, которою онъ пользовался, уже издана, и установленные имъ факты подтвердились печатными документами. Во всякомъ случаѣ, В. Каренину принадлежитъ честь перваго разъясненія истинныхъ отношеній Жоржъ-Сандъ и Мюссэ, такъ сильно искаженныхъ въ передачѣ нѣкоторыхъ друзей поэта „Ночей". Въ томъ видѣ, въ какомъ любовь Мюссэ и Жоржъ-Сандъ разсказана братомъ Мюссэ, Полемъ, затѣмъ Линдау и другими. Мюссэ былъ жертвой Жоржъ-Сандъ. До встрѣчи съ нею—его рисуютъ легкомысленнымъ, но безпорочнымъ и наивнымъ юношей, который велъ самый добродѣтельный образъ жизни. Жоржъ-Сандъ его увлекла, повезла въ Венецію; тамъ, въ то время какъ онъ лежалъ въ горячкѣ, она измѣняла ему чуть ли не у него на глазахъ, и бросила его, увлекшись красивымъ итальянскимъ докторомъ. Съ тѣхъ поръ, будто бы, онъ сталъ пить и дошелъ до полнаго нравственнаго паденія. Теперь, когда извѣстны письма венеціанскаго героя, доктора Паджело. и когда напечатана переписка Мюссэ и Жоржъ-Сандъ, а также письма Жоржъ-Сандъ къ Сентъ-Бёву и другимъ друзьямъ того времени, событія представляются въ совершенно иномъ видѣ. Любовь была одинакова глубокая съ обѣихъ сторонъ, но, вслѣдствіе полнаго различія натуръ, Жоржъ-Сандъ и Мюссэ не могли жить вмѣстѣ безъ бурныхъ столкновеній. Жоржъ-Сандъ, при всей своей артистичности, имѣла много положительности въ характерѣ, думала объ устройствѣ своихъ дѣлъ, работала опредѣленное число часовъ. Мюссэ, съ его привычками къ разгулу, раздражался видомъ работающей иногда по цѣлымъ ночамъ подруги. Въ Италіи, гдѣ они пережили счастливые мѣсяцы романтической и восторженной любви, начались и первыя бури, достигшія высшаго предѣла въ Венеціи. Болѣзнь Мюссэ была приступомъ бѣлой горячки, слѣдствіемъ долгихъ излишествъ. Жоржъ-Сандъ ухаживала за нимъ съ полнымъ самоотверженіемъ, работая въ то же время безъ устали. Она взяла на себя обязательство уплатить десять тысячъ

франковъ, проигранныхъ Мюссэ въ карты. Въ Венеціи Жоржъ-Сандъ увлеклась Паджело, очевидно утомленная мучительной и капризной страстью своего друга-поэта. Но Мюссэ зналъ о новой любви Жоржъ-Сандъ и восторгался своей новой ролью: ему нравилось самопожертвованіе. Всѣ трое жили въ особомъ романтическомъ чаду, взвинчивая до экзальтаціи взаимныя отношенія любви и преданности. Мюссэ уѣхалъ отъ Жоржъ-Сандъ безъ малѣйшаго чувства злобы. Жоржъ-Сандъ, въ свою очередь, продолжала любить Мюссэ, и весьма скоро они снова сошлись.

Второй разрывъ былъ болѣе тяжелымъ, такъ какъ обѣ стороны убѣдились въ невозможности понимать другъ друга. Съ тѣхъ поръ еще нѣсколько разъ они встрѣчались, но уже какъ чужіе. Никакихъ обвиненій ни одинъ изъ нихъ не взводилъ на другого; исторія ихъ любви казалась имъ печальной, но прекрасной, и Мюссэ воздвигъ ей памятникъ въ „Confessions d'un Enfant du Siècle“. Письма Жоржъ-Сандъ и ея „Confession“, обращенное къ Мюссэ, свидѣтельствуютъ не только о страсти, но и о глубокой привязанности къ поэту, который былъ моложе ея на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, ничто во взаимныхъ отношеніяхъ Жоржъ-Сандъ и Мюссэ не даетъ повода къ обвиненіямъ; до самой смерти поэта не угасала его любовь къ женщинѣ ему близкой, но различной по натурѣ, и никакая злоба не омрачала воспоминанія о прекрасной любви. Лишь послѣ смерти Мюссэ, его братъ Поль, воспользовавшись случайно попавшими къ нему копіями писемъ, написалъ свое знаменитое „Lui et Elle“—пасквиль на Жоржъ-Сандъ. За этимъ разгорѣлась война противъ погубившей поэта женщины, и мало-по-малу создалась легенда, разрушенная лишь теперь, съ опубликованіемъ писемъ заинтересованныхъ ближайшимъ образомъ лицъ.

Во второмъ томѣ книги В. Каренина читатель съ интересомъ прочтетъ также главы о Листѣ, Шопенѣ и нѣкоторыя другія. Второй томъ заканчивается отъѣздомъ Жоржъ-Сандъ на островъ Маіорку.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1900.

Вопросъ объ отношеніяхъ губернскаго земства къ уѣзднымъ въ московскомъ губ. земскомъ собраніи.—Походъ въ печати противъ земства, окраинъ и всѣхъ „несогласно-мыслящихъ".—Инцидентъ съ г. Величко.—Сорокалѣтіе литературнаго фонда.—Разрядъ изящной словесности и почетные академики.—Смерть Д. В. Григоровича и тридцатилѣтіе со времени смерти А. И. Герцена.—Ф. Ѳ. Павленковъ †.—Правительственное сообщеніе.

Когда „Внутреннее обозрѣніе" было уже отпечатано, въ газетахъ появилось извѣстіе о судьбѣ упомянутаго въ немъ доклада московской земской коммиссіи, посвященнаго отношеніямъ между земствами губернскимъ и уѣздными. Большинствомъ одного голоса (28 противъ 27) этотъ докладъ переданъ на заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній (и города Москвы), т.-е. разрѣшеніе поставленнаго въ немъ вопроса отсрочено по меньшей мѣрѣ на одинъ годъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это—побѣда „уѣзднаго сепаратизма", разсчитывающаго возбудить въ уѣздахъ противодѣйствіе губернскому проекту или, по меньшей мѣрѣ, затянуть дѣло, идущее въ разрѣзъ съ „благоразумной осторожностью". Имена нѣкоторыхъ изъ числа ораторовъ, говорившихъ за отсрочку, приводятъ насъ, однако, къ иному заключенію. Рядомъ съ систематическими противниками губернской инціативы мы видимъ между ними гласныхъ, широко понимающихъ земскія задачи и едва ли способныхъ жертвовать изъ-за формы существомъ дѣла. Весьма вѣроятно, что они подали голосъ за опросъ уѣздныхъ собраній безъ всякой задней мысли, просто для того, чтобы выслушать мнѣнія уѣздовъ и почерпнуть въ нихъ, быть можетъ, новые доводы въ пользу расширенія круга дѣйствій губернскаго земства. Мы склонны думать, поэтому, что—partie remise n'est pas perdue, и что въ будущемъ году проектъ коммиссіи, разсмотрѣнный уѣздами, соединитъ вокругъ себя большинство губернскихъ гласныхъ. Отсрочка, тѣмъ не менѣе, и намъ кажется прискорбной; не находя въ постановленіи собранія ничего противозаконнаго [1]), мы видимъ въ

---

[1]) Двѣнадцать гласныхъ, и между ними многіе изъ лучшихъ дѣятелей московскаго земства, подали протестъ противъ постановленія собранія, мотивируя его тѣмъ, что данный вопросъ, относясь къ законной компетенціи губернскаго земства, можетъ подлежать только его обсужденію и разрѣшенію, а затѣмъ — провѣркѣ высшихъ учрежденій, въ установленномъ порядкѣ. Соглашаясь съ исходной точкой этого разсужденія, мы не можемъ признать правильнымъ заключительный его выводъ. По

немъ признакъ нерѣшительности, для которой не должно бы быть мѣста въ столь важномъ дѣлѣ. Оно обрадовало всѣхъ враговъ земства, всѣхъ тѣхъ, кто—въ ожиданіи полнѣйшаго его уничтоженія—желаетъ возможно бо̀льшаго ограниченія его функцій. Не даромъ же „Московскія Вѣдомости", всегда пользовавшіяся пререканіями губернскихъ земствъ съ уѣздными, какъ поводомъ къ агитаціи противъ земскихъ учрежденій, начинаютъ доказывать теперь, что отношенія губерніи къ уѣздамъ могутъ быть регулированы только новымъ закономъ или автентичной интерпретаціей дѣйствующихъ постановленій. Имъ нѣтъ дѣла до того, что подобные вопросы не укладываются въ придуманныя заранѣе формулы, что правильное ихъ рѣшеніе имъ можетъ дать только жизнь: имъ нужно только затормазить, такъ или иначе, дѣятельность земства, нагромоздить на его безъ того трудномъ пути такое количество преградъ, которое было бы равносильно невозможности движенія. Съ особенною настойчивостью это стремленіе реакціонной прессы проявляется въ послѣднее время, принимая самыя разнообразныя формы. Въ статьяхъ кн. П. Цертелева („Московскія Вѣдомости", №№ 2—5) оно выступаетъ съ претензіей на научность, съ опредѣленіями власти, общества и ихъ взаимныхъ отношеній; въ статьѣ кн. Д. Цертелева („Моск. Вѣд.", № 14) оно доходитъ до утвержденія, что альтруизмъ, въ земскомъ дѣлѣ, равносиленъ благотворительности на чужой счетъ; въ безчисленныхъ передовыхъ статьяхъ оно усиливается бросить тѣнь на все сдѣланное и могущее быть сдѣланнымъ земскими учрежденіями. Новаго, по существу, здѣсь очень мало; характерно только обостреніе нападеній, свидѣтельствующее, повидимому, о надеждѣ на успѣхъ. Отуманенные и опьяненные этой надеждой, враги всего свободнаго и независимаго забываютъ всякое чувство мѣры: они говорятъ о попыткахъ замѣнить государственную власть „самозванною властью общественныхъ силъ", о задуманномъ превращеніи самодержавнаго государства въ рядъ „отдѣльныхъ федерацій". Прямо высказанная цѣль всѣхъ этихъ заподозриваній и запугиваній заключается въ ограниченіи „общественныхъ силъ" (въ эпитетѣ: *земскія*—имъ, по мнѣнію теоретиковъ произвола, слѣдуетъ отказать) ролью исключительно совѣщательнаго характера: о̀рганы мѣстнаго хозяйственнаго управленія должны сдѣлаться государственными, а за населеніемъ (т.-е., конечно, за привилегированною его частью) должна остаться только *администрація на самомъ мѣстѣ жительства, какъ натуральная повинность*. Другими словами, хозяйственно-распорядительныя и исполнительныя функціи земскихъ собраній и земскихъ

каждому вопросу, входящему въ кругъ дѣйствій губернскаго земства, губ. собраніе имѣетъ полное право выслушать предварительно мнѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній.

управъ должны перейти къ имѣющимъ быть созданными ad hoc присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, опирающимся на вотчинную полицію. Сквозь маску новыхъ терминовъ здѣсь виднѣется совершенно ясно возвращеніе къ до-реформенному строю, съ его окружными начальниками и съ его „ста-тысячами даровыхъ полиціймейстеровъ". И хорошо еще, еслибы рядомъ съ ними существовали собранія свободно выбранныя всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, свободно подающія совѣщательный голосъ по всѣмъ вопросамъ, въ которыхъ заинтересована данная мѣстность. Ничего подобнаго не хотятъ, на самомъ дѣлѣ, наши газетные реакціонеры. Какъ они рисуютъ себѣ группировку „общественныхъ силъ", долженствующихъ замѣнить собою земство— этого мы въ точности не знаемъ; болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ ней сохранились бы всѣ слабыя стороны нынѣшней избирательной системы или было бы вовсе уничтожено выборное начало. Что касается до рамокъ, въ которыя было бы замкнуто *совѣщаніе* „общественныхъ силъ", то о нихъ можно судить по давно извѣстнымъ взглядамъ реакціонной печати на право ходатайствъ, принадлежащее теперь земскимъ собраніямъ. Возможно бо́льшее ограниченіе этого права, пріуроченіе его исключительно къ дѣламъ мѣстнымъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова—такова ясно намѣченная цѣль агитаціи, въ послѣднее время болѣе ожесточенной, чѣмъ когда бы то ни было. „Гражданинъ", съ свойственной ему откровенностью, поставилъ недавно точку надъ *i*, предложивъ подчинить списокъ ходатайствъ, проектируемыхъ земскимъ собраніемъ, предварительной губернаторской цензурѣ.

Кстати о земскихъ ходатайствахъ. Харьковское губернское земство ходатайствовало о предоставленіи губернатору права разрѣшать созывъ экстренныхъ собраній, на что въ настоящее время требуется согласіе министра внутреннихъ дѣлъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ харьковскаго губернатора, что такъ какъ удовлетвореніе означеннаго ходатайства могло бы послѣдовать не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, и такъ какъ ни отъ какого другого земства не поступало въ министерство внутреннихъ дѣлъ заявленій о какихъ-либо неудобствахъ, связанныхъ съ примѣненіемъ дѣйствующаго закона, то онъ затрудняется дать настоящему ходатайству немедленно дальнѣйшее движеніе въ упомянутомъ выше порядкѣ; но если въ министерствѣ возникнетъ общій вопросъ о пересмотрѣ отдѣльныхъ статей положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г., то несомнѣнно будутъ приняты во вниманіе и соображенія, послужившія харьковскому земству основаніемъ къ возбужденію настоящаго ходатайства. Въ виду такого отвѣта, губернская управа предложила собранію поручить ей сообщить содержаніе министерской бумаги всѣмъ гу-

бернскимъ земскимъ управамъ и просить войти съ соотвѣтствующимъ докладомъ въ ближайшія земскія собранія, чтобы ходатайство харьковскаго губернскаго земства было поддержано тѣми изъ нихъ, которыя согласны со взглядомъ харьковскаго земства. Предложеніе управы, по словамъ „Харьк. Губернск. Вѣдомостей", принято собраніемъ. Это извѣстіе имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, немалую важность. Оно показываетъ, во-первыхъ, что за земскими собраніями признается—или, по крайней мѣрѣ, признавалось еще недавно—право возбуждать такія ходатайства, которыя касаются общихъ вопросовъ и удовлетвореніе которыхъ требовало бы измѣненія общаго закона. Оно удостовѣряетъ, во-вторыхъ, что въ одновременномъ возбужденіи одного и того же ходатайства нѣсколькими земскими собраніями не только не усматривается ничего неправильнаго или предосудительнаго, но наоборотъ, оно побуждаетъ центральную администрацію обращать особенное вниманіе на поставленный такимъ образомъ вопросъ. Отвѣты аналогичные съ тѣмъ, который данъ на ходатайство харьковскаго губернскаго земства, встрѣчались и прежде, но всякое новое ихъ повтореніе является дополнительной точкой опоры въ газетной борьбѣ за оспариваемыя права земскихъ учрежденій.

Наряду съ подкопами подъ земство, любимой темой нашей реакціонной печати служитъ травля окраинъ и, вмѣстѣ съ ними, всѣхъ тѣхъ, кто заподозрѣнъ въ сочувствіи къ нимъ, хотя бы и выражающемся только въ молчаніи. По истинѣ некрасивыя формы эта травля приняла въ послѣднее время, въ виду открытія сессіи финляндскаго сейма. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 17) появилась статья г. А. В.: „Изъ Финляндіи", въ которой сказано было, между прочимъ, слѣдующее: „По общераспространенному въ Финляндіи взгляду, основные законы страны могутъ быть отмѣнены или измѣнены только согласнымъ рѣшеніемъ Монарха и земскихъ чиновъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе того, правильно ли это мнѣніе". Чего только не наговорили, по поводу этихъ простыхъ словъ, „Московскія Вѣдомости"! „Кто въ данную минуту—восклицаютъ онѣ—ссылается на фантастическія финляндскія основные законы, намѣренно игнорируя вполнѣ реальные основные законы Россіи, тотъ, очевидно (кому ?), оправдываетъ сепаратистовъ. Если русская газета отказывается (?) рѣшить вопросъ, кто правъ—русскій Царь или финляндскіе политиканы, то ясно (кому ?), на чью сторону она становится... Весь смыслъ статьи г. А. В.—оправданіе (!) финляндскихъ смутьяновъ въ ихъ сопротивленіи Высочайшей волѣ". „Русскія Вѣдомости" отвѣтили „Московскимъ Вѣдомостямъ", что не признаютъ ни за ними, ни за

кѣмъ инымъ права читать въ ихъ мысляхъ. Въ этомъ отвѣтѣ газета г. Грингмута опять усмотрѣла утвержденіе „Русскихъ Вѣдомостей“ „въ позиціи своего *права* (ковычки въ подлинникѣ) молчать о русскихъ законныхъ интересахъ и подробно излагать лишь одни финляндскія притязанія“. „Имѣетъ ли кто иной“—говорится дальше—право читать въ ихъ мысляхъ, это до насъ не касается; *иные могутъ объ этомъ сами разсуждать*“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ сквозь формулу: „caveant consules!“ — уже довольно ясно звучитъ болѣе знакомая нашему слуху формула: караулъ!.. Чего же, помимо „разсужденія“ со стороны *иныхъ*, хотятъ, въ концѣ концовъ, „Московскія Вѣдомости“? По меньшей мѣрѣ—того, чтобы вмѣстѣ съ мнѣніями финляндскихъ „политикановъ“ были приводимы и противоположныя мнѣнія русскихъ газетъ, т.-е. „Московскихъ Вѣдомостей“ и единомышленныхъ съ ними періодическихъ изданій. Нужно ли объяснять, до какой степени нелѣпо подобное притязаніе? Упрекъ въ сокрытіи или замалчиваніи одной стороны дѣла могъ бы считаться заслуженнымъ только тогда, еслибы тотъ или иной органъ русской прессы, печатая на своихъ страницахъ заявленія финляндскаго сейма или сената, не знакомилъ своихъ читателей съ вызвавшими эти заявленія или послѣдовавшими за ними *оффиціальными* правительственными актами. Такъ и не поступаетъ, конечно, ни одна газета, ни одинъ журналъ—а воспроизведеніе частныхъ мнѣній ни въ какомъ случаѣ обязательнымъ признаваемо быть не можетъ. Допустимъ, что газета, не имѣющая ничего общаго съ „Московскими Вѣдомостями“, захотѣла бы поступить по ихъ рецепту и напечатала бы у себя en regard тѣ или другіе финляндскіе протесты и опроверженія ихъ въ русской прессѣ. Удовлетворило бы это нашихъ цензоровъ-добровольцевъ? Навѣрное—нѣтъ. Они потребовали бы отъ газеты категорическаго отзыва, съ кѣмъ она согласна—съ финляндцами или съ русскими, и въ молчаніи усмотрѣли бы нарушеніе патріотическаго долга. Они постарались бы доказать, что въ самомъ подборѣ цитатъ, въ самомъ ихъ сопоставленіи отразилось предосудительное направленіе газеты. Изъ органической неспособности понять и признать свободу мнѣній, какъ неотъемлемое право свободной личности, проистекаетъ сама собою крайняя неразборчивость въ выборѣ средствъ борьбы съ „несогласно-мыслящими“.

Финляндская окраина—не единственная, изъ-за которой реакціонная печать расточаетъ обвиненія въ неблагонамѣренности и отсутствіи патріотизма. „Ни въ одной странѣ“ — читаемъ мы все въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“—„ни въ одной странѣ, исключая развѣ Германіи, гдѣ демократы и прогресисты лишены всякаго патріотическаго чувства и справедливо причислялись кн. Бисмаркомъ

къ категоріи *Reichsfeinde*, нельзя встрѣтить такого страннаго отношенія къ окраинамъ, какъ въ Россіи. Всякое дикое желаніе не-русской народности, всякое выдуманное мѣстное *право* находятъ горячихъ защитниковъ среди русскихъ журналистовъ, но всякое попраніе русскихъ государственныхъ интересовъ, всякое нарушеніе государственныхъ законовъ ими умышленно игнорируется. Русскаго народа, русскихъ интересовъ эти журналисты не знаютъ; они знаютъ только армянъ, финляндцевъ, поляковъ, балтійцевъ и всякихъ иныхъ инородцевъ. И по всей линіи такой журналистики идетъ ликованіе каждый разъ, когда русскому дѣлу удается нанести ударъ, который долженъ отразиться и на престижѣ русскаго государства". По какому же поводу говорятся всѣ эти запальчивыя рѣчи (болѣе запальчивыя, чѣмъ умныя, потому что кто же повѣритъ, что русскіе журналисты не-грингмутскаго направленія „не знаютъ ни русскаго народа, ни русскихъ интересовъ")?—А именно по поводу удаленія г. Величко отъ редактированія газеты „Кавказъ", которую онъ, какъ говорятъ, велъ въ духѣ крайняго армянофобства. Не крѣпко же держится, въ глазахъ нашихъ ультра-націоналистовъ, „престижъ русскаго государства", если они считаютъ возможнымъ его умаленіе отъ столь ничтожнаго инцидента! Никакого „ликованія" удаленіе г. Величко въ русской печати не вызвало, какъ потому, что это событіе очень неважное, такъ и потому, что нѣтъ, пока, ни малѣйшаго основанія усматривать въ немъ признакъ предстоящей перемѣны въ общемъ теченіи дѣлъ въ имперіи или хотя бы только на Кавказѣ. Печать — и въ томъ числѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости", безспорно проникнутыя духомъ русской государственности, — ограничилась ретроспективнымъ осужденіемъ дѣятельности г. Величко, справедливо находя ее несовмѣстной съ правильно понятыми интересами не только кавказскихъ инородцевъ, но и самой Россіи. Не мѣшало бы припомнить, что способы пониманія этихъ послѣднихъ интересовъ могутъ быть весьма различны, и что между ними нѣтъ ни одного, на которомъ лежала бы разъ навсегда печать непогрѣшимости...

Приведемъ, въ заключеніе, одинъ фактъ, оставшійся, повидимому, незамѣченнымъ, но заслуживающій, какъ намъ кажется, серьезнаго вниманія. Лѣтомъ 1898-го года на брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ произошли довольно крупные безпорядки, составлявшіе на дняхъ предметъ разсмотрѣнія харьковской судебной палаты (въ гор. Орлѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей). Ближайшимъ поводомъ къ нимъ послужило нечаянное убійство пятилѣтняго мальчика, неосторожнымъ выстрѣломъ изъ револьвера. Виновникомъ несчастья былъ сторожъ Реутъ, полякъ по происхожденію. Когда оно сдѣлалось извѣстно, изъ толпы рабочихъ стали раздаваться

крики: „какихъ это сторожей держитъ контора, что начали стрѣлять нашихъ дѣтей“. Что смыслъ такихъ криковъ заключался въ указаніи на національность Реута — это видно изъ позднѣйшихъ восклицаній, послужившихъ сигналомъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ: „ребята, давайте бить пристава и всѣхъ кто стоитъ за *поляковъ*“. Не ясно ли, что нерасположеніе къ полякамъ—такой горючій матеріалъ, изъ котораго легко можетъ разгорѣться цѣлый пожаръ? Мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы источникомъ его были газетныя статьи противъ поляковъ: оно коренится далеко въ глубинѣ нашего прошлаго—но тѣмъ болѣе необходима осторожность, тѣмъ болѣе опасно разжиганіе страстей, тлѣющихъ подъ пепломъ. Непосредственнаго дѣйствія на толпу „Московскія Вѣдомости“ и имъ подобныя изданія имѣть не могутъ, но они способствуютъ созданію атмосферы, вѣянія которой прокладываютъ себѣ дорогу во всѣ стороны. Обязанность уважающей себя печати—не обострять, а смягчать національныя антипатіи, въ особенности антипатіи болѣе сильныхъ къ болѣе слабымъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, между прочимъ, евреи — и вотъ почему большую нравственную отвѣтственность берутъ на себя распространяющіе побасёнки въ родѣ той, которую петербургская газета „Свѣтъ“ недавно пустила въ ходъ относительно „избіенія Гамана“ (опроверженіе ея, подписанное чисто русскимъ именемъ В. Павлова, напечатано въ № 22 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“).

Въ концѣ прошлаго года исполнилось сорокъ лѣтъ со времени основанія литературнаго фонда (общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ). Отличительныя черты его исторіи—медленный, но непрерывный ростъ его средствъ, устойчивость традицій, отсутствіе кризисовъ и переворотовъ. Начавъ свою дѣятельность почти ни съ чѣмъ, въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій едва сводя концы съ концами, литературный фондъ обладаетъ теперь капиталомъ въ 440 тыс. рублей и тратитъ ежегодно на пенсіи и пособія около 25 тысячъ. Это немного, если принять во вниманіе съ одной стороны степень нужды среди литераторовъ, съ другой—широко раздвигающіяся рамки читающей публики, такъ многимъ обязанной литературѣ; но это и немало, если сравнить настоящее съ недавнимъ прошлымъ и если припомнить, что рядомъ съ фондомъ существуетъ, съ 1895 г., постоянная коммиссія при академіи наукъ, преслѣдующая тѣ же цѣли и располагающая гораздо бо̀льшими средствами. Основаніе коммиссіи не уменьшило ни числа обращеній къ литературному фонду, ни наплыва получаемыхъ имъ пожертвованій; одно изъ этихъ учрежденій служитъ дополненіемъ другого—и все-таки имъ обоимъ удается сдѣ-

лать далеко не все желательное и необходимое. Въ одномъ смыслѣ къ литературному фонду и теперь подходитъ эпитетъ *бѣдный*, который примѣнилъ къ нему, лѣтъ шестнадцать тому назадъ, М. Е. Салтыковъ: онъ все еще привлекаетъ къ себѣ слишкомъ мало участниковъ изъ среды русскаго общества. Число его членовъ не превышаетъ пятисотъ, членскіе взносы составляютъ едва десятую часть его дохода. Какъ объяснить это равнодушіе къ дѣлу, близкому, по своей цѣли, для всякаго образованнаго человѣка? Указывалось, иногда, на слишкомъ однородный составъ комитета, пополняемаго, будто бы, исключительно изъ рядовъ одного литературнаго направленія — но этимъ указаніямъ каждый разъ были противопоставляемы факты, не оставляющіе сомнѣнія въ томъ, что въ выборѣ членовъ комитета партійныя соображенія не играютъ никакой роли. Если писатели извѣстнаго оттѣнка—или, лучше сказать, извѣстныхъ оттѣнковъ — сравнительно часто избираются въ комитетъ, то это зависитъ отъ того, что цѣлыя литературныя группы систематически уклоняются отъ участія въ фондѣ. Во главѣ фонда рѣдко стояли литераторы по профессіи: предсѣдателями его были, бо̀льшею частью, или профессора, или лица, достигшія высокаго служебнаго положенія (назовемъ, изъ числа умершихъ, Е. П. Ковалевскаго, Я. К. Грота, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго). Каковъ бы ни былъ, притомъ, составъ комитета, его рѣшенія постановляются не подъ вліяніемъ партійныхъ симпатій и антипатій; это удостовѣряли неоднократно ревизіонныя коммиссіи, это обнаруживалось каждый разъ, когда въ печати появлялось какое-нибудь опредѣленное обвиненіе, противъ котораго можно было представить столь же опредѣленныя возраженія. Неосновательными оказывались и упреки болѣе общаго свойства — напримѣръ, въ выдачѣ слишкомъ незначительныхъ пособій, въ слишкомъ требовательной или, наоборотъ, слишкомъ снисходительной оцѣнкѣ условій, дающихъ право на помощь фонда. Упорныхъ противниковъ фонда болѣе близкое знакомство съ его дѣятельностью нерѣдко обращало въ ревностныхъ его сторонниковъ. Мы указывали когда-то на примѣръ Г. З. Елисеева, подвергшаго фондъ, въ 1876 г., довольно рѣзкой критикѣ, а лѣтъ пятнадцать спустя завѣщавшаго ему почти все свое состояніе; теперь мы можемъ сослаться на другой аналогичный фактъ— на завѣщаніе, составленное въ пользу фонда В. О. Михневичемъ, который въ 1894 г. напечаталъ въ „Новостяхъ“ цѣлый обвинительный актъ противъ образа дѣйствій комитета. Нельзя не признать, однако, что повторяющіяся отъ времени до времени враждебныя выходки противъ фонда вредятъ его успѣшному развитію — вредятъ именно потому, что не всегда допускаютъ подробное опроверженіе. Имена лицъ, которымъ помогаетъ фондъ, должны храниться въ тайнѣ; кромѣ коми-

тета, ихъ знаетъ только ревизіонная коммиссія. Въ отвѣтахъ на упреки, обращаемые къ комитету, многое, поэтому, остается невыясненнымъ. Между тѣмъ, большинство всегда и вездѣ болѣе расположено вѣрить дурному, чѣмъ хорошему; къ обвиненію оно всегда прислушивается охотнѣе, чѣмъ къ защитѣ. Предубѣжденіе противъ фонда подхватывается и усвоивается тѣмъ охотнѣе, что оно даетъ удобный предлогъ къ освобожденію себя отъ обязанностей передъ фондомъ. Гораздо легче сказать себѣ: „я не хочу быть членомъ фонда, потому что управленіе имъ находится въ неумѣлыхъ рукахъ", чѣмъ откровенно признаться въ равнодушіи къ цѣлямъ фонда или въ нежеланіи оказать ему матеріальную поддержку. Весьма прискорбно, поэтому, всякое новое нападеніе на фондъ, особенно если оно идетъ изъ среды самихъ писателей. Мы узнаемъ изъ „Сѣвернаго Курьера" (№ 59), что въ собраніи литераторовъ, происходившемъ 27-го минувшаго декабря, высказано было „горькое сожалѣніе" о томъ, что литературный фондъ, существующій для литераторовъ и состоящій, главнымъ образомъ, изъ литераторовъ, не счелъ нужнымъ предложить литераторамъ принять участіе въ праздновaніи своего сорокалѣтняго юбилея. Тотъ же ораторъ говорилъ объ омертвѣніи, косности, оффиціальности, безжизненности литературнаго фонда, въ которомъ до сихъ поръ не было мѣста реформамъ и преобразованіямъ, и на скучныя засѣданія котораго собирается иногда не болѣе 4-5 человѣкъ. Какъ мало этотъ новый обвинитель знакомъ съ предметомъ обвиненія, видно уже изъ того, что онъ считаетъ литературный фондъ состоящимъ преимущественно изъ литераторовъ. Это совершенно невѣрно: значительное большинство членовъ фонда связано съ литературой только сочувствіемъ и благодарностью. Фондъ — учрежденіе литературное по своему призванію, но не по своему составу. Доступъ къ нему открытъ для всякаго, желающаго способствовать его задачамъ; литературный цензъ требуется только отъ участвующихъ въ управленіи дѣлами фонда. Самое свойство этихъ дѣлъ сосредоточиваетъ ихъ всецѣло въ рукахъ комитета. Принципіальные вопросы, требующіе обсужденія въ общемъ собраніи, возникаютъ рѣдко; все сводится къ разрѣшенію отдѣльныхъ случаевъ, подробности которыхъ становятся извѣстными только ревизіонной коммиссіи; до свѣдѣнія общаго собранія доводятся только итоги дѣятельности комитета. При такомъ положеніи вещей, созданномъ необходимостью, между комитетомъ и членами фонда не можетъ быть того постояннаго, близкаго общенія, которое встрѣчается въ другихъ обществахъ; активная роль выпадаетъ почти исключительно на долю членовъ комитета и ревизіонныхъ коммиссій. Понятно, что только они и приняли участіе въ устройствѣ юбилейнаго обѣда (на общее собраніе, ему пред-

шествовавшее, были приглашены, конечно, всѣ члены общества). Понятно, также, что общія собранія, въ большинствѣ случаевъ, посѣщаются слабо: чтеніе отчетовъ, не идущихъ дальше перечня итоговъ, ни для кого не можетъ представлять большого интереса. Исключеніе изъ общаго правила составляетъ годовое собраніе (2-го февраля), въ которомъ выбираются новые члены комитета: число участвующихъ въ немъ достигаетъ, обыкновенно, нѣсколькихъ десятковъ. Если въ литературномъ фондѣ до сихъ поръ не происходило никакихъ преобразованій, то просто потому, что для нихъ не было повода. Свои прямыя задачи фондъ осуществляетъ успѣшно и при дѣйствіи нынѣшняго устава; онъ пользуется довѣріемъ жертвователей, постоянно увеличиваетъ свои средства и безъ труда находитъ работниковъ, готовыхъ посвящать ему свои силы. Это — не признаки „омертвѣнія, безжизненности и косности“. Конечно, и въ хорошо идущемъ дѣлѣ возможны улучшенія; но почему же недовольные устройствомъ или дѣятельностью фонда не выступаютъ съ опредѣленными предложеніями, намѣчающими сущность желательныхъ преобразованій? Если они — не члены фонда [1]), то что̀ же мѣшаетъ имъ вступить въ его среду и поднять, въ ближайшемъ общемъ собраніи, назрѣвшіе, по ихъ мнѣнію, вопросы? Примѣръ кассы взаимопомощи, учрежденной въ 1890 г. при литературномъ фондѣ, показываетъ съ полною ясностью, въ какомъ направленіи слѣдуетъ дѣйствовать тѣмъ, кого не удовлетворяютъ формы помощи, свойственныя литературному фонду. Рядомъ съ организаціей существующей есть мѣсто для другихъ, пополняющихъ ея пробѣлы — и если литературный фондъ убѣдится въ ихъ цѣлесообразности, онъ, конечно, не откажетъ въ содѣйствіи къ ихъ осуществленію, какъ не отказалъ въ немъ кассѣ взаимопомощи. Необходимо только имѣть въ виду, что при нынѣшнемъ общественномъ строѣ самое широкое развитіе *взаимопомощи* не можетъ устранить надобности въ *помощи со стороны*. Не даромъ же учрежденія, аналогичныя съ нашимъ литературнымъ фондомъ, существуютъ и въ такихъ странахъ, какъ Германія, Франція, Англія, при несравненно лучшихъ, чѣмъ у насъ, общихъ условіяхъ литературной профессіи.

---

[1]) Мы были очень удивлены, узнавъ, что ораторъ, произнесшій обвинительную рѣчь противъ фонда, не принадлежитъ къ числу его членовъ. Прежде, чѣмъ начинать походъ извнѣ, не лучше ли было бы попытаться провести свою мысль въ средѣ самаго учрежденія, котораго она касается?

Говоря, полгода тому назадъ [1]), объ учрежденіи въ составѣ второго отдѣленія Императорской академіи наукъ шести новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ, образующихъ разрядъ изящной словесности, мы выразили мысль, что этимъ путемъ не можетъ быть возстановлена вполнѣ, съ приспособленіемъ къ условіямъ настоящаго времени, упраздненная въ 1841 г. россійская академія. Признавая неудобство чрезмѣрнаго увеличенія *должностей*, соединенныхъ съ содержаніемъ и служебными правами, мы находили, что рядомъ съ академиками, занимающими штатныя должности, могли бы быть поставлены, подъ тѣмъ или инымъ наименованіемъ, другіе, не числящіеся на государственной службѣ и не пользующіеся ея преимуществами, но уполномоченные принимать участіе въ занятіяхъ разряда (*только* разряда, а не общаго собранія академіи). Въ этомъ именно смыслѣ составъ академіи пополненъ новыми правилами, Высочайше утвержденными 23-го декабря 1899-го года. Въ разрядъ изящной словесности, образующій одно нераздѣльное цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности (такъ называемымъ вторымъ отдѣленіемъ), включены, кромѣ дѣйствительныхъ членовъ, почетные академики и корреспонденты, избираемые изъ числа писателей-художниковъ и литературныхъ критиковъ. Выборъ ихъ производится, съ разрѣшенія президента академіи, въ соединенномъ собраніи дѣйствительныхъ членовъ отдѣленія и почетныхъ академиковъ, большинствомъ не менѣе двухъ-третей голосовъ, и считается окончательнымъ, т.-е. не требующимъ дальнѣйшаго утвержденія. Первые выборы въ почетные академики состоялись 8-го января: избраны К. Р., гр. Л. Н. Толстой, А. А. Потѣхинъ, В. Г. Короленко, А. П. Чеховъ, А. М. Жемчужниковъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Вл. С. Соловьевъ и А. Ѳ. Кони. Ежедневная печать отмѣтила уже, и совершенно справедливо, замѣчательное безпристрастіе этихъ выборовъ. Они создали прочную почву для успѣшной дѣятельности новаго учрежденія, призвавъ въ его составъ, независимо отъ „образа мыслей“, несомнѣнно выдающихся представителей литературнаго творчества. Можно сказать, не рискуя ошибкой, что съ выборомъ, сдѣланнымъ академіей, совпалъ бы, во всемъ или почти во всемъ, свободный выборъ русскаго образованнаго общества. Ограждена, насколько это у насъ возможно, и независимость почетныхъ академиковъ: не состоя, въ этомъ качествѣ, на государственной службѣ, они не нуждаются ни въ чьемъ утвержденіи и вступаютъ въ свои права въ силу самаго избранія. Они состоятъ непремѣнными членами коммиссій по присужденію Пушкинскихъ и другихъ премій за литературные труды, присутствуютъ (безъ права го-

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 7 „В. Европы“ за 1899 г., стр. 371—372.

лоса) въ засѣданіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности и участвуютъ въ выборѣ почетныхъ академиковъ и корреспондентовъ отдѣленія по разряду изящной словесности. Всѣмъ членамъ разряда (т.-е. какъ дѣйствительнымъ и почетнымъ академикамъ, такъ и корреспондентамъ) предоставляется собираться въ зданіи академіи для обсужденія вопросовъ, входящихъ въ область изящной словесности; предсѣдательство въ этихъ собраніяхъ принадлежитъ предсѣдательствующему въ отдѣленіи русскаго языка и словесности. Число почетныхъ академиковъ и корреспондентовъ не опредѣлено—и это совершенно правильно: лучше выждать указаній опыта. Только съ помощью опыта можно будетъ намѣтить точнѣе и программу занятій разряда. Ничто не мѣшаетъ ей раздвинуться въ ширину и глубину и обнять собою всѣ виды коллективной литературной работы.

За нѣсколько дней до обнародованія правилъ 23-го декабря умеръ писатель, которому безъ всякаго спора было бы отведено мѣсто въ средѣ почетныхъ академиковъ. Раннимъ произведеніямъ Д. В. Григоровича, относящимся къ крестьянскому быту, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ минуло полвѣка — но именно они, создавъ его извѣстность, продолжали и продолжаютъ составлять главную ея опору; выше ихъ нельзя поставить ничего изъ написаннаго имъ впослѣдствіи. Отсюда небольшая, сравнительно, сила впечатлѣнія, вызваннаго его смертью. Начавъ свою дѣятельность въ сороковыхъ годахъ, онъ имъ, и только имъ, былъ обязанъ своими лучшими вдохновеніями. Позднѣйшія теченія коснулись его лишь слегка; онъ отзывался только на менѣе важныя, случайныя ихъ стороны, изображая ихъ, притомъ, преимущественно внѣшними чертами. Изъ его крупныхъ романовъ всего болѣе цѣнны именно тѣ, въ которыхъ слышатся еще отголоски его юношескаго настроенія („Рыбаки“, „Переселенцы“). Его „Деревня“, его „Антонъ Горемыка“—не только замѣчательныя страницы въ исторіи русской литературы: это были *добрыя дѣла*, это былъ смѣлый, по условіямъ тогдашняго времени, призывъ къ справедливости и правдѣ. Совершенно понятно, что именно эти повѣсти Д. В. Григоровича были выдвинуты на первый планъ во всѣхъ его некрологахъ [1]).

Несравненно болѣе глубокій слѣдъ въ русской литературѣ и русскомъ обществѣ оставилъ старшій современникъ Григоровича—А. И. Герценъ, со времени смерти котораго недавно исполнилось тридцать лѣтъ. Въ многочисленныхъ газетныхъ статьяхъ, вызванныхъ этой го-

---

[1]) Наиболѣе выдающійся изъ нихъ принадлежитъ г. И. Игнатову и помѣщенъ въ № 3 „Русскихъ Вѣдомостей“.

довщиной, слышалось одно страстное желаніе—чтобы былъ снятъ запретъ, тяготѣющій надъ большею частью написаннаго Герценомъ. И дѣйствительно, для этого, кажется, давно наступило время. О Герценѣ давно уже говорятъ прямо и открыто: его стараются зачислить въ свою среду разныя партіи, въ немъ ищутъ точекъ опоры для противоположныхъ мнѣній—и значительная часть публики должна оставаться безучастной свидѣтельницей этихъ споровъ, потому что для нея недоступны—les pièces du procès, т.-е. сочиненія Герцена. Прошло уже почти двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ покойный Страховъ (въ первомъ томѣ „Борьбы съ Западомъ въ нашей литературѣ") въ первый разъ сдѣлалъ попытку изобразить Герцена чѣмъ-то въ родѣ славянофила — и она не только остается неопровергнутой, но повторяется, въ новыхъ формахъ, еще настойчивѣе, чѣмъ прежде. Пускай же будетъ снятъ покровъ, непроницаемый для однихъ, но совершенно прозрачный для другихъ; пускай будетъ дана возможность всѣмъ и каждому увидѣть, во всей ея полнотѣ, одну изъ самыхъ замѣчательныхъ фигуръ, созданныхъ русскою жизнью, и ознакомиться съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ и своеобразныхъ мастеровъ русскаго слова.

20-го января скончался въ Ниццѣ Ф. Ѳ. Павленковъ, почтенная дѣятельность котораго пользовалась заслуженною извѣстностью. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, онъ въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ основалъ въ Петербургѣ „Книжный магазинъ для иногородныхъ" и занялся книгоиздательствомъ, скоро остановленнымъ административной ссылкой: ему пришлось провести болѣе десяти лѣтъ въ Вяткѣ и въ Ялуторовскѣ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ продолжалъ свою издательскую дѣятельность, о характерѣ и размѣрахъ которой даетъ понятіе слѣдующій перечень выпущенныхъ имъ книгъ (заимствуемый нами изъ статьи г. П. Быкова въ № 8587 „Новаго Времени"): сочиненія Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Глѣба Успенскаго. Писарева, Шелгунова, Засодимскаго, Острогорскаго, Конради, Диккенса, Гюго, Сервантеса, Вальтеръ-Скотта, Андерсена, до двухсотъ книжекъ „Біографической библіотеки", до ста книжекъ „Сказочной библіотеки", серіи „Популярно-научной библіотеки", „Библіотеки полезныхъ знаній", „Популярно-юридической библіотеки", цѣлый рядъ переводныхъ сочиненій, начиная отъ Вундта и кончая Фламмаріономъ, „Исторія новѣйшей русской литературы", „Дешевый энциклопедическій словарь". Многія изъ этихъ изданій составляютъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе для русскаго образованнаго общества.

Наша хроника была уже закончена, когда въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

„Постигавшій въ послѣдніе годы нѣкоторыя губерніи Имперіи недородъ хлѣбовъ, помимо принятія правительствомъ соотвѣтственныхъ мѣръ къ облегченію народной нужды, вызывалъ стремленіе частныхъ лицъ придти на помощь бѣдствующему населенію, путемъ направленія въ пострадавшія отъ неурожая мѣстности пожертвованій, усиленія мѣстной врачебной помощи, устройства даровыхъ столовыхъ, временныхъ пріютовъ для дѣтей и т. п. Опытъ истекшихъ лѣтъ доказалъ, однако, что въ этомъ дѣлѣ мѣры частной благотворительности носили въ большинствѣ случаевъ характеръ случайный, тѣмъ болѣе, что проникавшія въ общество свѣдѣнія о положеніи той или иной мѣстности въ продовольственномъ отношеніи основывались почти исключительно на частныхъ слухахъ или газетныхъ сообщеніяхъ, не всегда правильныхъ и точныхъ. О мѣстностяхъ, дѣйствительно требовавшихъ въ данное время усиленной и неотложной благотворительной помощи, часто вовсе не имѣлось извѣстій и, наоборотъ, появлялись преувеличенныя сообщенія о нуждѣ въ мѣстностяхъ сравнительно благополучныхъ или получившихъ уже необходимое пособіе. Въ практикѣ встрѣчались случаи, когда въ подобнаго рода мѣстностяхъ жертвуемыя суммы стекались въ такомъ изобиліи, что или оставались неизрасходованными, или же расходовались безъ нужды, отвлекая населеніе отъ заработковъ и пріучая его къ мысли о возможности безъ всякаго труда разсчитывать на даровую помощь. Указанное нежелательное явленіе можетъ быть въ значительной степени устранено при условіи своевременнаго оглашенія вполнѣ установленныхъ оффиціальныхъ данныхъ о мѣстностяхъ, въ коихъ ощущается нужда, и о тѣхъ мѣрахъ воспособленія мѣстному населенію, которыя уже приняты на почвѣ правительственныхъ распоряженій и частной благотворительности. Въ этихъ видахъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сдѣлано распоряженіе о періодическомъ доставленіи подлежащими губернаторами вышеозначенныхъ данныхъ, подъ прямою отвѣтственностью губернскаго начальства за правильность и точность представляемыхъ имъ свѣдѣній".

Дальше идутъ данныя о бессарабской губерніи, гдѣ пострадало три уѣзда—аккерманскій, измаильскій и бендерскій, въ особенности первый. Помимо ассигновки ссудъ на сумму до 526 тыс. руб., въ аккерманскомъ уѣздѣ открыто, на благотворительныя средства (преимущественно — Краснаго Креста), 26 даровыхъ столовыхъ и организована трудовая помощь г-жами Шахматовой и Куцинской [1]). На до-

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 12 „В. Европы" за 1899 г.

рожныя работы въ томъ же уѣздѣ губернскому земству ассигновано въ ссуду 152 тыс. руб. Уѣзды измаильскій и бендерскій, кромѣ мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ, получаютъ первый—50 тыс. руб. изъ имперскаго, второй — 80 тыс. руб. изъ губернскаго продовольственнаго капитала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь. — Февраль. 1900.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая. — Февраль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Экономическій ростъ Европы, до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. II. М. М. Ковалевскаго. М. 900. Ц. 3 р.

Мы имѣли уже случай указать, по поводу выхода въ свѣтъ перваго тома, на этотъ солидный и серьезный трудъ М. М. Ковалевскаго; во второмъ томѣ авторъ останавливается на судьбѣ помѣстнаго владѣнія въ западной Европѣ, а именно, въ Англіи, Германіи, Италіи и Испаніи, во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, и затѣмъ переходитъ къ исторіи повсюднаго разложенія этого хозяйства, приведшаго къ освобожденію крестьянъ и уничтоженію крѣпостного права, причемъ исчезли и самые слѣды мірского владѣнія, подъ вліяніемъ экономическихъ ученій и крестьянскаго законодательства. Богатство собраннаго матеріала и всестороннее его освѣщеніе дѣлаютъ настоящій трудъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу предмета.

Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія, въ особенности же классическихъ гимназій. Я. Г. Гуревича. Спб. 900. Ц. 30 к.

Уже одно то обстоятельство, что авторъ имѣетъ позади себя опытъ 30-лѣтней педагогической дѣятельности—обращаетъ вниманіе на поданное имъ мнѣніе о вопросѣ, интересующемъ всѣхъ, кому дорога судьба поколѣній, идущихъ намъ на смѣну. Кромѣ того, онъ самъ руководитъ уже давно однимъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тридцать лѣтъ тому назадъ, совершилась также и послѣдняя реформа этого рода заведеній; такимъ образомъ, самъ авторъ лично былъ подготовленъ къ своей дѣятельности въ эпоху, предшествовавшую этой послѣдней реформѣ. Каковы же, по его весьма компетентному мнѣнію, результаты реформы начала 70-хъ годовъ? „Мы можемъ,—говоритъ онъ,—смѣло утверждать, что наши средне-учебныя заведенія не даютъ почти никакого общаго образованія"—а спеціальнаго отъ нихъ никто и не ожидаетъ. Въ виду такого приговора, авторъ не долженъ былъ бы опасаться отъ нашего времени „быстрой и коренной реформы всей системы средняго образованія"; гораздо болѣе опасно промедленіе—periculum in mora! Намъ кажется, что настоящее положеніе средне-учебнаго дѣла таково, что даже одно простое возвращеніе хотя бы къ Уваровскимъ гимназіямъ было бы уже значительнымъ успѣхомъ.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Эрн. Лависса и Альфр. Рамбо. Т. VI: Людовикъ XIV. 1643—1715. Перев. В. Невѣдомскаго. М. 99. Стр. 871. Ц. 3 р.

Новый выпускъ „Всеобщей исторіи" обнимаетъ собою вторую половину XVII-го столѣтія и начало XVIII-го,—время, извѣстное подъ именемъ вѣка Людовика XIV. Какъ и въ предъидущихъ выпускахъ, текстъ составляется цѣлымъ кружкомъ спеціалистовъ въ области исторіи, преимущественно профессоровъ Сорбонны и Collége de France. Русская исторія занимаетъ въ этомъ выпускѣ мѣсто почти исключительно по поводу „Сѣверной войны", а потому составитель этого отдѣла, проф. Рамбо, ограничился, изъ всей эпохи Петра В., отношеніями Россіи къ Швеціи и Турціи. Впрочемъ, весь этотъ трудъ могъ бы быть названъ справедливѣе исторіею Франціи, нежели всеобщей исторіей, такъ какъ другія государства занимаютъ въ ней второстепенное мѣсто, и ихъ исторія излагается эпизодически—насколько она могла имѣть отношеніе къ исторіи Франціи.

Сочиненія А. Луговаго. Томъ четвертый. Романы, повѣсти, разсказы. Спб. 1900 г. Стр. 574. Ц. 2 р. 50 к.

Дополнительный томъ къ сочиненіямъ г. Луговаго, вышедшимъ въ 1895 году, заключаетъ въ себѣ нѣсколько небольшихъ разсказовъ и крупный по объему романъ „колеблющихся настроеній", подъ заглавіемъ „Возвратъ". Симпатичный талантъ автора хорошо извѣстенъ читающей публикѣ и обезпечиваетъ ему самостоятельное мѣсто въ ряду современныхъ „идейныхъ" беллетристовъ. Г. Луговой вноситъ психологическій анализъ въ изображеніе тѣхъ сложныхъ сторонъ жизни, гдѣ общественные вопросы переплетаются съ личными; образчикомъ такого анализа можетъ служить разсказъ „Взятка", помѣщенный въ настоящемъ томѣ. Впрочемъ, повѣсти г. Луговаго вообще весьма интересны по своему содержанію.

Генералиссимусъ князь Суворовъ. А. Петрушевскаго. Спб. 900. Стр. 840. Ц. 4 р.

Авторъ доставилъ нашимъ читателямъ возможность ознакомиться, въ краткомъ очеркѣ, но въ существенныхъ чертахъ, съ содержаніемъ его біографіи кн. А. В. Суворова, извѣстной еще по первому ея изданію, которое нынѣ является, въ виду приближенія столѣтія со дня кончины нашего героя (6-го мая 1900 г.), совершенно переработаннымъ и дополненнымъ новѣйшими матеріалами, опубликованными со времени появленія въ свѣтъ перваго изданія, въ 1884 г. Къ новому изданію приложенъ портретъ и факсимиле Суворова.

Адресная Книга города С.-Петербурга на 1900 годъ. Составлена при содѣйствіи Городского Общественнаго Управленія, п. р. П. О. Яблонскаго. Спб. 99. Ц. 3 р.

Лѣтъ восемь тому назадъ, столичный городъ Петербургъ вовсе не имѣлъ никакого необходимаго пособія для всякаго рода справокъ и адресовъ, и какое за границею можно было давно найти въ каждомъ даже и незначительномъ городѣ; такого рода справочныя книги встрѣчались и въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ, напримѣръ въ Москвѣ, гдѣ „Адресъ-Календарь" съ давняго времени издавался Московскою Городскою Управою. По ея примѣру, и наша Городская Управа если не взяла на себя трудъ, то поддержала первый подобный частный почивъ, и въ 1891 году появилась въ первый разъ „Адресная Книга г. С.-Петербурга", при содѣйствіи городского общественнаго управленія. Вступивъ въ девятый годъ изданія, „Адресъ-Календарь" успѣлъ теперь выработать болѣе правильную систему распредѣленія частей и ихъ подраздѣленія на разряды, а въ какой мѣрѣ подробна его справочная часть, можно судить по одному объему самой книги, достигшей въ послѣднемъ изданіи до 5.400 страницъ, сверхъ плановъ города, по полицейскимъ частямъ, казенныхъ и частныхъ театровъ, цирка, общественныхъ и увеселительныхъ собраній и т. д.

въ 1900 г.

(Тридцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА
принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, на Моховой; въ магаз. „Русской Мысли“ и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются *исключительно* въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.